АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XVI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1960

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ
ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XVI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1960 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор
Д. С. Лихачев

Ответственный секретарь редакции
М. А. Салмина

ИССЛЕДОВАНИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

О реалистических тенденциях в древнерусской литературе

(XI—XV вв.)

1

Спор о времени сложения реализма как художественного метода литературы все еще не окончен: одни исследователи находят реализм уже у Гомера, другие предлагают этим термином определять лишь метод литературы XIX в., т. е. в русской литературе вести реализм от «Евгения Онегина». Несомненно, из этого спора вытекает все же одно: только в литературе XIX в., и прежде всего в жанре романа, «принцип исследования духовного мира человека во взаимосвязи с социально-исторической действительностью проводится от начала до конца — от отношения человека к действительности в целом до освещения роли каждой самой незначительной детали в его жизни, от объяснения того, что есть, до предугадывания того, что должно наступить».[1] Таким образом, только в литературе XIX в. вполне складывается реализм как метод словесно-художественного творчества.

Однако этим выводом еще не оспаривается тот факт, что в литературе предшествующих эпох проявлялись реалистические тенденции, подготовившие почву для выработки классического реализма XIX в. Эти тенденции отмечаются исследователями и в отдельных произведениях древнерусской литературы начиная с XI в. Необходимо сразу и со всей решительностью указать, что реалистические тенденции не привели ни в один из периодов русского средневековья к выработке цельного художественного метода, определяющего весь строй литературного произведения. Поэтому во избежание споров, которые так часто возникают из-за неточности применяемой терминологии, не следует прибегать к употреблению в исследованиях древнерусской литературы даже и таких условных терминов, как «средневековый реализм» или «стихийный реализм».[2] Речь

---

[1] Б. И. Бурсов. О национальном своеобразии и мировом значении русской классической литературы. (Статья вторая). — Русская литература. Л., 1958, № 2, стр. 21.

[2] Термин «средневековый реализм» был предложен в 1949 г. И. П. Ереминым для определения одного из способов изображения жизни в летописи XII в., однако в цитируемой ниже статье 1958 г. (см. прим. 6 настоящей статьи) им же и отвергнут (стр. 76). «Стихийный реализм (вернее натурализм)», по мнению Д. С. Лихачева, — это «точная запись происходящего» в документе, с какой мы встречаемся в записях «непосредственных и непретенциозных рассказов свидетелей во все времена». Но поскольку такие записи — еще не литература, а лишь материал для нее, их не следует, с моей точки зрения, определять литературоведческим термином. (См.: Д. С. Лиха-

в дальнейшем будет идти лишь об отдельных проявлениях в литературе XI—XVI вв. реалистического отношения к изображаемым жизненным явлениям и об отдельных элементах их реалистического художественного воспроизведения, содействовавших, хотя бы и в закономерно ограниченных рамках, познанию действительности.

Основание для выделения реалистических элементов в литературе XI—XVII вв. в настоящее время иногда оспаривается, поэтому возникает потребность глубже пересмотреть вопрос о том, действительно ли нереалистический метод древнерусской литературы иногда нарушается писателями и в изложение врываются реалистические эпизоды и какова их художественная природа.

Подводя итог своим наблюдениям и заключениям своих предшественников, Д. С. Лихачев [3] назвал «реалистическими элементами» или «реалистическими тенденциями» древнерусской литературы ту часть ее «художественно-познавательных открытий», которые углубляют «отношение писателя к миру», совершенствуют «его художественный метод и формы воздействия на действительность». Рост этих реалистических тенденций в области изображения внутреннего мира человека и его отношения к окружающей среде, в приемах описания русского быта и национального пейзажа происходил «далеко не мирным путем», однако к XVII в. обнаруживаются уже такие достижения в этой области, которые, «пройдя через разные литературные направления XVIII и начала XIX века, получили дальнейшее развитие в реализме (имеется в виду классический реализм, утвержденный в русской литературе Пушкиным, — *В. А.-П.*). Элементы эти, конечно, были еще крайне далеки от того, чтобы сложиться в единый реалистический метод. Накапливаясь в литературе — и прежде всего в ее прогрессивной части — они сделали возможным появление литературных направлений XVIII и начала XIX века: классицизма, сентиментализма, романтизма, а затем уже и реализма».

Такое широкое понимание реалистических тенденций литератур, предшествующих литературе классического реализма, поддержал во время дискуссии о реализме В. М. Жирмунский, пояснив, что термин «реалистические тенденции» (и даже термин «реализм») следует лишь употреблять «не абстрактно, не как номенклатурную этикетку или бессодержательную похвальную оценку; необходимо ставить перед собой вопрос, в чем специфические особенности реалистического познания действительности на данной ступени исторического развития искусства или литературы».[4]

Присоединяясь к тем литературоведам, которые предлагают применять не только термин «реализм», но и определение «реалистический» лишь к «методу словесно-художественного творчества» XIX в., В. В. Виноградов подвергает сомнению правомерность ряда заключений литературоведов и фольклористов о реалистических тенденциях, реалистических элементах русской литературы и народной поэзии XI—XVII вв.[5]

Спор о том, существуют ли в древнерусской литературе реалистические элементы, обострился в последнее время именно потому, что самый термин вызывает у критиков только одну ассоциацию — с литературой классиче-

---

чев. К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе. — Русская литература, 1958, № 2, стр. 7.

[3] Д. С. Лихачев. У предыстоков реализма русской литературы. — ВЛ, М., 1957, № 1, стр. 73—86.

[4] В. Жирмунский. Споры о реализме. — ВЛ, 1957, № 6, стр. 54—55. — На близкой точке зрения стоит в данном вопросе В. Асмус (ВЛ, 1957, № 5, стр. 83).

[5] В. В. Виноградов. Реализм и развитие русского литературного языка. — ВЛ, 1957, № 9, стр. 16—27.

ского реализма. Даже в специальной статье И. П. Еремина, посвященной вопросу о художественной специфике древнерусской литературы,[6] термин медиевистов «элементы реалистического изображения» связывается только с этой ассоциацией: «Одно указание на то, в чем древнерусская литература совпадает с литературой нового времени, — совпадает, кстати сказать, чисто внешним образом, — без учета коренных различий между ними, может породить независимо от субъективных намерений исследователя ошибочное представление о ней, как о литературе, не имеющей своего собственного художественного лица, привести нас к отрицанию ее качественного своеобразия. Если древнерусскую литературу только за то и ценить, что она якобы обладает некоторыми достоинствами Тургенева и Гончарова, она неизбежно предстанет перед нами в обедненном виде, как „реализм", но на раннем, младенческом этапе своего развития, как его несовершенная праформа — не более того» (стр. 78).

В этой горячей защите художественного своеобразия древнерусской литературы многое правильно, однако медиевисты, указывающие на наличие реалистических элементов в древнерусской литературе, настойчиво напоминают всегда, что между реалистичностью отдельных сторон изображения и реализмом литературы нового времени существует принципиальная разница. «Некоторые достоинства Тургенева и Гончарова» в них никто не стремится обнаружить, а уж тем более никто не предлагает «ценить древнерусскую литературу» только за ее реалистические элементы. Может быть, пылкость, с какой И. П. Еремин восстает против кажущейся ему излишне высокой оценки значения реалистических элементов древнерусской литературы проистекает из того, что сам он их явно недооценивает, отожествляя ошибочно их содержание с реалиями: «Изображение разного рода реалий действительно занимало в древнерусской литературе значительное место и часто достигало редкой даже на современный взгляд конкретности» (стр. 77), — пишет И. П. Еремин.

Позиция, занятая в споре о реалистических элементах древнерусской литературы таким видным специалистом, как И. П. Еремин, убедительно показывает, что в исследованиях медиевистов нет еще достаточно развернутого анализа самого существа этих элементов, не выяснены причины их появления внутри текста, построенного по «системе только ей (древнерусской литературе, — *В. А.-П.*) свойственных художественных принципов» (стр. 78), не определены функции их. Вот почему, ни в малой степени не стремясь «подтянуть» к реализму XIX в. особенности реалистического способа познания действительности, вырабатывавшегося в разных жанрах древнерусской литературы, исследователи должны глубже раскрыть своеобразие этих особенностей, показать постепенное, в борьбе осуществлявшееся расширение возможностей реалистического способа изображения, накопление в древнерусской литературе художественного опыта («питательных соков» в определении Белинского), вырастившего через литературу XVIII в. реализм Пушкина.

Исследованию места реалистических элементов в историко-литературном процессе должно быть уделено серьезное внимание не для того, чтобы «радоваться, найдя в произведении средневекового художника либо поэта правдивую, выразительную сценку, живую зарисовку»,[7] а для того, чтобы представить их как ступень в развитии художественного познания действи-

---

[6] И. Еремин. О художественной специфике древнерусской литературы. — Русская литература, 1958, № 1, стр. 75—82. (В дальнейшем в скобках указываются страницы этой статьи).

[7] В. Асмус. Споры о реализме. — ВЛ, 1957, № 5, стр. 83.

тельности от его несовершенных форм к высокому реализму XIX в. Не задаваясь целью так широко и глубоко исследовать в настоящей статье весь материал древнерусской литературы, характеризующий развитие в ней реалистических тенденций, мы остановимся по преимуществу на реалистических элементах литературы до XV в. включительно. Это представляется особенно своевременным потому, что в предложенном И. П. Ереминым в названной статье опыте обобщающей характеристики «художественной специфики древнерусской литературы», построенном «на материале преимущественно произведений XI—XIII веков, где художественные особенности древнерусской литературы выступают в наиболее чистом и беспримесном виде» (стр. 75), на наш взгляд, недостаточно учтено значение реалистических элементов даже в литературе старшего периода.

*

Характеризуя «два основных способа изображения жизни», свойственные древнерусской литературе, И. П. Еремин определял первый как изображение жизни «какая она есть», задача этого способа «с наибольшей достоверностью воспроизвести единичные факты действительности»; второй способ «отражал не действительность, а порожденные ею идеалы» методом «идеального преображения жизни». Первый способ «добывал ценности познавательные; второй — не только познавательные, но и эстетические». Первым создавалась «проза», вторым — «поэзия», которая только и открывала «древнерусской литературе выход на широкие просторы искусства» (стр. 76, 78, 81). Однако в эту схему трудно вложить не только отдельные эпизоды ряда литературных произведений, но порою и целые ее памятники.[8]

Чрезмерная схематизация опасна в каждой области знания: она может привести к тому, что за схемой исчезнет представление о живом процессе развития во всей его сложности и противоречивости. Попытка «художественную специфику» древнерусской литературы вместить в предложенную И. П. Ереминым схему не только обедняет наше представление о реальном литературном процессе XI—XVII вв., но она к тому же отрывает этот период истории русской литературы от всего ее дальнейшего развития. Перед читателем не может не встать вопрос: а что же в этой «художественной специфике» предвещало тот блестящий путь, который выведет русскую литературу в XIX в. на передовую линию всей мировой литературы? Вот почему желание исследователя найти в литературе прошлого семена, из которых вырастут со временем прекрасные сады национального искусства слова, вполне законно и ни в малой мере не препятствует определению своеобразия литературных явлений именно данного периода. Это желание побуждает глубже вникнуть в ткань каждого литературного произведения, пристальнее вглядеться в то, как соотносится в нем жизненный факт и его словесное воспроизведение, где писатель остается в пределах этого жизненного факта, где и как он искусством слова помогает наглядному его восприятию, где и как за поступками человека он обнаруживает перед нами его внутренний мир, какими литературными средствами он, в меру своих сил, помогает читателю не только узнать о событии, но и познать его смысл и значение. Среди этих собственно литературных, т. е. художественных, средств первостепенное значение имеет та группа их, в которой раскрываются реалистические тенденции древнерусских писателей. Изуче-

[8] Возражения по поводу этой схемы даны мной в статье «Об основах художественного метода древнерусской литературы» (Русская литература, 1958, № 4, стр. 61—70).

ние ее с особой наглядностью показывает, как проявлялась художественность изложения в памятниках, имевших даже прямое деловое назначение, другими словами — как письменность превращалась в художественную литературу. Само собой разумеется, что не только реалистические элементы свидетельствовали об этом нарастании художественности — изучению подлежат и все те способы, какими осуществлялось в древнерусской литературе «идеальное преображение жизни». Среди них, возможно, также обнаружатся не только специфичные лишь для феодального периода, но и такие, которые при всем своем своеобразии чем-то предвещают в будущем новые литературные направления. В настоящей статье речь пойдет только о проявлении реалистических тенденций в художественных элементах различных памятников XI—XV вв., изображающих и жизнь «какая она есть», и идеально преображенный мир.

Практически-нормативная, т. е. по существу деловая, функция древнерусской литературы, полностью исходившая от требования жизни, вынуждала временами писателя не ограничиваться изображением идеальной нормы поведения и выходить за рамки воспроизведения «с наибольшей достоверностью единичных фактов действительности», «строго документального изложения» (стр. 76), «чисто эмпирической констатации единичных фактов в их поверхностной взаимосвязи» (стр. 77). В этом определении И. П. Еремина учтен только один вид «достоверности» — достоверность документа, в точности воспроизводящего реально существующий факт, действительно совершившееся событие, то, что К. А. Федин в своих «Литературных беседах» назвал воспроизведением жизненных фактов, неспособным передать «правду жизни», воплотить «действительность в образе», привести к «познанию развития действительности».[9] Между тем искусство слова знает и другой вид «достоверности» — когда художественный вымысел раскрывает внутренний смысл реального факта, события, психологию реально существовавшего лица, когда жизненно правдиво изображается то, что могло быть, хотя в действительности именно так и не происходило. Только на этом пути «создания образов, буквально — воображаемых картин, рисующих нам как бы квинтэссенцию действительности, или правду жизни», со временем вырастет мастерство «типизации явлений»,[10] т. е. реалистический метод.

Когда жизнь ставила перед древнерусским писателем особо серьезную задачу — общественно-политического или морального характера, он стремился наиболее убедительными средствами выражения привести читателя к своей точке зрения на описываемое событие и его участников, приблизить к жизни идеально преображенный образ. В таких случаях писатель, рисуя жизнь «какая она есть», стремился не просто точно («с протокольной точностью»), но и художественно правдиво воспроизвести ход событий, раскрыть хотя бы основное в психологии их участников, сделать изображение воздействующим и на сознание и на эмоции читателя, способствующим усвоению им авторской оценки. С той же целью — самым способом изображения подчинить сознание читателя своему идейному замыслу — писатель иногда индивидуализировал характеристику героя, построенную методом идеального преображения жизни, вводил в нее реальные исторические черты, приближал к конкретной исторической действительности.

Такие отступления от обоих «основных методов изображения жизни» мы наблюдаем в каждом из выработавшихся в древнерусской литературе

[9] Конст. Федин. Писатель. Искусство. Время. «Советский писатель», М., 1957, стр. 371.
[10] Там же, стр. 371—372.

стилей: в «деловом» — «документальном» стиле летописи появляются повести о феодальных преступлениях, разработанные описания последних дней, а иногда и часов жизни выдающихся чем-либо князей, наиболее примечательных событий их княжений, воинских эпизодов; в житийном стиле автор подчеркивает святость своего героя, рисуя его столкновение с особо противоречащей христианскому идеалу действительностью — в таких случаях описание этой действительности становится не документально «достоверным», но художественно правдивым; лучшие примеры художественно правдивого изображения жизни в героическом стиле дает «Слово о полку Игореве»; в дидактической литературе основная — нормативная задача побуждает предостерегать читателя яркими картинами «греховной» жизни и т. д.

Наблюдая во всех такого рода эпизодах наличие художественно правдивого, сделанного не без участия художественного вымысла изображения действительности, которое воздействует на читателя самой выразительностью описания, умелым подбором сильных деталей, не только точностью, но и эмоциональностью, исследователи усматривают в этом способе литературного изложения проявление реалистических тенденций древнерусской литературы.

Термин «реалистический» в этом определении не соотносится с понятием реализма как литературного направления XIX в., а лишь противопоставляет эти тенденции идеалистическим в целом художественным системам средневекового искусства, с одной стороны, и «документальному» отражению реальности жизни — с другой.

Напомним, что и историки древнерусского изобразительного искусства одной из важнейших своих задач полагают «вскрыть в культовых по своему назначению произведениях, созданных кистью древнерусских художников, те народные черты, которые неизменно проникали в мир религиозных представлений и которые способствовали смягчению средневекового аскетизма».

Эти народные черты историки искусства вели от тех «крепких славянских художественных традиций», начало которых коренится в «художественной культуре славянских племен и в искусстве античного и скифского Причерноморья» и которые обусловили «творческую переработку заносных греческих форм и своеобразие древнейших памятников русского монументального искусства».[11] Эти «народные черты» историки искусства определяют как «реалистические», «здоровые реалистические черты», «реалистические детали» или «мотивы», следующим образом характеризуя их содержание: «... здоровое ощущение реальности, острая наблюдательность, живой юмор, тонкое поэтическое чувство. Они способствовали ослаблению насаждаемого церковью аскетизма, помогали творческой переработке византийского наследия в направлении более широкого приятия мира». Эти «народные», или «реалистические», черты противостояли «канонической системе мышления»,[12] т. е. системе идеалистической. Внесение их в рамки религиозно-легендарных сюжетов опиралось не только на народную традицию, но и на личную наблюдательность художника. Трудно, например, не согласиться с В. Н. Лазаревым, когда он пишет, что Андрей Рублев «берет краски для своей палитры не из традиционного цветового канона, а из окружающей его русской природы, красоту которой он, несомненно, чувствовал как никто другой».[13]

---

[11] История русского искусства, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 7.
[12] История русского искусства, т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954, стр. 384.
[13] История русского искусства, т. III. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 185.

2

Разберем несколько примеров тех художественно правдивых описаний прежде всего внутри летописного «документального» стиля, которые обычно именуются исследователями «реалистическими», конечно не в том смысле, в каком мы называем этим термином описания Тургенева, Гончарова и других писателей-реалистов XIX в.

Идеалистическая философия истории, учившая, что события жизни целых стран, народов и отдельных людей определяются «божиим предначертанием», не могла, однако, заставить полностью отказаться от попыток объяснить эти события и ближайшими причинами, найти виновников постигших страну бедствий или героев, защитивших ее, вникнуть в ход политической и классовой борьбы. Сама жизнь не позволяла покориться «воле» божества, как единственной движущей силе событий, звала на борьбу с выполнителями этой воли: с врагами, хотя бы и посланными богом на Русскую землю в наказание за грехи ее князей или народа, и с соседом-феодалом, хотя бы и действовавшим «по наущению сотоны», при попустительстве наказывающего божества. Всеобъемлющее объяснение всех событий государственной и личной жизни вмешательством божества не помогало активной борьбе, поэтому уже в старшем периоде историческое повествование выдвигает перед собой задачу в особо значительные исторические моменты раскрыть современникам и воспроизвести в назидание потомкам реальный ход событий, насколько, разумеется, это было доступно сознанию той эпохи, внушить читателям оценки, которые руководили бы их действиями в направлении, соответствующем идейной позиции автора.

Напомню, что летописцы, под пером которых слагался своеобразный исторический стиль, уже в XI в. обнаружили достаточно скептическое отношение к возможности объяснить все «нестроения» жизни одним вмешательством «сотоны», «беса», «дьявола». Уже под 1015 г., описывая первое феодальное преступление — убийство князя Бориса слугами Святополка, летописец хотя и называет их «слугами беса» («отьц же их сотона»), который «на зълое всегда ловит» человека, однако тут же добавляет: «Зъл же чловек, тъшася на зълое, хужь есть беса: беси бо бога бояться, а зъл человек ни бога боиться, ни чловек ся стыдить; беси бо крьста ся боять господьня, а зъл чловек ни крьста ся боить». Такие размышления вели к попыткам в самой жизни, а не за ее пределами, искать объяснения происходящих событий, всматриваться во внутренний мир людей, участвующих в них, давать им свои оценки, внушать мысль, что не один «сотона», а и сами люди бывают виновниками междоусобий, распрей, насилий и преступлений, от которых может «погыбнуть Русьская земля», и не одна «божья воля», но и мужество и мудрость человека помогут защитить родину от врагов и «устроить» ее.

Так в господствующем идеалистическом мировоззрении начинают проявляться черты реалистического типа исторического мышления, которые находят свое отражение и в самом способе изображения фактов реальной жизни.[14] В историческом повествовании рядом с рассказами,

---

[14] Б. И. Бурсов в статье «О национальном своеобразии и мировом значении русской классической литературы. (Статья вторая)» (стр. 20) предлагает усматривать в «реализме как типе художественного мышления» предшественника «реализма» как «метода раскрытия связей человека и окружающей его социально-исторической действительности». Шекспир и Сервантес, по мнению Б. И. Бурсова, «впервые в истории мирового искусства стали изображать реальный мир как не имеющий другого значения,

жизненная правдивость которых была результатом не «реалистичности литературы, а реальности самой жизни, как бы перенесенной в литературу»,[15] появляются эпизоды, созданные при участии художественного вымысла и тем не менее жизненно правдивые, воздействующие на читателя не только исторической достоверностью изображения, но и художественной его убедительностью.

Наиболее яркий из старших примеров появления внутри «документального» текста летописи рассказа, в котором обнаруживаются элементы художественно правдивого описания событий, представляет помещенный под 1097 г. рассказ попа Василия об ослеплении князя теребовльского Василька.[16]

«Лирическая стихия», т. е. авторская оценка, выражается в этом рассказе разными способами, действенными для древнерусского читателя. Прежде всего, отдавая дань обязательному религиозно-философскому осмыслению этого феодального преступления, автор изображает виновников его действующими по наущению дьявола. Так, с самого начала выясняется резко отрицательная оценка их автором: «Сотона влезе в сердце некотором мужем» Давыда, и они оклеветали Василька «лживыми словесы». Этой ссылкой на козни «сотоны» — виновника клеветы на Василька, ограничивается дань летописца официальной идеологии. Весь дальнейший рассказ раскрывает поведение конкретных виновников преступления, их жестокость, нарушение клятвы. Этот рассказ, с его вполне реалистической оценкой возможных гибельных последствий для всей Русской земли возобновившихся междукняжеских распрей («да аще сего не поправим, то большее зло встанеть в нас и начьнеть брат брата закалати и погыбнеть земля Русьская и врази наши, половьци, пришьдъше възьмуть землю Русьскую», — говорит Владимир Мономах князьям), показывает, как далек его автор от намерения раскрыть лишь «ближайшие поводы» данного события, «не углубляясь в специальный его анализ» (стр. 76).

Связав начало новой смуты между князьями с кознями «сотоны», автор сразу настроил читателей на свое отношение к преступлению князей.

Этим отношением обусловлен и способ изображения главного, по мнению автора, виновника ослепления Василька — князя Давыда. Шаг за шагом описывая, как склонял он Святополка поверить в злые умыслы Василька, автор самым подбором глаголов, определяющих действия и настроения Давыда, подсказывает свою оценку его поведения. Давыд «прельсти» своего сообщника, он «лесть коваше» на Василька, «нача поостривати» Святополка на ослепление; Давыд сидел рядом с Васильком «аки нем», не было в нем «гласа и ни послушанья, бе бо ужаслъся и

как самому себе равный и управляющийся силами, находящимися в нем самом, а человеческую личность — как полностью предоставленную самой себе и опирающуюся во всем только на свои собственные решения и действия». Однако если в творчестве Шекспира и Сервантеса «реализм как тип художественного мышления» действительно впервые получил свое законченное выражение, то путь к его выработке был длительным и опыт его накапливался на Западе еще в городской новелле XII—XIII вв. с ее реалистическими тенденциями.

[15] Д. С. Лихачев. К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе, стр. 7.

[16] ПСРЛ, т. II (Ипатьевская летопись). СПб., 1908, стлб. 231 и сл. — Хотя И. П. Еремин и отмечает, что этот рассказ «почти с осязаемой наглядностью дает представление о жизни своего времени» (стр. 76), однако и к нему он относит свое определение метода изображения жизни «какая она есть», имеющего лишь познавательное, но не эстетическое значение, тем самым исключая этот образец «прозы» из области литературы как искусства.

лесть имея в сердце»; уже ослепленного Василька Давыд держит под стражей «яко зверь уловил», с гневным презрением замечает автор.

Осуждение преступления Давыда и Святополка передается и через описание впечатления, какое рассказ о нем произвел на других князей. Владимир Мономах «ужасеся и въсплакася велми»; Давид и Олег Святославичи «печална быста велми и начаста плакатися». Владимир обратился к князьям с речью-предупреждением об угрожающих последствиях распри для Русской земли.

Однако не только таким прямым способом, через соответствующую оценочную лексику, автор передает свое отношение к изображаемому. Он стремится внушить это отношение читателю и через такой рассказ о пострадавшем князе, который пробудил бы сострадание к нему и гнев против его врагов уже без прямой подсказки, самим выразительным описанием верности Василька присяге, его казни и мучительной поездки во Владимир Волынский князя, потерявшего сознание после ослепления. Реалистические тенденции автора нашли свое выражение именно в этих сторонах повести, когда он перестает напоминать о «сотоне» и всю вину за преступление возлагает на действительных его участников — князей.

Глубокое сочувствие Васильку подчеркивается тем, что автор изображает его верным крестному целованию, отклоняющим предупреждения «отроков», которые заподозрили заговор против своего князя. Василько едет «на княжь двор в мале дружине», без охраны, которая могла бы его защитить, «помышляя: како мя хотять яти, оногды целовали крест. . .». Итак, автор, не ограничиваясь «эмпирической констатацией фактов», ведет читателя даже в «помыслы» своего героя, чтобы возбудить уважение к Васильку, верному присяге, противопоставив его нарушителям клятвы.

Особый интерес вызывает вопрос о том, на чьих показаниях построено обстоятельное описание самого ослепления, свидетелем которого автор не мог быть. Некоторые подробности мог рассказать сам Василько. Например, он мог запомнить, что в «ыстобке малой», куда его ввели, привезя в Звенигород, сидел «Торчин», который «остряше нож», что затем вошли два конюха. Но дальнейшее — описание борьбы с сильным князем, того, как дважды снимали с печи доски, как «перси троскотали», когда на концы досок садились четверо слуг Давыда и Святополка, как трижды «уверте» нож «Торчин» в «зеницы», пока не изъял обе, — в связном рассказе восстановлено по отдельным частностям автором, вероятно не все узнавшим от пострадавшего. До того ли ему было, чтобы запоминать всю картину, когда у него «троскотали перси», а кровь заливала лицо? Предполагать же, что сами слуги рассказали подробно о том, как они зверски истязали Василька, нет оснований. Вероятно, автор, в общем зная, как происходили подобные казни, наглядно воспроизвел всю картину не без участия художественного домысла. «Правда жизни» передана здесь через «воображаемую» в отдельных частях картину.

Зачем же автору понадобилось с такими натуралистическими подробностями напоминать о жестокости слуг, боровшихся с могучим князем? Конечно, чтобы устрашить читателя, показать ему со всей наглядностью, к чему ведут иногда феодальные раздоры, как легко совершаются преступления и страдают невинные из-за одних «лживых словес». Можно думать, что не случайно дальше, в речах князей, оплакивающих Василька и ужасающихся вероломству Давыда и Святополка, для определения этого преступления, посеявшего вражду между князьями, дважды повторяется одна и та же метонимия: «зло» в том, что преступник «уверже в ны (братьев-князей, — *В. А.-П.*) нож». Эта метонимия не могла не заставить

читателя снова вспомнить всю сцену ослепления, начиная с того, как «Торчин» острил нож.[17]

Вся композиция рассказа о преступлении ясно выявляет авторское «я» — отношение писателя к изображаемому, которое диктует ему и отбор средств вплоть до лексики. Не «информационные цели», не «протокольная точность» определили в этом «достоверном» рассказе отбор материала.

Стремлением возбудить сочувствие к Васильку, действуя на эмоции читателя, продиктован и трогательный рассказ о том, как «в Звиждени городе» попадья, приняв лежащего без сознания Василька за мертвого, сняла с него «сорочьку кроваву», выстирав снова надела и оплакала его по обычаю как покойника. Придя в себя, Василько «пощюпа сорочки и рече: о чем есте сняли с мене, да бых в сей сорочци смерть приял и стал пред богом в кроваве сорочице». Действительно ли с такой точностью свидетели передали попу Василию этот драматический возглас ослепленного Василька? В самом ли деле первым движением очнувшегося князя было проверить, сохранилась ли на нем окровавленная «сорочица»? Вероятнее, что талантливый рассказчик если и не сочинил полностью, то во всяком случае художественно разработал этот эпизод, который не только рождал сочувствие к князю, но и напоминал о том, что за такие преступления виновники будут наказаны после смерти — угроза божьим судом для читателя того времени обладала большой силой воздействия.[18]

Как мы видели, рассказ об ослеплении Василька не ограничивается лишь документальной фиксацией фактов. Способ изображения главных участников события показывает, что здесь «человек... не растворился в калейдоскопе событий» (стр. 79), описанных автором, который стремился хотя бы в пределах этих событий раскрыть внутренний мир и Василька и его врагов. Давыд и Святополк наделены в этом рассказе каждому из них свойственными чертами: главный виновник, подстрекатель, умело разжигающий подозрения и страх, Давыд не похож на слабохарактерного, колеблющегося, не лишенного как будто и чувства справедливости Святополка. Обоим противостоит Василько, доверчиво идущий в стан врагов только потому, что он верен крестному целованию и не допускает в других способности так быстро нарушить его.

Дав читателю возможность заглянуть «в сердце» преступников, в «помыслы» Василька, в настроение князей, узнавших о совершившемся нарушении крестного целования, вызвав сочувствие к пострадавшему и страшной картиной казни и трогательным эпизодом на дороге, автор помог этому читателю осознать тяжелые последствия княжеских распрей из-за раздела феодальных владений. Это «познание действительности», конечно в пределах, доступных автору, передается таким изображением ее, которое воздействует художественностью. И хотя автор, человек своего времени, вместе с летописцем осмысливает феодальные междоусобия как «наущение дьявола» (решению Любечского снема были рады все люди,

---

[17] Эта метонимия встречается только в данном рассказе, и необычность ее обратила на себя внимание позднейшего переписчика, который заменил «нож» более привычным образом — «меч» (См.: Д. С. Лихачев. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве». — «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 58). Автор рассказа умело придал обобщенный смысл конкретному орудию данного преступления, и образ ввергнутого ножа стал вызывать представление не только об ослеплении Василька, но и о феодальной усобице вообще.

[18] Художественная сила этого последнего эпизода особенно ярко ощущается при сравнении с риторическим воззванием к будущему божьему суду, которое ввел Андрей Курбский, когда он, обличая Грозного, пишет, что «рукописание» с перечнем преступлений царя он завещает положить с ним в гроб, чтобы передать его высшему судье.

«токмо дьявол печален бяше в любви сей», и он-то и «влезе в сердце» первым клеветникам), однако он стремится показать и вину князей, жестокость их слуг, страдания Василька. Художественно выразительные элементы в его рассказе имеют целью углубить впечатление от преступления, заставить задуматься над тем, что обвинение не было доказано, — этому помешал Давыд, что князья совершили самосуд вопреки решению снема. Практическая, реальная задача повествования определила наличие в нем реалистических изобразительных средств, вполне отвечающих реалистической оценке преступления. В свете этой оценки ссылка в начале рассказа на козни «сотоны» представляется как бы обязательным элементом церковной историософии, которая не устраняет стремления найти истинных виновников преступления и предупредить о грозных его последствиях.

Не случайно именно это, одно из многих феодальных преступлений оказалось в летописи описанным с такой художественной убедительностью. В княжение Владимира Мономаха, когда делались попытки ослабить напряженность междукняжеских отношений, ввести их в законные нормы, подобный рассказ о нарушении этих норм выполнял важную практическую — публицистическую задачу.

Другой пример, когда в изложение, построенное по методу «идеального преображения жизни», врывается рассказ, обнаруживающий реалистические тенденции автора, представляет в летописи XII в. некролог-биография Андрея Боголюбского. Составитель киевского летописного свода 1200 г. (сохранившегося в Ипатьевской летописи под 1175 г.) построил этот некролог-биографию на основе двух совершенно различных по своему замыслу и литературному воплощению источников: в некролог Лаврентьевской летописи, сложенный в стиле житийно-панегирическом и дающий идеальный образ князя-мученика, подобного князьям Борису и Глебу, прославляемого именно за свой мученический подвиг, — киевлянин смело включил описание убийства Андрея, сделанное, видимо, на основе рассказа Кузьмища киянина, очевидца хотя и не самого убийства, но развернувшихся сразу после него событий.[19] Это описание, в полном противоречии с его житийным обрамлением, дает подлинный образ князя-самовластца, страстно до конца борющегося за жизнь. Сводчика-летописца не смутило это противоречие, он и не пытался его сгладить, сохранив в полной неприкосновенности яркое, реалистическое описание того, что произошло в княжеской ложнице, куда ворвались заговорщики. Кузьмище — горячий сторонник внутренней политики князя Андрея — сделал все, чтобы в его рассказе эти заговорщики (из числа изменивших князю его дружинников и местной знати) явились в самом неприглядном свете, а их жертва — Андрей — предстал сильным, мужественным самовластцем. Осудить одних, устыдить других и превознести своего князя — такова задача рассказчика. Однако к осуществлению ее он идет иным путем, чем его предшественник (чей житийный панегирик сохранился в Лаврентьевской летописи). Чем объясняется именно такое противопоставление действующих лиц? Не только тем, что Кузьмище — огорченный смертью доброго хозяина верный слуга, а его отношением к двум борющимся политическим сторонам. У врагов он выделяет худшее — неблагодарность, трусость и жестокость, у князя — силу, неустрашимость, правоту. Если бы то же событие описывал один из заговорщиков, можно быть уверенным, что выбор деталей рассказа и их освещение было бы иным. Но для задачи,

[19] В Лаврентьевской летописи после житийного панегирика под особым заглавием помещено очень краткое изложение этого рассказа.

стоявшей перед автором и поддержанной киевским летописцем через 25 лет, картина убийства должна была быть изображена именно так.

Автор, подобно попу Василию, в начале рассказа отдает дань обязательному изображению заговорщиков как действующих «дьяволим наученением», что не мешает ему задуматься о ближайшем поводе, толкнувшем врагов Андрея на преступление. Так борются в его изложении традиционная историософия и стремление в самой действительности найти причину всего происшедшего, т. е. реалистическая тенденция. Последняя берет верх, и к ссылкам на «сотону» автор не возвращается после того, как предупредил читателя, что «в медуше», куда объятые «страхом и трепетом» заговорщики пошли выпить для храбрости, «сотона веселяшеть е... и служа им невидимо поспевая и крепя е, яко же ся ему обещали бяхуть» (стлб. 586).

Что же в рассказе об убийстве можно рассматривать как точное воспроизведение действительности и какие его части представляются художественным домыслом, делающим картину более наглядной, а участников события — наделенными психологической характеристикой?

Кузьмище не видел, как заговорщики шли к княжеской ложнице; сами они вряд ли постарались сделать известным, что в «медушу» они зашли, чтобы преодолеть «страх и трепет». Эта деталь, подчеркивающая трусость заговорщиков, представляет собой удачный домысел автора, который и дальше продолжает поддерживать у читателя впечатление растерянности убийц, так спешивших, что в темноте они ранили «свои друг», преждевременно признали князя убитым, а потом, услышав его стоны, в ужасе воскликнули «погибохом». Такой же художественный домысел, создающий жизненно правдивую деталь рассказа, — жест Андрея, услышавшего, что враги «силою выломиша двери»: князь «въскочи, хоте взяти мечь». («И не бе ту меча», — добавляет автор то, о чем он, вероятно, узнал от ключника Амбала: «бе в том дни вынял Амбал ключник его, то бо мечь бяшеть святого Бориса»). Эта деталь особенно важна потому, что она сразу разрушает проводимое в житийной части некролога сопоставление Андрея с «братома благоумныма, святыма страстотерпцама», т. е. Борисом и Глебом: как известно, они не пытались сопротивляться убийцам. Итак, первым движением князя было схватить меч. Кто мог увидеть это движение и рассказать о нем Кузьмищу? Ведь в ложнице, как видно из дальнейшего описания, было настолько темно, что заговорщики били наугад, и, когда князь «поверже одиного под ся», убийцы «мневше князя повержена и уязвиша свой друг». Но этот жест нужен автору, изображающему князя-«самовластца», а не смиренного и покорного мученика. Тяжело раненный князь гневно обвиняет «нечестивых» убийц, уподобляет их «Горясеру» (убийце Глеба) и грозит местью: «бог отомьстить вы и мой хлеб» (стлб. 587). Истекающий кровью Андрей, когда враги, сочтя его мертвым, ушли, пытается спастись под сени. Вся эта сценка воссоздана воображением автора, узнавшего, что по следу крови, «въжегше свечи», убийцы нашли здесь Андрея. Так художественный домысел помогал воспроизвести картину убийства. Однако дальше автор вернулся к житийно-панегирическому стилю, в котором и выдержано описание последних минут жизни Андрея; его предсмертная покаянная молитва [20] возвращает читателя к образу князя-мученика.

В дальнейшем к художественной обработке реального исторического материала, снова вне рамок житийно-панегирического стиля, автор прибе-

[20] Д. С. Лихачев устанавливает связь этой молитвы с черниговским житием князя Игоря Ольговича (Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 243).

гает, строя на мотивах реально-исторических два своих «плача» над телом убитого князя.

Подобные реалистические эпизоды встречаются по преимуществу в тех частях летописи, где точное описание событий соединяется с выражением авторской оценки их, т. е. в собственно литературных разделах повествования. Включению в текст этих эпизодов не препятствуют ни общая точка зрения летописцев — осмысление всех событий исторической жизни вмешательством божества, которое посылает несчастья и допускает «козни дьявола» в наказание за грехи, а награждает за добродетель, ни проникновение «в прозу» достоверного изображения жизни «поэзии» идеального ее преображения.

Чем ярче выражена «лирическая стихия» исторического повествования, тем заметнее автор стремится передать свое отношение к изображаемому не только прямыми высказываниями своих оценок, но и самым способом изложения. Он подсказывает эти оценки и лексикой и таким наглядным изображением, которое само направляло бы к ним читателя, дополняет «виденное и слышанное» о данных фактах правдоподобным художественным вымыслом, восполняющим недостающие звенья рассказа, — и в этом сказываются реалистические тенденции писателя. Но тот же автор может дополнить свое изложение и элементами «поэзии», уводящей его в сторону от достоверности к идеалу, норме.

Нельзя отрицать, что вместе со всеми частями летописи, проникнутыми «лирической стихией», эти реалистические эпизоды имели не только познавательную, но и эстетическую ценность. Они, так же как и «поэзия», «открывали древнерусской литературе выход на широкие просторы искусства» (стр. 81), в них также накапливался опыт точного и вместе с тем художественного изображения действительности — событий и людей.

Житийный жанр по самой своей сущности, казалось бы, закрывал путь для проявления в нем реалистических тенденций: основная его задача — представить идеал христианского поведения, и потому метод «идеального преображения жизни» определяет здесь построение всего повествования. Однако уже в «классическом» образце житийной литературы XII в. — житии Феодосия Печерского[21] рядом с идеализированным образом подвижника, как бы подчеркивая его отрешенность от земных радостей, стоит портрет его матери, властно стремящейся всеми средствами, до насилия включительно, вернуть сына к «благам мира сего». Автору жития было, конечно, известно о том сопротивлении, какое встретил Феодосий в семье, когда начал жить уже с 13 лет по заветам христианства, «на труды подвижнее бывати» вместе с «рабами»; слышал он и о том, что Феодосий вынужден был тайно бежать из дому в монастырь. Однако в целом образ матери Феодосия умело воссоздан при участии художественного вымысла, который помог нарисовать яркий образ властной мужеподобной вдовы, борющейся с сыном. Этот образ находится в явном противоречии с традиционным типом матери святого, сложившимся в агиографии. Нестор начал изображать родителей Феодосия именно в духе традиции: «беста родителие святого в вере христианской живуща и всякым благочестием украшена» (стр. 22). Но затем он отходит от этой традиции, и на первый план в его рассказе выступает эгоизм материнской любви: этой любовью мать оправдывает жестокость, с какой она стремится навязать сыну свое отношение к жизни.

---

[21] Дмитро Абрамович. Києво-Печерський патерик. Пам'ятки мови та письменства давньої України, т. VI. Києві, 1931 (В дальнейшем в скобках указываются страницы этого издания).

Несколькими штрихами Нестор мастерски описал наружность матери, вполне соответствующую главной черте ее нрава: «бе бо телом крепка и сильна яко и муж; аще бо кто не видевь ея и слышав ю беседующу к нему, то мнев ю мужа суща» (стр. 24). Заметив склонность сына отказываться от «одежды светлой», от «игр со сверстьникы», трудиться «с всякым смирением», она сначала запрещает ему это, «молит» жить по ее правилам, потом, «от великия ярости» разгневавшись, сама бьет его. Нагнав «странных», с которыми юноша ушел из дому, мать «от ярости же и гнева многа имъши за власы и повръже его на землю и своима попираше ногама» (стр. 25). Дома она опять бьет сына, «дондеже изнеможе» (там же). Нестор показывает, как от жестоких наказаний («възложи на нозе его железа тяжка») мать «умилосердившися» переходит снова к мольбам, уверяет сына, что своим поведением он «укоризну» наносит «на род свой» (стр. 26).

Нестор не слышал то угрожающих, то умоляющих обращений матери к Феодосию, не был свидетелем приступов ее «ярости» — все это «воображаемые картины», и воссозданы они для того, чтобы оттенить непоколебимость юноши. Пусть в этих картинах есть какая-то доля преувеличения, но оно художественно оправдано стремлением автора поднять образ святого. Само же изображение матери, уверенной, что она из любви к сыну и из желания ему добра противодействует «овогда ласканием, овогда грозою» его наклонностям, жизненно правдиво, реалистично. И этой художественной убедительности не снижает то, что Нестор напоминает о ненавидящем «добра враге» — дьяволе, который, «видя себе побеждаема смирением» Феодосия, поднимает на него гонения матери. Так в рассказе Нестора рядом живут два способа изображения участников событий: господствует идеализирующий, преувеличивающий святость Феодосия и «ярость» его матери, и прорывается воспроизводящий творческим воображением автора «правду жизни», возвращающий читателя с высот христианского идеала к действительности.

Немало примеров художественно правдивых зарисовок сохранили нам и отдельные рассказы Киево-Печерского патерика. Б. А. Романов дал краткую, но вполне точную характеристику внутренней противоречивости самого изложения этого памятника: «Правда, „Патерик“ рассказывает о чудесах божиих и подвигах своих иноков с тем, чтобы поучать и поднять читателя выше его обыденного, среднего уровня. Но мимоходом, невзначай, и бытописует, даже рисует характеры».[22] Вот в этом «невзначай» и отражаются реалистические тенденции рассказчика, который хоть и не создает еще цельных характеров, однако умеет описать художественно правдиво отдельные психологические состояния, отдельные черты «нрава» человека. Приведу наиболее, на мой взгляд, яркий пример реалистического изображения человека в Киево-Печерском патерике — образ красавицы-вдовы в «слове 30 о преподобнем Моисии Угрине» (стр. 142—149).

Моисей Угрин, «крепок телом и красен лицем», — идеал целомудрия; захваченный в плен войсками Болеслава и приведенный в «Лядскую землю», он своей красотой зажег здесь страсть «въжделения» в сердце красавицы-вдовы, юной, богатой и знатной («имущи богатьство много и власть велию»). Автор воссоздает диалоги «жены», предлагающей Моисею свободу и свои богатства за любовь, и юноши, который на ее «лестные словеса» отвечает обличением ее «въжделения скврнаго». Страстным речам влюбленной «жены», готовой все отдать («не могу бо терпети красоты твоея, без ума погубляемы, да и сердечный пламень престанеть, по-

[22] Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси. Л., 1947, стр. 204.

жигая мя. Аз же отраду прииму помыслу моему, и почию от страсти, и ты убо, насладився моеа доброты, и господин всему стяжанию моему будеши и наследник моея власти и старейшина боляром»), Моисей противопоставляет похвалу «душевной чистоте, паче же и телесной». Настойчивая «жена» выкупает Моисея; рассчитывая, что теперь он будет в ее власти, она начинает «бестудне» привлекать его уже не только словами: «в многоценныа ризы его облъкъши и сладкыми брашны того кормяще и нуждением любовным того объемлющи, на свою похоть нудящи» (стр. 143). Когда соблазны не действуют, «жена» приходит «в ярость» и пытается «гладом уморити его». Рабы уговаривают Моисея покориться, но он тверд. Тогда «жена» снова начинает соблазнять его властью и богатством, потом грозит «по многых муках смерти» предать. Моисей тайно принимает монашество. «Отчаявшися своея надежа», «жена» «раны тяжкы възлагаеть на Моисеа». «Многу печаль имущи, како бы себе мьстити от срама», не будучи в силах преодолеть стойкость Моисея, «жена» жалуется князю Болеславу, тот безуспешно пытается убедить Моисея уступить. Последняя сцена искушения описана с такой наглядностью, ради которой рассказчик даже нарушил цельность образа Моисея. Обуреваемая страстью, «жена» однажды «повеле его нужею положити на одре своем с собою, лобызающи и обьимающи, но не може ни сею прелестию на свое желание привлещи его». И вот теперь Моисей, прежде отвечавший «жене» нравоучительными речами «от писания», забыл, что он монах, отбросил свое «смирение» и, словно отстаивая свою мужскую честь, оскорбил соблазнительницу: «въсуе труд твой, не мни бо мя яко безумна или не могуща сего дела сътворити, но страха ради божиа тебе гнушаюся яко нечисты» (стр. 147—148). За эту дерзость Моисей подвергся страшной казни по приказу мстившей женщины: «не пощажю сего доброты, да не насытяться инии его красоты» (стр. 148). Этот последний эпизод решительно нарушает тот житийный стиль, в каком выдержан был до сих пор портрет стойкого девственника, и вместе с тем дорисовывает до конца злобную мстительность страстной женщины. Реплика Моисея делает особенно реалистичной эту сцену искушения, заставившую даже смиренного монаха потерять терпение. Такую реплику, как и самую сцену, никто не мог ни слышать, ни видеть, чтобы потом «с протокольной точностью» ее описать, — художественный вымысел увел здесь автора от идеализирующего стиля и создал эпизод, правдиво отражающий жестокую действительность.

Даже в экспрессивно-эмоциональном стиле Епифания Премудрого можно встретить эпизоды, изложенные в ином «ключе» — имеющие целью воздействовать на читателя выразительным описанием самого факта, подчеркивающим в поведении действующих лиц то, что в данный момент считает необходимым выделить сам писатель. Так, чтобы оттенить разницу между «истинной верой», делающей Стефана Пермского смелым и непоколебимым, и лжеучением, в силу которого волхв и сам не до конца верит, — Епифаний дает красочную картину испытания двух вер. Это испытание они решили провести следующим образом: либо взявшись за руки, войти обоим сразу в огонь — кто уцелеет при этом, того и вера истинна, либо броситься в прорубь и выплыть в другую, выше по течению. Описание того, как Стефан понуждал волхва приступить к испытанию, сделано Епифанием с красочными реалистическими подробностями, подчеркивающими уверенность и настойчивость Стефана и испуг потерявшего веру в помощь своих богов волхва. Когда волхв не согласился начать испытание, устрашенный «шумом огненным», Стефан «ем, понужаа его, но и рукою яв за ризу волхва и крепко сжем ю, похващаще и́ и нудма влечаше и́ к огню очима. Чародеи же пакы вспять въспящащеся». Так трижды напрасно пы-

тался Стефан повести волхва в горящую «храмину». Волхв «пометая себе, биаше челом, и припадая к ногама его, обавляше вину сущую свою и немощь свою излагаа, суетство же и прелесть свою обличаа». Трижды пытался Стефан и в прорубь ввести волхва, он и «тамо побежен посрамися».[23]

Вероятно, Епифаний слышал предание об этом состязании Стефана с волхвом, однако, несомненно, своим творческим воображением он воспроизвел его подробности: жесты, даже взгляды, которыми Стефан уверенно «понужал» волхва идти в огонь, униженные просьбы испуганного волхва, его возглас («не деите мене да почию»), реплики Стефана, требования народа, оправдания волхва, который признается, что, согласившись на испытание, он надеялся «своими клюками преклюкати» Стефана. В этом эпизоде даже самое изложение теряет украшенность, становится простым, соответствующим реалистичности содержания.

Как видно из приведенных примеров, и историческое повествование и жития с помощью реалистических эпизодов делают более наглядными описания исторических событий, раскрывают внутренний мир их участников — также исторических лиц, во всяком случае воспринимаемых и авторами и читателями как исторические, действительно существовавшие. Творческое воображение писателей развивает здесь материал, относящийся к единичному факту, к определенному индивидуальному герою.

*

Иначе проявляется отход писателя от «протокольной точности» в изображении жизни «какая она есть», когда он дает широкое обобщение крупных исторических событий, разъясняя их смысл и значение. Особо яркие примеры такого обобщения оставил нам Серапион Владимирский, в «словах» которого тема татаро-монгольского нашествия и последовавшего за ним ига занимает ведущее место. Религиозно-дидактическая тенденция определяет изображение бедствий Русской земли Серапионом как наказания божьего за грехи ее людей, призывы отвести это наказание покаянием и обличение паствы в «беззаконьях». Но в самом описании того, что случилось с Русской землей и ее людьми, Серапион отходит от религиозной дидактики и мастерски обобщает главное — материальный и моральный ущерб, нанесенный нашествием и усугубляющийся насилиями завоевателей. Цель этого обобщения выходит далеко за рамки простого напоминания о «единичных фактах» действительности (стр. 76), но и не ведет автора к «идеальному преображению жизни» (стр. 79). Вспомним, как Серапион несколькими штрихами создал трагическую картину разоренной Руси: «Мьножайша же братья и чада наша в плен ведени быша; села наша лядиною поростоша, и величьство наше смерися; красота наша погыбе; богатьство наше онемь в користь бысть; труд наш погании наследоваша, земля наша иноплеменникомь в достояние бысть». Однако Серапион не только вызывает у слушателей чувство сожаления о погибшем, он стремится объяснить им моральные следствия поражения и воздействовать на их патриотическое чувство: «князий наших воевод крепость ищезе, храбрии наша страха наплъньшесе бежаша... в поношение быхом живущиим въскрай земля нашея: в посмех быхом врагом нашим».[24] Слушатели Серапиона могли вспомнить исполненные глубокой скорби слова автора «Слова

---

[23] Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1897, стр. 51—54.

[24] Е. Петухов. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888, Прибавление, стр. 8.

о погибели Русской земли», также писавшего после татаро-монгольского нашествия, воскрешавшие память о былой славе Русской земли, которой «покорено было богом» все, в широко очерченных автором границах, соседи которой то «твердяху каменыи городы железными вороты», то «радовахуся далече будучи за синим морем», то даже, как «жюр Мануил цесарегородский» «великыя дары посылаша» к Владимиру, «абы Цесаря города не взял».[25] Разными путями оба автора взывали к патриотизму русских людей: один трагической картиной гибели, другой рассказом о былом могуществе Русской земли. Скорбная интонация этого рассказа становится ощутимой, если сопоставить его с исполненной ликующего торжества славой русским князьям и Русской земле, прозвучавшей в устах митрополита Илариона: князья русские «мужьством же и храбръством прослушя в странах многах и победами и крепостию поминаются ныне и словут. Не в худе бо и не в неведоме земли владычьствоваша, но в Русской, яже ведома и слышима есть всеми концы земли».[26]

Перед нами три обобщенные картины «славы» и «погибели» Русской земли. Все они исторически верно отражают определенные этапы в ее жизни, вполне реалистически оценивая и международное значение Русского государства и его внутреннее состояние. Каждая из этих картин помогала читателю через художественное изображение «познать действительность», внушала определенную ее оценку и тем самым подсказывала линию поведения. Для своего времени каждый из трех авторов обнаружил незаурядную способность осмыслить значение исторических событий, а не просто «информировать» о них читателя и слушателя, и передать ему свою оценку в форме широкого художественно выраженного обобщения.

3

Реалистические тенденции проявляются в древнерусской литературе также и при создании обобщенных безымянных образов. Яркие примеры такого рода реалистичности дает учительная литература в той ее части, которая изображает носителей разного рода пороков, нарушающих нормы христианской морали. В отличие от положительного образа идеала, который в учительной литературе строился методом «идеального преображения жизни»,[27] литературный портрет носителя пороков больше опирался на наблюдения над действительностью. Как ни сгущены бывают иногда краски на таком портрете — в соответствии с требованием представить наиболее завершенное проявление данного порока, — все же именно в изображении порочного человека наблюдается стремление писателя проникнуть во внутренний его мир, в причины, порождающие порочное поведение, в его тяжелые следствия и для самого человека и для его окружающих.

Образы людей — носителей какого-либо одного по преимуществу порока-страсти достигают в учительной литературе нередко большой художественной выразительности и правдоподобия, убеждают читателя верностью описания психологических состояний. Такие образы по праву могут

---

[25] Х. М. Лопарев. Слово о погибели Русской земли. — ПДП, т. LXXXVI. СПб., 1892, стр. 21—24.

[26] А. И. Пономарев. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, в. 1. СПб., 1894, стр. 70.

[27] Это «преображение» иногда производилось путем «отрицания отрицательных черт», причем идеал должен был быть свободным от всех возможных для человека его положения недостатков (см.: Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси, стр. 222—223).

быть названы художественными, хотя и создавались они с практической целью — предостеречь от того, что противоречит норме, образцу, идеалу христианского поведения. Мне приходилось уже показывать, какой психологической глубины достигали иногда авторы русских поучений XI—XIV вв. на темы общественной и частной морали, рисуя «отрицательные» образы нарушителей христианского идеала поведения.[28] Напомню хотя бы один из приведенных примеров.

Обличение лени и пьянства — тема большого числа древнерусских поучений, которые не только убеждали читателей угрозой наказания после смерти, но и стремились прежде всего показать вредные для человека последствия этих пороков уже в его земной жизни. К XIV в. описание материальных последствий лени вылилось в одном из таких «слов» в следующую выразительную форму: «Лежа добра не видати, а горя не избыти... цветных риз не нашивати, медвеного пития не пивати и сладкого брашна не едати». В этом поучении душевное состояние ленивца и отношение к нему окружающих изображается с наглядностью, свидетельствующей и о большой наблюдательности автора, и об его умении художественно обобщить свои наблюдения:

«Таковый человек ленивый и лежливый в дому не господин, жене не муж и детем не отец, и добрыми людьми незнаем; в деревне жити ленится, а на посаде не годится; в село его не пустят, а во граде и места несть. Таковый, ходя по улице, скитаяся, и, аки несытый пес, по окнам глядит, и, аки оскорблая свиния, о углы чешется». Автор продолжает рассказ о ленивце, переводя его в описание олицетворенных пороков ленивца: «привязалася к нему ленность, аки пещер (дорожная из лык сумка, носимая за плечами) за плечами; а нищета у него в пазухе и гнездо свила, а скорбь у него по бедрам висит, а тоска и ноги связала. О люте! привязалася к нему леность, как милая жена к мужу своему, — и часто воздыхает, а разстатися не хощет! окаянные же беси аки любовные друзи; а сон тяжкий аки милый отец, злая же слабость аки родимая его мати; а упрямство и непослушание любит и держится аки брата и сестры не лишиться; а укоры и поносы и безчестие ему воздают, аки снег на главу летит». Рассказ снова возвращается к человеку, одержимому леностью: «И навыкнет, окаянный, чужими трудами кормитися, аки червь капусту ясти. И от многаго уныния спит без числа».[29]

Можно ли назвать способ построения этого описания «документальным», ставящим своей целью «чисто эмпирическую констатацию единичных фактов в их поверхностной связи», или изображающим путем «идеального преображения жизни» «стоящий высоко над повседневностью мир»? Очевидно, что художественную правдивость подобных эпизодов следует выводить из какого-то иного способа изображения, отвечавшего иной задаче, поставленной перед собой писателем. Эта задача была продиктована требованиями самой реальной жизни. Чтобы бороться с бытовыми пороками, мало было показать «чистый, светлый и прекрасный мир»; надо было поставить перед зараженным этими пороками человеком его изображение во всей неприглядности: нарисовать перед ним будущее, к какому ведут его пороки, нарисовать так, чтобы воздействовать и на его чувство, вызвать отвращение к этому образу. Отсюда и сатирические интонации

---

[28] См. подробнее об этом в статье: В. П. Адрианова-Перетц. К вопросу об изображении «внутреннего человека» в русской литературе XI—XIV вв. — Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. Изд. АН СССР. М.—Л., 1958, стр. 15—24.

[29] А. И. Пономарев. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, в. 3. СПб., 1897, стр. 94.

в описании ленивца и его поведения. Художественная правдивость этого описания дает основания назвать его реалистическим без всякой оглядки на метод писателей-реалистов XIX в.

*

Реалистичен и психологизм «Моления» Даниила Заточника,[30] автор которого в своеобразной афористической форме обобщает свои жизненно правдивые наблюдения. Как ни беспощадно откровенны его обобщения, их нельзя назвать «документальным» изображением жизни «какая она есть».

Даниил Заточник впал в немилость у князя, он нищий. И вот, пишет он, от него отвернулись и друзья и «ближнии». Почему, спросит читатель? И Даниил, не дожидаясь вопроса, сам отвечает: он не «поставил перед ними трапез многоразличных брашен» — не устраивал им пиров. Но есть и такие среди его «ближних», кто лицемерно «дружатся» с ним, опускают вместе с ним руку «в солило», «очима бо плачются со мною, а сердцем смеют ми ся», а «при напасти» помогают врагам «подразнити ноги мои» (А X). На жизненных наблюдениях построен и грустный вывод Даниила о том, что нищета грозит ему унижением: «Богат муж везде знаем есть и на чужей стране друзи держит; а убог во своей ненавидим ходит; богат возглаголет, вси молчат, и вознесут слова его до облак, а убогий возглаголет — вси нань кликнуть... их же ризы светлы, тех речь честна» (А XIII).

Автор «Моления» описывает не частный, конкретный случай той обиды, в результате которой Даниил впал в нищету. Он дает обобщенную характеристику положения тех, у кого, подобно ему, «не процвите часть». И если сильного, щедрого князя он изображает прибегая иногда к методу «идеального преображения жизни», то, описывая свое бедственное положение, отношение к себе «ближних» и друзей, он остается на почве изображения жизни «какая она есть», хотя и лишенного всякого оттенка документальности.

Человек своего времени, Заточник художественными сопоставлениями поясняет читателю, что в семье главой должен быть муж: «Не скот в скотех коза, ни зверь в зверех ожь, ни рыба в рыбах рак, ни потка в потках нетопырь, не муж в мужех, иже ким своя жена владеет; ...не робота в роботах под жонками повоз возити» (А XXXIV). Тем же приемом автор раскрывает темные стороны женитьбы по расчету на богатой, но старой и «злообразной» жене: «лепше ми вол бур вести в дом свой, неже зла жена поняти: вол бо ни молвить, ни зла мыслить, а зла жена бьема бесеться, а кротима высится, в богатстве гордость приемлеть, а в убожестве иных осужаеть». «Трясцею болети» и быть «прокляту» желает автор тому, кто поверит «ласковым словесам» «льстивой жены»: «господине мой и свете очию моею! Аз на тя не могу зрети, егда глаголеши ко мне, тогда взираю и обумираю и воздерьжат уды тела моего и поничю на землю» (XXXVII, XI). Обилие традиционных эпитетов «злой жены», перенесенных из переводной учительной литературы, не может скрыть жизненной правдивости этих психологических обобщений. Б. А. Романов показал ее в комментарии к ним из памятников древнерусской церковно-канонической литературы, придя к следующему выводу: «Такая трактовка женской темы не

---

[30] Текст «Моления» цитируется по изданию: Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Приготовил к печати Н. Н. Зарубин. — Памятники древнерусской литературы, в. 3. Изд. АН СССР, Л., 1932.

сваливалась как снег на голову читателя XII—XIII вв. с чуждых ему высот церковного аскетизма: она могла найти у него почву, подготовленную и бытовыми условиями для живого ее восприятия. Что было в ней текстуально „заимствовано", что „оригинально" не имеет никакого отношения к вопросу о том, была ли она жизненна для XII—XIII вв.»[31]

Именно жизнь «какая она есть», широко влившись в содержание «Моления»,[32] дала материал для сатирических элементов его — для построения неожиданных, но метких уничижительных сравнений, основанных на сугубо обыденных образах.[33] «Моление» Даниила Заточника в своей образной системе вообще, по наблюдениям Д. С. Лихачева, «больше, чем какое-либо другое произведение русской литературы XI—XIII веков, опирается на явления русского быта».[34] Реалистическая тенденция Моления нашла особо яркое воплощение именно в его образности: «Бытовые черты выхвачены автором „Моления" из жизни не в порядке повествования (в этом случае летопись представила бы еще больше материалов из области русской жизни), а для построения сравнений, метафор, отдельных образов. Русский быт, при этом самый обыденный, проникает в поэтическую систему»,[35] — справедливо отмечает Д. С. Лихачев. Эти отражения в «Молении» русского быта ценны для истории литературы не как «реалии» сами по себе, а как средства художественной системы, ведущие к познанию действительности через искусство слова.

Итак, тема и приемы ее художественного раскрытия — жизненно правдивы; способ изображения этого участка жизни «какая она есть» выходит в «Молении» за рамки описанного И. П. Ереминым. Наблюдения над жизнью представителей господствующего класса привели автора «Моления» к горьким обобщениям, которые он выразил в своеобразной афористической форме. Эти психологические обобщения — художественное средство познания действительности. Исследователь культурно-исторического смысла этого памятника Б. А. Романов имел основание дать ему следующую характеристику: «... получилось... на небольшом полотне нечто вроде панорамы общественной жизни и быта эпохи».[36]

4

Особо следует остановиться на вопросе о том, как проявляются реалистические тенденции древнерусской литературы в тех ее памятниках, которые испытали на себе воздействие устной народной поэзии. Этот вопрос неизбежно связывается с общей проблемой художественного метода русского фольклора, в частности со спором о том, существовал ли в народной поэзии реализм и если существовал, то каково было его отношение к реализму литературы XIX в. В современной фольклористике нет единой точки зрения, решающей этот спор. Достаточно сопоставить последние высказывания в печати по этому вопросу, датируемые концом 1958 г. и представ-

---

[31] Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси, стр. 38—45.
[32] Д. В. Айналов. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. — ИОРЯС, т. XIII. СПб., 1908, кн. 1, стр. 352—354.
[33] В. П. Адрианова-Перетц. У истоков русской сатиры. — В кн.: Русская демократическая сатира XVII века. Изд. АН СССР. М.—Л., 1954 (серия «Литературные памятники»), стр. 145.
[34] Д. С. Лихачев. Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 109.
[35] Там же, стр. 110.
[36] Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси, стр. 45.

ляющие собой тезисы, предложенные для очередного всесоюзного совещания фольклористов.[37]

В. Е. Гусев в докладе «Проблемы теории фольклора» признает, что «реализм как исторически закономерный способ художественного познания», возникающий «в эпоху образования и развития буржуазных связей в обществе», в русском народном творчестве слагается «не ранее, примерно, XVII—XVIII вв.», причем в фольклоре он «обладает своими специфическими чертами, отличающими его от реализма в литературе». В. Е. Гусев добавляет, что и «в фольклоре капиталистической эпохи наряду с реализмом продолжают существовать и другие художественные методы».[38]

Гораздо осторожнее формулирует свое отношение к вопросу о реализме народной поэзии Б. Н. Путилов: «Необходимо покончить с некритическим и неисторическим употреблением понятия реализм и производных от него применительно к фольклору. Если действительно существует проблема реализма в фольклоре (разрядка моя, — *В. А.-П.*), то она должна решаться в единстве подлинно научного теоретического к ней подхода и конкретно-исторического исследования фактов». С этим положением Б. Н. Путилова нельзя не согласиться, однако мне представляется, что автор напрасно обвиняет своих предшественников в том, будто они все развитие фольклора сводили к усилению в нем реализма, а «ранний фольклор» ценят постольку, поскольку в нем обнаруживаются элементы реализма».[39] С таким упрощенным изображением точки зрения тех, кто усматривает в народной поэзии появление «реалистических элементов», конечно бороться легче, однако в этом случае сам спор пойдет мимо тех «конкретно-исторических фактов», которые иные фольклористы и литературоведы называют «реалистическими элементами» народной поэзии.

Как ни различаются между собой точки зрения В. Е. Гусева и Б. Н. Путилова, на одном они все же, видимо, сходятся: художественный метод фольклора феодальной эпохи не может быть назван реализмом. Это положение мне представляется вполне правильным. Более того, и в XVII в., насколько позволяют об этом судить немногие сохранившиеся записи, реализм как цельный метод не определял художественную систему русского фольклора. Однако и нереалистический художественный метод народной поэзии X—XVII вв. открывал возможность выражать характерное для каждого данного отрезка времени народное сознание, оценку народом важнейших исторических событий и деятелей, народное понимание идеала мужества, патриотизма, воинской чести и т. д. Идеализация народного героя в русском фольклоре не заключала в себе и в далеком прошлом ничего мистического, противостоящего жизненной правде; она всегда была основана на присущем народу оптимизме, вере в торжество справедливости, в победу человека над враждебными силами природы, над злом во всех его проявлениях. Но как ни высоко мастерство построения этих образов, оно не ставило перед собой широких и глубоких задач, решенных в литературе реализма.

---

[37] Проблемы современной фольклористики. (Автореферать докладов). Всесоюзное совещание фольклористов (1958 г.). Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Л. 1958.

[38] Там же, стр. 10. — Подробнее эти мысли развиты В. Е. Гусевым в статье «Проблемы эстетики и фольклор» (Русская литература, 1958, № 4, стр. 56—60). Из последних работ теоретического характера, касающихся художественного метода русского фольклора, обращает на себя внимание статья В. Г. Базанова «Проблема эстетического отношения фольклора к действительности у Н. Г. Чернышевского» (Русская литература, 1958, № 1, стр. 117—131).

[39] Б. Н. Путилов. Проблемы изучения истории русского фольклора. — В кн.: Проблемы современной фольклористики, стр. 21.

Анализируя художественные особенности отдельных устно-поэтических жанров в разные века их сложения и бытования, исследователи нередко отмечают в них «реалистические элементы», «тенденции», которые, например, в исторической песне нарастают с течением времени. Эти элементы наблюдаются в движении к исторически точному воспроизведению обстановки действия, социально-бытовых реалий современной создателю или исполнителю живой действительности.[40] В исторической поэзии с XVI в. наблюдается уже и некоторый отход от былинной идеализации и гиперболизации, более глубокое освещение внутреннего мира героев, их переживаний.

Жизненно правдивым (реалистическим) было всегда в народной поэзии художественное восприятие русской природы. Русский пейзаж ощущается и в поэтизации светлого ручейка или помутившейся реки, «батюшки Тихого Дона» и «матушки Волги», дремучих лесов и одинокой березки или рябины, всей природы, живущей одной жизнью с человеком.

Реалистической стороной народной поэзии было и то, что во всех своих жанрах, особенно же в эпических, она отражала сложение русского национального характера. Трудный процесс создания Русского государства на обширной территории, постоянно подвергавшейся вооруженным нападениям соседей, борьба с суровой природой, требовавшей от человека много тяжелого труда, чтобы обеспечить свое существование, — все это вырабатывало своеобразный характер народа-национальности гораздо раньше, чем он сложился в нацию, со всеми присущими ей признаками. Историки указывают, что «черты психического склада нации формируются на основе тех ее особенностей, которые складываются еще в период образования народности, в условиях феодальной формации», что «уже в древней Руси зарождаются черты будущего русского национального характера. Они отразились прежде всего на памятниках фольклора и древнерусской литературы».[41] Некоторые существенные черты русского национального характера исследователи отмечают в «исторических песнях, преданиях, сказках, пословицах и поговорках» XVI—XVII вв.[42]

Все эти особенности, приближавшие устную поэзию к изображению отдельных сторон конкретной исторической действительности, не изменяли, однако, существа своеобразного художественного метода народной поэзии, обусловленного особыми задачами, которые она выполняла. И наименование этих особенностей реалистическими элементами не претендует на сближение их с характерными чертами реализма как литературного метода XIX в. Как бы велико ни становилось в отдельных произведениях народной поэзии (особенно XVI—XVII вв.) количество этих реалистических элементов, они не слагались в художественный метод, определявший построение всего произведения, способ разработки всей данной темы.

---

[40] А. П. Евгеньева (О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII—XIX вв. (постоянный эпитет). ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 183—184) устанавливает наличие реалистических деталей в языке былин XVII в., которые лишь со временем «переводятся в идеальный план, становятся показателями высшего качества предмета».

[41] Л. В. Черепнин. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. — В кн.: Вопросы формирования русской народности и нации. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 45—46. — Вряд ли поэтому справедливо сомнение акад. В. В. Виноградова в том, что «русский поэтический фольклор приобретает яркий национальный колорит уже в XVI—XVII веках, то есть еще до образования русской нации» (см.: В. В. Виноградов. Реализм и развитие русского литературного языка, стр. 21).

[42] Русское народное поэтическое творчество. Т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 415.

Следует при этом подчеркнуть, что наличие реалистических элементов в народной поэзии, содержание которых мы выше определили, вовсе не предполагает, будто «некое мистическое начало», «субстанциональное начало народной исторической правды и художественной правдивости» «неизменно присуще словесному творчеству в силу его внутренней природы».[43] Основа художественной правды и постепенно растущего стремления к усилению конкретности деталей в народной поэзии заключается не в «некоем мистическом начале», а в постоянной связи ее с трудовой деятельностью народа, с его общественными отношениями. Эта связь с течением времени углублялась, народная поэзия все живее откликалась на важнейшие исторические события, причем в изображении и самих событий и героев, воплощавших народные идеалы, нарастало стремление к конкретности, к отходу от условности старшего эпоса. Все это было свидетельством постепенного роста «реалистического типа мышления», но не реализма как художественного метода, раскрывающего «духовный мир человека во взаимосвязи с социально-исторической действительностью» (Б. И. Бурсов). Вот почему в применении к народной поэзии, как и к литературе феодального периода, следует избегать термина «реализм» и ограничиваться определениями «реалистические элементы» или «тенденции». Эти элементы характеризуют или отдельные стороны самого поэтического сознания (отношение к природе, родине, семье и т. д.), или изображение деталей бытовой и исторической обстановки, настроений героя и т. п.

Д. С. Лихачев в книге «Возникновение русской литературы»,[44] раскрыв внутренние потребности феодализирующегося общества, которыми было вызвано рождение русской литературы, показал и ту «широкую струю идей, идейных настроений и художественных вкусов», которая шла в литературу с первых ее шагов из народной поэзии, оказывала постоянное воздействие на формирование в ней реалистических тенденций и вместе с тем определяла в известной степени характер освоения тех переводных литературных произведений, которые шли на Русь из Болгарии и Византии. И в дальнейшем тенденции литературы к усилению художественной правдивости нередко вовлекали в стиль писателей «реалистические» элементы народной поэзии, причем, как покажем на примерах, писатели шли обычно гораздо дальше, чем народные поэты, развивая слабо намеченные ими реалистические элементы.

Живое чувство родной природы, воплощенное в народной поэзии, лежит и в основе своеобразного, именно ей присущего изображения природы, сочувствующей человеку, живущей его радостями и печалями. Значительная часть художественных образов народной поэзии, построенных на этой основе, легкими штрихами воссоздает черты русского пейзажа. Как известно, в народной поэзии (как, впрочем, и в древнерусской литературе) пейзаж не имеет самодовлеющего значения, но отдельные его элементы использованы для художественного изображения переживаний героев, окрашивают определенным настроением рассказ об их жизни.

Из памятников древнерусской литературы особенно близко подошло в изображении народно-поэтического лирического отношения к природе, живущей одной жизнью с человеком, «Слово о полку Игореве». Однако там, где народный поэт ограничивается одним легким штрихом, вызывающим в сознании слушателя образ родной природы (склонившееся дерево, помятая трава, помутившаяся вода) и населяющего ее животного мира

---

[43] В. В. Виноградов. Реализм и развитие русского литературного языка, стр. 16, 18.

[44] М.—Л., 1952, стр. 30.

(сокол-охотник, лебедь-добыча и т. д.), автор «Слова» развертывает широкие картины; наглядность и точность их такова, что ботаник и зоолог составляют ясное представление о реальной флоре и фауне южнорусской степи XII в.

Пейзаж в «Слове о полку Игореве» — степь с ее заросшими балками, пашня, буря, затмение солнца, — так же как в фольклоре, взят не сам по себе, а в отношении к событиям человеческой жизни. Этот пейзаж всегда, как у народного поэта, лирически окрашен и символически истолкован применительно к ходу событий и к настроениям их участников. Но все картины природы в «Слове» одновременно и реалистичны в прямом смысле: они отражают совершенное знание автором степной природы и ее животного мира, его зоркую наблюдательность и умение художественно правдиво воплотить свои представления о них, придавая вместе с тем ясную лирическую окраску каждой картине, соответствующую авторской оценке того события, которое изображается на фоне данного пейзажа.

Усиливая тенденцию (реалистическую) народной поэзии строить образы на впечатлениях от реальной русской природы, автор «Слова о полку Игореве» развертывает широкие картины ее, порывая с характерным для современной ему религиозно-дидактической литературы схематичным изображением лишенной местных признаков природы, которая служит здесь лишь символом религиозных представлений, украшением похвал божеству.

В способе построения обобщенных портретов своих положительных героев автор «Слова о полку Игореве» пошел за своеобразной условностью былинного эпоса, гиперболизируя смелость, воинскую доблесть и могущество князей и воинов, от которых он ждет помощи Русской земле. Связь с народным эпосом в данном случае поддерживается и отбором эпитетов, которые подчеркивают именно эти воинские доблести; среди этих эпитетов нет ни одного определения морально-христианских добродетелей героев, обязательных в современном «Слову» господствующем «монументально-историческом» (термин Д. С. Лихачева) литературном стиле характеристик феодалов XII в. «Идеальное преображение жизни» в этих характеристиках идет в ином направлении, выполняет иные задачи.

Однако острота публицистического задания «Слова» определила не только его эмоциональную напряженность, одним из выражений которой была эпическая гиперболизация героев. Эта острота потребовала и прямых напоминаний о конкретной исторической действительности. Необходимо было показать читателям со всей художественной наглядностью не просто идеальных князей-воинов и не схватку с половцами в ее обобщенном изображении, а именно данное конкретное столкновение с ними, когда разрозненные действия феодалов привели к тяжелому поражению, к разорению многих областей Русской земли. Вот почему условно эпически гиперболизированные герои наделены некоторыми, наиболее для каждого из них характерными чертами и поставлены в реальные политические взаимоотношения того времени, воспроизведенные с поразительной точностью.[45] Метод «идеального преображения», в данном случае навеянный народной поэзией, соединяется с введением умело отобранных индивидуальных черт, приближающих образ к реальной действительности и делающих его особо убедительным, художественно правдивым. Реалистические элементы этих характеристик в «Слове» способствовали в свое время усилению их жизненного влияния.

---

[45] См.: В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия. — В кн.: «Слово о полку Игореве». Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 291—319.

Раскрытие художественных возможностей, заложенных в народном предании о разорении татаро-монголами Рязанского княжества, Д. С. Лихачев усматривает в «Повести о разорении Рязани Батыем». Здесь дан эпически обобщенный групповой образ рязанских князей, которые, однако, наделены и характерными именно для рязанских князей, исторически засвитедетельствованными индивидуальными чертами: они были «к бояром ласковы», «до господарских потех охочи», «на пирование тщивы». Весь рассказ о «резвецах и удальцах» рязанских, вместе с Евпатием Коловратом бьющихся с врагами, построен в духе былинных сражений богатырей, но реалистические элементы появляются в «Повести» при описании поля битвы и разорения Рязани.[46]

Уже из приведенных примеров мы видим, что «реалистические тенденции», возникающие у древнерусского писателя в связи с жизненной задачей, ответить на которую он стремится своим литературным произведением, побуждают его иногда то развивать реалистические элементы народной поэзии, то соединять с ее своеобразным художественным методом обобщения[47] индивидуализацию идеализированных в устно-эпическом стиле героев, внося в их характеристику черты исторической конкретности.

Устный эпос поддерживал реалистические тенденции в самом отношении писателя к историческим событиям и их участникам, т. е. в лирической стихии исторической по преимуществу литературы.

5

На ряде примеров, взятых из различных жанров древнерусской литературы, преимущественно старшего периода, мы стремились показать, в чем заключается сущность того художественного способа изображения жизни, который медиевисты-литературоведы выводят из реалистических тенденций. Подведем основные итоги наших наблюдений.

Самое проявление реалистических тенденций внутри текста, построенного иным методом, каждый раз вызывается особой задачей, возникающей перед писателем. Задачи эти исходят из потребностей жизни, и они не могут быть разрешены ни простой фиксацией фактов, ни идеальным их преображением.

Реалистические тенденции древнерусской литературы свидетельствуют прежде всего о том, что при господствующем представлении о подчинении всей жизни человека и целой страны высшей «небесной» воле, в определенных условиях начинается формирование элементов реалистического типа мышления, освобождающего человека от этого подчинения. Так зарождается основная предпосылка реалистического способа художественного изображения жизни, стремления писателя силой слова передать читателю именно эту реалистическую оценку событий и таким путем действенно вмешаться в жизнь — в развитие исторических событий, в сложение человеческого характера, направить человеческое поведение. Однако пройдет еще много веков, пока окончательно сформируется этот реалистический тип

---

[46] Д. С. Лихачев. Повесть о разорении Рязани Батыем. — В кн.: Воинские повести древней Руси. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949 (серия «Литературные памятники»), стр. 119—142.

[47] Ценные замечания об этом методе сделаны В. Е. Гусевым (Споры о реализме. — ВЛ, 1957, № 6, стр. 49—50): «Основной интерес в фольклоре сосредоточен не на отдельной личности, а на народе: личность в фольклоре присутствует не как четко определенный неповторимый индивидуальный характер, а как емкий собирательный образ... Даже тогда, когда герой носит историческое имя, он лишен, строго говоря, индивидуальной характеристики... народ, обращаясь к тому или иному историческому деятелю, интересуется не столько его личностью, сколько историческим смыслом и значением его деятельности».

мышления и выросшее историческое сознание приведет к изображению человека в связи с историческими обстоятельствами, т. е. к формированию реализма как художественного метода. В феодальный период литература была еще очень далека от этой стадии развития, однако и в ней накапливался опыт изображения внутреннего мира человека, росло умение силой художественного воображения воспроизводить картины жизни и события, непосредственным свидетелем которых писатель не был, с художественной убедительностью представлять читателю эти «воображаемые картины» как реально существовавшие.

В эпизодах, отражающих реалистические тенденции древнерусского писателя, содержатся ли они в «прозе»,[48] изображающей жизнь «какая она есть», или в «поэзии», рисующей идеальный мир, — автор опирается на внимательные наблюдения над жизнью. Именно эти наблюдения действительности и размышления над ними помогают ему и выразительно описывать «виденное и слышанное», и художественно убедительно воссоздавать в ходе событий и в поведении участников их то, что выходило за рамки точных сведений писателя, и обобщать жизненный материал. Творческое переосмысление жизни, направление которого определяется идейным замыслом писателя, выражается в реалистических эпизодах древнерусской литературы, и в целенаправленном отборе фактов из «виденного и слышанного», и в обусловленном задачей художественном вымысле, и в обобщении важнейших для этой задачи явлений. Как бы ни была ограничена тема реалистического эпизода, разработка ее не исчерпывается одной фиксацией фактов, чтобы «с протокольной точностью» информировать о них читателя, но и не переходит в «идеальное преображение жизни».

Выразительность изложения отобранных фактов или их обобщений и художественная правдивость вымышленных деталей рассказа направляют читателя к усвоению авторской оценки изображаемого события или лица, к познанию, хотя и ограниченному, исторической действительности и психологических состояний человека, живущего в обстановке этой действительности.

Историческая тема открывает путь реалистическим тенденциям в древнерусской литературе при изображении конкретных событий и лиц или обобщении наблюдений над ними, ведет к индивидуализации образов людей, к углублению наглядности описаний — событий и обстановки, в какой они развиваются, даже местных особенностей природы. Так проявляются эти тенденции и в собственно историческом повествовании, и в дидактической литературе, когда она затрагивает вопрос не в теоретическом плане, а применительно к реальным историческим событиям и их участникам, и в житийной литературе, когда там тоже идет речь об определенных фактах.

Умение подхватить и воспроизвести через изображение поведения отдельные черты характера или психологические состояния исторического лица, сказавшееся в подобных реалистических эпизодах исторического по преимуществу повествования, показывает, как накапливался в древнерусской литературе опыт построения психологического портрета исторического деятеля, портрета индивидуального, с каким мы встретимся в исторической литературе начала XVII в.

В разных видах учительной литературы и в публицистике, поскольку они рассматривают вопросы общественного или личного поведения применительно к человеку вообще или к целым социальным группам, реалистические тенденции ведут, как мы видели, к созданию обобщенных образов.

---

[48] Здесь и далее в кавычки взяты термины и определения из разобранной выше статьи И. П. Еремина.

Однако эти обобщения не сближены с нормой, идеалом, а представлены в конкретной бытовой обстановке, где с наибольшей наглядностью проявляется обсуждаемая черта общественного или личного поведения.

Такие обобщенные безымянные образы иногда каким-либо намеком прикрепляются к той или иной социальной среде (лицемер, например, во время молитвы в церкви «расчитает прикупы, селы», «сребролюбец» всегда «несыт имения»; Хмель в своей речи рисует поведение пьяниц разного общественного положения и т. д.).

Эти безымянные образы особенно ясно свидетельствуют о способности древнерусского писателя к художественному вымыслу, обобщению наблюдений. Однако авторы, в соответствии со стоящей перед ними задачей, не пытаются расширить рамки вымысла, ограничивая его лишь тем, что́ непосредственно раскрывает тему: если, например, тема — осуждение лени, то автор собирает лишь те черты поведения ленивого, его положения, отношений с окружающими, которые являются прямым следствием лени, не касаясь всего характера и поведения в целом. Но в изображении этой одной черты писатель достигает не только правдоподобия, но и художественной выразительности. Человек в этих обобщенных образах предстает с «почти осязаемой наглядностью», однако не «как единичный факт во всей его неповторимой конкретности», не как «частное», а как «общее»,[49] хотя и показанное с закономерной для эпохи односторонностью. Это и не тип, какой появится в литературе реализма, и не социально-групповой портрет XVII в., но чрезвычайно наглядное описание человека вообще, наделенного данным пороком, его поведения и иногда даже обстановки, в которой он живет. Здесь нет «идеального преображения» мира и все же видна попытка показать «общее» в рамках действительности «какая она есть».

Именно реалистические обобщенные образы учительной литературы показывают, что вывод И. П. Еремина, будто при изображении жизни «какая она есть» человек «растворялся в калейдоскопе событий», описывался попутно, наряду с остальными «реалиями и фактами» (стр. 79), неправомерно категоричен. Если со значительными оговорками этот вывод еще может быть принят для летописного повествования XII—XIII вв., то, как мы видим из приведенных примеров, взятых из дидактической литературы, здесь все показано через человека, его «внутренний мир, его образ мыслей» и вытекающие из них «поступки» (стр. 79).

Это обстоятельство подрывает и следующие обобщения И. П. Еремина: «Лишь в мире идеала человек под пером древнерусского писателя приобретал все характерные черты художественного образа... Древнерусский писатель, строя свой образ человека... больше „сочинял“ и „изобретал“ чем „воспроизводил“. Он шел не столько от своих наблюдений над жизнью, сколько от своих представлений о ней» (стр. 80). Это верно, и то не до конца, лишь для некоторых образов положительных героев древнерусской литературы — ведь материал для их построения авторы «сочиняли» и «изобретали», частью исходя из «представлений», но частью опираясь и на наблюдения над жизнью, усиливая подмеченное в жизни, очищая от всего, что отдаляет его от идеального «представления». Можно ли, например, утверждать, что «воинский» идеал, воплощенный в прекрасных образах древнерусской литературы, «больше сочинен и изобретен», чем воспроизводит действительные наблюдения над проявлениями мужества, верности родине, воинской чести?

---

[49] Ср. в статье И. П. Еремина: «Древнерусский автор, когда обращался к изображению жизни, воспроизводил, как правило, единичные факты во всей их неповторимой конкретности. Предметом его внимания было не общее, а частное» (стр. 76). В учительной литературе именно «как правило» изображается «общее», а не «частное».

В отличие от «поэзии идеального преображения жизни», где обобщение строится в направлении к идеалу, обобщенные безымянные образы реалистических эпизодов древнерусской литературы открывают путь ко все более глубокому познанию жизни «какая она есть». Когда уточнится социальная природа таких образов, возникнут социально-групповые портреты демократической литературы XVII в., пока еще лишенные индивидуальных примет. Когда из определенной социальной группы выделится уже не исторический, а вымышленный герой, авторы повестей (бытовых, сказочно-исторических, сатирических) используют опыт, накопленный реалистическим изображением отдельных психологических состояний, чтобы определяющую черту характера такого вымышленного героя представить с наибольшей наглядностью.

В реалистических эпизодах древнерусской литературы обнаруживается рост мастерства художественно правдивого воспроизведения того, чему непосредственно свидетелем автор не был. И. П. Еремин, характеризуя стремление «прозы» древней Руси к «достоверности», пишет: древнерусский писатель «редко выдумывал факты, верный своей задаче достоверно описать то, что было» (стр. 77). Вряд ли удачно этот термин «выдумывал факты» определяет сущность художественного вымысла, наличествующего уже в старшем историческом повествовании. Он не напоминает о главном — о том, что этот вымысел отвечал определенной цели автора и что он именно в реалистических эпизодах бывает художественно правдоподобным.

Мы видели, как художественно правдоподобны и вымышленные обобщенные образы дидактической литературы, опирающиеся на впечатления от жизни «какая она есть» и не возведенные к идеалу. На долю художественного вымысла приходится здесь самая сводка в единый безымянный образ бытовых впечатлений, накопленных писателем в разной обстановке, но характеризующих одно и то же явление. Так же художественно вымышлены, хотя и основаны на жизненных наблюдениях, психологические обобщения «Моления» Даниила Заточника, социальные характеристики его, окрашенные иронией, поскольку они изображают не частные, единичные факты, а то общее, что определило оценку автором современной ему общественной и семейной жизни. Развитие литературы как искусства отражено и этой стороной реалистических элеменов древнерусской литературы.

Реалистические тенденции древнерусской литературы, воплощенные и в описаниях событий, и в раскрытии сердца, помыслов человека вообще или конкретного исторического лица, доказывают, что «выход на широкие просторы искусства» открывался писателю XI—XVII вв. не только через «идеальное преображение жизни», что создание «художественных образов» не было привилегией только этого литературного метода.

Изучение лирической стихии древнерусской литературы возвращает нас к вопросу о ее реалистических тенденциях. В самом деле, свое общественное сознание, свои гражданские чувства древнерусский писатель умел выражать разными средствами. Оставаясь на почве религиозно-философского осмысления событий жизни страны, он облекал, например, скорбь о бедствиях родины и тревогу за ее судьбу в форму обличений и угроз «слова о казнях божиих» или апокалиптических образов эсхатологической литературы. Образцы такого рода гражданской лирики он имел и в библейских пророческих книгах, и в псалтыри, и в византийско-славянской учительной литературе на темы общественной морали.

Однако древнерусский писатель, окрашивая своим отношением изображение исторической действительности, часто представлял свои гражданские настроения не в религиозной оболочке, закономерной для средневековья, а в прямом их жизненном выражении. Реалистичность лирической стихии,

которой проникнуты лучшие исторические повести XI—XIV вв., проявляется различно: в том, что активная роль человека в ходе исторических событий выдвигается в них на первый план; что реальные исторические отношения, а не вмешательство потусторонних сил, определяет развитие действия; что исход сражений с противником решается мужеством русских воинов, а не небесной помощью,[50] и т. д.

Такое направление лирической стихии древнерусской литературы несомненно помогало читателям-современникам в доступной эпохе степени познать действительность, нам оно раскрывает внутренний мир людей далекого прошлого, их общественное сознание. Подобные проявления лирической стихии в литературе древней Руси могут рассматриваться также в аспекте роста ее реалистических тенденций, как ступень в развитии способов художественного познания действительности через литературу.

Можно предлагать по-разному называть те тенденции способа изображения жизни «какая она есть», которые мы обнаружили в самых разнообразных жанрах древнерусской литературы, среди текста, выдержанного в каком-либо из свойственных им стилей. Но одно остается несомненным: эти тенденции ведут к художественному познанию действительности, разумеется в ограниченных пределах, доступных данной ступени развития литературы. Они ведут к совершенствованию способов раскрытия внутреннего мира реального, а не идеально преображенного человека, меткими штрихами правдиво намечают отдельные черты его характера, не пытаясь, разумеется, представить этот характер в целом. Они учат и обобщенному изображению проявлений в психике человека и его поведении этих отдельных черт; они же иногда метко закрепляют в художественном эпизоде то или иное индивидуальное свойство конкретного исторического лица. Эти тенденции направляют писателя к мастерскому изображению русского пейзажа, пусть пока еще не как самостоятельного объекта искусства, а в его условном народно-поэтическом соотнесении с жизнью человека. Мастерство дополнять «виденное и слышанное» художественно убедительным вымыслом вырабатывается и в картинах с реалистическими элементами, где этот вымысел направлен на приближение изображения к жизни «какая она есть», а не к идеальному о ней представлению.

Реалистические тенденции древнерусской литературы, запечатленные в отдельных рассказах или эпизодах, не привели, однако, к сложению цельного художественного метода, который определял бы все развитие данной темы — от способа выражения авторского «я» до композиции и изобразительных средств. Этому препятствовала прежде всего ограниченность «познания объективных закономерностей» действительности.[51] Прочная традиция идеалистического осмысления движущих сил истории не давала простора для реалистического истолкования всего развития жизни страны и отдельного человека и вытекающего из него реалистического способа художественного изображения.[52]

---

[50] См. об этом подробнее в статье: В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия. — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., стр. 114, 137.

[51] И. П. Еремин. О художественной специфике древнерусской литературы, стр. 77. — Исследователь прав, что «достоверность» изображения в древнерусской литературе по этой причине «никогда не возвышалась до уровня эстетической системы» (стр. 77), но в отдельных эпизодах она достигала уровня художественной правды и становилась ценностью эстетической, а не только познавательной.

[52] Так и в древнерусском изобразительном искусстве реалистические тенденции сказываются либо в отдельных деталях всей картины, в психологической трактовке условных религиозных образов, либо в клеймах, куда свободнее проникали элементы быта.

Прорываясь лишь в отдельные моменты повествования, реалистические тенденции древнерусских писателей не имели для своего художественного выражения крепко установившейся традиции, в отличие от господствующей системы с ее ясно оформившимися стилями. Метко схваченная деталь, острый диалог, лирически окрашенный эпизод, сатирическая интонация и многие другие приемы служат писателю, в зависимости от характера темы и авторского замысла, для того, чтобы «документально достоверному» изложению придать характер художественного правдоподобия или сделать исторически более конкретными идеализированно обобщенные образы.

Свобода от традиции позволяет писателю в реалистических эпизодах для большей наглядности подбирать выразительные сравнения и определения непосредственно из бытовых впечатлений, а не из установившегося запаса книжных или устно-поэтических тропов. И. П. Еремин справедливо обращает внимание на то, что «характерные для древнерусской литературы изобразительные средства (от отдельного эпитета или метафоры до устойчивых формул поэтического изображения) обслуживали, как правило... мир авторского идеала» (стр. 78), т. е. произведения, построенные методом «идеального преображения жизни». Однако исследователь не учел того, что «изобразительные средства» появляются и в реалистических эпизодах при изображении жизни «какая она есть», причем берутся они здесь, как правило, не из традиционного запаса. Приведенное выше описание «ленивого и сонливого» почти целиком построено на свободно и смело взятых из быта уподоблениях: ленивый по улице бредет, заглядывая в окна, «аки несытый пес»; шатается, «аки оскорблая свиния о углы чешется»; чужими трудами кормится, «аки червь капусту» ест; леность привязалась к нему, «аки милая жена к мужу своему», и т. д. Князь Давыд стережет ослепленного Василька, «аки зверь уловил», и т. д. Обильно представлены бытовые черты в своеобразной поэтической системе «Моления» Даниила Заточника.[53]

Не связанный в реалистических эпизодах установившимися стилистическими нормами, древнерусский писатель использовал в них разные типы устного, устно-поэтического и книжного языка. В приведенных выше летописных реалистических рассказах преобладает разговорная речь, иногда перемежающаяся устоявшимися формулами делового языка; в описании «ленивого и сонливого» ясно слышна образность и даже своеобразная ритмичность устно-поэтического языка; но в той же, например, учительной литературе многие «страсти» человека изображаются реалистически, с помощью выдержанного книжного славяно-русского языка; Даниил Заточник смело сочетает живой язык со славянскими лексикой и формами даже в эпизодах, построенных в духе «скоморошьего балагурства»,[54] и т. д. Таким образом, очевидно, что в древнерусской литературе художественная правдивость изображения не стоит в прямой связи с выбором писателем языковых средств. Сама тема реалистического эпизода, иногда и контекст, в который он включен, определяет этот выбор.

Следует при этом отметить, что сама по себе образность языка еще не делает изложение реалистическим даже в том ограниченном понимании, в каком мы этот термин употребляем применительно к литературе XI—XVII вв. Среди житийных «чудес», например, есть много таких, в описании которых внешний бытовизм сочетается с лексикой живого языка,

---

[53] См. исчерпывающий анализ образов, взятых из быта, в статье Д. С. Лихачева «Социальные основы стиля „Моления“ Даниила Заточника» (стр. 110—117).

[54] Д. С. Лихачев. Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника, стр. 114.

иногда даже с элементами устно-поэтической стилистики. Однако такие описания не углубляют познание действительности, и, следовательно, нет основания лишь по признаку образности языка определять их как реалистические.

В свободе реалистических тенденций от традиции была и положительная сторона развития реалистического способа изображения, хотя рост его и замедлялся отсутствием системы. Авторская индивидуальность, почерк писателя проявлялись здесь более свободно.

К XVII в., когда практические функции древнерусской литературы всех жанров стали сосредоточиваться лишь в определенной группе их, когда, к тому же, религиозно-философское истолкование действительности уже не связывало в прежней мере писателя, — открылся более широкий простор для развития реалистических тенденций. Однако пройдет еще более двух столетий, пока сформируется реализм как словесно-художественный метод.

Изучение характера и роста этих тенденций в XI—XVII вв. вместе с исследованием всей «художественной специфики» древнерусской литературы необходимо для того, чтобы показать, что «к овладению теми художественными средствами, которые уже получили развитие на Западе, русская литература шла своим особым путем, не теряя, а укрепляя и расширяя свою национальную специфику в области и содержания и формы».[55]

---

[55] Б. И. Бурсов. О национальном своеобразии и мировом значении русской классической литературы. (Статья вторая), стр. 24.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

Н. Г. ПОРФИРИДОВ

О путях развития художественных образов в древнерусском искусстве

Проблема изображения человека в древнерусском искусстве ходом развития литературоведческой и искусствоведческой науки выдвигается как одна из основных проблем научного исследования. Коль скоро вопрос касается области художественного творчества, она тем самым является и проблемой художественного образа.

Разработке этой проблемы в отношении к древнерусской литературе в последние годы посвящен ряд работ широкого, обобщающего характера.[1] В отношении к изобразительному искусству древней Руси она еще не нашла себе столь широкого и специального освещения, хотя по частным вопросам также неоднократно становилась предметом изучения.[2]

Плодотворность взаимного использования опыта литературоведения и искусствоведения, по-видимому, не может подлежать сомнению, хотя конкретный материал, изучаемый тем и другим, имеет существенные особенности.

Произведения древнерусской литературы жанрово разнообразны. Кроме поучений, житий святых и им подобных произведений, церковных по преимуществу, литература знала летописи, исторические и воинские повести, позднее бытовые и сатирические произведения, в которых в первую очередь можно ожидать постановки задач и поисков средств живого и правдивого изображения героя. Древнерусскому живописцу приходилось осуществлять свое творчество почти исключительно в формах церковного искусства — стенных росписях церквей и иконах. Арсенал выразительных средств хотя бы по одному этому у литературы мог быть богаче и разнообразнее. Связи литературы с животворными источниками народного творчества были менее затруднены и ограничены. Известно, наконец, что изобразительное искусство древней Руси в сравнении с литературой испытывало гораздо более сильное воздействие фактора обязательности традиций, воплощенного в так называемых подлинниках и образцах. В толко-

---

[1] В. П. Адрианова-Перетц. Древнерусская литература и фольклор. (К постановке проблемы). — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 5—16; Д. С. Лихачев 1) Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в. — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 218—234; 2) Изображение людей в летописи XII—XIII вв. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 7—43; 3) Изображение людей в житийной литературе конца XIV—XV в. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 105—115.

[2] В. Н. Лазарев. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве. — Византийский временник, т. VI. М., 1953, стр. 186—222; М. В. Алпатов. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и древней Руси. — ТОДРЛ, т. XII, стр. 292—310; Н. А. Демина. Черты героической действительности XIV—XV вв. в образах людей Андрея Рублева и художников его круга. Там же, стр. 311—324.

вых подлинниках были описаны, а в образцах[3] проиллюстрированы облики каждого святого, вплоть до мельчайших подробностей. Отступление от них в практике художников, видимо, было делом необычным. Феофан Грек тем больше всего и изумлял современников, что его «никто же видеша на образцы взирающа».[4]

Ссылка на роль подлинников и слишком прямолинейное понимание этой роли имели не последнее значение для того обстоятельства, что столь долгое время держались представления о неподвижности и отсутствии развития в древнерусском искусстве. «В продолжение целых пяти-шести столетий мы видим здесь (т. е. в древнерусском искусстве, — *Н. П.*) господство одного неизменного начала, исключающего прогресс... Сущность его заключается в том, что русские мастера всех мест и времен должны были писать иконы по образу и по подобию... древнейших иконописцев».[5]

Простые наблюдения над фактами еще ранее собственно научного их осмысления стали разрушать подобного рода представления. Непохожесть памятников древнерусской живописи друг на друга была замечена прежде, чем она могла быть объяснена. «В моем собрании есть 27 Никол, 17 благовещений, 12 спасов и т. д., и едва ли найдется между ними два совершенно одинаковых и сходных между собою», — сто лет назад засвидетельствовал один из основоположников изучения древнерусской иконы.[6]

С тех пор искусствознанием пройден большой путь. Несколько схематизируя и обобщая, этот путь можно разложить на несколько последовательных стадий: археологическую, иконографическую, формально-стилистическую, социологическую, — которые, разумеется, нельзя представлять в абсолютно «чистом» виде. Каждая из них вносила нечто новое в изучение древнерусского искусства и, в отрешении от крайностей, способствовала познанию его разных сторон. Умение распознавать памятники в их хронологическом различии — прочно достигнутый результат. Уловлены основные закономерности, дающие основу для такого распознавания. Исследователь и музейный работник наших дней не сделают той грубой ошибки, что смешают произведение XII—XIII вв. с произведением XV и тем более XVII вв.

Однако результат этого рода — способность определить памятник по времени — уже не удовлетворяет современным требованиям. За вычетом всего, что может дать самый изощренный материально-технический, иконографический, формально-стилистический анализ, в произведении древнерусской живописи часто оказывается какой-то «нерастворимый остаток», который оставляет исследователю гадать, к какой исторической среде, к какому месту происхождения следует произведение отнести. Это как раз то, на что менее всего обращалось внимание, но что бывает самым важным в произведениях искусства, — художественный образ.

При всем отличии древнерусской живописи от современной нам, при всем своеобразии, ограниченности и условности круга древнерусских сюжетов и героев, обе они во многом сопоставимы. Образ человека создавался древнерусским художником в основном теми же элементами, что и художником нашего времени. Изображаемый герой, церковный или светский,

---

[3] Часто неточно называемых прорисями.

[4] См.: Православный собеседник. Казань, 1863, ноябрь, стр. 326; Палестинский сборник, т. V, в. 3. СПб., 1887, стр. 4; Мастера искусства об искусстве, IV, М.—Л., 1937, стр. 16.

[5] Н. В. Покровский. Очерки памятников христианской иконографии и искусства. СПб., 1900, стр. 273.

[6] Д. А. Ровинский. Обзор иконописания в России до конца XVII века. СПб., 1903, стр. 12.

характеризовался прежде всего внешними чертами: одеждой, по которой узнавался князь, воин, священнослужитель, монах, мирянин; атрибутами — мечом, копьем, евангелием, свитком; позой — фронтальной, коленопреклоненной, молитвенной и пр.; жестами. Его внутренний, духовный облик передавался главным образом соответственной трактовкой лица: ясным, открытым, добрым или даже ласковым, в других случаях, наоборот, суровым и грозным взглядом глаз, поднятыми или сдвинутыми и насупленными бровями и т. д. В соответствии с содержанием образа избирались прочие художественные средства: красочный строй иконы и его доминанты, композиционный ритм.

Продуманным и творческим применением указанных средств достигалось то, что в бесконечном, казалось бы, повторении одних и тех же лиц их канонизированные иконографические черты — волоса кудрявые, лоб лысый, борода широкая или длинная — как бы выносились за скобки, в виде общего множителя, внутри же скобок всякий раз давалось свое, неповторимое зерно художественного образа. За подробностями и околичностями, как будто бы одинаковыми для всех спасов, богоматерей, георгиев, никол и т. д., часто вскрывается «сверхзадача», решавшаяся по-разному. Ограниченные наперед данным кругом сюжетов, древнерусские иконописцы тем более сосредоточивали свой талант и свои силы на художественной выразительности создаваемых образов.

*

Первой и общей причиной эволюции «структуры человеческого образа»[7] в изобразительном искусстве древней Руси, как и в литературе, было, конечно, общее развитие культуры. Рассматриваемая в этом плане, эволюция была неизбежным следствием расширяющегося познания действительности и духовного прогресса.

Отражение действительности — «общий характеристический признак искусства, составляющий самую сущность его»,[8] какими бы формами это отражение не было опосредствовано, в том числе формами средневековой религиозной живописи. Но естественно, что, основанная на несовершенном познании действительности, средневековая живопись лишь постепенно овладевала способностью давать все более правдивые ее отражения.

На ранней ступени развития, в искусстве XI—XII вв., образы людей были скорее образами представителей определенных общественных положений: церковных пастырей, монахов, воинов, князей, изображаемых не в живой, бытовой среде, а в некоей иератической и социальной отвлеченности, притом только с положительной стороны, с точки зрения идеальных представлений о данном сане или должности. Если князь, то, пользуясь чертами из синхронных литературных портретов, «красен, высок», «аки воин изящен», «всячески украшен», «щит его яко заря... сабля златом украшена якоже дивитися, кожюх же оловира грецького... сапози зеленого хза шити золотом». Если церковный герой — епископ, пресвитер, монах, то «проповедник истины», «святыни податель», «муж благ», «постник» и «книжник». В образах живописи XI—XII вв. редко выражены признаки индивидуального внутреннего мира чувств. Монументальный стиль ее чужд житейской конкретности. Тем не менее и эта художественная си-

---

[7] Д. С. Лихачев. Изображение людей в житийной литературе конца XIV—XV в., стр. 113.

[8] Н. Г. Чернышевский. Эстетические отношения искусства к действительности. ОГИЗ, 1948, стр. 131.

стема не была оторванной от жизни, «надмирной». Связанная с определенной ступенью общественного мировоззрения, она отражала соответствующий ей интеллектуальный, идейный и социально-политический опыт. Для общепонятного зрительного воплощения образов и ей были в какой-то мере нужны бытовые — предметные, костюмные и иные — реалии.

Новую ступень в изображении человеческих образов можно прослеживать с XIV или еще с конца XIII в., когда искусство заметно овладевает той областью художественного постижения человека, которую с известным правом можно называть психологической. Психология образов XIV в. также еще не конкретная, сложная и разностороння, свойственная индивидуальным человеческим характерам. Существование ее замечено искусством только еще в некоторых общечеловеческих проявлениях, притом только в повышенно эмоциональных или резко выраженных формах. Но она оживила человеческие образы, наполнив их до некоторой степени реально-житейским содержанием. «Ожившие» образы художественное вображение неизбежно начинает дополнять правдоподобием обстановки, а проявление их чувств и переживаний мотивировать действиями.

Все это, вместе взятое, требовало новых средств выражения. Более сложный, чем ранее, иногда преувеличенно острый рисунок, более разнообразные и иногда утрированные ракурсы, многофигурные композиции, движение были средствами нового стиля, выработанного для передачи нового содержания образов.

Интерес к живым человеческим эмоциям и вместе с ним «реалистическое» внимание к внешнему поведению человека, в котором эти эмоции проявляются, были исторической ступенью на пути художественного познания действительности. Творчеством мастеров XIV в., и среди них мастера Феофана, ломались оковы раннесредневекового иератизма. Ограниченность их образотворчества, не свободного от односторонности и «экспрессионистических» крайностей, свойственных первооткрывателям, на следующем этапе развития была преобразована глубиной и богатством опыта, чувством меры, внутренней и внешней уравновешенностью. Более целостное восприятие человека, уже не в отдельных его одноплановых и острых переживаниях, но в единстве и гармонии чувств, связано со следующей ступенью искусства, лучшим представителем которой был Андрей Рублев. Глубоко очеловеченные, полные богатым лирическим и философским содержанием, человеческие образы, созданные великим мастером в церковной живописи, почти «утрачивают отвлеченный культовый характер».[9]

Поступательное движение древнерусского изобразительного искусства, разумеется, не закончилось творчеством Андрея Рублева. Но в отношении нашей темы — исторического развития изображения человека — оно не имело более в нем достижений такого же значения и масштаба.

Следует ли рассматривать это развитие, изложенное лишь в самых общих чертах, как путь к реализму? Не употребляя этого термина, во избежание путаницы понятий, можно сказать, что это был путь накапливания познаний о мире и человеке, путь приближения к жизненной правдивости образов в пределах общего идеалистического типа искусства.

Был ли путь развития изобразительного искусства равномерным и вполне синхронным с литературой? По-видимому, нет. Если в XIV в. в области литературного творчества трудно указать явления столь же прогрессивные, как в области живописи, и если в XV в. преимущество глубины интеллектуализма и лиричности продолжает оставаться за послед-

---

[9] В. Н. Лазарев. Андрей Рублев и его школа. — В кн.: История русского искусства, т. III. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 124.

ней, то в XVI и XVII вв. живопись, при всех ее дальнейших завоеваниях, решительно уступила первое место литературе, которая в главной и решающей области пришла к осознанию и искусству изображения человеческих характеров.

Был ли, наконец, этот путь прямолинейным и неуклонным? Подчиненное общему направлению прогресса культуры, искусство временами, в отдельных местах и в творчестве отдельных художников испытывало влияние факторов, то усиливавших, то ослаблявших действие общеисторических закономерностей.

Понять существо этих особых и дополнительных факторов могут помочь наблюдения над иконографией отдельных святых. Особенно ценным и благодарным объектом наблюдения в данном отношении будут изображения святых, с одной стороны, с наиболее древним культом, прошедшим через всю многовековую историю древней Руси, с другой стороны — с наиболее массовым культом, охватывавшим широкие и разные круги общества.

*

Одним из святых, культ которых пользовался самым широким признанием и распространением на Руси с древнейшей поры, был Никола.

Ближайшим поводом к распространению культа св. Николая во всем восточно-христианском мире, можно думать, было перенесение его мощей из Мир Ликийских в Бар в 1087 г. К XI—началу XII в., по мнению В. О. Ключевского, относится появление у нас переводной биографии св. Николая, послужившей источником для составления вскоре русского жития и позднее целой литературы о мирликийском чудотворце.[10] К последней принадлежала русская повесть о перенесении мощей св. Николая и Похвальное слово ему.[11] В 1089 г., при митрополите Иоанне II, устанавливается на Руси праздник 9 мая [12] и вслед за тем возникает ряд храмов во имя св. Николая в Киеве, Новгороде и других местах.[13]

Не русский святой, Никола тем не менее подобно Георгию получил на Руси необычайно широкую популярность во всех слоях общества. «Прииди в Русь и виждь, яко несть града ни села, идеже не беша чудеса умножена святаго Николы», — писал автор его жития, XI в.[14] Глубочайшее укоренение культа Николы обусловило создание огромного количества его икон и отведение ему одного из почетнейших мест в русском пантеоне. В нарушение строгой иконографической традиции в ряде русских икон с изображениями Деисуса или аналогичных им Никола занимает наравне с богоматерью ближайшее место к Христу, заменяя Предтечу,[15] а иногда оказывается даже в центре деисусного чина, как бы заменяя самого Христа.[16]

Иконографический облик Николы был создан уже в византийской живописи. Он представлен мозаиками Дафни, монастыря Хозиос Лукас

---

[10] В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 217.

[11] Арх. Леонид. Житие и чудеса св. Николая Мирликийского и похвала ему. Исследование двух памятников русской письменности XI в. — ПДПИ. Изд. ОЛДП., СПб., 1881, стр. 97.

[12] А. Красовский. Установление в русской церкви праздника 9 мая. — Труды Киевской духовной академии, т. IV, 1874, стр. 584.

[13] Амвросий. История российской иерархии, т. IV. М., 1812, стр. 522; И. Фундуклей. Обозрение Киева в отношении к древностям. Киев, 1847, стр. 69; Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, I. М., 1860, стр. 140, 187, 249.

[14] Арх. Леонид. Житие и чудеса св. Николая Мирликийского..., стр. 90.

[15] Икона Гос. Русского музея (далее: ГРМ) № 2125.

[16] Икона ГРМ № 2120. — История русского искусства, т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954, таблица при стр. 366. — Каменный образок Успенского собора во Владимире. Альбом Барщевского, в. 21, фото 772.

в Фокиде, Ватопедского монастыря на Афоне — XI в., мозаиками Сан Марко — XII в. и другими памятниками.[17] Основные черты этого облика — строгость и суровость. Епископ Николай предстает в нем как несгибаемый ревнитель православной ортодоксии. Для византийских художников, по-видимому, не имели значения никакие иные аспекты его личности, кроме церковно-иератических, равно как и никакие иные отношения его к человеческой жизни. Этот характер образа св. Николая ясно ощущается даже в произведениях наиболее народных, как например Фокидские мозаики.[18]

Созданный византийским искусством, образ Николы был перенесен на русскую почву. Изображение Николы в мозаиках Киевской Софии мало в чем от него отступает, хотя это, в сущности, схема, не носящая особых следов образотворческого отношения художника. Никола иконографически узнаваем, но он не имеет каких-либо индивидуальных отличительных черт.[19]

Самое выразительное воплощение первоначального официально-церковного образа Николы, может быть более глубокое, чем в произведениях самого византийского искусства, находим в русской иконе Николы XII в. из Новодевичьего монастыря в Москве (рис. 1).[20] Невозможно ярче и впечатлительнее передать представление о строгом и отрешенном от житейских интересов «отце церкви». Оставаясь в пределах скупой иконографической схемы, ничего не прибавив и не убавив, не изменив ни на иоту обязательного благословляющего жеста правой руки и обязательного атрибута — евангелия — в левой, русский художник XII в. сумел неповторимо охарактеризовать своего героя как раз в указанном смысле, удлинив лицо, утончив черты, изобразив Николу с высоким куполом лба, впалыми аскетическими щеками, тонкими, сжатыми губами, большими глазами, и — главная запоминающаяся черта — с сурово насупленными в сложном изломе бровями.

Но в том же XII в. образ Николы в некоторых произведениях русского искусства начинает существенно меняться. Иным по сравнению с новодевичьей иконой, гораздо более мягким, приближенным к земному и человеческому и более «русским» по внешности, выглядит Никола в стенных фресковых росписях Георгиевской церкви в Старой Ладоге — 80-е годы XII в.,[21] Нередицкой церкви в Новгороде — 90-е гг.,[22] а также на иконе Русского музея — конец XII в.[23]

В памятниках XIII, XIV и следующих веков прослеживается дальнейшее развитие образа. На новгородской датированной и авторизованной иконе 1294 г., работы Алексы Петрова, происходящей из Липенского монастыря (рис. 2), с одной стороны, все тот же, легко узнаваемый Никола — «сед, брада невеличка, кручеват, взлызоват, плешат... в руце евангелие, благословляет». Однако по внутреннему содержанию образа это другой Никола, можно сказать, антипод новодевичьего. Это не мрачный и неприступный иерарх греческого обличья, готовый покарать всякого ослушника и противника, это добрый старичок, с мягким, широким лицом русского типа. Для выражения его душевной теплоты и мягкости и этот мастер

---

[17] В. Лазарев. История византийской живописи, т. I. М., 1947, стр. 92, 117, 127, 152.
[18] В. Лазарев. История византийской живописи, т. II. М., 1948, табл. 110.
[19] Там же, табл. 119а.
[20] Вопросы реставрации. Сборник Центральных Гос. Реставрационных мастерских, т. II. М., 1928, стр. 133 и таблица; История русского искусства, т. II, стр. 123, 125.
[21] История русского искусства, т. II, стр. 92.
[22] Фрески Спаса Нередицы. Изд. ГРМ, Л., 1925, табл. XXX, 1.
[23] Собр. ГРМ, № 2778. — История русского искусства, т. II, стр. 128.

нашел нужные средства: общий округлый абрис головы, мягкие завитки бороды, какие-то «домашние» «кудерцы» волос, спокойный, ласковый взгляд.[24]

Еще более народные, демократические черты в образе Николы дают почувствовать некоторые иконы XIV—XV вв., преимущественно северные, и равно резные образки из камня и дерева. Изображенный бесхитростной кистью провинциального художника на выносной иконе из деревни Пирозеро, Оятского района,[25] Никола сам такой же немудрящий и простоватый, несколько неуклюже косоплечий, «деревенский», далекий от высокоинтеллектуального облика, подчеркнутого новодевичьей иконой (рис. 3). Это святой, близкий по уровню и даже по внешнему облику к крестьянину, хорошо его понимающий и в свою очередь доступный ему, может быть, сам из крестьян, лишь одетый в епископскую одежду.

Таким же «своим», простоватым, но деловым стариком с асимметричными чертами лица, выглядит Никола и на каменном образке XIV—XV в.[26]

Наконец, в стенной росписи Ферапонтова монастыря, около 1500 г., изображенный кистью великого мастера, Никола предстает в классическом русском образе, в котором соединились и интеллектуальная значительность, богатство духовной жизни, и доброта, ласковость чуть грустноватого, многоопытного старца (рис. 4).[27]

Чтобы лучше понять направление и смысл эволюции образа Николы в древнерусском изобразительном искусстве, интересно сопоставить ее с литературными и фольклорными произведениями об этом святом.

В раннем русском литературном памятнике, подобно тому как и в ранних русских живописных изображениях, Никола рисуется высокими, но, так сказать, нейтральными чертами в духе общей, безличной, стандартной агиографической и гимнологической поэтики: «похвала апостольская», «святыни податель», «проповедник истины», «монастырем твердое и недвижимое основание» и пр.[28] Но как скоро древнейшим литературным произведениям приходилось ближе и конкретнее касаться жизни и деятельности Николы, повторялись черты византийского прототипа строгого святителя, ревниво оберегающего свое достоинство, наказывающего простых людей за недостаточное внимание и почитание. Он беспощадно карает жену некую за то только, что в день его праздника та не пошла в церковь, занявшись домашними делами, — рассказывается в «Чтении о житии и погублении блаженную страстотерпия Бориса и Глеба», написанном Нестором в 70—80 годах XI в.[29]

Однако постепенно и скоро Никола в русском представлении приобретает другой, во многом противоположный, характер, превращаясь из сурового и страшного святого в доброжелательного покровителя и помощника простых людей. Такую направленность получают его новые, русские «чудеса», например спасение отрока, утонувшего в Днепре. Такой же характер обнаруживает поведение его в русских былинах: покровитель мореплавателей и купцов, Никола вызволяет Садко из подводного царства. Таким же рисуется он в русских народных сказках: покровитель и друг

---

[24] Н. Порфиридов. Древний Новгород. Очерки из истории русской культуры XI—XV вв. М.—Л., 1947, стр. 290—291.

[25] Собр. ГРМ, № 2090.

[26] Собр. ГРМ, К-61.

[27] В. Геогиевский. Фрески Ферапонтьева монастыря. СПб., 1911, табл. V, VI.

[28] Арх. Леонид. Житие и чудеса св. Николая Мирликийского. . ., стр. 106—107.

[29] Памятники древнерусской литературы, в. 2. Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Приготовил к печати Д. И. Абрамович. Пгр., 1916, стр. 23.

мужика, Никола помогает ему там, где брезгливо отстраняется святой Касьян, отвращает козни мстительного пророка Ильи и т. д.[30]

Недаром поэтому Никола в русском фольклоре получил устойчивый эпитет «Николы милостивого», а некоторые иконы его — название «Николы доброго».[31]

Так именно в поздней русской повести Никола и сам себя характеризует бражнику, стучащемуся в двери рая: «аз есмь святый отец Николае, многие чудеса творю, в бедах и скорбех скоро помогаю и от напрасные смерти избавляю».[32] Таким именно, реальным, интимно-близким, ничуть не грозным, Никола выступает даже тогда, когда, как в письмах протопопа Аввакума, он вспоминается в качестве ревнителя православия: «Ария, собаку, по зубам брязнул... ревнив был, миленькой покойник».[33]

Вот круг представлений о Николе, отраженный литературно-фольклорными памятниками, несомненно и ясно сказавшийся на формировании образа его, прослеженного в произведениях изобразительного искусства. Между изобразительными и словесными памятниками, посвященными одному герою, безусловно имелась связь. С одной стороны, произведения изобразительного искусства влияли на фольклорные и литературные. Само обилие изображений того или другого святого возбуждало интерес к нему, вызывало появление новых и новых сказаний, интерпретирующих и развивающих его образ. С другой стороны, распространение этих последних, бесспорно, способствовало разработке и углублению его образа в искусстве. Процесс был двусторонним.

Легко понять, какими путями шло развитие художественного образа, в данном случае Николы. Происходила его русификация, притом не только в общем смысле усиления национального элемента в лице иноземного святого, но и в смысле отражения в его образе народных представлений, иначе говоря офольклоривание, вложение в него иных качеств, иных жизненных идеалов, иного отношения к действительности, чем те, какие требовались церковной морально-философской теорией, безразлично — византийской или русской.

Направление и существо изменений, постепенно вносившихся древнерусской живописью и пластикой в образ некоторых святых, подобно Николе, были до некоторой степени аналогичны тем изменениям, какие претерпевали на русской почве и в русском обращении некоторые произведения переводной литературы.

*

Общими законами культурной эволюции и воздействием национального фактора, русификацией, не всегда возможно объяснить существо и разницу художественных образов, содержавшихся в произведениях древнерусского искусства. Созданные в близкое или даже в одно время, но в разных местах, они часто оказываются разными до противоположности.

С успехами изучения культуры древней Руси давно уже было замечено, что памятники, принадлежащие разным русским областям, обладают особенностями, с одной стороны, объединяющими их между собою, с другой — отличающими их от памятников иных культурных центров. Понятие

---

[30] А. Афанасьев. Народные русские легенды. М., 1914, стр. 112, 117.

[31] Н. Троицкий. Новосильская икона св. Николая «доброго». — Светильник, 1915, № 9—12.

[32] И. Голубев. Сказание о премудром бражнике. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 462.

[33] Памятники истории старообрядчества XVII в. Под ред. Я. Л. Барскова и П. И. Смирнова, кн. 1, в. 1, Изд. АН СССР, Л., 1927, стр. 626.

о «местных школах» стало общепризнанным и в истории древнерусской литературы, и в истории древнерусского искусства.

Одним из первых блестящих опытов вскрытия не только внешних, но и внутренних особенностей областных художественных типов было сделанное И. Э. Грабарем противопоставление новгородской и суздальской архитектуры и живописи.[34] Все же, когда говорится о местных школах древнерусской живописи, их различия усматриваются главным образом в стилистических особенностях, в предпочтительной склонности к определенным сюжетам, к изображению определенных героев, культ которых был там или здесь особенно распространен. Меньше внимания уделяется анализу особенностей художественных образов, хотя казалось бы бесспорным, что наряду с особенностями тематики и стиля можно ожидать и искать местных особенностей и в этой существеннейшей стороне искусства.

Сделать такую попытку естественнее на образах святых, почитание которых было повсеместным и изображения которых всюду были одинаково широко распространены. К таким святым относятся, например, Борис и Глеб.

В отличие от Николы Борис и Глеб — свои, русские святые, готовых изображений которых не было получено извне и на сложении образов которых какие-либо влияния могли отразиться разве лишь косвенно. Иконы Бориса и Глеба появились вскоре же после их канонизации, вероятно одновременно с построением первых посвященных им храмов. Воздвигнув в честь братьев храм в Вышгороде (1026 г.), «христолюбивый» Ярослав «повеле же и на иконе святою написати, да входяще вернии людии в церковь ти видяще ею образ написан и аки самою зряще».[35] Есть все основания думать, что изначальная иконография отразила реальные портретные черты обоих братьев. Эти основания нам представляются не в портретности как обязательном свойстве иконных изображений и не в буквальном понимании относимых к ним выражений литературных памятников: «аки живи», «аки самою зряще». То стандартные литературные формулы. По «портретному сходству» изображенных на иконах лиц, оказывается, узнавали не только люди, видевшие их при жизни, знавшие их и общавшиеся с ними, но и видевшие их в «сонных видениях». Так, по рассказу Киево-Печерского патерика, прибывшие в Киев цареградцы «узнали» на иконах Антония и Феодосия печерских тех старцев, которые рядились с ними во сне. По рассказу Волоколамского патерика, пришедший в Киев Батый «узнал» на иконе даже архангела Михаила, как того воина, который преградил ему путь на Новгород. В данном же случае просто трудно представить, чтобы среди современников, отделенных от времени жизни Бориса и Глеба двумя-тремя десятилетиями и сохранявших еще живые представления о них, могли получить распространение изображения совершенно условные, далекие от подлинного облика молодых князей. Но какие они могли быть по внутреннему образу?

Культ Бориса и Глеба на Руси с самого начала получил определенную окраску. Жертвы династической борьбы, сыновья великого киевского князя, убитые одним из своих братьев, они были затем другим братом, при поддержке церковной власти, объявлены святыми в целях укрепления авторитета русской державы и церкви. Их почитание со всеми его внешними выражениями — храмозданием, украшением гробниц и т. п. — старательно

---

[34] И. Грабарь. Андрей Рублев. — В кн.: Вопросы реставрации. Сборник Центральных Гос. Реставрационных мастерских, т. I, М., 1926, стр. 46 и сл., главным образом стр. 57.

[35] Памятники древнерусской литературы, в. 2. Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им, стр. 18.

поддерживалось как князем Ярославом, так и его преемниками, причем в этом почитании выделялась политическая сторона, которая и стала главной или даже единственной. Борис и Глеб стали признанными покровителями киевских, затем вообще русских князей, их воинских предприятий, небесными покровителями и защитниками Русской державы.

Можно с уверенностью предполагать, что указанные представления отразились в том образе святых князей-братьев, какой был вложен в древнейшие их изображения.

Киевских икон Бориса и Глеба, существование которых устанавливается с несомненностью,[36] до нас не дошло. Справедливы предположения о том, что непосредственное отражение их в смысле воспроизведения образа, а может быть, и композиции, донесли до нас памятники прикладного искусства, южнорусские кресты-энколпионы XI—XII вв. На них тот и другой князь изображены в рост, в торжественных и неподвижных позах, в княжеских одеяниях и шапках, держащими один в правой, другой в левой руке посвященные им храмы.[37]

Яркое воплощение образов Бориса и Глеба как князей-воинов, представленных во всем величии и силе, находим в памятниках владимиро-суздальского и позднее московского искусства.

Представительно, в рост, в роскошных великокняжеских одеждах и шапке, обильно украшенных золотом, с крестом в правой руке и с храмом в левой, на синем фоне под пятилопастной аркой изображен Борис на миниатюре пергаментной рукописи «Слово Ипполита», XII в., принадлежащей, вероятно, к остаткам библиотеки ростовского епископа Кирилла (1216—1230 гг.).[38]

Еще более выразительный образ видим на широко известной иконе Бориса и Глеба конца XIII—начала XIV в. собрания Русского музея, идущей также из Владимиро-Суздальской земли,[39] но воспроизводящей, по-видимому, киевскую традицию (рис. 5). Здесь на сияющем золотом фоне, без реальной поземи, представлены две величественные фигуры, стоящие в ряд строго фронтально, обе в парадном княжеском наряде — цветных кафтанах из богатых иноземных тканей, с изображениями геральдических птиц и зверей и еще более богатых плащах-корзно, затканных или вышитых у одного серебром, у другого золотом. Украшенные жемчугом и цветными камнями пояса и каймы одежд, красные сафьяновые сапоги и шапки с меховой опушью дополняют великолепный наряд. В правой руке у князей кресты, держимые перед грудью, в левой — мечи. Независимо от того, сохранилась ли портретная традиция, икона заключает в себе все, что было нужно для создания яркого образа идеального князя. Строгий и репрезентативный строй иконы с величайшей наглядностью выражает идею княжеского величия. Именно такое содержание образа было естественным и закономерным для искусства Владимиро-Суздальской земли, преемницы и блюстительницы киевских великокняжеских традиций.

На иконе из московского Успенского собора, относящейся к XIV в., Борис и Глеб представлены в другом переводе — как князья-воины, еду-

---

[36] Д. Айналов. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. IV. Миниатюры «Сказания» о св. Борисе и Глебе Сильвестровского сборника. — ИОРЯС, т. XV, 1910, кн. 3, стр. 14—15.

[37] В. Лесючевский. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства. — Советская археология, т. VIII. М., 1946, стр. 241—242.

[38] А. Свирин. Древнерусская миниатюра. М., 1950, стр. 23.

[39] Собр. ГРМ, № 2117. — П. Нерадовский. Борис и Глеб из собрания Н. П. Лихачева. — Русская икона, т. I. СПб., 1914; История русского искусства, том I. Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 500 и сл., цветная вклейка к стр. 502.

щие верхом на лошадях.[40] Средства выражения, сходные с предыдущим памятником: строгость и сосредоточенность лиц, наличие дополнительных атрибутов — копий с вымпелами, собранность композиции — придают и этой иконе характер величия и торжественности. Введение в композицию коней, мерно шагающих нога в ногу, в физически ощутимом ритме, не снижает, а, напротив, усиливает содержательность и емкость образа.

Другая московская икона Бориса и Глеба, XIV в., из Коломны,[41] возвращает нас к старому иконографическому изводу. Парно стоящие в рост фигуры князей-братьев, кажется, еще более объединены свойственным древнерусскому искусству неподражаемым ритмом. Лица Бориса и Глеба вносят новый аспект в их целостный образ, выражая не столько идею величия, сколько идею возвышенного благородства и благочестия.

Все перечисленные произведения живописи, при желании, могли бы быть прокомментированы литературными портретами князей из южнорусских и среднерусских памятников.

Уже столь ранний литературный памятник, как «Сказание» о Борисе и Глебе, дает не только восторженное описание внешних портретных черт своих героев: «Сей убо Благоверный Борис... теломь бяше красен, высок, лицемь круглом, плечи велице, тонок в чресла, очима добраама... борода мала и ус... светяся цесарски... всячески украшен, аки цвет цветный в уности своей»[42] и т. д. — широко известный портрет, по существу легший в основу многих изобразительных памятников. Сказание дает образам своих героев и совершенно недвусмысленную интерпретацию: «По истине вы цесари цесарем и князя князем, ибо ваю пособиемь и защищениемь князи наши противу въстающая дьржавьно побеждают и ваю помощию хваляться. Вы бо тем и нам оружие, земля Русскыя забрала и утвержение и меча обоюду остра».[43]

Южнорусские, Владимирская и Галицко-волынская летописи, «Сказание» и «Чтение» о Борисе и Глебе, «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели Рускыя земли», Житие Александра Невского, ярославские и тверские княжеские жития, не исключая в отдельных случаях отрицательных характеристик, всегда, однако, держали перед собой сияющий незапятнанной чистотой высокий идеал «князей грозных», «святящихся цесарски», «в ратех храбрых, в советах мудрых», «сильных, как Самсон, премудростью равных Соломону, храбростью — римскому царю Веспасиану», не имеющих «от главы и до ног порока» и т. д. и т. д.

«Задонщина», «Сказание о побоище великого князя Дмитрия Ивановича», «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» и другие литературные памятники раннего московского времени[44] дополнили этот идеал воинской доблести и государственной мудрости высотой душевных качеств, примерной религиозностью, благочестием, преданностью церкви князей, «от самых пелен бога возлюбивших», «о духовных делесех прилежавших», «о церквах божиих заботившихся», и т. д. и т. п.

---

[40] История русского искусства, т. III, рисунок на стр. 83.

[41] Собр. Гос. Третьяковской галереи (далее: ГТГ), № 28757. — История русского искусства, т. III, рисунок на стр. 79.

[42] Памятники древнерусской литературы, в. 2. Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им, стр. 51.

[43] Там же, стр. 49.

[44] В более поздних памятниках княжеские характеристики нивелируются, княжеские жития сближаются с житиями преподобническими, обезличиваются литературными схемами и стандартами (см.: Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, стр. 284—295).

Как видно, с достаточной ясностью обнаруживается параллелизм литературных и живописных образов, в целом объединяющихся, если так можно выразиться, в областной тип.[45]

Интересно сопоставить с приведенными икону Бориса и Глеба собрания Гос. Третьяковской галереи,[46] по времени близкую к ним, также XIV в. (рис. 6). На ней святые братья изображены, в сущности, все в том же привычном для зрителей изводе: стоящими рядом, в рост, в княжеских шапках, с мечами в руках. Но надо быть слепым, чтобы не увидеть разницы между нею и вышеописанными и именно разницы в художественном образе. У этих Бориса и Глеба нет ничего от торжественности, величия, суровости или благостности молодых князей южно- и среднерусских икон. Если б не было привычной композиции, мечей, шапок и не оставляющей места для сомнений надписи, мысль о князьях-мучениках могла бы не ассоциироваться с этим изображением. Скорее это зажиточные горожане, мирно идущие и беседующие. У них приземистые и несколько нескладные фигуры, свисающие космами густые пряди волос, роскошные одежды имеют какой-то обжитой, обыденный вид, пояса на кафтанах опустились, даже шапки — высокий символ княжеского сана — сидят на головах торчком и чуточку набекрень. При наличии обязательных атрибутов весь художественный строй произведения, зерно его художественного образа говорят об ином складе мышления художника, об ином представлении княжеской особы, чем тот, который отразился в предыдущих памятниках. Икона принадлежит к новгородскому искусству.

На новгородском каменном образке Бориса и Глеба собрания Гос. Исторического музея XIV—XV вв.[47] такие же простые, деловитые горожане, в шубах и косо сидящих на голове шапках, явно не придающие своим мечам значения священной и символической эмблемы власти, а небрежно держимым крестам — значения эмблемы мученичества.

Явное созвучие указанным двум памятникам, отличающимся особой остротой передачи художественного образа, найдем в ряде новгородских икон Бориса и Глеба XIV—XVI вв., например иконе собрания Государственной Третьяковской галереи, бывш. Рябушинского,[48] иконе собрания Государственного Русского музея, бывш. Погодина,[49] и др.

Распространенность данного художественного образа именно в новгородском искусстве, его легкая «местная» узнаваемость, отличие от южно- и среднерусских икон Бориса и Глеба позволяют говорить еще об одном факторе, влиявшем на создание и развитие художественных образов в древнерусском искусстве, — о воздействии местной культуры с особенностями ее склада и характерным для нее типом эстетики.

Дело в данном случае не в каком-то «критическом» отношении иконописца-новгородца к князьям и княжеской власти, но в простом, чуждом всякой приподнятости, складе демократической новгородской культуры и новгородской эстетики, сказавшемся в характере и новгородского искусства, и новгородской литературы. Так, представляется, одно почтительное

---

[45] Надо иметь в виду, что когда, например, московская (коломенская) икона Бориса и Глеба сопоставляется с московскими литературными памятниками, то это сопоставление не следует понимать слишком распространительно. Оно касается лишь, так сказать, идеологической стороны, содержания художественного образа, но не стиля: в стиле данной иконы еще господствует архаический лаконизм, в соответствующих же литературных памятниках начинает преобладать витиеватость, риторика.

[46] Собр. ГТГ, № 14299.

[47] Собр. ГИМ, № 74423 (ОК 9133). — В. Лазарев. Искусство Новгорода. М., 1947, табл. 136б.

[48] В. Лазарев. Искусство Новгорода, табл. 109.

[49] Собр. ГРМ, № 1189.

и умиленное упоминание в «Слове о погибели Рускыя земли» «князей грозных», которыми украсно украшена земля русская, помимо прочего, исключает новгородское происхождение памятника.

*

В отличие от прослеженных выше закономерностей иногда в древнерусском искусстве, преимущественно XV—XVI вв., изображения одного и того же героя, возникавшие в близкое время и в близком месте, все же весьма непохожи по смыслу образа. Их разницы не объяснить ни историческими сдвигами культуры, ни различием ее местного склада.

Такое явление можно наблюдать, например, на изображениях Кирилла Белозерского.

Ученик Сергия Радонежского, основатель одного из знаменитейших севернорусских монастырей, Кирилл умер в 1427 г. Почитание его как святого очень скоро приобрело широчайшую популярность во всей Руси. Уже в 1448 г. Кирилл упоминается в числе «чудотворцев русских».[50] Вместе с этим появляются в большом количестве и его изображения, иконы.

Одним из наиболее ранних изображений Кирилла было то, которое заслуживающим доверия преданием приписывается кисти Дионисия Глушицкого (рис. 7).[51] В нем дан необычайно индивидуальный, живой, запоминающийся образ святого. Маленький, седенький старичок, с большой не по росту головой, лобастый, широкобородый, немного кособокий. Живые, умные глаза говорят о деятельной натуре этого старика. Хочется верить в жизненную правдивость образа, созданного с не столь уж большим живописным умением.

Икона Кирилла, написанная Дионисием Глушицким, имела много повторений в XVI и XVII вв.[52] Этот извод иконы, или — в плане нашей темы — этот образ Кирилла, был признан и имел прочную традицию.

Но вскоре был создан и получил параллельное бытование другой образ Кирилла, представленный превосходной иконой Русского музея, идущей из Казанского собора г. Кириллова (рис. 8).[53] Как и на иконе письма Дионисия Глушицкого, на этой Кирилл изображен в рост и фронтально пред зрителем, в таком же монашеском одеянии, лишь с поднятой рукой и с развернутым свитком. Но несмотря на то что в обоих случаях изображен один и тот же исторический деятель, как будто в одном и том же иконографическом облике и с одним и тем же скупым реквизитом: «подобием стар и сед, власы просты, мало с ушей, брада доле Сергиевы и шире, ризы преподобнические... в руке его свиток», смысл образа в них совершенно разный. Вместо простого, прозаически деловитого, приземистого невзрачного и большеголового монаха здесь перед нами высокий и стройный старец-инок, с мудрым лицом, ласковым, чуть грустным взглядом, с чертами какого-то аристократического благородства. Явно идеализированный, опоэтизированный образ знаменитого игумена.

Ряд характерных черт стиля: удлиненность пропорций, стройность и какая-то своеобразная грация высокой фигуры с небольшой головой, покатыми плечами, маленькими кистями рук, изящество рисунка, тонкость живописи, построенной на изысканном сочетании коричневого, зеленого

---

[50] Н. Барсуков. Источники русской агиографии. СПб., 1882, стлб. 298.

[51] Оно находилось в Кирилло-Белозерском монастыре, откуда вывезено в Москву и в настоящее время хранится в Гос. Третьяковской галерее № 28835 (В. Лазарев. Искусство Новгорода, табл. 129; История русского искусства, т. II, стр. 265).

[52] Собр. ГТГ, № 1501; собр. ГРМ, №№ 368, 616, 819; собр. Музея истории религии АН СССР и др.

[53] Собр. ГРМ, № 2733. — История русского искусства, т. III, стр. 498, 499.

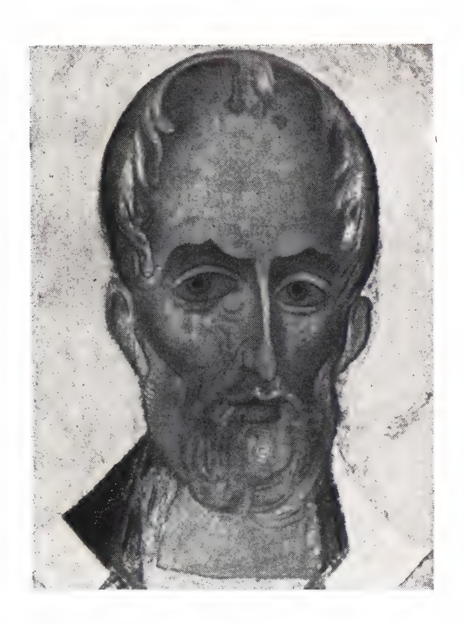

Рис. 1. Никола. Деталь иконы из Новодевичьего монастыря. XII в. (Гос. Третьяковская галерея, № 12862, 140 × 93 см).

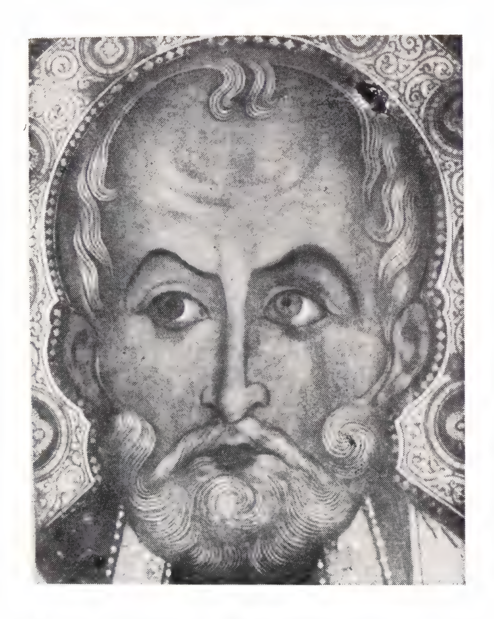

Рис. 2. Никола. Деталь иконы из Липенского монастыря. 1294 г. (Новгородский историко-художественный музей, № 7578, около 150 × 100 см).

Рис. 3. Никола. Икона из дер. Пирозеро Ленинградской области. XIV в. (Гос. Русский музей, № 2090, 61 × 43 см.)

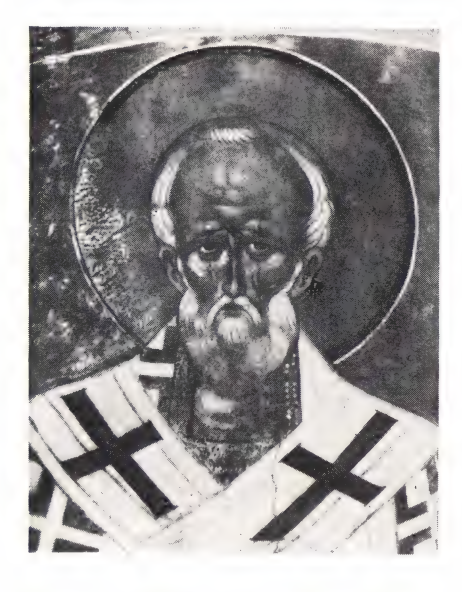

Рис. 4. Никола. Стенная роспись ц. Рождества богородицы в Ферапонтовом монастыре. 1500—1502 гг.

Рис. 5. Борис и Глеб. Икона Владимиро-Суздальского круга. XIII—начало XIV в. Гос. Русский музей, № 2117, 142 × 95 см).

Рис. 6. Борис и Глеб. Икона Новгородского круга. XIV в. (Гос. Третьяковская галерея, № 14299, около 60 × 45 см).

Рис. 7. Кирилл Белозерский. Икона работы Дионисия Глушицкого. 1424 г. (Гос. Третьяковская галерея, № 28835, 23 × 24 см).

Рис. 8. Кирилл Белозерский. Икона работы Дионисия. Конец XV в. (Гос. Русский музей, № 2733, 122 × 61 см).

и оливкового тонов, — в свое время позволили нам высказать предположение о принадлежности этого выдающегося произведения кисти знаменитого Дионисия, автора Ферапонтовской стенной росписи.[54] В последнее время эта атрибуция все более становится общепринятой; не имеющая авторской подписи икона во всяком случае причисляется к мастерской Дионисия, в продукции которой часто невозможно отличить, что сделано его собственными руками, что руками его сотрудников.[55]

Два столь различных по образу живописных портрета Кирилла Белозерского отделены один от другого временем немногим более полустолетия. Объяснение их различия, очевидно, надо искать в различии художественной индивидуальности и метода двух мастеров.

Первый, т. е. Дионисий Глушицкий, был современником и близким Кириллу человеком. Справедливы указания на то, что предание о написании им портрета Кирилла с натуры не имеет в данном случае особого значения.[56] Важно, что в основе его творчества лежало стремление быть верным правде. Поэтому, даже создавая икону своего учителя, художник не допустил поэтической приподнятости, преображения его физического и нравственного облика.

Но такой творческий метод — если можно говорить о сознательно избранном методе — не был в это время всеобщим и, очевидно, зависел от индивидуальности художника. Другой Дионисий, автор второго портрета Кирилла, обнаружил в нем как раз склонность к идеализации и поэтизированию изображаемого. Последнее тем более можно относить к особенностям индивидуального метода художника, что икона Кирилла органически включается в ряд ей подобных, написанных самим Дионисием или его ближайшими учениками.[57] Шестьдесят-семьдесят лет, прошедших со времени смерти Кирилла, не могли еще полностью подернуть дымкой легенды его реалистический образ. Но подобно тому как в литературном творчестве Пахомия специальный выезд того на место и собирание здесь фактических сведений о Кирилле не помешали ему, иное опустив, иное изменив в желаемом направлении, сделать из героя жития не реального человека, а «пример для подражания»,[58] так недавность времени и наличие «реалистического» портрета Кирилла не помешали Дионисию переработать последний в своем духе.

Чрезмерно сближать Дионисия с Пахомием нельзя: в творчестве Дионисия нет пахомиевой «напыщенности и витиеватости стиля». Однако в нем есть все же «элемент торжественности и пышности, который был неведом и чужд Рублеву»,[59] и есть повторяемость типов, усиление зрелищно-декоративного начала, некоторая условность живописных приемов.[60]

Как стремление к правдивости, так и склонность к идеализации, приукрашиванию действительности есть формы выражения художником его понимания жизни.

---

[54] Н. Порфиридов. Новгородский музей древнего и нового русского искусства. Новгород, 1928, стр. 13.

[55] История русского искусства, т. III, стр. 500, 514.

[56] Ю. Дмитриев. О творчестве древнерусского художника. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 555.

[57] В. Богусевич. Северные памятники древнерусской станковой живописи. Вологда, 1929, стр. 14—17; История русского искусства, т. III, стр. 496, 497.

[58] В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 159—161.

[59] М. Алпатов. Всеобщая история искусства, т. III. М., 1955, стр. 240.

[60] В. Лазарев. Дионисий и его школа. — В кн.: История русского искусства, т. III, стр. 497, 531.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

БОНЮ СТ. АНГЕЛОВ

Заметки о «Слове о полку Игореве» *

I. Которою

В последнее время как в исследованиях о «Слове о полку Игореве», так и в его переводах преобладает точка зрения, будто под словом «которою» следует понимать вражду, спор, распрю.[1] Слово это употреблено во фразе: «Тии бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ — Уже лжу убудиста которою, ту бяше успилъ отецъ ихъ».

Д. С. Лихачев дает новое осмысление слова «которою». В его объяснении слово это означает несогласие, т. е. действие, противоречащее чьей-либо воле. Он пишет: «Но о какой „которе"» Игоря и Всеволода идет здесь речь? Игорь и Всеволод, как явствует и из летописи и из „Слова", были весьма дружны... Игорь и Всеволод между собою никогда не враждовали. Их „котора" заключалась в том, что они не подчинились своему отцу, то есть феодальному главе, Святославу. Своим неподчинением они дали разбить свои слабые, малочисленные дружины половцам и пробудили их „лжу" — позволили им нарушить соглашение и новыми набегами разорять русскую землю».[2]

Л. А. Булаховский не соглашается с истолкованием слова «которою» как распря.[3] Процитировав соответствующее выражение, он пишет: «Убудиста», конечно, принять следует: «но котора» («которою») «спор, ссора здесь, хотя и имеет кое-что за себя ... прямо для смысла фразы необходимым не является. Оба наших источника дают „которою то", и эта форма относительного местоимения довольно хорошо соответствует тому, что можно предполагать для южнорусского оригинала „Слова"». Булаховский, следовательно, высказывается в поддержку очень старого понимания, что в данном случае «котора» является относительным местоимением «который».[4]

На мой взгляд, более правдоподобно первое толкование, согласно которому слово «которою» является творительным падежом существительного женского рода «котора». Смысл всей фразы естественно приводит

* Перевод с болгарского А. И. Хватова. (*Ред.*).

[1] А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1946, стр. 114.

[2] «Слово о полку Игореве». Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники») (далее: «Слово о полку Игореве»), стр. 421—422.

[3] Л. А. Булаховский. «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка. — «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (далее: «Слово о полку Игореве». Сборник), стр. 148—149.

[4] Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. III. Лексикология «Слова». М., 1889, стр. 396—397.

к такому имени существительному. Но и независимо от этого слова «котора» в смысле «спор», «неподчинение», «распря» известно по некоторым славянским текстам. Фр. Миклошич указывает в своем «Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum» (стр. 306), например, по Супрасльскому сборнику XI в. и по Михановичевской рукописи XIII в.

И. И. Срезневский отмечает это слово по русской летописи, считая, однако, что оно означает местоимение. Он цитирует: «Земли же согрешивши „которой" (=коей) любо, казнить бог смертью или гладом, или наведением поганых, или ведром, или гусеницею, или инеми казньми».[5]

В русской рукописи XIV в. Люцифер о самом себе говорит: «Аз есмь Зефиферь (sic!), бесь лукавий и кумиромь радуе се. И убийству веселе се. И льжу любе. Прелюбодеяние любе, котору съставляе, крамоли творе, мир отревае».[6] Здесь проведено известное различие между «котора» и «крамола». В данном случае «котора» не означает ли то, о чем говорит Д. С. Лихачев, — неподчинение, несогласие?

Еще несколько примеров. В Симеоновом (Святославовом) сборнике 1073 г. говорится: «Уне жити въ земли пусте или с женою язычьною и которивую».[7] В рукописном сборнике сербской редакции XVI в. отмечен глагол «которает се»: «мнози убо в домохъ рать имуть. Да ов же от жень рать имать, ов же от чедь пленяемь есть, другы же от брата, а ин от раба дручимь есть. Тоже кьждо тужить, гневает се и которает се».[8] В рукописи XVI в. с украинскими языковыми особенностями в одном слове Василия Великого о ленивых сказано: «а не делающеи которою мзду своея силы богу принесете».[9] Русские рукописи говорят о «которая духовная».[10]

В некоторых русских рукописях помещено сочинение «Поучение любви», приписываемое И. И. Срезневским Клименту Смолятичу от XII в. Позднее Н. К. Никольский на основе богатого сравнительного материала, отбросив вышеразобранное понимание, принял, что «наличный славяно-русский текст приведенного памятника и позволяет относить его первоначальные списки к древнему времени». В одном из его списков XVI—XVII вв. есть следующие фразы, связанные со словом «котора»: «Да аще ся и враг им кто творит начнеть, то с единем ся котора и победа с десятью, победя потомлен будеть, не с единем бо ся котораеть, н с десятю... Егда бо истиннаа любы будет в котором нас, то на любимаго николиже не обрящет ся... Аще бо слышить от которааго о любовнем его каково зло вещание... Аще имам пророчьство и ведаа тайны вся и весь разум и не имамы любве, то ни которыя ми ползы».[11]

II. Къмети

Советкий ученый В. В. Мавродин считает, что слово «къмети» означает «мелких зажиточных хозяйчиков, превращающихся или уже превра-

[5] И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867, XXIV, стр. 36.

[6] А. И. Яцимирский. К истории апокрифов и легенд в южнославянской письменности. — ИОРЯС, т. XIV, 1909, кн. 3, стр. 139.

[7] Ф. Буслаев. Историческая христоматия. М., 1861, стр. 275.

[8] Ръкопись № 310, л. 156 Румынской Академии наук. То же в рукописи XVI в.: «И начнуть межи собою которати ся» (А. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875, стр. 403.

[9] Рукопись № 3154, л. 51а. Архивного института при Болгарской Академии наук.

[10] В. Н. Перетц. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. Л., 1926, стр. 12, 17.

[11] Н. К. Никольский. Материалы для истории древнерусской духовной литературы. СПб., 1907, стр. 97—98. — Никольский отмечает, что Срезневский для своего словаря не воспользовался этим памятником, хотя в нем имеются очень старые слова и формы.

тившихся в феодалов... Но даже если не все кмети уже стали феодалами, то путь один — к служилому люду, землевладельцу, феодалу типа позднейшего „комонства", „всадников", мельчайшего дворянства».[12] Д. С. Лихачев со своей стороны отмечает: «Свое первоначальное значение в данном месте слово „къмети" почти уже утратило. Здесь оно приобрело значение „лучших, отборных воинов"».[13]

Известно, что это слово имелось и в других славянских языках южных и западных не только в прошлом, но есть и в настоящее время. Его этимология ясна — оно связано с греческим словом κομήτης.[14] П. Я. Черных считает, однако, что «къмети» одно из рано пришедших языковых заимствований в славянских языках. «Поэтому, — пишет он, — нас не смущает семасиологическая сторона сближения этого о. с. слова с латинским comes, род. comitis — „спутник", „товарищ" (может быть, и «боевой товарищ»)».[15] В самом раннем употреблении это слово, вероятно, означало «дружинник».

Для истории этого слова очень важное значение имеет его наличие в средневековых южнославянских памятниках. Еще в 1889 г. Е. В. Барсов писал: «И легче и кажется полезнее собирать данные об оттенках значения этого слова у разных славян в разное время».[16]

И чем эти источники ближе по времени к «Слову о полку Игореве», тем ценнее они, ибо дают возможность сделать сопоставление их значений. Здесь я приведу два таких примера, которые раскроют одно более старинное и, быть может, первоначальное значение слова «къмети». Примеры эти подкрепят мысль В. В. Мавродина о том, что «къмети» означало «феодалы», «благородные» «приближенные владетеля».

Первый пример — грамота-клятва от 1249 г., данная Матвеем Степаном, великим боснийским князем, дубровницкому князю Якову Далфину. В довольно длинном тексте слово «къмети» встречается четыре раза (однажды с «ѣ»: кьмѣти). Вот это место: «И паче да наши кьмети и наши людие и наши владальци да вась любе и да ви хране одь зла сь правовь веромь. И яко некьто одь нашихь кьмети или одь наших люди чине ви кривину, да се при предь мновь и я да имь суджу прави судь... И хощемо да вьсе, що зде писано, буде тверьдо у веки одь нась самихь и од нашихь деть и одь нашихь унучие, или нашихь къмети и одь нашихь люди. И кто сие приломи или ми сами, или наши синь или наши унучие, или наши кьмети, или кьто годе нашь, да го богь сепне».[17]

В качестве второго примера возьмем надпись в церкви при монастыре Преображенья (Зързе) около Прилепа, относящуюся ко второй половине XIV в.: «Зане не бише яци тизи ктитори окрьмляти место сие, нь благословише и дадоше сию обитель бащину свою не по нужди или по неволи, нь своимь хотениемь Константину кмету свому и неговемь детцамь».[18]

В связи со словом «къмети» считаю необходимым привести заключительную фразу А. В. Горского и К. И. Невоструева, которой они завершают описа-

---

[12] «Слово о полку Игореве», стр. 392.

[13] Там же.

[14] Ст. Младенов. Български тълковен речник с оглед към народните говори, т. 1. София, 1951, стр. 1037; В. Караджич. Српски рjечник истумачен немачкиjем и латинскиjем риjечима, III изданье. У Београду, 1898, стр. 287—288.

[15] П. Я. Черных. Очерк русской исторической диалектологии. Древнерусский период. М., 1956, стр. 152.

[16] Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. III, стр. 422.

[17] Янко Шафарик. Грађа за стару историю србску. — Гласник, VI, 1854, стр. 179—180.

[18] Там же, стр. 186. — Другие примеры см.: Starine, XVI, 1884, стр. 101, 106.

ние одной рукописной минеи XII в. (№ 442 бывшей Московской синодальной библиотеки): «На последнем листе написаны чернилами две фигуры на конях: при одной надпись: „црь“; при другой „гаауро“. По-видимому, написаны были еще две фигуры, но впоследствии вырезаны; остались надписи, при одной: „удалецъ“, при другой „сопешка“; между ними: „кмети два“. Надписи по почерку и изображению не все одновременны, впрочем довольно древние, ст. XIV или XV».[19] Приходится сожалеть, что как раз эти рисунки вырезаны. Если бы они сохранились, мы бы имели изображение представителей той общественной прослойки, которая, судя по источникам, играла важную роль в жизни русского феодального общества.

III. Бусови врани. Время Бусово

В научных публикациях о «Слове о полку Игореве» в последнее время преобладает понимание, что «бусови врани» означает «серые вороны». «Серые вороны собираются в местах их массовых ночевок, издавая неприятное карканье, тогда как черные вороны не собираются на ночевках в стаи и ночного „граяния“ их не бывает».[20] Таким образом, отбрасывается поправка некоторых ученых (М. Максимович, Ф. Буслаев и др.), считающих, что это место надо читать как «бѣсови врани».

В другом месте «Слова» сказано: «Се бо готьскыя красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю: звоня рускымъ златомъ поютъ время Бусово, лелѣють месть Шароканю».

Бесспорно слова «бусови» (врани) и «Бусово» (время) этимологически следует считать происходящими от одного корня «бус».

Уже опубликованный, а также новый языковый материал по этому вопросу может облегчить правильное истолкование фразы «бусови врани» и «время Бусово». Поэтому я позволю себе припомнить некоторые уже известные сведения. Русский этнограф Вадим Пассек в своей статье «Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уезда» отмечает существование крепости (городища) Бусов яр.[21] Волынская летопись содержит фразу: «Воеваша ятвазе около Охоже и Бусовна».[22] Очень важное значение имеет и сообщение П. С. Иващенко о «Бузе», олицетворяющем тьму и злую силу, к которой люди обращались за милостью. Говоря о том, что в жизни русского народа сохранились следы языческих верований, Иващенко отмечает наряду с остатками культа светлой силы и следы культа силы темной. «Еще с большей ясностью, — пишет П. С. Иващенко, — выступает поклонение темной силе в словесно-обрядном способе — шептанье от напасти. Здесь находим обращение к Бузю, силе злой и темной. Ищущий избавления от напасти должен отправиться в полнощное время к бузинному кустарнику и спросить живущего там Бузя о том, что было ему за убийство отца, матери, сестры, брата? Местопребывание Бузя в названном кустарнике заставляет признать в имени Бузя одно из имен черта, так как южнорусский народ помещает там и сего последнего, говоря: „В Бузнику чорт живе“... Поверья о пребывании темных, враждеб-

---

[19] А. В. Горский—К. И. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отдел III, часть вторая. М., 1917, стр. 71.

[20] Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1949, стр. 114; А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве», стр. 116—117; «Слово о полку Игореве», стр. 427.

[21] Ф. М. Головенченко. «Слово о полку Игореве». М., 1955, стр. 92.

[22] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IV. СПб., 1817, прим. 45, стр. 299.

ных существ в бузинных кустарниках есть и у литовцев». П. С. Иващенко считает, что имя Буз татарского происхождения и в переводе на русский язык означает «лед».[23]

Таким образом, есть все основания считать, что прилагательное «бусов» происходит от «бус» с заменой согласного «з» на «с». Слово «бусов» обозначает качества, свойственные темной силе, которую боятся люди, которая вмешивается в дела человека, олицетворяет качества Буса-дьявола. В таком случае «бусови врани» будет означать «дьявольские вороны», которые своим карканьем накликают зловещее ночное время, когда господствует дьявол Буз. Впрочем, к такому осмыслению приводит и соответствующий контекст «Слова»: «Всю нощь съ вечера бусови врани възграяху у Плѣсньска».

Фраза «время Бусово» означает время дьявола, мрака, ночи времен язычества.

Здесь уместно указать и этимологические параллели, приводимые к слову «Бос» русским славистом Г. А. Ильинским. Варианты, представленные им в славянских языках, означают «чародейник», «язычник». Вот его объяснения: bosъ m: русск.-церковнослав. босъ — «бес», др.-русск. босъ — «стремительный», «хищный», «бурный», др.-русск. босовъ («Слово о полку Игореве»); укр. бусо-вiр — «идолопоклонник», «язычник», «чародейный»; чеш. диал. bosorkyně «чародейка»; укр. босорканя — «колдунья», «ведьма»; чеш. диал. (моравск.) bosorovai — «колдовать».[24]

В связи с выражением «Бусови врани» хочется отметить наличие в древнерусской литературе выражения «нощни врани». Речь идет об известном полемическом сочинении «Прение Панагиота с Азиматом» по русскому списку 1384 г. Там говорится, что души грешников «яко желькыи, и яко и ежеве, и яко и лилиякъ, и яко и нощный врань, подобьни дияволу, яко суть творили дела егова».[25]

IV. Безъ кнеса

Рассказывая про свой «мутен сон», Святослав киевский говорит: «Уже дьскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовръсѣмъ».

Слово «кнѣсъ» объяснено как «князек, т. е. перекладина, на которой сходятся стропила крыши, или „матица“, на которой держатся доски потолка».[26]

Специальное исследование, посвященное этому слову, опубликовал М. П. Алексеев — «К „Сну Святослава“ в „Слове о полку Игореве“».[27] В этом исследовании дан исторический обзор истолкованию фразы «уже дьскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовръсѣмъ». М. П. Алексеев отмечает: «В новейшей литературе о „Слове о полку Игореве“ вопрос о том, что такое „кнес“, считается решенным и не вызывает сомнений. В большинстве новейших объяснений и переводов он отождествляется с „князьком“ или, реже, с „коньком“... Кнес — это действительно „конек“ или „князек“... с которым в XII веке были связаны суеверные представления и приметы».[28]

---

[23] П. С. Иващенко. Следы языческих верований в южнорусских шептаниях. — Труды III археологического съезда, т. I. Киев, 1873, стр. 324—325.

[24] О. Н. Трубачев. Этимологический словарь славянских языков Г. А. Ильинского. — Вопросы языкознания, т. VI. М., 1957, кн. 6, стр. 93—94.

[25] А. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян, стр. 255.

[26] «Слово о полку Игореве», стр. 426.

[27] «Слово о полку Игореве». Сборник, стр. 226—248.

[28] Там же, стр. 237, 247.

В других древнерусских и вообще славянских памятниках слово «кнѣсъ» неизвестно.[29] Этимология его также не объяснена — некоторые ученые этимологически связывают слово «кнесъ» с «князь».[30]

Л. А. Булаховский склонен считать, что «кнѣсъ» германского происхождения: «не являлось ли „кнѣсъ" одним из немногих занесенных с запада в Галицкую Русь германизмов такого рода, как те, которые попали в Галицко-Волынскую летопись в виде кальки (искажения слова «князь»), дошедшим до автора „Слова о полку Игореве"»?[31]

В подтверждение истолкования слова «кнес» как матицы, главной опоры в постройке, приведу один пример, очень напоминающий сравниваемое в «Слове о полку Игореве», — разница лишь в отдельных словах, которыми передаются приблизительно те же понятия: дьскы — плот, кнесъ — подпоры. Славянская рукопись XVI в., в которой обнаруживаются украинские языковые особенности, дает следующее сравнение: «а иже кто не умея книги, а мудр ест[ь], то подобен ест[ь] плоту без подпоры стоящему. Ако ли приидет ветр и он повалится».[32] Аналогичный пример есть и в южнославянской рукописи XVI в. (№ 432, Государственная библиотека им. Василия Коларова, София), л. 213: «мужь мудрь без книги, подобен ес[ть] плоту без подпора — без ветра стоит, а при ветре падаеть. Тако и не имееи книжни подпор».

Слово «кнес» в значении «князь» встречается в одном сербском хрисовуле наряду с обычной формой (сербская редакция) «кнезъ».[33]

Интересна также глагольная форма «кнезыть ме», которую дает известная Беляковская рукопись XVI в., л. 84б (№ 309, Государственная библиотека им. Василия Коларова): и «вьсе противные силы и кнезыть ме».

V. Галица

Слово «галица» в древнерусских литературных памятниках не является изолированным. Кроме «Слова о полку Игореве», оно встречается и в других русских сочинениях, например, в «Повести временных лет», «Задонщине» и др.[34] В современном русском языке слово это сохранилось лишь в некоторых диалектах, а в украинском встречается более часто.

В данном случае небезынтересны некоторые сопоставления, поэтому я и привожу некоторые из них. В рукописном сборнике среднеболгарской редакции XVII в. (из собрания Яцимирского) перечисляются следующие животные, которых человек не должен употреблять в пищу: «Ядуща гарвана и галуня, враны же и галицу, и кукувицу, крагуа, какова либо орьла, глароса, такови да каут ся заповеду лето 1».[35] В Номаканоне

---

[29] Срезневский, Материалы, т. I, 1893, стлб. 1293; А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве», стр. 116; М. П. Алексеев. К «Сну Святослава» в «Слове о полку Игореве». — «Слово о полку Игореве». Сборник, стр. 233.

[30] М. П. Алексеев. К «Сну Святослава»..., стр. 233.

[31] Л. А. Булаховский. «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка, стр. 157.

[32] Рукопись № 3154, л. 2, Архивного института при Болгарской Академии наук.

[33] В. И. Григорович. Очерк путешествия по Европейской Турции. М., 1877, стр. 49; Донесения В. И. Григоровича об его путешествии по славянским землям. Казань, 1915, стр. 93.

[34] Срезневский, Материалы, т. I, стлб. 509; Л. А. Булаховский. «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка, стр. 145.

[35] К. Ф. Радченко. Отчет о занятиях рукописями в библиотеках и других ученых учреждениях Москвы и С.-Петербурга в течение сентября и октября 1896 г. — Киевские университетские известия. Киев, 1898, № 4, стр. 25. — Подобный текст по Дубенскому сборнику от XVI в. у И. И. Срезневского (Сведения и заметки... — СОРЯС, 1875, XII, № 57, стр. 315).

1618 г., среднеболгарская редакция, также говорится: «Ядущеи гаврана (sic!) или врана, галицꙗ, кукувицу, крагуя какова-либо орла, глароса».[36] Следует отметить, что в этих двух памятниках проведена некоторая разница между «враном» и «галицей». К рукописи XIV в. восходят глоссы русского книжника XVII в. — одна из глосс относится к «галице».[37]

Кроме того, в старых южнославянских памятниках ворона известна под именем «галица» и в некоторых народных говорах, например в Прилепско, Загоричане.[38]

VI. Карамзин и «Слово о полку Игореве»

Говоря об использовании русским историком Н. М. Карамзиным цитат из «Слова о полку Игореве», Е. В. Барсов пишет: «Известно, что он сличал первое издание с рукописным его оригиналом, а потому некоторые отдельные слова и выражения, выписанные им из самой рукописи и занесенные в свою „Историю", представляют большую важность для решения вопроса о характере ее письма и времени ее написания. Делая эти выписки, он ссылается на первопечатное издание „Слова", но очевидные разноречия с сим последним дают заметить, что он брал их не отсюда, а из самого оригинала».[39]

Эта констатация Барсова заслуживает большего внимания, чем ей до сих пор придавалось. Указанные им различия в цитатах из «Слова», напечатанных в «Истории государства Российского» Карамзина, и сравнение с текстом соответственно Московской и Петербургской копий, свидетельствуют о доверии Карамзина к самой рукописи, безоговорочно используемой им для своих научных целей. Карамзин нигде не высказывает сомнения в подлинности «Слова». Точно так же он не считает, что весь рукописный сборник, в котором содержалось «Слово», был более позднего времени, — по Карамзину, сборник относился к XV в. Самый факт, что Карамзин добивался и получил сборник задолго до того, как было напечатано в 1800 г. «Слово о полку Игореве» (входившее в состав сборника), и взял справки почти для всех своих сочинений, показывает, какое доверие он имел к рукописи. Оказывается, что больше всего заметок Карамзин взял из «Слова». Другие произведения сборника не произвели на него и не могли произвести такого сильного впечатления, какое, бесспорно, произвело «Слово». И это вполне естественно, поскольку сочинения эти были ему известны (особенно летописи) или своим религиозно-поучительным содержанием не отличались от многих других известных произведений, а «Слово» поразило его своей формой и содержанием. О глубоком впечатлении, произведенном на Карамзина, свидетельствуют до известной степени его собственные слова, сказанные о «Слове»: «Сия гибель дружины северской, плен князей и спасение Игоря описаны со многими обстоятельствами в особенной древней исторической повести, украшенной цветами воображения и языком стихотворства... Тем достойнее внимания Слово о полку

---

[36] Рукопись № 726, л. 52, Румынской Академии наук.

[37] А. И. Яцимирский. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературе. СПб., 1902, стр. 114.

[38] А. Тошев. Към терминологията на българската фауна. — Период. списание, кн. XXXIX, 1892, стр. 391; Ст. Младенов. 1) Етимологичен и правописен речник на бълг. книжовен език. София, 1941, стр. 97; 2) Български тълковен речник..., т. 1, стр. 413; Найден Геров. Речник на блъгарский език, т. 1. 1895, стр. 209.

[39] Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I. М., 1887, стр. 69.

Игореве, будучи в своем роде единственным для нас творением... Читатель видит, что сие произведение древности ознаменовано силою выражения, красотами языка живописного и смелыми уподоблениями, свойственными стихотворству юных народов».[40]

Так как использованные Карамзиным цитаты из «Слова» очень важны, а Барсов приводит их лишь частично,[41] то считаю целесообразным привести их полностью, как они встречаются в «Истории» Карамзина. Отрывки, имеющиеся в этой книге, даю параллельно с соответствующим текстом первого печатного издания «Слова о полку Игореве» 1800 г. Таким образом, собранные цитаты показывают, как высоко ценил видный русский историк это древнерусское творение. О нем Карамзин больше всего говорит в третьем томе своей «Истории государства Российского», где передает и его содержание. Приходится сожалеть, что именно здесь он не воспользовался древнерусским текстом «Слова», а лишь переводит отдельные места на новорусский язык. Цитаты по-древнерусски он приводит в примечаниях к своему труду.

Карамзин	Издание 1800 г.
1. Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ *(т. III, прим. 65, стр. 40).*	Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ *(стр. 33).*
2. Нѣмци и Венедици, Греци и Морава *(т. III, прим. 67, стр. 42).*	Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава *(стр. 22).*
3. А мои Куряне *(т. III, прим. 69, стр. 44).*	а мои ти Куряни *(стр. 8).*
4. Бишася день, бишася другый; третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы... на брезѣ быстрой Каялы... Се бо Готскія красныя дѣвы вспѣша на брезѣ синяго моря, звоня Рускымъ златомъ *(т. III, прим. 70, стр. 47).*	Бишася день, бишася другый; третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы... на брезѣ быстрой Каялы... Се бо Готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю. Звоня Рускымъ златомъ... *(стр. 18, 25).*
5. Великій Святославъ изрони злато слово, слезами смѣшено, и рече: о моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати *(т. III, прим. 71, стр. 48).*	Великій Святславъ изрони злато слово слезами смѣшено, и рече: о моя сыновчя Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати *(стр. 26).*
6. се у Римъ кричатъ подъ саблями Половецкыми, а Володимеръ подъ ранами *(т. III, прим. 72, стр. 49).*	Се Уримъ кричатъ подъ саблями Половецкыми, а Володимиръ подъ ранами *(стр. 27—28).*
7. Галичкы Осмомысле Ярославе! высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ; подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плъкы, Заступивъ Королеви путь, затвори къ Дунаю ворота, меча (кидая) бремены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текуть; отворяеши Кыеву врата; стрѣляеши съ отня злата стола Салтани за землями *(т. III, прим. 77, стр. 56—57).*	Галичкы Осмомыслѣ Ярославе, высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ. Подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плъки, заступивъ Королеви путь, затвори въ Дунаю ворота, меча времены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; оттворяеши Кіеву врата; стрѣлявши съ отня злата стола Салтани за землями *(стр. 30).*
8. А ты, буй Романе и Мстиславе, суть бо у ваю желѣзныи папорзи подъ шеломы Латинскими. Тѣми тресну земля и многи страны. Литва, Ят-	А ты, буй Романе и Мстиславе! .. Суть бо у ваю желѣзныя папорзи подъ шеломы латинскими. Тѣми тресну земля, и многи страны Хинова, Литва, Ят-

[40] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. III. СПб., 1818, стр. 69, 219, 223. — Такую высокую оценку дает он и в сообщении об открытии «Слова», опубликованном в 1797 г. в «Spectateur du Nord».

[41] Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I, стр. 69—70.

	вязи, Деремела и Половци сулици своя повръгоша, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харулужныи *(т. III, прим. 114, стр. 80—81).*	вязи, Деремела, и Половци сулици своя поврьгоша, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи *(стр. 31—32).*
9.	Вступиша, господина, в златый стремень... стрѣляй, господине, Кончака *(т. III, прим. 262, стр. 163).*	Вступита господина въ злата стремень... Стрѣляй господине Кончака *(стр. 29—30).*
10.	Се вѣтри, Стрибожи внуци *(т. III, прим. 262, стр. 164).*	Се вѣтри, Стрибожи внуци *(стр. 12).*
11.	А мои Куряни свѣдоми къмети *(т. III, прим. 263, стр. 164).*	А мои ти Куряни свѣдоми къ мети *(стр. 8).*
12.	Се бо готскія красныя дѣвы... звоня рускимъ златомъ *(т. III, прим. 265, стр. 164).*	Се бо Готскія красныя дѣвы... Звоня Рускымъ златомъ *(стр. 25).*
13.	Ингварь, Всеволодъ и вси три Мстиславича, не худа гнѣзда шестокрилци *(т. III, прим. 266, стр. 164).*	Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилци *(стр. 32—33).*
14.	Съ тоя же Каялы Святоплкъ по сѣчѣ я отца своего между Угоръскими иноходьцы ко Св. Софіи къ Кыеву[42] *(т. III, прим. 268, стр. 164).*	Съ тояже Каялы Святоплъкъ повелѣя отца своего междю Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софіи къ Кіеву *(стр. 16).*
15.	Была бы чага по ногатѣ, а Кощей по рѣзани *(т. II, СПб., 1816, прим. 420, стр. 513).*	Была бы Чага по ногатѣ, а Кощей по резанѣ *(стр. 28).*

Различия этих двух текстов преимущественного звукового и правописного характера — замена «ѣ» на «е», «ы» на «і», «ъ» на «ь», выпуск «ъ» и др. Иногда замены приводят к существенному изменению слов, например: къ Дунаю — въ Дунаю, бремены — времены. Особого внимания заслуживает тот факт, что Карамзин не отмечает слово «Хинова», которое указано в печатном издании. Об опечатке едва ли можно говорить, так как он не указывает это слово и при переводе соответствующего отрывка, когда передает содержание «Слова о полку Игореве»: «Литва, Ятвяги и Половцы, бросая на землю свои копья, склоняют головы под ваши мечи булатные».[43]

Один факт заслуживает особенного внимания — Карамзин всегда считал «Слово» подлинным творением древнерусской литературы. В своей «Истории» он определенно отмечает, что видел рукопись, из которой взял цитаты не только из «Слова о полку Игореве», но и из других сочинений, помещенных в ней. Говоря о сборнике А. И. Мусина-Пушкина, Карамзин пишет: «В той же книге, в коей находится „Слово о полку Игореве" (в библиотеке графа А. И. Мусина-Пушкина), вписаны еще две повести: „Синагрипъ, царь Адоровъ" и „Деяние прежнихъ временъ храбрыхъ человекъ". Они без сомнения не русское сочинение, но достойны замечания по древности слога» (разрядка моя, — *Б. А.*).[44] Эта категоричность и точность Карамзина заслуживает внимания. Он не только называет эти сочинения, но и дает выдержки из них по оригиналу. Кроме того, он кратко передает в русском переводе содержание и третьей повести сборника Мусина-Пушкина, а именно «Сказание о Индии богатой».[45]

---

[42] Издатели не угадали истинного смысла сей речи, где есть описка: «по вѣлѣ я» вместо «по сѣчѣ я», т. е. взял (Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. III, прим. 268, стр. 164).

[43] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. III, стр. 221.

[44] Там же, стр. 165, прим. 272.

[45] Подробности об этом см. в моей статье «Бележки върху „Слово о полку Игореве"» (Известия на Института за българска литература, кн. V, 1957, стр. 455—459).

Указание на столь большое количество цитат из отдельных сочинений сборника Мусина-Пушкина является одним из неопровержимых доказательств того, что сборник действительно существовал. Карамзин работал непосредственно по нему, используя его для своих целей. В его добросовестности историка, любящего оперировать с обильным фактическим материалом, добытым лично им самим, сомневаться невозможно.[46]

---

[46] О большом интересе Карамзина к древним славянским рукописям, и особенно к «Слову», говорит и следующее его замечание: «В конце харатейного апостола (в Синод. библиот. под № 19) подписано следующее: „Сии же апостол книгы вда св. Пантелеймону Изосим игумен сего же монастыря. Сего же лета бысть бой на руськой земли Михаилу с Юрьем о княженье Новгородьское. При сих князех сеяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша в князехъ, которыи веци сократишася человекомъ». Такие же точно выражения находим в «Слове о полку Игореве» (История государства Российского, т. IV, прим. 227, стр. 401). Карамзин первый обратил внимание на этот апостол (1307 г.).

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

Н. М. ДЫЛЕВСКИЙ

«Утръ же воззни стрикусы оттвори врата Нову-граду» в «Слове о полку Игореве» в свете данных лексики и грамматики древнерусского языка

Еще редакторы первого издания «Слова о полку Игореве», исходя из общего смысла контекста, пришли к выводу, что в выражении «утръ же воззни с т р и к у с ы оттвори врата Нову-граду» — «по смыслу речи „стрикус“ не иное что, как стенобитное орудие или род тарана, при осаде городских ворот употребляемого».[1] Такое же значение получило загадочное «стрикусы» и в сделанном ими переводе: «по утру же вонзив стрикусы, отворил он ворота Новгородские».[2] С момента выхода в свет мусин-пушкинского печатного текста «Слова о полку Игореве» в 1800 г. «стрикусы» не переставали привлекать к себе внимание издателей, комментаторов и переводчиков древнего памятника русской письменности. В толкованиях исследователей «стрикусам» приписывалось различное значение. Но начиная с И. М. Снегирева (1838—1839 гг.),[3] высказавшего догадку, поддержанную позднее А. А. Потебней, о том, что в непонятном «стрикус[ы]» надо видеть отражение немецкого названия боевого топора Streitax, несколько разноречивые мнения специалистов по «Слову» унифицировались. В позднейших изданиях памятника «стрикус» — секира, боевая секира, боевой топор. Утверждается и этимология слова, которое возводится обычно к древненемецкому Strît-axus. Так переводится и интерпретируется слово «стрикусы» и в авторитетнейших советских изданиях: «оутрѣ[ж] вон[зз]и стри́кусы. ѿворѝ вратà Новогра́ду» в издании «Слова о полку Игореве» В. Н. Перетца (1926);[4] «а на утро, поднявшись, т о п о р а м и отворил ворота Новагорода» в переводе С. Шамбинаго и В. Ржиги (1934);[5] «утром же ударил с е к и р а м и, отворил ворота Новагорода» у Н. К. Гудзия (1938);[6] «поутру же вонзил с е к и р ы — отворил ворота Нову-городу» у Д. С. Лихачева (1950).[7]

---

[1] Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича. М., 1800, стр. 35, прим. «п».

[2] Там же, стр. 35.

[3] Поведание и сказание о побоище великого князя Дмитрия Донского, Слово о житии и преставлении его и Слово о полку Игореве. Изд. И. Снегирева. — В кн.: Русский исторический сборник, изданный Обществом истории и древностей российских, т. III, кн. 1—2. М., 1838—1839, стр. 1—128.

[4] «Слово о полку Ігоревім». У Київі, 1925, стр. 121, 293.

[5] «Слово о полку Игореве». Редакция древнерусского текста и перевод С. Шамбинаго и В. Ржиги ... Статьи и комментарии В. Ржиги и С. Шамбинаго. «Academia», 1934, стр. 72, 83, 291.

[6] «Слово о плъку Игореве». Редакция текста, его прозаический перевод и комментарии проф. Н. К. Гудзия. «Советский писатель», 1938, стр. 38, 47.

[7] «Слово о полку Игореве». Под редакцией чл.-корр. В. П. Адриановой-Перетц. Изд.

К каким же конъектурам пришлось прибегнуть исследователям в дошедшей до нас редакции выражения «утръ же воззни стрикусы оттвори врата Нову-граду», для того чтобы приблизить ее к современному состоянию? В тексте первого издания не совсем приемлемым казалось «утръ» и просто искаженным «воззни», совершенно изолированное место как лексема занимало слово «стрикусы» — уникальное в древнем русском словаре, очевидный hapax. Еще более невразумительной казалась передача того же выражения в Екатерининской копии: «утръже вазнистри кусы», близость которой к аутентичному списку «Слова» XV—XVI вв. вообще ставилась под сомнение текстологами памятника. В результате их основное внимание было направлено на текст издания 1800 г., как на более выверенный и непосредственно отразивший графику оригинала (при всех его отклонениях и условностях). В дальнейшем реконструкция выражения совершалась преимущественно в рамках его редакции, принадлежащей А. Ф. Малиновскому и Н. Н. Бантышу-Каменскому. Конкретные поправки комментаторов выражения свелись к следующему. «Утръ же» (в раздельном написании в издании 1800 г. и слитном в Екатерининской копии) подавляющим большинством комментаторов было переделано в «утрѣ (утре) же» — наречие времени древнерусского языка[8] (в значении «утром», «завтра», «на следующий день»). Такая переделка («ъ» на «ѣ») оправдывалась совершенно естественным допущением незначительной графической ошибки — замены «ѣ» почти тождественным по конфигурации «ъ» в списке XV—XVI вв. или редакторами мусин-пушкинского издания. Против такой поправки трудно возражать даже при самом щепетильном и педантичном отношении к графике текста. Еще легче допустить, что «ъ» здесь был поставлен не вместо «ѣ», а на месте «ь» во вполне закономерной форме древнерусского наречия времени «утрь» — «на утро», «на следующий день». Смешение «ъ» и «ь» в данном случае не единичный случай, оно могло произойти в силу недостаточно четкого различения «ъ» и «ь» в графике «Слова» вообще. Правда, случаи замены малого ера (ь) большим (ъ) в исходе слов в тексте памятника единичны, но ничто не мешает нам отнести к этим единичным случаям замены и слово «утръ» (вместо «утрь»).[9] При такой ситуации мы спокойно можем оставить «ъ» в «утръ» без изменения, так как, сохраняя этот знак вместо «ь», мы отдалим начертание наречия «утръ» от предполагаемого оригинала «утрь» в меньшей степени,

---

АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 69, 96, 458. — А. С. Орлов в своем издании «Слова о полку Игореве» (М.—Л., 1946, стр. 85) оставляет слово «стрикусы» без перевода, а в комментариях говорит: «Загадочное» „стрикусы“ Снегирев и Потебня сопоставляют с немецким названием боевого топора «streitaxt». Так же поступает и редактор текста «Слова» в издании «Библиотеки поэта» [(Большая серия). Л., 1952] Л. А. Дмитриев (ср. стр. 74). С оговоркой дает его и Д. С. Лихачев: «Слова „стрикусы“ в других памятниках древнерусской письменности не встречается: возможно, оно родственно древневерхненемецкому Strît-akis, Strît-achus — боевая секира» («Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 458).

[8] См.: Срезневский, Материалы, т. III, стр. 1319, с соответствующими примерами. «Утрѣ» — чтение М. Максимовича; ср. у А. Потебни: «Слово о полку Игореве». Воронеж, 1878, стр. 124.

[9] В «Слове» чаще наблюдается замена твердого ера (ъ) мягким (ь), известны, однако, и случаи обратной замены, причем их больше в Екатерининской копии, чем в издании 1800 г. «С несомненностью можно думать, из случаев расхождений обоих текстов, что в рукописи „Слова“ начертание „ъ“ и „ь“ в известных случаях не различалось с четкостью одно от другого», — говорит акад. С. П. Обнорский. Из примеров замены «ь» твердым ером в исходе слова (значительно более редких) С. П. Обнорский почему-то дает только «вихрь» как единичный, упуская из виду форму «утръ». (См.: С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 140).

чем при замене «ь» буквой «ѣ».[10] Считаем, что все сказанное по адресу «утръ» предоставляет ему полное право на бытование именно в такой форме в нашем выражении.

Переходим к анализу слова «воззни». Его необычное звуковое оформление не могло не озадачить комментаторов. Они не могли подвести его ни под какой основной эталон-лексему. Сопоставление его со словами, занимающими идентичное место в словосочетаниях во фразе («скочи, «обесися», «отвори», «разшибе»), привело их к заключению, что это глагол в форме аориста. Оставалось только приблизить его к наиболее подходящей по составу (фонетическому и морфологическому) и семантическому значению основной форме. Такой исходной формой оказался инфинитив древнерусского глагола «възньзти» (в значении «вонзить»).[11] Закономерной формой его аориста было «възньзе» (в 3-м л. ед. ч.), в последующей стадии «вонзе». А «вонзе» уже довольно близко к «воззни» первого издания, в особенности при допущении наличия двух надстрочных букв «з» или их перестановки и тому подобного в рукописи XV—XVI в.[12] Но все же полного совпадения обеих форм мы не видим, причем более существенным в данном случае нам представляется не столько несовпадение сочетаний «-знз» — «ззн», сколько замена правильного окончания аориста «-е» буквой «и»: «воззн-и». Эта замена поражает в особенности на фоне совершенно правильного употребления «-е» в слове «разшибе» одною строкою ниже и вообще последовательного употребления «и» ~ «е» в исходе форм аориста во всем памятнике.[13] И это «и» — слабое место в основном удачно реконструированной формы «вознзи». Надо думать, что «и» принадлежало графике слова «воззни» в рукописном списке XV—XVI вв., а не было внесено в него редакторами издания 1800 г. На такое предположение нас наводит и присутствие «и» в неясном «вазнистри» в Екатерининской копии.

Но наиболее трудным местом всего пассажа является, конечно, «стрикусы», продолжающее оставаться невыясненным до самого последнего времени. Трудность его истолкования заключается в полном отсутствии словарных параллелей в языке древнерусских памятников и в словаре других славянских языков, на которые можно было бы сослаться. Современные исследователи «Слова», с большей или меньшей степенью уверенности, обычно связывают его с древневерхненемецким Strît-akis, Strît-achus — «боевая секира», на что мы указали еще в начале статьи. Других, более очевидных соответствий мы пока не можем привести. При анализе этого совершенно неизвестного древней русской лексике слова, с точки зрения его правдоподобности и оправданности как лексемы в тексте «Слова», мы должны принять во внимание два основных момента: 1) незасвидетельствованность формы «стрикус» («стрикусы») словарем не только древних восточнославянских, но и древних западных и южных славянских наречий; 2) доказуемость этимологической связи слова «стрикус» с его предполагаемым древнегерманским прототипом. Отсутствие этого

---

[10] Сохранение конечного «ъ» мусин-пушкинского издания в слове «утръ» видим только в издании Н. К. Гудзия 1955 г. (см.: «Слово о полку Игореве». Гос. изд. художественной литературы, М., 1955, стр. 28).

[11] См.: Срезневский, Материалы, т. I, стр. 367, с соответствующим примером: «Възньзъ (гоубоу) на трьсть» из Остромирова евангелия (Мф. 27, 48) и, что особенно важно, из Галицкого евангелия XIII в. (Мф. 15, 36). Возможность замены «воззни» формой «вознзи» предполагает еще Д. Дубенский («Слово о полку Игореве» Святославля песнотворца старого времени, М., 1844, стр. 183, 184, 192, 193).

[12] Таким представляет себе начертание этого слова и В. Н. Перетц («Слово о полку Ігоревім», стр. 121).

[13] Ср.: «выторже», «пониче», «връже», «простре», «съпряже», «затче», «ростре» и др.

слова в памятниках письменности и в известных нам в настоящее время словарных материалах не исключает с полной категоричностью возможности его существования. В тексте «Слова» были обнаружены и другие для своего времени hapax legomena. Возможность доказать его правдоподобность потенциально существует постольку, поскольку словарный состав древнерусского языка и диалектов продолжает оставаться не вполне выясненным во всем своем объеме.

Не доказана до конца и этимологическая связь слова «стрикус[ы]» с его гипотетическим древнегерманским первоисточником. К сожалению, до сих пор этимологическая достоверность загадочного «стрикусы» не была подвергнута углубленному обследованию специалистами сравнительной этимологии индоевропейских языков. Предложенная И. М. Снегиревым и поддержанная высоким научным авторитетом крупнейшего лингвиста А. Потебни[14] догадка была принята без особого научного скептицизма. За отсутствием других, более приемлемых и веских конъектур она довольно прочно заняла место на страницах публикаций «Слова». В последнее время (в 1957 г.) возможности отнесения слова «стрикусы» к древнегерманскому Strît-axus были проанализированы А. В. Соловьевым.[15] На основании данных ряда лексиграфических источников А. В. Соловьев отрицает оправданность образования непонятного «стрикус[ы]» от обычно приводимого в качестве прототипа древненемецкого слова, в существовании которого он серьезно сомневается. Сдержанность в отношении древнегерманской этимологии «стрикусов» «Слова о полку Игореве» проявляет и известный немецкий славист М. Фасмер.[16]

По поводу загадочных «стрикусов» было высказано и другое предположение, не получившее широкого распространения в литературе о «Слове». Впервые оно было предложено знатоком памятника, украинским ученым М. Максимовичем в его рецензии на книгу А. Вельтмана. По мнению М. Максимовича, слово «стрикусы» сродни украинскому «стрикус» («стрыкус» в русском произношении) — «таран», которым бьют конопляное масло.[17] Со словами «стрекать» и «стрекало» сопоставляли его Д. Дубенский[18] и О. Огоновский.[19] В новейшее время эту этимологию поддерживает украинский специалист по «Слову», автор отличного перевода на украинский язык и оригинальных комментариев к нему, Св. Гординский.[20] Этому сопоставлению нельзя отказать в известной убедительности. Но и оно должно быть хорошо выверено в лексическом и этимологическом отношениях, перед тем как быть пущено в окончательное обращение.

Переворот в чтении выражения «утръ же воззни стрикусы» несколько лет тому назад произвел проф. Р. О. Якобсон. В своем анализе пассажа Р. О. Якобсон пошел по совершенно иному методологическому пути. В противоположность своим предшественникам, искавшим ключ к разгадке

[14] По мнению А. Потебни, «стрикус напоминает нов.-нем. streitax, которое в средневерхненемецком было бы strît-ackes, stît-ax (без t), а в древневерхненемецком str ît-akis, strît-achus. Менее вероятно, что при быстром набеге Всеслав мог воспользоваться стенобитными орудиями» (А. Потебня. «Слово о полку Игореве», стр. 124).

[15] А. В. Соловьев. Новый итальянский перевод «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 654, прим. 9.

[16] Russisches etymologisches Wörterbuch, 19 Lief (Bogen 1—5), 1955, стр. 28. — М. Фасмер ссылается на А. Брюкнера, Р. Якобсона и Вольтнера.

[17] Молва. М., 1833, №№ 23, 24 (цитирую по: Ф. М. Головенченко. «Слово о полку Игореве». М., 1955, стр. 69).

[18] Д. Дубенский. «Слово о полку Игореве», стр. 193, прим. 186.

[19] О. Огоновський. «Слово о пълку Игореве». У Львові, 1876, стр. 108, прим. 21—25.

[20] Св. Гординський. Слово о полку Ігореві. Героїчний епос XII віку. Видавництво «Київ», Филаделфия, 1950, стр. 88.

непонятных «стрикусов» преимущественно (если даже не исключительно) в печатном издании «Слова» 1800 г., Р. О. Якобсон обратился к помощи другого источника — рукописной Екатерининской копии. В непонятном «утръже вазнистри кусы» он очень остроумно обнаружил сочетание пяти слов: «утръже вазни с три кусы», из которых каждое совершенно понятно в отдельности.[21] Посмотрим, на каких соображениях строит свое чтение Р. О. Якобсон и в какой степени оно оправдывается и подтверждается данными древнерусской лексики и грамматики?

Правильность расчленения сочетания «утръже вазнистри кусы» на пять слов не вызывает никаких возражений. Для Р. О. Якобсона «утръже» — аорист (3-е л. ед. ч.) от глагола «утръгнути» — «урвать», «вазни» — род. п. ед. ч. существительного «вазнь» — «счастье», «удача», значение трех остальных слов понятно само собою.[22] В переводе на современный русский язык оно выглядит так: «урвал счастья с три клока». «Утръже», действительно, является аористной формой глагола «утръгнути». Правда, это п р о с т о й аорист, древнему русскому языку не свойственный. По словам историка русского языка П. Я. Черных, «в древнейших наших (русских, — *Н. Д.*) рукописях зарегистрированы только единичные случаи таких образований, попавшие туда из старославянских оригиналов. В Остромировом евангелии сюда относится единственный пример: възможете — 2-е л. мн. ч. от простого (несигматического) аориста: възмогъ», — указывает П. Я. Черных.[23] Однако в тексте «Слова» это не единственный случай употребления простого аориста. Такие аористы также: «выторже» (от «вытъргнути»; Срезневский, Материалы, т. I, стр. 455) — «яко вихрь выторже»; «връжеса» и «връже» (там же, стр. 322) — «уже връже са дивь на землю» и «връже Всеславъ жребий»; «съпряже» (от «съпрящи»; там же, т. III, стр. 810; точнее — «съпрячи») — «жаждею имь лучи съпряже»; «въвръжеся» (от «въврѣщися»; там же, т. I, стр. 328) — «въвръжеся на бръзъ комонь» и т. д. Наличие других простых аористов в «Слове» вполне подтверждает возможность понимания «утръже» как аориста.

Закономерность слова «вазни» как родительного частичного от существительного «вазнь» также подтверждается нередкими примерами употребления этого падежа в «Слове». Ср. «и поостри с е р д ц а с в о е г о мужествомъ»; «да позримъ с и н е г о д о н у»; «искусити д о н у в е л и к а г о» и др. «В а з н и» как лексема находит оправдание в древнерусском существительном «вазнь» — «счастье», «удача» (fortuna). Много примеров с этим старинным русским словом можно найти в памятниках древней

[21] H. G r é g o i r e, R. J a k o b s o n, M. S z e f t e l. La Geste du Prince Igor. — Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves, t. VIII (1945—1947), New York, 1948 (далее: La Geste du Prince Igor'), стр. 68 [156]. — Л. А. Булаховский расчленяет выражение следующим образом: «утрѣ (утрь) же воньзи остри (остры) кусы», и читает его: «утром же вонзил острые зубы». Считая, что его конъектура хорошо гармонирует с «лютым зверем» и с «в плъночи», Л. А. Булаховский видит ее слабые места в словах «кусы» в значении «зубы», засвидетельствованном и существующем только диалектно в польском (kęsy), и в «остри» вместо ожидаемого «остры», которое он сопоставляет с «оттв*ори*» и с «*ры*скаше»: «до*ри*скаше». В другой конъектуре (Р. О. Якобсона), по мнению Л. А. Булаховского, «может вызвать серьезное сомнение „съ три кусы“, мало гармонирующее по тону со стилем „Слова“, но, может быть, объяснимое специфичностью именно отрезка («песни») о Всеславе». (Л. А. Б у л а х о в с к и й. О первоначальном тексте «Слова о полку Игореве». — ИОЛЯ, т. XI, 1952, в. 5, стр. 446, прим. 29).

[22] Слово «кусъ» известно древнерусскому языку [см.: Срезневский, Материалы, т. I, стр. 1382; у Р. О. Якобсона приводится пример из Слова Кирилла Философа (La Geste du Prince Igor', стр. 241—242)].

[23] П. Я. Ч е р н ы х. Историческая грамматика русского языка. М., 1954, стр. 237. (Разрядка наша, — *Н. Д.*).

русской письменности и в «Материалах» И. И. Срезневского. Известны и случаи партитивного употребления существительного «вазнь» (например: «Оуне ми имети каплю вазни, нежели бътарь оума» в тексте «Пчелы» XV в.). Следовательно, вполне выдержанной с лексических и грамматических позиций представляется и форма «вазни».

Предлог «с» без конечного ера (ъ) в словосочетании «с три кусы» может быть сопоставлен с одним единственным случаем такого написания «с» в тексте нашего памятника: «стугою» (ср. также: «вмоемъ тереме златоверъсем» и «бес щитов»).[24] Вообще же выдержанною чертой памятника является устойчивое употребление «ъ» в исходе предлогов. Не вызывает возражений в аспекте исторической грамматики русского языка (что подчеркиваем особо, так как в плане лексическом дело обстоит несколько иначе) и сочетание предлога «с» с числительным «три».

Сочетание предлога «съ» с числительным в винительном падеже обозначения приблизительного количества было известно древнерусскому языку и встречается в нем достаточно часто.[25] А потому «с три(кусы)», в котором Р. О. Якобсон видит именно такое сочетание, отнюдь не противоречит нормам древнерусского синтаксиса. Возникает, правда, вопрос: почему представление приблизительного количества связывалось с величиной, которая, казалось бы, не должна была вызывать такого представления — «с три кусы вазни» («с три клока удачи» — в интерпретации А. В. Соловьева)?[26] Более естественным в данном случае было бы сочетание «три кусы вазни» (без предлога «с» — «урвал три куса, клока удачи»). Ведь «удач» у Всеслава было ровно три, количество их строго определено, они вполне конкретны, и их не следовало бы измерять мерою приблизительного количества.[27] Три удачи вещего Всеслава: он занял Новгород, «расшиб славу Ярославу» и «сел даже на столе» в Киеве.

Сочетание числительного «три» с формой существительного во множественном числе «кусы» (в именительном падеже с заменою окончания «и» более новым «ы» или в винительном падеже) было тоже вполне закономерно в русском языке вплоть до XVI в. По наблюдениям акад. Л. А. Булаховского, такая форма существительного (при «три», «четыре») была господствующей в памятниках письменности еще в конце XV в.[28] Формы на «-ы (и)» считает преобладающими для существительных при «три», «четыре» в памятниках даже второй половины XVI в. и С. Д. Никифо-

---

[24] Д. С. Лихачев предполагает, что слитно и без «ъ» было написано в рукописи также слово «сморя» (История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 72). В той же статье находим очень богатые и тонкие наблюдения над употреблением «ъ» и «ь» в исходе предлогов и вообще в рукописи «Слова» (стр. 70 и сл.).

[25] Примеры употребления такого винительного дает И. С. Срезневский (Материалы, т. III, стр. 638): «Поимаша на нихъ с полторы тысячи гривен» (Н1Л, 6645 г., по Академическому списку второй половины XV в.); «Съ і капии» (Никона Пандекты); «Пребыша тоу съ ѕ нед» (Н1Л, 6823 г.); «Сопъ есть человеки съ г высота его» (Странствования Зосимы); «на право съ два поприща монастырь есть» (Записки Игнатия чернеца 1392 г.); Стояла зима денъ съ шесть» (П1Л, 7072 г.).

[26] А. В. Соловьев. Новый итальянский перевод «Слова о полку Игореве», стр. 653—654.

[27] Во всех взятых мною примерах из «Материалов» И. И. Срезневского (см. также и другие его примеры) употребление винительного падежа приблизительного количества логически оправдано. Оправдано оно и в словосочетании «человеки с г высота его» с числительным 3, которое употреблено и в нашем примере в «Слове».

[28] Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. II. Киев, 1953, стр. 297, 298 и прим. 2. Ср. «...четыре алтыны с денгою» (Судебн. 1497 г.); «А три годы поживет...» (Судебн. 1497 г.); «...да у Игошки взяли три топоры» (1579 г., Акты юрид. 92, № 46) и др. В них сохранилось старое управление, но с заменой древнейшего *-и* в окончании имен. п. мн. ч. более новым *-ы*, как и в «Слове».

ров.[29] Окончание «-ы» покрывается в конце разбираемого слова в обеих редакциях выражения (ср. «стрикус-ы — с правильным окончанием вин. п. мн. ч. и «кус-ы»).

Такой представляется интерпретация словосочетания «утръжевазнистри кусы» Екатерининской копии, предложенная Р. О. Якобсоном, в ее отдельных элементах в свете данных грамматики и словаря древнерусского языка.

Всем сказанным, однако, дело не исчерпывается. Перед нами встает еще один вопрос, с которого, может быть, следовало бы начать анализ обоих чтений выражения. Это вопрос: в какой мере можно довериться Екатерининской копии и дает ли она безусловные и бесспорные возможности для текстологических ссылок на нее.

Если принять, что Екатерининская копия была менее тщательно и умело отработана в текстологическом и палеографическом отношениях, то можно допустить, что местами она могла быть более первична, более «первобытна» и близка к оригиналу.[30] Не исключено, что, несмотря на всю свою текстологическую добросовестность и осведомленность в вопросах древнего русского письма и желание донести до читателя список «Слова» XV—XVI вв. в его оригинальном виде, редакторы первого издания volens nolens вынуждены были дать сильно затемненные выражения текста в хотя бы элементарно понятном оформлении. Им оставалось или опубликовать их в полной неприкосновенности (что они и сделали местами вследствие бессилия удовлетворительно справиться с их интерпретацией), или придать им относительно понятный вид. Как редакторам им, конечно, хотелось, чтобы таких непрочтенных мест было как можно меньше. Вполне допустимо, что «камнем преткновения» оказалось и лишенное смысла сочетание «вазнистри кусы», которое они и осмыслили по линии общего семантического содержания контекста. При таком допущении вероятность большей аутентичности словосочетания «вазнистри кусы» увеличивается, а обращение Р. О. Якобсона к тексту Екатерининской копии с методологической точки зрения вполне оправдывается, и гипотезе его надо отдать преимущество.

Но если это не так, то центр герменевтических построений должен переместиться в направлении издания 1800 г. со всеми проистекающими из этого последствиями.

И, наконец, несколько слов о переводе «утръже вазни с три кусы», предложенном Р. О. Якобсоном: «Знать, трижды ему довелось урвать по куску удачи».[31] На фоне реконструированной фразы с ее характерным «с три кусы» перевод звучит более поэтично, но и несколько более отдаленно, так как приданный ему оттенок дистрибутивности — «по куску удачи» — отсутствует в подлиннике. Наиболее удачен в этом отношении перевод А. В. Соловьева:[32] «урвал счастья с три клока», сохраняющий основное лексическое сочетание конъектуры Р. О. Якобсона «с три кусы» — «с три клока».

---

[29] С. Д. Никифоров. Из наблюдений над именами существительными в памятниках второй половины XVI в. — В кн.: Вопросы славянского языкознания, т. I. Львов, стр. 151—152.

[30] При положении, что автором списка, с которого она была сделана, был А. И. Мусин-Пушкин, неискушенный в чтении древнерусских рукописей (см.: Д. С. Лихачев. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в., стр. 79—83).

[31] См.: La Geste du Prince Igor', стр. 196.

[32] А. В. Соловьев. Новый итальянский перевод «Слова о полку Игореве», стр. 653—654.

На этом мы заканчиваем критическую оценку достоверности словарных элементов обеих редакций перевода как лексем и грамматических форм и переходим к обобщению.

*

Перед нами дилемма — нам надо сделать выбор между двумя совершенно различными редакциями перевода одного и того же выражения «Слова о полку Игореве», высказать свое мнение о преимуществе одной из них. Одна редакция — старый, освященный временем и традицией общепринятый перевод, другая — оригинальная по замыслу и очень «простая» по разрешению догадка, полностью опровергающая старое чтение. Задача трудная и ответственная, одной из возможностей разрешения которой может быть сопоставление и критический анализ сильных и слабых сторон каждого из двух чтений разбираемого места в отдельности. Это сопоставление и будет сделано в заключительной части статьи.

В целях большей наглядности даем параллельно обе редакции выражения с контекстом и их перевод.

Традиционный текст

(по изданию Академии наук 1950 г.)

На седьмомъ вѣцѣ Трояни
връже Всеславъ жребий
о дѣвицю себѣ любу
Тъй клюками подпръ ся о кони
и скочи къ граду Кыеву
и дотчеся стружиемъ
злата стола киевьскаго.
Скочи от нихъ лютымъ звѣремъ
въ плъночи изъ Бѣлаграда,
обѣсися синѣ мьглѣ:
утрѣ же вознзи стрикусы, —
отвори врата Новуграду,
разшибе славу Ярославу,
скочи влъкомъ
до Немиги...» *(стр. 25)*.

«На седьмом веке Трояна
кинул Всеслав жребий
о девице ему милой.
Он хитростями оперся на коней
и скакнул к городу Киеву
и коснулся древком
золотого престола киевского.
Скакнул от них лютым зверем
в полночь из Белгорода,
объятый синей мглой;
поутру же вонзил секиры, —
отворил ворота Новгорода,
расшиб славу Ярослава,
скакнул волком
до Немиги...» *(стр. 69)*.

Текст в редакции Р. О. Якобсона

(по изданию „La Geste du Prince Igor'“, 1948 г.)

153. Вържe Вьсеславъ жрѣбии (жеребии) о дѣвицю (ou дѣльницю?) себѣ (собѣ) любу.
154. Тьи клюками подъпьръ ся о копии, скочи къ граду (городу) Кыеву и дотъче ся стружиемъ злата (золота) стола Кыевьскаго.
155. Скочи отаи лютымь звѣрьмъ въ полуночи из Бѣла-града (города): обѣси ся сини мьглѣ.
156. Утьрже вазни съ три кусы, — отътвори врата (ворота) Нову-граду (-городу), рашибе (рошибе) славу Ярославу.
157. Скочи вълкъмь до Немигы... *(стр. 170—172)*.

«153. Кинул Всеслав жребий о девице[a] желанной.
154. Уловкой опершись о копье, он прянул к Киеву-граду и задел было древком Киевский златой престол.
155. Лютым зверем прянул он из Белгорода в полночь, таясь под покровом синей мглы.
156. Знать, трижды ему довелось урвать по кусу удачи, — отворил было врата Новгорода, перешиб славу Ярославу.
157. Волком прянул он до Немиги и ток утоптал: на Немиге...» *(стр. 196)*.

Начнем с традиционной редакции. Ее слабым местом являются реконструированные формы слов «утрѣ» и «вознзи» (при «утръ» и «воззни» в издании 1800 г.). Некоторым отрицательным моментом в этой редакции представляется и самая необходимость прибегнуть к реконструкции, результаты которой, правда, не вызывают серьезных возражений в отношении правильности восстановленных форм. Их «грамматичность» была установлена в своем месте, хотя и не без оговорок (неоправданность за-

[a] «Или скорее о доле». *(Прим. Р. О. Якобсона)*.

мены «ъ» буквой «ѣ» и незакономерность «и» в форме «вознзи» вместо «вознзе»). «Ахиллесова пята» традиционной редакции — это, конечно, загадочное «стрикусы», в котором большинство современных комментаторов видит отражение древнегерманского Strît-axus и т. д., а отдельные исследователи склонны отождествлять с украинским «стрикати», и т. п. Отсутствие этого слова в лексике древнерусских памятников — серьезная улика против него.[33]

В широком же контексте «утрѣ» (в значении «на утро», «на следующий день») очень хорошо уравновешивается с «въ пльночи», сохраненным и во второй редакции (Р. О. Якобсона). «Въ плъночи» ~ «утръ» (утрѣ) — два полюса времени двух действий, выраженных аористами: «скочи» и «вознзи». Конечное «е» в «утрѣ же» (в издании 1800 г.) сохраняется и в реконструированном «утръже».

Кроме того, глагол «вознзи» находит себе внутреннее и внешнее, формальное соответствие в двух резко «ударных» последующих глаголах: «отвори» и «разшибе», образующих вместе с ним трехчлен, объединенный смысловым единством: «вознзи» — «отвори» — «разшибе». Вот аргументы, которыми в той или иной степени можно поддержать общепринятое чтение словосочетания «утръ же вознзи стрикусы».

Вторая версия имеет то неоспоримое преимущество, что она ничто не меняет, ничего не реконструирует, а только по-новому расчленяет хорошо известное всем словосочетание «утръже вазнистри кусы» Екатерининской копии, которое комментаторы обычно обходили своим вниманием. Все словарные элементы второго чтения, и как лексемы и как грамматические формы, закономерны, что подтверждено сделанным анализом. Эти моменты — очень сильное место и неоспоримое преимущество второй редакции. Единственное, в чем можно усомниться, — это интерпретация словосочетания «с три кусы» как «винительного приблизительного количества». Ведь «три удачи» вещего Всеслава, занявшего Новгород, «расшибшего» славу Ярослава и даже севшего «на столе» в Киеве, как совершенно конкретные факты, вряд ли могли вызвать подобное представление приблизительности. Счет же «трех кусов удачи» у нас не вызывает возражений. И еще деталь. Не будет ли диссонировать глагол «утръже» в значении «урвал» и т. д., стоящий в одном ряду с глаголами «отвори» и «разшибе», которые (при первом чтении) располагаются в порядке некоторой восходящей последовательности: «вознзи»—«отвори»—«разшибе»?

Но это — частности. В общем же плане выступает очень существенное соображение. Можно ли допустить, что в Екатерининской копии «вазнистри кусы» было просто случайным сочетанием звуков, набором слов, удивительным образом совпавших с реально существующими словами при расчленении этого сочетания на его составные элементы? Такое совпадение было бы поразительной случайностью, необыкновенной игрой слов, в которую трудно поверить. И это всецело говорит в защиту версии Р. О. Якобсона, столь остроумно дешифровавшего загадочное словосочетание Екатерининского списка, оставшееся неразгаданным в течение целого столетия.

Нашу задачу мы не разрешили до конца. Да, собственно, мы и не собирались делать этого. Мы хотели только проанализировать, действуя

---

[33] О «стрикусах» как о каком-то оружии древности не высказывает никаких предположений и автор специального очерка «Какое значение имеет „Слово о полку Игореве" в истории оружия» В. Г. Федоров во второй части книги «Кто был автором „Слова о полку Игореве"» (М., 1955, стр. 105 и сл.).

«филологическими реактивами», и взвесить все доводы в защиту одного или другого чтения, установить с возможной скрупулезностью сильные и слабые их стороны. Ее авторитетное решение предоставляем специалистам, которые, кстати сказать, давно не занимались «стрикусами», приняв без особых критических колебаний догадку, высказанную о них много десятилетий назад. Мы будем очень рады, если наша заметка вызовет отклики и своими черновыми материалами поможет выяснению окончательной редакции и чтения выражения «утрѣ же воззни стрикусы» первого печатного издания «Слова о полку Игореве».[34]

---

[34] О слове вазнь в памятниках древней русской письменности см.: D. Čyzevśkyj. Lexikalisches. 6. vaznь. — Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. XXII. Heft 2. Heidelberg, 1954, стр. 344—348.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

А. А. НИКОЛЬСКИЙ

К толкованию текста «Слова о полку Игореве»

(заря свѣтъ запала)

«Длъго ночь мрькнетъ. Заря свѣтъ запала. Мъгла поля покрыла. Щекотъ славий успе; говоръ галичь убуди». Толкованию этого места в «Слове о полку Игореве» посвящена уже значительная литература.[1] Несмотря на все расхождения, исследователи памятника сходятся здесь в одном: они понимают слово «заря» в обычном значении, как освещение горизонта перед восходом или заходом солнца. Между тем возможно и другое толкование.

В русских говорах это слово встречается и в значении небесного светила. Так, В. И. Даль отмечает: «Заря, южн. звезда... ясная зоря покатилась по небу».[2] В рукописи В. Н. Добровольского «Слова, записанные в Смоленском уезде, Смоленской губернии», преподнесенной им в дар II Отделению Академии наук, говорится: заря, падучая звезда.[3] И. И. Срезневский на принадлежащем ему экземпляре «Опыта областного великорусского словаря» написал: «Зори девичьи — линии звезд по Млечному пути. По преданиям и рассказам предвещает еще год девичьей жизни. Тул».[4] На одной из сохранившихся в его рукописях карточек в значении «звезда» отмечено еще новгородское слово «зорка».[5] Такое распространение в русских говорах слова «заря» в указанном значении, конечно, нельзя объяснить влиянием украинского или белорусского языков, в которых это значение вообще является литературной нормой.[6]

В русских говорах возможно употребление в значении утренней звезды сочетания «зоря́-зоряни́ца» («зо́рька-зоряница»),[7] а слово «заря́нка» (дру-

---

[1] Н. Н. Зарубин. Заря утренняя или вечерняя? (Из комментария к «Слову о полку Игореве»). — ТОДРЛ, т. II. М.—Л., 1935, стр. 95—150; М. В. Щепкина. К вопросу о неясных местах «Слова о полку Игореве». «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 192—195; С. И. Котков. К толкованию выражения «заря свѣт запала» в «Слове о полку Игореве». — Лексикографический сборник Института языкознания АН СССР, в. 2. М., 1957, стр. 161—164. Предшествующая литература вопроса указана в этих работах.

[2] В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка (далее: В. И. Даль), т. I. М., 1955, стр. 628.

[3] См. Словарь русского языка, составленный II Отделением Академии наук, т. II, в. 9. СПб., 1907 (далее: Словарь русского языка), стр. 2868.

[4] Там же.

[5] Там же, стр. 2861.

[6] Б. Грінченко. Словник української мови, т. II. Київ, 1927, стр. 410—411; Русско-белорусский словарь. Минск, 1953, стр. 164.

[7] Словарь русского языка, стр. 2868.

гие варианты: зоря́нка, заряни́ца, зо́рница) может обозначать в них утреннюю или вечернюю звезду, планету Венеру.[8]

Все это указывает на возможность употребления в древнерусском языке слова «заря» в значении небесного светила. И, действительно, в одном рукописном сборнике XVII в.[9] упоминается планета Заря. В астрологической статье о «небеси и планетах небесных», вставленной в этот сборник, говорится: «На третием убо поясе небесном ходит звезда Заря перед солнцем, день и нощь без престани. Имеет же она в себе силу такову. Егда быти ведру и дождю, звездам бо покажет царя, сииречь солнце, и потом поидет в нощь; звезды бо учнут восходити и являтися на поясе небесном, а та звезда Заря в вечерней зоре идет над солнцем, блещется, еже в то время близь хождения сущу; а еже солнце утаилось, и показует она, у брега светло блещется, и нам мнится, что скачет, и то знаменует ведро, и ясно будет. А егда же звезда Заря румяна явится, тогда знаменует дождь или снег или мрак, а не ясно» (лл. 95 об.—96). Кроме Зари, упоминаются еще небесные светила Крон, Зевес, Скорпион, Коло, Чигирь. Контекст не позволяет судить с полной уверенностью, какую именно планету обозначает Заря. По мнению Б. Е. Райкова, такой планетой является Марс.[10] Но этому противоречат данные славянских языков, в которых наше слово обозначает планету Венеру (ср. болг. «зора», чешск. «zoře»).[11]

Таким образом, вполне можно предположить, что слово «заря» в цитированном месте из «Слова о полку Игореве» обозначает небесное светило (и, видимо, планету Венеру).

Слово «заря» встречается в памятнике еще три раза, но в своем обычном значении — освещение горизонта перед восходом солнца: «Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ»; «Что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями?»; «Погасоша вечеру зори (в первом издании и в Екатерининской копии: зари)». Любопытно отметить, что здесь во всех трех случаях употребляется форма множественного числа, а в значении небесного светила дается форма единственного числа — «заря».

Слово «свѣтъ» я понимаю как эпитет к слову «заря». Это вообще характерно для народной поэзии, стихия которой так сильно сказалась в «Слове о полку Игореве». Ср., например, «уж ты свет мое солнышко»,[12] «еще где есть у беднушки, как кормилец, свет батюшко»,[13] «и вы злодии — светы братьица родимыи»[14] и т. д.

В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского для глагола «запасти (запа́сти) дается лишь одно значение: скрыться в засаде.[15] Между тем в говорах глагол «западать» широко

---

[8] См.: В. И. Даль, т. I, стр. 628; Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852, стр. 66; Дополнение к опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858, стр. 62; В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914, стр. 250; Словарь русского языка, стр. 2868.

[9] ГПБ, собр. Погодина, № 1561. — Датировка рукописи установлена А. И. Соболевским в работе «Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков» (СОРЯС, т. LXXIV. СПб., 1903, стр. 433). Там же опубликована часть рукописи.

[10] Б. Е. Райков. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.—Л., 1937, стр. 59.

[11] С. Младеновъ и А. Теодоровъ-Баланъ. Български тълковенъ рѣчникъ, т. 1. София, 1941, стр. 814; Чешско-русский словарь. Под ред. П. Г. Богатырева. М., 1947, стр. 381.

[12] П. В. Шейн. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах. . ., т. 1. СПб., 1898, стр. 415.

[13] Там же, стр. 489.

[14] Е. В. Барсов. Причитания Северного края, ч. II. М., 1882, стр. 150.

[15] Срезневский, Материалы, т. I, стлб. 933.

употребляется по отношению к небесным светилам. Например, солнце западает, т. е. закатывается, заходит.[16] Ср. употребление этого глагола как средства стилизации у Мамина-Сибиряка: «С вечера Кичиги (название созвездия,[17] — *А. Н.*) поднимаются на юго-востоке, а к утру „западают“ на юго-западе» («Три конца»). В этом значении глагол «западать» отмечен еще в «Лексиконе» Ф. Поликарпова: западает солнце.[18] В «Словаре современного русского литературного языка» данное значение дается с пометой «устаревшее».[19] Интересно, что это значение глагола «западать» имеет место и в других славянских языках (ср., например, укр. «западати», белорусск. «западаць», чешск. «zapadati»).[20]

Таким образом, выражение «заря свѣтъ запала», полагаю, можно перевести так: «звезда (Венера?) закатилась». В целом получается картина наступающего утра: «Долго ночь длится. Но вот уже закатилась утренняя звезда. Туман покрыл поля. Соловьиный щекот умолк; говор галок пробудился».

---

[16] См.: В. И. Даль, т. I, стр. 611.

[17] «Кичига, кичиги ... созвездие Орион, или пятизвездие, образующее пояс и меч его. Созвездие Б. Медведицы с полярной звездой...» (В. И. Даль, т. II, стр. 112).

[18] Ф. Поликарпов. Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище. М., 1704, л. 117.

[19] Словарь современного русского литературного языка, т. IV. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 735.

[20] Б. Грінченко. Словник української мови, т. II, стр. 267; И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870, стр. 177; Чешско-русский словарь, стр. 368.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

М. В. ЩЕПКИНА

О личности певца «Слова о полку Игореве»

При решении вопроса о том, кто был автором «Слова о полку Игореве», надо прежде всего исходить из самого текста поэмы. В нем имеется одно мимолетное и по существу безымянное упоминание, на которое уже давно обратили внимание исследователи:

«О Бояне, соловію стараго времени. Абы ты сіа полки ущекотал, скача, славію, по мыслену древу, летая умом под облакы, свивая, славію оба полы сего времени, рища в тропу Трояню, чресъ поля на горы. Пѣти было пѣснь Игореви, того (Олга) внуку: „не буря соколы занесе чрезь поля широкая"... Чили въспѣти было вѣщий Бояне, Велесовь внуче: „комони ржут за Сулою"...» (стр. 6—7).[1]

К кому могут относится слова «того внуку»? В тексте первого издания после этих слов, правда в скобках, стоит указание «Олга» и соответственно в переводе читается: «Тебе бы петь песнь Игорю, внуку Ольгову».

Н. М. Карамзин, свидетельствуя добросовестность передачи оригинала первыми издателями, говорил: «Касательно же поставленного в скобках слова „Олга" на стр. 6, то это учинено для большей ясности речи».[2]

К сожалению, Карамзин не уточнил, откуда введено в текст слово «Олга». Принадлежит ли это пояснение издателям, или оно уже имелось в самой рукописи XV—начала XVI в., которая послужила основой для первого издания? Надо полагать, что если бы имя Олега Святославича было привлечено самими издателями для объяснения слов «того внуку», то В. Ф. Малиновский, при его педантично-точной системе передачи текста, удовольствовался бы примечанием; обычно так и даются в первом издании исторические комментарии. Таковы примечания к именам «старый Ярослав» и «храбрый Мстислав», «красный Роман» (стр. 3—4) или к неверно понятому имени «старого Владимира» (стр. 5). Пояснения эти имеют пространный характер. Только раз встречается краткое замечание по поводу слова «Хорс» — «не вразумительно» (стр. 36). Следовательно, вставка «Олга» сделана не издателями, а взята для пояснения из самого оригинала, причем, всего вероятнее, она стояла на поле.

О том, что слово «Олга» относится не к позднейшему времени, свидетельствует способ написания его: не «Олега» или «Ольга́», а, по-видимому, «О(л)га», т. е. или с выносом буквы «л» над строкою или со значком паерка над нею.

Кому принадлежит эта вставка? Переписана ли она писцом XV—XVI в. с рукописи, которая послужила ему оригиналом, или поставлена им самим

[1] В дальнейшем в скобках указываются страницы первого издания «Слова» (Ироическая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича. М., 1800).

[2] Н. Полевой. Любопытные замечания к «Слову о полку Игоревом». — Сын отечества. СПб., 1839, т. VIII (отдел «Смесь»), стр. 20.

на полях, или же, наконец, кем-то из читателей XVI—XVIII вв. — для нас несущественно; важно то обстоятельство, что в древнем оригинале поэмы слово «Олга» не стояло.

Логически трудно предположить, что слово «внук» относится к имени Игорь, а определение «того» подразумевает его деда — Олега Святославича. Князь этот нигде не помянут, ни перед выражением «того внуку» (стр. 6), ни после него. Впервые находим мы это имя лишь начиная со стр. 14—15 «полци Олговы», «Ольга Святославичя». Упоминания о различных князьях Рюрикова племени у певца очень четки: они определены их отчествами по отцу, а иногда также и по деду; для некоторых — характерными эпитетами: старый, красный, Гориславич, Осмомысл, буй, великий. Слова «того внуку» настолько ничем не связаны по смыслу, а по своему месту настолько удалены от имени Олега Святославича, что их, конечно, нельзя относить к этому князю. Единственные имена, стоящие непосредственно перед словами «того внуку» и сейчас же после них, это Троян и Боян.

Первое имя здесь неприемлемо: оно дано как прилагательное притяжательное в краткой форме «тропа Трояня», т. е. Троянова тропа. Таким образом, здесь нельзя установить синтаксическую связь существительного «Игорь» с прилагательным «Троянова». Из близ стоящих имен остается только «Боян, соловей стараго времени» (стр. 6) и «Боян, Велесов внук» (стр. 7). И синтаксически и логически (так как дело идет о пении, а не о чем-либо другом) слова «того внуку» до́лжно относить к имени древнего певца Бояна: «О Боян, соловей старого времени! если бы ты воспел этот поход...» Его внуку подобало бы так начать песнь Игорю: «Не буря занесла соколов на поля широкие... А может быть, следовало, Боян, внук Велесов, запевать: кони ржут за Сулою...».

«Слово о полку Игореве» начинается с упоминания имени Бояна; певец «Слова» показывает прекрасное знание песенных приемов Бояна, превозносит его мастерство, называет три из его песен и приводит выдержки из двух других. Он величает его: «внук Велеса», «соловей стараго времени», «вещий», «смысленный». Он говорит о певце «Слова» как об общепризнанном образце, говорит так, как будто от него ждут подражания Бояну. Но, показывая себя знатоком древних песенных приемов Бояна, певец «Слова» подчеркивает, что он пойдет иным путем — он отходит от эпической песенной традиции, и его дарование носит уже черты индивидуального творчества.

Конечно, по его отношению к Бояну, по его блестящему знанию приемов и песен этого знаменитого древнего певца автор Слова, несомненно, его ученик, певец его школы. Но в каком же смысле он называет себя его «внуком» — в переносном, как его преемник и ученик, или в подлинном, т. е. по происхождению?

Ряд исследователей и принимает наименование «внук» в переносном смысле: певец является продолжателем Бояна. Однако наименование «внук Бояна» вряд ли мог позволить себе его ученик, уже немолодого возраста, притом слагающий песни в ином стиле. Такое восхваление Бояна, какое мы находим в «Слове», также странно со стороны ученика, тогда как со стороны потомка знаменитого певца оно понятно и законно. Автор Слова в данном случае следует народному обычаю: «Умный хвастает отцом-матерью, отцом-матерью, родом-племенем». Такое поведение было узаконено жизнью и рассматривалось как достойное и похвальное.[3]

[3] Ср. у А. С. Пушкина: «Мой предок Радша службой бранной Святому Невскому служил» (Моя родословная. — Сочинения и письма А. С. Пушкина, т. 2. СПб; 1903, стр. 142).

Предположение, что певец «Слова» может быть внуком Бояна, еще в 1878 г. допускал А. А. Потебня: «...автор мог быть внуком Бояновым или по крови... или по духу, как хранитель его преданий».[4]

Остается решить вопрос: возможно ли это, реально ли такое предположение; если принять во внимание время их жизни, мог ли певец учиться у Бояна, будучи его внуком? Для решения этого вопроса надо уточнить время жизни Бояна. Предположительно, оно уже установлено исследователями.[5] Принимают, что Боян был певцом черниговского князя Олега Святославича. Всего показательнее в данном отношении следующее место поэмы:[6] «рек Боян исходьны Святославля песнотворец старого времени, Ярославля Ольгова коганя» — «сказал Боян исходный стих, песнотворец старого времени, когана Ольга Святославича, Ярославича», т. е. князя, который упоминается в летописи начиная с 1076 и кончая 1114 (1115) г.

Самая поздняя дата, которую можно извлечь из текста, это год смерти князя Всеслава Полоцкого — 1101 г. Боян, несомнено, пережил Всеслава: «тому вѣщий Боян и первое (некогда) припѣвку смысленый рече — ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда божия не минути». Судом божьим называется смерть. Следовательно, эта припевка Бояна возникла после смерти Всеслава. Прославляя подвиги этого князя, его удаль, стремительность его набегов и необычайную хитрость, Боян говорит в заключение, что ни смелость, ни ум, ни вещая душа не могли спасти Всеслава от общей всем людям участи — смерти. Таким образом, мы можем с уверенностью сказать, что Боян пережил Всеслава. Относительно другой даты — года смерти Ольга Святославича (1114—1115 г.) — никаких определенных данных «Слово» не дает. Пережил ли Боян своего князя? Ничто не противоречит такому долголетию. Сравним известие Лаврентьевской летописи о знатном человеке боярине и дружиннике Яне Вышатиче, который дожил до 90 лет (1106 г.) и про которого Нестор пишет: «У него же аз многа словеса слышах еже и писах в летописании сем».[7]

Если считать, что в год смерти князя Олега Святославича Бояну было даже около 60 лет (т. е. что он родился в 1055—1060 г.) и принять что он дожил до 80 лет, то год его смерти будет 1135; если до 85 лет — то 1140 г., если до 90 лет — то 1145 г. Когда родился его внук? Во-первых, сколько лет мог иметь этот внук в год похода князя Игоря на половцев

---

[4] А. Потебня. «Слово о полку Игореве». Изд. 2-е. Харьков, 1914, стр. 21.

[5] Ср. работу М. Н. Тихомирова «Боян и Троянова земля» («Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 175—178).

[6] Одно из «темных мест», однако почти все исследователи вводят в него имя Ольга Святославича (1076—1114 гг.).

[7] ПСРЛ, т. I. СПб., 1846, стр. 120. — Любопытны также данные относительно возраста, какого достигают сказители нового времени (XIX—XX вв.): Трофим Григорьевич Рябинин — крестьянин Кижской волости, родился в начале 90-х годов XVIII в., умер в 1885 г., т. е. прожил около 90 лет. [см.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е (далее: Песни), т. I. М., 1909, стр. 3. — Изо всех олонецких сказителей Т. Г. Рябинин дал больше всего былин: П. Н. Рыбникову — 23 и А. Ф. Гильфердингу — 18); Кузьма Иванович Романов — слепой с трех лет, родился, по-видимому, в 80-х годах XVIII в., умер до 1885 г., т. е. лет за 80 (Песни, т. I, стр. 257); Никифор Прохоров — крестьянин из Пудоги, родился около 1820 г.; в 1906 г., когда от него записаны в последний раз былины, ему было не меньше 85 лет (Песни, т. II, М., 1910, стр. 77); «Колодозерский старик» — «слишком 90 лет, первостепенный сказитель» (Песни, т. II, стр. 431), один из лучших певцов, Рыбников записал от него 12 былин и Гильфердинг еще две. Таким образом, если в XIX в. сказители могли достигнуть возраста 80—90 лет, занимаясь крестьянской работой или рыболовством, то такой же предельный возраст можно предположить и для Бояна.

в 1185 г.? По всему судя, надо полагать, что певец «Слова» к этому времени был уже человек немолодой, умудренный жизнью, хорошо знакомый с политической обстановкой своего времени. Но вместе с тем это была еще пора полного расцвета его таланта; т. е. надо думать, что это был возраст не моложе 40 лет и не старше 60 лет. Следовательно, год его рождения приходился на 1125—1130 г.. Если внук Бояна родился в 1125 г., то в 1135 году ему было 10 лет, а в 1140 — 15 лет. Если же он родился в 1130 г., то в 1140 ему было 10 лет, а в 1145 — 15 лет.[8]

Таким образом, он мог слушать и учиться у своего деда до 10—15 лет. Даже к 10 годам можно многое усвоить из песенного запаса старого певца, а к 15 годам и подавно. В этом убеждают нас примеры, приводимые Рыбниковым, Гильфердингом и другими исследователями народного эпоса.

«Стари́ны поются большею частью пожилыми людьми от 40 до 60 лет, но заучивают их обыкновенно еще в детском возрасте. Так, обе Крюковы, мать и дочь, начали перенимать былины с 8—9 лет; А. М. Крюкова до 18 лет... заучила 41 стари́ну, а с 18 до 45 лет — только 19. Васильева заучивала стари́ны девочкой лет 10; в молодости, именно лет 17-ти перенимал стари́ны и замечательный сказитель Гаврило Крюков».[9] При этом отмечаются случаи, когда мастерство переходит непосредственно от деда к внуку. Так, например, Терентий Иевлев, крестьянин Кижской волости учился до 10-летнего возраста у своего деда, знаменитого сказителя Ильи Елустафьева (отец Терентия за крестьянской работой отошел от былинного дела);[10] или Андрей Васильевич Сарафанов — внук и ученик другого знаменитого сказителя Игнатия Андреева.[11] Другие сказители перенимали стари́ны от отцов, как например Андрей Сорокин. Сыновья Трофима Рябинина, особенно младший, также много переняли от отца.[12]

В начале XX в. на Печоре отмечены две семьи — Поздеевых, и Чупровых, где былинное мастерство в течение трех поколений передавалось от отца к сыну. При этом собиратели указывают, что «поются стари́ны многими, но учатся не от многих, а только от лучших певцов».[13] В 60-х годах XIX в. Рыбникову и в 70-х годах Гильфердингу называли таких учителей (уже умерших к этому времени): в Пудоге — Мещанинова, знавшего до 70 былин, в Заонежье — Игнатия Андреева и Илью Елустафьева.[14]

Таким знаменитым учителем был, по-видимому, в XI—XII вв. и Боян — певец одного из князей Черниговской семьи, Ольга Гориславича. В «Слове о полку Игореве» о Бояне говорится как о лице, которое хорошо знакомо слушателям. Конечно, для нас безразлично, от кого перенял песни своего деда певец «Слова», непосредственно от самого Бояна или от своего отца. Но в их семье прославленным «песнотворцем» был несомненно Боян, сын же его, если и был певцом, являлся, возможно, уже только сказителем Бояновых песен; между тем как внуку Бояна передался и самый талант «песнотворчества».

Мы исходим из наиболее вероятного предположения, что мастерство певца в древности, как и в XIX в., чаще всего переходило по наследству;

---

[8] Мы принимаем наиболее вероятные цифры.

[9] А. Марков. Беломорския былины. М., 1901, стр. 13.

[10] Илья Елустафьев был также учителем Трофима Рябинина и Кузьмы Романова (Песни, т. I, стр. 383).

[11] От Игнатия Андреева Трофим Рябинин перенял бо́льшую часть своих былин (Песни, т. I, стр. 433).

[12] Песни, т. I, стр. CII.

[13] И. Е. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904, стр. XXX.

[14] Песни, т. II, стр. 499.

конечно, здесь требовалась не только профессиональная память, но и музыкальная одаренность, которая облегчает запоминание текстов былин.[15]

И Боян и его внук были певцами черниговских князей — Ольга Святославича (1076—1115) и Игоря Святославича (ум. 1202). В одном из древнейших русских литературных памятников — в житии Феодосия Печерского — имеется упоминание о княжеских певцах великого князя киевского Святослава Ярославича, родоначальника «Ольговичей» (1073—1076): в княжеских палатах приставленные к тому люди играют на различных инструментах и поют яко же обычай есть перед княземъ. Это описание позволяет возводить песенную традицию при дворе северских князей еще к XI в. Для нас, кроме того, чрезвычайно ценно замечание, что такое пение было вообще в обычае при княжеских дворах.[16]

Мы уже говорили о ценности наблюдений над народным творчеством, которые собраны в XIX и XX вв. на русском севере. Конечно, его нельзя отождествлять полностью с творчеством певцов древней Руси. Однако во многих отношениях народное эпическое искусство еще и в XIX в. является отголоском старой певческой традиции и дает нам ряд важных указаний. Оно дает возможность проследить, при каких условиях возникают народные эпические произведения, как они сохраняются и распространяются. Мы видим также, что былинное мастерство ценится населением и сказителя уважают, как человека, выделяющегося своим талантом и знанием.[17] Собиратели былин отмечают любопытное разделение в среде исполнителей стари́н и песен XIX—XX в. Так, если среди поморов вообще не имеется[18] людей, специально занятых сказыванием былин, профессионалов, зарабатывающих себе этим пропитание, то иначе обстоит дело в Заонежье и Каргополье — там наблюдается разделение певцов. В Заонежье «главные хранители былин — сказители, а в Каргопольской стороне — калики. Сказители поют по охоте, из любви к искусству, а калики — по ремеслу. Первые научились своему знанию от знаменитых „досюльных“ (т. е. прежних) сказителей — Ильи Елустафьева, Игнатия Андреева, Федора Яковлева и других стариков; вторые — от таких же стариков и калик. Сказитель — обычно зажиточный крестьянин, земледелец, рыболов. Между тем как калики живут милостыней».[19]

По-видимому, то же деление мы должны предположить и в древности: скоморохи — профессиональные увеселители, изображения которых сохранили нам фрески на лестнице Киевского собора св. Софии, отличались от прославленных певцов типа Бояна и певца «Слова». Нам, к сожалению, не хватает данных, чтобы вполне уяснить себе положение и происхождение так называемых княжеских певцов XI—XII вв. Мы имеем одно известие в Бертинских анналах под 839 г. о трех славянских певцах, не имевших

---

[15] Относительно А. В. Сарафанова, внука и ученика знаменитого Игнатия Андреева, отмечается: «очевидно, музыкальность внука была слаба, и он постепенно стал отвыкать от песенного склада былин, превращая их в сказки, которые вообще любит и отлично рассказывает. Он не забывает содержание былин, но вместе с напевом стала исчезать цельность былинного языка». Гильфердинг, записавший его позднее Рыбникова, отметил «поразительный упадок поэтического склада» (Песни, т. I, стр. 434). Сравним также указания М. Н. Сперанского: «Содержание устной поэзии ограничено пределами памяти, а форма, музыкально-ритмическая, приспособлена к хранению памятью» (Былины, т. I. Изд. М. и С. Сабашниковых. М., 1916, стр. XI).

[16] Эпизод этот впервые приведен И. Е. Забелиным в работе: «Заметка об одном темном месте в „Слове о полку Игоревом“» (Археологические известия и заметки. М., 1894, № 10, стр. 297—301). С тех пор он неоднократно упоминается исследователями.

[17] А. Марков. Беломорския былины, стр. 13.

[18] Там же, стр. 15.

[19] Песни, т. I, стр. C и CII.

с собой ничего, кроме гуслей, и отправленных своим князем в качестве послов к византийскому императору Феофилу.[20]

Ипатьевская летопись сохранила половецкое сказание о певце, которого хан Отрок отправляет к хану Сырчану в качестве посла, т. е. певцам, по-видимому, как у славян, так и у степных кочевников XI—XII вв. приписывался дар убеждения.[21]

Больше известно о скандинавских певцах — скальдах: смотря по обстоятельствам, они — то купцы, то наемные дружинники, то морские разбойники. Они получают дары за песни, сложенные в честь различных властителей. Но скандинавское песенное искусство X—XII вв. очень далеко по своему характеру от славянского эпического творчества этого времени. Кроме того, у певцов-викингов, по-видимому, отсутствует прочная и живая связь с родиной: в поисках богатства они устремляются вдаль и легко оседают в других, более счастливых странах.[22]

Кто были славянские певцы типа Бояна и автора «Слова о полку Игореве»? Конечно, музыкальная и поэтическая одаренность могли проявляться и в древности во всех слоях общества. Поэтому и князь, и тысяцкий, и боярин могли иметь дарование и быть «песнотворцами» или «певцами». Но не надо забывать, что классовое общество воспитывало человека в определенном направлении, готовило его для определенного положения и дела. И в силу классовых понятий о чести, об обязанностях и правах своего положения ни князь, ни боярин не менял свою наследственную должность на «призвание». В то время такой поступок ставил человека в положение изгоя.

Точно так же несвободный человек, какой-бы одаренности он ни был, вряд ли мог позволить себе ту свободу мысли, какую мы находим в творчестве певца «Слова о полку Игореве и которую можно предположить и у Бояна. Несомненно, такие княжеские певцы были свободными людьми.[23]

Возможно, некоторые из них были землевладельцами, другие — дружинниками, но они были связаны с местным князем и следовали за ним в поход и на съезды. Вероятно, значение таких певцов было выше в эпоху родового быта, когда они наравне с вождем и жрецом стояли во главе своего племени. Отсюда могла вытекать, как отголосок древности, известная самостоятельность их воззрений. Нельзя, конечно, полагать, что древние певцы всегда стояли выше уровня идей своего века и своего народа и что всегда в их творчестве «отзвук мыслей благородных звучал как колокол на башне вечевой во дни торжеств и бед народных». Певцы древности могли оставаться и на уровне своего века и преследовать узкие цели своего племени: призывать к мести, к обогащению за счет соседей, к вероломству и злодеяниям.

Но пример автора «Слова о полку Игореве» показывает, что талант в древней Руси мог соединяться и с высокими общественно-моральными идеалами.

---

[20] М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в., т. I. М., 1940, стр. 25.

[21] ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 155.

[22] Так, Гаральд Гардрад, позднее зять Ярослава Мудрого, служит дружинником в Киеве, затем в Царьграде и только будучи избран конунгом возвращается в Норвегию (1044—1066 гг.; см.: Труды В. Г. Васильевского, т. I. СПб., 1908, гл. VII, стр. 258—303). Исландский скальд Гюнлейг-Змииный язык», сын зажиточного землевладельца, — наемный дружинник то в Англии, то в Ирландии, то в Норвегии и в Швеции (Е. Н. Щепкин. Древнеисландская сага «Гюнлейг-Змииный язык». Одесса, 1905).

[23] Рыбников в XIX в. отмечает спокойное достоинство северных крестьян, которые не испытали гнета крепостного права и которым чужда поэтому приниженность крестьянства средней полосы России.

С христианизацией общества, с новым государственным строем исчезло сословие жрецов — они доживали свой век в качестве осуждаемых церковью знахарей и волхвов. Певцы также не одобрялись церковью, но искусство их сопровождало все моменты семейной и общественной жизни, и певцы продолжали жить вплоть до XX в., если не в качестве творцов, то в качестве сказителей.

В древности песни были необходимым ритуалом жизни не только в среде буйных Святославичей-Ольговичей, но и в семье такого князя, как Владимир Мономах. Так, он говорит, что ему не довелось слышать песни на свадьбе своего сына Изъяслава, но он хочет услыхать плачи его вдовы, чтобы утешиться в своей скорби.[24]

Уже давно отмечено, что торжественное возведение князя на престол также сопровождалось «прославлением», т. е. особой песней. В 1068 г. восставшие киевляне, освободив из поруба Всеслава, провозгласили его великим князем и «прославиша и». В 1251 г. вернувшемуся после победы князю Даниилу Галицкому и его брату «песнь славну пояху има».[25]

До нас дошел только отголосок блестящего расцвета этой древней поэзии в лице Бояна. Творчество его внука показывает уже переход к письменной поэзии. «Слово о полку Игореве» написано для пения; оно еще в полной мере может быть названо народным,[26] но оно отходит от стилистических приемов древнего рапсода, это новая эра национальной светской поэзии. Татарское иго прерывает естественное развитие этого направления.

---

[24] Повесть временных лет, ч. 1. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 164—165.

[25] М. Н. Тихомиров. Источниковедение..., стр. 179.

[26] В том смысле, что оно глубоко национально и не навеяно переводными памятниками.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

Н. В. ШАРЛЕМАНЬ

Соловьи в «Слове о полку Игореве»

В «Слове о полку Игореве» слово «славій», «соловій» встречается четыре раза. Дважды соловей приведен как метафора, как высшая оценка поэтического мастерства Бояна. В остальных случаях соловьи включены в описание природы: рассвета перед первой битвой русских с половцами и рассвета во время побега Игоря из плена, когда по следу беглецов гнались Гзак и Кончак. В этих как будто сходных картинах соловьи ведут себя по-разному. В первом случае говорится: «Длъго ночь мркнетъ. Заря свѣтъ запала. Мъгла поля покрыла. Щекотъ славій успе; говоръ галичь убуди». Здесь соловьиное пение умолкает перед восходом солнца, когда начинают кричать галки. Во втором описании читаем: «Тогда врани не граахуть. Галици помлъкоша, сорокы не троскоташа. Полозію ползоша только. Дятлове тектом путь къ рѣцѣ кажутъ. Соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ». В этой картине соловьи, молчавшие ночью, «приветствуют» наступающий день. Получается противоречие: в одном случае соловьи поют ночью и умолкают на рассвете, когда начинают кричать галки, в другом — они начинают петь на рассвете, когда еще молчат другие птицы.

В действительности же в приведенных фразах никакого противоречия нет. Птицеловы давно подметили, что «соловьи разделяются на три рода: дневных, ночных и репетарных или боевых. Первые поют днем — с утра до вечера, вторые же ночью — с вечера и до утра, а последние поют днем, а ночью изредка только пропевают по одному колену разных отрывисто».[1]

Таким образом, и в примере с соловьем, как и в остальных описаниях природы, как бы кратки они ни были, автор «Слова» оказался точным наблюдателем. Как великий поэт, он чувствовал, что «щекотъ славій» составляет один из характерных образов родной природы в весеннюю пору. Украинский фольклор отводит соловью виднейшее место. С родным краем пение соловья связывают и до наших дней поэты.[2]

В лесостепной полосе, которую прошло войско Игоря, соловьи и в наше время принадлежат к довольно многочисленным птицам. В давние времена они, по-видимому, водились в изобилии. Всего лишь немногим более ста лет, в середине прошлого столетия, соловьи у нас встречались еще в большем количестве. В первой половине XIX столетия А. Ярцева, рассказывая о садах Киева, писала, что в них водится очень много соловьев и «оттого майские вечера в Киеве бывают очаровательны. Как приятно, как восхитительно поют они по вечерам и по утрам в тени цветущих благовонных

---

[1] Карманная книжка для егерей и птицеловов. М., 1822, стр. 163—164.
[2] См. книгу стихов В. Сосюры «Солов'їні далі» (Київ, 1957, 168 стр.).

акаций! В этом саду, где обманывает их дикость некоторых мест и куда летят они, будто в дальний лес, их водится множество».[3]

В лесостепной полосе Украины соловьи начинают петь в начале второй декады апреля. Разгар их пения приходится на вторую половину мая. Эти даты совпадают со временем похода Игоря против половцев, который, по данным летописи, начался 23 апреля,[4] и бегством Игоря из плена, происходившего, по-видимому, в конце мая или в начале июня.[5] Во время похода и бегства Игоря пели соловьи.

---

[3] См.: Н. Закревский. Описание Киева, т. I. М., 1868, стр. 277.

[4] ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 129.

[5] Н. В. Шарлемань. Заметки натуралиста к «Слову о голку Игореве». 1. Бегство Игоря из плена. — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 53—59.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

Е. М. КАРАВАЕВА

Хронограф Спасо-Ярославского монастыря в описи 1788 г.

(К истории рукописи «Слова о полку Игореве»)

По поручению Ярославской реставрационной мастерской в декабре 1957 г. я обратилась в Отдел письменных источников Государственного исторического музея с просьбой показать мне материалы по Спасскому монастырю в Ярославле. Среди выданных мне рукописей оказалась подробная опись, по которой монастырское имущество было передано в 1788 г. архиерейскому дому. Эту опись составил последний архимандрит Спасского монастыря Иоиль. На первом листе полное название описи: «Описи, учиненныя находившимся в Спасо-Ярославском монастыре, которой по высочайшему ея императорского величества соизволению обращен в дом архирейской настоятелем архимандритом Иоилем с подписавшеюся ниже сего братиею в силу присланного ея императорскаго величества из ростовской духовной консистории к нему архимандриту указу о состоящей в том упраздненном монастыре ризнице и прочей утвари церковной и всему казенному движимому имению так же всему безъизьятно наличному оного зданию каменному и деревянному и притом колоколам с показанием каждому особо весу».[1]

При чтении прежде всего бросилась в глаза необычная полнота описи. Упомянута даже трещина на стеклянном шаре под люстрой: «а по другую сторону у паникадила яйцо ж разбито заклеено».[2] Так же подробно перечислены книги и рукописи монастырской книгохранительницы. Некоторые из них значатся ветхими.[3] Поэтому кажется особенно странным, что против четырех рукописей, о которых не сказано, что они ветхи, появились отметки на полях: «За ветхостью и согнитием уничтожена». Две из указанных рукописей — пергаментные. В то же время рукописи, названные ветхими в самом тексте описи, не были уничтожены (по крайней мере об этом нет отметки на полях). Уничтоженными оказались только:

«249 Часослов писанной на баргамине;
274 Псалтырь на баргамине;
280 Аввы Дорофея;
286 Хронограф в десть».[4]

Хронограф был единственной светской рукописью книгохранительницы. Против него на полях подпись пером: «оной хронограф за ветхостью и согнитием уничтожен». Рядом с отметкой на полях поставлено четыре вопросительных знака карандашом и подпись: «Ипподьякон Соколов».

---

[1] ГИМ, Отдел письменных источников (ОПИ), ф. 65. № 86069/арх. 1790, хр. Е. 10, л. 1.
[2] Там же, л. 6.
[3] Там же, л. 73 (265. Два Трефолоя ветхих; 260—266. Шесть книг харатейных ветхих).
[4] Там же, л. 73 об.

Значит кому-то показалось подозрительным такое «согнитие». При этом Соколов сделал свою отметку не против пергаментов, а против хронографа. Этот факт наталкивает на мысль, что Соколов интересовался именно хронографом, зная, что «Слово о полку Игореве» входило в состав хронографа из Спасо-Ярославского монастыря.

Трудно представить себе, что Иоиль, безусловно знавший цену рукописям, разрешил сжечь хронограф и пергаменты. Скорее можно допустить, что Иоиль не решился передать такие ценные рукописи новым хозяевам. Епархиальные власти не всегда бережно относились к старине и губили многие исторические ценности. Под предлогом «согнития» Иоиль

Опись книг Спасо-Ярославского монастыря 1788 г. (фрагмент) с пометой против № 286. (Натур. вел.). ГИМ, ОПИ, ф. 65 № 86069/арх. 1790, л. 73 об.).

мог взять рукописи в свое собрание и передать затем в надежные руки знатока А. И. Мусина-Пушкина.

Поскольку упоминание о хронографе в описи 1788 г. может помочь поискам списков «Слова», я решила сообщить о своей случайной находке. Со времен ипподьякона Соколова, видимо, никто не обращал внимания на эту опись, находившуюся в собрании Щукина, которое разобрано совсем недавно и долгое время было недоступно исследователям.

Если даже данный хронограф не содержал списка «Слова», то самый состав книг монастырской книгохранительницы во времена Иоиля вместе с описанием всего монастырского имущества дает характеристику обстановки, в которой хранился величайший памятник русской литературы. Уже поэтому стоит упомянуть про опись 1788 г.

За время работы над проектом реставрации Преображенского собора и других памятников Спасского монастыря удалось собрать в архивах интересные сведения о деятельности Иоиля и его современников. Теперь, когда проведены реставрационные работы в северной паперти Преображенского собора, где была монастырская книгохранительница, открылась новая возможность для экспозиции материалов, связанных с историей списка «Слова». Потребность в такой экспозиции давно назрела.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

В. Л. КОМАРОВИЧ

Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв.[1]

Язычество на Руси, никогда не располагавшее собственной письменностью, всегда держалось не догмой, а обычаем; обычай же для таких отдаленных эпох, как XII—XIII вв., легче всего уловим благодаря состоянию источников в области права, и в частности права княжеского.

Полон выразительности в этом смысле один летописный эпизод из числа посвященных Андрею Боголюбскому.

В период окончательного назревания того культурно-исторического кризиса, жертвой которого стал этот князь, у него произошло столкновение на юге с группой князей смоленских, Ростиславичей, о чем рассказывает Ипатьевская: «Того же лета Андрей, князь Суждальскый, разгневася на Ростиславичи... исполнився высокоумья, разгордевься вельми, надеяся плотной силе и множеством вой огородився, ражегся гневом и посла Михна мечьника, рек ему: едь к Ростиславичемь, рци ти им: не ходите в моей воли, ты же, Рюриче, пойди в Смоленск, к брату во свою отцину; а Давыдови рци: а ты пойди в Берладь, а в Руськой земли не велю ти быти; а Мьстиславу молви: в тобе стоить всё, а не велю ти в Руской земле быти». Но Мстислав, по отзыву летописца, «от уности навыкл бяше не уполошитися никого», и вот как поэтому реагировал он на высокомерный этот приказ: «повеле Андреева посла емьше постричи голову перед собою и бороду, рек ему: „иди же ко князю своему и рци ему: мы тя до сих мест акы отца имели по любви; аже еси с сякыми речьми прислал, не акы к князю, но акы к подручнику и просту человеку, а что умыслил еси, а тое дей, а бог за всем“». «Андрей же то слышав от Михна, — продолжает летописец, — и бысть образ лица его попуснел; и возострися на рать». Вся выразительность этого эпизода для истории междукняжеских отношений не ускользнула уже от первого их исследователя, положившего его в основу той части своего очерка, которая говорит о периоде междукняжеской борьбы «не за волости отцовские и не за старшинство, но за старый порядок вещей, за старую Русь, за родовой быт, который хотят упразднить Юрьевичи».[2] Не упускали из виду выделенный нами эпизод и историки, весьма уж далекие от научных фикций «родовой теории» Соловьева. Никто, однако, не обратил до сих пор внимания на

[1] Автор настоящей работы В. Л. Комарович погиб в Ленинграде 17 февраля 1942 г. Работа В. Л. Комаровича содержит интересные наблюдения над пережитками культа рода и земли, прослеживаемыми по древнерусским литературным памятникам. Хотя некоторые положения В. Л. Комаровича устарели и не соответствуют современным представлениям об историческом развитии древней Руси, редакция ТОДРЛ считает полезным напечатание его работы с тем, чтобы сделать доступным для широкого круга исследователей тот большой материал, который был собран покойным автором.

[2] См.: С. М. Соловьев. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847, стр. 223.

примененную в этом споре весьма примечательную обрядность: нанесение одним князем другому, в лице посла, особого оскорбления, коренившегося несомненно в обычае, потому что несмотря на всю мелочность казуса (с волосами и бородой) он проник все-таки в древнерусское законодательство: «А кто порветь бороду, — читаем в Правде Ярославичей, — а вньмет знамение, а вылезуть людие, то 12 гривен продаже»; тут же рядом стоящая оговорка: «Аже без людии, а в поклепе, то нету продаже», — поясняет ту подробность нашего рассказа, согласно которой остричь мечника Михна Мстислав велит «перед собою», в своем присутствии, и, значит, сам выступает не только обидчиком, но и «видоком» нанесенной Андрею обиды, нарочито придав ей, таким образом, не только заведомость, но и гласность. И что эффект, на который все это было рассчитано, был достигнут, летописец тоже указать не забыл: при виде возвратившегося посла у Андрея «образ лица его попуснел», т. е. осунулся. Оскорбление, судя по всему, было тягчайшим. Оно и любопытно в этом смысле, как мерило того, чем было вызвано, — обиды, нанесенной Мстиславу словами Андрея: «не велю ти в Руской земли быти».

Такого рода приговоры междукняжеской юрисдикции известны из летописей и раньше: изгнан был Всеволодом Ярославичем племянник Олег (в 1078 г.); изгнаны были Мстиславом Владимировичем полоцкие князья (в 1140 г.); наконец, своих родных братьев, мачеху и племянников изгнал за несколько лет до распри с Ростиславичами и Андрей Боголюбский (1162 г.). Все эти однородные кары имеют, сверх того, ту общую черту, что все если и не были продиктованы прямо собственными интересами Византии (как это было, например, в отношении Олега), то по крайней мере осуществлялись всегда представителями как раз той княжеской ветви (Всеволода Ярославича), которая с Византией была связана родством и подражанием непосредственно. Заимствование указанной карательной меры (в отношении младших князей со стороны старших) из аналогичной практики императорской юрисдикции доказывается уже тем, что как в 1078 г., так равно и в 1140 и 1162 гг. место княжеской ссылки избиралось в пределах империи, а в одном случае — с Олегом — к тому же еще и на острове Родосе, точь-в-точь как в самой империи для опасных царствующему дому претендентов на власть: в такую, например, ссылку «во островы», согласно хронике Манассии (глава 175 русского хронографа), отосланы были Константином Багрянородным дети узурпатора Романа; при Михаиле Диогене — его предшественник на троне Роман (глава 187), при Михаиле Пафлагонянине — его преемник Константин Мономах (глава 182), тот самый дед по матери нашего Владимира Мономаха, родство с которым этого князя как раз особенно и способствовало византинизации междукняжеских отношений. Кара эта в Византии в те века применялась настолько часто, что был выработан специальный термин «сотворить островены», согласно русскому переводу Манассии. Переданный Мстиславу Михном приказ Андрея: «не велю ти в Руской земли быти» — имел, таким образом, за собой столетнюю уж традицию и непосредственно вытекал все из того же стремления Андрея византинизировать междукняжеские отношения, по образцу императорской супрематии. Этой-то традиции, а вовсе не личному только самодурству Андрея, Мстислав и противопоставил со всей решительностью свой посильный ответ, тоже облекши его не в форму личного непослушания, а опять-таки в традиционные формы народно-правового обряда. Как можно догадываться, в нормах народного, или обычного, права коренилось и негодование Мстислава на самый приказ Андрея — на его византийские претензии неограниченного властвования, — негодование, вполне разделяемое на этот раз и летописцем...

Чтобы выяснить, каковы же эти попранные Андреем нормы княжеского обычного права, вглядимся в ответ Мстислава: «мы тя до сих мест акы отца имели по любви; аже еси с сякыми речьми прислал, не акы к князю, но акы к подручнику и просту человеку» и т. д. «Сякие речи» и есть приказ «в руской земле не быти»; он, как оказывается, несовместим, во-первых, с отцовством великого князя, а во-вторых с княжеским достоинством вообще. Этому последнему со всей резкостью противопоставляется то, что С. М. Соловьев называл подручничеством, понимая его как позднейшее подданство,[3] а Н. М. Карамзин, с гораздо большим пониманием сути дела, — вассалитетом.[4] Андрей, вводя византийские порядки, вместе с тем держал себя с остальными князьями как феодальный сюзерен. Необычность такого рода отношений, несмотря на столетнюю уже давность, со всей яркостью и проступает в гневной реплике Мстислава Ростиславича. Принадлежность к одному и тому же роду русских князей, хочет он сказать, уже сама по себе предполагает как нечто никому индивидуально неподсудное и в обычных условиях непререкаемое участие каждого родича в общем властвовании Русской землей; посягнуть на это право можно, с точки зрения Мстислава, лишь ценой полного разрыва родственных связей — значит, или предварительно извергнуть из рода того, кто потом только и мог быть изгнан (как, вероятно, предполагалось поступить с ослепителем Василька), или обречь такому извержению самого себя, если изгнание сильным слабого совершено по личному произволу. И применив, очевидно, второй из возможных случаев к Андрею, Мстислав это-то, конечно, и постарался выразить отсылкой к нему обратно его остриженного посла: так обесчестить можно было, должно быть, только того, чье бесчестье не задевало уже общей родовой чести и кого, следовательно, наносящий бесчестие своим родичем больше не считал. По крайней мере как раз в знак отказа в требуемой волхвами княжеской юрисдикции, — «нама предстати пред Святославом», — заявляли они, — Ян Вышатич, за сто лет до Мстислава, применил к ним то же, что этот последний к мечнику Михну: «Ян же повеле бити я и поторгати браде ею... проскепом». Русская земля и княжеский род, согласно обычно-правовому воззрению Мстислава, оказываются связанными неразрывно. Наблюдение не новое: из него и выросла в свое время «родовая теория», вся ошибочность которой начинается, однако, не здесь, а дальше, при попытке объяснить эту правовую основу междукняжеских отношений не из архаического обычая, а из современных им социальных фактов: господством на Руси якобы до XII в. включительно родо-племенных союзов, как преобладающей формы хозяйственного объединения.

Несостоятельность этой гипотезы теперь вне сомнений. Объяснения междукняжеским отношениям XI—XIII вв. надо, конечно, искать не в ней; обратить с этой целью внимание на обычное право, например на славянское семейное право, предлагал, вслед за Ф. И. Леонтовичем, А. Е. Пресняков (см. его «Княжое право в древней Руси». СПб., 1909). На невозможности же прямых приравнений «союза князей XI—XIII вв.» к тем или иным социальным формам тогдашней «действительной жизни» еще категоричней настаивал М. Дьяконов. «Но что же такое союз князей и его орган — княжеские съезды?», — спрашивал он. — «Действительные это факты или акты идеального сознанья? Если союз признавался лишь

---

[3] См.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I. Изд. «Общественная польза», СПб., б. г., стр. 506.

[4] «Слово подручник в древнем русском языке знаменовало то же, что латинское vassus» [см.: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. III (любое издание), прим. 18].

в принципе и весьма часто нарушался практикой, если съезды предполагают лишь участие всех князей, а действительность не знает ни одного такого съезда, то не следует ли отсюда заключить, что все это существовало не в действительной жизни, а в сознании современников? Это факты из истории общественного сознания, а не из истории учреждений».[5] Как раз к фактам общественного сознания — к двум противоборствовавшим в умах XII в. концепциям княжеской власти — привел и наш анализ типического бытового эпизода из летописи. Остается только типизировать его до конца.

Единство княжащего на Русской земле рода, в которое упирается скрепленный обрядом ответ Мстислава, для XII в. не в меньшей мере, так сказать, умозрительно, чем противоположная идея великокняжеской суприматии: в жизни той переходной эпохи ни тому, ни другому прямых соответствий нет. Есть зато большая историко-культурная перспективность, по крайней мере для идеи суприматии, этой квинтэссенции византинизма, наркотическому воздействию которой подлежало еще впереди не одно столетие русской жизни. Но какова обратная перспективность вспять, в прошлое, у идеи земли и рода? Обычное право, к которому эта идея нас привела, в конце XII в. имело уже, несомненно, все признаки историко-культурного пережитка; даже в сводах XI—начала XII в. сходные отголоски обычно права, с типичным формализмом словесных формул, вроде, например: «а мне уже его (их) не кресити» при мнимом отказе от кровной мести Ольги (под 945 г.) и одинаково Ярослава (под 1015 г.) или «ввергл еси ножь в ны» при обвинении родича в пролитии родной крови (под 1097 г. дважды и под 1100 г.) — носят на себе бесспорную печать древности. Тем больше оснований искать источник соответствующих правовых норм в язычестве.

Среди занесенных в летопись упоминаний князьями своего рода, отчины и дедины, есть, действительно, несколько таких случаев, когда прямо видно, что в основе соответствующих обычно — правовых представлений лежат представления религиозные — языческий культ Рода.

Еще Соловьеву бросилось в глаза то место в Лаврентьевской (под 1169 г.), где рассказывается, как сын Юрия Долгорукого, Михалко, в схватке с половцами чуть было не погиб, «но, — добавляет летописец, — бог отца его молитвою избави его от смерти». «Князь Юрий Долгорукий никогда, — замечает по этому поводу Соловьев, — не был причтен церковью к лику святых»,[6] и, значит, его посмертная помощь сыну предполагает не церковный культ святых, а нечто иное. Ссылаясь тут же на древний обычай «считать всех умерших праведниками», да и самый рассказ приводя лишь как иллюстрацию из прошлого к радуничным поминальным обрядам, Соловьев не оставляет сомнений в том, как он понимает обращение Михалки за помощью к умершему отцу: как ту самую языческую «окличку» умерших предков, которая уцелела, с одной стороны, в фольклоре и отреченной письменности, а с другой — в церковно-дисциплинарных запретах и обличениях.

Древнерусская обличительная литература против язычества в лице двух старших памятников: «Слово некоего христолюбца» и «Слово о том, како погани суще языци кланялися идолом» — одинаково начинается, в оригинальной части своих приписок, с настойчиво повторенных несколько раз упоминаний о «Роде и Рожанице»: «Кое же суть идолослужители?», —

---

[5] См.: М. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. Л., 1926, стр. 121—122.

[6] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I, стр. 78, прим. 5.

спрашивает автор. И отвечает: «То суть идолослужители, иже ставят трапезу рожяницям... иже молятся огневи под овином, вилам, Мокошьи, Симу, Рьглу, Перуну, Волосу скотью богу, Хорсу, Роду, Рожаницям и всем проклятым богом их... иже ставять лише кутья, ины трапезы законьного обеда, иже нарецается беззаконьная трапеза, менимая Роду и Рожаницам в прогневание богу» («Слово некоего христолюбца»); «Но и ноне по украинам сего не могут ся лишити, проклятого ставленья 2-ые тряпезы, нареченые роду рожаницам» («Слово о том, како погани суще языши»). Речь идет о внецерковных, «вторых» поминках по умершим предкам, сверх канонического поминания в храме с положенной при этом роздачей кутьи, «законьного обеда». Где именно совершалась «беззаконная» вторая трапеза — уясняется из целого ряда обличительных и дисциплинарных памятников: местом для нее мог служить просто пир или нарочно для покойников вытопленная баня (с которой, кстати, связана в нашей летописи не только шутка над новгородцами апостола Андрея, но и космогония волхов), или, наконец, самое место погребения. О таких трапезах знал уже Кирик, автор древнейшего памятника русской церковно-дисциплинарной литературы. А их приурочение к местам погребения: к курганам, жальникам и позже к городским кладбищам — засвидетельствовано уже для глубокой древности драгоценным рассказом летописи о поминках Ольги по Игоре. «Пристройте», т. е. приготовьте, — говорит она через посла древлянам, — «меды многы... да поплачюся над гробом его», т. е. на месте погребения, и «створю трызну мужю моему». «Ольга же приде к гробу его и плакася по мужи своем», т. е. совершила обряд оплакивания: «и повеле людем съсути могилу велику», т. е. насыпать над погребением холм; «и яко соспоша, повеле трызну творити», т. е., когда насыпали холм, стали совершать тризну — обрядовый бой; «по сем», т. е. по окончании тризны, «седоша пити» (Ипатьевская). Об обычае «мертвых кликать» на жальниках по погостам и ставить там трапезы упоминает Стоглав, говорят и наблюдавшие этот обычай иностранцы (Петрей, Олеарий). Словом, свидетельства о почитании Рода не оставляют сомнений в том, что этому культу принадлежало исключительное место в русском язычестве: ни той или иной областью, ни социальным слоем, как, скажем, культ Владимировых кумиров, этот культ, очевидно, не ограничивался, будучи повсеместным, исконным, общенародным.[7] И в обрядовом своем выражении он поминками, конечно, не ограничивался; кроме смерти родоначальника, неменьшим событием в жизни архаического рода — а затем и в пережившем его культе — были брак и родины. То и другое тоже несомненно весьма долго сохраняло отпечаток языческого обряда, на что немало есть указаний в тех же обличительных и дисциплинарных памятниках.

И при всем том культу Рода в древнерусском быту приписывался до сих пор сугубо частный, семейный только характер. Ограничиваясь по большей части догадками о возможной древности соответствующих фольклорных данных (радуничных окличек, причетей и т. п.) да перечнем соответствующих церковных обличений, исследователи об общественном значении этого культа даже не ставили и вопроса. Указание Соловьева на летопись до сих пор ничье внимание не привлекло. А между тем оно сто́ит того, чтобы на нем остановиться. Дело в том, что отмеченный Соловьевым признак: полуязыческая молитва к неканонизованному церковью предку — указанным местом летописи не ограничивается: вслед за приведенным эпизодом под 1169 г. помощь «дедней и отней молитвы»

---

[7] Свод данных о нем см.: Н. М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. I. Харьков, 1916, гл. VI.

тому же Михалке оговорена также под 1171 г.; затем «отца и деда его молитва и прадеда его» под 1176 г. помогает Михалке же в борьбе с Ростиславичами; под 1193 г. «деда и отца молитвою святою» избавляется от пожара княжь двор Всеволода; под 1217 г. «молитва отца и дедня» водворяет мир между Всеволодовичами Константином и Юрием; под 1223 г. «молитвою отца своего Константина» (умершего в 1218 г.) спасается от гибели на Калке Василько Константинович; наконец, под 1294 г. «молитвою деднею и отнею» спасается от татар Михаил Тверской. Ни один из этих посмертных доброхотов своего потомства: ни Владимир Мономах, ни отец его Всеволод, ни Всеволод Большое Гнездо, ни сыновья его Константин и Ярослав — опять, как и Юрий Долгорукий, никогда канонизованы не были. И замечательно, что этот красноречивый след языческого культа Рода тянется на пространстве, ограниченном от конца XII до конца XIII в. через древнейший лишь текст Лаврентьевской летописи; в параллельном тексте более поздних сводов (Радзивиловского и Московского академического) имеем ряд не менее красноречивых поправок: в одном случае «отца его молитвою» исправлено на «святого отца», т. е. родителя заменил духовник (под 1169 г.); в другом случае (под 1193 г.) все упоминание родичей вообще выпущено. Дала, как видно, знать себя рука духовной цензуры. Проникновение в летопись полуязыческого культа княжеских родоначальников совпадает как раз с тем периодом, когда так обострены были разногласия относительно правовых основ княжеской власти, начиная с реформаторской деятельности Андрея.

Внецерковную молитву к умершему родичу, в последний раз засвидетельствованную летописью под 1294 г., нельзя не сопоставить с другими пережитками языческой старины в той же среде удельных князей XII—XIII вв.: во-первых, с обычаем давать новорожденному князю два имени и, во-вторых, с отличным от крещения обрядом постригов.

Двойные имена наших князей различаются летописью как «княжие» («русские», «мирские») и крестильные, например: «родися у него сын и нарекоша и в святем крещеньи дедне имя Михайло, а княже Ростислав, дедне же имя» (Ипатьевская под 1173 г.), это о сыне Рюрика Смоленского. Под 1177 г. аналогичное известие читается о сыне Игоря Святославича Новгород-Северского: «родился у Игоря сын, и нарекоша имя ему в крешении Андреян, а княжее Святослав» (Ипатьевская), т. е. «княжее» опять дедово; под 1192 г. «княжее имя» нарекает своему сыну Всеволод Суздальский и опять «деда своего имя» (Воладимир). Присущий, как видно, всем ветвям русского княжеского рода одинаково, явно не соблюдавшийся, однако, уже Андреем, обычай этот мог корениться опять только в языческих представлениях о нерасторжимом единстве живых и умерших родичей: недаром «княжее» имя так часто оказывается одновременно «дедним»; недаром, с другой стороны, и исчезают эти имена одновременно с внецерковной молитвой предку, в поколении сыновей Александра Невского, в конце XIII столетия.[8]

Было ли связано наречение «княжего» имени с постригами — неизвестно. Но та подробность, что «постриги» (упоминаемые в Лаврентьевской и Ипатьевской под 1192 г., только в Лаврентьевской под 1194, 1212 и 1302 гг.) сопровождались посажением трехгодовалого князя из рук отца «на конь», говорит во всяком случае о внецерковном характере и этой обрядности. А в таком случае посвятительный характер самых постригов — острижения первых волос — не мог не предполагать нецер-

---

[8] Позже единичные обладатели «княжих» имен встречаются лишь на юге да в Рязанской земле, чему были свои причины (см. ниже).

ковного же, языческого, адресата для приношения (как догадывался уже П. А. Лавровской); косвенно это подтверждается следующим обличительным текстом XVI в.: «Волови и еретицы и богомерскии бабы — кудесници и иная множайшая волшебствуют и с робят первые волосы стригут».[9] Трудно не отожествить этот позднейший, уцелевший по «украинам»[10] двоеверный обряд с княжескими постригами XII—XIII вв. Но что в приведенном тексте «первые волосы» предназначались Роду, видно из стоящего рядом упоминания всегда неразлучных с ним Рожаниц («а бабы каши варят на собрание рожаницам»). Замечательно, что в «Хоэфорах» Эсхила Орест на могилу отца приносит как раз то же самое:

> В день первый юности волос своих
> Я срезал прядь, в дар Инаху — вскормившему.
> Вторая прядь — тебе, отец, поминный дар.[11]

Наши княжеские постриги тоже восходят, следовательно, к языческому культу Родоначальника. Да и исчезают они из летописей почти одновременно с вторыми «княжими» именами и с внецерковной молитвой предку — в первое десятилетие XIV в.

На что мог опираться в своих принципиальных возражениях Андрею его непримиримый противник, Мстислав Ростиславич Храбрый, теперь должно быть ясно само собой: на эти самые унаследованные от старины пережитки языческого культа Рода. Двумя-тремя столетиями позже русский книжник будет знать, что подобные пережитки отыскиваются только «по украинам». Напротив, в XII в. на них основываются еще пока собственные традиции княжого властвования.

Как в владетельном праве князей, так и в «княжих» именах и молитвах, сакральная связь родства редко простирается дальше деда: отстаивал ли князь вотчинные свои права, он говорил сопернику-родичу: «одиного деда есмы внуцы, а колико тобе до него, толико и мне»; нужна ли была в трудных обстоятельствах особая помощь, опять-таки и ее подавала «дедня молитва»; связывало князя с дедом и носимое им «дедне имя». И до каких пределов конкретности эта связь простиралась — увидим ниже. На такой стадии застают княжеский культ Рода наши источники XII—XIII вв. Нельзя, однако, не поставить вопрос о более древней стадии княжеского родопочитания: указания на какие бы то ни было культурные пережитки до тех пор не могут быть вполне убедительны, пока пережиткам — «переживаниям» — не предпослан породивший их культурный феномен более ранней эпохи. Родопочитание, обезличенное в современном фольклоре до безыменного «доможила», домового — «пастена», было, конечно, в доисторическом прошлом и у менее видных родов, чем княжеский, необезличенным; и если и исторических князей — Рюриковичей, — в самом деле, объединял сравнительно так долго родовой культ, то он не мог первоначально тоже не быть культом родоначальника. Только в поисках такого родоначальника для князей Рюриковичей надо сразу же, конечно, отказаться от самого Рюрика: установленная А. А. Шахматовым искусственность, книжная нарочитость сравнительно поздно внесенной в летопись варяжско-новгородской генеалогии киевского княжеского дома, подтверждаемая как нельзя лучше совершенным

---

[9] См.: А. Востоков. Описание рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 551—552; см. также: Н. М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. I, стр. 176.

[10] Например у донских казаков (см.: М. А. Максимович. Собр. соч., т. III. Киев, 1880).

[11] См.: Древнегреческая драма. Перевод, вступ. статья и примечания А. И. Пиотровского. Госиздат, 1937, стр. 70.

отсутствием имени Рюрик среди «княжих» имен XI и первой половины XII в., безоговорочно исключает этого легендарного родоначальника из числа действительно возможных. Зато весь интерес подобных поисков сразу же переносится на грандиозную фигуру Олега, без имени которого, в противоположность Рюрику, не обходилось почти ни одно поколение Рюриковичей XI—XIII вв., и даже в XV в. не обошелся последний вообще носитель «княжих» имен, Олег Иванович Рязанский. Его историчность, при наличии договора 911 г., тоже вне сомнений. Исторична, с другой стороны, и княгиня Ольга: ее пребывание в Константинополе в 955 г. засвидетельствовано Багрянородным. И вот, если оставить пока в стороне не только Рюрика, но и возводимого к нему генеалогически Игоря, а все внимание сосредоточить на Олеге и Ольге, то не может не броситься в глаза сразу же поразительное во всех отношениях сходство этих двух княживших в Киеве первой половины X в. лиц: созданная Олегом племенная федерация с «матерью городов» в центре расширяется и внутренно организуется походами и «уставами» Ольги; одинаково независимы у обоих отношения с Византией: оба одинаково «хитры»; оба овеяны легендарным преданием со скандинавскими параллелями; оба носят, наконец, одно и то же имя: Ольга — форма женского рода от древней формы мужского, с глухим гласным: Ольг, Олег. Вспомним подобное же сходство имен — мужского и женского — в другом, почти одновременно возникшем княжеском центре — в Полоцке: имя Рогнежь — однокоренное с отцовским именем Рогволод. На «теснейшую родственную связь» Ольги с Олегом уже указывалось, например, В. А. Пархоменко.[12] Признать, действительно, Ольгу за дочь Олега не мешает хронология — крестившаяся в преклонном возрасте в 955 г. Ольга вполне годится в дочери заключившему в 911 г. с греками договор Олегу. Но если надо, в самом деле, признать Ольгу дочерью Олега, а его самого — подлинным родоначальником пошедших от нее киевских князей, то как, спрашивается, объяснить умолчание о столь простых и незабываемых, казалось бы, фактах, в нашей Начальной летописи? И зачем вместо них понадобилась ей хитросплетенная путаница с родством Олега и Рюрика, Игоря и Олега? Одним «норманизмом» летописца вопрос этот, как сразу видно, не разъясняется: в династы варяжского происхождения годился ведь и Олег, с гораздо меньшим притом насилием над фактами, чем полувымышленный Рюрик. Но в том-то и дело, что руководящей тенденцией нашей летописи на всем протяжении XI в. было стремление если не обойти совсем, то по возможности снизить историческую роль Олега. В этом бесспорно убеждает сопоставление реконструированных А. А. Шахматовым летописных сводов: Древнейшего (1039 г.) и Начального (1095 г.) — с возникшей из них «Повестью временных лет».

Те три эпизода, из которых слагается общеизвестный рассказ летописи об Олеге: захват хитростью Киева, поход на Царьград и смерть от укрывшейся в конской голове змеи — были внесены в летопись, как выяснил А. А. Шахматов, далеко не сразу. Древнейший и Начальный своды из трех эпизодов знали только два первых. В Древнейшем своде Олег выступал в качестве самостоятельного князя, без всяких указаний на родство с Рюриком и Игорем, как завоеватель Киева, сам и севший там княжить; наконец, как покоритель Византии, возвратившийся после победы над нею в Киев, «несы злато и паволокы и вино и овощь и всяко узорочие». «И прозваша и (его) Олег вещий, — говорит летописец, — бяху бо людие погани и невегласи». Укорительной этой сентенцией по

---

[12] См.: В. А. Пархоменко. Начало христианства Руси. Полтава, 1913, стр. 104.

адресу давших Олегу прозвище «невегласов» весь рассказ об Олеге в Древнейшем своде, как надо думать, и заканчивался.[13] Следовавший далее рассказ про Игоря уже не упоминал Олега вовсе.

Укор «невегласам» вообще входил в одну из двух главных целей автора Древнейшего свода. Как установлено в другом месте, смысловой центр этого первого на Руси летописного памятника сосредоточивался на «речи философа» и ответном после крещения «исповедании веры» Владимира, причем самое крещение интересовало составителя Древнейшего свода во всяком случае не с фактической стороны, а исключительно лишь со стороны идейной. Не только в рассказе о крещении Владимира, но и на всем остальном протяжении этому памятнику, несомненно, присуща была одна и та же вероисповедная идея: превосходство крещеной Руси над Русью языческой, «новых людей христианских» над старыми «невегласами»; по принципу такого контраста и группировались в Древнейшем своде отдельные его эпизоды. Уже первый рассказ о Кие, Щеке, Хориве и сестре их Лыбеди, т. е. о киевских эпонимах, живых носителях топонимики племенного центра полян, в XI в. был, несомненно, в силу одной своей древности культовым преданием о почитавшихся полянами пращурах... Рассказ о племенных родоначальниках полян и заканчивался поэтому в Древнейшем своде полемическим выпадом против язычества: «бяху же погани, жруше озером и кладезем и рощением, яко же прочии погани». Далее сходное осудительное указание на язычество заканчивало или сопровождало собой: 1) предание об Олеге: «И прозваша и Олег вещий; бяху бо людие погани и невегласи»; 2) рассказ о крещении Ольги: «и рече (Ольга) ему (патриарху): людие мои погани и сын мои»; 3) рассказ о варягах мучениках: «Бяху бо тогда человеци невегласи и погани», и, наконец, 4) риторический плач дьявола над только что принявшим крещение Владимиром: «и се уже изобижен есмь от невегласа».

Итак, целый ряд эпизодов объединялся, вероятно, по отрицательному для летописца признаку отразившегося в них язычества. Тематически связаны были между собой и эпизоды противоположного рода. Рассказ об Олеге стоял, таким образом, в теснейшей связи с другими языческими эпизодами памятника, в частности с первым из них, о родопочитании у полян. Нравоучительная концовка в обоих эпизодах одинаковая: «бяху же погани» — о жертвах озерам, кладезям и рощениям; «и бяху людие погани и невегласи» — о присвоении Олегу прозвища «вещий». То и другое, и жертвы, и прозвище, на взгляд составителя Древнейшего свода, было явлением одного порядка, одинаковым порождением ненавистного ему язычества. Этот бесспорный вывод из анализа текста сразу же лишает, между прочим, всякого вероятия гипотезу А. И. Лященки о дружинном происхождении Олегова прозвища, означавшего будто бы то же самое в переводе на русский, что и собственное его имя: Ольг — Helgi — «светлый».[14] При таком значении прозвища незачем было бы летописцу ссылаться на мрак язычества. Но что ссылка на язычество была тут, действительно, необходима, видно из документального

---

[13] См.: В. Г. Ляскоронский. Киевский Вышгород в удельно-вечевое время. Киев, 1913. — Еще одна фраза, читающаяся (с позднейшим добавлением) в Комиссионном списке Новгородской летописи и относимая на этом основании А. А. Шахматовым тоже к составу Древнейшего Киевского свода: «Иде Олег Новугороду и оттуда за море, и уклюну и змия в ногу и с того умре», исключающая, как видим, местное киевское предание о смерти и похоронах Олега в Киеве (см. о нем ниже), впервые могла появиться, конечно, только вне Киева, вероятно в Новгороде, и, следовательно, в Древнейшем Киевском своде, во всяком случае, не читалась.

[14] См.: А. И. Лященко. Летописные сказания о смерти Олега Вещего. — ИОРЯС, т. XXIX, 1925, стр. 254—288.

материала прямых обличений язычества; в позднейшей практике древнерусского исповедника слово «вещий» имело почти столь же широкое распространение, как и «волхв» или «кудесник»; это были синонимы лишь с незначительными, неуловимыми теперь оттенками значений. «Есть ли за тобою вещество, рекше ведание некоторое, иль чары?», — спрашивал духовник.[15] А покаянный номоканон, т. е. сборник правил о церковно-дисциплинарных взысканиях, говорил о «вещицах»: «Вещица аше покается, лет 9, поклон 500». Та же самая 9-летняя эпитимия, с пятьюстами поклонов на день, положена в том же сборнике «жене обавающей туждих своих», т. е. уличенной в наговорах чародейке. «Вещица», очевидно, и есть название такой чародейки. И подобно тому как женская форма «волховь» или «волхва» (из тех же памятников) предполагает однозначную, более распространенную в древности мужскую форму «волхв», так, конечно, и «вещица» в памятниках XV—XVII вв. предполагает однозначную древнюю форму «вещий». Прозвище Олега, данное ему «невегласами», говорило о сверхъестественной силе и знаниях этого князя-кудесника, им приписывая все то, что он сумел совершить: из летописного прозвища воссоздается, таким образом, в точности тот же облик, что из былин про Волха Всеславича. Если еще учесть, что этот признанный в народе кудесником князь был и на самом деле весьма крупной фигурой: победителем Византии и фактическим родоначальником княжеской династии, то в лаконизме рассказа о нем первого летописца нельзя будет не признать чисто вероисповедного антагонизма.

От древнейшей версии летописных рассказов об Олеге обращаясь к следующей, в Начальном своде 1095 г. (по Комиссионному списку Новгородской), не менее поражаемся и ее трактовкой этого, несомненно, крупного образа. Древнейший свод, при всем его лаконизме, по крайней мере не искажал фактов: князь Олег там и был выставлен князем, правда, без дальнейших уточнений, кем приходился ему преемник его Игорь, что, впрочем, и не входило в задачи нашего первого летописца вовсе: предки Ярослава, при котором Древнейший свод был составлен, автора свода интересовали не сами по себе, а лишь в отношении к прославляемой им новой вере. Составителю Начального свода, работавшему через пятьдесят с лишком лет после составления Древнейшего, интересы княжеского дома были несравненно ближе. Однако в отношении Олега это проявилось лишь отрицательно, в явном искажении уже внесенных в летопись фактов: введя впервые в литературный оборот династическую легенду о Рюрике, составитель Начального свода с выдуманным родоначальником связал не Олега, а только Игоря: «По двою же лету умре Синеус и брат его Трувор, и прия власть един Рюрик, и нача владети един. И роди сын, и нарече имя ему Игорь. И возростшю же ему Игорю, и бысть храбр и мудр. И бысть у него воевода, именем Олег».

Превратив князя Олега в безродного воеводу первого Рюриковича, перенеся даже на последнего христианизированную замену Ольгова прозвища, составитель Начального свода подверг с этой стороны переработке и весь дальнейший древнейший текст: речь к Аскольду произносит теперь не Олег, а Игорь; «уставляет дани» опять-таки Игорь же (а не Олег)... Первым отметив «совершенную искусственность» этого построения, Шахматов не обошел вниманием и руководившие летописцем соображения: «Взаимные отношения Олега и Игоря, — говорит он, — не были, очевидно, определены источниками... Но отчего умолчанию источ-

---

[15] См.: А. Алмазов. Тайная исповедь в православной церкви, т. III. Одесса, 1894, стр. 166.

ников он (летописец) не противополагает гипотезу: Рюрик родил Олега, Олег родил Игоря?».[16] Ответ, даваемый Шахматовым, не подымаясь над уровнем сомнительных источниковедческих соображений летописца,[17] ничего, к сожалению, не разъясняет. Вопрос, отчего из генеалогического ряда, вопреки заведомому факту княжения, устранен был в своде 1095 г. Олег, решается, конечно, только в свете общих тенденций этого свода. Написанный в самый разгар первой усобицы в потомстве Ярослава, этот памятник ни к чему так не был внимателен, как к обострившимся тогда донельзя противоречиям княжого права; обычно правовым нормам власти уже тогда противостояли первые попытки подражания императорской власти Византии: союз трех старших Ярославичей исключил из общего властвования младших; права этих последних коренились в известных уж нам представлениях родового единства. Летописец 1095 г. был во всяком случае не на их стороне. И что другое могло нанести этим представлениям более сильный удар, чем полное отрицание у их сторонников всякого родства с тем, кто был, как приходится предполагать, не только фактическим родоначальником русских князей, но и лицом, придавшим их родовому праву сакральный характер. Исключение Олега из княжеского родства было смело задуманной фикцией, рассчитанной на идеологический подрыв самой основы междоусобий — княжеского культа Рода.

За такое понимание произведенного в Начальном своде переосмысления исторической роли Олега говорит и третья из известных нам версий летописного рассказа о нем — версия Нестора. Она вопрос о родстве Олега с княжеским домом Киева решает заново, путем компромисса: династическую легенду о Рюрике, отце Игоря, сохраняет, но возвращает и Олегу отнятое у него предшествующим сводом княжество. «Умершу Рюрикови, предасть княжение свое Ольгови, от рода ему сущю, вдав ему сын свой на руце Игоря; бе бо детеск вельми». Так поступить Нестор вынужден был, согласно разъяснению Шахматова, под давлением впервые им введенных в летопись договоров Руси с греками, первый из которых в княжеском полновластии Олега сомневаться не позволяет. Но что вопрос одним фактом княжения не ограничивался, а с неизбежностью касался и фактов княжеского родства, видно из первых же пояснительных слов Нестора: «от рода ему сущю», повторенных им и еще раз при описании захвата Киева («аз есмь роду княже»). Это была, конечно, уступка княжескому родовому преданию.

Самое главное, однако, отличие Несторовой редакции в другом. Только из нее узнаем мы, наконец, о существовании в XI—XII вв. близ Киева места погребения Олега, с приуроченной к нему легендой о смерти героя: «И плакашася по немь людие вси плачемь великимь, и несше и, погребоша и на горе, яже глаголется Щекавица; есть же могыла его и до сего дне, словеть могыла Ольгова». Что Нестор тут, в самом деле, сообщает о хорошо всем тогдашним киевлянам известном факте, подтверждается теми местами позднейшей Киевской летописи, где Ольгова могила упоминается как всем известный топографический признак; так, под 1146 г., при описании борьбы Изяслава с черниговскими князьями, указывается, что «кияне особна сташа в (у) Олгови могылы» (Ипатьевская); под 1150 г. у Ольговой же могилы съезжаются Владимир Галицкий с Юрием Долгоруким (там же); упоминается она и под 1151 г. при указании, как расположились вокруг Киева осадившие его князья; под

---

[16] А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 316.
[17] Там же, стр. 316—317.

1161 г. Ростислав Киевский, вызвав к себе Олега Черниговского, на его вопрос: «брате! где ми велиши стати?» — приказывает ему «у Олговы стати могылы» (там же); наконец, под 1169 г. мимо Ольговой могилы, «Васильевским путем», вступает в Киев Мстислав Ростиславич (там же). Находилась ли эта могила действительно на нынешней Щекавице, или под Щековицей летопись разумеет что-то другое (как полагал Н. Петров), или, наконец, приурочение к Щекавице Ольговой могилы под Киевом — результат позднейшей ошибки (как полагал автор другой специальной об этом работы, П. Г.. Лебединцев) [18] — все равно Ольгова могила близ Киева для киевлян XI—XII вв. была хорошо и точно известным местом. И тем не менее о существовании близ Киева этой могилы ни один из летописцев XI в. не проронил ни слова; а поводы для этого у них несомненно были. В своей историографической полемике с «невегласами» составитель Древнейшего свода вообще не раз касается их мест погребения, этих особенно, конечно, останавливавших на себе его внимание вещественных остатков язычества. Он не забыл, например, свой рассказ об Игоре скрепить упоминанием его могилы «у Искоростеня града в Деревех», сохранившейся, по его словам, «до сего дне»; такой же ссылкой на могилу Олега Святославича, «у града Вручая, иже есть и до сего дне», скреплен был в своде 1039 г. рассказ о сыновьях Святослава; были указаны, наконец, могилы Аскольда и Дира, соперников самого Олега. И только его собственная могила, просуществовавшая и после 1039 г. не одно, как видно, столетие, обойдена молчанием: прозвище «вещий» да глухая обмолвка о «невегласах» заслоняет от нас в Древнейшем своде все остальное из посмертной памяти Олега в народном предании, богатство которого до сих пор, однако, распознается сквозь позднейшие слои былин о Волхе, Вольге и Илье Муромце. Умолчание, явно рассчитанное на забвение, окружает смерть и могилу Олега также в своде 1095 г. Молчание нарушает только свод 1113 г., первая редакция «Повести временных лет». Создается впечатление об отмене только к этому времени какой-то нерегламентированной цензуры — церковной цензуры XI в. — на все языческое. На эту мысль наводит и контекст Несторова рассказа. Упоминанию могилы на Щекавице, которая «есть и до сего дне», Нестор предпослал свой знаменитый рассказ о волхве, предсказавшем Олегу смерть. И что бы ни лежало в его основе — скандинавская ли сага или местный киевский культовой миф — несомненно одно: в летопись рассказ включен с присущим вообще Нестору литературным умением всему придавать свой собственный отпечаток средневекового аскетического умозрения.

С этой стороны рассказ о волхве и Олеге под 912 г. нельзя не сопоставить с другими рассказами Несторовой летописи о волхвах. Таковыми надо признать: эпизод о белозерских волхвах, переданный Нестору Яном Вышатичем, и эпизод о новгородском волхве при князе Глебе; оба эпизода объединены под 1071 г. в виде распространительной вставки к более раннему рассказу (Начального свода) о волхве в Киеве. У обоих эпизодов есть одна роднящая их черта — стремление опровергнуть народную веру в присущий якобы волхвам дар высшего знания и ясновидения; этот дар они самоуверенно приписывают себе сами и при встрече с Яном и при встрече с Глебом; «ве веве, — говорят два белозерских волхва, — како есть человек сотворен»; «проведе вся», — утверждает о себе и волхв новгородский; темой обоих эпизодов служит поэтому по

---

[18] П. Г. Лебединцев. Какая местность в древности называлась Олеговой могилой. — Чтения в историческом обществе Нестора летописца, кн. I. Киев, 1879, стр. 22—27.

возможности наглядное опровержение этой языческой веры в вещую силу кудесника. На постепенном отказе самих волхвов от приписываемого им ясновиденья, не без оттенка иронии со стороны автора, построен весь эпизод в Белоозере: повешенные в заключении на дубе и съеденные медведем трупы волхвов расцениваются летописцем как наглядное до смешного опровержение их «ведения»: «И тако погыбнуста наущением бесовскым инем ведуща и гадаюша, а своея пагубы не ведуще», — замечает он в виде вывода, дважды употребив однокоренное с Олеговым прозвищем слово «ведать». Опровержению подвергнуто, таким образом, то самое «вещество рекше ведение некоторое», о котором позже спрашивал двоеверa духовник и которое раньше приписали «невегласы» Олегу.

Столь же близок к прозвищу Олега по своим претензиям новгородский волхв, разоблаченный Глебом. «„То веси ли“, — спрашивает волхва князь Глеб, — что утро хошеть быти, что ли до вечера? Он же рече: „проведе вся“. И рече Глеб: „то веси ли, что ти хощет днесь быти?“. Он же рече: „чюдеса велика сотворю“». Наглядным опять-таки опровержением этому, тоже с характерным для Нестора оттенком иронии, сейчас же затем и выставлена расправа над ошибшимся предсказателем его совопросника: «Глеб же вынем топор растя и, и паде мертв, и людие разидошася».

И вот, если сопоставить с обоими эпизодами 1071 г. рассказ о смерти Олега, он сразу же обнаружит свое идейно-композиционное с ними сходство. Правда, на этот раз предсказание волхва сбылось; но ошибся тот, кто над предсказанием прежде времени посмеялся: «Олег же посмеялся и укори кудесника»; и вторично: «и слез с коня, посмеялся, река: от сего ли лба смерть мне взяти?». Но не заставившая себя ждать смерть точь-в-точь также иронизирует над самим Олегом, как удар топора или медведи над волхвами 1071 г. И если там Нестор иронизирует над ошибкой «всеведцев», то, конечно, еще в большей мере над неведением того, кто слыл «вещим» даже в потомстве, иронизирует Нестор здесь. Первому упоминанию в летописи Ольговой могилы предпослан, таким образом, мастерской памфлет на то самое свойство похороненного в ней героя, которое издревле приписывало ему народное прозвище.

Не менее жгучий отпечаток антиязыческой пропаганды лежит и на послесловии к рассказу. Оно, как давно установлено, извлечено Нестором из Хроники Георгия Амартола и говорит о знаменитом в древности кудеснике Аполлонии Тианине. Никто, однако, из исследователей пока не отметил, до какой степени эта выборка из чужой хроники тесно примыкает по смыслу к предшествующему рассказу об Олеге. Уже первое из «бессовских чюдес» Аполлония, прямо названного с первых же слов, вопреки источнику, «некий волхв»,[19] непосредственно связано с участью, постигшей Олега: явившись в Византию, Аполлоний отогнал «множество змии и скорпия из града, яко не врежатися человеком от них». Ср. выше об Ольге: «уклону и (его) в ногу. И с того разболеся». Сходно с первым и второе «чюдо» — заклинание комаров; и подобно тому как после чудесной смерти Олега и описания его похорон упомянута могила, тоже и отрывок из Амартола от прижизненных чудес Аполлония переходит к посмертным. «И не только бо за живота его така и таковая сотвориша бесове его ради, но и по смерти его пребывающе у гроба его знамениа творяху во имя его на прельщение окаянным человеком... крадомым на таковаа от дьявола». При таком параллелизме оригинального рассказа

[19] Ср. статью А. А. Шахматова «Повесть временных лет и ее источники» (ТОДРЛ, т. IV. Л., 1940, стр. 50—52).

Нестора и присоединенного к нему тем же Нестором дополнения Амартола позволительно, думается, то, что не договорено в первом, попытаться извлечь из второго. Какая-то недоговоренность в сообщении Нестора о могиле Олега бесспорна: глагол «слыть», примененный тут к ней («словеть могила Ольгова»), означал ведь не просто «именуется», «носит название», как например тут же рядом употребленное Нестором «глаголется» («на горе, яже глаголется Щекавица»), а нечто большее: «славится», т. е. намекает, следовательно, на что-то сверх одного названия. И вот, не решаясь на большее, чем только намек, Нестор в виде пояснения и добавляет к нему из Амартола про Аполлония, у гроба которого тоже после смерти творились знамения «на прельщение окаанным человеком». Подобными же «знамениями» в Киеве во времена Нестора, как можно отсюда заключить, славилась могила Олега. Только это и хотел, видимо, сказать Нестор своим заимствованием из Амартола. Могила на Щекавице во времена Нестора продолжала оставаться средоточием культа Рода, с периодическими пирами — поминками, тризнами — боями и «плачами». Таков тот вывод, который можно сделать из наших сопоставлений.

Древнерусское языческое родопочитание доисторическим родоначальником Кием не ограничивалось; в обновленном виде тот же культ возродился снова, в историческое уже время, над могилой Олега, основателя Киевского государства и родоначальника княжеской династии, которому, в частности, в качестве княжеского родоначальника не могла не принадлежать и какая-то роль в выработке княжеского права, чему подтверждением может служить, как увидим, та же могила.

Это немаловажное культурно-историческое явление выпадало пока что из поля зрения русских историков; оттого-то многое в русском историческом прошлом и оставалось неясным. Почему, например, древнерусский книжник всякий раз, как заходила речь о язычестве, неукоснительно излагал один и тот же вовсе, однако, не единственный и в те времена взгляд на языческих богов как на обожествленных предков? Евгемеризмом его греческие источники во всяком случае не ограничивались. Тем не менее собственный выбор русского книжника почти ограничивался только теорией евгемера. Вопрос сразу же, однако, становится ясен, если учесть, что дело тут не в теории самой по себе, а в особой ее приложимости к наиболее живучим проявлениям собственного язычества Руси. Необъясним был и пресловутый черед «лествичного восхождения» князей на киевский стол, явно имитирующий отношения старшинства при родовом строе, не выводимый, однако, из этого последнего непосредственно ввиду столь же явной его изжитости в XI—XII вв. Но в качестве сакрально-культового пережитка того же самого родового строя и эта загадка русской историографии разрешается просто.

Субъектом владетельного права русских князей был весь княжеский род, не потому что он сам сохранял до XI—XII вв. включительно архаическую структуру неделенного рода, а в силу только опиравшегося на языческий культ обычая: не обособленный от других властелин-вотчинник, а совладелец в общем владении, русский князь долго — дольше чем феодалы на Западе — не находил правовой и экономической опоры своим вотчинным притязаниям именно в силу тяготевших над ним пережитков язычества.

И тяготели они в сознании той эпохи не только над субъектом, но и над объектом княжого права: подобно роду неделима была, по крайней мере в идее, земля.

Культ земли, как и Рода, в русском язычестве был одним из основоположных. Он, впрочем, признается основоположным вообще в любой на-

родной религии (Volksreligion), как красноречиво свидетельствует обширный сравнительно-исторический материал, собранный в книге Альбрехта Дитриха (Mutter Erde. Ein Versuch über Volksreligion von Albrecht Dieterich. Dritte erweiterte Auflage besorgt von Eugen Fehrle. Verlag B. G. Teubner. Leipzig—Berlin, 1925). Появившаяся первым изданием в 1905 г., книга эта осталась, к сожалению, неизвестной ни Е. В. Аничкову, ни Н. М. Гальковскому, авторам двух наиболее солидных обзоров древнерусских языческих верований.[20] Ее знал, правда, и руководствовался ею проф. С. Смирнов, давший в приложении к своему исследованию «Древнерусский духовник» [ЧОИДР, 1913, кн. 2 (249), разд. III, стр. I—VIII, 1—290] особый очерк — «Исповедь земле», где с большой тщательностью и полнотой впервые собрал недостающий книге Дитриха русский материал. Однако этот материал оставлен Смирновым без всякой интерпретации, что, впрочем, в его задачи не входило. Удивительно невнимание к труду Смирнова со стороны В. Мансикки, автора последнего из наличных сейчас в науке источниковедческих обзоров русского язычества в целом.[21] Собранные Смирновым данные по своему разнообразию и богатству оставляют далеко позади все то из пережитков хронического культа, что мог отыскать Дитрих на Западе. Но выдвигая, с другой стороны, этот культ как архаическую первооснову не только отдельных олимпийских культов, а чуть ли не эллинизма вообще, Дитрих, сам не зная того, пред лицом неизвестного ему русского материала, поставил на очередь ответственнейшую проблему доисторических культурных связей русского средневековья с античностью в ее архаических первоистоках.

Культ земли-матери явственно проступает уже в летописном «Исповедании веры» Владимира, читавшемся не только в «Повести временных лет», но и в Начальном своде (1095 г.). Уже здесь, как надо думать, к более древнему обличению против латинян летописец добавил: «Пакы же и землю глаголють матерью... Да аще им есть земля мати, то отец им есть небо».[22] В прямом соответствии этому, на заре русской письменности занесенному в летопись верованию стоит издавна глубоко освоенное русским фольклором — былинами, сказкой, заговорами, обрядом, песней — наименование земли «матерью-сырой землей»: по верному разъяснению еще А. Н. Афанасьева, эпитет «мать-сыра» предусматривает как раз тот брак земли с небом, про который знал уже летописец и который в античном культе опознавался по одинаковому признаку увлажненности—оплодотворенности. Мифологема о небе, вступающем в соитие с всеобщей матерью-землею Παμμήτως γῆ и оплодотворяющем ее через дождь или метеориты, лежит в основе, как показал Дитрих, Геогонии Гезиода и «Орестеи» Эсхила, гимнов Пиндара и отдельных фрагментов Эврипида, множества уцелевших надписей, схолий и позднейших косвенных свидетельств историков, ораторов и поэтов. Но та же мифологема, несомненно, присутствовала в русском народном сознании эпохи язычества.

Наши источники вторят прежде всего, с поразительной иногда близостью, античному воззрению на брак, деторожденье и смерть, как на яв-

---

[20] См.: Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914; Н. М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. I.

[21] V. J. Mansikka. Die Religion der Ostslaven, I. Quellen. — C. F. F. Communications, № 43, Helsinki, 1922.

[22] О русском происхождении этой приписки к переводному тексту «Исповедания» см.: А. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875, стр. 17; А. Павлов. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян, СПб., 1878, стр. 17.

ления не только схожие, но в полном смысле тожественные соответствующим проявлениям земной стихии. «Тому, что сев и жатва с зачатием и рождением человека были рассматриваемы, если можно так выразиться, совместно (inlins), аттическая религия дает разительнейшие (markantesten) свидетельства», — говорит Дитрих. «До какой степени непосредственно живы были, на почве древнейшего народного мышления, параллелизм и даже тождество (Identität) сева и зачатия, убедительнейшим образом свидетельствует язык: σπείρειν означает то и другое, в смысле «зачинать» особенно часто у древнеаттических авторов; ἀρόω — «пахать» означает то и другое в аттической трагедии: ἄροτος «стало постоянным выражением в аттическом праве, при заключении брачных договоров. . .».[23] «Ты, небо-отец, ты, земля-мать», — говорится и в русском народном заговоре;[24] и говорится не случайно, потому что вот какой в отношении земли существовал, например, запрет «для мужей и отроков» даже в церковной практике: «Грех есть легше на чреви на земли, опитемии 12 дней, поклон 60 на день»; это — грех потому, что земля и мать одно и то же: «Аше отцу или матери лаял», — читаем в другом запрете, — или бил или, на земле лежа ниц, как на жене играл, 15 дни (епитимия)».[25] Ни о каком, как видно, «олицетворении», измышленном абстрактном уподоблении, и речи тут быть не может: земля для древнерусского народно-языческого сознания, как и для древнеэллинского, была доподлинной матерью, без всяких аллегорических натяжек, а с той, напротив, прямолинейностью наивнореалистического мировосприятия, в которой, как это ни трудно нам, людям XX в., мы должны, однако, отдать себе ясный отчет; иначе понять быт и нравы, в самом деле ведь регулировавшиеся такого рода запретами, невозможно; воззрение, отлившееся в процитированный «запрет», обладало в древнерусской жизни устойчивостью и диапазоном, не идущими в сравнение ни с чем другим. Об этом уж говорит одно его проникновение в нормы церковной дисциплины; от него не убереглась, значит, сама церковь, так строго осудившая эту «веру земле» на первых же страницах летописи.

Что касается хронологии самого культа, то есть ряд указаний на возникновение древнерусского почитания земли еще на доземледельческой стадии развития. Сообщенный С. Смирновым покаянный стих, произносимый при «обряде прощанья с землею», в числе провинностей упоминает и то, что кающаяся «рвала твою (земли) грудушку

Сохой острою, расплывчатой,
Что не катом тея я укатывала,
Не урядливым гребнем чесывала, —
Рвала грудушку боронушкой тяжелою
Со железным зубьем да рживыем.
Прости, матушка, питомая!»

Это явный пережиток сакрального запрета на земледелие вообще. Отсутствие, с другой стороны, сколько-нибудь выразительных аналогий древнерусскому почитанию земли у славян западных — поляков и чехов — не оставляет уже сомнения в том, что культ этот надо возводить не к просто славянской общности, а к пережиткам местной, издавна гибридизированной причерноморской культуры и связывать с тем длительным взаимопроникновением малоазийских культов богини-матери и собственно

[23] Al. Dieterich. Mutter Erde. Ein Versuch. . ., стр. 47. (Перевод наш. — *В. К.*).
[24] См.: А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. III, М., 1869, стр. 788.
[25] См.: С. Смирнов. Древнерусский духовник, стр. 273.

эллинского почитания земли, на которое указал Дитрих: существование того и другого в северочерноморских греческих городах — Ольвии, Херсонесе и Боспоре, а равно и у соседивших с ними тавров и скифов, не подлежит сомнению.[26] Социальный рефлекс доземледельческого уклада в древнерусском культе земли ведет, таким образом, скорее всего к пережиткам местной скифской и доскифской культуры. С этой стороны особый интерес представляют опять-таки наши волхвы.

То, что рассказывает о них летопись Несторовой и до-Несторовой редакции (под 1024, 1044, 1071 и 1091 гг.), справедливо оценивается (Аничковым и др.) как ряд однородных известий, идущих через весь XI в., о спорадических вспышках по местам языческой реакции, чему благоприятной почвой всякий раз служил недород и голод. Неясным остался, однако, вопрос о самом язычестве волхвов и их национальности: ни Е. Аничков, ни Гальковский не пошли дальше простого указания на отсутствие упоминаний в связи с волхвами имен Владимировых богов, откуда заключили о сугубо народном, отличном от дружинно-княжеского, характера их язычества; а, с другой стороны, сходство космогонической сказки, изложенной от лица волхвов летописью (под 1071 г.), с аналогичным мордовским сказанием подсказывало простой, как казалось, ответ о финском происхождении самих волхвов; за него высказался А. Веселовский (Разыскания в области русских духовных стихов, вв. 1—6. СПб., 1879—1891), позже — Е. Аничков, Гальковский и др. Сразу же, однако, для такого решения вопроса обнаружились непреодолимые трудности: космогоническая сказка о Сатанаиле, кроме мордовской версии, имеет и южнославянскую (богомильскую), сходство с которой летописного рассказа никак не меньше, чем с мордовской, не говоря уж о гораздо большей вероятности югославянского влияния на летопись, чем мордовского. Не в пользу финского происхождения волхвов говорят и те летописные о них известия, где их влиянию подпадают не северные или северо-восточные области с издавна прочным финским населением (Новгород, Ростов и Суздаль), а западный Полоцк или даже сам Киев, где уж никаких следов финского населения ни теперь, ни в XI в. указать нельзя. На степной юг, скорее, чем на север, указывает и характерное вообще для наших волхвов гадание половецкого хана Боняка, как рассказано в летописи под 1097 г.: из искусной переклички с волхвами он узнал о предстоящей победе. Нуждается в оговорках и простонародность волхвов, поскольку летопись знает не только столкновения их с князьями, но и прямую их близость к княжескому семейному быту, что видно, например, из обстоятельств рождения Всеслава Полоцкого (см. ниже).

Неясность всех этих вопросов требует, как видно, прежде всего уяснение самого главного: отстаивавшихся волхвами их собственных верований. Под 1024 г. и вторично, подробнее, под 1071 г. изложен один и тот же жестокий и странный обряд ростовско-суздальских волхвов во время неурожая. В 1024 г., когда «во всей той стране» был «мятеж велик и голод», выступившие волхвы «избиваху старую чадь. . . глаголюще, яко си держать гобино (урожай)». Точь-в-точь то же повторилось в 1071 г.,

[26] Ср., например: 1) таврские погребания в каменных ящиках в скорченном положении [В. Н. Дьяков. Древняя Таврика до римской оккупации. — Вестник древней истории. М., 1939, № 3 (8), стр. 72—86 и разъяснения «daß es die Stellung des Embryo sei» у Дитриха (Al. Dieterich. Mutter Erde, стр. 27—28]; 2) скифский культ Гистии—Табити и Земли—Апи у Геродота (кн. II, § 50; кн. IV, §§ 59, 127); 3) праздничество триакад и рощу Кибелы близ Ольвии [Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. — Вестник древней истории. М., 1939, № 3 (8), стр. 265]; см. также статью «Таврическая богиня» в книге И. И. Толстого (Остров Белый и Таврика. Л., 1918).

только рассказ под этим годом добавляет несколько весьма ценных подробностей; то же говоря: мы знаем, «кто обилие держит», эти вторично восставшие теперь там волхвы, придя в погост, «туже нарицаста лучьшие жены, глаголюша, яко си жито держить, а си мед, а си рыбы, а си скору. И привожаху к нима сестры своя, матере и жены своя; она же в мечте прорезавша за плечима, вынимаста любо жито, либо рыбу или веверицю, и убивашета многы жены». Убийства коснулись, как видно, одних женщин, потому что держать «гобино», или «обилие», т. е. препятствовать урожаю (и добычливой ловле) могли, согласно воззрению волхвов, только женщины: «сестры, матери и жены». Урожайность земли, согласно руководившему волхвами воззрению, может быть отнята у нее женщинами; но посредством женщин не может быть возвращена ей. Перед нами, очевидно, один из тех обрядов магического оплодотворения земли, вроде поливания плуга — ἄροτρον — или укладывания новобрачных на поле (Befrüchtungszauber), которые, как показал Дитрих, непосредственно связаны с культом земли, что в данном частном случае вполне подтверждается и соответствующим переживанием: вынимание «обилия» из женской спины сохранилось в мордовском фольклоре, но лишь с заменой надреза по телу перезыванием тесьмы, перекинутой через плечи и поддерживающей мешок с «обилием»; самое же принятие этого «обилия» от женщин приурочено к общественному жертвоприношению как раз матери-земле, Анге-Патяй.[27]

Ближайшая причастность волхвов к культу земли дает себя знать и в остальных летописных о них известиях. При отмеченном уже выше отожествлении в основе этого культа породительных процессов и актов из жизни земли и из жизни человека естественно ожидать, что волхвам, наряду с «родовспомогательной» магией в отношении земли, знакома была и родовспомогательная магия в собственном смысле. Действительно, как раз о такой магии узнаем из известия под 1044 г. о рождении князя Всеслава: «В се же лето умре Брячислав, и Всеслав, сын его, седе на столе его, его же роди мати от волхвованья, матери бо родивши его, бысть ему язва на главе его, рекоша бо волсви матери его: „се язвено навяжи на нь, да носить е до живота своего“, еже носить Всеслав, — добавляет летописец-современник, — и до сего дне на собе; сего ради немилостив есть на кровопролитие» (Лаврентьевско-Ипатьевская). Волхвам приписывается, как видим, не только надетый на Всеслава при рождении науз, но и самое зачатие его матерью, что отразилось, с другой стороны, в былине о Волхе Всеславиче, где упомянутому летописью волшебному зачатию явно придан оттенок хтонический, как зачатию через прикосновение змея одного из фаллических символов как раз в хтонических культах древности.[28]

По саду по зеленому ходила-гуляла,
Молода княжна Марфа Всеславьевна,
Она с каменю скочила на лютова на змея.
Обвивается лютой змей около чобота-зелен сафьян.
Около чюлочика шелкова
Хоботом бьет по белу стегну.
А в та поры княгиня понос понесла,
А понос понесла и дитя родила...
Подрожала сыра-земля.[29]

Прямо о «змее» и о земле говорит еще одно летописное известие о волхве — под 1091 г.: «В се же лето Всеволоду ловы деющю звериныя

---

[27] См.: Полное собрание сочинений П. И. Мельникова (Андрея Печерскаго), т. VII. СПб., 1909, стр. 451—454.
[28] См.: Вячеслав Иванов. Дионис и Прадионисийство. Баку, 1923.
[29] См.: Сборник Кирши Данилова. СПб., 1901, стр. 16.

за Вышгородом, заметавшим тенета и кличаном кликнувшим, спаде превелик змий от небесе и ужасошася вси людье. В се же время земля стукну, яко мнози слышаша. В се же лето волхв явися Ростове, иже вскоре погибе» (Лаврентьевско-Ипатьевская). Неуловимая на первый взгляд мысль, руководившая летописцем при подборе этих ничем, казалось бы, не связанных между собой известий, — они не раз затрудняли и исследователей — улавливается, однако, если весь их комплекс спроецировать на пережитки хтонических верований, где метеорам — «змеям» часто приписывалась роль небесного phallus'a,[30] а в самом их спадении на землю видели, если можно так выразиться, космический половой акт. Вот что, например, приходилось оспаривать древнерусскому книжнику XV—XVI вв., при изложении библейского рассказа о сотворении человека богом: «то ти не Род, седя на воздусе мечеть на землю груды и в том рожаются дети».[31] «Груды» здесь следует понимать как камни, т. е. как те же метеоры. Охотники князя Всеволода оказались, по мысли летописца, невольными свидетелями брачных тайн земли и неба. И в связь с этой случайно обнаруженной тайной явление волхва в Ростове поставлено летописцем, как видно, потому, что, подобно установителю культа земли в Африках, царю Ерехфею, сыном земли признавался у нас не один Всеслав, но всякий волхв вообще. Их корпорацию может быть следует возводить к прямым пережиткам сходных жреческих корпораций при хтонических культах древности: к скифским енареям, к ольвиополитским корибантам. С последними волхвов сближает «вертимое плясание», упоминаемое не раз в старших обличительных памятниках; с первыми — гадание, в котором нельзя не признать широко распространенную в древности мантику земли, чему подтверждением может служить еще одно не рассмотренное пока известие летописи о волхвах, самое может быть любопытное. Появившийся в Киеве волхв «глаголаше, сице поведая людем: яко на пятое лето Днепру потещи вспять и землям преступати на ина места, яко стати греческы земли на Руской, а Русьской на Греческой и прочим землям изменитися»; «его же», добавляет летописец многозначительно, «невегласи послушаху». Касаясь непосредственно самой земли, этот оракул, при несомненном наличии тогда на Руси культа земли, только и мог, конечно исходить от особо посвященного в этот культ лица, каковым оказывается, — на этот раз, с особой наглядностью, опять-таки волхв.

Но особенно интересно это известие своей общественно-политической стороной. Что могло означать на темном языке оракула испугавшее киевлян перемещенье земель русской и греческой? Конечно, только ту самую феодализацию Руси по византийскому образцу, которой, как мы видим, упорно сопротивлялось в XI—XII вв. наше народное язычество. В таком понимании оракула убеждает сопровождавшая его внешне-политическая ситуация. Читающийся теперь под 1071 г., оракул волхва о землях читался первоначально, как доказано А. А. Шахматовым, под 1064 г.; т. е. предсказанье предваряло один из самых острых конфликтов междукняжеских отношений, когда союз трех старших Ярославичей — первый опыт византинизации княжеской власти — распался под первыми же ударами половцев и в противовес отреченным Ярославичам киевское вече «высекло из поруба» заключенного туда ими Всеслава, а затем торжественно поставило его «среде двора княжа», т. е. совершило переворот в пользу языческой старины: Всеслав этот тот самый, который родился от волхвованья,

---

[30] См.: Al. Dieterich. Mutter Erde, стр. 106.

[31] Н. М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. I, стр. 179.

не расставался с языческим наузом и сверх того, как повествует «Слово о полку Игореве», был оборотнем, т. е. был князь и волхв вместе, — поздний двойник Олега, недаром и слитый с ним в одно эпическое лицо былиной. Княжить ему, однако, в Киеве не пришлось: при приближении Изяслава с поляками он сам покидает киевлян, и они в полной уже растерянности взывают о помощи к Святославу и Всеволоду, угрожая в случае их отказа, как-раз тем самым, что предсказал им за 5 лет перед тем волхв: «аще ли не хочета, то нам неволя», говорят киевляне: «зажегше град свой, ступим в греческу землю». Оракул волхва и рожденный от волхвованья князь явно противостоят в этом конфликте киевлян с старшими Ярославичами греческим замашкам этих последних; угроза «неволей» «ступить» в греческую землю, т. е. пойти туда в рабство, означала, конечно, предел грекофильской политики Ярославичей.

За бурными событиями 1068—1069 гг. явственно проступают все те же две борющиеся в умах и нравах эпохи культурные силы: полунасильственное огречивание, т. е. бытовая сторона феодализации, и языческая самобытность. Только последняя на этот раз обнаруживается как культ Земли. И он, следовательно, как и культ Рода, вопреки большинству наших мифологов, был в ту эпоху не только уделом бытового или личного суеверия отдельных «невегласов», но и довольно грозной еще общественной силой. Причастность его, как и культа Рода, междукняжеским отношеньям тоже, как видно, не подлежит сомнению. Оба культа тесно соприкасались в воззрении и переживании своих адептов. Обличение против верящих в рождение детей землей касается одновременно и их веры в Род. Другие обличения, менее определенно говорящие о Роде, неизменно называют, однако, с ним рядом рожаниц или, как читается в наиболее древних списках памятников, Рожаницу (в единственном числе). Так, «Слово о том, како погани суще языци кланялися идолом», говоря о Роде и Рожанице, последнюю, в ед. числе, прямо приравнивает Артемиде. В этой предшественнице позднейших «рожаниц», Артемиде—Рожанице позволительно поэтому, как кажется, признать все ту же мать-землю. «Род» и «Рожаница» наших обличительных памятников будут тогда в точности соответствовать столь же прочно сближенным в самой древнерусской жизни языческим культам Рода и Земли. А если просмотреть затем все те места летописи, где в уста отдельным князьям вложены более или менее устойчивые формулы их обычного права, то и здесь везде мы встретимся с теми же двумя понятиями и даже терминами: род и земля. В частности культ земли с княжеским владетельным правом связан уж был через древнерусское обычное право на землевладение вообще. Обратившая на себя в этом последнем внимание Павлова-Сильванского клятва землей обличается в качестве запретного пережитка язычества уже в том же «Слове како погани суще языци кланялися идолом» (XI в.): «Ов же, дерн воскрушь (выкроенный) на главе покладая, присягу творить». О долгом господстве этого обычая говорят и многочисленные его позднейшие пережитки, собранные Смирновым.[32] Языческий культ земли явственно проступает и в некоторых уцелевших чертах собственно княжеского быта и властвованья. У Рюрика Смоленского родился, например, сын, — на пути из Новгорода, в городе Лучине; в крещеньи ему дали «дедне имя Михайло, а княже Ростислав, дедне же имя»; что означало присвоение деднего имени — мы уж отчасти знаем; но мало этого: там, где княгиню застали роды, «поставиша на том месте церковь святого Михаила, где ся родил». Почему непременно «на том месте», а не где-нибудь рядом, — что

[32] См.: С. Смирнов. Древнерусский духовник, стр. 275.

было бы, разумеется, легче и проще, — выясняется опять-таки из международных данных о почитании матери-земли: как умирающих клали непременно на землю «ut extremum spiritum redderent terrae» в убеждении, что душа как раз там, где положен умирающий, возвратится в материнское земляное лоно, так ровно обратный переход к новорожденному души умершего предка, — чаще всего как раз деда, — из-под земли представляли себе возможным опять-таки только там, где состоялись роды.[33]

В случайной обмолвке летописца драгоценной бытовою подробностью обнаруживается, как видим, и родопочитание и почитание земли одновременно, одно с другим в нерасторжимой связи. Земля чтится вдвойне: и за то, что принимает умерших дедов, и за то, что обратно отдает души их новорожденным внукам; чтится вдвойне и род этот, как теперь только выяснилось, переходящий из поколения в поколение предок, то возвращающийся в землю, то из нее же, с первым криком младенца, возникающий вновь для дальнейшей надземной жизни, как ἐπιχθόνιος в точном смысле этого слова, или, если угодно, как трава, дерево или злак. Видно наконец и то, до какой степени унаследованные от языческой старины воззрения близко соприкасались с сферой княжеского обычного права: нарекши сыну оба дедние имени, ознаменовав место рожденья церковной постройкой, отец новорожденного, князь Рюрик, в заключенье «дает ему Лучин город, в нем же родися»; т. е. перед нами один из бесчисленных примеров княжеского «ряда», счастливо отличающийся от остальных лишь наглядной очевидностью породивших его обстоятельств; но они, как видим, не мирятся ни с презумпцией вотчинной теории, ни с презумпцией теории «лествичного восхождения»: ни из той, ни из другой нельзя вывести право князя владеть городом в качестве «дедины» только потому, что он в нем родился; вывести такое право из языческого культа помогла счастливая случайность: минутная словоохотливость летописца. Но сколько подобных других обычно-правовых норм остаются не распознанными из-за досадного его лаконизма? .. А в них-то и таится, как видно, разгадка той ужасающей беспорядочности владетельного права Рюриковичей, которую отметил, как известно, К. Маркс и которая достигла своего апогея только в XII в.

Сакрально-языческий «ряд» Рюрика Ростиславича занесен в летопись (Ипатьевскую) под 1173 г. Из далекого экскурса в область языческих древностей мы возвратились почти к исходной дате: эпизод с остриженным мечником рассказан в той же Ипатьевской под следующим, 1174 годом: да и действующие там и тут лица — ближайшие родичи: остригший Михна Мстислав Ростиславич Храбрый — родной брат Рюрика, сын того самого Ростислава — Михаила, именем которого был назван родившийся в Лучине «дедич». Рядом стоят, под следующими 1175—1177 гг. и ростовско-суздальские события, глухо расцененные летописцем тоже как конфликт «давних» невегласов с «новыми» христианами. В них теперь, действительно, не трудно уже признать очередное, лишь более напряженное чем прежде, столкновение тех же сил, что и в киевских событиях столетьем раньше, при первых Ярославичах и Всеславе.

---

[33] Приведя ряд разительных такому воззрению примеров, Дитрих замечает: «Такая взаимосвязь (ребенка с душою предка) должна была иметь весьма глубокую почву в некогда очень конкретных воззрениях относительно посмертной жизни (Weiterleben) предков, если внуки, согласно древним обычаям столь многих народов, последовательно наделялись именем деда... В нашем языке даже слово внук (Enkel) в действительности означает не что иное, как „маленький дед“» (см.: Al. Dieterich. Mutter Erde, стр. 25).

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

Н. Я. ПОЛОВОЙ

Русское народное предание и византийские источники о первом походе Игоря на греков

Среди источников о первом походе Игоря на греков в 941 г. наибольший интерес представляют русские и византийские памятники. Византийские источники о походе 941 г., заключенные в Хронике Амартола и в Житии Василия Нового, были широко распространены в древней Руси и сыграли большую роль в формировании русских памятников об этом походе.

Русские источники о походе 941 г. частью дословно, частью в пересказе повторяют Хронику Амартола и Житие Василия Нового. Однако на этом чисто внешнем сходстве и кончается зависимость русских источников от византийских в обрисовке похода 941 г.

Внутреннее содержание русских памятников не только глубоко противоречит внутреннему содержанию византийских, но, как мы в этом убеждаемся, подчиняет последнее первому.

После исследований А. Н. Веселовского, С. Г. Вилинского, В. М. Истрина, А. А. Шахматова, Д. С. Лихачева и других стало очевидным, что русские источники в обрисовке событий 941 г. восходят, с одной стороны, к древнерусским переводам Хроники Амартола и Жития Василия Нового, а с другой — к русскому народному преданию об этом походе.

Естественно поставить вопрос о взаимоотношениях русских народных преданий и византийских источников в формировании русских памятников о первом походе Игоря. Целью данной статьи является выяснить, были ли подчинены русские предания греческим источникам, следовали ли им в обрисовке картины похода 941 г., дополняли ли всего-навсего они греческие повествования, или, напротив, русские источники отстаивали свою точку зрения на этот поход, а византийские источники были подчинены русским преданиям, следовали им и дополняли их.

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно хотя бы в общих чертах воссоздать русское народное предание о первом походе Игоря на греков. Русские народные предания, как о том сообщают «Повесть временных лет» и дополнение, имеющееся в древнерусском переводе Жития Василия Нового, родились со слов воинов, вернувшихся в Киев после похода 941 г. Было ли это предание записано или нет к моменту появления на Руси переводов Жития Василия Нового и Хроники Амартола, нам неизвестно. Однако составители первых русских хронографов, пользовавшиеся Хроникой Амартола и Житием Василия Нового, не просто переписали в эти хронографы сведения о первом походе Игоря, имеющиеся в Хронике и в Житии, но сочли нужным дополнить эти сведения из русских народных преданий (что частично имело место уже при переводе Жития Василия Нового на древнерусский язык) и произвести такие перестановки в тексте Хроники и Жития, которые изменили их до неузнаваемости.

В настоящее время наука располагает не только полным текстом Жития Василия Нового и Хроники Амартола как в греческих подлинниках, так и в древнерусских переводах, но и прекрасными исследованиями о них С. Г. Вилинского[1] и В. М. Истрина.[2] Поэтому теперь можно если не полностью, то хотя бы в общих чертах воссоздать русское предание о первом походе Игоря.

Итак, на Руси было только два иностранных источника о первом походе Игоря: Хроника Амартола и Житие Василия Нового.

Хроника Амартола входит во все русские сказания о первом походе Игоря, Житие Василия Нового — только в некоторые из них. Так как во все русские источники о первом походе Игоря неизменно входят выдержки из Хроники Амартола, то необходимо проследить историю появления и дальнейшего движения амартоловского рассказа о походе 941 г. в русских источниках. Это было сделано В. М. Истриным, выводы которого, изложенные в многочисленных статьях и монографиях, сводятся к следующему.

Перевод Хроники Амартола на древнерусский язык дает нам так называемый первооригинал Хроники Амартола, который представлен Троицким списком этой хроники.[3] Вслед за первооригиналом на Руси появилась так называемая первая редакция Хроники Амартола. Все наши хронографы, летописи и палеи восходят не к первооригиналу Хроники Амартола, а к первой редакции ее. Эта редакция дала материал для «Хронографа по великому изложению», который до нас не дошел, но который восстанавливается с помощью Еллинского летописца второй редакции. «Хронограф по великому изложению» дал материал для ПВЛ первой редакции (половина XI в.). Что касается ПВЛ второй редакции (начало XII в.), то Хроникой Георгия Амартола она пользовалась непосредственно из первой ее редакции, до нас не дошедшей.[4]

Таким образом, сказание о первом походе Игоря «в Еллинском летописце является в более первоначальном виде, а в ПВЛ оно дает уже следующую ступень, будучи исправлено по полной Хронике Георгия Амартола и испытав сокращения и перестановки».[5]

По мысли В. М. Истрина, на Руси было две редакции «Хронографа по великому изложению», различающихся друг от друга присутствием или отсутствием выдержек из Жития Василия Нового.[6] Тот хронограф, в котором не было выдержек из Жития Василия Нового, дал материал для Хронографической палеи и Н1Л. Тот же «Хронограф по великому изложению», в котором текст Хроники Амартола был осложнен Житием Василия Нового, дал материал для Еллинского летописца второй редакции. Автор же ПВЛ не пользовался непосредственно Житием Василия Нового, а располагал лишь некоторыми выдержками из него.

А. А. Шахматов тоже признавал, что впервые рассказ о походе 941 г. появился в Хронографе, только он считал его болгарским по происхождению. По терминологии В. М. Истрина, это был бы «Хронограф по вели-

---

[1] С. Г. Вилинский. Житие св. Василия Нового в русской литературе, чч. 1—2. Одесса, 1911—1913.

[2] В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, тт. I—III. Л., 1920—1930.

[3] В. М. Истрин. Толковая Палея и Хроника Георгия Амартола. — ИОРЯС, т. XXIX. СПб., 1914, стр. 369.

[4] В. М. Истрин. 1) Хроника Георгия Амартола..., т. II, стр. 428; 2) Исследования в области древнерусской литературы. СПб., 1906, стр. 196—198; 3) Очерки истории древнерусской литературы. Л., 1929, стр. 84—91.

[5] В. М. Истрин. Замечания о начале русского летописания. — ИОРЯС, т. 26. Пгр., 1921, стр. 70.

[6] Там же, стр. 75.

кому изложению» первой редакции, еще не осложненный Житием Василия Нового. Согласно А. А. Шахматову, сообщение Н1Л (а отсюда и основанного на ней, по его воззрению, Начального свода) о походе Игоря взято из этого Хронографа: «Из Хронографа составитель Начального свода узнал о поражении Руси».[7] Хроникой же «типа Еллинского и Римского летописцев» пользовался автор Киевского Начального свода 1095 г. «Систематические отличия исследуемой летописи (1095 г., — *Н. П.*) от Повести временных лет обнаруживаются, во-первых, в систематическом опущении всех заимствований из Амартола и его продолжателя. Это тем характернее, что две статьи, заимствованные из греческих хроник (статья о походе Руси на Царьград при царе Михаиле и рассказ о поражении Руси, предпринявшей морской поход при Романе), оказываются, как увидим, взятыми не из Амартола, а из Хроники типа Еллинского и Римского летописцев, причем оттуда же сделаны выписки под 1065 г.».[8]

Что касается автора ПВЛ, то, по А. А. Шахматову, он свой рассказ о походе 941 г. составлял как по Хронике Амартола в пересказе ее Начальным сводом, так и непосредственно по полному тексту Жития Василия Нового.[9]

Следовательно, если В. М. Истрин утверждает, что текст Жития Василия Нового попал в ПВЛ из «Хронографа по великому изложению», воссоздаваемого по Еллинскому летописцу второй редакции, то А. А. Шахматов считает этот текст попавшим в «Повесть» непосредственно из Жития Василия Нового.

Мы видим, что при всей противоречивости своих построений А. А. Шахматов и В. М. Истрин согласны в том, что текст Хронографической палеи в Н1Л о первом походе Игоря является самым древним из всех повествований об этом походе; за ним по времени следует текст, сохранившийся в Еллинском летописце, и наконец рассказ ПВЛ.

В. М. Истрин установил, что «по отношению к этому сказанию (о походе 941 г., — *Н. П.*) памятники (русские, — *Н. П.*) разделяются на две группы: 1) Новгородская первая летопись и Хронографические палеи и 2) Лаврентьевско-Ипатьевские списки летописи и Еллинский летописец. Различие между ними состоит в том, что первая группа представляет первую стадию сказания, древнейшую, а вторая группа дает вторую стадию, осложненную уже новым источником, именно Житием Василия Нового».[10]

Война 941 г. состояла из двух актов. Первый разыгрался вблизи Константинополя, у Иерона, и закончился первым морским сражением, в котором русские, по-видимому, впервые за всю свою историю столкнулись с греческим огнем; второй проходил в Малой Азии и завершился вторым морским поражением русских.

В Хронике Амартола имеется описание двух этих актов; в Житии Василия Нового первый акт почему-то не описан, и о его существовании вообще можно только догадываться, но зато со всей подробностью описан второй.

Рассказ Н1Л и Хронографической палеи основан исключительно на амартоловском описании первого акта русско-византийской драмы 941 г.

---

[7] А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 99.

[8] А. А. Шахматов. Киевский начальный свод 1095 г. В кн.: А. А. Шахматов (1864—1920). Сборник статей и материалов. М., 1947.

[9] А. А. Шахматов. 1) О начальном Киевском летописном своде. М., 1897, стр. 152; 2) Повесть временных лет и ее источники. — ТОДРЛ, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 57—75.

[10] В. М. Истрин. Замечания о начале русского летописания, стр. 70.

Создается впечатление, что автор древнейшего хронографа (по Истрину — русского, по Шахматову — болгарского по происхождению), к которому восходят и Хронографическая палея и Н1Л, был твердо убежден, что первый поход Игоря закончился на первом морском сражении, почему он из Хроники Амартола и взял то, что соответствует этому убеждению. Кто бы ни был автором этого текста о походе 941 г., который сохранился в Н1Л и Хронографической палее, ясно только одно, что он пользовался Хроникой Амартола и почему-то взял оттуда только описание первой половины похода 941 г. вместе с первым морским сражением. Тот удивительный факт, что этот автор счел нужным опустить всю вторую половину амартоловского повествования о походе 941 г., не должен оставаться без объяснения.

В Еллинском летописце второй редакции, напротив, есть два акта амартоловского повествования о походе 941 г., но они не являются двумя частями одного и того же похода, а представлены как два самостоятельных похода: из первой половины амартоловского рассказа сделан первый поход Игоря, из второй половины, описывавшей войну в Малой Азии, сделан второй поход. К этим двум походам прибавился еще тот поход Игоря, который греки смогли остановить на Дунае. Так в Еллинском летописце повествуется о трех походах Игоря: одном неудачном, другом полуудачном, третьем — победоносном.[11]

Создается впечатление, что автор Еллинского летописца второй редакции настолько сильно был убежден, что первый поход Игоря закончился на первом морском сражении у Иерона, что он для объяснения второй половины амартоловского повествования предпочел говорить об особом втором походе Игоря к берегам Малой Азии, нежели допустить, что после решительного морского сражения с греками у Иерона русские удалились не на родину, а к берегам Малой Азии.

Таким образом, и в Еллинском летописце первый поход Игоря оканчивается на первом морском сражении. Эта ошибка автора Хронографа, сохранившегося в Еллинском летописце, еще не объяснена исследователями.

В ПВЛ вместо трех походов Игоря имеется только два, причем второй поход соответствует третьему походу Хронографа, воссоздаваемого по Еллинскому летописцу. Первый же поход Игоря заканчивается и в ПВЛ на первом морском сражении.

В тексте Хронографа, сохранившегося в Еллинском летописце второй редакции, в канву амартоловского повествования о первом походе Игоря вплетается текст Жития Василия Нового. Так как в Житии Василия Нового описывается только вторая половина войны 941 г., то мы должны были бы ожидать, что автор древнейшего хронографа, сохранившегося в Еллинском летописце, будет Житием Василия Нового дополнять вторую половину амартоловского рассказа о походе Игоря. Однако получилось наоборот: Житием Василия Нового была распространена первая половина амартоловского рассказа, словно текст Жития Василия Нового в самом деле относился к событиям, закончившимся на первом морском сражении. Это тоже, пожалуй, одна из самых примечательных ошибок во всем нашем древнем летописании, которая не могла не породить и другие ошибки.

Поскольку Житие Василия Нового описывает события второй половины войны 941 г., то мы видим тщетные усилия автора Хронографа втиснуть события второй половины войны 941 г. в первую: у автора Хронографа

---

[11] В. М. Истрин. Летописные повествования о походах русских князей на Царьград. — ИОРЯС, т. XXI. Пгр., 1916, кн. 2, стр. 220.

вышло так, что с самого начала войны русские «приидоша на Констянтинь град начаша воевати гречьскую землю и Финичьскыя страны Понту Ираклиа и до Пафлогоньскые страны и всю Никомидию пленяя».

Второй поход Игоря автором Хронографа сделан из второго акта амартоловского повествования; эта вторая война, по мысли автора Хронографа, развернулась в Вифинии, во время этого похода русские также «Судъ весь пожгоша».

Что же касается автора ПВЛ, то он очень легко уничтожил этот второй поход Игоря, приплюсовав Суд и Вифинию к перечню тех областей, которые якобы подвергались опустошению с самого начала первого похода Игоря: «Иде Игорь на греки и яко послаша Болгаре весть ко царю, яко идуть Русь на Царьград скедий 10 тысящь. Иже и поидоша и приплуша и почаша воевати Вифиньские страны, и воеваху по Понту до Ираклия и до Фафлогоньски земли, и всю страну Никомидийскую попленивше, и Судь весь пожьгоша».[12]

Мы видим, что в ПВЛ два акта похода 941 г. подведены не к двум самостоятельным походам, как в Хронографе, воссоздаваемом по Еллинскому летописцу, а лишь к первой половине похода, т. е. из двух актов похода весьма неискусно сделан один, первый.

Следовательно, и автор ПВЛ перекраивает византийские повествования о первом походе Игоря так, чтобы этот поход закончился на первом морском сражении, после которого русские незамедлительно вернулись в Киев.

Итак, все русские источники даже не допускают мысли, что после первого морского сражения могла быть еще какая-нибудь война в Малой Азии. Встреченное же в греческих источниках указание, что в 941 г. война в Малой Азии все-таки была, русские летописцы попытались объяснить как угодно, только не в том смысле, что эта война, тоже закончившаяся морским сражением, произошла после решительного поражения русских в первом морском сражении.

Одни летописцы (Хронографическая палея, Н1Л и предшествующий им какой-то хронограф) просто откинули все это описание войны в Малой Азии; другие (автор хронографа, сохранившегося в Еллинском летописце второй редакции) сделали из этого описания самостоятельный второй поход Игоря в Малую Азию; третьи (автор ПВЛ) представили дело так, будто бы вся эта война в Малой Азии произошла в начале похода и до решительного и единственного морского сражения.

При сравнении двух групп русских источников о первом походе Игоря между собой оказывается, что, несмотря на различие использованных ими материалов, в них имеется много общего. Если Новгородская летопись и Хронографическая палея указывают на то, что русские с момента прибытия к Босфору и до решительного морского сражения грабили лишь предместья Константинополя, то Лаврентьевско-Ипатьевские списки летописи и Еллинский летописец повествуют о том, что с момента прибытия к Босфору и до решительного морского сражения русские громили не только предместья Константинополя, но и все побережье Малой Азии.

---

[12] Ошибка древнейшего летописца, заключающаяся в том, что он, обрабатывая греческие источники, представлял дело так, будто бы Игорь до первого морского сражения повоевал европейские и азиатские области на всем огромном протяжении от Константинополя до Ираклии, была уже давно констатирована проницательным Н. М. Карамзиным, который, однако, не дал ни малейшего ее объяснения: «Игорь по Нестерову известию опустошил Вифинию и Пафлагонию прежде европейских берегов Воспора, но греческие источники все согласно повествуют, что флот его, уже разбитый Феофаном, пристал к берегам Вифинии» (Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I. СПб., 1842, прим. 343).

В этом изображении первоначальных событий похода 941 г. и состоит различие между Н1Л и Хронографической палеей, с одной стороны, и Лаврентьевско-Ипатьевскими списками летописи и Еллинским летописцем — с другой. Последующие события этого похода во всех русских источниках обрисованы с поражающим однообразием: во всех них после первоначальных грабежей и погромов русские вступают в решительное морское сражение с греками и после поражения возвращаются на родину. Следовательно, все русские источники заканчивают войну 941 г. на первом морском сражении, в котором русские впервые встретились с греческим огнем, т. е. на сражении 11 июня 941 г.

Нельзя не отметить противоположности этой схемы схеме похода 941 г. по византийским источникам, согласно которым русские вовсе не громили окрестности Константинополя и после первого морского сражения 11 июня 941 г. направились к берегам Малой Азии, где пробыли до сентября и по возвращении на родину потерпели второе морское поражение. Нижеследующая таблица наглядно показывает все различие между общими схемами первого похода Игоря русских и греческих источников.

Хроника Амартола и Житие Василия Нового	Н1Л и Хронографическая палея	Лаврентьевско-Ипатьевские списки летописи и Еллинский летописец
1. Русские были встречены у входа в Босфор и после первого морского сражения 11 июня 941 г. отошли в мелководье Малой Азии. 2. На суше в Малой Азии русские были разбиты Вардой Фокой и Куркуасом. 3. После неудач на суше, русские решили пробиться морем на родину, но были настигнуты греческим флотом и претерпели второе морское сражение.	1. Русские, прибыв к Босфору, высадились близ Константинополя и опустошили окрестности столицы. Затем последовало единственное морское сражение с греками, и русские вернулись в Киев.	1. Русские, прибыв к Босфору, распространили набеги на огромное пространство от стен Константинополя до далекой Ираклии Понтийской. Причем если Еллинский летописец разгром Вифинии и Суда относит к несуществующему особому второму походу Игоря в Малую Азию, составленному из второй половины амартоловского повествования, то автор ПВЛ, уничтоживший этот особый поход, и Суд и Вифинию относит к числу областей, подвергавшихся якобы разгрому именно до единственного морского сражения. После того как русские пограбили окрестности Константинополя и побережье Малой Азии, произошло единственное морское сражение; затем русские немедленно вернулись в Киев.

Поскольку все русские источники, несмотря на бесспорное пользование Хроникой Георгия Амартола и Житием Василия Нового в древнерусских переводах, дают общую схему похода 941 г., резко отличающуюся от общей схемы этого похода в названных византийских источниках, постольку мы вправе заключить, что в летописных рассказах о походе 941 г., где русские предания странно сочетались с византийскими источниками, несомненной русской частью является именно оригинальная русская схема похода 941 г.

Именно эта русская схема первого похода Игоря является остатком того народного предания об этом походе, которое родилось на Руси после печального возвращения русских на родину.

Эта общая схема похода 941 г., остающаяся неизменной и прочной во всех компилятивных древнерусских памятниках об этом походе, является той основой, по которой распределялось все греческое повествование.

Дело обстоит так, что именно византийские источники дополняют русские предания о первом походе Игоря, а не наоборот: русские предания — византийские повествования. При этом обильное цитирование византийских источников в русских памятниках, конечно, не сможет послужить аргументом против этого вывода, потому что «цитирование византийских хроник не означает подражание им».[13]

Русские летописцы, стремясь втиснуть в форму русской схемы построенное по другой схеме греческое повествование о первом походе Игоря, наделали немало ошибок.[14] Эти ошибки помогают нам уяснить, какое представление о первом походе Игоря было у самих летописцев. Сейчас нам понятен только каркас этого представления — русская схема похода 941 г., обросшая фразами (частью дословно, частью в пересказе) из переводных греческих повествований об этом походе.

Вначале на Руси было только народное предание о первом походе Игоря. Отличительными его признаками являлись:

1) утверждение, что русские до решительного морского сражения смогли погромить окрестности Константинополя;

2) утверждение, что после решительного и единственного морского сражения русские вернулись в Киев.

Как и почему родилось на Руси такое представление, неизвестно.

Не ясны и причины столь прямолинейного и упорного настаивания всех русских источников на том, что поход 941 г. закончился на первом морском сражении, после которого русские якобы вернулись в Киев. Неясно также, почему русские летописцы предпочитали говорить об особом походе Игоря в Малую Азию для объяснения второй половины амартоловского повествования о едином походе Игоря на греков в 941 г.; нам неясно, почему автор ПВЛ предпочел утверждать, что вся эта вторая половина амартоловского повествования о первом походе Игоря, рассказывающая о войне русских в Малой Азии, произошла до первого морского сражения, но не следовать за ясным указанием Хроники Амартола, что она произошла после него.

Все это требует более тщательного изучения первого похода Игоря в целом, которое, возможно, значительно изменит привычную картину этого похода.

Однако мы уже теперь видим, насколько самостоятельными и независимыми были наши древнейшие хронисты при составлении рассказа о первом походе Игоря и с каким упорством и последовательностью отстаивали они свою точку зрения на этот поход.

---

[13] Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М., 1952, стр. 167.

[14] Н. Я. Половой. Две ошибки древнейшего русского хрониста. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 139—142.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

В. Л. ЯНИН

Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила».

«Хождение игумена Даниила» принадлежит к числу хорошо датированных литературных памятников древней Руси. Быть может, поэтому упоминание в нем имен некоторых русских князей не потребовало специального анализа и не привлекало к себе пристального внимания историков.

Действительно, дата «Хождения» названа автором повести, который сообщает, что паломничество к святым местам предпринято им «во княжение Руское великого князя Святополка Изяславича, внука Ярослава Володимерича Киевьского»,[1] т. е. между 1093 и 1113 гг. Своим рассказом о беседе с иерусалимским королем Балдуином (1100—1118 гг.)[2] Даниил еще более уточняет дату своего путешествия, а упоминанием целого ряда исторических обстоятельств, очевидцем которых он был, заключает ее в рамки, вполне удовлетворяющие историка. М. А. Веневитинов, основной исследователь повести, путем многих остроумных сопоставлений установил, что путешествие Даниила происходило в 1106—1108 гг.[3] Эта дата не встречает противоречий в тексте повести и сама по себе не требует подробного исторического разбора русских княжеских имен, встречающихся в «Хождении». С другой стороны, место действия повести настолько удалено от русских земель, что стало традицией обращаться к этому памятнику как к исключительно историко-литературному и историко-культурному источнику. Таким он и является по преимуществу, однако было бы ошибкой вовсе пренебрегать им как источником политической истории древней Руси. Его возможности с этой точки зрения, как я постараюсь показать, явно недооценены.

«Хождение» было создано в тот период, когда междукняжеские отношения на Руси на какой-то срок были определены постановлениями совещаний в Любече (1097 г.), в Городце (1097 г.), в Витичеве (1100 г.) и в Киеве (1102 г.). Распределение уделов было приведено в соответствие с волей Ярослава Мудрого, и сам новый порядок рассматривался в качестве политической доктрины, способной якобы гарантировать княжеский мир от грозных последствий уже вполне определившегося процесса феодального дробления Киевской Руси.

Вряд ли можно говорить, что нам известны все повороты этого процесса, что, говоря, например, о Любечском съезде, мы во всех деталях представляем себе его принципы и его постановления. Многие пробелы

---

[1] Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII века. Под ред. А. С. Норова. Изд. Археографической комиссии, СПб., 1864, стр. 155.

[2] Там же, стр. 139 сл.

[3] Житие и хождение Даниила Русской земли игумена. 1106—1108 гг. Под ред. М. А. Веневитинова. — Православный Палестинский сборник, т. I, вып. 3. СПб., 1883.

в наших сведениях определяются неполнотой летописных сообщений, случайностью тех фактов, которыми мы располагаем. Поэтому каждый новый факт позволяет правильнее определить княжескую политику в сложных условиях начала XII в.

Характеризуя игумена Даниила, исследователи и популяризаторы древней русской литературы давно уже привыкли повторять действительно бросающуюся в глаза патриотическую идею его повести — идею представительства от всей Русской земли. Совершая свое паломничество в далекий Иерусалим, Даниил всегда оставался русским человеком. Русь, глазами и ушами которой он был, постоянно присутствует в его мыслях. Иордан напоминает ему Снов.[4] На вопрос Балдуина: «Чего хощеши, игумене Руский?» — Даниил отвечает: «. . . хотел был и аз поставити кандило свое над гробом господним за вся князя наша и за всю Рускую землю, за вся християне Руския земля».[5] Вся заключительная часть его рассказа посвящена мысли о том, что автор повести «в всех сих местех святых не забывал имен князей руских, и княгинь их, и детей их, ни епископов, ни игуменов, ни детей своих духовных, ни всех христиан николи же не забывал, но везде поминал в молитвах».[6]

Эта заключительная часть и представляет сейчас для нас наибольший интерес. Даниил рассказывает, что имена русских князей были записаны им в иерусалимской лавре св. Саввы, где они «и ныне поминаются в октеньях». Далее, предваряя свое перечисление словами: «Се же суть имена их», — Даниил называет поименно несколько русских князей. Кроме того, сообщает он, им помянуты уже без поименного перечисления и записи все русские князья и бояре и все христиане Русской земли, за которых отслужено 90 литургий — за живущих 50 и за умерших 40.[7]

Я сознательно не называю сейчас эти княжеские имена, так как в разных списках «Хождения» они несколько разнятся, в силу чего эти списки нуждаются в критическом сопоставлении, предлагаемом читателю ниже. Однако и безотносительно к истинному варианту этого места текста можно сделать вывод, что в выборе имен Даниил руководствовался какими-то хотя и неясными, но в достаточной степени интересными соображениями. «Не забывая имен русских князей», по его собственному выражению, Даниил тем не менее не считает нужным перечисление всех этих имен и ограничивает свой список некоторыми избранными именами. Уже А. С. Норов подметил, что все эти князья происходят из числа 50 живущих, а не из числа 40 умерших.[8] Чем же руководствовался Даниил при составлении своего списка?

Нужно особенно подчеркнуть важность этого вопроса для характеристики Даниила. Считая Даниила выразителем идеи представительства за всю Русскую землю, мы точнее всего сможем изучить эту идею в его отношении к князьям. Вспомним автора «Слова о полку Игореве», патриотизм которого более чем конкретен. Автор «Слова», так же как и Даниил, вспоминает русских князей, и его отношения к ним целиком определяются теми их качествами, которые ценны для спасения Русской земли, раздираемой в его время усобицами и разоряемой кочевниками. В этой связи отношение исследователей к Даниилу кажется несколько формальным. Даниил любит Русскую землю, но живет он как бы вне времени. Говоря о «Хождении», обычно забывают, что оно создано в эпоху временной

---

[4] Путешествие игумена Даниила. . ., стр. 55.
[5] Там же, стр. 139.
[6] Там же, стр. 155.
[7] Там же.
[8] Там же, стр. 160 и сл.

стабилизации феодального распада, что его автор был современником тяжелых междоусобных войн и последовавших за ними княжеских съездов, которые водворили относительный мир в Русской земле и княжеской семье, что в сознании Даниила княжеские имена не могли не ассоциироваться с вполне определенными историческими событиями и эпизодами. Действительный патриотизм Даниила мог выразиться только в отношении к этим событиям, и нашей задачей является проследить характер этого отношения. Составляя список русских князей для поминания в октеньях, Даниил мог иметь в виду ту систему мирных княжеских отношений, которая установилась по инициативе Владимира Мономаха, но он мог руководствоваться и другими, более мелкими соображениями и равнодушно пройти мимо важнейших событий, современником которых он был.

Вполне понятно, что если справедливо первое предположение, то значение княжеского списка в «Хождении» заключается не только в возможности характеризовать самого автора повести. Княжеский список в этом случае приобретет характер ценнейшего исторического источника.

Мне известна только одна попытка объяснить соображения Даниила при составлении им списка князей. Эта попытка принадлежит В. П. Адриановой-Перетц, считавшей, что Даниил был черниговским игуменом и в силу своего происхождения с особым вниманием отнесся к южным русским князьям.[9] Ниже я покажу, что никакого предпочтения южным князьям Даниил не оказывал. Здесь же хочется отметить, насколько противоречит приведенное объяснение общей характеристике Даниила. Объяснение В. П. Адриановой-Перетц подводит читателя к мысли о том, что Даниил, бывший на словах представителем всей Русской земли, на деле оказывается патриотом Черниговского княжества или, вернее, своего монастыря, находящегося в зависимости главным образом от князей, сидевших в непосредственной близости от этого монастыря.

Прежде чем перейти к анализу княжеского списка в «Хождении», необходимо обратиться к той политической обстановке, которая сложилась на Руси к моменту создания Даниилом его повести. При этом я особенно выделяю некоторые спорные проблемы, решению которых способствует рассказ Даниила.

В 1054 г. Русская земля была поделена Ярославом Мудрым между его преемниками. Изяславу, старшему из здравствовавших сыновей Ярослава, были завещаны великокняжеский стол в Киеве и Новгород. Следующий сын — Святослав — получил Чернигов. Всеволоду были отданы Переяславль-Южный и Ростово-Суздальская земля. Вячеслав наследовал Смоленск, Игорь — Волынскую землю. Шестым уделом был Полоцк, оставшийся во владении потомков племянника Ярослава — Изяславичей.[10] Старшинству преемников Ярослава соответствовало значение уделов. Наиболее значительным уделом Ярославичей был Киев, наименее значительным — Владимир-Волынский. Полоцкое княжество, находившееся в руках другой ветви Рюриковичей, было особливым уделом, и судьбы княжеского стола в нем не связаны с судьбами княжений Ярославичей.

Система старшинства, проявившаяся в распределении уделов, не могла не сказаться в порядке наследования столов во второй половине XI в. Не меньший отпечаток на этот порядок был наложен тем, что Ярослав разделил свое наследство только между сыновьями. Его завещание не распространялось на внуков — детей умершего еще при жизни отца стар-

---

[9] История русской литературы, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 366 и сл.
[10] ПСРЛ, т. I. СПб., 1846, стр. 69—70; т. II, СПб., 1843, стр. 268; т. III. СПб., 1841, стр. 2; т. V, СПб., 1851, стр. 139.

шего сына Ярослава — Владимира. Поэтому первоначальное перераспределение столов происходит только в кругу сыновей Ярослава.

Великокняжеский киевский стол оставался в руках Изяслава до 1073 г., когда он был изгнан своими братьями. Его место занял Святослав Ярославич, оставивший для киевского стола свое черниговское княжение,[11] а по смерти последнего — следующий по старшинству князь Всеволод Ярославич, пересевший перед этим с переяславского стола на черниговский.[12] После трехлетнего изгнания, в 1076 г. Изяслав вернул себе Киев. Однако его смерть в 1078 г. не привела на киевский стол его сына. Великим князем снова становится Всеволод,[13] и лишь смерть последнего и инициатива его сына Владимира Мономаха привели к возвращению киевского стола Изяславичу — Святополку.[14]

Что касается Новгорода, то на протяжении всего периода до смерти Всеволода он остается во власти киевского великого князя, от которого зависел выбор специального князя-наместника для новгородской части великокняжеского удела.

Святослав сидит в завещанном ему Чернигове до 1073 г. Отсюда он уходит в Киев на великокняжеский стол, а на его место в Чернигове садится переяславский, т. е. следующий по старшинству князь Всеволод. Законность его княжения в Чернигове после смерти Святослава подтверждена Изяславом, вернувшимся в Киев в 1076 г.[15] В дальнейшем, получив Киев, Всеволод передает Чернигов своему сыну Владимиру.[16] На мой взгляд, этот акт не означает превращения Владимира в самостоятельного князя. Его княжение в Чернигове при жизни Всеволода равнозначно новгородскому княжению наместников великого князя. Святославичи возвращаются в Чернигов только после смерти Всеволода, в 1094 г.[17]

Переяславль остается вполне самостоятельным княжеством до 1073 г., когда в нем сидит Всеволод. Отсюда Всеволод уходит на более высокие столы, но при этом он, по-видимому, сохраняет Переяславское княжество за собой. Оно остается в его непосредственном управлении до 1093 г., т. е. до самой смерти Всеволода, так как о каких-либо особых переяславских князьях источники в этот период не сообщают, а сразу по кончине Всеволода один из двух его сыновей, Владимир Мономах, будучи черниговским князем, посылает в Переяславль своего брата Ростислава.[18] После смерти Ростислава в том же году и водворении Святославичей в своей черниговской отчине Владимир садится на переяславский стол, где и остается до начала своего великого княжения в 1113 г.

Вячеслав Ярославич, получивший по завещанию Смоленск, княжил в нем очень недолго. Он умер в 1057 г.,[19] оставив после себя сына Бориса. Однако, как и в остальных уделах Русской земли, сын не мог наследовать своему отцу. На место умершего Вячеслава братья переводят из Владимира-Волынского Игоря, а его прежний удел превращается в вакантный и в силу этого объединяется с великокняжеским уделом.[20] Смерть Игоря в 1060 г. приводит к тому, что Смоленск повторяет судьбу Волынской земли и вливается в великокняжеский удел. Летопись глухо сообщает даже

---

[11] ПСРЛ, т. I, стр. 78; т. III, стр. 2; т. V, стр. 147; т. VII, СПб., 1856, стр. 342.
[12] ПСРЛ, т. I, стр. 85; т. II, стр. 274; т. V, стр. 147; т. VII, стр. 1.
[13] ПСРЛ, т. I, стр. 87; т. II, стр. 276; т. VII, стр. 2.
[14] ПСРЛ, т. I, стр. 93; т. II, стр. 278; т. V, стр. 149; т. VII, стр. 6.
[15] ПСРЛ, т. I, стр. 85; т. II, стр. 274; т. V, стр. 148; т. VII, стр. 1—2.
[16] ПСРЛ, т. I, стр. 87; т. II, стр. 276; т. V, стр. 148; т. VII, стр. 2—3.
[17] ПСРЛ, т. I, стр. 96; т. II. стр. 279; т. V, стр. 150; т. VII, стр. 7.
[18] ПСРЛ, т. I, стр. 93; т. VII, стр. 6.
[19] ПСРЛ, т. I, стр. 70; т. II, стр. 269; т. V, стр. 139; т. VII, стр. 333.
[20] Там же.

о разделении Смоленска между тремя остававшимися в живых Ярославичами.[21] По-видимому, здесь речь идет об отторжении к Чернигову и Ростову некоторых районов Смоленской земли. Смоленск как таковой оказывается под рукой великого князя, который и посылает туда князей-наместников. Отметим в этой связи княжение Владимира Мономаха в Смоленске в 1077—1078 гг. Обычно из этого сообщения делают далеко идущий вывод о водворении в Смоленске линии Всеволода и фактическом воссоединении Смоленска с Переяславлем-Южным и Ростовом,[22] однако летописец очень определенно сообщает, что Владимир был послан в Смоленск не Всеволодом, княжившим тогда в Чернигове и Переяславле, а великим князем Изяславом.[23] Укажу также, что после вокняжения в Киеве Святополка Изяславича последний считает нужным сменить своего наместника в Смоленске и посылает туда Давыда Святославича, что лишний раз свидетельствует об отсутствии прочной связи Смоленска с Всеволодовичами.

Владимир-Волынский пользуется своим самостоятельным княжеским столом только до 1057 г. После перевода волынского князя Игоря в Смоленск Волынь превращается в часть великокняжеского удела, и назначение туда князей зависит целиком от киевского князя. Перед смертью Всеволода таким князем-наместником был Давыд Игоревич, права которого на Владимир-Волынский были закреплены Любечским съездом.[24]

Мы видим, что принятый порядок закрепления уделов только за сыновьями Ярослава привел в 1078 г. к тому, что вся Русская земля политически объединилась в руках последнего из остававшихся в живых Ярославича — Всеволода. Рядом с великим князем существовала группа князей-наместников, зависимых от великого князя, кормившихся за счет управляемых ими уделов, но не пользовавшихся такой же самостоятельностью, как их предшественники — дети Ярослава, получившие свои уделы по завещанию.

Смерть Всеволода в 1093 г. должна была привести к перестройке этого порядка, оставлявшего простор для кровавых споров. На политическую арену выходили внуки Ярослава, лишенные до этого необходимой в условиях феодального распада самостоятельности. И в этот момент в качестве политического аргумента появляется понятие «отчина». Оно возникает в 1093 г. Его выдвинул Владимир Мономах, когда смерть его отца поставила вопрос о дальнейшей судьбе киевского стола. Владимир уступает Киев Святополку Изяславичу на том основании, что отец последнего владел Киевом ранее отца Мономаха: «аще сяду на столе отца своего, то имам рать с Святополком взяти, яко есть стол преже от отца его был».[25] Оно превращается в лозунг, когда Олег Святославич принуждает в 1094 г. Владимира Мономаха уйти из Чернигова в свою переяславскую отчину, вернув ему, Олегу, его черниговскую отчину.[26] Оно звучит как убедительный аргумент, когда в 1096 г. Олег требует удаления Изяслава Владимировича из Мурома в его отцовскую область Ростов,[27] и потом, после убийства Изяслава, когда Владимир в письме к Олегу упрекает последнего

---

[21] Тверская и Софийские летописи под 1060 г.

[22] А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 168 и сл.; Очерки истории СССР. Период феодализма, IX—XIII вв. М., 1953, стр. 419.

[23] ПСРЛ, т. II, стр. 275.

[24] ПСРЛ, т. I, стр. 109; т. II, стр. 282; т. V, стр. 150; т. VII, стр. 12.

[25] ПСРЛ, т. I, стр. 93; т. II, стр. 278; т. V, стр. 149; т. VII, стр. 6.

[26] ПСРЛ, т. I, стр. 96; т. II, стр. 279; т. V, стр. 150; т. VII, стр. 7.

[27] ПСРЛ, т. I, стр. 107—108; т. II, стр. 281; т. VII, стр. 10.

в том, что тот покусился на Ростов, в котором дети Владимира «едят хлеб деден», т. е. сидят в своей отчине.[28] Оно, наконец, становится доктриной в 1097 г. на Любечском съезде, когда княжеское совещание постановляет: «Кождо да держит отчину свою» — и переводит старшего из Святославичей — Давыда — из Смоленска в Чернигов на место его брата Олега, который не был старшим и поэтому должен был довольствоваться второстепенным в Черниговской земле Новгородом-Северским и, по-видимому, Курском.[29]

Этот процесс перераспределения Русской земли, водворения внуков Ярослава в свои отчины занимает годы, следующие за смертью Всеволода, и сопровождается братоубийственными войнами, пожарами и разорением целых областей. Проследим за первыми результатами этого процесса.

В киевской великокняжеской отчине водворяется Святополк Изяславич. В Черниговской земле садятся Святославичи, которые теперь делят между собой наследство своего отца: Черниговом овладевает Олег, Рязанью и Муромом — Ярослав Святославич. Элемент несправедливости, присутствующий в этом делении, устраняет Любечский съезд, который переводит старшего из Святославичей — Давыда — из Смоленска на принадлежащий ему по праву старшинства черниговский стол, а Олега заставляет довольствоваться Новгородом-Северским. В Переяславле с 1094 г. сидит Владимир Всеволодович.

Каким образом решается судьба следующего по значению удела — Смоленска? Обычно принято считать, что Смоленск закрепляется за Владимиром Мономахом и его детьми. Это мнение основано, во-первых, на умолчании летописи относительно решения князей о Смоленске на съездах; во-вторых, на основании того факта, что в 1101 г. Владимир закладывает в Смоленске Успенский собор,[30] а в 1107 г. идет к Смоленску; [31] в-третьих, на основании того, что в 1113 г. в Смоленске княжит Святослав Владимирович. Именно оттуда переводит его на переяславский стол Владимир, когда этот стол освобождается в связи с уходом Мономаха в Киев.[32]

Однако могли ли существовать какие-либо юридические обоснования для закрепления Смоленска за линией Всеволода в эпоху овладения князей своими отчинами? Смоленск, как уже отмечено выше, по завещанию Ярослава был уделом Вячеслава. Сын Вячеслава Борис погиб еще в 1078 г., в битве при Нежатиной Ниве, не оставив потомства.[33] Но это не означает, что Смоленск мог считаться выморочным уделом. Княжеским решением 1057 г. он был признан уделом Игоря Ярославича, а после Игоря осталось два сына: Давыд и неизвестный по имени. Старшинство этих двух Игоревичей неизвестно, однако мы можем предполагать, что младшим был Давыд, так как Любечский съезд признал его права только на Владимир-Волынский, исконную, но младшую отчину Игоревичей, но не на Смоленск. Мы не знаем, был ли жив к этому моменту неизвестный по имени сын Игоря Ярославича. Скорее всего нет, так как его сын Мстислав, которого летопись называет внуком Игоревым и племянником Давыда, после Любечского съезда находится на Волыни, сопровождая Давыда Игоревича.[34]

---

[28] ПСРЛ, т. I, стр. 107.
[29] ПСРЛ, т. I, стр. 109; т. II, стр. 282; т. V, стр. 150; т. VII, стр. 12.
[30] ПСРЛ, т. I, стр. 117; т. II, стр. 286; т. VII, стр. 18.
[31] А. С. Орлов. Владимир Мономах. М.—Л., 1946, стр. 147.
[32] ПСРЛ, т. II, стр. 4.
[33] ПСРЛ, т. I, стр. 86; т. II, стр. 275; т. III, стр. 3; т. VII, стр. 2.
[34] ПСРЛ, т. I, стр. 116; т. VII, стр. 17.

Волынская земля находится в княжении Давыда Игоревича. Любечский съезд признает ее отчиной Давыда, так как она была получена по завещанию его отцом. Однако княжение Давыда после Любечского съезда не было продолжительным. Виновник ослепления Василька, он восстанавливает против себя остальных князей и теряет Волынь, влившуюся в 1100 г. в великокняжеский удел, как выморочное наследство, так как линия Давыда была лишена своей отчины и отправлена в бужскую ссылку.[35] Племянник Давыда Мстислав порвал к этому времени со своим дядей и ушел «на море» (в Тмутаракань?).[36] Вскоре он снова появляется в кругу остальных русских князей и участвует в походах на половцев в 1103[37] и 1107 гг.[38]

Понятно, что в соответствии с духом нового порядка он является главным претендентом на смоленский стол. Его права могли казаться спорными, так как перераспределение уделов происходит между внуками Ярослава, а он был его правнуком. Однако дух этого нового порядка состоит прежде всего в тенденции закрепить отчины навечно за теми княжескими линиями, которые были основаны детьми Ярослава. Поэтому с юридической точки зрения Мстислав имел бесспорные права на занятие смоленского стола. Занял ли он его?

Прежде чем ответить на этот вопрос, нам следует вернуться к господствующей в литературе точке зрения, согласно которой Смоленск уже в конце XI в. превратился в часть удела Всеволодовичей и в нем княжил один из сыновей Владимира Мономаха. Какой? Д. Н. Мурзакевич полагал, что этим князем был Ярополк Владимирович.[39] Летопись указывает как будто на Святослава. Рассмотрим судьбы детей Владимира в первой четверти XII в.

Мы почти не располагаем сведениями о датах рождения сыновей Мономаха. Известны лишь годы рождения его старшего сына, Мстислава, — 1076[40] — и младшего, Андрея, — 1102.[41] Летописные перечисления потомства Владимира путанны. Поэтому очередность Мономашичей устанавливается обычно по всякого рода сложным соображениям, как правило, не сопровождаемым аргументацией. С. М. Соловьев принял следующий порядок: Мстислав, Изяслав, Святослав, Роман, Ярополк, Вячеслав, Юрий, Андрей.[42] Последняя по времени генеалогическая таблица принадлежит Д. С. Лихачеву, перечислившему детей Владимира следующим образом: Мстислав, Изяслав, Роман, Ярополк, Вячеслав, Святослав, Андрей, Юрий.[43]

Проверим эту очередность, исходя из той последовательности, в которой сыновья Владимира занимают различные столы в русских уделах. Исходным пунктом наших построений является 1094 г., когда Владимир садится в своей отчине Переяславле, отказавшись от киевского стола. Ему в это время, кроме Переяславля, принадлежит только Ростово-Суздальская земля. В Смоленске в этот период сидит Давыд Святославич. По логике

---

[35] ПСРЛ, т. I, стр. 116; т. VII, стр. 17—18.
[36] ПСРЛ, т. I, стр. 116.
[37] ПСРЛ, т. I, стр. 118; т. II, стр. 286; т. VII, стр. 19.
[38] ПСРЛ, т. I, стр. 120; т. II, стр. 287; т. VII, стр. 21.
[39] Д. Н. Мурзакевич. История губернского города Смоленска от древнейших времен до 1804 года. Смоленск, 1804, стр. 40 и сл.
[40] ПСРЛ, т. I, стр. 85; т. II, стр. 274.
[41] ПСРЛ, т. I, стр. 118; т. II, стр. 286; т. VII, стр. 19.
[42] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 1, тт. I—V. Изд. «Общественная польза», СПб., б. г., генеалогическая таблица.
[43] Повесть временных лет, ч. II. Приложения. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), таблица в конце книги.

вещей и в соответствии с духом своей политической доктрины Владимир должен был посадить в Ростов своего старшего сына. Действительно, в Ростове княжит Мстислав Владимирович, старшинство которого не подлежит сомнению. В 1095 г. он отправляется из Ростова на княжение в Новгород,[44] а на его место садится следующий сын Владимира — Изяслав. В 1096 г., когда он захватил Муром, Олег требует его удаления в отцовскую область Ростов. Отказ Изяслава приводит его к смерти.

Кто заменил его на ростовском столе? Всеми исследователями принято считать, что его преемником был Юрий. Это представление основывается на известном месте письма Владимира Олегу, в котором говорится о крестном сыне Олега, вместе со своим младшим братом евшем дедовский хлеб в Ростове. Подтверждение этому мнению исследователи отыскивают в свидетельстве Печерского патерика, где якобы сообщается о том, что Владимир Мономах послал в Суздальскую землю своего тысяцкого Георгия Шимоновича, дав ему на руки малолетнего Юрия Долгорукого.[45] Между тем у нас нет никаких оснований присоединяться к приведенному мнению. В упомянутом месте патерика вовсе не говорится о вручении Владимиром своего сына Георгию Шимоновичу. Напротив, в нем рассказывается о вручении Георгием Шимоновичем своего сына Георгия Владимиру Мономаху: «И бысть посланъ от Володимера Мономаха в Суждальскую землю, сий Георгий дасть же ему на руце и сына своего Георгия. По летех же мнозех седе Георгий Володимерович в Киеве, тысяцкому ж своему Георгиеви, яко отцу, предасть землю Суждальскую».[46] Только при таком толковании приведенного места патерика мы можем осмыслить взаимоотношения тысяцкого Георгия и Георгия Шимоновича и понять, почему Юрий Долгорукий предал Георгию Суздальскую землю. Следует отметить, что знаки препинания были правильно расставлены редактором патерика в издании Археографической комиссии Д. И. Абрамовичем, но его толкование осталось впоследствии незамеченным.

Если привлечение свидетельства Печерского патерика основано на недоразумении, то ссылка на письмо Владимира Олегу также кажется неосновательной, поскольку Юрий в нем даже не назван. Таким образом, с формальной точки зрения мы не имеем никакого основания датировать начало ростово-суздальского княжения Юрия Долгорукого 1096 г. Однако и подходя к этому общепринятому мнению с юридической точки зрения, мы останавливаемся перед более чем недоуменным вопросом: на основании какого права мог Юрий получить ростовский стол в обход всех своих многочисленных старших братьев? Ведь в силу этого они должны были оставаться изгоями, поскольку никаких других столов под рукой Мономаха в это время не было.

Обратимся к событиям 1113 г. В этом году Владимир садится на великокняжеский стол, в силу чего становится вакантным Переяславль. К этому времени во владении Мономаха оказывается и Смоленск, в котором сидит его сын Святослав. На переяславский стол Владимир и переводит из Смоленска Святослава, заменяя его в Смоленске Вячеславом.[47] Следовательно, Святослав и Вячеслав это сыновья Мономаха, следующие один за другим. Поэтому, когда Святослав умер в том же году, мы вправе ожидать, что на его место в Переяславль придет из Смоленска Вячеслав.

---

[44] ПСРЛ, т. I, стр. 98; т. II, стр. 280; т. V, стр. 150; т. VII, стр. 8.

[45] Повесть временных лет, ч. II, стр. 371; В. Л. Янин. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей. — КСИИМК, в. 62. М., 1956, стр. 7.

[46] Патерик Киевского Печерского монастыря. Изд. Археографической комиссии, СПб., 1911, стр. 5, 189.

[47] ПСРЛ, т. II, стр. 4, 290.

Однако этого не происходит. Вячеслав остается в Смоленске, а на переяславский стол садится Ярополк, который тем самым оказывается старше Вячеслава.[48] Старшинство Ярополка перед Вячеславом подтверждается и в дальнейшем, когда Ярополк оказывается предшественником Вячеслава на великокняжеском столе.

Если Ярополк, будучи старше Вячеслава, до 1114 г. остается в тени, то где же он мог находиться до этого времени? Только в Ростове, который он должен был занять в 1096 г. после смерти Изяслава в силу своего старшинства.

Роман, которого С. М. Соловьев считал четвертым, а Д. С. Лихачев третьим сыном Владимира, никак не проявляется во всех этих событиях. Если он действительно третий или четвертый Мономашич, то его старшинство перед Ярополком, Святославом и Вячеславом неминуемо должно было проявиться в занятии основных переяславских столов до этих братьев. Однако Роман получает свой единственный удел только в 1117 г., когда его братья вдоволь насиделись на более высоких столах, и этим уделом оказывается Владимир-Волынский, самый незначительный из всех русских уделов.[49] На следующий год он умирает на Волыни, а на его место садится даже не Юрий, а самый младший из Мономашичей — Андрей,[50] что может говорить лишь о том, что Роман был младшим братом Юрия и предпоследним сыном Владимира.

На основании всех этих соображений я предлагаю следующий порядок последовательности сыновей Владимира Мономаха: Мстислав, Изяслав, Ярополк, Святослав, Вячеслав, Юрий, Роман, Андрей.

Вернемся к Ростову. Если действительно Ярополк был ростовским князем начала XII в., то его уход в Переяславль в 1114 г. делал ростовский стол вакантным. Его должен был занять Вячеслав, но Смоленск, в котором он сидел, был более почетным княжением. Следовательно, преемником Ярополка в Ростове должен был стать Юрий, следующий по старшинству сын Владимира. Только этот год, а никак не 1096, можно считать начальной датой ростовского княжения Юрия Долгорукого. Отсюда следует, что под «малым братом» Владимир в письме к Олегу понимает не Юрия, а Ярополка.

Прибегая для объяснения княжеских взаимоотношений к теории «лествичного восхождения» князей к старшинству, я вовсе не собираюсь утверждать, что эта система была безотказно действующим аппаратом, все части механизма которого приходили в согласованное движение по мере того, как освобождалось то или иное звено системы. Однако не может быть никакого сомнения, что сам юридический принцип, лежащий в основе порядка наследования столов, не мог не быть формальным, а применение его в ту эпоху, когда усилия Мономаха были направлены к торжеству этого принципа, не могло не быть в достаточной степени последовательным.

Изложенные выше построения преследуют цель обосновать предположение о том, что в начале XII в. Смоленск в силу юридического порядка должен был принадлежать не Мономашичам, а Мстиславу Игореву внуку и что ростовским князем того же времени был Ярополк Владимирович, а не Юрий Долгорукий. Приведенные факты показывают, что смоленским князем этого времени, как будто в равной степени, мог быть и Мстислав и Святослав Владимирович, однако, принимая последнее, мы вынуждены будем признать, что смоленское княжение Святослава должно обнимать

---

48 ПСРЛ, т. II, стр. 4, 290.
49 ПСРЛ, т. II, стр. 8, 291.
50 ПСРЛ, т. II, стр. 8; т. VII, стр. 24; т. I, стр. 128.

весь период с 1097 по 1113 г., а этому противоречит физическое старшинство Ярополка, который почему-то на протяжении всего указанного периода довольствуется полусамостоятельным Ростовским уделом, пренебрегая более почетным Смоленским.

Для разрешения этого недоумения обратимся к некоторым летописным текстам. Имею в виду списки князей — участников наиболее важных совместных предприятий, будь то княжеские съезды или походы. Эти списки всегда называют князей в порядке их старшинства, в связи с чем обращаю внимание на чрезвычайно важное обстоятельство: во всех списках начиная с 1097 г. Владимир Переяславский стоит на втором месте, сразу же после киевского князя, а черниговские князья только на третьем. Это значит, что к моменту Любечского съезда или на самом съезде произошла переоценка ценностей и Переяславль был признан более почетным уделом, вторым после Киева в системе княжеской иерархии. Подтверждение этому мы найдем в событиях 1113 г., когда Владимир Мономах, казалось бы вопреки собственной доктрине, садится на киевский стол в обход черниговских Святославичей, а также в событиях 1131 г., когда Юрий Долгорукий изгнал из Переяславля своего племянника Всеволода Мстиславича, опасаясь, что последнему будет завещан киевский стол.[51] Иными словами, Юрий добивался Переяславля только потому, что он был последней иерархической ступенью перед великокняжеским столом.

Из летописных списков князей наибольший для нас интерес представляют списки участников походов на половцев в 1103 и 1107 гг. В первом походе участвуют: Святополк, Владимир, Давыд Святославич, Давыд Всеславич, Мстислав Игорев внук, Вячеслав Ярополчич и Ярополк Владимирович.[52] Князья перечислены в порядке старшинства: сначала киевский князь, затем переяславский, черниговский, полоцкий, далее следует Мстислав Игорев внук, затем Вячеслав Ярополчич, племянник киевского князя и наместник туровской части великокняжеского удела, наконец Ярополк Владимирович, наместник Мономаха в ростовской части удела Всеволодовичей. Мстислав Игорев внук в этом списке занимает как раз то место, которое соответствует смоленскому князю. Он показан ниже всех владетельных князей, но выше всех полусамостоятельных удельных князей.

Участники похода 1107 г. перечислены в следующем порядке: Святополк, Владимир, Олег Святославль, Мстислав, Вячеслав, Ярополк.[53] Здесь мы видим принципиальное повторение той же картины, которую наблюдали в 1103 г. Сначала назван киевский князь, затем переяславский, черниговский, Мстислав, который снова стоит на том месте, где должен быть смоленский князь, наконец Вячеслав Ярополчич и Ярополк Владимирович — князья-наместники.

Завершая изложение системы нового княжеского порядка, отмечу, что в начале XII в. решается судьба Новгорода, выделившегося из великокняжеского удела. Всеволод Ярославич отправил туда князем своего внука Мстислава. Водворение на киевском столе Святополка последний раз продемонстрировало зависимость Новгорода от киевских князей. Мстислав заменен Давыдом Святославичем и возвращается в отцовскую область Ростов. Однако по воле новгородцев он снова оказывается в Новгороде и сохраняет его, несмотря на договор между Святополком и Владимиром, заключенный в 1102 г. и постановивший, что в Новгороде должен княжить сын великого князя, а Мстислав — наместничать во Владимире-Волын-

---

[51] ПСРЛ, т. I, стр. 132; т. II, стр. 12, 294; т. III, стр. 6; т. VII, стр. 29.
[52] ПСРЛ. т. I, стр. 118; т. II, стр. 286; т. VII, стр. 19.
[53] ПСРЛ, т. I, стр. 120; т. II, стр. 287; т. VII, стр. 21.

ском.[54] Новгород превращается в самостоятельное княжество, стоящее в системе иерархии после Смоленска.

Таким образом, систему старшинства в начале XII в. можно изображать следующим образом:

Святополк Изяславич	— великий князь киевский;
Владимир Всеволодович	— князь переяславский;
Давыд Святославич	— князь черниговский;
Олег Святославич	— князь новгород-северский;
Ярослав Святославич	— князь муромский;
Мстислав Игорев внук	— князь смоленский;
Мстислав Владимирович	— князь новгородский;
Роман Всеславич	— князь полоцкий (с 1101 г.);
Глеб Всеславич	— князь минский (с 1101 г.);

далее следуют полусамостоятельные князья-наместники.

Вернемся к Мстиславу, который, по-видимому, сидит в Смоленске. Он не мог появиться там сразу же после Любечского съезда, поскольку в самом конце XI в. Мстислав живет и действует на Волыни. В 1103 г. он уже княжит в Смоленске, так как это следует из перечисления князей под 1103 г. В 1101 г. летопись застает в Смоленске Мономаха. По-видимому, в Смоленске Мстислав водворился перед Долобским съездом 1103 г. Дата его смерти известна из летописи. Она приходится на 1113 или 1114 г.[55] Иными словами, княжение Святослава Владимировича в Смоленске относится к тому времени, когда Мстислав был еще жив. Это противоречие, однако, не может совершенно отрицать наши построения, поскольку в конце жизни Мстислав мог тяжело болеть, принять схиму и т. п. Важно то, что Мстислав не оставил потомства, и сам переход Смоленска к Мономашичам с его уходом был юридически законным.

Думается тем не менее, что в эпоху Владимира Мономаха Смоленск не перешел формально в удел Всеволодовичей. Он закрепился за детьми Мономаха на долгий срок главным образом потому, что превращение его в выморочный удел близко совпало со временем водворения Мономаха на киевском столе. Смоленск превратился в часть великокняжеского удела, подобно Волынской земле. Действительно, он остается во власти Мономашичей в 1113—1125 гг., когда в Киеве княжит Владимир, в 1125—1131 гг., когда там княжит его старший сын Мстислав, в 1131—1139 гг., когда киевским князем становится другой сын Мономаха Ярополк, в непродолжительное княжение Вячеслава Владимировича в 1139 г. Однако стоило только произойти переменам на великокняжеском столе, когда он был захвачен Всеволодом Ольговичем из линии черниговских князей, как первым действием Всеволода оказались попытки искать под Ростиславом Мстиславичем, внуком Мономаха, Смоленска, а под Изяславом Мстиславичем, другим внуком Мономаха, — Волынской земли, т. е. двух наместничеств, которые юридически принадлежали не особым князьям, а представителям киевского князя.[56]

Для проверки всех этих построений вернемся теперь к «Хождению игумена Даниила» и рассмотрим содержащийся в нем список князей, как со стороны его содержания, так и для характеристики тех соображений автора повести, которыми он руководствовался при составлении этого списка.

---

[54] ПСРЛ, т. I, стр. 117; т. II, стр. 286; т. VII, стр. 18.
[55] ПСРЛ, т. VII, стр. 23.
[56] ПСРЛ, т. I, стр. 134; т. II, стр. 16, 296; т. VII, стр. 32.

«Хождение игумена Даниила» сохранилось до нашего времени по меньшей мере в 60 списках, наиболее ранний из которых, однако, не старше XV в. За триста лет, которые отделяют момент создания повести от того момента, к которому относится самая старая из дошедших до нас рукописей памятника, текст рассказа Даниила не оставался неизменным. Он подвергался в разное время разного рода редакторским вторжениям. Редакторы меняли количество глав, дробя повесть на более мелкие разделы, переставляли отдельные ее части, изменяли форму общего заглавия, опускали некоторые разделы, наконец, создавали сокращенные варианты повести. Исследование разночтений «Хождения» в различных списках рукописи было предпринято М. А. Веневитиновым, который классифицировал все известные списки повести по группам, принимая во внимание весь комплекс мелких отличий текста в этих списках.[57]

Эта работа не ставила целью ни выяснение взаимоотношений различных редакций, ни восстановление протографа текста. Различные редакции повести не содержали каких-либо данных для установления родства между ними по восходящей степени. Вопрос о большей или меньшей достоверности той или иной редакции памятника оставался открытым.

В своей работе М. А. Веневитинов обращался к списку князей заключительной части «Хождения», но он не анализировал этот список исторически и предполагал, что имеющиеся в нем разночтения связаны с тем, что память о некоторых князьях тускнела под действием времени и позднейшие редакторы и переписчики опускали или искажали имена таких князей в тех случаях, когда они ничего не давали им как читателям повести.[58]

С другой стороны, М. А. Веневитинову удалось показать, что каждому варианту, каждой редакции основного текста «Хождения» присущ особый, неповторимый в других редакциях список князей, что особенности этого списка служат формальным указанием на принадлежность той или иной рукописи «Хождения» к той или иной редакции. Это значит, что, пытаясь разобраться в системе взаимоотношения этих редакций, мы можем ограничиться изучением только княжеских списков, так как каждому списку соответствует только ему присущий набор всех остальных особенностей текста, который и определяет принадлежность рукописи к определенной редакции.

М. А. Веневитинов выделил три полные и две сокращенные редакции «Хождения Даниила».[59] Привожу княжеские списки всех этих редакций.

I редакция: Михаил-Святополк, Василий-Владимир, Давыд Святославич, Михаил-Олег, Панкратий Святославич, Глеб Минский.

II редакция распадается на три группы.

В первой группе: Михаил-Святополк, Василий-Владимир, Давыд Всеславич, Михаил-Олег, Панкратий-Ярослав Святославич, Феодор-Мстислав Владимирович, Борис Всеславич, Глеб Мезенский;

во второй группе: Михаил-Святополк, Василий-Владимир, Давыд Всеславич, Михаил-Олег, Панкратий-Ярослав Святославич, Феодор-Мстислав Владимирович, Борис Владимирович;

в третьей группе: Михаил-Святополк, Василий-Владимир, Давыд Всеславич, Михаил-Олег, Панкратий Святославич, Феодор-Мстислав Владимирович, Борис Всеславич.

---

[57] М. А. Веневитинов. Хождение игумена Даниила в Святую землю в начале XII ст. — ЛЗАК, в. 7 (1876—1877). СПб., 1884.

[58] Там же, стр. 97.

[59] Там же, стр. 95—96.

III редакция: Михаил-Святополк, Василий-Владимир, Давыд Всеславич, Михаил-Олег, Панкратий-Ярослав Святославич, Андрей-Мстислав Всеволодович, Борис Всеславич.

Сокращенная редакция А: Святополк-Василий, Михаил-Владимир, Давыд Святославич, Феодор-Мстислав Владимирович, Глеб Минский.

Сокращенная редакция Б: Михаил-Святополк, Василий-Владимир, Давыд Игоревич, Михаил-Олег, Панкратий-Ярослав Святославич, Глеб Минский.

Для удобства пользования эти данные сведены в таблицу.

Сравнивая между собой различные сочетания княжеских имен в выявленных М. А. Веневитиновым редакциях «Хождения», мы сможем разделить последние на две группы.

Первая группа списков объединяется тем, что в них, во-первых, упомянут Глеб Минский, имя которого передано без каких-либо искажений. Вторым, более существенным признаком этих списков служит упоминание в них Давыда Святославича, который во всех остальных списках отсутствует, а его место там занято именем Давыда Всеславича. Формально в эту группу мы имеем право отнести безоговорочно только списки I редакции и сокращенную редакцию Б. Однако в нее же следует включить другой вариант сокращенной редакции (А), в котором Давыд Святославич заменен Давыдом Игоревичем. Эта замена — результат явной небрежности или недомыслия редактора, так как Давыд Игоревич не встречается более ни в одном из списков «Хождения». В остальном перечисление князей в сокращенной редакции А ничем не отличается от такого же перечисления в I редакции повести.

Это, однако, не означает, что в трех вариантах, о которых выше шла речь, княжеские списки совпадают во всех мельчайших деталях и что мы можем предполагать в обеих сокращенных редакциях результат сокращения именно I полной редакции «Хождения». Напротив, список князей в сокращенной редакции Б более полон, нежели в рукописях I редакции: в нем упомянут Феодор-Мстислав Владимирович, отсутствующий в полном варианте текста.[60] Что касается сокращенной редакции А, то, кроме замены Давыда Святославича на Давыда Игоревича, которая сама по себе не отрицает возможности происхождения этого варианта от одного из списков I редакции, в нем мы обнаруживаем более развернутую форму имени Панкратий Святославич: Панкратий-Ярослав Святославич.

Все эти особенности позволяют, относя перечисленные три варианта к одной «фамилии», возводить их к единому общему источнику, характерной особенностью текста которого в интересующем нас месте было отсутствие имен Давыда Всеславича, Андрея-Мстислава Всеволодовича и Бориса Всеславича. Путаница в отчестве Давыда, которая отмечена в сокращенной редакции А, свидетельствует как будто о том, что имя Давыда в этом предшествующем несохранившемся тексте вообще не сопровождалось отчеством. Этот текст, который я называю текстом I, реконструируется следующим образом:

«С е ж е с у т ь и м е н а и х: М и х а и л - С в я т о п о л к, В а с и л и й - В л а д и м и р, Д а в ы д, М и х а и л - О л е г, П а н к р а т и й - Я р о с л а в С в я т о с л а в и ч, Ф е о д о р - М с т и с л а в В л а д и м и р о в и ч, Г л е б М и н с к и й».

Вторую группу списков объединяет упоминание в них Давыда Всеславича. В нее входят рукописи II и III редакций.

---

[60] Отмечу явную небрежность переписчика, поименовавшего в сокращенной редакции Б Святополка-Василия вместо Михаила-Святополка и Михаила-Владимира вместо Василия-Владимира.

I	Сокр. А	Сокр. Б	II, 1	II, 2	II, 3	III
Михаил-Святополк	Михаил-Святополк	Святополк-Василий	Михаил-Святополк	Михаил-Святополк	Михаил-Святополк	Михаил-Святополк
Василий-Владимир	Василий-Владимир	Михаил-Владимир	Василий-Владимир	Василий-Владимир	Василий-Владимир	Василий-Владимир
Давыд Святославич	—	Давыд Святославич	—	—	—	—
—	Давыд Игоревич	—	—	—	—	—
—	—	—	Давыд Всеславич	Давыд Всеславич	Давыд Всеславич	Давыд Всеславич
Михаил-Олег	Михаил-Олег	Михаил-Олег	Михаил-Олег	Михаил-Олег	Михаил-Олег	Михаил-Олег
Панкратий Святославич	Панкратий-Ярослав Святославич	Панкратий Святославич	Панкратий-Ярослав Святославич	Панкратий-Ярослав Святославич	Панкратий Святославич	Панкратий-Ярослав Святославич
—	—	—	—	—	—	Андрей-Мстислав Всеволодович
—	—	Феодор-Мстислав Владимирович	Феодор-Мстислав Владимирович	Феодор-Мстислав Владимирович	Феодор-Мстислав Владимирович	—
—	—	—	Борис Всеславич	Борис Владимирович	Борис Всеславич	Борис Всеславич
Глеб Минский	Глеб Минский	Глеб Минский	Глеб Мезенский	—	—	—

М. А. Веневитинов делил II редакцию на три группы, основываясь на мелких отличиях именно в княжеских списках и на полном сходстве всех остальных признаков редакции. Эти отличия не представляют чего-либо существенного. В первой группе рукописей этой редакции княжеский список завершен фантастическим именем Глеба Мезенского. В единичных рукописях, относящихся ко второй и третьей группам, этот князь отсутствует вообще. В единственной рукописи второй группы, кроме устранения имени Глеба Мезенского, переписчик допустил грубое искажение текста, назвав Бориса Всеславича Борисом Владимировичем. В единственной рукописи третьей группы, кроме устранения Глеба Мезенского, имя Панкратия-Ярослава Святославича сокращено за счет его языческой части. В остальном списки не имеют никаких отличий. Их взаимоотношение можно истолковать следующим образом. Из трех групп II редакции самой ранней является первая, в которой имя Глеба еще сохранено, хотя и в чрезвычайно искаженной форме (Мезенский вместо Минский). Дата возникновения этой группы не может быть древнее второй половины XIV в., так как мезенские князья, которых припомнил редактор текста, появляются впервые в это время.[61] Вторая и третья группы производны от первой, так как, не считая привнесения некоторых мелких погрешностей, работа редактора в них свелась только к устранению явно небывалого князя Глеба Мезенского.

К той же семье относится III редакция «Хождения». Существенной особенностью княжеского списка этой редакции является отсутствие Феодора-Мстислава Владимировича, место которого занято Андреем-Мстиславом Всеволодовичем. Глеб в этой редакции также отсутствует. В остальном список совершенно идентичен тем, которые приводятся в рукописях II редакции.

На первый взгляд кажется, что замена Феодора-Мстислава Андреем-Мстиславом аналогична той, которую мы отмечали в списках первой группы (Давыд Святославич на Давыд Игоревич). Однако так кажется только по первому впечатлению. Там разночтение логически оправдано. Если в предшествующем тексте Давыд был показан без отчества, то выбор последнего в позднейших списках целиком определялся вкусом и кругозором редактора. Здесь же явление более сложное. Написание имени Феодор-Мстислав Владимирович совсем не похоже на написание имени Андрей-Мстислав Всеволодович. Первое имя было широко известно в древней Руси. Мстислав Владимирович был прозван Великим и знаком любому грамотному человеку, мало-мальски знающему летопись. Заменить его совершенно безвестным именем Андрея-Мстислава Всеволодовича не мог ни один редактор. Если допустить обратное явление — замену имени Андрей на Феодор, то мы не сможем объяснить наличие последнего имени в списках первой группы «Хождения» (сокращенная редакция Б). Поэтому можно думать только, что оба Мстислава фигурировали в первоначальном тексте повести.

Княжеские списки во второй и третьей редакциях «Хождения» настолько близки между собой, что, отвергая возможность их родства по вертикали, мы должны признать их происходящими от единого общего источника, отличительной особенностью которого было упоминание Давыда Всеславича и отсутствие Давыда Святославича, упоминание Бориса Всеславича и написание титула Глеба в таком испорченном варианте, что

---

[61] Р. В. Зотов. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892, стр. 293.

позднейшие редакторы сначала превратили Глеба в мезенского князя, а затем предпочли вообще избавиться от него.

Интересующее нас место рассказа Даниила в этом втором не дошедшем до нас памятнике (текст II) реконструируется следующим образом:

«Се же суть имена их: Михаил-Святополк, Василий-Владимир, Давыд Всеславич, Михаил-Олег, Панкратий-Ярослав Святославич, Андрей-Мстислав Всеволодович, Феодор-Мстислав Владимирович, Борис Всеславич, Глеб (Минский в искаженной транскрипции)».

Таким образом, мы восстановили два древних текста, ни один из которых не является протографом. В первом тексте отсутствует упоминание князей Давыда Всеславича, Андрея-Мстислава Всеволодовича, Бориса Всеславича. Мы могли бы думать, что он является производным от второго, в котором все эти имена есть, однако такому предположению противоречит правильное написание в нем имени Глеба Минского, искаженного или отсутствующего в списках, восходящих ко второму тексту. Восстанавливая протограф, мы могли бы поступить очень просто и, подражая А. С. Норову, объединить оба текста в один, взаимно дополняя их. Однако здесь мы натолкнемся на серьезное препятствие.

Дело в том, что Давыд Всеславич второго текста стоит как раз на том месте, где в первом тексте стоит имя Давыда без отчества, осознанное автором I редакции как имя Давыда Святославича. Кто из этих двух князей упоминался в протографе? Святославич? Всеславич? Или же и тот и другой? А. С. Норов, обративший внимание на то, что Всеславич в данном случае стоит не на месте, перенес его в конец списка и поместил после его родных братьев, Бориса и Глеба. Давыд Святославич, оставленный А. С. Норовым на своем месте, водворился во главе своей братии — Олега и Ярослава.[62] Думается, однако, что А. С. Норов не имел никакого права оставлять обоих Давыдов в списке, коль скоро ему пришлось для этого заниматься перестановкой текста. Формально больше прав имеет Давыд Святославич, так как место, занимаемое им в списке, вполне соответствует его старшинству перед братьями.

Еще раз подчеркну высказанную выше мысль, что в первоначальном тексте повести имя Давыда, по-видимому, не сопровождалось отчеством, и поэтому мы имеем здесь дело с еще одним размышлением редактора текста, поставленного перед необходимостью решать, какого Давыда имел в виду Даниил.

Если это так, то первоначальный текст рассматриваемого места «Хождения» следует восстанавливать следующим образом:

«Се же суть имена их: Михаил-Святополк, Василий-Владимир, Давыд, Михаил-Олег, Панкратий-Ярослав Святославич, Андрей-Мстислав Всеволодович, Феодор-Мстислав Владимирович, Борис Всеславич, Глеб Минский».

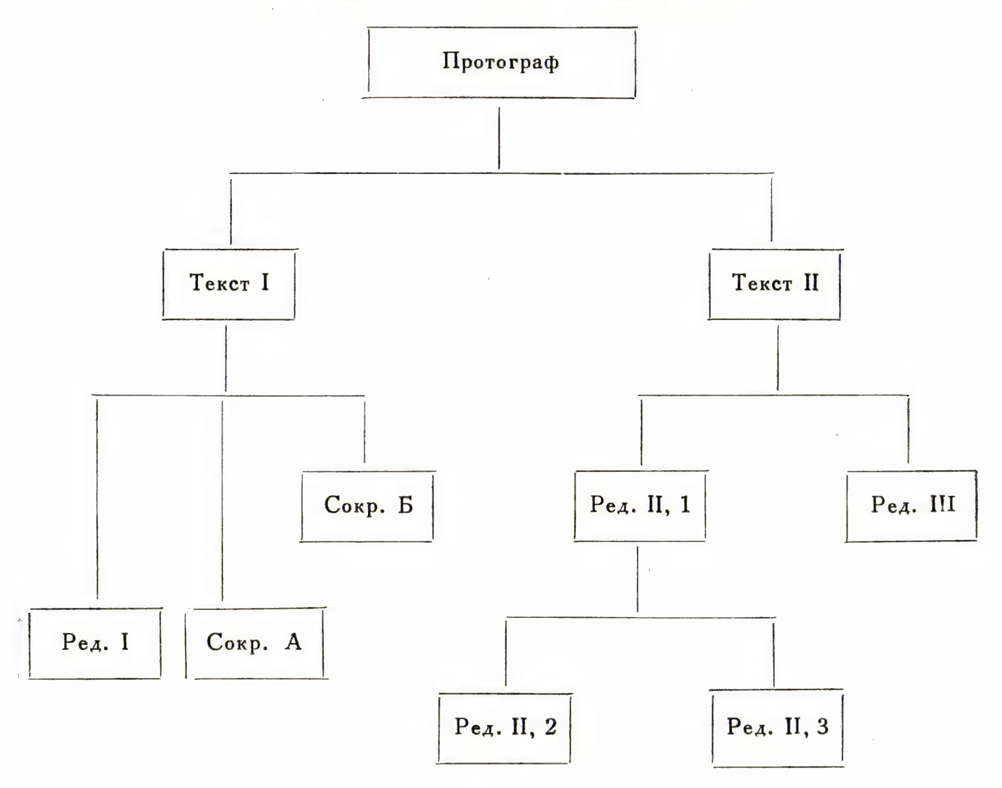
Ниже я еще раз вернусь к шансам Давыда Всеславича на место в списке Даниила. Здесь же отмечу, что в приведенном контексте правильнее читать не «Святославич», а «Святославичи», как общее отчество поименованных один за другим братьев Давыда, Олега-Михаила и Панкратия-Ярослава. Эта бросающаяся в глаза особенность текста подтверждает, что Даниил под Давыдом понимал именно черниговского Святославича.

---

[62] Путешествие игумена Даниила..., стр. 155.

Предложенная схема взаимоотношений различных вариантов «Хождения игумена Даниила» ниже представлена графически.

Схема вариантов «Хождения игумена Даниила»

Восстановив первоначальный текст, мы теперь должны вернуться к вопросу о том, чем руководствовался Даниил, называя именно эти, а не какие-либо другие княжеские имена. Собственно, ответ на этот вопрос дает сам Даниил, говоря о князьях и детях их. Под князьями он понимает не всякого князя в принятом теперь значении этого слова. Он делит князей на собственно князей и княжеских детей. Это деление может соответствовать только делению князей на владетельных и изгоев. Не имеющий самостоятельного удела князь, в понимании Даниила и любого его современника, является не князем, а только княжеским сыном. По-видимому, и в своем списке Даниил называет только князей, не вводя в него невладетельных княжеских детей.

Проверим это предположение, попутно оценивая старшинство князей для характеристики принятого Даниилом порядка их перечисления. Как я показал выше, по старшинству князья начала XII в. следовали в таком порядке: киевский Святополк Изяславич, переяславский Владимир Всеволодович, черниговские Давыд, Олег и Ярослав Святославичи, смоленский князь, которым юридически должен быть Мстислав Игорев внук, новгородский князь Мстислав Владимирович, полоцкие Роман и Глеб Всеславичи.

Список Даниила во всех деталях повторяет этот, приведенный выше и полученный путем изучения и сопоставления многих летописных свидетельств список:

Михаил-Святополк это киевский великий князь Святополк Изяславич, в крещении Михаил: «преставися благоверный князь Михаил, зовомый Святополк».[63]

Василий-Владимир — переяславский князь Владимир Всеволодович Мономах, носивший христианское имя Василий: «Аз худый дедом своим Ярославом благоверным славным наречением в крещении Василий, русскым именем Владимир».[64]

Давыд Святославич — черниговский князь.

Михаил-Олег — новгород-северский и курский князь Олег Святославич. Михаилом называет его Любечский синодик.[65]

Панкратий-Ярослав Святославич — муромский и рязанский князь.

Андрей-Мстислав Всеволодович — по своему месту в списке может быть только смоленским князем. Это имя летописцу неизвестно. Одноименный князь появляется на страницах летописи только спустя полвека после хождения Даниила.[66] Ценность упоминания Андрея-Мстислава в повести Даниила более чем очевидна. Выше мы доказывали, что смоленским князем начала XII в. должен быть Мстислав Игорев внук, но мы не знали ни его отчества, ни его христианского имени. Более того, несмотря на существование ряда косвенных свидетельств, подтверждающих доказываемое мнение, мы все же не могли быть до конца уверены в нем. Даниил же на месте смоленского князя называет именно Мстислава. При этом он сообщает и его отчество, и его христианское имя. Сообщение Даниила окончательно решает вопрос о судьбах Смоленска после Любечского съезда и позволяет безоговорочно помещать на смоленский стол этого времени потомка законного смоленского князя Игоря Ярославича.[67]

---

[63] ПСРЛ, т. I, стр. 127; т. II, стр. 4, 289; т. III, стр. 4, 123; т. IV, стр. 1; т. V, стр. 155; т. VII, стр. 22.

[64] ПСРЛ, т. I, стр. 100.

[65] Р. В. Зотов. О черниговских князьях..., стр. 34.

[66] Городенский князь Мстислав Всеволодович упоминается с 1169 по 1183 г. в Ипатьевской летописи.

[67] Установление имен Мстислава позволяет, на наш взгляд, точно определить спорную до сих пор принадлежность любопытнейшей вислой печати, которая была найдена в Белгородке близ Киева в 1947 г. Вопрос о принадлежности этой печати был предметом дискуссии между Д. И. Блифельдом (Д. І. Бліфельд. Висла печатка з Білгородки. — Археологія, т. III. Київ, 1950, стр. 102—110) и Б. А. Рыбаковым (Б. О. Рибаков. Печатки чернігівських князів. — Там же, стр. 111—118). На одной стороне печати диаметром 23—25 мм помещена пятистрочная греческая надпись: Μεσ-τ θλιβος μεγας ἄρχων Ρωσίας, т. е. «Мстислав, великий князь Руси». Печать обнаруживает самые близкие аналогии в сфрагистике второй половины XI—начала XII в., особенно в печатях Всеволода Ярославича, Вячеслава Ярославича и протопроедра Евстафия (В. Л. Янин. 1) Печать смоленского князя Вячеслава Ярославича. — КСИИМК, в. 55. М., 1954, стр. 150—152; 2) Из истории русской художественной и политической жизни XII в. — Советская археология, 1957, № 1, стр. 124 и сл.) и не могут быть датированы ни временем Мстислава Владимировича Старшего (ум. в 1034 г.), как предлагал Д. И. Блифельд, ни временем Мстислава Изяславича (князь с 1151 по 1172 г.), как предлагал Б. А. Рыбаков. Оба определения основывались на истолковании плохо различимого изображения оборотной стороны печати, где помещен погрудный портрет святого с крестом на древке у правого плеча. С крестом изображались святые Константин, Андрей и Иоанн Предтеча. Д. И. Блифельд считал изображенного святого Константином, что соответствует второму имени Мстислава Старшего, но опровергается отсутствием на голове святого царского венца. Б. А. Рыбаков предполагал в нем Иоанна, основываясь на том, что Андрей всегда изображался с крестом у левого плеча, а изображение креста у Иоанна было канонически безразличным. Кроме того, Б. А. Рыбаков усматривал в конце совершенно не читаемой надписи оборотной стороны букву «н» — конечную в имени Иоанн. Полагаем, однако, что эта буква с равной степенью достоверности может быть буквой «и», т. е. концом имени

Феодор-Мстислав Владимирович — новгородский князь. Феодором он дважды назван в Мстиславовом евангелии: «Христолюбивому и богом честимому князю Феодору, а мирьскы Мстиславу, внуку сущю Всеволожю, а сыну Володимирю, князю новгородскому» и «О господи, спаси князя нашего Феодора многа лет, а мирьски Мстислава».[68]

Борис Всеславич — это полоцкий князь. Известны попытки отождествить его с Рогволдом Всеславичем. Однако это заблуждение, в которое вносит ясность «Хождение Даниила». Рогволд получил полоцкий стол только в 1127 г., после изгнания Давыда.[69] В тот период, когда совершалось путешествие Даниила, полоцким князем был Роман Всеславич, умерший в 1114 или 1116 г.[70] Этого Романа и называет Даниил Борисом, поскольку имена Роман и Борис идентичны.

Глеб Минский — это брат Бориса Всеславича. Оба князя делили между собой Полоцкую землю после смерти Всеслава в 1101 г.

Перечислением названных девяти князей исчерпывается список Даниила. Мы не видим в нем ни волынского, ни туровского князей, наместников Святополка, ни ростовского князя, наместника Владимира, ни таких, казалось бы, самостоятельных князей, как Давыд Игоревич или Ростиславичи. Даниил не упоминает их, так как они не идут ни в какое сравнение с этими девятью князьями, составлявшими в своей совокупности ту верховную коалицию, которая решала общерусские дела и направляла политическое развитие государства, номинально объединенного под державой великого князя киевского.

Вернемся к Давыду Всеславичу. Мог ли он выступать в рассказе Даниила в таком окружении, да еще на третьем месте? Давыд Всеславич был в начале XII в. князем-изгоем, не имевшим собственного стола и предлагавшим свое оружие более значительным князьям. Он иногда стоит во главе дружины, ходившей в совместные княжеские походы на половцев,[71] иногда поддерживает Олега Святославича против своих же собственных братьев,[72] но до 1114 г. он безземельный князь, ничего не значащий в системе княжеской иерархии. В скольких бы списках «Хождения» ни повторялось его имя, Давыд Всеславич — в данном случае лишь результат ошибки редактора повести, порождение его исторических упражнений.

Мы видим, что реконструированный выше протограф разобранного места «Хождения игумена Даниила» может служить важным источником для политической истории древней Руси, а сама достоверность реконструкции подтверждается историческим анализом его содержания. Рассказ Даниила о поминании в Иерусалиме русских князей в самой концентрированной форме изображает всю систему княжеского старшинства, возникшую в результате активного юридического творчества и по инициативе Владимира Мономаха. Эта система в высшей степени последовательна как в своем содержании, так и в применении, что прежде казалось сомни-

---

Андрей, а что касается канонов в изображении креста, то вряд ли о них можно говорить сколько-нибудь серьезно для XI в. Определяя печать временем Андрея—Мстислава, отметим некоторое противоречие в надписи печати, которая говорит как будто о киевском князе, называя владельца печати великим архонтом, однако в рассматриваемое время никаких Мстиславов на киевском столе не было, кроме Мстислава Великого, который был Феодором. Поэтому относиться к надписи с полным доверием не следует. Вспомним печать Феофании Музалоннис, которая, будучи тмутараканской княгиней, титуловала себя русской архонтиссой.

[68] Путешествие игумена Даниила. . ., стр. 162 и сл.

[69] ПСРЛ, т. I, стр. 131; т. VII, стр. 27.

[70] ПСРЛ, т. II, стр. 8, 291; т. VII, стр. 23.

[71] ПСРЛ, т. I, стр. 118; т. VII, стр. 19, поход на половцев в 1103 г.

[72] ПСРЛ, т. I. стр. 119; т. II, стр. 287; т. VII, стр. 20.

тельным. Разумеется, «Хождение игумена Даниила» является прежде всего памятником эпохи, и его свидетельства не могут быть автоматически распространены на другие периоды, на другую историческую обстановку. Но и в этом случае пренебрегать его данными невозможно, как нельзя при анализе позднейших правовых норм пренебрегать сложившейся в более раннее время традицией.

Приведенный Даниилом список характеризует и самого автора повести. Даниил, записывая в Иерусалиме имена русских князей, не был просто игуменом одного из южных монастырей, с поспешностью вспоминавшим имена тех князей, которые сидели в непосредственной близости от его монастыря. Называя эти имена, он не ставил цели прославить своих настоящих или возможных покровителей и жертвователей. Он был русским игуменом в высоком понимании этого термина и, вспоминая князей, служил литургии за ту систему взаимоотношений, которая была разработана на княжеских съездах рубежа XI—XII вв., видя в ней средство от усобиц, разорения Русской земли и братоубийственных войн.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

В. В. ДАНИЛОВ

«Слово о погибели Рускыя земли» как произведение художественное

Если по поводу таких больших произведений XIX столетия, оставшихся незаконченными, как «Мертвые души» и «Кому на Руси жить хорошо», в которых герои и их действия обрисованы с совершенною художественною полнотою, можно лишь с некоторою вероятностью говорить о том, каковы были конечные замыслы их авторов, то что можно сказать определенного и достаточно достоверного о произведении, отделенном от нас семью столетиями, от которого сохранилось менее одной страницы печатного текста? Между тем о небольшом фрагменте, озаглавленном в рукописи: «Слово о погибели Рускыя земли, о смерти великого князя Ярослава» (т. е. 1246 г.), иногда говорится так, как будто известно все содержание произведения, от которого он откололся, как например делается заключение, что «Слово» возникло до Батыевой рати (1238 г.), потому что в нем нет упоминаний о татарах. Прав Н. Серебрянский, сказавший: «Не только так называемого „последнего“, но и вообще более или менее бесспорного слова об этом любопытном древнерусском сочинении сказать нельзя».[1]

Можно только утверждать, что «Слово о погибели» не является частью той редакции жития Александра Невского, введением к которой оно служит в двух известных списках. Это утверждение находит опору в непосредственном художественном восприятии памятника. Каждый автор проектирует мыслимое им произведение как нечто целое, согласованное в своих частях, намечая его содержание и средства для выражения последнего, создающие стиль произведения, его внешнюю форму, которая, тесно сливаясь с содержанием, определяет особность произведения. Поэтому, если у архитектора возникла идея здания в коринфском стиле, творчески немыслим для него внезапный скачок к дорийскому стилю, потому что это разрушило бы всю первоначальную идею. «Слово о погибели» — это произведение красочное, орнаментированное; если применить к нему архитектурные представления — созданное в коринфском стиле. Житие Александра Невского — произведение менее орнаментированное, это дорический стиль.

Стиль «Слова о погибели» убеждает, что оно развивает иную художественную идею, чем житие Александра Невского, и присоединено к нему с художественной стороны механически, незаконно. Исходя из стиля «Слова о погибели», так же смотрел С. А. Бугославский: «Стиль „Слова“, — пишет он, — выдает светский рассказ с политической тенден-

---

[1] Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. (Обзор редакций и тексты). СПб., 1915, стр. 163.

цией. Это стиль летописи в приподнятом, патетическом тоне. В житии Александра Невского мы встретимся с типичными приемами агиографа».[2]

Художественное различие стилей сразу стало ясно и понятно Х. М. Лопареву. Он законно выделил введение в житие Александра Невского как произведение иного художественного плана, чем последнее, признал его особность.

До настоящего времени художественная сторона «Слова о погибели» воспринимается исследователями вне зависимости от жития Александра Невского, как нечто особо запечатляющееся, красочное. Н. К. Гудзий в обобщающем обзоре литературы о памятнике приводит мнение немецкого ученого Вернера Филиппа, назвавшего «Слово о погибели» «солнечным гимном» и единственным в своем роде произведением европейской литературы.[3]

На самом деле в других литературах находим композиции, в некоторых моментах очень близко напоминающие «Слово о погибели» по содержанию, стилю, патриотическому пафосу и по историческим условиям возникновения. Генетически они никак не связаны ни между собою, ни тем более со «Словом о погибели», но сравнение их с последним представляет несомненный интерес. Эти аналогии ставят «Слово о погибели» в ряд родственных явлений в литературах других народов, освобождая его от той исключительности, которая создается по отношению к нему, если «Слово о погибели» рассматривать обособленно, без сопоставления с подобными и сходными явлениями в иноземных литературах.

Первым привожу описание из Naturalis historia Гая Плиния Секунда, обычно именуемого Плинием Старшим, который в 77 г. н. э. поднес свой многотомный труд императору Титу. Правление Тита и его отца Веспасиана было мирным периодом жизни Римской империи. Они водворили порядок и спокойствие в государстве, расстроенном тиранией их предшественников, разоренном и потрясенном междоусобными войнами, превратившими императорскую власть в настолько шаткое состояние, что перед самым вступлением в управление империей Веспасиана в течение полутора лет один за другим трагически погибли три императора. Город Рим наполовину лежал в развалинах; даже Капитолий, место священного почитания, был завален мусором. Все это обостряло патриотическое чувство римского гражданина — звание, которое он носил с необычайною гордостью, и создавало, в противоположность жалкой действительности, идеальный образ родины, нашедший отражение в описании Италии, включенном Плинием в его «Естественную историю».

«Я знаю, — говорит он, — что заслуженно буду назван человеком неблагодарной и вялой души, если скажу кратко и между прочим о стране, матери и кормилице всех стран, избраннице богов, которую само небо делает прекраснее других, которая объединила разрозненные государства, смягчила нравы, соединила посредством торговли несходные и дикие языки многих народов, создала для человека общительность и образованность, короче говоря, стала родиною всех племен на всей земле. Что еще сказать о ней? Так велика известность всех ее частей, — да и кто не граничит с ними! — так велика слава ее деяний и народов! Сколько надо, наконец, труда, чтобы рассказать об одном только городе Риме, который следует назвать священным позвоночником Италии! Прелесть благословенных и плодородных полей Кампании очевидна для всех, как совокупное произ-

---

[2] С. Бугославский. Н. Серебрянский. Заметки и тексты из псковских памятников I—V. М., 1910. — ИОРЯС, т. XV. СПб., кн. 3, 1910, стр. 336.

[3] Н. К. Гудзий. О «Слове о погибели Рускыя земли». — ТОДРЛ, т. XII, М.—Л., 1956, стр. 529—530.

ведение ликующей природы. Таково постоянное свойство ее жизнеутверждающего, здорового климата; так плодоносны ее поля, так солнечны холмы, так безвредны ущелья, так тенисты рощи, так разнообразны леса, таков воздух, несущийся с гор, таково изобилие плодов, винограда и слив; таково превосходство шерсти овец; так жирны шеи быков; столько в ней озер; такое обилие рек и родников, орошающих ее; столько морей, гаваней, земельных пространств, пригодных для торговли, и как будто для удовольствия смертных сама она жадно стремится к морям! Я не говорю о наших природных дарованиях, обычаях и людях, а также о племенах, покоренных языком и рукою. Сами греки думали об Италии, что ее народ создан преимущественно для славы, и потому часть Италии назвали Великой Грециею».[4]

Есть сходные черты в описаниях Плиния и «Слова о погибели». Авторы одинаково останавливаются на географических данных: озерах, реках, горах, холмах, лесах. Их роднит гордость военною мощью своих отечеств, которую они видят в покорении других народов, причем Плиний говорит не только о подчинении силою, но также языком, т. е. культурными средствами. Плиний вообще выдвигает культурное начало в жизни Рима, которое — вне миросозерцания автора «Слова о погибели». Представления Плиния о своей родине глубже и шире, чем представления автора «Слова», поскольку римский писатель обладал более широким политическим кругозором, как представитель мировой империи, и несравненно более высоким образованием.

Другой отрывок, напоминающий описание русской земли в «Слове о погибели», принадлежит древнееврейскому историку Иосифу Флавию (37—105 г. н. э.), автору сочинения «Иудейская война», написанного по-гречески. Иосиф писал историю восстания своего народа против римлян и разрушения ими Иерусалима (66—70 гг.) вдали от родины, после ее тяжких испытаний, и ему естественно было вспоминать ее сильною и одаренною благами природы.

«Галилеяне, — говорит он в названном труде, — окруженные столькими чужеземными племенами, всегда оказывали сопротивление всякой попытке войны (с ними). Ибо они воинственны с детства, всегда многочисленны; и никогда ни страх не охватывал мужей, ни недостаток в них не стеснял страну. Вся она плодородна и обильна пастбищами, насаждена различными деревьями, так что, вследствие легкости (получения урожая), поощряет к трудолюбию даже человека, несклонного к возделыванию земли. Действительно, она вся обработана жителями, и никакая часть ее не лежит праздно; и города (в ней) часты, и множество сел, всюду густо населенных, вследствие (ее) изобилия, так что самые малые имеют свыше пятнадцати тысяч жителей. Бóльшая ее часть насаждена маслинами, виноградом и финиками; орошается она зимними потоками с гор и постоянными обильными источниками, если первые исчезают под лучами солнца».[5]

Описание Иосифа Флавия, менее обстоятельное, чем описание Плиния, совпадает с последним такими мотивами, как плодородие страны, разнообразие ее растительности, орошение. Иосиф не мог похвалиться завоеваниями своего народа, разгромленного римлянами, но все же не преминул сказать об его воинственности с детства. Это описание Галилеи стало до-

---

[4] C. Plinii Secundi. Historiarum mundi liber III, V, 5. — По изданию: Histoire naturelle de Pline, tome troisième. Paris, 1829, стр. 32—34.

[5] Περὶ τοῦ Ἰουδαϊκοῦ πολέμου λόγος τρίτος, III, 2. Flavii Josephi opera omnia post J. Bekkerum recognovit S. A. Naber, vol. quintum. Lipsiae. In aedibus B. G. Teubneri, 1895, стр. 253.

стоянием древнерусской литературы в содержании перевода сочинения Иосифа Флавия под названием «О полонении Иерусалима».

И. И. Срезневский, Е. В. Барсов и, наконец, В. М. Истрин установили, что древнерусский перевод «Иудейской войны» Иосифа не соответствует в полном объеме греческому оригиналу и, по словам Истрина, производит впечатление, «как будто переводчик, прочитав две-три страницы греческого текста, в кратком виде, своими словами, изложил прочитанное».[6] Однако древнерусский перевод описания Галилеи почти буквально передает греческий текст оригинала. «...толиком языком, окрест... обишедшем, ни в едино время ослабиша противу брани, но всем биющемся с ними противляхуся. Учат бо ся из младства ратному обычаю и умножишася зело. И ни страх обдержит муж тех, ни земля оскудеет людий, понеже есть вся тучна и благозелна и всеми садми доброплодными насажена, и обилие ея может побудити на страдание и нестрадолюбце. Устроена же есть вся земцем, и несть места ей праздна. Но и гради части и села, яко звезды, и люди бес числа, яко в меншем селе быти пятнадцати тысящ. И болшаа часть ея насажена масличиа и вина и финик. Напаяють же ся струя зимная, с гор текуще. Аще же и ты иссухають слонцем жатвеным, то и от исток присносущ посливають».[7]

Древнерусский перевод немногим отличается от греческого оригинала. Во-первых, в нем число сел в Галилее сравнивается с количеством звезд, чего нет в известном нам греческом тексте «Иудейской войны». Но весьма возможно, что это сравнение могло быть в каком-либо средневековом списке этого произведения, поскольку, как указывает Истрин, греческий оригинал, бывший в руках древнерусского переводчика, «представлял существенное отличие от дошедших до нас списков».[8] Во-вторых, в переводе солнцу придается эпитет «жатвенное». В греческом тексте сказано, что источники σειρίῳ φθίνοιεν, дословно: «исчезают от палящего», разумеется, солнца. Можно полагать, что эпитет солнца «жатвенное» возник на русской почве, так как в климатологических представлениях русского человека время жатвы совпадает с периодом наиболее высокого стояния солнца, т. е. наибольшей жары. У жителя субтропической страны, какова Галилея, не может быть такого представления, потому что там посевы созревают раньше этого. Затем греческий текст: ὡς ὑπὸ τῆς εὐπετείας προκαλέσασθαι καὶ τὸν ἥκιστα γῆς φιλόπονον, в дословном переводе: «так что вследствие легкости поощряется и труженик, вялый в отношении земли», — передан в древнерусском переводе словами, могущими дать современному читателю иное направление мысли, чем то, о чем говорит Иосиф Флавий: «И обилие ея может побудити на страдание и нестрадолюбце». В древнерусском языке слова «страдати» и «страдолюбец» являются синонимами слов: «трудиться» и «трудолюбец».[9] Следовательно, приведенный текст говорит о сельской страде, согласно с прямым смыслом греческого подлинника, о материальной заинтересованности человека в земледелии, а не о каком-либо общественном подвижничестве.[10]

---

[6] В. М. Истрин. «Иудейская война» Иосифа Флавия в древнем славяно-русском переводе. — Ученые записки высшей школы г. Одессы, Отдел гуманитарно-общественных наук, т. II, 1922, стр. 31.

[7] La prise de Jérusalem de Joséphe le Juif. Texte vieux-russe publié intégralement par V. Istrin, t. 1. Paris, 1934, стр. 210, 212.

[8] В. М. Истрин. «Иудейская война» Иосифа Флавия..., стр. 38.

[9] Пример из «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (т. III, стлб. 532): «Сь, впросим, чим разлучается страдолюбець от ленивых, и рече: яко же благочестивый от нечестивых. Пчела, Синодальной библиотеки».

[10] Латинский перевод «De bello Judaico» в издании 1539 г. дает ясный смысл комментируемой фразе: ut etiam minime agriculturae studiosos ubertate sua provocant —

Из эпохи классической древности перенесемся в средневековье, в Испанию XIII столетия, когда всю ее южную часть занимали мавры, с которыми шли непрерывные войны. Ко второй половине XIII в. относится монументальный коллективный труд, положивший основу испанской историографии: «Испанская история и великая всеобщая история», называемая Хроникой короля Альфонса X Мудрого (1221—1284).

При нем Испания страдала не только от нападений мавров, но и от междоусобий, и король Альфонс Мудрый умер не на престоле, лишенный последнего родным сыном. Опять видим условия, которые должны были возбуждать у патриотов противоположные представления о счастливой и благоденствующей родине. Эти представления отразились в одной статье названной истории, озаглавленной «Похвала Испании как вершине всех благ».

«Страна, которую мы называем Испанией, похожа на божий рай. Она орошается пятью многоводными реками: Эбро, Дуэро, Тахо, Гвадалквивиром и Гвадианой. Реки эти отделены одна от другой высокими горами и землями.[11] Долины и равнины Испании пространны и широки и, благодаря плодородию земли, орошаемой реками, дают множество плодов и полны изобилием. Испания богата злаками и фруктами, вдоволь насыщает рыбами, дает вкусное молоко и прочие продукты. В ней водится крупная охотничья дичь; она полна стадами и табунами коней и мулов. Она защищена и укреплена замками, веселится хорошими винами, богата металлами и многими минералами;[12] славна шелком и всем, что из него делается; доставляет сладкий мед и сахар; освещается воском, переполнена оливковым маслом, радует шафраном. Сверх всего этого, Испания искусна в ведении войны, страшна и полна мужества в битве, не томится от тяжелой работы, верна своему королю, прилежна в учении, вежлива в разговоре, совершенна во всем хорошем. Нет страны в мире, подобной ей по своему плодородию; ни одна не может сравниться с нею в могуществе, и мало стран, равных ей по величине. Испания выше всех по своему величию и славнее всех по своей верности. О, Испания! Никто не в силах перечислить все твои достоинства!».[13]

Наряду с мотивами, встречающимися в других патриотических описаниях: реками, горами, долинами, плодородием, военною силою, слышим здесь, как у Плиния, культурные мотивы, причем безмерен пафос автора, доводящий его до гиперболических представлений.

Через сто лет после того, как было написано «Слово о погибели», в 1352—1353 гг., Петрарка написал стихотворение на латинском языке,

---

«так что даже наименее старательных в земледелии побуждают своим плодородием» (F l a v i i Josephi. De bello Judaico, libri septem. Lugdum, 1539, стр. 209—210).

[11] К этому месту Георг Тикнор (George Ticner) в «History of spanish literature» (vol. I, London, 1863, стр. 147, прим. 18) делает примечание, указывая, что в изданиях памятника (Флориана Докампо, 1541 г., и Валлодолида де Кафьяса, 1604 г.) здесь стоит tierras (земли), что он считает ошибочным, предлагая читать sierras (горные цепи). При таком чтении получается неоправданная синонимичность, тогда как автор правильно говорит, что реки разделяются горами и земельными пространствами.

[12] Опускается перечень металлов и минералов.

[13] В основу перевода описания Испании из Хроники Альфонса Мудрого положен перевод его, сделанный с английского Н. И. Стороженком в «Истории испанской литературы» Г. Тикнора (т. I, М., 1883, стр. 138). Текст Стороженка исправлен и дополнен по оригиналу Хроники в издании: «Primera crónica general. Estoria de España, que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuaba, bajo Sancho IV en 1239. Publicada por Ramón Menendez Pidal. Tomo I — Texto. Madrid, 1906», статья 558, стр. 311. («Первая общая хроника. История Испании, которую приказал составить Альфонс Мудрый и которая была продолжена при Санчо IV, в 1239. Опубликовал Рамон Менендес Пидаль»).

близкое к «Слову» по мотивам, пафосу и обусловившим его общественно-политическим обстоятельствам. На это обратил внимание проф. А. В. Соловьев, сравнивший оба произведения, можно сказать, en regard. Стихотворение Петрарки «Ad Italiam ex Gallis removens» («К Италии при возвращении из Галлии») отражает общественный и политический упадок Италии XIV столетия. В канцонах и письмах Петрарка говорит об ее жалком политическом рабстве, губительных междоусобных войнах, подавлении свободы, анархии и беззаконии. Это вызывало противоположные представления, и Петрарка рисует картину благоденствующей Италии, сильной и организованной:

Здравствуй, любимая богом, священнейшая земля, здравствуй!
Земля, безопасная для добрых, земля, устрашающая гордых.
Земля, особенно отличная известными краями.
Опоясанная двумя морями, прославленная величественными горами.
Достойная уважения за военную доблесть и за священные законы.
Жилище Пиэрид,[14] изобилующая золотом и мужественными людьми.
Земля, искусство и природа которой совместно содействовали высшему (ее) процветанию и сделали наставницей мира.
К тебе теперь охотно возвращаюсь постоянным жителем после продолжительного времени.
Ты дашь желанное пристанище от усталости жизни.
Ты, наконец, отведешь столько земли, сколько займет мое мертвое тело.[15]
С радостью смотрю на тебя, Италия, с высоты зеленеющих вершин Севенских гор.
За мною расстилаются тучи; приятное дуновение веет в лицо, и поднимающийся туман охватывает ласковым прикосновением.
Я узнаю родину и радостно приветствую: здравствуй, красавица-родина, здравствуй, слава всех земель! [16]

Стихотворение Петрарки напоминает прославление Италии в «Георгиконе» (II, 156—176) Виргилия. Последний стих стихотворения Петрарки:

Salve, pulchra parens, terrarum gloria salve! —

звучит как подражание стиху Виргилия:

Salve, magna parens frugum, Saturnia tellus!

(«Здравствуй, великая производительница плодов, земля Сатурна!»).

Возможно, что стихотворение Петрарки в известной мере было навеяно «Георгиконом» Виргилия, который был любимейшим поэтом Петрарки. Недаром в принадлежавший ему кодекс Виргилия Петрарка даже вклеил листок, содержавший даты смерти близких лиц, в том числе прославленной Лауры. Но стихи Виргилия нельзя ставить в один ряд с композициями, аналогичными «Слову о погибели». Картины довольства и славы Италии, нарисованные в «Георгиконе», это не поэтические мечты, как у Петрарки, уводящие от тяжелой действительности, не идеал, почерпнутый из прошлого. У Виргилия это сама действительность, как она представлялась поэту в блестящий век императора Августа, «величайшего Цезаря», по словам Виргилия. При нем процветают земледелие и животноводство, и боевой конь, как говорится в «Георгиконе», стремится не на поле брани, а на пажить, т. е. в государстве господствуют мир и тишина.

Поэтому «Слово о погибели» сближается не со всякими патриотическими произведениями в других литературах, а лишь со сходными по условиям своего появления, когда родина писателя страдала от войн,

[14] Название муз по месту их обитания в стране Пиэрия, близ Олимпа.
[15] В подлиннике: pallida membra — «бледные члены».
[16] Pilade Mazzei. La vita e le opere di Francesco Petrarca. Livorno, 1927, стр. 55.

междоусобий и произвола, как это было в римской истории во времена Плиния Старшего и в Италии при жизни Петрарки, или если отечество автора было разорено, народ порабощен и сам писатель был лишен родины, как было с Иосифом Флавием.

Настроение и отношение к родине патриота в таких трагических условиях кратко, как в поэтической формуле, но эмоционально и образно выразил Адам Мицкевич в начальных стихах поэмы «Пан Тадеуш»:

О, родина — Литва! Как нам здоровье ценно,
Как, потеряв его, скорбим мы неизменно,
Так, потеряв тебя, скорблю и в скорби той
Сильней я увлечен твоею красотой!

Нестроение родины, терзаемой издавна тем, что «начаша князи про малое „се великое“ молвити, а сами на себе крамолу ковати», тревожило души многих русских людей Удельного периода, и среди них был автор «Слова о погибели». Начав восторженно-патетическим обращением к Русской земле и нарисовав ее могущество при Владимире Мономахе, он неожиданно говорит об ее «болезни»: «А в ты дни болезнь християном от великого Ярослава и до Володимера и до нынешняго Ярослава и до брата его Юрья, князя володимерьскаго».

Несмотря на совершенную, по моему мнению, ясность этой фразы, она вызвала разноречивые толкования. Слово «болезнь» обозначает и всегда обозначало ненормальное состояние организма, а не бедствия, постигающие человека извне. Здесь значение слова — метафорическое, распространяющее понятие на целый народ. Поэтому под «болезнью» никак нельзя разуметь несчастия, происходившие от нападений половцев или от нашествия татар. «Болезнь» — это внутреннее нестроение Русской земли, как понял первый комментатор «Слова о погибели» Х. М. Лопарев.

Далее очень ясно говорится, что «болезнь» идет от времен «великого Ярослава», т. е. Ярослава Мудрого, протянулась до Владимира Мономаха и дожила до «нынешняго Ярослава», Ярослава Всеволодовича Переяславского, который именуется «нынешним» в отличие от только что названного «великого Ярослава», а вовсе не в подражание «нынешнему Игорю» «Слова о полку Игореве» (Н. Серебрянский, М. С. Грушевский), как будто даже такое обычное, разговорное слово автор «Слова о погибели» не мог употребить самостоятельно, а непременно должен был вычитать его из другого произведения.

Под влиянием легендарных сказаний о Владимире Мономахе, живших в дружинной среде, которые были, надо думать, также семейными воспоминаниями о нем владимирских князей, потому что Владимир Мономах по прямой линии был прадедом Юрия и Ярослава Всеволодовичей, автор «Слова о погибели» изображает могущество Руси при этом князе, что повышало династическую честь владимирских князей, но что далеко не соответствовало исторической действительности.

Однако автор верен истории, когда, говоря о «болезни», не забывает упомянуть Владимира Мономаха, который сам немало пострадал от междоусобиц. В 1094 г. в усобице с Олегом Святославичем он потерял Чернигов и три года, по собственным словам, терпел беды в Переяславле «от рати и от голода»; а в 1096 г. потерял своего сына Изяслава Муромского, убитого в битве с тем же Олегом. На воспоминании об усобице между сыновьями Всеволода Большое Гнездо прерывается «Слово о погибели». Юрий и Ярослав Всеволодовичи пострадали от своих родных братьев, когда в 1216 г. были разбиты ими и еле спаслись. Юрий, загнав не одного коня и сбросив с себя верхнюю одежду, прискакал во Владимир

в одной сорочке. Он лишился владимирского стола, который занял враждовавший с ним брат Константин.

Вот об этой «болезни», из-за которой Русская земля «оскудела от рати и от продаж», как сказали киевляне князю Святополку в 1093 г., и говорит «Слово о погибели». И в противоположность вызванному ею оскудению, оно рисует красочный образ Руси, совпадающий в отдельных мотивах с такими же образами в описаниях других стран, страдавших от междоусобий или чужеземных завоеваний. Тут также озера, реки, горы, холмы, поля, города и села: «Всего еси исполнена земля руская!..». Так выясняется общественно-политическая психология возникновения «Слова о погибели» в тех пределах, в каких оно сохранилось.

«Слово о погибели» дает также достаточно материала для того, чтобы ответить на вопросы, из какого круга общества и родом из какой части древней Руси был его автор. И. Н. Жданов охарактеризовал стиль «Слова о погибели» как агиографическую риторику, указав этим на связь его с церковною литературою.[17] Однако это может относиться лишь к началу памятника: «О, светло светлая и украсно украшена земля руская, и многими красотами удивлена еси». Этими словами ограничивается непосредственное влияние церковной литературы на «Слово о погибели», но это стиль не агиографический, это стиль акафистов.

Понятия «света» и «красоты» в разнообразных тавтологических сочетаниях представляют характерные черты языка акафистов. Недаром Чехов в рассказе «Святою ночью», давая несколько примеров красочного языка акафистов, которые он вставляет в речь послушника Иеронима, приводит как характерное для них выражение: «Светоподательна светильника сущим. . .».

Уже в одном из первых русских акафистов, в акафисте Борису и Глебу, фрагменты которого вошли в состав «Повести временных лет», под 1015 г., находим мотивы света и красоты: «луча светозарна явистася, яко светиле озаряюща всю землю Русьскую»; «божьими светлостьми яве облистаеми»; «възвысила бо есть ваю светоносная любы небесная, темь красных всех наследоваста в небеснемь житьи. . . свет разумный, красныя радости»; «багряницю. . . красно носяща. . .»; «Радуйтася, светозарное солнце церкви стяжавша. . .»; «Радуйтася, светлеи звезде, заутра восходящии. . .».[18] Стиль первых русских акафистов был создан по греческим образцам, а последние существовали на Руси в переводах, сохранявших мотивы своих ранних оригиналов и равнявшихся по ним. Об этом говорит заглавный лист Киево-Печерского издания акафистов 1628 г., где акафист характеризуется как «от еллинских исправленный и благочинно по таинственному их творению расположенный». Поэтому мы не сделаем ошибки, если мотивы и стиль акафистов, доступных нам в более поздних текстах XVII столетия, распространим на Киевскую Русь.

Вот несколько примеров на мотив «света» из текстов акафистов в изданиях XVII столетия: «Утро светлейшее», «свету жилище», «чертог всесветлый», «светоприемная свеща истинного света», «пресветлый светильник», «свет превыше всех светлостей», «заря солнца многосветлая», «светильника два всесветлая», «светильнику свет последова пресветлый», «света солнечного светлейший».

Примеры на мотив «красоты»: «Шипок багряно украшенный», «красное благоухания пение», «светоносное и красное торжество», «красный рай»,

---

[17] И. Жданов. Русский былевой эпос. Исследования и материалы. СПб., 1895, стр. 96, выноска.

[18] ПСРЛ, т. I, 2-е изд. Л., 1926, стлб. 138—139.

«бисер красный», «дароточивый, красный и пребогатый», «красный благочестия цвет», «красота пресветлая».[19] Самый восклицательный тон первых слов памятника идет из акафистов.

То, что автор «Слова» упоминает между предметами, украшающими Русскую землю, монастырские виноградники, подтверждает принадлежность его к церкви, потому что эта деталь имеет слишком специфический характер и светскому лицу не пришла бы в голову. Только на основании одного этого можно сказать с уверенностью, что автор был монах и пришел на север Руси с юга.

Мысль об отражении южных впечатлений в «Слове о погибели» появилась еще у Х. М. Лопарева, который в комментарии к «виноградам обительным» заметил: «Выражение неясное, занесенное, очевидно, с юга».[20] Выражение очень ясное: в русских народных песнях обычно сочетание «сад-виноград» в значении виноградника; а то, что это черта южнорусская, неоспоримо. В южных монастырях, в Галиции и Молдавии, в поздние времена, а в древние, надо думать, еще больше, виноградники были одною из главных статей хозяйства. В хозяйственном опыте северянина не могло быть представления о монастырских виноградниках.

Другие черты «Слова о погибели» тоже характеризуют автора как южанина.

Подверглась сомнению фраза в «Слове» о том, что именем Мономаха «половци дети своя ношаху в колыбели». Вместо «ношаху» Х. М. Лопарев указал возможность читать «страшаху» или «полошаху», приведя два текста, содержащие эти слова.[21] Акад. М. Н. Тихомиров, утверждая новгородское происхождение «Слова о погибели», тем не менее пишет: «Нет никакого сомнения, что автор „Слова“ пользовался какими-то южнорусскими источниками, причем эти источники не были ему вполне понятны или по крайней мере не были понятны позднейшим переписчикам. Так, в „Слове“ появляется неясная фраза о половцах. . . Текст о половцах, видимо, звучал первоначально так: „которым-то половци, дети своя полошаху в колыбели“».[22] Другие исследователи также видели в слове «ношаху» описку.

На самом деле это не описка, не искажение, а реальное изображение ухода за детьми у кочевников. По наблюдениям многих авторов, в различных частях света у первобытных и кочующих племен матери носили с собою грудных детей, употребляя для этого сумки, мешки, корзины или ящики с прикрепленными к ним веревками, чтобы надевать на себя — на спину или на грудь. Мать всюду носила в такой колыбели ребенка, иногда совершая с ним долгие переходы. Акад. И. И. Лепехин в «Дневных записках путешествия по разным провинциям Российского государства» в 1768 г. сообщает, что башкирки надевали переносные колыбели с детьми на себя и ездили с ними верхом, причем колыбель была так подвязана, что мать имела возможность кормить ребенка грудью, не слезая

---

[19] Примеры взяты из киевского издания акафистов Захарии Копыстенского и Филофея Кизаревича 1628 г., виленского издания 1628 г. и киевского издания Иосифа Тризны 1654 г.

[20] Х. М. Лопарев. «Слово о погибели Рускыя земли». Вновь найденный памятник литературы XIII века. — ПДП, LXXXIV. СПб., 1892, стр. 19.

[21] Роман Мстиславич Волынский «бе изострился на поганыя, яко лев, им же половци дети страшаху»: «Начаша жены моавитьскыя полошати дети свои, рекуще: Александр едет» (ПДП, LXXXIV, стр. 19).

[22] М. Н. Тихомиров. Где и когда было написано «Слово о погибели Русской земли»? — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 240.

с лошади.[23] Половчанки не могли быть исключением среди женщин других кочевых народов и должны были в буквальном смысле носить в колыбели маленьких детей, что было известно жителям южных княжеств по живым наблюдениям.

Южанину, особенно выходцу из Галицкого княжества, близкого к Карпатам, было более свойственно говорить о «горах крутых», чем жителю северной русской равнины. Более свойственно, назвав «бояр честных», сейчас же титуловать их, очевидно по привычке, «вельможами» — словом польского происхождения. Более свойственно, наконец, в перечислении красот Русской земли вспомнить такие, собственно, незначительные предметы, как «колодцы местночестные». Но дело в том, что на юге, где местность более гористая, а жары более сильные, колодцы и родники приобретают большее значение, чем на обильно орошаемом природою севере. Колодцы поэтому были окружены религиозным почитанием, к ним приурочивались местные праздники и крестные ходы, и на копание колодцев смотрели как на благочестивый подвиг, что составляет сюжет поэмы Шевченко «Москалева крыныця». В украинской этнографической литературе немало материала на эту тему.

Южнорусские черты в «Слове о погибели» и особенно сохраненные им отзвуки легенд о Владимире Мономахе дали основание поставить вопрос о южнорусском происхождении памятника вообще. Так он был поставлен в докладе С. Н. Введенского под названием «„Слово о погибели русской земли“ как исторический и историко-литературный памятник Северо-Восточной Руси XIII в.» на IV областном историко-археологическом съезде в г. Костроме, в июне 1909 г.

В протоколах съезда сказано: «Референт полагает, что „Слово“ по внешним сторонам и по содержанию текста есть в основе своей произведение южнорусское. Эту основу его составили песни о могуществе и славе Русской земли при Мономахе и о последовавшем затем упадке южной Руси. На Северо-Востоке южная основа „Слова“ подверглась добавлениям и осложнениям, главным образом в сторону этнографического перечисления народов, покоренных Русью».[24]

Относительно последнего утверждения можно возразить, что фрагмент «Слово о погибели» представляет логически и художественно нечто целое, и невозможно даже по соображениям литературной техники полагать, чтобы такой небольшой текст был сначала написан как слово о Мономахе и могуществе Русской земли, а затем осложнен севернорусскими добавле-

---

[23] «Дневные записки. . ., ч. II [СПб.], 1768, стр. 154, См. о колыбелях: Е. А. Покровский. Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России. Материалы для медико-антропологического исследования. — Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, т. XV, в. 1, 1884, стр. 167, 179; И. Силинич. Формы колыбели и их развитие. — Русский антропологический журнал. М., 1900, № 1, стр. 106—109.

[24] Известия IV областного историко-археологического сьезда в г. Костроме, 1909, 23 июня, вторник, № 4. — Автор доклада С. Н. Введенский, в то время инспектор народных училищ Задонского и Землянского уездов Воронежской губернии, как видно из его писем к правителю дел Владимирской ученой архивной комиссии А. В. Смирнову, имеющихся в Рукописном отделе Института русской литературы (ф. 286, № 167), предполагал поместить доклад в «Трудах» этой Комиссии, но он напечатан не был. Против утверждения, что «Слово о погибели» южнорусского происхождения, возражал на съезде А. И. Соболевский. Он сказал также, что это не самостоятельный памятник, а часть жития Александра Невского. Его слова тогда же были записаны мною: «Мой покойный наставник Тихонравов говорил: „Кроме «Слова о полку Игореве», есть еще очень поэтический памятник: это некоторые редакции жития святого Александра Невского“. Стало быть, ему попадались какие-то редакции жития, которые наводили его на сравнение со „Словом о полку Игореве“».

ниями. Он был написан полностью на северо-востоке монахом, южнорусом по происхождению, сохранившим в нем южные впечатления и отзвуки легенд о Мономахе.

Обстоятельства, приведшие автора «Слова о погибели» с юга на север, раскрываются на основании историко-литературных соображений. Сначала А. С. Орлов, а затем Д. С. Лихачев установили галицкую литературную традицию в житии Александра Невского, написанном на северо-востоке Руси. «Возможные пути, — пишет Д. С. Лихачев, — книжных связей Галича и северо-востока Руси начала второй половины XIII в. могут быть прослежены довольно точно. Звеном, связующим Галицкую Русь и Владимиро-Суздальскую, был митрополит Кирилл II, переехавший в 1250 г. с юга от Даниила (князя Галицкого) к Александру Невскому. . . Кирилл явился к Александру не один. Недовольных церковною политикою Даниила было, очевидно, не мало. Естественно, что многие из них спаслись от угрозы унии, переехав на северо-восток Руси, под покровительство своего сильного земляка Кирилла. Среди этих переехавших к Кириллу представителей духовенства были и люди книжные».[25] К последним принадлежал также автор «Слова о погибели», которому, как южанину, были известны южные легендарные сказания о Владимире Мономахе в устной традиции, так что ему не надо было знакомиться с ними по какой-то книжной записи, как предполагал Н. Серебрянский.[26] В княжестве, где правили потомки Мономаха, этому книжнику естественно было воспользоваться легендами, в которых их прадед изображался правителем сильным, наводившим страх на все народы, даже на византийского императора. Для северной русской литературы стиль этого галицкого писателя, представителя иной литературной школы, был нов и красочен, поднимал патриотическое чувство, и потому составитель жития Александра Невского, праправнука Мономаха, присоединил «Слово о погибели» к житию.

Я не ставил вопросов, выходящих за рамки непосредственного, прямого содержания памятника, ограничиваясь анализом только того, что он дает сам по себе как фрагмент неизвестного художественного произведения, и прихожу к выводу, что «Слово» представляет форму описания родины, известную в других литературах и в приводимых примерах связанную с бедственными условиями жизни той или другой страны; что «Слово о погибели» написал монах — южнорус, прибывший во Владимиро-Суздальскую землю из Галича в связи с переездом туда митрополита Кирилла II и потому сохранивший в нем черты южной природы и быта.

---

[25] Д. С. Лихачев. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, стр. 49—52.

[26] Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 210.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

А. В. СОЛОВЬЕВ

По поводу Рижского списка «Слова о погибели Рускыя земли»

«Слово о погибели Рускыя земли» было долгое время известно лишь по одному списку, найденному Х. М. Лопаревым в рукописи XV в. в Псково-Печерском монастыре в 1892 г.

Однако в 1933 г. хранитель книжницы Гребенщиковской старообрядческой общины в Риге, И. Н. Заволоко, подготовляя выставку старинных рукописей, обнаружил в сборнике «Сложник святых отец» XVI в. текст жития Александра Невского, начинающийся тем же текстом «Слова», но уже под другим заглавием.[1] По фотографиям, посланным в Париж в 1937 г., этот текст был подготовлен к печати М. Б. Горлиным, но разразившаяся мировая война и трагическая смерть М. Б. Горлина заставили отложить издание его статьи о «Слове» до 1947 г.[2]

Между тем в феврале 1946 г. В. И. Малышев, знакомясь с собраниями древнерусских рукописей и старопечатных книг в Риге, тоже обратил внимание на сборник «Сложник святых отец» и подготовил к печати весь текст жития Александра Невского с его «поэтическим введением».[3] Его издание снабжено фотографиями, как и издание Х. М. Лопарева, и мы можем теперь сравнивать оба текста «Слова о погибели».

Сходство между обоими текстами бросается в глаза. Если прибавить, что и житие Александра Невского в Псково-Печерском сборнике «буквально совпадает» с Рижским текстом,[4] то надо предположить, что Рижский текст XVI в. был просто списан с Псково-Печерского XV в. или что оба они восходят к общему протографу, что менее вероятно.

Все же сходство между текстами «Слова» не буквальное. Можно заметить целый ряд мелких разночтений, которые могут иногда дать интересные указания.

Писец XVI в., во-первых, упраздняет древний «ь» в середине слов и вместо: руськая, мѣсточестьными, польми, зверьми, обительными, церковьными, праваѣрьная, бортьничаху — пишет: руская, мѣсточестными, полми, звѣрми, обителными, церковными, праваѣрная, бортничаху; он

---

[1] В. И. Малышев. О втором списке Слова о погибели Рускыя земли. (История открытия). — Slavia, XXVIII, 1. Прага, 1959, стр. 69—72.

[2] Michel Gorlin. Le dit de la ruine de la terre Russe et de la mort du grand prince Jaroslav. — Revue des Études Slaves, XXI. Paris, 1947, стр. 5—33.

[3] В. И. Малышев. Житие Александра Невского (по рукописи середины XVI в., Гребенщиковской старообрядческой общины в Риге). — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, стр. 185—193.

[4] В Рижском сборнике «помещена та же летописная редакция жития Александра Невского, от которой, впрочем, в Псково-Печерском сборнике сохранились начало и конец, буквально совпадающие с издаваемым ниже текстом жития» (см.: ТОДРЛ, т. V, стр. 187).

исключил и ошибочный «ь» в слове «испольнена» — «исполнена»; во-вторых, он часто заменяет «ы» оригинала гласной «и», именно вместо: многыми (*2 раза*), холмы, поганыи, кыевьскому, великыи (*2 раза*) — он пишет: многими (*2 раза*), холми, погании, киевьскому, великии (*2 раза*); впрочем, мы найдем и обратный случай: вместо «тоимици» он написал «тоймицы»; в-третьих, написание «до немець» он заменил более правильным «до нѣмець», но зато ошибся в слове «отселѣ», написав вместо него «отсѣле»; в-четвертых, по невниманию он написал «половицы» вместо «половци».

Все эти разночтения не существенны. Гораздо важнее отметить, что рижский копист сохранил некоторые своеобразия своего оригинала:

1) так, например, в Псковском списке интересно различие между формами «вѣра хртияньская» в начале текста и последующими начертаниями: «кртияньскому языку», «болѣзнь кртияном». То же чередование сохранилось в Рижском списке: хртияньская, кртъяньскому, кртияномъ; особенно интересно, что во втором и третьем случаях копист решил затем исправить древнюю простонародную форму, переделав «к» на более ученое «х»: «хртьяньскому», «хртияномъ»;

2) копист Рижского списка сохраняет иногда «ь» в середине прилагательных, например: хртияньская, поганьскыя, володимерьскаго;

3) он сохраняет даже такие своеобразные начертания Псковского списка, как: дубравоми, прававѣрная, до немець, до болгарь, моръдва, Манамахоу;[5]

4) особенно знаменательна странная форма Псковского списка «и жюръ Мануилъ» вместо «кюръ» или «чюръ» (ср. Кюрило—Чюрило): она была сохранена копистом Рижского списка, но затем изменена в «иже Рамануилъ», что обличает непонимание истории;

5) обращает на себя внимание и форма «Володимеру и Манамаху»»; это странное «и» находится одинаково в обоих списках; мы можем объяснить эту вставку лишь требованием дактилического ритма: «дѣду его́ Володи́меру и Манама́ху» дает правильный дактилический стих (пентаметр): последовательность пяти дактилей: ⏗◡◡/⏗◡◡/⏗◡◡/⏗◡◡/⏗◡, тогда как «Володимеру Манамаху» дало бы неудобное сочетание четырех неударяемых слогов: ◡◡◡́◡◡◡◡◡◡́◡. Это наблюдение очень важно, ибо оно подтверждает предположение о том, что «Слово о погибели» было отдельным песенным текстом, позднее приставленным к прозаическому житию Александра Невского. Следует напомнить, что в известном отрывке песни о траве евшане, также приставленном к началу «Жития Даниила Галицкого» в XIII в., тоже стоит «Володимерь и Мономах».[6] Песенная традиция XIII в. требовала поставить этот, казалось бы, нелогичный союз между именем и прозвищем своего героя.

Отметим известную невнимательность кописта: он пишет «гдѣ бяху тамо» вместо «где тамо бяху», он перепутал знаки препинания и внес нелогичную пунктуацию,[7] наконец, он три раза пропустил отдельные слова. Остановимся на этих пропусках.

В Псковском списке стоит: «до немець, от немець до корѣлы, от корѣлы до устьюга». В Рижском — «до нѣмець, до корѣлы, до устьюга».

---

[5] Писец Рижского списка сперва написал «манаху», но затем надписал выносное «ма».

[6] Так в лучшем, Ипатьевском списке; в Хлебниковском исправлено: «Володимер Мономах» (Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871, стр. 480).

[7] О нелогичности пунктуации Рижского списка см. нашу статью (ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 90—92).

Мы видим, что невнимательный копист дважды пропустил повторявшиеся слова, пропустил сперва «от нѣмець», а затем «от корѣлы». Эта гаплография вполне оправдывает наше предположение, что и в Псковском списке могли быть пропуски и что в протографе, вероятно, стояло «до литвы, от литвы», а несколько ранее «от угор до чахов, от чахов до ляхов, от ляхов до ятвязи».

*

Наконец, самым важным различием между обоими списками является то, что в Рижском списке нет заглавия «Слово о погибели Рускыя земли (и о смерти великого князя Ярослава)», так как копист решился заменить это неподходящее заглавие новым: «Житие блаженного великаго князя Александра Ярославичя всеа Русии Невскаго», где уже титул «всеа Русии» указывает на то, что это позднее добавление, вероятно XVI в.

В. И. Малышев сказал по этому поводу: «Вновь найденный список, в котором, как и в Псково-Печерском сборнике, так называемое „Слово о погибели“ слито с житием Александра Невского, доказывает, что во всяком случае в XVI в. это „слово“ сознавалось предисловием к житию, а не самостоятельным произведением».[8] Здесь у него осторожная оговорка: «во всяком случае в XVI в.», — и он не предрешает вопроса, как же было в XIII в. Но в статье 1959 г. он более категоричен, утверждая: «Открытие Гребенщиковского списка Жития Александра Невского, в котором „Слово о погибели Рускыя земли“ написано слитно с Житием, дает, на наш взгляд, новое и весьма веское свидетельство в пользу предположения, что „Слово“ является обычным предисловием к княжескому житию, как и другие предисловия такого рода, чье происхождение не вызывает сомнений... Гребенщиковский список — новое подтверждение псковского происхождения этой своеобразной редакции Жития Александра Невского».[9]

Насколько можно понять это не вполне ясное утверждение, В. И. Малышев хочет сказать, что «Слово о погибели» есть лишь предисловие к житию, но не первоначальное, а появившееся (неизвестно когда) в своеобразной «псковской редакции» жития Александра Невского.

Видно, что автор не может отрешиться от традиции Н. И. Серебрянского, считавшего «Слово» лишь вступлением к не дошедшему до нас «светскому житию» Александра Невского,[10] но поскольку эта теория опровергнута возражениями С. А. Бугославского, Вернера Филиппа и Н. К. Гудзия,[11] В. И. Малышев сужает гипотезу Н. И. Серебрянского до новой гипотезы о «своеобразной псковской редакции».

Допустим, что существовала «псковская редакция» жития Александра Невского, но это была, собственно говоря, не новая редакция (ибо текст самого жития в Псково-Печерском и Рижском сборниках не переделан), а лишь произведенное в XV в. механическое соединение псковским переписчиком двух различных по стилю, ритму и словарю произведений — «Слова о погибели Рускыя земли» и жития Александра Невского. Самый

---

[8] См.: ТОДРЛ, т. V, стр. 187.

[9] В. И. Малышев, Slavia, XXVIII, 1, стр. 72.

[10] Н. И. Серебрянский. 1) Слово о погибели Рускыя земли и Слово о начале Рускыя земли. — Труды Псковского церковного археологического комитета, т. I. Псков, 1910, стр. 176—202; 2) Древнерусские княжеские жития (из ЧОИДР). М., 1915, стр. 151—222. — То же мнение высказал и В. Мансикка (Житие Александра Невского. СПб., 1913, стр. 6—11).

[11] Н. К. Гудзий. О «Слове о погибели Рускыя земли». — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 531—536.

факт, что писец сохранил заглавие «Слова», которое никак не вяжется с житием, доказывает, что он имел перед собой два отдельных произведения XIII в.

Лишь в XVI в. новый переписчик заметил несообразность и заменил потерявшее свой смысл заглавие новым: «Житие блаженного великаго князя Александра Ярославичя всеа Русии Невскаго».

Полагаем, что всякий непредубежденный читатель согласится с тем, что если в XVI в. «Слово» и сознавалось (писцом) как предисловие к житию, то этого нельзя сказать про писца XV в.; он еще ощущал различие между этими произведениями, выраженное в особом заглавии первого. А в XIII и XIV вв. это были два отдельных произведения.

Псково-печерский писец хотел прибавить торжественное введение к житию Александра Невского, начинавшемуся слишком скромно: «Месяца ноября в 23 день преставися вел. князь Александр Ярославичь в лето 6771. Скажем мужество и житие его». Нельзя согласиться с тем, что новое введение «является обычным предисловием к княжескому житию». Нет, оно весьма необычно, и никак нельзя предполагать, что псково-печерский писец XV в. сочинил его от себя — в «Слове» нет ничего псковского, оно тесно связано с литературой Киевской Руси XII—XIII вв.

Именно, наличие особого заглавия «Слова о погибели» в сборнике XV в. и сознательная замена этого заглавия другим в списке XVI в. показывает нам медленный процесс постепенного слияния воедино двух разнородных памятников. В этом значение Рижского списка.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

Ю. К. БЕГУНОВ

Время возникновения «Слова о погибели Рускыя земли» и понятие «погибели Рускыя земли»

Со времени открытия и опубликования «Слова о погибели Рускыя земли», т. е. с 1892 г., и до настоящего времени накопилась значительная исследовательская литература на русском и иностранных языках (свыше 150 работ). Однако вопрос о том, является ли «Слово о погибели» фрагментом самостоятельного произведения или частью произведения об Александре Невском до сих пор не решен окончательно.

Сторонники взгляда, согласно которому «Слово» изначально связано с произведением об Александре Невском (И. Н. Жданов, В. И. Мансикка, Н. И. Серебрянский, С. А. Бугославский, А. С. Орлов, В. Л. Комарович, М. О. Скрипиль, В. И. Малышев и др.), основываются на следующем: во-первых, на бытовании «Слова» в двух дошедших до нас списках[1] в качестве предисловия к житию Александра Невского, во-вторых, на гипотезе существования «светской биографии» князя Александра, позднее переделанной в житие.

Сторонники другого взгляда, согласно которому «Слово» представляет собой самостоятельное произведение (Х. М. Лопарев, М. В. Горлин, А. В. Соловьев, М. Н. Тихомиров, Н. К. Гудзий, И. П. Еремин, А. Стендер-Петерсон, В. Филипп, В. В. Данилов), основываются главным образом на различии обоих произведений в основных идеях, в приеме построения образов, в использовании художественных средств.

Однако ни та, ни другая сторона не могут полностью доказать своей правоты, пока не произведено полное исследование «первоначальной» редакции жития Александра Невского по всем рукописным спискам, включая два списка, содержащие житие вместе со «Словом о погибели».[2] Только полное и всестороннее изучение так называемой «первоначальной», или «летописной», редакции жития Александра Невского в сборниках и в летописях позволит определить, является ли сочетание «Слова о погибели» с житием исконным или сравнительно поздним, возникшим в одной из ветвей «первоначальной» редакции.

В настоящей работе мы не рассматриваем взглядов исследователей, считающих «Слово о погибели» частью произведения об Александре Невском.[3] Мы будем рассматривать взгляды исследователей, считающих «Слово о погибели» самостоятельным произведением.

---

[1] Рукопись Псковского областного исторического архива, собрание Псково-Печерского монастыря (ф. 449), № 60, последней четверти XV в., в 4-ку, лл. 245 об.—246; рукопись ИРЛИ, № 1956/43, середины XVI в., в лист, лл. 477—478.

[2] Эта работа ведется нами в настоящее время.

[3] Разбор этих взглядов см. у В. Филиппа: W. Philipp. Über das Verhältnis des «Slovo o pogibeli Russkoj zemli» zum «Žitie Aleksandra Nevskogo». — Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte, Bd. V. Berlin, 1957, стр. 8—38.

Большинство исследователей полагает, что «Слово» было написано в XIII в. Однако в вопросе о том, с какими событиями следует связывать его написание, мнения исследователей расходятся. Одни исследователи считают, что «Слово о погибели» было откликом на разгром Северо-Восточной Руси татаро-монголами в 1238 г. (Х. М. Лопарев,[4] А. В. Соловьев,[5] Н. К. Гудзий,[6] И. П. Еремин[7] и др.), другие — что «Слово» было откликом на Калкскую битву 1223 г. (А. И. Соболевский,[8] М. Н. Тихомиров,[9] В. Филипп[10]), третьи — что «Слово» было написано по поводу смерти князя Ярослава Всеволодича в 1246 г. (С. А. Бугославский[11] и М. В. Горлин[12]), четвертые — что «Слово» являлось частью большого произведения, трилогии, возникшей во второй половине XIII в. (Х. М. Лопарев[13] и Н. В. Водовозов[14]). Подразделение взглядов исследователей на четыре основные группы является условным. Внутри каждой группы между исследователями имеются расхождения в деталях.[15] Вместе с тем одни и те же исследователи часто высказывали две или несколько различных точек зрения по вопросу о времени возникновения «Слова о погибели».[16] Фрагментарность произведения не позволяет уста-

---

[4] Х. М. Лопарев. 1) «Слово о погибели Русския земли». Рукопись Архива Академии наук, ф. 107, оп. 1, № 37; 2) Отчет о командировке в г. Псков. — СОРЯС, т. LXXXVI. СПб., 1908, стр. 48—49.

[5] A. V. Soloviev. 1) Le Dit de la ruine de la terre Russe. — Byzantion, t. XXII (1952), Bruxélles, 1953, стр. 105—128; 2) New traces of the Igor Tale in old Russian literature. Harvard slavic studies, vol. I. Cambridge, Mass., 1953, стр. 73—81; 3) Заметки к «Слову о погибели Рускыя земли». — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 78—115.

[6] Н. К. Гудзий. О «Слове о погибели Рускыя земли». — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 527—545.

[7] И. П. Еремин. «Слово о погибели Русской земли». — В кн.: Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков. Составление, переводы и примечания И. П. Еремина и Д. С. Лихачева. Гос. изд. художеств. лит., М., 1957, стр. 352.

[8] А. И. Соболевский. К «Слову о полку Игореве». — ИпоРЯС, т. II, кн. 1. СПб., 1929, стр. 176—177.

[9] М. Н. Тихомиров. Где и когда было написано «Слово о погибели Русской земли»? — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 235—244.

[10] W. Philipp. Über das Verhältnis des «Slovo o pogibeli Russkoj zemli» zum «Žitie Aleksandra Nevskogo».

[11] С. А. Бугославский. Н. И. Серебрянский. Заметки и тексты из псковских памятников. В кн.: Труды Псковского церковного историко-археологического комитета. Псковская старина, т. I. Псков, 1910. Рецензия. — ИОРЯС, т. XV. СПб., кн. 3, 1910, стр. 335—336.

[12] M. Gorlin. Le Dit de la ruine de la terre Russe et de la mort du grand-prince Jaroslav. — Revue des études slaves. Paris, 1947, t. XXI, стр. 5—33. (То же в кн.: Raïssa Bloch-Gorlina et Michel Gorlin. Études littéraires et historiques. Paris, 1957, стр. 81—109).

[13] Х. М. Лопарев. «Слово о погибели Рускыя земли». Вновь найденный памятник литературы XIII века. — ПДП, т. LXXXIV. СПб., 1892, стр. 10.

[14] Н. В. Водовозов. 1) Повесть XIII века об Александре Невском. (К вопросу о составе повести и ее авторе). — Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина, т. XVII. Кафедра русской литературы, в. 6, М., 1957, стр. 21—45; 2) История древней русской литературы. Учебное пособие для пединститутов. М., 1958, стр. 118—123. (Критику взглядов Н. В. Водовозова см.: Д. С. Лихачев. Реплики. — ТОДРЛ, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 499—500).

[15] Так, один из исследователей, считающих «Слово» откликом на разгром татарами Северо-Восточной Руси в 1238 г., Х. М. Лопарев полагал, что «Слово» было написано после взятия татарами Владимира (7 февраля 1238 г.), но до гибели Юрия (4 марта 1238 г.). Однако А. В. Соловьев считает, что «Слово» написано в 1238 или 1240 г., когда Юрия уже не было в живых. По мнению И. П. Еремина, «Слово» возникло в 1239 г., когда тело князя Юрия было торжественно перенесено из Ростова во Владимир.

[16] Так, например, Х. М. Лопарев первоначально считал «Слово» частью трилогии. Однако впоследствии он изменил свою точку зрения, когда нашел в библиотеке Псково-Печерского монастыря отрывок «Сказания о взятии татарами Владимира». В 1909 г. в докладе в ОЛДП Х. М. Лопарев утверждал, что «Слово» было частью найденного

новить окончательно время его возникновения. Судить о времени возникновения «Слова» можно только с большей или меньшей степенью вероятности до тех пор, пока не будут найдены новые, более полные списки «Слова о погибели» или цитация недошедшей части «Слова» в других памятниках.

Итак, какую же из высказанных точек зрения следует признать наиболее вероятной? Прежде всего необходимо отказаться от несостоятельных, на наш взгляд, точек зрения: от гипотез, что «Слово» было частью трилогии или частью произведения о смерти князя Ярослава Всеволодича. Выдвинутое Х. М. Лопаревым предположение, что «Слово» — часть трилогии, по существу не было подкреплено никакими конкретными доказательствами и представляет маловероятную гипотезу.[17]

Гипотеза, согласно которой «Слово» было частью произведения о смерти князя Ярослава Всеволодича (ум. 1246), впервые в виде догадки была высказана С. А. Бугославским,[18] а наиболее обстоятельно развита М. В. Горлиным,[19] пытавшимся реконструировать произведение XIII в. о князе Ярославе Всеволодиче при помощи жития Ярослава Всеволодича, Степенной книги и «Слова о погибели». Несостоятельность гипотезы М. В. Горлина была показана А. В. Соловьевым,[20] Н. К. Гудзием[21] и В. Филиппом.[22] Их возражения сводятся к следующему.

1. М. В. Горлин основывается главным образом на следующем прочтении заглавия: «Слово о погибели Рускыя земли и о смерти великого князя Ярослава». Однако такое прочтение оставляет без разъяснения исправление, сделанное в рукописи: «о смерти» на «по смерти».

2. М. В. Горлин считает «великого князя Ярослава» заглавия идентичным «ныняшняму Ярославу» в тексте «Слова о погибели». Однако очевидно, что «ныняшний» — это ныне живущий, здравствующий князь Ярослав Всеволодич, а не умерший великий князь Ярослав Мудрый, названный в тексте «Слова», в отличие от «ныняшняго Ярослава», «великим» («от великаго Ярослава и до Володимера и до ныняшняго Ярослава»).

3. У М. В. Горлина не имеется достаточно данных для того, чтобы считать вероятным существование произведения о князе Ярославе Всеволодиче уже в XIII в.: цитация из «Слова о погибели» в Степенной книге, на которую опирался М. В. Горлин, заимствована из «Родословца русских князей» ростовского происхождения, а само «Житие Ярослава Всево-

---

им «Сказания». Он подготавливал реконструкцию и комментарий, однако это начинание осталось в рукописи (Х. М. Лопарев. «Слово о погибели Русския земли». Рукопись Архива Академии наук, ф. 107, оп. 1, № 37).

[17] Х. М. Лопарев вскоре сам отказался от этой гипотезы (см. стр. 148 настоящей работы). Как показывает критика Д. С. Лихачевым точки зрения Н. В. Водовозова, объединение нескольких авторов (авторов «Слова о погибели», «Жития Александра Невского» и «Моления Даниила Заточника») в одном (в Данииле Заточнике) часто основывается на порочном методе атрибуции древнерусских произведений, основанном на представлении, что писателей было мало и писать было некому (Д. С. Лихачев. Реплики, стр. 500).

[18] С. А. Бугославский. Н. И. Серебрянский. Заметки и тексты из псковских памятников, стр. 335—336.

[19] M. Gorlin. Le Dit de la ruine de la terre Russe et de la mort du grand-prince Jaroslav.

[20] A. V. Soloviev. 1) Le Dit de la ruine de la terre Russe; 2) New traces of the Igor Tale in old Russian literature; 3) Заметки к «Слову о погибели Рускыя земли», стр. 104—107.

[21] Н. К. Гудзий. О «Слове о погибели Рускыя земли», стр. 536—539.

[22] W. Philipp. Über das Verhältnis des «Slovo o pogibeli Russkoj zemli» zum «Žitie Aleksandra Nevskogo», стр. 28—32.

лодича» составлено в XVI в. на основе известий летописей и жития Михаила Черниговского».[23]

Остаются лишь две группы точек зрения, основное расхождение которых заключено в следующем: написано ли «Слово о погибели» после февраля—марта 1238 г., но до 1246 г. по поводу событий татаро-монгольского нашествия (А. В. Соловьев и др.) или после 1223 г., но до 1238 г. по поводу Калкской битвы (А. И. Соболевский, М. Н. Тихомиров, В. Филипп). К этим двум разным заключениям исследователей, высказывавших эти точки зрения, приводит различное толкование: во-первых, заглавия произведения; во-вторых, понятий «болезнь крестияном» и «погибель Рускыя земли»; в-третьих, заключительных слов «от великаго Ярослава и до Володимера и до ныняшняго Ярослава и до брата его Юрья, князя володимерьскаго»; в-четвертых, перечисления народов в «Слове».

Наиболее обстоятельно аргументацию первой точки зрения развивает в своей работе А. В. Соловьев, второй точки зрения — М. Н. Тихомиров и В. Филипп.

Сопоставим аргументацию сторонников этих точек зрения. Рассмотрим, во-первых, вопрос о заглавии произведения. Первооткрыватель «Слова» Х. М. Лопарев[24] считал, что первоначальное заглавие произведения читалось как «Слово о погибели Рускыя земли и о смерти великого князя Ярослава». Однако, по мнению Х. М. Лопарева, это заглавие было исправлено писцом на «Слово о погибели Рускыя земли по смерти великого князя Ярослава», потому что переписчик, закончив переписку текста, заметил, что о погибели Русской земли и о смерти Ярослава ничего не говорится. Однако при таком объяснении Х. М. Лопарева становится совершенно непонятным, на каком основании переписчик исправил «о смерти» на «по смерти»: на основании сверки написанного им заглавия с более правильным заглавием оригинала или на основании «здравого смысла»?

В настоящее время точку зрения Х. М. Лопарева принимает А. В. Соловьев:[25] он считает, что писец первоначально написал заглавие как «Слово о погибели Рускыя земли и о смерти великого князя Ярослава». Однако, принимая такое чтение заглавия, А. В. Соловьев оставляет без объяснения вторую часть заглавия. По мнению А. В. Соловьева, «Слово» было написано при жизни Ярослава Всеволодича. Если А. В. Соловьев понимает под «великим Ярославом» заглавия[26] какого-либо другого князя Ярослава, например Ярослава Мудрого, а не Ярослава Всеволодича, то тогда ему необходимо объяснить, причем здесь смерть князя Ярослава Мудрого в произведении, написанном для Ярослава Всеволодича.

Другое чтение заглавия: «Слово о погибели Рускыя земли по смерти великого князя Ярослава» — отстаивает в настоящее время В. Филипп.[27] Он аргументирует свое чтение, во-первых, приведением снимка лигатуры ѿ

---

[23] Ю. К. Бегунов. Следы «Слова о погибели Рускыя земли» в Степенной книге. — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 116—130.

[24] Х. М. Лопарев. «Слово о погибели Рускыя земли». Вновь найденный памятник литературы XIII века, стр. 10.

[25] А. В. Соловьев. Заметки к «Слову о погибели Рускыя земли», стр. 115.

[26] Под «великим Ярославом» заключительных строк произведения А. В. Соловьев подразумевает Ярослава Мудрого (см.: А. В. Соловьев. Заметки к «Слову о погибели Рускыя земли», стр. 82). Однако А. В. Соловьев возражает В. Филиппу, понимавшему под «великим Ярославом» заглавия Ярослава Мудрого (там же, стр. 114—115).

[27] W. Philipp. Über das Verhältnis des «Slovo o pogibeli Russkoj zemli» zum «Žitie Aleksandra Nevskogo», стр. 34.

из курса «Славянской кирилловской палеографии» Е. Ф. Карского,[28] во-вторых, указанием на общее содержание памятника, воспевающего медленное ослабление Русской земли в результате княжеских междоусобий после смерти князя Ярослава Мудрого и до сыновей князя Всеволода Большое Гнездо — Юрия и Ярослава. А. В. Соловьев[29] отводит с полным основанием первый аргумент В. Филиппа, указывая на то, что ѿ — лигатура скорописи XVII в. и в XV в. не встречается, но его возражение против второго аргумента В. Филиппа неосновательно. А. В. Соловьев пишет: «Нельзя себе представить певца, который будет излагать в стихах двухвековой период ослабления государства; каждое эпическое произведение вдохновляется ярким событием — победой или поражением, а не историческим процессом, что может служить темой лишь для ученого трактата».[30] Позволим себе не согласиться с этим. Во-первых, еще никто не доказал, что «Слово о погибели» написано стихами. Во-вторых, известно, что в литературе древней Руси, например, в «Повести временных лет», в «Слове о полку Игореве» и многих других, не раз обсуждалась тема «погибели Русской земли» от вражеского нашествия в том случае, если князья не прекратят междоусобные войны. В. Филипп понимает под «погибелью Русской земли» именно эти междоусобные войны в связи с опасностью вражеского нашествия. Мы еще вернемся к толкованию понятия «погибель Русской земли», сейчас же обратимся к следующему возражению А. В. Соловьева В. Филиппу: «Все сохранившееся начало „Слова о погибели“, — пишет А. В. Соловьев, — резко противоречит гипотезе В. Филиппа: оно рисует величие Русской земли при ее великих князьях — Всеволоде III (1178—1212), отце его Юрии Долгоруком (умер 1157) и деде его Владимире Мономахе (1113—1125): тогда все поганские страны были покорены христианскому русскому народу, тогда его боялись и литва, и венгры, и сам царь Мануил. По гипотезе же В. Филиппа выходит, что вся эта славная эпоха есть лишь медленная „погибель“ — нисхождение, неуклонный регресс после смерти Ярослава Мудрого (1054)». Однако возражение А. В. Соловьева опровергается текстом самого памятника. В «Слове о погибели» говорится: «А в ты дни болезнь крестияном от великаго Ярослава (т. е. от Ярослава Мудрого, — *Ю. Б.*) и до Володимера и до ныняшняго Ярослава и брата его Юрья, князя володимерьскаго». Под «болезнью» автор «Слова», вполне очевидно, понимает одни и те же события, происшедшие после смерти Ярослава Мудрого — непрерывные феодальные войны, ослабившие Русскую землю перед лицом врага и приведшие ее к погибели. Этим автор не умаляет красоту, не уменьшает богатства и не скрывает могущества Русской земли, а, напротив, подчеркивает крайнюю опасность для Русской земли междоусобных войн князей, начавшихся еще в период расцвета.[31]

Итак, прочтение В. Филиппом заглавия «Слова» представляется нам убедительным. Приведем в пользу этого прочтения дополнительные аргументы. В заглавии видны два исправления: (1) в слове «земли» над «л» приписано «и»: N, и (2) слова «ѿ смерти» исправлены на «ѿ смерти» (рис. 1). [«ω» стояло первоначально, на это указывают две каморы (⌒⌒), которые соответствуют на письме греческому придыханию с ударением].

---

[28] Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 197, стлб. 2.

[29] А. В. Соловьев. Заметки к «Слову о погибели Рускыя земли», стр. 115.

[30] Там же, стр. 114—115.

[31] Подробнее об этом см. на стр. 155 настоящей работы.

Появление заглавия «Слово о погибели Рускыя земли по смерти великого князя Ярослава» представляется нам следующим образом: писец Псковского списка, сделавший копию со списка, уже содержавшего «Слово» вместе с житием Александра Невского, вначале неверно переписал заглавие как «Слово о погибели Рускыя земли. О смерти великого князя Ярослава». Писец считал, что далее в произведении будет рассказываться о погибели Русской земли и о смерти великого князя Ярослава, поэтому он добавил в слово «земли» над буквой «л» еще полумачту, обозначавшую «и». В результате получилось следующее: «Слово о погибели Рускыя земли и о смерти великого князя Ярослава». Затем, закончив переписку текста произведения, писец заметил, что о смерти князя Ярослава в «Слове» ничего не говорится. Тогда, обратившись к оригиналу («от себя» он не мог исправлять текст, так как очевидно, что время блестящего княжения князя Александра, сына Ярослава, описанное в следующем за

Рис. 1. Заглавие «Слова о погибели Рускыя земли». [Псковский областной исторический архив, собр. Псково-Печерского монастыря (ф. 449), № 60, последняя четверть XV в., 4°, лл. 245 об.—246].

«Словом» житии, не вызывало у писца впечатления погибели Русской земли), писец обнаружил допущенную им ошибку и исправил начальную омегу в словах «ѡ смерти». Причем, по-видимому, омега была исправлена на «п», а сверху над «п» добавлено «о» (см. фотоснимок заглавия Псково-Печерского списка). Буква «п» в рукописях XV—XVI вв. могла быть написана как ϖ. М. Н. Сперанский заметил, что «на фоне обычного, угловатого по своей структуре, русского полуустава второй половины XV и первой половины XVI века в иных из рукописей обращают на себя внимание спорадически (то реже, то чаще) встречающиеся, необычные для прочно установившегося пошиба письма начертания отдельных букв, выделяющиеся своей округлостью черт среди угловатых остальных и напоминающие в общем по структуре греческое минускульное письмо».[32] Отметив «наклонность к „греческому“ начертанию буквы „п“»,[33] М. Н. Сперанский привел примеры по рукописям XVI в. в специальной таблице (рис. 2). Из этой таблицы мы воспроизводим здесь случаи написания буквы «п» как ϖ (№№ 1, 2, 3, 4).

Предлагаемое нами чтение является возможным, но не исключающим и другое объяснение: «о смерти» могло быть исправлено на «от смерти» [34]

---

[32] М. Н. Сперанский. «Греческое» и «лигатурное» письмо в русских рукописях XV—XVI веков. — Slavia, 1932, roč. IV, s. 1, стр. 58—65.

[33] Там же, стр. 63.

[34] На то, что здесь можно читать «по смерти» или «от смерти», впервые указал М. С. Грушевский (см.: М. С. Грушевський. Нововидані памʼятки давнього письменства руського («Слово о погибели Рускыя земли»). — Записки наукового товариства им. Шевченка, т. V, Кіев, 1895, кн. I, стр. 3. Однако никаких аргументов в пользу чтения «от смерти» М. С. Грушевский не привел. Мы не разбираем здесь чтение заглавия Н. И. Серебрянским, который предлагал считать надписанное над омегой «о» началом имени князя Олександра, а все заглавие читать как «Слово о погибели Рускыя земли по смерти Олександра великого князя, сына Ярослава» [Н. И. Серебрянский. 1) Заметки и тексты из псковских памятников. — Труды Псковского церковного исто-

или «ото смерти». Однако при таком объяснении мы сталкиваемся с целым рядом трудностей: во-первых, в рукописях мы не находим подобных исправлений; во-вторых, исправленная в рукописи омега не может быть лигатурой ѿ, потому что перекладина в тексте заглавия очень низко опущена на омегу; в-третьих, непонятным остается «о», добавленное над исправленной омегой: почему писец вместо «от смерти» написал «ото смерти»?

Упомянутый в заглавии великий князь Ярослав не тождествен Ярославу Всеволодичу. В «Слове» говорится о болезни «в ты дни» «от великаго Ярослава и до ныняшняго Ярослава», т. е. от Ярослава Мудрого до Ярослава Всеволодича. Значит под «великим Ярославом», встречающимся в тексте дважды, в заглавии и в заключительной фразе фрагмента, имеется в виду Ярослав Мудрый. А Ярослав Всеволодич назван, в отличие от «великаго Ярослава» «ныняшним Ярославом». В результате прочтения заглавия как «Слово о погибели Рускыя земли по смерти великого князя Ярослава» мы можем считать, что «погибель Рускыя земли» и «болезнь крестияном» происходят от времени «по смерти великого князя Ярослава» и «от великого Ярослава». Значит ли это, что «погибель Рускыя земли» и «болезнь крестияном» употреблены автором «Слова» как синонимичные, равные по значению понятия? Как объяснить понятия «погибель Рускыя земли» и «болезнь крестияном»? Выражение «болезнь крестияном» не вызывало у исследователей спора: под «болезнью» все исследователи, начиная от Х. М. Лопарева,[35] понимали княжеские междоусобия, начавшиеся еще «в ты дни», т. е. во времена расцвета Руси «от великаго Ярослава [т. е. от Ярослава Мудрого (1022—1054)] и до Володимера [т. е. до Владимира Мономаха (1113—1125)] и до ныняшняго Ярослава и до брата его Юрья, князя Володимерьскаго» (1212—1216, 1219—1238).

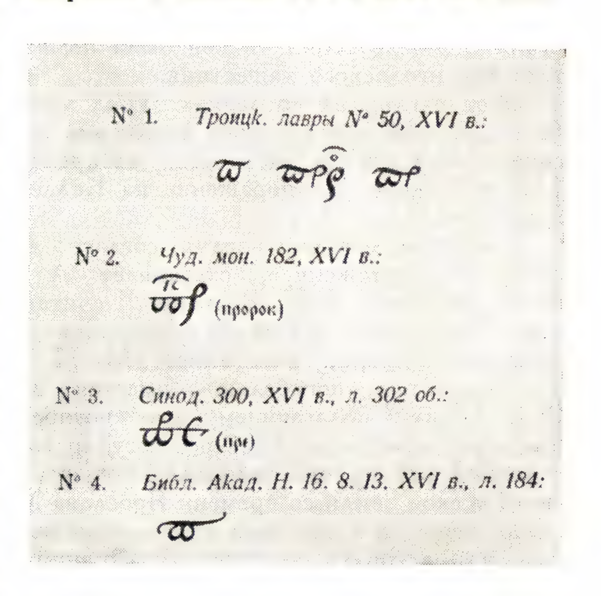

Рис. 2. Примеры написания буквы «п» как ѿ в древнерусских рукописях XVI в. (Из таблицы М. Н. Сперанского).

Как свидетельствует И. И. Срезневский,[36] слово «болезнь» имело в древнерусском языке следующие значения: «болезнь», «недуг», «труд». Кроме этих значений, слово «болезнь» в древнерусском языке имело еще значение «беда», «несчастье».[37] Целый ряд исследователей ограничивался

рико-археологического комитета. Псковская старина, т. I. Псков, 1910, стр. 176—202; 2) Древнерусские княжеские жития. М., 1915, стр. 168—169].

[35] Х. М. Лопарев. «Слово о погибели Рускыя земли». Вновь найденный памятник литературы XIII века, стр. 16.

[36] Срезневский, Материалы, т. I, стлб. 149.

[37] См. Картотеку древнерусского словаря в Институте языкознания АН СССР (Москва), ящик 30. В Комиссионном списке Н1Л младшего извода мы читаем:

приблизительным толкованием слова «болезнь», как болезненного состояния Русской земли, или, иначе говоря, как междоусобий князей, дробления уделов, ослабления центральной власти и т. п. В таком же значении понятие «болезнь» встречается в Изборнике Святослава 1076 г.: «опечаливьшу уму тя болезнь убо есть еже враждовати и не мир имети».[38] Мы считаем, что в «Слове о погибели» под «болезнью крестияном» имеются в виду княжеские междоусобия, начавшиеся от Ярослава Мудрого и продолжавшиеся до Юрия и Ярослава Всеволодичей.

Х. М. Лопарев[39] и, вслед за ним, А. В. Соловьев[40] считали, что автор «Слова» хотел выразить в своем произведении мысль, что последствиями междоусобий князей была погибель Русской земли в результате татаро-монгольского нашествия.

Этот взгляд на «болезнь» (ряд междоусобных войн) и «погибель» (в результате однократного нашествия врагов) господствует в науке: погибель объясняется либо как татаро-монгольское нашествие (1237—1240 гг.), либо как поражение на Калке в 1223 г.,[41] либо как немецкое нашествие.[42]

В настоящее время взгляд, согласно которому «погибель» это «разрушение», «уничтожение», отстаивает А. В. Соловьев. Он возражает М. В. Горлину[43] и М. Вольтнер,[44] считающим что «погибель» в «Слове» имеет смягченное значение: «dévastation», «degât», «Zerstörung» (т. е. опустошение, ущерб, разорение); М. Н. Тихомирову,[45] писавшему, что в «Слове» под «погибелью» имеется в виду поражение на Калке; В. Филиппу,[46] полагающему, что «погибель» — это «Niedergang», т. е. постепенное ослабление Русского государства. В. Филипп понимает под «погибелью» все то, что подорвало могущество и положило конец процветанию Русской земли со времени Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха: «Если вспомнить обычные объяснения погибели Русской земли в литературе и в летописи, — пишет В. Филипп, — то прежде всего необходимо подумать о распрях князей и нашествиях степных народов».[47] Но В. Филипп не подкрепляет вывод цитатами из летописи и из других памятников.

А. В. Соловьев, указывая на недоказанность точки зрения В. Филиппа, считает свое толкование «погибели» как «конечного разорения», «уничтожения» единственно возможным. А. В. Соловьев приводит из словаря В. Даля[48] несколько значений современного слова «погибель»: «по-

---

«В лето 6922 бе болезнь кристианом тяжка: месяца августа, в 3, погоре Неревьскый конец Святого Володимера и до Гзени, а церквии каменных огоре 8, а древяных 5» (см.: А. Н. Насонов. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 405).

[38] См. Картотеку древнерусского словаря, ящик 30.

[39] Х. М. Лопарев. «Слово о погибели Рускыя земли». Вновь найденный памятник литературы XIII века, стр. 16.

[40] А. В. Соловьев. Заметки к «Слову о погибели Рускыя земли», стр. 94.

[41] М. Н. Тихомиров. Где и когда было написано «Слово о погибели Русской земли»? стр. 235—244.

[42] М. Н. Тихомиров. Борьба русского народа с немецкой агрессией. — Знамя. М., 1939, № 3.

[43] M. Gorlin. Le Dit de la ruine de la terre Russe et de la mort du grand-prince Jaroslav.

[44] M. Woltner. Die altrussische Literatur im Spiegelbild der Forschung, Teil 2. — Zeitschrift für slavische Philologie. Heidelberg, 1952, Bd. XXI, H. 2, стр. 365.

[45] М. Н. Тихомиров. Где и когда было написано «Слово о погибели Русской земли»? стр. 241—243.

[46] W. Philipp. Über das Verhältnis des «Slovo o pogibeli Russkoj zemli» zum «Žitie Aleksandra Nevskogo», стр. 35.

[47] Там же.

[48] В. Даль. Толковый словарь, т. III. М., 1939, стр. 391. — Добавим, что в «Материалах» И. И. Срезневского указаны еще следующие значения понятия «погибель»:

гибель, гибель, пропажа, истребление, уничтожение, смерть, крайняя опасность, беда, напасть или пагуба».

В результате А. В. Соловьев приходит к заключению, что «погибель», т. е. конечное разорение Русской земли, могла наступить только в результате татаро-монгольского нашествия 1237—1240 гг. Эту же точку зрения разделяет Н. К. Гудзий: «О погибели Русской земли северянину естественнее всего было говорить после тех потрясающих татарских опустошений, которые начались с 1237 года — со времени страшного разорения Рязани, Пронска, Москвы, Суздаля, Переяславля, Владимира и других северных городов».[49]

Известно, что в «Слове о погибели» Русская земля изображается широко, как территория, подвластная русскому народу «от угор» «до мордви».[50] Однако, по мнению Н. К. Гудзия, под «погибелью Рускыя земли» имеется в виду разорение Владимиро-Суздальского княжества, а не всей Русской земли. Не противоречит ли такое объяснение «погибели Рускыя земли» широкому изображению Русской земли в «Слове»? Пытаясь устранить это противоречие, А. В. Соловьев[51] дает двойную датировку «Слова»: 1238 г. или 1240 г., т. е. после разгрома южной Руси татарами. Однако объяснение А. В. Соловьева только усложняет вопрос: какую же из двух предложенных датировок следует считать наиболее вероятной? В этой связи нам представляется интересным объяснение, предложенное А. Н. Насоновым.[52] Он полагает, что под «погибелью Рускыя земли» автор «Слова» имеет в виду крушение политической власти владимирского князя в результате татаро-монгольского нашествия. Во Владимире в первые десятилетия XIII в. возникла идея сильной великокняжеской власти.[53] К этой идее обращается и автор «Слова о погибели», вспоминая Владимира Мономаха, Юрия Долгорукого, Всеволода Большое Гнездо. Уничтожение политической власти владимирского князя означало крушение надежд на объединение всей Русской земли под властью владимирского князя. В представлении автора «Слова о погибели» крушение идеи общерусской власти было итогом процесса постепенного ослабления центральной власти, начавшегося после смерти Ярослава Мудрого. Мы полагаем, что взгляды на погибель как на процесс ослабления Русского государства (В. Филипп) и как на татаро-монгольское нашествие (А. В. Соловьев) не противоречат один другому. Материалы из древнерусских памятников «Повести временных лет», Галицко-Волынской летописи, «Слова о полку Игореве» показывают, что тема погибели появилась в литературе во второй половине XI в. (после смерти Ярослава Мудрого) и всегда трактовалась в связи с княжескими междоусобиями и вражескими

«разорение», «опустошение», а также значение в противопоставлении «дьявольской погибели» «христианскому спасению» (см.: Срезневский, Материалы, т. II, в. II, стлб. 1027).

[49] Н. К. Гудзий. О «Слове о погибели Рускыя земли», стр. 541.

[50] Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. М.—Л., 1945, стр. 67.

[51] А. В. Соловьев. Заметки к «Слову о погибели Рускыя земли», стр. 102.

[52] А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М.—Л., 1940, стр. 48—49.

[53] Идея сильной великокняжеской власти отразилась во владимирском летописании (своды 1212 и 1228 гг.), в «Молении Даниила Заточника» [см.: История русской литературы, т. II, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 33—45; Д. С. Лихачев. 1) Изображение людей в летописи XII—XIII веков. — ТОДРЛ, т. X, М.—Л., 1954, стр. 32; 2) Литература второй четверти XII—первой четверти XIII века. Рост местных литературных центров. Критическое отношение прогрессивной литературы к феодальному дроблению страны и отражение идеи единства Руси. — В кн.: История русской литературы, т. I. (Литература X—XVIII веков). Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 99—103; 3) Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 59—60].

нашествиями. «Грозная тема гибели, — замечал С. А. Бугославский, — услышана была прежде всего русскими летописцами».[54] В завещании Ярослава Мудрого (под 1054 г.) говорится: «Се аз отхожю света сего, сынове мои, имеите в собе любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере. Да еще будете в любви межю собою, бог будеть в вас, и покоривыть вы противныя под вы и будете мирно живуще. Аще ли будете ненавидно живуще, в распрях и котоpающеся, то погыбнете сами, и погубите землю отец своих и дед своих, иже налезоша трудом своим великым; но пребывайте мирно, послушающе брат брата. . .».[55]

Это завещание Ярослава до известной степени может служить ключом к пониманию основной идеи «Слова о погибели»: погибели Русской земли после смерти князя Ярослава Мудрого. После смерти этого князя окончился относительный мир в Русской земле, начались усобицы между сыновьями и внуками Ярослава. Тема «погибели» не сходит со страниц летописи. Настойчиво проводится мысль, что нельзя допустить гибели Русской земли, что «нужно блюсти»,[56] «постеречи»,[57] «пожальтеси о Руской земли».[58] Князья должны не погубить Русскую землю, а «пострадать за землю Рускую»,[59] не проливать кровь, а щадить «хрестьяньский род».[60] «Почто вы распря имате межи собой, — обращаются «мужи смысленш» к Владимиру Мономаху и Святополку, — а погании губять землю Русьскую; последи ся уладита, а ноне поидита противу поганым, любо с миром, любо ратью».[61] Дружина Владимира Мономаха, оправдывая убийство Итларевой чади, обвиняет половцев в том, что «они всегда к тобе ходяче роте, губять землю Русьскую и кровь хрестьянску проливають бесперестани».[62] Обращаясь к Олегу с просьбой выдать Итларевича, Владимир Мономах говорит: «се ты не шел еси с нама на поганыя, иже погубили суть землю Русьскую».[63] «Не погубить землю Рускую!» — с этим призывом неоднократно обращается Владимир Мономах к князьям. Особенно характерна речь Владимира Мономаха на Любечском съезде: «почто губим Русьскую землю, сами на ся котору деюще? А Половци землю нашю несуть розно, и ради суть, оже межю нами рати: да ноне отселе имемъся в едино сердце и блюдем Рускыя земли». Единственное спасение от погибели, по мнению Владимира Мономаха, — это прекращение междоусобных войн и объединение всех князей Руси в походе против поганых.

Дела таких князей, как Владимир Мономах, Мстислав Владимирович, Всеволод Большое Гнездо, Роман Волынский и Даниил Галицкий, были для летописца идеалами княжеского печалования о земле. В них он видел спасение Русской земли от погибели. В «Похвале Роману»,[64] начинаю-

[54] С. А. Бугославский. Русская земля в литературе Киевской Руси XI—XIII вв. — Ученые записки МГУ, в. 118. Труды Кафедры русской литературы, кн. 2, М., 1946, стр. 22.

[55] Под 1054 г.: ПСРЛ, т. I, изд. 2-е. Л., 1926, стлб. 161.

[56] Под 1148 г.: «Русской земли блюсти и быти всим за один брат» (Летопись по Ипатскому списку. Изд. Археографической комиссии, СПб., 1871, стр. 257).

[57] Там же, стр. 258.

[58] Под 1170 г.: там же, стр. 368.

[59] Там же, стр. 257.

[60] Ростиславичи уступили Киев князю Святославу Ольговичу, «не хотяче губити Руской земли и крестьяньской крови проливати» (под 1177 г.: там же, стр. 410).

[61] Под 1093 г.: ПСРЛ, т. I, стлб. 219.

[62] Под 1095 г.: ПСРЛ, т. I, стлб. 227.

[63] ПСРЛ, т. I, стлб. 228.

[64] Под 1201 г.: Летопись по Ипатскому списку, стр. 479—480. Сравнение «Слова о погибели» с «Похвалой Роману» см.: Д. С. Лихачев. 1) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 258—259; 2) Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, стр. 201—203; 3) Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, стр. 47.

щейся словами «по смерти же великаго князя Романа...», рассказывается о могуществе Романа и деда его Мономаха. Легенды о Мономахе вставлены в рассказ о том, как после смерти Романа «велику мятежю возставшю в земле Руской».[65] В «Похвале Роману» содержится противопоставление времен господства князей Владимира Мономаха и его внука Романа временам, о которых говорится в начале жизнеописания Даниила, — временам бесконечной борьбы князей и бояр между собой за княжеские столы и богатые вотчины. В «Слове о полку Игореве» автор осуждает междоусобия, приведшие Русскую землю к «невеселым годам». Удачи князей против поганых кончились, как бы объясняет автор «Слова», как только князья стали враждовать из-за волостей, и поганые сами стали совершать победоносные походы на Русскую землю.

Если в «Повести временных лет», «Похвале Роману», «Слове о полку Игореве» тема погибели трактуется как предупреждение князьям в связи с междоусобиями и нападениями врагов, то в «Слове о погибели Рускыя земли» рассказывается о самой погибели. Однако в сохранившейся части текста произведения ничего не говорится о погибели от татар. Н. К. Гудзий, возражая М. Н. Тихомирову, замечает, что отсутствие татар в «Слове» не является доказательством того, что в «Слове» о татарах не говорилось: оно дошло до нас в неполном виде и утраченная часть должна была содержать описание Батыева нашествия. В результате рассмотрения понятий «болезнь крестияном» и «погибель Рускыя земли» следует признать, что взгляд А. В. Соловьева и Н. К. Гудзия по вопросу о датировке «Слова» более вероятный, чем взгляд М. Н. Тихомирова и В. Филиппа. О «погибели Рускыя земли» естественнее было говорить после татаро-монгольского нашествия, чем после битвы на Калке 1223 г., которая не произвела тогда впечатления «погибели Рускыя земли».

Отстаивая свою точку зрения, М. Н. Тихомиров и В. Филипп приводят в доказательство заключительные строки «Слова» и перечисление народов. Рассмотрим, что дают для датировки «Слова» упоминания «нынящняго Ярослава» и «брата его Юрья, князя володимерьскаго» и перечисление народов.

И. И. Срезневский[66] привел следующие значения слова «нынешний»: «настоящий», «теперешний». Возможно, что выражение «от великаго Ярослава и до нынящняго Ярослава» распространено в литературе того времени,

---

[65] Этот отрывок вставлен в текст летописи сводчиком летописного свода 1266 г. около 1269 г. (см.: А. І. Генсьорський. Галицько-Волинськии літопис. (Процесс складання, редакції і редактори). Київ, 1958, стр. 11, 76; ср. также: А. В. Соловьев. Заметки к «Слову о погибели Рускыя земли», стр. 108—109).

[66] Срезневский, Материалы, т. II, в. 1, стлб. 452—453, 481—482. — Х. М. Лопарев считал, что слово «нынящний» означает «здравствующий», «живой», и первый привел в качестве параллели выражение из «Слова о полку Игореве»: «от старого Владимира и до нынешняго Игоря». М. С. Грушевский и Н. И. Серебрянский считали, что здесь имеет место литературный прием противопоставления в подражение подобному же приему в «Слове о полку Игореве» и слову «нынящний» не нужно придавать такого значения, какое ему придавал Х. М. Лопарев (см.: М. С. Грушевьский. Нововидані пам'ятки..., стр. 3; Н. И. Серебрянский. Заметки и тексты из псковских памятников, стр. 190—191). А. И. Соболевский в одной из своих работ утверждал, что слово «нынящний» означает вообще «современный», а не «здравствующий» (ЖМНП, 1906, июнь, стр. 436), но затем изменил свое мнение, полагая, что Ярослав назван «нынящним», т. е. современником, живым (А. И. Соболевский. К «Слову о полку Игореве», стр. 176). Н. К. Гудзий и В. В. Данилов соглашаются с утверждением Х. М. Лопарева и последним высказыванием А. И. Соболевского, но отрицают здесь заимствование из «Слова о полку Игореве» (Н. К. Гудзий. О «Слове о погибели Рускыя земли», стр. 534; В. В. Данилов. «Слово о погибели Рускыя земли» как произведение художественное. Доклад в Секторе древнерусской литературы ИРЛИ 20/XI 1957).

например в Троицкой летописи: «И аще хощеши распытовати, разгни книгу, Летописец великий русьский, и прочти от великаго Ярослава и до сего князя нынешняго».[67] Большинство исследователей считает, что «Слово о погибели» написано при жизни князя Ярослава Всеволодича, до 30 сентября 1246 г.[68] Этот факт надо полагать прочно установленным. Однако относительно верхней границы даты мнения исследователей расходятся. Х. М. Лопарев и Н. К. Гудзий считают, что «Слово о погибели» написано при жизни Юрия Всеволодича, до 4 марта 1238 г., но после взятия Владимира 7 февраля 1238 г. М. Н. Тихомиров и В. Филипп также утверждают, что «Слово» написано при жизни Юрия. А. В. Соловьев и И. П. Еремин считают, что «Слово о погибели» написано после смерти Юрия. Все эти исследователи для доказательства своих положений поразному объясняют заключительные строки «Слова». Х. М. Лопарев и Н. К. Гудзий, М. Н. Тихомиров и В. Филипп толкуют их следующим образом: так как Юрий назван с титулом владимирского князя, а Ярослав только «ныняшним», значит Ярослав еще не был владимирским князем и Юрий еще был жив. А. В. Соловьев и И. П. Еремин так объясняют заключительные строки: так как Ярослав назван «ныняшним» и раньше Юрия, а Юрий «ныняшним» не назван, значит Юрия уже не было в живых. У нас не имеется достаточно данных для того, чтобы решить окончательно, кто из исследователей прав. Можно лишь предполагать, что объяснение А. В. Соловьева и И. П. Еремина наиболее вероятное. «Ныняшний Ярослав», упомянутый после великих князей Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха, возможно, уже был великим князем. Можно думать, что название Юрия «братом его» и «князем володимерьским» свидетельствует о том, что Юрия уже не было в живых: также с титулом «князя кыевъского» автор «Слова о погибели» упоминает давно умершего князя Юрия Долгорукого. Возможно, в недошедшей части произведения рассказывалось о событиях, происшедших тогда, когда Ярослав только что стал великим князем, а Юрий незадолго перед тем погиб в битве на Сите. Поэтому оба князя названы один подле другого.

Итак, мы предполагаем, что «Слово о погибели» было написано между 4 марта 1238 г. и 30 сентября 1246 г.

М. Н. Тихомиров[69] и В. Филипп[70] полагают, что перечисление народов отражает политическую обстановку 20—30-х годов XIII в. В «Слове о погибели» не случайно упомянуты болгары, буртасы, черемиса, мордва, корела, литва и немцы. С болгарами[71] и с мордвой[72] вел успешные войны

---

[67] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. V. СПб., 1843, примечания к V тому, 148, Ср.: М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 439 (под 1392 г.: по поводу непослушания новгородцев великим князьям). Как предполагал М. Д. Приселков, упоминаемый здесь «Летописец великий русьский» — это московский великокняжеский свод 1389 г. (М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 122). Значит, составитель свода 1408 г. Троицкой летописи, предлагая прочитать о событиях «от великого Ярослава и до сего князя нынешняго», имел в виду под «нынешним князем» современного ему князя Василия Дмитриевича (1389—1425).

[68] См. стр. 150 настоящей работы.

[69] М. Н. Тихомиров. Где и когда было написано «Слово о погибели Рускыя земли»? стр. 236 и сл.

[70] W. Philipp. Über das Verhältnis des «Slovo o pogibeli Russkoj zemli» zum «Žitie Aleksandra Nevskogo», стр. 36.

[71] Под 1220—1221 гг.: ПСРЛ, т. I, стлб. 444—445; ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, стр. 126—128; см.: А. М. Меморский. Основатель Нижнего Новгорода великий князь Георгий (Юрий) II Всеволодович (1189—1889 гг.). Исторический очерк. Нижний Новгород, 1889.

[72] Под 1226—1228, 1232 гг.: ПСРЛ, т. I, стлб. 448—450, 459.

в 20—30-е годы XIII в. князь Юрий Всеволодич. С литвой [73] и немцами [74] вел длительные войны князь Ярослав Всеволодич. В 1227 г. он покорил корелу, «послав крести множество Корел, мало не все люди».[75]

В «Слове о погибели» говорится: «до Устьюга, где тамо бяху тоимицы погании», т. е. в районе Устюга должны были обитать «тоимицы», языческое племя. Почему автора «Слова» так заинтересовали Устюг и это маленькое финское племя, жившее по восточным притокам Северной Двины — верхней и нижней Тойме? Устюг впервые упоминается в летописи под 1219 г., когда болгары временно захватили его.[76] Устюжский полк уже участвует в походе брата Юрия князя Святослава на камских булгар в 1220 г.[77] Устюг становится форпостом владимиро-суздальских князей в их продвижении на север. На реке Верхняя Тойма стоял погост Тоймокары, бывший центром сбора дани в Двинской земле в XII в. В уставе Святослава Ольговича 1137 г. Тойма упомянута в числе 26 мест, в которых уже утвердились новгородцы.[78] В 1220 г. Юрий и Ярослав не пустили на Тойму новгородских сборщиков дани через свои белозерские владения: «Поиде тоя зимы Сьмьюн Емин в 4-стех на Тоймокары, и не пусти их Гюрги, ни Ярослав, сквозе свою землю, и придоша Новугороду в людьях, и ста по полю шатры на зло и замыслиша: Твьрдислав и Якун тысячскый заслаша к Гюргю, не пустити их туда».[79]

Тойма и Устюг привлекли внимание автора «Слова о погибели», по-видимому, потому, что он вспоминал в своем произведении наиболее яркие моменты, связанные с политикой владимиро-суздальских князей Юрия и Ярослава Всеволодичей.

Таким образом, перечисление народов в «Слове» не может быть использовано для точной датировки произведения. Вспоминать о политике владимиро-суздальских князей Юрия и Ярослава можно было бы и после татаро-монгольского нашествия.

Где было написано «Слово о погибели Рускыя земли»? В. С. Иконников,[80] М. Н. Тихомиров [81] и В. Филипп [82] считают, что «Слово» написано в Новгороде. Как указывает В. Филипп, в пользу новгородского происхождения «Слова» свидетельствует перечисление северных и северо-восточных народов и упоминание «дышючего моря» (Северного Ледовитого океана). Однако все эти факты могут свидетельствовать также и в пользу

---

[73] Под 1223 г.: ПСРЛ, т. III. СПб., 1841, стр. 39; под 1225 г.: ПСРЛ, т. I, стлб. 447—448; под 1234 г.: ПСРЛ, т. I. СПб., 1846, стр. 221; под 1239 г.: ПСРЛ, т. I, стлб. 449.

[74] Под 1223 г.: ПСРЛ, т. I, 1846, стр. 216; под 1233—1234 гг.: ПСРЛ, т. III, стр. 49; под 1242 г.: ПСРЛ, т. I, стлб. 470.

[75] Под 1227 г.: ПСРЛ, т. I, стлб. 449.

[76] ПСРЛ, т. I, 1846, стр. 215. Около 1207 г. Устюг уже существовал и был дан в вотчину ростовскому князю Константину (см.: А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1946, стр. 108—112 и сл.; Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. III. СПб., 1842, стлб. 106 и примечания к III тому, 186).

[77] ПСРЛ, т. VII, стр. 127.

[78] М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, вып. I. СПб., 1899, стр. 255; ср.: А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства, стр. 109—110.

[79] ПСРЛ, т. III, стр. 37.

[80] В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 1. Киев, 1908, стр. 985—986.

[81] М. Н. Тихомиров. 1) Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII—XV вв. М., 1942, стр. 60; 2) Где и когда написано «Слово о погибели Рускыя земли»? стр. 243 и сл.

[82] W. Philipp. Über das Verhältnis des «Slovo o pogibeli Russkoj zemli» zum «Žitie Aleksandra Nevskogo», стр. 36.

северо-восточного происхождения «Слова». Заметим, что в «Слове» ничего не говорится о новгородских владениях на севере: Печоре, Югре, Тре, Заволочье, обычно упоминаемых в договорных грамотах Новгорода с князьями.[83] Против новгородского происхождения «Слова» свидетельствует и начало перечисления народов: «Отселе до угор». Этим «отселе» не мог быть ни Новгород, ни Владимир, ни Переяславль, отстоявшие далеко от границ с Венгрией.[84]

По-видимому, исходной точкой перечисления была южная Русь. К утверждению южного происхождения «Слова» склонялись Ю. В. Готье,[85] С. Н. Введенский[86] и в настоящее время А. В. Соловьев.[87] «Слово», по их мнению, написано в Киеве. В. В. Данилов[88] полагает, что «Слово» написано на Севере-Востоке Руси, но южнорусом по происхождению, сохранившим южные отзвуки легенд о Владимире Мономахе. Последнее предположение представляется нам наиболее вероятным. В «Слове» отражены события, происшедшие во Владимирском княжестве, о северо-восточных князьях Мономашичах рассказывает автор произведения. Большинство исследователей склонялось к мысли, что «Слово» было написано книжником Ярославова двора в Переяславле-Залесском (Х. М. Лопарев, М. С. Грушевский, Н. К. Гудзий и др.). Возможно, что «Слово» было написано в одном из городов Северо-Востока Руси — в Переяславле, Суздале или Владимире. Но южные отзвуки легенды о Владимире Мономахе, следы влияния «Повести об Индии богатой»,[89] начало перечисления «отселе до угор» — все это говорит в пользу того, что автором «Слова» был выходец с южной Руси.

Итак, в результате изучения: 1) заглавия памятника, 2) выражений «погибель» и «болезнь», 3) заключительных фраз «от великаго Ярослава...», 4) перечисления народов и сопоставления «Слова о погибели» с другими произведениями древнерусской литературы — мы можем предполагать, что «Слово о погибели Рускыя земли по смерти великого князя Ярослава» было написано после 1238 г. (после 4 марта), но до 1246 г. (до 30 сентября) в Северо-Восточной Руси, южнорусом по происхождению. Тема «Слова» — погибель Русской земли в результате татаро-монгольского нашествия на Северо-Восточную Русь, явившаяся следствием постепенного ослабления Русского государства после смерти Ярослава Мудрого.

---

[83] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Подготовили к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, А. И. Копанев и др. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949.

[84] На это указывает А. В. Соловьев. (Заметки к «Слову о погибели Рускыя земли», стр. 80).

[85] Ю. В. Готье и М. В. Довнар-Запольский. Колонизация славянами восточноевропейской равнины до половины XIII века. — В сб.: Русская история в очерках и статьях. Под ред. М. В. Довнар-Запольского. Т. I. М., 1909, стр. 88—89.

[86] См.: Н. Полонская. IV Областной археологический съезд в г. Костроме. — ИОРЯС, т. XVI. СПб., 1911, кн. 1, стр. 124.

[87] А. В. Соловьев. Заметки к «Слову о погибели Рускыя земли», стр. 102.

[88] См. выше, стр. 142.

[89] Ю. К. Бегунов. Возможный источник одного из мотивов «Слова о погибели Рускыя земли». — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 143—146.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

Г. С. РАДОЙИЧИЧ

Пандехово сказание 1259 г.

(О Византии, татарах, куманах, русских, венграх, сербах, болгарах) *

Известный сербский историк П. С. Сречкович (1834—1903), главный представитель традиционалистической школы в сербской историографии, нашел в 1875 г. в одной из деревень под Скадром в Албании пергаментный сборник сербской редакции. Последний владелец этой рукописи рассказал ему, что рукопись сохранялась в семье священника на протяжении семнадцати поколений. Все они были священники. Сыновья наследовали от отцов вместе с духовным саном и эту рукописную книгу.[1] Рукопись Сречкович сохранял у себя вплоть до 1902 г. В этот год он ее продал Министерству просвещения Сербии за 4200 динаров. По тем временам это была весьма значительная сумма. Рукопись была передана Народной библиотеке в Белграде, в которой получила номер 632. Сречкович при этом подарил библиотеке еще шесть старых сербских рукописей.[2] Во время первой мировой войны рукопись вместе с остальными драгоценностями была эвакуирована из Белграда. Пропала рукопись в 1915 г., когда Сербия была порабощена и оккупирована. До сих пор она нигде не обнаружена, как это случилось с потерянной в то же время Призренской рукописью «Законника Стефана Душана».[3] Может быть, она погибла.

На оборотной стороне л. 45 в рукописи оканчивается статья под названием «Заповедь о служьбе»,[4] а затем тем же почерком, которым написана вся рукопись, написано следующее: «Писа многогрешны рабь б[о]жи прозвитерь Василие а зовом попь Драголь».[5] П. С. Сречкович считал его «главным представителем и учителем» богомилов, учение которых широко «распространилось во время Самуила по Македонии». Рукопись, по его мнению, была богомильской книгой, представлявшей собой «сборник апокрифов», и содержала богомильское «изложение евангельской науки» Ва-

* Перевод с сербского В. К. Петухова. (*Ред.*).

[1] П. С. Срећковић. Најстарији књижевни споменик после Кирила и Методија. — Браство, IX—X, 1902, стр. 33.

[2] Ст. Станојевић. Историја српског народа у средњем веку, извори и историографија, књ. 1. Београд, 1937, стр. 15.

[3] Ђ. Радојичић. Призренски рукопис Законика и призренска повеља цара Стефана. — Историски гласник. Београд, 1949, бр. 3, стр. 53—58.

[4] Ее издал В. В. Качановский (Starine Jugoslavenske akademije. Zagreb, XII, 1880, стр. 251—252).

[5] Там же, стр. 232, 252. — Издал то и П. С. Сречкович (П. С. Срећковић. 1) Споменик Српске академије, V. Београд, 1890, стр. 5; 2) Браство, IX—X, стр. 33). Запись также издали: Љ. Стојановић. Стари српски записи и натписи, II, 1903, стр. 403; Е. Ф. Карский. Славянская **кирилловская палеография. Л.**, 1928, стр. 290. «Прозвитер» вместо «презвутерь» встречается в старославянских текстах (V. Jagić. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache, 1913, стр. 300).

силием по прозванию Драголя. После имени Василия Сречкович делает сноску, из которой следует, что византийский историк Анна Комнин в Алексиаде [описание жизни своего отца Алексея Комнина (1081—1118)] «пишет против богомилов и приводит некого монаха Василия, имевшего 12 апостолов». Очевидно, Сречкович считает одним лицом Василия, о котором пишет Анна Комнин,[6] и Василия Драголя.[7] За это И. Руварац, главный представитель критической сербской историографии, которая вела ожесточенную борьбу с традиционалистической школой, резко критиковал П. С. Сречковича. И. Руварац абсолютно правильно указывал, что рукопись содержит ясную антибогомильскую тенденцию и что Василий Драголь не богомил, а, напротив, «ревностный поборник православия».[8] В рукописи имеется и переработка беседы Козьмы, направленной против богомилов. Ее издал В. В. Качановский.[9] Но и после критики Руварца Сречкович писал, что в рукописи «находится все богомильское учение», добавляя к этому: «и все, что писал пресвитер Козьма о богомилах, в действительности извращенное учение богомилов».[10] Сречкович просто был не в состоянии хорошо видеть и правильно понимать действительные факты.

Рукопись описывали М. Соколов,[11] П. С. Сречкович[12] и Л. Стоянович.[13]

В сборнике отсутствуют начало, конец и несколько листов из середины. И. В. Ягич подчеркивает «очень плохое состояние рукописи в нынешнем ее виде... она сильно почернела от копоти и от пыли засалилась настолько, что первых листов совсем нельзя прочесть, да и прочие нередко представляют трудно читаемые места (отдельные слова и целые строки)».[14] М. Соколов относит рукопись к концу XIII или началу XIV в.,[15] а Л. Стоянович — к XIII в.[16] В. И. Ягич, которому Сречкович посылал рукопись в Вену, высказался за начало XIV в.[17]

Принимая во внимание орфографические черты рукописи, А. Белич полагал, что «Сречкович был ближе к истине, нежели Соколов», а это значит XIII в.[18] Е. Ф. Карский относит рукопись к XIV в.; он поместил

---

[6] Anne Comnène. Alexiade ed. B. Leib, III, 1945, стр. 218—228; ср.: Fr. Rački. Borba Južnih Slovena za državnu neodvisnost, Bagomili i patareni. 2-е изд. 1931, стр. 365—369.

[7] П. С. Срећковић. Историја српскога народа, I. Београд, 1884, стр. 455.

[8] Разбор книги П. С. Сречковича «Историја српскога народа», перепечатан в «Сборнике И. Руварца» (I, 1934, стр. 98—99).

[9] Starine Jugoslavenske akademije, XII, стр. 239—251. — Об этой обработке см.: A. Solovjev. Svedočanstva pravoslavnih izvora o bogomilstvu na Balkanu. — Godišnjak Istoriskog društva Bosne i Hercegovine, V. Saraievo, 1953, стр. 24—29. — А. Соловьев считает, что переработка могла быть сделана во второй половине XII в., во времена преследования Неманей богомилов.

[10] Браство, IX—X, стр. 33.

[11] Материалы и заметки по старинной славянской литературе, I. М., 1888. — Книги у меня этой нет. Рецензия о ней И. В. Ягича (1892 г.).

[12] Зборник попа Драгоља. — Споменик Српске академије, V, стр. 5—9.

[13] Каталог Народне библиотеке у Београду, IV. Београд, 1903, стр. 290—294.

[14] Рецензия на книгу М. Соколова, стр. 3—4.

[15] Датировку М. Соколова приводит М. Г. Попруженко (Козма пресвитеръ. — Български старини, XII. София, 1936, стр. XXV). П. С. Срећкович (Братство, IX—X, стр. 33) приводит цитату из Соколова, по мнению которого рукопись относится к первой половине XIV в. О датировке рукописи Соколов писал в 1902 г., вновь относя ее к концу XIII или началу XIV в. (А. Белић. Светосавски зборник, I. Београд, 1936, стр. 245).

[16] К XIII в. ее относит также и В. В. Качановский (Starine Jugoslavenske akademije, XII, стр. 252).

[17] В рецензии на книгу Соколова, стр. 5.

[18] Светосавски зборник, I, стр. 245.

небольшой снимок из этой рукописи.[19] На основании этого снимка, из-за начертания буквы «ч» (походит на теперешнюю печатную), я считаю, что рукопись относится к XIV в.[20] По мнению Ягича, рукопись «македонского происхождения, т. е. по крайней мере подлинник некоторых статей, попавших в этот сборник, переведен впервые на церковно-славянский язык где-то в Македонии».[21]

В рукописи Василия Драголя находится и «Паньдехово пророчьское сказание» (лл. 259б—260а), которое Сречкович напечатал целиком.[22] Это сочинение политического характера, но литературное по форме. Позднее, в начале XV в., подобное сочинение написал деспот Стефан Лазаревич.[23] Принимая во внимание литературную ценность Пандехова сказания, я напечатал его перевод на современный сербский литературный язык в белградском литературном журнале «Дело», в книге за январь 1958 г. (стр. 157—158). В послесловии (стр. 159—160) я писал, что произведение принадлежит македонской литературе XIV в., что оно возникло после татарского нашествия на Венгрию и южнославянские земли (1241—1242 гг.), но до возрождения Византии (1261 г.).

Теперь я хочу подробнее остановиться на составе Пандехова сказания, рассмотреть его сведения об отдельных народах и обосновать время его возникновения, которое я указал в заголовке этой статьи.

Пандех, очевидно, имя староболгарского типа. Один болгарский хан звался Винех (756—761).[24] Мы читаем в «именнике» древнеболгарских ханов: «Винех ·з҃· леть, а род ему Укиль, а леть ему имя шегоралемь».[25] Вождь македонцев, восставших против Византии (1072—1073 гг.), скопльский боярин по имени Георгий Войтех — Βοϊτάχος, Воитех — был из рода Комхана.[26]

Сказание начинается с Рима, про который говорится, что он «зрель» и «зрение его падение ему, и погибель и падение ему». Затем автор сразу же переходит к Византии, о которой пишет следующее: «Визаньдио градь есть. Приде Костадинь из Рима и прее Визаньдию, исечь и развали, и сьзда градь, и нарече име ему по своему сьзданию Константинь градь. И црьствоваше вь немь Ромене до курь Маноила цара, и потомь не црствують, доньдеже придеть число гнева летомь». «Ромени» — это византийцы. Царь Манойло — император Эммануил I Комнин (1143—1180). Так как византийцы больше не владеют Византией (Царьградом), из этого

---

[19] Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография, стр. 290, 421.

[20] Историски часопис, II. Београд, 1951, стр. 330.

[21] И. В. Ягич. Рецензия, стр. 5; ср.: Споменик Српске академије, XIII. Београд, 1892, стр. IX. — А. Соловьев считает, что Василий Драголь писал в первой половине XIII в., да и то в Рашке (Godišnjak Istoriskog društva Bosne i Hercegovine, V, стр. 26).

[22] Споменик Српске академије, V, стр. 14—15.

[23] Текст этого произведения деспота Стефана издал Даничич. (Ђ. Даничић. Starine Jugoslavenske akademije, IV. Zagreb, 1872, стр. 83—85). На современный сербский язык перевел его я: Летопис Матице српске, 377. Нови Сад, 1956, стр. 595—596.

[24] В. Н. Златарски. История на българската държава прѣзъ срѣднитѣ вѣкове, I, 1. София, 1918, стр. 205—208, 266—267, 378, 460. — П. Мутафчиев (История на българския народ, I. София, 1948, стр. 130—132) также придерживается подобной хронологии. Однако в списке болгарских правителей, который по Златарскому и Мутафчиеву составил И. Дуйчев со своими поправками и дополнениями, читаем, что Винех правил в течение 756—762 гг. (V. Grumel. La chronologie, 1958, стр. 388).

[25] По факсимиле рукописи ГПБ, изданному В. Н. Златарским (История..., стр. 381—382). В древнеболгарском двенадцатилетнем цикле каждый год был обозначен именем какого-либо животного; «шегор[во]» означал второй, а оно «алем» первый месяц (там же, стр. 353). Златарский считает, что в этом месте ошибка переписчика и что должно быть: мориналем; «морин» (конь) — седьмой год (там же, стр. 353, 366, 370, 378).

[26] В. Н. Златарски. История..., II, стр. 138.

следует, что во время написания Сказания существовало Латинское царство (1204—1261). Пандех — против латинян, и он ждет, что царство их погибнет, а это произойдет тогда, когда пройдет определенное число лет божьего гнева.

После этого в Сказании перечисляются города начиная с Иерусалима. На этом мы не будем задерживаться, так как не располагаем данными, которые дали бы возможность точно понять и объяснить текст. Обратим внимание на места, которые касаются татар, куман и русских. Там читаем: «Тар'та река есть велия. Прему граду тому, име еи наричеть се Тар'та. Темь же хальдеисци езыци наричють се Тар'тарие. Два мьча и вьторымь изидуть на землю. Дващи бо имь изити на землю гневомь.

Кумане нигдере не будуть и погибнуть.

«Руси вльчьки повиють и разидуть се, люту казань примуть, истають акы воскь оть лица ог'ну». Это, очевидно, написано после татарского нашествия на Восточную Европу, от которого пострадали русские (после 1237 г.) [27] и куманы (1239 г.).[28]

О венграх в Сказании пишется следующее: «маловременни будуть». По всей вероятности, это написано под тяжелым впечатлением татарского нашествия, опустошившего Венгрию (1241—1242 гг.).

Теперь приходит очередь сербов: рассказ о них облегчает уточнение датировки Пандехова сказания. Вот что читаем здесь: «Срьб'линь маломерии, и пакь вьзьвьни, прьво сьмирить се сь великимь царемь и потомь вьзьдвигнеть оружие на нь, и победить и яко Исусь Амалика и Гаваониты. Вьз'несеть се име его вь живущихь окрсть его».

«Великий цар» — это никейский царь. Между Никейским царством и сербами вначале были дружественные отношения, однако в 1258 г. дело дошло до войны. Сербы примкнули к союзу против Никейского царства, который сколотили эпирский деспот Михайло II, сицилианский король Манфред и ахейский князь Вильям II Вилардуэн. Сербы дошли до Прилепа и под ним разгромили царского подвоеводу Ксилеаса.[29] И эта победа над «великим царем» возвеличила имя сербов.

Сравнение с победой Иисуса (Навина) над Амаликом смотри в Библии, II, кн. Моисеева, гл. 17, 8—16, а о победе у Гаваона (в защите Гаваонита, а не над Гаваонитами, как читается в Пандеховом тексте) — книгу Иисуса Навина, гл. 10, 1—14.

Дальнейший анализ «Пандехова сказания» покажет, что мы правы, объясняя следующим образом сообщение о сербах. Сразу же после сербов Пандех переходит к болгарам, о которых пишет так: «Бугаринь младь. И двема биющима се, третие будеть прьвы. Младость же есть пременение царства».

Под «болгарином», который «молод», конечно, мыслятся болгарские цари Коломан I Асень (1241—1246) и Михайло II Асень (1246—1257), сыновья Ивана Асеня II, которые были детьми, когда взошли на престол: первому из них было 7 лет,[30] другому — 9—10 [31] или 7—8.[32] Когда Михаила II убил Коломан II, его двоюродный брат,[33] началась борьба между

---

[27] М. Н. Тихомиров и С. С. Дмитриев. История СССР, I. М., 1948, стр. 63—64.

[28] К. Јиречек. Историја Срба, I. Београд, 1952, стр. 175.

[29] Там же, стр. 180, 181.

[30] В. Н. Златарски. История..., III, стр. 420; П. Мутафчиев. История..., II, стр. 98.

[31] В. Н. Златарски. История..., III, стр. 429.

[32] П. Мутафчиев. История..., II, стр. 99.

[33] По Акрополиту, его убил двоюродный брат по имени Калиман. В. Н. Златарский исправляет на Калоян (В. Н. Златарски. История..., III, стр. 468) По его

ним и Мицой, зятем Ивана Асеня II. «Покаместь двое б'ются, третий будет первый», — пишет Пандех. Этим третьим был Константин Асень (1257—1277), которого «боляры» избрали болгарским царем.[34]

После болгар говорится о Солуне, о котором написано следующее: «Солунь об'лудееть и последьну скрьбь приметь». Солунь действительно «утонул во блуде» при солунском деспоте Дмитрии Ангеле Комнине (1244—1246), который своим беспутством вызвал недовольство солунцев, и они передали свой город царю Иоанну Ватацу (1246 г.).[35]

Свое сказание Пандех завершает так: «Иоань и Оаницъ, обьнизить се, рек'ше иньдискы. Михо и Михаиль, несть Михаиль, синь Михаильць, мало вънесеть се, и пакь вънесеть се».

Иоанн (Иоанниц) — это семилетний Иоанн IV Ласкарис, царь никейский (1258 г.), которого «унизил» Михаил VIII Палеолог тем, что провозгласил царем то ли в декабре 1258, то ли в январе 1259 г.[36] «Рекше иньдискы» — это ироническое напоминание о легендарном попе Иоанне, «царе и попе, на царями царе», о котором говорится в «Сказании об Индии». Оно существовало и в древней сербской литературе.[37] «Михаильць» — маленький Михайло, или Михайло II Асень, или Мицо, чье имя, без сомнения уменьшительное, может быть от имени Михайло.[38] «Сын» — сказано иронически. Если речь идет о Михайле II Асене, то это маленький сын великого отца Ивана Асеня II. А если он Мицо — зять Асеня по дочери, следовательно также «сын».[39]

Сербы уже в 1259 г. вынуждены были отступить к северу от Шарпланины.[40] Их имя долго не «возносили». За то время, пока еще свежа была память о победе, Пандех и написал свое Сказание. А так как Иоанн IV Ласкарис «унижен» в декабре 1258 или в январе 1259 г., то возникновение произведения следует отнести к 1259 г., несомненно ранее осени того года, когда никейцы на Пелагонской равнине одержали решительную победу над своими противниками.[41]

Сказание невелико по объему, но чрезвычайно важно, как источник. Оно свидетельствует о том, что в Северной Македонии, где, вероятно, оно возникло, следили за развитием событий не только на Балканах, но и на

мнению, севастократор Калоян был провозглашен царем. П. Мутафчиев Калимана называет Коломаном II. (П. Мутафчиев. История..., II, стр. 104). Так же и в «Истории Болгарии», изданной Болгарской Академией наук в 1954 г. (I. София, стр. 202).

[34] В. Н. Златарски. История..., III, стр. 474—475; П. Мутафчиев. История..., II, стр. 105.

[35] В. Н. Златарски. История..., III, стр. 424.

[36] Г. Острогорски. Историjа Византиje. Београд, 1947, стр. 225.

[37] Сербский текст XV в., в переводе на современный сербский литературный язык, опубликован мною в журнале «Дело» за март 1958 г. (стр. 450—453). Мой перевод сделан на основе фотоснимков, полученных благодаря любезности Софийской государственной библиотеки им. В. Коларова, в которой хранится эта рукопись. О «Сказании» я пишу в послесловии (стр. 453—458). Древнесербский текст издан М. Н. Сперанским (ИпоРЯС, III, 2, 1930, стр. 461—464).

[38] Что Мицо — уменьшительное от Михайло, думал и К. Jиречек. [История на Българитѣ. София, 1875 (использую болгарское издание 1929 г.), стр. 205]. Он тогда сближал Мицо с Михаилом II Асенем. Позднее он считал, что Мицо, вероятно, не одно лицо с Михаилом Асенем (История на Българитѣ. Поправки и добавки 1939 г., стр. 177). В. Н. Златарский полагал, что имя Мицо — «уменьшительное от Димитър, а не от Михаилъ, как кое-кто считает» (История..., III, стр. 471). П. Мутафчиев предполагает, что имя Мицо происходит или от имени Димитър или Михаил (История..., II, стр. 105).

[39] Так, о Вуке Бранковиче (1386/87 г.) говорится, что он «сын» князя Лазаря, тогда как он был его зятем, мужем старшей дочери Мары (Љ. Стоjановић. Стари српски записи и натписи, I, 1902, стр. 50).

[40] К. Jиречек. Историjа..., I, стр. 181.

[41] Г. Острогорски. Историjа Византиje, стр. 226.

Руси, в Венгрии и в других странах, которые могли оказать положительное или отрицательное воздействие на жизнь самой Македонии. Просто удивляет широта взглядов и хорошая осведомленность автора Сказания. На этот памятник до сих пор не обращали внимания. Лишь К. Иречек в личном экземпляре своей «Истории Болгарии» переписал целиком место о куманах, русских и венграх, а затем о сербах, болгарах и все до конца.[42]

По литературным достоинствам Сказание Пандеха в полной мере заслуживает того, чтобы войти в историю литературы.

---

[42] История на Българитѣ, поправки и добавки, стр. 125, 139.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

Г. К. ВАГНЕР

Повесть о рязанском епископе Василии и ее значение для ранней истории Переяславля-Рязанского

Повесть, или Сказание, об обновлении града Мурома и рязанском епископе Василии обычно помещается во второй части Жития муромского благоверного князя Константина и чад его — Михаила и Федора. Это Житие хорошо известно в литературе.[1] Е. Голубинский назвал его «не более как вымыслом»,[2] но В. О. Ключевский считал, что хотя Житие полно самых различных неточностей и несообразностей, но все же имеет историческую основу.[3] Сходного мнения придерживался и Н. Серебрянский.[4] Для нас важно отметить, что Сказание об обновлении града Мурома и рязанском епископе Василии представляет самостоятельный памятник, возникший, по мнению Н. Серебрянского, раньше Жития и объединенный с ним лишь внешним образом.[5]

Известны самостоятельные списки Сказания, восходящие к XVI в. Один из них был исследован И. Шляпкиным,[6] впервые высказавшим мысль, что автором литературной обработки этого Сказания можно считать Ермолая Прегрешного — протопопа московской церкви Спаса на Бору.[7] Впоследствии В. Ф. Ржига установил, что Ермолай носил в иночестве имя Еразма,[8] перу которого еще архим. Филаретом,[9] а затем А. Веселовским[10]

---

[1] Макарий. История русской церкви, т. II. СПб., 1857, стр. 19—20; Архим. Филарет. 1) Русские святые, чтимые всею церковью или местно. Чернигов, 1865, стр. 149—158 (за май); 2) История русской церкви. Период 1. М., 1888, стр. 49—52; 3) Памятники старинной русской литературы, изд. К. Кушелева-Безбородко, в. 1. СПб., 1860, стр. 235—237; В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871 (далее: В. О. Ключевский), стр. 286—288; Е. Голубинский. История русской церкви, т. 1, первая половина тома. М., 1901 (далее: Е. Голубинский), стр. 206—207; Архим. Мисаил. Святой благоверный князь Константин Муромский и Благовещенский монастырь, где почивают мощи князя и чад его Михаила и Феодора. — Труды Владимирской ученой архивной комиссии, кн. VIII. Владимир, 1906 (далее: Труды), стр. 1—130; Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915 (далее: Н. Серебрянский), стр. 237—247, и другие сочинения.

[2] Е. Голубинский, стр. 206.

[3] В. О. Ключевский, стр. 287—288.

[4] Н. Серебрянский, стр. 239.

[5] Там же.

[6] И. Шляпкин. Ермолай Прегрешный, новый писатель эпохи Ивана Грозного. — Сборник «Сергею Федоровичу Платонову — ученики, друзья и почитатели». СПб., 1911 (далее: И. Шляпкин. Сборник), стр. 545—555.

[7] Там же, стр. 546, 554.

[8] В. Ф. Ржига. Кто был монах Эразм? — ИОРЯС, т. XXI, 1916, кн. 2, стр. 10—12.

[9] Архим. Филарет. Обзор русской духовной литературы, 1. Харьков, 1859, стр. 211.

[10] А. Веселовский. Новые отношения муромской легенды о Петре и Февронии и саги о Рагнаре и Лодброке. — ЖМНП, 1871, апрель, стр. 122—123.

и В. Ф. Ржигой[11] приписывалась известная муромская Повесть о Петре и Февронии. Некоторые исследователи[12] не согласились с принадлежностью Повести о Петре и Февронии перу Ермолая-Еразма, на основании чего считали, что и Сказание о епископе Василии написано не им. А. А. Зимин подверг критике эти скептические высказывания и подтвердил авторство Ермолая-Еразма.[13]

Ни в одной из работ, касавшихся Повести о рязанском епископе Василии, эта Повесть не рассматривалась как исторический источник. Только Н. Серебрянский обронил мысль, что Повесть посвящена перенесению епископской кафедры из Мурома в Переяславль-Рязанский.[14] Вероятно, такое отношение к Повести объясняется тем, что в ней, как и в Житии князя Константина, есть много противоречий. Попытаемся разобраться в этих противоречиях.

*

Сказание о епископе Василии в составе Жития князя Константина известно в трех редакциях: пространной, средней и сокращенной. Архим. Мисаил считал исходной пространную редакцию, представленную рукописью из Сборника Московской синодальной библиотеки (№ 6, лл. 39—114), и датировал ее временем «вскоре после 1552 г.».[15] Н. Серебрянский считал древнейшей среднюю редакцию, известную по «Памятникам старинной русской литературы» К. Кушелева-Безбородко, относя ее ко второй половине XVI в.[16] Сказание о епископе Василии с фактической стороны в обеих редакциях одинаково, поэтому можно исходить из опубликованной средней редакции.

Здесь нет необходимости подробно излагать содержание Сказания. Сущность его сводится к тому, что муромский епископ Василий, поставленный князем Юрием Ярославичем, был несправедливо обвинен вельможами и боярами Мурома в неправедной жизни. Епископ взял из Борисоглебского храма Мурома местную святыню — икону богоматери и, разостлав на реке Оке свою мантию, за 6 часов был перенесен на ней против течения реки в Старую Рязань, где был радостно встречен князем Олегом и всем церковным собором. После этого рязанская епископия «нарицает же ся и до днесь Борисоглебская, одержания ради града Мурома светому князю Глебу». Принесенная же епископом Василием икона богоматери «и доныне в Рязани есть». В заключении Повести автор говорит: «хотех бо распространити и не вем, како написати, понеже оттуду много лет преидоша, и аз о сем недобре свем, и боюся, да не явлюся глаголя ложь. Якоже слышах, тако и написах».[17]

Как видим, в опубликованных редакциях Сказания не говорится о Переяславле, а также о том, какой из рязанских епископов, носивших имя Василия, имеется в виду. Между тем на рязанской кафедре было два епископа Василия. О первом известно лишь то, что он умер в 1295 г.[18]

---

[11] В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. — ЛЗАК, в. XXXIII (1923—1925). Л., 1926, стр. 112—147.

[12] М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии Муромских в ее отношении к русской сказке. — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 132, 215, 224; Ю. А. Яворский. К вопросу о литературной деятельности Ермолая-Еразма, писателя XVI в. — Slavia, ročnik, IX. Прага, 1930—1931, стр. 279—298.

[13] А. А. Зимин. Ермолай-Еразм и Повесть о Петре и Февронии. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 232—233.

[14] Н. Серебрянский, стр. 245—246.

[15] Труды, стр. 18, 25.

[16] Н. Серебрянский, стр. 243, 245.

[17] Памятники старинной русской литературы, в. 1, стр. 235—237.

[18] ПСРЛ, т. I. СПб., 1846, стр. 208. — В Никоновской летописи указан 1294 г.

Второй поставлен в 1356 г.,[19] от времени его епископства сохранились уставная грамота князя Олега Ивановича[20] и грамота митрополита Алексея,[21] в которых епископ Василий награждается угодьями, а также получает епископские прерогативы на южной окраине Рязанского княжества, граничащей с сарайской епископией.

В 1609 г. в Переяславле-Рязанском при Борисоглебском соборе были «обретены мощи» епископа Василия, состоялось перенесение их в кафедральный Успенский собор,[22] были составлены службы епископу (тропарь, кондак), созданы соответствующие памятники[23] и т. д., т. е. состоялась своего рода местная канонизация епископа Василия. Судя по всем дошедшим от этого времени сведениям, при установлении почитания памяти епископа Василия нигде не говорится прямо о Василии I. Это мнение сначала утвердилось лишь в официальных трудах по истории русской церкви.[24] Однако уже тогда вопрос казался неясным. Историк Т. Воздвиженский в одной и той же работе за основателя рязанской епископии считает то Василия I, то Василия II.[25] Его сын Д. Воздвиженский прямо говорит, что икона Муромской богоматери была перенесена в Рязань св. епископом Василием в 1351 г.[26] В другом месте тот же автор пишет: «В 1351 г. св. Василий Рязанский, епископ муромский, прибыл чудесно из Мурома в Старую Рязань».[27] При этом Д. Воздвиженский впервые аргументировал свое мнение тем, что в Сказании епископ Василий фигурирует как современник муромского князя Юрия Ярославича[28] и рязанского князя Олега Ивановича.[29]

В 1858 г. Д. И. Иловайский первый высказал мнение, что за упоминаемого в Сказании епископа Василия следует принимать именно Василия II.[30] Свое мнение Д. Иловайский основывал на тех же аргументах, что и Д. Воздвиженский. К Иловайскому присоединился и автор истории русской церкви.[31] После этого в литературе развернулась полемика. В защиту предания о Василии I выступили главным образом местные рязанские историки, ссылавшиеся на установившуюся традицию в рязанской церкви и на существование в Переяславле-Рязанском древнего епископского Борисоглебского собора, в котором якобы был похоронен Василий I. Такого мнения придерживались архим. Иероним,[32] И. М. Сладкопевцев,[33]

---

[19] 6864 (1356) «того же лета преосвященный Алексей, митрополит Киевский и всея Русии, постави Василиа епископом в Рязан и в Муром» (ПСРЛ, т. X. СПб., 1885, стр. 228).

[20] Архим. Иероним. Рязанские достопамятности. Рязань, 1889, § 67.

[21] Там же, § 66.

[22] Там же, § 133.

[23] Житие св. Василия, епископа Рязанского. М., 1875, стр. 22 и сл.

[24] Амвросий. История российской иерархии, ч. 1. М., 1822, стр. 130.

[25] Т. Воздвиженский. Историческое обозрение рязанской иерархии. М., 1820, стр. 3—6, 15, 22, 25.

[26] Д. Воздвиженский. Исторические и археологические достопамятности по Рязанской губернии. — Исторический, статистический и географический журнал на 1827 год, ч. II, кн. 3 (июнь). М., стр. 217.

[27] Там же, ч. III, кн. 1 (июль), стр. 55—56.

[28] Княжил с 1345 г. Изгнан из Мурома и умер в 1355 г. (ПСРЛ, т. X, стр. 227—228).

[29] Княжил с 1350 по 1402 г. (Д. И. Иловайский. История рязанского княжества. М., 1858, стр. 158).

[30] Там же, стр. 149—150.

[31] Архим. Филарет. Рязанские иерархи. — Христианские чтения. СПб., 1859, май, стр. 355—359.

[32] Архим. Иероним. Рязанские достопамятности, стр. 47—48.

[33] Голос в защиту предания о св. Василии I, епископе рязанском. — ЧОИДР, 1859, кн. 3, стр. 147 и сл. (Статья имеет подпись — «Рязанский старожил»).

архим. Макарий[34] автор позднего (XIX в.) Жития епископа Василия, а также И. Добролюбов,[35] Н. Соколов,[36] Д. Д. Солодовников[37] и некоторые другие исследователи. При этом все названные авторы считали, что «святой» Василий I и есть тот самый епископ, переходу которого из Мурома в Рязань посвящено Сказание об обновлении града Мурома.

Такое решение вопроса, конечно, не может быть принято. В XIII в. Переяславль-Рязанский был еще второстепенным городом Рязанского княжества, и, как справедливо отметил М. А. Ильин, в нем не могло быть епископского собора.[38] Последний находился в Рязани (Старой), которая в XIII в. продолжала быть столицей Рязанского княжества.[39] Наконец, при подобном подходе к вопросу, в тексте Сказания будут явные несообразности. Например, фабульная часть Повести обычно кончается на прибытии епископа Василия в Старую Рязань, а о привезенной им иконе сказано, что она «и доныне в Рязани есть». Про рязанскую епископию тоже говорится, что она «доныне называется Борисоглебской». В XVI в., когда записывалась Повесть, и даже в XV в. такие утверждения не могли быть адресованы к Старой Рязани, в которой давно уже не было ни епископии, ни муромской иконы и ни одного храма вообще.[40] Несомненно, имелась в виду Новая Рязань, т. е. Переяславль-Рязанский, на который, задолго до официального переименования его в Рязань (в конце XVIII в.), часто переносилось название старой столицы княжества.

В поисках исторических реалий Сказания мы приходим к важному событию в истории Рязанского княжества послемонгольского времени, которое скорее всего должно было быть связано с епископом Василием II. Речь идет о перенесении епископской кафедры из Старой Рязани в Переяславль-Рязанский. Это перенесение, естественно, должно было состояться в связи с перемещением великокняжеского стола. Перенос столицы в Переяславль-Рязанский Д. И. Иловайский относил ко времени предшественников князя Олега Ивановича, т. е. к первой половине XIV в.[41] А. Л. Монгайт считает, что это произошло в конце XIV в.[42] Интересно отметить, что летописи, рассказывая под 1365 и 1378 гг. о нападении татар на Рязанскую землю, в первую очередь отмечают взятие и разграбление Переяславля-Рязанского, о Рязани же (Старой) умалчивают. В 1371 г. битва между войсками Олега Рязанского и Дмитрия Донского произошла у Скорнищева (Канищева), т. е. на подступах к Переяславлю со стороны

---

[34] Макарий. Сборник церковно-исторических и статистических сведений о рязанской епархии. М., 1863, стр. 210 и сл.

[35] И. Добролюбов. Историко-статистическое описание церквей и монастырей рязанской епархии, т. 1. Зарайск, 1884, стр. 20.

[36] Н. Соколов. Борисоглебская церковь в г. Рязани. Рязань, 1904, стр. 1 и сл.

[37] Д. Д. Солодовников. Переяславль-Рязанский. Рязань, 1922, стр. 74.

[38] М. А. Ильин. К изучению древнейших памятников каменного зодчества Переславля-Рязанского. — КСИИМК, в. XL. М., 1951, стр. 80.

[39] М. Н. Тихомиров считает, что в XIII в. центр рязанской епископии находился в Старой Рязани (см.: М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 430). Однако продолжал сохранять свое значение и Муром, очевидно в качестве второй резиденции рязанских епископов (см. об этом ниже).

[40] Икона «муромской» богоматери издавна находилась в Переяславле-Рязанском (см.: Макарий. Сборник..., стр. 165—166). Однако памятник этот не может быть привлечен к нашей теме, так как, по исследованию И. Э. Грабаря, он оказался типичной «мерной» иконой XVII в., которой был заменен утерянный оригинал (И. Э. Грабарь. Андрей Рублев. — Вопросы реставрации, I. М., 1926, стр. 51).

[41] Д. И. Иловайский. История рязанского княжества, стр. 157.

[42] А. Л. Монгайт. Старая Рязань. — Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1955, № 49, стр. 28.

Москвы.[43] О времени перенесения кафедры нет никаких сведений, но логично считать, что она была перенесена в этот же период, т. е. между серединой и концом XIV в.

Епископ Василий II, поставленный в 1356 г. «в Рязань и Муром», умер не ранее 1360 г.[44] Е. Голубинский даже считал, что дату его кончины можно приблизить к 1378 г.[45] Следовательно, епископ Василий II вполне мог перенести епископскую кафедру в Переяславль-Рязанский.

В связи со сказанным приобретает большой интерес псковский список Повести о епископе Василии, упомянутый в свое время вскользь Н. Серебрянским, но полностью им не комментированный. Речь идет о рукописи, носящей название «Повесть како преиде из Мурома града епископство в богоспасаемый град Переаславль Рязанский».[46] Повесть находится в составе рукописного сборника XVII в., найденного в 1910 г. А. Ляпустиным в фондах Никандровой пустыни Порховского уезда Псковской губернии.[47] Она занимает 15 страниц сборника (№№ 404—411), написанных полууставом, переходящим в скоропись. Судя по упоминанию в Повести об уверовании в перенесенные мощи епископа Василия князя Ивана Хворостинина, бывшего рязанским воеводой в 1618—1619 гг., рукопись относится к периоду вскоре после 1619 г. Началом XVII в. датировал ее и Н. Серебрянский.[48]

В первой части Повести говорится об изгнании епископа Василия из Мурома. Здесь повторяются уже известные по прежним спискам обстоятельства, с некоторым усилением отрицательных сторон муромцев. Последние не только грозят епископу, но «яко дивии зверие нападаше на нь, начаху ризы его терзати» (л. 408 об.). Особенно же интересна вторая часть Повести, начинающаяся прибытием епископа Василия в Старую Рязань. Н. Серебрянский неправильно изложил содержание этой части, считая, что епископ Василий начал жить на пустынном месте в Старой Рязани и строить здесь церковь.[49] В Повести мы читаем: «И ту мало помедлив и обглядав места того, бе бо уже град той славный разорен от безбожного царя Батыя. И паки вседе на мантию течаше божия духа благостию направляем вверх тоя же реки. И егда прииде на место то, иде же ныне град Переаславль Рязанский стоит, и ста ту, и возлюби место то зело» (л. 405 об.). Далее следует выражение удивления свершившемуся чуду, «како во един день толико расстояние далняго пути преиде».

В Переяславле-Рязанском к епископу стали приходить люди и «поведоша о нем князю места того. Князь же слышав о нем радостен быв, приемлет от него благословение» (л. 406—406 об.). Епископ Василий обращается к князю: «молю тя княже, даждь ми мало места в державе твоей, идеже церковь воздвигнути во славу божию и пречистой его матери и святым страстотерпцам Борису и Глебу; князь же обещался ему с радостию прошения его исполнити, еще же и способствовати во всем ему.

---

[43] М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, стр. 381, 393, 416.

[44] Архим. Филарет. Русские святые..., стр. 149—150; см. также: Н. Барсуков. Источники русской агиографии. — ОЛДП, LXXXI. СПб., 1882, стр. 92.

[45] Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903, стр. 122.

[46] Н. Серебрянский, стр. 246.

[47] Псковские епархиальные ведомости, 1910, № 22, стр. 359. — В настоящее время этот список хранится в Научной библиотеке Псковского областного краеведческого музея, инв. № 292 (по инвентарю 1949 г.). За музейные сведения об этой Повести и за предоставленную мне фотокопию ее я глубоко благодарен Л. А. Творогову.

[48] Н. Серебрянский, стр. 246.

[49] Там же.

И глаголя святителю божию: иде же тебе бог известит, тамо себе сотвори церковь. Святый же походи и возлюби место мало повыше града, яко едино поприще отстояние, и возлюби место себе и ту начат церковь созидати. Князь же начат помогати ему. Тако же и людие места того помогающе ему» (л. 406—406 об.).

Раскаявшиеся жители Мурома приходили к епископу просить прощения, «святый же поживе ту многи лета и с миром ко господу отыде. И погребен бысть у тоя же церкви за алтарем... Многим же летам мимошедшим бе бо ту церкви каменая от древних лет создана и той разсыпавшися, и на том месте создана бысть церковь древена» (л. 407—407 об.).

Далее повествуется о том, как святитель Василий явился «некоему мужу просту, в подгории тоя же горы живущу», и жаловался на небрежение к своей могиле, прося передать рязанскому архиепископу Феодориту, «дабы мощи мои пренесл в соборную церковь». При этом епископ Василий сказал: «аз есмь епископ первый града сего» (лл. 407 об.—408). «Архиепископ же с радостию сия слышав, возвещается сия всему причту церковному, и архимандритом и игуменом. И нарече има день, в онь же пренесение сотвори честным мощем его. И тако со всем освещенным собором пришедше, окопавше гроб его, бе бо каменн. Плите же верхней мало надломившейся, и того ради плесне святого приимаху попирания от человек же и скот бесловесны» (лл. 408 об.—409). Далее следует описание перенесения мощей, бывших от них исцелений и т. д.

Таким образом, перед нами новый и пока единственный список Повести о рязанском епископе Василии, прямо связывающий последнего с Переяславлем-Рязанским и с его древним каменным Борисоглебским собором.[50]

Как видим, Псковский список текстуально не повторяет списков XVI в., а заметно уточняет сказание с добавлением сведений о Переяславле-Рязанском. Насколько сообщаемые этим списком сведения могут быть исторически верными?

Здесь следует принять во внимание следующее: 1) Псковский список Повести возник, вероятно, в связи с событиями 1609 г., когда было положено начало местной канонизации епископа Василия, т. е. от ранее известных редакций XVI в. его отделяет всего около 50 лет; 2) в условиях канонизации епископа Василия было очень удобно раз и навсегда закрепить память о Василии I и тем самым окончательно запутать вопрос; однако из Псковского списка нигде не вытекает, что речь идет о Василии I; все указывает на время жизни Василия II, что, как мы видели, совпадает с исторической вероятностью перенесения им епископии из Рязани (Старой) в Переяславль-Рязанский; 3) погребение епископа Василия у алтаря Борисоглебского храма; его каменный гроб и треснувшая верхняя плита выступают в списке как несомненные реалии, описанные очевидцем событий 1609 г.; 4) вплоть до недавнего времени здесь действительно находился надгробный памятник епископу Василию, ведущий начало от событий 1609 г., т. е. канонизации епископа Василия; 5) Повесть написана в обстоятельствах, когда вопросы исторического прошлого Переяславля-Рязанского приобрели особое значение, когда к ним обострился общий интерес, который вряд ли мог быть удовлетворен выдумкой и фантазией; 6) наконец, следует особо подчеркнуть связь псковской редакции Повести с личностью князя И. А. Хворостинина.

И. А. Хворостинин оставил очень заметный след в русской идейной жизни начала XVII в. Сначала кравчий Самозванца, затем воевода

---

[50] Вероятно, этим и объясняется тот факт, что епископ Василий не был канонизирован на соборе 1547 г. наряду с другими муромскими чудотворцами.

В. И. Шуйского, он в конце концов оказался в оппозиции к боярству и к православной церкви, за что неоднократно подвергался ссылке.[51] И. А. Хворостинин известен как автор интересного сочинения по истории «смуты».[52] Не вдаваясь здесь в рассмотрение деятельности «князя-летописца», «князя-еретика», скажем только, что связать с ним Повесть о епископе Василии вряд ли было возможно, если последняя представляла сплошной вымысел.[53]

Из сказанного возникает мысль, что в основе редакций Повести XVI в. и Псковского списка начала XVII в. лежало местное сказание, вероятно XV в., а может быть и второй половины XIV в., типичное для периода борьбы за областную самостоятельность, когда областные феодальные силы возрождали местные святыни, культы «преждеотошедших святителей» и т. п.[54]

Для Рязанского княжества это был очень напряженный период, начавшийся борьбой князя Олега Ивановича с Дмитрием Донским и закончившийся полным подчинением рязанских князей Москве. В этой борьбе были, конечно, мобилизованы все силы, в том числе и церковные и художественные. Подобно тому как Новгород, Тверь и Москва доказывали свой приоритет обращением к древним святыням, так и Рязань (Переяславль-Рязанский) должна была выставить аналогичные доказательства.[55] В этой обстановке благодарный материал давал сюжет перехода епископа Василия из Мурома в Рязань. До окончательного утверждения епископской кафедры в Переяславле-Рязанском центр рязанской епископии находился, по-видимому, попеременно то в Рязани (Старой), то в Муроме.[56] Во время нахождения епископов в Муроме они назывались муромскими и рязанскими, а во время нахождения их в Рязани — рязанскими и муромскими.[57] К концу XIII в. приоритет в церковных делах окончательно закрепился за Рязанью (Старой). Возможно, что сюжет изгнания епископа Василия из Мурома следует связывать с епископом Василием I,[58] который в 1294/95 г. умер и был погребен, конечно, в Рязани Старой, а не в Переяславле-Рязанском. В конце XIV или в XV в., когда слагалось Сказание о епископе Василии, в этом Сказании могли слиться воспоминания о Василии I (мотив древности рязанской епископии и ее независимости от Мурома) и данные о Василии II (мотив самостоятельности кафедры

---

[51] С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888, стр. 182 и сл.; Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли. М., 1919, стр. 262—274.

[52] По мнению С. Ф. Платонова, это сочинение было написано И. А. Хворостининым вскоре по возвращении из Переяславля-Рязанского (С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания..., стр. 202).

[53] Небезынтересно в этой связи отметить, что И. А. Хворостинин состоял в дружбе с рязанским архимандритом Феодоритом, при котором происходила местная канонизация епископа Василия.

[54] Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. М.—Л., 1945, стр. 84—87.

[55] Показательно в этом отношении полное совпадение сюжетов искушения святителей бесом, путешествия их против течения реки, перенесения святынь и т. д. в Повести о епископе Василии и в новгородском сказании о первом архиепископе Иоанне. В Псковском списке епископ Василий прямо сравнивается с «Иоанном новгороцким».

[56] Е. Голубинский считал, что в Муроме никогда епископии не было (Е. Голубинский. История канонизации..., стр. 122).

[57] Т. Воздвиженский. Историческое обозрение..., стр. 5 (примечание), стр. 18; Макарий. Сборник..., стр. 95.

[58] Е. Голубинский считал, что в Сказании о епископе Василии следует видеть переработку сюжета одного из очередных возвращений рязанского епископа Василия I из пастырской поездки в Муром (Е. Голубинский. История канонизации..., стр. 122, примечание).

в Переяславле-Рязанском), что внесло в Сказание элемент путанности, но не лишает его исторической реальности. Перенесение в конце XIV в. епископской кафедры из Старой Рязани в Переяславль-Рязанский еще более усложнило Сказание и стало причиной ошибок при его записи в XVI в. Псковский же список начала XVII в. отличается большей документальностью. Окончательное разъяснение этого противоречия, как нам кажется, дает вопрос об авторстве Повести XVI в.

Ермолай-Еразм рисуется как писатель, близкий к кругу митрополита Макария. Наряду с идеей, что «священство выше царства», Ермолаю были свойственны публицистические идеи довольно демократического характера, а также глубокая неприязнь к гордости и несправедливо нажитому богатству вельмож.[59] Если вспомнить, какое место в муромо-рязанских сказаниях занимают картины противопоставления мудрого князя злокозненным вельможам, а также мотив «испытания судом божиим»,[60] то интерес Ермолая к этим сказаниям станет понятен. Ведь некоторые свои произведения «от древних», в частности Повесть о рязанском епископе Василии, Ермолай предназначал для самого Ивана Грозного.[61] Повесть о рязанском епископе Василии Ермолай записал, очевидно, в Муроме, чем и могли быть обусловлены, с одной стороны, черты ее сходства со сказанием о Петре и Февронии, а с другой — противоречия в части, касающейся Рязани. Именно с XVI в. название Рязани стало постепенно переноситься на Переяславль-Рязанский,[62] что, естественно, могло запутать нерязанца Ермолая. Не случайно его Повесть кончается словами: «хотех бо распространити и не вем, како написати, понеже оттуду много лет преидоша, и аз о сем недобре свем, и боюся, да не явлюся глаголя ложь».

Псковский список написан несомненно рязанцем, о чем говорит отличная историческая осведомленность автора. Литературно-художественная сторона Повести не интересовала автора так, как она интересовала Ермолая; по-видимому, и литературные возможности у рязанского автора были не такие, как у Ермолая. Но зато исторические детали выступили в Повести очень выпукло. Все вместе сказанное придает ей характер исторической достоверности, не считая, конечно, обычных для подобного рода повестей обстоятельств чудесного характера.

Как литературно-исторический памятник Повесть о епископе Василии, и в частности ее Псковский список, нуждается в специальном исследовании. В настоящее время мы можем извлечь из Псковского списка весьма ценные сведения о возвышении Переяславля-Рязанского в XIV в.

Как уже отмечалось выше, Н. Серебрянский неправильно интерпретировал Псковский список. Епископ Василий обосновался и начал строить Борисоглебский храм не в Старой Рязани, а в Переяславле-Рязанском. Это можно понимать как свидетельство о перенесении епископской кафедры в Переяславль-Рязанский именно епископом Василием II. Время этого переноса и строительства епископского Борисоглебского собора определяется приблизительно концом 50-х—началом 60-х годов XIV в. на основе приведенных выше хронологических вех епископства Василия II.[63]

---

[59] В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма, стр. 169—184.

[60] И. Шляпкин. Сборник, стр. 552.

[61] В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма, стр. 172—173.

[62] А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 28.

[63] Вероятность переноса епископской кафедры из Рязани (Старой) в Переяславль епископом Василием II не опровергается поставлением последующих епископов. Как раз тут и начинаются неясности в летописях. Бывшие после Василия II епископы Афанасий, Вассиан и Иосиф упоминаются в летописях без означения лет. Далее Феоктист упоминается только в «Истории Российской иерархии». Феогност в 1387 г. «хиротонисан на Рязань», но нельзя утверждать, что здесь имелась в виду Рязань Старая. Формула

Н. Серебрянский неправильно истолковал и данные о постройке храма епископом Василием. Епископ Василий строил не деревянный храм, будто бы позднее замененный каменным,[64] а наоборот. Таким образом, каменное зодчество началось в Переяславле не в 80-х годах XIV в., а на 20 лет ранее. Проверим это положение косвенными данными.

Каменный Борисоглебский собор Переяславля-Рязанского впервые упоминается (в грамоте 1568 г.) как «строение Ионы владыки».[65] М. А. Ильин правильно связал это известие с епископом Ионою II, бывшим в Переяславле-Рязанском с 1522 по 1547 г. Однако в 1620 г. Борисоглебский собор упоминается уже развалившимся.[66] М. А. Ильин выразил естественное удивление, что каменный собор простоял менее ста лет. Историки Рязани связывали это разрушение с набегом на Переяславль-Рязанский в 1618 г. Сагайдачного.[67] Псковский список Повести вносит новое и в этот вопрос. Список был написан, вероятно, вскоре после 1619 г., между тем в нем каменный Борисоглебский собор упомянут как давно развалившийся и замененный деревянной церковью. Следовательно, если считать, что строителем собора был епископ Иона II, то собор простоял немногим более 50 лет. Отсюда можно заключить, что епископ Иона в начале XVI в. только перестраивал или обновлял Борисоглебский собор из старого здания, относящегося, по нашим данным, ко времени епископа Василия II.

В 1389 г. в Переяславль-Рязанский заезжал на своем пути в Царьград митрополит Пимен. В повести «Хожение Пиминово в Царьград» говорится, что «пришед же митрополит в соборную церковь, и молебнаа совршив, и пирова у великого князя, и честь многу приат; и сице беспрестани чествоваше нас с своим епископом Еремеем Гречином».[68] До сих пор это место обычно цитировалось в качестве доказательства существования в Переяславле-Рязанском княжеского Успенского собора. Но правильнее считать, что московский митрополит должен был служить молебен в кафедральном, т. е. епископском, соборе города. К тому же княжеский собор к 1389 г. не был готов, так как князь Олег был похоронен в 1402 г. не в нем, а в Солотчинском монастыре.[69]

Таким образом, вопрос о начале монументального строительства и о дальнейшем возвышении Переяславля-Рязанского приобретает несколько иной аспект. По приведенным нами данным, уже в 60-х годах XIV в. возник новый епископский Борисоглебский собор Переяславля, построенный на крутом берегу реки Трубежа, в «одном поприще повыше града», т. е. того места, где находился княжеский кремль.[70] Князь, как руководитель вооруженных сил княжества, мог еще некоторое время находиться попеременно то в Рязани, то в Переяславле, постепенно отдавая предпочтение последнему.

«хиротонисан во епископа на Рязань» употреблялась по традиции в 1423 г., 1473 г., 1517 г. и т. д., т. е. когда епископия была в Переяславле-Рязанском. В отношении епископа Еремея-Грека, который явно был в 1389 г. в Переяславле, также говорится, что он «хиротонисан во епископа рязанского».

[64] Н. Серебрянский, стр. 246. — Ошибка довольно странная для Н. Серебрянского.

[65] Архим. Иероним. Рязанские достопамятности, § 110.

[66] Там же, § 140.

[67] Там же, примечание И. Добролюбова, № 455; см. также: Д. Д. Солодовников. Переяславль-Рязанский, стр. 75.

[68] ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, стр. 95.

[69] М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста, стр. 455. — В Успенском соборе первым похоронен сын Олега — князь Федор (умер в 1427 г.).

[70] Это точно совпадает с положением современного Борисоглебского собора (построен в XVII в.).

Вероятно, около 1385—1387 гг., после замирения Олега Рязанского с Дмитрием Донским и брака их детей, началось строительство в Переяславле-Рязанском и княжеского Успенского собора. Остатки этого древнего памятника археологически еще очень плохо изучены. Наши представления о его первоначальном облике основаны скорее на теоретических расчетах, нежели на вещественных данных. И все же есть основания считать, что это был большой собор, типологически близкий к Успенскому собору Дмитрия Донского в Коломне и, возможно, строенный теми же мастерами.[71]

Архангельский собор (в Кремле) в современном своем виде представляет постройку начала XVI в., видоизмененную в XVII и XIX вв. Но в планировке памятника наблюдаются особенности, совершенно не обусловленные конструкцией XVI в. и уводящие нас в московскую архитектуру XIV в. Можно, следовательно, предполагать, что собору XVI в. действительно предшествовала более древняя постройка князя Олега.[72] В литературе отмечалось также монументальное строительство князя Олега в Ольговом монастыре близ Рязани.[73]

Наконец, в самом исходе XIV в., удалившись в только что основанный Солотчинский монастырь, князь Олег, по-видимому, построил здесь каменную Покровскую церковь, ставшую его усыпальницей. По некоторым поздним графическим данным, этот не дошедший до нас архитектурный памятник рисуется в виде столпообразного храма, аналогичного башенным постройкам XIV—начала XV в. в московском Кремле и Твери.[74]

Следовательно, с возвышением Переяславля-Рязанского в XIV в. можно связывать гораздо больший круг памятников монументального зодчества. Если раньше это представлялось натяжкой, то сейчас, когда выясняется, что монументальное строительство в Переяславле началось в середине XIV в., это вытекает как следствие естественного хода строительства за всю вторую половину этого века.

В заключение следует сказать, что специальное историко-литературоведческое изучение Повести о рязанском епископе Василии и археологическое исследование ранних памятников монументального строительства Переяславля-Рязанского могут пролить свет на многие интересные стороны истории города периода его возвышения. Особенно это относится к епископскому Борисоглебскому собору, возникшему вдали от княжеского центра, в чем сказалось отступление от старорязанских традиций. В Старой Рязани, правда, не было княжеского кремля,[75] но патрональный Борисоглебский собор был, по-видимому, и княжеской усыпальницей и местопребыванием епископской кафедры,[76] так как сама рязанская еписко-

---

[71] Г. К. Вагнер. Рецензия на книгу М. А. Ильина (Рязань. Историко-архитектурный очерк, ч. 1. Изд. АН СССР, М., 1954). — Советская археология. М., 1958, № 3, стр. 275.

[72] Вопросу о первоначальном виде Успенского и Архангельского соборов Переяславля-Рязанского автором посвящается отдельная работа.

[73] Н. Н. Воронин и В. Н. Лазарев. Искусство среднерусских княжеств XIII—XV веков. — В кн.: История русского искусства, т. III. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 16.

[74] Г. К. Вагнер. К характеристике рязанских памятников шатрового зодчества XVI в. — КСИИМК, в. 71. М., 1958, стр. 19—20.

[75] А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 196.

[76] В Чернигове, с которым до конца XII в. церковно была связана Рязань, такие же функции выполнял Спасский собор (Микола Макаренко. Чернігівський Спас. Київ, 1923, стр. 59, прим. 57), но усыпальницей черниговских архипастырей был Борисоглебский собор (А. Н. Ефимов. Черниговские кафедральные соборы, Златоверхий Спасо-Преображенский и Борисоглебский. Чернигов, 1908, стр. 54).

пия, как мы видели, еще в XVI в. называлась одновременно и Борисоглебской. Резкое топографическое разделение в Переяславле-Рязанском между епископским и княжеским центрами лишний раз говорит о том, что епископский Борисоглебский собор возник в Переяславле раньше княжеского Успенского собора, вокруг которого и сложился кремль. В дальнейшем это своеобразное «двоецентрие» в феодальной структуре Переяславля должно было способствовать быстрому ослаблению рязанского княжения в XV в.[77]

---

[77] Интересно, что в XV в. именно рязанская церковь дала двух ярких приверженцев промосковской политики — старца Софонию и епископа (с 1448 г. московского митрополита) Иону I.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

А. И. КЛИБАНОВ

Сборник сочинений Ермолая-Еразма

Как известно, сочинения видного публициста XVI в. Ермолая-Еразма до сих пор полностью не опубликованы.

Ниже мы публикуем неизданные сочинения Ермолая-Еразма на основании Новгородско-Софийской рукописи № 1296 из собраний ГПБ в Ленинграде (далее: Соф. 1296).

Рукопись на 276 листах, размером в четвертую долю листа, представляет собой сборник, написанный полууставом XVI в., и относится к 60-м годам XVI в. Водяной знак — сфера маленькая, сверху лилия, снизу под сферой сердце (лл. 28—68, 121—146), зарегистрирован у Н. П. Лихачева под № 2997 и относится к 1560, 1562, 1567 гг.

Рукописью Соф. 1296 пользовался В. Ф. Ржига для своего известного исследования «Литературная деятельность Ермолая-Еразма».[1] Исследователь приходит к предположению, что «эта рукопись — автограф самого Еразма».[2]

Обратимся к характеристике состава и композиции сборника. В настоящем своем виде сборник состоит из 19 сочинений, последнее, а именно «Главы о увещании утешителнем царем, аще хощеши и велмож», не окончено. Оно обрывается на названии десятой главы этого сочинения: «Ко всякому человеку и о скорби и о радости». На этом оканчивается и весь сборник.

На основании исследований и публикаций А. Н. Попова,[3] Н. Шляпкина,[4] В. Ф. Ржиги[5] 16 сочинений из 19, составляющих сборник, определяются как принадлежащие Ермолаю-Еразму.

Таковы: 1) «Слово преболшее. . . о троичности и единстве» (лл. 1—74); 2) «Слово о божии сотворении тричастнем» (лл. 75—116); 3) «Поучение о троичном пении» (лл. 117—118); 4) «Всякому верующему во святую троицу. . .» (лл. 118 об.—119); 5) «Совершение тщащимся к пустынножительству» (л. 119); 6) «Призывание на поклонех молебно» (л. 119 об); 7) «Молитва ко господу богу, пресвятей и пребезначальней, нераздельней и неразлучней троицы» (лл. 120—146 об.); 8) «Слово на еретики о иже от века утаеннем о пречистей богородице и о кресте. . .» (лл. 147—152 об.); 9) «Слово на жиды и еретики. . .» (лл. 154—167); 10) «По вся дни молитва. . .» (лл. 168—175); 11) «Слово о разсужении любви и правде и о побеждении вражде и лже» (лл. 176—195); 12) «Прегрешного Ермолая

---

[1] См.: ЛЗАК, в. 33. Л., 1926, стр. 103—200.
[2] Там же, стр. 108.
[3] ЧОИДР, 1880, т. IV, стр. 1—124.
[4] Сб. «Сергею Федоровичу Платонову — ученики, друзья, почитатели». СПб., 1911 (далее: Сб. в честь С. Ф. Платонова), стр. 555—561.
[5] В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма.

во иноцех Еразма к своей ему души поучение» (лл. 204 об.—211); 13) «Благохотящим царем правителница и землемерие» (лл. 211 об.—220); 14) «О солнце и о луне и 12 зодеях сиречь поясах» (лл. 220 об.—223); 15) «Круг пасхалии» (лл. 224—242); 16) «Тропари и кондаки, их же несть во святцех» (лл. 243—270 об.).

Не установлена авторская принадлежность остающихся трех сочинений, а именно: 17) «Беседа» об основных моментах жизни Христа (л. 153—153 об.); 18) «Слово к верным, иже христианя словом нарицаются, богови же супротивящеся коварствы и в сем на ся греха не возлагают. . .» (лл. 195—204 об.); 19) «Главы о увещании утешителнем царем, аще хощеши и велмож» (лл. 271—276 об.).

*

«Беседа», по наблюдениям В. Ф. Ржиги, вписана уже после того, как была написана рукопись, «хотя несомненно тем же лицом, что писало рукопись».[6] Нам представляется допустимым считать Ермолая-Еразма автором «Беседы». Лаконичное по форме, это сочинение охватывает девять вопросов из области христианского вероучения, на каждый из которых дается ответ.

Сочинителем избраны следующие вопросы: воплощение Христа, рождение его, крещение, преображение, смерть, воскресение (и вознесение), сошествие святого духа на апостолов, второе пришествие Христа, заповеди Христа.

В «Слове преболшем. . .», как и в «Слове о божии сотворении тричастнем», выделены в качестве специальных небольших главок, между прочим, следующие темы: о воплощении Христове, о рождестве, о крещении, о преображении, о распятии, о воскресении, «О святем духе сшествии», «О втором страшнем суде» (последнее только в «Слове о божии сотворении тричастнем»). Наблюдается сходство некоторых характеристик; например: «вопрос» в «Беседе»: «Что есть на земли от века всего вернейши?». «Толк»: «Христово крещение, яко отец с небес гласом свидетельствова о Христе и дух святый сниде нань» (л. 153). Сравним со «Словом о божии сотворении тричастнем» Ермолая-Еразма: «О крещении Христове. . . Отец бо на крещаемаго сына гласом свидетельствова. . . и дух святый сошел на Христа голубиным образом».[7] Еще пример: «вопрос»: «Что есть на земли от века всего славнейши?». «Толк»: «Сшествие святаго духа на апостолы, яко всих стран людие слышаху апостол чюжестранными языки бога в троицы проповедающих» (л. 153 об.).

В «Слове о божии сотворении тричастнем» читаем: «О сшествии святаго духа. . . послав дух святый в третий час дне на своя святыя ученики и апостолы, и дав им чуждестранными языки глаголати, и утвердав их научити вси языки».[8]

Принимая во внимание, что: а) в «Беседе» представлены те именно вопросы вероучения, которые выделены в двух больших трактатах Ермолая-Еразма, б) при сравнении одноименных вопросов в «Беседе» и в названных выше трактатах Ермолая-Еразма обнаруживается сходство, в) «Беседе» предшествуют сочинения Ермолая-Еразма, как и Ермолаю-

---

[6] Там же, примечание на стр. 151.

[7] ЧОИДР, 1880, т. IV, стр. 76.

[8] Мы воздерживаемся от публикации текста «Беседы», так как это маленькое сочинение не имеет сколько-нибудь заметного познавательного интереса ни в историческом, ни в литературном отношениях.

Еразму принадлежат сочинения, следующие за ней, г) «Беседа» вписана, как можно предполагать, рукой самого Ермолая-Еразма, следует признать допустимым принадлежность «Беседы» Ермолаю-Еразму.

*

«Слово к верным, иже христианя словом нарицаются. . .» было издано В. И. Жмакиным в приложениях к его книге «Митрополит Даниил и его сочинения» как сочинение анонимного писателя.[9] Публикация эта неполноценна. В ней имеются неправильные прочтения слов (например: «весть» вместо «мест», «ибо избранный» вместо «богоизбранный», «свершен» вместо «свержен», «творят» вместо «претворят», «предати» вместо «пределати», «яко желвина кожа» вместо «якоже лвина кожа» и др.), а также пропуски отдельных слов, а в одном случае (например, на стр. 63, строка 10 снизу) пропуск нескольких слов подряд. Все это, вместе взятое, отражается на смысле памятника и не дает полного представления о нем.

В. Ф. Ржига в исследовании «Литературная деятельность Ермолая-Еразма» относит «Слово к верным, иже христианя словом нарицаются. . .» к разделу «Dubia», к числу произведений, «находящихся в рукописях среди сочинений Ермолая-Еразма, но едва ли ему принадлежащих».[10]

Впрочем, В. Ф. Ржига и не вполне исключает возможность авторства Ермолая-Еразма по отношению к «Слову к верным. . .». Он пишет: «Нахождение Слова среди сочинений Ермолая-Еразма и дух его, казалось бы, говорят в пользу авторства нашего писателя. Но ввиду отсутствия других специфических указаний приходится пока воздержаться от этого предположения».[11]

«Слово к верным. . .», содержащееся в сборнике № 1296, представляет собой одно из произведений нестяжательской литературы половины XVI в. С помощью евангельских текстов «Слово к верным. . .» бичует тунеядство, стяжательство и карьеризм монашеского сословия, его лживость и двуличие. Категорический по смыслу и лапидарный по форме вывод автора «Слова к верным. . .» гласит: «Села же даяй манастыреви мужескому или женскому, сей разстризает сих мних или инокинь» (л. 204). «Слово к верным. . .» по всему своему духу, мотивам и целям органически сочетается с религиозно-философским и публицистическим творчеством Ермолая-Еразма. «Слово к верным. . .» в своих нестяжательских выступлениях составляет как бы прямое продолжение предшествующего ему в нашем сборнике «Слова о разсужении любви и правде и о побеждении вражде и лже». В «Слове о разсужении любви и правде. . .» автор рассматривает богатство как результат насильственного присвоения чужого труда и на этом основании говорит о богатых в форме всеобщего, не знающего исключений осуждения: «Богатый же всяк несть чист пред богом» (л. 179). Этот вывод обосновывается следующим рассуждением: «. . . всяко богатство от властвующих коварств насилием или некими ухищренми много збираемо, от своего же труда много богатества никому же мощно собрати, развие кому господь от земли утворшееся или от плодов земных или ото умножениа скота подаст» (л. 179).

Поэтому «низщета, — утверждает в «Слове о разсужении любви и правде. . .» Ермолай-Еразм, — бо есть честнейши богатества. . . понеже сам господь пребогатый в милостех, волею обнища» (л. 179).

---

[9] В. И. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, стр. 62—69.
[10] В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма, стр. 165.
[11] Там же, стр. 167. (Разрядка наша, — *А. К.*).

Мы, таким образом, вполне соглашаемся с В. Ф. Ржигой в том, что дух «Слова к верным...» говорит «в пользу авторства нашего писателя», т. е. Ермолая-Еразма. Отметим, что хотя в известных до сих пор исследователям сочинениях Ермолая-Еразма не встречается прямо направленных против монашества нестяжательских выступлений, тем не менее Р. Ю. Виппер указывал на близость Ермолая-Еразма нестяжателям,[12] а А. С. Орлов сближал нестяжательское сочинение «Беседу валаамских чудотворцев» с социально-политическим трактатом Ермолая-Еразма — «Благохотящим царем правителница и землемерие».[13]

Сказанное дает основание к поискам тех «специфических указаний» (Ржига), которые бы установили принадлежность «Слова к верным...» Ермолаю-Еразму. Эти указания мы находим в созвучиях «Слова к верным...» с некоторыми сочинениями Ермолая-Еразма.

Сопоставим отрывки:

Ермолай-Еразм

1. Господи Иисусе Христе... тебе благодетелю первоначальнейших наставник пустынножительству, болшаго в роженных женами Предтечи и Крестителя твоего Иоанна... и неродословимаго царя, великаго архиерея Мелхиседека, и огненоснаго пророка Илии, с ним же и преподобнаго Пахомия... молитвами помилуй...[14]

2. И поживе в божии заповеди сего ради от бога чюдесы почтен быв, молись о чтущих честную ти памят великий Висарионе. Солнце от течениа уставив, и морскую воду усладив и по речным глубинам ногами, яко по суху шествовав, и не ведый, беса словом изгнав, великий Виссарионе.[16]

Автор «Слова к верным...»

Се ли убо есть образ первоначалных пустынножитель святаго архиерея и царя Мелхиседека... или огненоснаго пророка Илии... или от Христа свидетельствованнаго, болшаго в рожденных женами Иоана Предтечи Христова и Крестителя... помянем же и Антония Великаго и Пафомия и инех святых.[15]

...глаголеть святый великий отец Висарион, иже птиче житие живый, иже многих чюдес от бога сподобивыйся иже и воду морскую осладил, иже преиде реку Хрусуру, сиречь Нил пеш по быстринам, иже солнце от течениа устави... иже не токмо словом жестока беса изгна, но посадиша беснаго на месте его.[17]

Следующие примеры указывают на то, что «Слово к верным...» лежит в мире образов и литературных приемов Ермолая-Еразма:

Ермолай-Еразм

1. ...бо ты своему рабу отдаси ризу с честию положити, он же яко уметы с небрежнием пометаше, како же хожеши казнити и, — колми же паче от бога осудятся мучитися бес конца в негасимом огни не чтущим образа его.[18]

Автор «Слова к верным...»

Знаменай убо яко аще кто от вельмож слузе своему даст ризу свою, он же шед изменив на чюжду и приидет, тогда прогневается господин его, яко изменил есть ризу дарованиа его. Се же есть не риза, но образ божия создания, паче же по божию образу и подобию. Таковое бо хуля на божий образ хулу приносит.[19]

---

[12] Р. Ю. Виппер. Иван Грозный. Ташкент, 1942, стр. 46.
[13] См.: История русской литературы, т. II, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 486—487.
[14] Книга Еразма о святой троице. — ЧОИДР, 1880, т. IV, стр. 100—101.
[15] Соф. 1296, лл. 198 об.—199.
[16] Ермолай-Еразм. Тропарь св. Виссариону. — Соф. 1296, л. 260—260 об. (см.: В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма, гл. XI).
[17] Соф. 1296, лл. 201 об.—202.
[18] Книга Еразма о святой троице, стр. 47.
[19] Соф. 1296, л. 198.

2. ...кийждо человек своему цареви или властели воздает урок от приплод своея земли: идеже бо ражается злато и сребро, ту и воздают злато и сребро... в русистей земле ни злато, ни сребро не ражаются.[20]

Мы бо убогаго по божию образу сотвореннаго человека ни во чтоже творим, но почитаем богатество, злато и сребро. Бог же сам паче всего почесть творя человеку, понеже сотвори его по своему образу и по подобию, злато же и сребро, не по своему образу сотворил еси бог, но на потребу и почесть человеку.[22]

Что бо веде, безумне, како дерзаеши, сего бо не веси ли, яко ни злато, ни сребро, ни многоценное камение, ни бисер потреби, но богоданную красоту честнейши злата и сребра, и камениа драгаго и бисера, понеже бо бог сотвори всего честнейши на земли человеческу плоть, созда бо ея своима рукама, злато же сребро и камение многоценное повеле земли и воде ражати.[21]

По совокупности приведенных конкретных данных и общих суждений о составе и композиции рукописи № 1296, которые приведем ниже, мы считаем автором «Слова к верным, иже христианя словом нарицаются, богови же супротивящеся коварствы и в сем на ся греха не возлагают...» Ермолая-Еразма.

*

Сочинение «Главы о увещании утешителнем царем...» состоит из 10 глав и оканчивается в нашем сборнике названием десятой «Ко всякому человеку и о скорби и о радости» (л. 276 об.).[23]

В. Ф. Ржига пишет: «Никаких определенных данных для суждения об авторе этих Глав у нас пока нет».[24] Попытаемся высказать суждение об этих «Главах».

«Главы» представляют собой сочинение, состоящее из десяти «молений», из коих шесть обращены к царю (и вельможам), одно — к архиепископам и епископам, два — к боярам и вельможам, одно — «ко всякому человеку». Перечень этих «молений» на первый взгляд создает представление, что мы имеем дело с опытом небольших церковно-назидательных проповедей, увещевательных и утешительных. «Главы» имеют следующие названия: 1) О радости нароженииа отрочат, о сынех; 2) О нарожениих дщерий; 3) О наследствии градов супостатных; 4) О победе на враги ратныя; 5) О скорби сродник умерших; 6) О скорби о побиенных на рати или плененых; 7) Архиепископом и епископом поставленных в чин; 8) В радости боляром и всем вельможам, в чин пришедшим; 9) В скорбех боляром и всем вельможам от сану избывшим; 10) Ко всякому человеку и о скорби и о радости.

Есть сквозная идея, проходящая через «Главы» и обобщаемая автором в своеобразном рефрене, которым заключается каждая, обращенная к царю глава: «Бог же мира да буди с тобою, государем, во веки». Под «миром» в данном случае понимается дух миротворчества. В каждом из поименованных обращений к царю автор взывает о «милости к падшим»: «сотвори милосердие к повинным ти, преврати гнев на милость, бог же свой праведный гнев, еже о твоих согрешении имать, к тебе на милость превратит и оставит ти согрешениа... Бог же мира да буди с тобою, государем, вовеки» (л. 271—271 об.). Мотив «милости» характерен для большинства сочине-

---

[20] «Благохотящим царем правителница и землемерие». — ЛЗАК, в. 33, стр. 194.

[21] Соф. 1296, л. 196—196 об.

[22] Ермолай-Еразм. Слово о разсужении любви и правде и о побеждении вражде и лже. — Соф. 1296, л. 178—178 об.

[23] Эту главу мы приводим в нашей публикации по рукописи XVII в. ГПБ, собр. Погодина, № 1558 (л. 32 об.).

[24] В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма, стр. 168.

ний Ермолая-Еразма. В наших «Главах» мотив этот в шести случаях обращен прямо к царю. Нельзя не обратить внимание, что речь автора «Глав» всегда имеет конкретный повод и связана с конкретными ситуациями. Автор обращается к царю со словом «О радости нарожениа отрочат». Он пишет: «господь и творец хотяй твоего государскаго плода, сотвори семени твоему благородие» (л. 271). Автор хорошо знает чаяния своего государя: господь бог может «и сердце его (новорожденного сына, — *А. К.*) сотворити в безстрашии и смысл в крепости и управити путь его ко благополучению, еже иноверныя покоряти и грады супостат наследити» (л. 271). Из главы «О нарожениих дщерий» мы узнаем, что автор знал не только радости, но и печали своего государя, он знает, что в связи с рождением дочери государь «не велми о сем порадовася», однако читаем в главе: «якоже миру без муж невозможну быти, тако и без жен» (л. 271 об.). И потому: «тебе же аще и неудобь, но его (бога, — *А. К.*) благодариши» (л. 271). В главе «О наследствии градов супостатных» автор сравнивает бранные подвиги своего государя с подвигами Авраама, Моисея, Иисуса Навина, Гедеона, Давида, побеждавших своих врагов споспешением божиим, и говорит своему государю: «Такоже и тебе ныне возвеличив и утешив» (л. 272 об.), но «сего ради, государи, — обращается наш автор, — аще хощеши от бога сугубу радость нынешнеи прияти..., сего ради, государи, божиа ради превеликиа милости нынешниа сотвори милосердие к повинным ти, преврати гнев на милость. Бог же свой праведный гнев, еже о твоих согрешении имать, к тебе на милость превратит и оставит ти согрешениа и воздаст ти сторицею на вся твоя враги одоление. Бог же мира да буди с тобою, государем, во веки» (л. 272 об.).

«Главы», которые автор свел в одно сочинение, воспроизводят в своеобразном преломлении события единственной и неповторимой ситуации, сложившейся в период «казанского взятия», и ближайших к нему лет, ситуации, современником которой был Ермолай. Если принять, что именно эти события являются предметом главы «О наследствии градов супостатных», «О победе на враги ратныя», «О скорби побиенных на рати или плененых», то остальные главы этого сочинения окажутся расположенными в своей внутренней связи. Глава «О радости нарожениа отрочат, о сынех» имеет в таком случае в виду сына Ивана IV Дмитрия, родившегося в те дни 1553 г., когда Иван IV еще не вернулся с казанского похода, а может быть, и другого сына Ивана IV, царевича Ивана, родившегося в 1554 г. («о сынех»). Глава «О нарожениих дщерий» может иметь в виду дочь Ивана IV Евдокию, родившуюся в феврале 1556 г.

Глава «О скорби сродник умерших...», имеющая параграф «Об отрочатех», утешает царя: «сего ради, государи, не скорбети, но о сих паче бога благодарити, яко без греха поидоша». В самом деле, царевич Дмитрий умер в том же 1553 г. Что касается главы «В радости боляром и всем вельможам в чин пришедшим», равно как и главы «В скорбех боляром и всем вельможам от сану избывшим», то в опалах, отъездах, связанных с боярским «мятежом» во время болезни Ивана IV, в падениях и возвышениях разных лиц в 1553 и ближайших к нему годах эти темы имеют свое глубокое оправдание.

Перед нами оригинальный памятник публицистической мысли середины XVI в., имеющий в центре своем политические события 1553 г.

Что можно сказать об авторе памятника на основании самого памятника? Живой отклик автора как на общегосударственные дела, так и на домашние (при всем их значении) печали и радости Ивана IV выдают в нашем авторе человека, более или менее близко стоявшего к царскому

двору, деятельного и, судя по форме его «Глав», обладавшего литературным даром.

Далее, выясняется религиозно-церковное направление, в котором мыслил наш публицистически настроенный автор. В этом отношении он глубоко отличен, например, от И. С. Пересветова.

Более того, наш автор обнаруживает большую осведомленность в библейских текстах, искусство в подборе их для обоснования своих идей, что позволяет предполагать в нем профессионала, обладавшего большой специфической образованностью.

Концовка главы 10 «Ко всякому человеку и о скорби и о радости» с ее обращением: «Сие чадо разумевай. Бог же мира да будет с тобою вовеки» — могла быть написана лицом, считавшим себя духовным отцом верующих. Отсюда обращение к «чаду». Можно высказать предположение и о месте, занимаемом нашим автором в церковно-иерархической лестнице. В том единственном обращении к архиепископам и епископам, которое имеется в наших «Главах», оно оканчивается словами: «Бог же мира да буди с тобою, господини мой, вовеки». Так не мог писать ни архиепископ, ни епископ, обращаясь в равнопоставленным духовным лицам. Для этого существовала определенная формула, а именно: «святейшому и боголюбивому и о святом дусе брату и сослужебнику...» (ср., например, послания архиепископа Геннадия к епископу Прохору, к епископу Нифонту, к архиепископу Иосафу).[25] Обращаясь не к конкретному лицу, а вообще к «архиепископам и епископам», т. е. в таком случае, как это имеет место в нашей «Главе», писали: «святейшим и боголюбивым братии нашей архиепископом и епископом...» (ср. послание архиепископа Геннадия собору епископов в 1490 г.).[26] И только обращаясь к вышепоставленным иерархам, духовные лица писали: «Господину государю преосвященному владыце...» (ср. послание Иосифа Волоцкого епископу Нифонту)[27] или, как например в обращении Геннадия к митрополиту Зосиме: «Господину отцу моему...».[28]

Наш церковнослужитель обращается к архиепископам и епископам не как к «братии», но со словом «господини», что в нем самом позволяет предполагать священника.

Далее этот близкий ко двору священник, обращавшийся с литературными произведениями к царю, вельможам, церковным иерархам и просто «ко всякому человеку», был, как показано, современником казанских событий.

Писателем-публицистом, церковно образованным, стоявшим во время казанских событий близко к царскому двору, был, по предположению И. Шляпкина, «протопоп Спасской с дворца Ермолай», упоминаемый под 1555 г. в Никоновской летописи. Кстати заметим, что единственное летописное свидетельство о спасском протопопе Ермолае связано именно с казанскими событиями. В 1555 г. состоялось поставление игумена Селижарова монастыря Гурия в архиепископы вновь образованной казанской архиепископии. В ряду иерархов, участвовавших в богослужении по поводу поставления первого казанского архиепископа, мы застаем спасского протопопа Ермолая. На церемонии поставления, свидетелем которой был Ермолай, присутствовал Иван IV. Можно продолжить параллель между

---

[25] Напечатаны в приложениях к книге Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье «Антифеодальные еретические движения на Руси в XIV—начале XVI века» (М.—Л., 1955), соответственно стр. 309, 312, 315.

[26] Напечатано в указанной книге Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье (стр. 379).

[27] Там же, стр. 419.

[28] Там же, стр. 373.

автором «Глав» и спасским протопопом, позднее монахом Ермолаем-Еразмом. Оба они имеют сочинения, написанные в форме обращений к царю. О «Главах» как серии литературных обращений к царю мы уже говорили. Напомним теперь о двух литературных обращениях к царю Ермолая-Еразма. Одно из них — его знаменитая «Благохотящим царем правителница и землемерие», другое — «К царю моление». Если, приняв во внимание указанные параллели, учесть, что «Главы» нашего автора мы узнаем из сборника сочинений Ермолая-Еразма, им самим составленного и, по мнению В. Ф. Ржиги, им самим написанного, то следует признать, что в этом последнем пункте «параллели» пересеклись и что, следовательно, в лице автора «Глав» мы имеем дело с самим Ермолаем, «протопопом Спасским с дворца».

Разумеется, нельзя пренебречь доказательствами формального характера. В сочинениях Ермолая-Еразма имеется характерное словоупотребление: «руссийстея земля». В первой редакции Повести о Петре и Февронии Муромских читаем: «Се убо русистей земле...»,[29] в «Правительнице»: «Зде же в русийстей земле...»,[30] в повести «О граде Муроме...»: «...бяше в росийстей земли...».[31] «Главы» близки к особенности еразмовского словоупотребления. На л. 273 читаем: «...за р у с и й с к у ю землю».[32]

Выше мы уже обращали внимание на излюбленную Ермолаем-Еразмом формулу величания Иоанна Крестителя, как «свидетельствованного от Христа, большего в рожденных женами». В этом случае имеются в виду евангельские тексты (Матф., II, 11; Лука, 7, 28): «не воста в розжденных женами болий Иоанна Крестителя». Однако формула эта хотя и имела хождение, но не была ни обязательна, ни общепринята в XVI в. Иосиф Волоцкий называл Иоанна Крестителя Иоанном Крестителем.[33] Так же называл Иоанна Крестителя Максим Грек (иногда просто Иоанном).[34] Столь же бесхитростно называет Иоанна Крестителя Зиновий Отенский.[35] Митрополит Даниил именует Иоанна Крестителя «великим пророком, предтечей, крестителем господним».[36] Но Ермолай-Еразм писал в своей книге о троице «от Христа свидетельствованнаго болшаго в роженных женами Иоанна Предтечи Христова и Крестителя», эту же формулу Ермолай-Еразм повторил в «Слове к верным...». Эту именно формулу мы встречаем и в «Главах» нашего автора: «Предтеча и креститель христов Иоанн, свидетельствованный от Христа, болший в роженных женами...» (л. 276 об.).

Сошлемся на близость друг к другу отрывков главы «О победе на враги ратныя» и повести Ермолая-Еразма о Василии Муромском, в которых говорится о крещении Руси Владимиром. Наконец, последняя из наших «Глав» — «Ко всякому человеку и о скорби и о радости» представляет со-

---

[29] В. Ф. Р ж и г а. Литературная деятельность Ермолая-Еразма, стр. 118.

[30] Там же, стр. 194.

[31] Сб. в честь С. Ф. Платонова, стр. 563.

[32] Там же: «всю Русию», «в Русии». — В «Правительнице» встречается и т о ж д е с т в е н н о е словоупотребление: «...во всех языцех кроме р у с и й с к а г о языка, не вемы правоверствующа царя» (ЛЗАК, в. 33, стр. 193).

[33] Просветитель. Казань, 1903, стр. 106.

[34] См., например, «Слово обличительно на агарянскую прелесть...» в Сочинениях Максима Грека (Казань, 1859—1860), стр. 100, 101.

[35] «Истины показание...». — Православный собеседник, 1863, сентябрь, стр. 210, 211.

[36] См. «Третье слово» у В. И. Жмакина (Митрополит Даниил и его сочинения. Приложения, стр. 8).

бой тему, встречающуюся в других сочинениях Ермолая-Еразма. В «Слове о божии сотворении тричастнем» имеется глава, названная Ермолаем-Еразмом «О радости и о скорби».[37]

*

Уже при поверхностном ознакомлении с содержанием сборника в нем обнаруживаются тематические разделы.

Около двух третей общего объема сборника (первые 175 листов) занимает раздел так называемого обличительного богословия. За ним следует раздел так называемого нравственного богословия (лл. 176—211). Особняком стоит политическое сочинение «Благохотящим царем правителница и землемерие». За ним идет раздел сочинений, относящихся к церковно-богослужебной практике. Он содержит правила расчисления пасхальных праздников и те тропари и кондаки на празднование памяти святых, которых не нашлось в святцах.[38]

На первый взгляд перед нами систематизированный сборник специально-богословского назначения. Однако при ближайшем рассмотрении сборника его богословские интересы отступают на задний план, а на переднем плане оказывается система социально-философских и политических идей. Что касается «Правительницы», то она не только не является в сборнике чужеродным телом, а, напротив, занимает место политического вывода из тех социально-философских рассуждений, которые содержатся в предшествующих ей сочинениях.

Первый раздел сборника (лл. 1—175) в богословских по форме и непосредственной цели (полемика с еретиками) сочинениях ставит своей задачей определить наиболее универсальный философский принцип всяческого бытия и указывает этот принцип в гармонии. Троичное единство в понимании нашего автора и есть не что иное, как возведенная в божественное достоинство гармония. Это значит, по нашему автору, что ничто в мире не может существовать как независимое, отдельно взятое, само по себе. Подобно троице всякое существование есть всегда сосуществование, а вне последнего никакое существование невозможно. Противоречия и контрасты, по мнению нашего автора, суть незаконные порождения. Самое существование троицы как любовного союза бога — отца, сына, духа — является всеконечным осуждением контрастов и противоречий.

Эта идея согласного, общного существования проецируется нашим автором на окружающий мир. Природа, по его мнению, существует как совокупность общностей. Таковы общность света, сумрака, тьмы, существование которых взаимообусловлено. Таковы же общности солнца, звезд, луны или, например, грозы, молнии. И так далее.

Человек существует как общность: внутренне — ума, слова, души, внешне — головы, туловища, конечностей. Но ни одна из частей, образующих ту или иную общность, не обладает самостоятельным существованием. Если человек есть общность, состоящая из головы, туловища, конечностей, то в свою очередь общностями являются голова (лицо, лоб, подбородок), туловище (гортань, грудь, бедра), конечности (трехчленны). Если голова есть общность, состоящая из лица, лба, подбородка, то и они в свою очередь являются общностями. Лицо, например, состоит из рта, носа, глаз. Но и таковые суть общности: рот состоит из верхнего нёба, нижнего нёба, языка, и т. д. и т. п.

---

[37] ЧОИДР, 1880, т. IV, стр. 94—95.

[38] О принадлежности сочинения «Главы утешителные царем...» к тому или иному разделу ничего сказать нельзя, так как это сочинение, а с ним и весь сборник обрывается на заголовке десятой главы.

Мир раскрывается Ермолаем-Еразмом в иерархической бесконечности троичных комплексов, отражающих наивысший гармонический комплекс — божественную универсалию отца, сына и духа.

За религиозной философией Ермолая-Еразма в сборнике № 1296 непосредственно следует его религиозная социология (лл. 176—211). Она представлена в нашей рукописи тремя сочинениями: «Слово о разсужении любви и правде и о побеждении вражде и лже», «Слово к верным, иже христианя словом нарицаются...» и Поучение к своей душе. Среди них наиболее значительно «Слово о разсужении любви и правде...». Соответствуя основной идее ралигиозно-философских построений Ермолая-Еразма, «Слово о разсужении любви и правде...», как и названные другие два сочинения, исходит из понятия об обществе как комплексе, благополучие которого достигается путем гармонического сочетания интересов людей.

В высшей степени показательно, что «Слово о разсужении любви и правде...» начинается как раз с итога предшествующих ему религиозно-философских сочинений: «О сем убо разумеем, яко начало любы есть союз божий — соединение пресвятыя троица, отца и сына и святого духа, понеже убо от бога отца к безначальному единородному сыну его и пресвятому духу истекание соединена содержашеся любы...» (л. 176).

В поисках принципа, обеспечивающего общественное согласие, Ермолай-Еразм приходит к значительным и смелым выводам. Он дает социальное раскрытие нравственных понятий правды и лжи. По Ермолаю-Еразму, правда — в труде, ложь — в присвоении.

Отсюда положительный нравственный идеал Ермолая-Еразма — «стяжание блаженного труда в работе» (л. 187 об.). Это единственное «стяжание», которое допускает Ермолай-Еразм. По отношению ко всему, что достигается помимо «блаженного труда в работе», Ермолай-Еразм выступает решительным нестяжателем. Выработав принцип (в пределах всей группы сочинений, о которых идет речь, в том числе и «Слова к верным...»), на основе которого, по мнению Ермолая-Еразма, можно осуществить любовный союз всех людей, он намечает его конкретную картину. В качестве таковой выступает «Благохотящим царем правителница и землемерие». Но намечая проект конкретного осуществления своего социально-нравственного идеала, Ермолай-Еразм встретился с непреодолимыми трудностями. В самом деле, Ермолай-Еразм искусственно исключил из своих построений существовавшие как законы и практика действительной жизни контрасты, противоречия, борьбу. Его замысел достичь любовного союза людей на основе «стяжания блаженного труда в работе» имел перед собой действительность вопиющих имущественных и социальных контрастов. Каким способом можно было среди такой действительности проложить путь принципу: «стяжание блаженного труда в работе»?

Ермолай-Еразм отверг насилие. Следовательно, принцип его должен был быть осуществлен на началах всеобщего взаимного согласия. Речь могла, таким образом, идти только о реформе, а реформа в свою очередь зависела от того, найдется или не найдется для нее «благохотящий царь». Но самым важным, быть может, является то, что, прежде чем разбиться о практику, принцип «стяжания блаженного труда в работе» разбился о собственную теорию Ермолая-Еразма.

Политически принцип «стяжания блаженного труда в работе» должен был утвердить за непосредственными производителями господствующее положение в обществе. «Правительница» запечатлела порыв Ермолая-Еразма к такому утверждению в его мысли о том, что более всего «потребны» ратаи.

Но мы помним, что целью философии Ермолая-Еразма являлась согласованная во всех своих частях общность. Отсюда и другое утверждение «Правительницы», а именно — что хотя более всего «потребны» ратаи, но «потребны» и вельможи, и воинники, и купцы. Это значило, что общественно-политические функции, осуществлявшиеся боярами, дворянами, купцами, в большей или меньшей мере признавались Ермолаем-Еразмом также «стяжанием блаженного труда». Любовный союз людей, представленный Ермолаем-Еразмом в «Правительнице», есть общество, в основание которого положен уже не принцип «блаженного труда в работе», провозглашенный им в Слове о «любви и правде», а разделение функций в обществе, когда по сути дела труд «в работе» признается «блаженным стяжанием» для ратаев, а «труд» в господстве — «блаженным стяжанием» для бояр, дворян и купцов. «Правительница» стремилась сбалансировать существовавшие в обществе диспропорции таким образом, чтобы баланс оказался положительным для всех сторон. Это являлось утопией.

Мы представили в виде общей схемы социально-философские взгляды Ермолая-Еразма, логический порядок которых повторен в композиционном порядке находящихся в рукописи Соф. 1296 сочинений.

В 60-х годах XVI в., к которым относится рукопись № 1296, никто, кроме самого автора, не мог расположить сочинений, входящих в нее, в таком внутренне оправданном соотношении.

Прибавляя изложенное к тем наблюдениям, которые сделал над рукописью Соф. 1296 В. Ф. Ржига в исследовании «Литературная деятельность Ермолая-Еразма», мы считаем рукопись Соф. 1296 сборником сочинений Ермолая-Еразма, составленным, а по всей вероятности, и написанным им самим.

ТЕКСТЫ

I

л. 176 **Слово о разсужении любви и правде и о побеждении вражде и лже. Благослови отче**

Всякому держащемуся благовериа удобно есть внимати о благорастворении добродеяния, паче же всего разумевати еже о любви, та бо есть всех добродетелей главизна, та есть всем благотворением мати, от тоя бо ражаются вся добротворениа. О сем же положим растворение и купно о сей глаголем, яко не от земных добродетельствий, но от божияго существа та есть, ибо сам господь рече: «Отец бо любит сына и вся показует ему, яже сам творит».[а] О сем убо разумеем, яко начало любы есть союз божий — соединение пресвятыя троица отца и сына и святого духа, понеже убо от бога отца к безначальному единородному сыну его и пресвятому духу истекание соединениа содержашеся любы, яко же на горах на Фаворе и Ермоне глас бысть: «Се есть сын мой возлюбленный».[б] Внегда же по милости своей невидимый бог восхоте возлюблениа своего ради небесная
л. 176 об. совокупити с земными, показа милосердиа || своего любовь к человеческому роду. Яко же сам господь рече: «Тако бо возлюби бог мир, яко и сына своего единороднаго дал есть».[в] Смири бо ся божий сын и бог даже и до рабиа образа, прииде бо в человеческу плоть сего ради, яко бога человеком

[а] *Иоанн, III, 35.* [б] *Матф., XVII, 5.* [в] *Иоанн, III, 16.*

неудобь видети, нань же не смеют чини ангельстии зрети, яко же сам господь рече ко угоднику своему Моисею: «не можеши видети лица моего, не может бо человек видети лице мое и жив быти».[г] Возлюбения же ради человеком, еже да быша видяли его, сотвори си лице плотяно и претерпе волею досажение и оплевание, и биение, и поругание, и страсть, и смерть распятиа, и погребение за вся человеки, яко же сам рече ко учеником своим: «си есть заповедь моя, да любите друг друга, яко же возлюбих вы, болше сея любве никто же имат, да кто душу свою положит за други своя. Вы друзи мои есте, аще творите яко аз заповедаю Вам».[д] О сем же убо и верховный апостол Христов Петр наказуя ны глаголеть: || «Христос пострада по нас, нам оставле образ да последуем стопам его»,[е] *л. 177* сиреч, аще бо умертвимся за правду. Се есть истинная любы, еже за вся человеки умрети. Всяка бо человеческа душа оживотворится правдою. Правда же есть, еже соблюсти заповеди господня, еже есть любы. Яко же рече возлюбленный господам богословный Иоанн: «О сем познахом любовь, яко бог по нас душу свою положи и мы должни есмы по братии душу полагати».[ж] О страсе же господь рече: «не убойтеся ото убивающих тело, душу же не могущих убити, сказаю же Вам, кого убойтеся, убоитеся имущаго власть по убиении воврещи в дебрь огнену, ей глаголю Вас, того убойтеся».[з] Возлюбленный же господом богословный гром глаголет: «Страха несть в любви, но совершенная любы вон изгоняет страх, яко страх муку имат, бояйжеся не свершается в любви».[и] Се убо слово вси верующии должни есмы внимати, да кийждо веруяи до конца стерпит. Се же убо исполниша святии апостоли, яко не убояшася прещениа мук любве ради заповедей Христовых, по сих же || и сии, иже желаху по *л. 177 об.* Христе мучитися. Яко же сам господь рече ученикам своим: «Заповедь нову даю вам да любите друг друга, яко же возлюбих вы, да и вы любите себе. О сем разумеют вси, яко мои учиницы есте, аще любовь имате межю собою».[к] И паки сам господь рече: «Имеяй заповеди моя и соблюдая и, той есть любяй мя, а любяй мя возлюблен будет отцем моим и аз возлюблю его и явлюся ему сам».[л] И паки сам господь рече: «да разумеет мир, яко люблю отца и яко же заповеда мне отец, тако творю».[м] Сие рече господь наказуя да быша верующии ему тако творили, яко же сам заповеда. И паки господь рече учеником: «яко же возлюби мя отец и аз возлюбих вас, будите в любви моей. Аще заповеди моя соблюдете пребудите в любви моей, яко же аз заповеди отца моего соблюдох и пребываю в него любви. Сиа глаголах вам, да радость моя в вас будет».[н] Се бо рече господь, || яко сам радуется о совершенней любви и паки рече: «и радость *л. 178* ваша исполнится».[о] И паки рече: «Не к тому вас глаголю рабы, яко раб не весть что творит господь его, вас же ркох други, яко вся яже слышах ото отца моего сказах вам».[п] Того бо ради бог небесный творец ученики своя други нарицая, яко подая образ всем велможам смирениа — еже убогих не уничижати, ни возноситися тленнаго ради и насилием собраннаго богатства, но любити тако богосозданнаго человека, яко не токмо его ради богатества тленнаго щадети, но и плоти своея его ради не пощадети, яко же сам господь плоти своея за ны не пощаде. Сего бо ради богозванный Павел к Тимофею пиша глаголет: «богатым в нынешнем веце запрещай не высокомудрствовати, ни уповати на богатество гибнущее, но на бога живаго».[р] Мы бо убогаго по божию образу сотвореннаго человека ни во

[г] *Исход, XXXIII, 20.* [д] *Иоанн, XV, 12—14.* [е] *I Петра, II, 21.* [ж] *I Иоанна, III, 16.* [з] *Матф., X, 28.* [и] *I Иоанна, IV, 18.* [к] *Иоанн, XIII, 34—35.* [л] *Иоанн, XIV, 21.* [м] *Иоанн, XIV, 31.* [н] *Иоанн, XV, 9—11.* [о] *Иоанн, XV, 11.* [п] *Иоанн, XV, 15.* [р] *I Тимоф., VI, 17.*

л. 178 об. чтоже творим, но почитаем богатество, злато и сребро. || Бог же сам паче всего почесть творя человеку, понеже сотвори его по своему образу и по подобию. Злато же и сребро не по своему образу сотворил есть бог, но на потребу и на почесть человеку, и сам бо распятие пострада за человека, а не за злато, ни за сребро. Како же убогаго безчестна творим, яко по тому же божию образу сотворен есть яко же и богатый. Есть бо се в мире, яко той же человек, преж быв убог, малу трапезу имяше и худы порты ношаше, живяше бо от своего труда и душу имый светлу — и не чтяхут и. По случаю же некогда приближися к велможам и некоторыми насилующими коварствы обогате, и душу си омрачи, и учреди трапезы силны, и одеяниа многоценна, и села, и винограды, и чтяхут и поклоняхутся ему омраченнаго того ради угодиа миродержителя дьявола, не ведуще како есть душа его честна ли, безчестна ли пред богом. Аще ли же некоему богату и чтиму бывшу ото всех, душу же имущу от насильства
л. 179 темну, || некогда же благий бог, милости своея ради восхотев его на покаяние привести, послет нань наказание и отоимет власть его, и упразднит и от насильства, и не будет собраннаго ему от туждих трудов. И пришед во умиление приидет на истинное покаяние, и просветится душа его пред богом, и узревши и в низщете тогда учнут и безчестити, и ругатися ему, вместо еже бы и паче перваго почтити и. Низщета бо есть честнейши богатества тленнаго пред богом, понеже сам господь пребогатый в милостех, волею обнища. Богатый же всяк несть чист пред богом, яко же сам господь рече: «удобие есть велбуду всквозе иглины уши пройти, неже богату во царство божие внитти»,[с] понеже бо всяко богатство от властвующих коварств насилием или некими ухищренми много збираемо, от своего же труда много богатества никому же мощно собрати, развие кому господь от земли утворшееся или от плодов земных или ото умножениа скота по-
л. 179 об. даст, || яко же Аврааму и Иеву и инем праведником, но не на сокровение же или на величание и на гордость, но того ради, яко приим помилование от бога, и не пощадите же расточити убогим любве ради христовы, а не погибнет во аде, яко богатый он, пред него же враты нищий Лазарь лежаше. О таковых бо Ияков брат господень по плоти написа: «Да хвалит же ся брат смиренный в высоте своей, богатый же в смирении своем, зане яко цвет травный мимо идет. Восиа бо солнце со зноем и усше трава и цвет ея отпаде и благолепие лица ее погибе, тако и богатый в хожении своем увядает. Блажен муж, иже претерпит искушение, яко искушен быв приимет венец жизни, иже обеща господь любящим его».[т] И паки рече: «Не бог ли избра нищая мира, богаты в вере и наследники царствия, иже обеща господь любящим его».[у] Яко же бо сам господь рече учеником своим: «и не глаголю вам, яко аз умолю отца о вас, сам бо отец любит вы,
л. 180 яко вы мене возлю||бисте».[ф] Сие же вся сведый господь рече сего ради, яко святии ученицы его ради пostражут и человек ради, их же душа спасут, ибо и сии многи пакости сотвориша им, елицы последи пришед в чювство разумеша, яко апостоли хотяще им жизни вечныя и от них же страдаша, свершающе господню заповедь, еже о любви, яко положити душу за други своя. Сии бо не мняху яко бысть древний друг, но мняще яко ныне и враг, но друг будет по вере. Господь бо наказая их, рече: «любите враги ваши, благословите кленущая вы, добро творите ненавидящим вас, молите за творящая вам напасть и изгонящая вы, яко да будете сынове отца вашего, иже есть на небесех».[х] Се бо слово и всем верным

[с] *Матф., 19, 24.* [т] *Иаков, I, 9—13.* [у] *Иаков, II, 5.* [ф] *Иоанн, XVI, 26—27.* [х] *Матф., V, 44—45.*

в заповедех его ходящим образ даст господь, яже сам на кресте рече:
«Отче, отпусти им, не ведят бо что творят».[у] Вся бо сведый господь, аще
и сам не имеяй греха, но образ дая, яже вся напаствуемая терпети добро
есть, сего ради повеле любити враги, яко враг лутши друга есть. Друг бо
по твоему нраву хотя плотскому || твоему естеству благо творити, враг же *л. 180 об.*
томлением тела твоего душу твою пресветле очищает, яко оба ти к пользе
суть друг убо к телесному естеству, враг же к пользе к душевному свой-
ству. Сего ради господь вся равно повеле любити, яко же друга, тако и
врага. Не свершен бо враг всякий человек, аще и телу зрится враг,
души же целитель есть. Сего ради никако же достоит враждовати, токмо
на невидимаго врага миродержителя. Се бо есть истинный враг, еже хо-
тяй и душу и тело в муку неокончаемую вовлещи. Сего убо подобает дел
ненавидети и братися с ними. Яко бо кто пребываяй в делех его, в нем
пребывает[ч] — и в себе место ему сотворяет.[ч] О горе тако быти, сего бо
дела не от существа суть, но от неправды, ложь бо есть, якоже и господь
рече о нем. Ложь бо толкуется, еже преже не бысть но еже не сущее сло-
жити, сие и оное и глаголати бысть, еже убо не бысть, или не к своему
трудотво||рению прилагатися и чюжая восхитати — се есть ложь, есть бо *л. 181*
се от сатаны, яко восхоте на божии сотворении, на облаце, поставити пре-
стол и приложитися вышнему и сими погибе. Убо есть ложь сложение, еже
несущество, того ради нарицается блядство. Добро же есть сего отбегати
и пребывати во господних заповедех, еже есть в любви, сею бо вся запо-
веди господня исправятся. Любовь же есть истиниа, еже земных богатеств
нестяжание, не сих бо осужая глаголю, елицы земных стяжание требуют,
но сих похваляя, елицы стяжаниа не желают, но нестяжание хвалят, яко
бо сие ни у кого же ничесо же не нудит восхитити и не сотворит никого же
жалящися на тя. Добро убо есть в таковых пребывати, се бо есть господня
воля. Аще ли же кто собирати от чюжих трудов не останется и глаголеть:
«аще и богатею, а любовь творю», се ложь есть, невозможно бо обоего
сего творити. Егда бо прииде ко господу некий и рече ему: «Учителю бла-
гий, что благо сотворю да имам живот || вечный»? Господь же рече ему: *л. 181 об.*
«что мя глаголеши блага, никто же благ, токмо един бог».[ш] Сего бо ради
господь тако рече, понеже он блага учителя нарицашей и не вероваше, яко
бог есть. Господь же поведа ему, яко благ есть и яко бог есть и рече ему:
«аще хощеши внити в живот, соблюди заповеди. Глагола ему: „киа?“.
Исус же рече: „еже не убиеши, не прелюбы сотвориши, не украдеши, не
лжесвидетельствуеши, чти отца и матерь и возлюбиши искренняго своего
яко сам себе“. Глагола ему юноша: „вся сих сохраних от юности моея и
что есмь еще не докончал?“. Рече же ему господь: „аще хощеши свершен
быти, иди продаждь имение свое и даждь нищим и имети имаши сокро-
вище на небеси и гряди вслед мене“. Слышав же юноша слово, отиде
скорбя, бе бо имея стяжания многа. Господь же рече ученикам своим:
„аминь глаголю вам, яко неудобь богатый внидет во царство небесное,
удобие бо есть велбуду всквозе иглини уши проити, || неже богату во цар- *л. 182*
ство божие внитти“».[щ] О сем бо златоглаголивый Иоанн глаголет в тол-
ковании своем: «яко вся си заповеди менши есть любви, но подручны суть
ей». Господь бо о всех заповедех воспросив, таже глагола ему: возлюбиши
искренняго своего, яко сам себе. Он же отвеща: вся си сохраних еще от
юности. Се убо слово ложь глаголя, яко аще бы любил искренняго своего,
яко сам себе, не бы убо был богат, много бо искренних в низщете, и
аще бы их любил яко себе, убо раздаял бы им все богатество и был бы

[у] *Лука, XXIII, 34.* [ч—ч] *Приписано на полях слева рукою того же писца.*
[ш] *Матф., XIX, 17.* [щ] *Матф., XIX, 16—24.*

с ними равен в низщете. Сего бо ради господь изъявляя неисправленное слово его рече: аще хощеши совершен быти, иди и продажд имение свое и даждь нищим. Он же сего ради оскорбе, яко не любляше тем отдати своего богатества, их же рек любляше яко себе. Се убо он изъяви, еже не тако любляше искренняго яко себе. Сего ради рече господь: яко неудобь богатый внидет во царство небесное. О таковых бо и Ияков брат госпо-
л. 182 об. день по плоти пиша глаголет: «Богатии плачитесь рыдающе || о страстех ваших грядущих на вы, богатество ваше изгни и ризы ваша молиа поядоша, злато ваше и сребро изржаве и ржа их в послушество вам будет».[э] Мы же сих ради речем, о добрая нищета, ею же Христос бог наш волею обнища, показуя нам нелицемернаго смирениа образ, им же возводимся к нему во царство горняго Иерусалима. Яко же сам господь ко отцу молясь о ученицех рече: «не о сих молю токмо, но и о верующих словесе их ради в мя, да вси едино суть, яко же ты отче во мне и аз в тебе да и ти в нас едино будут».[ю] И паки рече господь: «Отче, их же дал еси мне, хощу, да идеже есми аз и ти будут со мною, да видят славу мою, юже дал еси мне, яко возлюбил мя еси преже сложениа мира. Отче праведный, мир тебе не позна, аз же тя познах и сии познаша, яко ты мя посла. И сказах им имя твое и скажу да любы, ею же мя еси возлюбил, в них будет и аз в них».[я] О сем же глаголет и возлюбленный господом богословный Иоанн
л. 183 в послании своем: || «Не любяи брата своего во тме есть».[II, а] И паки рече: «да любим друг друга, не яко же Каин от неприязни бе и закла брата своего. И за кую вину закла его? Яко дела его лукава быша, брата же его праведна».[б] Сего бо ради великий богослов сию притчю написа, понеже мнози и до ныне зависти ради о делех друг друга снедают. Понеже сих множайши, елицы возлюбиша неправду, елицы же обретаются живущии по бозе, сих вмале. Посему убо противу неправде ополчатись не могут и снедаеми сут завистию. И паки же великий богослов рече: «иже бо аще имат житие мира сего и видит брата своего требующа и затворит утробу свою от него, како божиа любы пребывает в сем. Чадца моя, не любим словом и языком, но делом и истинною».[в] О сем же Ияков брат господень по плоти рече: «аще брат или сестра нага будета и лишена будета дневныя пища, речет же има кто от вас, идита с миром,
л. 183 об. грейтася и насыщайтася и не даст же има требование || телесное, кая полза».[г] И паки же богословный Иоанн глаголет: «яко любы от бога есть и всяк любяй от бога рожен есть и разуме бога, а не любяй не разуме бога, яко бог любы есть. О сем явися любы божиа в нас, яко сына своего единородного посла бог в мир, да живем о нем. О сем есть любы, не яко мы возлюбихом бога, но яко той возлюби нас и посла сына своего оцыщение о гресех наших. Возлюбленнии, аще сице возлюби нас бог и мы должни есмы друг друга любити. Бога никто же нигде же виде. Аще любим друг друга, бог в нас пребывает и любы его совершенна есть в нас. О сем разумеем, яко в нем пребываем, и той в нас».[д] Се бо рече богословный, яко аще заповедь господню соблюдем, юже господь положи нам, яко сам любляше и его возлюблениа заповеди, еже от него изшедшая, в нас пребывают, се сам бог в нас пребывает и мы пребывающе в повелении его се в нем пребываем. И паки богослов рече: «И мы познахом и
л. 184 веровахом любовь, || еже имат бог в нас. Бог любы есть и пребываяй в любви, в бозе пребывает и бог в нем пребывает».[е] И паки рече: «Мы

[э] Иаков, V, 1—3. [ю] Иоанн, XVII, 20—21. [я] Иоанн, XVII, 24—26. [II, а] I Иоанна, II, 9. [б] I Иоанна, III, 11—12. [в] I Иоанна, III, 17—18. [г] Иаков, II, 15—16. [д] I Иоанна, IV, 7—13. [е] I Иоанна, IV, 16.

любим бога, яко той первие возлюби нас».[ж] Се бо изявляше богословный, яко любовь есть безначялна отца и сына и святого духа. Яко бо сего ради бог сотвори человека по образу своему и по подобию, яко хотяше любити и, любя же человеки сниде с небес и одеяся человеческою плотию, и умертвися за человеки плотию, дая образ любве человеком. Паки же богословный глаголя: «аще кто речет, яко любя бога, а брата своего ненавижу — ложь есть, ибо не любяй брата своего, его же виде, бога, его же не виде, како может любити. Сию заповедь имамы от него: „да любяй бога, любит брата своего"».[з] «Всяк веруяй, яко Исус есть сын божий, от бога рожен есть, и всяк любяй рожешаго любит и роженнаго от него. О сем разумеем, яко любим чяда божия, егда бога любим и заповеди его соблюдаем».[и] Се бо богословный, похваляя любовь, блажит творящих ю. Еже рече: «веруяй Христови от бога рожен есть и любяй от не||го же родися, любит и роженнаго от него», си речь яко от него же сам родися, от того же рожешагося любит и яко брата менит. Сего ради рече: «яко любяй бога, любит брата своего». А еже, рече, любим чада божиа, сиречь еже по Христе единоверныя, яко порожешихся от единоя купели крещениа. Яко же богословный в евангелии написа о Христе: «даст им область чадом божиим быти, верующим во имя его, иже не от крови, ни от похоти плотскиа, ни от похоти мужескиа, но от бога родишася».[к] Тако же и богозванный Павел к римляном написа: «елицы духом божиим наводятся, сии суть сынове божии».[л] И паки же богословный рече: «се есть свидетельство божие, еже свидетельствова о сыне своем. Веруяй в сына божиа имать свидетельство о нем, а не веруяй богови, лжа сотворил есть его».[м] Разумеваем же убо, яко богословный написа, иже не веруяй христови, отчее свидетельство лжа сотворил есть, тако же и заповедем христовым не веруяй, не и||мея любве, юже Христос предаде, тако же яко лжа христовы заповеди сотворил есть, се есть антихрист. Яко же богословный рече: «последняя година есть, яко же слышасте, егда антихрист грядет».[н] И ныне антихристи быша мнози, сиречь, иже истинныя любве не творяще. Се бо есть нелицемерная любы, еже никому же обиды [о]сотворити. Глаголют бо в мире: яко се есть любовь, еже сотворив пир созвати от своих приятель и соседы и елицы и ким нрава ради угодная творяхут, и тем друзи быша. Но не есть се любовь, егда бо кто творит пир на честныя мужа, сии срама ради множество многоценных брашен[о] учрежает. Многоценная же брашна множества всякому человеку от своего труда невозможно стяжати, но убо таковая составляются от властельскаго и насилственнаго притяжаниа, яко убо вельможа ничтоже имеюще от своего труда, но изъядающе и одеяниа носяще людская труды. Что бо есть || за любы, еже насилну трапезу збирая мнозех оскорбляти недостаточствующих. Не мнозех же от честных мира сего, от таковых же елици тако же недостаточствующих оскорбляют сих многоразличными брашны питати, многоценными питии, за сии нрав еже оному насиловати и оскорбляти не возбраняют и сами таже творят. И сии убо пиры творяще веселятся, а от них же се собраша, сии плачют недостаточествующа же кого призывают на се, яко да и паче истощится, к сим же много принося, несть бо се любовь, но многим оскорбление. Аще убо кто таким насильственым трапезам причащается, сии убо единомысленник обретается творящим и. О таковых бо Иоанн Богослов пиша глаголет: «Не любите мира, ни яже в мире. Аще кто любит мир, любве божиа несть в нем, яко все еже

л. 184 об. *л. 185* *л. 185 об.*

[ж] *I Иоанна, IV, 19.* [з] *I Иоанна, IV, 20—21.* [и] *I Иоанна, V, 1—2.* [к] *Иоанн, I, 12—13.* [л] *Рим., VIII, 14.* [м] *I Иоанна, V, 9—10.* [н] *I Иоанна, II, 18.* [о—о] *На полях ркп. против этих слов:* о суетной любви.

в мире похоть плотская, похоть очима и гордыни». [п] И паки глаголет:
л. 186 «аще кто грядет к вам и сего учениа не приносит, || не приемлите его в дом и радоватися ему не глаголите; глаголяй бо ему радоватися причащается делех его злых».[р] Ияков же брат божий по плоти тако глаголет: «любы мирская — вражда божия есть, иже убо восхощет друг быти мира, враг божий бывает».[с] И паки рече: «се мзда делателие дел ваших, нивы ваша лишенная о вас вопиют и вопиениа их во уши господа Саваофа внидоша, возвеселистеся на земли и насладистеся, упитасте сердца ваша, яко в день заколениа. Осудисте и убисте праведнаго непротивящагося вам». [т] Июда же христов апостол, брат Ияковль о таковых рече: «си суть в любвах ваших сквернами гостящеся».[у] Избранный же Павел римляном пиша глаголет: «аще брашна ради брат твой скорбит, уже [ф]к тому[ф] не полюбви ходиши, не брашном своим оного погубляй, о нем же Христос умре».[х] Тако убо о сей любви писаша святии апостоли [ц]Иван же златоглаголивый тако написа: не того ради живем, яко да ямы, но того ради ямы, яко да живи будем. Такоже и Кирил Философ написа: не того ради сотворени быхом да ядим и пьем и в различие риз одеемся, но да угодим богови и получим благая.[ц] Любы же истинная еже любити творца своего и молитися ему безпрестани и творити заповеди его. Аще бо кто совершает ||
л. 186 об. любы, сий в чюжем прибытка не желает ни в чем же, не разбивает, не крадет, не бьет, не насильствует, не резоимствует [ч]не мздоимствует всякого мшелоимства и лихоимства[ч] не временствует, не гордится, не тщеславится, не завидит, не блудит, не сводит, не лжет, не клевещет, не осужает, не подсмехает, [ш]не хулит божиа твари, и ни человека, ни вещи не спорует, не тщеславует ни в чем, праведен ся не зовет, ни умен, злыя мысли вся отмещет, ни в чем не похваляется,[ш] не бранится, не ротится [щ]ни словом, ни делом[щ] не гневается, обиден или срамочен не мстится, матерски не лает, скверны не глаголет, не шутит, в церкви не глаголет, к волхвом и чяродеем не ходит любве ради господня, не обядается, и не опивается поста ради, не много глаголет пустошных глагол ради, не много спит молитв ради, высоты не ищет смирениа ради, на красоту риз не тщится, яко же заповеда господь апостолом, и богатество много не сбирает, аще ли же у кого [э] от трудов его что возмеши — се убо расторже любовь, яко оскорбил еси человека создание божие. Или аще кого бил еси, или бранил, или поносил хотя нечто отъти у него, или гордыни
л. 187 ради — се тако же расторже любов, || яко прогневал еси. Или аще в суде мзду взял еси, се убо расторже любов, яко от чюжаго притяжаниа богатееши человеку же скорбь сотворил еси [ю]аще и оправил еси по правде, но бог правду даром сотвори, ты же продав ея, светило же правде Христос.[ю] Аще ли же купец еси и малом что искупив, временем же на сем много чрез естество взимаеши и се убо расторже любовь, яко и не можеши насиловати, сему же радуешися яко от случениа нужди человеческиа на малом многа збираеши. Или же паки аще сребро твое даси в лихву и се убо расторже любовь, яко бо всякое животное божиим повелением растет, садовное же по божию повелению от солнечнаго огревания растет, твоему же сребру не положи бог растениа, ты же противишися богу, яко нерасленному повелеваеши расти. Или аще когда временствовав, или ким возгордев — и се убо расторже любовь, яко велик сотворися.

[п] *I Иоанна, II, 15—16.* [р] *II Иоанна, I, 10—11.* [с] *Иаков, IV, 4.* [т] *Иаков, V, 4—6.* [у] *Иуд., I, 12.* [ф—ф] *В ркп. над строкой.* [х] *Рим., XIV, 15.* [ц—ц] *Приписано на полях справа рукой того же писца.* [ч—ч] *Приписано на полях слева рукой того же писца.* [ш—ш] *Приписано на полях сверху рукой того же писца.* [щ—щ] *Приписано на полях слева рукой того же писца.* [э] *В ркп.* ко. [ю—ю] *Приписано на полях сверху рукой того же писца.*

Или болезнь наведе богосозданному человеку, или паки тщеславуя ложью оскорбив или оклеветав, || или осуди, или подсмея, или ошутив — и се *л. 187 об.* убо расторже любовь, яко осрамоти человека создание божие. Или паки аще чтоналжысвидетельствова и се убо расторже любовь, яко человека в напасти погрузи. Сие же убо глаголю к неимущим власти, яко аще кто не может насильством отъяти что у кого ни инеми коварствы к себе ничесо же отлучити, труда же блаженнаго в работе не хощет стяжати и тем внити в царство божие, но от дьявола отягчен леностию души своей на погубление и шед украдет — и се убо расторже любовь, яко бо аще и не ругаясь, сиречь не явственне взят, но обаче чюжая же труды преобиде. Или аще у кого на блуд жену увеща — се убо расторже любовь, яко з женою разлучи и противяся сему, еже сам господь рече: «яже убо бог сочта, человек да не разлучает».[я] Аще ли же кому блудное насилие сотвори или лестными коварствы || на блуд кого увеща — се убо како любве *л. 188* не расторже, яко лстя и оболгая, зде творя любяи, како бо любяи, единою ражжение плоти своея хотя дьяволею утехою утолити, сего же душу в веки в негасимый огнь сведе тако же и себе. Сими убо всеми делы и инеми обидимыми и соблазнеными любовь растерзается. Собрание же всякое содевается гордыни ради. Кийждо бо человек от миродержителя дьявола подстрекаем есть, абы в мире сем был честен и славен и богат, и кийждо бо нас хощем украшениа ради ризнаго и пиротворениа от божиа заповеди отврещися и любовь расторгнути и сим душу и тело послати в негасимый огнь з бесы мучитися. Но беси убо дух лукав и в муце будут без плоти, человецы же с плотию, и аще и безплотнии отпадшии и почювителне будут терпяще в муках, како же плотстии. О отцы || и братиа, разумеем силу *л. 188 об.* любве, ибо и милостини и смирению мати есть. Аще бо низша и странна не возлюбиши и не поскорбиши о нем и не приложиши его к своему человечеству, то и милостини не вдаси ему, аще ли же возлюбиши и сего ради и милуеши его, се бо есть любовь, еже убога или бедна, или низщаго возлюбив дати ему от своего труда. Се бо вменитися от бога в великое смирение, яко на сего убогаго поработал еси, а еже у инех насильством приял еси и низшим даеши — несть се от любви. Сему бо низшему мниши от любви дав милостиню, у инаго же убога же во вражду взял еси — несть се исполнение любви, но болшеи вражде еже к насилуемым. Любовь же истинная, еже по божиим заповедем ко всем равно, яко же к честным, тако и к безчестным, и яко же к своим, тако и к чюждим единоверным, и яко же к другом || тако и ко врагом, ни единого же поху- *л. 189* ляя. Яко же богозванный Павел коринфом пиша глаголет: «любы долготерпит, блажит, любы не завидит, любы не облазуется, не гордится, не злообразуется, не ищет своих си, не раздражается, не вменяет злое, не радуется о неправде, радует же ся о истинне, вся любит, вся верует, вся уповает, вся терпит, любы николи же отпадает».[III, а] Се бо есть не отпадение любве, яко богосозданнаго ради человека паче же единовернаго ничесо же щадети, не разньствуя человек, но ко всем равно, паче же к бедным и нищим, яко же бо вси человецы богом создани единаго естества. Внешняя убо в человецех видима суть, еже убо поспешающеся или ни все гиблемеи мирстей чести,[б] в душах же о негиблемей чести[в] никто же кого весть, токмо сведый сердца всех праведный судиа. Аще ли же кто начнет любовь лицемерную в совете || твоем держати, от *л. 189 об.* таковаго соблюди себе, не послабися ко оного безумию и возри нань с яростию, да сие от тебе уведав или пременит неправедный обычеи или

[я] *Матф., XIX, 6.* [III, а] *I Кор., XIII, 4—8.* [б] *В ркп.* чти. [в] *В ркп.* чти.

отступив не будет ти на соблазн. По сему убо подобает нам любовь держати ко всякому не лицем, но сердцем и ото всех сих дел удалятися, от них же растерзается любовь. Но от них же крепится любовь, побежает же ся вражда и лжа, сих убо держатися, еже есть воздержание, кротость, не жадание имениа, пост, худость ризная, милостини от своего труда. Аще бо начнеши имети воздержание, не похощеши ни у кого же ничесоже насильством отъяти, ни инем чим обидети, ни мзды в суде взяти, ни преж суда, еже мня дружбы ради, ни в купли чрез естество много цены хотети приимати, ни в лихву сребра своего дати, ни украсти, ни гордыни имети,
л. 190 ни тщеславитися, ни завидети, || ни лгати, ни ротитися, ни гневатися, ни мстити, ни пустошных словес глаголати, ни в церкви глаголати, ни к волхвом и чародеем ходити, ни многоглаголати, ни высоты искати, ни красоты риз, ни много богатества. Аще же начнеши имети кротость, никого же бьеши, ни грабиши, ни поносиши, ни инем ничим же оскорбиши. Аще же начнеши имети нежадание имениа, то ни от кого же стяжаниа трудов его ничим же преобидиши, но вся от своего труда стяжати начнеши, еще же и от сего милостиню подаси. Аще же начнеши имети пост, утончают ти вся мысли, не токмо бо к человеком любовь покажеши, еже ти не требе снеди ради восхитати чюжая труды, но и скотом, и зверем, и птицам, и рыбам, всякому живот имущу любовь твоя явится: и сия бо вся богом сотворенна животна, из них же кровь изливается, в постех же и сие твоея ради снеди да не умертвится и кровь не излиется. Ибо бог
л. 190 об. дав от сих на снедное утешение человеком да быша || заповеди его исправили. Аще кто не исправит заповеди его, не достоит сему имети обычая дерзновенна, дабы его ради снедеи божия творениа животная убивати, но за согрешение достоит прияти ему смирение и самому себе к сим животным тварем прилагати и хужеши сих мнетися, понеже сии не преступиша творца своего заповеди, ты же пред ним же согреши, того же сотворение животное хощеши невозбранно снеди своея ради умершвляти. Разумеи сие, аще бо и в человецех кто ти есть друг и повелел ти еси от своего дому всяки вещи невозбранно взимати, егда же ключиттися с ним пря, к тому уже не можеши не смирився с ним ничто же от дому его прияти, кольми же паче бога прогневав и не умолив, хощеши творение его животная своея ради пищи умершвляти. И еще же ти рку, яко аще приидеши ко другу своему, сии же представит пред тя ядь многоценну и
л. 191 глаголет ти снести || ты же речеши, яко не удостоит начати сея, многоценна бо есть, последи же рчешися от друга своего, яко благоразсуден паче же сего за воздержание животных снедей похвалим будешь от бога, яко да о тебе сие слово рчется: блажен милуяи душа скот своих. Сим же никако же не глаголи, яко господь егда бе на земли во плоти и тогда от сих животных брашен ядяше, тако же и апостоли. Сий есть извет полн вины. Господь бо весть, како или в чем сиа сотвори, всех бо творец, может бо аще восхощет и животное земноплодным претворити или земноплодное животным. [1]Притча бо сему уверительна, оживленный Авраамов закланный телец и заматеревшая Саррина и Аннина и Елисаветина ложесна. И еже глаголют, пол рыбы снедена, другую же страну и ныне в живых видим. Господь бо[1] прииде исполнити закона и явися по всему, яко не по привидению человек есть, снест же своя творениа; и не требе бо ему пост, яко не сотвори греха аще бо и постися 40 дний, но за Адамово согрешение. Сим убо никто же о сем разсужай, Христос бо сам и судиа и творец всему, и вся весть, како что сотвори. Егда бо ркоша ему

[1]—[1] *Приписано на полях справа рукой того же писца.*

июдеи, || яко Иоанови и фарисестии ученицы постятся, а твои ученицы не постятся, тогда рече господь: «не могут сынове брачнии поститися до нелико время с собою имут жениха, егда же отоимется от них жених, тогда постятся», [д] и паки рече: «аз есмь хлеб животный, иже сшедый с небесе, аще кто снест от хлеба сего, жив будет в веки, и хлеб его же аз дам плоть моя есть, юже аз дах за живот мира»;[е] творящим же заповеди его рече: «ядый плоть мою и пия кровь мою во мне пребывает и аз в нем». [ж] Аще бо кто вся заповеди божиа соблюдет, сий убо не греха ради постится, но благотворениа ради, и да умершьвляет плоть, да не воюет. Елицы, иже когда согрешиша от сих, тогда и заповедь божиа отступи, не к тому уже в бозе пребывают и бог в них, но по господню словеси отоимеся от них жених, сиречь заповеди божиа, и подобно есть таковым поститися. Аще же начнеши имети || худость ризную, не возмутят мысли сердца твоего яко бы чюжая грабити, не требе бо ти сих ради будут многая ни на ядь, ни на устроение ризное. Сими бо добродетелми крепится любовь и правда, сими побеждается вражда и лжа, сими творится путь к царству небесному. Рече бо господь: «тесна суть врата и прискорбен путь вводяй в живот и мало суть, иже в нем обретаются, широка же врата и пространен путь вводяй в пагубу».[з] Аще же начнеши имети творити милостиню и дати от своего труда, то не многаго ради даяния честна есть пред богом милостини, но еже подати не скорбя собою и не глаголя, яко мне не останет, но от всего сердца, елико имея сие подати, яко да онамо от Христа хвалу приимем, яко же óна вдовица, иже две цаты вверже в сокровищное хранилище и всех, многая вметающих, преболе обретеся, о ней же рече господь, «яко сиа вдовица убогая множайше всех вверже, вси бо от избытка || своего ввергоша в дары богови, сия же от лишениа своего, все житие, еже име, вверже».[и] Се бо есть истинная любовь и милостини, еже о всяцем скорбящем тако пещися, яко же о себе. Аще бо у себе и мало оставиши бог видев подаст ти, яко же сам рече: «не пецытеся убо глаголюще, что ямы или что пиемы, или чим одежемся, всех сих языцы, сиречь невернии, ищут, весть бо отец ваш небесный яко требуете всех сих, ищете преж царствиа божиа и правды его и сиа вся приложатся вам».[к] Сему же убо господню словеси веруяй, не требует ничтоже соблюдати впредь надежи ради, имать бо истинную надежу бога, иже не оставит его гладна и нага быти. Аще же кто соблюдает злато и сребро и мшел надежи ради снедей и риз, сей убо не держит надежи на бога, но на богатество и любве чюж есть. Еже сам богатея не весть кому збирая, братию же свою убогую презирая, последи же сам у||мирая вся оставя. К нему же яко же к богатому оному ему же угобзися нива и не веде, где собрати плодов, речет бог: «безумне, в сию нощ душу твою истяжут от тебе, а еже уготова, кому будет».[л] По смерти же о делех противящихся словесем божиим приемлют муки вечныя огненыя, понеже не сохрани господню заповедь, еже о любви. Глаголет бо богозванный Павел, пиша к Тимофею: «ничто же бо внесохом в мир, яве же, яко ни изнести что можем. Имяще же пищу и одеяние сими доволни будем. Хотящии же богатитися впадают в напасти и сети и похоти много несмысленны и врежающая, яже понужают человека во всегубительство истлению и погибели. Корень бо всем злым есть сребролюбие».[м] И коринфом пиша, глаголет: «аще языки человеческиа глаголя и ангельски, любве же не имам, бых яко медь звенящи или кимвал звяцая. И аще имам пророчество || и ведя

л. 191 об. — *л. 192* — *л. 192 об.* — *л. 193* — *л. 193 об.*

[д] *Марк, II, 18—20.* [е] *Иоанн, VI, 51.* [ж] *Иоанн, VI, 56.* [з] *Матф., VII, 13—14.* [и] *Лука, XXI, 3—4.* [к] *Лука, XII, 29—31.* [л] *Лука, XII, 20.* [м] *I Тимоф., VI, 7—10.*

тайны вся и весь разум и аще имам вся веру, яко горы преставляти,
любве же не имам, ничто же есть. И аще ухлеблю вся имениа моя, и аще
предам тело мое, да сожгут мя, любве же не имам, никая полза ми
есть».[н] Златоглаголивый же Иоанн о сем тако пиша, глаголет: «братие, и
до конца любовнаго долга да не расторгнем, но и другоицы должен и
конца не имея, всяк бо долг воздается, любы же конца не имать, яко бо
всяк долг нужа есть воздаяти, любовию же должен быти друг другу».
Послушайте божественаго Павла, глаголюща о должных и воздаемых,
кроме любве, «воздадите, — рече, — долги, ему же дань — дань, ему же
страх — страх, [о]ему же мзда — мзда, ему же честь — честь»,[о] приближи бо
ся к любви. Не рече к тому апостол, воздадите любовь, но что ино руко-
писание ея пишет, что глаголя, «ничим же никому же будите должни, но еже
любите друг друга»,[п] почто яко любы истекание есть благодати божиа, ||
л. 194 свыше имат бытие, не погибает з землею, не мимо идет с небом, не
тлеет с солнцем, не посмражет с луною, не падет со звездами, не отпа-
дает со древы, не увядает со цветы, не умирает со умирающими. Кто же
сему послух? Сам вочеловечивыйся за любовь Христос, что глаголя:
«Небо и земля преидут, словеса же моя не преидут».[р] Коя словеса, яже
рече к своим учеником, «о сем разумеют вси, яко мои ученицы есте, аще
любовь имате в себе».[с] Оле господня премудрости! Не рече, яко о сем
разумеют вси, яко мои ученицы есте, аще мертвеца вставите, аще ослабле-
ныя встягнете, или слепца очиты сотворите, но аще любовь имате в себе,
почто, яко вся чюдотворениа менши есть любви. Занеже любы со ангелы
живете, со архангелы ликовствуете, с херувими веселитеся. Любовь
стяжи — железо притупится, любовь стяжи — ковник не обретается, лю-
л. 194 об. бовь стяжи — молва церковная престанет, || любовь стяжи — еретик не
величается, любовь стяжи — убогий не плачется, любовь стяжи — змий
пакости не сотворит, любовь стяжи, да вкратце рку, причастник царствию
небесному будеши. И инда паки той же златословесный глаголет: «цар-
ство божие желающе возлюбим друг друга, зависть поперуще, ярос ни-
зложше, клеветы отвращающеся, леность, отгоняще, сиа убо аще кто стя-
жет, без труда вознесется на небо и сын божий наречется, и престолу бо-
жию предстанет. Милостинею же аки водою погаснут греси, тем же, бра-
тие, возлюбим ю, таковыя бо господь блажит глаголя, «блажени мило-
стиви, яко ти помиловании будут».[т] Сиа убо вся прочитати достоит со
вниманием, да обрящемся во господних заповедех творцы, а не послуш-
ницы. Яко же и Яков брат господень по плоти, пиша, глаголет: «якой же
есть послушник слову, а не творец, таковый уподобися мужу смотрящему
лице бытиа своего в зерцале, усмотри бо себе и отиде и абие забы каков
бе. Приникий же сей не послушник забытливый, но творец делу».[у]
О Христе Исусе о господе нашем ему же с собезначалным отцем и с пре-
святым духом купно слава и держава ныне и присно и в бесконечныя
веки веком аминь.

II

л. 195 **Слово к верным, иже христианя словом нарицаются, богови же супротивящеся коварствы и в сем на ся греха не возлагают. Благослови, отче**

Святаго духа силою счиненная словеса, написанная от древних свя-
тых богоносных отец, во всех святых книгах глаголют, яко перваго чело-

---

[н] *I Кор., XIII, 1—3.* [о—о] *В ркп.:* ему же честь-честь, ему же мзда-мзда; *наверху знаки перестановки* 1 *и* 2. *Рим., XIII, 7.* [п] *Рим., XIII, 8.* [р] *Марк., XIII, 31.* [с] *Иоанн, XIII, 35* [т] *Матф., V, 7.* [у] *Иаков, I, 23—25.*

века Адама созда господь по своему образу и по подобию и жену ему сотвори, якоже достоит быти ей. Како же сотворение божие мы сами превращаем, сим прение вдающе богу. Бог бо есть всякому творению хитрец, премудростию бо вся небесныя безсмертныя силы и небо, и землю, и вся стихиа сотвори, яко бо зря на небеси солнце и луну, и звезды токмо дивитися, || какоже человека не добре ли сотвори, да сами зраки своя мним *л. 195 об.* добрейши божиа твlitreниа утворяти? Бог бо всякому человеку предел положи летом совершение возрасту и разуму: егда убо еще человеку несовершенну меры возраста и разума, тогда бог учреди и лицу его быти нагу, егда же сподобится лет совершенна возраста, положи убо бог в ту годину одетися устом его и лицу его власы, показуя его инем человеком яко да видят и свершена и не к тому уже яко юношу младаго разума вменяют и, но в меру исполнена саном возраста. Нецыи же от нас, груб смысл имуще, и божиа премудрости исполнение мняще яко тленну вещ преобидети, режут и терзают потребляюще власы одеяниа личнаго, иже суть на устех и на браде, мняще младостию краситися некоего ради скверенаваго дела. Не младость бо есть красота, но се кра||сота, ею же бог че- *л. 196* ловека украсил есть, в ня же лета достоит ему тако быти. Како же смеем сие изрезати, еже не от наших рук сотворено есть? Аще же рчеши нелепо есть се и непремудрено, приими же ты младенца пятилетна и сотвори ему таковый сан. Аще же сего не можеши, какоже смееши во уреченная ти лета богом исполньшееся преобидети и сам противитися богу? Аще бы кто и от друг твоих насади виноград и нань взирая веселяся, ты же истерзаеши и, он же и паки хотя зрети нань, и ничтоже ту обретая, како же ти мстити имат о своем сотворении, колми же паче бог? Что бо веде, безумне, како дерзаеши, сего бо не веси ли, яко ни злато, ни сребро, ни многоценное камение, ни бисер потреби, но боготанную красоту честнейши злата и сребра, и камениа драгаго и бисера, понеже бо бог сотвори всего честнейши на земли человеческу плоть, созда бо ея своима рукама, || злато же сребро и камение многоценное повеле земли и воде ражати. Ка- *л. 196 об.* коже сия власы не честнейши ли всего сего суть, яко ражаются от богосозданныя человеческиа плоти, и во время повеленное богом? Инии же от неразумных человек гордостию возносящеся, дабы мнелся от человек велик возрастом и подкладает на плеща своя толстоту и в сапози под пяты своя утинки от древ, не благодаря о сем, яко повеле ему бог быти мала возраста, и божию строению противяся, сам хотя предлати си возраст, и сотворяется тако, якоже негоден есть богу. Аще бо бы бог восхотел кого велика и широка сотворити, сотворил бы якоже и сказати невозможно, но его же бог не сотвори, егда Адама созда и Еву сотвори, се творят. Тако же и жены, божию творению противящеся, и в гордости не ведяти себе како о себе мнят, творящеся яко бог их не добре сотвори, но сами паче добрейшии || божия творения претворятся, и лица своя красят и бе- *л. 197* лят вапы, и брови выспрь возводяще, и терзающе, и мастию клепяще, сиречь клеем, и главныя власы улишающе, а не тако правяще якоже вселенныя учитель Павел рече, «еже жена власы имети на главе должна есть аггел ради, растение бо власов вместо одеяниа дася ей».[a] Сии же своя власы отмещут и вчинениа неудобна толстины на главы своя подо убрусы налагающе, еже глаголюще главу равняти. Аще ли же киа без черности зрак имущи, сии черностию зраки подчрежающе. Се бо есть все богу супротивление, еже бо убо богу о них кроме хотения бысть, тацы сами претворитися хотяще, божия же творениа отмещущеся, сами образу своему творцы творящеся, премудряюще содетеля творение. Иже бо сотвори

---

[a] *I Кор., XI, 15.*

л. 197 об. небо и землю, и вся яже в них, мог бы и женску красоту, аще ему || годе, сотворити прекрасну. Аще бы возхотел их белости, мог бы сотворити белее снега, и аще бы требе возведении тонцы брови, или главу округлу, могл бы сотворити выспрь чела брови окружени и тонцы яко очертани, и главу преокруглу, и аще бы восхотел всем сотворити черни очи, се бы могл прехитростне сотворити. Но якоже кто ему годе, тако сего и сотвори. Сего ради божиа творениа никому же самому удобно есть претворяти, и пред богом в ненависти быти. Мнози бо жены и к церкви приходят претворяюще си зраки чрез божиа творениа. Како бо бога ей о древних гресех умолити, еже и о сем прогнева, яко претворися от создания божиа своима рукама, и не яко сама прииде, но яко ина, и еще тако дерзают к пречистому комканию христова тела и крове? Аще же бы сие раз-
л. 198 судити || не достоит сих ни в церковь приимати, нежели сим даяти пресвятое причастие яко противником богу. Знаменай убо яко аще кто от вельмож слузе своему даст ризу свою, он же шед изменив на чюжду и приидет, тогда прогневается господин его, яко изменил есть ризу дарованиа его. Се же есть не риза, но образ божия создания, паче же по божию образу и подобию, таковое бо хуля на божий образ хулу приносит и прехитряет божие действо — антихрист есть. Когда бо кто виде яко да супротив глаголет создание создавшему, аще и не по его образу сотворено: почто мя тако сотвори, аз претворюся само? Несть бо сего, ни удобно есть сему быти. Нецыи же от злонравных жен глаголют, яко любве ради мужня се творят. Худ есть сей извет и полн вины, ибо божия ли заповедь честнейши есть, или лица ея вапы? Жена бо мужеви дана бысть по заповедем божиим имети, и аще кто, несытый блудник, не восхощет жены своея любити божиа ради заповеди, сему вап ради жены своея любити ||
л. 198 об. неудобь. Аще бо восхощет жены своея вапы любити паче божиа заповеди, сей чюж есть христианства и буди проклят. Бог сотворил ны есть на сохранение своих заповедей, а не дьяволя ради угодия, еже самого бога противитися сотворенью. Мы же паче дьяволя угодиа творим и не токмо же мирстии, но и мниси.[б] Кийждо бо инок, егда образ приемлет, глаголет: отрицаюся мира и яже суть в мире. Сии ли бо суть отреклися яже суть в мире, иже держащи в манастыревех[в] множество мирских слуг, цветоносных и младых юнош, и множество великих конь, и вся притяжаниа, яже богатым довлеет, и различная яди, и яздяху, яко же мирстии велможи, гордящеся со множеством слуг. Се ли убо есть образ первоначалных пустынножитель, святаго архиерея и царя Мелхиседека, иже росу лизаше, и в наготе [г]от зною и от мразу[г] сотворися хребет его яко же львина кожа, или огненоснаго пророка Илии, иже имеяше едину овчину, и вдовицею и враном кормим бе, а бегаше трапезы Езавелины, или от
л. 199 Христа свиде[д]||тельствованнаго болшаго в рожденных женами Иоана Предтечи христова и крестителя, денницу солнечную, иже живяше под каменем, и ядый прутие былия мелагра и мед дивий, и чаша его пригорща бе и одеяние его от влас велбуж, и ничтоже от мира требоваше, токмо душа человечески приводити к богу? Помянем же и Антония великаго, и Пафомия и инех святых, что убо богатество имеяста, и како яздяста ли в гордости? Мы же сего ли ради ркохом отречение мирских, яко да солгавше се, паки множество богатества стяжем, и различныя яди, ркуще убо носим безплотных образ, изъядаем же многиа плоти, и яждение творяще на многоценных конех со множеством цветоносных слуг. О сем бо есть о всем возжеление и похотение от миродержителя дьявола, иже на

[б, д] *На поле по вертикали:* о иноцех. [в] *В ркп.* мнанастыревех. [г—г] *В ркп.* от мразу и от зною; *наверху знаки перестановки* 1 *и* 2.

цвет звездный прельстися, и помысли гордость, и отпаде истинны, о нем же рече господь: «грядет мира сего князь и во мне не имать ничтоже».[е] || Елицы иже мниси, обещавшеся богови во ангельский образ, *л. 199 об.* вдающе же над собою область дьяволу, гордости величаниа ради древняго дьяволя художества? Мних бо есть истинный, еже [ж]носяй смирениа образ, аще же ищет высоты мест — се есть корень всего зла, в нем гордость дьяволя[ж] и не достоит ему нарещись мнихом, понеже мнишество есть ангельский образ. Аще ли же высочайших мест и почести земныя ищем, сего ли ради ангели наречемся, или христови раби наречемся, не любяще вслед его ходити? Аще бы сам Христос мест на земли искал, не бы возлежал в яслех скотиях. Егда же своя божественая многа показа чюдеса и разуме, яко хотят народи притти да восхитят его, и сотворят его царя, отоиде в гору един, славы бо земныя не требоваше и нам дая образ смирения, мы же ищуще земныя славы, како христови раби наречемся и послушатели повелению его, яко бо бог сам смирениа низщету и всяко уни||чижение волею поноси? Мы же се отмещуще и гордости ищем. *л. 200* Сего ли ради лжеприимство сотворихом ангельскому образу? Цыа ангели множество богатества земнаго имут, и слуг и коня стяжут, и мест высоких ищут? Но несть сего, иже бо обещавыйся богови и правду свершит по своему обету, еже мирская отринувше, сей лехко взлетит ко ангельскому житию. Аще же обещание погрешит сей будет ложь, яко дьявол, о нем же сам господь рече, «яко ложь есть».[з] Имый бо попечение о прибыткех мирских, сей божию молитву забыл есть, яко же рече господь: «не можете богу работати и мамоне»,[и] и апостол глаголет: «любы плотская вражда на бога, закону бо божию не повинуется».[к] Се же ли есть мнишество, еже богатества и величества высоты земнаго места искати? Се ли есть ученик христов? Христови бо ученицы не яздяху на многоценных конех со многими слугами, но единии пеши яко крилати || всю *л. 200 об.* землю обтекоста. Сам бо Христос егда смирению учашея, приим отроча постави посреди их рече: «иже бо ся смирит яко отроча се, той есть болей во царствии небеснем».[л] Не сему бо Христос смирению уча еже ныне глаголют: аз смирен, но не сяди выше мене, аз смирен, но нигде же предваряй мене, аз смирен, но по мне глаголи, аз смирен, но требую многая. Христос же смирение ко отрочати приложи, отроча бо не мыслит ни пред ким величатися, ни богатети, но всякого меньши мнится, и от всякого боится, и повинуется всем, того ради болий есть во царствии небеснем, ибо избранный бо Павел, к Филиписеем пиша, глаголет: «ничто же по рвению, или по тщеславию, но смиренномудрием друг друга честию больша себе творяще».[м] Како же мних, ища мест мирскиа[н] гордости, и глаголется Христов раб? Мнози же иноцы и мирстии, покоявшеся о всех согрешениих к духовному отцу, и той же час святому комканию спешат || инех напред, имущы в сердцы сатанину гордость. Гордости бо места *л. 201* токмо помысли сатана, и бысть свержен с небес в бездну, и вместо архангела дьявол наречен. Ныне же видим мнозех мних, не токмо помыслом, но и делом гордящеся и ищуще величества и блядословяще, аще бо аз изгублю величество места, наведу си клятву. Сим бо лжа помогают себе, а не воспоминая сего, еже Христос сам смирися до рабиа образа, и смиряющихся возвеличит во царствии небеснем. Сам бо господь рече: «еже есть в человецех высоко, мерзость есть пред богом».[о] Сего ради святии прославишася, яко низщету смирениа стяжаша. Се бо есть заповеди бо-

---

[е] *Иоанн, XIV, 30.* [ж—ж] *Против этих слов на поле:* яко да. [з] *Иоанн, VIII, 44.* [и] *Лука, XVI, 13.* [к] *Рим., VIII, 7.* [л] *Матф., XVIII, 4.* [м] *Филип., II, 3.* [н] *В ркп. над этим словом* та. [о] *Лука, XVI, 15.*

жиа о любви, яко всякого почитати паче себе, аще же последи неразумием лстящеся мирскою лестию, и о сем и кленут, но и праведника на зло молящася господь бог не послушает; аще же в своем кто смирении и наведет на ся клятву, ничто же есть, не прикоснет бо ся ему, понеже сим ||
л. 201 об. противу миродержителя враждует по господня смирениа образу, аще бо кто на бесовская замышлениа ополчается, сей по истинне носит ангельский образ. Аще ли же телеснаго покоя и высоких мест на земли ищуще, како же сии во ангельское достояние причтени будут, понеже дела творяще дьяволя гордостная? К сему же и собрание богатеству. Аще бы убо Христос добро нарекл богатество, и егда сам бе на земли, и веде вся места земная яко бог, повелел убо бы негде, аще бы восхотел гору злата себе утворити, но не сотвори сего, но и о богатем рече: «неудобь внитти во царство небесное».[п] Слыши же что о мнишестем притяжании мятежнем глаголеть святый великий отец Висарион, иже птиче житие живый, иже многих чюдес от бога сподобивыйся, иже и воду морскую ослади, иже
л. 202 преиде реку Хрусуру, || сиречь Нил пеш по быстринам, иже солнце от течениа устави дондеже дойдет до инаго старца, иже не токмо словом жестока беса изгна, но посадиша беснаго на месте его. Он же рече бесному: встав иди вон, и изыде бес от человека. И се той святый чюдодейственик, слышав яко некто по смерти своей дав село женскому монастырю, святый же начат плакати и рыдати и бити лице свое глаголя: горе мне грешному, понеже сотворил есть радость бесу, погубив мзду свою и повреди немало и постницы оны. Инем же о сем негодовавшим и супротив глаголющим той же святый поведа глаголя: еже самому ему се бысть. Яко егда восхоте отврещися мира, дав село в женский манастырь, сущий при Александреи, и изыде в скит и бысть мних, и зря в видении нощию, яко сущу ему в Вифлеоме на молитве; и зря всю церковь исполнену света и мужа святолепны поюща, и жену некую багры ризы носящу, ей же кра-
л. 202 об. соту немощно || исповедати, ему же страхом одержиму и хоте оттуду отойти, и изыде святолепен муж и страшно возрев нань, и жестоцем гласом рече ему: рцы ми, како хощеши слово воздати о манастыри женстем, яко отнели дал еси им село оно, прогневал еси господа бога, и ныне умрети ти, аще не исправиши, яже еси согрешил. Святый же Висарион отвеща: господи, аз дах село оно с рабы и с супруги волов, еже упокоити их, а не заеже прогневати бога. Отверзе же уста своя багроносная жена она рече ему: прияхом ти чадо доброе произволение, но обрете от сего вину дьявола враг и наветник душам их, и уязви з душею и телеса их, аще бо бы полезно мнихом имение, можаше бог послати им злато и сребро яко силен дождь и повинути им грады на службу, но не полезно есть, ибо отрекийся мира царствиа ради небеснаго, в посте, и в труде, и во мнозе
л. 203 смиренномудрии, || и немятежно приближитися к богу не в чревообъядении и тщеславии богатества. И, простершы руку свою, показа ему оного, иже с ним первие беседова, глаголя: се есть Иоан, учитель и наставник мнихом, и хотяще с ним быти должни суть того житию и добродетелем последовати. И глагола креститель: госпоже мати господня, кую потребу имамы в манастыри оном, отнели дав сей село оно, несть бо ту страха божиа, ни трезвениа, ни разсужениа, ни умилениа, ни труда, ни стыдениа, ни поста, ни бдениа, ни сокрушениа сердцу, ни стязаниа помыслом, ни чистоты, ни безгневиа. Тогда глагола ему святая богородица: иди чадо, исправи манастырь он, имаши и мене помощницу на се. И глагола крестителю: Иоане знаменай сердце его, яко да умныма очима узрит, и да не мнит мечтание быти видение се, и простре десницу свою, и знамена

[п] *Матф., XIX, 23.*

сердце его образом креста честнаго. Святый же Висарион возбнув || и *л. 203 об.* шед отъят от манастыря постниц село, и продав его за 60 литр злата и положи злато в церкви постниц онех. Се убо сей святый сиа глаголы поведа, яже слыша от самех уст пречистыя божиа матере и святаго Иоана Крестителя господня, яко неудобь стяжати мирская отрекшимся мира, противно бо есть богу и святым его. Тако же бо обретохом и во святаго Иоана Златаустаго писании глаголющее: яко некто святый отец слыша некоего христолюбца умерша, и словутное свое село давша манастыреви святаго Иоана, и святый о сем опечалися и воздохнув и рече: увы мне, яко погуби таковый душу свою. И глаголаша ему братиа: что, отче, скорбиши о нем помилovану ему быти. Святый же отец рече к ним: о таковом дару глаголю вам, чада, — аще кто даст убогим и худым братиям, то во спасение души есть. Се бо видех в минувшую ту нощь о брате том || умершем, о нем же вы глаголете, яко стояше душа его пред богом на *л. 204* суде, и осужена есть душа его мучитися села того ради. И молящеся святей богородицы и святому Иоану Предтечи о души той, и слышах глас глаголющ: кто даст село да отпустят село то от манастыря, и тогда отпущена будет душа та от муки. Сие бо не сего ради реченно есть, еже бы никто же иноком и инокиням милостню сотворял, добро есть даяти сим милостиню и полезно, но кая безмятежная милостини. Села же даяй манастыреви мужескому или женскому, сей разстризает сих мних или инокинь, еже паки обращает их во многоплетенныя сети мирскиа, в мятеж, и уныние и леность, даже и до блуда еже есть ров погибельный. Внегда бо иноцы или инокиня исходят на села многажды впадают во всясиа сети дьяволя и во иныя, от них же избави ны Христос бог наш моленьми пречистыя его матери, и святаго Иоана Предтечи и Крестителя и святаго Мельхиседека архиерея и царя, и святаго огненоснаго || пророка Илии и *л. 204 об.* всех святых, преподобных постническое житие подражавших, и всех святых в безконечныя веки веком. Аминь;

III

Главы о увещании утешителнем царем, аще хощеши и велмож *л. 271*

О радости нарожениа отрочат. О сынех. Глава 1

Бог, вся сотворивый, рекий праведному Ною: роститеся и плодитеся и наполните землю и обладайте ею. Той же господь и творец, хотяй твоего государскаго плода, сотвори семени твоему благородие.

По рожении же той же господь может и возрастити и сердце его сотворити в безстрашии, и смысл в крепости, и управити путь его ко благополучению, еже иноверныя покоряти и грады супостат наследити, и прославитись во приятелех честну, во вразех же страшну, и в желаниих хотениа поспешителну, и к молящим его милосерду, всего же паче еже к самому богу и ко святым его молебну, и к нам молебником своим благочестну. Сего ради, государи, веселись о благочадии сии, сотвори милосердие к повинным ти, преврати гнев на милость, бог же свой праведный гнев, еже о твоих согрешении имать к тебе на милость превратит || и оставит *л. 271 об.* ти согрешениа и богодарованый ти плод сопрестолники ти укрепит во веки.

Бог же мира да буди с тобою, государем, вовеки.

О нароженииx дщерий. Глава 2

Бог всесилный сотворив человека, бог же и жену. Обоя сут добра божиа сотворениа. Якоже миру без муж невозможну быти, тако и без жен. Аще же, государи, не велми о сем порадовася, но радуйся сему еже бог возда. Бог же видев, яко еже подав ти еже сам восхотев. Тебе же аще и неудобь, но его благодариши и сего ради воздаст ти потом исполнение твоих хотений, еже возжелением хощеши — есть бо милостив и всех сердца испытуя и мысли. Сего ради, государи, всему его дарованию с любовию радуйся и сотвори милосердие к повинным ти, преврати гнев на милость. Бог же свой праведный гнев, еже о твоих согрешении имать к тебе на милость превратить и оставит ти согрешениа и воздась ти вся хотениа сердца твоего.

Бог же мира да буди с тобою, государем, вовеки.

л. 272 О наследствии градов супостатных. Глава 3

Бог укрепивый Авраама на Ходолгомора, царя персьска, и Моисея на фараона, царя египетскаго и на Сиона царя и Ога царя хананейских, и Исуса Навгина на Орива, и Зива, и Зевея, и Салмана и на Ерихон, и Гедеона на мадиямы, и царя Давида на филистимляня, и царя Констянтина на Максентиа, той же и тебе за еже благовериа ради твоего укрепив: вас бо царей благоверствующих преже рожениа вашего ко обещанию своему на враги готовит, якоже древле святый дух пророческими усты великаго Исайи и о невернем цари преже рожениа его уяснител не извеща, рече бо: «Тако глаголет господь помазаннику своему Киру, его же приях за десницу, повину пред ним страны и крепость царей раздеру, отверзу пред ним врата и гради не заключятся. Аз пред ним иду, и горы поглажу и врата медяная сотру и верея железныя сокрушу, и дам ти сокровища
л. 272 об. темна || и утаенная: невидимая отверзу ти, да увеси яко аз господь бог, взываяй имя твое, бог израилев».[а] Такоже и тебе ныне возвеличив и утешив. Сего ради, государи, аще хощеши от бога сугубу радость нынешнеи прияти сотвори благодарение ко господу, якоже он заповеда рекий: «любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас, яко да будете сынове отца вашего иже есть на небесех, яко той солнце свое сияет на злыя и благиа и дождь дождит на праведныя и на неправедныя».[б] Сего ради, государи, божиа ради превеликиа милости нынешниа сотвори милосердие к повинным ти, преврати гнев на милость. Бог же свой праведный гнев, еже о твоих согрешении имать к тебе на милость превратит и оставит ти согрешениа и воздаст ти сторицею на вся твоя враги одоление.

Бог же мира да буди с тобою, государем, во веки.

О победе на враги ратныя. Глава 4

л. 273 Бог избравый от невериа в веру прародители вашего великаго князя Владимира, его же реку святаго, яко первозданнаго в Русии князя Василиа, равнаго апостолом, ему же во крещении, яко Павлу, божие наказание, ослепление очию, яко чешуя отпаде.

И Павел убо к богу вся языки учением привед, тем же и бог, яко от первозданнаго Адама праведнаго Авелия избравый за смирение непротивлениа братняго убийства, тем же образом и от сего праведных Бориса и Глеба избравый без противления от брата убиенных и богови с праведным

[а] *Исаия, XLV, 1—3.* [б] *Матф., V, 44—45.*

си отцем предстоящих, и за своего крещения стадо за Русийскую землю, почеже за вы, сродники своя, молящихся. Сего ради, государи, вам, сродником их, достоит их утешати,— они бо смирение совершиша, быша непротивницы вражде. Сих ради, государи, вам к повинным подобно милосердие простерти и превратити гнев на милость, святии же о сем радующеся бога умолят за вы, яко || за сродник и за благопослушник. Бог же *л. 273 об.* милостив их не презрит, но превратит праведный его гнев на милость и воздаст ти на вся твоя враги одоление.

Бог же мира да буди с тобою, государем, вовеки.

О скорби сродник умерших. Глава 5

Бог слово отчее единочядый сын, исперва сотворивый вся и человека плотска от земля одушевлена же и словесна, животна и мертвена в землю возвращаема. Веде убо како человек дело руку его оживотворися, веде како умерщвляется. Сам же всему бог творец сый приим же плоть и ипостаси удобственныя человечя не преложи, но умре, плотское сотворив, яко человек. И како еще умре! Не избра себе всемирныя смерти, но страшную и потом божественым совершив еже воскресе самовластно, нам же образ дав да последуем стопам его. Сам бо рече о сем: «егда мертвии услышат глас сына божиа и услышавше и оживут».[в] Се же к верным изъявив || Павел рекий: «Аще со Христом умрохом, то с ним и оживем, аще с ним терпим, то с ним и царствуем».[г] И паки рече: «О умерших не скорбите, якоже и прочим не имуще упованиа. Аще веруем яко Христос умре и воскресе, тако бог и умершая со Исусом приведет их с ним».[д] Сего же и великий Павел, иже до третяго небеси восхищенный не рече о себе, но рекий: «Се бо вам глаголем словесем господним»,[е] еже господь сам рече: «егда мертвии услышат глас сына божиа и услышавше оживут».[ж] *л. 274*

О отрочатех. Младенцем же и лехчяйши есть смерть, понеже не согрешиша в мире и ко Христу со дерзновением вопиют: Господи, отъят от нас земная, не лиши нас небесных. Сего ради, государи, не скорбети, но о сих паче бога благодарити, яко без греха поидоша. Помяни убе егда Христа ради младенцы в Вифлеоме избиваеми беху ото Ирода корене же суще Ияковля от жены его Лии. Что же евангелием Лиина плача в Вифлеоме не рече, но рече: «Глас в Раме слышан бысть, Рахиль плачющися чад своих и не хотяше утешитися, яко не суть».[з] Сиречь яко не пострадаша, не смерти бо ради плача, но того ради яко от ея рожениа не приобщишася Христа ради умрети.

Паки о всех. Скорбение же о мертвых от еретик саддукейск, иже не чяют воскресшениа мертвым, сего ради по мертвых и порты черны изменяют на ся, яко чяют конец, тму и истление. Християном же сие чюжде есть, но усопших молити Христа, иже нас ради умре и воскресе, и повинныя ти, государи, усопших ради от скорбей разреши. Бог же усопшая от грех разрешит и помилует в некончаемый век.

Бог же мира да буди с тобою, государем, вовеки.

О скорби о побиенных на рати или плененых. Глава 6 *л. 274 об.*

Бог, хотяй милость царю послати и видев еже пред ним от согрешениа не очистившася, милость не по правде не сотворит, понеже праведный

[в] *Иоанн, V, 25.* [г] *2 Тимоф., II, 11—12.* [д] *I Сол., IV, 13—14.* [е] *I Сол., IV, 15.* [ж] *Иоанн, V, 25.* [з] *Матф., II, 18.*

судиа, испытая сердца и ютробы, и приводит многими путми ко очищению, яко да праведне уже очистившемуся от греха милость сотворит. Посылает
л. 275 убо бог скорбь не во вражду, но при‖водя ко очищению. Егда же видит к нему обратившися, может и улишенное пополнити и разтленная укрепити и милость усугубити, ничтоже бо тако любит, якоже еже всем сердцем обращатися к нему. Сего ради, государи, к повинным тебе милость сотвори, преврати гнев на милость и узриши бога, праведный свой гнев превративша к тебе на милость и воздавша тебе вся хотениа сердца твоего.

Бог же мира да буди с тобою, государем, вовеки.

Архиепископом и епископом поставленных в чин. Глава 7

Бог пресвятый дух, мaанием помазавый пророки и избрание христово апостолы, той весть человеческая сердца и разделяет дары праведне противу делом, той тебе избрал есть пасти церковь свою, юже Христос бог очистив своею кровию. Древле бо, господини, всесожжениа телчя попел с кровию телчею смешен, иссоп нарицаем, и сим кроплением стены церкве освящаху, ныне же христовых ребр пронзением окропися и не стены бо глаголю, но ‖
л. 275 об. управлениа церковь, сия бо есть ограда словесныя ти паствы. Сего ради, господини, со множеством радениа прицепися сей велицей пастве и безо ослабу о сей потружение имей, яко пастырь добрый. Аще видиши близ ти волка, не оставляй овца, но и душу, свою за ня положи, якоже Христос и рекий и положивый, иже и воздаст ти противу труду твоему некончяемая благая.

Бог же мира да буди с тобою, господини мой, вовеки.

В радости боляром и всем вельможам в чин пришедшим. Глава 8

Угожениа ради царя небеснаго от земнаго царя приимый почесть сего ради достоит на сугубыя добродетели вооружатися и яко небопарнаго орла летанием или дивияго лва скочением скоро мыселмии к правде варити,[и] к неправде же смышлению ленивейши тельца обретатися. Бог же видев иже ти первый сий сан воздавый, может и вторым некончяемым по-
л. 276 чествовати ‖ «иже око не виде и ухо не слыша и на сердце не взыде, яже уготова бог любящим его».[к]

Бог же мира да буди с тобою вовеки.

В скорбех боляром и всем вельможам от сану избывшим. Глава 9

Бог, сотворивый мир и вся, яже в нем, не токможе еже приводя ко обращению на грешныя посылаеть скорбь, но и на праведныя, да сими больми очищешися, перед ним светли явятся. Зри убо в мире сем: мнози царие улишени царства, и мнози святителие улишени паствы, помянем же убо блаженнаго Иева, каков бе, еже сам бог рече о нем: праведен, непорочен и истинен. Праведен убо еже неправеднаго не причащаяся, непорочен же яко и преже того от рожениа си к неправде не причястився, истинен же еже и мысль свою от того соблюди. Бог же хотя воздати ему благая в некончяемем царствии, каково наказание нань пусти: улишение чяд и имениа и самоя плоти согнитие и преже убо царь бе от человек честим, пред бо-

---

[и] *Т. е. предварять правду.* [к] *Кор., II, 9.*

гом же мал бе. Егда же вся искушения || и низщету со благодарением подъят, *л. 276 об.* то пред богом велик сотворися и паки и пред человеки величество прияг. Жена же его тоже улишение чяд и имениа подъят, но без благодарениа, и сего ради ко святыни его не причтеся. Зри же вся святыя, иже Христа обстоящая, кто в сем мире скорби не подъят: Предтеча и Креститель христов Иоанн, свидетельствованный от Христа болший в роженных женами усечение подъят, Петр изведенный ангелом ис темницы — распятие. Павел восхищенный с плотиею до третяго небесе — усечение. Паче же и сам Христос бе плотию подъят распятие. Сего ради не подобает о мирстем безчестии скорбети, но к богу притещи о согрешениих. Бог бо, милуя и обращая, искушение попущает, он же има волю и небесная даровати или по наказании и паки земная. Преже он подав и паки же добродетели ради подаст.

Бог же мира да буди с тобою вовеки.

Ко всякому человеку и о скорби и о радости. Глава 10

(По рукописи XVII в. № 1558 Погодинского собр. ГПБ)

Бог тя, сотворив, не забудет. Рече бо святых дух усты пророческими: *л. 32 об.* «аще жена отроча свое забудет, еже не помиловати исчадья чрева своего, но аз не забуду».[а] Христос же рече: «ищите преж царствия божия и правды его и сия вся приложатся вам».[б]

Христова ж словеса запечатленна сим еже рече: «и воздух[в] и земля мимо идет, словеса ж моя не мимо идут».[г]

Сие чадо разумевай. Бог же мира да будет с тобою вовеки.

[а] *Исаия, XLIX, 15.* [б] *Матф., VI, 33.* [в] *В ркп.* воз. [г] *Матф., XXIV, 35.*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

В. И. ЛУКЬЯНЕНКО

Азбука Ивана Федорова, ее источники и видовые особенности

Об элементарных детских учебниках, обслуживавших нужды русского просвещения в XVI—XVII вв., современным исследователям приходится судить по очень неполным данным, так как эти книги подвергались наиболее быстрому изнашиванию и бесследно исчезали из поля зрения следующих поколений. Тем больший научный интерес представляет недавно обнаруженное учебное пособие, напечатанное Иваном Федоровым в 1574 г. во Львове. Этот наиболее ранний среди всех дошедших до нас рукописных и старопечатных учебников русской грамоты долгое время не изучался, так как его единственный известный экземпляр (ныне хранящийся в США, в библиотеке Харвардского колледжа) до сравнительно недавнего времени составлял собственность частных зарубежных коллекционеров.[1] С 1954 г. советские исследователи располагают полной фоторепродукцией книги,[2] которая привлекла большое внимание нашей науки и общественности. За истекшие годы вокруг новооткрытого издания Ивана Федорова успела уже накопиться сравнительно большая литература.

В данном исследовании, построенном главным образом на текстологическом анализе, мы попытаемся выявить характер соотношения рассматриваемой книги с некоторыми рукописными и первопечатными памятниками, которые могли послужить для нее источниками. Попутно остановимся также на тех методических особенностях учебного пособия, которые еще не получили достаточного освещения в литературе.

Предыдущими исследователями был поднят вопрос о видовом названии рассматриваемого учебника, поскольку книга не имеет никакого заглавия. После недолгих колебаний, имевших место в советской литературе,[3] за новооткрытым изданием Ивана Федорова закрепилось название букваря.[4] Однако название это не совсем удачно. Как показывают послесловия и краткие заголовки, сопровождавшие старопечатные учебники русской гра-

---

[1] Судьба памятника освещена в статьях В. А. Джексона и В. С. Люблинского: W. A. Jacson. Appendix. — Harvard library bulletin. Cambridge, 1955, № 1 (далее: W. A. Jacson), стр. 40—42; В. С. Люблинский. Выдающийся памятник русской культуры Львовский букварь 1574 г. — ИОЛЯ, т. XIV, 1955, в. 5 (далее: В. С. Люблинский), стр. 461.

[2] А. А. Сидоров. Новооткрытое издание Ивана Федорова. — Полиграфическое производство. М., 1955, № 1, стр. 30; R. Jakobson. Ivan Fedorov's Primer. — Harvard library bulletin. Cambridge, 1955, № 1 (далее: R. Jakobson), фототипии pp. 1—79.

[3] А. А. Сидоров. Первая печатная русская грамматика. — Славяне. М., 1954, № 12, стр. 21, 22.

[4] В. С. Люблинский, стр. 160—168; П. С. Кузнецов. Букварь Ивана Федорова. — Вопросы языкознания, 1956, № 2, стр. 91—97.

моты, эти книги приблизительно до середины XVII в. коротко именовались азбуками. Правда, на первых страницах учебников грамоты, напечатанных после издания Ивана Федорова, как правило, выставлялись пространные витиеватые заголовки, сформулированные довольно разнообразно; например: «Начало учениа детем, хотящим разумети писание...»,[5] «Наука ку читаню и розуменю писма словенского...»[6] и др. Но в тех случаях, когда такую книгу нужно было обозначить коротко одним словом, русские книжники XVI и первой половины XVII в. употребляли название «азбука». Так названы в издательском послесловии учебники грамоты, напечатанные Василием Бурцовым в Москве в 1634 и 1637 гг.[7] Слово «азбука» выставлено на титульном листе учебного пособия, изданного в 1596 г. в Вильно вместе с часовником.[8] Самые ранние русские учебники грамоты, названные букварями, представлены могилевским изданием 1636 г.[9] и московским Букварем 1657 г.[10] Можно проследить, как в XVII столетии, главным образом во второй его половине, слово «букварь» постепенно входило в употребление в качестве названия учебника русской грамоты, между тем как название «азбука», хотя бы имевшая вид азбучного акростиха, обычно употреблялось в нашей древней педагогике.[11]

Азбука, изданная Иваном Федоровым в 1574 г., по-видимому, явилась первым в своем роде опытом московского печатника и, пожалуй, первым печатным учебником грамоты для восточных славян. Только такими обстоятельствами можно объяснить неуверенность Ивана Федорова в названии своей книги, а также его стремление придать этому небольшому элементарному учебнику как можно больше весомости путем заверений, что он писал «не от себе», и ссылок на общепризнанные авторитеты.[12] Вопреки трактовке, предложенной Р. Якобсоном,[13] мы не находим в послесловии Азбуки конкретного указания на «Книгу осмочастную Иоанна Дамаскина», как и не видим в нем упоминания книги «Апостол», якобы непосредственно использованных составителем учебника. По древней русской традиции грамматические статьи анонимного происхождения чаще всего связывались с именем Иоанна Дамаскина, которому приписывался грамматический труд, будто бы переведенный впоследствии на славянский язык. Поэтому ссылка печатника на легендарного грамматиста, как и на творения «божественных апостол», означает лишь, что в первопечатную Азбуку входит «мало нечто», заимствованное из рукописных грамматических статей, а также какие-то церковные тексты.[14] Аналогичные ссылки на традиционные авторитеты составляют типическую особенность нашей старинной литературы. Но такая тенденция характеризует Азбуку Ивана Федорова в значительно большей степени, чем другие его издания. Чрезмерное усердие, проявленное в данном отношении издателем Азбуки, может служить

---

[5] J. D. A. Barnicot and J. S. G. Simmons. Some unrecorded earlyprinted slavonic boocks in english libraries. — Oxford slavonic papers, 1951, v. II (далее: J. D. A. Barnicot), стр. 100.

[6] И. П. Каратаев. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами с 1491 по 1652 г. СПб., 1883 (далее: И. П. Каратаев. Описание), стр. 272.

[7] Там же, стр. 443—453.

[8] J. D. A. Barnicot, стр. 102.

[9] И. П. Каратаев. Описание, стр. 451.

[10] И. П. Каратаев. Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами 1491—1730. СПб., 1861, стр. 89.

[11] А. Н. Петров. К истории русского букваря. — Русская школа. СПб., 1894, № 4, стр. 11—17.

[12] R. Jakobson, фототипия р. 78.

[13] Там же, стр. 16.

[14] Такая точка зрения подтверждается анализом содержания учебника (см. стр. 213—214 настоящей статьи).

указанием на то, что изготовление элементарных детских учебников печатным способом воспринималось русскими людьми той эпохи как некое новшество, которое могло встретить и положительное и отрицательное отношение.

Выход первопечатной славянской Азбуки из типографии Ивана Федорова в 1574 г. приходится на тот период в жизни печатника, когда он пользовался поддержкой небогатого львовского мещанства,[15] очевидно членов братских организаций, возглавлявших борьбу украинского народа против польско-католической агрессии в Юго-Западной Руси.[16] По-видимому, издательский выбор Ивана Федорова в данном случае был обусловлен заботами львовских братств о постановке начального обучения в приходских училищах. Именно поэтому в послесловии Азбуки печатник обратился не к официальным властям, не к высокопоставленному покровителю, а к своему непосредственному заказчику — «християньскому рускому народу греческаго закона». Выражения «Сия, еже писах вам... аще сии труды моя благоугодны будут ваши любви, примете сия с любовию, а я и о иных писаниих благоугодных с вожделением потрудитися хощу» [17] как нельзя лучше подтверждают то предположение, что Азбука 1574 г. возникла по специальному заказу львовских братчиков, которым признательный печатник и впредь обещал служить своим трудом.

Изучение источников Азбуки Ивана Федорова затруднено тем обстоятельством, что сочинения педагогического и грамматического содержания, обслуживавшие нужды русского просвещения той эпохи, дошли до нас главным образом в списках конца XVI и XVII в.[18] Часть этого материала была собрана и опубликована И. В. Ягичем,[19] но до сих пор еще не явилась предметом специального исследования в области истории русского языка. Поэтому историку книги, занимающемуся сопоставлением наиболее ранней из известных русских азбук с отдельными статьями наших старинных рукописных сборников, приходится быть очень осторожным в своих окончательных заключениях. Тем не менее нельзя не отметить, что и содержание и построение анализируемого учебника представляет ряд наглядных аналогий по отношению к рукописным памятникам XVI—XVII вв.

Обучение грамоте по буквослагательному методу для русских школьников начиналось с твердого заучивания всех букв славянского алфавита. В «Книге Константина Философа», составленной южнославянским филологом первой половины XV в.,[20] известной также и в Русском государстве,[21] в качестве первого учебного упражнения для обучения чтению рекомендован ряд из 38 букв, в начале которого в алфавитном порядке приведены все славянские буквы греческого происхождения, за ними в такой же последовательности — буквы, отличающие собственно славянское письмо. Выучив эту азбуку в прямом порядке, ученики по системе Константина Философа должны были усваивать ее в обратной последовательности.[22] Ряд педагогических статей анонимного происхождения, сохранившихся в русских

---

[15] См. послесловие Апостола, напечатанного Иваном Федоровым во Львове в 1574 г. (далее Львовский Апостол), л. 272 об.

[16] Е. Н. Мединский. Братские школы Украины и Белоруссии в XVI—XVII вв. и их роль в воссоединении Украины с Россией. М., 1954, стр. 18, 36.

[17] R. Jakobson, фототипии pp. 78—79.

[18] См., например, сборник XVI в. в ГБЛ, Фунд. собр. № 35, л. 234.

[19] И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. — Исследования по русскому языку Отделения языка и словесности Академии наук, т. I, 1885—1895 (далее: И. В. Ягич), стр. 289—1067.

[20] Там же, стр. 383—487.

[21] Там же, стр. 554—555.

[22] Там же, стр. 433.

списках XVI в., также донес до нас в качестве первых учебных упражнений прямой и обратный азбучные ряды, состоящие, однако, из 44—45 букв, представленных в обычной последовательности без учета происхождения букв.[23] Педагогические руководства конца XVI и XVII столетия рекомендуют для усвоения азбуки, кроме этих двух азбучных таблиц, еще два смешанных буквенных ряда,[24] в первом из которых смешанный порядок букв достигнут путем разбивки простого алфавитного ряда на девять вертикальных столбцов. На первых двух страницах Азбуки Ивана Федорова[25] приведены без изменений первый и второй из указанных нами азбучных рядов, а также третий смешанный ряд, хотя и отличающийся некоторыми своеобразными особенностями, но составленный по тому же методу. Последний, четвертый ряд отсутствует. Принятые здесь количество и порядок расположения букв серьезно отличаются от системы Константина Философа и очень близки к тем приемам, которые рекомендовали отмеченные нами рукописные источники XVI—XVII вв. Таким образом, нельзя согласиться с мнением некоторых исследователей, заключивших, что азбучные таблицы в учебнике Ивана Федорова составлены «по совету Константина Философа»,[26] ибо в результате сопоставлений очевидно, что в данном отношении Азбука Ивана Федорова следовала указаниям более поздних русских книжников.

Следующие пять страниц учебника (с 3-й по 7-ю)[27] посвящены слогам. В «Книге Константина Философа» на этот раздел «грамотного учения» нет никаких указаний. Но двухбуквенные сочетания согласных с гласными входят в состав учебных упражнений, написанных новгородским мальчиком Онфимом на рубеже XII—XIII вв.[28] В русских рукописных сборниках XVI в.[29] до нас дошли грамматические статьи, повторяющиеся также и в списках XVII в.,[30] содержащие подробно разработанную систему слогов, начиная от двухбуквенных — «двоик» — до сложных девятибуквенных сочетаний — «девятериц». Во всех просмотренных нами рукописях в качестве примеров «двоик» неизменно приводятся слоги: ба, ва, га, да, — а в качестве «троик»: бра, вра, гра — со словами «тако ж и прочая». В первопечатную Азбуку вошли именно эти двух- и трехбуквенные сочетания. После букв и слогов следуют упражнения в чтении целых слов (стр. 9—22)[31] и слов, написанных сокращенно под знаком «титло» (стр. 23—44).[32]

Таким образом, учебник включает цикл необходимых начальных упражнений, позволявших овладеть техникой чтения по буквослагательному методу. Однако нельзя согласиться с утверждением В. С. Люблинского,[33] что все задачи Азбуки Ивана Федорова сводились к этой единственной цели, ибо в качестве полных и сокращенных слов здесь приведен довольно разнообразный методический материал, при помощи которого школьники попутно с обучением чтению практическим путем могли усвоить

[23] См., например: Сборник XVI в. в ГИМ, собр. Синод. библ., № 491, л. 633; Азбуковник XVI в. в ГПБ, O.XVI.1, л. 188.

[24] Сборник XVI в. в ГБЛ, Фунд. собр., № 35, л. 234; И. В. Ягич, стр. 679—680.

[25] R. Jakobson, фототипии pp. 1—2.

[26] Т. А. Быкова. Место «Букваря» Ивана Федорова среди других начальных учебников. — ИОЛЯ, т. XIV, 1955, в. 5 (далее: Т. А. Быкова), стр. 471.

[27] R. Jakobson, фототипии pp. 3—7.

[28] М. Кислов. Археологические раскопки в Новгороде. — ВИ, 1955, № 2, стр. 177—178.

[29] Азбуковник XVI в. (ГПБ, O.XVI.1, л. 189).

[30] ГБЛ, собр. Тихомирова, № 326, л. 10.

[31] R. Jakobson, фототипии pp. 9—22.

[32] Там же, фототипии pp. 23—44.

[33] В. С. Люблинский, стр. 464.

основные морфологические формы русского языка. Этот материал разделен на три раздела, содержание которых достаточно раскрыто в литературе.[34] Первый из них, озаглавленный «А сия азбука от книги осмочастныя, сиречь грамматикии» (стр. 9—19),[35] включает образцы спряжения глаголов действительного и страдательного залогов. Следующий раздел — «По прозодии, а еже дващи въединых лежащее, се есть повелителная и сказателная» (стр. 20—22)[36] — представляет материал для овладения системой надстрочных знаков «просодий», усвоение которых составляло необходимую часть «грамотного учения». Вошедшие в него глагольные формы одновременно демонстрируют различие между повелительным и изъявительным наклонениями: «носи́те — но́сите; обноси́те — обно́сите, проси́те — про́сите» и т. п. Третий раздел — «По ортографии» (стр. 23—44)[37] — посвящен сокращенным «подтительным» словам, заучиванию которых отводилось большое место в курсе обучения русской грамоте XV—XVI вв.[38] В Азбуке Ивана Федорова этот раздел составлен таким образом, что он дает представление о системе падежных окончаний существительных и прилагательных. Наряду с сокращенными словами в него вошли и несколько полных написаний существительных и прилагательных, таких, как «живот», «зло», «зиждитель», «людьск» и некоторых других,[39] приведенных единственно в качестве образцов склонения.

Во всех трех разделах материал расположен в алфавитном порядке, благодаря которому учащиеся попутно с прохождением нового должны были несколько раз повторить буквы. Эта особенность первопечатной Азбуки в свое время имела большое практическое значение, так как постоянное повторение пройденного являлось одним из необходимых условий буквослагательного метода обучения. Аналогичным практическим путем Азбука знакомила учащихся и с цифровой нумерацией. С этой целью первая часть учебника разделена на мелкие, последовательно пронумерованные параграфы.

Такая своеобразная подача материала, благодаря которой учащиеся попутно с техникой чтения приобретали практические навыки грамматики и счета, повторяли пройденное одновременно с усвоением нового, свидетельствует о гибкости и разнообразии методических приемов, практикуемых составителем Азбуки, но отнюдь не об ограниченности задач учебника, как это представлялось некоторым исследователям.[40] Приведенные здесь элементы грамматики достаточно обширны для того, чтобы дать начинающим школьникам первое представление об основных частях русской речи и тем самым серьезно облегчить учащимся дальнейшую часть «грамотного учения», включаешую специальные руководства по грамматике. Подбор этого материала для Азбуки Ивана Федорова нельзя признать «скудным» или «случайным»,[41] если принять во внимание специфику тех рукописных руководств по грамматике, которые могли служить источниками для анализируемого учебника.[42]

---

[34] Т. А. Быкова, стр. 469, 470.
[35] R. Jakobson, фототипии pp. 9—19.
[36] Там же, фототипии pp. 20—22.
[37] Там же, фототипии pp. 23—44.
[38] См., например, АИ, т. 1. СПб., 1841, стлб. 147.
[39] R. Jakobson, фототипии pp. 30, 33.
[40] В. С. Люблинский, стр. 464.
[41] Там же, стр. 464.
[42] Наиболее ранние из известных в настоящее время печатных грамматик для восточных славян относятся к 80—90 годам XVI в.

В зарубежной[43] и отечественной[44] литературе уже была отмечена связь, существующая между Азбукой Ивана Федорова и сводом грамматических статей, известных в настоящее время в списках конца XVI и XVII в. под общим заглавием «Книга глаголемая буквы...» (опубликована Ягичем).[45] Для нашего исследования, помимо публикаций Ягича, были использованы некоторые другие руководства по грамматике, сохранившиеся в списках XV—XVII вв., с которыми можно познакомиться в Государственной библиотеке СССР им. Ленина и в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде. Грамматические разделы из Азбуки Ивана Федорова на первый взгляд действительно более всего напоминают выдержки из «Книги глаголемой буквы...», особенно если рассматривать этот рукописный свод в том виде, как он представлен в публикации Ягича. В его составе могут быть отмечены отдельные статьи, иногда части статей, которые по своему содержанию, построению и даже заглавиям очень близки к трем рассматриваемым разделам Азбуки. Разделу «А сия азбука от книги осмочастныя, сиречь грамматикии» в рукописи соответствует текст, озаглавленный «А се осмочастне от грамматикия».[46] Следующая за этим заглавием таблица спряжения во всех частностях совпадает с глагольными формами, приведенными под буквой «б» в анализируемом разделе Азбуки. Но рукописный вариант ограничивается лишь одним примером глагола действительного залога, сразу же переходя затем к формам страдательного залога, которые составитель Азбуки поместил в самом конце раздела лишь после того, как исчерпал образцы спряжения действительного залога по алфавиту до буквы «щ» включительно. И нужно заметить, что ни одна из грамматических статей, известных нам в списках XVI—XVII вв., не включает такого обширного собрания разнообразных глаголов со всеми личными формами настоящего времени, систематически представленными в первопечатной Азбуке. Так, например, в «Книге осмочастной», приписываемой Иоанну Дамаскину, система личных глагольных окончаний представлена образцами спряжения двух глаголов: «творити» и «битися».[47] В русском переводе «Донатуса», включающем большее число примеров, все же приведено не более десяти глаголов.[48] В одном из рукописных сборников конца XVI в., хранящемся в Государственной библиотеке СССР им. Ленина, до нас дошли обширные таблицы именных и вербальных форм русского языка, в числе которых между другими частями речи даны и глаголы почти на все буквы алфавита,[49] в отдельных случаях те же самые, что в Азбуке Ивана Федорова; но от каждого из них образованы только по две личных формы (2-е лицо единственного и 2-е лицо множественного числа). Такой полной схемы личных окончаний, как в анализируемом учебнике, здесь нет. Что же касается рассматриваемой выдержки из «Книги глаголемой буквы...», то по отношению к разделу первопечатной Азбуки этот рукописный отрывок представляет собой лишь два небольших фрагмента, составляющих начало и конец раздела «А сия азбука...». В рукописном контексте он также является небольшой вставкой, внесенной неизвестным компилятором в статью «Двогласное во еди-

---

[43] R. Jakobson, стр. 20—22.
[44] Т. А. Быкова, стр. 471.
[45] И. В. Ягич, стр. 730—743.
[46] Там же, стр. 739.
[47] Там же, стр. 333.
[48] Там же, стр. 854—873.
[49] ГБЛ, Фунд. собр., № 35, лл. 130—233.

ных лежащее...»,[50] остальное содержание которой совсем не соответствует характеру этой вставки, так как оно относится к области просодии.

Добавим к этому, что образцы спряжения глагола страдательного залога, помещенные в «Книге глаголемой буквы...» и Азбуке Ивана Федорова, точно в такой же форме приведены в «Книге осмочастной Иоанна Дамаскина»[51] и в некоторых других более поздних грамматических руководствах,[52] откуда, по-видимому, и почерпнул этот материал составитель Азбуки.

Раздел «По прозодии...» имеет полную аналогию в одноименной рукописной статье, опубликованной Ягичем между статьями «Книги глаголемой буквы...».[53] Но этот факт все же еще не позволяет заключить, что данная статья полностью без изменений была перенесена в Азбуку Ивана Федорова из рукописного источника. Прежде чем делать решительное заключение о характере связи, существующей между сопоставляемыми памятниками, нужно принять во внимание, что рассматриваемый текст «По прозодии...» представляет собой сокращенную переработку упомянутой выше статьи «Двогласное во единых лежащее...»,[54] к которой восходит основное содержание «По прозодии...», пополненное, однако же, и из других источников, помимо «Книги глаголемой буквы...».[55] В новой обработке материал приведен в более стройную систему. Из большого количества довольно разнообразных морфологических форм, составляющих содержание «Двогласное...», сюда были перенесены главным образом глаголы, демонстрирующие разницу между повелительным и изъявительным наклонениями. На каждую букву от «б» до «щ» систематически приведено по два слова, тогда как в статье «Двогласное...» материал распределен между отдельными буквами алфавита довольно неравномерно, так что на некоторые буквы, такие, как «е», «и», «і» («и» с точкой) и др., в ней не дано ни одного слова.[56] Из соотношения сопоставляемых рукописных текстов можно заключить, что статья «По прозодии...», тождественная одноименному разделу Азбуки, возникла в более позднее время, чем близкие к ней по содержанию статьи, объединенные в «Книге глаголемой буквы...». Такое заключение не находится в противоречии с палеографическими данными, которыми И. В. Ягич снабдил опубликованный им текст «По прозодии...». Единственный известный нам список этого текста был обнаружен И. В. Ягичем в сборнике, который может быть датирован первой половиной XVII в.[57] А так как обстоятельства происхождения статьи «По прозодии...» никому не известны, то вполне можно предположить, что она проникла в рукописный сборник из печатных источников, а не наоборот. Основой же для раздела первопечатной Азбуки, по-видимому, послужила более ранняя статья «Двогласное...», подвергнутая при этом серьезной обработке.

Последнему из грамматических разделов Азбуки, озаглавленному «По ортографии», в «Книге глаголемой буквы...» соответствует статья «Начало букв по ортографии», которая входит в разные списки этого рукопис-

[50] Начало этой статьи опубликовано И. В. Ягичем на стр. 738 указанного сочинения; продолжение ее, перебитое другими текстами (стр. 738—739), переходит на стр. 739, 740, 741.

[51] И. В. Ягич, стр. 333, 339.

[52] См. стр. 216 настоящей статьи.

[53] Несмотря на то что эта статья не входит ни в один из известных нам списков «Книги глаголемой буквы...» и была обнаружена Ягичем в несколько ином окружении.

[54] См. выше.

[55] О других источниках см. стр. 216—217 настоящей статьи.

[56] И. В. Ягич, стр. 739, 740.

[57] Там же, стр. 955.

ного свода в двух различающихся между собой вариантах. Один из них, более близкий к рассматриваемому разделу Азбуки,[58] тем не менее отличается от него (как уже было отмечено предыдущими исследователями)[59] меньшей полнотой приведенных здесь падежных форм существительных и прилагательных. Укажем еще некоторые различия между сопоставляемыми текстами. Как было отмечено выше, раздел «По ортографии» благодаря специальному подбору и расположению морфологических форм позволял учащимся одновременно с усвоением сокращенных слов получить представление о системе падежных окончаний русского языка. Рукописная статья «Начало букв...», отчасти построенная на том же материале, отличается другой целевой установкой. Здесь главное внимание обращено на отдельные падежные окончания, которые благодаря сходству в произношении, по-видимому, наиболее часто смешивались на письме. С целью предупреждения орфографических ошибок, допускаемых писцами, составитель статьи расположил такие близкие по звучанию формы парами: «аггели их — аггеле моем апостоли их — апостоле его»[60] и т. п. Другие падежные формы приводятся не во всех случаях и не в одинаковой последовательности. Статья гораздо шире, чем рассматриваемый раздел учебника, включает слова, никогда не писавшиеся под титлом. Но среди них отсутствуют те немногие полные написания, которые приведены в разделе «По ортографии».[61]

Отмеченные отличия рукописной статьи в значительно большей степени относятся к ее другому варианту,[62] где «подтительные» слова занимают немного места по сравнению с другим материалом. Наряду с образцами сокращенных слов и падежных форм этот вариант включает также и примеры расстановки надстрочных знаков, предусматривая, таким образом, довольно разнообразные случаи правописания. Позволим себе заметить, что во втором варианте статья «Начало букв по ортографии» более оправдывает свое заглавие, так как больше напоминает собрание орфографических указаний, расположенных по буквам алфавита. В спи́сках XVI—XVII вв. под различными заглавиями сохранились другие руководства этого вида,[63] объединяющие в своем составе наряду с «подтительными» словами и образцами падежных форм самые разнообразные примеры современного им правописания. Первый вариант анализируемой статьи, представляющий некоторый шаг в сторону систематизации и разработки морфологических форм, по всей вероятности, возник на базе дальнейшего, сравнительно позднего развития такого практического руководства по орфографии. Поскольку текст, имеющий большее сходство с сопоставляемым разделом Азбуки, дошел до нас в списках более поздних,[64] чем время появления печатного памятника, то не исключена возможность, что его формирование не обошлось без воздействия учебника, изданного Иваном Федоровым. В пользу последнего предположения свидетельствует одна небольшая особенность первого варианта статьи «Начало букв...», где с большей полнотой представлены падежные формы именно для тех слов, которые вошли в раздел «По ортографии» Азбуки Ивана Федорова, в то время как слова, составляющие отличие рукописной статьи от печатного

---

[58] Там же, стр. 732—736.

[59] Т. А. Быкова, стр. 471.

[60] И. В. Ягич, стр. 732.

[61] См. стр. 212 настоящей статьи (эти слова входят в другие грамматические статьи XVI в. — см. стр. 216—217 настоящей статьи).

[62] И. В. Ягич, стр. 737.

[63] См. стр. 216—217 настоящей статьи.

[64] Списки этой статьи, указанные И. В. Ягичем (стр. 743), относятся к XVII в.

текста, приведены в ней только в двух падежах. Но каково бы ни было происхождение варианта статьи, обнаружившего наибольшее сходство с анализируемым разделом Азбуки, слово «По ортографии», сохранившееся в заглавиях обоих памятников, свидетельствует о том, что оба они в конечном итоге восходят к элементарному грамматическому руководству, служившему главным образом задачам правописания.

В результате проделанных разысканий можно заключить, что содержание разделов Азбуки, включающих грамматические элементы, не восходит к какому-нибудь одному известному нам источнику. Частичное совпадение приведенных здесь морфологических форм с содержанием некоторых текстов, объединенных в составе «Книги глаголемой буквы. . .», еще не доказывает, что грамматические разделы учебника были заимствованы из этого свода статей, хотя такая точка зрения и имеет место в литературе.[65] Нам она представляется необоснованной прежде всего потому, что отдельные фрагменты «Книги. . .», обнаруживающие наибольшее сходство с разделами Азбуки, в окружающем рукописном контексте носят характер вставок и переработок, внесенных в состав этой сложной компиляции, по-видимому, в сравнительно позднее время. Такой же поздней переработкой является статья «По прозодии», тождественная одноименному разделу Азбуки. Более ранние редакции этих текстов, такие, как статья «Двогласное во единых. . .»[66] или ранний вариант статьи «Начало букв. . .»,[67] по отношению к анализируемым разделам учебника представляют очень сырой материал, который мог быть использован составителем Азбуки лишь при условии строгого отбора, систематизации и дальнейшей разработки морфологических форм.

Не подлежит сомнению и тот факт, что наряду со статьями, рассмотренными выше, составителем Азбуки были использованы и другие близкие к ним источники. В списках конца XVI в. можно указать еще несколько грамматических статей, построенных на аналогичном материале. Так, например, грамматическое руководство «Сила существу книжнаго писма»[68] включает в большом количестве существительные и прилагательные, приведенные в разделе «По ортографии» Азбуки Ивана Федорова, и среди них такие слова, как «зло» и «зиждитель», не вошедшие ни в одну из статей «Книги. . .». Эти же существительные даны в грамматических таблицах,[69] включающих разнообразные именные и вербальные формы, отчасти тождественные грамматическим примерам из первопечатной Азбуки. Слова «зло» и «зиждитель» донесла до нас статья «Речем же зде и о буквах. . .»,[70] опубликованная Ягичем. В качестве примера страдательного залога в нее вошли личные формы глагола «битися», приведенные в статье «Двогласное во единых. . .»[71] и в Азбуке. С учебником Ивана Федорова рассматриваемую статью сближают и некоторые приведенные в ней примеры просодий (например: егда́, еда́),[72] отсутствующие в «Книге. . .».

При условии недостаточной изученности рукописных памятников старинной русской филологии трудно делать решительные выводы о генетической связи Азбуки Ивана Федорова с отмеченными источниками. Но и при современном состоянии вопроса очевидно, что рассмотренные выше

---

[65] Т. А. Быкова, стр. 471.
[66] См. стр. 213—214 настоящей статьи.
[67] См. стр. 215 настоящей статьи.
[68] ГПБ, O.XVI.1, л. 142.
[69] ГБЛ, Фунд. собр., № 35, лл. 130—233.
[70] И. В. Ягич, стр. 565—568.
[71] См. стр. 214 настоящей статьи.
[72] И. В. Ягич, стр. 565.

разделы учебника построены главным образом на том материале, который повторяется в составе довольно многочисленных статей грамматического и педагогического содержания, известных по спискам XVI—XVII вв. В первопечатную Азбуку вошли кратчайшие выдержки из основных разделов старинной русской грамматики. Как и в грамматических руководствах того времени, понятия о структуре языка даны на конкретных примерах морфологических форм, подобранных почти на все буквы алфавита. При обилии лексического материала основные именные и вербальные формы русского книжного языка представлены здесь в такой систематической полноте и порядке, которые не имеют места в статьях аналогичного содержания, известных нам по спискам XVI—XVII вв. Поэтому главные законы русского языка в разделах Азбуки выступают в более стройной и рельефной форме, чем в тех рукописных памятниках, с которыми можно в настоящее время сопоставлять первопечатный учебник. Благодаря специальному подбору и расположению материала грамматические разделы Азбуки одновременно выполняют функцию упражнений для обучения чтению. Специфические особенности старинных руководств по грамматике здесь умело подчинены методике буквослагательного способа обучения грамоте. Таковы первоначальные выводы, вытекающие из текстологического анализа первых разделов Азбуки.

Чтобы закончить обзор части учебника, объединяющей наиболее элементарные учебные упражнения, осталось рассмотреть толковую азбуку, или азбучный акростих, помещенный здесь (стр. 45—48)[73] в качестве первого связного текста для чтения. Такие произведения находили применение в процессе «грамотного учения» в самую отдаленную пору русского просвещения.[74] Но они дошли до нас главным образом в составе сборников церковного содержания в рукописях XV—XVI вв. Среди этих памятников нам, однако же, не удалось обнаружить ни одного произведения, которое могло бы послужить готовым образцом для толковой азбуки, напечатанной в учебнике Ивана Федорова. Тем не менее можно установить некоторые ее связи с предыдущей литературой. Р. Якобсоном[75] было отмечено сходство анализируемого произведения с толковой азбукой «Азь есмь богь», опубликованной Ягичем по сербскому списку XIV в.[76] Еще теснее первопечатный акростих связан с толковой «Азбукой о Христе», известной по нескольким русским рукописям начиная от конца XIV— начала XV в. К этому раннему источнику восходит значительная часть предложений, составляющих первую половину рассматриваемого текста.

Ниже приведены выдержки из трех сопоставляемых памятников:

Первопечатный акростих	«Азбука о Христе»	Азбука «Азь есмь богь»
Аз есмь всему миру свет	Азь есмь всему миру светь	Азь есмь богь
Бог есмь прежде всех век	Бог есми преже всих век	Богь бо есмь
Вижу всю таину человеческую	Ведаю всю тайну в человечи	Ведь бо вьса
Глаголю же вам сыном человеческим	Глаголю вам законь свой вы верыне ясте	Глаголу бо правду
Добро есть верующим в имя мое	Добро есть верующим во имя мое	Добро бо есмь

[73] R. Jakobson, фототипии pp. 45—48.

[74] В. И. Лукьяненко. К истории русского букваря. — Труды Лен. гос. библиотечного института им. Н. К. Крупской, 1958, т. 4 (далее: В. И. Лукьяненко). стр. 249—250.

[75] R. Jakobson, стр. 22—23.

[76] И. В. Ягич, стр. 304.

Есть гнев мои на грешники	Есть гнев мой на грешник	Есьмь бо
Жизнь есмь всему миру	Живот дал есмь всеи твари своеи [78]	Животь всему миру дахь
Зло законо преступником [77]	Зло бо будет законопреступником [79]	Зело дивна створихь [80]
Земля подножие ногам моим	Землю юже на водах утверди	Земля на водахь основахь
Иже есть престол мой на небесех	Иже престол мой на небесех	Иже вы скроз море проведохь
. . . .		. . . .
Како съвещаша на мя зол съвет	Како свещастесе на мя свет зол	Кое вы зло створих
Людие мои законопреступнии	Людие мои неразумьни	Людие безаконии
Мыслиша на мя злая за благая [81]	Мыслите мя погубить [82]	Мыслью вса сьтворихь [83]

Далее в первопечатный акростих вплетается тема «крестных страданий Христа», которая совершенно отсутствует в ранней редакции «Азбуки о Христе», а в азбуке «Азь есмь богь» изложена в форме полемики с иудеями. Акростих, напечатанный Иваном Федоровым, свободный от полемической направленности, больше внимания уделяет событиям новозаветной истории, вносит в их описание ряд конкретных подробностей, не имевших места в древней южнославянской азбуке. С азбукой «Азь есмь богь», известной также и в русских списках XV в., эту часть анализируемого текста сближают лишь два предложения к буквам «н» и «т».

Печатный акростих: «На кресте пропяша мя... Тернов венец възложиша на мя».[84]

Азбука «Азь есмь богь»: «На кресте мя пригвоздисте.[85] ...Трьновень венець на главу ми положисте».[86] И ниже последняя заключительная строка печатного акростиха, по-видимому, восходит к другой нашей ранней толковой азбуке — «Азбуке об Адаме», сохранившейся в русских списках XV в.

Печатный акростих: «Щедротами своего человеколюбия».[87] «Азбука об Адаме»: «Щедротами и человеколюбьем».[88] Заметим, что «Азбука об Адаме», по-видимому, относится к числу наших ранних азбучных акростихов учебного назначения.[89]

Таким образом, можно заключить, что в акростихе, помещенном в учебнике Ивана Федорова, объединились отдельные фрагменты, взятые из нескольких толковых азбук, распространенных в русской литературе XIV—XV вв. Тем не менее значительная часть анализируемого текста не имеет близкой аналогии в других произведениях этого вида. Сюжеты новозаветной истории отражены здесь с известной живостью и конкретностью описания, выгодно отличающими строки печатного акростиха от стереотипных фраз, характерных для значительной части древних толковых азбук.

[77] R. Jakobson, фототипии pp. 45, 46.
[78] Беседы св. Григория Двоеслова (ГПБ, Q.I.1202, л. 367).
[79] ГПБ, Q.XVII.177, л. 420 (в раннем списке фраза для «зело» отсутствует).
[80] И. В. Ягич, стр. 304.
[81] R. Jakobson, фототипия p. 46.
[82] Беседы св. Григория Двоеслова (ГПБ, Q.I.1202, л. 367).
[83] И. В. Ягич, стр. 304.
[84] R. Jakobson, фототипия p. 47.
[85] И. В. Ягич, стр. 304; БАН, 13.3.21, л. 8.
[86] И. В. Ягич, стр. 304.
[87] R. Jakobson, фототипия p. 48.
[88] ГПБ, Q.I.1130, л. 295.
[89] В. И. Лукьяненко, стр. 251—252.

Первопечатный акростих, судя по его стилистическим особенностям, не мог служить первым пособием для усвоения букв, подобно нашим древним толковым азбукам.[90] В XVI в. эту функцию с успехом выполняли буквенные ряды, напечатанные Иваном Федоровым на первых страницах учебника.[91] Поэтому в отличие от более ранних толковых азбук, обслуживавших нужды «грамотного учения»,[92] анализируемый акростих, доведенный лишь до буквы «щ», не образует полного алфавитного ряда. Значительная часть его предложений, за исключением строк, восходящих к «Азбуке о Христе» и «Азбуке об Адаме», не воспроизводит полных названий букв по примеру этих произведений, а лишь начинается с соответствующих букв алфавита. Отмеченные особенности указывают на сравнительно позднее происхождение акростиха, напечатанного Иваном Федоровым. Последнее заключение подтверждается и тем фактом, что это произведение сохранилось в составе многих последующих старопечатных[93] и рукописных[94] памятников, но совсем неизвестно в списках XV или даже XVI в. Поэтому вполне вероятно, что анализируемый акростих был специально составлен для Азбуки Ивана Федорова и лишь в дальнейшем из печатных учебников проник в рукописную литературу.

Вторая часть учебника, следующая за элементарными упражнениями, включает более сложные тексты для чтения, расположенные в порядке нарастающей трудности. Эта своеобразная хрестоматия открывается простейшими молитвами, усвоение которых составляло в то время неизбежное начало всякого образования. Далее следуют более обширные выдержки из часовника и, наконец, наставления, касающиеся вопросов воспитания, образования, и другие сентенции религиозно-нравственного характера, заимствованные из ветхозаветной части Библии и Апостола.

Молитвы в Азбуке Ивана Федорова (стр. 49—68)[95] большей частью приведены в том составе и такой же последовательности, как они даны на первых страницах славянских первопечатных часовников. Но все же учебник допускает в этом отношении некоторые отступления. Раздел молитв открывается в нем двумя церковными зачалами: «За молитв святых отец...» и «Слава тебе...», тогда как все известные нам первопечатные часовники московской и юго-западнорусской печати не имеют в своем начале ни одного из этих текстов.[96] Первый из них, приведенный в других разделах доступных нам восточно- и южнославянских старопечатных часовников, представляет лексические отличия от редакции, выбранной составителем Азбуки. Сравни: Азбука — «За молитв святых отец наших, господи Исусе Христе, сыне божий, помилуй нас. Аминь»;[97] краковский Часослов 1491 г. — «За молитв святых отец наших, господи Исусе Христе, боже нашь, помилуй нас»;[98] венецианский Часовник 1569 г. — «За молитьв святых отец наших, господи Исусе Христе, боже нашь...»;[99] Часовник, напечатанный Иваном Федоровым в 1570 г. в Заблудове: «За молитву святых отец наших, господи Исусе Христе, боже наш...»[100] и др.

---

[90] Там же, стр. 249—250, 253—254.

[91] См. стр. 211 настоящей статьи.

[92] См., например, раннюю редакцию «Азбуки об Адаме» [ГПБ, Q.I.1130, лл. 294, 295 (XV в.)].

[93] См., например: Азбука В. Бурцова. М., 1634, лл. 35—37.

[94] ГБЛ, Муз. собр., № 47 (Азбука — пропись, XVII в.).

[95] R. Jakobson, фототипии pp. 49—68.

[96] См., например: Часовник. М., 1565 (ГПБ, 1.5.29, л. 1); Псалтирь следованная. Заблудов, 1570 (ГПБ, 1.5.34, л. 221); Часовник. Вильно, 1596 (ГПБ, 1.7.6, л. 1).

[97] R. Jakobson, фототипии p. 49.

[98] Часослов. Краков, 1491 (ГПБ, 1.5.1д, л. 16 об.).

[99] Псалтирь следованная. Венеция, 1569 [ГПБ, 1.5.32, л. 5 (тетр. G. G.)].

[100] Псалтирь следованная. Заблудов, 1570, л. 228.

Происхождение этого церковного зачала в учебнике Ивана Федорова особенно любопытно, так как словами «За молитв святых отец...» обычно начинаются связные тексты почти во всех наших азбуках XVI—начала XVII в.,[101] а также в азбуках-прописях, сохранившихся в списках XVII столетия.[102] Рассматриваемый текст, явившийся, по-видимому, в свое время необходимым атрибутом южнославянской и русской педагогики, рекомендован в качестве учебного упражнения для детей в «Книге Константина Философа». Однако же и в этом раннем памятнике, опубликованном Ягичем по болгарскому списку XV в., зачало «За молитвь светыих отец...»[103] приведено в формулировке, принятой вышеуказанными первопечатными часовниками.[104]

Редакция, выбранная составителем львовской Азбуки, характерная также и для последующих наших старопечатных учебников грамоты,[105] восходит к часовникам, известным в настоящее время в русских списках XV в. Среди этих памятников могут быть указаны часовники, открывающиеся зачалами «За молитв святых отец...» и «Слава тебе...», приведенными в той самой формулировке, которая была принята учебником Ивана Федорова.[106] Таким образом, отступление первопечатной Азбуки от редакции современных ей печатных часовников оказывается увязанным со старинными традициями славянской педагогики и русской рукописной литературой XV в.

Последующие тексты анализируемого раздела (стр. 49—52)[107] без всяких отступлений и перестановок повторяют содержание начальных страниц русских первопечатных часовников. За ними следуют более обширные выдержки (стр. 52—68),[108] такие, как «Символ веры», молитвы Василия Великого и царя Манасия и некоторые другие, также заимствованные из часовника, но взятые из различных его разделов по выбору и приведенные в учебнике в несколько иной последовательности. За исключением зачала «За молитв святых отец...», все вышеупомянутые молитвы в редакционном отношении прямо и непосредственно восходят к Часовнику, напечатанному Иваном Федоровым в Заблудове в 1570 г. вместе с Псалтирью следованной, Заблудовский Часовник в свою очередь с небольшими отступлениями повторяет московское издание 1565 г. Приведем несколько примеров:

Азбука	Заблудовский Часовник	Московский Часовник
...хлеб наш насущный, дай же нам днесь...[109]	...хлеб наш насущный дай же нам днесь...[110]	...хлеб наш насущный даждь нам днесь...[111]
...съгрешения наша, волная и неволная, яже в слове и в деле, в ведении и не в ведении, яже в уме и в помышлении вся ми прости...[112]	...согрешения наша волная и неволная, яже в слове и в деле, в ведении и не в ведении, яже во уме и в помышлении, вся ми прости.[113]	...согрешения наша волная и неволная, яже в слове и в деле, и яже в ведении и не в ведении, и яже во уме и в помышлении, яже во дни и в нощи, вся ми прости...[114]

[101] См. например, Азбука В. Бурцова, л. 38.
[102] ГБЛ, Муз. собр., № 872.
[103] И. В. Ягич, стр. 435.
[104] См. стр. 219 настоящей статьи.
[105] См., например: Азбука В. Бурцова, л. 38.
[106] См., например: Псалтирь следованная [ГПБ, F.1.110, л. 97 (XV в.)].
[107] R. Jakobson, фототипии pp. 49—52.
[108] Там же, фототипии pp. 52—68.
[109] Там же, фототипия p. 51.
[110] Псалтирь следованная. Заблудов, 1570, л. 221.
[111] Часовник. М., 1565, л. 2.
[112] R. Jakobson, фототипии pp. 55—56.
[113] Псалтирь следованная. Заблудов, 1570, л. 221.
[114] Часовник. М., 1565, л. 4 (8-й тетради).

Последующие 10 страниц Азбуки (стр. 69—78)[115] отведены поучениям, часть которых непосредственно адресована детям, другая же предназначалась для родителей и воспитателей. Здесь представлены выдержки из Книги притчей Соломона и «Посланий апостола Павла». Раздел начинается двумя короткими отрывками из 22-й притчи. Увещание к детям о внимании, необходимости учения сменяется сентенцией нравственного характера: «Не сотвори насилия убогому...»,[116] — которая тематически объединяется с аналогичным поучением из притчи 23: «Не дотыкайся межей чужих...».[117] Следующие выдержки из 23-й и 24-й притчей возвращаются к первой теме и еще раз напоминают детям о внимании, послушании, а также о почитании родителей.[118] Все перечисленные тексты, снабженные ссылками на 22-ю, 23-ю и 24-ю главы из Книги притчей Соломона, действительно восходят к этим источникам.[119] Исчерпав увещания к детям, учебник переходит к поучениям о воспитании, которые в Библии рассеяны в виде коротких фраз на протяжении нескольких глав Книги притчей. Библейским выдержкам предшествует обращение: «К вам же отцы и учители тако глаголет»,[120] — которого мы не смогли отыскать в церковных книгах; по-видимому, оно исходит от составителей учебника.

Текст, помещенный под таким заглавием, является результатом сложной композиции разрозненных библейских выдержек. Поучения к родителям изложены в форме связного, стройного, логически законченного наставления, между тем как здесь буквально каждое предложение, а иногда и отдельные его части восходят к различным главам из Книги притчей. Так, в первой фразе, адресованной родителям, — «Не отмай от детища твоего казни, безумие бо есть привязано в сердцы отрочате, жезлом же наказания изжениши его»[121] — объединились выдержки из 23-й и 22-й притчей. Притча 23: «Не отреи младенца наказовати...»,[122] «Не отнимай от дитятя твоего казни...»;[123] притча 22: «Невежеством възгорится сердце юнаго, жезл и наказание далече от него...»,[124] «Безумие привязано есть в сердци детища, и дубець казни изженить е...».[125]

Далее следует целое предложение, заимствованное из 29-й притчи: Азбука — «Детищу, иже дают волю его, напоследок посрамотит матерь свою»;[126] притча 29 — «Дитя, ему же допущають воли его, посрамотить потом матерь свою».[127] Последующий текст учебника[128] снова восходит к 23-й,[129] а затем к 29-й[130] притчам.

---

115 R. Jakobson, фототипии pp. 69—78.
116 Там же, фототипия p. 69.
117 Там же, фототипия p. 70.
118 Там же, фототипии pp. 70—72.
119 См., например: Библия. Острог, 1581 [ГПБ, 1.2.2 (далее: Острожская библия), лл. 37—38 (III счета)].
120 R. Jakobson, фототипия p. 72.
121 Там же, фототипии pp. 72—73.
122 Острожская библия, л. 37 об. (III счета).
123 Библия Франциска Скорины. Прага, 1517—1519 [ГПБ, 1.5.4/3 (далее: Библия Скорины), Притчи Соломона, л. 35 об.].
124 Острожская библия, л. 37 (III счета).
125 Библия Скорины, Притчи Соломона, л. 34.
126 R. Jakobson, фототипия p. 73.
127 Библия Скорины, Притчи Соломона, л. 44.
128 R. Jakobson, фототипии pp. 73, 74 (первая верхняя строка).
129 Библия Скорины, Притчи Соломона, л. 35 об.; Острожская библия, л. 37 об. (III счета).
130 Библия Скорины, Притчи Соломона, л. 44; Острожская библия, л. 40 (III счета).

Выдержкам из Апостола [131] также предшествует вводная фраза: «Тем же и апостол сице глаголет».[132] После нее с соответствующей ссылкой приведен отрывок из «Послания апостола Павла к ефесианам» — зачало 232.[133] Поучение о почитании родителей сочетается здесь с указанием для отцов, которое в тексте церковной книги укладывается в одно небольшое предложение: «Отцы, неразъдражайте чад своих, но воспитавайте их в наказании и учении господни».[134] В редакции Азбуки к этому добавлено еще несколько слов: «. . . в страсе божии, в милости, в благоразумии. . .».[135] Следующая часть этого предложения — «. . . в смиреномудрии, в кротости, в долготерпении, приемлюще друг друга. . .» [136] — и дальнейшее продолжение сентенции [137] взяты из «Послания к колосянам» — зачало 258. Сравни: «Облецетеся убо яко же избраннии богу, святи и възлюблени. . . в смиреномудрие, кротость и долготерпение, приемлюще друг друга. . .» и т. д. [138]

Благодаря умелому объединению двух различных по тематике выдержек отрывок из «Послания к колосянам», имеющий самое отдаленное отношение к вопросам воспитания, в учебнике принял вид наставления для родителей. Далее (стр. 76—78) [139] приведена часть «Послания к солунянам», помеченная в Апостоле «зачалом 273».[140] Текст открывается обращением: «Молю ж вы, братие, наказуите безумныя. . .»,[141] — которое, по-видимому, должно было поднимать авторитет воспитания и воспитателей. Такое начало в какой-то мере связывает эту довольно пространную сентенцию нравственно-религиозного содержания с предыдущими наставлениями для отцов. Нельзя не заметить, что по сравнению с текстами, восходящими к ветхозаветной части Библии, выдержки из Апостола вошли в Азбуку в виде более крупных, тематически законченных отрезков, содержание которых большей частью не имеет прямого отношения к теме воспитания детей. Связи их с окружающим контекстом выражены гораздо слабее, если не достигаются путем перефразировки церковного текста. Любопытен и тот факт, что в отличие от ветхозаветных выдержек, проповедующих суровое обращение с детьми, из апостольских посланий, как бы в противовес, специально подобраны такие цитаты, где на первый план выдвигается гуманистическая сторона христианства, вследствие чего апостольские тексты, как уже было отмечено предыдущими исследователями,[142] рекомендуют мягкие и кроткие методы воспитания. Таким образом, можно заключить, что поучения, приведенные в Азбуке, распадаются на две части, которые характеризуются неодинаковой манерой использования библейских текстов и отражают различные взгляды на характер воспитания детей.

Попытаемся решить вопрос о происхождении этого раздела учебника. В существующей литературе [143] уже были отмечены редакционные расхождения, которые отличают библейские выдержки, приведенные в Азбуке,

---

131 R. Jakobson, фототипии pp. 74—77.
132 Там же, фототипия p. 74.
133 R. Jakobson, фототипия p. 74; Львовский Апостол, л. 164 об.
134 R. Jakobson, фототипия p. 74; Львовский Апостол, л. 164 об.
135 R. Jakobson, фототипия p. 74.
136 Там же, фототипии pp. 74—75.
137 Там же, фототипии pp. 75—76.
138 Львовский Апостол, л. 177.
139 R. Jakobson, фототипии pp. 76—78.
140 См., например, Львовский Апостол, лл. 284 об.—285.
141 R. Jakobson, фототипия p. 76.
142 М. Н. Тихомиров. Первый русский букварь. — Новый мир. М., 1956, № 5, стр. 269, 270.
143 R. Jakobson, pp. 25, 26.

от соответствующих текстов Библии[144] и Апостола,[145] напечатанных Иваном Федоровым. Помимо изданий Ивана Федорова, к данному исследованию был привлечен еще ряд старинных рукописных и первопечатных памятников, предшествовавших в своем появлении Азбуке 1574 г. Из ранних библий, известных в Северо-Восточной и Юго-Западной Руси, в нашем распоряжении оказались отдельные книги Ветхого завета в списках XIV—XV вв.,[146] Библия Геннадиевой редакции конца XV в., сохранившаяся в рукописи 1558 г.,[147] и «Библия руска», изданная в 1517—1519 гг. Франциском Скориной.[148] Сопоставляя эти источники, можно заключить, что русские рукописные библии XV—XVI вв. и близкое к ним острожское издание 1581 г. не имеют между собой таких серьезных редакционных расхождений, которыми отличаются от них ветхозаветные тексты, вошедшие в Азбуку. Библия Франциска Скорины, исправленная по чешскому изданию 1500 г., как известно, характеризуется своеобразным изложением библейских сюжетов и лексическими особенностями, характерными для белорусского языка.[149] При сопоставлении библейских притчей из Азбуки Ивана Федорова с соответствующими текстами «Библии руской» обнаруживается совпадение фразеологических оборотов, характерных для редакции обоих памятников. Тем не менее полного редакционного тождества не наблюдается. Приведем по две цитаты из первопечатной Азбуки, Библии Франциска Скорины и рукописной Библии Геннадиевой редакции:

Азбука	Библия Скорины	Рукописная Библия
Сыну мой, приклони ухо твое и послушай словес мудрых и приложи сердце твое к научению моему, понеже украсит тебе...[150]	Сыну мой, приклони ухо твое и послухай словес мудрых людей, и приложи сердце к научению моему, понеже украсить тебе...[151]	К словесем мудрых прилагай свое ухо и услышиши моя словеса. Свое же сердце постави к ним да разумееши яко добра сут...[152]
Не дотыкайся межей чужих и на поле сироты не въступуй, понеже мъститель их силен есть, иже судити будет противу тебе кривду их.[153]	Не дотыкайся межей малых и на поле сиротьков не въступуй: понеже ближъний их силен ест, и он судити будеть противу тобе прю их.[154]	Не прелагай предел вечных, во стяжение сиротам не вниди, избавляа их господь крепок есть и разсудит суд им с тобою.[155]

Как видно из примеров, между текстами сопоставляемых печатных памятников существует не только заметное сходство, но и определенные лексические расхождения. К этому нужно заметить, что Франциск Скорина не случайно обратился к чешской Библии. Переводы библейских книг с чешского языка получили распространение в Юго-Западной Руси XV и первой половины XVI в. и лишь во второй половине XVI в. были вытеснены московской Геннадиевой Библией.[156] Не познакомившись с редак-

---

[144] Острожская библия, лл. 37—38 (III счета).
[145] Львовский Апостол, лл. 164, 177, 184, 185.
[146] ГПБ, F.I.461, лл. 356, 357.
[147] ГИМ, собр. Синод. библ., № 21.Б.1, лл. 485, 486.
[148] Библия Скорины, Притчи Соломона, лл. 34, 35.
[149] О Библии Франциска Скорины см.: П. В. Владимиров. Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888 (далее: П. В. Владимиров), стр. 37, 48, 86, 165.
[150] R. Jakobson, фототипия p. 69.
[151] Библия Скорины, Притчи Соломона, л. 34.
[152] ГИМ, собр. Синод. библ., № 21.Б.1, л. 485.
[153] R. Jakobson, фототипия p. 70.
[154] Библия Скорины. Притчи Соломона, л. 35 об.
[155] ГИМ, собр. Синод. библ., № 21.Б.1, л. 486.
[156] П. В. Владимиров, стр. 37, 41.

циями западнославянских первопечатных библий, нельзя утверждать, что в Азбуке Ивана Федорова отразились редакционные особенности «Библии руской», а не какого-нибудь аналогичного труда, также связанного с чешскими источниками. Но совершенно очевидно, что притчи, приведенные в учебнике, восходят не к Геннадиевой редакции, наиболее авторитетной для восточных славян в эпоху возникновения первопечатной Азбуки, а к библейским переводам, пользовавшимся правом гражданства в Юго-Западной Руси XV и первой половины XVI в.

К исследованию выдержек из апостольских посланий привлечено довольно большое количество источников, начиная от так называемого Слепченского Апостола, опубликованного ныне по южнославянской рукописи XII в.,[157] и кончая изданиями Ивана Федорова. Проделанные разыскания позволяют заключить, что исследуемые тексты учебника, безусловно, имеют определенные отличия от той редакции, которая была принята для Апостола, напечатанного Иваном Федоровым в 1564 г. в Москве,[158] а также для издания, выпущенного им во Львове,[159] и на несколько месяцев раньше Азбуки. Более ранние южнославянские издания,[160] а также близкие к ним в редакционном отношении русские рукописные памятники XIV в.[161] еще более далеки от источника, использованного составителем Азбуки. Такую же далекую редакцию представляет по отношению к текстам учебника Апостол, изданный Франциском Скориной в 1525 г.[162] Фразеологические и лексические особенности исследуемых текстов Азбуки более всего приближаются к той русской редакции, которая непосредственно предшествовала московскому первопечатному Апостолу 1564 г., но еще не приняла «исправлений», внесенных в церковный текст в связи с этим изданием. Такую редакцию донесли до нас русские рукописные памятники XV[163] и первой половины XVI в.[164]

Для примера приведем по две аналогичных выдержки из Азбуки Ивана Федорова, львовского Апостола и одного русского рукописного памятника более ранней, «дофедоровской» редакции:

Азбука	Апостол 1574 г.	Апостол XV в.
Аще кто к кому поречение имать, яко же Исус Христос дарова нам, тако и вы. Надо всеми ж сими любовь, яже есть съюз съверьшению, и мир божий да разделяется в сердцых ваших. .[165]	Аще кто на кого имать поречение, яко же Исус Христос угодил есть вам, тако же и вы. Надо всеми же сими стяжите любовь, яже есть съуз съвершеньства, и мир божий да въдваряется в сердцых ваших. .[166]	Аще кто к кому имать поречение, яко же Исус Христос дарова нам, тако и вы. Над всеми ж сими любовь, яж есть съюз съверъшению, и мир божий да разделяется в сердцых ваших.[167]

---

[157] Г. А. Ильинский. Слепченский апостол XII в. М., 1913, стр. 53, 74, 75, 78.
[158] ГПБ, 1.1.17, лл. 164, 177, 284, 285.
[159] Львовский Апостол, лл. 164, 177, 284, 285.
[160] Апостол. Терговище, 1547 (ГПБ, 1.5.15, л. 195).
[161] См., например: Апостол. Новгород, 1391 (ГПБ, собр. Погодина, № 26, лл. 113, 169); Апостол XIV в. (ГПБ, собр. Погодина, № 27, лл. 83, 88).
[162] Апостол. Вильно, 1525 (ГПБ, 1.5.7), л. 135 (II счета).
[163] ГПБ, Q.I.947, лл. 224, 240, 249 (Апостол XV в.).
[164] ГИМ, собр. Синод. библ., № 21.Б.1, лл. 933, 938, 941 (Библия 1558 г.).
[165] R. Jakobson, фототипия р. 75.
[166] Львовский Апостол, л. 177.
[167] ГПБ, Q.I.947, л. 240.

Молю ж вы, братие, наказуйте безумныя, утешайте малодушьныя, носите немощьныя, долготерпите в всех, блюдете да некто зла за зло кому въздаст, но всегда благое гоните и к друг другу, и к всем...[168]	Молим же вы, братие, вразумляйте бесчинныя, утешайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите к всем, блюдите да никто же зла за зло кому въздаст, но всегда добрая мыслите друг к другу и к всем...[169]	Молимь же вы, братие, наказуйте безумныя, утешайте малодушныя, носите немощныя, долготерпите в всех, блюдете да некто зла за зло кому въздаст, но всегда благое гоните и друг друга, и ко всем...[170]

Результаты проделанных текстологических сопоставлений свидетельствуют о сравнительно раннем происхождении церковных книг, послуживших первоисточниками для учебника Ивана Федорова. Значительное место среди них занимали рукописные книги XV и первой половины XVI в., несколько устаревшие ко времени появления первопечатной Азбуки. Зная, с какой высокой требовательностью относился великий мастер книги к выпускаемым им изданиям, такую особенность учебника можно объяснить лишь тем обстоятельством, что значительная часть его текстов была заимствована не прямо из церковных книг, а через посредство каких-то других памятников, так или иначе связанных с вопросами начального образования и воспитания в Московской и Юго-Западной Руси. В подтверждение такой точки зрения можно сослаться на отдельные произведения древней литературы, хотя бы отчасти использующие те же выдержки из церковных книг, что и первопечатная Азбука. Так, первые девять молитв, составляющие начало второй части анализируемого учебника[171] (за исключением зачала «Слава тебе...»), в такой же последовательности приведены в «Книге Константина Философа».[172] Редакционные расхождения между аналогичными текстами этих двух памятников не позволяют нам согласиться с предшествующими исследователями в том, что между «Книгой Константина Философа» и Азбукой Ивана Федорова существовала непосредственная преемственность.[173] Но, как было отмечено выше,[174] своеобразное начало второй части учебника, открывающееся текстом «За молитв святых отец...», не соответствует редакции первопечатных часовников, а, по-видимому, было обусловлено теми общими традициями, которые господствовали как в южнославянской, так и в русской древней педагогике. Рассмотренные выше библейские цитаты также имеют место в некоторых памятниках древней русской литературы. Примером аналогичного подбора выдержек из Ветхого завета может служить Домострой[175] или еще более ранний русский рукописный сборник Измарагд.[176] Отдельные главы этих памятников, развивающие тему взаимоотношений между родителями и детьми, базируются на тех же положениях из Книги притчей Соломона, которые вошли в состав Азбуки Ивана Федорова. В отличие от редакции учебника, в Домострое, как и в Измарагде, этот материал изложен в несколько иной манере, допускающей более свободное обращение с церковными текстами. Но наличие нескольких самостоятельных случаев использования одних и тех же выдержек из ветхозаветной части Библии заставляет думать, что

---

168 R. Jakobson, фототипии pp. 76, 77.
169 Львовский Апостол, л. 184 об.
170 ГПБ, Q.I.947, л. 249.
171 R. Jakobson, фототипии pp. 49—52.
172 И. В. Ягич, стр. 435, 438, 440, 441, 442, 505.
173 Т. А. Быкова, стр. 471.
174 См. стр. 219—220 настоящей статьи.
175 А. Орлов. Домострой по Коншинскому списку и подобным, кн. 1. М., 1908 (далее: Домострой), стр. 13, 16.
176 Н. А. Лавровский. Памятники старинного русского воспитания. — ЧОИДР, кн. 3, отд. 3, 1861 (далее: Н. А. Лавровский), стр. 3—12.

наставления по вопросам воспитания, составленные таким образом, не представляли редкого явления в нашей древней литературе. Не исключена также возможность, что этот материал в какой-то мере входил в состав более ранних рукописных учебников грамоты, так как сентенции религиозно-нравственного характера, заимствованные из различных церковных книг, занимают большое место в азбуках-прописях, известных в настоящее время по спискам XVII в.[177] Но, в отличие от редакции первопечатного учебника, между отдельными сентенциями, приведенными в азбуках-прописях, как правило, отсутствует всякая логическая связь. Манера использования библейских выдержек, усвоенная печатной Азбукой, восходит к литературным произведениям другого вида — к наставлениям педагогического характера, изложенным в связной, логической форме. Ради этой связности изложения составитель Азбуки сохранил несколько устаревшую редакцию ветхозаветных и апостольских текстов, так как, отредактировав их заново по Геннадиевой Библии и печатному Апостолу, он был бы вынужден разрушить всю кропотливую мозаическую работу предыдущих компиляторов, авторов наставлений. Этого не случилось, так как для содержания учебника в данном случае была важна дидактическая сторона использованных текстов, а не их отношение к редакции богослужебных книг того времени. Конструкция последнего раздела Азбуки позволяет предположить, что для него было использовано не одно, а во всяком случае не менее двух старинных руководств по вопросам воспитания, связанных с литературными традициями Московской и Юго-Западной Руси. Редакторская работа над данным разделом учебника должна была заключаться прежде всего в определенном отборе материала. В этом отношении обращает на себя внимание тематика сентенций религиозно-нравственного содержания, вошедших в Азбуку. Замечательно, что из всех приведенных здесь выдержек из Ветхого завета всего лишь две сентенции — «Не сотвори насилия убогому...» и «Не дотыкайся межей чужих...»[178] — не имеют никакого отношения к специальным педагогическим темам. И обе они наполнены совершенно одинаковым смыслом, направленным против злоупотреблений со стороны «сильных мира сего». Такие устремления как нельзя лучше подходили для той социальной среды и политической обстановки, которые вызвали к жизни издание Азбуки. Поэтому наличие вышеупомянутых текстов в учебнике Ивана Федорова представляется нам результатом сознательного выбора, в котором прежде всего отражены взгляды составителя Азбуки. Гуманистическая направленность, имеющая место в книге, проявилась также и в подборе наставлений для родителей. Как было отмечено выше,[179] тексты апостольских посланий, включенные в учебник, в противовес ветхозаветным выдержкам рекомендуют воспитание в духе христианской кротости и милосердия. К этому нужно добавить, что представленные здесь цитаты из Ветхого завета хотя и проповедуют необходимость телесных наказаний для детей, однако же не содержат тех указаний на жестокие исправительные меры, связанные с «учащением ран» и «сокрушением ребер», которыми богаты отдельные главы Измарагда[180] и даже Домостроя,[181] прошедшего редакцию середины XVI в. Таким образом, педагогические наставления первопечатной Азбуки отражают те изменения общественно-бытовых нравов, которые на

---

[177] БАН, 26.5.380 (1624 г.).
[178] R. Jakobson, фототипии pp. 69, 70.
[179] См. стр. 222 настоящей статьи.
[180] Н. А. Лавровский, стр. 5.
[181] Домострой, стр. 15.

исходе XVI столетия не могли не повлиять на характер русской педагогики, все еще хранившей средневековые устои.

В результате проделанного исследования можно заключить, что Азбука Ивана Федорова построена главным образом на материале педагогических и грамматических статей, сохранившихся до нашего времени в русских списках конца XVI и XVII столетия, а также неизвестных ныне наставлений по вопросам воспитания, восходивших к церковным книгам XV и первой половины XVI в. Превосходное знание практических приемов «грамотного учения» с его старинными традиционными особенностями указывает на предварительное знакомство составителя Азбуки с более ранними рукописными учебниками русской грамоты, предшествовавшими изданию 1574 г. Нельзя не отметить, что содержание и построение анализируемой книги во многом определялось теми требованиями средневековой педагогики, которые в XVI столетии еще продолжали господствовать не только в русских училищах, но и в школах Западной Европы. Так, например, немецкие элементарные учебники XVI в., наиболее известные в специальной литературе под названием «ABC-Buch» [182] или «Abecedarium»,[183] как и русская первопечатная Азбука, открываются простым алфавитным рядом, включают упомянутые выше двухбуквенные и трехбуквенные слоги, а далее переходят к упражнениям в чтении отдельных слов [184] и связных текстов, представленных теми же простейшими молитвами, которые отчасти вошли в состав Азбуки Ивана Федорова.[185] Однако же старопечатные немецкие «ABC-Buch» и «Abecedarium», судя по существующей о них литературе, не знали разделов, содержащих элементы грамматики, не включали никаких других связных текстов для чтения, кроме молитв и катехизиса.[186] Для многих текстов, приведенных в составе Азбуки (таких, как упражнения в чтении отдельных слов, построенные на грамматическом материале, азбучный акростих, сентенции педагогического и нравственного характера), содержание западноевропейских учебников не представляет никакой аналогии. Эти разделы первопечатной Азбуки, взятые вместе и каждый в отдельности, не восходят и к какому-нибудь одному известному ныне памятнику русской литературы, а, как показали проделанные нами разыскания, являются результатом творческого использования довольно многочисленных и разнообразных источников великорусского и юго-западнорусского происхождения. Обращает внимание тот факт, что, включая в свой состав отдельные тексты, обслуживавшие нужды русского просвещения в XIV—XV вв., Азбука 1574 г. тем не менее следует указаниям современных ей педагогических статей, оставив в стороне более ранние руководства, вроде «Книги Константина Философа». На связь с литературой, современной изданию, указывают текстологические особенности помещенных в нем молитв, отредактированных по заблудовскому Часовнику 1570 г. О новаторстве первопечатной Азбуки свидетельствует также примененный ею способ обучения цифровой нумерации.[187]

На основании всего изложенного можно заключить, что львовская Азбука 1574 г. внесла существенные изменения в содержание использованных ею рукописных учебников русской грамоты, среди которых, судя по редакции некоторых рассмотренных выше текстов, имели место памятники,

---

[182] См., например: Lexikon des gesamten Buchweisens, Bd. I. Leipzig, 1935, стр. 4.

[183] Там же, стр. 5.

[184] Paul Hennig. Alte Fibeln. — Zeitschrift für Bücherfreunde. Bielefeld und Leipzig, 1908, № 12 (далее: Paul Hennig), стр. 6, 7.

[185] См., например: ABC-Buch. Lubek, 1565 (ГПБ, O.3572), стр. 4—7.

[186] Paul Hennig, стр. 6—9.

[187] См. стр. 212 настоящей статьи.

тесно связанные с литературными традициями прошлого столетия. Очевидно также, что к указаниям педагогических статей, современных той эпохе, составитель первопечатной Азбуки относился с известным критическим разбором. Так, из четырех азбучных таблиц, рекомендованных русской педагогической литературой конца XVI и XVII в., в анализируемый учебник вошли три. Еще более экономно использована в нем система слогов,[188] что составляет одно из отличий первопечатной Азбуки от наиболее ранних из известных ныне рукописных учебников русской грамоты.[189]

Состав установленных источников и творческий характер их использования первопечатной Азбукой позволяют считать учебник Ивана Федорова оригинальным памятником, отражающим достижения русской педагогики второй половины XVI в. Составителем этого замечательного учебного пособия, судя по формулировке послесловия, явился его издатель, русский печатник Иван Федоров, оказавшийся не только талантливым мастером книги, но и просветителем-педагогом. Нельзя не согласиться с существующим общим мнением о том, что такие выражения печатника, как «сия еже писахъ вам» и «въмале съкратив сложих»,[190] указывают на его активное отношение к содержанию издания.

Учебник Ивана Федорова, по-видимому, был составлен во время пребывания печатника во Львове, в 1572—1574 гг. Во всяком случае, окончательная редакционная работа над книгой не могла быть завершена ранее 1570 г., так как один из разделов Азбуки отредактирован по заблудовскому Часовнику.[191] Общий характер содержания издания позволяет поставить его в связь с мероприятиями юго-западнорусских братств, с которыми Иван Федоров всего теснее соприкасался в львовский период своей деятельности. Как уже было отмечено в литературе,[192] издание учебника русской грамоты во Львове в 1574 г. имело исключительно актуальное общественно-политическое значение, ибо распространение литературного русско-славянского языка в условиях Юго-Западной Руси конца XVI в. являлось одной из форм борьбы за самобытное развитие украинской и белорусской культуры. Нужно думать, что наш выдающийся мастер книги, посвятивший всю жизнь распространению печатного слова, сознательно внес свою лепту в дело русско-славянского просвещения и развития культурных связей между Юго-Западной и Северо-Восточной Русью. Именно поэтому Азбуку, изданную на Украине, Иван Федоров до предела насытил грамматическими формами русского книжного языка и посвятил всему «народу греческаго закона». Такое обращение, подчеркивающее родственную близость всех восточнославянских народов, не только отвечало интересам порабощенных украинцев и белоруссов, но и поднимало в их глазах авторитет Русского государства, которому замечательный патриот продолжал служить и в изгнании.

В рамках данной статьи нельзя дать окончательной оценки новооткрытому изданию Ивана Федорова, так как она возможна лишь на фоне изучения истории русской и украинской школы. Но и в результате проделанного исследования очевидно, что составитель первопечатной Азбуки был передовым человеком своей эпохи и талантливым русским педагогом, ко-

---

[188] См. стр. 211 настоящей статьи.

[189] См., например: ГБЛ, собр. Фунд., № 35, л. 234; БАН, Архангельское собр., № 4, лл. 8—11.

[190] R. Jakobson, фототипия p. 78.

[191] См. стр. 220 настоящей статьи.

[192] В. С. Люблинский, стр. 464.

торый, опираясь на традиционную методику «грамотного учения», использовал ее лучшие, рационалистические стороны. Убежденный просветитель, энтузиаст своего дела, он отразил в учебнике последние достижения современной ему русской педагогической мысли, дополнив их некоторыми оригинальными приемами и новым методическим материалом в соответствии с требованиями обстановки издания. Дополнения, внесенные Иваном Федоровым в элементарный учебник, были направлены на ускорение и облегчение процесса обучения русской грамоте и русскому языку. В содержании некоторых использованных им учебных текстов отражена гуманистическая точка зрения на характер воспитания детей. Такие тенденции первопечатной Азбуки, несомненно, были прогрессивным и актуальным явлением для своего времени. Размноженный печатным способом, учебник Ивана Федорова явился выдающимся событием в истории русского и украинского просвещения.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

Б. Н. ПУТИЛОВ

К вопросу о составе Рязанского песенного цикла

Вопрос о существовании в далеком прошлом целого цикла фольклорно-песенных произведений, связанных с нашествием Батыя на Рязанскую землю в 1237 г., не раз поднимался в литературе. Произведений этих в большинстве своем живая фольклорная традиция не сохранила, следы их приходится восстанавливать путем анализа древнерусских литературных памятников, в первую очередь — «Повести о разорении Рязани Батыем». Лишь одна из песен, вероятно входивших в предполагаемый цикл, дошла до нас в устной передаче. Это — «Авдотья Рязаночка». Исследование «Повести о разорении Рязани Батыем» с привлечением данных былинного эпоса и исторических песен позволило установить существование в XIII в. песни о Евпатии Коловрате и реконструировать ее сюжет.[1]

Однако Рязанский песенный цикл, возможно, и не исчерпывался двумя названными произведениями. Во всяком случае, «Повесть о разорении Рязани Батыем» содержит некоторые данные для поисков и других сюжетов. Попытки в этом направлении предпринимались учеными. В частности, по крайней мере три эпизода «Повести» являлись предметом внимания исследователей: гибель князя Федора в татарском стане и самоубийство его жены Евпраксии; героическое сопротивление рязанцев татарам и всеобщая гибель защитников города; столкновение Батыя с князем Олегом. Отметим здесь, что в этих эпизодах, в отличие от песен об Авдотье Рязаночке и Евпатии Коловрате, на первом плане — рязанские князья и их подвиги. В этом смысле все три эпизода внутренне связаны между собою.

Рассмотрим более подробно каждый из эпизодов.

1. Вот как изложен в «Повести» первый эпизод. Великий князь Юрий Ингоревич «посла сына своего князя Федора Юрьевича Резаньскаго к безбожному царю Батыю з дары и молении великиими, чтобы не воевал Резанския земли. Князь Федор Юрьевич прииде на реку на Воронеже к царю Батыю, и принесе ему дары и моли царя, чтобы не воевал Резанския земли. Безбожный царь Батый, лстив бо и немилосерд, приа дары, охапися лестию не воевати Резанскиа земли. И яряся-хваляся воевати Русскую землю. И нача попросити у рязаньских князей тщери или сестры собе на ложе. И некий от велмож резанских завистию насочи безбожному царю Батыю на князя Федора Юрьевича Резанскаго, яко имеет у собе княгиню от царьска рода, и лепотою-телом красна бе зело. Царь Батый лукав есть и немилостив в неверии своем, пореваем в похоти своея, и рече

[1] См.: Б. Н. Путилов. 1) Песня о Евпатии Коловрате. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 118—139; 2) Песня об Авдотье Рязаночке. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 163—168.

князю Федору Юрьевичю: „Дай мне, княже, ведети жены твоей красоту". Благоверный князь Федор Юрьевич Резанской и посмеяся, и рече царю: „Не полезно бо есть нам християном тобе нечестивому царю водити жены своя на блуд. Аще нас приодолееши, то и женами нашими владети начнеши". Безбожный царь Батый возярися и огорчися, и повеле вскоре убити благовернаго князя Федора Юрьевича, а тело его повеле поврещи зверем и птицам на разтерзание; и инех князей, нарочитых людей воиньских побил.

И един от пестун князя Федора Юрьевича укрыся именем Апоница, зря на блаженое тело честнаго своего господина горько плачющися, и видя его никим брегома, и взя возлюбленаго своего государя, и тайно сохрани его. И ускори к благоверной княгине Еупраксее, и сказа ей, яко нечестивый царь Батый уби и благовернаго князя Федора Юрьевича. Благоверная княгиня Еупраксеа стоаше в превысоком храме своем и держа любезное чадо свое князя Ивана Федоровича, и услыша таковыа смертоносныя глаголы, и горести исполнены, и абие ринуся из превысокаго храма своего с сыном своим со князем Иваном на среду земли, и заразися до смерти. И услыша великий князь Юрьи Ингоревич убиение возлюбленаго сына своего блаженаго князя Федора, инех князей, нарочитых людей много побито от безбожнаго царя, и нача плакатися, и с великою княгинею, и со прочими княгинеми, и з братею. И плакашеся весь град на мног час».[2]

Так читается эпизод в редакции основной А. Из разночтений, встречающихся в других редакциях, отметим лишь некоторые, представляющие интерес с точки зрения сюжетного развертывания эпизода. В редакции основной Б 1-го и 2-го вида Батый, приняв дары, «охабися воевати Резанские земли» (стр. 309 и 329). Там же говорится о Батые, что он «начаша рязанских князей потехами тешити» (стр. 309 и 330). В редакции хронографической отсутствует эпизод с Апоницей, а в эпизоде с Евпраксией есть следующее любопытное дополнение: княгиня с сыном стоит «поглядающи ласкаваго и любимаго своего супруга благовернаго князя Феодора Юрьевича — когда приидет от нечестиваго царя Батыя. И абие вместо радости услыша таковыя смертоносныя глаголы, яко сожитель ея благоверный князь Феодор Юрьевич любви ради ея, красоты убиен бысть», — и далее говорится о смерти княгини (стр. 352—353). В редакции «Сказания» пространного вида Евпраксия стоит «в превысоком своем тереме» (стр. 371).

Весь эпизод о Федоре и Евпраксии выделяется — даже на фоне других драматических описаний «Повести» — особым драматизмом и эмоциональностью. Но ни драматический характер сюжета, ни эмоциональная напряженность описаний еще не доказывают принадлежности к народной поэзии. Нужен более конкретный сравнительный материал. Между тем исследователи нередко шли от общего восприятия эпизода и, опираясь на эти общие впечатления, уже затем обращались к фактам. В. Ф. Миллер, изложив соответствующее место «Повести», делает вывод: «Едва ли может быть сомнение в том, что трогательный эпизод о смерти Феодора и Евпраксии в изложении книжника основан на народной песне».[3]

На какие же факты опирается далее Миллер, обосновывая свой взгляд на этот эпизод как на «яркий образчик исторических и эпических пе-

[2] Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. (Тексты). — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 288—289. — Все цитаты в дальнейшем даются по этому изданию.

[3] Всеволод Миллер. Очерки русской народной словесности, [т. I.] Былины. I—XVI. М., 1897, стр. 316.

сен»?[4] Он обнаруживает прежде всего «черты народного стиля... в отдельных образах и выражениях: детальное перечисление дани конями, высокий терем Евпраксии, белые руки, любезное чадо».[5] Если даже согласиться с В. Миллером, что примеры, приводимые им, относятся к «чертам народного стиля», то следует отметить, что черты эти отнюдь не определяют стилистического характера всего эпизода. Они явно теряются среди таких эпитетов, как «безбожный царь», «нечестивый царь», «благоверный князь», «блаженое тело», «благоверная княгиня», «смертоносные глаголы» и т. д. Отметим, что «белые руки» отсутствуют в большинстве редакций. Нет в большинстве редакций также и перечисления дани конями.

Со стороны собственно стилистической рассматриваемый эпизод не содержит явных народно-песенных признаков.

Очевидно, что внимание должно быть обращено на его сюжетную сторону. Вопрос может быть поставлен двояким образом: является ли данный сюжет фольклорным по самой своей природе, т. е. представляет ли эпизод книжную переделку народной песни? или в нем, литературном по природе, имеются несомненные фольклорные реминисценции?

В другой своей работе В. Ф. Миллер касается как раз этих вопросов. Ученый не сомневается в том, что случай, о котором рассказано в «Повести», имел место в истории. О Федоре и Евпраксии слагались песни, но они не сохранились в народной памяти.[6] Вслед за этим В. Ф. Миллер вступает на путь догадок, типичных для представителя «исторической школы». В основе этих догадок лежит представление о том, что исторические песни с течением времени разрушались, подвергались эпической переработке; исторические имена забывались, заменялись другими, становились эпическими, а самое событие окрашивалось сказочными чертами и, «отрешившись от прежних имен, могло быть прикреплено к другим фабулам».[7] Так, по мнению В. Ф. Миллера, имя Евпраксии, впервые появившись в песне, связанной с разорением Рязани, затем вошло в былины, где оно прикрепилось к киевской княгине, жене Владимира. Некоторые же сюжетные ситуации песни преобразились в былине о Даниле Ловчанине. Предположение о связи этой былины с существовавшей в XIII в. песней о Федоре и Евпраксии было высказано еще раньше М. Е. Халанским.[8] Точка зрения В. Ф. Миллера и М. Е. Халанского была принята без каких-либо оговорок В. П. Адриановой-Перетц[9] и Н. К. Гудзием.[10] Однако сходство былины о Даниле Ловчанине с эпизодом «Повести» представляется весьма сомнительным, не говоря уже о том, что оно не может быть распространено на сюжеты в целом, вследствие чего невозможно себе представить, как мог совершиться переход песни в былину. В былине один из приближенных князя Владимира сообщает ему, что у Данилы красивая жена и что она представляет как раз тот идеал женщины, о ка-

---

[4] Там же, стр. 320; т. II, М., 1910, стр. 360.

[5] Там же, [т. I], стр. 316.

[6] Всеволод Миллер. Экскурсы в область русского народного эпоса. I—VIII. М., 1892, стр. 26.

[7] Там же.

[8] М. Е. Халанский. Великорусские былины киевского цикла. Варшава, 1886 (далее: М. Е. Халанский), стр. 82—83. — Предположение В. Ф. Миллера и М. Е. Халанского было подвергнуто критике Б. Соколовым в статье «Исторический элемент в былинах о Даниле Ловчанине» (Русский филологический вестник. Варшава, 1910, №№ 3—4, стр. 201).

[9] В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия. — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 121.

[10] Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, изд. 5-е. Учпедгиз, М., 1953, стр. 181.

ком думает князь. По совету приближенных Владимир, чтобы освободиться от Данилы, посылает его на опасное задание.

Ситуация, как видим, очень далекая от той, какая дана в «Повести». Сопоставление Владимира с Батыем и Данилы с Федором возможно лишь при очень больших натяжках. Единственное, что действительно сближает обе ситуации, — это роль оговорщика. Но нет оснований видеть здесь результат прямого заимствования и последующей переработки. Оговорщики, злые советчики — обычные персонажи русского эпоса, знакомые не только былине о Даниле Ловчанине. Образ оговорщика в «Повести» может быть истолкован как фольклорный. Сама же ситуация имеет некоторое соответствие в русском песенном фольклоре. В былинах женщина (жена царя, князя) является нередко предметом стремлений вражеского (или просто чужеземного) царя. Ее похищают силой, увозят хитростью, берут с помощью угроз. При этом ее всегда берут как жену — мотив этот уходит в далекую эпическую и историческую традицию, о которой здесь можно не говорить. В былинах о татарском нашествии, о захвате Киева Идолищем иногда содержится одна из угроз — взять княгиню.

В «Повести» эпический мотив похищения или завоевания женщины и насильственной выдачи ее замуж за царя-победителя (за чудовище и т. д.) получил иной характер: Батый намерен надругаться над рязанскими женщинами, в том числе и над Евпраксией.

Что касается всей истории с Федором, встающим на защиту достоинства своего и своей жены, то в известном нам русском фольклорном материале аналогии отсутствуют. Муж может выступать как спаситель жены, похищенной врагами. Заметим, что самое поведение Федора ничем не напоминает поведения былинного Данилы.

В той части эпизода, которая касается Федора, есть одна подробность, заставляющая вспомнить эпос, хотя она, быть может, в данном случае отражает конкретный ход событий. В былинах о татарском нашествии обычна просьба русских дать им некоторый срок для исполнения ультиматума. С этой целью (а иногда и с целью разведать силы врага) в татарский стан едет Илья Муромец, который везет подарки. В некоторых вариантах Калин-царь ведет себя примерно так же, как Батый в «Повести»: он проявляет гордость и старается унизить послов. «И тут Калин принял золоту казну нечестно у нево, сам прибранивает».[11] Возможно, что не от истории, а от литературной (может быть, и фольклорной) традиции идет повествование о том, как Батый, приняв дары и пообещав не воевать Рязанскую землю, стал угрожать захватом всей Русской земли.

Вторая часть эпизода, в которой выступает Евпраксия, чрезвычайно необычна для книжной традиции. Изображение самоубийства и его поэтизация явно не в духе древней русской литературы. Герои ее способны принять мученическую смерть за «веру христианскую», за «русскую землю», готовы претерпеть любые страдания. Но с точки зрения христианской морали самоубийство — акт недопустимый. Самоубийство знакомо русскому эпосу, но былины с этим мотивом, вероятно, сравнительно поздние. В былинах герои кончают с собой не от горя или отчаяния, а от сознания невозможности примириться со злом, жертвами которого они стали. Поэтому аналогия, которую проводит Миллер между Евпраксией и Василисой, недостаточно убедительна. Василиса кончает с собой не только потому, что не может пережить смерти мужа, но и потому, что не хочет

---

[11] Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Издание подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958 (далее: Сборник Кирши Данилова), стр. 170.

стать женой Владимира. Ее гибель есть не только акт отчаяния, но и форма протеста. Василиса — образ эпический, героический. Она в былине активно действует, она до конца борется, отстаивая свое счастье и свою честь. В «Повести» нет никаких следов, которые бы указывали на то, что Евпраксия гибнет, боясь стать женой или наложницей Батыя. Образ Евпраксии лишен каких бы то ни было эпических черт, но он сродни женским образам, какие встречаются в лирических песнях. Здесь жены ждут своих мужей из похода, узнают об их гибели, оплакивают их, обернувшись птицами, летят к месту их смерти, выражают свою любовь к ним, а в очень редких, правда, случаях — умирают, будучи не в силах перенести их смерти. В одной песне королевна, узнав о гибели милого, плачет:

Мой милый не послушался,
Нагонил тоску смертельную...
Я со той тоски во гроб пойду,
И в знак верности я с ним умру.[12]

Естественно сближать эпизод о Евпраксии не с эпосом, а с песнями военно-бытового содержания. В записи XVIII в. известна историческая песня, которая приурочивается по имени героя ко второй половине XVI в., но в которой есть реалии и мотивы, интересные для нашей темы. Это песня о гибели Михаила Черкашенина.[13] Приводим ее, опуская строки, в которых названо имя героя.

‹За› Зарайским городом,
За Резанью за старою,
Из далеча чиста поля,
Из раздолья широкова,
Как бы гнедова тура
Привезли убитова,
Привезли убитова
Атамана польскова
...А птицы ластицы
Круг гнезда убиваются,
Еще плачут малы ево дети
Над белым телом.
С высокова терема
Зазрила молодая жена,
А плачет, убивается
Над ево белым телом,
Скрозь слезы свои
Она едва слово промолвила,
Жалобно причитаючи
Ко ево белу телу:
«Казачья вольная
Поздорову приехали,
Тебе, света моего,
Привезли убитова,
Атамана польскова».

Известно, что Михаил Черкашенин погиб при обороне Пскова от Стефана Батория в 1581 г. Следовательно, Зарайск и Рязань Старая упоминаются здесь по традиции, они перешли сюда из какой-то другой, старшей песни. Такие мотивы, как привоз убитого из степи, плач жены, увидевшей тело мужа с высокого терема, гораздо ближе к эпизоду «Повести», чем былина о Даниле, поскольку эти мотивы связаны с кругом тех же жизненных обстоятельств, что и история о Федоре и Евпраксии. Было

---

[12] Русская баллада. Предисловие, редакция и примечания В. И. Чернышева. Вступительная статья Н. П. Андреева. «Советский писатель», [Л.], 1936, № 57.
[13] Сборник Кирши Данилова, стр. 252—253.

бы, конечно, неосторожным возводить песню о Михаиле Черкашенине непосредственно к предполагаемой песне XIII в. Но текст из «Сборника Кирши Данилова» указывает на одну из тех возможных сюжетных форм, в какую могла бы вылиться в народной поэзии история о драматической судьбе Евпраксии. Причем форма эта вовсе не исключает такого трагического финала, какой дан в «Повести».

М. Е. Халанский приводит некоторые параллели из эпоса других народов. Однако параллели эти, на наш взгляд, малоубедительны. В сербской песне «Царь Лазарь и царица Милица» Милица ждет вестей от своего мужа, отправившегося в поход. Царский слуга Милутин привозит известие о гибели Лазаря, и Милица выражает свою скорбь. В армянском сказании о Давиде Сасунском жена его, Хандут-Ханум, узнав о смерти Давида, поднимается на вершину башни и бросается оттуда вниз. С камнем, о который разбилась Хандум-Ханум, связаны с тех пор воспоминания и даже некоторые обрядовые действия.[14]

Для решения вопроса о происхождении рассматриваемого эпизода и об отношении его к фольклору важное значение имеет то обстоятельство, что эпизод этот, хотя и кажется вставкой, перебивающей рассказ о нашествии Батыя, сюжетно связан с циклом повестей о Николе Заразском, частью которого является «Повесть о разорении Рязани». История жизни князя Федора составляет одну из важных тем цикла. В первой повести, которая открывает цикл и в которой рассказывается о перенесении Евстафием чудотворного образа Николы из города Корсуни в Рязанскую землю, Федор назван как князь, «во область» которого «принесен бысть чюдотворный образ». Когда Евстафий достигает Рязанской земли, Никола во сне «явися благоверному князю Федору Юрьевичу Резанскому и поведа ему приход чюдотворнаго своего образа корсуньскаго» и велел ему идти навстречу образу, обещая, что будет молить Христа: «да подарует ти венець царствиа небеснаго, и жене твоей, и сынови твоему». Федор исполнил повеление Николы. Через некоторое время он женился, «и поят супругу от царьска рода именем Еупраксею. И помале и сына роди имянем Иоана Посника». Далее эта первая повесть кратко сообщает о гибели Федора, его жены и сына при нашествии Батыя на Рязань, а затем — о похоронах их останков. «И от сея вины да зовется великий чюдотворець Николае Зараский, яко благовернаа княгиня Еупраксеа с сыном князем Иваном сама себя зарази» (стр. 282—287).

Перед нами — эпизоды типичной средневековой легенды о перенесении образа святого, о чудесах, сопровождающих путешествие иконы, об избранных хранителях ее, принявших мученическую смерть, о происхождении названия города. Князь Федор — один из героев этой легенды, которая складывалась, вероятно, в Заразске.

Характерно, что в первой повести, где преобладают религиозно-благочестивые мотивы, обстоятельства смерти Федора не излагаются, зато о смерти Евпраксии говорится почти столь же подробно, как и в повести о разорении Рязани, что связано, конечно, с необходимостью объяснить происхождение названия Заразска.

То обстоятельство, что история гибели Федора и его жены оказалась включенной в легенду, проливает некоторый свет на ее художественную природу. Можно думать, что в данном случае мы имеем дело с местным народным преданием. Именно предание, связанное с определенными историческими лицами, приуроченное к конкретным событиям, получившее четкую локализацию, легче всего могло быть использовано в легенде.

---

[14] М. Е. Халанский, стр. 81—84.

Следы принадлежности эпизода к преданию проявляются в бытовых подробностях, в конкретных деталях, в установке на историческую и бытовую достоверность, которая сочетается с некоторыми элементами вымысла.

Однако, нельзя отрицать возможности существования и песен на ту же тему. Именно песен, а не одной песни, как это обычно утверждали. Дело в том, что если подходить к эпизоду о Федоре и Евпраксии со стороны фольклорных реминисценций в нем, то обнаруживается, что реминисценции эти не едины в сюжетно-стилевом отношении. Рядом с образами и деталями эпического плана ощущаются следы образов и мотивов народной лирики. Трудно представить себе возможность объединения — в народной поэзии — в один сюжет обеих частей эпизода, хотя в «Повести», как произведении иной по сравнению с фольклором художественной системы, они составляют единое целое.

Если предполагать, следовательно, существование песен, то надо думать, что история о Федоре входила скорее всего как часть в какое-то эпическое произведение о нашествии Батыя на Рязань (может быть, это была историческая песня), история же о Евпраксии могла быть оформлена в песенном сюжете, следы которого смутно проглядывают в поздней исторической песне о гибели Михаила Черкашенина.

2. Другое место в «Повести», которое исследователи также связывают с фольклором, — это рассказ о гибели рязанских князей-братьев и о битве рязанцев с татарами. По наблюдениям Д. С. Лихачева, «Повесть» собрала князей Рязанской земли, как живых, так и умерших, к 1237 г. «Родственные отношения всех этих князей эпически сближены, все они сделаны братьями. В последовавшей затем битве все эти князья гибнут, хотя об Олеге Красном (на самом деле не брате, а племяннике Юрия) известно, что он пробыл в плену у Батыя до 1252 г. и умер в 1258 г. Это соединение всех рязанских князей — живых и мертвых — в единое братское войско, затем гибнущее в битве с татарами, вызывает на память эпические предания о гибели богатырей на Калке, записанные в поздних летописях XV—XVI вв. Там также были соединены «храбри» разных времен и разных князей (Добрыня — современник Владимира I и Александр Попович — современник Липецкой битвы 1212 г.). И здесь и там перед нами, следовательно, результат общего им обоим эпического осмысления Батыева погрома как общей круговой чаши смерти для всех русских „храбров“».[15]

Сходство рассказов несомненно. Но в летописной «Повести о битве на реке Калке» рассказ предельно скуп, и от предания в нем, быть может, только упоминание о гибели богатырей. Кстати сказать, вряд ли предание воспринимало богатырей как героев «разных времен»: ведь в эпосе все они принадлежали к одному «эпическому» времени Владимира Святославича. У нас нет оснований для сопоставления побитых при обороне Рязани князей с погибшими на Калке богатырями. Если в рассказе о гибели рязанских князей и есть эпические элементы, то идут они не от эпоса (ибо эпоса, посвященного князьям, мы не знаем) и не от исторических песен (в рассказе нет следов песенного сюжета), а от каких-то воспоминаний, которые получили законченную книжную обработку в соответствии с идейным замыслом автора — прославить рязанских князей как представителей родины.[16]

---

[15] Д. С. Лихачев. Повесть о разорении Рязани Батыем. — Воинские повести древней Руси. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949 (серия «Литературные памятники»), стр. 129.

[16] Там же, стр. 133—139.

Другое дело — рассказ о том, как сражались «удальцы и резвецы» рязанские. Некоторые из характеристик в этом рассказе прямо воспринимаются как взятые из песни о Евпатии Коловрате: «И нападоша нань, и начаша битися крепко и мужествено, и бысть сеча зла и ужасна. Мнози бо силнии полки падоша Батыеви. Царь Батый, и видяше, что господство рязаньское крепко и мужествено бьяшеся, и возбояся... един бьяшеся с тысящей, а два со тмою... Преседоша с коня на кони, и начаша битися прилежно. Многиа сильныя полкы Батыевы проеждяа, храбро и мужествено бьяшеся, яко всем полком татарьскым подивитися крепости и мужеству резанскому господству. И едва одолеша их силныя полкы татарскыа» (стр. 290).

Здесь есть прямые текстуальные совпадения с эпизодом о битве Евпатия Коловрата, не говоря уже об общности стиля. Очевидно, что общность эта не случайна. Песня о Евпатии Коловрате в первой своей части содержала эпизоды столкновения рязанцев с татарами и гибели защитников города. Можно было бы предположить, что автор «Повести» использовал песню дважды, и в первый раз — при изображении подвигов «удальцов и резвецов» рязанских. Настойчивый интерес к поведению и судьбе князей, если и отраженной в песне, то в самой общей форме, заставлял автора дополнять песенные описания картинами, воссоздававшимися на основе каких-то воспоминаний и традиционных приемов книжного повествования. Очевидно, воспоминания эти носили самый общий характер, и лишь в одном пункте они получили форму завершенного сюжета: имеем в виду эпизод с князем Олегом Ингоревичем.

3. Д. С. Лихачев характеризует этот эпизод как вставку.[17] Действительно, на фоне краткого перечисления князей, испивших «едину чашу смертную», описание гибели Олега, отличающееся не только распространенностью, но и наличием завершенного сюжета, выглядит вставкой. Есть основание думать, однако, что автор не ограничился бы ею одной, если бы мог развернуть целую серию таких эпизодов. Очевидно, он знал лишь историю о «мученической кончине Олега Красного» и включил ее в рассказ, нарушив тем самым его своеобразное течение — быстрое, сжатое, лишенное конкретных деталей.

Что же представляет собою эпизод с Олегом? Какова его художественная природа?

Отметим прежде всего, что рассказ не соответствует действительности. Олег Красный не был убит, но попал в плен к Батыю и пробыл там до 1252 г. Он умер в 1258 г.[18] Таким образом, перед нами вымышленный рассказ, в котором героизации подвергается один из рязанских князей. В различных редакциях «Повести» эпизод с Олегом излагается с незначительными расхождениями. Приводим его по тексту редакции основной Б 1-го вида: «И Олга Ингоревича яша еле жива. Царь Баты, веде Олга велми красна и храбра, и хотя его изврачевати от великих ран и на свою прелесть возвратити. Князь Олег Игоревич укори царя и нарече его безбожна и врага крестьянска. Окаянный же Батый дохну огнем от мерскаго сердца своего и повеле Олга ножи на части разлабити. Сий бо есть мученик Христов, приа венец своего изповеданиа и мучениа со сродником своим блаженным князем Феодором Юрьевичем и прияша венца нетленная от всемилостиваго бога» (стр. 312—313). В редакции основной А об

[17] Там же, стр. 131.

[18] Там же, стр. 29. — Ср., например, в Ермолинской летописи под 1252 г.: «Того же лета татарове пустиша князя Олга Ингваревича Рязанского на свою землю» (ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, стр 84).

Олеге говорится как об изнемогающем от великих ран, а вместо «разлабити» употреблен глагол «раздробити» (стр. 291). В редакции основной Б 2-го вида состояние Батыя характеризуется еще дополнительно словом — «и огорчися». В редакции Стрелецкой это место излагается так: «А князя Олга Ингоревича изранена жива приведоша к царю. И виде его царь красна суща, и возрастом велика, и храбра, хотя его от великих ран изврачевати и во свою скверную веру превратити. И князь Олг Ингоревич не пожела славы сея временныя, но небесныя славы возжеле, укори царя нечестиваго и нарек безбожна и врага християнскаго. Окаянный же Батый, рыкнув и дохнув от мерскаго сердца своего и огорчися, яко лев, вскоре повеле Ольга блаженнаго ножи раздробити, якоже древле великаго мученика Иякова Перскаго Хоздрой царь. Сей убо есть мученик Христов, прият венец своего исповедания мучением с сродником своим блаженным князем Феодором Юрьевичем» (стр. 364).

В рассказе отчетливо совмещаются героическая характеристика Олега с религиозно-благочестивым осмыслением его гибели. Он «велми красен» и «храбр», «возрастом велик». Но отвечает он Батыю не столько как воин, сколько как христианин («и нарече его безбожна и врага крестьянска»), а главное — погибает он как «великий мученик»; он уподобляется «страстоположнику Стефану», он принимает «венець своего страдания от всемилостиваго бога». Можно заметить, что мотивы религиозно-мученические в рассказе явно преобладают, причем в некоторых редакциях обнаруживается тенденция к их усилению. Характерен в этом плане текст редакции основной Б 2-го вида, где Олег прямо изображается как князь, обрекающий себя на гибель ради «небесныя славы».

Однако было бы неосторожно на основании сказанного считать эпизод об Олеге религиозной легендой о мученике. Можно думать, что легендарная направленность придана ему автором «Повести». Сквозь легендарные наслоения ясно видна народно-героическая основа. Главное содержание эпизода, если освободить его от этих наслоений, сводится к следующему: раненого князя татары берут в плен, приводят к Батыю. Батый, на которого произвели впечатление красота и сила Олега, предлагает ему перейти к нему на службу, обещая вылечить его от ран. Олег решительно отказывается, резко отзывается о Батые, и тогда разгневанный царь приказывает казнить его.

Образ героя, не желающего перейти на службу врагу и гордо отклоняющего предложение чужеземного царя, знают уже былины о татарском нашествии. Илью Муромца, попавшего в подкопы, татары приводят к Калину-царю. Калин-царь говорит богатырю:

— Ай же, старыя казак да Илья Муромец!
Да садись-ко ты со мной а за единый стол,
Ешь-ко ествушку мою сахарнюю,
Да и пей-ко мои питьица медвяныи,
И одежь-ко ты мою одежу дрогоценную,
И держи-тко мою золоту казну,
Золоту казну держи по надобью,
Не служи-тко ты князю Владымиру,
Да служи-тко ты собаке царю Калину.

Илья Муромец отвечает:

— А й не сяду я с тобой да за единый стол,
Не буду есть твоих ествушек сахарниих,
Не буду пить твоих питьицев медвяныих,
Не буду носить твоей одежи дрогоценныи,
Не буду держать твоей бессчетной золотой казны,
Не буду служить тобе, собаке царю Калину,

Еще буду служить я за веру, за отечество,
А й буду стоять за стольний Киев-град,
А буду стоять за церкви за господнии,
А буду стоять за князя за Владымира
И со той Опраксой-королевичной.

После этих слов Илья Муромец уходит в поле и начинает биться с татарами.[19]

Сходство и различие былины и «Повести» очевидны. В былине действие, как обычно, прикреплено к эпическому Киеву. Илью Муромца не ранят и не убивают — он сам побеждает врага. И предложение царя, и отказ богатыря разработаны с присущей былинам обстоятельностью, в духе народно-эпических представлений о героизме. Есть былинные тексты, в которых аналогичный мотив разрабатывается в формах, еще более близких к «Повести». Курган-царь велит своим приближенным расправиться с Сурогой, отказавшимся перейти к нему на службу:

Вы го-гой еси, татары улановы!
Вы возьмите Сурогу за белы руки,
Поведите вы собаку во куземку,
Вы набейте обручики железные,
Вывозите его во чистое поле,
Вы изрежьте его в части мелкие,
Раскидайте его по чисту полю».[20]

Возводить эпизод «Повести» непосредственно к былине у нас нет достаточных оснований. Но можно предположить, что между былиной и «Повестью» стоял неизвестный нам песенный сюжет. Пример с песней о Евпатии Коловрате показывает, как могли возникать старшие исторические песни. У них могло быть по крайней мере три источника: историческое событие, дававшее основной материал для творчества; художественный вымысел, который служил задачам осмысления события; образы и мотивы эпоса, подвергавшиеся творческой переработке.

Былинный мотив о богатыре, отказывающемся перейти на службу к вражескому царю, получил новое качество в формах исторической песни. Он был применен к реальному историческому лицу и к исторически конкретному событию; он был освобожден от эпической обработки; были введены новые мотивы, усиливавшие драматизм и достоверность ситуации (пленение раненого героя, казнь его после отказа). Трудно сказать, ограничивалось ли все содержание песни рамками эпизода, известного по «Повести», или оно было шире. Последнее более вероятно.

Что наши предположения о существовании исторической песни, героем которой был Олег (или какой-то другой князь), не беспочвенны, доказывают материалы фольклора позднего времени. Чрезвычайно близка к предполагаемой песне по сюжету песня о гибели князя Семена Романовича Пожарского (первая половина XVII в.). Начало этой песни, может быть, позволяет представить контуры песни XIII в. в той ее части, которая не отражена в «Повести». Здесь действие начинается с картины вражеского наступления. Враги вызывают поединщика. Вызов принимает князь Пожарский. Он побеждает в поединке, но татарам удается захватить его в плен. Пожарского привозят к хану, который предлагает ему:

---

[19] Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Изд. 4-е т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 31.

[20] Русские былины старой и новой записи. Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894, стр. 239.

— А и гой еси, Пожарской князь,
Князь Семен Романович!
Послужи мне верою,
Да ты верою-правдою,
Заочью не изменою,
Еще как ты царю служил,
Да царю своему белому, —
А и так-то ты мне служи,
Самому хану крымскому.
Я ведь буду тебе жаловать
Златом и серебром,
Да и женки прелестными,
И душами красными девицами.

Князь Пожарский отвечает:

— А и гой еси, крымской хан,
Деревенской шишиморы!
Я бы рад тебе служить,
Самому хану крымскому.
Кабы не скованы мои резвы ноги,
Да не связаны белы руки
Во чембуры шелковыя,
Кабы мне сабелька вострая, —
Послужил бы тебе верою
На твоей буйной голове,
Я срубил тебе буйну голову.

Как и в эпизоде «Повести», реакция хана немедленна и беспощадна:

— А и вы, татары поганыя!
Увезите Пожарскова на горы высокия
Срубите ему голову,
Изрубите ево бело тело
Во части во мелкие,
Разбросайте Пожарскова
По далече чисту полю.[21]

Здесь приказ хана дан в более пространной форме, но по существу он совпадает с приказом Батыя.

Ответ князя Пожарского заключает явную иронию. Иронической интерпретации службы в эпизоде «Повести» нет, но в песне она могла быть: вспомним, что ирония присутствует в песне о Евпатии Коловрате.

Аналогичный ответ богатыря вражескому царю знают и былины. Михайло Данилович так отвечает Кудреванке, который просит его послужить татарам:

— Да была у меня да сабля вострая,
Да была у мня палоцька та боёвая, —
Послужил бы топере да по твоей шеи,
Верой-правдой послужил бы, неизменою.[22]

Песня о Пожарском показывает, что героизация образа князя не чужда народной поэзии.

Основанием для героизации Пожарского послужила его действительная гибель в татарском плену. Олег был взят в плен и остался жив, но создатели песни могли и не знать о действительной судьбе князя. Единственный из князей — участников защиты Рязани, не погибший на поле боя, он стал героем, в образе которого воплотились представления о стойкости, верности родной земле.

---

[21] Сборник Кирши Данилова, стр. 199—200.

[22] А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни (далее: А. Д. Григорьев), т. II. Прага, 1939, стр. 162.

Таким образом, считаем вполне вероятным, что наряду с песней о Евпатии Коловрате и преданием о Федоре и Евпраксии (а может быть, и песнями о них) в Рязанской земле была сложена песня об Олеге Красном, довершавшая цикл произведений о героическом сопротивлении рязанцев и об их гибели в борьбе с превосходящими силами врага.[23]

Вместе с песнями о Евпатии Коловрате и об Авдотье Рязаночке они составляли Рязанский историко-песенный цикл, содержанием которого было героическое сопротивление рязанцев татарскому нашествию.

Изучение этого цикла подводит нас к выводу, что татарское нашествие явилось важнейшим рубежом в развитии русского историко-песенного фольклора. Величайшее потрясение, каким было для Руси нашествие татар, не только не заглушило развития героической народной поэзии, но, напротив, вызвало ее подъем, рождение новых художественных форм, образов, сюжетов. Это можно объяснить лишь тем, что богатство народной поэзии, периоды ее больших достижений тесно связаны с активизацией исторической деятельности народных масс, как говорил Н. Г. Чернышевский, с «энергиею народной жизни». «Только там являлась богатая народная поэзия, где масса народа волновалась сильными и благородными чувствами, где совершались силою народа великие события».[24]

Рязань, первой принявшая удары полчищ Батыя, получила в народной поэзии черты эпического города. Воспоминания о Рязани как эпическом городе сохранились в былинах и в некоторых поздних исторических песнях. Она стоит рядом с другими эпическими городами и землями, подвергшимися, согласно представлениям былин, вражескому нашествию. Идолище говорит о себе:

— Я проехал Швецию, Турецию,
Казань, Рязань и Астрахань,
И не мог найти поединщика,
По плечу себе супротивника.[25]

Рязань называется в числе городов, из которых Иван Грозный выводит измену.[26] Астраханский губернатор допрашивает сынка Разина: «С Казани ль ты, с Рязани ль, али с Астрахани?».[27]

Есть былинные сюжеты, в которых Рязань не просто упоминается, но и служит местом действия. Сюжеты эти связаны, как правило, с Добрыней Никитичем. В ряде былинных текстов Рязань названа городом, в котором прожил свою жизнь отец Добрыни и в котором проходит детство и начинаются подвиги самого богатыря.

---

[23] Под тем же 1237 г. Ермолинская летопись сообщает о сходном эпизоде, героем которого являлся другой русский князь: «А Василька Костянтиновичя Ростовьскаго руками яша и того ведоша с собою до Шериньскаго леса, нудящи его во своеи воли быти, воевати с ними; он же не повинуася им, ни вкуси ничтоже, яже суть в руках их, во много хулна изрече царя их и на всех их. Они же много мучивше его, и смерти предаше марта 4, в четверток 4 недели поста, и повергоша его на селе» (ПСРЛ, т. XXIII, стр. 75). То же под 1238 г. в Тверской летописи (ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стлб. 370). Вслед за этим дается характеристика Василька, сходная с той, какую получил Олег. Таким образом, независимо от вопроса о фольклорно-песенных истоках данного сюжета, следует признать, что изображение подвига князя, не согласившегося даже под угрозой смерти перейти на службу к татарам, получило в летописях XIII в. характер эпического «общего места».

[24] Н. Г. Чернышевский. Рецензия на «Песни разных народов» Н. Берга. — Полное собрание сочинений, т. II. М., 1949, стр. 295.

[25] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2-е. Под ред. А. Е. Грузинского, т. II. М., 1910, стр. 192.

[26] Там же, стр. 264.

[27] Там же, т. I, М., 1909, стр. 345; см. также: А. Д. Григорьев, т. I. М., 1904, стр. 214 и др.

А во той де во Рязани до во Великою
Уж жил-то был да все торговой гось,
Уж на имя Микитушка Романович.[28]

Этим строкам обычно предшествует следующая характеристика Рязани:

Доселева Рязань она селом слыла,
А ныне Рязань словет городом.[29]

Ишше прежде Рязань до слободой слыла,
Ишше нонче Рязань до словёт славным городом.[30]

Такое начало встречается в вариантах следующих сюжетов: «Бой Добрыни с Ильей Муромцем» (в различных контаминациях); «Добрыня и Змей»; «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши»; «Бой Добрыни с Дунаем»; «Никита Романович, рождение и детство Добрыни». Иногда эти мотивы переносятся в варианты «Василия Буслаева».

Смысл зачина, говорящего о Рязани, ставшей славным городом, из текстов не вполне ясен. В одном тексте говорится:

А прославилась Рязань да добрым молодцом,
Кабы тем же Микитушкой Романовым.[31]

В тексте, где зачин применен к сюжету о Василии Буслаеве, мы читаем:

Почему это Рязань прославилась?
Потому Рязань это прославилась,
Что хорошо она да испост‹р›оилась.
Кто был в городе строителем,
Кто был управителем?
Управителем был Василий сын Буслаевич,
Построил Рязань да славным городом.[32]

Если предположить, что имя Василия Буслаева здесь внесено поздними певцами, а все остальное принадлежит старой былинной традиции, то можно думать, что величие Рязани в былинах связывается с деятельностью если не самого богатыря (Добрыни?), то его рода, прежде всего отца. Но это лишь эпическое выражение действительного и исторического факта возвышения Рязани, превращения ее в крупный город. Имеют ли в виду былины первоначальное возвышение Рязани в домонгольскую пору (т. е. Старую Рязань) или ее некоторое возрождение после разгрома 1237 г. — не ясно. Больше данных за первое предположение.[33] В былинах иногда имеются некоторые попытки изобразить Рязань. Говорится о ее «башнях наугольниих». Рязань предстает как город великий, славный, город богатый и красивый. Илья Муромец видит Рязань с вершины холма:

Хорошо-де Рязянюшка да изукрашона,
Красным золотом Рязянюшка да испосажона,
Скатным жемцюгом она бы да всё искрашона.[34]

---

[28] А. Д. Григорьев, т. II, стр. 138; см. также стр. 184, 254, 289 и др.
[29] Сборник Кирши Данилова, стр. 235.
[30] А. Д. Григорьев, т. III, СПб., 1910, стр. 568.
[31] Н. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904, стр. 258.
[32] Там же, стр. 204.
[33] См. об этом: М. О. Скрипиль. Народное поэтическое творчество XIII—XV вв. — Русское народное поэтическое творчество, т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII в. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 284—285.
[34] А. Д. Григорьев, т. II, стр. 140.

А в том же Рязани да славном городе
В том же народу да много множество:
А конны-ти едут темным лесом,
Пешеходом идут народ станицами,
Черным кораблём бежат дак по синю морю.[35]

В этих описаниях не ощущаются реальные наблюдения, но в них заметно стремление изобразить Рязань в ярких и богатых красках.

Интересный случай применения традиционной формулы о Рязани есть в варианте былины «Илья Муромец и сын». Добрыня вынужден отказаться от поединка с Сокольником и возвращается униженный к Илье Муромцу. Илья говорит:

А ише прежде Рязань да слободой слыла,
А ише ноньце Рязань да словёт городом;
А ише некем мне-ка, старику, заменитися,
А некем мне-ка, старику, распорядитися.

Другими словами: Добрыня, представитель Рязани-города и воплощение ее славы, оказался неспособным заменить Илью в поле. Здесь слова о Рязани, ставшей городом, звучат явно иронически.

Что связь Добрыни с Рязанью не является простым домыслом поздних певцов, следствием каких-то искажений и переделок, свидетельствуют некоторые летописные данные.

Летописи сохранили воспоминания о Добрыне Рязаниче Золотом Поясе. О нем говорится как о «храбре» князя Константина Всеволодовича, участвовавшем вместе с Александром Поповичем в сражении ростовского князя с Юрием Всеволодовичем.[36] Имя его называется также рядом с именем Александра Поповича, среди «храбров», погибших в Калкской битве: «Убиша же на том бою: и Александра Поповичя, и слугу его Торопа, и Добрыню Рязаничя Златаго Пояса, и седмьдесят великих и храбрых богатырей».[37]

Если сопоставить эти летописные свидетельства с приведенными выше былинными мотивами, то следует предположить, что связь Добрыни с Рязанью в эпосе определенной эпохи была достаточно прочной. Эти факты неоднократно и по-разному истолковывались исследователями.

Вопрос о Добрыне Рязаниче осложняется тем, что в ряде летописей вместо Добрыни в тех же ситуациях называется Тимоня Золотой Пояс.

Ф. И. Буслаев усматривал в летописных свидетельствах проявление того же процесса, согласно которому «эпос переводит богатырей Владимировых в период татарский». Буслаев не склонен был думать, что существовал в XIII в. какой-то исторический Добрыня. Добрыня Рязанич, с его точки зрения, это традиционный былинный герой, прототипом которого был, вероятно, дядя Владимира, брат Малуши, но получивший местное приурочение. Факт этот для Буслаева не единичен и не исключителен, в нем он видит нечто характерное: «Рязань вместе с Муромом дают местные, эпические краски известной муромской легенде о князе Петре и супруге его Февронии... Если Муромская область соединила свои поэтические предания с крестьянским идеалом Ильи Муромца, то соседняя с нею область Рязанская усвоила себе идеал княжеский в лице вежливого и грамотного Добрыни Никитича».[38]

[35] А. Д. Григорьев, т. III, стр. 488.
[36] ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911, стр. 396; ср. также: ПСРЛ, т. X. СПб., 1885, стр. 71—72.
[37] ПСРЛ, т. X, стр. 92.
[38] Ф. И. Буслаев. Народная поэзия. Исторические очерки. СПб., 1887, стр. 170—171.

Несколько по-иному ставит вопрос Л. Н. Майков. По-видимому, он допускал существование двух летописных Добрыней, каждый из которых отразился в эпосе. Добрыня Рязанич, упоминаемый в летописях в связи с событиями XIII в., «соответствует Добрыне из былины Кирши Данилова... где он является сыном богатого гостя рязанского Никиты».[39]

В том же духе примерно высказывался О. Ф. Миллер.[40] М. Е. Халанский считает, что в былинном Добрыне Никитиче соединены два образа: киевского Добрыни и какого-то севернорусского, местного, рязанского богатыря, может быть Тимони. «Произошла взаимная ассимиляция эпических сказаний: рязанский храбор привлекся к Владимиру и породнился с ним; киевский сподвижник Владимира получил местную, рязанскую окраску».[41]

Развивая эти соображения Халанского, В. Ф. Миллер высказывает предположение, что «в Рязанских местах ходило предание о каком-нибудь местном герое Тимоне (т. е., вероятно, Тимофее), чем-нибудь отличившемся в военной истории этого края, может быть в стычках с татарами... Этого героя могли сравнивать со старым Добрыней, может быть прозвали его Добрыней, и таким путем народный психико-былинный Добрыня был прикреплен к Рязани... Но это происхождение относится уже к Московскому периоду, когда в эпический оборот вошло имя популярного боярина Никиты Романова, царского шурина».[42]

В другом месте В. Ф. Миллер пишет, что Добрыня «прочно пристал к рязанским сказаниям уже очень давно». Он приводит сообщение Олеария, который видел неподалеку от Рязани на Оке «Добрынин остров». «Можно предполагать, что остров получил свое имя в связи с какими-нибудь сказаниями о рязанском богатыре, носившем это имя».[43]

Для объяснения прозвища «Золотой Пояс» представляет интерес сведение о «золотых поясах», приводимое А. И. Никитским: «...знатнейшие русские купцы в немецких известиях являются под названием „золотых поясов“».[44]

Встает вопрос — не отразилось ли в прозвище Добрыни Рязанича воспоминание о его происхождении, сохраненное в былинах, где Добрыня — сын богатого рязанского гостя.

Факты говорят о том, что уже по крайней мере в XIII в. Рязань воспевалась в былинах как эпический город, место рождения и подвигов одного из самых популярных русских богатырей. Добрыня Рязанич, Евпатий Коловрат, Авдотья Рязаночка, князья-патриоты Федор, Олег и, может быть, некоторые другие были теми героями — частью историческими, частью вымышленными, — которых прославили местные рязанские песни и предания. Идейно-художественное содержание этих песен и преданий выходило далеко за пределы местных интересов, в них отразились процессы, характерные в целом для русского народного творчества эпохи борьбы Руси с иноземным нашествием.

---

[39] Л. Майков. О былинах Владимирова цикла. СПб., 1863, стр. 25, примечание.

[40] О. Ф. Миллер. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869, стр. 416—417.

[41] М. Е. Халанский, стр. 42.

[42] В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. III. Былины и исторические песни. М.—Л., 1924, стр. 78—79.

[43] Всеволод Миллер. Очерки русской народной словесности, [т. 1]. стр. 95—96.

[44] Д. С. Лихачев. Летописные известия об Александре Поповиче. — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 26, примечание.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

М. А. САЛМИНА

Источники «Повести о зачале Москвы»

С. К. Шамбинаго в своем исследовании, посвященном повестям о Москве, указывает следующие источники, которыми, по его мнению, должен был пользоваться автор при составлении «Повести о зачале Москвы»: это, с одной стороны, предание о боярине Кучке, с другой — повесть об убийстве Андрея Боголюбского с отголосками в ней устных рассказов об участии в совершенном убийстве жены князя.[1] Особый интерес представляет то, что С. К. Шамбинаго удалось обнаружить непосредственный литературный источник части «Повести», рассказывающей об Андрее Боголюбском. Им оказался рассказ Хроники Константина Манассии «Царство Никифора Фоки».

Итак, первым источником той части «Повести о зачале Москвы», где рассказывается об убийстве Андрея Боголюбского, С. К. Шамбинаго считал одну из разновидностей «средневековой повести», где уже упоминалось об участии в убийстве Андрея его жены. Наиболее отчетливо эта версия сохранена в рассказе Тверской летописи, где речь идет о «болгарке», которая «дрьжаше к нему злую мысль» за походы на «болгарскую землю» и «жаловашеся на нь втайне Петру Кучкову зятю».[2] В этом рассказе есть, как видим, и второй мотив «Повести о зачале Москвы» — связь жены князя с его убийцей Петром. В рассказе Тверской летописи отражены, очевидно, какие-то древние предания об участии жены князя в его убийстве: следы этих преданий Н. Н. Воронин обнаружил в миниатюре Радзиволовской летописи, иллюстрирующей рассказ о смерти Андрея.[3]

Но автор «Повести о зачале Москвы» знал также и те версии старшей повести об убийстве Андрея, которые восходят к редакции, сохраненной Ипатьевской летописью, где самый рассказ об убийстве обрамлен житийно-панегирической, идеализированной характеристикой Андрея. Именно отсюда автор «Повести» перенес в свой рассказ изображение князя аскетом, который и ночью шел молиться в церковь, «възлюбив нетленная паче тленьных и небесная паче времененых».[4] Эта характеристика Андрея совпала с хронографическим изображением аскетических наклонностей Никифора Фоки. Поэтому не только «драматическая параллель между двумя средневековыми происшествиями» (участие жены в заговоре против мужа), от-

[1] С. К. Шамбинаго. Повести о начале Москвы. — ТОДРЛ, т. III. М.—Л., 1936, стр. 72—73; История русской литературы, т. II, ч. 2, Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 245—246.

[2] ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стлб. 250—251.

[3] См.: Н. Н. Воронин. Рецензия на книгу А. В. Арциховского «Древнерусские миниатюры как исторический источник» (М., 1944). — Вестник АН СССР. М., 1945, № 9, стр. 112. — Отрубленную руку князя на этой миниатюре летописи держит женская фигура.

[4] ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стлб. 583—584.

меченная С. К. Шамбинаго,[5] но и близость самых образов героев способствовала тому, что автор «Повести о зачале Москвы» перенес хронографический рассказ о заговоре против Фоки целиком в повествование о гибели князя Андрея, умолчав о политической причине убийства.

В статье «Сказания о начале Москвы» М. Н. Тихомиров указывает новый источник памятника. По мнению М. Н. Тихомирова, в основу «Повести о зачале Москвы», помимо предания о боярине Кучке, легли суздальские сказания, подобные заключающимся в сборнике Барсовского собрания № 1473 (ГИМ).[6]

Наблюдения С. К. Шамбинаго и М. Н. Тихомирова над текстом рассматриваемой «Повести» интересны и заслуживают полного внимания, однако сложение «Повести» представляется нам несколько иным.

Прежде всего отметим следующее. Помимо рассказа Хроники Константина Манассии, известного в переводе под названием «Царство Никифора Фоки», как нам удалось установить, на «Повесть» повлиял и другой рассказ той же Хроники, озаглавленный в переводе «Царство Левкиа Таркиниа». Обращение к нему было вызвано желанием автора «Повести» приравнять Москву — третий Рим к первому по поводу пролития крови при их основании. Этот рассказ Хроники повлиял на тот отрывок изучаемой «Повести», в котором идет речь о знамении при основании Капитолия в Риме. Это наглядно обнаруживается при сравнении:

Перевод Хроники Константина Манассии	«Повесть о зачале Москвы»
Сему церковь в Риме восхотевшю здати и ров копающе обретоша главу внове заклана человека и кров нову и теплу точащу и лице являющи прилично к живым, еже уведев Енътинирие искусный и знаменем смотритель и рече, яко град сей глава многым языком будет, но по времяни и по заклании и пролитии многых кровей.[7]	Первому бо Риму, зиждему от Рома и Ромила. И егда начаша Капетелион здати и ров копающе, обретоша главу внове заклання человека нову и теплу кровь точащу и лице являющу к живым прилично. Ея же увидев ентинарии искусный знамением смотритель и рече, яко сей град глава будет многим, но по времени и по заклании, и по пролитии кровей многих.

Сличение отрывка «Повести» о закладке Капитолия в Риме с соответствующим местом перевода Хроники Манассии убеждает, что заимствование шло из русского извода этой Хроники, представленного на русской почве в Хронографе 1512 г. (или первой редакции Хронографа, по терминологии А. Попова), нашедшего отражение, в частности, в Никоновской летописи.[8]

---

[5] С. К. Шамбинаго. Повести о начале Москвы, стр. 75.

[6] М. Н. Тихомиров. Сказания о начале Москвы. — ИЗ, т. 32. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 235—236.

[7] ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911, стр. 227. — Отрывок «Повести о зачале Москвы» приводится по списку ГИМ, собр. Синод библ., № 964.

[8] Хроника Константина Манассии известна лишь в славянском переводе. Древнерусские списки этой Хроники пока не обнаружены (см.: Андрей Попов. Обзор хронографов русской редакции, в. 2, М., 1869, стр. 6—7; В. Истрин. Хронографы в русской литературе. — Византийский временник, т. V, СПб., 1898, в. 1—2, стр. 131—152; Miloš Weingart. Byzantské kroniky v literature cirkevně-slovanské. Přehled a rozbor filologichý. Část 1. Bratislavě, 1922, стр. 160—236, а также рецензия на нее: В. Розов, Г. Вернадский. Slavia, R. III, s. 2. a 3, 1924, стр. 474—486; Henri Boissin. La traduction moyenbulgare de la Chronique de Manassès. — Revue des études slaves, t. 22. Paris, 1946, стр. 180—188 и др.). Когда мы говорим о переводе этой Хроники и ссылаемся при этом на Хронограф 1512 г., то имеем в виду, что Хронограф 1512 г. представляет русский извод этой Хроники в извлечениях. Собиратель Хронографа 1512 г. пользовался при его составлении славянским переводом Хроники Манассии

На Хронограф 1512 г. и на Никоновскую летопись как на возможные источники «Повести» указывал и С. К. Шамбинаго, когда рассматривал отрывок, рассказывающий об Андрее Боголюбском.

Итак, оба интересующих нас отрывка «Повести о зачале Москвы» — основание Капитолия в Риме и рассказ об Андрее Боголюбском — находятся в зависимости от текстов русского извода Манассиевой Хроники, читающегося в Хронографе 1512 г. и в Никоновской летописи. Представляется, однако, что не эта последняя явилась материалом для автора в названных отрывках: в Никоновской летописи содержится лишь один рассказ Манассиевой Хроники, использованный «Повестью», — рассказ об убийстве императора Никифора Фоки, отрывок же о закладке Капитолия в Риме в ней отсутствует. В Хронографе 1512 г. имеются оба текста — в нем говорится и об основании Капитолия, и об убийстве императора. Вряд ли при написании «Повести» автор обращался одновременно и к Никоновской летописи, и к Хронографу. Поэтому предполагаем, что источником разбираемых отрывков «Повести» мог послужить Хронограф 1512 г., если, впрочем, не было еще какого-либо компилятивного источника с обоими рассказами Хроники Манассии.

*

«Повесть о зачале Москвы», как неоднократно подчеркивалось исследователями, носит летописный характер. За исключением вступления о «трех Римах», все известия «Повести» — краткие или распространенные летописные записи с обозначением годов. Центральное событие «Повести» — основание Москвы Юрием Долгоруким на месте сел убитого им боярина Кучки — также помещено под одной из дат. Летописный характер известий «Повести» с неизбежностью подводит к вопросу: не была ли при создании ее использована летопись.

В хранилищах Москвы и Ленинграда нам встретились два летописца, известные под шифрами ГПБ, F.IV.343 и ГИМ, собр. Увар., № 670. Первый из них, имеющий заглавие «О российских великих князех и благочестивых великих царех и о победах на нечестивия татары и на лукавыя немцы и о разширени всеа Россииския и о зачале царствующаго града Москвы», писанный почерком начала XVIII в., охватывает события с 1015 (с момента вокняжения в Киеве Святополка) по 1700 г. (заключение мира с турками; лл. 1—238 об.). Другой — ГИМ, собр. Увар., № 670 — с заглавием «Изложен летописец от Адама и до нынешних времен», конца XVII в., начинается «сотворением мира» и оканчивается 1690 г. (лл. 231—285).

При просмотре известий этих летописцев обнаружилось, что в них обоих среди записей XII—XIV вв. читаются отрывки, текстуально близкие к летописным известиям «Повести»: как части, завершающейся сообщением о наказании убийц Андрея Боголюбского, так и той, которая оканчивается смертью Ивана Калиты.[9] Так, например, в них можно прочесть

(см.: А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1899, стр. 73—75). Хроника Манассии через Хронограф 1512 г. нашла отражение и в Хронографе 1617 г. Не ссылаемся на этот Хронограф, так как быть источником нашей «Повести» он не мог: в нем отсутствуют нужные строки о закладке Капитолия, а рассказ об императоре Фоке передан в несколько отличных от «Повести» выражениях (просмотрены следующие списки второй редакции Хронографа: F.IV.167, F.IV.246, Погод. 1445).

[9] Смертью Ивана Калиты оканчивается старший список «Повести». — ГИМ, собр. Синод. библ., № 964. К выводу о его старшинстве мы пришли в результате текстоло-

рассказ о создании Москвы Юрием Долгоруким (без упоминания имени Кучки) и многое другое (см. таблицу на стр. 248—253). Все эти известия оказываются вкрапленными в общее летописное изложение.[10]

Сличение летописных записей «Повести» и сходных с ними отрывков обеих летописей со всеми изданными летописными текстами привело к заключению, что известия эти ближе всего к русским статьям Хронографа 1512 г. (см. таблицу на стр. 248—253).

«Повесть о зачале Москвы» (ГИМ, собр. Синод. библ., № 964)	Летопись (ГПБ, F.IV.343)	Хронограф 1512 г. (ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911)
В лето убо 6633-го по преставлении благовернаго царя и великаго князя Владимира Всеволодича Монамаха седе на великом княжении в Киеве сын его, князь Юрий Владимирович Манамаш, а детей своих, князь Всеволод Юрьевич с ним, а другаго сына своего, князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго посади в Володимере.	По нем сяде на великом княжени в Киеве сын его, князь Юрий Владимировичь, а сынове его (а детей его *ГИМ, собр. Увар., № 670)* Всеволод Юрьевичь с ним, а другаго сына своего, князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго посади в Володимере *(л. 5 об.).*	В лето 664 седе в Киеве на великое княжение князь Юрьи Долгорукий Владимеровичь Манамахов. Того же лета посади сына своего князя Андрея на Воладимери и на Суждали *(стр. 387).*
И в лето 6666-го сему великому князю Юрию Владимировичю грядущу из Киева во Владимир к сыну своему, князю Андрею Юрьивичю. И приide на место, иде же ныне царствующий град Москва, оба полы Москвы-реки. Сими же селы владущу тогда болярину некоему богату сущу, зовому Кучку Иванову. Той же Кучко возгордевся зело и не почти великаго князя подобающею честию, яко же довлеет великим князем, но и поносив ему к тому.	В лето 6666 князь великий Юрья Владимировичь шол ис Киева во Владимер к сыну своему князю Адрею (*доб.* Юрьевичу *ГИМ, собр. Увар., № 670).* И пришед, стал на месте, где ныне царствующий град Москва по обе стороны Москвы-реки. А тут было село велико с ыными селы. И князь великий Юрья Владимировичь вшел на гору и смотрит по обе стороны Москвы-реки и за Неглинну. И возлюбил те села и велел на том месте	

гического изучения всех известных нам списков. Вопрос о конце «Повести о зачале Москвы» будет затронут в следующей статье.

[10] О летописях ГИМ, собр. Увар., № 670 и ГПБ, F.IV.343 вкратце можно сказать следующее. Хотя и та и другая летописи в целом представляют собой нечто отличное друг от друга (так, уваровская рукопись — это краткий летописец, рассказывающий о внешних и главным образом внутренних событиях русской истории, имеющий в числе своих источников Синопсис, хронографические статьи, возможно Никоновскую летопись; летописец F.IV.343 пространен, основную массу его записей составляют русские статьи одного из видов третьей редакции Хронографа), в них можно выявить общую для обеих часть. Общее начинается с рассказа о Владимире Мономахе и прослеживается почти на всем протяжении рукописей: здесь в основном идут краткие сообщения о возведении церквей и других строений в Москве и иных городах, говорится о рождении и преставлении царей, митрополитов, рассказывается о пожарах и знамениях. Наличие общей для обеих рукописей части не позволяет, однако, ставить их в прямую зависимость друг от друга, в каждой из них имеются сведения, отсутствующие в другой. Это касается и записей обеих летописей, близких по изложению к летописным известиям «Повести»: в целом они сходны, но имеют и различия. В летописце F.IV.343, за исключением единичных чтений, они ближе к русским статьям Хронографа 1512 г. и нашей «Повести», в уваровской же рукописи они кажутся иногда искаженными, поновленными по какому-то источнику, возможно летописи, подобной Никоновской. Для сравнения с записями «Повести» приводим текст только летописца F.IV.343, как наиболее для нас интересного, и иногда лишь разночтения из летописца собр. Увар., № 670.

Князь же великий Юрии не стерпя хулы его и повелевает болярина онаго ухватити и смерти предати. Сыны же его видев млады суща и лепы зело и дщерь едину, такову же лепу сущу отсла во Владимер к сыну своему, князю Андрею Юрьевичю. Сам же князь великий Юрий Владимирович возходит на гору и обозрев с нея очима своима семо и овамо по обе страны Москвы-реки и за Неглинною, и возлюби села оны, и повелевает на месте том вскоре соделати мал древян град и прозва и званием Москва-град по имени реки, текущия под ним. И отходит во Владимер к сыну своему, князю Андрею Боголюбскому и сочетает браком сына своего со дщериию Кучковою. С нею же князь Андрей и сыны прижит, но млады отъидоша ко господу. И быв у него довольно время, заповеда сыну своему, князю Андрею, град Москву людьми населяти и распространяти. И паки возвращается в Киев, и с ним отиде в Киев и сын его, князь великий Андрей Боголюбский. Того же лета князь великий Андрей Юрьевичь Боголюбский паки возвратися вспять и принесе с собою ис Киива во Владимир икону пресвятыя Богородицы, ею же прежде сего принесе из Цареграда и украси ю боле 30 гривен злата, кроме сребра и драгаго камения и жемчюгу, и созда церковь каменну Успения пресвятыя Богородицы, и верх ея позлати, и постави в ней икону пресвятыя Богородицы, и вда ей села лутчая и десятое во всем (*лл. 129—130 об.*).

вскоре зделать мал град древяной и назва град Москва. [И пришед во Владимир к сыну своему Андрею] (*вместо отмеченного скобками в ГИМ, собр. Увар., № 670:* И пошел во Владимир к сыну своему князю Андрею Боголюбовскому, и пришед во Владимир, и жил во Владимере у сына своего) и заповедав ему град Москву людми населяти и распространяти. И возвратися великий князь Юрья Владимировичь в Киев, а с ним пошел и сын его, князь великий Андрей Боголюбский (*лл. 5 об.—6*). В лето 6666 князь велики Андрей Боголюбски, проводя отца своего князя Юрья Владимировичя, возвратился и пришел ис Киева во Владимир и принес с собою ис Киева в Володимир икону пресвятыя богородицы, что прежде сего принесена из Цяряграда, и украсил ея боле тритцати гривен злата, кроме сребра и драгаго камения и жемчюха и созда церковь каменную Успения пресвятыя богородицы и вверх ея позлати, и поставил в ней тое икону (*л. 14*).

В лето 666 прииде с Киева в Володимерь князь великий Андрей и созда церковь камену Успение Святыа Богородица соборную, и вда ей села лучьшаа и десятое во всем (*стр. 387*).

В лето 6683-го июня в 29 день, и убивают его немилостивно, имуща во устех божественная словеса, и кровь убо течаше по земли праведнаго, яко же древле Авелева, еще же и ино зло приложиша к тому, яко и тело его предаша водам. Но убо не утаися сие всевидящему оку божию, но вскоре я убийцы оны суд

В лето 6682 июня в 29 день убиен велики князь Андрей Боголюбской Юрьевичь от боляр своих от Акима Кучкова с товарыщи во Владимире (*л. 14 об.*).

постиже, еже явлено бысть и всем *(л. 132—132 об.)*.

В лето убо 6683-е прииде ис Киева во Владимир брат его, Михайло Юрьевичь и изби убийцы брата своего, и телеса их вверже в езеро. А жену его повеле повесити на вратех и разстреляти ю изо многих луков, да накажутся и прочии впредь таковая не творити к тому, и седе на великом княжении в Володимере, и быв лето едино и умре *(л. 132 об.)*.

И в лето 6685 седе на великое княжение в Володимере великий князь Всеволод Юрьивичь, и пристави к церкви святыя Богородицы четыре верхи, юже брат его созда, князь великий Андрей Боголюбский, и позлати я, а на своем дворе постави церковь каменну великомученика Димитрия, и верх ея позлати. И бысть имя его славно по всей земли, и на татарех дань имал, и владяше всею землею Рускою и до моря Волгою, 35 лет княжив и преставися в лето 6720 апреля в 25 день (*лл. 132 об.—133*).

И по нем начаша княжити сынове его и сродичи, и быша между ими брани мнози и нахождения поганых татар на Рускую землю, и пленение Руской земли, и побиение многих князеи руских от татар, и бысть княжения их лет 25. Оттоле начат Руская земля работати татаром. Посем начат княжити в Володимере великий князь Юрий Всеволодичь, при нем же бысть Батыевщина *(л. 133—133 об.)*.

В лето 6683 пришел ис Киева в Володимир брат его, князь Михайло Юрьевичь, и изыскав убийство брата своего князя Андрея, и взя убийцов Акима Кучкова с товарыщи, и велел их казнить и телеса их в коробах во езеро вкинуть, да накажутся и иныя прочия так не творить, а сам был на великом княжении во Владимире одно лето и преставися *(л. 14 об.)*.

В лето 6684 при царех греческих Алексее Порфирогините и Андроннике Комнине и Исакие нареченном Ангеле седе на великом княжени во Владимире велики князь Всеволод Юрьевичь, внук Монамахов прииде оставя Киев и киевское княжение престало [и придела к церкви пресвятыя богородицы четыре верхи, еже созда брат велики князь Андрей Боголюбски и позлати их, потом] (*отмеченное скобками в ГИМ, собр. Увар., № 670 отсутствует*) и на своем дворе постави церковь каменну великомученика Димитрия и верх ея позлати. И бысть имя его славно во всей земли и на татарех дань имал, и владел всею землею рускою и до моря Волгою. И жил во Владимире 35 лет и преставися *(лл. 14 об.—15)*.

И по нем сяде во Владимере на великом княжени сын его Юрья Всеволодичь, а дети его Всеволод с ним Юрием, а други сын Константин сяде в Ростове и в Ярославли. И была меж ими брань велика и находящих от поганых многих татар и пленение на Рускую землю и убиение многих руских князей, а было такова их жития 25 лет. И с тех мест руские люди учали работать татаром. И стал жить во Владимире князь Юрья Всеволодичь, при нем была батыишина, а в Цариграде царствовал Иоанн Ватаца *(лл. 15 об.—16)*.

В лето 683 убиен бысть великий князь Андрей Боголюбский от своих боляр от Кучьковичь на Петров день. И по нем седе в Володимери брат его князь Михалко, и княжив лето едино и умре *(стр. 387)*.

При сих царих [Алексее и Исаакии] в лето 684 прииде с Киева князь великий Всеволод Юрьевичь, внук Маномахов в Володимерь на великое княжение, и престави к церкви святыя Богородица четыре верхи, еже брат его созда, князь великий Андрей Боголюбьскый и позлати их и на своем дворе постави церков каменну Димитрие святый, верх позлати. И бысть имя его славно по всей семли. И на татарех дань имал, и владея всею землею Рускою и до моря Волгою *(стр. 388)*.

И по нем седе в Володимери сын его Юрьи на великом княженьи, а болший брат его князь Константин на Ростове и на Ярославле *(стр. 390)*.

В лето 6745-го за умножение грехов наших приходил на Рускую землю злочестивый царь Батый. Тоя же зимы взяша татарове град Москву и князя Владимира Юрьевича взяша и воеводу Филиппа Няния убиша, и вся люди посекоша и попleниша. И в лето 6746 благоверный великий князь Юрий Всеволодич убиен бысть от безбожных татар на реце на Сите. Кирил же епископ идый з Бела езера, взят тело великаго князя и положи е в Ростове, в церкви святыя Богородицы. Сего сынове: Всеволод, Мстислав, Владимир. Того же 746-го году прииде из Великаго Новаграда брат великаго князя Юрия, Ярослав Всеволодичь, и седе на великом княжении во Владимере, а сына своего, князя Александра, остави в Великом Новеграде. И повеле привести тело брата своего великаго князя Георгия, и срете его сам и весь град. Сей убо великий князь Георгий Новград Нижней созда и монастырь пресвятыя Богородицы Печерския. Пребысть же на отчи столе в Володимере 24 лета. Того же 746-го году преставися князь великий Ярослав Всеволодич во Орде нужною смертию. И прииде из великого Новаграда во Владимер великий князь Александр Ярославичь и поиде к Батыю во Орду. Видев же его Батый, удивися величеству и доброте его и почтив его отпусти *(лл. 133 об.—134 об.).*

...И татаровя скоро Москву взяша, а князя жива яша, а людей всех посекоша и до младенцов, и воеводу Филиппа Надина убиша... *(л. 17 об.)* [Ту убиен великий княз Юрьи Всеволодовичь и сущии с ним на Сить реце. Сего сынове Всеволод, Мстислав, Владимир] *(л. 18 об.; отмеченное скобками в ГИМ, собр. Увар., № 670 отсутствует).* Того ж году шел Кирилл епископ з Бела езера и взят тело великаго князя Юрья Всеволодовича Владимирскаго, убиеннаго на Сити реке и положи его в Ростове, в церкви пресвятыя богородицы. В лето 6746 прииде Ярослав Владимировичь из великаго Новаграда брат великаго князя Георгия в Володимир на великое княжение, а в Новъграде остави сына своего Александра. И повеле принести тело брата своего великаго князя Георьгия, и срете его сам и весь град. *(л. 19 об.).* Сей убо великий князь Юрий Новъград Нижний созда и монастырь богородицы, пребысть же на очи столе в Володимире лет 24 *(л. 20).* В лето 6756 преставися князь великий Ярослав Всеволодовичь во Орде *(доб. нужною смертию ГИМ, собр. Увар., № 670).* И прииде князь великий Александр Ярославичь из Новаграда и поиде во Орду и Батыю *(так!).* Видев же его Батый удивися величеству и доброте его, почтив его отпусти *(л. 21 об.).*

Татарове же, пришедше, взяша Москву и великаго князя Юрья, сына Владимера, руками яша, а воеводу Филиппа Нянка убиша и вся люди изсекоша и поплениша... *(стр. 397).* И ту убиен бысть на реце на Сити князь велики Юрьи и сущии с ним. Кирил же епископ идый з Бела езера, взят тело великаго князя и положи в Ростове, в церкви святыа Богородица. Сего сынове: Всеволод, Мьстислав, Владимир *(стр. 398).*
...В лето 6746 прииде Ярослав Всеволодичь из Новаграда Великаго, брат князя великаго Юрьа в Володимерь на великое княжение, а в Новеграде остави сына своего Александра. Повеле привести тело брата своего, великаго князя Юрьа, и срете его сам и весь град.. Сей убо князь велики Юрьи Новъград Нижний създа и манастырь в нем святыа Богородица. Пребысть же на отчи столе в Володимере 24 лет... *(стр. 399).* В лето 6756 преставися князь велики Ярослав Всеволодичь во Орде, и прииде князь великий Александр из Новагорода, Ярославичь и поиде во Орду к Батыю. Видев же его Батый, удивися величеству и доброте его, и, почтив его, отпусти *(стр. 400).*

В лето 771-е ноябре в 14 день преставися великий князь Александр Ярославич Невский, во иноцех и в схиме, и положен бысть в Володимере, в церкви Рождества пресвятыя Богородицы. Сего сынове: Василий, Димитрий, Андрей, Данило Московский. И по нем начаша княжити в Руской земли братия и сынове его, и сын его великий князь Данило Московский. В та же лета быша на Рускую землю от татар насильства и зла многа. Быша

В лето 771-е ноябре в князь великий Александр Ярославичь Невский в чернцех и в схиме, и положен бысть в Володимире у Рождества пресвятыя богородицы. Сего сынове: Василий, Димитрий, Андрей, Даниил Московский *(лл. 22 об.—23)* *(отрывок под 6771 г. в ГИМ, собр. Увар., № 670 отсутствует).*

В лето 6771 преставися князь великий Александр Ярославичь Невский в черньцех и в схиме и положен бысть в Володимери в Рожестве святыа Богородица. Сего сынове: Василие, Димитрие, Андрей, Данило Московский *(стр. 401).*

же сынове великаго князя Даниила Московскаго: Юрий, Александр, Борис, Иван, Афанасий. Бысть же княжения сынов Александровых и великаго князя Даниила Московскаго лет 40. Сей великий князь Данило паче возлюби в Москве жительствовати и созда его паче перваго, и гражданы насели, бе бо добродетелен и нищелюбив по премногу и к богу имяше веру и молитву, и слезы велия, и оттого прослався и паче Москва град. Пожит же на Москве князь великий Данило Александрович лет 12 и преставися в лето 811 марта в 4 день и положен бысть в своем ему в Даниловском монастыре. По нем начаша княжити в Руской земли сродичи и сынове его и бысть княжения их лет 25 *(лл. 134 об.—135 об.).*

В лето 813 прииде на Русь Петр митрополит, поставлен Афанасием патриархом цареградским. В лето 831 заложена бысть на Москве церковь каменна соборная Успение пресвятыя Богородицы. Тое же зимы и преставися преосвященный Петр митрополит Киевский и всеа России декабря в 21 день в 3 час нощи и положен бысть в церкви святыя Богородицы, юже сам созда *(лл. 135 об.—136).*

В лето 6811 марта в 4 день преставись на Москве великий князь Даниил Александровичь, восприя иноческий образ и положен бысть на Москве в Данииловском монастыре, еже он сам его возгради, что ныне на берегу Москвыреки... А после ево учали царствовати дети ево и сродичи, а было такова их жития и къняжения 25 лет... Великаго князя Данила сынове: Юрий, Александр, Борис, Иоан, Афанаси *(л. 24 об.).*

В лето 6813 Петр митрополит прииде на Русь, поставлен Афанасием, патриархом цариградским... *(л. 24).* Того ж 6831 лета августа в 4 день заложена на Москве соборная каменная церковь Успение богородицы Петром митрополитом и великим князем Иоанном Даниловичем... В лета 834, декабря в 21 день в неделю в третием часу нощи преставись на Москве Петр митрополит, пас церковь божию 18 лет и 6 месяцов и положен бысть в соборной церкви пресвятыя богородицы во гроп, юже сам созда *(л. 25).*

В лето 811 преставися князь велики Данило Александровичь Невскаго Московьский. Великаго князя Московьскаго сынове: Юрьи, Александр, Борис, Иван, Афанасие *(стр. 402).*

В лето 813 Петр митрополит прииде на Русь, поставлен Афанасием, патриархом Цареградским... Того же лета [831] заложена бысть церкви камена соборная на Москве Успение святыя Богородица. Тое же зимы преставися преосвященный митрополит Петр Киевьский и въсеа Руси декабря 20 в 3 час нощи, и положен бысть в соборной церкви святыя Богородица, юже сам създа *(стр. 403).*

В лето 836 седе на великом княжении владимирском и московском сын его, князь Иван Данилович, зовомый Калита. И того же лета заложена бысть церковь каменна святаго Иоанна Списателя Лествицы. Той же великий князь Иван Даниловичь в лето 838 постави на Москве церковь каменну Преображения господне у своего двора. В лето 841 единем летом князь великий Иван Данилович содела церковь каменну архистратига Михаи-

В лето 6836 сяде на великое княжение в Москве и в Володимире великий князь Иоан Даниловичь, зовомый Калита и бысть по всей земли тишина великая. В лето 838 заложена на Москве церковь каменна Иоанна Списателя Лестовицы, что ныне называют Иван Великий, а другая каменная ж апостола Петра поклонение честных вериг. В лето 838 постави на Москве церковь каменную Преображения Господна близ двора князя Иоанна

...в лето 6836 седе на великое княжение князь великий Иван Даниловичь, и бысть тишина земли велиа. В лето 838 поставлена бысть церкви камена Преображение у великаго князя двора на Москве... В лето 841 единем летом поставлен бысть Арханил на Москве церков камена *(стр. 409).*

ла. Той же великий князь Иван Даниловичь в лето 847 соделал около Москвы новый древян град и укрепи его зело паче перваго. Во дни же княжения его бысть на России тишина велия. И начася ему писати величество: великий князь Иван Данилович владимерский и московский и всеа России. В лето 6819-го преставися князь великий Иван Данилович Калита марта в 31 день и положен бысть на Москве во Арханьгеле. Сего сынове: Симеон, Иван, Андрей *(лл. 136—137).*

Даниловича и собра в него икон множество, что ныне на дворце. В лето 6841 великий князь Иоан Даниловичь единым летом зделал церковь каменну архистратига Михаила, что ныне в ней кладутся великие государи. В лето 6846 заложен град Москва древяной и укрепи его лутчи перваго и было княжение князя Иоанна Даниловича на Москве и по всей России тишина великая и начя ему писать величетьво: великий князь Иоан Даниловичь московски и владимерский и всеа России *(л. 25 об.).* В лето 6848 преставися князь великий Иоан Даниловичь Калита марта в 31 день и положен бысть на Москве во церкве архангела Михаила. Сего сынове: Симеон, Иоан, Андрей *(л. 26).*

...В лето 848 преставися князь велики Иван Даниловичь Калита марта 31 и положен бысть на Москве во Арханьгиле. Сего сынове: Семен, Иван, Андрей *(стр. 409).*

Несомненная близость между приведенными отрывками летописи и «Повести» заставляет поставить вопрос: не могли ли записи летописи, подобной одной из этих, явиться той основой, на которой впоследствии возник рассказ о Москве.

Такая мысль вполне допустима, если учитывать летописный характер записей «Повести». Связь рассматриваемых текстов «Повести» и летописи очевидна. Важно только установить: не могло ли тут быть обратной связи. Может быть, не «Повесть» зависела от летописца, а летописец обратился к «Повести» о Москве, извлек из нее нужные ему известия и включил их затем в свою летопись?

Однако такое предположение кажется маловероятным. Ведь для того чтобы воспользоваться материалом «Повести», летописцу надо было бы проделать сложную работу по отслаиванию летописных записей от остальных известий рассказа: отбросить все, что касалось Кучки и его детей, опустить характеристику князя Андрея, заменить отрывок с сообщением об убийстве князя, созданный отчасти на материале Хронографа, краткой записью: «В лето 6682 июня в 29 день убиен велики князь Андрей Боголюбской Юрьевичь от боляр своих, от Акима Кучкова с товарыщи во Владимире» (F.IV.343). Запись эта, кстати сказать, ничем особенно не отличается от аналогичных по содержанию записей других летописей (см., например: ПСРЛ, т. IV, ч. 2, в. 1, Пгр., 1917, стр. 168). В истории древнерусской литературы имеется много примеров использования повестей летописью, но эти повести, как правило, включены в летопись целиком или в виде отдельной своей части, случай же выборочного использования летописью одних только летописных по своему характеру известий какой-либо повести привести трудно.

В то же время обратное предположение — предположение о том, что летопись явилась источником «Повести», на препятствия не наталкивается. Действительно, во-первых, в «Повести» мы видим строгий подбор известий как в части, оканчивающейся местью Михаила, так и в той, которая завершается Иваном Калитой. Статьи «Повести» носят выборочный характер; они производят впечатление извлеченных из летописного памят-

ника. Во-вторых, какие-либо следы «Повести» в летописи не обнаруживаются, а их можно было бы ожидать, если бы «Повесть» о Москве была в числе ее источников, особенно это могло сказаться, например, в рассказе о создании Юрием Москвы, в сообщении об убийстве Андрея Боголюбского, т. е. в отрывках «Повести», сложенных по разнородным материалам.

Кроме того, если обратиться к первому летописному отрывку «Повести» под 6633 г., то необъяснимо, почему автор, прежде чем сказать о Юрии Долгоруком, сообщает о «преставлении» Владимира Мономаха. В летописи же аналогичный ход мысли понятен [вместо «по преставлении» в летописи: «по нем (Мономахе) седе»]: только что перед этим в ней довольно пространно рассказывалось о Мономахе. Поэтому на вопрос о том: «Повестью» из летописи или, напротив, летописью из «Повести» мог быть заимствован отрывок под 6633 г. — более правильно ответить первым предположением.

Вторичность известий «Повести» по отношению к летописи ощущается и в отрывке, в котором имеется фраза, начинающаяся словами: «И быша между ими брани мнози и нахождения поганых татар на Рускую землю». В летописи аналогичному сообщению предшествует (после смерти Всеволода Юрьевича) подробное описание распределения княжеств между сыновьями и родственниками Всеволода. В «Повести» же вместо этого сказано: «И по нем начаша княжити сынове его и сродичи»; описание летописи здесь обобщено, сжато до нескольких слов. Опять-таки представить себе, что составитель летописи извлек отрывок из «Повести» и затем распространил его текст, трудно. Гораздо естественнее предположить, что и в данном случае «Повесть» шла за летописью.

Несколько слов о языке. Сравнивая одинаковые тексты летописи и «Повести», ощущаешь разницу в языке. В летописи язык достаточно прост, в «Повести» же (в той ее части, которая оканчивается сообщением о наказании убийц Андрея Боголюбского) несколько напыщен и приподнят (см. отрывки под 6633, 6666 гг.). Летописный текст, текст не «обработанный», написан простым языком, типичным для летописи, по включении же в «Повесть» с пышным вступлением, выписками из Хронографа он оказался отредактирован и подогнан под общий стиль создаваемого сочинения.

Из всего сказанного, как кажется, вытекает, что «Повесть» опирается на летопись, что все погодные записи «Повести» имели своим источником подобный упомянутым летописцам памятник.[11]

Отметим еще, что в текстах обеих летописей, по сравнению с «Повестью», в интересующих нас отрывках встречаются и посторонние чтения, отсутствующие и в Хронографе 1512 г. Возможно, конечно, что эти чтения были и в протографе-летописце «Повести», скорее же всего это позднейшие наслоения, следы редактирования летописца-протографа. Иначе, думается, они отразились бы в «Повести».

Вот как нам представляется картина появления летописных статей «Повести». Русские статьи Хронографа 1512 г., попав в летописные

---

[11] Известия летописи F.IV.343, близкие к летописным записям «Повести», в середине отрывка под 6666 г. после слов: «а с ним пошел и сын его князь великий Андрей Боголюбский» — перебиты вставкой в них четырех повестей о Москве, в том числе и «Повестью о зачале Москвы». Однако нашим представлениям о том, что сначала была летопись, а потом только появилась «Повесть», это обстоятельство не мешает. Во-первых, в летописи ГИМ, собр. Увар., № 670 такой перебивки текста нет, по-видимому в F.IV.343 эта вставка случайна, во-вторых, как показал текстологический анализ, записи летописи F.IV.343 с летописными заметками «Повести о зачале Москвы», находящейся в ее составе, не совпадают.

тексты, прошли в них редакционную обработку по другим источникам, в результате чего одни из них по-прежнему остались близки к Хронографу, другие же в значительно большей степени изменили свой облик (имеется в виду список ГИМ, собр. Увар., № 670; см. выше, прим. 10).[12] В руках автора «Повести» оказалась летопись, где эти статьи находились в редакции, более близкой к Хронографу. Вместе с окружавшим их летописным текстом, приглянувшимся автору, они попали в его сочинение.[13]

В целом же сложение «Повести о зачале Москвы» представляется в следующем виде.

Желая отразить идею Москва — третий Рим в своей «Повести», автор обратился к мотиву поставления городов на крови и взял за первооснову летопись типа ГПБ, F. IV. 343 и ГИМ, собр. Увар., № 670, где находился рассказ об основании Москвы Юрием Долгоруким. Другим материалом для него оказалась, как предполагал еще С. К. Шамбинаго, легенда о боярине Кучке как первом владельце Москвы, которую он вкомпоновывает в летописное изложение и сказание об убийстве Андрея Боголюбского, возможно, с отголосками в нем устного рассказа об участии в убийстве жены князя.[14] Наличие имен Кучки в легенде и Кучковичей в сказании, мотива «пролития крови» и в том и другом сочинениях позволяло автору связать эти произведения вместе и создать цельное повествование; он как бы прослеживал в «Повести», по выражению С. К. Шамбинаго, «всю судьбу первоначальных поселенцев Москвы, окончившуюся гибелью всего Кучкова рода».[15]

Следующим источником составителя «Повести», как представляется, послужили статьи Хронографа 1512 г. по всемирной истории. Были заимствованы два отрывка из глав 108 и 176 в рассказах «Царство Никифора Фоки» и «Царство Левкиа Таркиниа». На основе первого из них была проработана часть «Повести» с Андреем Боголюбским. Второй отрывок, касавшийся заложения Капитолия в Риме, был включен в вводную часть. Вступление, ставившее целью доказать, что Москва является третьим Римом, и открывающееся фразой старца Филофея о «трех Римах», за исключением этой последней и отрывка о заложении Капитолия, по-видимому, можно считать сочинением самого автора.

В заключение несколько слов о той предполагаемой летописи, которая послужила источником «Повести о зачале Москвы». Конечно, и здесь трудно что-либо утверждать, летопись эта могла быть близкой по типу и к летописцу F.IV.343 и к летописцу ГИМ, собр. Увар., № 670 и представлять собой нечто, в какой-то мере только похожее на них. Скажем только одно: в «Повести» использованы известия одного и того же источника — Хронографа 1512 г. Это обращает на себя внимание и прямо (закладка Капитолия, отрывок с Андреем Боголюбским) и косвенно (летописные записи «Повести»).

Летописные записи «Повести», иначе говоря, русские статьи Хронографа 1512 г., прошедшие редакционную обработку внутри летописного

[12] Примеры использования летописями одних только русских статей Хронографа известны: в состав Русского временника (Руский времянник, 2-е ч. М., 1820) включены русские статьи Хронографа 1512 г.; во Временнике, изданном в «Трудах Вятской губернской ученой архивной комиссии 1905 года» (в. 2, Вятка, 1905, стр. 1—98), имеются русские статьи третьей редакции Хронографа (по А. Попову).

[13] В том, что летописные статьи рукописей F.IV.343 и Увар., № 670, сходные с «Повестью», составлены по Хронографу, убеждает и то, что, например, в летописце F.IV.343, как и в Хронографе, в этих статьях встречаются упоминания царей греческих.

[14] См.: История русской литературы, т. II, ч. 2, стр. 245.

[15] С. К. Шамбинаго. Повести о начале Москвы, стр. 72.

текста в том объеме, в каком мы встречаемся с ними в «Повести», летопись, явившаяся оригиналом «Повести», во всяком случае должна была в себе заключать. Но летопись, уже имеющая в своем составе статьи, тянущие к Хронографу 1512 г., можно думать, могла и не быть ограниченной только указанным объемом, а содержать в себе и многие другие известия, восходящие к этому Хронографу. Этими известиями могли быть записи только русской истории, и тогда летопись-протограф напоминала бы летописец F.IV.343, но могла тут быть представлена и история всемирная. Если бы, в последнем случае, в этой летописи оказались 108-я и 176-я главы Хронографа 1512 г., то картина сложения «Повести» была бы совсем простой: в «Повести о зачале Москвы» статьи Хронографа 1512 г. потому оказались так широко использованы, что источник ее — летопись сама заключала в себе многочисленные извлечения из него, представляла собой произведение того типа, который А. Попов относит к хронографам особого состава.[16]

---

[16] Андрей Попов. Обзор хронографов русской редакции, в. 2, см., например, хронографы архиепископа Пахомия (стр. 236, сл.), Погодинского древнехранилища № 1452 (стр. 271).

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

Н. С. САРАФАНОВА

Неизданное сочинение протопопа Аввакума

В рукописи ГПБ, собр. Н. М. Михайловского, Q.173 (лл. 1—21 об.) находится неизданное сочинение протопопа Аввакума. Оно было известно уже П. С. Смирнову, готовилось им к печати для II тома «Памятников истории старообрядчества XVII в.»,[1] но издание не состоялось, и текст остался неопубликованным.

Между тем это сочинение Аввакума, названное П. С. Смирновым «Посланием трем неизвестным», заслуживает внимания исследователей, оно является существенным и интересным дополнением к его «Книге толкований». Содержание Послания, обогащающее наше представление о взглядах Аввакума на те или иные вопросы церковной и общественной жизни, ряд автобиографических подробностей, сообщаемых в нем, яркий стиль определяют ценность сочинения в литературном наследии Аввакума.[2]

Послание сохранилось в единственном списке в дефектном виде: начало его отсутствует.

Несколько слов о самой рукописи. Это старообрядческий сборник в 4-ку, писанный на 154 листах двумя разными почерками, скоропись четкая и раздельная. По почерку и филиграни (герб Амстердама) датируется первой четвертью XVIII в. Первые листы рукописи отсутствуют, нижняя часть последнего листа отрезана.[3] Содержание сборника:

1. Лл. 1—21 об. — «Послание трем неизвестным» Аввакума (без начала). Начало текста: «...во странах сибирских от врага патриарха...».
2. Лл. 22—99 об. — «Сказание от божественных писаний, от апостольскаго предания и правил святых отец и о новых книгах. Имать же писание оно поведати сице о тричастном кресте Христове и о крыже». Начало: «Понеже ныне у нас в Московском государстве от настатия Никонова патриаршества...».[4]

---

[1] П. С. Смирнов. Предисловие к прочим сочинениям протопопа Аввакума. (Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. I, в. 1). — РИБ, т. 39. Л., 1927 (далее: РИБ, т. 39), стр. LXXX—LXXXII.

[2] Текст Послания издается нами в книге: Житие и другие сочинения протопопа Аввакума. Под ред. Н. К. Гудзия. Гослитиздат, М., 1960.

[3] В рукописной описи собрания Н. М. Михайловского в ГПБ под номером Q.173 значится: «„Житие" сочинения протопопа Аввакума и послание его: „Се аз, протопоп грешный Аввакум, исполнь сый неведения..." 2 л. в нач. недостает. 153 л. XVIII в.».

[4] Этот список «Сказания» не был отмечен В. Г. Дружининым в «Писаниях русских старообрядцев» (ЛЗАК, т. 25, 1913, стр. 416, № 632). Как выясняется из текста, место написания «Сказания» — Соловецкий монастырь, время написания — царствование Алексея Михайловича, вскоре после собора 1667 г. (см. лл. 24 об.—25, 29, 30, 34, 52, 82, 97 и др.). Сравнение «Сказания» с пятой Соловецкой челобитной (1668 г.) показывает, что «Сказание» является одним из весьма пространных вариантов ее. Но это не позднейшая переделка челобитной. Напротив, можно думать, что челобитная возникла на основе «Сказания», которое давало ей почти исчерпывающий свод возражений против церковной реформы Никона.

3. Лл. 100—154 — «Книга обличений», или «Евангелие вечное», протопопа Аввакума. Начало: «Се аз, протопоп грешный Аввакум, исполньсый неведения. . .».[5]

Имя автора «Послания трем неизвестным» в рукописи не указано, но нет никаких сомнений в том, что сочинение это написано протопопом Аввакумом.

П. С. Смирнов писал в предисловии к сочинениям Аввакума: «Что послание принадлежит перу протопопа Аввакума, в этом убеждает одно выражение в нем о том, что „Христос по возстании из гроба, сниде в ад“; здесь учение о сошествии Христа во ад выражено так, как учил именно протопоп Аввакум».[6]

К этому замечанию можно добавить еще ряд аргументов.

Как явствует из первых же строк Послания, автор, ревностный защитник старообрядчества, пишет его, находясь «в Пустозерье», а в свое время он был и «во странах сибирских от врага патриарха», только «лет 15» минуло, как его «из Даур привезоша». Раньше церковные власти «многия» были автору «друзья духовные», он был близок с Ртищевыми, и царь его «зело милосердовал», особенно «добра была царица Марья». Но автор «звратил бранью их», и «его сюды послали». Боярыню Феодосью Морозову он называет своей «духовной дочерью». Во всех этих фактах, сообщаемых автором, нельзя не узнать судьбы протопопа Аввакума.

Язык сочинения истинно аввакумовский: характерное для Аввакума разговорное построение фразы, сильная струя просторечной лексики, его любимые словечки и постоянные обороты: «нечево мне ковырять много», «чесо ради беседую о нем», «возвратимся о твари беседовать» и т. д. Образность и яркость выражений в Послании идут именно в том стилевом ключе, который составляет неповторимую оригинальность сочинений протопопа Аввакума. Так, автор пишет о книжном исправлении: «Вселенские те, было, и говорили — взять старые те книги, да наши псы не восхотели, заупрямку им стало», — или о священниках-никонианах: «Сам, собака, презрит свою душу, да в зазор пришед и протчих за собою же тянет», — или о пустозерском «попенке косом»: «Не умеет трох свиней накормить, а губит людей, бутто и доброй еретик».

В сочинении можно указать отдельные текстологические совпадения с другими писаниями Аввакума. Рассказ о «тартаре» имеет свой вариант в «Списании и собрании о божестве и о твари»,[7] эпизод с Григорием-«байником» — в послании сибирской «братии»[8] и ряд других. Все это не оставляет ни тени сомнения в принадлежности сочинения протопопу Аввакуму.

Сочинение распадается на две неравные по объему части.

Первая часть (около 3.5 л. рукописи) обращена к человеку, имя которого неизвестно, так как начало сочинения утрачено. Она содержит краткий очерк «бедам» «нынешнего времени» и деятельности протопопа Аввакума в защиту «старой веры», рассказывает о «духовных детях» Аввакума — боярыне Ф. П. Морозовой и Григории-«байнике», о его врагах-«никонианах» — Ртищевых и А. С. Матвееве, о «лживых учителях» — пустозерском «попенке косом» Оське Никольском.

Вторая часть (около 17.5 л. рукописи), обращенная к Ксении Ивановне и Александре Григорьевне, содержит законченное толкование 103-го

---

[5] Напечатано по этому единственному списку в РИБ, т. 39, стлб. 577—650.
[6] Там же, стр. LXXXII.
[7] Там же, стлб. 549, 665.
[8] Там же, стлб. 871.

псалма Давида «о мирстем бытии». Имея свою особую тему, вторая часть на первый взгляд кажется никак не связанной с первой, и поэтому закономерен вопрос: не позднее ли это соединение двух различных сочинений протопопа Аввакума.

Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно учесть следующие соображения.

Во-первых, у Аввакума встречаются послания, где он обращается ко многим адресатам, причем эти части писем могут быть не связаны тематически. Так, например, в послании «Всей тысяще рабов Христовых» Аввакум помимо общего вступления попеременно обращается к Борису, Симеону, Маремьяне и каждому пишет о своем.[9] То же самое можно наблюдать в послании игумену Сергию «с отцы и братиею».[10] Следовательно, отсутствие темы 103-го псалма в первой части Послания не может свидетельствовать о безусловной самостоятельности обеих частей.

Во-вторых, и это главное, при изучении текста Послания вскрывается внутренняя логика рассуждений Аввакума: первая часть сочинения заканчивается наставлениями протопопа «блюсти душу» и его выводом: «блажен человек, его же господь обрящет бдяща о единородной души, ему же слава в нетленных о господе», а вторая часть начинается с забот Аввакума о душе Ксении Ивановны: «разумно ли» она поет псалом «Благослови, душе моя, господа»; толкование псалма неоднократно прерывается советами: «не спать сном лености», «взыскать своего спасения». Таким образом, оказывается, что основной стержень Послания, составляющий внутренний смысл первой и второй его частей, — это поучения Аввакума своим «духовным детям», как «блюсти душу».

Так, за внешней непоследовательностью изложения Аввакума обнаруживается его внутреннее единство. Нам кажется, что все содержание первой части сочинения — история «развращения» православных Никоном, которая тесно связывается Аввакумом с его собственной борьбой с никонианами, упоминание о других защитниках «старой веры» — боярыне Морозовой, соловецких монахах и о всех тех, кто погублен «тьмы тьмами и тысяща тысящами», перечисление «бед» «в новых книгах» и рассказы о «лживых» учителях, «никониянах-человекогубцах» — все это является вступлением к толкованию псалма и служит не только целям обличения, но и создает у читателя определенное отношение к автору толкования, стойкому борцу за «истинную» веру, противостоящему и патриархам и царю «со властьми», всему сонму «мучителей», подобно первым подвижникам христианства.

Только после такого обширного вступления, обосновывающего право Аввакума учить «духовных детей» и толковать Священное писание, идет само толкование псалма.

С нашей точки зрения, Послание — единое законченное сочинение протопопа Аввакума.

Время написания Послания определено П. С. Смирновым — 1678—1679 гг.[11] Эта дата не вызывает возражений, поскольку в тексте есть указание Аввакума: «егда же мя паки из Даур привезоша — тому лет 15» (Аввакум вернулся в Москву из сибирской ссылки в апреле-мае 1664 г.).

Можно предположить, что Послание было написано до «Книги обличений», которую П. С. Смирнов датирует 1679 г., ибо в нем никак не отразились несогласия Аввакума с дьяконом Федором, вспыхнувшие с но-

[9] Там же, стлб. 830.
[10] Там же, стлб. 846.
[11] Там же, стр. LXXX.

вой силой в 1678—1679 гг., хотя в Послании и затрагивается ряд вопросов, бывших основным предметом спора (вопрос о сошествии Христа в ад и о единосущности троицы). Очевидно, что «Книга обличений» еще не была задумана, ибо не в натуре Аввакума было промолчать о противниках, излагая свое учение.

Кто же эти «духовные дети» Аввакума, которым было направлено Послание? П. С. Смирнов, подробно исследуя этот вопрос, установил, что Послание было отправлено в Москву, что Ксения Ивановна — бывшая казначея в доме боярыни Морозовой, а Александра Григорьевна — известная инокиня Меланья.[12] Попытаемся высказать несколько соображений о личности первого, неизвестного адресата.

Это был человек, по-видимому, довольно близкий к Аввакуму и занимавший видное положение в старообрядческой общине Москвы, поскольку он хорошо знал о жизни Аввакума, о деятельности Ртищева и А. С. Матвеева в пользу никоновской реформы («А Ртищевых тех ты и сам знаешь, да Артамон заедино, наговоря царя...», «ведаешь ты о сем и сам пространно...»). Следует исправить ошибку П. С. Смирнова, считавшего «Артамона» Ртищевым. Аввакум имеет здесь в виду ближнего боярина царя — Артамона Сергеевича Матвеева. Недаром в тексте сочинения имя «Артамон» фигурирует самостоятельно, даже несколько обособленно по отношению к фамилии «Ртищевых». Известно, что Аввакум постоянно называл А. С. Матвеева «Артамоном»,[13] а среди Ртищевых во второй половине XVII в. Артамона не было.[14] Ошибочность мнения Смирнова подтверждается и дальнейшим текстом. Аввакум рассказывает о влиянии «Артамона» на пустозерского священника Оську Никольского: «Агда же Артамон сюды приехал, и паки ево развратил. Артамон — ученой лобыга, и цареву душу в руках держал, а сия ему тварь — за ничтоже». Ясно, что эта характеристика относится к любимцу царя — А. С. Матвееву, который после смерти Алексея Михайловича (1676 г.) был сослан в Пустозерск.[15]

Можно думать, что неизвестный адресат Послания протопопа Аввакума находился в постоянном общении с Ксенией Ивановной и Александрой Григорьевной (игуменьей Меланьей), поэтому толкование и было отправлено всем троим.[16]

Эти факты напоминают нам о любимом ученике Аввакума — Симеоне, в иночестве игумене Сергии. Именно ему, как доказали и А. К. Бороздин и П. С. Смирнов, Аввакум в свое время послал «Книгу толкований»

---

[12] Там же, стр. LXXX—LXXXI.

[13] См. отрывки из «Жития» протопопа Аввакума по списку Г. М. Прянишникова (публикация В. И. Малышева): ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1952, стр. 388. Другие старообрядцы также называли А. С. Матвеева просто «Артемоном» (см. «Послание сыну Максиму» дьякона Федора. — Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. VI. М., 1881, стр. 213).

[14] Русский биографический словарь, изд. Русского исторического общества, «Романова—Рясовский». Пгр., 1918, стр. 325—367.

[15] А. С. Матвеев был в Пустозерске, очевидно, с 1678 по 1680 г., так как первая его челобитная царю из Пустозерска была отправлена в 1678 г., а в 1680 г. его уже перевезли на Мезень (см.: История о невинном заточении боярина А. С. Матвеева, изд. Н. И. Новиковым. СПб., 1776, стр. 72, 337). Эти сведения также подтверждают дату написания Аввакумом Послания — не ранее 1678 г.

[16] Вряд ли Ксения Ивановна и Александра Григорьевна жили в доме князя Урусова, как предполагал П. С. Смирнов. Письмо Е. П. Урусовой «неизвестному» позволяет думать, что Ксения Ивановна жила где-то в другом месте: «Со слезами проси у Ивановной, чтобы она детей моих не покинула... да посылала бы к ним Анну, да и сама бы ходила, буде возможно, хотя изретка» (Переписка кн. Е. П. Урусовой со своими детьми. — Старина и новизна, т. XX. М., 1916, стр. 40).

(1675—1677 гг.):[17] «Бог благословит тя сею книгою», — писал протопоп «чаду Симеону».[18] Сами тексты аввакумовских толкований неоднократно прерываются обращениями к нему. Симеон постоянно спрашивал Аввакума о различных догматических вопросах, считая его ум «огненным и благодатным». Известно также, что именно Симеон присылал Аввакуму выписки из некоторых псалмов с толкованиями, вопрошая «духовного отца» об их правильности.[19] Иногда Аввакум обращался в одном и том же послании и к Сергию (Симеону) и к Меланье (Александре Григорьевне): «Слушай-ко, игумен Сергий! Иди во обитель Меланьи-матери и прочти сие, писанное се духом святым, на соборе Елене при всех... А ты, Мелания, не яко врага ея имей...».[20] Меланья, так же как Симеон, интересовалась вопросами богословия, недаром Аввакум послал ей один из экземпляров «Книги бесед».[21] Есть известие о том, что «Книгу обличений» на дьякона Федора (1679 г.), находящуюся в единственном списке в той же рукописи, что и Послание, Аввакум также отправил игумену Сергию: «Приими, Сергий, Вечное евангелие, не мною, но перстом божиим писано».[22] Это известие наводит на мысль, что именно идентичность адресатов, возможно, явилась причиной помещения позднейшим переписчиком в одном и том же сборнике (собр. Н. М. Михайловского, Q.173) и «Книги обличений» и рассматриваемого Послания. Поскольку личность двух «духовных детей» Аввакума, которым было направлено Послание, является известной, а все вышесказанное позволяет предположить, что в начале Послания Аввакум обращался к Симеону, представляется более правильным называть это сочинение не «Посланием трем неизвестным», а «Посланием Симеону, Ксении Ивановне и Александре Григорьевне».

Чтобы закончить реальный комментарий Послания, нужно сказать об «Анне Веньяминовне», упоминаемой Аввакумом в сочинении. Она названа сестрой Ф. П. Морозовой, «уставщицей», т. е. защитницей никоновской реформы, за что ее и «бранила» непрестанно Морозова «в дому и в верху». Речь идет о горячей поклоннице Никона, Анне Михайловне Ртищевой, родной сестре Ф. М. Ртищева и троюродной сестре боярыни Морозовой (по Соковниным). Только один год она была замужем за В. К. Вельяминовым, почему и была больше известна под своей девичьей фамилией.[23] «Веньяминовна» — искажение ее фамилии в замужестве.

При изучении Послания возникает вопрос, почему 103-й псалом был выбран Аввакумом для специального толкования.

Аввакум относился недоверчиво к существующим толковым псалтырям: «В псалтырях тех толковых есть всячина; толковщиков тех много», — писал он своему ученику игумену Сергию.[24] В 1674—1675 гг. Аввакум сам занимался толкованием отдельных псалмов (40, 41, 44, 83, 102), полемически направляя их против «никониан».

103-й псалом, основной пафос которого — прославление божественной «премудрости», особенно чтился Аввакумом. Аввакум обращался к нему и ранее. Уже в «Списании и собрании о божестве и твари» (1672 г.),

[17] А. К. Бороздин. Протопоп Аввакум. СПб., 1900, стр. 233; П. С. Смирнов. Предисловие к прочим сочинениям протопопа Аввакума. — РИБ, т. 39, стр. XXXIV.

[18] Там же, стлб. 576.

[19] Там же, стлб. 852.

[20] Там же, стлб. 859.

[21] Там же, стр. LXXX.

[22] Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. VIII, М., 1884, стр. 239.

[23] Русский биографический словарь, «Романова—Рясовский», стр. 335.

[24] РИБ, т. 39, стлб. 852.

рассказывая о сотворении мира, Аввакум использовал некоторые его стихи. В сочинении 1676 г., поучая «чад», «что есть тайна християнская и как жити в вере Христове», он дал толкование основной теме псалма, «возвеличишася дела твоя, господи, вся премудростью сотворил еси», считая любовь к богу первой заповедью христианина, а восхищение божественной «премудростью» прочным основанием этой любви. И, наконец, в специальном послании (1678—1679 гг.) Аввакум истолковал весь 103-й псалом. Вниманию Аввакума именно к 103-му псалму, вероятно, способствовало и то, что этот псалом был одним из пунктов расхождения старообрядцев с официальной церковью. Споры велись по обрядовому вопросу, о том, как следует петь в церкви (103-й псалом ежедневно пелся в начале вечерни), но, очевидно, что и само понимание псалма волновало старообрядцев, упрекавших «никониан» за недостаточно торжественное его исполнение.[25]

При изучении Послания нужно решить вопрос, отличается ли толкование Аввакума от традиционных толкований 103-го псалма.

Из святоотеческих толкований на Руси с XI—XII вв. была распространена толковая псалтырь, приписываемая Афанасию Александрийскому.[26] Ее символические и мистические образы как нельзя лучше отвечали религиозному средневековому сознанию. Толкование 103-го псалма Давида «о мирстем бытии», посвященного устройству «земного круга», было разработано в этой псалтыри в духе обычных символических образов христианской литературы: трава, растущая «на службу человеком», — это «книги и дары духовныя, ими же питается человек на ниве крещения»; хлеб — «тело Христово», горы — «дохматы пророческие», жаждущие «онагри» — «языки... неразумно работавше», «великое и пространное» море — «житейское, еже поистине велико и широко», а корабли — «церкви, яко в пучине житейстей плавающе, в них же спасаются вернии». Прозвучал в толковании и такой мотив христианской средневековой литературы, как мотив смирения бедных, ищущих помощи у богатых. 17-й стих псалма («Ту птицы угнездятся») объясняется так: «высоких человеколюбец смирении и убозии людие ко богатым прибегающе».[27]

Была известна на Руси и толковая псалтырь Феодорита Кирского, включающая древних толковников Симмаха и Акилу, но распространена она была очень мало, в рукописях встречается редко. Символических объяснений 103-го псалма у Феодорита почти нет, основная мысль, проходящая через все толкование, — все устроено «человеком на потребу». Стих о деревьях, где «птицы огнездятся», для Феодорита означает совсем другое, чем для Афанасия: «тако же бо древеса иную потребу человеком дают, иную же птицам: человеком на строение хлевинам ключима суть, птицам же сама суть жилища».[28] Тот же смысл вкладывает он и в толкование стиха 11: «Все божия промышленья, еже не точию человеком по-

[25] В «Соловецком сказании» (ГПБ, собр. Н. М. Михайловского, Q.173, л. 47 об.) так пишется об этом: «Егда глаголются псалмы „Благослови, душе моя, господа“, и в то время диякону указано стоять отвратяся от божия лица, лицем на запад. И то они напечатали самое не богоугодное дело, паче же и сопротивно, понеже вместо еже бы ему купно со псалмопевцом стояху на восток и, зря на образ божий, благословити и хвалити господа за вся благая его, еже к нам воздаяния, а он в то время и от того образа божия к западу отвратится и яко отрицатель божия милости показуется. А прежде сего того не бывало».

[26] Н. П. Вишняков. О происхождении Псалтири. СПб., 1875, стр. 8; А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. 2, ч. 1. М., 1857, стр. 69.

[27] Толковая псалтырь, приписываемая Афанасию Александрийскому (ГПБ, Q.I.40, лл. 337—341).

[28] Толковая псалтырь Феодорита Кирского (ГПБ, Q.I.37, л. 159).

требу, но и скотам даяти. Сего ради горы проделяя, проходы водам створил еси, яко да не точию человецы имут по обилию, но и звери и птица».[29]

Древнерусская письменность знает также «Беседы на псалмы» Иоанна Златоуста и Василия Великого, но отдельного толкования 103-го псалма они не содержат.

В XVI в. трудами русских переводчиков появляются еще две толковые псалтыри: Максима Грека, представляющая собой извлечение из толкований отцов восточной церкви и перевод их с греческого, и перевод Дмитрия Герасимова с латинского языка Бруновой толковой псалтыри. Толковая псалтырь Максима Грека наряду с псалтырью Афанасия Александрийского стала одной из самых авторитетных на Руси. Она объединила три различных типа толкования стихов псалтыри. Одни толкователи придерживались «изъявления», по определению Максима Грека, «еже по возвожению, сиречь по высокому и духовному зрению», другие — «по иноглаголанию и православию, яже и паче созидати водят послушающих, поелику в нравы учительство проливают», третьи толкователи — «по истории и писмены держатся».[30] Несмотря на различие приемов, сущность толкований была одинаковой: символическое осмысление образов псалтыри, богословская абстракция как основной способ объяснения. Даже наименее символические из всех толкований — толкования Иоанна Златоуста и Феодорита — носят весьма отвлеченный характер.

В конце XVII в. распространяется Киевская псалтырь с «кратким толкованием», приписываемым Дмитрию Ростовскому[31] (1-е издание — 1695 г.). Все объяснения в ней «собраны» «из святых отец» и главным образом из толковой псалтыри Афанасия Александрийского: «трава — дары духовныя», «хлеб от земли — Христос от пресвятой богородицы», «горы — проповедь пророк и апостол» и т. д. Толкование 17-го стиха («Ту птицы угнездятся») дано Дмитрием Ростовским также в извлечении из Афанасия: «птицы — смиреннии и убозии, к богатому — богу — в милости притекающии, покой обретают».[32]

Как выясняется, древнерусская традиция знала лишь святоотеческие толкования псалтыри, разрешая и русским комментаторам пользоваться только ими.

Аввакум в толковании 103-го псалма отступает от установленных образцов. Он мало использует толковые псалтыри «святых отцов», а выбирает источники сам. Это прежде всего Библия, затем «Шестоднев» Иоанна, экзарха болгарского, «Физиолог», «Азбуковник».

Из Библии и «Шестоднева» Аввакум черпал материал об устройстве неба, земли, планет. Кроме того, из «Шестоднева» он заимствует сведения о «твари», «малой с великими», о различных морских животных: «Мнози велицы животи есть в море: пси велицы, и изуге́ни, и приони, и делфини, и селахи же, и фоки, и ин живот дробный, его же родов несть числа»;[33] о китах,[34] о «стерхах» — «разумных и добрых птицах».[35] Сказа-

---

[29] Там же, л. 158 об.

[30] Толковая псалтырь Максима Грека (ГПБ, F.I.415/1, лл. 2—15).

[31] А. Родосский. Описание старопечатных книг, в. 1. СПб., 1891, стр. 418; Н. П. Вишняков. О происхождении Псалтири, стр. 10. — Эта «официальная» толковая псалтырь издавалась в Киеве несколько раз вплоть до 1802 г.

[32] Псалтырь с кратким толкованием. СПб., 1726, л. 145. — Это издание повторяет киевское 1695 г.

[33] «Шестоднев» Иоанна, экзарха болгарского, изданный О. М. Бодянским. ЧОИДР, 1879, кн. 3 (далее: «Шестоднев»), лл. 166 об.—172.

[34] Там же, лл. 162 об., 172.

[35] Там же, л. 178 об.

ние о многоножице входит и в «Азбуковник»[36] и в «Физиолог»,[37] но источником Аввакума, как позволяет судить сопоставление текстов, был «Шестоднев».[38] В «Шестоднев» входит и рассказ о каркине и острее.[39]

Сведения о неясыти, онаграх взяты Аввакумом из «Азбуковника»,[40] рассказ о «естестве львовом» — из «Физиолога».[41] К «Физиологу» восходят уже ранее употреблявшиеся Аввакумом (в толкованиях, написанных до 1676 г.) сказания об орле, олене и фениксе.

Послание обнаруживает прекрасное знание Аввакумом этих средневековых естественнонаучных энциклопедий. Если в толкованиях, написанных до 1676 г., Аввакум использовал только четыре сказания «Физиолога» — об орле, олене, фениксе и горлице, то в этом сочинении он привлекает их довольно широко. Возможно, что Аввакум пользовался не только «Шестодневом» и «Физиологом», но и статьей «От Шестоденьца избрано о животех» (входила в состав Мерила праведного), представляющей собой сжатые выборки из «Шестоднева», и словом «О разсечении человеческаго естества», русским сочинением конца XVII в., также использовавшем сказания «Физиолога» и «Шестоднева» в религиозно-нравоучительных целях.[42]

Каково использование этих полулегендарных сказаний в Послании?

Рассказы, приводящиеся Аввакумом, очень близки к тексту «Шестоднева», «Физиолога», «Азбуковника», наблюдаются даже текстуальные совпадения, но все-таки всегда эти рассказы не механически заимствованы, а переработаны.

Сравним два сказания «Шестоднева» — о китах и о каркине и острее — с изложением их в сочинении Аввакума. Аввакум, оставляя неприкосновенными основные моменты сказания о китах, значительно сокращает и упрощает его.

«Шестоднев»	Послание Аввакума
Еще же и китъстий живот, еже се рекут лежеси, иже се равни творет с острова *(л. 162 об.)*. Веде кити, еже им естьством отлучено жирование вне уселных мест, в том же мори суть и в пустеем острове. У него же по оной стране несть съпроста земле, занеже находят туду корабли. Кити же подобни суть великыим горам... *(л. 168 об.)*. Створи бог киты великые... но им же к великыим горам телом великом приравьнует се, еже и аки острови многажди мними суть... Киты толицы суще не при брезе, ни при малости ходет, нъ в Антилъаньтичьстей ширине морьстей живет. Тако ти ест, еже на боязнь нам и ужасение створени суть животи *(л. 172)*.	Есть в мори, во Алантичестей стране лежаги, сиречь киты велицыи, жируют. Егда воспловут, подобны суть горам великим или яко грады велицыи. Туды корабли не заходят. Но на удивление и на страх нам таковый живот сотворил хитрец *(л. 16 об.)*.

[36] «Азбуковник», изданный И. П. Сахаровым в «Сказаниях русского народа» [т. II, СПб., 1849 (далее: «Азбуковник»), стр. 171].

[37] «Физиолог» в рукописи ГПБ, собр. М. П. Погодина, № 1964, л. 35 (в «Физиологе», изданном А. Карнеевым, это сказание отсутствует).

[38] «Шестоднев», лл. 167 об.—168.

[39] Там же, л. 167—167 об.

[40] «Азбуковник», стр. 173, 175.

[41] А. Карнеев. Материалы и заметки по литературной истории «Физиолога». СПб., 1890, приложение, стр. III.

[42] Н. Н. Дурново. К истории сказаний о животных в старинной русской литературе. — Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества, т. III. М., 1902, стр. 47—55, 64—71.

Сравним также рассказ о каркине и острее:

«Шестоднев»	Послание Аввакума
Видев же аз в немощне животе велику льсть и разумев, велю ти: да отбегнеши злааго того и проныриваага подрежания.	
Каркин есть, да то желает зело ясти пльти остреевы, но бедно ему есть уловити е́, им же одежда ему есть, якы чрепина жестока. Да тем родом есть одено мекъкое месо и заключено в скольку тую твръде, да нечьто створити каркину. Того цеща да егда е́ ублюдет в заветрьне месте зело сладъце се греюще и противу солнцю свои лисце развезъше. Тогда же отай приде бо каркин, и камычьць въземь в скольце въврьг — не даст състегнути е́ ю́, ни створити. То то льстию премыслив, сътворит *(л. 167—167 об.)*.	Есть в мори живот, именем острей, а другой — каркин. И желает каркин ясти плоть астреев и немощно ему улучити ея: в сколку огражена. Егда же острея уразумеет каркин в заветренне месте греющеся, разверше сколца своя, бив его каркин, и ввержет камычец в сколца его. И к тому не возможет стягнути их, тако то его и погубит. О злый, пронырливый каркин, прехитрил милаго острея-живота! Тако то и никонияне, добывают християн, умышляют, на смерть предают. Егда християнин не хотя их жертвам приобщатися, в заветреннем месте греющеся или молитвуют втай или ино что служит богови, разверше сколца своя, сиречь не опасется бедной горюн, уведав же, еретицы на нь и, бив его, совсем разорят, яко острея каркин съедят совсем *(л. 17)*.

Нетрудно заметить, что и в этом рассказе переработка идет по линии краткости и простоты изложения, причем весь рассказ полемически направляется против «никониан».

Эти наблюдения подтверждают основные выводы А. К. Бороздина о характере использования Аввакумом источников. А. К. Бороздин писал:

«Заимствование из источников в очень редких случаях бывает буквальное, почти всегда Аввакум переделывает тот текст, которым он пользуется: или сокращает его, или упрощает внесением реальных подробностей, иногда почерпнутых из личных наблюдений и всегда приноровленных к умственному кругозору его паствы — такие приноровления становятся особенно важными ввиду полемического направления почти всех истолковательных сочинений Аввакума».[43]

Д. С. Лихачев, исследуя стиль протопопа Аввакума, писал, что «к каждой теме он подходит с неизменным эгоцентризмом. Личное отношение пронизывает все его изложение, составляя самую суть его».[44] Это своеобразие стиля Аввакума можно наблюдать и в переработке сказаний «Физиолога» и «Шестоднева». Изложение Аввакума по сравнению с рассказом «Шестоднева» эмоционально окрашено. Горькое сожаление о жертве — «милом острее-животе», которого «прехитрил» «злый, пронырливый каркин», позволяет Аввакуму провести аналогию с тем, как теперь «никонияне добывают християн», «бедных горюнов». Отвлеченные рассуждения Иоанна, экзарха болгарского, о лести и злобе заменены в рассказе Аввакума публицистическим отступлением о конкретных льстецах и ненавистниках, по его представлениям, — о «никонианах».

---

[43] А. К. Бороздин. Протопоп Аввакум. СПб., 1900, стр. 270.

[44] Д. С. Лихачев. Протопоп Аввакум (§ 2). — История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, стр. 316.

Для космографического комментария Аввакум обращался и к патристической литературе. Рассказывая о «бездне, глаголемой тартар», Аввакум ссылается на Патрикия Прусского (память 19 мая), картина «воскресения мертвых», которую он рисует в Послании, напоминает о «слове» Палладия Мниха «О втором пришествии Христове»[45] и «слове» Ипполита, папы римского, «О скончании мира и о антихристе».[46] Здесь же Аввакум опирается на цитаты из сочинений апостола Павла и Златоуста.

Не только источники толкования, но и сама интерпретация Аввакумом 103-го псалма самостоятельна.

Величие бога раскрывается для Аввакума прежде всего в целесообразности устройства видимого мира. Такое понимание было свойственно христианской литературе вообще (к тому же это тема и 103-го псалма), но важно отметить, что Аввакум идет именно за теми христианскими авторами, которых интересуют проблемы мироздания, обращается к той богословской и легендарной литературе, которая давала материал для естественнонаучного и космографического комментария псалма, и, сосредоточивая внимание на отдельных вопросах конкретного устройства вселенной, отходит от святоотеческой и древнерусской традиции толкования 103-го псалма. «Небесное величество», которое «мысли человека превосходит и меры», равномерное движение солнца и звезд, «коловратствующих непрестанно», устройство «водного естества» — рек, озер, болот, «несведомое» множество родов птиц и зверей вызывают восторженную оценку Аввакума: «видимая суть добро сия».

Это восхищение Аввакума «видимым» миром сильно прозвучало уже в «Житии». Но там описания могучей сибирской природы появились как результат личных наблюдений Аввакума, отсюда их выразительность и эмоциональность. В толковании же псалма чувствуется книжность многих представлений Аввакума. Но и здесь, как всегда, он стремится ввести моменты реального жизненного опыта, что придает его комментариям такую удивительную непосредственность. Так, объясняя, «како то есть водное естество устроено», рассказывая о жаждущих онаграх, Аввакум пишет: «Повсюду напаяют зверей и птиц: в дебрех, в камениях горских и инде. Разсадит вода та камень, текуще, ждет онагрев жадных напоити. Онагрь, по Алфавиту конь глаголется или осел, а попросту — лошадь. Тепло на желание естество имать прилучается, или человек на нем едет, или просто в дебрех витает, обретает текущую воду, испивает, а хозяин ево, его же ради живот сей создася, глаголют, человек, о сем славит бога. Лошадка напиталася — опять поехал путем или на работу о имени господни».

Кроме этого момента — внимания Аввакума к «видимому» миру, — можно выделить еще одну характерную для содержания его толкования черту: убеждение, что все сделано «человека ради». И в этом его толкования приближаются к толкованиям Феодорита, а одно толкование Аввакум даже заимствовал у него — его рассуждение о море и кораблях. В толковой псалтыри Феодорита стихи 25—26 («Се море великое и пространное. . . Ту корабе преплавают») так объясняются: «Вси потреба зело еси требе человеком, корабским бо ремеством и окормскою хитростию друг от друга приемлем, еже комуждо требе: еже нам [от] онех требе еси, и еже онем от нас».[47] В толковании Аввакума читаем: «Корабли бо по морю преплавают из царства в царство, строя нашу человеческую жизнь. Пре-

---

[45] Соборник. М., 1647, л. 140.
[46] Там же, л. 120.
[47] Толковая псалтырь Феодорита Кирского (ГПБ, Q.1.37, л. 159—159 об.).

возят бо вещи из земли в землю, иде же чево несть, отинуде превозят. Море бо совокупляет воедино всех нас, да любим друг друга и хвалим чинотворца хитреца-бога». Концовка «да любим друг друга и хвалим чинотворца хитреца-бога», — то, чего нет у Феодорита, остановившегося в своих толкованиях на признании «пользы» всего сотворенного в мире, созданного «человеком на потребу».[48] Аввакум же вводит в свое толкование мысль о необходимости любви в отношениях людей — один из основных мотивов всех его писаний. И тут же возникает контрастирующая с этой мыслью картина «нынешнего» «лютого времени»: «Мы же несть тацы суть, не хощем бо обще стяжания иметь, но вся хощу мне собрать, яко несытый всеядец. Аще бы ми возможно, вся бы вещи морския и земския во утробу свою вместил».

Образ жадного богача дополняется образом «раздувшегося», по выражению Аввакума, священника-лицемера, о котором Аввакум пишет в толковании того же 25-го стиха: «Кажутся яко постницы, даже вящши чин улучат. Егда же взыдет на высоту, тогда от воздержания и раздует его девство. Где ся у святаго отца кожа возьмет! Был тоненек, а стал брюхат, яко корова-матушка, пестрая или черная». А несколько раньше, поучая «духовных детей» воздерживаться от вина, Аввакум вспоминал о пьяных попах и чернецах, которые, «яко богомольцы», «всегда жрут жертву пьяному Дионису».

Так возникает у Аввакума противопоставление прекрасного божьего мира отсутствию любви между людьми, отсутствию «общего стяжания», насилию властей, лицемерию духовных пастырей. С одной стороны, бог, «строящий человеческую жизнь», а с другой — «злые и лукавые власти», «никониане-человекогубцы», усилиями которых «тьмы тьмами и тысяща тысящами погублено народу».

Именно в этом соединении темы красоты божьего мира с обличением «житейской скверны», нашедшей, с точки зрения Аввакума, самое сильное воплощение в никонианстве, проявляется новая трактовка Аввакумом традиционной темы восхваления бога. Неприятие Аввакумом «лютого нынешнего времени» звучит в Послании еще сильнее от этого противопоставления.

Как уже отмечали исследователи, отнюдь не традиционными являются у Аввакума и его приемы толкования текста.

Его религиозному сознанию, воспитанному средневековым богословием, были близки символические образы христианской литературы. «Еродий — Христос», «кедри — святии божии, на них же Христос селитбу имать; ливан — благодать духа святаго... птицы — беси со диаволом живучи блазнят в тех же недрах», — пишет Аввакум о 17-м стихе 103-го псалма. Но, как указывает Д. С. Лихачев, «отвлеченная церковно-библейская символика становится у него конкретной, почти видимой и ощутимой».[49] Аввакум пытался осмыслить традиционные символические образы в сфере своих представлений о человеческой жизни. Так, в аллегории «хлеба — тела Христова» и «вина — крови его» Аввакум видит реальные хлеб и вино православного причастия. 18-й стих псалма «горы высокия — еленем, камень — прибежище заяцем» воспринимается Аввакумом с помощью образов-символов, созданных Афанасием Александрийским: «Елени, глаголют, пустынницы», «камень, глаголет, церковь божия; зайцы — християне православные». Но, осмысляя эти образы, Аввакум разрушает их символический, отвлеченный характер, сравнивая христианина, спасающегося

---

[48] Там же, л. 159.

[49] Д. С. Лихачев. Протопоп Аввакум (§ 2), стр. 322.

в церкви, с совершенно реальным зайцем: он, «яко зайчик, под камень хоронится от совы, и от серагуя, и от псов», которые так его и «нюхают».

Или другой пример. Для объяснения стихов 21—22 о «скимнах рыкающих», которые ночью ищут пищи, а днем, когда «возсия солнце, собрашася и в ложах своих лягут», Аввакум привлекает сагу «Физиолога» о льве, полную символических намеков и параллелей. Аввакум создает с помощью символов целую картину: «Возсия солнце праведное, и в ложах своих зверие — в темницах адовых дияволи — возлегли, страхом одержими, трепещуще». Но это сугубо символическое толкование стиха псалтыри неожиданно заканчивается апелляцией Аввакума к непосредственным наблюдениям своих читателей: «А и видимыя звери во дни том мало волочатся», — напоминает он.

Изучение символики зверей, использованной в этом сочинении, сравнение ее с народно-поэтической символикой весьма интересно для выяснения связи книжных и народно-поэтических источников некоторых представлений Аввакума, но этот вопрос выходит за пределы задач данной статьи и здесь освещен быть не может.

Известно, что Аввакум очень свободно обращался с формой толкования как определенного жанра. Уже А. К. Бороздин отмечал, что «толкования» и «беседы» Аввакума очень тесно связаны, почти неразделимы. Так, беседа об Аврааме «по форме представляется толкованием некоторых частей из послания апостола Павла галатам и римлянам», «рядом с толкованием мы находим полемику против никониан и рассуждения об антихристе».[50]

Послание Симеону, Ксении Ивановне и Александре Григорьевне является одним из ярких примеров того, как Аввакум разрушал жанровые рамки.

Сочинение это экзегетическое и учительное одновременно. Толкование и беседа не только постоянно сменяют друг друга, что отмечается даже особыми замечаниями Аввакума: «Возвратимся о твари беседовать», «. . . прекращу беседу о сих» и т. п., но и взаимопереходят одно в другое. Толкование, содержание которого должно определяться «сущим», т. е. сообщаемым тезисом или фактом, перерастает ограниченные рамки «толка» и «превода» и превращается в рассуждение-беседу протопопа с духовными детьми на широкую тему «спасения души», сопровождаемую различными поучениями («Не спи, не спи сном лености», — обращается Аввакум к Александре Григорьевне; «Перестань-ко ты и вино попивать и мясца кушать», — поучает он ее же).

Но это соединение в одном сочинении толкования и беседы характерно и для других произведений Аввакума. Особенностью же данного толкования является то, что оно написано в форме послания совершенно конкретным лицам. Обычно Аввакум в посланиях своим приверженцам отвечал лишь на отдельные догматические или обрядовые вопросы или же посылал законченные толкования, сопровождая их отдельным письмом.[51]

П. С. Смирнов пишет об отправке Аввакумом «Книги бесед»: «Можно утверждать, что каждый раз несший из Пустозерска „Книгу бесед“ нес. . . и сопроводительное со стороны протопопа послание на имя адресата этой посылки с различными частными замечаниями и наставлениями».[52]

---

[50] А. К. Бороздин. Протопоп Аввакум, стр. 233.

[51] См. «Книгу бесед» Аввакума и его послания Морозовой, Урусовой и Даниловой, письмо инокине Мелании с сестрами (РИБ, т. 39, стлб. 393—424), а также «Книгу толкований» и письмо Симеону (там же, стлб. 563—576).

[52] РИБ, т. 39, стр. LXXIII.

Первая часть рассматриваемого Послания не является сопроводительным письмом, это вступление, органически связанное со второй частью — толкованием 103-го псалма. Из произведений Аввакума известно только одно, где постановка важнейших догматических вопросов была дана в форме послания конкретному адресату, — это «Книга обличений», или «Евангелие вечное», направленное дьякону Федору и написанное в 1679 г., несколько позднее Послания.

Форма послания обусловила другую особенность этого сочинения — наличие большого количества автобиографического материала, соседствующего с толкованием текста Священного писания. Начало сочинения настолько обстоятельно рассказывает о деятельности протопопа Аввакума в защиту старой веры, что в рукописной описи собрания Н. М. Михайловского все сочинение значится под заглавием «Житие сочинения протопопа Аввакума».[53] Автобиографический материал используется здесь не только как средство для объяснения текста или выражения личного отношения к отдельным фактам, но и в качестве обоснования права Аввакума толковать Священное писание и в качестве гарантии того, что оно будет истолковано правильно. «Да гряди убо, чадо, да тя повожу, прежде за руку ем, по граду и покажу ти сокровенная чюдеса великаго сего града и разумнаго и угощу тя в нем», — пишет Аввакум в начале толкования, обращаясь к Ксении Ивановне.

Послание позволяет сделать ряд наблюдений над жанровым своеобразием сочинений Аввакума и может служить материалом для рассмотрения вопроса о том, каким образом гибкость формы многих его произведений, в том числе и «Жития», представляющего собой переплетение черт различных жанров, где приемы эпического сказа нельзя оторвать от изложения вопросов богословия, соответствует агитационным установкам Аввакума и в какой степени эта гибкость формы может рассматриваться как его особый литературный прием.

Таким образом, Послание Симеону, Ксении Ивановне и Александре Григорьевне, существенно дополняющее, как уже указывалось выше, «Книгу толкований» протопопа Аввакума, не только обогащает наше представление о его литературном наследии и дает интересный материал для выяснения некоторых сторон мировосприятия Аввакума, но может помочь в изучении не решенного еще вопроса о жанровом своеобразии сочинений Аввакума.

---

[53] См. стр. 257 настоящей статьи.

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

С. Н. АЗБЕЛЕВ

Текстологическое исследование Новгородской Уваровской летописи

Новгородская Уваровская летопись (далее сокращенно: НУвЛ) — довольно большой свод. Объем его в списках составляет 370—450 лл. в лист. Эта летопись не опубликована и до последнего времени не исследовалась. Как показало сравнительное изучение памятников новгородского летописания XVII в., НУвЛ легла в основу трех последующих сводов этого столетия, среди которых крупнейшие летописи Новгорода — Новгородская третья и Новгородская Забелинская. Вместе с тем НУвЛ тесно связана с предшествующим ей московским и новгородским летописанием, в частности с летописью Дубровского, происхождение которой во многом проясняется благодаря анализу НУвЛ. Эти обстоятельства и побуждают рассмотреть состав ее в специальной статье с достаточной подробностью.[1]

Прежде всего несколько замечаний о списках. Их мне известно в настоящее время три: ГИМ, собр. Уварова, № 568,[2] ГПБ, собр. Погодина, № 1408 и БАН, 34. 4. 1.[3] Первый датируется палеографически последней четвертью, второй — 80-ми годами XVII в., третий относится к середине XVII в. Кроме самого текста летописи, во всех трех сборниках помещены «Казанская история», начало Нового летописца, Сказание об осаде Тихвинского монастыря шведами и «Сын церкви». Эти рукописи содержат и ряд других памятников, преимущественно исторических по содержанию и новгородских по происхождению (послание Василия Калики в Тверь, начальная часть Летописца новгородского Софийского собора, Повесть о Новгородском белом клобуке, Повести об осаде Новгорода шведами и др.), каждый из которых находится только в одной из трех рукописей. Летописный текст читается в первой на лл. 68—433 об. (всего 595 лл.), во второй — на лл. 34—488 об. (всего 698 лл.) и в третьей — на лл. 53—489 об. (всего 767 лл.).

Уже сам состав сборников, во многом тождественный, заставляет предполагать или восхождение их к общему протографу или непосредственную зависимость одной рукописи от другой. Сличение летописного текста трех рукописей подтвердило правильность первого предположения. Текстуальные расхождения списков в общем невелики. Приводим главные из этих

---

[1] Кратко состав НУвЛ рассмотрен мною в книге «Новгородские летописи XVII века» (Новгород, 1960), набранной до того, как мне стал известен третий список этого памятника.

[2] Краткое описание этого списка опубликовано А. Н. Насоновым (Летописные памятники хранилищ Москвы. — Проблемы источниковедения, IV. М., 1955, стр. 264).

[3] Рукопись БАН (находящаяся среди еще не описанных рукописей этой библиотеки) любезно указана мне М. В. Кукушкиной.

расхождений в хронологическом порядке (списки обозначаются сокращенно — *У*, *П* и *А*): 965 г. — в *У* опущено известие о походе Святослава на хозар, как и последующая цифра 966 г.; 973 г. — в *П* и в *А* отсутствует известие о вокняжении Ярополка в Киеве; 993 г. — целиком опущен в *У;* 1060 г. — в *П* опущено известие о смерти епископа Луки; 1103 г. — в *П* нет известия о вокняжении Святополка; 1358 г. — целиком опущен в *У;* 1360 г. — два последовательно идущих известия о небесных «знамениях» в *У* и в *А* объединены, причем конец первого и начало второго известия пропущены; 1489—1490 гг. — в *У* при переписке спутаны две соседние страницы: л. 393 об. следует читать после л. 394. В списках *П* и *А* имеются довольно многочисленные поправки и добавления между строк и на полях, современные рукописи и исправляющие их мелкие пропуски и описки. Некоторые из этих искажений, выправленных в *П* и *А*, имеются и в *У*. В целом разночтения списков таковы, что могут не приниматься во внимание при выяснении состава и происхождения летописи. Сопоставление явных механических пропусков текстов, читающихся в С1Л, к которой, как увидим ниже, восходит основная часть НУвЛ, показывает, что все три списка независимы один от другого и восходят к общему протографу, который не имел существенных отличий от этих рукописей.

Следует оговориться, что рукопись БАН, 34 4. 1[4] лишь условно может быть отнесена к спискам НУвЛ, так как к ее основному тексту почерком последней четверти XVII в. сделаны многочисленные добавления (на полях и после окончания текста), которые отсутствуют в двух остальных списках и, собственно, уже не относятся к самой этой летописи, а представляют в совокупности с ее текстом как бы черновик другого летописного свода. С этой точки зрения рукопись будет рассматриваться в специальной статье. Здесь мы имеем в виду только ту часть этой рукописи, которая представляет собой текст НУвЛ, к рассмотрению состава которой мы и переходим (при цитировании используется список *У*, номера листов во всех случаях даны по новейшей пагинации).

*

НУвЛ начинается с перечисления народов, произошедших от Иафета, и оканчивается 1646 г. Она может быть разделена на две значительно различающиеся между собой части. До 1500 г. включительно бо́льшая часть памятника совпадает с соответствующими текстами других летописей. После 1500 г. таких совпадений почти нет, кроме нескольких известий, идентичных с Кратким летописцем новгородских владык, и небольших по объему и по количеству совпадений с летописью Дубровского.

Обратимся сначала к первой части. Наиболее значительны по протяженности совпадения со следующими летописями: С1Л младшей редакции (содержится бо́льшая ее часть), список Царского С1Л, Хронографический список Н5Л, Лаврентьевская летопись, Н4Л. Этот отрезок содержит также значительное количество известий, либо отсутствующих в названных летописях, либо читающихся в них в другой редакции, либо совпадающих с соответствующими текстами этих летописей лишь частично и содержащих детали, отсутствующие в этих последних. Почти все такие известия касаются Новгорода и новгородской земли. Как правило, они или не связаны текстуально с окружающими частями, совпадающими с перечисленными выше летописями, или вносят дополнения и уточнения, касаю-

[4] В XVIII в. было начато издание летописного текста этой рукописи, оставшееся незавершенным (см.: Российская летопись по списку софейскому Великого Новаграда в продолжение издаваемых манускриптов Библиотеки Академии наук по ее повелению, ч. I. СПб., 1795).

щиеся Новгорода. Эти известия в одних случаях вклиниваются в летописный текст соответствующего года, рассекая его иногда на несколько частей, в других случаях помещены до или после текстов, совпадающих с другими летописями. При этом цифра года иногда читается дважды — один раз в начале текста, совпадающего с какой-либо летописью, второй раз — в начале известий, в этой летописи отсутствующих. Случается, что такие известия помещены не в том месте, где им надлежит быть в соответствии с хронологической последовательностью. Имеются случаи, когда своим содержанием они дублируют тексты, дословно совпадающие с другими летописями. Так, например, под 1022 г. известия о захвате Брячиславом Новгорода и о победе над ним Ярослава кратко повторяют содержание аналогичных известий под 1021 г., совпадающих с С1Л.

Все это показывает, что составитель НУвЛ соединил здесь по меньшей мере два источника. Один из них, послуживший как бы ядром этой части памятника, представляет собой комплекс, состоящий из текстов, совпадающих с другими сохранившимися летописями. Этот комплекс имеет довольно строго выдержанную хронологию и представляет почти непрерывную цепь событий до 1500 г. включительно (далее условно именуем этот текст ядром НУвЛ). Второй источник, по происхождению несомненно новгородский, использовался для дополнений к тексту ядра.

Это может быть подтверждено рядом текстологических примеров. Приведем некоторые из них. После известий 1049 (6557) г., совпадающих, как и предыдущие, с С1Л, стоит: «В лето 6558. Выписано из ыной книги». Но далее идут известия этого года опять по С1Л, причем перед текстом их второй раз стоит «В лето 6558».[5] Очевидно, составитель после 6557 г. хотел сначала поместить выборку из другой летописи, но затем отказался от этого намерения и продолжал выписывать из своего основного, совпадающего с С1Л источника. Хотя намерение воспользоваться вторым источником осталось в данном случае неосуществленным, само наличие его в распоряжении составителя несомненно.

О том, как производилось включение дополнительных известий, позволяют судить, например, тексты НУвЛ за 1416—1417 гг. Приводим окончание 1416 г. и начало 1417 г. по С1Л и НУвЛ.

С1Л	НУвЛ
Тое же весны, месяца марта в 22, в неделю средокрестную, Фотей митрополит Киевский и всея Руси постави Сампсона архиепископом Новугороду, в церкви святаго архангела Михаила, и наречен бысть от митрополита Симеоном. А на поставлении были с митрополитом 5 владык: Григорей Ростовьскый, Митрофан Суздальскый, Антоней Тферскый, Тимофей Сарьскый, Исакий Пермьскый, при великом князи Василии Дмитриевичи и при братии его князи Юрьи и князе Костянтине.	Тое же весны, месяца марта в 22 день, в неделю середокрестную, Фотей митрополит Киевский всеа Русии постави Великому Новугороду Сапсона архиепископом в церкви святаго архистратига Михаила, и наречен бысть на поставлении от митрополита Симеоном. А на поставлении было со владыкою десять [!] владык: Григорей Ростовский, Митрофан Суздальский, Антоней Тверский, Тимофей Сарский, Исакей Перемский, при великом князе Василии Дмитриевиче и при братии его князе Юрьи, князе Констянтине. Преставися архиепископ Иоанн в Деревянитцком монастыре, и положиша в притворе.

[5] ГИМ, Увар. 568, л. 148 об.

Того же лета повоеваша Татарове около Киева и монастырь Печерский пограбиша и пожгоша.	Того же лета повоеваше тотарове около Киева и монастыри чернеческии пограбиша и пожгоша.
	В лето 6925. Совершиша в Великом Новгороде шесть церквей каменных: Юрьи Анцыфорович совершиша храм в монастыре на Колмове святыя Троицы, да церковь святаго Николы архиепископа на Яковлеве улицы, да церковь великомученика Мины на Дослане улицы, да церковь святаго апостола Андрея первозваннаго на Щитной, да церковь святаго Антония великаго на Хутыне.
В лето 6925. Преставися князя великого сын, Василия Дмитреевича, князь Иван на Москве и положен бысть в церкви святаго архангела Михаила.[6]	Того же лета преставися великого князя сын, Василия Дмитриевича, князь Иван на Москве, и положен бысть в церкви святаго архангела Михаила.[7]

Пример небрежного соединения двух источников находим под 1471 г. Здесь после оборванного на полуфразе начала известия Хронографического списка Н5Л о присоединении Новгорода к Московскому государству («Того же лета, июня в 20 день, князь великии со братиею и со всею силою...»)[8] идут известия о перенесении мощей Савватия Соловецкого и легенды о «знамениях» в Новгороде, предшествовавших падению его независимости, чего нет в Хронографическом списке. Затем вновь помещено начатое ранее известие Хронографического списка, но уже в полном виде. Таким образом, начало этого известия читается дважды, будучи разделено вставкой из новгородского источника.

*

Попытаемся определить состав первой части НУвЛ, а именно — состав того текста, который нами условно назван ядром НУвЛ. Внешняя картина может быть обрисована в следующем виде. Бо́льшую часть ядра НУвЛ составляет текст С1Л младшей редакции. Он начинается здесь с перечисления земель, населенных потомками Иафета и оканчивается повестью о присоединении Новгорода к Московскому государству, которая завершает основной список этой редакции С1Л — Бальзеровский.[9] Под 1237—1239 гг. читается текст Лаврентьевской летописи, причем соответствующие места самой С1Л отсутствуют. С 1242 г. начинаются включения из Н4Л, которые достигают местами нескольких лет подряд. При этом соответствующие тексты С1Л также отсутствуют. С последнего известия 1264 г. по 1311 г. сплошь идет текст Н4Л. Известий за последующие двенадцать лет в ядре НУвЛ нет. Далее опять идет текст С1Л начиная с ее последнего известия 1324 г. вплоть до ее окончания. С 1373 г. известия этой летописи дополнены текстом, совпадающим со списком Царского С1Л, точнее — с теми его известиями, которые отсутствуют или читаются иначе в остальных списках. При внимательном рассмотрении оказывается, что такие дополнения в незначительном количестве есть и в начале ядра НУвЛ. Несколько его известий за XI—XII вв. отсутствуют в основных списках С1Л, но содержатся в списке Царского (например, под 1099 г. —

[6] ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, стр. 260.
[7] ГИМ, Увар. 568, лл. 329—330.
[8] ГИМ, Увар. 568, л. 377.
[9] В Бальзеровском списке имеется еще дополнительная тетрадь, где текст продолжается далее, но она писана другим почерком и содержит Псковскую летопись (см.: ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, стр. 171).

известие об освящении церкви в Печерском монастыре, под 1022 г. — о рождении Изяслава Ярославича, под 1103 г. — оба известия этого года, зачеркнутые в самом списке Царского, но несомненно наличествовавшие в его оригинале). Что касается окончания ядра НУвЛ, то там начиная с 1428 г. такие дополнения содержатся в известиях почти каждого года. При этом некоторые тексты самой С1Л опущены и заменены более подробными известиями об этих же событиях по списку Царского. С 1447 г. эти дополнения к тексту С1Л совпадают и с окончанием Хронографического списка Н5Л, а иногда содержат тексты, имеющиеся только в Хронографическом списке и отсутствующие в списке Царского (оба эти списка вообще сходны в своем окончании). Дополнения к тексту С1Л в ядре НУвЛ всегда совпадают с общими текстами этих списков и содержат их целиком. Но имеются также известия, отсутствующие в одном из этих списков или изложенные в одном из них несколько иначе, но совпадающие с текстом другого списка. После окончания С1Л ядро НУвЛ содержит только тексты списков Царского и Хронографического, до 1491 г. включительно. Далее следует 1498 г., дословно совпадающий на всем своем протяжении с соответствующим годом в Отрывке из летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку.[10] Затем идут известия 1499 г., сходные с текстом Воскресенской летописи, С2Л и списка Царского, но читающиеся в них в несколько иной редакции. Последний год ядра НУвЛ (1500 г.) совпадает дословно с соответствующим текстом этих летописей. Известия 1500 г. обрываются в НУвЛ на середине фразы («...да пан Литарва морш[а]лко...»),[11] после чего следуют родословие московских великих князей начиная от Рюрика и кончая Димитрием, внуком Ивана III, родословия некоторых княжеских и боярских родов, три документа местнической переписки и родословие Сабуровых. Далее следует летописный текст, составляющий вторую часть НУвЛ и не связанный с ее ядром.

Основной массив текста охарактеризованного выше ядра НУвЛ совпадает с С1Л или с Н4Л. Как установлено А. А. Шахматовым, обе эти летописи восходят к общему источнику — Новгородско-Софийскому летописному своду 30-х годов XV в.[12] Естественно было бы предположить, что составитель ядра НУвЛ использовал не С1Л и Н4Л, а сам свод 30-х годов.

Однако такое предположение отпадает. С1Л известна в двух редакциях: старшей, представленной списками Оболенского и Карамзина, и младшей, к которой относятся остальные списки. Согласно выводам А. А. Шахматова, старшая редакция является первоначальной и восходит непосредственно к своду 30-х годов, младшая же редакция есть результат некоторого сокращения старшей, сопровождавшегося небольшими переработками и дополнением ее известиями после 1421 г., на котором оканчивается старшая редакция.[13] По

---

[10] ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, стр. 276—303. Далее сокращенно: Отрывок.

[11] ГИМ, Увар. 568, л. 404.

[12] В большинстве работ А. А. Шахматова этот свод именуется «сводом 1448 г.». См.: А. А. Шахматов. 1) Общерусские летописные своды XIV и XV веков. — ЖМНП, 1900, №№ 9 и 11, 1901, № 11; 2) Предисловие к Начальному киевскому своду и Нестерова летопись. — ИОРЯС, т. XIII, 1908, кн. 1; 3) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, гл. IX; 4) Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, гл. X и на стр. 366, и другие работы; Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 447—450.

[13] См. две первые из перечисленных работ А. А. Шахматова и в особенности в «Обозрении...» главы XVII, XVIII, а также на стр. 366—367

мнению М. Д. Приселкова, обе редакции восходят к общему протографу.[14] Однако, так или иначе, старшая редакция не только является более древней, но и более полно по сравнению с младшей редакцией передает текст свода 30-х годов. Это обстоятельство не вызывало сомнений ни у А. А. Шахматова, ни у М. Д. Приселкова, ни у последующих исследователей.[15] В списках старшей редакции имеется большое количество известий, отсутствующих в младшей редакции, но содержащихся в Н4Л. Следовательно, они были и в своде 30-х годов. Все эти известия отсутствуют в ядре НУвЛ — в нем, как уже говорилось, читается текст младшей редакции С1Л (в том числе и в тех случаях, когда между этой последней и старшей редакцией имеются текстуальные различия). Следовательно, эти части ядра НУвЛ не могли быть взяты непосредственно из свода 30-х годов, а восходят именно к младшей редакции С1Л.

Использование Н4Л, так же как и в Лаврентьевской летописи, объясняется, очевидно, сильной дефектностью той рукописи, по которой был использован текст С1Л, составивший основную часть ядра НУвЛ. Доказательства этой дефектности имеются в огромном количестве. Приведем главные из них. Само начало С1Л в НУвЛ отсутствует, последняя начинается, как указывалось, с перечисления земель, доставшихся Иафету. Далее, многие годы пропущены полностью или частично (так, например, отсутствуют полностью 1033, 1202—1215, 1218, 1225—1236, 1244—1246, 1249—1253, 1263—1323, 1325 и 1405 гг., частично отсутствуют 1024, 1077, 1216, 1224, 1237—1239, 1240, 1241—1243, 1324, 1386, 1418 и 1451 гг.). В последнем случае текст почти всегда обрывается или начинается с середины фразы. Часть 898 г. ошибочно попала в текст 1216 г. Часть известий 1372 г. читается еще и под 1284 г., в таком же тексте (кроме того, в чрезвычайно большом количестве встречаются мелкие пропуски отдельных слов, фраз и частей фраз, а также их искажения, возникшие, по-видимому, вследствие того, что края листов были повреждены).

Наиболее существенные из этих пробелов и были, очевидно, восполнены из других летописей.

Из Лаврентьевской летописи заполнены пропуски в тексте 1237—1239 гг., о татарском нашествии.

Общая картина работы по внесению пополнений из Лаврентьевской летописи может быть предположительно восстановлена. В ядре НУвЛ нет текста С1Л за 1225—1236 гг., как и начальных ее известий 1237 г. (в самой НУвЛ за этот период читаются только известия, почерпнутые из новгородских источников, которыми дополнялось ее ядро). Текст 1237 г. начинается в НУвЛ так: «В лето 6745. Бысть нашествие безбожного царя Батыя на Рускую землю, при великом князе Юрье Всеволодиче Владимерском». Далее идет текст С1Л за этот год, от слов «Приидоша от восточныя страны на Резанскую землю лесом безбожнии татарове...».[16] Он продолжается в НУвЛ (с незначительными фразеологическими отклонениями и пропусками) до слов «Татаровя ж приступиша ко граду в неделю мясопустную февраля в 7 день...».[17] Продолжение рассказа о взятии Владимира татарами дано уже по Лаврентьевской летописи, со слов «И бысть плач во граде велик за умножение грех ради наших, се бо на ны попустил бог поганыя, не аки милуя их, но нас кажа, да быхом отсту-

---

[14] См.: М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 153.

[15] См.: Д. С. Лихачев. Русские летописи..., стр. 452.

[16] ГИМ, Увар. 568, л. 209.

[17] Там же, л. 211 об.

пили от злых дел».[18] Текст Лаврентьевской идет в НУвЛ до конца 1237 г.[19] Из нее же взят весь 1238 г. и бо́льшая часть (начальная) 1239 г., включая перечисление князей, спасшихся от татар, до слов «... вси сохранени быша божиею благодатию. Но на предняя возвратимся».[20] Затем, в качестве продолжения этого текста, идет окончание 1238 г. по С1Л, со слов «... [т]огда окояннии измаильтяне идоша к Торшку, и пришед, и обступиша град».[21] Это окончание, кроме мелких пропусков, имеет один значительный («... на средохрестие. Ту же убьени быша Ивашко, посадник новоторжъскои, Яким Влункович, Глеб Борисович, Михаило Моисеевич»).[22] По окончании текста 1238 г. по С1Л (читающегося здесь в качестве продолжения известий 1239 г. по Лаврентьевской летописи) в НУвЛ следует центральная часть известий С1Л за 1239 г. (начала с цифрой года нет), от слов «... Нача Батый посылати на грады руския» до слов «И град взяша, и запалиша огнем, а епископа оставиша жива и ведоша его в Глухов».[23] Далее в С1Л идет следующая фраза: «А оттоле приидоша к Киеву с миром и смирившася с Мьстиславом и Володимером, и с Данилом».[24] Очевидно, дефектный текст С1Л обрывался на словах «А оттоле», в результате чего составитель ядра НУвЛ, приняв эти слова за продолжение предыдущей фразы, закончил ее так: «... и ведоша его в Глухов, и оттоле пустиша его».[25] Затем в НУвЛ следует 1240 г. по С1Л. Таким образом, в этой части текста С1Л недоставало 1225—1236 гг., начала и окончания 1237 г., начала 1238 г., начала и окончания 1239 г. (отсутствовала бо́льшая часть текстов этих лет); были и мелкие пропуски; сохранившиеся тексты почти везде начинались с середины фразы и обрывались на середине фразы. Вследствие того что отсутствовали начальные части текстов С1Л, за 1238 и за 1239 гг., эти тексты идут в НУвЛ сплошь в качестве продолжения 1239 г., начало которого (так же как весь 1238 г. и окончание 1237 г.) взято из Лаврентьевской летописи. Вставка эта явилась, очевидно, следствием стремления составителя дать возможно более полные сведения о татарском нашествии при отсутствии основных частей этого рассказа в дефектном тексте С1Л.

Далее, начиная с 1242 г., для пополнения недостающих текстов использовалась Н4Л. Вполне понятно, почему Лаврентьевская летопись не привлекалась в дальнейшем — с 1240 г. ее известия очень кратки, тогда как Н4Л дает тексты весьма подробные, наиболее полно освещающие историю Новгорода и сходные с самой С1Л, чего никак нельзя сказать об окончании Лаврентьевской летописи. Можно предположить, что из двух летописей, которыми пополнялся дефектный текст С1Л, список Лаврентьевской был более древним, поэтому для восполнения текста 1237—1239 гг. этому списку было оказано предпочтение перед Н4Л, так как текст ее в известиях о нашествии татар и Калкской битве, в общем, ненамного отличается

---

[18] Там же.

[19] Там же, л. 215.

[20] Там же, л. 216 об.

[21] Там же.

[22] См.: ПСРЛ, т. V', в. 1, стр. 217. — Есть в тексте НИвЛ за 1238 г. и одно добавление, весьма характерное. После известия С1Л о том, что татары не дошли до Новгорода, «заступи бо его бог и святая богородица и святый архиепископ Кирил Александрейский святых благоверных архиепископов молитвами и благоверных князей, и преподобных черноризцев иерейского собора», читаем небольшую вставку, принадлежащую, по-видимому, новгородскому сводчику: «воспятишася от Игнаша креста погании агаряне» (ГИМ, Увар. 568, л. 217). Не останавливаемся здесь подробно на других фразеологических изменениях и дополнениях в НУвЛ.

[23] ГИМ, Увар. 568, л. 217 об.

[24] ПСРЛ, т. V, в. 1, стр. 219.

[25] ГИМ, Увар. 568, л. 217 об.

от Лаврентьевской. В дальнейшем же была использована только Н4Л — ввиду ее новгородского происхождения и скудости соответствующих текстов Лаврентьевской. Однако и сам список Н4Л, употребленный для пополнений, не был, очевидно, полным: в нем, по-видимому, недоставало окончания. В пользу этого говорит то обстоятельство, что из известий Н4Л за 1311 г. в НУвЛ помещено только первое, а текст 1312 г. и последующих годов вообще отсутствует. После 1311 г. дополнений из Н4Л нет, несмотря на то что и дальше есть пропуски в тексте С1Л, а годы с 1312 по 1324 (за исключением последнего известия 1324 г.) были в этом тексте утрачены. В результате этого в ядре НУвЛ оказался пропуск протяженностью в одиннадцать лет. Следует сказать, что до 1237 г. пропуски текста С1Л в ядре НУвЛ также не восполнены. Это объясняется, по-видимому, тем обстоятельством, что как по их количеству, так и по объему текста эти пропуски относительно невелики. Они, очевидно, либо остались незамеченными, либо были признаны составителем несущественными.

*

Для выяснения происхождения ядра НУвЛ наибольший интерес представляет его заключительная часть — приблизительно с середины XV в. Как уже говорилось, в основе этого текста (как и предшествующего) лежит младшая редакция С1Л. Она снабжена дополнениями, которые совпадают с соответствующими текстами списков Царского и Хронографического. Эти дополнения содержат известия, отсутствующие или изложенные короче в самой С1Л, и не являются, таким образом, следствием дефектности ее списка, как дополнения из Лаврентьевской летописи и из Н4Л. Все те известия списков Царского и Хронографического, в которых тексты этих списков совпадают между собой, содержатся и в ядре НУвЛ (кроме двух мест, о которых специально скажем ниже). В остальных случаях текст его совпадает или с самой С1Л, или с одним из упомянутых списков. Естественно предположить, что дополнения к С1Л взяты не непосредственно из списков Царского и Хронографического, а из их общего источника. Такое предположение подтверждается результатами их сличения. Тождественные по содержанию известия в этих двух списках в большинстве случаев полностью совпадают и текстуально. Но некоторые из них имеют текстуальные различия. Соответствующие тексты НУвЛ в одних случаях совпадают с Хронографическим списком (например, 1463, 1469, 1480, 1481, 1484, 1489, 1490, 1491 гг.), в других случаях — со списком Царского (например, 1448, 1449, 1473 гг.). Иногда они содержат промежуточный текст, который в одних своих частях ближе к Хронографическому списку, а в других — к списку Царского, примером могут служить известия 1472 г. Приводим часть из них:

Хронографический список Н5Л	Список Царского С1Л	НУвЛ
Того же лета царь безбожный Ахмат Кичиахметевичь с всею ордою поиде на Русь; подшод близ Руси ста, остави царицъ и старых и болных и малых, и поиде с проводникы не путьма, и приide к реце к Оце под городок под Олексин с Литовского рубежа. А во граде том бяше воевода,	Того же лета безбожный царь Ахмат Кичиахметовичь с всею ордою поиде на Русь, и подошел близ Руси, и остави у царицъ старых и болных и малых, и поиде с проводники не путма, и прииде к реце Оце под городок Олексин с Литовскаго рубежа, июля в 30, в четверток на заговенье.	Того же лета безбожный царь Ахмат Кичиахметович со всею ордою поиде на Русь, и пошел близ Руси, и оставил у цариц старых и болных и малых и поиде с проводники не путма и прииде к реце Оце под городок Олексин с Литовского рубежа. А во граде том бяше воевода именем

именем Семен Васильевичь Беклемишев, человек на рати велми храбр, и повеле ему князь великый осаду распустити, понеже не успеша доспеха ничесоже запасти, чим битися с Татары; он же хоте у них посула, гражане олексинци даваше ему пять рублев, и захоте у них шестого рубля еще жене своей, и се им глаголющим, оже приидоша татарове, Семен же побеже за реку Оку, с женою и с слугами, и Тотарове за ним в реку.[26]	А во граде том беаше воевода именем Семен Васильевичь Беклемишев, человек на рати храбор, и повеле ему князь великый осаду распустити, понеже не успеша доспеха ничесоже запасти, чим битися с Татары; он же захоте у них посула, и гражане Олексинци даша ему пять рублев, и се им глаголющим, приидоша Татарове, Семен же побеже за реку Оку с женою и слугами и татарове за ним в реку.[27]	Семен Васильевич Беклемешев, человек на рати велми храбр, и повеле ему князь великий роспустити, понеже не успе доспеха ничесоже запасти, понеже успехов чим битися с тотары; он же захоте у них посула, и гражане олексинцы даша ему пять рублев, и захоте у них шестаго рубля жене своей, и се им глаголющим, приидоша тотарове, Семен же побеже за реку Оку с женою и со слугами, и тотарове за ним в реку.[28]
Тогды же княгыня великая ехала в Ростов, и разблеся в Ростове; князь же великый прииде на Москву. Прииде из Рима царевна Софья, и поиде за великого князя Ивана Васильевичя того же дни, на Филипово заговенье.[29]	Того же лета великая княгини ехала в Ростов, и разболеся в Ростове; князь же великый прииде на Москву, и князь Юрьи с ним, и слыша матерню болезнь, и погони навещати матери с меншею братиею.[30]	Тогды же княгиня великая ехала в Ростов, и разболеся в Ростове; князь же великий прииде к Москве и князь Юрьи с ним, и слыша матерьню болезнь, и погони навещати матери с меншею братиею.[31]

Окончание Хронографического списка Н5Л, как и дополнения к основному тексту С1Л, читающиеся в списке Царского, т. е. именно те части этих списков, которые нас сейчас интересуют, по заключению А. А. Шахматова, восходят к общему источнику — летописному своду, доведенному до 1491 г.[32] Сличение списка Царского с летописью, читающейся в рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1409, привело А. А. Шахматова к выводу, что непосредственным источником дополнений списка Царского был протограф летописи Погод. 1409. Это обстоятельство, однако, не колеблет предположения о восхождении списка Царского к «своду 1491 г.» Произведенное нами сравнение текстов показало, что летопись Погод. 1409 обнаруживает тождество с Хронографическим списком и в тех ее частях, которые не совпадают со списком Царского. Следовательно, есть все основания усматривать общий источник всех этих трех списков, который вероятнее всего видеть в своде, доведенном до 1491 г. и затем продолженном, так как окончание списка Погод. 1409, относящееся уже к 1493 г., дословно совпадает с соответствующим текстом Хронографического списка. Последнее обстоятельство не отменяет правильности заключения А. А. Шахматова о том, что предполагаемый им свод был доведен

[26] ПСРЛ, т. IV, стр. 150—151.
[27] ПСРЛ, т. VI, стр. 31.
[28] ГИМ, Увар. 568, л. 379 об.
[29] ПСРЛ, т. IV, стр. 151.
[30] ПСРЛ, т. VI, стр. 32.
[31] ГИМ, Увар. 568, л. 380 об.
[32] См. об этом своде и связанных с ним вопросах в работах А. А. Шахматова: 1) Общерусские летописные своды XIV и XV веков. — ЖМНП, 1900, № 9, стр. 137—140; 2) К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1899, стр. 91—100; 3) Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северовосточной». — Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899, стр. 130—131, 187; 4) Симеоновская летопись XVI века и Троицкая начала XV века. — ИОРЯС, т. 5, СПб., 1900, стр. 511—513; 5) Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. — ИОРЯС, т. 8, СПб., 1903, кн. 1, стр. 417—419, т. 9, СПб., 1904, кн. 4, стр. 83—92; 6) О так называемой Ростовской летописи. М., 1904, стр. 53.

именно до 1491 г. В Хронографическом списке известия 1491 г. сначала идут последовательно (сентябрьские, октябрьские, ноябрьские, январские, мартовские, майские, июльские и августовские), после чего помещены известия без обозначения месяца (окончание Фроловской стрельницы и прибытие воевод Петра и Ивана Репня-Оболенских); далее следует июльское известие о пожаре в Угличе (что нарушает хронологическую последовательность известий) и другие тексты, повторяющие содержание некоторых известий, читающихся под этим годом ранее. Это позволило А. А. Шахматову заключить, что протограф Хронографического списка в своей первоначальной редакции кончался перед известием о пожаре в Угличе, а само это известие, как и последующий текст — результат позднейших добавлений. Гипотезу подкрепляют и наблюдения А. А. Шахматова над летописью Дубровского («свод 1539 г.»), где текст 1491 г., тождественный Хронографическому списку, обрывается перед известием о пожаре в Угличе, т. е. как раз там, где должен был кончаться предполагаемый «свод 1491 г.», после чего идут известия следующих годов, взятые из другого источника. Дополнительное подтверждение существованию свода, доведенного до 1491 г., дает НУвЛ, которая в этой своей части полностью совпадает с летописью Дубровского. Дословное совпадение с Хронографическим списком прекращается в НУвЛ именно перед известием этого списка о пожаре в Угличе, хотя сама НУвЛ непосредственно не зависит от летописи Дубровского. Вопрос о времени возникновения свода, текст которого, по данным Хронографического списка, летописи Дубровского и НУвЛ, идет до 1491 г. включительно, требует специального выяснения, что не входит в задачу настоящей работы.[33] Однако несомненно, что именно «свод 1491 г.» послужил источником тех дополнений к тексту С1Л, которые читаются в ядре НУвЛ, — это доказывается совокупными показаниями списков Дубровского и Хронографического.

*

Обратимся к последним известиям ядра НУвЛ — тем, которые идут после 1491 г. Это 1498, 1499 и 1500 г. Текст каждого из них довольно обширен. 1498 г. полностью совпадает с известиями этого года в Отрывке летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку. Последующие годы (с 1499 по 1514 г.) в последнем отсутствуют. 1499 г. в НУвЛ схо-

---

[33] Наблюдения Я. С. Лурье, касающиеся политических тенденций в летописании конца XV в. (Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV в. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 156—186), привели автора к выводу, что в Хронографическом списке отразился текст официального великокняжеского свода 1500 г., а в списке Царского, в части 1479—1492 гг., отразился великокняжеский свод начала 90-х годов XV в. Однако это обстоятельство, по нашему мнению, не дает еще оснований для того, чтобы отрицать общий источник этого списка с Хронографическим, так как в предшествующих частях (1448—1478 гг.) полное тождество обоих списков по объему весьма значительно, а в части 1479—1492 гг. в списке Царского есть отступления от текста предполагаемого свода начала 90-х годов (представленного, по заключению Я. С. Лурье, летописью, изданной в т. XXV ПСРЛ), сближающие список Царского и в этой его части с Хронографическим (см., например, важное упоминание крестного целования под 1481 г., отсутствующее в списке Царского, как и в Хронографическом, но наличествующее в Московском своде конца XV в.; ср.: ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 328; т. IV, стр. 154; т. V, СПб., 1853, стр. 35). Летописание XV в., затронутое в настоящей работе лишь постольку, поскольку это оказалось необходимо для выяснения происхождения новгородских летописей XVII в., требует дальнейшего изучения с полным учетом как всех исследований А. А. Шахматова, так и новейших работ (см.: А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания. — Проблемы источниковедения, VI. М., 1958, стр. 235—274; С. А. Левина. К изучению Воскресенской летописи. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 689—705, и др.).

ден с известиями этого года Воскресенской, Львовской, С2Л и списка Царского, но содержит и существенные отличия. Текст же последнего, 1500 г. дословно совпадает на всем своем протяжении с соответствующими известиями этих летописей, вплоть до того места, где он обрывается на середине фразы в ядре НУвЛ.

Мы оставим пока эти летописи в стороне и обратимся к Воскресенскому Новоиерусалимскому списку. Содержащийся в нем Отрывок охватывает период с 1445 по 1538 г. Этот летописный текст в своей начальной части, до 1491 г. включительно, совпадает с соответствующими известиями С1Л, списков Царского и Хронографического (главным образом последнего). Сличение данной части Отрывка с НУвЛ показывает, что весь этот текст полностью читается в ее ядре. Однако Отрывок опускает многие известия и целые годы, содержащиеся в НУвЛ (как и в соответствующих текстах С1Л, списков Царского и Хронографического). После 1491 г. в Отрывке (как и в ядре НУвЛ) сразу идет 1498 г., текст которого, как уже говорилось, полностью совпадает с этим годом в НУвЛ. Последующие годы в Отрывке отсутствуют, а окончание его (которое начинается с 1514 г.) уже не имеет соответствия в НУвЛ, так как ядро ее, как указывалось, обрывается на известиях 1500 г. Эти наблюдения заставляют предположить, что Отрывок представляет собой извлечение из той самой летописи, которая читается в ядре НУвЛ и окончание которой в этом последнем оказывается утраченным. А. А. Шахматовым было установлено, что Отрывок восходит к летописи, составленной, как он первоначально предполагал, в 1538—1539 гг.,[34] которую он впоследствии обнаружил в списке Дубровского. Текст ее, по первоначальному предположению А. А. Шахматова, представлял собой С1Л, дополненную по «своду 1491 г.». Последующие известия были взяты из другого источника. Как видим, состав летописи Дубровского в том виде, в каком он первоначально представлялся А. А. Шахматову, оказывается именно таким, каким является состав ядра НУвЛ (мы пока сознательно отвлекаемся от включений из Лаврентьевской летописи и Н4Л). Как выяснил А. А. Шахматов, к летописи Дубровского восходит также в своем окончании Архивский список (Архива Министерства иностранных дел № 20-25), содержащий так называемую Ростовскую летопись, где текст летописи Дубровского читается начиная с 1480 г.[35] Начиная с этого года с Архивским списком совпадает и Отрывок. В Архивском списке и в списке Дубровского содержатся и годы с 1492 по 1513, опущенные в Отрывке. Сличение окончания этих двух списков с НУвЛ показало, что оно тождественно соответствующей части ее ядра.[36] При этом полностью совпадают и те годы, которых нет в Отрывке.

НУвЛ позволяет восстановить пропуск, имеющийся в летописи Дубровского в тексте известий 1493 г. Приводим параллельные тексты:

НУвЛ	Летопись Дубровского
Того ж лета, месяца марта в 21 день, в четверг, князь великий Иван Васильевичь всеа Руси пожаловал сына своего князя Василья, вины ему отдал и нарек его государем великим князем, и дал ему Великий Новград и Псков в великое	И того же лета, месяца марта 21, в четверток, князь Иван Васильевич всея Руси пожаловал сына своего князя Василья: вины ему отдал, а нарек его государем великим князем, дал ему Великий Новгород и Псково в великое княжение,

[34] См.: А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа, стр. 91—99.
[35] Там же, стр. 92.
[36] В НУвЛ отсутствует лишь текст послания Виссиана Ростовского на Угру, которое может быть поздней вставкой; есть также мелкие сокращения и дополнения в летописи Дубровского.

княжение, да и свою княгиню Софию пожаловал, нелюбовь отдал и начал с нею жити по первому. Того же лета прииде весть к великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии, что зять его князь великий Александр Литовский учал нудити дщерь его Елену, свою великую княгиню, от греческого закона к рымскому закону, через крестное целование и свою утверженую грамоту.[37]	да и свою великую княгиню от греческаго закона к римъскому закону, через крестное целование и свою утверженную грамоту.[38]

В общем оригинале списков Дубровского и Архивского пропуск текста начинался не перед словами «да и свою великую княгиню», как предполагал А. А. Шахматов,[39] а после этих слов. По-видимому, переписчик пропустил часть текста в связи с тем, что слова «свою великую княгиню» читались здесь дважды. Написав их в первый раз, он стал списывать текст, идущий уже за повторением этих слов, не заметив, что при этом оказалась пропущенной часть известий оригинала.[40]

Подытожим сказанное выше. Летопись Дубровского, по первоначальному предположению А. А. Шахматова, имела следующий состав: в части до 1491 г. включительно она представляла собой соединение С1Л с добавлениями к ней по «своду 1491 г.»; в части после этого года она восходила к другой летописи. Текст летописи Дубровского передан без сокращений в части с 1480 г. окончанием Архивского списка и в извлечениях — в части с 1445 г. — Отрывком (предшествующие части этих списков имеют иной состав). Состав ядра НУвЛ (исключая части, сходные с Лаврентьевской летописью и с Н4Л, о которых см. ниже) до 1491 г. включительно есть соединение С1Л со «сводом 1491 г.», после чего идет другая летопись. Сличение показало, что ядро НУвЛ совпадает с теми частями Архивского списка и Отрывка, в которых читается текст летописи Дубровского. При этом известия, явно пропущенные в оригинале списков Архивского и Дубровского, содержатся в ядре НУвЛ. Все это как будто говорит о том, что ядро НУвЛ как раз и представляет собой летопись Дубровского в том ее виде, какой был определен А. А. Шахматовым первоначально (до обнаружения им списка Дубровского и до детального анализа Архивского списка, произведенного в работе «О так называемой Ростовской летописи»), и что оно содержит более первичный, неискаженный текст именно этой летописи. Отсутствует только ее окончание — после 1500 г.

Выше говорилось, что известия 1500 г. в ядре НУвЛ при сличении с Воскресенской, Львовской и другими летописями, оказываются оборванными на полуфразе. Если рассмотрим содержание этого ядра в последней его части, т. е. после 1491 г., то увидим, что здесь имеются только московские известия (в довольно пространном изложении), сходные с Воскресенской, Львовской и другими летописями. При этом одни известия более

---

[37] ГИМ, Увар. 568, л. 401—401 об.

[38] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, в. 2. Л., 1925, стр. 531; ср. т. XII. СПб., 1901, стр. 264.

[39] См.: А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи, стр. 56, 84 (примечания).

[40] В Архивском списке и в списке Дубровского годы 1498, 1499 и 1500 помещены ошибочно под 1492, 1493 и 1494 (об ошибке свидетельствуют данные других летописей). А. А. Шахматов выяснил причину этой ошибки. Переписчик оригинала этих списков принял начало 1498 г. — «В лето 7006, декабря...» за «В лето 7000, 6 декабря». Поэтому он поместил известия 1498 г. под 1492 г. и соответственно изменил цифры последующих годов. В НУвЛ (как и в Отрывке) эти даты указаны правильно (очевидно, в результате позднейшей сверки, так как годы 1492—1497 опущены и здесь).

полно передаются этими летописями, другие — ядром НУвЛ. Некоторые его тексты, в том числе весь текст 1500 г., совпадают с этими летописями дословно. В связи с этим следует думать, что в этой своей части ядро НУвЛ восходит к общему источнику с Воскресенской и Львовской и другими летописями, который, несомненно, представлял собой московский памятник, точнее — дефектному списку этого (или какого-то промежуточного) памятника, обрывавшемуся на середине известий 1500 г. Родословные, которые читаются в ядре НУвЛ после 1500 г. (как и включенные в них тексты документов местнической переписки), не имеют никакой связи с летописным текстом и представляют собой, несомненно, случайную механическую вставку, возникшую, очевидно, при соединении в НУвЛ двух летописных источников. Это могло произойти лишь в том случае, если родословные следовали непосредственно за летописным текстом, обрывавшемся на 1500 г. в той самой рукописи, из которой этот летописный текст попал в НУвЛ. Родословие великих князей московских оканчивается Димитрием — внуком Ивана III; Василий Иванович фигурирует только как его сын и еще не назван великим князем всея Руси. Следовательно, родословие было окончено во всяком случае еще при жизни Ивана III, т. е. не позднее 1505 г. Если сопоставим это с тем обстоятельством, что летописный текст ядра НУвЛ обрывается на 1500 г., то придем к заключению, что летописный памятник, в котором читался этот текст и родословные, был составлен, по-видимому, между 1500 и 1505 гг. Некоторое сомнение может возникнуть в связи с тем, что в конце помещено родословие Сабуровых, которое оканчивается Соломонией Юрьевной, названной супругой великого князя Василия Ивановича. Однако это родословие дописано уже впоследствии. Непосредственно за родословием великих князей идут родословия княжеских и боярских родов, после чего, как уже говорилось, читаются не имеющие прямого отношения к родословным тексты документов местнической переписки. Вслед за ними идет родословие Сабуровых. Если бы это последнее было современно остальному тексту, оно, очевидно, было бы помещено ранее этих документов, и, по всей вероятности, даже ранее других боярских родословных, в силу той знатности, которую Сабуровы приобрели в связи с женитьбой Василия III на Соломонии.

Таким образом, летописный свод, список которого составил основу ядра НУвЛ, представлял собою младшую редакцию С1Л, дополненную на основании двух текстов — «свода 1491 г.» и общего источника Воскресенской, Львовской и некоторых других летописей.[41] Памятник этот, очевидно, возник в Москве, так как все источники его московского происхождения. Ниже я буду именовать его Московским сводом 1500—1505 гг.

Поскольку нами была привлечена летопись Дубровского, необходимо теперь выяснить окончательно отношение ее к НУвЛ и к Московскому своду 1500—1505 гг. Известия 1500 г., как и предшествующий текст, совпадают в ней с ядром НУвЛ и оканчиваются на том же слове («. . . да пан Литавр моршалко»).[42] Однако такое окончание, как мы видели, является

---

[41] Летописный текст части, идущей после 1491 г., позволяет уточнить время возникновения этого источника: под 1498 г. сообщается об опале Василия Ивановича, а под 1499 г. — о прощении его вины, но не о полной реабилитации, произшедшей, по данным других источников, в 1500 г., что позволило Я. С. Лурье приурочить появление этих известий к 1500 г. (см.: Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV в., стр. 181). Этот источник представлял собой, по-видимому, тот великокняжеский свод 1500 г., существование которого предполагает Я. С. Лурье (там же, стр. 180—181).

[42] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, в. 3. Л., 1929, стр. 533.

случайным и есть результат дефектности свода 1500—1505 гг. Это свидетельствует о том, что в части до 1500 г. включительно летопись Дубровского восходит к тому же самому списку свода 1500—1505 гг., который составил основу ядра НУвЛ. Следовательно, не ядро НУвЛ содержит летопись Дубровского с утраченным окончанием, а сама эта летопись имеет в своей основе тот же свод 1500—1505 гг., после чего в этой летописи идет текст, взятый из других источников. Последнее обстоятельство вполне ясно видно из состава летописи Дубровского. Читающееся в ней окончание свода 1500—1505 гг. (т. е. 1500 г. и предшествующие годы) содержит исключительно московские известия. После 1500 г. на протяжении пяти последующих лет идут сплошь новгородские известия, к которым только затем присоединяются известия общерусские. Таким образом, 1500 г. несомненно является границей соединения двух источников в летописи Дубровского. Как указывалось, А. А. Шахматов первоначально считал ее соединением С1Л со «сводом 1491 г.», после чего шел текст, взятый из других источников. Впоследствии он изменил свою точку зрения на основании анализа Архивского списка в части до 1480 г. и данных списка Дубровского. Оказалось, что для периода до 1448 г. основным источником свода была Н4Л.[43] Однако с 1448 г. состав летописи Дубровского был все же именно таким, каким первоначально А. А. Шахматову рисовался состав всего этого свода — в этой части читается С1Л в соединении со «сводом 1491 г.». Данные, полученные исследованием НУвЛ, позволяют уточнить последний вывод А. А. Шахматова. В части с 1448 по 1500 г. летопись Дубровского содержит текст Московского свода 1500—1505 гг.[44] Начальная часть этого свода была заменена текстом Н4Л. Однако это была, по-видимому, уже вторая редакция летописи Дубровского. Первоначально эта летопись, очевидно, не содержала текста Н4Л, а в ней читался на всем своем протяжении Московский свод 1500—1505 гг. Об этом свидетельствуют данные Отрывка. Он начинается с 1445 г. и кончается 1538 г., содержит, как указано А. А. Шахматовым и как это подтверждается сравнением со списками Дубровского и Архивским, текст летописи Дубровского. Однако годы 1445—1447 (как и последующие) в Отрывке содержат текст Московского свода 1500—1505 гг. В списке же Дубровского до 1447 г. включительно идет Н4Л. Таким образом, Отрывок был, очевидно, выписан из летописи Дубровского еще тогда, когда в ней не было текста Н4Л (а читался, по-видимому, целиком свод 1500—1505 гг.). Тогда в этой летописи не было, вероятно, еще и известия 1539 г., которым заканчиваются списки Дубровского и Архивский, но которого нет в Отрывке (он кончается 1538 г.). Вторая редакция летописи Дубровского заменила на протяжении до 1447 г. включительно текст Московского свода 1500—1505 гг. текстом Н4Л и добавила известие 1539 г. (о рождении урода в Новгороде). К этой редакции и восходят списки Дубровского и Архивский. Обратное предположение — что в своде сразу был текст Н4Л — влечет за собой заключение, что в оригинале Отрывка этот текст был заменен тем же самым Московским сводом 1500—1505 гг., который уже содержался в последующей части — после 1447 г. (и что последний год — 1539 — был опущен). Этот вывод представляется явно искусственным. Таким образом, состав летописи Дубровского, каким он представлялся А. А. Шахматову

---

[43] См.: А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи, стр. 53, 168—171.

[44] С некоторыми сокращениями и дополнениями (по крайней мере в списках Архивском и Дубровского).

первоначально, есть состав первой редакции этой летописи, к которой восходит Отрывок. Последующая точка зрения А. А. Шахматова соответствует составу второй редакции, когда в летопись был включен текст Н4Л, заменивший соответствующий текст, восходивший к Московскому своду 1500—1505 гг., и, по-видимому, добавлено новгородское известие 1539 г.(для новгородского сводчика такая переработка вполне естественна). Эта редакция и представлена наиболее полно списком Дубровского; к ней же относится Архивский список.[45]

*

Возвратимся к ядру НУвЛ. Как мы видели, основу его составил Московский свод 1500—1505 гг. Попытаемся уточнить обстоятельства включения в его текст пополнений из Лаврентьевской летописи и из Н4Л. Обращают на себя внимание известия НУвЛ под 1451 и 1462 гг. Под 1451 г. читается текст С1Л, причем вторая половина ее известий за этот год в НУвЛ отсутствует, текст обрывается на середине фразы. Известия этого года в Хронографическом списке и списке Царского полностью совпадают, однако в НУвЛ их не оказывается, несмотря на то что в них есть данные, отсутствующие в С1Л. 1462 г. ядра НУвЛ содержит вначале весь текст известий этого года по С1Л, последующая же часть, совпадающая с текстом этого года по Хронографическому списку и списку Царского, содержит только первую половину их известий за этот год и также обрывается на полуфразе. При этом отсутствующая в ядре НУвЛ часть 1462 г. есть и в летописи Дубровского. Эти явления могут быть объяснены только дефектностью. Выше была показана дефектность текста С1Л, следствием которой явились включения из Лаврентьевской летописи и из Н4Л. Теперь видим, что эта дефектность присуща не только тексту С1Л, но и тем частям ядра НУвЛ, которые восходят к «своду 1491 г.». Иначе обстоит дело с текстами, восходящими к Лаврентьевской летописи и Н4Л. Несмотря на то что эти части довольно обширны, никаких признаков дефектности, даже мелких, в них не оказывается,[46] — они сами привлечены для восполнения утраченных мест. Нет признаков дефектности оригинала и в других частях НУвЛ, не относящихся к ее ядру.

Все это приводит к вполне определенному выводу. Дефектным был не список С1Л, которая составила основную часть Московского свода 1500—1505 гг., а список самого этого свода. В этом списке недоставало начала и окончания, а также многих листов в других местах, причем самый большой пропуск охватывал шестьдесят лет (1263—1323 гг.). Листы, содержавшие некоторые известия 898 и 1372 гг., попали не на свое место. В таком виде этот список оказался в руках составителя ядра НУвЛ. Все важнейшие пробелы были заполнены из Лаврентьевской летописи и Н4Л.[47] Лист, содержавший часть известий 1372 г. и попавший не на свое место, был ошибочно переписан под 1284 г., но затем вложен на свое место и переписан вторично уже под 1372 г. Лист, содержавший одно из известий 898 г., попавший в текст 1216 г., был там и переписан, так как вставить его содержание в ранее переписанный текст было уже невозможно. Полагаем, что именно таким образом возник тот летописный текст, который мы именуем ядром НУвЛ. Основу этого текста, как мы только что выяс-

---

[45] Более подробно эти вопросы рассмотрены мною в статье «Две редакции Новгородской летописи Дубровского» (Новгородский исторический сборник, в. 9. Новгород, 1959, стр. 219—228).

[46] Лишь окончание списка Н4Л было, вероятно, утрачено (см. выше, стр. 277).

[47] Кроме 1312—1323 гг., так как список Н4Л, по-видимому, обрывался на 1311 г.

нили, составил сильно дефектный список Московского свода 1500—1505 гг. с помещенными после летописного текста родословными. Следовательно, само ядро НУвЛ возникло уже значительно позже. Был ли это самостоятельный летописный памятник или только определенный этап работы составителя НУвЛ, сказать пока затруднительно.

*

Рассмотрим теперь те части НУвЛ, которые не входят в состав ее ядра. Сюда относится, во-первых, весь летописный текст после 1500 г. и, во-вторых, те известия до 1500 г., которые не могут быть возведены к своду 1500—1505 г. и тем вставкам из Н4Л и Лаврентьевской летописи, которыми восполнены утраченные места его текста.

Дополнения к основному летописному ядру НУвЛ на всем ее протяжении до 1500 г. довольно многочисленны — всего их около 250. Они могут быть разделены на три группы. К первой относятся известия, целиком отсутствующие в предшествующих новгородских летописях. Таких включений сравнительно немного, и они почти целиком состоят из кратких биографических сведений о святых; есть среди них несколько легенд и легендарных по происхождению текстов (о видении императора Мануила — 1052 г., о появлении Тихвинской иконы богородицы — 1383 г.), ряд известий касается строительства церквей н Новгороде. Вторую группу составляют тексты, которые наличествуют и в других новгородских летописях, но в НУвЛ содержат дополнительные детали, в других летописях отсутствующие. В большинстве своем это известия о постройке, освящении, росписи и благоустройстве новгородских церквей; есть данные о новгородских архиепископах, несколько известий о пожарах, эпидемиях и других событиях внутренней жизни Новгорода и Новгородской земли. Последняя группа текстов, самая многочисленная, представляет собой сведения, не вносящие ничего нового по сравнению с соответствующими известиями предшествующих летописей Новгорода; однако в соответствующих частях текстов тех памятников, которые составили ядро НУвЛ (в том числе и Н4Л), этих известий нет. Многие из них текстуально сходны (а иногда и совпадают дословно) с известиями об этих событиях в других новгородских летописях, но иногда наблюдаются расхождения с ними в датах. Текстуальное сходство и совпадения имеются с первой, второй и четвертой новгородскими летописями (в том числе с различными продолжениями Н4Л), летописью Дубровского и Кратким летописцем новгородских владык.

Внимательный просмотр указанных известий убеждает нас в том, что дополнения к ядру НУвЛ взяты не из одного источника. Об этом прежде всего свидетельствуют дублировки. Не касаясь тех из них, которые повторяют аналогичные сведения ядра НУвЛ, отметим только дублировки внутри самих дополнений к этому ядру. Их две: о смерти архиепископа Феофила сообщается в тексте известий 1480 и 1482 гг., о поставлении архиепископа Сергия — под 1483 и 1484 гг. Парные известия имеют между собой текстуальные различия. Это могло произойти только в том случае, если дополнения брались (по крайней мере в конце) из двух источников. Пользование несколькими, по-видимому двумя источниками, видно и во второй части НУвЛ. Здесь дважды сообщено о присоединении Пскова — под 1509 и 1510 гг., причем тексты этих известий различны. Основная внешняя особенность этой части летописи — бросающийся в глаза разнобой в хронологии; имеется 10 случаев (7023, 7024, 7034, 7035, 7037, 7066, 7078, 7079, 7088 и 7089 гг.), когда известия одного и того же года помещены в двух местах, будучи разделены известиями других годов. Хро-

нологическая путаница особенно сильна вначале, где имеется, например, такая «последовательность» дат: 7024, 7015, 7034—или: 7040, 7025. Можно полагать, что один из источников оканчивался 1581 г., так как после этой даты хронологическая последовательность не нарушается. Таким образом, есть вполне достаточные основания думать, что составитель НУвЛ использовал три летописных источника: ее ядро, в основе которого лежал Московский свод 1500—1505 гг., и две новгородских летописи, текст и отчасти состав которых были отличными от сохранившихся памятников и характеризовались большой степенью подробности в известиях, касающихся церковной жизни Новгорода. Степень использования этих летописей на разных этапах работы была различной. Вплоть до окончания ядра НУвЛ это последнее служило основой для составления свода и было переписано целиком, без перебивок в хронологии, причем из других летописей были включены лишь данные, отсутствовавшие в ядре НУвЛ. Такой характер его использования следует объяснять, очевидно, полнотой этого памятника, который давал почти непрерывную цепь известий до конца XV в. и где были достаточно подробно отражены все наиболее важные события за этот период на всей территории Руси. События же внутренней жизни Новгорода, в особенности его церковной жизни, были освещены в этой части гораздо менее полно, чем этого хотелось составителю. Поэтому он и пополнял текст ядра НУвЛ почти исключительно новгородскими известиями, оказывая явное предпочтение известиям, связанным с замещением кафедры новгородских владык и с церковным строительством в Новгороде. При этом характерно, что за период с 1274 по 1311 г. текст ядра дополнен всего 9 известиями, тогда как в предшествующей и последующей частях дополнения идут гораздо более густо. Это объясняется тем, что в ядре с 1265 по 1311 г. читается текст Н4Л, которая сама достаточно полно освещает события внутренней жизни Новгорода (в том числе и церковной).

Продолжение летописи после 1500 г. (которым оканчивалось ее ядро) имеет иной характер — хронология уже не выдерживается, составитель выписывает то из одной, то из другой летописи, не отдавая предпочтения какой-либо одной из них. Все известия XVI и XVII вв. по своему характеру одинаковы: новгородские события отражены в них с достаточной полнотой, а события общерусские переданы во всех случаях очень кратко, в несколько раз короче, чем соответствующие известия московских летописей. Это лишний раз подтверждает наше предположение о том, что оба источника, использованные составителем НУвЛ в ее второй части, были новгородскими. О новгородском происхождении имеющихся в этой части общерусских известий свидетельствуют и особенности их содержания. Так, в известии о взятии русскими войсками Смоленска (1515 г.) указывается только, что этот город «преже был за Литвою»,[48] тогда как в известиях московских летописей об этом же событии Смоленск именуется вотчиной великих князей московских. Под 1578 г. сообщается, что Иван IV совершил поход в Ливонию «со всеми московскими людьми».[49] Имеются и ошибки, которые были бы немыслимы в московской летописи: в известиях 1509 и 1515 гг. (о присоединении Пскова и взятии Смоленска) фигурирует «великий князь Иван Васильевич», тогда как в действительности эти события произошли при Василии III. В текст 1570 г. включена явно антимосковская по своей идейной направленности Повесть о походе Ивана IV на Новгород.

---

[48] ГИМ, Увар. 568, л. 415.
[49] Там же, л. 430 об.

Как в заключительной части НУвЛ, так и в предшествующем ее тексте были, очевидно, использованы также некоторые источники нелетописного характера.[50]

*

Преимущественный интерес составителя НУвЛ к событиям церковной жизни Новгорода, как мы видели, проявился с большой отчетливостью. Это заставляет полагать, что рассматриваемый свод, как, по-видимому, и все предшествовавшие крупные летописные своды Новгорода, возник при дворе новгородских архиепископов. Составление его могло быть связано с произошедшим в 1588 г. учреждением в Новгороде митрополии, о чем в НУвЛ имеется обстоятельное известие. Напомним, что незадолго до этого года прекращается использование в своде двух источников, которое идет до 1581 г. Известия за последующие годы могут принадлежать уже самому составителю НУвЛ. Впрочем, каких-либо конкретных указаний, которые давали бы материал для достаточно точной датировки, в летописном тексте не находим. До 1608 г. включительно идет почти непрерывная цепь известий. Они могли принадлежать как продолжателю НУвЛ, так и самому ее составителю.

Летописный текст заканчивается краткими известиями 1612, 1645 и 1646 гг. о воцарении Михаила Федоровича, его смерти и воцарении Алексея Михайловича. Вряд ли можно сомневаться в том, что все эти известия добавлены уже после составления свода (вероятно, позднейшими переписчиками), так как период с 1607 по 1612 г., столь богатый событиями для всей Русской земли, и в особенности для Новгорода, в тексте НУвЛ не освещен вовсе, а сами известия 1612, 1645 и 1646 гг. не имеют непосредственного отношения к Новгороду и хронологически разделены ничем не заполненным промежутком в тридцать с лишним лет.

---

[50] Подробно об этом говорится в моей статье «Развитие летописного жанра в Новгороде в XVII в.» (ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 251—283).

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

В. П. ЗУБОВ

К истории русского ораторского искусства конца XVII—первой половины XVIII в.

(Русская люллианская литература и ее назначение)

Древнерусские сочинения о «Великой науке», или «Великом искусстве», Раймунда Люллия до настоящего времени опубликованы лишь в отрывках.[1] Их изучали историки литературы, историки философии, историки естествознания.[2] Но до сих пор не раскрыт их подлинный характер. Чтобы сделать это, нужно, как мне кажется, прежде всего определить их назначение — нужно решить вопрос, на какую потребу и в какой среде возникли русские люллианские сочинения, что именно русские читатели надеялись найти в люллианском «Великом искусстве»?

Обычно считали, что «Великая наука» была своего рода энциклопедией, источником знания о всех вещах и явлениях Вселенной. «Итак, — писала в 1896 г. М. В. Безобразова,[3] — для того, кто овладел „Великою наукою“, уже не существует всех остальных наук: они становятся излишними; „Великая наука“ в состоянии ответить на все вопросы и раскрывает, следовательно, все тайны». «Наука эта является как бы символом жизненного элексира и чудесного камня, найти которые стремились средние века».[4]

Действительно, в «Великой науке» можно найти заявления, что «сия наука о всех прочих науках научает, тем же соборнейша есть не токмо богословия, но и всех мудростей», а в предисловии к «Краткой науке» говорится, что когда познана эта наука, то и «иные науки добрейше познатися могут и научитися». Однако это не значит, что люллианская наука должна, по мысли автора, з а м е н и т ь все прочие. Она вовсе не ставила своей целью сообщать фактические данные о действительных вещах. Ее задача — научить универсальному логическому м е т о д у: «соотвещати о всяцем вопрошении». А знание логики, как известно, не избавляет от

---

[1] В своей «Исторической хрестоматии» (М., 1861, стлб. 1363—1366) Ф. И. Буслаев поместил небольшие отрывки из «Великой науки»: «О дивовищах. О количестве. О качестве». Далее, выдержки были приведены в статье М. В. Безобразовой «О „Великой науке“ Р. Люллия в русских рукописях XVII в.» (ЖМНП, 1896, № 2, отд. 2, стр. 383—399). В сравнительно недавнее время изучал по рукописям «Великую науку» Б. Е. Райков (Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России, 1-е изд. М.—Л., 1937, стр. 34—42; 2-е изд., М.—Л., 1947, стр. 53—65).

[2] Кроме работ, указанных в предыдущем примечании, следует назвать: архим. Н и к а н о р. «Великая наука» Раймунда Люллия в сокращении Андрея Денисова. — ИОРЯС, т. 18, 1913, кн. 2, стр. 10—36; В. Г. Д р у ж и н и н. К вопросу об авторе сокращения «Великой науки» Раймунда Люллия. — ИОРЯС, т. 19, 1914, кн. 1, стр. 342—344. Остальную литературу см. дальше в тексте и соответствующих сносках.

[3] М. В. Б е з о б р а з о в а. О «Великой науке» Р. Люллия..., стр. 389.

[4] Там же.

обязанности изучать все прочие науки. Логика вводит в конкретные науки о действительном мире, учит методу.

Что касается фактических сведений о реальном мире, то они имеют в «Великой науке» явно вспомогательное, иллюстративное значение. И заимствованы они по большей части из довольно архаических источников, никак не отражающих уровень естественно-научных знаний в Московской Руси конца XVII в.

За последние годы в особенности стало ясно, что уровень естественно-научных знаний в Московской Руси вовсе не был так низок, как принято было думать раньше. Русские землепроходцы и рудознатцы, инженеры и техники, врачи и аптекари, ремесленники и военные обладали большим количеством естественно-научных сведений, и их опыт еще более расширялся благодаря знакомству с передовой западноевропейской научной литературой. Огромная работа велась в приказах как по обобщению эмпирических данных, так и по переводу и переработке иностранных научных произведений. В сопоставлении с ними естественно-научные сведения, содержащиеся в «Великой науке», безнадежно архаичны: ссылки на Кардано (1501—1576), которые сами по себе уже являются анахронизмом для конца XVII в., тонут в массе традиционного бестиарного материала — легенд о фениксе, «дивовищах» и т. д.

Естественно, что «Великую науку» нельзя привлекать для характеристики русского естествознания конца XVII в. И нельзя прежде всего потому, что она вовсе не является естественно-научной энциклопедией.[5] Цель и назначение ее — другие, и возникла она вовсе не в тех кругах русского общества, которые имели отношение к вопросам естествознания.

«Науку», или, точнее, «искусство» Люллия часто характеризовали как ars inveniendi. По-русски эту характеристику передавали словами: «искусство изобретения» или «искусство открытия». С этой точки зрения «Искусство» Люллия оказывалось нелепой попыткой раскрыть все «тайны мироздания» путем механической комбинации небольшого количества отвлеченных понятий. Но термин inventio имеет и другое значение — риторическое. По классическому определению Цицерона, «изобретение (inventio) есть придумывание истинных или правдоподобных вещей, которые делают вероятным защищаемое положение»,[6] тогда как «расположение (dispositio) есть „распределение изобретенных вещей в порядке“».[7] «Искусство» Люллия должно было служить этим двум целям: создать костяк будущего ораторского произведения, распределить в строгом порядке, «по чину», основные мысли этого произведения.

Если рассматривать люллианские сочинения в плане логико-риторическом, то их распространение у нас в России в конце XVII и в первых десятилетиях XVIII в. вовсе не будет анахронизмом. Достаточно вспомнить,

---

[5] Охарактеризовав «Великую науку» как «обширный философский трактат в восьми книгах, стремящийся охватить в одной общей схеме весь мир — духовный и материальный — науку наук», Б. Е. Райков (Очерки..., стр. 36), в сущности, не мог найти здесь ничего положительного. Точно так же Т. И. Райнов (Наука в России XI—XVII вв. М.—Л., 1940, стр. 434 и 466), основываясь исключительно на опубликованных выдержках, весьма сурово оценил «астрономию» и «биологию» «Великой науки».

[6] «Inventio est excogitatio rerum verarum, aut veri similium, quae causam probabilem reddant» (Cic., De inventione, I, 7, 9). В формулировке Софрония Лихуда: «Обретение есть еже вымышляти истинные вещи, или подобныя истинным, ими же да покажется достоверно еже ритор показати тщится» (пер. Косьмы, ркп. ГБЛ, собр. Рум., № 245, л. 11 об.).

[7] «Dispositio est rerum inventarum in ordine distributio». В формулировке того же Софрония: «Изложение есть обретшихся вещей по чину разделение».

что и на Западе на протяжении XVI—XVIII вв. проявлялся живой интерес к «Искусству» Люллия.

В начале XVI в. люллианство пользовалось огромной популярностью в Париже. Лефевр д'Этапль (Faber Stapulensis, около 1455—1537) издал целый ряд сочинений Люллия. Того же Люллия комментировал немецкий гуманист Агриппа Неттесгеймский (1486—1535), известный русскому читателю по роману В. Я. Брюсова «Огненный ангел».[8] Во второй половине XVI в. большое внимание уделял «люллианскому искусству» Джордано Бруно (1548—1600).[9]

Объем люллианской литературы еще более возрос в XVII в. Ограничимся упоминанием Альстеда,[10] Санчеса,[11] Морестелли,[12] де Васси.[13] Во второй половине столетия люллианским искусством занимался А. Кирхер (1602—1680).[14] К нему проявлял живой интерес молодой Лейбниц.[15] Наконец, только в XVIII в. было предпринято Зальцингером издание первого полного собрания сочинений Люллия, правда оставшееся незаконченным.[16]

В этом позднем люллианстве XVII и начала XVIII в. ясно заметны две различные струи, хотя и переплетающиеся друг с другом. Интересы одних авторов были направлены преимущественно на проблемы логического характера — на сочетание понятий и исчисление возможных случаев их сочетаний, т. е. на проблемы, которые позднее стали разрабатываться в математической логике (именно эта сторона вопроса привлекала внимание Лейбница). Другая группа авторов использовала люллианское искусство на поприще риторики,[17] и с этим именно направлением прежде всего связана русская люллианская литература, хотя среди западноевропейских произведений и нельзя найти какое-либо одно, послужившее для нее источником или прототипом.

---

[8] В. Брюсову принадлежит также перевод книжки Ж. Орсье «Агриппа Неттесгеймский» (М., 1913).

[9] Ср.: В. П. Зубов. Рукописное наследие Джордано Бруно. «Московский Кодекс» Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. — Записки Отдела рукописей ГБЛ, в. XI. М., 1950, стр. 164—182.

[10] J. H. Alstedius. Clavis artis Lullianae et verae logices. Argentorati, 1609; Argentorati, 1652.

[11] H. Sanchez. Generalis et admirabilis methodus ad omnes scientias facilius et citius addiscendas, in qua eximii et piissimi doctoris Ràimundi Lullii Ars brevis explicatur, 1612 (экземпляр в ГПБ в Ленинграде).

[12] T. Morestellus. 1) Artis Kabbalisticae, sive sapientiae divinae Academia, Paris, 1621; 2) Ἐγκύκλοπαιδεῖα sive Artificiosa ratio et via circularis ad artem magnam et mirabilem illuminati magistri Raymundi Lullii... In Collegio Salicetano, 1646 (обе книги в ГПБ в Ленинграде).

[13] Де Васси перевел «Великое искусство» Люллия: Le grand et dernier art de Raymond Lulle. Fidellement traduict de mot à autre. Paris, 1635 (экземпляр в ГПБ в Ленинграде). О люллианстве XVI—XVII вв. ср. J. Carreras i Artau в кн.: Ramon Llull. Obras essencials. Barcelona, 1957, стр. 77—79.

[14] A. Kircher. Ars magna sciendi in XII libros digesta. Amstelodami, 1669.

[15] См. его сочинение «De arte combinatoria» (1666 г.), а также письмо к ганноверскому герцогу Иоганну-Фридриху (Philosophische Schriften, hrsg. von Gerhardt, Bd. I, стр. 58; Bd. IV, стр. 40).

[16] За время с 1721 по 1742 г. вышли тт. 1—6 и 9—10; тт. 7 и 8, видимо, не выходили вовсе.

[17] В указанном сочинении Санчеса приведены примеры речей, построенных по люллианским схемам. В 1638 г. в Париже вышла книга «Rhetoricorum R. Lullii nova evulgatio». В издании сочинений Люллия, вышедшем в 1651 г. (Opera ea quae ad adinventam ab ipso artem universalem pertinent. Argentorati), содержится «Риторика», за которой следует «образцовая речь» (oratio exemplaris) на философскую тему об акциденциях. Наконец, Жакоб перевел на французский: La clavicule ou la science de R. Lulle, avec toutes les figures de rhétorique. Paris, 1646.

В русских списках «Великое искусство» Люллия именуется «каббалистическим». Такое наименование не принадлежит самому Люллию,[18] но стало популярным в люллианских сочинениях XVII в.[19] Не следует, однако, на основании этого причислять сочинения о «великом искусстве» к одному разряду с сочинениями о «жизненном эликсире» или «философском камне». Они не утрачивают и в этом обличии своей логико-риторической сути.

Сумасбродный и мистически экзальтированный оборот люллианство приняло в писаниях Квирина Кульмана, увлекшегося им в начале 1670-х годов под влиянием книги А. Кирхера. В апреле 1689 г. Кульман явился в Москву и 4 октября того же года был сожжен здесь на костре.[20] Однако не с Кульманом связано проникновение люллианства в Россию. Хотя москвичи и могли услышать от него о Люллии, но не могли у него научиться «люллиеву искусству» — настолько беспорядочно-восторженный и стилистически вычурный характер носят его произведения.[21] Между тем дошедшие до нас русские сочинения именно учат «люллиеву искусству».

«Великая наука» известна у нас во множестве списков.[22] Полное ее заглавие таково: «Великая и предивная наука кабалистичная великого богом преосвященного Раймунда Люллия в Сарбоне Парижской академии фи-

---

[18] Сочинение «Ars cabbalistica», или «Opusculum de auditu cabbalistico» (Paris, 1578, Ven. 1533, Argentorati, 1598), а также в «Opera...» (Argentorati, 1651, стр. 43—111) не является подлинным. См.: Histoire littéraire de la France, t. 29. Paris, 1885, стр. 255. Апокрифическим является также «Ars clavigera Raymundi Lulli, sive de Cabala» (см.: C. Ottaviano. L'ars compendiosa de R. Lulle. Avec une étude sur la bibliographie et le fond Ambrosien de Lulle. Paris, 1930, стр. 99).

[19] Напомним указанное выше сочинение Морестелли. В книге «Rhetoricorum R. Lullii nova evulgatio» также содержатся разделы: Applicatio artis Lullianae cabbalisticae (стр. 61), Multiplicatio artis cabbalisticae (стр. 70).

[20] Из сочинений Кульмана назовем: 1) Der hohen Weissheit fürtreffiche Lehr-Hoff. Jena, 1672; 2) Lehrreicher Geschichts-Herold. Jena, 1673; 3) Epistolae duae, prior de Arte magna sciendi sive combinatoria, posterior de admirabilibus quibusdam inventis, Lugd. Bat. 1674 [эти письма вошли в «Kircheriana de Arte magna sciendi sive combinatoria» (Londini, 1681)]. Все указанные сочинения имеются в ГПБ в Ленинграде. О Кульмане см.: Н. С. Тихонравов. Квирин Кульман. — Сочинения, т. II. М., 1898, стр. 305—375 и примечания, стр. 59—68. Должен заметить, что язык Кульмана в передаче Тихонравова «приглажен» и его перевод не передает характерных особенностей стиля.

[21] Предположение, что «Великое искусство» Люллия стало известно в Москве во времена Кульмана, было высказано когда-то А. Ф. Лабзиным в предисловии к книге Беме (Путь ко Христу. СПб., 1815, стр. XXIII—XIV), но в последующей литературе не получило поддержки и подкрепления.

[22] Укажем из них: в Москве: а) ГБЛ: Муз. 625 (Пискар. 190); Муз. 2867 (Бусл.); Муз. 2954 (первые 4 части); Муз. 8255; Больш. 243; Унд. 1334 (первые 7 частей); б) ГИМ: Увар. 2234 (18); Увар. 2235 (15); Увар. 2236; Забел. 94; Хлуд. 75 (не вошла в описание Попова, см.: архим. Никанор. «Великая наука» Раймунда Люллия..., стр. 12); в) ЦГАДА: МАМИД 663/1175; МАМИД 891/1475; г) Московский архитектурный институт (библиотека); в Ленинграде: а) ГПБ: F.III.2 = Дубр. 809; F.III.23; F.III.105; F.III.211; Михайл. 116.F; Толст. Q.379; Погод. 1761; Тихан. 216; СПб. дух. акад. 204 (части 1—4); СПб. дух. акад. 205 (части 5—8); СПб. дух. акад. (Соф.) 1556; ОЛДП II (99) 8°; ОЛДП CLXXV (6446) 8°; ОЛДП, Q.XL (Вяз.); Солов. 1508/49; б) БАН: 17.15.20; 19.2.9; 31.3.30; 33.8.10 (Сев.); Усп. 127; Воронц. 213; Петроз. арх., д. 83 (159); в Киеве: Гос. публ. библ. Украины: Киево-Печерск., л. 130 (224); Унив. Суд. 59 (41); Муз. 699 (последний список упоминается у Н. И. Петрова в «Описании рукописных собраний, находящихся в г. Киеве», в. II. М., 1879, стр. 47, но отсутствует в его же «Описании рукописей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии» (вв. I—III, Киев, 1875—1879)). Некоторые списки, современное местонахождение которых мне неизвестно, указаны у Никанора («Великая наука» Раймонда Люллия..., стр. 24), перечисляющего и большинство приведенных мною выше. Обращаю внимание тех, кто пожелал бы подробнее исследовать филиацию списков, на имена, помеченные в корнях «древа Порфирия» и «древа Маиориканского» в части 1. Они варьируют от списка к списку, причем можно наметить несколько типов таких вариантов.

лософии и богословии и прочих наук славноименитого учителя, Маиорикския академии в царстве гишпанском заводчика, первоначальника, воздвижителя и нового учения, до его в прочих академиях непредлагаемого, творца и уставителя».

Текст «Великой науки» не является ни переводом «Ars magna» самого Люллия, ни переводом какого-либо из наиболее известных западноевропейских комментариев, что было подмечено еще М. В. Безобразовой.[23] Высказывалось предположение, что в основе лежит какой-то польский комментарий,[24] но никаких серьезных оснований для этого нет. Более того, как уже отмечал в свое время Н. А. Соколов,[25] в тексте «Великой науки» явно сказывается «приспособление к русской действительности»; русские меры (пуды, фунты, золотники, сажени, версты, мили, ложки, чарки), русские пословицы («не родися мудрый, ни богатый, но счастлив»), вычисление времени «от преложения книг до крещения русския земли», упоминание о «некоем искусном в философии толковнике русском», который «в логице Дамаскина святого описал, что убикацио, локалитас, хекцейтас, значат три словеса положенные: гдечество, месточество, тоечество».[26]

Состоит «Великая наука» из 8 частей: 1) О естестве, единстве и совершенстве, 2) О прилагаемых соборных (praedicata absoluta), 3) О разборных (или рассмотрительных) прилагаемых (praedicata relata, или respectiva), 4) О вопросах (quaestiones), 5) О существах (subiecta), 6) О случаях (accidentia), 7) О добродетелях (virtutes), 8) О прегрешениях (vitia).[27]

Как отмечает русский автор «Великой науки», Люллий не выделял в особую первую часть вопрос «о естестве, единстве и совершенстве». Ставя их на первом месте, составитель последовал «изволению согласному толковников Раймунда Люллия». Впрочем, как он сам указывает, Генрих Корнилий Агриппа (Неттесгеймский) и «инии нецыи толковники» на первое место ставили то, что составляет в русском тексте часть V, объединяя с нею вопросы части I, причем «крепкими доводами» подтверждали, что «не подобало особую часть творити о естестве, единстве и совершенстве».[28]

---

[23] М. В. Безобразова. О «Великой науке» Р. Люллия. . ., стр. 383. — Безобразова указала, что русский текст не является переводом комментариев Валерия Валерика Патриция, Агриппы Неттесгеймского и Джордано Бруно.

[24] М. В. Безобразова. О «Великой науке» Р. Люллия. . .; ср.: Е. В. Барсов. Описание рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке. — ЛЗАК, в. 6. СПб., 1877, отд. 3, стр. 24

[25] Н. А. Соколов. «Философия Раймунда Люллия» и ее автор. — ЖМНП, 1907, № 8, стр. 335.

[26] Здесь имеется в виду перевод «Диалектики» Иоанна Дамаскина, сделанный под наблюдением Курбского. Только что приведенные особенности русского текста (наряду с частым упоминанием «толковников» Люллия) делают несостоятельным утверждение Т. И. Райнова (Наука в России XI—XVII вв., стр. 434), полагающего, что для решения вопроса, не является ли русская «Великая наука» переводом одного из сочинений самого Люллия, «нужно было бы провести подробную работу по сличению русского текста с текстом разных произведений Раймунда, из которых некоторые, вдобавок, еще и не напечатаны». Как я уже указывал (стр. 289 настоящей статьи), автор «Великой науки» упоминает Кардано, что также говорит против трудоемкого метода, предлагаемого Т. И. Райновым.

[27] В скобках указаны мною соответствующие латинские термины, которыми пользовался Люллий и его последователи.

[28] См. предисловия к частям I и V. Указанная I часть особенно интересна для истории русской философской терминологии. Автор сначала дает латинские термины в русской транскрипции: энс, эссенция, эссе, натура, энтытас, эссенцыалитас, квиддытас, актус пурус, — а затем в ходе изложения передает их соответствующими русскими словами: истость (essentia), естества физичная (esse, natura), естественность (entitas), истость (essentialitas), ежечество (quidditas), действо чистое (actus purus). Точно так же в IV книге (гл. 8) он старается передать такие вычурные термины, как undequitas (откудучество), и различает формы нахождения в пространстве: repletive (наполни-

Нет у самого Люллия и того, о чем говорится в части VI: эта часть посвящена девяти категориям Аристотеля, начиная со второй и кончая десятой (первая категория, οὐσία, «естество» уже рассмотрена в I части). Таким образом, «сам Раймундус Люллиус науку свою пределил на 6 частей[29] и лишь «толковники» добавили части I и VI.

Оставив пока в стороне добавочные части, попробуем вникнуть в самое существо Люллиевой «мудрости».

Она может быть сведена в нижеследующую таблицу, в которой наряду с латинскими терминами мы даем соответствующие славянские из «Великой науки». Таблица эта носит название «алфавита». В таблице «Великой науки» введены славянские буквы, но в аналогичной таблице «Краткой науки» — переводе «Ars brevis» Люллия (см. дальше) русский переводчик сохранил латинский алфавит.

Из указанных в таблице элементов строятся так называемые четыре фигуры. Первая фигура, или фигура «А», состоит из двух концентрических кругов. В первом из них, неподвижном, по периферии написаны 9 абсолютных предикатов (bonitas, magnitudo и т. д.), во втором круге, вращающемся, — соответствующие прилагательные (bonum, magnum и т. д.). Расположив сначала bonum против bonitas и т. д., имеем тавтологии: bonitas est bona, magnitudo est magna и т. д. Передвинув на одно деление, получаем: bonitas est magna, magnitudo est durabilis и т. д. и т. д.

Фигура вторая, или фигура «Т», представляет собою схему, в которой используются 9 относительных предикатов (differentia, concordantia и т. д.).

Фигура третья представляет собою сочетание попарно всех элементов, входящих в таблицу (алфавит), т. е. bc, bd, be..., cd, ce, cf..., de, df... и т. д. до ik. Все эти комбинации легко получаются при пользовании двумя концентрическими кругами, подобными тем, о которых мы говорили в первой фигуре.

Наконец, фигура четвертая основана на комбинациях трех элементов. В данном случае пользуются тремя кругами.

К пользованию указанными фигурами, в сущности, и сводится вся люллианская «мудрость»: последовательное комбинирование элементов таблицы позволяет исчислить все их возможные комбинации и вместе с тем дает путеводную нить оратору при изложении своих мыслей. Ars inveniendi — искусство одновременно и логическое и риторическое.

Но, как мы уже сказали, люллианские положения дополнены в славянской версии аристотелевскими элементами. В части I рассматривается наряду с единством и совершенством первая из 10 аристотелевских категорий: сущность, или «естество». Остальные 9 рассмотрены в части VI, а именно: количество (quantitas), качество (qualitas), отношение (relatio), деяние (actio), страдание (passio), имение (habitus), положение (situs), время (quando), место (ubi).[30] Эти категории также вовлекаются в круговорот люллианских фигур.[31]

тельно), definitive (описательно), occupative (занятельно), continentive (вмещательно) и т. д.

[29] Предисловие к «Великой науке».

[30] Порядок здесь несколько нарушен по сравнению с Аристотелем.

[31] Ср. аналогичное указание на риторическое значение категорий Аристотеля в «Риторике» Софрония Лихуда: «К совершенному подлежащего и оповедуемого разделению полезна суть зело Аристотелева оповедания (яже глаголются категории) держати сиречь сия: существо, количество, качество, еже к чесому [πρός τι — отношение], еже творити, еже страдати, еже где, еже когда, еже лежати и еже имети, их же и иных неких неведения ради к слову еже разглагольствовати приличествующих овогда ритори зело погрешати обыкоша» (пер. Косьмы, ч. 1, гл. 9, ркп. ГБЛ, собр. Рум., № 245, лл. 45 об.—46).

	Praedicata absoluta Прилагаемые соборные	Praedicata relata Прилагаемые разборные	Quaestiones Вопросы	Subiecta Существа	Virtutes Добродетели	Vitia Прегрешения
B	bonitas доброта	differentia разнство	utrum аще есть	deus бог	justitia праведность	avaritia сребролюбие
C	magnitudo величество	concordantia согласие	quid что есть	angelus ангел	prudentia мудрость	gula обжирство
D	duratio пребывание	contrarietas противность	quare с чего есть	coelum небо	fortitudo мужество	luxuria блудство
E	potentia власть	principium начало	quomodo како есть	homo человек	temperantia воздержание	superbia гордость
F	cognitio разум	medium средина	ex quo с чего есть	imaginativa мыслительное существо	fides вера	acedia ленивость
G	voluntas воля	finis конец	quantum коликое есть	sensitiva животное существо	spes надежда	invidia зависть
H	virtus сила	maioritas большество	quale каково есть	vegetativa растительное существо	charitas любовь	ira гнев
J	veritas истина	aequalitas равенство	ubi где есть	elementativa стихийное существо	patientia терпение	mendacium ложь
K	gloria слава	minoritas меньшество	quando когда есть	instrumentativa орудительное существо	pietas благочестие	inconstantia непостоянство

Мы не имеем возможности и надобности подробнее останавливаться на существе люллианского учения. Перейдем прямо к доказательству, что вся техника люллианского круговерчения была у нас на Руси ориентирована в основном в сторону риторики. Доказать это нетрудно.

Вот, например, что говорится в конце книги II, после того, как рассмотрены «прилагаемые соборные»: «Во всех вся суть и ничтоже без них, иже явилося во описании и определении их. Тем же егда слово о чем ни есть твориши, прилогай оные феме своей, являючи разные определения их, избирающе которое тебе угодное и слову твоему приличное, подкрепляюще оные иными доводами, наипаче от прилагаемых разборных вземлемыми: в которых убо вся места доводов риторичных, философских и богословских заключаются, яко скоро в последующей им части третией услышиши.

Вопросы о всяких вещах творимые велми пространяют слово и разум совершенно в мудростях искусный являют, всякую недоумеетность и усумнение разрешаючи и светло всякую вещь предлагаючи».

Из приведенного отрывка ясно видно, что речь идет о произносимом ораторском «слове», которое строится по схеме Люллия.

В конце книги III, в «Увещании кратком о прилагаемых рассмотрителных» точно так же автор старается убедить читателя, что «вся места, которыми риторика слово свое украшает и пространяет и которыми философия и богословия предания своя доводит, в сих заключенная суть».

И дальше (ч. VI, гл. 2) речь идет о том, «како качествами слово упространяти», «како с сего места философского [страдания] к пространению беседы взимати слово» (ч. VI, гл. 5), «о имениях како слово пространяти» (ч. VI, гл. 6).

Наконец: «В сей главе [ч. VI, гл. 7] опишу, что есть положение, и о фигурах разных, в них же положение бывает, извещу, та же наставлением покажю, како от положения сего разными фигурами украшати и к разным существам и вещем сия фигуры в подобие предлагати».

Самое любопытное, однако, что те рассуждения о небе, человеке, животных и т. д., которые содержатся в части V и в которых историки естествознания тщетно искали сколько-нибудь серьезных естественно-научных сведений, все построены по методу люллианского круговерчения. Например, о небе говорится в 30 пунктах, что оно есть «плоть», что оно «изливает доброту», больше «всея плоти стихийная», есть «плоть приснопребывающая», «имеет власть над иными» и т. д. и т. д. — в калейдоскопе проходят перед нами элементы люллианской таблицы. Вся эта «естественно-научная мудрость» буквально высосана из пальца, извлечена из люллианских кругов и расположена по порядку, указываемому «люллиевым искусством». По такой механически полученной канве кое-где расшиты узоры — внесены заимствования из стародавних бестиариев и «физиологов» и т. д.

Ошибка историков естествознания заключается в том, что они видели в «Великом искусстве» своего рода естественно-научную энциклопедию и отсюда делали вывод о невзыскательности московского читателя. В ином свете предстает перед нами «Великое искусство», если мы будем рассматривать его как пособие для оратора, и в первую очередь для проповедника.

Украинский гомилет Иоанникий Голятовский рекомендовал проповедникам читать книги о зверях, птицах, гадах, рыбах, деревьях, камнях, но рекомендовал совсем не потому, что его самого интересовали эти «птахи и звери», и не потому, что он считал нужными знания о них как таковых, — они были ему нужны исключительно «для красоты слога». Точно так же

и все сведения о физическом мире в «Великом искусстве» должны были в конечном итоге служить для словесно-ученой орнаментации. Для этого сообщались имена созвездий, перечислялись знаки зодиака, исчислялись 10 небес и т. д. Это становится совершенно очевидным из раздела «Причитание обще небу с протчими существы», где, например, 9-е небо («небо звездечное») истолковано как символ людей, «добродетелми украшенных», а 8-е небо, «движимое от востока на запад», означает людей, «помышляющих о смерти и о кончине своей», и т. д. и т. д.[32]

Кроме «Великой науки», в древнерусской письменности известна «Краткая наука» в двух совершенно различных редакциях. Первая редакция есть дословный перевод «Ars brevis» самого Люллия.[33] Ее incipit: «Начинается с богом Краткая наука, яже есть во образ иного издания тояжде науки народныя. . .».[34] И дальше: «Сего ради сию Краткую науку творим, яко да Великая наука удобнейше познатися может. . .».[35] Эта «Краткая наука» часто сопровождает «Великую».[36] Терминология очень близка к «Великой науке», но имеются и некоторые расхождения (например, medium передано «посредство», а не «средина»). По всей вероятности, перевод «Краткой науки» и составление «Великой» принадлежат одному лицу. Во всяком случае, «Краткая наука» предшествует «Великой».

Вторая «Краткая наука» возникла на русской почве и является переработкой знакомой нам русской редакции «Великой науки». Переработка эта принадлежит Андрею Денисову.[37] Ее начало: «Понеже Великая наука кабалистичная, великую книгу о ней поучающую имеет, ю же везде преносити, или скоро прочести неудобно есть всегда, сего ради вкратце из оныя малая сия написуется». В конце указано, что «написася сия книжица вкратце с великия науки кабалистичныя в лето от мироздания 7233 [1725] и совершися в феврале месяце».[38]

---

[32] Еще пример из части V, гл. 7: «Егда убо верстаеши другие существа с живелами сиречь древесами, цветами, травами, и ты им вся приличные просмотри и одно другому уподобляй. Например, аще человека древу приверстоваеши и ты по подобию древа объяви в человеке корень, столп, дух или мокроту живительную, которую философове часто нарицают душею древа, кожу или лубие, ветви, сучие, лозы, цветы, листвие, овощи. Корень в человеке есть глава» и т. д. И дальше: «Подобие аще человека святого древу верстати хощеши, корень положи смирение». Совершенно очевидно, что это не энциклопедия, а пособие для оратора.

[33] Латинский текст: «Raymundi Lullii Opera ea quae ad adinventam ab ipso artem universalem pertinent» (Argentorati, 1651, стр. 1—42). Текст переведен полностью.

[34] Ср. в латинском тексте: «Incipit ars brevis quae est imago artis generalis. . .».

[35] «Ratio quare facimus istam artem brevem est, ut ars magna facilius sciatur. . .». «Великая наука» в данном случае — сочинение самого Люллия, с которым не совпадает русская «Великая наука».

[36] Так в указанных выше списках: ГБЛ — Муз. 2867 (Бусл.); F.III.2 = Дубр. 809; Погод. 1761; Тихан. 216; кроме того, ГИМ — 422 (117); Барс. 2143; ГПБ — Q.XVII.52 (Богд. 101); Q.III, 192 (Богд. 103); БАН — 16.17.18. Из них поморского письма оба Богдановских и Уваровский.

[37] По свидетельству Павла Любопытного (Исторический словарь и каталог или библиотека староверческой церкви. — Прилож. к т. 2 «Сборника для истории старообрядчества», М., 1866, стр. 46), А. Денисов «сократил видно и ясно Романдолюлия Философию и Богословие». Подтверждением принадлежности «Краткой науки» Денисову является анаграмма, на которую впервые обратил внимание В. Г. Дружинин (К вопросу об авторе сокращения «Великой науки» Раймунда Люллия, стр. 342—344).

[38] Наиболее интересен список Тихан. 659 в ГПБ в Ленинграде. Он имеет поправки, сделанные, видимо, самим Денисовым (см.: архим. Никанор. «Великая наука» Раймунда Люллия. . ., стр. 13; В. Г. Дружинин. К вопросу об авторе сокращения «Великой науки» Раймунда Люллия, стр. 342). Поправки перешли в списки 16.15.19 (БАН) и Хлуд. 235 (ГИМ). Кроме рассмотренного сокращения А. Денисова, суще-

Наряду с «Великой наукой» и обоими вариантами «Краткой науки» встречается в списках четвертое сочинение. Оно носит различные заглавия: «Книга нарицаемая Раймундалюлии писанных вещей»;[39] «Книга о разуме письма святого риторика Раймунда Люлия римского учителя и кавалера»;[40] «Наука проповедей».[41] В некоторых списках заглавие вовсе отсутствует.[42] Сочинение состоит из трех книг,[43] тесно объединенных одна с другой, на что указывают перекрестные ссылки. В дальнейшем я условно обозначаю это произведение как «Риторику Люллия».

Нас ближайшим образом интересует книга 2 «О формах поучений». Эти «формы» делятся на риторические, философские и богословские. Риторических — три, философских — две, богословских — одна. Каждой из них посвящена «беседа».[44]

Построение форм основано на технических приемах, заимствованных из разнородных источников, нелюллианских и люллианских. В основе первой риторической формы лежит так называемая «хрия», в основе второй — так называемые «внутренние риторические места»,[45] в основе третьей — «внешние риторические места».[46] Канвою для поучения, построенного по второй форме философской, служит 21 вопрос.[47] Первая философская форма основана на 9 «случаях», т. е. на 9 аристотелевских категориях, которые, как мы знаем, составляют предмет VI части «Великой науки».[48] Наконец, богословская форма основывается на 9 абсолютных предикатах Люллия, составляющих предмет части II той же «Науки» (доброта, величество и т. д.).[49]

Оставляя в стороне части, не имеющие прямого отношения к «Великой науке», мы ограничимся рассмотрением «первой философской» и «богословской» форм.

Сличение соответствующих текстов «Риторики Люллия» и «Великой науки» показывает их дословное совпадение[50] с тою разницею, что «Великая наука» более полна и в ней принят вопросо-ответный метод изложения, тогда как «Риторика» придерживается связного и более сжатого изложения и носит в еще большей мере характер практического

ствует еще конспективное, вопросо-ответное обозрение содержания «Великой науки» в рукописи Муз. 8925 (лл. 269—276) в ГБЛ.

[39] Список БАН. Арханг. собр. 149 (903).

[40] Список ГИМ, Увар. 2115 (6). В этом списке указанное мною в тексте заглавие исправлено другой рукой так: «Книга о разумех письма святого или риторических правил толкование Раймунда Люлия римского учителя и кавалера сущего».

[41] ГИМ, Увар. 2117 (472).

[42] ГИМ, Увар. 2116 (126); ГИМ, Увар. 2234 (18). В этом последнем списке сочинение следует за «Великой наукой». Также без заглавия ГБЛ, Муз. 205.

[43] Часть 1: «О разумех письма святого»; часть 2: «О материи поучения»; часть 3: «О формах поучений».

[44] «Беседа о первой форме философской» встречается и отдельно, например в сборнике 220 поморского письма XVIII в. из собрания Н. С. Тихонравова, лл. 200—277 (ныне в ГБЛ).

[45] Их насчитывается 16: описание, разделение, толкование имени и т. д.

[46] Автор указывает, что Соарий насчитывал таких мест 6, Люллий — 600. Сам он насчитывает 11 + 35 = 46. К числу первых относятся: оракулы, свидетельства славных людей, исповедания мучеников и т. д.

[47] Аще есть, что есть, кто, с чего, от кого и т. д.

[48] Порядок их (в отличие от «Великой науки») соответствует в точности аристотелевскому.

[49] Терминология в обоих случаях одинаковая, только вместо «количества» введено «величество».

[50] А именно «Беседа о первой форме философской» соответствует части VI «Великой науки», а «Беседа о форме богословской» — части II.

пособия по риторике.[51] Несомненно, что «Великая наука» предшествовала «Риторике Люллия».[52]

Сочинение было написано в Москве, так как в книге II, беседе 4, говорится о быстроте движения мысли, благодаря которому «зде на Москве седящие могут быть образом в Риме». Оно явно возникло не в раскольничьей среде, хотя позднее и пользовалось в ней большой популярностью.[53] Посвятивший этому сочинению специальное исследование Д. Совицкий[54] считает, что оно было написано во втором десятилетии XVIII в.[55]

Рассмотренная «Риторика Люллия», и в особенности содержащаяся в ней «Беседа о первой форме философской», с течением времени пополнялись вставками. Так, в разделы, посвященные количеству и качеству, были вкраплены соответствующие выдержки из «Диалектики» Иоанна Дамаскина. Для того чтобы отличить эти вставки от кусков текста, дословно совпадающих с текстом «Великой науки», на полях некоторых списков сделаны пометки: «Дамаскиново», «Белобоцкого».[56]

Из этих пометок Совицкий сделал вывод, что «Великая наука» составлена Андреем Белободским, переводчиком Посольского приказа, прини-

---

[51] В книге II, беседе 14 (о материи параболитичной) автор следующим образом ввел 9 субъектов (подлежащих) из части V «Великой науки»: «Подумах было вся притчи параболитичные с Ветхого и Нового завета ту приточити, и яже проповедником слова божия нужнейшие суть объяснити, что и не вельми трудно бы ми было, имеющему в руках толкования параболитичные, и конкордацию библии святой, по которой аще удобно чего припомнях мощно приобретати, но понеже вящщую пользу усмотрил есть, естьли б кто притчи параболитичные от разума своего могл объяснити, паче нежгли от толкования чюжого, того ради иной путь собрах и намерение мое премених, тщася по силе моей и помощи божии все вещи предложити, описати и явственно претолковати, на которых всякие параболы основание свое имети могут. А понеже всякая обыкновенно основана бывают на существах разных вещей, нужно есть перво вся пределения существу знати и ведати». Иными словами, механические «шпаргалки» (типа средневековых пособий для проповедников, носивших название dormi secure) автор предпочел заменить люллианской логической комбинаторикой.

[52] Близость указанных частей обоих произведений привела к тому, что во многие списки «Великой науки» (но не во все, см.: архим. Никанор. «Великая наука» Раймунда Люллия. . ., стр. 36) была интерполирована из «Риторики Люллия» «Беседа о второй форме философской» с иллюстрирующим ее «Словом о посте».

[53] Следует обратить внимание на следующие слова в книге I, беседа 2, глава 1: «С грехом убо творят раскольники, не согласующиеся в вере с материю своею церковью святою, от господа бога власть на земли приемшую, иже во еже не приити им под суд церковный, сами себе жгут, или же коею ни есть иною смертию убивают» (Муз. 205, л. 21, то же в списке Михайловского монастыря, № 1733, л. 9 об.).

[54] Д. Совицкий. Русский гомилет начала XVIII в. Иоаким Богомолевский. — Труды Киевской духовной академии (далее: КДА), 1902, №№ 8—12 (и отдельно).

[55] Решающими для него являются данные, основанные на изучении бумаги. Самая ранняя бумага старейшего (по мнению Совицкого) списка Увар. 2117 (472) относится к 1681 г., а самая поздняя — к 1708 (см.: Д. Совицкий. Русский гомилет начала XVIII в. Иоаким Богомолевский. Труды КДА, № 8, стр. 527). Что касается упоминания «великого Людовика, тако нареченного великого нынешнего царя французеского» (Людовик XIV умер в 1715 г.), то это упоминание дословно взято из «Великой науки». Указание на то, что Люллий завел свою академию «назад тому лет 400 с лишком», нельзя, как делает Д. Совицкий (там же, стр. 535), истолковывать в том смысле, что оно не могло быть сделано ранее 1708 г. [Совицкий полагал, что Люллий умер в 1303/1307 г.]. Ведь Люллий основывал свою академию не в год своей смерти, а потому terminus post quem вполне может быть отодвинут назад, за 1703 г. Тем более что такое же указание имеется и в «Великой науке». Я оставляю в стороне вопрос, действительно ли сочинение написано Иоакимом Богомолевским, как полагал Совицкий. Это завело бы нас слишком далеко и потребовало бы анализа всего произведения в целом. Достаточно констатировать, что сочинение написано в Москве и написано после «Великой науки».

[56] Д. Совицкий. Русский гомилет начала XVIII в. Иоаким Богомолевский. Труды КДА, № 8, стр. 558, 559.

мавшим участие в переговорах с китайцами в 1689 г. в Нерчинске — переговорах, происходивших на латинском языке.[57]

Андрею Белободскому принадлежит сочинение «Беседа милости с истиною». В списках этого сочинения он именуется «Андрей Христофоров сын Белобоцкий». Однако вряд ли он тождествен с Андреем Христофоровичем, автором «Книги философской».[58] По тематике эта последняя книга примыкает к рассмотренным нами люллианским сочинениям, хотя терминология отлична от той, которая принята, например, в «Великой науке».[59]

Но кем бы ни были написаны «Великая наука» и «Риторика Люллия», оба сочинения несомненно возникли у нас в период интенсивного интереса к риторике вообще. Напомним, что к 1698 г. относится перевод «Риторики» Софрония Лихуда, исполненный монахом Чудовского монастыря Косьмою, а к 1710 г. — написание тем же Косьмою новой «Риторики».[60] В промежутке между этими двумя годами появился перевод «Руки риторической» Стефана Яворского, сделанный Федором Поликарповым (1705).[61] К тем же годам относится «Риторика» Феофана Прокоповича.[62]

---

[57] См.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. III. Изд. «Общественная польза», СПб., стлб. 1031; ср.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, стр. 174 (здесь указан 1686 г.). — Д. Совицкий обращает внимание, что наряду с пометками «Дамаскиново», «Белобоцкого» в списке Увар. 2115 (6), л. 244, имеется пометка: «от себе придаток», что, по его мнению, указывает на автора «Риторики». Возражая Совицкому, А. И. Соболевский (рецензия на сочинение Д. Совицкого: ЖМНП, 1903, № 3, стр. 184) высказал мнение, что вся «Риторика» принадлежит Белободскому, а пометки «Белобоцкого» на полях сделаны позднее переписчиком. Предположение Совицкого о принадлежности «Великой науки» Андрею Белободскому несколькими годами позже развил Н. А. Соколов («Философия Раймунда Люллия» и ее автор, стр. 331—338). Заметим, что в списке Увар. 2117 (472) за «Риторикой Люллия» следуют силлабические стихи, озаглавленные «Пентатеугум, или пять книг кратких, творения Андрея Белобоцкого, о четырех вещах последних, о суете и жизни человека». Не решаясь утверждать что-либо категорическое, обращу лишь внимание на две пометки в рукописи Увар. 2116 (126), л. 226 об. и 228: «Белобоцкого» и «Из других книг Белобоцкого». Первая имеет в виду «Риторику Люллия» (а именно беседу о форме богословской), вторая — «Великую науку». Следовательно, автор этих помет считал оба сочинения принадлежащими Белободскому.

[58] «Книга философская, сложенная философом Андреем Христофоровичем» (изд. ОЛДП, СПб., 1878, XVIII) по списку, ныне принадлежащему ГПБ в Ленинграде, а именно Вяз. 28. Другие списки — ГИМ, Щук. 798; ГИМ, Барс. 2296. Издатели указывают, что имя Андрея Христофоровича, полковника, встречается на донесении земских бурмистров Белозерской ратуши от 24 сентября 1722 г. Любопытны слова в списке ГИМ, Щук. 662: «Имена творцов («Великой науки») обрящеши в первом древе Порфирия и втором Маиориканском». Речь идет о тех «древах», которые были мною упомянуты выше (стр. 291). На л. 26 изображено древо Порфирия с именами: Косьма, Павел, Петр, Иоанн, Феодор, а на л. 36 — древо Майориканское с именами: Андрей, Христофор, Феодор, Анна, Марина, Прокопий. В обоих случаях пририсован указующий перст с надписью: «зри». Догадка переписчика, что среди этих имен скрыто имя автора «Великой науки», конечно, наивна. Имена эти, как я уже сказал, варьируют от списка к списку. Но все-таки сочетание «Андрей-Христофор» заставляет задуматься. В сб. Вяз. 28 «Книга философская» находится рядом с другими сочинениями по логике, риторике и герменевтике, содержание которых перекликается и с «Великой наукой», и в особенности с «Риторикой Люллия» (в разделе о четырех «разумах писания»).

[59] Так, subiecta передается не словом «существа», а словом «подлоги». Вместо «растительное существо» — «душа прозябающая». Акциденции («случаи» в «Великой науке») названы «прилучениями». Вместо «количества» (quantitas) — «великость», вместо «отношения» (relatio) — «возглашение» и т. д.

[60] Обе «Риторики», как уже давно установлено, основаны на Τέχνη ῥητορικῆς Франческо Скуффи, вышедшей в Венеции в 1681 г. Но именно только основаны и не являются простым ее переводом.

[61] Изд. ОЛДП, СПб., 1878, XX.

[62] Латинское сочинение Феофана «De arte rhetorica libri X» относится к 1706/07 г. Списки его указаны у И. А. Чистовича (Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868,

Все указанные риторики, особенно благодаря стараниям Андрея Денисова, попали в последующие десятилетия на Выг и здесь усердно изучались и переписывались. В описании Выговской библиотеки, принадлежащем Г. Яковлеву и относящемся к XVIII в.,[63] мы встречаем перечень целого ряда риторик. Знаменательно, что он открывается сочинением Люллия:

Раймунда Люллия.
Риторика Лихудиева.
Риторика Козминская.
Риторика Стефана преосвященного.
Риторика преосвященного Феофана.

По образному выражению старообрядческих биографов А. Денисова, он, «как пчела, люботрудне облетал все вертограды, из которых мог извлещи источник премудрости, да готов будет к ответу всякому, вопрощающему о его уповании»,[64] или, по более прозаическому и резкому определению, данному его противником, он, собирая книги, «таскался» в России по «разным и дальним городам».[65] Только что приведенные слова: «да готов будет к ответу всякому» — почти в точности передают основную задачу «Великой науки» — «соотвещати о всяцем вопрошении».

«Поморский летописец утверждает, что А. Денисов знал в совершенстве не только пустынный постнический устав, но также торговый, приказный, воинский. Когда он беседовал с иноками о постническом уставе, о благоговейных предметах, то он являлся им совершенным иноком. Если же он рассуждал о купеческих делах с торговыми людьми, то он представлялся им не иначе, как опытным, знающим купцом. Так же точно А. Денисов, с полным знанием предмета, мог говорить с приказными о приказных делах, с земледельцами о земледелии. Беседуя с премудрыми учителями о премудрых делах, он им являлся не иначе, как мудрым ученым. Такие же глубокие познания он высказывал и в воинских уставах, когда речь касалась о них в разговорах с военачальниками».[66]

В этом иконописном, идеализованном «портрете» нетрудно увидеть своего рода олицетворение «Великой науки», научающей искусству убедительно и красноречиво отвечать на все вопросы.

Из предисловия к поморскому списку «Грамматики» и «Риторики» Феофана Прокоповича[67] явствует, что люллианское искусство вошло на Выге в систему обучения:

«Порядок сей предлежит в рассуждении словесного художества наиболее от орфографии поступая в этимологию, а от сего в синтаксис, в поэтику, в логику или в риторику. Аще же из синтаксиса поступит кто в ри-

---

стр. 9). Русский текст «Риторики» находится в рукописи собрания В. Г. Дружинина № 155 (БАН). Он состоит из пяти бесед. Первая начинается словами: «Вопрос. Что есть риторика. Ответ. Риторика есть хитрость добре глаголати». Другой список — в рукописи ГПБ, Q.XV.14 (Богд. 116), лл. 42—277 об. И. А. Бычков определял ее как «Риторику неизвестного сочинителя». Текст в списке Q.XVII.200 (Богд. 50) ограничивается небольшим куском предисловия.

[63] Г. Яковлев. Извещение праведное о расколе беспоповщины (1748). — Братское слово, 1888, № 9, стр. 721—731.

[64] Цитирую по Н. И. Барсову (Братья Андрей и Семен Денисовы. — Православное обозрение, М., 1865, № 10, стр. 239).

[65] Андрей Иоаннов. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках. . ., 3-е изд. СПб., 1799, стр. 115.

[66] П. С. Усов. Помор-философ. — Исторический вестник. СПб., 1886, № 4, стр. 158—159.

[67] См. указанный уже список Друж. 155, л. 3—3 об. Список поморского письма, на бумаге 1779 г.

торику, то может и той с начетом прочих книг добре риторствовати, присовокупя к сему Раймундову философию или метафизику. И тако[68] зде предлагается краткий сий и ясный новосочиненный в северных странах синтаксис, посем краткая и ясная приложена знатного российского ритора Феофана Прокоповича риторика, а потом и сочиненные чрез риторские места нашим ритором Андреем Дионисиевичем предлагаются два слова, дабы желающие изучитися риторскому художеству по изучении синтаксиса и риторики чиновне умели слагати и целые слова».

В рукописях поморского письма часто встречаются «слова» с выделением риторического костяка на полях, т. е. с указанием, по какой форме сочинена та или другая проповедь. Здесь мы ограничимся указанием лишь на те, которые сочинены по люллианским формам. Таково «слово» А. Борисова, выгорецкого киновиарха (умер в 1790 г.), на текст «Кто бог велий».[69] На полях обозначено: «Сочинено по форме богословской». Иначе говоря, в основу положены 9 абсолютных предикатов Люллия с добавлением «естества, единства, и совершенства» (составляющих предмет I части «Великой науки»).[70]

Семеном Денисовым, братом Андрея, написано «Рассуждение о предивном величестве природы человека».[71] Оно начинается так:

«Елико дивна есть высота человеческого естества, елико изрядно пространство изобилия, елико превзято величества его богатство, имже тако высоце превзятся, толико светле превознесеся, яко и острейшим в рассуждении умовом к толикому превзятия имству недоумеватися. Велика убо есть и вся тварь, дивна же и преславна, занеже от превеликого и предивного бога от небытия в бытие приведена; обаче числу, весу и мере подлежит оная, по речению премудрого: вся в число, вес и меру сотворил еси. Естества же человеческого пребогатое довольство преизобильнше и светльше показуется».

Мы узнаем здесь уже знакомые нам люллианские категории: «естество», «величество» и т. д. Дальше оратор гуляет по лестнице люллианских «существ» (subiecta):[72]

«Велико есть и толико дивно высокопротяженное небо... светло есть и пресветло светозарное солнце... добри суть чувствителнии животнии... дивни во истину и предивни во всех и паче всех святыи небеснии ангели» и т. д.

Наконец, из следующего отрывка мы окончательно убеждаемся, что естественно-научные сведения «Великой науки» должны были всецело служить «красоте слога»:

«Добри суть чювствителнии животнии, зверие, скоти и птицы, от них же велици елефанти, крепци лви, быстри елени, скоролетательни орли, сладкопесниви славии. Но вси сии человеческим премудрым разумом, дивними человека художествы смиряеми изрядне укротеваются, и толикая оных сила, толико многомощная крепость, такова воздухоходная быстрота человеку всепокорно покоряется».

Таким образом, навсегда покончив с представлением о «Великой науке» как энциклопедии реальных сведений, мы открываем для историка

---

[68] В списке Q.XVII.200 (Богд. 50) после этих слов читаем: «для сего учения вкратце».

[69] Список Друж. 384 (БАН), лл. 188—194.

[70] На полях в соответствующих местах проставлено: «естество, единство, совершенство, доброта, великость, пребывание, власть, разум, сила, истина, слава».

[71] Список ГПБ, O.I.355 (Богд. 39), лл. 227—249 об.

[72] См. таблицу на стр. 294 настоящей статьи.

литературы новый способ проникнуть в лабораторию ораторских произведений конца XVII и первой половины XVIII в.

Внимание и симпатии выговцев к люллианству могли поддерживаться и тем обстоятельством, что Люллий «многая гонения страдал, но царскими заступами, наипаче всех Филиппа короля французского оберегаем бысть».[73] Не так ли, как выговцы, которые, будучи гонимы господствующей церковью, старались заручиться покровительством Петра?

Предисловие к «Великой науке» сулило легкое и быстрое овладение «дивной мудростью».[74] А это было особенно важно, потому что для выговцев были закрыты двери и Киевской, и Московской академии. Вот почему их и манили к себе рассказы о некоей Люллианской академии, которая соперничает с академией Аристотеля и Петра Рамуса.

В рассмотренной нами «Риторике Люллия» имеется интересное отступление, посвященное этим трем академиям.[75] Здесь говорится, что «хвалы достойна Академия Маиорикана, которая от двух сект в нынешнем веку славных, от Аристотеля и Рама отступивши, последует во учении третия секты академицкой воздвижителю, творцу и наставнику своему, великому и предивному и просвещенному учителю, — тако Раимунда Люлия, философа и богослова мудрого, цари гишпанскии и французски в грамотах своих нарицают». И дальше:

«Слышу издалека, яко много шумов, громов, ветров, волнов от оберегателей Аристотеля подвизаются на истинную науку Раймунда Люллия, но он сам от себя умел всем ответ давати, мудрыми выводами своими, аще не тако гордо, яко на тие вторые секты философской основатель, иже в столичном графе францусском в Парижю в Сарбонской академии дерзнул всех философов на себя возбудити, разославши по всем академиям конклюзию или письмо таковое: „вся, яже писал и поучал Аристотель, ложь есть“. Заострилися на таковую смелость и поругания Аристотеля учителя своего все академии, но егда весь день сами искуснейшие философове спореяся с ним вси побеждени были и ниже одной вещи не могли довесть с Аристотеля, что бы истинную науку умела, удивишася неслыханной мудрости Рама мудреца помянутого. И мнози пристали к нему, и завел новую академию Аристотеля сопротивную, от имени своего нареченную, и ныне во многих царствах обретается, аще расти и пространятися ей не попускают Аристотеля ученики, но и паче иже Рамус скоро опосле преставился и ученики его разума учителя своего не достигли. Аще же нецы спор равный поставить могут, не имеют такового дерзновения для ради множества сильных и небезопасных сопротивников своих».

---

[73] См. предисловие к «Великой науке».

[74] «Петр Дагвин Медиат и Иаков Ануарий [Januarius] во всей италианской земли славные мудрецы, от которых первый в 37 лет от рождения своего читати токмо выучился, седмь токмо месяцы во учении сем прилежно упражняющиися у всех высокоученых со удивлением почтен есть, яко многие книги творения его изъявляют. Дивнейша вешь в другом была, иже в 70 лет начавше учитися тоею наукою в кратком времени сверстался с высокоучеными. Фердинанд Кордуба [Corduba] гишпан, славный во многих землях мудрец, тоею наукою прославился. Раймундус Сабунде, творец книги богословии естественныя и созданию твари описатель, в писмах своих объявил, сколь великую пользу от сей науки принял. Иаков Фабер и Король Бовилий [Carolus Bovillus] в Парижи преславныи учители сею наукою величалися. Немецкия земли три брата Андрей, Петр, Иаков Контерове [Canterii] с сестрою своею десятилетнею сею наукою тако мир удивили, иже не токмо немецкая земля, но и вся Франция и Италия и Рим по сей день удивляются им» (ГБЛ, Муз. 2867, лл. 1 об.—2). Ср. посвящение L. Zetzner'а (в R. Lullii Opera quae ad... artem universalen... pertinent, Argentorati, 1651), которое, однако, не содержит некоторых подробностей русского текста и, повидимому, основано на общем с ним источнике.

[75] ГБЛ., Муз. 205, лл. 197 об.—199 (кн. 3, беседа о 2-й форме риторической, гл. 5).

Такие антиаристотелианские строки могли внушить бодрость выговцам, знавшим, что «ученость» Киевской и Московской академий основана на Аристотеле.[76] В люллианских сочинениях выговцы надеялись найти оружие для состязаний с противниками, найти неизвестные этим противникам приемы логического спора и риторического «красноглаголания».

Несмотря на такой антиаристотелизм, в люллианские сочинения, как мы уже отмечали, проникли некоторые элементы аристотелевского учения. Таковы категории, освещаемые в части VI «Великой науки» и в «Беседе о первой форме философской». Проникли сюда и элементы традиционной школьной логики, например так называемый логический квадрат, который иллюстрируется следующей схемой.[77]

поддруговные
преко
словные
контра
дикторие
прекословные
контрадикторие
поддруговные

подпротивная
некоторый человек
есть добр
некоторый человек
есть добр

Таким образом, благодаря люллианским сочинениям русские читатели знакомились и с некоторыми понятиями, входящими в учебники логики вплоть до настоящего времени.

Таковы, как мне кажется, основные психологические причины, которые способствовали распространению люллианских сочинений в среде старообрядцев «поморского согласия». Их бытование в этой среде с полной очевидностью показывает, что мы имеем перед собою сочинения по логике и риторике. Но не следует забывать, что создались эти сочинения не там, а в основном в Москве. А потому возникают новые и, пожалуй, наиболее интересные вопросы. Во-первых, в какой мере повлияла на литературу конца XVII и начала XVIII в. люллианская техника *до* своего проникновения на Выг? Во-вторых, ограничивалась ли эта техника областью проповедничества или же служила основой и для светского красноречия? С этим связан вопрос: в каких московских кругах люллианская литература бытовала первоначально? Если «Великая наука» принадлежит переводчику Посольского приказа Андрею Белободскому, то «Риторика Люллия», основанная на «Великой науке», уже явно составлена духовным лицом.

Я полагаю, что если заниматься люллианскими сочинениями, то в эту именно сторону следует направить исследования. Пора вместе с тем прекратить в этих сочинениях поиски естественно-научных сведений, сколько-нибудь адекватно отражающих научные взгляды эпохи.

---

[76] Не могу согласиться с Б. Е. Райковым (Очерки..., 1-е изд., стр. 36—39; 2-е изд., стр. 57—59), который затушевывает пункты различия между учением Люллия и учением Аристотеля.

[77] „Великая наука", ч. III, гл. 3.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

А. М. ПАНЧЕНКО и В. П. СТЕПАНОВ

«История вкратце о Бохеме, еже есть о земле Чешъской» и ее источник

Русское государство в XVI—XVII вв. не поддерживало с Чехией интенсивных и постоянных дипломатических отношений. Но общий интерес к различным сведениям о Чехии не угас совершенно — в Москве, пожалуй, помнили касающиеся избрания императора слова Поппеля: «А будет спор межи теми, которые выбирают, и они позовутся на ческого короля, кого захочет ческой король, той будет цесарь». Поэтому московские дипломаты постоянно получали поручения собирать всевозможные известия о Чехии (разумеется, наряду с другими государствами); иностранцы, которые приезжали на Русь, также сообщали новости, касающиеся Чехии.[1]

Хотя русско-чешские культурные связи конца XVI—начала XVII в. не были особенно интенсивными[2] и мы в общем согласны с А. В. Флоровским, что — особенно после Белой Горы — «Чехия не являлась чем-то вполне конкретно осознаваемым, поскольку империя Габсбургов заслонила ее в русском, и в частности московском представлении», мы все же располагаем некоторыми фактами русско-чешских связей этого периода.

В 1570 г. виднейший деятель общины «Чешских братьев» Ян Рокита безуспешно пытался проповедовать Ивану Грозному свое учение. Известна также попытка Бориса Годунова привлечь на русскую службу чешских мастеров, ремесленников. Для нас, несомненно, интересна история авантюриста «чешского графа Шлика», который появился в Москве в 1642 г. Этому «Левке Шлякову, графу Чешскому», как его звали на Руси, удалось возбудить сочувствие при дворе, изобразив «войну жестокую, мучительство великое» в Чехии, католические притеснения и преследования чешских подобоев. В XVIII в. на Москву — обычно в составе имперских посольств — приезжали и другие чешские путешественники (сохранились произведения, где уделяется место и описанию Руси).

Некоторые чешские книги попадали в библиотеки Московской Руси (например, «Хроника» Гайка; в одной из рукописей XVII в. содержится транскрипция чешского текста — предисловия из «Гербария» Маттиоли). Русский читатель узнавал о Чехии из Хронографа западнорусской редакции, из различных космографий и т. п.

---

[1] Исторический материал о русско-чешских отношениях см.: А. В. Флоровский. 1) Чехи и восточные славяне, т. II. V Praze, 1947; 2) Чешские струи в русском литературном развитии. — В кн.: Славянская филология, II. М., 1958.

[2] Имеем здесь в виду отношения Чехии и Московской Руси, ибо та же проблема относительно западнорусских областей предстает в ином свете. Достаточно указать, например, на деятельность Фр. Скорины, на «Житие Алексея, человека божия» и «Сказание о Сивилле-пророчице», переведенные с чешского, на влияние чешского языка на деловую письменность.

Факты непосредственных литературных связей Чехии и Московской Руси в XVII в. крайне немногочисленны; прямые связи существовали между чешской письменностью и письменностью литовско-русских областей. В XVI—XVII вв. чешская и польская литературы были тесно связаны (чешский язык был в Польше языком высших слоев шляхты). Поэтому как белорусская, так и украинская среда переняли некоторые памятники чешской литературы, либо международные средневековые произведения в чешской обработке. В литературе собственно русской только повесть о Брунцвике свидетельствует о прямых взаимоотношениях с чешской литературой.

В связи со всем сказанным тем больший интерес представляет так называемая «История вкратце о Бохеме, еже есть о земле Чешъской», известная в двух списках[3] — ГПБ, Q.XVII.12 (далее — Л) и бывш. Киевского церковного археологического музея 888 (747_1) (далее К). Список Л находится в скорописном сборнике XVII в. (последняя четверть). Содержание его таково: «Фрашки, сиречь издевки...» (лл. 1—67 об.); «История... о Бохоме» (лл. 68—86), «Повесть утешная о купце, который заложился з другим о добродетели жены своея» — перевод повести Барнабаша (Barnabasz) «Historja jako się zacny kupiec z drugim kupcem na cnotę żony swej założył». На л. 1 следующее указание: «Добре с польска исправлены языка и читать поданы, сто осмьдесят осмаго ноемврия дня осмаго. Преведшаго же имя от Б начинаемо, в числе 1503 слагаемо». Имеются две скрепы: «Сия книга Бориса Лукина сына Секиотова» (лл. 1—6) и«Borisa Siekïotowa» (лл. 68—69). На л. 102 читается несколько владельческих приписок первой половины XVIII в. (Ивана Алексеевича Зубова, «служителя дому господина майора Ивана Дмитриевича Дубровзского» и др.). Можно предполагать, что все произведения сборника написаны одной рукой — незначительные видоизменения почерка вполне объясняются сменой перьев.

Список К входит в состав скорописного сборника 1670—1720 гг. (лл. 472—489; почерк конца XVII в.). Сборник включает отдельные статьи и выписки из различных космографий и т. п., а также Повесть о посаднике Щиле и Историю о Казанском царстве.[4]

В «Истории о Бохеме» излагается чешская история начиная с прихода Чеха и Леха. Рассказывается о княжении и судах Крока, о его дочерях, воцарении и пророчествах Либуши и Пршемысла, основании Праги и других городов, о девичьей войне в Чехии, о смерти чешских святых Вацлава и Людмилы, об Иване «королевиче карвацком» и других событиях. В конце перечисляются чешские государи от Болеслава Милостивого до Рудольфа II (до 1611 г.). На полях рукописи, против сведений о Вацлаве и Людмиле, сделаны соответствующие ссылки на их проложные жития. Имеются также глоссы: «боцян» — «птица аист», «вешка» — «гадачка», «з гетманом» — «с воеводою» и т. д.

Два известных нам списка «Истории вкратце» очень близки друг к другу, даже по почерку. Разночтения, хоть и многочисленные, незначительны по содержанию. Разница между списками главным образом в орфографии, изредка встречаются лексические замены, имеются пропуски слов, чаще всего служебных. Однако ясно, что списки во всяком случае написаны разными лицами. В списке К обнаруживаются отчетливые орфографические тенденции, отличные от орфографии списка Л: в К «государь-

[3] См.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, стр. 94—95.

[4] Подробное описание см.: Александр Лебедев. Рукописи церковно-археологического музея императорской Киевской духовной академии, т. I. Саратов, 1916, стр. 445—447.

ство» всегда с «ь», в Л — всегда без «ь» (4 примера); в К — сочетание «имеет, начал быть», в Л — «... бысть» (3 примера); в К — «обрезывали, обрезавши», в Л — «отрезывали, отрезавши»; в К — «кролевание, кролевал, врожбе, пред» (2 примера), в Л — соответственно полногласные формы: «королевал, королевание, ворожбе, перед». По-видимому, между списками К и Л имелся по крайней мере еще один, нам неизвестный.

Первое упоминание об «Истории вкратце» относится к 1888 г. и принадлежит И. И. Первольфу. «Один любитель чешской истории, — писал он, — в Москве в XVII веке составил, по М. Бельскому, древнюю историю Чехии до кончины св. Вячеслава, а дальше приводит только имена чешских государей до Рудольфа II».[5] И. И. Первольфу был известен только один список «Истории» — он пишет о «рукописи имп. публ. библиотеки» (список Л). И. И. Первольф считал «Историю вкратце о Бохеме» тождественной главе о Чехии в Космографии 1670 г.[6]

Иржи Поливка, по-видимому, познакомился с «Историей» во время занятий в библиотеках Петербурга и Москвы в 1889—1890 гг. «История», по его мнению, — «отрывок, обработанный на основе М. Бельского». И. Поливка обратил внимание на некоторые белоруссизмы — частую мену «а» и «о», например.[7]

В 1892 г. М. Мурко, не знавший ни работы И. Поливки, ни вышеприведенного упоминания И. И. Первольфа, опубликовал маленькую заметку, касающуюся «Истории о Бохеме».[8] М. Мурко, как явствует из его заметки, только бегло ознакомился с рукописью (Л). Он обратил внимание на некоторые полонизмы в тексте (вешка — wieszczka, польское название Силезии — Сленск) и предположил, что «История» переведена с польского и «взята из какой-нибудь космографии». Основанием для такого утверждения послужили слова «иже пишуть козмографове».

А. И. Соболевский указал еще на один список «Истории о Бохеме»[9] (К). По его мнению, оригинал «Истории» «или чешский, или — скорее — сделанный с чешского польский, нам неизвестный» (Соболевский сравнивал «Историю о Бохеме» с «Хроникой» Гайка). Он отметил также «такое огромное число полонизмов, что переводчиком должно считать поляка». Отрывки «О пустыннике Иване» он считал выдержкой из текста «Истории о Бохеме» и, кроме того, предположительно соотносил с ней статью «О архиепископе Венцлаве, что в Кракове». Несомненно, что работы И. Поливки и И. Первольфа были Соболевскому неизвестны.

А. Брюкнер в книге «О литературе русской...» в перечне переведенных с польского сочинений упомянул и «Историю вкратце»: «Istorja wkratce o Bochomie jeźe jest o zemli czeskoj — z polskiego oryginału, ale jakiego?».[10]

Указание на сборник Публичной библиотеки, в котором содержится «История вкратце», имеется в «Отчете» В. Н. Перетца.[11] «История» здесь специально не рассматривается — главное внимание посвящено «фрашкам».

---

[5] И. Первольф. Славяне, их взаимные отношения и связи, т. II. Варшава, 1888, стр. 425—426.

[6] Там же, стр. 456.

[7] J. Polívka. Česká kronika v ruské literatuře starší, Časopis Českého Musea, R. LXV. V Praze, 1891, стр. 303, 305.

[8] M. Murko. Eine «Geschichte» von Böhmen in russischer Sprache. — Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1892, XIV, стр. 158.

[9] А. И. Соболевский. Переводная литература..., стр. 94—95.

[10] Alexander Brückner. O literaturze rosyjskiej i naszym do niej stosunku dziś i lat temu trzysta. Lwów, 1906, стр. 82.

[11] В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербург. — Университетские известия. Киев, 1912, № 7, год LII, июль, стр. 77—80.

А. В. Флоровский посвятил нашей «Истории» две страницы,[12] указав все заметки и ссылки на нее. Он, вслед за Первольфом и Поливкой, считает, что «История о Бохеме» была написана на основе «Хроники всего света» М. Бельского. «При этом „История" эта обработана была уже в начале XVII в., почему в ее последних строках названы и имена чешских государей, что царствовали после 1531 года, когда список обрывается у Бельского, вплоть до 1611 года, т. е. до Рудольфа II». А. В. Флоровский считает вероятным, что «История вкратце» была извлечением из 76-главной Космографии, допуская, впрочем, и обратную возможность — что «редактор Космографии воспользовался отчасти уже существовавшей особо «Историей».

Итак, существующие мнения об «Истории вкратце» можно свести к следующему: «История» представляет собой переработку соответствующей статьи из «Хроники света» М. Бельского (никто не пытался указать, с какого конкретно издания); «История» родственна — а иногда предполагается, что и тождественна — 7-й главе Космографии 1670 г., изданной Н. Чарыковым.[13]

Вывод о «Хронике всего света» М. Бельского как источнике «Истории вкратце о Бохеме», сделанный И. И. Первольфом и подтвержденный И. Поливкой и А. В. Флоровским, несомненно, базируется на предисловии Н. Чарыкова к изданию Космографии 1670 г. Последний определил, что основой для Космографии послужил «Атлас» Меркатора, переведенный в 1637 г. переводчиками Посольского приказа Богданом Лыковым и Иваном Дорном. Семь глав Космографии — с шестой по двенадцатую — составитель заимствовал, по мнению Н. Чарыкова, из «Хроники» М. Бельского. Н. Чарыков сравнивал Космографию с русским переводом «Хроники всего света».[14]

Для того чтобы определить, восходят ли «История вкратце» и соответствующая (седьмая) глава Космографии к одному источнику, необходимо установить взаимоотношения обоих текстов. Сравнение их приводит к убеждению, что мы имеем дело с переводами польского источника, причем разными переводами этого источника. Важнейшие различия следующие.

1) В Космографии указан год прихода Леха и Чеха (644 г.); в «Истории о Бохеме» точная дата не названа. Имеется только общее указание: «при цесаре константинопольском Константине Третием, при папе Иванне Четвертом князи карватские Чех с Лехом, братия родные, внуцы Еванове, в те крае пришедше».

2) В рассказе о суде Крока над пахарями в «Истории вкратце» виновный «иного вола купил»; в Космографии изложен только приговор князя.

3) Когда дочери Крока по смерти отца спрашивали у народа, которой из них править, люди предложили им бросить жребий (Космография); в «Истории вкратце» иначе: «Все люди то сказали, чтобы все три судили государьство чешское. Тогда они сами между собой жребий метали, которая имеет быть государынею их».

4) В легенде о девичьей войне в Чехии Чтырад, захваченный в плен, откупился за десять тысяч золотых («История о Бохеме»); в Космографии Чтырад и с ним тридцать человек были посажены на кол.

---

[12] А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, т. II, стр. 79—82.

[13] Любопытно, что А. И. Соболевский, считавший 76-главную Космографию «переводом неизвестной... компиляции немецкого происхождения, в латинском или немецком языке, составленной или изданной в 1611 г.», время составления этого неизвестного немецко-латинского оригинала определял на основе окончания статьи о Чехии, которая доведена как раз до 1611 г. (Переводная литература..., стр. 65).

[14] Н. Чарыков. Предисловие в кн.: Космография 1670 года. СПб., 1878—1881, стр. 46.

5) В Космографии говорится, что Власта «храбрость показа, яко вторая Пентезилея», в «Истории вкратце» — что Власта была «с тылу убита, яко другая Пентезилия».

6) В «Истории о Бохеме» нашедший серебро и золото «Хоример заметал оные горы, иже бы их никто не сыскал, и мастеров побил». Князь повелел его поймать и «зжечь за такое убийство и убытки». В Космографии, напротив, сказано, что Горимир «горники поставил» и наказание воспоследовало «за ... гордости и шкоды».

7) Весь пассаж о погребении «по языческому обычаю» Борислава, «первого князя христианского», в «Истории о Бохеме» выпущен.

8) В Космографии, в рассказе об «Иване, королевиче карвацком», говорится, что «елень» «оною водою нача псы парить аки варом, сиречь кипячею водою»; в «Истории вкратце» эта деталь отсутствует.

9) Имеются также менее примечательные смысловые различия: Власта и ее войско в «Истории о Бохеме» сравниваются с амазонками, чего нет в Космографии; Горимир в «Истории» убегает из «вышеградския рощи», в Космографии — «из града Вышеградского» и т. п.

Сравнение языка «Истории о Бохеме» и седьмой главы Космографии убедительно показывает, что мы имеем дело с совершенно самостоятельными переводами.

Язык «Истории вкратце» резко отличается от архаического, с частыми имперфектными формами языка Космографии.

Для наглядности приводим несколько примеров:

Космография 1670 г.	«История вкратце о Бохеме»
Они седше и ядоша с ним, и беседующе о разных вещех. И зряще на ня, в недоумении быша.	Они же сидели и ели с ним, разговаривали о разных речах. И засмотрелися на нее.
И абие радость и веселие было велие, людие же вси подданьство свое воздаваху, яко государю своему.	Там веселие было велико учинено, где все ческие жители подданство свое ему обещали.
Аще девиц боишися, а жен како не имаши боятися.	Когда ся девок боишься, а еще бы ты баб не блюлся.

Сравнение обнаруживает и некоторое различие в принципах перевода. В Космографии говорится о «панах радных», «раде сенаторской и шляхетской», «сейме (сонме)», в «Истории вкратце» всегда о «боярах думных», «думе боярской, дворянах»; в Космографии — о «божественной литургии», называются «костелы каталицкие», польское Erzy переводится «Юрьи», упоминается о «произволении и благословении папежском»; в «Истории вкратце» этим случаям соответствуют «обедня», «церкви», «Георгий», ссылка на папу римского вообще отсутствует. Эти различия тем более значительны и интересны, что полонизмов в Космографии несравненно меньше, чем в «Истории вкратце» (кролевание, кролевать, чехова шапка — творительный падеж — польск. czechową szapką, справца, постоянно предлог «до» в значении «к», «в» и т. д.).

Итак, сравнение текстов «Истории вкратце о Бохеме» и седьмой главы Космографии позволяет считать несостоятельным мнение о родственности переводов, тем более об их тождественности. Несомненно, что мы имеем дело не с редакциями или вариантами одного текста, а с совершенно самостоятельными переводами.

Источником «Истории вкратце», как и седьмой главы Космографии, считается «Хроника всего света» Мартина Бельского. О количестве и хронологии изданий «Хроники» единого мнения не существует; ясно, впрочем, что последнее прижизненное издание было в 1564 г., следующее, и

последнее, — в 1582 г.[15] Мы пользовались имеющимся в ГПБ экземпляром издания 1564 г., которое включает в себя статьи первых трех изданий и, как нужно полагать, тождественно изданию 1582 г. Глава о Чехии попала, как известно, в западнорусский Хронограф («О Чесском кролестве кроника»). Имеется также несколько русских переводов «Хроники» М. Бельского, но только один из них[16] содержит главу о Чехии. Ни польский текст, ни русские переводы не могут быть признаны близкими к «Истории о Бохеме» и седьмой главе Космографии 1670 г. Во-первых, у М. Бельского и в русских переводах его дается погодное изложение событий. В Хронографе и первом великорусском переводе отсутствует эпизод, служащий введением к «Истории о Бохеме» и седьмой главе Космографии, — нечто вроде общего вступления о стране, языке, населении. У М. Бельского этот эпизод имеется несколькими страницами раньше, в разделе «О немецких землях».[17] В «Истории» и седьмой главе Космографии нет ряда эпизодов, содержащихся в «Хронике о Чешском королевстве» М. Бельского и в русских переводах ее. Выпущены рассказ о заложении Лехом польских городов, статьи о заложении Иглавы, княжении Вршовца, о войне с немцами и распре между Кршесомыслом и Вратиславом (под 895 г.), о море в Чехии, о Яне Гусе и Иерониме Пражском, упоминание о гуситском движении, не названы многие чешские князья и короли. С другой стороны, перечисленные в «Истории о Бохеме» и седьмой главе Космографии правители Чехии конца XVI—начала XVII в. (до 1611 г.) не упоминаются, естественно, в польском тексте и русских переводах М. Бельского.

Не останавливаемся на других многочисленных, но не столь значительных различиях, поскольку и приведенный материал дает основание считать, что прямой связи ни с «Хроникой о Чешском королевстве» М. Бельского, входящей в состав «Хроники всего света», ни с русскими переводами ее «История вкратце» и седьмая глава Космографии 1670 г. не имеют. Либо наши тексты были действительно самостоятельно обработаны на Руси, как считали И. И. Первольф, А. В. Флоровский и другие исследователи, либо они переведены с другого источника, в достаточной мере близкого к «Хронике» М. Бельского.

Этим источником главы о Чехии в Космографии 1670 г. и «Истории о Бохеме» послужил польский перевод «Истории Европейской Сарматии» Александра Гваньини, изданный в Кракове в 1611 г.,[18] точнее — две первые части 6-й книги. Переводил книгу с латыни на польский язык малоизвестный поэт Мартин Пашковский. В заглавии «Истории Европейской Сарматии» говорится, что по-польски она издана с дополнениями, которых нет в латинском издании 1581 г.: «А в этот раз с прибавлением тех королей, которых в латинской нет: то есть королевств, княжеств, инсул, земель Славянских, Волошской, Паннонии, Богемии, Германии, Дании, Швеции, Готии и т. д. Стараниями того же автора с великим усердием с латыни на польский переведена и разделена на 10 книг и коротко изложена».[19]

---

[15] См.: Ludwik F i n k e l. Bibliografia historii polskiej. Warszawa, 1955, w. I, № 7152, стр. 412. — Указаны издания 1551, 1554, 1562, 1564, 1582 гг.

[16] ГПБ, F.IV.162, 1584 г.; по определению А. И. Соболевского — «первый великорусский».

[17] Marcin B i e l s k i. Kronika wszystkiego swiata. Kraków, 1564, л. 291 об.

[18] Kronika Sármácyey Europskiey, w ktorey sie zamyka krolestwo Polskie ze wszystkiemi Páństwy... Przez Alexandra Gwagnina z Werony... W Krakowię, Roku 1611.

[19] «A teraz záś z przyczynieniem tych Krolow, ktorych w Láćińskiey niemaśc; Tudźież Krolestw, Páństw, Insuł, źiem Słowiáńskich, Wołoscey, Pánnoniey, Bohemiey, Germaniey,

«Того же автора» — из контекста заглавия нужно понимать как Александра Гваньини. Но на самом деле, как указывает Финкель,[20] переводчиком «Истории Европейской Сарматии» был Мартин Пашковский. Вряд ли А. Гваньини принадлежат и указанные дополнения польского издания 1611 г. Существует распространенное мнение, основанное на обвинении Стрыйковским А. Гваньини в присвоении «Истории Европейской Сарматии», что А. Гваньини не был автором книг, которые выходили под его именем, а широко пользовался услугами секретарей. Очевидно, таким секретарем был и М. Пашковский, чью работу переводчика Гваньини не задумался приписать себе. Рассматривая вопрос о том, кто был составителем дополнений, следует признать наиболее вероятным и в этом отношении авторство М. Пашковского, так как трудно предположить, чтобы 73-летний сенатор с титулом виленского воеводы сам взялся за составление компилятивных (как будет показано ниже) дополнений, представляющих, в общем, механическое прибавление к книге.

Как автор М. Пашковский не самостоятелен. Его дополнения являются компиляцией из «Хроники всего света» М. Бельского. Упоминание в главе «О Богемии краткая история» имени императора Максимилиана заставляет предполагать, что М. Пашковский пользовался изданием «Хроники» 1564 г., либо 1582 г., так как материалы о коронации его короной Священной Римской империи появляются впервые в издании 1564 г. Основной материал М. Пашковский берет из «Космографии», вошедшей в «Хронику» М. Бельского.

Имеющиеся здесь описания Швеции, Финляндии, Лапонии (Лапландии), Гренландии, Готии, Исландии, Дании, Норвегии, Швейцарии, Немецких земель, Алзации, королевства Вестерих составили соответствующие статьи 6-й книги «Истории Европейской Сарматии». Эти главы попросту переписаны из М. Бельского и во всем его повторяют.

Статья «О Богемии краткая история» составлена М. Пашковским на основе вошедших в книгу Бельского «Хроники о Чешском королевстве» и «Космографии». М. Пашковский предпослал тексту общее описание Чехии, взятое из «Космографии». За ним следует небольшой отрывок, которого не находим у Бельского: «Они сначала основали замок над рекою Крупой, названный Псары; потом из-за недостатка места пошли дальше на юг. Оттуда Лех пошел на север... и осел в силезских и польских краях пустых; а потом с божьею помощью и до самой Вислы все прилежащие земли, Поморскую и Кашубскую, и другие даже до моря Немецкого, где теперь города Штеттин, и Любек, и Росток, до самой Вестфалии заселил».[21]

Вслед за указанным отрывком начинается изложение фактов чешской истории, представляющее сокращение «Хроники о Чешском королевстве» М. Бельского. Более подробно изложены фантастические, легендарные эпизоды, вроде рассказов о воцарении Пршемысла, пророчествах Либуши, предания о девичьей войне. Когда же изложение доходит до событий исторически достоверных (царствование Болеслава Милостивого), М. Пашков-

---

Dániey, Szwecyey, Gothyey etc. Zá štárániem tegoż Authorá z wielką pilnośćią z Laćińskiego ná Polskie przełożona Rozdżiałámi na X kśiąg kroćiuchno zebrána».

[20] Ludwik Finkel. Bibliografia..., № 11, стр. 1817; см. также статью Д. И. Языкова в книге «Энциклопедический лексикон Плюшара» (т. 13, СПб., 1838, стр. 360—361).

[21] Kronika... przez Alexandra Gwagnina..., kś. VI, стр. 34—35: «Ći wprzod obráli byli sobie zamek nád rzeką Krupą / názwány Psáry / potym dla ćiasnośći mieyscá dáley postą pili na południe. Támże Lech vdał się ku Połnocy / ... y ośiadł Sląskie y Polskie kráiny puste / á potym zá pomocą Bożą áż do sámey Wisły / wszytkie przyległe kráiny / ziemię Pomorską / y Kászubską / y ine áż do morzá Niemieckiego / gdżie dźiś miásto Sztéćin / y Lubek / y Rostok / áż do Westpháliey rozćiągnął się...»

ский прерывает рассказ и кончает статью простым перечислением царствовавших до 1611 г. чешских государей.

Различия между «Историей вкратце» и седьмой главой Космографии, которые были указаны выше, иногда можно объяснить неправильным пониманием источника, иногда (примеры 3, 5, 6 из Космографии) — естественной порчей текста.

Приговор Крока легко мог быть истолкован двояко: либо виновный купил другого вола, либо князь только приказал ему купить вола: «Krol... kazał go wnet záprządz do pługa|y oráć nim|áż inego wołu kupił» (ср. в списках западнорусского Хронографа: «...донели же иного вола купил» или «...купит»). Некоторые примеры убеждают, что как переводчику «Истории вкратце», так и редактору 76-главной Космографии были известны и другие, кроме А. Гваньини, источники, повествующие о Чехии (ср. ссылки на жития Вячеслава и Людмилы в «Истории о Бохеме»). Оба они, возможно, знали Хронограф западнорусской редакции. Не случайно в «Истории о Бохеме», как и в Хронографе, опущено описание погребения Борислава. Языческий обряд погребения резко противоречил имеющемуся тут же указанию, что Борислав был первым князем-христианином. Переводчик «Истории о Бохеме», по-видимому, знал также самостоятельные списки известного отрывка «Об Иване, королевиче карвацком».

Следует заметить, хотя это и не является предметом нашей работы, что и для остальных глав Космографии (с 6-й по 12-ю, которые не составлены на основе «Атласа» Меркатора) источником послужила книга Гваньини. Соответствующие главы «Истории Европейской Сарматии» буквально следуют тексту М. Бельского, но расположены в другом порядке, который совпадает с последовательностью этих глав в Космографии 1670 г. Единственное исключение составляет статья о Чехии. Она поставлена перед остальными заимствованными статьями. По сравнению с ними она отличается бо́льшим объемом и несколькими отклонениями от польского оригинала. Эти отклонения свидетельствуют о том, что составитель Космографии отнюдь не смешивал Чехию с империей Габсбургов. В Космографии подчеркивается, что Чехия является славянским государством. Если М. Пашковский излагает историю Чехии как историю части немецкого государства, то русский составитель отмечает зависимое положение Чехии: «а владеет ею цесарь християнский».[22] Если М. Пашковский чешскую статью озаглавливает «О Богемии краткая история», то наш составитель дает заглавие по национальному названию страны — «О Чешском королевстве», добавляя: «Иллирик тож нарицается».[23]

Поиски материала, который дополнил бы «Атлас» Меркатора, были вызваны краткостью помещенных в нем сведений о Чехии и о северных странах. Заимствования из книги Гваньини[24] восполнили этот пробел, особенно в отношении Чехии, которой у Меркатора не посвящено самостоятельной статьи.

Как мы уже упоминали, на л. 1 ленинградского сборника указывается, что он переведен с польского языка на русский. Переводчик зашифровал свое имя следующим образом: «Преведшаго же имя от Б начинаемо,

---

[22] Космография 1670 года, стр. 63.

[23] Там же.

[24] Русские переводчики конца XVII в. не один раз обращались к «Истории Европейской Сарматии» А. Гваньини. Ее перевод с польского на русский известен в двух списках: ГПБ, F.IV.130 и F.IV.180. В заглавии перевода указаны дополнительные статьи, но в тексте их нет. Описание см.: А. И. Соболевский. Переводная литература..., стр. 76—78.

в числе 1503 слагаемо».[25] С точки зрения математики это не поддается расшифровке,[26] так как число сочетаний цифр (букв — в нашем случае), дающих в сумме 1503, крайне велико. Но мы, пытаясь выяснить имя переводчика, исходим из того, что всякая попытка писца, автора или переводчика записать свое имя тайнописью все-таки предполагает какой-то круг лиц, которые могут понять эту тайнопись в силу известных им фактов. Поэтому мы пошли по пути поисков сторонних сведений об имени переводчика.

Среди русских имен только два начинаются на Б — Борис и Богдан. Следовательно, лишь они могут быть первым словом криптограммы. Кроме того, как явствует из двух владельческих приписок, имя человека, которому принадлежал сборник, — было Борис Лукин сын Секиотов (вторая приписка сделана латинскими буквами). Воспользовавшись фамилией Секиотовы (по орфографии сборника), можно легко найти, что правилу зашифровки удовлетворяют три сочетания:

Богдан	Борисов	Сын	Секиотов	
128	450	250	675	= 1503
Борис	Богданов	Сын	Секиотов	
378	200	250	675	= 1503
Борис	Борисов		Секиотов	
378	450		675	= 1503

Практически точное решение этой задачи возможно лишь тогда, если мы получим какие-либо дополнительные сведения о переводчике «Истории вкратце». При настоящем положении дел предложенная нами дешифровка весьма относительна. То обстоятельство, что все три варианта имени переводчика, построенные на материалах самой рукописи, удовлетворяют условию криптограммы, делает нашу дешифровку в какой-то степени достоверной (сборник мог быть написан сыном — Богдан Борисов, Борис Борисов — для отца или племянником — Борис Богданов — для дяди). Во всяком случае она может способствовать окончательному решению задачи.

Такая же зашифровка имеется и в рукописи перевода книги Иоанникия Голятовского «Лебедь с перием своим», которая вышла в 1679 г., а переведена будто бы этим самым «1503» в 1683 г., т. е. через четыре года по напечатании.[27]

Поскольку источник «Истории вкратце» находится в подчиненном отношении к соответствующей части «Хроники» М. Бельского, а «История вкратце» представляет собою достаточно точный перевод оригинала, то, естественно, в ней не содержатся куски, выпущенные М. Пашковским из «Хроники» М. Бельского. Если же мы сравним те части, которые есть и в «Истории вкратце» и в русских переводах (например, в первом великорусском) М. Бельского, то заметим, что русский перевод М. Бельского сделан значительно свободнее, чем «История вкратце» (в первом великорусском переводе появляется сообщение, что при Кроке «люди дворы и домы свои ставили. И множество градов люди наставили и сел, имения устроили...», указывается точное число воинов, отправившихся под Девин,

---

[25] Было бы натяжкой безоговорочно утверждать, что этот переводчик перевел все включенные в сборник произведения, однако такая возможность отнюдь не исключена.

[26] Нам не удалось установить никаких аналогий к данному методу зашифровки. Она относится к случаю не поддающихся расшифровке криптограмм (см.: М. Н. Сперанский. Тайнопись в югославянских и руссих памятниках письма. Л., 1929, стр. 151—157).

[27] К. Калайдович, П. Строев. Описание славяно-российских рукописей графа Ф. А. Толстого. М., 1825, отд. II, № 26, стр. 227, 228.

несколько иначе осмыслен эпизод о Чтыраде и т. д.). Наряду с некоторой «вольностью» первый великорусский перевод обнаруживает и другую тенденцию — стремление к тщательной датировке событий: не только сохраняются все даты, имеющиеся у М. Бельского, но иногда привносятся и даты, у него отсутствующие. «История о Бохеме», напротив, точно следует оригиналу.

Но главное различие между «Историей вкратце о Бохеме» и седьмой главой Космографии 1670 г., с одной стороны, и русскими переводами М. Бельского — с другой (т. е., в сущности, между М. Бельским и А. Гваньини) нужно искать в другом: какую роль в «Хронике» М. Бельского, а следовательно и в русских переводах ее, играл материал, выпущенный М. Пашковским и не вошедший в «Историю вкратце» и 76-главную Космографию. Выяснение этого поможет решить вопрос, чем — по сравнению хотя бы с западнорусским Хронографом — привлекало изложение событий чешской истории у М. Пашковского и почему понадобился новый перевод.

Выше были охарактеризованы эпизоды, которые М. Пашковский не включил (или включил, предельно сократив) в книгу А. Гваньини. Все эти эпизоды не носят легендарно-беллетристического характера. Если в «О Чесском кролестве кронике» (Хронограф) легендарные события чешской истории вполне уравновешиваются собственно историческими сообщениями, то в «Истории о Бохеме» акцент сделан именно на легендарных фактах. Материал здесь также распределен с понятным расчетом — выделить прежде всего занимательные рассказы о Чехе, пророчествах Либуши, девичьей войне и т. п. Так, в «Истории вкратце» о смерти Каши и Тетки упомянуто тотчас после рассказа о смерти их сестры Либуши. Это устраняет перебой, получившийся в Хронографе, где о смерти двух сестер сообщается после длинного рассказа о девичьей войне.

«Изложение всемирной истории было подчинено в Русском хронографе чисто литературным, повествовательным задачам», — пишет Д. С. Лихачев. И далее: «Хронограф делится не на годовые статьи, как русская летопись, а на ряд рассказов с законченным повествовательным сюжетом».[28] Глава о Чехии попала в западнорусский Хронограф именно потому, что древнейшая история Чехии в изложении чешских хронистов и М. Бельского представляет собою как раз «ряд рассказов с законченным сюжетом». Но чешская часть «Хроники» М. Бельского — наполовину историческое повествование. «История о Бохеме», в отличие от нее, если можно так выразиться, «сборник легенд», незначительно дополненный перечислением вполне реальных князей и королей. Наличие интереса к отдельным легендам, составляющим древнейшую чешскую историю, подтверждают самостоятельные списки «Ивана, королевича карвацкого» и предания о девичьей войне.[29] Лучшим доказательством художественной ценности легенд, освещающих древнейший период истории Чехии, служат известные «Старинные сказания чешские» А. Ираска, построенные в первой части на том же материале, что и «История вкратце о Бохеме».

---

[28] Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 335, 337.

[29] Их происхождение еще предстоит выяснить.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

С. Л. ПЕШТИЧ

О новом периоде в русской историографии и о так называемых официальных петровских летописцах

А. Н. Насонов в содержательных и ценных статьях «Летописные памятники хранилищ Москвы. (Новые материалы)» и «Материалы и исследования по истории русского летописания» [1] впервые указал на группу «летописцев» конца XVII—начала XVIII в. Новые материалы о летописании позднего времени позволили А. Н. Насонову выразить сомнение в правильности утверждения тех историков (А. Ф. Бычков и В. С. Иконников), которые считали, что «летопись в глазах Петра не имела официального значения», и высказать соображение об официальном характере летописи конца XVII—начала XVIII в. «Данные о личном участии Петра в организации летописного дела согласуются с наблюдениями о составе и назначении петровских летописцев» [2] — таков главный вывод автора, подводящий к пересмотру вопроса о датировке летописного периода в русской историографии и уже нашедший поддержку в литературе.

С. Н. Азбелев на основании изучения новгородских сводов XVII в., присоединяясь к точке зрения А. Н. Насонова, с еще большей настойчивостью высказал свое мнение по этому поводу. «Объем новгородских сводов XVII в., — пишет он, — их официальный характер, обилие и разнообразие используемых источников заставляют изменить представление о затухании летописания в этом столетии».[3]

*

Вопрос о том, когда начинается новый период в русской историографии не может не иметь теоретического и практического значения.

Д. С. Лихачев датирует летописный период русской историографии XI—XVI вв.[4] Что касается XVII в., то, по его заключению, в это время «государственное значение летописания гаснет». Летопись, переставая быть государственным предприятием, становится «по преимуществу частным делом отдельных авторов».[5]

---

[1] Проблемы источниковедения, т. IV. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 243—285; т. VI, М., 1958, стр. 235—274.

[2] Там же, т. IV, стр. 281.

[3] С. Н. Азбелев. Новгородское летописание XVII века. (Новгородская Уваровская летопись, Новгородская третья, Новгородская Забелинская и Новгородская Погодинская летописи). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1958, стр. 19.

[4] Д. С. Лихачев. О летописном периоде русской историографии. — ВИ. М., 1948, № 9, стр. 21—40.

[5] Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 375.

М. Н. Тихомиров в «Очерках истории исторической науки в СССР» считает новым периодом русской историографии, пришедшим на смену летописному, XVII в. То новое, что появилось в русской историографии в XVII в., и в особенности во второй половине столетия, следуя выводам М. Н. Тихомирова, сводится: во-первых, к расширению круга авторов, занимающихся историей; во-вторых, к возникновению произведений, только внешне сохраняющих вид летописи, но по существу совершенно отходящих от старой летописной традиции, т. е. к замене старой, погодной формы изложения историческим повествованием, составленным по единому плану и написанным единым стилем; в-третьих, к значительному расширению исторической тематики; в-четвертых, к привлечению новых исторических материалов, и, наконец, к усилению критической обработки используемых источников.[6] Подводя общий итог тем существенным изменениям, которые произошли за это столетие, М. Н. Тихомиров писал: «Таким образом, новый период в русской истории, отмеченный В. И. Лениным, является и новым периодом в русской историографии, качественно отличным от более раннего времени».[7]

Со всем этим нельзя не согласиться. Но, спрашивается, настолько ли велики и существенны эти изменения, чтобы ставить вопрос о новом периоде в русской историографии уже в XVII в. в том смысле и значении, которое В. И. Ленин придавал XVII столетию в истории России?

Характерной особенностью русской исторической мысли в новый период жизни России являлось наличие двух видов исторических произведений: летописных и самостоятельных исторических опытов. Первые были написаны по «обычаям летописцев», т. е. в духе летописной традиции, вторые создавались «по порядку историков». Различие между этими двумя видами исторических произведений достаточно ясно понимали некоторые современники. Так, безымянный автор в своем роде настоящего теоретического руководства по написанию отечественной истории, условно названного нами «Историческим учением»,[8] составленного на рубеже 70—80-х годов XVII в., отличал повести и летописцы, созданные «несовершенным описанием и не по обычаю историографов», от произведений, написанных по «чину историческому», «по обычаю историков».

Первая группа исторических произведений представлена поздними общерусскими летописными сводами, составленными в Москве и Новгороде, или, точнее, произведениями, в основу которых положены общерусские летописные своды летописного периода русской историографии, продолженные до современности (многочисленные местные летописцы с их провинциальной тематикой в счет не идут).

Вторая группа исторических произведений включает произведения, написанные «по обычаю историографов», т. е. как произведения нового типа. К ним обычно относят «Историю» Федора Грибоедова, «Синопсис», «Историю Скифии» Лызлова и некоторые другие.

Типичным произведением нового типа, только внешне сохраняющим вид летописи, но по существу совершенно отходящим от старой летопис-

---

[6] Очерки истории исторической науки в СССР, т. I. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 89—105.

[7] Там же, стр. 90.

[8] Оно было опубликовано Е. Е. Замысловским в книге «Царствование Федора Алексеевича» (ч. 1, СПб., 1871, Приложения, стр. XXXV—XLII) под неточным названием: «Предисловие к исторической книге, составленной по повелению царя Федора Алексеевича» (см.: ГПБ, F.IV.159). Из ознакомления с рукописью никак нельзя сделать вывод о том, что «Историческая книга», о которой говорил Е. Е. Замысловский, действительно есть то, что помещено после упомянутого «Предисловия».

ной традиции, М. Н. Тихомиров считает «Временник русский», известный во множестве списков, но совершенно не изученный в историографии.[9]

Правда, нужно признать, как это и делают А. Н. Насонов и С. Н. Азбелев, что летописные произведения XVII в. уже имели элементы исторического исследования, а нелетописные, как добавим, все еще были сильно похожи на летописи.

Но когда мы говорим о новых видах исторических произведений, появившихся в XVII в., то мы должны иметь в виду не столько замену летописной формы изложения повествовательной, сколько новое понимание истории со всеми вытекающими из этого методологическими и источниковедческими приемами.

Все исторические произведения XVII в. еще очень далеки от науки. В них можно только наблюдать элементы научности. Эти элементы научной критики мы встречаем и в произведениях нового типа и в летописании Москвы и Новгорода конца XVII в. В них уживаются зародышевые средства научности с религиозным мировоззрением, теологическим и телеологическим объяснением истории. Но сам факт сосуществования попыток научного подхода к объяснению истории с религиозным миропониманием уже все-таки являлся шагом вперед. Светская, гражданская идеология вытесняла церковную. Постепенно начавшееся изгнание божественной воли и дьявольских козней в качестве монопольного объяснения истории и замена средневековой схоластики попытками установления причинной взаимосвязи событий, психологическим объяснением деятельности исторических персонажей явились преддверием науки.

Таким образом, XVII в., а точнее — время примерно со второй половины XVI в. до начала XVIII столетия включительно являлось, по нашему мнению, переходным периодом от донаучного знания к научному, т. е. к историческим произведениям с философией истории и критикой.

Поэтому полагаем, что нельзя правильно понять закономерностей развития исторической мысли в России XVII столетия без признания переходного периода в русской историографии, растянувшегося почти на два столетия. После пяти веков господства летописания переход к научной разработке истории не мог произойти в более короткий исторический срок, тем более в стране, которая в социально-экономическом и культурном развитии отставала от передовых европейских держав.

Для того чтобы правильно подойти к характеристике исторических произведений конца XVII—начала XVIII в., нужно не только уяснить разницу между донаучными и научными историческими трудами, но и признать различие между летописанием периода летописной историографии и летописанием позднего времени, начиная примерно со второй половины XVI в. Можно предположить, что уже в огромных сводах того времени, таких, как Никоновский, известия, встречающиеся только в них, зависели не столько от предполагаемых источников, до нас не дошедших, сколько от домыслов авторов этих произведений. Если фантазии историописателей XVII в. в объяснении древнейших судеб русского народа все меньше и меньше принимаются во внимание современными исследователями эпохи древней Руси, то к известиям XVI в. о тех же далеких сюжетах отечественной истории можно отнестись с таким же недоверием.

---

[9] Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, стр. 94. — Н. Тихомиров ссылается на рукопись Исторического Музея в Москве, Отдел рукописных и старопечатных книг, Музейное собрание, № 1473. Одну из редакций «Временника» знал Н. М. Карамзин и использовал ее в «Истории государства Российского».

Высказанная мысль не так уж нова, но повторить ее, пожалуй, необходимо, ввиду того что некоторые исследователи не совсем четко отделяют время классического летописания от летописания позднейшего. Лет 15 назад Л. В. Черепнин в интересной статье об историографии XVII в. высказал мысль о том, что недостаточная изученность позднего летописания объясняется малой источниковедческой ценностью летописей этого века благодаря наличию большого количества документального актового материала.[10] Однако такое толкование не объясняет всего. Дело в том, что историки русского летописания, такие, как А. А. Шахматов, М. Д. Приселков, считали позднейшие летописи (XVI—XVII вв.) принципиально отличными от древнерусского летописания и занимались поэтому ими сравнительно мало. В связи с этим необходимо отвести упрек от М. Д. Приселкова в отношении использования им малого количества летописных памятников, сделанный в его адрес А. Н. Насоновым.[11] Нельзя не напомнить, что М. Д. Приселков в труде «История русского летописания XI—XV вв.» (Л., 1940) имел в виду только те летописные списки XIV—XVIII вв., которые содержат тексты сводов XI—XV вв. Справедливости ради надо учесть и успехи советской исторической науки за последние 15—20 лет, в том числе в изучении позднего летописания, позволившие А. Н. Насонову оперировать летописным фондом, превышающим тысячу единиц.

Статья А. Н. Насонова «Летописные памятники хранилищ Москвы» может внести серьезные коррективы в представление о времени окончания летописания только в том случае, если подтвердится заключение автора об официальном характере летописания в первой четверти XVIII в. Выводы А. Н. Насонова требуют проверки не только в свете общих рассуждений о конце летописания в России, но и в плане выяснения всей совокупности развития и распространения исторических знаний в нашей стране в первой четверти XVIII в.

В конце XVII—начале XVIII в. в условиях петровских преобразований и Северной войны исторические знания приобретали особое значение в общественной жизни России. Они обслуживали интересы дипломатии и военного дела, законодательства и публицистики, церкви и раскольников, правительства и антипетровской оппозиции. Нет необходимости в рамках короткой статьи останавливаться на выяснении роли истории в общественной жизни, но следует, быть может, только напомнить о том, что почти ни один важный государственный законодательный акт в ту пору не обходился без соответствующего исторического обоснования.

Развитию и распространению исторических знаний в России успешно содействовал печатный станок. Русский читатель впервые получил возможность держать в руках печатные книги светского содержания. Правда, исторические произведения в рукописях долго продолжали успешно конкурировать с печатной продукцией. Например, книга Катифоро «История Петра Великого», вышедшая на итальянском языке в 1736 г. и переведенная на русский язык Писаревым в 1743 г., в рукописях XVIII в. встречается десятками в библиотечных хранилищах.

Историческая работа в первой четверти XVIII в. шла главным образом по двум направлениям: по пути создания общих работ по истории России, доводимых до настоящего времени, и по линии написания современной истории России, точнее, истории Петра или истории Северной войны.

---

[10] Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII века. — ИЗ, т. 14. М., 1945, стр. 81.

[11] А. Н. Насонов. Летописные памятники..., стр. 281.

К первому типу трудов следует отнести «Ядро Российской истории» А. И. Манкиева и оставшееся до сих пор в рукописи произведение под названием «История о владении российских великих князей вкратце», автором которого можно признать Федора Поликарпова.

Ко второму типу причислим сравнительно многочисленные произведения, посвященные истории Северной войны или царствованию Петра I: «Книгу Марсову» (первоначальный вариант собрания документов — 1713 г.), работу Г. Гюйссена (Гизена) «Журнал государя Петра I» (1715 г.), книгу П. П. Шафирова «Рассуждение о причинах Свейской войны» (1716 г.), книгу Феофана Прокоповича «История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской победы» (задуманную к десятилетию основания Петербурга, но завершенную им, правда не окончательно, в 20-х годах), работу Галларта (Алларта) «Историческое описание Северной войны с 1699 до 1721 гг.» (доведенную до смерти Карла XII), ряд опытов Б. И. Куракина и др. Известные произведения С. Медведева и А. А. Матвеева и «Записки» других авторов конца XVII—первой четверти XVIII в., несмотря на хронологически ограниченную тематику, необходимо отнести сюда же. Наконец, самым крупным историческим произведением своего времени, имеющим значение государственного предприятия, явилась «Гистория Швецкой войны», известная в печатном издании под позднейшим названием как «Журнал, или поденная записка, императора Петра Великого».

Все эти произведения достаточно далеки от образцов летописной поры, хотя и близки к летописям по форме. Но нужно учесть, что общее в форме идет не только и, пожалуй, не столько от летописной традиции, сколько от хроники современных событий — дневников, записок, статейных списков, походных журналов и тому подобной официальной и служебной документации.

Что касается «Ядра Российской истории»,[12] написанного по личной инициативе А. И. Манкиева секретарем русского посла в Швеции князем А. Я. Хилковым, то относить его к произведениям летописного типа также нет никаких оснований. Это давно признано современной историографией.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в первой четверти XVIII в. господствует не летописная традиция, а произведения нового, нелетописного типа.

«Историю о владении российских великих князей вкратце», которую можно считать работой Федора Поликарпова, также затрудняемся отнести к трудам летописной школы. О работе Ф. Поликарпова над составлением «Истории» по поручению Петра I известно в литературе давно.[13] Еще в 1708 г. он должен был написать в качестве пробы о событиях за пятилетний срок в двух вариантах: пространно и кратко. Предполагалось, что Ф. Поликарпов осветит события новой и новейшей истории России начи-

---

[12] «Ядру Российской истории» в исторической литературе не повезло. Г. Ф. Миллер при издании книги приписал авторство А. Я. Хилкову. «Очерки истории исторической науки в СССР» (стр. 174) и Л. В. Черепнин в «Русской историографии до XIX века» (Изд. МГУ, 1957, стр. 141) считают, что А. И. Манкиев писал по поручению Петра. В действительности, как свидетельствует сам автор, дела и победы Петра I «повелели» ему взяться за исторический труд в шведском плену. См. текст посвящения А. И. Манкиева Петру I у С. М. Соловьева, писателя русской истории (Собрание сочинений. Изд. «Общественная польза», СПб., б. г., стлб. 1317).

[13] См., например: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. IV. Изд. «Общественная польза», СПб., в гл. стлб. 15, 241; П. П. Пекарский. Наука и литература при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 317; Письма и бумаги Петра Великого, т. VIII, в. 2. М., 1951, стр. 938; ср.: А. Н. Насонов. Летописные памятники..., стр. 281—283).

ная от Василия Ивановича (III) до современности. Поликарпов работал медленно и малоуспешно. Свидетельству, приведенному у И. И. Голикова (от 2 января 1716 г.),[14] о неблагоприятной оценке Петром I труда Федора Поликарпова можно вполне доверять, так как мы располагаем рукописями «Истории», законченной 16 марта 1715 г.[15]

Рукопись БАН, 32.6.30 нет оснований не считать трудом Ф. Поликарпова. А. И. Мусин-Пушкин, сообщая Ф. Поликарпову мнение Петра о его «Истории», в частности, писал: «История твоя и лексикон, хотя и не очень благоугодны были...».[16] Обратим внимание, что в рукописи БАН, 32.6.30 «История» и «Лексикон» органически слиты. «Лексикон вокабулам новым по алфавиту(на лл. 380—391) должен был помочь читателю разобраться в тех иностранных словах и выражениях, употреблявшихся в официальных документах, к которым обращался и сам Ф. Поликарпов при составлении «Истории».

Что представлял собой труд Ф. Поликарпова?

«История о владении российских великих князей вкратце, о царствовании же десяти российских царей, а наипаче всероссийского монарха Петра Алексеевича (тем именем) Первого и его войне против свейского короля Карола второго на десять пространнее описующая», как видно уже из заглавия, делится на три части. 1-я часть начиналась обычным сюжетом историографии — «началом и произведением народа и языка славянского» и заканчивалась серединой XVI в. Она была написана сокращенно и заняла всего лишь около 30 листов. 2-я часть была отведена истории до воцарения дома Романовых и уже заняла около 280 листов. Последняя, 3-я часть начиналась правлением Михаила Федоровича и заканчивалась 1710 г. На нее отводилось несколько меньше 200 листов, из коих описание Северной войны занимало почти половину, т. е. примерно $^1/_5$ часть всей работы.

Как видно из текста, Федор Поликарпов готовил свою книгу к 30-летию правления Петра, т. е. к 1712 г. Написана она была позже и, по-видимому, позднее подверглась переработке, которая, однако, завершена не была. На полях мы встречаем многочисленные дополнения о событиях отечественной и европейской истории; некоторые из них не лишены интереса.

Можно убедиться, что автор неплохо разбирался в ценности различных источников, необходимых для составления истории Северной войны. Жалуясь на то, что ему были доступны «токмо печатные реляции»,[17] Федор Поликарпов ссылался на те исторические документы, о существовании которых он знал, но привлечь их для своей работы не смог. Это были походные журналы наиболее видных военных руководителей: самого Петра I, Меньшикова, генерал-адмирала Апраксина и др. Ф. Поликарпов пользовался только печатными реляциями о взятии Нотебурга, Нарвы, сражениях при Лесной и под Полтавой, взятии Выборга, Риги и Ревеля.

Как видно, труд Федора Поликарпова не мог удовлетворить Петра и его окружение прежде всего потому, что о современных событиях, особенно связанных с Северной войной, он писал и кратко и без достаточного ис-

---

[14] Дополнения к деяниям Петра Великого, т. XI. М., 1794, стр. 7—8.

[15] БАН, 32.6.30, рукопись на 508 лл. В конце ее читаем: «Сие краткое собрание истории Российской совершися в лето» 16 марта 1715 г. О ней см.: Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, в. 1, XVIII век. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 99, 409 (№ 78).

[16] См.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. IV, стлб. 241; ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 34, л. 108.

[17] БАН, 32.6.30, л. 505.

точниковедческого обоснования. Его произведение не идет ни в какое сравнение с работой Гюйссена, с произведением Феофана Прокоповича или с книгой Шафирова.[18]

В качестве положительной стороны труда Поликарпова нужно отметить интерес автора к событиям невоенной истории. Он систематически следит за всеми противоправительственными выступлениями; дает описание восстаний Болотникова, Разина, которого называет вторым Аттилой; добавляет известие о деле Григория Талицкого и сетует, что ему не пришлось достать подробного журнала Долгорукого о борьбе против булавинцев.

Как видно, Ф. Поликарпов не был обеспечен необходимой официальной документацией. Его произведение не являлось официальным летописным сводом Петровского времени не только потому, что оно не было летописью, но и потому, что правительство не посчитало необходимым обеспечить Поликарпова всеми необходимыми официальными материалами, как это делалось в других случаях.

Рукопись, обнаруженную А. Н. Насоновым в ЦГАДА (ф. 181, № 849),[19] можно считать подготовительными материалами для работы Ф. Поликарпова. В рукописи БАН встречаем такие же многочисленные записи о пожарах и другие материалы, указанные А. Н. Насоновым.

В данной статье мы не имеем возможности останавливаться на самой серьезной исторической работе первой четверти XVIII в., имеющей государственный размах и значение, — «Гистории Швецкой войны», известной под позднейшим названием в издании М. М. Щербатова как «Журнал, или поденная записка, императора Петра Великого», в составлении и редактировании которой принимал участие авторитетный коллектив авторов во главе с Петром I. Напомним, что это произведение охватывало только годы Северной войны. Но Петр не отказывался от мысли иметь полную историю России, доведенную до современности, или по крайней мере историю своего царствования. Позволим себе не ссылаться на известные факты и исторические опыты, подтверждающие высказанное положение, только остановимся на чрезвычайно интересном документе, свидетельствующем о намерениях Петра I в этом отношении. А. Н. Насонов впервые опубликовал документ, принадлежащий, по его мнению и соображениям Е. П. Подъяпольской, Петру, в котором достаточно определенно выражено решение Петра I продолжить официальную историю Северной войны, превратив ее в историю России нового и новейшего времени.[20] Как видно, Петр I предполагал начать «Историю» с царствования по крайней мере династии Романовых и детально остановиться на описании Азовских походов и стрелецкого восстания 1698 г. Точно датировать данный документ мы не можем, но если учесть, что в нем упоминается «книга что делал Ф. Поликарпов» и «прошлогоцкой журнал о компании» (морской), то можно его отнести ко времени не раньше 1715—1716 гг. и не позже окончания Северной войны. У нас имеются сведения, что в 1719 г. президент Коллегии иностранных дел Г. В. Головкин послал по поручению Петра А. В. Макарову «Краткий летописец, или выписку о житии великих князей Российских до государствования царя Ивана Васильевича», сделанный на основании Степенной книги. Интересно отметить, что Степен-

---

[18] Ф. Поликарпов, например, молчит о причинах Северной войны, ограничиваясь кратким замечанием о «многих неправдах» и пр.

[19] А. Н. Насонов. Летописные памятники..., стр. 282. — Об известной распространенности произведения Ф. Поликарпова может подтвердить рукопись ГБЛ, Музейное собр., № 4648 на 396 лл. В ней имеется такая же помета, как и в рукописи БАН, 32.6.30: «совершися в лето 1715 г., марта в 16 день».

[20] А. Н. Насонов. Летописные памятники..., стр. 283—284.

ная книга подверглась примерно такой же переработке, какую значительно позже предпринял В. Н. Татищев, сокращая «избыточественные речения» в Степенной книге, принадлежащей Урусову. Уже во втором десятилетии XVIII в. составители выписки из Степенной также выпустили «многие излишества, которые к сей гистории не приличны».[21]

Рукописи, использованные А. Н. Насоновым, являются наглядным доказательством того, что указание Петра о расширении хронологических рамок официальной истории было реализовано. Вполне вероятно предположение А. Н. Насонова, что автором произведения, находящегося в рукописи ЦГАДА, ф. 181, № 358 является Г. Скорняков-Писарев, так как известно, что Петр в 1722 г. поручал ему «сочинить книгу летописец» (слова принадлежат Г. Скорнякову-Писареву).[22] В ней видим все те сюжеты, которые имел в виду Петр (см. выше): Азовские походы, стрелецкое восстание 1698 г. и пр. Однако можно высказать и другое предположение. Официальные документы свидетельствуют о том, что после смерти Петра I мысль написать дополнение к «Гистории Швецкой войны» («Журнал, или поденная записка, императора Петра Великого»), охватывающее все царствование покойного императора, не была оставлена. В указе П. П. Шафирову от 19 мая 1725 г. ясно говорилось: «сочинить гисторию от дней рождения» Петра I «до 1700 года или до начала Северной войны».[23]

П. П. Шафиров наметил широкий план подготовительных работ.[24] Он думал начать «Историю» примерно с воцарения дома Романовых (коротко) и особо остановиться на событиях правления Петра I, начиная от его рождения до 1700 г., т. е. до начала «гистории, которая в Кабинете сбирана».

С. М. Соловьев высказал соображение о неподготовленности известного дипломата к составлению «Истории» на том основании, что П. П. Шафиров, вместо того чтобы самостоятельно извлечь из источников необходимые для работы сведения, обращался к правительству с рядом вопросов, имеющих прямое отношение к задуманному труду.[25] Но дело в том, что П. П. Шафиров хорошо был знаком с теми материалами для современной истории, которые находились в Кабинете Петра I, и поэтому запрашивал их. Упоминаемая им «Гистория» — это «Гистория Швецкой войны» («Журнал, или поденная записка, императора Петра Великого»), почти законченная к 1725 г.

В данное время мы затрудняемся определить степень участия Г. Скорнякова-Писарева и П. П. Шафирова в составлении предыстории Северной войны, или истории правления Петра до начала ее.

В заключение следует сказать, что новые материалы и наблюдения последнего времени не дают достаточно серьезных оснований для пересмотра датировки летописного периода русской историографии, окончившегося в XVI в. Сосуществование летописных и нелетописных произве-

---

[21] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. IV, стлб. 241.

[22] А. Н. Насонов. Летописные памятники. . ., стр. 280—282; см.: П. П. Пекарский. Наука и литература при Петре Великом, т. I, стр. 319.

[23] Именной указ Екатерины I, объявленный из Сената от 19 мая 1725 г., возлагал составление истории Петра на П. П. Шафирова (см.: ПСС, № 4721). Указ из канцелярии Правительствующего Сената был послан в контору Сенатского правления в Москву. Соответствующие распоряжения о сборе необходимых материалов для работы П. П. Шафирова были посланы Артиллерийской коллегии и коллежским конторам и канцеляриям в Москве (РО ГБЛ, ф. 310, № 10, лл. 57, 58, 23, 24).

[24] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. IV, стлб. 905—907.

[25] Там же.

дений в XVII столетии не может служить доводом в пользу расширения хронологических рамок летописного периода русской историографии. Повторим, что в XVII в. «государственное значение летописания гаснет» (Д. С. Лихачев).

Выводы и материалы о развитии исторических знаний в XVII в., введенные в научный оборот за последние годы М. Н. Тихомировым, Л. В. Черепниным, А. Н. Насоновым, С. Н. Азбелевым и др., вносят значительные коррективы в представление о конкретном развитии исторических знаний в России в ту пору, но не изменяют общей характеристики XVII столетия как нового периода в отечественной историографии (М. Н. Тихомиров).

Этот период мы называем переходным от летописного к произведениям нового типа, написанным с философией истории и критикой.

Так называемые петровские летописцы уже не являются летописными произведениями старого типа. Они задуманы и исполнены как дополнение к истории Северной войны или всего царствования Петра.

Форма произведений первой четверти XVIII в. восходит не столько к летописной традиции, сколько к служебной и деловой документации: статейным спискам, походным журналам, запискам и пр.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

П. Н. БЕРКОВ

Школьная драма «Венец Димитрию» (1704 г.)

В статье «Вероятный источник народной пьесы „О царе Максимилиане и его непокорном сыне Адольфе“» (ТОДРЛ, XIII. М.—Л., 1957, стр. 298—312) мною было высказано предположение о связи этой народной комедии со школьной драмой «Венец Димитрию». В самом конце статьи было указано, что в одном из ближайших томов ТОДРЛ будет опубликован текст «Венца Димитрию» по рукописям ГИМ и ГПБ (стр. 312).

Осуществляя в настоящее время публикацию текста данной пьесы и учитывая то обстоятельство, что в предшествующей статье были приведены основные сведения о Ростовской школе Димитрия Туптало и о драме «Венец Димитрию», мы считаем целесообразным сейчас дать описание дошедших до нас рукописей интересующего нас драматического произведения и остановиться только на вопросе о предполагаемом его авторе.

В основу текста публикуемой школьной драмы положена рукопись ГИМ (№ 1199—37936, 1900 г.), как полная и более исправная. В подстрочных примечаниях даны разночтения по рукописи ГПБ (Титов, 1302), представляющей только отрывок, к тому же менее точный. Наличие в обеих рукописях общих ошибок (л. 1, предпоследняя и последняя строки: «еже православие слышащи, с нею прѣезва<!> и бесчисленно ту побеждает») свидетельствует, что оба списка восходят к какому-то не дошедшему до нас более раннему тексту, скорее всего тоже копии, а не оригиналу.

Рукопись ГИМ, переплетенная тетрадь в 4°, написана на бумаге Ярославской мануфактуры Саввы Яковлева (водяной знак — медведь с алебардой в гербовом щите под короной и инициалы ЯМСЯ; эта филигрань не дает оснований для более точной датировки, ее относят к 1781—1789 гг.; о датированной владельческой записи см. ниже).

«Венец Димитрию» занимает в тетради лл. 1—31. Кроме него, в данную рукопись входят две другие пьесы Ростовской школы: «Комедия на Успение Богородицы» (лл. 32—60) и «Комедия на Рождество Христово» (лл. 60 об. — 93). Все три пьесы находятся в старинном картонном оклеенном бумагой переплете с кожаным корешком. На форзаце запись «15 руб. $\frac{37936}{1900\ г.}$ », очевидно, сделанная в момент приобретения книги ГИМ. Ниже этой записи находятся владельческие пометы XVIII—начала XIX в.: 1) «Из книг Степа[нова?]»; 2) <*другим почерком*> «Протоиереем Иоанном куплена 1787-го года ноября 11 д[ня]. Цена 45 ко. Мне досталась в <*стерто*> день марта 1813 г. В... из кних».

Рукопись ГПБ представляет собой тетрадь в 4° в зеленом коленкоровом переплете с кожаным корешком, конца XIX в. На верхней доске переплета вытиснено: «1704»; внизу — «А. А. Титова». На обороте верхней доски вверху подпись: А. Титов, и его экслибрис: № описан. 2411; № охр. кат. 1302. После форзаца идет одна ненумерованная страница, затем на

следующей странице рукою Титова списано заглавие пьесы и начало «аргумента». На обороте запись Титова: «Куплено в Ярославле в 1881 г. мая 6».

Текст пьесы занимает 8 лл. Бумага та же, что и в рукописи ГИМ. Текст обрывается на реплике Мелеи: «Нашего любимца, тя, Максимиана, От твоих богов с ада тебе есмы посланна» (д. I, явл. 1). Далее (лл. 9—16) идет не вполне точная транскрипция пьесы.

По-видимому, по этой копии Титов опубликовал принадлежавший ему отрывок драмы в брошюре «Новые данные о святителе Димитрии Ростовском» (М., 1881, стр. 14—21), о которой упоминают П. О. Морозов (Очерки из истории русской драмы XVII—XVIII столетий. СПб., 1888, стр. 346; История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889, стр. 339) и И. А. Шляпкин [Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 г.). СПб., 1891, приложение, стр. 70]; ни в одной библиотеке Ленинграда найти эту брошюру нам не удалось. Не указана она и в списке печатных работ А. А. Титова. По копии, сообщенной Титовым, И. А. Шляпкин напечатал в цитированной книге о Димитрии Ростовском доступный ему текст «Венца Димитрию» (приложение, стр. 59—70).

Сюжет «Венца Димитрию» стоит особняком в школьной драматургии. Не только в русской и украинской, но и в польской школьной драме (по крайней мере если судить по книге В. И. Резанова «Школьные драмы польско-литовских иезуитских коллегий». Нежин, 1916) другие пьесы на этот же сюжет не обнаружены.

Очень долгое время «Димитриевская комедия» (так назывался «Венец Димитрию» до того, как была найдена рукопись пьесы) приписывалась самому Димитрию Ростовскому. Первым высказал эту точку зрения Н. И. Новиков.[1] Между тем в «Эпилоге» «Венца Димитрию» есть стихи, ясно показывающие, что митрополит Ростовский автором не был:

Наипаче, о владыко, от твоей святыни
Молим, да простиш и нас своей благостыни...
Смирно твои питомцы главы преклоняем.

Таким образом, автора, как и в других школьных драмах, надо искать среди педагогического персонала учебного заведения, организованного Димитрием. Эту точку зрения высказали более решительно П. О. Морозов, предположительно — Н. И. Петров[2] и др.

В составе учителей Ростовской школы первых двух лет ее существования нам известны Евфимий Морогин и Иван Мальцевич. О последнем имеются точные данные, что он был украинец: сохранившиеся от него материалы свидетельствуют, что речь его была именно речью украинца, даже не обрусевшего. И. А. Шляпкин приводит характерные украинизмы в его учебниках: «огородок оливный», «захроп», «змажь», «пребываймо», «сметье», «шия» и пр.[3]

---

[1] Н. И. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772, стр. 58; ср.: П. А. Ефремов. Материалы для истории русской литературы. СПб., 1867, стр. 32. — Встречающиеся иногда в литературе (П. О. Морозов. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889, стр. 339) указания, будто первым приписал «Димитриевскую комедию» Димитрию Ростовскому Я. Штелин, неверны.

[2] П. О. Морозов. 1) Очерки из истории русской драмы XVII—XVIII столетий. СПб., 1888, стр. 346; 2) История русского театра до половины XVIII столетия, стр. 339; Н. И. Петров. Очерки из истории украинской литературы XVII и XVIII веков. Киевская искусственная литература XVII—XVIII вв., преимущественно драматическая. Киев, 1911, стр. 178.

[3] И. А. Шляпкин. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 г.). СПб., 1891, стр. 330, прим. 4.

В предшествующей статье нами было отмечено отсутствие украинизмов в «Венце Димитрию» (ТОДРЛ, XIII, стр. 309). Это, очевидно, говорит против кандидатуры Ивана Мальцевича в качестве автора этой школьной драмы. Остается один только Евфимий Морогин, так как вопрос о третьем учителе Ростовской школы, как видно из документов, решается отрицательно.

Кто бы, однако, ни был автором «Венца Димитрию», это был человек, хорошо усвоивший школьную образованность конца XVII—начала XVIII в. Он обнаруживает обстоятельное знакомство с античной мифологией. Это отразилось в антипрологе, в котором Многобожие препирается с Православием. При этом Многобожие перечисляет не только таких богов, как Крон (Хронос), Зевес, Феб, Арей, Ермий (Гермес), Асклипий, Ерот, Дионис, Ираклий, Аполлон, но и Ира (Гера), Артемида, Персефона, Афина, Помона, Флора и Церес и даже Имармена (богиня счастья), имя которой встречается у писателей XVII в., в частности у Симеона Полоцкого.[4]

Построение «Венца Димитрию» в строгом соответствии с требованиями школьной пиитики также служит доводом в пользу естественно возникающего предположения о том, что автор этой школьной драмы был выходцем из Славяно-греко-латинской академии. Известно, что в 1701 г., за год до возникновения Ростовской школы, в Славяно-греко-латинской академии стали «уготовляться диалоги», т. е. начались театральные представления.[5] Вполне вероятно, что Евфимий Морогин, назначенный в 1702 г. учителем в Ростовскую школу, принимал участие в спектаклях Славяно-греко-латинской академии и усвоил применявшуюся там технику театральных пьес и постановок.

Евфимий Морогин преподавал в Ростовской школе русский язык,[6] или, как тогда назывался этот предмет, «грамматику», и вполне естественно, что именно он, а не украинец Иван Мальцевич, учитель латинского языка, был автором «Венца Димитрию». Да и в заглавии пьесы имеется прямое указание на то, что автором был именно он: «Венец Димитрию ... от смиренных... питомцов, грамматики учащихся младенцев, стихословне от двенадесятоцветов сплетенный...». Никаких более существенных сведений о Е. Морогине нам найти не удалось.

Можно было бы предположить, что автором пьесы было другое лицо. Дело в том, что одно время существовало мнение, будто среди учителей Ростовской школы был более или менее известный литературный деятель начала XVIII в., некий Иоаким Богомодлевский, или Богомолевский, который якобы преподавал здесь риторику,[7] но, во-первых, эти сведения относили к 1709 г., т. е. ко времени, значительно более позднему, чем состоялась постановка «Венца Димитрию», а во-вторых, как убедительно показал Д. Совицкий, Иоаким Богомолевский вообще не был преподавателем Ростовской школы.

---

[4] Слово «Имармения» попало даже в азбуковники. См.: И. Я. Порфирьев. История русской словесности, изд. 5-е. Казань, 1891, ч. 1, стр. 302, прим. 1 («...подробное сказание о судьбе, еже есть фатум и имармения»).

[5] Письмо Стефана Митрополита Рязанского к Головину о диалогах в Московской славяно-греко-латинской академии. — ЧОИДР, 1892, IV, отд. «Смесь», стр. 27; ср.: ТОДРЛ, XI. М.—Л., 1955, стр. 289.

[6] И. А. Шляпкин. Св. Димитрий Ростовский..., стр. 330.

[7] Там же, стр. 330, 339; Д. Совицкий. Русский гомилет начала XVIII в. Иоаким Богомолевский. Киев, 1902, стр. 90—95 (работа эта первоначально печаталась в «Трудах Киевской духовной академии», 1902, кн. VIII—XI; здесь автор назван Д. Савицкий).

Венец славно победоносный

л. 1 Доброподвижнику храбреннику Христову святому великомученику Димитрию в день преславного праздника его торжественный от смиренных того именоносца преосвященного Димитриа митрополита Ростовского и Ярославского питомцов грамматики учащихся младенцев стихословне от дванадесятоцветов.

Сплетенный

В богоспасаемом граде Ростове лето от Рождества Христова 1704.

Антипролог

Идолопоклонничество величается о своей силе и многобожии, воспоминая богов и богинь и проч., еже православие слышащи с нею (*святую троицу?*) преезва (*призва?*) и бесчисленно ту побеждает.

л. 1 об.

Пролог

Возвещает о настоящей вещи и молит слышателей о прилежное внимание.

Явление 1-е

Максимиан хвалится о силе своей, вопрошает велмож,[1] что будет впредь о царствии моем. Велможи[2] же советуют призвати жерца.[3] Его призва посылает к идолом кланятися со жертвы. Шед же жрец моляше идолов, якоже повеле ему Максимиан. Идолы же не точию Максимиану радости, но ни[4] себе вещают глаголя: яко мы будем сокрушенны, и Максимиан будет[5] обличенны, умножившуся православию.[а] О чесом Максимиан печален, повелевает боги[6] своя сокрушити, а иные[б] изваяти. Умолен же от жерца и велмож прощает их. По совету же потом велможи[7] призывает воя и посылает христиан убити, да православная вера не умножается.[8]

Явление 2-е

л. 2 Усердие Димитриа болезнует о преследовании христианства, идет в тайное место почитати истинного бога во святыа иконах.

Явление 3-е

Максимиан по совету велмож[9] приглашает честно[10] Димитриа в Солунь на воеводство и снем с себе царский златокованныи пояс влагает нань и вручает ему властелинский[11] жезл, таже встав з[12] своего места, на месте воеводском посаждает, не хотящу Димитрию, ибо не хотящу[13] кланятися идолом.[14]

Явление 4-е

Димитрий на своем властелинском[15] седя месте усумневается: лучше ли боятися царя земного или небесного. Духом же святым наставлен небес-
л. 2 об. ному царю духом[в] прилеплятися, таже приходят к нему со дары солуняне приветствуя[16] ему толикия чести. Он же вся глаголы оставль, начат учити православныя веры и научи[17] и ко поклонению[18] святых икон приведе.

[а]—[б] *Другим почерком.* [в] *От этого слова до начала Комедии другим почерком.*
[1] вельмож. [2] вельжи. [3] жреца. [4] и. [5] бу. [6] богови. [7] вельможи. [8] умножится. [9] вельмож. [10] чесно. [11] властительски. [12] с. [13] хотяшчу, [14] идолам. [15] властителинском. [16] приведствуя. [17—18] иконопоклонение.

Явление 5-е

Вера православная хвалится, яко распространяется и призывает [чрез глас] надежду и любовь, идут ко Димитрию.

Явление 6-е

Димитрий присудствующим вере, надежде и любве, верному рабу своему Луппу вручает имения своя[19] и раздает нищим и да питает их.

Действо 2-е

Явление 1-е

Димитрию радующуся яко имя божие правоверно прославляется от христиан, таже возвещается ему. Максимианово пришествие, и он того достодолжно сретает,[20] его же царь от словес познав яко[21] христианин есть, *л. 3* призывает жерца, да обратит его ко идолом. Димитрий же ни прением, ни ласканием, ни прещением побежден, лишен чести, в темницу отсылается.

Явление 2-е

Максимиан явится,[22] болезнуя о развращении Димитриа, и избирает инного воеводу, изб[р]авши же веселяся приказует братися идолопоклоннику Лию со христианы, иже многи убивает.

Явление 3-е

Димитрий в заклепах веселится о господе, стоя на главе скорпия[23] мужественно и глаголя: готово сердце мое, боже. К нему же приходит Нестор болезнуя сердцем о убиваемых христианех и того Димитрий именем господним утверждающ: яко имать погубити Лиа отпускает.

Явление 4-е *л. 3 об.*

Возвещается Максимиану, яко избирается некто христианин Нестор имущий погубити Лиа, иже призвав Лиа побеждает, на копиа того низверг и от злобы Максимиана сам связан на посечение отсылается. Ведущ же Максимиан яко сей бысть чрез Димитрия по совету нового воеводы повелевает да копиями изболен будет Димитрий.

Явление 5-е

Не разглаголствующее, но точию зримое, в нем же святый Нестор, победивый Лиа, в[24] главу мечем убивается, по нем же[25] святый Димитрий копием прободен, душую свою[26] богови в него же верова вручает.

Явление 6-е

Тщеславие Максимианово хвалится, аки бы Максимиана вся подсолнечная трепещет о мучителстве его, наипаче же о убиении христиан, в них же поминает святого великомученика Димитриа, его же слава обезчещает[27] *л. 4* тщеславие и копием им же святый прободен убивает, а[28] доброподвижника[29] христова с небесными и земными богом избранными величает.

Епилог

Благодарствует слушателем за внимание прилежное, а в чем словесы погрешилося прощения желает.

---

[19] *Нет.* [20] стречает. [21] я. [22] ярится. [23] скория. [24] *Нет.* [25] *Нет.* [26] святую. [27] обезщает. [28] *Нет.* [29] добропобедника.

Комедия на Димитриев день

Многобожие

Мире слатко живущии хотящ знати
Многобожием славным, велю нарицати
Во всей бо подсолечной аз есмь прославленно
Зане боги моими стался[г] умноженно
[д]О Кроне, и Зевесе, и Фебе хвалюся
О Ареи, и Ермии честно быти мнюся
Добрый Авсклипий, Ерот, Дионис преславный
Иракліий и Апполлин всему миру явныи.
л. 4 об. Тии многобожие мене прославляют,
Которым и богини купно подражают
Ира и Артемида купно Персефона,
Афина, Имармена с ними же Помона,
Церес, плодовитая Флора дая[е] цветы
Величают во мире многими мя леты,
Те мою окружают венчанную главу
И в[30] весь мир посылают к смертную славу.

Православие[ж]

Во[з] имя отца и сына и святого духа
Всемогущего бога, в троице единого,
Заклинаю тя, престань прелщати[31] народы,
Изчезнь с[32] боги твоими во вечные годы.

Многобожие[33]

Что о некоем бозе себе величаеш,
Которого едина быти прославляеш.
Аз есмь многобожие в вечной славе данно.
От тебе же никогда пребуду попранно.

Православие

Во имя отца, сына и духа пресвята,
Будеши тех силою чрез мене попрата.

Многобожие

Кую имаш с них силу мене поругати?

Православие

л. 5 Силу бога моего изволиш познати,
Се зри честь твою за боги,
Наступивши моими сокрушаю ноги.

Многобожие

Силою Христа бога, увы есмь[34] руганно.

Православие

Иди ж з боги твоими во ад попранно.

[г] *Написано два раза: второе написание зачеркнуто.* [д—е] *Вторым почерком.* [ж—к] *Имена действующих лиц пропущены.* [з] *Здесь и в дальнейшем заглавные буквы каждой реплики отсутствуют.* [30] *Нет.* [31] прельщати. [32] з. [33] *Следующие три реплики отсутствуют.* [34] е.

Многобожие

О бози мнози, днесь мне помозите,[и]
Своей чести моея не уничижите.

Православие

Изыиди благочестных[35] ногою попранна
Во ад вечный за хитрость свою поруганна.

Многобожие

Кто бех велий, яко аз?

Православие

Кто бог велий яко бог наш[36] не без[37] бога сына
И духа свята, чюдо творящих едина.

Пролог

В Солуне граде прежде Христа стаде
Волкохищной,[38] сей есть пастырь о граде *л. 5 об.*
Святый Димитрий, славный воевода,
О спасении людского народа
Пекийся, богов безбожных ругает,
Бога истинна[39] Христа прославляет.
От чресл матере знать того наученны,
За Христа копием быти прободенны.
Прободенного Христа, подобство носящи,
Христоподобне от зловер[40] терпящи.
Максимиана в идолах нечиста
Смерть бессмертную терпит дша[41] иста,
Сие подобне зде ныне явится
Слышащих[42] к слуху слух да приложится,[43]
Наипаче того отколь имя знаем,
Благословящих рук его желаем.

Явление 1-е

Максимиан

Весте яко скипетр сей вручиша мне бози,
Иже обретаются в[44] власти моей мнози,
Тии мя златовидным венцем сим венчаша
И сею порфирою честно[45] одеяша,
Теми на сем преславном месте есмь сажденныи
Богами бесчисленными ублагословенный.
Тщанием, желанием Диоклитиана
По бозех дастъся, да весть мир Максимиана.[к]

Велможа 1-й

Воистинну в весь мир весть, яко честь ти славна. *л. 6*
Та во век да пребудет, данна тебе здавна.[46]

[и] *Этот стих был сперва написан как часть реплики Православия, а затем наполовину вытерт.*

[35] благочесных. [36–37] небес. [38] великохищной. [39] истинного. [40] зловетов. *Сперва было злодеев, но затем зачеркнуто.* [41] душа. [42] К слышащих. [43] приводится. [44] *Нет.* [45] чесно. [46] зданна.

Велможа 2-й

Бози, иже во власти сей тя преизбрали,
Нам вещают, дабы мы все тя почитали,
Убо почитаем тя должно достоверно,
Живи лета премнога веселы безмерно.

Максимиан

За любожелателно[47] верно[л] ваше слово
Вас не забыть сердце[48] мое есть готово,
Собудется[49] ли[50] делом, чторечеся словы,
О жизни ми открыти[51] будите готовы.

Велможа 1-й

Мы несмь тайновидцы, что ти потом буде,
Да рекут ти богове, что не могут люде.
Вели жерца призвати, да тех вопрошает
И благополучия тебе возвещает.

Максимиан

Добре глаголеш! Отрок, дай ми жерца[52] вскоре,
Да тот без мочтания[53] будет в моем дворе.

Отрок

Се аз послушав для твоего слова
Скоро жерцова быти ость [*бытность?*] будет зде готова.

Максимиан

л. 6 об. Не имать ли лсти[54] жрец наш, ныне зде зовомы,
Аще всем увестся скоро будет[55] жгомый.

Жрец

Велий Максимиане, сердце[56] ли[57] готово
Имам сотворить делом,[58] то ти хощет слово.

Максимиан

Приветствую тя, жерца богов славна,
Приятеля ми ведущ быти здавна.
Гряди ко богом моим з жертвы помолися,
Что в власти моей будет всем уверися,
Не востанет ли где брань или инобожство,[59]
Да не руганно будет богов моих множство.[60]

Жрец

Иду всею душею жертвы приносити
И о будущих тебе усердно молити.

Максимиан

Вы такожде, велможи,[61] будите тщаливы,
Да не востанет на нас кой народ злосливы.

[л] *Написано дважды, второй раз зачеркнуто.*
[47] залюбожелательно. [48] серце. [49] Соблюдется. [50] *Нет.* [51] отрыти.
[52] жреца. [53] мотчания. [54] льсти. [55] уж(?)будет. [56] серце. [57] ми.
[58] дело. [59] инобожество. [60] множество. [61] вельможи.

Велможа 1-й

Славный Максимиане, доколь душа в теле
Моем буде, пекуся аз о твоем деле.
В нощи купно и во дни о чести пекуся
За еже (*юже?*) ми главу дать не отрекуся.

Велможа 2-й

Господине наш, аз реку тебе подданны, л. 7
Боги твоими храним не будешь попранны
К сему же и десница наша приложится
За честь ти внагалищи[62] мечь не удержится,
Потрясем и землю, аще кто востанет
Но (*на?*) тя с[63] силы своими бесчестно[64] престанет.

Жрец

Максимиане, главу мою ти скланяю,
На мя не прогневайся, смирно тя влагаю
Богом нашим всем обще долго покланяхся,
О желании твоем от них уверяхся,
Но тии ми внимая безмерно стеняют
Свою и нам не радость купно возвещают
Рекоша: некто инный бог у нас явится,
Его же в подсолнечной имя прославится,
Един бог, но во троицы пред всеми славимы,
Им же весь мир создан есть, будет зде видимы.
Тому богу молятся многи христианы,
Нас всех нарицающе неверныи поганы.

Максимиан

Тако ли боги наши силу в себе меют,[65]
Что о себе и о нас нимало радеют,
Вотще им наши жертвы и честь от нас всуе
Дотоле почитахом неведуще буе,
Вели их сокрушити, а извая ины,
Да нам всегда вещают лучшия новины,
Воде, огню[66] предайте,[67] да аз их не знаю,
Не к тому имя их аз воспоминаю.

Жрец

Молю, Максимиане, потерпи им время, л. 7 об.
Помилуй их, негли то прейде скорби бремя,
Дай им еще помыслить, не есть ли инако
Тех вещанием печаль отложится всяко.[68]

Велможа 1-й

Повели именно того бога бити,
Иже по невежеству дерзнул то гласити
Веси бо, яко у них сила не едина,
Тои свою имать силу, другий творит ина.

---

[62] влагалищи. [63] *Нет.* [64] бесчесно. [65] имеют. [66] и огню. [67] предадатите. [68] вяко.

Велможа 2-й

Перестань советовать, да будут все целы
Аще сим досадимо о ком будем смелы.

Максимиан

И что убо сотворим, да пребудем честныи
Молю и велю[69] дайте советы нелестныи.[70]

Велможа 2-й

Вели избить христиан обще всех на главу
И тако содержиши вечну твою славу
Копиам, мечам, огню и в иныя муки
Да вдадутся чрез[71] воев силных твоих руки.

л. 8

Максимиан

Добре, дейте (*дайте?*) ж помыслить, сами отступете
Благо ли есть помышлю, и вы разсудете.[72]

Мелея

До нашего любимца тя, Максимиана,
От твоих богов с ада тебе есмы посланна,
Да на христиан сердце твое запалится,
Да ни един жив будет, зело да ярится.

Максимиан

Юнче, дай зде велможи.

Отрок

Се сотворю вскоре.

Максимиан

Да немедленно будут на моем дворе,
Сей ми совет добр здался убить христианы,
Да не нарицают нас никогда поганы.

Велможа 1-й

Сице и мне здалося яко тех убити,
Да не мнят себе лучших над нас быти.

Велможа 2-й

Сердцу ми разъяренну мечь не удержится,
Тщуся, народ противны да искоренится.

л. 8 об.

Максимиан

Дайте ми убо вожда — храбра, дерзновенна
С вои вооруженна в брань уготованна.

Вождь

Се ти твоего раба готова есть глава
Да твоя, господине, не избудет слава.

---

[69] прошу. [70] нелесны. [71] чррез. [72] рассудите.

Максимиан

Собери, друже, вою, изби христово (*христианство?*)
Да не нарицает нас неверно поганство.

Вождь

Душа ми к сему делу зело запаленна,
Будет сия десница тех в крови моченна,
Иду повеленная творити готовы,
Да не обрящется зде народ инный новый.

Явление 2-е

Усердие христианства

Кто ми даст слезы, кто ми даст потоки
Точащиися с сердечной опоки.[м]
Ах, кто даст, кто даст
Сердце каменно в слезы растворися,
С жалю не може, аки умертвися,[н]
Кто слезы подаст[о]
Из рая четыре текущие реки
Источите слез потоки велики
Слезное море,
Да аз утону во слезах навеки л. 9
Зане избиты святыи человеки,[п]
Горе мне, горе,[р]
Ты небо сие зрящи о сем мне возвещай,
Рцы от кого убиты погана:
От Максимиана[с]
Рцы, где их тело, да не слезят брови,
Лежат во крови.
На коем месте зрети их желаю?
Приоткрываю.[т]
Ах, чада, церкве православной любезна,
Что сотвористе в мире неполезна,
Прорцыте слезну поне един ныне,
Да с вами умру на сей же године.
Ах, ни един кто вещает слово,
А мое сердце слышати готово.
Измолче гортань прославляти Христа
Заминенны очи зре того иста,
Руце связанны, яже ко Христу воздеваша,
Нозе яже за Христом любошествовавша,
Все тело удрученно, ах, все уязвленно,
Не единому сердце мечем прободенно.
Лобызаю вас, чада церкве православной,
Будете в обители небес жити славной,
Ты, агнче незлобивый, что сотворил кому,
Понеже еси заклан будеш в неба дому
Иду ко господу вашему моему,

[м] *Последние три слова в рукописи подчеркнуты. Возможно, это было указанием для исполнителя данной роли, что подчеркнутые слова повторяются. По-видимому, вся эта роль не декламировалась, а пелась.* [н] *Последние два слова подчеркнуты.* [о] *Подчеркнуто.* [п] *Подчеркнуто.* [р] *Подчеркнуто.* [с] *Подчеркнуто.* [т] *Подчеркнуто.*

Поклонюся до земли творцеви своему,
Воздам ему молитвы о неверных тайно,
Той втайне молящимся всем дар дает явно.
Идет ко иконам зде.[у]
Его же в сей иконе сице написанна
Молюся, христианство да не будет попранно.

л. 9. об.

Молитва

Господи, днесь молитве моей смиренной внуши
И словеса плачевна приими в святыи уши,
Яже ти принесутся аще в невелице
Обрати пресвятое на мя лице.
Боже, в достоинство ти приидоша языцы,
Избиша христианы всех с тех бяху елицы,
Трупы их положиша в снедь зверям безумным,
И никто погребая обрящется умным.
Доколь, Христе, христиан твоих забываеш,
Доколе от них лице твое отвращаеш.
Призри на них, помилуй, твои суть колицы,
Да не рекут, где бог ваш, неверныи языцы
Пролий гнев твой на враги, иже тя не знают,
Ниже тя бога иста быти прославляют,
Или и тех помилуй, да все твои будут,
Просвети, да их сердца тебе не забудут,
Посли свет и истинну с небесные горы,
л. 10 Да все совокупятся в небесные дворы,
Свет неверствием темных всех да просвещает,
Истинна твою милость всех да удивляет,
Иже за тя, боже мои, души положиша,
Крове за тя своея пролить не щадиша.

Явление 3-е

Максимиан

Верныи ми велможи, что нам в власти мнится,
Рцыте, да сердце мое днесь увеселится.

Велможа 1-й

Весть, о Максимиане, добре ти вещаю,
Яко весел будеши, непременно чаю,
Уже все христианы мечем убиенныи,
Тех плоти в снедение зверем положенныи.

Велможа 2-й

Убо наши богове радуются ныне,
Купно и ты радуйся на сей же године,
Власть твоя мирна будет, врази бо избиты,
Возвратясь в свое место, будеш мирно жити.

Максимиан

Иду весел отселе, да не иду туне.
Помыслите, кто будет на месте в Солуне.

[у] *Подчеркнуто. По-видимому ошибочно. Должно быть, это ремарка.*

Велможа 1-й

л. 10 об.

Есть зде во граде честны человек Димитрий,
Благонравен, премудр, смиренный, нехитрый,
Сей от честна в Солуне произыиде рода,
Которого родитель бяше воевода,
Леть убо да на месте родителя будет,
Тщанием того слава твоя не избудет.

Велможа 2-й

Преблагий есть твой совет, то и аз желаю,
Димитриа в разуме, в нраве похваляю,
Да будет отческого места наследитель,
Солуня грады славна тщаливый хранитель.

Максимиан

Добре, грядите, совет ваш молю, да будет
По прошении вашем Димитрий зде будет.
Шедше ему рцете добро от нас слово,
Любошествие его да будет готово.

Велможа 1-й

Идем по мужа честна и придем с ним честно.
[Пошли].

Максимиан

Идете, тому дая советы нелестно,
Хвалю всех моих богов, что сие мне даша,
Димитриа во власти во Солунь избраша,
Вем, яко друг мне будет, храня град и люди,
Димитрий воевода в Солуне пребуди.

Димитрий

л. 11

Здраствуй, Максимиане, славный властелине,
Во всей твоей области силный господине,
На слово ти указно текох немедленно,
Творю делом, что будет словом ти веленно.

Максимиан

Друже, мой, Димитрие, хвалят тя народы,
Аще юные еще имееши годы,
Послушай ты словесе и с того (*истого?*) моего
Пребуди родителя наследник твоего,
Се ти Солунь вручаю, будь в нем воевода,
Се ти честь дается богатство, свобода.

Димитрий

Вели (*Велии?*) мой господине, несть по моей силе,
Не собудется, ежеречеш словом в деле.
Юн сый, толико иго не могу носити.
Помилуй мя, да изволь иному вручити.
Аз в инном твоем деле всегда слуга верный,
Ярем же воеводства в тягосте безмерный.

Максимиан

И аще ветвь тя младу не могу склонити,
То како дуб многих лет может склонен быти.
Ты, юн сый, не слушаеш, слушают ли стары,
Послушай мя, имети от мя будеш дары.

л. 11 об.

Димитрий

И паки пред твоими посланны (*постланный?*) ногами,
Лиши мене от сего, молю со слезами.

Максимиан

Ты рцы, молю, аз велю чрез велмож советы,
Да не пременяются царские обеты.

Велможа 1-й

Димитрий аще ти честь есть не лишися,
Словам Максимиана сердцем приложися.

Велможа 2-й

Не рассуждение то бегаеши от чести,
Не имаш ли коея в сердцы твоем лести,
Что ты ослушлив еси; мы давно трудимся,
В чести Максимиана менш тя быть мнимся.

Максимиан

Се слыши, что совет велмож вещают,
Единодушно со мною тя избирают.
Молю и велю, слушай, сядь на сем мести,
Противных твоих словес, да не будет вести.

Димитрий

Да будет на мне воля господа моего,
Не ослушаюся аз словеси твоего.
л. 12 Буди, Максимиане, буди в твоея воле,
Аз на сем властелинстве, да буду в неволе.

Максимиан

Кая ти зде неволя? Радей всеми смело
И мое властелинство да исправиш дело.
Сяди на сем месте, аз повелеваю,
Знамение любве ти честь мою влагаю,
Вручаю тебе и жезл силны воеводскии,
Управляй мой град Солунь, живущий господский.

Димитрий

Понеже то собыстся воля бога, буди,
Боже, мне врученные исправи вся люди.

Максимиан

Вем, яко ты мудр еси, дабы люде знали,
Шествуй с ними ко богом, дабы почитали,
Приноси купно с ними кровоточные жертвы,

Все бо боги мои суть, узриш, что не мертвы.
Друзи, мы Димитрия на сем месте сядемо,
Посадивши честно в свояси идемо.

Явление 4-е

Димитрий

Всеведущий, всемогий, милосердый боже,
Тайны твоя советы кто прозрети може,
Како зде аз избран есмь Солунь управляти, *л. 12 об.*
Како и когда бога дерзну почитати.
Разве тя, бога иста, иного не знаю,
Твое, боже едины, имя почитаю,
Како буду противник тебе, богу исту,
И поклонюся когда идолу нечисту,
Да исчезнет сатана в веки поруганный,
Ты ми едины, боже, буди почитанный,
Тебе покланяюся, тобою хвалюся,
Верен есмь яко, боже, тобою спасуся.

Воит

Великий воеводо, посажден зде славно,
Имя твое, Димитрий, в поднебесной явно,
А наипаче во стране нашего народа,
Идеже еси избран новый воевода,
Се мы достодолжные дары ти приносим,
Жалуй нас, ти подданных, всеусердно просим.

Димитрий

Милость бога моего со мною и вами.
Всегда же да пребудет неотступно с нами,
Бог щедрит и милует, даст благим благая,
Злым же всегда подает за злобу их злая.
Имя ти како имаш?

Воит

Леоном есмь званный
В граде Солуне воитом есть именованный.

Димитрий

Тебе же како имя?

Бурмит

Аз Марка есмь грешный
Солуня града в службах ти поспешный.

Димитрий

Коего знаешь бога силна у нас быти?

Воит

Изволишь по милости своей вопросити?

Димитрий

В коего ты веруеши, коего знаеш бога?

Воит

л. 13 Мы числа богов наших имамы премнога,
Но силы в них знаем из (*их?*) незнаем.
От тебе учения усердно желаем.

Димитрий

Народе, аще хощеш душу свою спасти,
Чрез тех богов не внити в вечные напасти,
Обратетеся к богу вечному моему,
Всяк чрез мя совет да даст разуму своему,
Что богов изваянных всуе почитати,
Что от бога истинна сердце отвращати.

Воит

Рцы же, нам твоя вера что помоществует,
В чом кому помогала и днесь помоществует.

л. 13 об. Димитрий

Уповаемых вера есть извещение
И вещей невидимых есть обличение,
Яже ныне веруем, та и впредь улучим,
Верою, аще богу весма себе вручим.
Верою даде Авель великую жертву,
И Каином дадеся в смерть себе не мертву,
Верою Еноху бысть не видети смерти.
По вере бог не даде в то время умерти,
Верою от ветр Ное спасен, в бога приме,
В ковчезе спасения тому не отъиме,
По вере Авраама имех быть сын закланный,
Верою того народ есть обетованный,
Верою Авраама и Сарра неплодна
Сотворися, да будет славно чадородна.
Чрез веру Иосию царь страшный не явися,
Зане к царю небесному сердцем прилепися,
Верою и Израиль прейде Чермное море,
Сотвори Фараону, да вопиет: горе,
Много есть глаголати в верном Гедеоне
И много повествовать о силном Сампсоне,
Тии полки прогнаша, царствия победиша,
Зане сы помощника бога получиша.
Вера Даниила уст львовых не боится,
Заграждает аще который ярится.
В вере велию силу получиша мнози,
Иже той прилепленны по истинном бозе,
Той нас и ввесь мир созда, тем есмы спасенныи,
Что убо ко идолом есма прилепленныи.
Станте купно со мною до земли падемо,
Богу вся сотворшему почесть воздадемо,
Аще се сотворите, друг мне всякий буде,
Прочии то творяще будут бога люде.

Солуняне

Соизволяем мы все советом ти честным
И облобызаем та сердцем ти нелестным.

Димитрий

Слава тебе, боже наш, слава тебе, боже,
Яко твоя святая сила ми поможе.
Сии тебе избранныи яко аз да будут,
Волю твою творяще, да спасенны будут.
Луппе, рабе мой верный, се ти ключь вручаю,
Принеси семо кресты з сокровищ желаю.

Лупп

Кресты имам при себе, что изволиш творити?

Димитрий л. 14

В знамение христиан хощу положити,
Приимете знамение, на том бог распятся,
Чрез то с тем иже на нем спасение дастся.

Воит

Приемлю, лобызаю крест, Христа носящий, л. 14 об.
На кресте распятся будь, мя благословящий.

Бурмистр

Чрез тя, крест, ни во что мню быти поганы,
Хощу за Христа умреть с христианы.

Пристав

Благослови и мене крестом сим пречестным.
Приемлю, лобызаю сердцем ми нелестным,
Верую и вещаю иста быти бога,
От него же дается благая премнога.

Димитрий

Слава тебе, господи, аз воздаю славу,
Яко народ селунский по моему нраву.
Аз реку: вы братия ми есте и друзи,
Яко все веровати сущи неупрузи.
Убо богу нашему славу воздадемо.
Рцыте убо со мною: Тебе бога хвалим и проч.
Хвалу воздавши, к святым иконам идемо.
Тамо бог всемогущий от век видимы,
Воображении своем всем нам будеш зримы.

Солуняне

Богодухновенно ти что изрече слово
Сие все сердце наше слышати готово.
Идем святыи иконы честно почитати,
Да в чем не погрешим изволь научити.

Димитрий л. 15

Видите образ бога чрез тройственно лице,
Иже от православных есть в славе велице,
Егда бо главы наша иконам скланяем,
В них истинного бога зрима почитаем.

Солуняне

Рцы убо, господине, нам к сему дорогу,
Како поклонимся в троице единому богу.

Димитрий

Сице выя смиренны наша преклонемо,
Пред тым до лица земли все купно падемо.

Солуняне

Еще молим, научи бога почитати,
Учи чим немощное сердце утверждати.

Димитрий

Лице всяк чистым сердцем хощет бога знати,
Да изволите от мене сим словам внимати.
Ижо хощет спастися, прежде всех подобает ему держати кафолическую веру.

л. 15 об.

Солуняне

В словах ти наше сердце себе углубило,
Яже глаголал еси приятно и мило,
Богу в троице единому вси ся покланяем,
Во иконе изображенна, того лобызаем.

Димитрий

Рцыте к тому молитву, всем верным спасенну.

Солуняне

Рцы, и мы со тобою речем немедленну.

Димитрий

Рцыте, убо со мною православно рцете,
К господеви вашему сердца отворете.
Отче наш иже еси на небесех и проч.
Еще божию матерь деву пречисту
Почтем во иконе сей зде сущую исту.
Богородице дево, радуйся и прочая.
Изволение мое ваше совершимо,
Символом православну веру утвердемо.
Символом основание в вере превелице
Дванадесяточастне глаголется сице.
Верую во единого бога отца и прочая.
Бога и богоматерь и святых имена,
Да прославляют в веки вся земна племена.

л. 16

Явление 5-е

Вера православная

Яже прежде от злобных бех уничиженна,
Неверных есмь от верных днесь возвеличенна,
Вера православная, юже святу мнете,
Чрез ту словесам и святым христовым внемлете,
Вам да помоществует; аз тех созываю,
Яже на то избранныи, к себе тех глашаю,

О надеждо христиан, не вещаи ми. Ни, ни.
Пребуди немедлящи ко мне в сей же године.

Надежда

Иду ныне.

Вера

Ты, любве, прииди скоро к верному ми виду.

Любовь

Иду.

Вера

Благо любве, надежда, вы придосте семо,
Все совокупившися к Димитрию идемо,
Чрез того церковь будет прославленна,
Аз и вы да не буду от того лишенна.

Надежда

Не лишуся аз тебе Димитриевы веры
В бозе бо з Димитрием живеши без меры.

Любовь

В любящом бога буду Димитриа сердцы,
Не устрашат никогда люты мя мудрецы,
Не устрашат никогда мучителей бури.
Несте мнят сына света нечестивых мури.

Явление 6-е

Димитрий

Благодарю моего бога всемогуща,
Со любящими его неотступна суща,
Тот мне поможе Солунь к себе обратити,
Дабы его познали бога иста быти.
Утверди мя в том боже и твоя все люди,
Во имя ти собранным помощником буди,
Вы семо троиственными сущи со мню лицы
Утвердите всех сердца быть во святой троицы,
Веро, надеждо, любы, будте неотступны,
Да кознь ми вражия не будет приступны.

Вера

Димитрие, богови истому избранный,
Ум наш к твоему сердцу всегда привязанный,
Аз, вера, всегда тебе буду утверждати. л. 16 об.

Надежда

Аз, надежда, всегда буду утешати.

Любовь

Аз, любовь, обещаю тебе по премногу,
Яко имам тя в небе представити богу,
Его же невидима всем сердцем любиши, л. 17
Того, тебе любяща, в небеси узриши.

Димитрий

Что еще имам творить богови угодна,
Да жизнь моя временна будет доброплодна.

Вера

Веруй крепко всем сердцем во истинного бога,
Аз, вера, тебе буду вечных благ дорога.

Надежда

Врагов не устрашайся, имей мя, надежду,
И тако облечешся в нетленну одежду.

Любовь

Аз, любовь, утверждаю, держи ю у тебе
И возлюби изкрення, якоже сам себе.

Димитрий

Кого имам любити над бога моего?
Не отъемлю от того аз сердца своего.

Любовь

Ни, люби и человек, а нищих наипаче,
Который ради жажды и от алчбы плаче,
Напой, накорми, кричит, слушаетниктоже,
Тех любовно призирай, и бог ти поможе.
Егда та нищим творишь, то богови творишь.
Сице ти во дом врата небесныи отворишь.

Димитрий

Благодарю ти, любве, за совет таковы,
Зреть и призирать буду аз нищих готовы.
л. 17 об. Луппе, рабе и друже, сотвори ты тако,
Да будет ти со мною сердце единако,
Возми вся от сокровищ и накупи пищи,
Нищих и бедных, молю, везде же приищи.
Пои и корми доволно усердно, молю тя,
Аще та сотвориши, зело похвалю тя.

Лупп

Готов, мой господине, любовно творити,
В сокровищное место, зволь благословити.

Димитрий

Иди се тебе, друг, и ключи вручаю,
Яко верен ми будеш, всенадежно чаю.

Нищие

Што, брат, сидимо долго, народ ли не ходит,
Што днесь ни полушечка нам всем не приходит.
Чим мы будем питатся, чим себе одеем,
Почто питающия песни не запоем,
Я слеп, дабы (*да вы?*) смотрете, аще идут люде
Запоимо, что умеем, а полушечка буде,

Аще вы не хощете, ты, парнишко, смотри,
Запоем два с тобою, что поемо по три.

Малец

Смотри, слепче, нехто идет, имущ лице ясно,
Аось что-нибудь подает, запоем прекрасно.

Лупп

Вели перестати!

Жолоб

Омеля, перестань кричати!

Лупп

Имам нужное слово всем вам глаголати.
Димитрия воеводы жилье посетите,
Ко всяким доволством от хлеба вкусете.

Глухий

Хто как мнится, песенку, велит, возопите?

Жолоб

Слушай, господин рече: шед, хлеба вкусете.

Глухий

Ну, говорит, простете; бог простит.

Омеля

Не просте, говорит, вот нас зовет кушать.

Глухий

Евот-то, песенки нашей он хощет послушать,
Да как же петь быть, братцы.

Слепый

Вот поскоряе вставайте петь, видиш, зовут кормить,
малец, ключку давай.

Глухий *л. 18 об.*

Да што мне, брат, давать, скажете для бога.

Жолоб

Хто тя о чом спрашивает, идем кушать многа.

Глухий

Куда идем кушать?

Жолоб

Зовет нас Димитрий.

Глухий

Хто каков хитрый?

Жолоб

Нехитрый нищих не кормил бы

И стряпчей того верный к нам не приходил бы.
Вставаимо поскоряе, не балагурь много,
А ты, малчик, поведи своего слепого.

[Идут].

Лупп

Ступайте поскоряе, аз вы предваряю,
Да немедленно вам пищи устроеваю.
Благо яко приидосте, сядите убо семо.

Жолоб

Нутко, когда жалует, скоряе сядемо.

Слепый

Спасет бог, што кормите на сей день господень,
Да спасется Димитрий, богови угоден.

Лупп

Изволте вино кушать, кто у вас зде болши?

л. 19

Глухий

Так, пожалуй, сударь, поднеси по болшой.

Омеля

Еко какой наш глухой, инаго не слышит,
А как к вину зовут, всем собою дышит.

Лупп

Перестанте претися, будете довольны,
Будете кушаньем и питием послны (*полны?*).
Яждте и пийте, яже вам суть представленна,
Гортань ваша да будет удоблетворенна.

Омеля

А што кушать, дайко мне, а где поставленно?

Глухий

Не пачкай же руками, будет положенно.

Омеля

Хто, брат, ето меня биот? глушаче, не ты ли?

Жолоб

Вот жри щи, покамест еще не простыли.

Лупп

Престаните ропота, пиво принимайте.
Про здравие питателя, купно испивайте.

У всех

Будь здоров, наш Димитрий, прещедрый кормитель,
Да дает ти вся благая всемогий спаситель.

Омеля *л. 19 об.*

Запоимо ж Димитриа ангелу преславну
Песнь во всем Солуне христианом явну.
От закону века Христова и проч.

Лупп

В том предолгом пении себе не трудите,
На лапотки приемши, в свояси идете.
Иногда и сами, молю, не ленется, на пищу господина моего соберапся.

Омеля

Спасет бог господина и тебе, смиренна,
От обою ваю милость нам явленна.

Жолоб

Идемо ж ко братии в хату богаделну
Запоим там песенку.

Омеля

Не пойте ж безделну.

Действо 2-е

Явление 1-е

Димитрий

Слава ти в вышних, боже, мир на земли буди,
Что ти изволение приемлют люди.
Всяк от чрева матере к тебе приверженны,
Восклицает: боже наш, будь благословенны.

Вестник

Господин воеводо, Максимиан блиско,
Изволши ли встретить поклоняся ниско.

Димитрий *л. 21*

Друже, благодарю ти за благая нова.
Моя глава кланятися тому есть готова,
Иду во стретение, целую любезно,
Слугам бо пришествие властей есть полезно.

[Стретаются]

Здравствуй, Максимиане, славны властелине,
Смирения моего велий господине.
Знать, яко печеши на о твоих подданных
И не хощеш их быти врагами попранных,
Место ти незабвенно, часто посещаеш
И нас, смиренных рабов, любо ввеселяеш.

К велможам

Вы, честные боляре, здравствуйте, со властми,
Не одержимы никогда же злыми напастьми.

Максимиан

Будеш ли, Димитрие, рад, идем к тебе в гости?

Димитрий

Рад всем сердцем, приемлю без всякия злости.
Изволте на господском садитися месте.

Максимиан

Сядь, друже, Димитрие, и рцы добры вести.

Димитрий

Слава богу моему, все мирно, все благо,
Иже ти защищает властелинство драго.

Максимиан

Кто есть бог твой, коего бога поминаеш?

л. 21 об. Димитрий

Тот есть, которого ты не знал и не знаеш.
Бог отец, сын, дух святый, едины в троицы,
Тех быть едино знаю под троими лицы.

Максимиан

Что ты безумствуеши едино быти трое,
Не могут трое быти в едином, ниже двое,
Не хощу многословить, дай ми жерца семо,
Падшуся человеку купно помоземо.

[Отрок приводит жерца зде]

Послушай, что Димитрий вещает премного,
Избрав си некоего, иста речет, бога.

Жрец

И кто есть бог твой иный, кроме богов наших?

Димитрий

Той есть, иже победит всех злых богов ваших.

Жрец

Како един погубит наших богов множество.

Димитрий

Зане есть всесилно свято его божество.

л. 22 Жрец

Кая есть его сила, велю, да вещаеш.

Димитрий

Яже буду глаголати, молю, да внимаеш.
Видиш ли небо, землю, оком море зриши
И яже в них здателя кого быти мниши?

Жрец

Ты нам рцы, кто таков вся создавый, вся
Яже имаш изрещи немедленно рцы я.

Димитрий

Бог мой есть, бог отец, бог сын, рожденны
Без матере и дух святый, тех неотлученны
Бог отец, сын, дух святый лицами троица,
Но во троицы божеством купно единица.

Жрец

От словес ти познах тя, что младоумствуеш,
Неподобные вещи семо повествуеш,
Един бог и три боги — мой ум не постигает.

Димитрий

Зане неверен еси, затем не достигает,
Да не высоких словес бисеры вергаю,
Да не топчеш ногами, просте предлагаю.
Солнце в себе три силы совершенны меет,
Во крузе содержится, греет и светлеет.
Свеща горящая такожде тресилна.
Имеет воск, огнь, имеет светилна.
Так подобне и бог мой, имея три лица. *л. 22 об.*
В тех триех лицах есть то единица.

Жрец

Максимиане, тебе не помоществую,
Волшебствует бо Димитрий, аз не волшебствую,
Заградил есть ми уста своими словами,
Отпустите мя, а он да глаголет с вами.

Максимиан

И что еси за книжник, почто носиш саны,
Чрез тя все бози мои ныне поруганы.
Извержете отселе врага ми безумна,
И твоя, Димитрие, глава есть неумна.
Где того бога видел, кого почитаеш
Не видевши очима, поклон воздаваеш?

Димитрий

Вижду того чрез веру умными очима,
Во иконе лобызаю устнама моима.
Отче, сыне и святый душе в троицы боже,
Твоя святая десница днесь мне да поможе.

Максимиан

Почто бога в троицы чтиши так любовно,
Вкратце ми изрещи, но непраснославна (*непразднословно?*)

Димитрий

Бог отец созда мя, сын взят от вечной смерти,
Дух святый просвети мя даже врага стерти,

л. 23 Тому покланяюся, того бога знаю,
Душю мою и тело тому вручаю.

Максимиан

Таким подобством нашим богом покланися,
Да любовь моя будет к тебе помолися.

Димитрий

От любве моего бога кто мене разлучит,
Ни меч, ни огнь, ниже глад аще и докучит.
Не отлучит от бога крайняя нагота,
Не разлучит мя з богом досадная теснота.

Велможа 1-й

Престани, Димитрие, не протився власти,
Да не понесеш за то каковые страсти,
Слыши нас, а наипаче слыш Максимиана.
Почти богов, а власть ти болша будет дана.

Максимиан

Сице и сей друг тихословне вещает
Димитрий в нас чрез богов большой власти чает.
Димитрий, послушай моея порады,
Поставлю тя во власти над всеми грады.
Пожри со мною богом и тем поклонися,
А от бога твоего весма отвратися.

Димитрий

Проклят таковый совет, и уста прокляты,
л. 23 об. Иже мя научают чтити боги не святы,
Да пропадут навеки изваянны бози
Бездушны и безсилны, аще суть и мнози.
Бог мой святый едины, надежда едина,
На того уповаю, не на бога ина.
Он мое есть богатство, он моя и слава,
Того на мне пребуди крепкая держава.

Велможа 2-й

Димитрие, не дерзай глаголати сице,
Да не будеши связан в прекрепкой темнице.
Время послушати и Максимиана
И восприять тебе та, яже обещанна.

Димитрий

Пребезумная глава сице провещает
И кто от света ко тме себе обращает,
Сладость оставлши, горесть кто хощет вкусити?
Не имаши мя словом лукавым прелстити.

Максимиан

Димитрие, крайне вещаю ти слово,
Вскоре мучение будет ти готова.

Димитрий

Аз на раны готов есмь за бога моего,
Словеси не слушаю грозного твоего.
Бог ми просвещение. Кого убоюся?
Бог мой есть защититель. Кого устрашуся?

Велможа 2-й л. 24

Что всуе трудишися, в заклеп да всадится,
Негли надумавшися к богом обратится.

Максимиан

Добре, гряди по стражей, да в темницу емлют,
Одежду и сан с него скоро да отъемлют.

Димитрий

Не требе отнимати и сам низлагаю,
На одеянна светом сердце полагаю.

Максимиан

Раба сего противна скоро похитете,
В твердейшие заклепы крепко затворете,
Не дадите ясти, пити, там да исчезает
Иже Максимиана державы не знает.

Страж 1-й

Гряди, треокаянны, гряди развращенны,
Узриши, како будеши зло люте мученны.

Димитрий

За хлеб, за соль и за честь главу ти склоняю,
А за бога моего готов умираю.

Максимиан

Возмет его за шею, ведет немедленно.

Страж 2-й

Что не слушаеш, емли, твори повеленно.

Явление 2-е л. 24 об.

Максимиан

Горе моему царству, горе скиптру сему,
Что не повинуются премнози ему.
Димитрий, друг мой бывый, тот противно ходит
И мне печаль, и себе сердечну наводит.
Богом не поклонился, не слушал ни слова,
Се душа изчезати моя есть готова.
И вы так сотворите сущи развращенны,
Сим мечем немилостивым будете сеченны.

Велможа 1-й

Не печалься, печал бо виновна есть смерти,
Мы за честь, здравие ти готовы умерти.

Солунь град управляяй будет воевода,
Избери человека от честного рода.

Максимиан

Кого же имам избрати, сами изберите,
Помыслите, кто будет годен, ныне возвестите.

Велможа 2-й

Есть зде человек Янус, разсуден и честен,
Сей граду воевода пребудет нелестен,
Той наших богов с нами купно почитает
И твое властелинство зело величает.

Максимиан

Добре, пригласиш его, да аз слышю слово,
Янусу воеводство у меня есть готово.

Велможа 1-й

л. 25 Аз давно о нем слышах, человек избранный,
Мудрый, в вере нашей зело постоянный.

Максимиан

Лепо, мне таков нужден, таковаго желаю,
Не он ли то грядет, уведать желаю.

Велможа 1-й

Он есть, о нем же объявляю.

Максимиан

Любовно его и аз к себе приимаю.

Воевода

Здравствуй, Максимиане преславно державный,
Благосердием твоим всему миру явный.
На повелении ти текох немедленно,
Тя, моего господина, творить повеленно.

Максимиан

Друже, любы Янусе, внемли моей раде,
Буди ты воевода в Солуне граде.

Воевода

Господине мой честный, сей дай сан иному,
Аз неприобычен есмь делу таковому.

Максимиан

Не разсуждай ты сего, но примай все смело.
Бози ти помощницы будут делом дело (*зело* ?).

Воевода

Буди по воли богов и по твоей воли,
Скланяюся на слова аки поневоли.

Максимиан

Кая ти есть неволя, се ти власть вручаю, *л. 25 об.*
Се и достохвалною честию украшаю.
Сяди на воеводском месте дерзновенно,
Еже и моей власти честно есть врученно.

Воевода

Яко призрел мя еси благодарю зело,
В послушании к тебе готов творить дело.

Максимиан

Днесь ми сердце весело, душа веселива,
Яко Януса себе имам послушлива.
Приведите борца Лиа, да мя утешает,
Его же си изберет, того да збивает.

Велможа 2-й

Вели привесть христиан, да тех бьет ногами,
Которыи мерзенятся (*мерзятся?*) нашими богами.
Уже бо Димитрием зело умноженныи,
Ими же наши боги суть уничиженныи.

Максимиан

Добре, дайте христиан, дайте семо Лия.
Лие, потешниче мой, прекрепко возми я.

Лий

Иди семо снимайся, кто будет силнейши,
Кто кого предаст смерти, тот будет честнейши.

Христианин

Аз не смею, не могу, прости мя, молю тя,
Вем яко мя убиеш, аз не поборю тя.

Лий *л. 26*

Престань, но соплетайся со мною немедленно.
Аз моего господина творю повеленно.

[Ко второму христианину]

А ты чесо стоиши, иди приимайся.
Ты же, мой господине, смотря увеселяйся.

Вторый христианин

Видя смерть христианску от твоея силы,
Сам трепещу от смерти и тя есть несмелы.

Лий

Обаче сплетемося, каково удастся,
Кому живот, кому смерть и похвала дастся.

Максимиан

Полно, увеселихся, пора уже почити
Иди на ино место христиан ловити.

Лий

Ныне время и сила подадеся Лию,
Не едина с христиан обращи убию.

Явление 3-е

Димитрий

Зряща на мя во узах суща заключенна,
Не разумей мя быти сердцем болезненна.
Речеш: бе воевода, а ныне в темницы,
Что по таковой чести не плачут зеницы.
Не плачу, вем бо прелесть суетного мира,
л. 26 об. Кто тому вверяется, злая того вера.
Такою Максимиан верою вловленный.
Он в себе и бес в нем зде под ногами явленный,
Прежде человеческий хотя мя прелстити,
Ныне во образе змиа хощет мя вкусити.
Се, враже, на главу ти смело наступаю,
К тебе богу моему сердце обращаю.
От чрева ми матере к тебе приверженный,
Да в вере не нищ буду, но да утвержденный
На тя, господи боже, всегда уповаю,
Да яко гора Сион не подвигнусь желаю.
Не надеяхся всегда на князи и люди,
Всегда глаголах бог нам прибежище буди,
Пред цари не стыдяхся за тя глаголати,
Ты мя, господи хранящ зволиш соблюдати,
Не тебе ли, боже мой, душа повинется,
К коему богу иному сердцем прикоснется.
Прилпи язык мой ввеки гортани моему,
Аще славы не воздам богови своему.
Но не с себе хвалюся, но о тебе, боже.
Аще не ты созиждешь храм тела ничтоже,
Ты милостив, всесилен, любящих тя любиш.
Возлюблю тя, господи, да мя не погубиш,
Не воздех руце мои ко чюждему богу.
На тя, да не постыжуся, уповах помногу,
Врази твои и мои да не насмеятся,
Но с (*со?*) беззаконием си да постыдятся,
Не отлучихся от тебе, ты еси со мною.
С небесе приникающ и аз есмь с тобою,
Иду умом в небо, и ты еси тамо,
Аще во ад, ты еси семо и овамо.
л. 27 Аще бых удалихся за крайнее море,
Ты тамо не даси мне глаголати горе,
Всех (*в сих?*) темничных заклепах, ты мя посещаеш,
Молю светом божества, да мя възвеселяеш.
Спаси мя, боже мой, спаси душу, тело,
Во скорбех мя обретши, будь помощник зело,
Посли свет и истинну. Свет да просвещает,
Истинна иста бога тя в мне да вещает.
Препояши силою по бедре всесилне,
Пробави милость твою в той сыи изобилне.

Се за тебе мя врази в (*во* ?) темницу вдаша,
За тя на мя своими зубы скрежеташа.
Дай в терпении помощ, да не болезненно,
Сердце мое пребудет и не боязненно,
Готово есть, готово сердце мое, боже,
На зло мучителское ити за тя ложе.

Нестор

Мир тебе, господине! Что ти в сердцы мнится?

Димитрий

Мое сердце о бозе зело веселится.
Вы как пребываете? несте ли гонимы
От неверных? молю тя, исте возвести ми.

Нестор

Не токмо гонение, но смерть, всяк страждает,
Лий бо Максимианов многих убивает,
Где христиан устретит промежду поганы,
Борющися предает на смертные раны.

Димитрий

И что убо сотворим, друже мой, прорцы ми.

Нестор *л. 27 об.*

За слезами не могу, ти в том помози ми,
Вем яко еси богу много угодивый.
Да победится Лий, нас многих победивый.

Димитрий

Бога святых иконы даю ти, возми я.
Иди, во имя бога победиши Лия.
Аще с ним сплетешися, держися при вере,
Нечестива сокрушиш аще кроток без меры
Огради себе крестом, лобызай иконы,
Будет тобою попран славны борец оный.

Нестор

Благослови же и прости мене.

Димитрий

Бог благословит тя,
В вере и крепости тот да утвердит тя.

Явление 4-е

Максимиан

Слышах, яко мнози збиты христианы
Чрез Лия, да не востают сопротивно на ны.
Надеждны на бога си и что успевают,
Да истребятся в конец все, да погибают.
Призови семо Лия рече: убил много
И сам не получил ли от кого что злого.

л. 28

Отрок

Се ти Лия представлю, потерпи намале,
Торжествующ предстанет в твоей хвале.

Максимиан

Что, Лие, многих убил еси христианы?

Лий

Бесчисленно от сими ногами попранны,
Едина сия десница множество убила,
Шуица, ни единого постояла сила.

Максимиан

Люблю тебе за сие, буди впредь таковый.

Лий

И теперь вели (*вельми*?) братся со всяким готовый.

Вестник

Внимай, что ти возвещу, о Максимиане,
Противу Лиа имут борца христиане,
Нестор ему имя есть, невелик собою,
Братися не боится с великим тобою.

Лий

Что разве рук не станет, и крепость отидет?
Молю, Максимиане, да семо тот приидет.

Максимиан

Ищи христианина, имя ему Нестор.
Предо мною того с Лием ныне да будет здор.
Предивная вещ будет, егда тя сокрушит.

Лий

л. 28 об. Надеюся, что его одна рука вдушит.

Отрок

Се Нестор христианин к тебе приведенный.

Максимиан

Он-то есть скоро буди Лием убиенны.

Лий

Что ми руки скверните, убью единым перстом,
Рассыплются все кости в месте сем отверстом.

Нестор

Не хвалися, но бойся, не шатайся всуе,
Сила твоя воскоре поперется буе.

Лий

Что, черве, противу лва воставать дерзаеш,
Прежде даже не коснусь, уже исчезаеш.

Нестор

Господь крепость людем си благословя мирно
Даст, а тело на копиях будет ти несмирно.

Лий

Что тако мя ругает, молю, повели ми.

Максимиан

Велю.

Нестор

О боже Димитриев, молю помози ми,
Слава тебе господи, слава тебе, буди,
В немощи моей силу да знают ти люди.

[Борьба].

Максимиан л. 29

Прииди есмо, Несторе, кто всему тя наставил?

Нестор

Димитриев бог и мой, кого аз прославих.

Максимиан

Лож есть во вас, есте чародеи.
Не имел аз о Лии такие надеи.

Велможа 2-й

Се слыши з Димитрием оба суть согласныи,
А твоея державы весма неопасны.

Максимиан

Что убо им сотворим, да нас не смущают.

Велможа 1-й

Прикажи, да смертию оба умирают.

Максимиан

Кую ж им изберем смерть? Дайте ми советы,
Да не живут противны за моими леты.

Воевода

Сей достоин есть под мечь, Димитрия слушав,
Димитрием на копьях Лий смерти прислушав.
Буди Нестор от меча скоро посеченный,
Димитрий копиями буди заколенный.

Максимиан

Добре, гряди по стражей, Нестора возмите,
Ему же мечем главу скоро отсецете.
Димитрий на копиа уже осужденны,
Тыми немилостивно да будет збоденны.

Страж

Гряди, Максимиане, некий враже новый
На горду твою выю уже меч готовый.

Нестор

Что ти аз, Максимиане, сотворих бедный,
л. 29 об. Яко мене приводиш в час жизни последный.
По повелению ти приидох зде призванный,
Аз чрез силу божию враг есть попранный.

Максимиан

Что стоите, о глупцы, скоряе ведете,
Да тот не празднословит, главу отсецете,
Мы же со радостию в своси (*свояси?*) идемо,
На смерть бесчестну оком неглядемо,
Тебе, Янусе, Солунь вручаю, будь верен,
Да ненайдет и на тя таки ж гнев безмерен.

Воевода

Верный раб твой от тебе милости желаю,
Шествуй благополучен, аз тя провождаю.

Явление 5-е

Тщеславие Максимианово

Кто слышал о преславном з вас Максимиане,
Его же кругом земли обладахам длани,
Трепетала пред скипетром тою подсолнечна,
Многих господей сила, тому бе непречна.
Многи покланяхуся, почитаху мнози,
Благословиша бо бяху того бози.
Тии силу дадоша христиан убити,
Которыи не хотяху богов его чтити,
Всяк противляяйся мечем бяше посеченный,
Инныи лютым копием бяше избоденны,
Яко же и Димитрий воевода славны.[ф]
Егда того не слышав богом не кланяся,
С чести безчестен копием убиты скончася.
Вечна Максимиана, безконечна слава
Процветает доселе и честь и держава.

Слава Димитриева

л. 30 Что зде тщеславишися, бесславная славо?
Что ты буесловиши безмозглая главо?
Максимиана в весь мир все проклинаше,
Ад же гортань на него свою простираше,
Не за доброту того зять Константин его,
В Массилии не щадил он меча своего,
Того еще и отца вдаде лютой смерти,
Лютейша же геенна изволи пожерти,
Терпит муку вечную немилостна глава,
Снидеш, снидеш во ад с ним купно, его слава,
Димитрия же слава, ввеки пребываю.
Димитриа копием тебе убиваю,
То в ветвь райску процвете кровь омочено,
Димитриа и будет всегда неввяденно.
Небеса, Дмитриа вы славу познайте,

ф *Парный стих отсутствует.*

Ангела вам сожилца Димитриа встретайте,
Любезна сожителя любо приветствуйте *л. 30 об.*
И песнь величания тому уготуйте.
Небо, иже во страстех того потемнися,
Того ныне приемши, пресветло явися.

Ангел 1-й

Боже, создателю наш, будь благословенный,
Яко Димитрий ликом нашим приобщенный.
Радуйся, Димитрие, за Христа страдавый,
Во уды и на копия тя за того давый,
Приемлем мученика радостно, любезно,
Витай в наших жилищах во веки бесслезно.

Ангел 2-й

Возрадуйтеся днесь вси ангельскии лики,
Зане преселяются ко нам человеки.
Се ныне Димитрия в небеса приемлем,
Сожителя нашего любезно объемлем.
Все мы лики нашими любезно встретаем,
Все убо того песньми днесь да величаем.

Пение

Величаем тя страстотерпче Христов, Димитрие, и чтем честная страдания твоя, яже за Христа претерпел еси.

Епилог

Венец его же прежде сплетать навыкохом,
Святому Димитрию по силе сплетохом,
Аще от скудна ума и не цветословен, *л. 31*
Святому и слышащим да будет любовен,
Вем яко лучши в небе ангели сплетают,
Егда все едногласно того величают.
Мы же елико мощно, егда соплетахом,
Вместо шипков, все сердца наша прилагахом,
Теми ж сердцы желаем, в чом где погрешили,
Дабы нас сердца ваша в сем действе простили.
Наипаче, о владыко, от твоей святыни
Молим, да простиши нас своей благостыни,
Вем бо, яко лучши венцы соплетаеш,
Жития святых пишущ, всех святых венчаеш.
За то венец дадеся ти златокованны,
Архиерейский, им же еси увенчанны
Будешь потом увенчан венцем вечно властным,
Якоже и твой ангел дванатцаточастным
Трость пишуща, то копье, а пот стоит крове,
Яже от пресвященна чела ти исплове.
Часть дванадесятую венца ти сплетаеш,
Егда дванадесятый месяц совершаеш,
Будеши венцем неба за то увенчанный,
Святых возвеличивый, будеш величанный
Его же ти по долгой зде жизни желаем,
Смирно твои питомцы главы преклоняем.

Аминь.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

Н. А. БАКЛАНОВА

К вопросу о датировке так называемого «Романа в стихах»

В Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина имеется сборник[1] на 122 листах, переплетенный в кожу и состоящий из нескольких отдельных тетрадей, исписанных разными почерками XVIII в. Каждая тетрадь представляет собою самостоятельную рукопись и, кроме общей пагинации, имеет свою отдельную. Состав этого сборника очень разнообразен. Мы находим в нем оригинальные и переводные повести XVII и XVIII вв., как-то: Калязинскую челобитную, повесть о масляннице, повесть о царице и львице, видение царя Мамера, сказание о царевиче Брунцвике, историю о российском дворянине Фроле Скомрахове (на некоторых из них есть записи владельцев); кроме того, здесь же помещены: «Плач холопов», а также выписка из «Ведомостей» от 2 августа 1776 г., копия «слезно-ревностного доношения» в Глуховскую канцелярию, какое-то частное письмо и др.

Среди этих разнообразных литературных и деловых текстов на лл. 72—75 об. помещается отрывок, содержащий конец произведения, условно названного исследователями «Романом в стихах». Четыре листочка, сохранившиеся от него, исписаны бойким, торопливым почерком второй половины XVIII в., со строками, очень близко стоящими одна к другой. Видимо, писавший экономил бумагу и не заботился о красоте рукописи. Чернила не выцвели, бумага коричневатая, довольно тонкая, без водяных знаков.

Это отрывок произведения, написанного в форме азбуковника, т. е. разделенного на статьи, озаглавленные буквами алфавита. Текст каждой статьи начинается с буквы, служащей ей заглавием.

Первое печатное упоминание об этом отрывке встречаем в книге А. Н. Пыпина «Для любителей книжной старины» в 1888 г.[2] Автор кратко излагает содержание этого «русского романа в виршах», как он его называет, и приводит несколько отрывков из него. В. В. Сиповский, составляя свой сборник русских повестей XVII—XVIII вв., поместил в нем этот отрывок полностью, но оговорился в предисловии, что «список сделан заочно в Москве, поэтому за правописание не ручаемся», а в самом тексте встречаются сноски, поясняющие стоящие в нем многоточия: «в этом месте текст испорчен».[3] Но еще чаще текст как бы прерывается несколькими строками многоточий, создающими у читателя впечатление о значительных

[1] Собр. Н. С. Тихонравова, 4°, № 486.

[2] Подзаголовок: «Библиографический список русских романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности из первой половины XVIII в.».

[3] Русские повести XVII—XVIII вв. Под редакцией и с предисловием В. В. Сиповского. СПб., 1905, стр. 45—58, XVIII.

пропусках в рукописи. Произведенное мною сличение этого печатного текста с подлинником из собрания Н. С. Тихонравова показало, что ошибки в «правописании» незначительны и немногочисленны; что же касается многоточий, то они вводят читателя в заблуждение. В подлиннике верхние части некоторых листов при переплетении рукописи, произведенном, очевидно, в конце XVIII в., были срезаны и вследствие этого первая строка или исчезла вовсе или остались только нижние части ее букв, дающие возможность лишь догадываться, и то не везде, об их значении. Во всяком случае утрата текста не превышает размеров одной строки на каждой из поврежденных страниц; в некоторых же местах многоточия поставлены Сиповским ошибочно, как например на стр. 50 внизу — здесь никакого разрыва в тексте нет.

К сожалению, интересующая нас рукопись дошла до нас только в одном экземпляре. Это, видимо, не оригинал, так как в нем нет красных строк, хотя это и стихотворное произведение. Кроме того, в нескольких местах текста встречаются зачеркнутые фразы или слова, которые были поставлены переписчиком по ошибке раньше, чем следовало, и повторенные дальше на своем месте. Во всяком случае этот список не может отстоять далеко по времени от несохранившегося или неизвестного нам оригинала, к датировке которого обратимся ниже.

Торопливый почерк, экономия бумаги заставляют предполагать, что копия была снята кем-то для себя лично, а не для продажи у Спасского моста, где сосредоточивалась торговля каллиграфически переписанными произведениями тогдашней художественной литературы.

Быть может, дефектность рукописи была главной причиной того, что ей не было уделено достаточного внимания. О ней до сих пор нет ни одного специального исследования. Лишь в работах более общего характера мы находим краткие замечания об этом памятнике.[4] А между тем он заслуживает более пристального изучения.

В нем много неясного и противоречивого. С одной стороны, архаическая форма азбуковника, знакомая русской литературе еще с XII в., и концовка в духе старой церковной морали, с другой — новые воззрения на брак и отношения между родителями и детьми. С одной стороны — грубый натурализм, свойственный литературе XVIII в., с другой — тонкое понимание психологии женщины и трогательные мотивы старинных русских песен, звучащие при описании проводов невесты и изображении разлуки с «любезным».

«Роман», по крайней мере его сохранившаяся часть, несомненно не доработан. В нем неоднократно встречаются повторения одних и тех же фраз, не вызванные стилистическими условностями, возвращения к одному и тому же эпизоду без всякого основания.

Произведение, видимо, было очень значительно по своему объему. До нас дошли только параграфы, соответствующие десяти последним буквам алфавита. Бо́льшая часть утрачена. Она должна была заключать в себе рассказ о более раннем периоде жизни героини. Несмотря на указанные выше недостатки, свидетельствующие о литературной беспомощности автора, «Роман» вызывает живой интерес благодаря новизне и смелости замысла.

Бесспорно (в этом сходятся все писавшие о «Романе в стихах»), что героиня его — дочь зажиточного московского посадского человека. В его

---

[4] П. Н. Сакулин. Русская литература. Часть II. Новая литература. М., 1929, стр. 48—49; И. Н. Розанов. Стихотворство Петровского времени. — История русской литературы, т. III, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 137—138; Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII в., изд. 3-е. М., 1955, стр. 42—43.

доме господствует домостроевский уклад, единственной нарушительницей которого является дочь, за что она жестоко расплачивается.

По поводу автора «Романа» высказывались различные предположения: написан ли он мужчиной или женщиной, и если женщиной, то можно ли считать его автобиографией. Не касаясь в настоящей заметке всех этих вопросов, заслуживающих отдельного исследования, остановимся лишь на одном пункте: к какому времени следует отнести появление «Романа в стихах»?

В нем так причудливо переплетается новое со старым, что исследователи не могли нащупать твердого основания для датировки его. В. В. Сиповский, не давая прямой датировки «Романа в стихах», поместил его в своем сборнике перед «Повестью о Фроле Скобееве», которую он относит к XVII в. Из этого следует, что и «Роман» он датирует тем же столетием. А. Н. Пыпин, первый писавший о «Романе», считает его относящимся, «вероятно, к первой четверти XVIII в.». Все новейшие литературоведы, упоминавшие в своих указанных выше работах о нем, относят его безоговорочно к Петровскому времени. Лишь И. Н. Розанов несколько уточняет дату, определяя ее, опять-таки без мотивировки, концом петровского царствования.

Попытаемся внимательнее всмотреться в детали «Романа» с целью нащупать какую-нибудь отправную точку для более точной датировки. Прежде всего следует заметить, что, несмотря на наличие архаизмов, никак нельзя отнести его к XVII в., хотя бы и к его концу. Об этом говорят и новые идеи, и упоминание о предметах, вошедших в употребление, особенно в средних слоях русского столичного населения, только в XVIII в.: героиня отправляется с отцом и свахой в ряды покупать чепцы. Эта деталь женской одежды появилась лишь в XVIII в., когда она постепенно начинает вытеснять старинные кокошники.

Но, помимо этого упоминания, в «Романе» рассказывается об одном факте, находящем себе документальное подтверждение и важном для датировки. Во время венчания поп спрашивает: «волею ли и не усилованием?». Взаимное согласие на брак жениха и невесты как необходимое условие для венчания было нововведением, идущим вразрез с привычными для Домостроя обычаями, когда браки совершались по соглашению между родителями, независимо от желания жениха и невесты. Свадебный обряд XVII в. подробно и ярко описан в сочинении Григория Котошихина.[5] Новшество было вызвано законодательством того времени. 5 января 1723 г. был издан именной указ Петра I,[6] запрещавший родителям под угрозой штрафа женить своих детей без их согласия. Родители должны были давать присягу в том, что «одни не неволею ль сына женят, а другие не неволею ль замуж дочь дают». Итак, «Роман» не мог быть написан ранее самого конца петровского царствования, а вернее еще несколькими годами позже, так как, чтобы указ попал в литературное произведение, надо, чтобы он сначала вошел в жизнь и приобрел известность.

Нельзя ли более уточнить дату возможного появления «Романа»? Обратимся снова к тексту произведения. В нем рассказывается о том, что героиня, выйдя замуж, отправилась с мужем и «любезным» гулять в «Лафертов», т. е. в Лефортово.

Остановимся несколько подробнее на истории местности, связанной с этим термином, сохранившимся до настоящего времени. Известное

---

[5] Григорий Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, изд. 4-е. СПб., 1906, стр. 149—157.

[6] Полное собрание законов Российской империи с 1649 года, т. VII (1723—1727). [СПб.], 1830, № 4406.

в XVII в. под названием Немецкой слободы поселение по берегам р. Яузы при Петре I начинает изменять свой характер, становясь все более оживленным и более связанным с Москвой. Расположенное по соседству Преображенское является своего рода правительственным центром, где Петр бывает чаще, чем в столице, и где заводится свое учреждение — Преображенский приказ. В Немецкой слободе строится дворец для Франца Лефорта, служащий в то же время местом для официальных приемов иностранных послов. На территории слободы располагается полк, которым командует Лефорт, полк, носящий его имя — Лефортов. Вслед за царем сюда начинают перебираться его приближенные. Улицы, ведущие от центра города к слободе, ранее пустынные, постепенно заселяются представителями знати. Этот процесс продолжается и при преемниках Петра I. Императрицы Анна, Елизавета и Екатерина II дают распоряжения лучшим архитекторам возводить на Яузе дворцы для своего пребывания во время приездов в Москву. При дворцах разводятся обширные парки, в которых устраиваются гулянья, а в специально выстроенных помещениях — театральные представления, сначала предназначавшиеся лишь для двора и «знатных персон». В 1751 г. в парки было разрешено пускать «шляхетство и дворянство», а также приказных и «из купечества», однако лишь в отсутствие императрицы.[7]

Вернемся опять к эпизоду, рассказанному в «Романе», — о прогулке в Лефортово. «Любезной немилого со мною в Лафертов просит гуляти, потехи усмотревати. Потехи смотрить пошли, где стать, удобного места не нашли». Во время «потехи» произошла драка между «любезным» и «немилым»: «едва немилого оттащили, на доски посадили». Подчеркнутые детали указывают, что здесь речь идет не об обычном гулянье: участники этой «прогулки» спешат устроиться где-нибудь, чтобы увидеть «потехи». Упоминается о «досках», т. е. помосте для зрителей. Все это указывает на какое-то необычное, особенно пышное «гулянье». Когда же это могло быть?

Осенью 1762 г. в Москве произошла коронация Екатерины II. В ознаменование этого события по распоряжению императрицы на масленице 1763 г. в «первопрестольной столице» готовились большие торжества со всевозможными развлечениями, часть которых была предназначена не только для знати, но и для всех москвичей. Среди этих развлечений главное место должно было занять грандиозное маскарадное шествие под названием «Торжествующая Минерва». Вся постановка его была возложена на известного актера Ф. Г. Волкова.

Предстоящие торжества взволновали не только москвичей, но и провинциалов. Автор интересных записок, дворянин А. Т. Болотов, специально приехал в Москву посмотреть на это празднество, равного которому, по дошедшим до него преувеличенным слухам, нигде и никогда не бывало. Описав подробно это шествие, Болотов прибавляет: «Как шествие всей этой удивительной процессии простиралось из Немецкой слободы по многим большим улицам, то стечение народа, желавшего сие видеть, было превеликое. Все те улицы, по которым имела она свое шествие, напичканы были бесчисленным множеством людей всякого рода и не только все окны домов заполнены были зрителями благородными, но и все промежутки между оными установлены были многими тысячами лю-

[7] Подробности застройки этой местности и устройства загородных дворцов и парков см. в статье И. Е. Забелина «Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII столетия» (Опыты изучения русских древностей и истории, ч. II. М., 1873, стр. 351—506).

дей, стоявших на сделанных нарочно для того подле домов и заборов подмостках. Словом, вся Москва обратилась и собралась на край оной, где простиралось сие маскарадное шествие».[8] В Лефортове при Головинском дворце были построены для этих празднеств катальные горы, качели, карусели и т. п. Желающие могли туда «собираться, смотреть разные игралища, пляски, комедии кукольные, гокус-покус и разные телодвижения».[9]

Сличение указанных деталей в эпизоде прогулки в Лефортово, рассказанном в «Романе в стихах», с приведенными описаниями празднеств в Москве на масленице 1763 г. по случаю коронации Екатерины II дает основание относить данный эпизод именно к этим событиям.

Таким образом, наблюдение над текстом «Романа» и сравнение его с другими материалами XVIII в. дают возможность уточнить дату написания этого произведения и передвинуть ее с первой четверти XVIII в. на 60-е годы того же столетия, не ранее 1763 г., но и не очень много времени спустя, так как сохранившийся список по почерку следует отнести также к XVIII в., и не к самому его концу.

В заключение хочется сказать о двух работах, появившихся после написания данной заметки и затрагивающих вопрос о датировке «Романа в стихах». В недавно вышедшем т. I трехтомной «Истории русской литературы» один из авторов, П. Н. Берков, нашел возможным отнести «Роман в стихах» к началу XVIII в. Основой для такой датировки, по его мнению, является упоминание в нем гуляний в Лафертове (Лефортове) под Москвой. «Потехи», о которых говорится в «Отрывке романа в стихах», — возможно, парады «потешных полков» Петра в конце 80-х—начале 90-х годов XVII в.[10] Это предположение основано на недоразумении. Во-первых, Лефортово превратилось в место для гуляний москвичей много позже смерти Ф. Лефорта, как указывалось нами выше. Во-вторых, говоря о парадах «потешных полков», автор скорее всего имеет в виду маневры, происходившие под Москвой близ деревни Кожухова на берегу Москвы реки, против села Коломенского, осенью 1693 г. Из сохранившихся современных описаний этих маневров видно, что никаких «гуляний» на территории, занятой маневрами, или вблизи нее, не было и не могло быть. Тем более не могло быть специально устроенных для зрителей деревянных помостов. В еще большей степени это касается предшествующих смотров «потешных полков», производившихся в селе Преображенском. Термин «потеха» следует понимать в данном случае как театральное зрелище, не имеющее никакого отношения к военным маневрам.

Другая работа, касающаяся данной темы, принадлежит С. Матгаузеровой: «Ruský „Román ve versich“ XVIII století».[11] Не занимаясь специально вопросом о датировке «Романа», автор относит его к первой половине XVIII в.

---

[8] Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738—1793. Т. II. СПб., 1871, стр. 389—390.

[9] И. Е. Забелин. Хроника общественной жизни..., стр. 469.

[10] История русской литературы в трех томах. Т. I. М.—Л., 1958, стр. 393, 681.

[11] Československá Rusjstika, I, Nakladatelstvi československé Akademie ved. 1959, стр. 1—14. За указание мне этой работы приношу благодарность Н. К. Гудзию.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

Э. С. СМИРНОВА

Об одном литературном сюжете в живописи конца XVI в.

Одна из характерных черт русской живописи XVI столетия — появление огромного количества новых сюжетов, которые либо совсем не были известны искусству предшествующего периода, либо разрабатывались весьма скупо. Среди тех новшеств, которые принес искусству XVI век, это обогащение иконографии является одним из самых важных. Притчи и иносказания, апокрифы и легенды, символы и аллегории, сцены Ветхого завета и Апокалипсиса, история сотворения мира и Страшный суд с невиданным до той поры размахом отображаются в настенных росписях и иконах этого времени. Возникает множество житийных икон, что, несомненно, находится в связи с расцветом агиографической литературы.

Как новые сюжеты, так и ранее встречавшиеся в искусстве передаются в живописи XVI в. чрезвычайно развернуто и подробно, с большой наглядностью. Эту иллюстративность, стремление к тщательной и детальной передаче изображаемого сюжета необходимо поставить в связь с присущей литературному стилю той поры повествовательностью. Отмеченная особенность сказывается не только в стремлении передать языком живописи сложную богословско-догматическую символику (примером чего служат «Четырехчастная» икона московского Благовещенского собора, икона «Церковь воинствующая» и другие памятники), но и в обильном введении жанровых сцен, бытовых эпизодов, придающих конкретный, реальный, жизненный характер изображаемым событиям.

Особенно богаты такими эпизодами житийные иконы. Сами жития представляли обильный материал для создания подобных сцен. Кроме того, в расположенных на полях мелких «деяниях», обрамляющих центральное изображение и играющих по сравнению с ним второстепенную роль, художник был более свободен в использовании своей наблюдательности. Это отмечено и иконописными подлинниками. В одном из них, Большаковском, относящемся к XVII в., говорится, что иконописцу «не подобает, кроме святых воображений, ничто же начертывати, рекше воображати, еже есть на глумление человеком, ни зверска образа, ни змиева, ниже что от плежющих (пресмыкающихся) или рода гмышевска, кроме где-либо в прилучшихся деяниях, яко же есть удобно и подобно».[1]

Сопоставляя изображение жития в иконе с соответствующим литературным памятником, послужившим иконописцу сюжетной канвой, можно заметить наличие определенного замысла художника, подчеркивавшего те или иные стороны литературной основы. В этом отношении особенно инте-

[1] Ф. И. Буслаев. Общие понятия о русской иконописи. — Сборник на 1866 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1866, стр. 23.

ресно и показательно проследить первые опыты живописцев при иллюстрировании множества возникших в XVI в. произведений агиографической литературы. Здесь еще не сложились иконографические каноны, и самостоятельная интерпретация текста выступает наиболее отчетливо и ярко. Своеобразно истолковывая литературную основу, художник порой выделяет и усиливает содержащиеся в тексте жанровые эпизоды.

Примером памятников подобного типа является икона «Александр Свирский в житии», 1592 г. Она происходит из Александро-Свирского монастыря и хранится в Гос. Русском музее.[2] Икона имеет весьма значительные размеры: 235 × 122 см. В центральной части представлен в рост, фронтально Александр Свирский, изображенный в обычном иконографическом типе «преподобного», в монашеском одеянии. Правой рукой он благословляет, в левой держит развернутый свиток с текстом приписываемого ему поучения. Средник обрамлен необычайно узкой полосой клейм, содержащих 39 сцен жития.[3] Обращает на себя внимание несоразмерность крупной, монументальной фигуры средника и мелких, миниатюрных клейм.

Центральная часть иконы находится под плотной записью XIX в. Клейма же подверглись не столь значительным изменениям. Некоторые контуры и «пробела» слегка прописаны, золотые фоны и нимбы поновлены. Олифа, покрывающая изображения, немного потемнела. Как показала пробная расчистка одного из клейм, древние золотые фоны и находившиеся на них киноварные пояснительные надписи были стерты перед поновлением клейм.

Икона богато украшена. Фон средника покрыт чеканным серебряным окладом, на котором сохранились следы гвоздей, прикреплявших ныне утраченный венец. На полях иконы — басма, орнамент которой, содержащий мотивы виноградных лоз, гранатов и крупных розеток, трактован в манере, характерной для конца XVII—начала XVIII в.

На окладе имеется серебряная табличка с гравированной надписью: «Лета 7100 (1592) при державе царствия государя, царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси самодержца, и его благоверной царицы и великой княгине Ирины, и при святейшем Иеве патриарсе московском и всея Руси, поставил сию святую икону в дом живоначальней Троицы и преподобному чюдотворцу Александру Сверьскому государев, царев и великого князя диак Семен Емелианов вклад вечной, при игумене Дионисии. Писал икону зограф ермонах Партениос Андреин Духовский, с ним же Васильев сын Иоанн Холст».[4]

---

[2] Инв. № 2657.

[3] Размер клейм — 15 × 12 см.

[4] Надпись издана в статье М. К. Каргера «Материалы для словаря русских иконописцев» (см.: Художественный отдел Государственного Русского музея. Материалы по русскому искусству, т. I. Л., 1928, стр. 117—118). Два примечания к тексту надписи.

а) Имя заказчика иконы дьяка Семена Емельянова неоднократно встречается в документах той эпохи. В 1586 г. он был дьяком Большого дворца, а в 1588 г. послан в Новгород (см.: Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, стр. 36, 474, 797). В 90-е годы он известен как дьяк Посольского приказа. В эти годы намечался союз России с Персией. В 1595 г. Федор Иоаннович отправил к персидскому шаху Аббасу многочисленное посольство во главе с князем Василием Тюфякиным и дьяком «Семейкой Омельяновым» (Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. II. СПб., 1852, стр. 434). Посольство окончилось трагически. В Гиляни погиб Емельянов, а затем, в Персии, — почти все остальные участники посольства. Об их гибели долго не знали в Москве. Несколько оставшихся в живых стрельцов вернулись лишь в 1598 г. (см.: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. X. СПб., 1834, стр. 181).

Эта икона пользовалась широкой известностью и занимала важное место в монастыре. Монастырские описи начала XVII в. упоминают, среди прочих житийных икон Александра, «образ местной чудотворца Александра в деянии» над его гробом.[5] Это и есть икона 1592 г., что косвенно доказывается тесным сходством ее чеканного оклада с серебряной ракой Александра Свирского, присланной в монастырь из Москвы в 1643 г.[6] Видимо, одновременно с ракой был исполнен и драгоценный оклад этой особо почитаемой иконы.

Наибольший интерес в данной иконе представляют ее житийные клейма. Исполненные графично и несколько суховато, они по своим художественным особенностям не принадлежат к числу лучших произведений живописи той поры. Основная их ценность заключается в обилии живых жанровых сцен, в которых подчеркнуты и развиты содержащиеся в житии бытовые эпизоды. Это позволяет сделать вывод о самостоятельном, своеобразном истолковании текста художником и превращает иконные клейма в важный исторический источник.

Их литературной основой является житие Александра Свирского, написанное в 1545 г. игуменом Александро-Свирского монастыря Иродионом, одним из ближайших преемников Александра, умершего в 1533 г.[7] Житие было включено в неизмененном виде в состав макарьевских Четьих-Миней и в этой же первоначальной редакции вошло в ряд рукописных сборников XVI в.[8] Созданное в период широкого развития агиографической литературы, оно отличается торжественной риторикой, свойственной большинству житий этой эпохи. В нем весьма заметно влияние трудов Пахомия Серба. Это касается как отдельных стилистических особенностей, так и целых эпизодов, заимствованных Иродионом из сочинений Пахомия и лишь слегка переработанных.[9] Использование приемов такого признанного мастера агиографии, как Пахомий, было характерным для житийной литературы макарьевского времени.

Вместе с тем житие содержит множество любопытных реальных подробностей. Автор его, Иродион, был учеником Александра Свирского, его «постриженником», и не мог не отразить в той или иной степени

---

6) В отличие от заказчика об авторах иконы — художниках документы умалчивают. На основании участия в создании иконы двух авторов (Партениос Андреин Духовский и Васильев сын Иоанн Холст) можно предположить, что одному из них (вероятно, тому, кто назван первым) принадлежит исполнение средника, а другому — исполнение клейм. Привлекает внимание греческая форма имени одного из художников — «Партениос». Если в более ранние периоды грецизированные подписи русских мастеров были нередки (еще в начале XVI в. известна греческая подпись писца знаменитого евангелия 1507 г. с миниатюрами Феодосия), то для конца века это выглядит уже архаизмом. В конце XVI в. в Александро-Свирском монастыре известны какие-то «мастеры-гречаня». О них рассказывает надпись на футляре серебряного креста-реликвария 1576 г. с эмалевыми накладками. Надпись сообщает, что некие «гречане» — эмальеры, сосланные из Москвы в Александро-Свирский монастырь за отказ учить русских людей «мусиею писать», украсили эмалями этот крест (см. Е. Кутилова. К истории русской эмали. — Сообщения Государственного Русского музея, в. II. Л., 1947, стр. 48). Не связана ли греческая форма имени — «Партениос» — с этими мастерами?

[5] Опись 1623 г. (см.: Я. И. Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь. СПб., 1882, стр. 42).

[6] ААЭ, т. III. СПб., 1836, № 323.

[7] Я. И. Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь, стр. 42.

[8] Автор настоящей заметки пользовался текстами сборников: ГПБ, Соф. 1424, лл. 269 об. — 338 об., и Соф. 1357, лл. 900—976. О других списках жития см.: Н. Барсуков. Источники русской агиографии. СПб., 1882, стр. 23—25. В позднейших списках добавлены некоторые эпизоды (см.: Описание рукописей князя Павла Вяземского. Изд. ОЛДП, СПб., 1902, стр. 96).

[9] И. Яхонтов. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1882, стр. 37—87.

событий, очевидцем которых он являлся. Многие эпизоды жития дают интересный материал по истории монастыря.[10]

Первые сцены иконы — молитва родителей о даровании им младенца, рождение, крещение — весьма традиционны. При создании этих композиций художник, несомненно, пользовался привычными схемами икон Рождества богоматери, Иоанна Предтечи и др.

Обучение Александра (в то время еще отрока Амоса) грамоте напоминает аналогичные сцены из житийных икон Николы: изображена маленькая фигурка ребенка, приближающегося к сидящему монаху. В стороне стоят родители. Изображая здесь же отрока, склонившегося перед иконой, художник весьма скупо передает подробный рассказ жития о том, как Амосу не давалось учение, как он подвергался насмешкам других учеников и как, в ответ на его молитвы, лишь чудесное вмешательство богоматери даровало ему разум. Интересно, что в миниатюре лицевого жития Сергия конца XVI—начала XVII в. аналогичный текст детально иллюстрирован: учитель обучает Варфоломея, держащего раскрытую книгу, затем наказывает его розгами, а остальные ученики корят отрока.[11] В первых клеймах иконописец работал еще в весьма традиционной манере по сравнению с миниатюристом, смело вводившим жанровые эпизоды.

Опустив рассказ жития о добродетелях юного Амоса, художник изображает события, важные для развития действия: встречу Амоса с иноками Валаамского монастыря; беседу с одним из них, которого определяет так: «старец не прост, но богом послан бысть»; прощание Амоса с родителями и его уход в монастырь.

В следующих трех клеймах, посвященных путешествию Амоса на Валаам, главную роль играет пейзаж. Мастер тонко передает красоту того края, по которому шел Амос и где впоследствии он основал монастырь. Житие описывает «езеро», которое было «красно зело и лесом округ исполнено... и ветвем же оного древиа на воду преклоншимся. И бяшет же озеро то не велми велико, но зело красно отвсюду, яко и стеною окружено лесом».[12] У темного озера изображены деревья, напоминающие и ряды елей с характерными пирамидальными кронами, и сосны с пышными верхушками. На берегу — фигура Амоса, представленного то задумавшимся, то уснувшим, то радостно встречающим спутника. Несмотря на всю условность иконописного пейзажа, эти сцены чрезвычайно лиричны.

Изобразив приход Амоса в монастырь, его пострижение в монахи, посещение монастыря его отцом, художник подробно показывает те работы, которыми занимался Амос в монастыре и которые лишь кратко перечислены в житии (рис. 1). Представлено, как Александр носит воду в деревянных ведрах, вязанки дров из леса, сажает в печь маленький круглый хлебец, а уже испеченные хлебы лежат перед ним на столе. Важно отметить, что столь детальные изображения подсказаны художнику всего несколькими фразами жития, лишь упоминающими вскользь об этих трудах Александра.

Столь же подробно показаны различные реальные события, связанные с основанием нового, Александро-Свирского монастыря. Александр, первым придя на место, рубит деревья, собираясь построить себе «хижину»; охотник в лесных дебрях гонится за стремительно несущимся оленем и

---

[10] В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 262, 263.

[11] Житие Сергия (л. 40). Альбом «Древнерусская миниатюра». Б. м., 1933, рис. 87.

[12] ГПБ, Соф. 1424, лл. 279 об.—280.

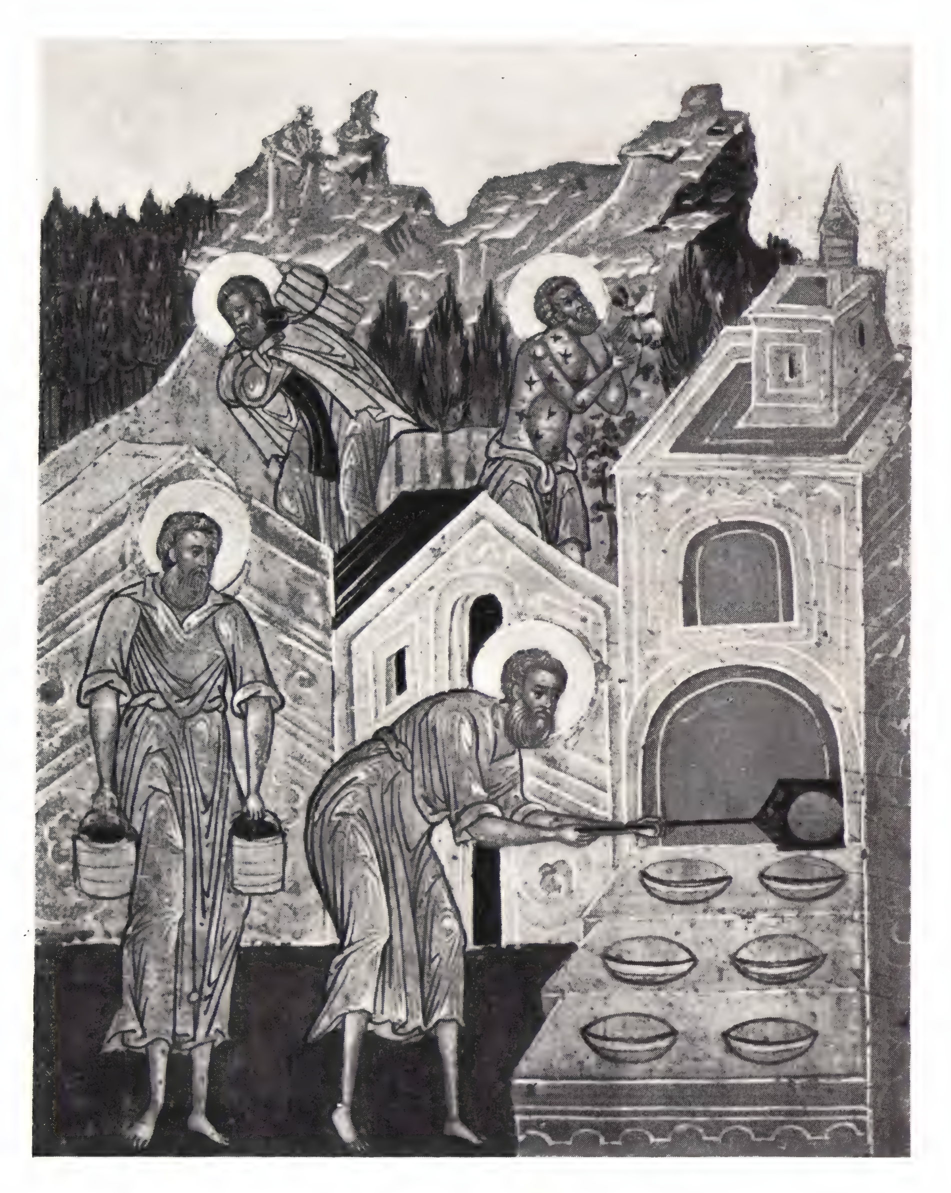

Рис. 1. Хозяйственные работы в монастыре. Деталь иконы «Александр Свирский в житии». 1592 г. (Гос. Русский музей, инв. № 2657, 15 × 12 см).

Рис. 2. Вырубка леса, вскапывание земли и сев. Деталь иконы «Александр Свирский в житии». 1592 г. (Гос. Русский музей, инв. № 2657, 15 × 12 см).

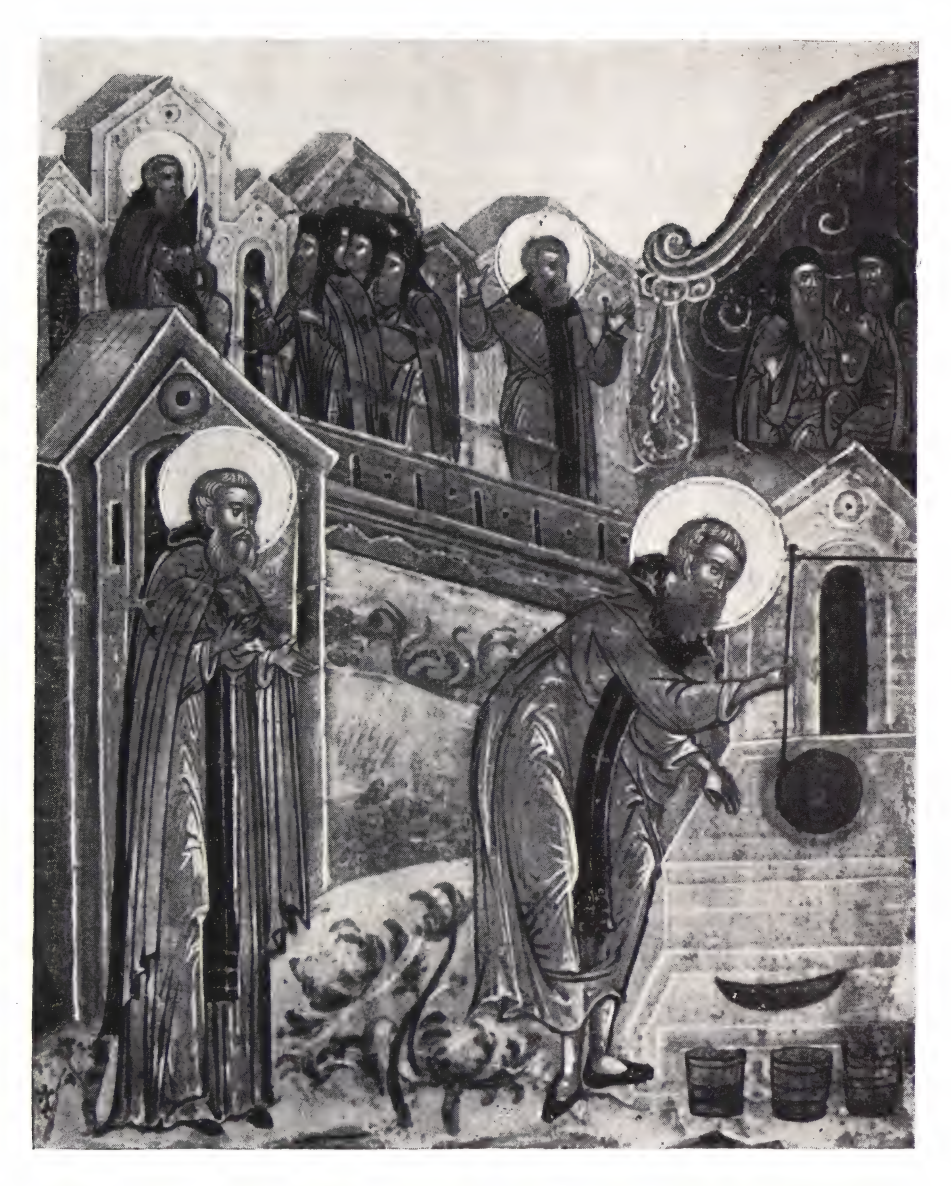

Рис. 3. Помол зерна ручным жерновом. Деталь иконы «Александр Свирский в житии». 1592 г. (Гос. Русский музей, инв. № 2657, 15 × 12 см).

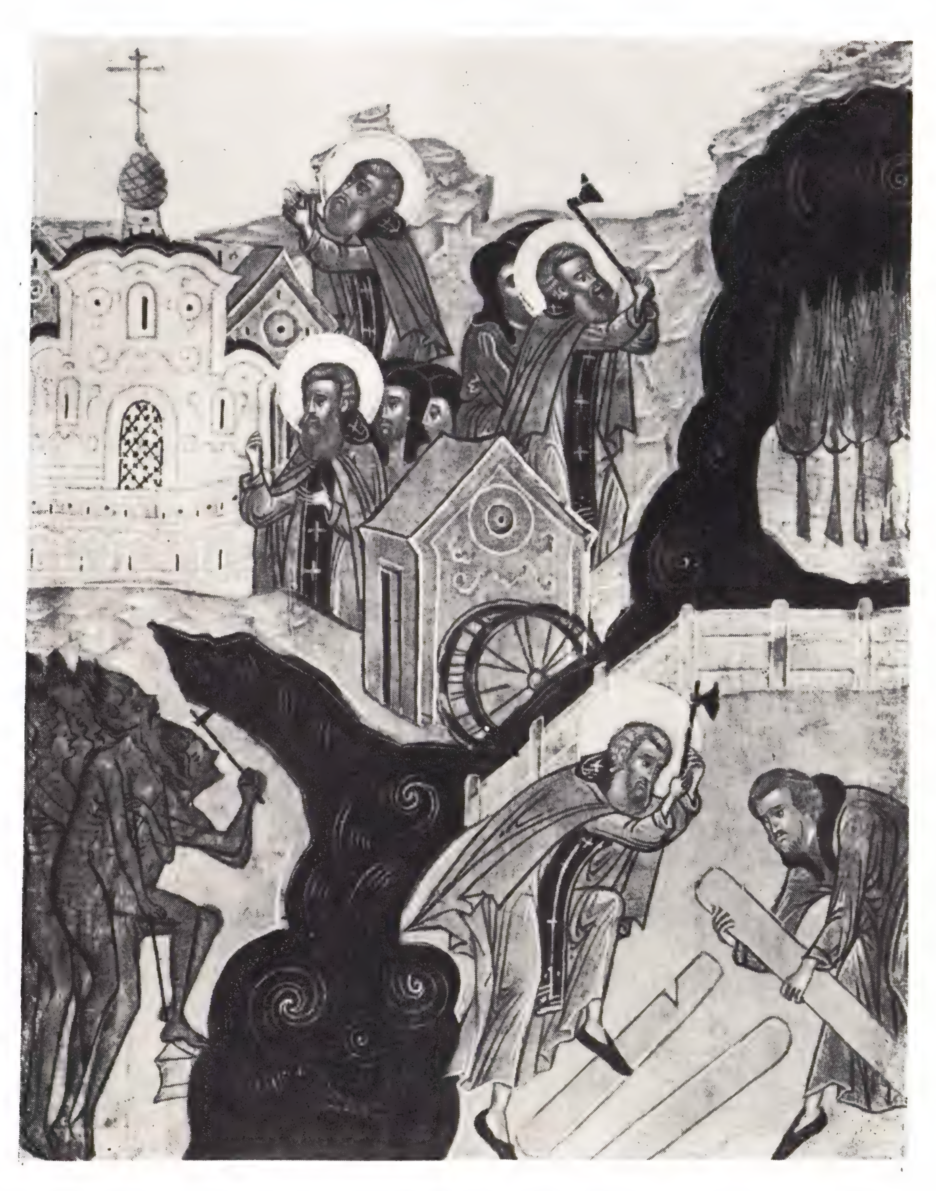

Рис. 4. Постройка мельницы. Деталь иконы «Александр Свирский в житии». 1592 г. (Гос. Русский музей, инв. № 2657, 15 × 12 см).

внезапно встречается с отшельником Александром; отроки одного из «боляр» несут за спиной огромные мешки с хлебами, рожью и ячменем для монастыря. В монастырь начинает собираться «братия». Они корчуют деревья, вскапывают землю, сеют хлеб, бросая зерно горстями из деревянного ведерка (рис. 2).

Бегло изобразив различные чудесные явления Александру, показывая лишь на втором плане его поучительные беседы с монахами, художник и в дальнейших клеймах выдвигает на видное место жанровые сцены: монахи рубят на земле первые венцы деревянной церкви Троицы; Александр, отличавшийся смирением и трудолюбием, выполняет за монахов монастырские работы: рубит дрова в лесу, носит воду, черпая ее из озера деревянными ведрами, мелет муку ручным жерновом (рис. 3).

В отдельном клейме (рис. 4) изображена постройка мельницы. Житие рассказывает, что Александр решил «створити прокопание» между двумя озерами, имевшими разный уровень воды.[13] Когда его повеление было исполнено, «внезапу устремися вода, иже своим схожением с высоты горскиа нисшед, с великым шумом и гремением водным». В иконе представлены два озера, монахи, рубящие лес, чтобы устроить «прокопание», и сам канал. Поблизости — бесы, присутствие которых должно обозначать разрушительную силу и шум воды. Монахи топором обтесывают бревна, подготавливая строительный материал для мельницы. На канале уже изображены и сама мельница в виде небольшого здания с двускатным покрытием, и два мельничных колеса. Если устройство канала в житии описывается подробно, то о постройке самой мельницы сказано лишь, что ее «створиша». Здесь, как и во многих предшествующих клеймах, художник, основываясь на подчас скупых фразах текста, вводит в икону живые жанровые сцены, добавляя множество любопытных деталей.

Одно из наиболее заинтересовавших художника событий — постройка каменных церквей Троицы и Покрова.[14] Этому посвящена серия изображений в шести клеймах. Сначала он показывает приготовление строительного материала. Житие описывает, как Александр «на некоем месте... начат землю рыти, и по мале же ископании обрете глину доволну близ монастыря». Из этой глины и начали «делати и жещи» кирпич. Одно из клейм изображает изготовление сырца. Рядом с работающими — небольшое красное здание (видимо, печь для обжига). Приготовив также известь и «камень дичень», монастырь отправил посланцев в Москву к великому князю (Василию III) просить «о каменных мастерех». В следующей сцене представлены посланцы, прибывшие в Москву. Просьба монастыря была удовлетворена. От князя прибыли и «каменьщикы», и «дозиратель к делу церкве». Их приезд изображен в иконе. К сожалению, не показан сам процесс постройки церкви Троицы, изображенной уже готовой, в момент освящения ее митрополитом Макарием. Зато имеется сцена постройки церкви Покрова: монахи складывают нижние ряды кирпичей строящегося храма.

Среди представленных в иконе прижизненных чудес Александра наряду с традиционными сценами дарования младенца родителям и исцеления больного имеется интересный эпизод с рыболовом.[15] Однажды рыболов поймал «осетра превелика зело», но «не возвестил» об этом «судьи властелину своему», убоявшись, что «лишен будет от него мзды». Осетр был продан купцам. Узнавший об этом «властелин» стал «зло

---

[13] Там же, лл. 305 об.—307 об.
[14] Там же, лл. 307—310.
[15] Там же, лл. 315—317.

насиловать» рыболова. Александр помог рыболову поймать еще одного большого осетра, и рыболов, отнеся его «властелину», смягчил его гнев. Икона изображает, как рыболов забрасывает невод в озеро, а затем подносит блюдо с рыбой важно восседающему «властелину».

Предсмертной беседой Александра с монахами завершается цикл изображений в иконе. Цикл этот совершенно не содержит посмертных чудес Александра, между тем как в житии, уже в списках XVI в., их насчитывается семь. В этом — новое подтверждение замеченной ранее особенности цикла: он характеризуется обилием жанровых сцен, бытовых подробностей, рядом с которыми изображения чудес и видений занимают сравнительно небольшое место.

*

Являясь как бы иллюстрированной историей монастыря, клейма иконы Александра Свирского представляют важный археологический источник.

Среди реалий можно отметить прежде всего орудия производства: топоры, лопаты, жернов. У топоров (рис. 2, 4) показаны широкие лезвия, сильно изогнутые по дуге; верхняя и нижняя грани также выгнуты. Этот очень древний тип встречается еще в IX—XII вв.[16] Именно такие топоры изображены в миниатюрах XVI—начала XVII в.: Лицевом летописном своде, Житии Сергия.[17]

Лопаты («рыла», как они названы в житии) — желтые, с темной каймой по нижнему краю, т. е. деревянные, с железной оковкой внизу (рис. 2). Этот тип существовал еще в глубокой древности наряду с другим, где железной оковкой обивались и боковые края лопаты.[18] В рукописях XVI—XVII вв. встречаются обе разновидности. В лицевом житии митрополита Алексея (XVII в.) мы видим изображения первого типа, как в иконе Александра Свирского,[19] а в житии Сергия — второго.[20]

Точно и изображение ручного жернова (рис. 3). Александр вращает верхний жернов деревянной рукояткой — шестом, нижний конец которого укреплен в ободе, опоясывающем жернов, а верхний — в гнезде специального сооружения, расположенном над центром жернова. Такие жернова имеют и археологические, и этнографические аналогии[21] и встречаются в миниатюрах.[22]

Мельница изображена на берегу в виде небольшого строения, перекрытого двускатной кровлей. В XVI в. мельницы не были редкостью на Руси. Известна смелая попытка «некоего хитреца от псковские страны» построить плотину и мельницу на Волхове в 1528 г. Однако, уже законченное сооружение было разрушено ледоходом.[23] Мельницы были и в Москве (в 1519 г. была выстроена мельница на р. Неглинке) и в крупных монастырях (кроме Александро-Свирского, документы упоминают

---

[16] В. П. Левашова. Сельское хозяйство. — Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. — Труды Государственного исторического музея, в. 32. М., 1956 (далее: Очерки), стр. 41—42.

[17] А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 184—185.

[18] Очерки, стр. 49—50.

[19] Житие митрополита всея Руси святого Алексия, составленное Пахомием Логофетом. Изд. ОЛДП, СПб., 1887—1888, стр. 207.

[20] Житие Сергия (л. 154). Альбом «Древнерусская миниатюра», рис. 64.

[21] Очерки, стр. 95—99.

[22] Второй Остермановский том Лицевого свода, л. 793. Воспроизведение — у А. В. Арциховского в работе «Древнерусские миниатюры как исторический источник», стр. 89. Хронограф ГБЛ, Е-202, л. 600. Воспроизведение — в альбоме «Древнерусская миниатюра», рис. 10.

[23] ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, стр. 286.

мельницу в Соловецком монастыре).[24] В середине столетия возникают и бумажные мельницы.[25] Изображение мельницы в иконе 1592 г., насколько нам известно, самое древнее.

Вырубка леса, вскапывание земли и сев показаны на рис. 2. Это процессы подсечного земледелия. Здесь не представлено лишь выжигание леса. Почему-то оно выпущено почти во всех миниатюрах, изображающих этот цикл сельскохозяйственных работ,[26] и встречается лишь в одной из миниатюр жития Антония Сийского XVII в.[27]

Изображен в иконе и труд плотников. Они обтесывают бревна, сооружая плотину и мельницу (рис. 4), рубят топором деревянную церковь.

Сцена постройки каменной церкви Покрова в Александро-Свирском монастыре была популярной в иконописи XVI в. Она встречается и как сюжет самостоятельной иконы.[28] Изображение каменного строительства имеется и в иконах и в миниатюрах XV—XVI вв. Нередки попытки художников представить план будущего сооружения. План московского Успенского собора изображен с большей или меньшей реальностью в одном из клейм житийной иконы митрополита Петра конца XV в.[29] и в миниатюрах Лицевого свода.[30] В иконе 1592 г. план церкви весьма условен: в виде шестигранника. В упомянутой иконе Гос. Третьяковской галереи — тот же план с той разницей, что добавлена абсида. Такой прием условного изображения строящегося здания хорошо знаком миниатюристам XVI в. Именно так показана вавилонская башня в сцене «столпотворения вавилонского» в Лицевом своде[31] и в «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова.[32]

Одежды, изображенные в иконе, связаны с социальной характеристикой персонажей. У боярина и его свиты — длинные красные одеяния, расшитые жемчугом. Рыбак — в простой короткой рубахе. Каменщики — в длинных, но одноцветных, неукрашенных одеждах. От каменщиков отличается «дозиратель к делу церкве», назначенный князем. Он стоит впереди каменщиков, беседуя с Александром; на его плечах — яркий красный плащ. В другом месте жития упоминается о «нарядчике... дела церкви той» Игнатии.[33] Возможно, что «дозиратель» и «нарядчик» — одно и то же лицо. Нарядчики (называвшиеся также «предстателями») были не зодчими, а представителями того лица, которое давало средства и рабочую силу для строительства (в данном случае это представитель великого князя).[34] Человек в более скромной, зеленой одежде, упавший ниц перед Александром, — возможно, зодчий.

---

[24] В. В. Данилевский. История гидросиловых установок в России до XIX века. М.—Л., 1940, стр. 7—11.

[25] Лихачев, Бум. мельн., стр. 85—87.

[26] Житие Сергия (л. 131 об.). Альбом «Древнерусская миниатюра», рис. 61; Житие Антония Сийского, л. 296 об.

[27] Житие Антония Сийского, л. 224 об. (см.: А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник, стр. 200, 201).

[28] Гос. Третьяковская галерея, инв. № 22048, икона второй половины XVI в.

[29] А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. Б. м., 1937, рис. 184 на стр. 261.

[30] Н. Н. Воронин. Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв. М.—Л., 1934, рис. 5 на стр. 60; см. также Шумиловский том Лицевого свода (ГПБ, F.IV.234), лл. 29 об., 31, 31 об., 35, 37.

[31] ГБЛ, М-15, л. 254. Воспроизведение — в Альбоме «Древнерусская миниатюра», рис. 41.

[32] История русского искусства, т. III. Изд. АН СССР, М., 1955, вклейка между стр. 604 и 605.

[33] ГПБ, Соф. 1424, л. 320 об.

[34] Н. Н. Воронин. Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв., стр. 17—19.

Рассмотрение богато представленных в иконе реалий подтверждает уже отмеченную ранее характерную особенность: подчеркнуто подробное изображение бытовых эпизодов, подсказанных подчас лишь несколькими словами жития, при оставлении иных частей текста (порой весьма значительных) без иллюстраций. Иконные клейма становятся «окнами в исчезнувший мир», подобно многим циклам древнерусских миниатюр, образно и поэтично названных так исследователями.[35]

Эта черта рассматриваемой иконы становится еще более наглядной и позволяет предположить сознательный замысел художника, если сопоставить памятник с иными иконами того же сюжета.[36] В них основное место занимают сцены борьбы Александра с бесами, явления богоматери, ангелов, посмертные чудеса. Все эти иконы, более или менее подробные, иконографически сходны между собой, в то время как икона 1592 г. стоит особняком.

*

Насыщенность бытовыми эпизодами, богатство реалистических, наблюденных в жизни деталей свойственны многим произведениям XVI в. Изобилуя в житийных иконах, эти жанровые подробности появляются и в евангельских и библейских сценах, нарушая их привычные, давно сложившиеся иконографические схемы. Например, в известной иконе «Троица в бытии» из Суздальского Покровского монастыря[37] показано, как, приготовляя трапезу пришедшим к Аврааму и Сарре трем путникам, служанки месят тесто и пекут хлебы; тут же изображен теленок, сосущий корову.

Наиболее подробно изучена эта особенность живописи XVI в. на материале иллюстрированных рукописей. Именно в миниатюрах она сказалась с наибольшей яркостью. Миниатюры Лицевого летописного свода, Жития Николы, Жития Сергия и других издавна привлекали внимание исследователей, рассматривавших их как важный исторический и археологический источник и отмечавших в них такое же внимание к бытовым моментам, использование художниками отдельных фраз текста для создания жанровых композиций, какое наблюдается и в рассмотренной нами иконе Александра Свирского.[38]

Ф. И. Буслаев подчеркивал это свойство живописи XVI в., обратившись к примеру миниатюр. Он указывал, что «художники, писавшие эти миниатюры, не могли не присматриваться к действительности, для того чтобы, по требованию текста, воспроизвести в живописных изображениях малейшие подробности нашего древнего быта. Несмотря на отсутствие перспективы, они должны были изображать ландшафты, города, постройки, битвы, дикие, дремучие леса». Художникам пришлось, «оставив в стороне византийские типы и старинное предание», обратиться «к национальным костюмам, обычаям, нравам... По этим миниатюрам наглядно знакомимся

---

35 А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник, стр. 4; Б. А. Рыбаков. «Окна в исчезнувший мир» (по поводу книги А. В. Арциховского «Древнерусские миниатюры как исторический источник». Изд. МГУ, М., 1944). — Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ, в. 4. М., 1946, стр. 36—51.

36 а) Собр. ГИМ, инв. № 53054, XVI в., 14 клейм; б) Собор Василия Блаженного, придел Александра Свирского, конец XVII—начало XVIII в., 16 клейм; в) Собр. Гос. Русского музея, инв. № 1823, в поздней записи, 26 клейм.

37 Гос. Русский музей, инв. № 2138.

38 Во втором Остермановском томе Лицевого свода относящееся к отцу Темир-Аксака сведение о том, что он был «кузнец железный» сопровождается изображением кузницы (л. 971). В житии Сергия миниатюра изображает изготовление свечей, иллюстрируя лишь два слова текста: «свечи скаше» (см.: А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник, стр. 189, 190).

мы с тем, как в старину пекли хлебы, носили воду, как плотники рубили избу, а каменщики выкладывали храмы... Очевидно, действительность начинает предъявлять древнерусской живописи свои права и вместе с тем возбуждает в художнике национальные интересы».[39]

Слова Буслаева вполне могли бы относиться и к иконе 1592 г. Она служит ярким примером проявления в станковой живописи XVI в. этой тенденции, сыгравшей большую роль в процессе накопления в искусстве реалистических черт, элементов жанра и соответствующей, как известно, аналогичным явлениям в литературе XVI в.

---

[39] Ф. И. Буслаев. Для истории русской живописи XVI века. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. т. II. СПб., 1861, стр. 300.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

О. И. ПОДОБЕДОВА

Лицевая рукопись XVII в. «Сказания о граде Муроме и о епископии его, како преиде на Резань»

Рукопись бывш. Лихачевского собрания № 50 (Отдел рукописей и древних актов ЛОИИ) содержит, помимо «Повести о Петре и Февронии», «Сказание о граде Муроме и о епископии его, како преиде на Резань», или, иначе говоря, «Житие Василия Рязанского», — одну из поэтических повестей Муромского цикла.

Рукопись написана полууставом XVI в., напоминающим по своему типу лучшие рукописи второй половины столетия. Никаких отступлений ни в лигатурах, ни в буквах основного текста от типа XVI в. не замечается. Между тем бумага рукописи должна быть отнесена по своему водяному знаку к XVII столетию. Голова шута (la folie) — водяной знак рукописи — чаще всего относится ко второй половине XVII столетия; самые ранние из зарегистрированных памятников древнерусской письменности, выполненных на бумаге с филигранью, изображающей голову шута, датируются исследователями 1593 и 1604 гг.[1]

Это противоречие между характером письма, свойственным XVI в., и филигранью заставляет особенно внимательно отнестись к вопросу о происхождении рукописи, выяснить в первую очередь историю становления текста «Сказания», а также попытаться связать время создания лицевой рукописи с теми или иными историческими событиями.

Текст «Жития Василия Рязанского», повествующего об обновлении града Мурома, возобновлении в нем епископской кафедры, а затем о восстании жителей Мурома против своего епископа, о чудесном переселении его в Рязанское княжество и перенесении туда епископской кафедры, известен в нескольких редакциях. Впервые оно встречается в так называемой средней редакции «Жития кн. Константина с чадами»,[2] сложившейся в середине XVI столетия (ГБЛ, муз. 364). Наиболее поздней считается пространная редакция «Жития», куда входит и «Сказание» (ММ, Патр. VI), относящаяся к XVII в.

---

[1] См.: Лихачев, Вод. зн., ч. II, стр. 413; L. Wienes. Etude sur les filigranes des papiers lorraines. Nancy, 1893, pl. XXI, № 2 (рукопись 1604 г.), pl. XV, № 5 (рукопись 1593 г.). — Однако Н. П. Лихачев к этим ранним датировкам относится с сомнением.

[2] В ряде списков, как например в списке XVII в. Патр. VI, «Сказание» помещено после похвалы кн. Константину и перед рассказом об обретении мощей или же в конце всего текста жития князя Константина, как например в рукописи ГБЛ (Муз. 364), опубликованной в «Памятниках старинной русской литературы» (в. V, СПб., 1860, стр. 227—237).

Текст отдельно существующего «Сказания» известен в двух редакциях. Более ранняя впервые встречается в числе произведений, приписываемых Ермолаю-Еразму, в сборнике XVI в. (Хлуд. 147-д) и с небольшими разночтениями повторяется в Милютинских Четьих Минеях (лл. 1120—1123 об.). Как и «Сказание», входящее в состав «Жития кн. Константина с чадами», эта группа текстов обнаруживает глубокие связи со всем циклом Муромских исторических повестей. В отличие от нее вторая, более поздняя редакция самостоятельно существующего «Сказания» (известная по списку быв. собр. Псковского церковно-археологического общества, № 403), содержит ряд сведений о жизни и деятельности Василия в Рязанской земле, о его смерти и погребении, о деятельности рязанского архиепископа Феодорита и князя Ивана Хворостинина, о нестроениях в Русской земле во время первого самозванца.

Рукопись бывш. Лихачевского собрания № 50 с некоторыми оговорками следует отнести к группе текстов, входящих в состав «Жития князя Константина Муромского». Прежде всего начальная историческая часть совпадает по содержанию с рукописью XVI в. (ГБЛ, Муз. 364). Так, в рассматриваемой лицевой рукописи читаем: «По преставлении ж благовернаго князя Константина и чад его князя Михаила и князя Федора и после благоверного князя Петра и благоверной княгини Февронии, и после запустения града Мурома от неверных людей преиде из Киева в Муром град благоверный князь Георгий Ярославич». В рукописи Муз. 364 читаем: «По представлении же святаго благовернаго князя Константина с чады, многим летом минувшим и по запустении града Мурома от неверных людей, и после благоверного князя Петра и благоверныя княгини Февронии тако же, многим летом мимошедшим, преиде из Киева в Муром град благоверный князь Георгий Ярославич».

Совпадая в основном своем содержании, рукопись собр. Лихачева № 50 изменяет порядок событий, восстанавливая правильную хронологию, т. е. сначала упоминает князя Петра и Февронию, а потом говорит о запустении града Мурома от «неверных людей» (под последними, видимо, подразумевается монгольское вторжение в Муром, о котором упоминается в летописи под 1281 и 1288 гг., соответственно восстановление города князем Георгием Ярославичем относится к 1351 г.[3]), а не наоборот, как это излагается в рукописи Муз. 364.

Обращаясь к эпизоду оклеветания «врагом рода человеческого» епископа Василия, рукопись собр. Лихачева № 50 сокращает подробности событий, описываемых в так называемой средней редакции, т. е. Муз. 364: сначала указывает на «вражеские козни» против праведного епископа, потом говорит об общественной огласке предполагаемых «греховных» деяний епископа, затем передает новеллистические подробности эпизода — явления девицы, вбегающей по ступеням с «сапогами в руках» в покои епископа, и, наконец, приводит возмущенные речи муромчан, обличающих своего пастыря. Далее описываются все подробности поведения епископа перед его чудесным отплытием. Со знанием местоположения муромских зданий создатель рукописи передает рассказ о совершении всенощной в храме «князей Бориса и Глеба», о ночном молении епископа перед иконой Муромской богоматери, о совершении им литургии и последующем шествии к берегу Оки. Весь этот рассказ опять-таки почти полностью

[3] В Лаврентьевской летописи (ПСРЛ, т. I, СПб., 1846, стр. 201) сожжение Мурома татарами упоминается под 1239 г., тогда как о монгольском вторжении в Муром говорится в Никоновской летописи (ПСРЛ, т. X. СПб., 1885, стр. 159, 167, 222) под 1281 и 1288 гг. См. также: Д. Иловайский. История Рязанского княжества. М., 1858, стр. 146.

совпадает с аналогичным повествованием в рукописи Муз. 364.[4] Однако лицевая рукопись в ряде случаев опускает некоторые подробности текста, сокращает само повествование в первую очередь в целях экономии места, так как вся страница лицевой рукописи занята изображением, а для текста уделено место вверху, где размещается 4—5 строк. Иногда писцу не хватает места, и тогда он вписывает последнюю строку между зданиями архитектурного фонда миниатюры или же подписывает ее внизу, под изображением. Но и эта несколько сокращенная подпись ничего не теряет в передаче содержания «Сказания», так как сама миниатюра столь подробно изображает описываемый эпизод, что в совокупности с текстом передает все детали самой пространной редакции «Сказания». Миниатюры лицевой рукописи отличаются большой наглядностью и полнотой передачи содержания. Небольшим количеством композиционных приемов, бесхитростных и часто довольно примитивных, миниатюрист умеет привлечь внимание зрителя к каждому из эпизодов «Сказания», выявить сущность данного эпизода, подчеркнуть его значение, умеет заставить почувствовать эмоциональную сторону каждого из событий.[5] Уже в первой миниатюре, изображающей приезд Георгия Ярославича с дружиной на княжение в город Муром, мастер вводит читателя в сложную цепь повествования и вместе с тем раскрывает своеобразие и примечательные моменты данного события. Внимание зрителя невольно привлекает расположенное на светлом фоне изображение белого скачущего коня, направляющегося к въездной башне Мурома. Почти в центре композиции помещается и фигура восседающего на коне князя, голова которого окружена нимбом (со следами золота). За князем движется вереница дружинников. Направление их движения определяется не только положением человеческих фигур и коней, но еще и подчеркивается жестами рук князя, указывающего на городскую башню. Это ощущение движения усиливается и при взгляде на развевающиеся в том же направлении (внутрь города) причудливой формы флажки на островерхих башнях.

Утвердившийся в Муроме князь Георгий Ярославич «начальствует» над муромскими боярами и посадом. Вспомним, что, согласно тексту «Сказания», он «постави себе двор в Муроме; такожде и боляре его и вси купци муромстии». В соответствии с этим миниатюрист изображает сидя-

---

[4] Сравним оба рассказа:

Рукопись собр. Лихачева № 50	Рукопись Муз. 364
Святый Василий епископ поиде из епископии своея до реки, нарицаемыя Оки, провождаша ж его велможи града Мурома и вси народи, хотяху ему судно дати к отплытию. Святый же стоя с образом Богородичным на брезе...	...и поиде из церкви Благовещения пресвятыя Богородицы и из епископии своея до реки, нарицаемыя Оки; провождающе же его вельможи града Мурома и весь народ, хотяще ему судно дати ко плаванию, святый же стоя со образом Богородичным на брезе...

[5] Нужно отметить самостоятельность иконографического извода миниатюр, «Сказания о граде Муроме...». Несмотря на то что ряд мотивов «Сказания» имеет литературные аналогии в жизни Антония Римлянина, а также в жизни Иоанна Новгородского (с последним роднит «Сказание» и тема искушения епископа «врагом рода человеческого», принявшего облик девицы, и тема восстания городского мира против епископа, изгнание его из города и плавание по реке), иконографических аналогий с житийными иконами и циклами миниатюр, посвященных Антонию Римлянину и Иоанну Новгородскому, не имеется. Сравнение миниатюр «Сказания» с житийной иконой Иоанна Новгородского (XVI в.) и миниатюрами его жития (XVII в.) выявляет своеобразие образного строя миниатюр «Сказания» [см. П. Гусев. Новгородская икона св. Иоанна (Илии) архиепископа в деяниях и чудесах. СПб., 1903].

щего на престоле князя Георгия Ярославича и предстоящих ему муромских жителей. Жесты князя, чуть склоненные головы горожан и их позы и жесты свидетельствуют об оживленной беседе. Группа предстоящих князю людей помещена на фоне массивного здания с бочкообразным покрытием. Тонкие силуэты башенок и шпилей, украшающих башни и размещенных посредине стены, четко вырисовываются на незакрашенном фоне, придают ощущение воздуха и несколько облегчают монументальные постройки. Исчерпав этими двумя миниатюрами содержание исторического введения, связывающего «Сказание» со всем циклом муромских исторических повестей, миниатюрист обращается непосредственно к рассказу о судьбе Василия Рязанского и событиям, вызвавшим перенесение епископской кафедры из Мурома в Рязань. Свой рассказ он начинает сценой возобновления епископской кафедры в Муроме (рис. 1), связывая ее значение с одним из основных почитаемых памятников Муромской земли — иконой богоматери, принесенной в Муром князем Константином. Эту икону миниатюрист помещает на белой стене храма, на фоне этой же белой стены в центре композиции изображает фигуру Василия в белых святительских одеждах; на некотором отдалении за епископом следует князь в сопровождении отроков. Вновь их указующие жесты обращены к епископу. Разъясняя зрителю смысл происходящего, т. е. начала епископского служения Василия, мастер в правой части композиции, непосредственно под иконой, помещает престол с лежащим на нем крестом, а в руках епископа изображает раскрытое Евангелие. Ритм расстановки человеческих фигур повторяется и в округлых, волнообразных очертаниях архитектурного фона.

Несколько застылый иконный характер композиции, изображающей восстановление «Муромской епископии» оживляется, когда миниатюрист переходит к новеллистической части «Сказания» — рассказу об «искушении» Василия и о восстании против него муромских граждан (рис. 2). Связь между персонажами, их движение, характер ведущейся между ними беседы миниатюрист передает и самим расположением фигур, и позами и жестами каждого из персонажей. В центре композиции находится девица, образ которой принял «враг рода человеческого», «споны творя» праведному Василию и возмущая против него люд муромский. Девица входит в епископские покои. Ее движение мастер передает, показав двумя диагональными линиями лестницу, ведущую в покои, и подчеркнув направление движения указующим жестом ее рук. Слева изображена группа муромских граждан, наблюдающих за девицей. Их трое, и каждый из них по-разному высказывает свое отношение к виденному. Самый молодой из них поясняет смысл происходящего двум другим, чьи жесты и выражение лиц свидетельствуют о живейшей заинтересованности поведением епископа. Мастер сознательно преувеличил размеры руки юноши, указывающего на девицу, и поместил эту огромную руку невдалеке от фигуры девицы в центре же композиции. Оклеветанного епископа миниатюрист изобразил в некотором отдалении от происходящего, по правую сторону от девицы и на противоположном крае от группы муромских граждан. Подняв одну руку для благословения, другую простерев к своим прихожанам, как бы защищая себя от клеветы, он стремится утишить волнение, вызванное «вражескими кознями», и водворить мир в своей епископии. И фигура епископа, и шествующая в покои епископа девица, и группа горожан вписаны в прямоугольник, образуемый архитектурным фоном и заставляющий вспомнить о прямоугольном клейме житийной иконы. Волнение горожан утишить не удается, так как «вражеские козни» принимают более определенную форму и убеждают горожан в нравствен-

ной нечистоте их пастыря. «Злохитрая девица», не боясь суда людского, на глазах у всех направляется босиком в верхние покои епископа, держа сапоги «в руках своих». Привлекая внимание к ней, миниатюрист помещает девицу опять в центре композиции на узкой лестнице между двумя башнями. Лестница намечена одной диагональной линией, а ступени — несколькими горизонталями, но движение девицы и пространство уходящей вверх лестницы ясно ощущаются. Темный силуэт девицы выделяется на светлом фоне стены. Все так же указывает на нее преувеличенно большая рука муромского юноши, а позы стоящих позади него старцев выражают смятение. Смятенным и огорченным кажется сидящий поодаль с посохом в руке епископ. Негодование и ужас еще яснее можно усмотреть в позах, жестах и выражении все тех же муромских жителей, пришедших обличить своего епископа. Самый ритм расстановки фигур указывает на противопоставление обвиняемого и обвинителей. Миниатюрист делает попытку усилить драматизм сцены, давая архитектурный фон более насыщенным разнообразием форм и интенсивным по цвету.

Следующая, 7-я миниатюра открывает новую тему (рис. 3). Если в предыдущих трех композициях епископ был лицом отчасти пассивным и страдательным, то теперь он переходит к активной деятельности. Вместе с тем в миниатюрах раскрывается своего рода «божественное покровительство» его действиям. На протяжении четырех миниатюр (7—10-й) рассказывается о молении епископа перед принесенной некогда в Муром князем Константином иконой Муромской богоматери. Теперь в центре композиции на белой стене храма выделяется «чудотворная» икона, перед ней в молитвенном порыве склоняется Василий, проведший ночь в молении, перед ней он совершает литургию; как символ евхаристии на белом престоле изображена чаша, а к престолу направляется в сопровождении клириков епископ Василий в белом же одеянии. Наконец, совершается «божественное определение» о перенесении епископской кафедры из Мурома и одновременно оправдание оклеветанного епископа.

Оставлению Мурома, чудесному плаванию епископа по Оке на мантии и прибытию в Рязань посвящено пять миниатюр (10—14-я). Со строгим лицом предстает перед своей паствой епископ, окончивший длительное моление. В руках он несет прославленный образ богоматери — муромскую «святыню», готовясь с ней покинуть город (миниатюра 10-я). Вновь фигура Василия, теперь облаченного в темные монашеские одежды, помещена на фоне белого храма, вновь в середине композиции помещена икона Муромской богоматери, но уже не на стене муромского храма, а в руках у епископа. К ней направлены взгляды старца и юноши, некогда оклеветавших епископа. Теперь их фигуры, несколько смещенные вправо, выражают смущение и горесть. С иконой в руках направляется к реке епископ Василий (миниатюра 11-я — рис. 4). Удлиненная по своим пропорциям фигура Василия, облаченного в монашескую мантию, возвышается на краю берега Оки, несколько впереди следующих за ним муромских граждан. В руках епископа икона, его поза строга и немного напряженна. Группа муромских граждан состоит из седобородого старца, ближе всего подошедшего к епископу и указывающего на него рукою; позади него еще два человека: один средних лет, с короткой окладистой бородой, другой (видна лишь его наклоненная к второму горожанину голова) еще совсем молод. Они поражены действиями епископа и ведут между собой беседу. Горки, изображенные в виде мало расчлененных, данных сплошным массивом лещадок, создают почти ровный фон, на котором выделяется тесно поставленная группа муромских жителей. Слегка изломанная линия очертаний горок ведет к трем тонким и легким высоким башенкам,

одна из которых увенчана резным флюгером. Своеобразный ритм, ощущающийся в переходе от сплошного горного массива к тонкому, устремленному ввысь силуэту здания, соответствует ритму расстановки фигур первого плана. Четкие очертания здания и здесь, как и на нескольких миниатюрах, посвященных теме «искушения», вырисовываются на белом фоне незакрашенной бумаги, что придает известное ощущение воздуха и пространства.

Наконец, элементы пейзажа: уже упоминавшиеся горки, деревья с кронами, подобными чашам, едва намеченные воды Оки — все вместе придает своеобразную поэтичность изображению. Этому же способствует спокойная и слегка приглушенная красочная гамма, в которой преобладают коричневатые и зеленые тона (миниатюра 11). Однако с нарастанием напряженности действия, в тот момент, когда епископ Василий, отвергнув судно, которое муромские жители «хотеху ему... дати ко плаванию», постилает на воду мантию, горки теряют свои плавные очертания, становятся изломанными, причудливо вздымаются кверху, среди них появляются кроны деревьев (миниатюра 12-я). Все устремляется к Василию — и жесты рук изумленных горожан, и развевающиеся флажки на островерхих башнях отдаленного здания (миниатюра 12-я), даже наклон острых скал — лещадок устремлен в ту же сторону, куда направляется плывущий на мантии Василий (миниатюра 13-я — рис. 5).[6]

Как и в предшествующих миниатюрах, и здесь в центре композиции помещается тот предмет, на котором сосредоточено действие, к которому направлено внимание действующих лиц данного эпизода. На 11-й миниатюре — это фигура Василия с иконой Муромской богоматери, причем непосредственно в центре находится икона, которой повествование отводит основную роль в совершающихся событиях. На 12-й миниатюре в центре композиции мантия Василия, которую епископ опускает на воду, и опять же икона, которую он продолжает держать. На 13-й миниатюре фигура Василия несколько смещена вправо, куда, как уже говорилось, направлены и жесты склоненных фигур раскаявшихся муромских горожан.

Последние три миниатюры (14—16-я) посвящены теме утверждения епископской кафедры в земле Рязанской. Здесь и композиционные и цветовые акценты (все тот же звонкий белый цвет) перенесены на рязанский клир, рязанский храм, на стене которого утверждается принесенная Василием икона. Заключительная миниатюра, изображающая управление епископом своей паствой в земле Рязанской, исполнена умиротворенности, которой дышат спокойные позы действующих лиц — Василия и представителей его новой епархии и которой соответствуют спокойные линии архитектуры на втором плане.

Таким образом, выявляя исторические мотивы в начале и концовке цикла, раскрывая в средней его части новеллистическую сторону «Сказания», передавая поэтическую историю оправдания неправедно оклеветанного епископа и, наконец, особо выделяя значение во всех событиях иконы Муромской богоматери, миниатюрист пользуется для столь полного раскрытия содержания каждой из миниатюр и всего повествовательного цикла в целом композиционными приемами, далеко не всегда отличающимися высоким профессиональным мастерством, но всегда исключительно целенаправленными и точно акцентирующими основные моменты развертывания сюжета.

---

[6] Нужно заметить, что миниатюры 11 и 13 значительно испорчены поздней реставрацией; там пририсованы деревья, искажены очертания крон тех деревьев, которые были у миниатюриста, одна лещадка на миниатюре 13 обращена в дерево.

Цвет также совсем не безразлично употребляется мастером. При помощи цветовых решений миниатюрист привлекает внимание зрителя к основным моментам раскрытия сюжета, к отдельным персонажам или предметам. В этом отношении особенно примечательна роль белого цвета в миниатюрах 1, 3, 5, 7—10 и 15. Цвет играет роль не только смыслового и эмоционального акцента; в отдельных случаях ритмическое чередование светлых и темных одежд в группах людей, соотношение темных фигур первого плана со светлыми или яркими тонами архитектурного фона и пейзажа придают известную динамичность или, наоборот, как в миниатюре 16-й, известную успокоенность композиции.

Хотя миниатюрист и вводит некоторые орнаментальные мотивы (розетки, трилистники, зубчатые полосы и росчерки) в основном в архитектурных фонах, его решения не имеют ничего общего с «ковровостью» узорочья XVII в. Орнамент очень незамысловат, он носит скорее характер красочного пятна, изредка оживляет гладь стен, его вовсе нет на одеждах. В самом характере миниатюр мало черт, связывающих этот цикл со стилистическими особенностями миниатюры XVII в. Лишь силуэт коня на 1-й миниатюре, некоторые из архитектурных форм (в частности, бочкообразные покрытия), рисунок гор (замена лещадок свободными росчерками) и деревьев заставляют вспомнить о XVII в. С другой стороны, характер одежды, сама простота композиционных решений, отсутствие перегруженности деталями, особенности передачи массовых сцен, наконец, само построение человеческих фигур и цветовая гамма миниатюр роднят их с художественными приемами миниатюры XVI в. Больше же всего сближает данный цикл миниатюр с миниатюрами XVI в. интерпретация архитектурных форм и особенности композиционных приемов именно в отношении расположения изображаемых в миниатюре зданий. Это всегда только внешний облик здания, видимого с фасада или с трех сторон. Архитектура занимает только второй план или изредка группируется в виде кулис справа и слева. Изображения столь характерных для XVII в. «нутровых палат» нет нигде.

Иначе говоря, в самом характере миниатюр мало черт, противоречащих отнесению их к XVI в. и нет тех ярких особенностей, которые позволили бы связать их с новшествами XVII в. Эти качества характеризуют скорее всего произведение рубежа столетий, произведение переходного периода. Но если нельзя данный цикл безоговорочно связывать ни с XVI, ни тем более с XVII столетием, то нужно отметить и некоторое различие в самой манере исполнения всех шестнадцати миниатюр, иллюстрирующих «Сказание». Это различие позволяет предположить, что миниатюры были исполнены двумя мастерами. Руке первого мастера принадлежит большее число миниатюр: изображение приезда в Муром князя Георгия Ярославича, его правление в Муроме, большинство эпизодов, связанных с искушением, а потом чудесным отплытием епископа Василия. Руке второго миниатюриста принадлежат все изображения моления епископа Василия, в особенности же те, в которых есть изображение иконы Муромской богоматери.

Для первого мастера характерны удлиненные пропорции фигур, тонких, с тщательно прорисованными волосами и бородами. Он любит вводить в свои миниатюры изображение природы, его изображения гор и деревьев несколько отходят от традиционных форм лещадок и деревьев XVI и предшествующих столетий. Их очерк свободен, уступы лещадок обратились в росчерки и зигзаги, очертания кроны деревьев смягчились и приобрели волнистость. Его композиции просты: фигуры первого плана либо разделяются на две стоящие друг против друга группы, либо собраны

в одну группу, как бы мерно шествующую вдоль относительно плоского фона, при этом одна из фигур (главенствующая по смыслу изображенного эпизода) несколько выдвинута вперед. В двух или трех случаях (въезд Георгия Ярославича в Муром, епископ Василий на берегу Оки и встреча его в Рязанской земле) он дает своеобразные пространственные решения. Архитектурные фоны у первого мастера несколько более условны и слегка усложнены по сравнению с изображением архитектуры в миниатюрах второго мастера. Здесь есть и совсем условные тонкие башни с флюгерами, навеянные либо западной гравюрой, либо знакомством с теми из наиболее популярных или почитаемых лицевых рукописей, в которых есть соответствующие изображения построек (см., например, «Житие Николы» XVI в. в ГБЛ или изображение отставки Геннадия и изображение его смерти в Шумиловском списке Лицевого летописного свода). Сравнение с этими прославленными памятниками особенно наглядно показывает, как свободно и вместе с тем примитивно претворяет в своих композициях высокие образцы провинциальный мастер.

Однако и в этих условных архитектурных фонах, всегда легко обозримых, занимающих, как уже говорилось, второй, редко третий план композиции, можно усмотреть и намек на передачу впечатлений от реальной действительности. Речь идет о бочкообразных покрытиях, изображенных на 2-й и 6-й миниатюрах.

О колористической стороне всего цикла миниатюр говорить очень сложно, так как подвергшаяся неумелой реставрации в начале XX столетия рукопись замазана грубыми пятнами акварели глухо-зеленых и коричневатых тонов, что подчас не только не дает возможности получить впечатление о первоначальном цвете, но и в значительной мере искажает рисунок, огрубляет форму в миниатюрах.

Все же по отдельным, свободным от позднейшей записи частям можно составить некоторое представление как о манере наложения краски, так и о характере тональных отношений. Краска накладывалась тонким слоем, пробелá, отмечающие наиболее освещенные части фигуры, пряди волос и волнистые бороды, отличаются относительной тонкостью и прокладываются более светлой краской или белилами; кое-где в сильно освещенных местах на большом пространстве остается незакрашенная бумага. В миниатюрах первого мастера преобладают приглушенные зеленые и коричнево-красные тона в сочетании с синим и особенно характерным приглушенным и вместе с тем нежным розовым тоном. Последний проложен легким, почти прозрачным слоем, на нем особенно ясно ощущаются оставленные незакрашенными пробелá. Расцветка зданий на втором плане более разнообразна, нежели первопланные человеческие фигуры и предметы. Здесь красные и зеленые крыши чередуются с голубыми, желтыми и сиреневыми островерхими башенками (особенно характерна как в колористическом, так и в композиционном отношениях для манеры первого мастера 10-я миниатюра, изображающая шествие Василия в сопровождении муромских граждан к берегу Оки). Первому мастеру свойственно умение передать эмоциональную сторону события не только общими композиционными решениями, но и теми, пусть примитивными и несколько наивными приемами, какими он характеризует чувства каждого персонажа. Очертания силуэтов и в первую очередь жесты рук каждой из изображенных в миниатюре фигур позволяют угадать отношение людей к тем событиям, свидетелями или действующими лицами которых они являются. Это не всегда только благоговейный трепет или изумление, как это видно в позах стоящих со сложенными или воздетыми руками или склонившихся до земли фигурах горожан, явившихся свидетелями чудесного отплытия епископа (миниа-

тюры 10, 11, 13). Там, где миниатюрист обращается к чисто новеллистической стороне «Сказания» и рассказывает об «искушении» Василия, он изображает группу горожан, с явным интересом наблюдающих за девицей, входящей в епископские покои, судачащих о виденном. Роль обличителя, а может быть и «насмешника», мастер придает самому юному из числа горожан, явившихся свидетелями «искушения» (см. миниатюры 4, 5). Миниатюры, изображающие «искушение» и возмущение горожан поступками епископа, содержат живые, реально наблюденные мастером черты в передаче события (миниатюры 4, 5, 6).

Мастер тщательно характеризует своих персонажей. Среди муромских горожан он выделяет старца, который всегда ведет переговоры с епископом и как бы возглавляет толпу муромчан; человека средних лет, одежда которого обличает зажиточного горожанина, и, наконец, юношу, который ведет себя весьма непосредственно: то он является одним из активных обличителей епископа, то он возбуждает к возмущению муромский люд, указывая на спешащую в покои епископа девицу, то, пораженный чудесным дерзанием епископа, вступившего на распростертую по водам мантию, он замирает в благоговейной позе. Образы людей, как и образы природы, в известной мере отражают в миниатюрах первого мастера эмоциональный строй «Сказания». Однако мастеру далеко не всегда хватает профессионального мастерства, главным образом в рисунке, реже в композиционных решениях. Кажется, что он не смог донести до зрителя свой композиционный замысел или же что перед его глазами был более качественный оригинал, который, копируя, миниатюрист не всегда мог достаточно точно передать.

Бóльшим провинциализмом отличаются работы второго мастера. Его руке принадлежат, как уже говорилось, главным образом все те миниатюры, которые содержат изображение образа Муромской богоматери и в которых подчеркивается ее значение в эпизоде перенесения епископской кафедры из Мурома в Рязань. Он рисует фигуры приземистые и большеголовые, движения их более статичны, композиции миниатюр более плоскостны, их ритм более мерный, и им свойственна своего рода «иконная» неподвижность (см. особенно миниатюры 3, 7, 9). Плоскостность, вернее, распластанность по плоскости листа, архитектурных фонов, расположение вдоль зданий фигур первого плана настойчиво заставляют вспомнить о композиции иконных клейм, подчиненной плоскости иконной доски. Передавая в своих миниатюрах лишь сюжеты, связанные с церковной историей и с епископской деятельностью Василия, миниатюрист везде изображает Василия либо в омофоре и митре, либо в клобуке с воскрылиями, т. е. в самой одежде подчеркивает значение его сана. Если первый миниатюрист был более свободен в своем изображении Василия, стремясь передать эмоциональную сторону его образа, передать драматизм событий, сохранить известного рода сходство из листа в лист принадлежащего его руке цикла миниатюр, то второй мастер далеко не всегда сохраняет единство облика Василия в пределах нескольких выполненных им миниатюр (например, миниатюры 3, 7—9). Однако именно его изображение Василия более приближается к описаниям, имеющимся в иконописном подлиннике, где сказано, что Василий Рязанский «подобием сед, брада аки Василия Кессарийского, покороче ризы святительские (разрядка моя, — *О. П.*), багряные, исподняя голубая, в омофоре, в руке Евангелие, а другая благословенна; на главе шапка святительская».[7] В свя-

---

[7] Иконописный подлинник XVI в. под 15 апреля; см. также: Н. Барсуков. Источники русской агиографии. СПб., 1882, стр. 92.

тительских ризах, «шапке» и омофоре изображается Василий на миниатюрах 3, 7 и 9. Епископ Василий и сопутствующие ему клирики или муромские горожане изображаются на фоне одноглавого или трехглавого здания с вделанным в стене (или написанным на ней) изображением Муромской богоматери. Архитектурные формы в этих миниатюрах настолько схожи между собой, что можно предположить попытку изображения реально существовавших муромских храмов с их тремя или одной главами, кокошниками, шатровыми и бочкообразными покрытиями.

Примечательно, что всякий раз действие, которое на самом деле должно происходить в интерьере, вынесено на открытое место, а здания составляют лишь фон. Они сконцентрированы на втором плане, несложны по своим формам и, как уже говорилось, полностью подчинены плоскости страницы. Изображаемые миниатюристом человеческие фигуры как бы двигаются вдоль этих архитектурных сооружений, а не внутри их. Общность архитектурных форм муромских храмов[8] становится еще более очевидной при сравнении их с изображением храма и прилежащих к нему хором в Старой Рязани, куда перенес свою кафедру покинувший Муром епископ Василий. Хотя и рязанскому храму приданы три главы, но и покрытие, и несколько вытянутые ввысь формы храма, гладь его белой стены, прорезанной узкими окнами, резко отличны от форм муромских церквей. Сказавшееся в этом стремление к передаче реально наблюденных деталей является наиболее примечательной чертой в работах второго миниатюриста, в общем отличающихся еще меньшим профессиональным качеством и своего рода архаичностью художественных приемов. В этом отношении наиболее показательна 8-я миниатюра, где изображен епископ Василий «в молении».

Желая передать многократность и продолжительность действия, мастер изображает Василия в рост, стоящим перед иконой богоматери, а у ног его — вторую фигуру Василия, склонившуюся до земли в молитвенном порыве. Икона богоматери вделана в стену, завершающуюся огромным кокошником или бочкообразным покрытием. На стене вокруг иконы, а также и на здании позади фигуры Василия размещены крупные узоры в виде цветов и трилистников весьма примитивного очертания.

Сочетания цветов в миниатюрах, принадлежащих второму мастеру, более ярки, мазок его более широк, свободен и не всегда красочное пятно ложится по форме. Однако манера наложения краски совпадает и у первого и у второго миниатюриста. Оба они оставляют незакрашенной бумагу на самых освещенных местах, у них обоих пробела́, разделяющие волнистые пряди бороды или отметины на лицах, проложены второй, более светлой краской, а в некоторых местах бумага оставлена незакрашенной. В относительно более пестрой и яркой красочной гамме второго миниатюриста много белого, в то время как первый мастер белый цвет употребляет менее часто и не на столь больших поверхностях.

Общий провинциальный характер миниатюр в сочетании с превосходным почерком заставляет поставить вопрос не только о времени создания миниатюр, но и о заказчике рукописи.

«Сказание о граде Муроме и о епископии его, како преиде на Резань» несомненно связывается со всем циклом муромских повестей (в первую очередь с «Повестью о Петре и Февронии» и с «Житием князя Константина с чадами», иначе именуемым «Повестью о водворении христианства в Муроме»). Впервые оно встречается среди рукописей, связанных с кру-

---

[8] Следует напомнить, что Муромский Благовещенский собор получил пятиглавый верх лишь в 1638 г.

гом Грозного, — среди писаний Ермолая-Еразма. Известен и интерес Грозного к памятникам письменности из Муромского цикла, связанный с десятидневным пребыванием Грозного в Муроме накануне взятия Казани.[9] Участие Грозного в строительстве муромских храмов и продолжающееся внимание к культу «новых муромских чудотворцев» нашли свое отражение в заключительной части средней и пространной редакций «Жития князя Константина с чадами», где говорится о построении каменного храма в Муроме после возвращения Грозного из-под Казани: «того же году на лето прислал государь царь в Муром каменщиков... И свершив церковь каменную Благовещения пресвятой богородицы и предел чудотворцев Муромских, благоверный царь и великий князь Иван Васильевич, всея Руси прислал в Муром образы и книги».[10]

Выясняя историю создания лицевой рукописи «Повести о Петре и Февронии», помещенной в рассматриваемом памятнике перед «Сказанием о граде Муроме», приходилось указывать на неразработанность иконографии «новых муромских чудотворцев», необычность их жития, а потому невозможность следовать привычным агиографическим схемам при создании жития и воспользоваться традиционной иконографией для написания житийной иконы. Уже говорилось о возможном промежуточном моменте в сложении этой иконографии — о создании лицевой рукописи. В пользу этого говорят и прямоугольная форма миниатюр, снабженных краткой надписью, и некоторая упрощенность архитектурных фонов, и их строгая подчиненность плоскости страницы, напоминающая построение клейм житийных икон, и, наконец, совпадение сюжетов и композиции нескольких более поздних житийных икон Петра и Февронии с миниатюрами лицевой рукописи. Некоторое подкрепление эти соображения имели и в письменных источниках. Не только в приводимом выше тексте «Жития князя Константина Муромского с чадами», но и в позднейших описях муромских достопримечательностей, в частности в описи, относящейся к началу XVII столетия, упоминается о рукописных книгах, присланных Иваном IV.[11] Делать те же предположения по поводу лицевой рукописи «Сказания об обновлении града Мурома» несколько сложнее. Прежде всего нет аналогии данной рукописи в житийных иконах Василия Рязанского. Правда, эпизоды перенесения Муромской епископии в Рязань нашли себе место в обширном цикле клейм в житийной иконе князя Константина с чадами, выполненной в конце XVII столетия местным муромским «изографом» Казанцевым. Однако стилистических аналогий здесь усмотреть невозможно. Нет и прямых совпадений в раскрытии отдельных эпизодов жития Василия Рязанского. В то же время разработанность иконографии, обширность и исчерпывающая полнота передачи содержания «Сказания» в миниатюрах рукописи бывш. Лихачевского собрания заставляют думать, что это не первое произведение изобразительного искусства на тему жития Василия Рязанского. Можно предположить существование протооригинала

[9] Необходимо напомнить, что Иван Грозный находился в Муроме с 13 июля 1552 г. десять дней в ожидании соединения с войсками Шигалея. В эти дни он «обходит с молением» Муромские храмы и поклоняется «сродникам своим» — новым муромским чудотворцам [см.: ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, СПб., 1904 (под 1552/7060 г.), а также: Казанская история. М.—Л., 1954, стр. 193, 162 и др.].

[10] Житие благоверного кн. Константина Муромского с чадами. Цит. по кн.: Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, стр. 106.

[11] «В 1637 году по указу царя Михаила Федоровича писцами Борисом Бартеневым да подъячим Максимовым произведена была подробная опись всего города Мурома» (Архим. Мисаил. Св. благоверный кн. Константин Муромский и Благовещенский монастырь. — Труды Владимирской архивной комиссии, кн. VIII. Владимир, 1906, стр. 98, 99).

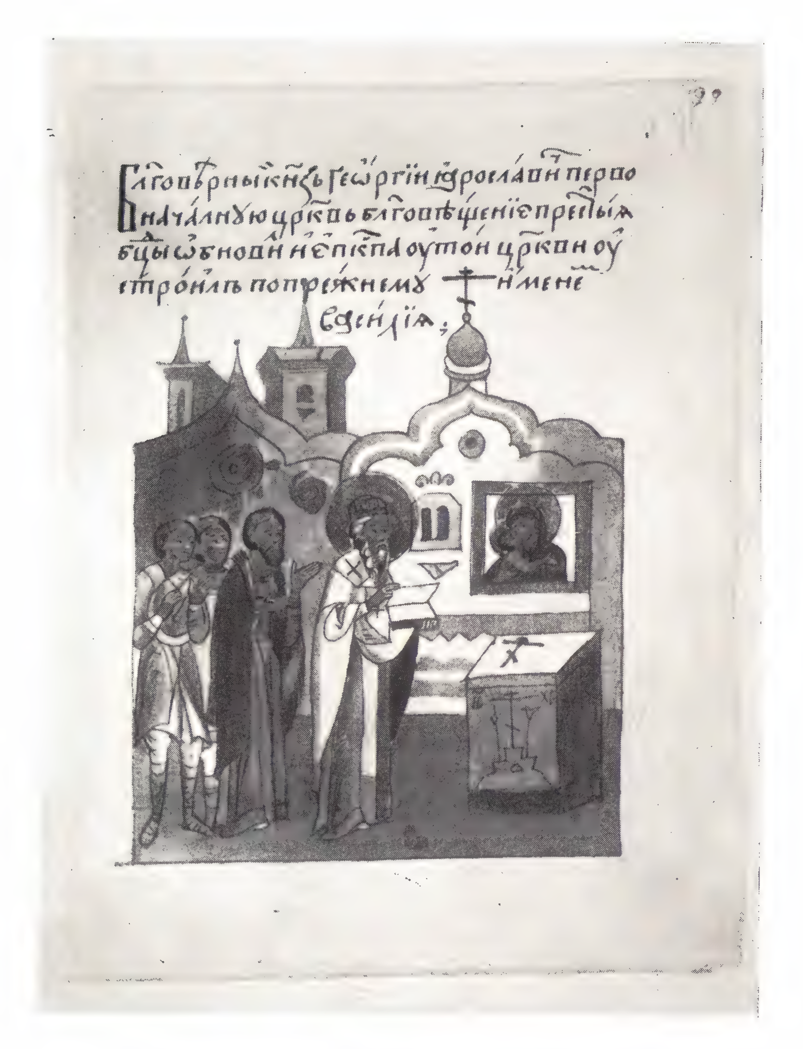

Рис. 1. «Второй мастер». Возобновление епископской кафедры в Муроме. 3-я миниатюра.

Рис. 2. «Первый мастер» «Искушение» епископа Василия. *Слева* — 4-я миниатюра; *справа* — 5-я миниатюра.

Рис. 3. «Второй мастер». Моление епископа Василия. 7-я миниатюра.

Рис. 4. «Первый мастер». Епископ Василий на берегу Оки. 11-я миниатюра.

Рис. 5. «Первый мастер». Плавание на мантии. 13-я миниатюра.

и у данной лицевой рукописи, и не исключена возможность, что выполнен он был в свое время по заказу Ивана IV, выказывавшего столь большой интерес и внимание как к повестям и сказаниям Муромской земли, так и к многочисленным «новым муромским чудотворцам». Заказывая столичным писцам рукописи для Муромского собора и монастыря (среди последних Бартеньев в начале XVII столетия упоминает рукописный сборник), Грозный мог пожелать вложить в один из поновляемых или отстраиваемых заново по обету за взятие Казани храмов города Мурома лицевой житийный сборник, впоследствии явившийся протооригиналом как для миниатюр, так и для житийных икон «новых муромских чудотворцев». Во всяком случае наличием протооригинала, выполненного в середине XVI столетия, скорее всего могут быть объяснены характер превосходного полуустава типа XVI в. и образный строй миниатюр лицевой рукописи, в значительной мере связанный со стилистическими особенностями миниатюры XVI в.

«Сказание об обновлении града Мурома и о епископии его, како преиде на Резань» имеет исторические связи не только с Муромской, но и с Рязанской землей и выяснение этих связей может способствовать выяснению вопроса о заказчике рассматриваемой лицевой рукописи.

Во всех дошедших до настоящего времени письменных редакциях «Сказания» устойчиво сохраняется фраза «яко же слышах, тако и написах», свидетельствующая о наличии устной традиции «Сказания». Сам текст «Сказания» позволяет предположить и время сложения устной традиции, и исторические события, обусловившие ее возникновение.

В письменном тексте «Сказания» упоминается князь Олег Иванович (1350—1402), якобы встретивший приплывшего в Старую Рязань епископа Василия. По-видимому, именно со временем княжения этого замечательного деятеля, ставившего своей целью превратить Рязанское княжество в центр, «около которого могла бы собраться юго-восточная» Русь,[12] можно связывать появление «Сказания», устанавливавшего «богоизбранность» Рязанской земли, куда чудесным образом, «под покровительством Богоматери» перенесена была епископская кафедра из Мурома.

Сложившаяся в XVI в.[13] в устной форме, получившая позднее литературное претворение «самостоятельная», или, иначе, «рязанская», редакция «Сказания» на протяжении многих столетий поддерживала местный патриотизм Рязанской земли, получивший своеобразные формы выражения и новый общественный резонанс уже много времени спустя после присоединения Рязанского княжества к Москве.

---

[12] Д. Иловайский. История Рязанского княжества, стр. 328.

[13] Т. е. спустя около полустолетия после действительного факта перенесения епископской кафедры из Мурома в Рязань (80-е—90-е годы XIII в.). По-видимому, именно эта устная традиция послужила основой для текста, приписываемого перу Ермолая Прегрешного, где указывается исконная связь Муромо-Рязанской земли с Киевом, обосновывается значение «борисоглебской» епархии, а в конце повести упоминается в качестве современника столь примечательного события, как перенесение кафедры епископа в Рязань, князь Олег Иванович. Эта внешняя несогласованность событий «Сказания», где в пределах одной редакции совмещается и Василий I, скончавшийся в 1292—1294 гг., и княжение Георгия Ярославича в Муроме (1351—1355), и, наконец, Олег Иванович Рязанский (1350—1402), заставила многих исследователей говорить лишь о «неразборчивости», с которой древнерусские книжники вводили в жития исторические персонажи (см., например: В. О. Ключевский. Жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 287—288). Хотелось бы взглянуть на это с другой точки зрения и увидеть в разнообразии исторических персонажей постепенные напластования в устных и литературных редакциях житий, связанных с оживлением культа того или иного святого в отдельные периоды или же попыткой прославления местных исторических деятелей путем упоминания их в житийной литературе.

Речь идет о роли Рязани и некоторых ее деятелей в начале XVII столетия, в период так называемой «Смуты», когда эти деятели стремились всячески подчеркнуть общерусское значение Рязани. В первую очередь это рязанский архиепископ Феодорит, принимавший участие в возведении на трон Василия Шуйского, присутствовавший в Москве во время торжеств по случаю его коронации 1 июня 1606 г. и участвовавший в перенесении мощей царевича Дмитрия из Углича в Москву 3 июня того же года.[14] Помимо него — это активные деятели «Смутного времени» братья Ляпуновы. Главный воевода Рязани Прокопий Ляпунов одним из первых поднимает восстание против Сигизмунда, а затем становится одним из трех вождей народного ополчения 1611 г.[15] Все они стремятся укрепить авторитет Рязани и сделать ее одним из опорных пунктов в борьбе с интервентами.

В целях возвеличения Рязани они обращаются к «Сказанию о граде Муроме и о епископии его, како преиде на Резань» и настойчиво выдвигают личность епископа Василия в качестве патрона-покровителя города Рязани. Это тем более своевременно, что некоторые из фактов биографии последнего (восстание против церковного иерарха и неправедное его притеснение) получают особое эмоциональное звучание и общерусское значение по аналогии с отдельными моментами из жизни борца за национальную независимость Руси — патриарха Гермогена.[16]

В этом плане особенно показательна деятельность архиепископа Феодорита, в это тяжкое и тревожное для всей Руси время заботившегося о всяческом украшении своей епархии и возвышении ее среди остальных городов русских. Уже во время коронационных торжеств он обращается с просьбой к Шуйскому о построении рязанского Успенского собора. 26 июля 1606 г. Шуйский дает грамоту Феодориту, согласно которой в Переславль-Рязанский направляются 24 каменщика во главе с подмастерьем Сергейкой Абрамовым «для церковныя соборныя поделки». Тут же Феодорит получает государево повеление наблюдать за присланными работниками, «чтобы церковное дело делали хорошо и крепко и поделали б того ж лета».[17]

Завершив великолепную постройку собора, который был о 5 верхах, крыт «немецким железом» и богато декорирован, Феодорит хлопочет о канонизации епископа Василия и совершает перенесение его мощей во вновь отстроенный храм.[18]

Канонизация Василия происходит в 1609 г., празднование ему устанавливается два раза в год, гробница его богато украшается, и над ней устанавливается заказанный Феодоритом образ, изображающий чудесное плавание на мантии.

Современники Феодорита, принимавшие участие в созыве ополчения и в борьбе с иностранными интервентами, рассматривали деятельность

---

[14] Рязанский старожил. Голос в защиту предания о св. Василии I, епископе Рязанском. — ЧОИДР, кн. III. М., 1859, стр. 157.

[15] Люди Смутного времени. Сборник под ред. А. Е. Преснякова. СПб., 1905, стр. 38.

[16] Там же, стр. 33.

[17] Рязанский старожил. Голос в защиту предания о св. Василии I..., стр. 157.

[18] На гробнице Василия имеется надпись: «Перенесение мощей иже во святых отца нашего Василия епископа Рязанского и Муромского, из старого Острога от церкви св. страстотерпцев Бориса и Глеба, в новопостроенную соборную церковь Успения Пресвятыя Богородицы, преосвященным Феодоритом, архиепископом Рязанским и Муромским, в лето 1606, июля 10 дня» (Рязанский старожил. Голос в защиту предания о святом Василии I..., стр. 157).

архиерея, украшавшего и прославлявшего родной город, как выражение патриотизма и как стремление воодушевить борющееся за национальную независимость население. Об этом говорит и Иван Хворостинин, бывший в это время воеводой в Рязани и указывающий на Феодорита как на «сообщника любви» его к родине.[19]

В лице Феодорита можно предположить заказчика рассматриваемой лицевой рукописи, тем более что ему приписывается заказ многих икон и украшений к гробнице Василия, а также заказ копии с иконы Муромской богоматери, пронесенной епископом Василием в Рязань.

Косвенное подтверждение этому можно видеть в существовании самого пространного текста «самостоятельной» редакции «Сказания», в которой, как уже говорилось, находят отражение и события «Смутного времени», и деятельность Феодорита.[20] Однако необходимо учесть, что в миниатюрах лицевой рукописи события XVII в. не нашли своего отражения. Состав рукописи, как и редакция текста, явно связываются с XVI в., что дает основание еще раз высказать предположение о возможном существовании протооригинала данного цикла миниатюр в виде лицевой рукописи грозненского времени. Тогда вполне ясным становится двойственный характер памятника, совмещающего почерк типа XVI столетия, филигрань XVII в. и стилистические особенности миниатюр, в равной мере отвечающие XVI и началу XVII столетия.

---

[19] ...во градех Резанских стратилатствующу ми доволно, тамо архиерея имея сообщника любви моея, Феодорита, суща добре украшающа престол Божия Матере, честного и славного ея Успения» (Повесть кн. Ивана Андреевича Хворостинина. — РИБ, т. 13, СПб., 1891, стр. 556).

[20] См. рукопись Псковского церковно-археологического комитета № 403 XVII в.: «Повесть, како преиде из Мурома града епископство в богоспасаемый град Переаславль рязанский» (Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 246).

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

О. А. ДЕРЖАВИНА

Развитие сюжета в переводной новелле XVII в. и его отражение в миниатюре

Изучая древнерусскую литературу, некоторые исследователи подходят к ней лишь с точки зрения ее специфики, ее самобытных черт и особенностей, другие — с точки зрения того, что́ в ней заложено для развития литературы последующих периодов. Однако эти две точки зрения неотделимы одна от другой. Говоря о специфике древнерусской литературы, ее художественном своеобразии и роли, которую она играла в свое время, мы тем самым выявляем и то, что она дала последующей литературе, что было в ней заложено и подготовлено для дальнейшего развития литературы XVIII, XIX и XX вв. В настоящее время изучение памятников древнерусской литературы как художественных произведений немыслимо без постановки и разрешения тех же проблем, которые ставятся при изучении литературы новой и новейшей. Литературные направления, стиль, манера изображения человека и природы, т. е. построение художественного образа, жанры и их своеобразие, литературный язык произведения, — вот вопросы, которые привлекают внимание современных ученых, работающих в области древнерусской литературы. Среди этих вопросов не последнее место занимает и вопрос о построении сюжета в памятниках древнерусской литературы. Вопрос о построении и развитии сюжета не может не возникнуть всякий раз, когда мы анализируем художественное произведение, независимо от того, относится оно к современной литературе или к литературе древней. Сюжет является одним из важнейших компонентов произведения, построенного на той или иной системе событий. Такую систему событий мы находим в каждом произведении, в котором предметом изображения являются какие-либо жизненные конфликты. Построение сюжета в таких произведениях играет очень большую роль, так как только в процессе совершающихся событий эти жизненные конфликты могут с достаточной ясностью обнаружиться, развиться и разрешиться. Попутно определяется и участие в них выведенных писателем людей, раскрываются их характеры. Сюжетное движение событий способствует раскрытию общественного смысла произведения, выявлению идеи, заложенной в него автором.

Древнерусские писатели, как и писатели более поздних эпох, останавливали свое внимание на конфликтах, имеющих особо важное значение для их времени, для их родины, для всего народа. Строя сюжет своего произведения, древнерусский писатель стремится ответить на современные ему общественные вопросы. Располагая события, изображаемые в произведении, в том или ином порядке, в той или иной связи, он выполняет свой замысел, достигая наиболее острого идейного звучания произведения. Примером могут служить многие произведения древнерусской литературы,

начиная со «Слова о полку Игореве» и кончая «Повестью о Горе-Злочастии» и сатирическими произведениями XVII в.

Не ставя своей задачей хотя бы частично разрешить проблемы, связанные с вопросом о сюжете в древнерусской литературе, я хочу все же отметить, что основным приемом в построении сюжета здесь является изложение событий в хронологической последовательности. Это объясняется тем, что в литературе древней Руси преобладают произведения исторического характера (летопись, исторические повести). Однако древнерусские писатели знают и такие приемы, как прием противопоставления, прием инверсии, они вводят в изложение лирические отступления, выражающие как чувства самого писателя, так и чувства героя или народа. Эти отступления оформляются часто как «плач» или как «молитва».

Одним из характерных приемов в построении сюжета древнерусского памятника является уклонение в сторону от основной линии рассказа. Такое уклонение может быть и лирическим отступлением, но чаще всего является попутным рассказом автора о вспомнившемся ему факте, имеющем какое-то отношение к основному рассказу. После такого уклонения автор обычно замечает: «Мы же на предняя возвратимся» — и вновь продолжает вести повествование в хронологической последовательности, естественно, делая акцент на тех фактах, на тех событиях, которые ему нужны для раскрытия своего замысла.

В начале XVII в., в эпоху, переходную для древнерусской литературы, писатели обращаются к более сложному построению сюжета. Это объясняется сложностью самого содержания произведений, тех жизненных конфликтов, которые в них изображаются. Так, очень сложным по построению сюжета является «Временник» Ивана Тимофеева. Автор решительно отходит здесь от привычной хронологической последовательности в изложении событий. Они переставлены, расположены так, как это нужно писателю. Как известно, Тимофеев дает ряд характеристик исторических деятелей своей эпохи, ставя эти характеристики в определенную взаимосвязь, согласно своей исторической концепции, своему взгляду на исторические события. Его интересует не хронологическая, а морально-этическая причинная связь между событиями. Это и сдвигает факты с их хронологически определенных мест и намечает между ними иные связи. Благодаря этому сюжетное построение произведения становится необычным и очень сложным, повествование ведется то в третьем, то в первом лице, вводятся лирические отступления, самостоятельные рассказы-притчи, об одном и том же факте говорится несколько раз в разной связи.

Другой писатель той же эпохи — Авраамий Палицын, стремясь возможно ярче раскрыть значение происшедших в стране событий и участие в них Троицкого монастыря, объединяет в своем «Сказании» несколько самостоятельных произведений, заставляя их служить одной цели. В повести, приписываемой Катыреву-Ростовскому, введен пейзаж, впервые композиционно связанный с содержанием произведения. Все эти новые черты в построении сюжета являются одной из важных особенностей, отличающих памятники начала XVII в. от предшествующей литературы.

В XVII в. в общем развитии русской литературы заметную роль начинает играть переводная повествовательная литература, хлынувшая к нам с Запада, главным образом через Польшу. Эту литературу можно разделить на четыре группы: 1) переводный авантюрный роман (Повести о Бове, о Петре — Златые Ключи и т. п.); 2) переводная авантюрно-нравоучительная повесть («Римские деяния», «Повесть о семи мудрецах»); 3) нравоучительная религиозная новелла («Великое Зерцало»); 4) смехотворная и сатирическая новелла (фацеции).

В сборниках, содержащих эти произведения, русский читатель знакомился как с огромным количеством европейских и восточных сюжетов, так и с новыми приемами построения сюжета. В переводной повести мы имеем обычно развернутый рассказ с большим количеством действующих лиц, со сложными отношениями между ними, с рядом перипетий в их судьбе. Только фацеции, представляющие собой в большинстве, как известно, очень коротенькие рассказы и сообщающие читателю какой-либо один эпизод, одно событие, самым своим характером исключают возможность сложного построения сюжета.

Переводная литература, и в частности переводная повесть, нашла широкое распространение среди русских читателей и была любимым чтением как в XVII, так и в XVIII в. Особой любовью пользовался сборник «Великое Зерцало». Об этом свидетельствует наличие огромного количества списков как всей книги, так и отдельных повестей из нее, вошедших в другие сборники. Католический по своему происхождению, этот сборник был близок русскому читателю своей средневековой тематикой и фантастикой. Нравоучительный характер новелл, вошедших в «Зерцало», и их фантастика напоминали русским читателям легенды переводных и русских патериков, прологов и других сборников житийной и учительной литературы. Очень разнообразные по своим сюжетам, новеллы «Великого Зерцала» все же имеют в этом отношении некоторые однородные черты, их сближающие. Это объясняется, без сомнения, единством цели, которую преследовали их создатели, и общностью их мировоззрения. Конфликт новеллы в «Зерцале» чаще всего строится на противоречии между нравственным идеалом и реальным поведением человека в жизни, при этом как в ходе развития действия, так и при разрешении конфликта широко привлекается религиозная фантастика, а поступки людей совершаются под непосредственным воздействием божественной или бесовской силы.

Одним из приемов, часто использующихся здесь, является прием умолчания, благодаря которому таинственное явление не сразу осознается как героем новеллы, так и читателем и раскрывается только в конце. Это придает рассказам особую занимательность, чем отчасти объясняется широкая популярность новелл сборника среди русских книжников.

Характерно, что повести «Великого Зерцала» привлекли внимание и художников-миниатюристов: в некоторых списках они сопровождаются миниатюрами.

К иллюстрации русские книжники обращались и ранее; известны такие лицевые рукописи XVI в., как Житие Сергия Радонежского, «Казанская история», Никоновский летописный свод. Но там иллюстрировались произведения исторические, рассказывающие о событиях большой государственной важности; в миниатюрах, сопровождающих переводную новеллу XVII в., мы видим другое: в них, как и в новелле, говорится о простых людях, об их частной жизни. Этот интерес характерен как для изобразительного искусства, так и для литературы XVII в.

Иллюстрации к переводной новелле появляются в прямой связи с растущим интересом к рисунку, который наблюдается в русском обществе начиная с XVII в. В это время роскошно иллюстрируется книга о воцарении Романова, сопровождаются рисунками многие списки жития царевича Димитрия, пишутся иллюстрации к библейской истории об Эсфири, «из царских палат перешедшие в быт».[1] Но это опять произведения, в которых

---

[1] См. неопубликованный доклад Е. С. Овчинниковой «История Эсфири в живописных памятниках XVII века», прочитанный ею 10 апреля 1957 г. на заседании группы по изучению древнерусской литературы ИМЛИ.

рассказывается о важных событиях, и здесь мы видим не что иное, как продолжение традиций XVI в.

Иное дело в списках, представляющих переводную новеллу. Благодаря иной тематике их рисунки постепенно теряют свою официозность, упрощаются, сближаются с народной картинкой и местами поражают своим наивным натурализмом. Именно в них мы находим черты реальной жизни и быта простых людей.

Известные мне рукописные сборники переводных новелл, украшенные миниатюрами, относятся к XVIII в., но их содержание и характер рисунков ведут нас к XVII в. Это вполне понятно: как известно, сборники новелл были переведены на русский язык с польского языка в конце XVII в. («Великое Зерцало» в 1677 г., фацеции — около 1680 г.). Они должны были привиться на русской почве, прежде чем дать материал для миниатюры, но эта акклиматизация пошла очень быстро; когда сборники начали украшаться рисунками, художники выполняли эти рисунки частью в старой манере XVII в.

Две из известных мне рукописей представляют собой сборники: один — избранных новелл из «Великого Зерцала», другой — легенд из Пролога, Патерика и того же «Великого Зерцала». Обе они проиллюстрированы от начала до конца, причем странице текста соответствует страница с рисунком. Первый сборник, принадлежащий ГИМ в Москве (Муз. 1067), представляет собой рукопись в лист, второй половины XVIII в. Сохранность ее очень плохая: это, собственно, разрозненные и перебитые листы когда-то роскошно по тому времени иллюстрированного сборника. Рисунки в лист ярко раскрашены, текст к ним, написанный скорописью XVIII в., помещен на обороте. К сожалению, многие из них испорчены: из них варварски вырезаны изображения «нечистой силы». Оформление сборника, видимо, не было закончено, так как в конце рисунки раскрашены местами очень небрежно, а некоторые и вовсе не раскрашены. По своему стилю рисунки обличают позднее происхождение сборника — в них явно чувствуется влияние западной гравюры, а местами наблюдаются элементы стиля XVIII в. классицизма.

Второй сборник, принадлежащий Украинской публичной библиотеке (собр. Киевского университета, № 130), — небольшая книжка, в 8°, очень небрежно и неразборчиво написанная и довольно потрепанная, но рисунки, выполненные пером в старой манере и нераскрашенные, очень выразительны.

Третья рукопись принадлежит ГБЛ (собр. Егорова, № 1973). Это сборник разнообразного содержания, в 4°, очень хорошей сохранности, писанный полууставом. Миниатюры мы находим в начале, ими сопровождаются: повесть о блудном сыне, три повести из «Великого Зерцала» («О царе, научившем брата бояться суда божия», «О славе небесной» и «О покаянии князя») и повесть о снах царя Шахаиши. Миниатюры выполнены в старой манере XVII в., очень тщательно, в красках; краски — красная, желтая, зеленая и коричневая — подобраны с большим вкусом. Текст, как и в Киевской рукописи, расположен против рисунка.

Сличая сборники, мы убеждаемся, что они различны по своему составу: ряд новелл, имеющихся в Киевском сборнике, не вошел в сборник ГИМ; с другой стороны, ни в том, ни в другом сборнике мы не находим повести о покаянии князя, включенной в Егоровский сборник. Таким образом, переписчики и миниатюристы, обращаясь к «Великому Зерцалу», отбирали из него материал по своему вкусу, иногда объединяя его вокруг какой-нибудь одной темы, например покаяния грешников, иногда просто руководствуясь признаком занимательности.

В то же время, сличая сборники, мы видим, что у иллюстраторов, как и у переписчиков, были любимые повести, которые чаще других списывались и вносились в сборники и чаще других сопровождались миниатюрами. К таким следует отнести, например, рассказ «О царе, научившем брата бояться суда божия» и рассказ «О славе небесной», т. е. рассказ об иноке и птичке.

Сюжет первой новеллы строится на аллегории, которая раскрывается в конце рассказа; во второй интерес подогревается тем, что от читателя, как и от героя, до конца скрыт смысл происходящего. Все объясняется только на последних страницах рассказа. Как уже указывалось, это очень распространенный прием в развитии сюжета переводной новеллы.

В первой новелле речь идет о двух братьях-царях, из которых старший был всегда печален. На вопрос младшего, что мешает ему быть веселым, он отвечает аллегорией: он предлагает брату сесть на трон, поставленный над рвом, полным горящих углей, ставит вокруг четырех воинов с обнаженными мечами, вешает над головой брата на тонкой нити также обнаженный меч и предлагает ему в таком положении развлекаться музыкой и пировать. В ответ на отказ он раскрывает аллегорию, указывая, что так именно чувствует себя человек в земной жизни в ожидании смерти и суда божия. Этим царь и объясняет свою постоянную грусть.

Вторая новелла повествует об иноке, который, заслушавшись пением дивной птички, вышел из стен монастыря и попал в чудесный сад. Пробыв там, как ему показалось, совсем недолго, он вернулся в монастырь, но ни привратник, ни вызванный им игумен не узнают его. Оказывается, птичка увлекла его в райский сад, где он и пробыл триста лет. Узнав об этом и рассказав свою историю братии, инок умирает, и его с честью хоронят в монастыре.

Обращаясь к миниатюрам, сопровождающим эти повести, мы видим, что художников особенно привлекала первая; иллюстрации к ней есть во всех трех упомянутых мною сборниках. Их обычно две: первая рисует младшего брата-царя на троне над рвом, окруженного пятью мечами, вторая изображает старшего брата, раскрывающего аллегорию (рис. 1). Первая миниатюра интересна своими подробностями, точно сответствующими тексту повести: мы видим здесь ров, мечи, музыкантов, стол с угощением. В то же время художник вносит в рисунок русские бытовые черты — характерна деталь, связанная с изображением музыкантов: на всех миниатюрах среди них есть один или двое, играющих на гуслях.

В сборнике ГИМ рисунок, раскрывающий аллегорию, испорчен, зато сохранился другой, соответствующий завязке сюжета: на нем изображены братья-цари, причем выражение лица старшего очень грустно. Подобного рисунка в Киевском и Егоровском сборниках нет.

Сравнивая рисунки разных сборников, мы видим, что художники, не копируя друг друга, повторяют, однако, основные компоненты рисунка. Это объясняется тем, что они стремятся по возможности точно воспроизвести детали легенды. Разработка этих деталей (посуда на столе, гусли) уже их личное дело; она-то и обнаруживает тот интерес к жизни, к быту, о котором говорилось выше.

В рассказе об иноке и птичке сюжет сложнее, поэтому он раскрывается уже не в двух, а в четырех или пяти миниатюрах, точно соответствующих наиболее важным поворотным моментам сюжета; эти моменты следующие: 1) инок видит птичку и уходит из монастыря, 2) инок слушает пение птички или птичек в райском саду, 3) инок беседует с привратником, 4) он же беседует с игуменом, 5) он же рассказывает братии, что с ним произошло, 6) похороны инока.

Рис. 1. Иллюстрация к новелле о двух братьях-царях. (Сборник Гос. Публичной библиотеки УССР, собр. Киевского университета, № 130, XVIII в., 8°, л. 53).

Миниатюристы допускают варианты в иллюстрации того или иного момента сюжета. Так, в Егоровской рукописи изображен момент, когда инок уже вышел из монастыря и идет за летящей птичкой. В сборнике ГИМ взят более ранний момент: инок видит птичку в храме. В первой рукописи смерть инока показана на дополнительном рисунке вверху пятой миниатюры, в центре которой изображена братия монастыря, слушающая рассказ инока. Художника в данном случае интересовала в первую очередь живописная задача: превосходно выполнены высокие фигуры монахов, ритмично следующие одна за другой. В рукописи ГИМ рассказа братии нет, в центре рисунка гроб с умершим, и задача художника — показать чувства, переживания людей, которые его окружают; лица монахов и их позы показывают ужас и недоумение перед необъяснимым, таинственным явлением.

Миниатюры указанных сборников имеют и еще одно существенное отличие: в Егоровском сборнике рассказу сответствует пять рисунков, причем на двух из них изображается не один, а два эпизода: именно на миниатюре третьей мы видим инока, беседующего с привратником, а вверху справа — того же привратника, докладывающего игумену о неизвестном ему человеке. На пятой миниатюре показаны — внизу беседа инока с братией, вверху его смерть.

В сборнике ГИМ нет такой «повествовательности» в рисунках — их четыре и все они изображают только один эпизод. Это обстоятельство заставило художника взять наиболее важные моменты рассказа, а именно — появление птички, райский сад, беседу с игуменом, из которой инок узнает истину, и его смерть.

То же самое мы наблюдаем в миниатюрах к легенде о монахине-церковнице, которой покровительствовала богородица. В ней рассказывается, как девушка, отданная в монастырь и исполнявшая здесь обязанности церковницы, убедившись, что не может сдержать обета, уходит из монастыря, положив ключи от храма перед иконой богородицы. Не имея средств к жизни, она становится блудницей. Через 15 лет она возвращается в монастырь, но не смеет туда войти, а спрашивает привратницу, что ей известно о девице Беатрике, когда-то жившей в монастыре; та отвечает, что Беатрика продолжает жить в монастыре и удивляет всех своей святостью. Смущенная и пораженная ответом, девушка уходит от монастыря, но на дороге ей встречается богородица и приказывает вернуться в монастырь, где она сама все эти годы выполняла за беглянку ее обязанности. Грешница возвращается в монастырь, приносит покаяние и вскоре умирает. После ее смерти духовник рассказывает ее историю монахиням.

В Киевском сборнике новелле соответствуют пять миниатюр, причем на первой, второй и третьей помещено по два эпизода: на первой слева девушка кладет ключи к иконе богородицы, внизу справа она же уходит из монастыря; на второй слева сверху молодой человек и девушка гуляют в поле среди цветов, внизу они же лежат под деревом; на третьей вверху девушка приходит к стенам монастыря, внизу она же беседует с привратницей; четвертый рисунок изображает ее встречу с богородицей, пятый — ее покаяние. Таким образом, рисунки охватывают сюжет во всех его подробностях, следуя за его развитием шаг за шагом. В сборнике ГИМ мы находим опять только четыре рисунка с одним эпизодом на каждом. Эти эпизоды — важнейшие в развитии сюжета, а именно: 1) девица кладет ключи к иконе богородицы; 2) она же, возвратившись в монастырь, беседует с привратницей; 3) она же встречает богородицу; 4) священник рассказывает ее историю монахиням.

Из миниатюр Киевского сборника очень любопытны также рисунки к новеллам о слуге-демоне и о жене, убившей мужа.

Легенда о слуге-демоне повествует о том, как некий честный человек нанял слугу, который оказывает ему необычные услуги: он спасает его от разбойников, дав возможность переправиться вброд через бурную, глубокую реку; он достает львиное молоко и тем излечивает больную жену хозяина. Узнав, что его слуга — дьявол, хозяин расстается с ним.

К этой повести даются три миниатюры, но каждая заключает в себе несколько эпизодов. На первой мы видим боярина и его слугу в тот момент, когда они, преследуемые разбойниками, переправляются через реку; ниже на том же рисунке они продолжают свой путь. Вторая миниатюра посвящена излечению жены хозяина с помощью молока львицы, которое достает слуга. Здесь на одном рисунке четыре эпизода: в верхнем правом углу бес несет сосуд с напитком, ниже направо он в виде слуги передает сосуд хозяину и рассказывает, как достал лекарство; в левом нижнем углу он же несет лекарство больной, выше — слуга у постели больной.

Повествование в данном рисунке идет по кругу, причем миниатюра, следуя за новеллой, показывает читателю, что это слуга не простой; на нижних рисунках бесовскую природу слуги обличают крылья и поднятые дыбом волосы. На первой миниатюре этой детали нет, слуга изображен в шапке, что вполне соответствует сюжету: хозяин сперва не видит ничего особенного в своем слуге и только после случая с добыванием молока львицы начинает догадываться, кто ему служит. Подлинное лицо слуги подчеркивает и изображение летящего беса. Инверсия, которую использует рассказчик в сюжете, в миниатюре не отражена. В повести сначала слуга приносит молоко, а потом объясняет хозяину, как его достал. На третьем рисунке хозяин рассчитывается со своим слугой, который изображен здесь в своем настоящем обличии. Тут же наверху нарисован очень забавный улетающий бес.

Вторая повесть рассказывает о женщине, полюбившей монаха и убившей ради этого своего мужа. Преступление раскрыто, преступники отданы под суд и по решению княжеского суда сожжены на костре. Эта история проиллюстрирована тремя рисунками, опять с несколькими эпизодами в каждом.[2] Любопытны реалистические детали, введенные в рисунки: на второй миниатюре жена убивает мужа топором, на третьей — в сцене казни один из присутствующих несет охапку дров, другой поправляет костер кочергой.

Изображение нескольких эпизодов на одном рисунке характерно для миниатюры XVI в. Это дает возможность предположить, что Киевский сборник наиболее ранний по своему происхождению, так как его миниатюры в этом отношении выдержаны в старой манере. К концу XVIII в. «повествовательность» в миниатюре постепенно исчезает, она становится рисунком-иллюстрацией, заключающим в себе лишь один эпизод сюжета. Это именно мы и наблюдаем в сборнике ГИМ, где отражен последний этап в развитии миниатюры: здесь мы ни разу не встретили нескольких эпизодов в одном рисунке, не говоря уже о том, что, как уже указывалось, все они выполнены в новой манере. Иногда рассказу здесь соответствует всего лишь один рисунок-иллюстрация, как это мы видим в легенде об ожившем острове-ките, к которому пристали мореплаватели, чтобы прослушать пас-

---

[2] На первой миниатюре — женщина и монах в пещере, на второй — то же и сверху — сцена убийства, на третьей внизу слева — суд, справа — преступников ведут на казнь, сверху — сцена казни.

хальную службу (рис. 2). Мотив об ожившем ките перешел, как известно, в сказку и был впоследствии использован П. Ершовым. О более раннем происхождении Киевского сборника говорит не только построение миниатюр, но и образы людей на рисунках и их одежда. В то же время смелый натурализм некоторых рисунков знаменует новый этап в развитии миниатюры, ее сближение с народной картинкой, включение в нее сатирического элемента. Такова, например, миниатюра к рассказу о священнике, который забывал молиться о своих умерших прихожанах.[3]

Егоровский сборник ГБЛ также следует отнести к ранним, так как его миниатюры выполнены еще более в духе старой традиции, чем миниатюры Киевского сборника. Наиболее интересны здесь иллюстрации к повести о покаянии князя-грешника, которому духовник предложил вместо эпитимии провести ночь в заброшенной церкви, чтобы получить прощение грехов (рис. 3). Князь подвергается здесь искушениям бесовской силы, но выходит из них победителем и получает прощение.

Соответствующие повести пять миниатюр точно передают все основные моменты сюжета. На первой и последней изображено несколько эпизодов, на второй, третьей и четвертой по одному. Это объясняется, без сомнения, тем, что иллюстратор хотел особо подчеркнуть именно эти моменты в развитии действия. Если на первом рисунке мы видим князя дважды: вверху он беседует с народом, внизу исповедуется у священника, — то три следующих рисунка изображают три первых искушения, которые князю было особенно трудно преодолеть. В тексте искушения описаны подробно, и каждый из трех рисунков наглядно показывает, в чем состояли эти искушения, подстроенные дьявольской силой: демоны являются к князю в образе сперва его сестры, потом жены с ребенком, потом толпы народа, который убеждает князя выйти из горящего храма, но князь остается непреклонным.

Рисунок пятый вверху изображает последнее, четвертое искушение, внизу — возвращение князя домой.

Мы видим, что здесь художник использует старую манеру изображения — помещает несколько эпизодов на одном рисунке, однако ведущие моменты сюжета он все же считает нужным выделить особо и посвящает им отдельные иллюстрации.

Стремясь к наглядности и общепонятности, художники снабжают рисунки надписями несомненно для того, чтобы еще прочнее связать рисунок с текстом рассказа. При этом учитываются даже мелочи. Так, в повести о князе упоминается, что, приехав к храму, он сошел с коня; художник считает нужным изобразить возле храма коня и подписывает «конь». Такие же надписи сопровождают и другие предметы, окружающие героя (храм, народи, демони и пр.), и его самого. В других списках мы видим тот же прием.

Лицевые сборники новелл оформляются таким образом, что текст пишется на одной стороне листа, а иллюстрации, к нему относящиеся, помещаются на обороте предыдущего (или наоборот). Благодаря этому рисунки шаг за шагом следуют за развитием сюжета, неотделимы от него. Они как бы раскрывают перед читателем содержание произведения, вводя ряд деталей, реалистических подробностей, а местами, как мы видим, пытаясь передать настроение действующих лиц.

Рассмотренные нами сборники, как и ряд других, подобных им, указывают на прочную связь, которая существовала между литературой XVII

---

[3] «Об умершем попе, его же дети духовные умерши встретили и камением в студенец адский загнали».

и XVIII вв. Произведения, вошедшие в нашу литературу в XVII в., в XVIII в. не только охотно читались, но и многократно переписывались и старательно иллюстрировались. Миниатюры лицевых сборников дают очень интересный материал к истории развития иллюстрации в нашей литературе. К сожалению, этот материал еще далеко не выявлен и не изучен. Изучение его даст много нового для установления связей между литературой XVII и XVIII вв. и для понимания художественных средств и приемов, которыми пользовались древнерусские писатели и художники, стремясь полнее донести до читателя содержание и идейный смысл произведения.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

В. В. ФИЛАТОВ

Изображение «Сказания о Мамаевом побоище» на иконе XVII в.

В истории развития русской живописи городу Ярославлю принадлежит одно из значительных мест. Всеобщую известность и признание получили такие древнейшие ярославские произведения живописи, как «Великая панагия» начала XIII в., «Лоратный Архангел Михаил» рубежа XIII—XIV вв., иконы с изображением «Толгской богоматери» начала XVI в. Стенные росписи ярославских церквей XVII в. поражают высоким искусством и неисчерпаемой фантазией художников. Но до настоящего времени еще недостаточно исследована живопись ярославских икон XVI и особенно XVII вв. Не находит себе оправдания пренебрежительное отношение историков русского искусства к художественным и историческим достоинствам икон, созданных ярославскими художниками-иконописцами XVII в. Только за последние полтора десятилетия эти памятники начали привлекать к себе внимание музейных работников и реставраторов живописи. За эти годы обнаружено и раскрыто из-под позднейших наслоений много первоклассных произведений ярославской живописи. Экспозиция Ярославского областного художественного музея пополнена в настоящее время замечательными произведениями живописи местных мастеров, получивших еще при жизни, в XVII в., большую известность и признание. Например, высокую оценку в Москве получило творчество ярославского художника Семена Спиридонова (родом холмогорца).[1] Среди художников, привлекавшихся на работы в столице во второй половине XVII в., видное место занимают ярославские мастера живописи.

Местное искусство и культура развивались на базе экономического роста Ярославля. С середины XVI в. Ярославль превращается в крупный торговый центр, через который проходят товары, ввозимые в Россию из стран Запада и Востока.[2] Через Ярославль проходили товары из Англии, Голландии, Франции, Испании, поступавшие через Архангельский порт в Россию; сюда же привозили товары из стран Востока[3] (Персии, Индии

[1] Знаменитый художник второй половины XVII в. Симон Ушаков и другие ведущие мастера Оружейной палаты дали заключение, что Семен Спиридонов «иконное письмо пишет самое доброе мастерство... и мастерством своим против Никиты Павловца сто́ит» (А. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь. М., 1910, стр. 261). В Ярославском художественном музее нами обнаружены ранее неизвестные три подписных произведения этого замечательного художника: Илья Пророк 1678 г.; Никола Зарайский 1684 г.; Богоматерь с акафистом 1687 г.

[2] Из подворной описи 1631 г. известно, что иностранных купеческих контор в Ярославле было 29 [Н. Костомаров. Очерки торговли Московского государства в XVI—XVIII ст. СПб., 1862 (далее: Н. Костомаров, Очерки), стр. 52].

[3] В 1650 г. в Ярославле торговали индийские купцы Солокна и Лягуть (Н. Костомаров, Очерки, стр. 52).

и др.) волжской торговой дорогой через Астрахань и Казань. Торговый путь в Сибирь проходил также через Ярославль на Вологду, Устюг и Сольвычегодск.[4] Согласно переписи 1702 г., Ярославль был следующим за Москвой городом по численности населения.[5]

Огромные материальные средства ярославские купцы и ремесленники вкладывали в строительство церквей, для художественного оформления которых привлекалось множество художников. По художественному достоинству и по численности ярославские церкви XVII столетия не уступают новгородским и псковским памятникам XIV—XV столетий. Все многочисленные церкви Ярославля и окружавших его городов и сел, кроме стенных росписей (которыми украшены только некоторые здания), в своем художественном убранстве обязательно имели иконы, созданные в основной своей массе местными художниками. Поэтому почти все музеи современной Ярославской области обладают значительными коллекциями древних икон, среди которых преобладают произведения XVII в.

Как и ярославская монументальная живопись, отличающаяся чрезвычайно разнообразной и богатой тематикой, станковая живопись (иконопись) Ярославля поражает обилием различных бытовых и исторических сюжетов.

Разбирая и реставрируя иконы только одного Ярославского художественного музея, мы обнаружили большое количество интересных исторических сюжетов. Несколько икон из коллекции музея имеют изображения на сюжеты, связанные с борьбой русского народа против ханского ига. На иконах художники изобразили вторжение Батыя в пределы Руси и первое большое вооруженное сопротивление, оказанное русскими ханам-завоевателям, — битву ярославцев на Туговой горе в 1237 г. Подробно иллюстрирована легенда о Меркурии Смоленском. Житие Федора и Михаила Черниговских содержит большое количество клейм с эпизодами разорения и угнетения русского народа ханами. Изображенные в клеймах этой иконы сюжеты настолько далеки от жития святых, что художник, увлекшись историей, в ряде клейм не изображает святых совсем. В ряду этих произведений значительное место занимает икона с подробным изображением сюжетов «Сказания о Мамаевом побоище».

Икона с изображением «Сказания» была обнаружена мною и научным сотрудником музея им. А. Рублева Н. А. Деминой во время разбора фондов Ярославского областного художественного музея в 1951 г.

Икона эта имеет две разновременные части. Первая и основная часть иконы состоит из средника, где художник помещает изображение Сергия Радонежского, окруженное различными сценами из истории России конца XV—начала XVII в.; вокруг средника, как на всех иконах с циклом жития, размещено 24 клейма с эпизодами из жизни Сергия. Любопытен тот факт, что в цикле традиционных для жития Сергия Радонежского клейм отсутствует благословение Сергием великого князя Димитрия на Куликовскую битву. Вторая часть иконы представляет собою довольно узкую доску (высотой 30 см.), прикрепленную к основной иконе снизу к нижнему ее полю. Протяженность этой доски соответствует ширине основной части иконы (112 см). То, что обе эти части разновременны и не принадлежат кисти одного художника, окончательно установлено проведенной реставрацией, которая заключалась в основном в удалении потемневшей олифы

---

[4] К. Д. Головщиков. История Ярославля. Ярославль, 1889, стр. 81.

[5] В 1702 г. в Москве насчитывалось 4845 дворов, в Ярославле — 2236, в Вологде — 1420, в Новгороде — 1274 и в Костроме — 1078 (Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1884, кн. IV, стр. 405).

и красочных записей.[6] Кроме безусловного стилистического различия этих двух частей произведения, о разновременности их свидетельствуют также колористические отличия. Колорит живописи на дополненной нижней доске значительно темнее живописи основной части произведения. Это объясняется тем, что художник писал ее с желанием как можно более приблизить свое произведение к основной части иконы уже в то время, когда олифная пленка, покрывающая более старую часть иконы, значительно потемнела от времени. Судя по степени различия колоритов обеих частей, это произошло лет через 20—30 после завершения работы первым художником. Создание основной части произведения ориентировочно можно отнести к середине XVII в. на основании того, что стилистически она примыкает к живописи первой половины и даже начала XVII в., а написана она (как это нами определено) на текст жития Сергия, составленного Симоном Азарьиным и напечатанного на Московском печатном дворе в 1646 г.[7]

Облечь в изобразительную форму сложное литературное повествование, каким является «Сказание о Мамаевом побоище», задача чрезвычайно трудная. Обычно русские художники до конца XVI и первой половины XVII в. сложные и большие литературные сочинения иллюстрировали способами, идущими от книжной иллюстрации. Они обычно выбирали из текста наиболее характерные отрывки и иллюстрировали их, располагая каждый сюжет в клейме прямоугольной формы. Скомпанованное подобным приемом произведение приобретало вид как бы разложенных в определенном порядке листов лицевых рукописей, снабженных небольшими поясняющими текстами. Отказ художников от общепринятой системы расположения сюжетов в клеймах начинает постепенно внедряться в иконописное искусство со второй половины XVI в. В XVII в. встречается уже много икон, где иллюстрации сложных повествований располагаются по всей поверхности произведения не в виде прямоугольных клейм, а в виде отдельных сцен, разделенных для облегчения восприятия сюжета элементами пейзажа: крепостными стенами, горками и т. п.

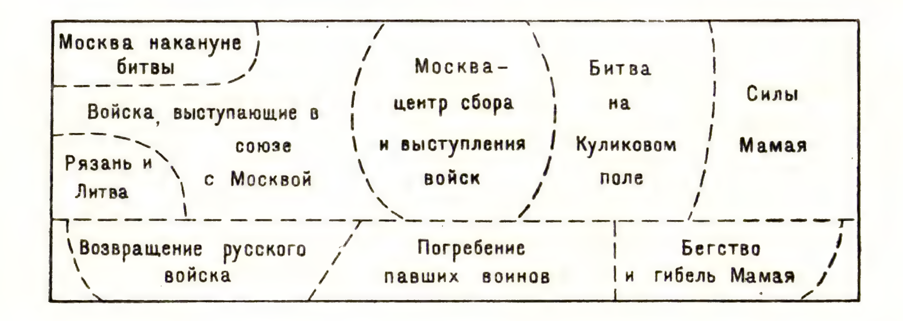
Перед художником, иллюстрирующим такое многосложное сочинение, как «Сказание о Мамаевом побоище», стояла трудная задача. Ему нужно было передать непрерывную последовательную связь в развитии сюжетной линии произведения, сохранив его композиционные особенности: вести повествование, постоянно сравнивая и противопоставляя два враждующих военных лагеря, во главе которых стояли, с одной стороны, великий князь Димитрий, с другой — Мамай. Кроме того, развертывая композицию на фризе, формат которого обусловлен приставной доской, он должен был выделить главные композиционные группы так, чтобы сложное развитие сюжетной линии литературного произведения не нарушало единого композиционного замысла живописного произведения. Композиция фриза выполнена очень обдуманно и интересно. Схематически композиция фриза представлена на стр. 400.

Весь фриз разделен по горизонтали на две части. В большом, главном фризе художник изображает все события от начала «Сказания» до победы на Куликовом поле. В малом, нижнем фризе он помещает изображения со-

---

[6] Реставрация производилась в Государственной центральной художественно-реставрационной мастерской; начата она была В. О. Кириковым, а в основном проделана и завершена А. Н. Рябининой.

[7] Публикуя в настоящей работе только часть исследования, написанную на текст «Сказания о Мамаевом побоище», мы надеемся в ближайшее время завершить исследование всего произведения в целом.

бытий, следующих за победой. Этот фриз располагается на выступающей части иконной доски, на так называемом поле.

Композиционным и сюжетным центром основного фриза является Москва, куда стекаются войска из различных княжеств и городов и откуда они выступают на поле Куликово. По левую сторону от центра располагаются события, предшествующие битве (рис. 1, 2), по правую — битва и ставка Мамая (рис. 2, 3). Вправо, как бы вспять, бежит Мамай с малочисленной свитой, и его убивают в Кафе (Феодосии). Влево развертываются сцены погребения павших в битве воинов и изображается войско, возвращающееся в Москву через Коломну. Фактическое разделение двух враждебных Руси сил: рязано-литовской коалиции, с одной стороны, и войска Мамая — с другой, подчеркнуто художником размещением их в правом и левом краях основного фриза. Этим художник отмечает не только их территориальную и военную, но и политическую изолированность.

Большое значение художник придает масштабному соотношению отдельных частей композиции. Стекающиеся к Москве войска, как ручейки, втекают в озеро (рис. 1), их объединение создает большую и монолитную силу. Враждебная коалиция рязанского князя Олега с литовским князем Ольгердом занимает скромный уголок в тылу русских войск. Силам Мамая художник уделяет большое место в композиции (рис. 3).

Развитие сюжета «Сказания о Мамаевом побоище» художник начинает с левой стороны вправо, как это обычно бывало на иконах с клеймами жития святого. Для иллюстрирования всего текста «Сказания» художник выбирает из него около пятидесяти сюжетных сцен. Кроме чисто изобразительных средств, художник использует обычный для древнерусской живописи прием: пояснение короткими текстами. Все тексты были только в нижнем (авторском) слое живописи и раскрыты при удалении позднейших красочных наслоений. Сохранившиеся остатки надписей XVII в. явились подсобным материалом при разборе изображений отдельных событий.

Создавая живописное произведение на тему «Сказания о Мамаевом побоище», художник, безусловно, имел для работы текст «Сказания», выбирая из него наиболее важные сюжеты, которые можно передать средствами изобразительного искусства. Как литературное произведение «Сказание» было очень популярно, о чем свидетельствует большое количество списков, сохранившихся до нашего времени.[8]

Различные списки «Сказания», дошедшие до нашего времени, являются не механически размноженными (переписанными) экземплярами произве-

---

[8] Л. А. Дмитриев в диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Сказание о Мамаевом побоище» [Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, 1953. Машинописный текст] указывает 103 списка «Сказания» (стр. 44).

Рис. 1. «Сказание о Мамаевом побоище». Фрагмент фриза на иконе XVII в.
[Ярославский областной художественный музей (И-394)].

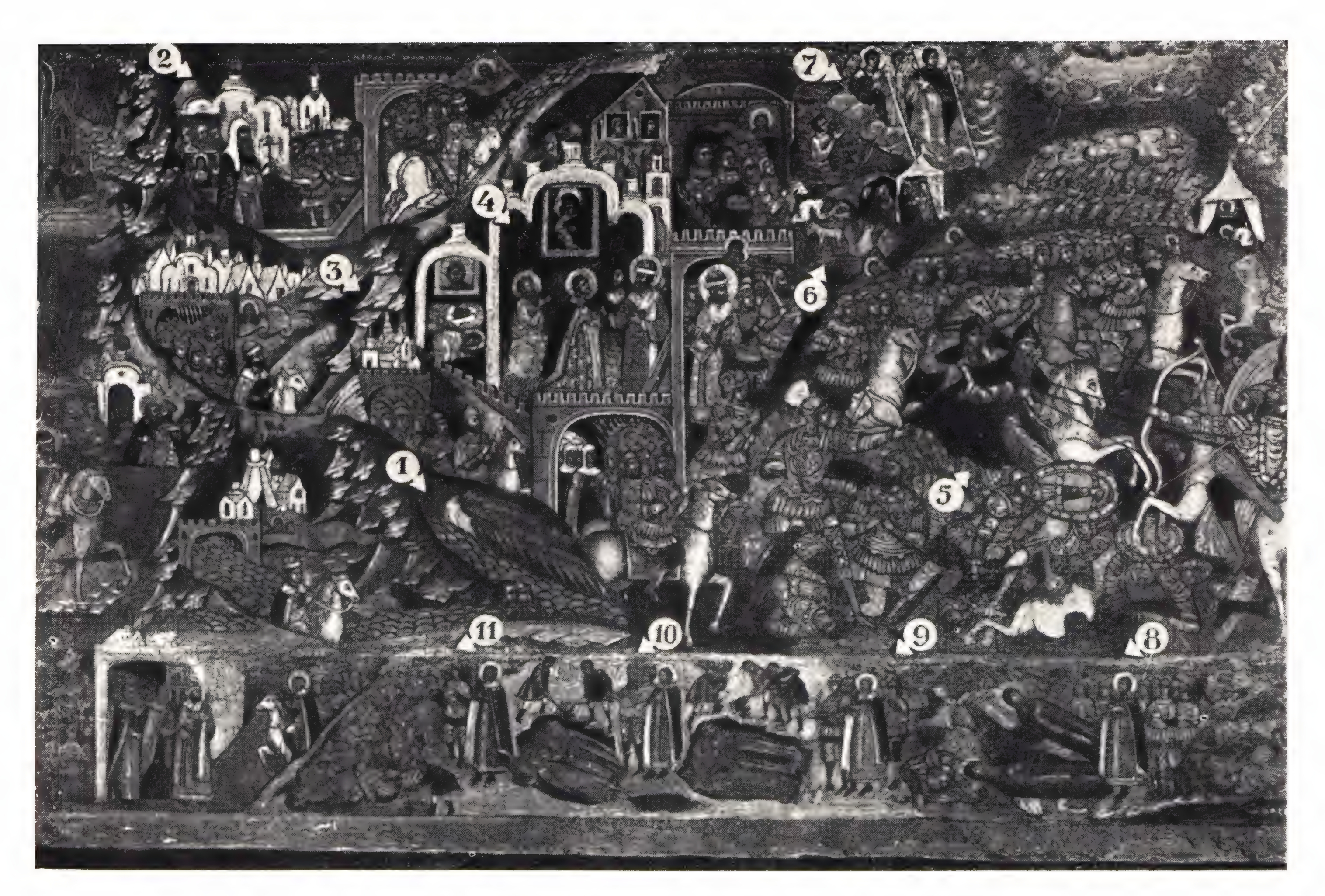

Рис. 2. «Сказание о Мамаевом побоище». Фрагмент фриза на иконе XVII в. [Ярославский областной художественный музей (И-394)].

Рис. 3. «Сказание о Мамаевом побоище». Фрагмент фриза на иконе XVII в. [Ярославский областной художественный музей (И-394)].

дения, а представляют группы произведений древнерусской литературы, созданных в различное время. Первый вариант «Сказания» был создан около 1410 г.[9] За время своего существования и благодаря большой популярности сюжета оно претерпело несколько весьма существенных переработок. Сохранившиеся списки «Сказания» имеют весьма различные сюжетные и стилистические особенности, позволившие первому исследователю «Сказания» С. К. Шамбинаго[10] разделить их на четыре редакции: 1-ю, 2-ю, 3-ю и 4-ю. Л. А. Дмитриев также группирует все известные ему списки в четыре редакции, давая им наименования: Летописная, Киприановская, Основная и Распространенная.[11]

Произведенный нами предварительный разбор изображений «Сказания» на иконе, а также сохранившиеся в композиции поясняющие тексты свидетельствуют о том, что художник XVII в. при работе воспользовался текстом Распространенной редакции. Время возникновения этой редакции близко к 70-м годам XV в.[12]

«Сказание» начинается с рассказа о подготовке Мамая к войне против Русской земли. Затем следует эпизод, повествующий об измене Олега Рязанского и Ольгерда Литовского, сговорившихся с Мамаем о совместном выступлении против Москвы.

Если бы художник следовал тексту «Сказания», он должен был бы расположить в левом верхнем углу или ставку Мамая и переправу через Волгу, или переписку рязанского князя Олега с литовским князем Ольгердом. Но поместить на первом плане противников Русской земли он не мог, поэтому сюжеты, связанные с деятельностью князей рязанского и литовского, он относит ниже изображения Москвы, а ставку Мамая — в правый конец фриза. Таким образом, рассматривающий икону начинает с Москвы — главного города Русской земли.

Художник начинает иллюстрировать «Сказание» с момента получения Димитрием Ивановичем известия о выступлении войска Мамая (рис. 1, *1*). Событие развертывается в Московском кремле, о чем свидетельствует изображение большого пятиглавого собора (Успенского собора) и трехъярусной колокольни (колокольни Ивана Великого). По левую сторону в каморе фигура в нимбе поклоняется образу «Спаса». По правую сторону та же фигура (судя по лицу) в княжеском костюме без головного убора (но с нимбом) стоит перед группой монахов. Группу эту возглавляет митрополит в белом клобуке, вокруг головы которого также имеется нимб. Над этими изображениями не сохранилось ни одного фрагмента надписи. Но, сравнивая их с текстом «Сказания», можно заключить, что в первой сцене художник изобразил моление князя Димитрия перед образом, когда он узнал о том, что на него идет «безбожный царь Мамай с многыми силами неуклонима яряся на христову веру, ревнуа безглавному Батыю»,[13] а во второй — эпизод, повествующий о посещении князем митрополита Киприана. В тексте «Сказания» имя митрополита указано, но на иконе в этой композиции имени его нет, так как совершенно утрачена вся поясняющая надпись. Однако в нижнем левом углу всей композиции «Сказания», где художник изображает встречу войска после победы в Москве,

---

[9] Л. А. Дмитриев. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, X. М.—Л., 1954 (далее: ТОДРЛ, X), стр. 199.

[10] С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906.

[11] Л. А. Дмитриев. «Сказание о Мамаевом побоище». Диссертация, стр. 44.

[12] ТОДРЛ, X, стр. 187.

[13] Как здесь, так и в дальнейшем цитаты приводятся по списку Распространенной редакции из собрания Погодина № 1414 (ГПБ), текст которого был предоставлен мне Л. А. Дмитриевым.

сохранилась надпись «Киприан митрополит». Известно, что фактически Киприана в 1380 г. в Москве не было.[14] Но как действующее лицо он фигурирует во всех редакциях «Сказания». По неизвестным причинам ярославский художник исключает из композиции серпуховско-боровского князя Владимира Андреевича, о котором и в тексте и в названии «Сказания» этой редакции есть настоятельные упоминания.

В «Сказании» повествуется далее о том, что Киприан советует Димитрию послать Мамаю дары. В это посольство отправляется Захария Тютчев. Следующая сцена (рис. 1, 2) и посвящена этому эпизоду. Художник изобразил в левой стороне этой композиции сидящего на престоле князя Димитрия (с нимбом) и стоящего перед ним молодого (безбородого) Захария Тютчева. Обе фигуры расположены на архитектурном фоне палат, так художник обозначает, что действие происходит внутри помещения. Далее, в центре изображена опять трехъярусная белая колокольня и виднеющийся за нею собор — это свидетельствует о том, что действие происходит в Московском кремле (колокольня Ивана Великого). По правую сторону от центра, также на фоне палат, изображен Димитрий (в нимбе), за ним — фигуры его приближенных. Рукой он указывает на наклонившуюся над золотой казной фигуру молодого мужчины (посла Тютчева), ближе к краю можно различить спины двух белых лошадей.

Обратимся к сценам, помещенным в левом нижнем углу основного фриза. Над двумя композициями здесь сохранились тексты, поясняющие события. Над верхней группой в три строки написано: «Оле[г ря]за[н]ски измени благове[р]ному князю Димитрию и посылает к Мамаю измененныя грамо[ты]» — и еще над городом слово «Рязань». Над нижней группой: «Ольгерд Литовск[ий] посылает измен[ные] грамоты». Таким образом, три фигуры, размещенные в палате, находящейся в городе с каменными стенами и палатами, олицетворяют момент составления изменнического письма князем рязанским Олегом (изображены две стоящие фигуры в позах, свидетельствующих о диалоге между ними, и около них сидит писец). За стеной города изображен всадник на скачущем белом коне — гонец с письмом от Олега к литовскому князю Ольгерду. Нужно отметить, что между московским и рязанским князьями не только в этот момент, но и во время нашествия Тахтамыша были очень натянутые отношения. Как известно, в 1380 г., когда произошло Мамаево побоище, литовским князем был Ягайло, а не Ольгерд. Однако в Основной и Распространенной редакциях «Сказания» фигурирует имя Ольгерда.[15] То же самое мы видим и в подписи на иконе. Это лишний раз свидетельствует о том, что в основе рассматриваемой иконы лежит текст Распространенной редакции «Сказания».

В отличие от тесно ютящихся у левого края фриза рязанцев, художник значительно большее место предоставляет изображению сил литовского князя (рис. 1, *4*). В центре этой группы в тереме со сложными кровлями сидит на троне в богатом княжеском костюме Ольгерд. Позади него свита. Перед ним в воинских латах посол, получающий письмо. По левую сторону от палат большая группа воинов в боевом снаряжении. По правую сторону от палат на фоне горок — едущий на коне посол от Ольгерда.

Далее художник переходит к изображению сбора русских войск. Почти у всех городов и выступающих из них воинских сил, кроме одного, сохранились надписи: «Бело озеро. Безоозерские князи. . .» (рис. 1, *5*); «Яро-

---

[14] Это отступление от исторической хронологии было отмечено Н. М. Карамзиным (История государства Российского, т. V. СПб., 1817, стр. 420, 421, прим. 60, 65).

[15] См. подробнее: ТОДРЛ, X, стр. 195.

слав. Ярославские князи иде на помощ» (рис. 1, *6*); «Владимир град. Владимирские князи» (рис. 1, *7*); «Ростов град. Ростовские князи» (рис. 1, *8*); «Суздальские князи» (рис. 1, *9*); «Курба. Курбская сила» (рис. 2, *3*); «Два брата князи литовские, ольгердовичи, иде Димитрию на помощ силами» (рис. 2, *1*); и еще у одной значительной группы не сохранилось названия города, но есть только следующие остатки надписи: «...оа[гиос] м[итропол]ит ... Иоан ... На помощ Димитрию» (рис. 2, *2*).

Бросается в глаза то обстоятельство, что город этот расположен выше всех городов, на одной горизонтальной линии с двумя изображениями Москвы (совет Димитрия с Киприаном и отправка посла к Мамаю). Кроме того, воинские силы их движутся не к Москве, а минуя ее, вероятно в Коломну, ибо художник между изображением Москвы — центра сбора сил и войском, выступающим из города, помещает гору. Архитектурными сооружениями, служащими признаками этого города, являются большой белый собор и около него белая колокольня. В этих двух зданиях мы видим Николодворищенский собор и колокольню на Ярославовом дворище — месте сбора новгородского веча (рис. 2, *2*). Серьезным доводом считаем изображение иконы Знамения богоматери, которую держат стоящие за митрополитом горожане. Икона Знамение исстари была признана патрональной святыней Новгорода. Стоящий перед воинами и благословляющий митрополит имеет на голове белый клобук со вскрыльями, такой же, какой написан на митрополите Киприане в начале фриза. Белый клобук, как это отмечено в соборной грамоте 1564 г., носили архиепископ Новгорода и Пскова, некоторые московские (Алексей и Петр) митрополиты и ростовские (Леонтий, Игнатий и Исайя) архиепископы.[16] Московские митрополиты надели белый клобук уже с 1564 г. на основании постановления собора; этим же собором было разрешено новгородским архиепископам продолжать носить белый клобук.[17] Все русские митрополиты получили разрешение носить белый клобук только с 1667 г. Таким образом, художник XVII в. мог изобразить в белом клобуке только либо московского митрополита, либо ростовского или новгородского архиепископа. Первые два исключаются на том основании, что Москва и Ростов изображены уже художником. Таким образом, не подлежит сомнению, что в виду имеется новгородский архиепископ. Повесть об участии мужей новгородских в Куликовской битве включена в Распространенную редакцию «Сказания». Повесть эта не является механической вставкой в ранний текст памятника, а при ее включении все повествование подверглось редакторской обработке и получило значительную новгородскую окраску.[18] Художник иллюстрирует на иконе собрание новгородцев на Ярославском дворище согласно тексту «Сказания».

Все это нас убеждает в том, что художник изобразил Новгород и новгородцев. Неясно только, почему автор иконы назвал новгородского владыку Иоанном — имя, сохранившееся в подписи над изображением. В «Повести о новгородцах», как это отмечает С. К. Шамбинаго, бытует имя Евфимий. В числе новгородских архиепископов известно два Евфимия, занимавших кафедру один за другим между 1421—1458 гг., но они никакого отношения к эпизоду не имеют. Архиепископом между 1360—1388 гг. в Новгороде был Алексей.[19] По-видимому, в списке «Сказания», которым пользовался художник, новгородский архиепископ был назван Иоанном (архиепископ с 1388 г.).

[16] АИ, т. I. СПб., 1841, стр. 331—333.

[17] Н. Петров. О судьбе вена Константина Великого в русской церкви. — Труды Киевской духовной академии, 1865, № 10, стр. 498.

[18] ТОДРЛ, X, стр. 186, 187.

[19] С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище, стр. 320.

Строя композицию городов и войск, выступающих на битву в союзе с Москвой, художник располагает их по левую сторону от Москвы — это обусловлено его схемой развития повествования. Каждый город и выступающие из него войска отделены друг от друга распространенным в XVII в. приемом — перемычками из декоративных горок. Все изображенные города — разной величины. Безусловное первенство принадлежит городу Ярославлю, он выделен и местом (внизу на переднем плане) и более крупным масштабом (рис. 1, *6*). Под городом художник написал Волгу. Вторым по величине и месту городом является Новгород, в верхнем ряду, над всеми городами Русской земли, на одной линии с первыми изображениями Москвы (рис. 2, *2*). Если бы нам не было известно местонахождение и происхождение иконы, то, вероятно, только на основании соотношения пропорциональной величины городов и места их расположения на фризе можно было бы думать, что она происходит из Ярославля или Новгорода. Но художнику было знакомо и географическое расположение городов, которое он сочетал также и с содержанием «Сказания». Например, Белоозеро и войско белоозерское не только по порядку содержания находится на крайнем левом фланге, оно расположено от Ярославля за рекой Волгой и это наглядно изображено художником (рис. 1, *5*). А города Ростов и Курба изображены от Ярославля в сторону, близкую к Москве (рис. 1, *8*; 2, *3*). Любопытно еще и то, что все эти города и второе изображение Москвы (сцена отправления посла Тютчева) сгруппированы художником вокруг Троицкого монастыря, чем подчеркнуто его большое значение. Над этими изображениями монастыря сохранилось три надписи: «Сергиев ма[на]сты[рь]»; «Сериев монастырь приде Димитри кн[я]з[ь] к [Сергию] пр[оша]ше двое старцов Пересвета и О[с]леб[я]»; «Сергие ... [Д]митри двоих [старцов]» — и две подписи над персонажами «Се[ргий], [Д]ими[трий]» (рис. 1, *9*). Этот эпизод входит во все редакции «Сказания».

В композиционный и геометрический центр фриза художник помещает Москву, из которой объединенные русские силы вышли против Мамая (рис. 2, *4*). Димитрий Иванович Донской выступает из Москвы «со многими силами на Мамая» — гласит остаток двустрочной надписи, сохранившейся над этой частью композиции. Из сооружений Московского кремля художник выбирает только те, о которых упоминается в тексте «Сказания», т. е. Успенский собор, теремной дворец и трое ворот в восточной стене. Успенский собор изображен как бы в разрезе, и внутри его помещены три фигуры с нимбами, икона Владимирской богоматери, небольшой придел или пристройка с гробницей Петра митрополита, над гробницей — образ Спаса, перед гробницей — молящийся великий князь Димитрий. Главные персонажи имеют соответствующие надписи с их именами: «Петр», «Дмитрий», «Киприян». Для религиозного человека XVII в., каковым являлся художник, весь порядок церковного напутствия князя на битву представлялся очень важным событием. И опять в этой композиции, как и в начальных, обязательным персонажем является митрополит Киприан. Чтобы показать последовательность развития действия, художник трижды изображает князя Димитрия. Два раза он одет в скромный костюм, в третий же раз, в сцене получения благословения от митрополита Киприана, он одет в богатый княжеский костюм. «Архиепископь благослови его и отпусти и даст ему христово знамение, и посла священный собор и клиросы в Фроловские ворота, и в Костянтиновские ворота, и в Николские ворота с живоносными кресты, и с чюдными и с чюдотворными иконами — да вьсяк воин благословен будет».[20] На основании этого художник изо-

[20] Список ГПБ, собр. Погодина, № 1414, л. 186.

бражает трое ворот: Никольские, Фроловские (ныне Спасские) и Константиноеленские. Через ворота выходят войска. Любопытно, что князя Димитрия и других лиц, отмечаемых нимбами, художник не изобразил, а подчеркивая роль Киприана, написал его (о чем свидетельствует надпись «Киприан») в средних, Фроловских, воротах, несмотря на то что в текстах «Сказания» об этом нет никаких упоминаний. За Успенским собором и колокольней Ивана Великого художник помещает изображение княжеского терема, из окон которого на войско смотрят три женские головы. Художник отмечает только одну из голов женщин, смотрящих из окон, именем «Евдокия».

Прежде чем перейти к анализу изображений самой битвы, мы считаем необходимым остановиться на лагере Мамая. В правом краю фриза художник изобразил Мамая в городе, вероятно Сарае, о чем свидетельствуют не столько палаты, сколько каменные зубчатые стены с башнями (рис. *3*, *1*). В палате с плоской кровлей под балдахином на троне восседает Мамай (подписей не сохранилось), перед ним стоят советники, а позади его телохранители, что соответствует началу «Сказания». Левее художник изобразил переправу войска через реку. Если бы художник хотел изобразить переправу русского войска через Дон накануне битвы, то река была бы помещена им между изображением выхода войск из Москвы и полем сражения. Здесь же мы видим, что несметные силы воинские подходят к широкой реке и переправляются через нее. Все войска, окружающие ставку Мамая, на знаменах имеют одинаковые знаки, в основе которых находятся два полумесяца, обращенные друг к другу своими выпуклостями. В то же время на знаменах русских войск видим то крест, то образ Спаса, то образ богоматери с младенцем, то образ архистратига Михаила. Художник иллюстрирует следующий текст: «По малех же днех и по глаголех сихь перевезеся великую реку Волгу со всею силою, и иные же многие орды к себе съвокупи, глагола им, яко „обогатеем руским златом“. И пойде на Русь, яко лев ревы, пыхаа, яко неуталимаа ехидна. Дойде же усть рекы Воронежи и распусти силу свою, заповеда всем улусом своим, яко: „Ни един ни пашь хлеба — и будете готовы на руские хлебы“».[21]

Что художник в этой части изобразил именно силы Мамая, подтверждается изображением еще одной небольшой группы, помещенной в левой оконечности этого отрезка, в верху фриза над рекой. Здесь на горке стоит мужчина в царском костюме и золотой зубчатой короне, окруженный тесной группой из четырех фигур (рис. *3*, *3*). Это соответствует тексту «Сказания» в описании битвы на поле Куликовом: «Безбожный же царь Мамай, выехав на место высоко, с тремя князьями и зря человеческого кровопролития». Это изображение относится непосредственно к самой битве, художник размещает его между Московским кремлем и ставкой Мамая.

В центре битвы, на переднем плане изображено единоборство Пересвета с татарским богатырем (рис. 2, *5*). Позади Пересвета написан второй инок — воин Ослябя. За ними по обе стороны множество воинов. Над ними художник изобразил все чудесные и легендарные эпизоды, предшествовавшие битве и сопровождавшие ее. Все эти изображения миниатюрны, и многие из них имеют сохранившиеся тексты. Над группой плачущих женских фигур помещены красного цвета дикие звери и птицы, сохранились только три буквы «Дми», по которым можно восстановить слово «Дмитрий» (рис. 2, *6*). Здесь показан эпизод «Сказания», рассказывающий об «испытании примет» Дмитрием Боброком Волынцем накануне

[21] Там же, л. 180 об

битвы. Под разверзшимися небесами на иконе сохранилась следующая надпись: «раз[бойни]к . . . виде», — это соответствует рассказу «Сказания» о видении бывшему разбойнику Фоме Кацыбею небесной помощи русскому войску.

Здесь же нарисована белая палатка, в которой находится князь Димитрий и предстоящий перед ним монах. Трехстрочная надпись не сохранилась, но тут, бесспорно, изображено вручение иноком Троицкого монастыря послания от Сергия князю Димитрию (см. под изображением двух ангелов). По правую сторону над битвой такая же палатка, и в ней перед иконой Спаса коленопреклоненная фигура с нимбом — великий князь Димитрий молится в ночь перед битвой (см. под изображением святых в облаках). Над всем этим под разверзшимися небесами в облаках золотые короны и благословляющие руки, а по обе стороны — облака. На левом облаке «Небесное воинство» во главе с архистратигом Михаилом, на правом — четыре фигуры в княжеских одеждах, покровители русского воинства. Среди них выделяются фигуры князей Бориса и Глеба, имена которых как покровителей войска упоминаются в различных списках «Сказания». Ниже еще изображены исходящие из облака руки с золотыми венцами — знак причисления павших в битве воинов к лику святых.

Под этим эпизодом изображена битва на Куликовом поле. В центре русского войска художник помещает двух иноков на конях, следующих один за другим, это Пересвет и Ослябя.

Последующие за битвой события художник развертывает в нижнем фризе, на поле иконы. По левую сторону от центра битвы располагаются русские силы, их победное шествие с поля брани, по правую изображено бегство Мамая с поля битвы в Кафу и его смерть. В правой части сохранились остатки трех надписей. Первая находится непосредственно под битвой, она хорошо сохранилась: «Мамаева сила побиша» — лежат груды убитых воинов (рис. *3*, *4*). Далее изображена немногочисленная группа скачущих с поля боя всадников (рис. *3*, *5*), впереди них в тюрбане бородатый всадник — Мамай, что соответствует рассказу «Сказания» о бегстве Мамая с поля битвы. Над этой группой сохранились два фрагмента надписи: «Мам[ай] . . . стр. . . .». Перед этой группой имеется башня с въездной аркой, за стеной — город с палатами. В городе изображено несколько воинов и на переднем плане поверженная фигура Мамая; над ним стоит воин, вонзающий в его спину копье. Над изображением города фрагменты надписи: «. . . Каф[е] . . . убитъ». Здесь художник изображает гибель Мамая в Кафе. На этом заканчивается правая сторона малой фризовой композиции.

Влево от центра битвы (под изображением битвы) размещены эпизоды погребения павших на поле боя воинов. Эту тему художник начинает развертывать с погребения Пересвета и Осляби. Над ними остатки надписи: «. . . пе[ре]св[ет]. . .» (рис. *2*, *9*). Димитрий Донской написан в княжеском облачении и венцом над головой, позади его стоят воины, перед ним над грудой убитых тел лежит в иноческом облачении и с нимбом над головой Пересвет, ниже видна вторая подобная фигура, но без нимба — Ослябя.

Около Пересвета художник изобразил очень крупную фигуру в воинских доспехах, лежащую вниз головой, это погибший в единоборстве богатырь из войска Мамая, что соответствует тексту «Сказания», где повествуется об осмотре поля сражения Димитрием Донским: «Прийде же на иное место видевши Пересвета чрьнца, близ его лежит нарочитый богатырь татарский, и обратився и рече: „Видите, братия, своего починальника?

И сий бо победи подобна собе, от него же было питы горькаа чаша многым!“».[22]

В следующих двух эпизодах, имеющих одинаковую композицию, изображено погребение павших в битве (рис. 2, *10*, *11*). Над обоими эпизодами сохранились соответствующие им пояснительные тексты: «Димитри погреба Бел[о]зерских князей» и «Димитри погребает три н[о]в[о]городски[х по]са[дни]ко[в]».

Последний эпизод погребения павших воинов также имеет надпись: «Димитри по гребает русское воинство». Далее изображен также стоящий великий князь Димитрий над грудой тел воинов (рис. 2, *12*). На этом заканчивается изображение восьми дней после битвы, посвященных погребению павших, и переходит к торжественному возвращению с поля победы русского войска.

Изображены две встречи у двух крепостных ворот. Впереди каждой группы встречающих идет духовенство в епископском облачении (в сакосе, митре и пр.). Впереди первой процессии святитель без нимба, впереди второй — святитель имеет нимб, им художник постоянно отмечает митрополита Киприана. Над изображением первой встречи сохранился ничего не разъясняющий фрагмент надписи: «...встречае Димитри...». О том, что встречают Димитрия Донского и русское войско, следующее за ним, ясно из того, что впереди группы воинов изображен князь с нимбом, восседающий на белом коне (рис. 1, *10*). Хронологически, согласно тексту «Сказания», этот эпизод должен был бы соответствовать рассказу о встрече русских войск в Коломне, но этому противоречит находящееся за воротами (нарисованное в очень малом масштабе) изображение пятиглавого собора с тремя закомарами и как бы внутри его монаха с нимбом вокруг головы, благословляющего Димитрия Донского, также с нимбом (рис. 1, *11*). В сохранившемся фрагменте надписи можно прочитать только: «Приде благоверный князь Дмитрей в ...». Здесь художник, как мы считаем, хотел показать посещение Димитрием Донским Троицкого монастыря после возвращения его в Москву, что соответствует окончанию «Сказания».

По-видимому, художник умышленно нарушил хронологию событий и поместил этот эпизод не в завершение фриза, а немного ранее, чтобы закончить фриз торжественной встречей войска победителей в Москве. Над этой группой сохранился следующий текст в пять строк: «Киприян митрополит встре[чает князя] Димитрия собором пречистыя, святыя иконами, князьями [и кня]гинями [и со] многим народом».

За крепостными стенами изображены два одноглавых собора[23] и несколько крыш от палат. Признаков строений Московского кремля (колокольни Ивана Великого и пятиглавого собора), подобных первым сценам изображения «Сказания», здесь не наблюдается. Следовательно, художник нарисовал здесь условно, но с передачей архитектурных особенностей, оба одноглавых собора Андроникова монастыря.

На этом художник оканчивает свою работу по воплощению в изобразительную форму сложного литературно-исторического произведения «Сказания о Мамаевом побоище». Сравнивая сюжеты иконы с текстом Распространенной редакции «Сказания», можно убедиться в том, что неизвестный художник второй половины XVII в. пользовался именно этой редакцией «Сказания».

Создавая живописное произведение на тему «Сказания», художник не ограничился простым иллюстрированием текста. Если бы он просто, как

---

[22] Там же, л. 192 об.
[23] Собор Нерукотворного Спаса и церковь Архангела Михаила.

было принято у русских художников того времени, задался бы целью иллюстрировать последовательно текст «Сказания», он прибег бы к расположению всех событий по клеймам, всегда напоминающим собою иллюстрации лицевых рукописей. Но перед нами творческое претворение текста «Сказания», выразившееся в создании сложнейшей, но четкой композиции, в которой хорошо различаются основные композиционные и сюжетные узлы, связанные цепью эпизодов.

Это произведение имеет ряд важных элементов, среди которых первое место принадлежит изображению архитектурных памятников различных городов нашей страны. Почти все нарисованные художником города (Москва, Ярославль, Новгород, Владимир, Ростов, Суздаль, Курба и др.) имеют свои индивидуальные сооружения. Нам кажется, что историки русской архитектуры должны отнестись к изучению этого произведения с особым вниманием.

К сожалению, имя творца этого замечательного произведения ярославской живописи второй половины XVII в., вероятно, так и останется неизвестным, но место создания этого памятника мы надеемся выяснить при анализе основного произведения — иконы Сергия, к которой прикреплена была во второй половине XVII в. доска с изображением «Сказания о Мамаевом побоище».

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

В. В. СЕНКЕВИЧ-ГУДКОВА

Отражение фольклора народов Севера в «Повести временных лет»

Летописный рассказ под 1114 г. о том, как из облаков падают на землю маленькие новорожденные белки, вырастают и расходятся по земле, а из другой тучи падают на землю оленята, также быстро вырастающие и расселяющиеся по земле, представляет собою предание какого-то северного народа о божественном происхождении белок и оленей и о спуске их на землю с неба.[1] Но от какого именно народа попал этот рассказ в летопись, нам не вполне ясно, хотя в тексте есть упоминание о Югре и Самояди. По первой части предания, т. е. о спуске с неба на землю новорожденной белки, мы имеем целый ряд предположений.

В начале нашего века старики нотозерские саамы, по словам Евдокима Васильевича Титова, тоже нотозерского саама, рассказывали, что на небе у бога имеются почти все звери и птицы, как и на земле. Причем, злая богиня Аадз любит превращаться в паука, а добрые боги превращаются в хороших небесных зверей и птиц, от которых ведут свое начало земные звери и птицы.

У хантов на обском Севере также есть легенды о небесных зверях, причем их пантеон населен, по сообщению казымского ханта Василия Ивановича Тарлина, не всеми представителями обской фауны, а только священными зверьми, за убийство которых ханты приносят богам кровавую жертву — йир; к таким зверям Тарлин относил горностая и росомаху.

В книге Г. Старцева «Остяки» записано хантыйское предание о том, как росомаха попала в ловушку. Это заметил охотник, хозяин ловушки, и хотел подойти к ловушке и вынуть из нее росомаху. И вдруг росомаха вместе с ловушкой поднялась на небо.[2] Если росомаха подымается на небо в хантыйских преданиях, то можно предположить, что и белка, будучи тотемом одного из хантыйских родов, могла быть спущена на землю, как например спускается с неба на землю медведь в многочисленных хантыйских и мансийских преданиях и песнях о божественном происхождении медведя.

В прибалтийско-финском фольклоре есть указание на то, что белка была тотемом какого-то карельского или финского племени. По этому

---

[1] «Се не дивно; и суть и ёще мужи старии ходили за Югру и за Самоядь, яко видивше сами на полунощныхъ странахъ, спаде туча, и в тои тучи спаде вѣверица млада, акы топерво рожена, и възрастъши, и расходится по земли, и пакы бываеть другая туча, и спадають оленци мали в нѣй, и възрастають и расходятся по земли» [Повесть временных лет, ч. 1. Подготовка текста Д. С. Лихачева. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 197].

[2] Г. Старцев. Остяки. Л., 1928, стр. 98.

поводу в книге В. Я. Евсеева «Исторические основы карело-финского эпоса» мы читаем:

«Помимо медведя, оленя и лося, тотемный характер, согласно вариантам карело-финских эпических песен, могли носить заяц, куница и белка, что видно из руны о поездке Лемминкяйнена в Пяйвелу, повествующей о том, как противники вступают друг с другом в единоборство при помощи этих лесных животных, то есть зайца, куницы и белки, выпускаемых из-под рук героев песни (KVR, 1, 702, 713, КЭП, 36)».[3]

Вторым доказательством того, что белка была тотемом какого-то прибалтийско-финского племени, является ее эпитет «золотая», которым она часто награждается в рунах. Между тем в карело-финском эпосе эпитет «золотой» является синонимом эпитета «священный», например, священный жеребец в рунах называется то pyhä orih — «священный жеребец», то kultane orih — «золотой жеребец», а в мансийском фольклоре священная береза, в которой живет богиня Калташь, называется золотой березой. Итак, можно предположить, что белка была тотемом у людей того племени, от которого это предание попало в «Повесть временных лет». А если белка была тотемом данного племени, то она должна была спуститься с неба на землю, как и все остальные тотемы народов Севера.

Значительно большим материалом располагаем мы по поводу истолкования второй части предания — о том, как маленькие олени спадали с облаков на землю.

В саамском фольклоре имеется целый ряд указаний на то, что олени живут на небе. В саамских преданиях солнце представлено в виде богатыря, который по небу делает ежедневный обход земли. Утром солнце едет верхом на медведе, в полдень оно едет на олене-самце, а вечером — на олене-самке.

В другом саамском предании рассказывается, как дочери Солнца и Месяца первыми в мире стали приручать диких оленей. По сообщению нотозерского саама Евдокима Васильевича Титова, созвездие Орион представляется старым саамам то в виде сына солнца, то в виде охотника-богатыря, а созвездие Большую Медведицу дед Е. В. Титова называл луком охотника-богатыря, созвездие Кассиопею — группой диких оленей, за которыми вечно гонится по небу богатырь-охотник. Эти предания, рассказанные нам нотозерскими саамами, находят подтверждение в записях Н. Харузина, опубликованных им в книге «Русские лопари».[4] У иоканьгских и нотозерских саамов сохранились сказки о диком олене-тотеме. Особенно интересную сказку об олене-тотеме записали мы от Устиньи Павловны Таруновой.[5] Все эти предания и рассказы устанавливают наличие оленей на небе. А если, по саамским преданиям, олени жили на небе, то они, естественно, могли из облаков спуститься на землю. По словам Е. В. Титова, дикие олени еще и теперь помнят, что они были спущены богом с неба на землю, и потому, когда они попадают в стадо домашних оленей, то всегда молятся богу, поднимая головы к небу, а домашние олени не молятся богу, так как они никогда не были на небе. Интересно отметить, что молодой несуеверный саам объяснил нам эту «молитву» диких оленей следующим образом: дикие олени-самцы попадают в стадо домашних оленей, привлеченные самками домашних оленей, но они очень боятся

---

[3] В. Я. Евсеев. Исторические основы карело-финского эпоса. М.—Л., 1957 (далее: В. Я. Евсеев), стр. 117.

[4] Н. Харузин. Русские лопари. М., 1890, стр. 347—351.

[5] Текст данной сказки пересказан нами в нашей статье «Сказки иоканьгских саамов как исторический источник» (Ученые записки Карельского педагогического института, т. III, в. 1. Петрозаводск, 1956, стр. 112—113).

человека и все время поднимают головы вверх, чтобы заранее учуять запах человека и убежать из стада при его приближении к последнему.

По рассказам старых нотозерских саамов, в чудскую эпоху, т. е. во времена нападений чуди на саамов Кольского полуострова, саамы сохраняли около своих поселков груды костей и рогов убитых оленей, так как они верили, что если стучать этими рогами и костьми с особыми заклинаниями, то духи убитых оленей пошлют снежную тучу с неба и сделают пургу, в которой погибнет нападающая на них чудь.

У хантов и манси олень считается священным животным, а белых оленей они приносят в жертву богам. Жертвенных оленей ханты убивают обухом топора по голове. Потом шаман вонзает нож в грудь оленя, подносит идола к ране оленя, мажет ему губы кровью и сам пьет кровь из раны в груди оленя.

В хантыйских преданиях богатыри превращаются в «оленей святого вида», т. е. в небесных оленей, и спасаются от преследующих их ненецких или тунгусских богатырей. По хантыйскому преданию, ловкий охотник гнался за лосем. Светлый бог Торым пожалел красавца-лося и взял его на небо. С тех пор на небе появились небесные лоси, на которых охотился сам бог Торым. По словам ханта В. И. Тарлина, три охотника — хант, ненец и эвенк — гнались за одним лосем, а бог их всех перенес на небо и превратил в созвездие Большой Медведицы, которое по-хантыйски называется *kurγŋ* *ʋoi̯* *χεs* — «звезда лося». Колотушка бубна считается, как известно, священным атрибутом шаманства, и хантыйские шаманы обшивали ее шкурой с ног оленя. Мотив оленьих рогов самый распространенный и почетный в хантыйском орнаменте. На могилах ханты убивали оленей и украшали могилы оленьими рогами.

Столь же широко распространен культ оленя и у ненцев, в мифологии которых есть даже бог, — покровитель всех оленей, tu jeru (дословно «олений хозяин»). В одном ненецком предании рассказывается, как какой-то шаман со своей семьей уехал на оленях на луну. Один из сыновей этого шамана соскучился по земле и вернулся на землю, причем он якобы рассказал ненцам о том, что на небе есть олени и хорошие оленьи пастбища.[6] По ненецким преданиям, верховный бог Нум создал оленя и собаку, а многих других зверей создал черт. Когда гремит гром, то старые ненцы говорят, что это бог грома Хэхэ ездит по небу на оленях и пускает стрелы в злых духов.

В тот период, когда данное предание попало в «Повесть временных лет», русские люди не ходили на Север дальше Югорской земли, т. е. дальше обского Севера. Следовательно, рассказ в «Повесть временных лет» мог попасть только от следующих народов: от саамов, карелов, ненцев, коми-зырян, хантов или манси. Чтобы в какой-то мере выяснить вопрос о том, от какого из данных народов был услышан этот рассказ, мы попробовали сопоставить их мифологию и фольклор. Данное сопоставление дает нам возможность сделать вывод о том, что в фольклоре прибалтийских финнов, хантов и манси место главного тотема занимает лось, а не олень.

А. Я. Брюсов в своем труде «История древней Карелии» пишет: «В прошлом родоначальником у племен южной Карелии (в южной Финляндии) считался, по-видимому, лось, судя по находкам фигурных молотов с головой лося».[7] Далее, в той же книге А. Я. Брюсов говорит о том, что чудесный лось Хийси из карело-финских рун был прототипом божества лесных животных.

---

[6] Г. А. Старцев. Самоеды (ненча). Л., 1930, стр. 121.
[7] А. Я. Брюсов. История древней Карелии. М., 1940, стр. 92.

В фигурках пермского звериного стиля очень ярко выделяется лось, вернее самка лося. В хантыйской мифологии и фольклоре именно лосю, а не оленю, принадлежит ведущее место: лось взят богом на небо, созвездие Большой Медведицы получило имя лося, дочь лесного духа имеет лосиные ноги и т. д.

«Мифы о священном лосе относятся к древнейшему периоду финно-угорской общности, поэтому лось воспевается не только в карело-финском эпосе, но и, например, у манси имеется предание о спустившемся с неба лосе, в погоню за которым устремляется Тункпанс на лыжах, изготовленных из священного дерева».[8] Между тем у исконно оленеводческих народов — саамов и ненцев основным тотемом является олень, а не лось. И в саамском и в ненецком фольклоре очень часто говорится о наличии оленей на небе. Главный саамский бог ездит по небу верхом на олене, а ненецкий бог грома Хэхэ катается по небу в санях, запряженных оленями. Поэтому мы предполагаем, что летописный рассказ о том, как оленята падали из тучи на землю, скорее всего был услышан древнерусскими путешественниками от саамов или от ненцев.

---

[8] В. Я. Евсеев, стр. 116.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

И. С. ДУЙЧЕВ

Одно неясное место в древнерусском переводе Иосифа Флавия*

Издание древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия,[1] несомненно, является вкладом не только в области древнерусской литературы, но и вообще старославянской и мировой. Множество вопросов, связанных с установлением авторства, первоначальной редакции и более поздних переводов и переработок, все еще ждут своего разрешения и занимают очень широкий круг исследователей, так как «История Иудейской войны», можно сказать без преувеличения, одно из самых замечательных творений литературы. В научной литературе уже давно отмечено огромное значение древнерусского перевода этого сочинения, однако самый перевод оставался, к сожалению, более или менее недоступным и поэтому лишь частично использован в переводах на западноевропейские языки. Полное критическое издание древнерусского перевода создает теперь условия для дальнейшего более плодотворного изучения ряда вопросов, связанных с этим литературным памятником. Ученые разных специальностей благодарны советскому исследователю, опубликовавшему текст, представляющий редкий интерес для изучения древнехристианской, иудейской и византийской литератур, а также литератур некоторых других народов эпохи средневековья. Сопоставление древнерусского перевода с другими текстами поможет разрешить многие спорные вопросы, разгадать большое число неясных мест в других версиях и в самом переводе. Такого рода неясных мест достаточно много, и полное их объяснение является необходимым условием удовлетворительного изучения памятника и всех связанных с ним вопросов.

В одном из спорных отрывков рассказывается о жизни Иоанна Предтечи. В древнерусском переводе написано,[2] что Иоанн рассказывал о самом себе: «Человекъ есмь. Иде же мя въведѣ духъ божии, кормяся тростным корением и щепками древяными». Несколько далее в тексте «Иудейской войны» о Крестителе сказано: [3] «И на потребу ему быша древяные щеполъкы, и акриды и медъ дивии»; в последнем месте в списках древнерусского перевода имеются разночтения: щепкы, щыпкы, щепльки. Это место давно привлекало внимание исследователей, так как толкование его кажется довольно трудным. Еще более полувека тому на-

* Перевод с болгарского А. И. Хватова. (*Ред.*).

[1] Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958; кроме того, см.: Н. А. Мещерский. Значение древнеславянских переводов для восстановления их архетипов. М., 1958.

[2] Н. А. Мещерский. История..., II, 7, 2, стр. 250, 25—26.

[3] Там же, II, 9, 1, стр. 258, 16—17.

зад один из первых заслуженных исследователей[4] древнерусского текста передал его по-немецки следующим образом: «Rein bin ich, als welchen mich eingeführt hat Gottes Geist, und mich nährend von Rohr und Wurzeln und Holzspänen». Далее автор[5] вновь утверждает, что Иоанн Креститель питался Holzspäne; этим словом он буквально передает древнерусское «древяные щеполъкы». Смысл текста, по-видимму, смутил внимательного исследователя, и он предусмотрительно ставит вопрос — не допустил ли переводчик в данном случае какой-нибудь ошибки.[6] Не осмеливаясь окончательно решить, точен ли перевод или здесь имеется какая-то ошибка, А. Берендс тем не менее подчеркивает, что в этом месте славянского перевода содержится сообщение, противоречащее всем другим сведениям относительно жизни Иоанна Предтечи.[7] Такое объяснение текста повторено и в немецком переводе первых четырех книг «Истории Иудейской войны».[8] Во французском переводе П. Паскаля, приложенном к изданию В. М. Истрина,[9] слова «щепкы древяныя» дословно переведены: «copeaux de bois». На это место в тексте древнерусского перевода обратил внимание автор замечательного исследования о сочинениях Иосифа Флавия Р. Эйслер,[10] который стремился истолковать чтение перевода в пользу своей теории о первоначальных редакциях «Истории Иудейской войны». Заслуга Эйслера состоит в том, что он пытался восстановить возможный греческий протограф или по крайней мере найти греческий текст, соответствующий этому месту перевода, и таким образом понять точный смысл спорного отрывка в древнерусском переводе. Так, толкуя соответствующее место в одном старом румынском переводе,[11] автор дает к румынскому тексту mugur de copaci греческое соответствие — ἀκρόδρυα и добавляет, что в русском переводе ему соответствует «hölzernen Spänen».[12] Объясняя далее это место в немецком переводе Берендса-Граса — «Baumknospen» — Эйслер[13] высказывает сомнение в точности такого прочтения, так как это кажется ему фактически невозможным. Упомянутый ученый в то же время ясно подчеркивает, что буквальное объяснение текста древнерусского перевода, будто Иоанн Предтеча питался «щепкы древяны» или по-немецки «Holzspäne», представляется ему «чем-то очевидно фактически невозможным» («eine offenkundige sachliche Unmöglichkeit»).[14] Сопоставляя это сооб-

---

[4] A. Berendts. Die Zeugnisse vom Christentum im slavischen «De bello judaico» des Josephus. Leipzig, 1906, стр. 31.

[5] Там же, стр. 37—38, ср. стр. 8.

[6] Там же, стр. 38: «Als die Nahrung des Johannes bildend werden wieder Holzspäne bezeichnet-wenn es sich nicht um ein Versehen des Übersetzers handelt».

[7] Там же.

[8] Flavius Josephus vom Jüdischen Kriege. Buch I—IV. Nach der slavischen Übersetzung deutsch herausgegeben und mit dem griechischen Text verglichen von A. Berendts u. K. Grass. Dorpat (Tartu), 1926 [= Acta et commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis). B. Humaniora, IX (1926)], стр. 249; стр. 266: «hölzerne Späne».

[9] La Prise de Jérusalem de Josèphe le Juif. Texte vieux-ruse publié intégralement par V. Istrin. Imprimé sous la direction de A. Vaillant, traduit en français par P. Pascal. I. Paris, 1934, стр. 134, 31—135; стр. 148, 4—149; II, Paris, 1938, стр. 278 (Lexique).

[10] R. Eisler. ΙΗϹΟΥϹ ΒΑϹΙΛΕΥϹ ΟΥ ΒΑϹΙΛΕΥϹΑϹ. Die messianische Unabhängigkeitsbewegung vom Auftreten Johannes des Täufers bis zum Untergang Jakobs des Gerechten nach der neuerschlossenen Eroberung von Jerusalem des Flavius Josephus und den christlichen Quellen. I—II. Heidelberg, 1929—1930. — Обобщение его взглядов по этому вопросу см. в статье: R. Eisler. Die slavische Übersetzung der Ἅλωσις τῆς Ἱερουσαλήμ des Flavius Josephus. — Byzantinoslavica, II (1930), стр. 305—373.

[11] Подробно см.: R. Eisler. Die messianische Unabhängigkeitsbewegung..., I, стр. 231, прим. 5; стр. 430 и сл.

[12] Там же, стр. 439, прим. 8.

[13] Там же, II, стр. 8—9, прим. 1; стр. 17, прим. 5; стр. 30, прим. 4.

[14] Там же, стр. 31.

щение с другими данными о пище Предтечи, исследователь Иосифа Флавия предлагает в качестве возможного греческого перевода этого выражения известное греческое слово ἀκρόδρυα [15] в смысле «овощи», «плоды» (Baumfrüchte). В мучительных поисках убедительного объяснения этого места Р. Эйслер осторожно предполагает возможность смешения понятий при использовании греческими переводчиками выражения протографа на еврейском языке. Но эти предположения, по-видимому, не убедили и его самого, ибо и он, в конце концов восприняв довольно остроумное внушение Л. Волеба,[16] допускает, что в греческом тексте предполагаемое выражение (τροφὴ) καρπῶν ξυλίνων — «овощная пища», возможно, было изменено из-за ошибочного прочтения (τροφὴ) καρφῶν ξυλίνων, т. е. «питание древесными обломками», вследствие чего произошел и известный нелепый перевод в древнерусском тексте «Истории Иудейской войны». Как видно, исследователь Иосифа Флавия в некоторых деталях уже предугадал правильное решение, не будучи в силах, однако, полностью раскрыть все неясные места.

Спорное место древнерусского перевода привлекло также внимание и Н. А. Мещерского. Именно это объяснение Роберта Эйслера он приводит [17] как пример того, насколько «чрезвычайно рискованны филологические конъектуры Эйслера, с помощью которых он пытается обосновать обратный перевод древнерусского текста на греческий». К объяснениям, даваемым Мещерским, надо еще добавить, что греческое слово κάρφος означает не только «сено», как указывает он, но и «солома», «сухая палочка», «стебелек», «щепка». Мещерский же указывает лишь одно его значение. Именно в этом значении слово κάρφος употреблено и в широко известном евангельском тексте («видит сучок в глазу брата своего»; см.: Матвей, VII, 3, 4, 5; Лука, VI, 41, 42). Не раскрыв полностью значения слова κάρφος, Мещерский ставит излишний вопрос: «не ясно к тому же, почему вместо слова „сено“ могло оказаться в переводе слово „щепкы“». Таким образом, ошибка Эйслера не так уж страшна, как указывают критические примечания Мещерского. Зато необыкновенно полезно замечание Н. А. Мещерского [18] относительно значения слова «щеплъкы» в древнерусском языке. Он считает, что «в действительности древнерусское слово „щепки“ или „щеплъкы“... означает не щепки в современном значении этого слова, т. е. осколки дерева, а в соответствии с украинским — молодые древесные побеги». К удачным догадкам Н. А. Мещерского следует отнести и его указание на цитату [19] из послания Ивана Грозного: [20] «Аще ли же где и любочестнейши напитатися хощеши, в е р ш и е д у б н о е любочестне бывша и больше их сладость нежели в царских трапезах». Выражение «вершие дубное» указано как объяснение к «щепкы древяныя», которое стало уже непонятным. В комментарии к тексту Иосифа Флавия Мещерский еще раз подробно возвращается к толкованию этого спорного места. Он считает, что «по-видимому, слово „щепъка“ могло означать молодой древесный побег... Древнерусский Хронограф

---

[15] Там же, стр. 29.

[16] L. W o h l e b. Philologische Wochenschrift, 1926, стр. 1402.

[17] Н. А. М е щ е р с к и й. История..., стр. 11.

[18] Там же, стр. 13.

[19] Там же, стр. 157.

[20] Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Перевод и комментарии Я. С. Лурье. М.—Л., 1951, стр. 170. — По существу это место приведено Грозным как цитата из Василия Амасийского (об этом см.: Ив. Д у й ч е в. Византия и византийская литература в посланиях Ивана Грозного. — ТОДРЛ, XV. М.—Л., 1958, стр. 171 и прим. 77); сличение этих мест представляет довольно большую трудность, так как сочинения этого писателя не изданы.

1512 года, приведя указанное место перевода „Истории", прибавляет глоссу: „сиречь вершие дубное". Последнее соответствует греческому ἀκρόδρυα (верхние побеги дубов). По воззрению некоторых христианских писателей, Иоанн не мог питаться в пустыне саранчой (ἀκρίδες — «пружие» по старославянскому переводу), как об этом сказано в евангелиях (Матвея, 3, 4; Марка, 1, 6); согласно их представлениям, это нечистые животные, которыми человеку, тем более такому постнику, не подобает питаться. Поэтому ἀκρίδες истолковывались как ἀκρόδρυα ... С этими воззрениями, несомненно, связано и упоминание переводчиком о „щепках древянных", т. е. молодых древесных побегах, как пище Крестителя».[21] Как видно, объяснение этого места хотя и имеет большое значение для разрешения вопроса о первоначальной редакции текста «Истории Иудейской войны», в частности о использовании славянским переводчиком прототекста, остается все-таки нерешенным, по крайней мере по мнению издателя.

В сущности, загадка этого места очень давно исчерпывающе и правильно разгадана в одном интересном и важном исследовании бельгийского византолога Анри Грегуара.[22] Изучая вопрос о пище, которую употреблял Иоанн Предтеча, автор приводит одно сообщение ранневизантийского писателя Исидора Пелусийского;[23] согласно последнему, загадочные ἀκρίδες, которыми питался отшельник, не животные, а ἀκρεμόνες βοτανῶν ἢ φυτῶν, т. е. «des extrémités d'herbes ou de plantes». На основе богатого материала Грегуар доказывает, что, в то время как словом ἀκρεμόνες обозначали приблизительно то, что по-русски называется «побеги» («extrémités, sommités de plantes ou d'herbes»), иными словами — концы, отростки растений и трав, слово ἀκρόδρυα означало все плоды с твердой скорлупой (например, орехи грецкие, орехи лесные, миндаль и т. д.) и вообще плоды диких деревьев и растений; здесь имеются интересные параллели не только в греческом языке, но и в некоторых других европейских языках (например, немецкое Johannisbrotfrüchte, Johannisbeeren — «смородина» и др.). К вполне убедительным указаниям источников, приведенным бельгийским ученым, столь ли необходимо прибавлять другие.[24] Слово ἀκρόδρυα, впрочем, восходит к классической древности, и неудивительно, что в византийскую эпоху его точное значение было забыто или затуманено, а поэтому его начали объяснять «этимологически», т. е. механически разлагать на составные элементы. Аналогичный случай произошел, например, с поздневизантийским писателем Никифором Калистом Ксантопулом (около 1256—около 1317), который сообщает об Иоанне Крестителе, будто тот питался ἄκροις δρυῶν,[25] т. е. слово истолковано как ἄκρα δρυῶν «верхушки, концы деревьев». Если большой византийский писатель, каким был Никифор Калист Ксантопул, мог дать подобное объяснение, то тем более допустимо это для славянского писателя, знавшего преимущественно византийский язык, а не классический древнегреческий. Правильное объяснение спорного термина ἀκρόδρυα профессор Грегуар с полным основанием противопоставляет толкованию

---

[21] Н. А. Мещерский. История..., стр. 492.

[22] H. Grégoire. Les sauterelles de Saint Jean-Baptiste. Texte épigraphique d'une épître de S. Isidore de Péluse. — Byzantion, V (1929—1930), стр. 109—129, 111 и сл.

[23] Migne, P. G., CXXVIII, 269.

[24] Слово употреблено в Песни песней, IV, 13 и V, 1, переведено на славянский: «с плодом яблочным» и «плод овощий». См. объяснение слова: H. Stephanus. Thesaurus graecae linguae, I (Parisiis, 1851), 1317—1318, s. v. ἀκρόδρυα: quae in ambitu lignorum putamen habent, quod genus appelatione nusum apud Latinos continetur».

[25] Migne, P. G., CXLV, 676.

Роберта Эйслера, что славянское выражение «древяные щепольки» могло произойти от неверно прочтенной, ошибочной генетивной формы выражения καρποὶ ξυλίνοι. Это объяснение Эйслера он считает полностью несостоятельным с палеографической точки зрения: «impossibilité paléographique absolue» — и вообще заявляет, что Эйслер объясняет спорное место столь же находчиво, сколь и неубедительно («d'une manière aussi ingénieuse qu'improbable»).[26] Согласно убедительному объяснению Грегуара, выражение «древяные щепольки» в древнерусском переводе является лишь не совсем ясным переводом греческого ἀκρόδρυα или ἀκρίσματα, и единственно в смысле плоды: или плоды с грубой оболочкой, или вообще дикие плоды. Итак, вопрос следует считать решенным.

К спорному месту древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» необходимо добавить одну важную параллель из средневековой болгарской литературы. Так, в похвале патриарху Евфимию Тырновскому Григорий Цамблак[27] сообщает о его молодости следующее: «высокое бо и истинное любомудрие[28] иночьское глаголя житие избрав, с Илиею и Иоанном пустыня въжделе и к той беше весь въперень и яже от нея приобретели похвалеаше. Та бо Илию враном питати ся първее устроивши, также и бога видети в тенце хладе исходатаи, и облаком обычное дъжда словом простити слоужение, Иоанна же, връшием дубным въспитавши, болша в рождении жень сведетельствовати ся управи. . .». Предложенный перевод этого места в смысле «Иоанн, напитавшись дубовыми верхушками»,[29] по-видимому, буквален и в то же время бессмыслен по существу, ибо, надо здесь повторить, никто не смог бы питаться «дубовыми верхушками». Как я недавно указывал,[30] в этом месте слова «връшие дубные» следует объяснять единственно в смысле плоды в скорлупе или вообще дикие плоды. Очевидно, что указанное место в сочинении древнеболгарского писателя является полной параллелью известному месту из Иосифа Флавия. Разумеется, трудно решить сразу, заимствовано ли это из его текста или у какого-нибудь другого византийского писателя. Существенно в данном случае то, что Григорий Цамблак знал Иосифа Флавия, о чем есть указание в той же похвале патриарху Евфимию Тырновскому. Несколько далее он указывает его имя и воздает ему хвалу:[31] «Кто бо видель би, рьци ми, толико испытно преязыкствовань и тлъковань еврейскы языкъ на нашь, и завет и пророкы, якоже ныне, мужем, ведетелемь закона оскудевшимь, ово убо уроком житиа, ово же и чястыми плененми и заваленми, усретшими языкь инь и паче же по кръсте (т. е. после начала нашей эры, или после Христа, — *И. Д.*), егда и конець прияша яже разорениа и опустениа и храму и жителству — разориши бо их, рече Давидь, и не съзиждеши ихь,[32] — якоже плакует иже тех беды по тънку списуя Иосипп? Аще убо онь тако чудим и похвалеемь есть, своего великомудриа въспоминание оставль, таже еллинь сыи мужь и вьне закона и пророкъ, не много ли и паче нашь отьць (Евфимий Тырновский !) съпротяжущее ся летом стяжит

[26] H. Grégoire. Les sauterelles de Saint Jean-Baptiste, 123 и сл.

[27] E. Kałužniacki. Aus der panegyrischen Litteratur der Südslaven. Wien, 1901, 1901, стр. 30—31, гл. 2.

[28] Здесь любомудрие — φιλοσοφία — в смысле монашеской жизни и поведения. Об этом значении термина см. подробно: F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953, стр. 197—208.

[29] В. Сл. Киселков. Митрополит Григорий Цамблак. София, 1943, стр. 33—34.

[30] Ив. Дуйчев. Едно неясно място от Цамблаковата възхвала за Евтимий. — Български език, (1954), IV. 2, стр. 171, 172.

[31] E. Kałužniacki. Aus der panegyrischen Litteratur der Südslaven, стр. 49, 29—43, 13.

[32] Псалмы, XXVIII, 5.

благохваление, иже толику ревность от преумножения явлей и еретичьскыя сети своими словесы яко паучина тканиа растръзавый? . .». Упомянутый в этом тексте «язычник» Иосиф — несомненно Иосиф Флавий. Замечательно при этом, что Григорий Цамблак не только знал о нем и был знаком с его сочинениями, но и испытывал к нему особое чувство уважения, несмотря на то что тот был язычником. Возникает вопрос, на каком языке ознакомился Цамблак с сочинениями Иосифа Флавия: с греческими текстами или в славянском переводе? Известно, что Григорий Цамблак хорошо знал греческий язык и византийскую литературу. На всем его творчестве чувствуется неотразимое влияние Византии. Вообще Григорий Цамблак принадлежит к той группе южнославянских, в частности болгарских, писателей позднего средневековья, которые являются яркими выразителями сильного византийского влияния. Во время своих долгих странствий он мог познакомиться с сочинениями Иосифа Флавия на греческом языке. В таком случае упоминание о древнем писателе можно было бы истолковать лишь как доказательство его широкой популярности среди южнославянских писателей. Но не исключена, однако, возможность, что Григорий Цамблак познакомился с сочинениями Иосифа Флавия в славянском переводе. Как установлено,[33] Григорий Цамблак написал свою похвалу патриарху Евфимию Тырновскому во время пребывания в русских землях в начале XV в., быть может сразу после смерти патриарха или несколько позже. В таком случае именно пребывание в России позволило ему познакомиться с русским переводом «Истории Иудейской войны» и личностью Иосифа Флавия. Если мы таким образом объясним упоминание Цамблака об Иосифе Флавия, то можно сказать, что это одно из самых ранних свидетельств о древнерусском переводе «Истории Иудейской войны».

Не следует, однако, скрывать, что указание Григория Цамблака можно толковать и в другом смысле, а именно как признание существования какого-то южнославянского перевода сочинения Иосифа Флавия. Этот вопрос давно поставлен в научной литературе, но, на мой взгляд, не получил правильного и окончательного решения. Единственная известная южнославянская рукопись с текстом «Истории Иудейской войны», переписанная в 1585 г. монахом Григорием, названном в схиме Василием, долгое время считалась утерянной.[34] Как явствует из приписки к этой рукописи, сохранившейся в библиотеке Хилендарского монастыря под № 280,[35] текст ее является лишь сербским изводом русского перевода. Наличие этой рукописи дало основание для противоположных гипотез. Очевидно, смешивая переписчика этой рукописи монаха Григория-Василия с древнеболгарским писателем Григорием (X в.), архимандрит Леонид высказал предположение, что перевод Иосифа Флавия был сделан в Болгарии еще в X в.[36] Другие ученые, напротив, пришли к совершенно противополож-

---

[33] Об этом см.: П. А. Сырку. Время и жизнь патриарха Евфимия Тырновского. СПб., 1898, XII сл.; А. И. Яцимирский. Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904, стр. 208, 209, 469.

[34] См. об этом: R. Eisler. Die messianische Unabhängigkeitsbewegung. . .», XLVI, стр. 197 и сл., 198 прим. 1; Н. А. Мещерский. История Иудейской войны. . ., стр. 19 и прим. 25, с библиографическими указаниями, а также указание «где находится список сейчас, неизвестно».

[35] Сведения о нем см.: G. Radojčić. Srpske arhivske i rukopisne zbirke na Sv. Gori. — Izvestaj o njihovim proučavanju i snimanju u septembru i oktobru 1953 god. Arhivist, V, 2 (1955), 26.

[36] Архим. Леонид. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания гр. А. С. Уварова, I. М., 1893, стр. 8. — Ссылаясь на В. И. Ягича (Archiv f. slav. Philol., II, 1877, стр. 18), A. Berendts (Die Zeugnisse, стр. 17 и сл.) пишет: «. . . so

ному и категорическому выводу, что южнославянского, в частности древнеболгарского, перевода «Истории Иудейской войны» никогда не существовало.[37] Однако, не изучив самым внимательным образом, с одной стороны, всю древнюю южнославянскую литературу[38] и, с другой, все рукописи южнославянских и других хранилищ, едва ли можно высказывать столь крайнюю точку зрения на вопрос. Если учитывать более позднее время, то следовало бы вспомнить одно свидетельство в сочинении болгарского писателя XVI в. Так, софийский писатель Матвей Грамматик, живший в XVI в., написал житие убитого турками в 1555 г. софийского мученика Николая Софийского.[39] Между прочим, он пишет: «темже и по б[о]жествъвному гневу Мародахом царем ассириискым въсхыщьетсе, и в Ниневи град пленник съведн быс. О немже написа Иосип глаголе, яко ет быс Манасиа царь от цара асирийского и медни съузь наложь на пленника заведей, и разумев о сългрешени дост[о]ино приемша м[у]ч[е]ние, бе бо свезан в тъмници, даваху ему от покрут хлеба мало и воду мало с отцом в меру, да тькмо жив будеть. Утескняем же зело и оскрьбляем, възыска лице господа бога и помолисе покаанием глаголе: господи въседрьжителю, боже отц наших Авраамов, Исаков, Яковл и прочаа. И услыша господь бог глас его и отреши его съуз, възратив его в Иерусалим в царство его. И в един временни час прощению спод[о]бисе и в божие съставляетсе другы».[40] Нужно сразу же сказать, что о тех же событиях древней истории иудеев рассказывается в библейской книге Паралипомен, XXXIII, 1—25. Здесь сто́ит припомнить библейский рассказ, по крайней мере для сравнения с рассказом болгарского писателя, а именно то, что написано в Паралипомене, XXXIII, 10—13: «И глагола господь к Манассии и к людем его и не послушаша. И наведе господь на них начальники воев царя ассирийска, и яша Манассию во узах и связаша его оковы ножными и отведоша в Вавилон. И егда озлоблен бысть, взыска лице господа бога своего, и смирися зело пред лицем бога отец своих, и помолися к нему, и послуша его, и услыша вопль его, и возврати его в Иерусалим на царство его. И позна Манассиа, яко господь той есть бог». Несомненно, что даже при поверхностном сопоставлении текстов, мы имеем два различных рассказа об одном и том же событии, и не библейский рассказ цитирован в сочинении Матвея Грамматика, а иной источник. Использованный источник определенно указан писателем: это Иосиф «написа Иосип глаголе», — заявляет сам Матвей Грамматик. Очевидно, что речь здесь идет о нашем Иосифе Флавии. Действительно, подобный рассказ у него есть, однако не в «Истории Иудейской войны», а в другом сочинении — «Иудейские древ-

---

kann auch der russische Josephus doch noch Umformung eines südslavischen entstanden sein».

[37] Ср.: R. Eisler. Die messianische Unabhängigkeitsbewegung..., стр. 231—232: «...die Angaben... machen es... überaus wahrscheinlich, daß es einen südslavischen Josephus nie gegeben hat».

[38] Ср.: Al. Berendts—K. Grass. Flavius Josephus, 34—36: «Sonstige Spuren des slavischen Josephus in der altkirchlichern Litteratur», где ничего особенного не сказано. Мне недоступна работа А. Берендса [Al. Berendts. Spuren des slavischen Josephus in der altkirchlichen Litteratur. — Mitteilungen u. Nachrichten f. die evangel. Kirche in Russland. Bd. LXIV. Theol.-postor., Beiheft 5—6 (1911), стр. 127—170].

[39] П. А. Сырку. Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV—XVII веках. Житие св. Николая Нового Софийского по единственной рукописи XVI в. СПб., 1901; к этому см. еще: Ив. Снегаров. 1) Поглед към изворите за св. Никола (Софийски). — Годишник на Соф. унив., бог. фак., IX (1931—1932), стр. 1—74; 2) Пропуски и грешки в издадени книжовни паметници за св. Никола Софийски. — Там же, XI (1933—1934), стр. 1—26.

[40] П. А. Сырку. Очерки..., стр. 77.

ности».[41] Сразу же следует оговориться: цитата у Матвея Грамматика не совпадает полностью с греческим текстом. В болгарском переводе есть некоторые добавления, отсутствующие в греческом тексте. Ясно также, что Матвей Грамматик едва ли сам черпал сведения и цитаты из греческого текста Иосифа Флавия. Наиболее вероятным кажется то, что он использовал какой-то южнославянский перевод, являвшийся в известных местах парафразой первичному тексту Иосифа Флавия. Нам же остался существенный факт, что писания еврейского автора были известны одному южнославянскому писателю XVI в. Необходимо, следовательно, отбросить, как необоснованное, утверждение,[42] будто Иосиф Флавий вообще не был известен южнославянским писателям. При этом надо отметить, что речь идет не об «Истории Иудейской войны», которая могла быть использована и в ее русском переводе, а об «Иудейских древностях», насколько известно, не переведенных на древнерусский язык. В научной литературе, впрочем, давно указано на то, что Матвей Грамматик знал Иосифа Флавия.[43] Необходимо, однако, сейчас это признание подчеркнуть и сделать из него соответствующие выводы. Следует добавить и еще одно, хотя и недостаточно ясное сообщение. Переписчик и компилятор так называемого Паралипоменона Зонарина, а именно хилендарский монах Григорий, писавший во времена сербского деспота Стефана Лазаревича (1389—1427), в 1408 г. заявил, что выполнял и исправлял тексты, между прочим, по славянскому переводу, книг Писания: пять Моисеевых книг, Исуса Навина, Книгу судей, четыре книги Царств и две книги Паралипоменона, а вместе с этим «две историкие сродне».[44] Благодаря этому он довел изложение до пленения Израиля Навуходоносором. Когда-то П. А. Сырку истолковал последнее указание в том смысле, что речь здесь идет об использовании сочинений Иосифа Флавия,[45] в то время как М. Вайнгарт заявил, что это относится к использованию так называемых Книг летовниц в библейском тексте.[46] Для окончательного решения вопроса была бы необходима еще одна дополнительная проверка перевода Паралипоменона Зонары. Короче говоря, как мне кажется, вопрос о том, имели ли славяне какой-нибудь перевод Иосифа Флавия, в настоящее время следует считать открытым.[47]

---

[41] Flavius Josephus, Opera. I. Recogn. G. Dindorfius (Parisiis, 1865), стр. 371, 27—38: Antiquit. iudaic. X, cap. 3, 2: ὡς γὰρ τοῖς αὐτοῖς ἐπέμενον, πόλεμον ἐπ' αὐτοὺς ἐκίνει παρά τε τοῦ τῶν Βαβυλωνίων καὶ Χαλδαίων βασιλέως, ὃς στρατιὰν πέμψας εἰς τὴν Ἰουδαίαν τήν τε χώραν ἐλεηλάτησε καὶ τὸν βασιλέα Μανασσῆν, δόλῳ ληφθέντα καὶ πρὸς αὐτὸν ἀχθέντα, πρὸς ἣν ἐβούλετο τιμωρίαν εἶχεν ὑποχείριον. Ὁ δὲ Μανασσῆς τότε συνεὶς ἐν οἵοις κακοῖς ἐστι, καὶ πάντων αἴτιον ἑαυτὸν νομίζων, ἐδεῖτο τοῦ Θεοῦ παρασχεῖν αὐτῷ φιλάνθρωπον καὶ ἐλεήμονα τὸν πολέμιον. χαρίζεται δὲ τοῦτο τῆς ἱκεσίας ἐπακούσας ὁ Θεὸς αὐτῷ. καὶ πάλιν εἰς τὴν οἰκείαν ὁ Μανασσῆς ἀπολυθεὶς ὑπὸ τοῦ τῶν Βαβυλωνίων βασιλέως ἀνασώζεται. . .

[42] Weingart. Byzantské kroniky v literatuře cirkevněslovanské, I. Bratislava, 1922, стр. 30, ср. стр. 237, 238.

[43] П. А. Сырку. Очерки. . ., стр. CCLXVIII.

[44] Weingart. Byzantské kroniky. . ., стр. 125 сл.

[45] П. А. Сырку. Очерки. . ., стр. XCIV.

[46] Weingart. Byzantské kroniky. . ., стр. 130.

[47] Заслуживает упоминания написанное В. И. Ягичем (Archiv f. slav. Philol., II. 1877, стр. 18): «Im 16. Jhdt wurde nachweislich nach dem russ. Text eine serbische Redaktion des Textes ausgeführt (1585), was jedoch nicht ausschliesst, daß schon in früheren Jahrhunderten eine südslavische Übersetzung vorhanden gewesen. Vieles mochte ja den serbischen und bulgarischen mönchischen Schriftstellern des 16. Jhdts gänzlich unbekannt sein, was schon vor Jahrhunderten bei ihnen übersetzt worden war und nur durch russische Abschriften späterer Zeiten bis auf heutigen Tag sich erhalten hat oder auch in den Originalen selbst sehr früh nach Russland ausgewandert war und noch heute nur dort zu finden ist.» Р. Эйслер (R. Eisler. Die messianische Unabhängigkeitsbewegung. . ., I, стр. 151, 404) указывает на использование сочинений Иосифа Флавия охридским архиепископом конца XI—начала XII в. Теофилактом, однако это не имеет никакой

Первоначально сформулированное А. Берендсом, а затем основательно расширенное и разработанное Р. Эйслером положение о происхождении древнерусского перевода «Истории Иудейской войны», заключающееся в том, что этот перевод был выполнен не с общеизвестного ныне греческого текста сочинения, а по греческому переводу составленного на арамейском языке прототекста, встречает много возражений. Обстоятельное исследование Н. А. Мещерского[48] убедительно доказывает, что древнерусский переводчик использовал именно известный греческий текст «Истории Иудейской войны». В поддержку этого правильного в своей основе утверждения Н. А. Мещерского можно было бы привести высказанные уже довольно давно мнения некоторых критиков теории Р. Эйслера, работы которых остались ему, кажется, недоступными. Прежде всего заслуживает упоминания обстоятельная критика такого хорошего знатока вопроса, как Р. Лакёр,[49] который отбрасывает теорию Эйслера, заявив, что окончательное решение этого спора может быть дано лишь путем полного сопоставления древнерусского перевода с греческого не только «Истории Иудейской войны», но и других сочинений Иосифа Флавия. Близкого мнения придерживается и Е. Биккерман,[50] который указывает, что изменения и добавления в древнерусском переводе или вставлены в византийскую эпоху каким-нибудь византийским интерполятором, или же принадлежат славянскому переводчику. В поддержку такого понимания высказывается и итальянский исследователь Винченцо Усани в нескольких своих статьях.[51] Исходя из некоторых утверждений Р. Лакёра и из немецкого перевода Берендса—Граса, Усани продолжает сравнение греческого текста и славянского перевода,[52] анализирует некоторые места и показывает, что между двумя текстами разница «несуществующая и кажущаяся». Несомненно, следовательно, при рассмотрении вопроса об отношении между древнерусским переводом и известным греческим текстом «Истории Иудейской войны» надобно принимать во внимание и критические замечания упомянутых ученых, уже давно подготовивших почву для опровержения или по крайней мере для ограничения теории Р. Эйслера.

связи с литературной жизнью южных славян, так как речь идет о византийском писателе.

[48] См. специально: Н. А. Мещерский. История Иудейской войны..., стр. 69 и сл., 75 и др.

[49] R. Laqueur, Historische Zeitschrift, 148 (1933), стр. 326—338.

[50] E. Bickermann. Sur la version vieux-russe de Flavius-Josèphe. — Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves, IV (1936), стр. 53—84; ср. F. Dölger, Byzantische Zeitschrift, XXXVII (1937), стр. 496.

[51] См. специально: V. Ussani. 1) Giuseppe Greco, Giuseppe Slavo e Gorionide. — Rendiconti della R. Accademia Romana di archeologia, X, (1934), стр. 165—175; 2) L'Egesippo e il Giuseppe Slavo. — Там же, VIII (1933), стр. 227 и сл.; 3) I miei studi su Flavio Giuseppe e alcuni osservazioni su Gesù nel Giuseppe Slavo. — Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves, IV (1936), стр. 455—462; ср.: Byzantinoslavica, VII (1937—1938), стр. 370; см. последние работы: H. E. Del Medico. Les Esséniens dans l'oeuvre de Flavius Josèphe. — Byzantinoslavica, XIII, 1 (1952), стр. 1—45; XIII, 2 (1952—1953), стр. 189—226.

[52] При работе над статьей 1934 г. проф. В. Усани пригласил меня в Рим в 1933 г. проверить некоторые использованные им славянские тексты.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

Б. Л. БОГОРОДСКИЙ, Б. А. ЛАРИН и Д. С. ЛИХАЧЕВ

О словаре-комментарии «Слова о Полку Игореве»[1]

Общие положения

1. Сектор древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР предпринял составление «Словаря-комментария „Слова о полку Игореве“». Работа эта включена в план литературоведческого института не случайно. Потребность в «Словаре-комментарии „Слова о полку Игореве“» особенно сильна среди литературоведов, ибо изучение «Слова» в настоящее время зашло в тупик из-за отсутствия исходных фундаментальных работ, опираясь на которые можно было бы производить дальнейшие исследования. Каждый исследователь стиля «Слова», его языка, его идейного содержания, жанра, каждый переводчик «Слова» вынужден сам предпринимать розыски лексических и фразеологических параллелей, выяснять значение того или иного слова и т. д. В результате — неизбежная неполнота привлекаемых материалов и обидный отпечаток дилетантизма на работах по «Слову». Исследователи без конца повторяют друг друга и в конце концов вынуждены пользоваться случайными материалами, которые они не без труда обнаруживают.

2. «Словарь „Слова о полку Игореве“» выполняется для исследователей «Слова» и для тех его переводчиков, которые одновременно с его переводом ведут исследовательскую работу по истолкованию его текста; поэтому в «Словаре» не приводятся материалы, необходимые для изучения того или иного слова, встретившегося в «Слове о полку Игореве», с лексикографической точки зрения вообще, вне зависимости от «Слова о полку Игореве». Он ни в коем случае не подменяет собой общего словаря древнерусского языка.

«Словарь „Слова о полку Игореве“» предназначен служить пособием для решения тех или иных вопросов изучения «Слова». «Словарь» стремится открывать новые исследовательские перспективы, а не подытожить старые исследования. Соответственно этой задаче строятся, в частности, и словарные статьи: основное в них — это цитаты (иллюстрации) из памятников XI—XVI вв. (а отчасти и из более поздних, из записей фольклорных произведений и т. д.), дающие возможность для всех изучающих «Слово» дальнейших самостоятельных исследований. В «Словаре» не даются решения вопросов, если только эти решения не подготовлены достаточно основательно всем наличным материалом. Явно необоснованные толкования, сопоставления, конъектуры (а необоснованных толкований, сопоставлений, конъектур в литературе о «Слове» немало) не приводятся. Там, где это возможно, составители «Словаря» выделяют наиболее важ-

[1] Печатается для обсуждения.

ный с их точки зрения для решения вопросов материал, включая его в словарную статью (материал цитат, конъектур, комментарий и т. д.), стремясь вместе с тем к максимальной научной осторожности.

3. Многое в структуре «Словаря», в его частных особенностях, зависит от специфических трудностей изучения «Слова о полку Игореве»: отсутствия рукописей «Слова», краткости его текста, обилия в нем «темных мест», особого положения самого памятника среди других литературных произведений древней Руси, обилия необоснованных толкований в литературе о «Слове» и т. д. Поэтому «Словарь» ни в коем случае не может служить образцом для составления словарей произведений и писателей или представлять собою «тип словаря произведения или писателя». Структура «Словаря» сложна, материал, включаемый в «Словарь», разнороден, и самые словарные статьи не всегда однотипны.

Источники «Словаря»

4. В «Словаре» используются материалы картотеки ДРС («Древнерусского словаря»), находящейся в настоящее время в Москве в Институте русского языка АН СССР, диалектологические и фольклорные картотеки Словарного сектора Ленинградского отделения Института русского языка АН СССР. Весь иллюстративный (цитатный) материал картотек проверяется заново по последним изданиям памятников и по лучшим рукописям там, где это возможно. В тех случаях, когда цитата по тем или иным причинам проверена быть не может, отмечается источник, из которого она заимствована. Кроме того, используются печатные словари Срезневского, Даля, Востокова, словари областные, этимологические, славянских языков (украинского, белорусского, болгарского, сербского и др.).

5. Часть древнеславянских (и древнерусских) памятников, лексически близких к «Слову», расписывается заново: «Шестоднев» Иоанна Экзарха, Ипатьевская летопись, древнерусский перевод «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Задонщина», «Девгениево деяние», Александрия, Моление Даниила Заточника (по всем редакциям), известная приписка к псковскому Апостолу 1310 г. и др.

6. Помимо работ по древнерусской лексике используются отдельные лексические наблюдения в специальных исследованиях «Слова о полку Игореве» Ф. И. Буслаева,[2] Е. В. Барсова, Н. С. Тихонравова, И. И. Срезневского, Я. Грота, А. А. Потебни, Ф. Е. Корша, В. Н. Перетца («Слово о полку Игоревім». У Киïві, 1926; «Слово о полку Игореве» и исторические библейские книги. — СОРЯС, т. CI, № 3, 1928; «Слово о полку Игореве» и древнеславянский перевод библейских книг, — ИпоРЯС, 1930, т. III, кн. 1, и др.), Д. В. Айналова (ТОДРЛ, тт. III и IV; ИпоРЯС, 1928, т. I, кн. 2, и др.), Н. П. Андреева («Слово о полку Игореве» и народное творчество. — Народное творчество, 1938, № 5), Ю. М. Соколова («Слово о полку Игореве» и народное творчество. — Литературный критик, 1938, № 5), Н. С. Державина (Сборник статей и исследований в области славянской филологии. М., 1941: для «Трояна», учтя поправки А. Болдура в т. XV ТОДРЛ, М.—Л., 1948, и др.), А. С. Орлова, С. Е. Малова (Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве». — ИОЛЯ, т. V, в. 2, 1946), В. А. Гордлевского (о «босом волке» ИОЛЯ, 1947, № 4), Л. П. Якубинского (О языке «Слова о полку Игореве». — Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР, в. 2, 1948, и в кн.: История древнерусского языка. М., 1953). Из современных советских исследователей

---

[2] Названия общеизвестных работ здесь и в дальнейшем не указываются.

используются, в частности, работы по «Слову о полку Игореве» В. П. Адриановой-Перетц, Л. А. Булаховского, В. В. Виноградова, Н. К. Гудзия, Л. А. Дмитриева, С. И. Коткова, А. Н. Котляренко (Задонщина как памятник русского языка XIV в. — Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института, т. XV. Факультет языка и литературы, в. 4, Л., 1956), Н. А. Мещерского, А. А. Назаревского, В. Ф. Ржиги, В. П. Стеллецкого, Ф. П. Филина, Н. В. Шарлеманя, М. В. Щепкиной и нек. др.

7. Из иностранных работ в первую очередь используются работы, принадлежащие Б. С. Ангелову, Ю. Бешаровой, Н. Ван Вейк (О происхождении общеславянского слова «къметъ». — Slavia, R. IV, s. 2, 1925), Н. М. Дылевского, А. Зайончковского, Е. Ляцкого, К. Менгеса, Р. Нахтигаля, А. В. Соловьева, Д. Расовского («Тълковіны» — Semin. Kondakov., VIII, 1936), Р. М. Фасмера, Р. О. Якобсона и нек. др.

8. Из переводов «Слова» при составлении словарных статей учитываются только следующие: все переводы XVIII в. (Екатерининской копии, первого издания, в неизданных списках и т. д.), Н. М. Карамзина (История государства Российского, т. III. СПб., 1816, гл. VII. Поэзия, стр. 214—218 и примечания, стр. 262—272), М. А. Максимовича (в издании 1837 и 1879 гг.), В. А. Жуковского, материалы к переводу А. С. Пушкина и современные переводы: А. С. Орлова, Н. К. Гудзия, В. Ф. Ржиги, И. П. Еремина (в книге «Художественная проза Киевской Руси», 1957) и В. И. Стеллецкого.

Состав «Словаря»

9. В «Словаре» будет представлен весь словарный состав «Слова» (лексика и фразеология). Однако не все слова в «Слове о полку Игореве» представляют для «Словаря» одинаковую ценность, поэтому на те слова, которые более всего затруднительны исследователю «Слова», составляются особенно подробные словарные статьи, а на слова, ясные по значению, словарные статьи составляются по возможности краткие.

10. В основном «Словарь» составляется по тексту первого издания «Слова о полку Игореве» (1800 г.). Однако в текст первого издания вносятся общепринятые исправления (например: «къметь» вместо «къ меть» и др.). Кроме того, в «Словарь» вносятся наиболее известные из реконструируемых исследователями слов (например: «ходына», «оконить» и др.) и наиболее вероятные. Необходимость вносить в «Словарь» наиболее известные из реконструируемых исследователями слов, даже если в настоящее время нет веских оснований их принимать (как например, слово «стрикусы»), вызывается тем, что эти реконструкции в равной степени нуждаются как в подтверждающих материалах, так и в опровергающих их. Однако конъектуральные исправления текста вводятся в «Словарь» с большим выбором: явно необоснованные конъектуры в расчет не принимаются (таких необоснованных конъектур в литературе о «Слове» накопилось настолько много, что принимать их все во внимание значило бы перегрузить «Словарь» малоценным материалом). В заголовке словарной статьи реконструируемые исследователями слова ставятся в прямые скобки.

11. Если некоторые из современных и наиболее известных прочтений текста «Слова» не подтверждаются реально дошедшими до нас памятниками, то такого рода прочтения все же заносятся в «Словарь», а отсутствие документальных подтверждений к ним (например, к словам «шерешир», «Ходына» и др.) оговаривается особо.

12. В «Словарь» заносятся имена собственные («Ярославна», «Игорь», «Хорс», «Велес», «Боян», «Троян» и др.), прозвища «Буй Тур», «Осмо-

мысл»), географические наименования («Рим», «Рось» и пр.), названия народностей и жителей той или иной местности («русичи», «ятвяги», «куряне» и пр.), так как в тех случаях, когда эти имена и названия нечасто встречаются в памятниках, приведение параллельных материалов может представить существенный интерес, а в тех случаях, когда они вовсе не встречаются в памятниках, — для исследователей важен и этот факт сам по себе.

13. Разные лексические формы одних и тех же слов («град» и «город», «глава» и «голова», «древо» и «дерево» и т. п.) даются отдельно, но с перекрестными отсылками.

14. Слова, встречающиеся в «Слове о полку Игореве» только в устойчивых фразеологических словосочетаниях, отдельно не объясняются (например, в «Словаре» не будет отдельной словарной статьи на слово «божий», а будет словарная статья на словосочетание «суд божий»). Устойчивым словосочетанием в «Словаре „Слова о полку Игореве"» признается более или менее часто встречающееся в памятниках сочетание слов, обладающее к тому же особым оттенком значения (приведенное словосочетание «суд божий», весьма частое в памятниках письменности и фольклора, имеет не только значение «суда бога», но и особое значение «смерть»; это последнее значение ясно в том месте «Слова о полку Игореве», где говорится, что и «птице гораздой» «суда божиа не минути»).

Цитирование источников

15. Цитаты должны быть непременно полными, чтобы в синтаксически законченном и семантически развернутом виде показать как значение, так и употребление слова.

16. Цитаты с употреблением данного слова в «Слове о полку Игореве» приводятся в словарной статье по возможности все. Они распределяются по значениям слова и приводятся в начале каждого раздела словарной статьи, посвященной тому или иному значению. И лишь в тех случаях, когда служебное слово употреблено в «Слове о полку Игореве» много раз в одном и том же значении (некоторые союзы, предлоги и др.) приводятся два-три примера и затем даются исчерпывающие ссылки на страницы и строки первого издания, где оно встречается.

17. Особое внимание при подборе памятников для цитирования уделяется памятникам, близким к «Слову о полку Игореве» хронологически и в жанровом отношении (последнее в широком смысле: например, светские памятники цитируются предпочтительнее, чем чисто церковные, литературные памятники предпочитаются нелитературным и т. д.).

18. Наибольшее внимание уделяется в «Словаре» цитатам из памятников XI—XVI вв. Памятники позднейшие цитируются только тогда, когда нет соответствующих примеров из памятников более ранних.

Особое внимание уделяется также цитатам из фольклорных произведений (независимо от времени их записи).

19. При наличии многих цитат на одно и тоже значение из хронологически и жанрово близких между собой памятников древнерусской литературы предпочтение отдается стилистически близким. Если в словарной статье нет стилистически близких примеров, то это означает, что они не были найдены составителем.

20. Большое внимание в цитатном материале уделяется устойчивым словосочетаниям, встречающимся в «Слове» (см. выше § 14), так как именно эти устойчивые сочетания могут дать особенно важный материал в языковедческом и литературоведческом анализе «Слова».

21. Хронологически первое употребление определяемого слова в каком-либо из памятников древнерусской письменности приводится всегда, независимо от характера контекста. Цитаты располагаются в словарной статье в хронологическом порядке. Вначале идут древнейшие цитаты. Отсутствие в словарной статье хронологически близких «Слову о полку Игореве» цитатных материалов означает, что они не были найдены составителем.[3]

22. Дата цитаты выставляется обязательно (позади цитаты в скобках). В необходимых случаях ставятся две даты — дата цитируемого списка и дата создания произведения по данным последних исследований его.

Перед цитатой из летописи выставляется год летописной статьи. Цитаты из летописей датируются (также позади цитаты в скобках) временем создания этих летописей — по А. А. Шахматову, М. Д. Приселкову, Н. Ф. Лаврову и А. Н. Насонову. Перечисленные исследователи придавали особенное значение тщательному изучению истории текста летописей, и методика определения ими времени создания летописей может считаться наиболее совершенной.

23. История текста произведений принимается во внимание во всех случаях. Консультации у специалистов — литературоведов и источниковедов-историков обязательны. Обязательность консультаций вызывается тем, что не только даты произведения и древнейшего его списка бывают иногда очень сомнительны, но и само произведение часто представляет собой соединение разновременных частей. Так, например, «Повесть о разорении Рязани» может быть датирована концом XIII—началом XIV в., но плач Ингваря Ингоревича в ней — не ранее середины XV в. В житиях святых особенно часты позднейшие добавления чудес. Крайне разновременен текст летописей (так, например, в Никоновской летописи или в Воскресенской могут стоять рядом отрывки XIII и XVI вв.). Почти нет произведений XI—XV вв., текст которых мог бы считаться единым, составленным в одно время.

24. Фольклорные материалы приводятся без ограничения временем их записи, также — материалы диалектные и иноязычные.

25. Греческие параллели к цитатам из переводных памятников приводятся только в тех случаях, когда русское слово неясно или когда греческое слово (или целое выражение) помогает установить какие-то дополнительные оттенки значения (например, к слову «бебрянъ» цитаты из древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия с соответствующими параллелями из греческого текста, показывающими, что слово это употреблено в значении «шелковый»).

26. Словари Срезневского, Востокова, Даля и других привлекаются в тех случаях, когда они являются первостепенными вспомогательными источниками. Однако вливать материалы И. И. Срезневского в словарные статьи «Словаря» по рубрикам значений определяемого слова было бы невозможно. Дело не только в том, что мы не всегда можем принять определения значений слов Срезневского, Даля и других или их схемы значений, но и в том еще, что в их словарях при внимательном рассмотрении оказывается много различных спорных мест, примеров и толкований. В частности, иногда И. И. Срезневский приводит слова, не разделяя их по значениям. Поэтому, разнося материалы И. И. Срезневского по значениям, пришлось бы их исправлять, а это чрезвычайно усложнило бы задачу

---

[3] Необходимо иметь в виду, что в некоторых случаях цитаты к достаточно простым и, очевидно, общеупотребительным в XII в. словам могут быть подобраны только из поздних памятников (так, например, на букву «г» к таким словам относятся: «голос», «горностай», «гоголь», «година» и ряд других).

составителя «Словаря» и могло бы привести к недоразумениям у читателя. Поэтому материалы из словарей приводятся в конце словарной статьи под рубрикой «Ср.».

Определение значений

27. Определения значений даются максимально точно, но по возможности в общей форме, без детализации.

28. Основной принцип «Словаря» — исчерпанность, поэтому в «Словаре» приводятся все значения слова, встречающиеся в памятниках до XVI в. включительно. Необходимо считаться с тем, что невозможно заранее предусмотреть — чтó именно понадобится будущему исследователю «Слова». Иногда, в частности в стилистическом анализе памятника, необходимы и те значения слов, которые в памятнике не встречаются. Так, например, в стилистическом анализе памятника важно установить, пользуется ли автор по преимуществу основными значениями слова или вторичными, отвлеченными или конкретными и т. п. Само собой разумеется, что цитатами из памятников иллюстрируются по преимуществу те значения, которые в «Слове» встречаются; на те же значения, которые явно в «Слове» не употреблены, приводится минимальное количество примеров (два-три). Приведение в с е х значений того или иного слова по памятникам до XVI в. включительно необходимо и для решения научных споров (например, к словам «болван», «бусый», «обесить» и пр.).

29. Омонимы, появившиеся позднее XVI в. и не имеющие отношения к «Слову о полку Игореве», не приводятся.

30. Значения слов, не встречающиеся в «Слове» и извлекаемые из памятников более поздних, чем XVI в., не приводятся. Приводятся только те значения, извлекаемые из памятников более поздних, чем XVI в., которые встречаются в «Слове», но не могут быть подтверждены примерами более ранними. Безусловно не приводятся те значения слов, в отношении которых мы можем с уверенностью утверждать, что они появились после создания «Слова» (но когда есть необходимость предупредить читателя, что данное значение относится к более позднему времени, оно все же приводится с соответствующими указаниями и доказательствами).

31. Однозначные слова, семантика которых полностью совпадает с современной (например, «дятел»), даются в «Словаре» кратко, с одним-двумя примерами из памятников, но без определений значения.

32. Каждое значение слова дается отдельно со всем относящимся сюда цитатным материалом. Однако мы против излишней детализации значений слов во избежание анахронизмов, модернизации. Например, для «Слова о полку Игореве» не следует дифференцировать значение слова «богородица» следующим образом: 1) «матерь бога», 2) «церковь во имя богородицы» и 3) «икона богородицы», так как все эти значения в «Слове о полку Игореве» совместны: Игорь в «Слове» едет к богородице Пирогощей: и к зданию церкви во имя богородицы, и к иконе богородицы, и к божьей матери.

33. Метафорическое употребление слова выделяется пометой «перен.» и объясняется, если это переносное значение вполне точно, а в тех случаях, когда значение метафоры несколько расплывчато, неуловимо, дается перевод словосочетания. Если переносное значение объясняется в свою очередь переносным словом или выражением, то последние заключаются в кавычки.

34. Пометы стилистического характера ставятся весьма скупо, только там, где они безусловно необходимы и могут быть поставлены с полной

уверенностью. Следует отметить, что в цитатах из «Слова о полку Игореве» расстановка их связана с очень большими трудностями, практически они здесь вообще не нужны, но в материалах из других источников (особенно поздних) они могут понадобиться. Список стилистических помет пока не может быть составлен в окончательном виде, так как нельзя еще предусмотреть всего того разнородного материала, который будет привлечен к «Словарю». Список будет пополняться в ходе работы.

35. Если иные грамматические формы, чем в «Слове» (краткое прилагательное при полном, прилагательное при существительном, иной вид глагола и т. п.), помогают понять значение слова в «Слове о полку Игореве», то они приводятся в конце статьи, посвященной данному значению, под рубрикой «Ср.» с соответствующими цитатами. Под этой рубрикой могут приводиться также всякого рода однокоренные слова и даже сходные словосочетания, если они в какой-то мере помогают уяснить значение определяемого слова (например, к слову «бебрян» — «бебр» и «бобр», к слову «бусый» — «бусеть», «бусота» и т. д.).

36. Грамматические формы слова в «Словаре» поясняются в скобках в самих цитатах из «Слова» в тех случаях, когда эти формы спорны или неясны.

37. Первыми в словарной статье ставятся те значения слова, которые наличествуют в «Слове о полку Игореве». Эти значения иллюстрируются наибольшим числом примеров.

Комментарии

38. В необходимых случаях после словарной статьи в качестве приложения к ней даются комментарии. Комментарии могут быть посвящены разнообразным вопросам: происхождению слова или стойкого словосочетания, выяснению их значения и т. д. Однако в комментариях приводится только тот материал, который необходим для исследователей «Слова о полку Игореве», а не для исследователей истории данного слова вообще, поэтому, например, этимология данного слова дается только для слов иноязычного происхождения и только в тех случаях, когда она помогает уяснить значение данного слова в «Слове о полку Игореве». Особое внимание в комментариях «Словаря» уделяется комментариям реальным (например, к словам «червленый» по В. А. Щавинскому, «харалужный» по Б. А. Рыбакову и Б. А. Колчину, словосочетанию «копие преломити» и пр.). Слов, требующих реального комментария, в «Слове о полку Игореве» сравнительно немного, поэтому в целом реальные комментарии будут занимать в «Словаре» относительно мало места.

39. При ссылках на исследовательскую литературу учитывается приоритет ученых в истолковании того или иного места «Слова». Работы, в которых материал взят из вторых рук, не цитируются. Цитируются только работы, дающие оригинальные толкования, когда эти оригинальные толкования достаточно обоснованы и предоставляют, несмотря на возможную свою спорность, научный интерес.

40. В отдельных случаях в словаре приводится изобразительный материал: рисунки и фотографические снимки с предметов, миниатюр, икон и т. д. для пояснения тех или иных слов (например: паволока, оксамитъ, хорюгвь, хоботъ, чолка, вежа, забралы, кнѣсъ, столъ, засапожникъ, туръ, шереширъ, ожерелие, сулица ляцкая, щитъ ляцкий, шеломъ латинский, шеломъ литовский, шеломъ оварский, насадъ — всего около 40—50 иллюстраций на весь «Словарь»).

41. В подразделе комментариев в необходимых случаях приводятся параллели из других славянских языков (украинского, белорусского, болгарского, сербского, польского и др.).

Орфографическая унификация и техническое оформление

42. Все цитаты из памятников (кроме цитат из «Слова о полку Игореве»), независимо от того, взяты ли они из рукописей или из изданий, даются с орфографическими упрощениями: титла раскрываются; выносные буквы вносятся в строку; «и» десятиричное, фита, ижица, юсы заменяются современными буквами; «ѣ» и «ъ» сохраняются всюду; выносные буквы без титла вносятся в строку без «ъ», с титлом — с «ъ». Полное воспроизведение всей пестроты орфографии с XI по XVI в. с точки зрения лексикографической не представляет особой необходимости. С другой стороны, соблюдение всех особенностей орфографии создало бы ряд технических неудобств набора. Пунктуационные знаки вводятся современные (точка, запятая, кавычки и знак вопроса), но употребляются минимально — только там, где это необходимо для облегчения понимания смысла. Цитаты из «Слова» приводятся с сохранением всех особенностей первого издания и Екатерининской копии — за исключением знаков препинания, которые расставляются согласно современному пониманию текста.

Построение словарной статьи

43. Обилие разнородного материала создает особые трудности в построении словарной статьи. Материал в словарной статье членится следующим образом:

А. В начале словарной статьи располагается ее заголовочная часть. Все слова даются в заголовочной части словарной статьи в своей начальной грамматической форме. В тех случаях, когда начальную форму слова восстановить затруднительно (например, от «запала»), то слово дается в той форме, в которой оно встречается в «Слове», а начальные формы реконструируются предположительно и даются рядом в прямых скобках: [запалать; запасть]. В прямых скобках даются также, как уже было сказано, слова, реконструируемые исследователями. Заглавные слова словарных статей даются в современном написании, если они известны современному русскому языку. К ним с помощью знака равенства присоединяются формы из «Слова о полку Игореве». Заголовочная часть набирается цицеро.

Б. После заголовочной части идет цитатный материал, разбиваемый по значениям. Вначале идут подразделы, посвященные значениям, которые наличествуют в «Слове» (или наиболее вероятны в «Слове»), а затем — подразделы для тех значений, которые в «Слове» не отражены. После подразделов, посвященных отдельным значениям слова, в том же порядке следуют подразделы, посвященные встречающимся в «Слове о полку Игореве» переносным значениям слова, а затем — устойчивым словосочетаниям с наличием заголовочного слова. В этих подразделах также сперва помещаются цитаты из письменных памятников, а затем из фольклора. Разделы словарной статьи, посвященные каждому значению и каждому устойчивому словосочетанию, строятся следующим образом: сперва идут цитаты из «Слова о полку Игореве» (если они есть для данного значения), набираемые корпусом полужирным шрифтом, затем — цитаты из других памятни-

ков XI—XVII вв., набираемые корпусом светлым шрифтом, далее приводятся цитаты из памятников более поздних и из фольклора, набираемые светлым петитом. Фольклорный материал распределяется в словарной статье в последовательности наибольшей стилистической их близости к соответствующему месту «Слова»; при этом стихотворные строки печатаются в подбор, а окончания стихотворных строк отмечаются вертикальной чертой. Цитаты из поздних памятников отделяются от цитат из фольклорных произведений, а эти последние — от материалов диалектных треугольниками. Курсив применяется для условного обозначения цитируемого памятника (условные обозначения раскрываются в конце «Словаря» в особом списке).

В. В конце словарной статьи под рубрикой «Ср.» приводятся в следующей последовательности вспомогательные материалы: 1) материалы на иные лексические формы (например, к слову «бебрянъ» — «бебръ» и «боберь»), 2) данные областных словарей, 3) этимологические справки, 4) иноязычные материалы (славянские, греческие, тюркские и пр.), 5) комментарии (толкования исследователей «Слова», а затем составителей «Словаря»). Этот раздел статьи набирается петитом. Заголовочные части на иные лексические формы слова печатаются полужирным петитом. Фамилии исследователей в комментариях печатаются полужирным петитом. Названия работ исследователей приводятся в условных сокращениях (эти сокращения раскрываются в конце «Словаря» в особом списке).

44. Разделы «А», «Б» и «В», а внутри раздела «Б» подразделы, посвященные отдельным значениям, набираются с абзацев. Весь остальной материал дается в подбор.

Вспомогательные материалы

45. В конце «Словаря» помещается список использованных источников с указаниями принятых сокращений их наименований. Отдельно дается список условных обозначений (стилистических помет и пр.).

Выполнение «Словаря»

46. Предполагаемый объем «Словаря» — 120 печатных листов. Срок завершения авторской работы — 1965 г., а завершение редакторской работы — 1967 г. Предполагается, что «Словарь» будет выходить отдельными выпусками начиная с 1961 г. Всего намечено шесть выпусков по 20 печатных листов в каждом.

Исполнители «Словаря»

47. Вся основная работа по составлению «Словаря» лежит на младшем научном сотруднике Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР кандидате филологических наук В. Л. Виноградовой. В основном работа ведется ею в Москве, где хранится в настоящее время картотека ДРС. В. Л. Виноградова будет значиться на титульном листе «Словаря» как его автор. Техническая редактура «Словаря» (выверка цитат, техническое оформление статей) проводится младшим научным сотрудником Отдела древнерусской литературы Н. С. Сарафановой. Редакционная коллегия «Словаря» состоит из Б. Л. Богородского, Б. А. Ларина и Д. С. Лихачева.

ПРОБНЫЕ СЛОВАРНЫЕ СТАТЬИ

Багряный, -ая, -ое — густо-красный, темно-красный

Темно бо бѣ в г҃ день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста и съ нимъ молодая мѣсяца... *25.*

Тогда поятъ Пилатъ Исуса ... и въ ризу багъряну облѣкошя и... *Остр. Ев., 183 (1056—1057 гг.).* Яко же пакы въ дузѣ свойства суть — чрьвеное и сине и зелено и багъряно суштиемь, купьно естьствьно и едино и неизмутьно. *Изб. Св., 247 (1073 г.).* Нъ егда царя узримь, то уже тѣх никоего ж не зримь, не бо нъ единъ ны отвраштает и багряныа его ризы, и вѣнець, и окрилъ, и багьри... *Златостр., 41 (XII в.).* 980: Сугуба одѣнья сотворить мужеви своему, очервьлена и багряна собѣ одѣнья. *Лавр. лет. (Пов. врем. лет), 57 (1377 г.).* Колесници же серпоносны источени въ камени багранѣ, и коньници, яко мънѣти я текущая. *Александрия, 92 (XV в. ~ XII в.).* ...взялъ у нихъ силно пятнатцать локоть тафты червьчатые бурьские, да камку багряну кафинскую. *Польск. д., I, 11 (1488 г.).* И утворена бысть златомъ и сребромъ и одеждя твоа багряны (καὶ τὰ περιβόλαιά σου βύσσινα). *Библ. Генн., Иезек., XVI, 13 (1499 г. ~ XI в.).* Кыи же баснем законъ повелѣваетъ черви честно пряденая прядива плести, яко омачениемь повапленa багрянымъ смѣряють высоту царьствующи по земли. *Шестоднев Г. Пизиды, 38 (XV в. ~ 1385 г.).* ...ту стоить столпъ правовѣрнаго царя Констянтина от багряна камени, от Рима привезенъ; на връх его крестъ... *Х. Стеф. Новг., 53 (XVI в. ~ XIV в.).* ...постави жъ и пречюдный онъ столпъ багряный... *Пов. о. Цр., 4, (к. XVI в. ~ XV в.).* Вълазяще въ опщину таины Христовы и в суботы и в недѣли, и поясы да отрѣшают (иноки), и козлины полагают, и с куколми да влазят, на них же хрестьци багряныи повели нашати им. *Крмч. Балаш., 347 (перв. четв. XVI в.)* ...солнце оградися дугами, и бяху сини и зелены и желты и черлены и багряны... *Стп., 305 (XVI—XVII в. ~ 1560 г.).* Лутчши мнѣ у тебя (князя) в дерюге служити, нежели у боярина в багрянѣ свите ходити. *Сл. Дан. Зат., 85 (вт. пол. XVI в. ~ XIII в.).*

Ср. ***И. И. Срезневский*** *(Материалы, I)*; Багряный-багъряный — червленый, purpureus. ***В. И. Даль*** *(ТСЖВЯ, 1):* Багровый — червленый, пурпуровый, самого яркого и густого красного цвета, но никак не с огненным отливом, а с едва заметною просинью... Багряный — червленый же, но менее густой, алее, без синевы; это самый яркий, но и самый чистый красный. ***Б. Гринченко*** *(Сл. укр. мови, 1):* Багряний-багровый — ярко-красный. Багривий-багрий — темно-красный. ***М. А. Караулов*** *(Сл. Терск. обл., 52):* Багряный пр. — полосатый: Ишь багрянай бык пашол. ***Е. В. Барсов*** *(Сл. о п. Иг., III, 11):* Багряная или пурпурная краска выделывалась из морской улитки, известной под именем Murex. Багряные украшения в греко-римском мире первоначально были исключительным преимуществом государей, но затем употребление их мало-помалу стало всеобщим.

Бебрянъ — из шелка особой выделки

«Полечю, — рече (Ярославна), — зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ.» *38.*

...и внидѣ Еуспасианъ с Титомъ, вѣнчана вѣтвьми дафинными и облъчена в ризы перфирныя, и идоста въ Охтауиныи исход... Устроена же има бѣста два престола слонова пред комарами, на нею же сѣдоста. И абие вои въскликаша, славяще и хваляще я... Стоаху же без оружиа, въ ризах бебрянях (вар. бьбрьнах, бъбрянах; σηρικαῖς), вѣнчани дафиньи. *Флавий, Полон. Иерус., 445 (к. XV—XVI в. ~ XII в.).*

Ср. 1. **Бебръ, беберъ** — шелковая ткань.

Въскорьмѣхъ и҆... медом и вином... и одѣхъ и҆ бебромъ и брачином (*перевод А. Д. Григорьева сирийской версии:* и я воспитывал своего сына на меде... и одевал его в тонкое полотно и пурпур; *арабской версии:* и я растил его маслом, медом и сливками, одевая его в шелк и пурпур; *армянской версии:* я одел его в виссон и пурпур). *Пов. об. Акире, 10—11 (XV в. ~ XI—XII вв.).* Изиди и҆ противу мнѣ и поими 1000 девиць целяди моея, иже мужа не знают, одѣвша а и въ беберъ и въ бранину да мя оплачють (*перевод А. Д. Григорьева сирийской версии:* ...чтобы она привела с собой из дочерей моего рода девушек 1000 и одну; и пусть они наденут траурную одежду, рыдают, вопят и плачут надо мной; *арабской версии:* ...чтобы она вышла мне навстречу и привела с собой тысячу девушек, одев их в шелк и пурпур, чтобы они пролили слезы и оплакали меня; *армянской версии:* ...ты вышли навстречу мне 1000 дев; и вели им надеть платье печали, и вели им скорбеть обо мне и оплакивать меня). *Там же, 132—133.*

2. **Беберь, бебрь** — бобр.

Арьбанасинь беберь есть. *Пам. отр. р. лит., II, 441 (сербск. ркп.; XV в.).* В Азбуковниках...: Бебрь есть зверь нарицаемый мъскус, мало животно; зовутъ же его домашнии своим языкомъ бобръ, гоняще его стрѣляють *(Е. В. Барсов. Сл. о п. Иг., III, 14).*

Ср. И. И. Срезневский *(Материалы, I):* До сих пор так (бебръ) называется бобр в галиц.-рус. наречии в Коломийск. уезде и в Мармороме.

▲ *Ср.:* То козак Голота ...добрим конем гуляє, | Ой став татарин к нему приїжати, ... | Голота нагайкою стріли отбиває | «Ей, ти, татарюго, сідий, бородатий, | На що ти уповаєш? | Чи на свою шапку бирку, | Що шовком шита ...? Чи на свої постоли боброви, | Що шовкові волоки — | В одну сталь | З валу? *Ант. и Драг., Ист п. малорус. нар., 1, 171—172.* Ой чия ж то жина | Через речка брыла, | Помочила бобры | И чорные соболи | Чорные соболёчки? *Шейн, Белорус. сб., 18.* Вой я мацери куплю шубу боброву, | Сестрице одной — платок шалковый... *Там же, 411.*

В названиях водоемов: Бебра впадает в Вязму, а другая при Райгороде в Ятвезу. *Барсов, там же, 15.* Бебро озеро в Новгородском уезде; река Бебра у Дорогобужа (левый приток Днепра) и Бебрина над Савой. *Собр. М. П. Погодина № 2018, Историко-географ. словарь Ходаковского, 1, 59 об., 492.* Речка Бебрейка Вяз. у. *ПКМГ, II, 575.*

Дер. Бебрино Тв. у. *Там же, 124* ...из села из Беберева... *А. Юш., 153 (1554 г.).*

Как прозвища: Дано детенышю Грише Иванову... оброку рубль, порука по нем Семен Бебря. *Прих.-расх. кн. Волокол. № 3, 263 (1573—1574 гг.).* Василию зовомому по реклому Бебря. *Ж. Ант. С., 55 (1579 г.).* ...диячокъ Гриша Фроловъ сынъ Бебринъ. *Кн. ям. новг., 106 (1601 г.).*

Ср. Н. А. Мещерский [*«К вопросу о территориальном приурочении первоначального текста „Слова о полку Игореве" по данным лексики». Уч. зап. Карельск. пед. инст., т. III, в. 1 (сер. истор.-филол. наук), 1956 г., стр. 78*]: ...прилагательным бебрян древнерусский язык мог обозначать не бобровый мех, а драгоценную шелковую ткань. Это находит свое соответствие и в другом памятнике, непосредственно переведенном в XI в. с еврейского языка на древнерусский, в книге «Есфирь», глава 1, стих 6; словом — бобръ передано еврейское hur. — белый виссон, драгоценная белоснежная ткань. Не уместно ли применить это речение и в контексте плача Ярославны. Несомненно, утирать князю кровавую рану удобнее рукавом из белой шелковой или драгоценной белоснежной льняной ткани, чем меховой оторочкой рукава, к тому же омоченного в речной воде. Такое значение прилагательного бебрян ведет нас снова на древнерусский юго-восток, в пограничные с хазарами области, так как арабские источники свидетельствуют, что одним и тем же словом хазу хазар обозначался и бобровый мех и шелк.

Ср. старосл. Бебръ, бьбръ, бобръ; словенск. beber, breber; верхнелужицк. bobr, bjebr; болг. бъбъръ, беберъ; польск. bober; чеш. bobr; сербохорв. bobr, dabar.

Вежа

1. Кибитка, шатер кочевников.

... стукну земля, въшумѣ трава, вежи ся половецкіи подвизашася. А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростію и бѣлым гоголемъ на воду. *40—41.*

898: Идоша Угри мимо Киевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Угорьское, и пришедъше къ Днѣпру и сташа вежами. *Лавр. лет. (Пов. врем. лет), 25 (1377 г.).* 1103: Взяша бо тогда скоты, и овцѣ, и конѣ, и вельблуды, и вежѣ с добытком и с челядью, и заяша Печенѣгы и Торкы с вежами. *Там же, 279.* 1109: Дмитръ Иворовичь взя вежѣ Половечскыѣ у Дону. *Там же, 284.* 1199: Половци же слышавше походъ его (Всеволода Юрьевича) бѣжаша и с вежами к морю. *Лавр. лет., 414 (1377 г.).* 1202: Тое же зимы ходи Романъ князь на Половци и взя вежѣ Половечьскыѣ... *Там же, 418.* 1185: Тоѣ же веснѣ князь Святославъ посла Романа Нездиловича, с Берендици, на поганыѣ Половцѣ; ... взяша вѣжѣ Половецькѣи, много полона и коний... *Ипат. лет., 637 (XV в.).* 1185: Сии же (Игорь и Лавр) пришедъ ко рѣцѣ и перебредъ, и всѣде на конь, и тако поидоста сквозѣ вѣжа. *Там же, 651.* 1147: ... и иде князь велики Изяславъ Мстиславичь въ Киевъ на свой столъ, а Половци идоша въ поле въ своа вежи. *Ник. лет., IX, 173 (XVI в.).* ...половцы живяху, в вежах своих качюющи... *Каз. ист., 124 (XVI в.).*

‖Шалаш лопарей, одетый пластами дерна.

Велите, государи, намъ платить за всякие доходы... съ вежъ нашихъ, по 20 по шти алтынъ по 4 денги съ вежи. *ДАИ, XI, 2 (Чел. лопарей; 1684 г.).*

Ср. ***В. И. Даль*** *(ТСВЖЯ, 1):* Вежа, вѣжа — стар. намет, палатка; кочевой шалаш, юрта, кибитка... ***А. А. Потебня*** *(К истории звуков рус. языка, III. Этимол. и др. заметки, Варшава, 1881, стр. 41):* ...вежа есть кибитка, перевозное жилье кочевников: угров, ... торков, берендичей, половцев. Преобладающее написание с «е», а не с «ѣ», которое могло появиться под пером великорусских переписчиков, дает возможность отнести вежа к barh, vehere, везти и сблизить с скр. bah-ja; ср. vehiculum, отсюда носилки и пр.

2. Башня.

1190: Того же лѣта ускочи Володимерь Ярославичь изъ Угоръ, из вежѣ каменое, ту бо держашеть и король. *Ипат. лет., 666 (XV в.).* 1190: Поставленъ бо бѣ ему шатеръ на вежи, онъ же изрѣзавъ шатеръ и сви собѣ ужище, и свѣсися оттуду доловь. *Там же, 666.* 1259: Вежа же средѣ города высока, яко же бити с нея окрестъ града, подсздана каменьемь вь высоту 15 лакотъ, создана же сама девомъ (древомъ) тесанымъ и убѣлена яко сыръ. *Там же, 844.* Вежами, сирѣчь башнями, огражден (град). *Пр. Ар. К., 3, (1686 г.).* И столпы постави высокы зѣло, ... и сыны создавъ круглы, сирѣч вежи, полаты, прелѣпы, и ограды... И нарече имя граду тому Иродовъ. *Флавий. Полон. Иерус., 207 (к. XV—XVI вв. ~ XII в.).*

‖Подвижная башня для штурма города.

1097: И ста Давидъ, оступивъ град, и часто приступаше. Единою поступиша к граду под вежеми. *Лавр. лет. (Пов. врем. лет.), 271 (1377 г.).*

Ср. ***А. А. Потебня:*** Каким образом произошел переход от значения кибитки, кухни к зн. башни, это кажется спорным ... мне кажется возможным переход от воза, наложенного, напр., сеном, до последнего времени употребляемого как защита и средство

подступить к осажденным (см. Гр. Л. Толстого «Казаки»), к стенобитной и т. п. башне (*там же, стр. 42*).

Ср. укр. в е ж а, польск. w i e ż a; чешск. v e ž — башня, каланча.

3. Жилое помещение, дом.

В градѣ Дорогобужи нѣкая жена, раба сущи, дѣлаше въ в е ж и повелѣниемь госпожа своея в дьнь святого Николы и вънезапу явиста еи святая страстотрьпьца прѣтяща и глаголюща еи: „По что тако твориши въ дьнь святого Николы, се ти сътворивѣ казнь". И се рекъша разметаста храмину ту, жену же ту акы мрьтву сътвориста. *Ж. Бор. Глеб. (Сказ.) (Усп. сб.), 33 (XII в. ~ XI в.).*

▲ Верх Бескида калинова, / Там ми стоіт в е ж а нова, / А в той в е ж и Янчик лежит, / Порубаный, пострѣляный... *Головац., Галиц. нар. п., 1, 141.*

Ср. **А. А. Потебня** ... то же слово (в е ж а — кибитка) получило значение постоянного, вероятно снабженного очагом или другою топкою жилья, б. м. именно кухни. В этом смысле... можно понимать известное место лет. под 946: «...и тако възгарахуся голубьници..., ово клѣти, ево в е ж ѣ, ово ли одрины...». Что это было нечто однородное с винницею, погребом (стало быть, не сени, не гридня, не одрина — спальня), что там варили, видно из мест у вост. славян: «иже безъ времени идеть въ в е ж ю или въ виньницю, развѣ повелѣния строитель», Кормч. XIII в.; «иде в в е ж ю и сварши зелие», Жит. св., XVI в... У хорв. угорских v e ž a, кухня..., тоже в румынском..., у хорут. — сени (*Там же, стр. 41—42*). **И. И. Срезневский** (*Чт. о древн. русск. лет., СПб., 1862, стр. 33*): Домы назывались и в е ж а м и... В Люнебургском наречии значение в е ж и в смысле дома утвердилось исключительно (wiso = визо = вижа).

4. Специально оборудованное место для ловли рыбы, рыбное угодье.

Да на томъ же погостѣ 4 в е ж и рыбные владычни... Да съ тѣхъ же в е ж ъ рыболове рыбу ловятъ. *Новг. писц. кн., IV, 11 (1498 г.).* Да в той же волости у христианъ на погосте на Куретцку 4 в е ж и рыбныя, да въ Коплицахъ на устье и въ Глиницахъ 3 в е ж и, и въ техъ в е ж а х ъ ловити христианомъ рыба по старине. *Новг. писц. кн., V, 295 (1551 г.).* ...и на Погореломъ 14 в е ж ъ рыбныхъ, а неводовъ у нихъ 33 и съ теми, что ловятъ изъ дворовъ, и въ техъ в е ж а х ъ хрестьяномъ ловити рыба по старине. *Там же, 414.*

Ср. **Г. Е. Кочин** (*Материалы для термин. словаря др. России. М.—Л., 1937, 42*): В е ж а рыбная — угодье.

Веять = вѣяти

1. Дуть (о ветре).

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: «О вѣтрѣ, вѣтрило! чему, господине, насильно в ѣ е ш и? ...Мало ли ти бяшетъ горъ подъ облакы в ѣ я т и, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселие по ковылію р а з в ѣ я?» *38.*

И аще блага есть, и на людьское полѣ понесѣтся (душа, отделенная от тела), иже есть за окьяном, иде же есть мѣсто, не тяжимо ни дождемь, ни снѣгомь, ни сълньчьнымъ сианиемь, но духъ тих от окьяна и благовоненъ югъ, в ѣ ю щ ь на нь. *Флавий. Полон. Иерус., 255—256 (к. XV—XVI в. ~ XII в.).* 1380: ...ззади по немъ кроткий и тихий вѣтръ в ѣ а ш е и дыхаше. *Ник. лет., XI, 54 (XVI в.).* ...сей есть иже пѣскомъ предѣлы положи и огради море, и водамъ повелѣ изнести душа живы и вѣтромъ в ѣ а т и. *ВМЧ, сент. 14—24, 761 (XVI в.).*

▲ Сидит она во тереме высокоем... | На ню буйные ветрышки не в е я л и, | На ню красное солнышко не пекло. *Рыбн., Песни, I, 328.*

Под горою ветер в е е т, | Девчоночка ржицу сеет, | Она сеет, высевает... *Собол., ВНП, I, 320.*

Проведу ли трубушки я что до сама неба... | Ветры в эти трубы веют — завывают, | А меня ль, молодчика, горе разбирает. *Там же, III, 429.* Вiют ветрушки на уличке буйнешенько, | Как погодьице теперь холоднешенько, | Заносит все малыя тропиночки, | Уж как этыма снежечкамы перистыма... *Барс., Прич. С. к., 1, 157.* Не прохладно витер вие, | Не прекрасно солнце грие... *Петрозав. (Прогр. № 30).*

В большинстве случаев про ветер говорят веет, а не дует. Лодейн. окр. (*Рукопись Словарного сектора Института русского языка АН СССР, 33/189, 478).*

‖*Перен.* нести в вихре, порыве ветра, метать.

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы. *12.*

2. Легким потоком воздуха очищать зерно от сора.

Годинѣ же жатвенѣй сущи и вѣтру погодну дышущю, селяномъ же вѣющемъ жито повѣтренъ сый вѣтръ. *ВМЧ, окт. 19—31, 1769 (XVI в.).*

...да того жъ овса измолочено 9 копенъ сотныхъ 30 сноповъ, а взято лошадямъ путнымъ не вѣявъ... *Кн. посев. Мор., 2 (1662 г.).*

▲ Агѣи пшаницу вѣи, у Ипата широка лопата. *Сим., Посл., 77 (XVII в.).* Сахар сѣютъ, а не вѣютъ, желѣзо вѣютъ, да не сѣютъ. *Там же, 141.*

‖*Перен.* отделять веянием, отметать, вэметать.

На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу от тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми рускихъ сынов. *36.*

Красный, -ая, -ое

1. Красивый, привлекательный (о наружности человека).

...пѣсь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу... красному Романови Святъславличю. *3—4.* **...помчаша красныя дѣвкы половецкыя.** *10.* **...забывъ чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола, и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны свычая и обычая?** *13—14.* **Се бо готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю. ...** *25.* **Рече Кончакъ ко Гзѣ: «Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дивицею»** (*Екат. коп.* **дѣвицею). И рече Гзакъ къ Кончакови: «Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице...»** *43—44.*

Отъврати очи свои отъ жены красьны, и не глядаи чюжея доброты. *Изб. Св., 349 (1076 г.).* Сь убо благовѣрьныи Борисъ... тѣлъмь бяше красьнъ,... плечи велицѣ, тънъкъ въ чресла. *Ж. Бор. Глеб. (Сказ.) (Усп. сб.), 27 (XII в. ~ XI в.).* Единъ нѣкто уноша велми красенъ. *Пролог (Ф.) (БАН, 4.9.20), 12 (XIII в.).* [А]лександръ же ни видѣти въсхотѣ Дарьевыхъ дъщерии, краснамъ сущемъ зѣло дѣвицамъ. *Хрон. Г. Амарт., 250 (XIV в. ~ XI в.).* 1066: Бѣ же Ростиславъ мужь добль, ратенъ, възрастомь же лѣпъ и красенъ лицемь. *Лавр. лет. (Пов. врем. лет), 166 (1377 г.).* Видѣвъ же князь велми красна и възрадовася и рече: сеи уноша рода велика былъ, достоинъ есть, да будеть предъ лицемъ моимъ... *Ч. Никол., IV, 4 (XIV в. ~ XI в.).* Възрасте ж и поим за себе дѣвицю красну сущу, от Еллады пришедшу. *Хрон. И. Мал., XIV, 10 (XV в. ~ XIII в.).* Бѣ же Леонтии красенъ, коркорявь, власатъ, унъ, чистъ, бѣлъ, добръ носомъ, добрыма очима, чтивь. *Там же, XV, 10.* Рахиль же добра образомь и красна взору. *Библ. Генн., Быт., XXIX, 16—17 (1499 г. ~ XI в.).* Сынъ же Птоломѣевъ...

... понялъ меншюю за себе. Отьць же его Птоломей, възрѣвъ на ню и видѣвъ ю красну сущю... уби сына своего и поятъ ю за себе. *Флавий, Полон. Иерус., 183 (к. XV—XVI вв. ~ XII в.).* ...имѣет у собе княгиню от царьска рода, и лѣпотою — телом красна бе зело. *Пов. о разор. Ряз., 288 (XVI в. ~ к. XIII—н. XIV в.).* Царь Батый и видя князя Олга Ингоревича велми красна и храбра, и изнемогающи от великых ран и хотя его изврачевати... *Там же, 291.* Яко да познается, кто хощеть быти старъ ли или млад, или красен, или некрасен. *Козма Инд., 73, (XVI в. ~ XIV в.).* Тогда восплачется земля, яко дѣвица красная. *Изм., 359 об., (XVI в. ~ XIV в.).* С нею же взя воевода 70 жен и девиц красных 30... *Каз. ист., 100 (XVII в. ~ ~ XVI в.).* А жены себе красныя и любимыя водим и выбираем от вас же из Царяграда... *Аз. пов., 68 (XVII в.).* Княже мой, господине, яви ми зракъ лица твоего, яко гласъ твой сладокъ и образъ твой красенъ. *Сл. Дан. Зат., 14 (XVII в. ~ XII в.).* Жена красна возгнѣщение вѣчному огню: безумни, иже прилепляются к неи, огнем згарают с нею... *Там же, 46.* Веспасианус... имѣлъ красну дѣвку именемъ Аглаиду, и та дѣвка своею красотою всѣхъ иныхъ превосходила. *Р. Д., II, 253 (1688 г.).* Паче всехъ Девгениева мати веселяшеся занеже породи сына славнаго и велегласнаго и краснаго. *Девг. Д., IV, 137 (XVIII в. ~ XII в.).*

▲ На том камени седит красная девица о двою головах. *Сб. заг. XVII в., 482.* Дѣвка красна до замужья. *Сим., Посл., 181 (XVII в.).* Гой еси нянюшки и мамушки, | Красныя сенныя девушки... *Кирша Д. 13 (XVIII в.).* Наезжие ребята разгуливались, | Красных дѣвок целовали... | Хорошую двожды, пригожую трожды... *Рыбн., Песни, III, 146.* Старушечки были по полушечке, | А молодушечки по две полушечки, | А красныя девушки по денежке. *Там же, I, 264.* Дай ты за меня чядо свое милое, красну Настасью Дмитриевну с любовию великою. *Две бын., 349 (XVII в.).* Красна девица из терема поглядывает, своего мила друга посматривает. *Песни Квашн., 928 (к. XVII в.).* Есть же я да красна девушка, | Марья лебедь белая да королевична. *Онеж. бын. Гильф., I, 159.* Кто подойдет к яблонке, того она сучками захлыщет. Только и подходила к ней красна деушка Аннушка. *Самар. ск., 219.* Да бувай здорова, красная панна. *Метл., Нар. южнорус. п., 331.* Яворові сінці, тисові стільці / А на тих стільцах красна княжейка. *Ант. и Драг. Историч. п. малорус. нар., I, 45.* Загинула Текла, красна донька Пилипа. *Головац., Галиц. нар. п., I, 54.* На Вкраині всёго много, меду и горівки /красні дівки, молодиці, а всі чорнобривки. *Там же. 103.* Старым бабкам по кіёчку / Красным дзеукам по вяночку... *Шейн, Белор. сб., 127.* Ик прискакав хлопчик / На вороном кони, / Да ухопив красну девку... *Там же, 174.*

|| *Перен.* прекрасный, великолепный.

...Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! Всѣмъ тепло и красно еси... *39.*

Красьна есть милостини въ время скорби. *Изб. Св., 330 (1076 г.).* Рожьшия паче надежа от неплодьныхъ чреслъ, из дѣвичьскую боку, родила еси паче естьства, красьнъ бо плодъ явльши ся... *Мин. сент., 60 (1096 г.).* ...и сотвориша надъ нимъ полату красну и высоку велми, и писаша на неи на камени вся его воинъства... *Сказ. о Моисее. Лож. и отр. кн., 42 (XV в.).* 1389: Видѣвши же княгини, его мертва на постели лежаща и въсплакася горкымъ гласомъ: „...Мѣсяць мой красный, рано погибаеши...“. *Воскр. лет., VIII, 57 (XVI в.).*

▲ Закатилось красное солнышко / За горушкы высокия, за моря за широкия. *Рыбн., Песни, 1, 258.* Не красное солнце катилося, пошелъ государъ, православной царь... *Вел. ист. песни, 8.* Подходил де Кудреванко под красён Киев грат... *Арх. бын., III, 212.*

2. Восхищающий, приятный, радующий, увлекательный.

И видѣхъ же ины ограды, яже бяаху обрасли отъ горы до долу плоды добровоньныими и красьными... *Изб. Св., 538—539 (1076 г.)* Гусли являеть красное пѣние. *Апокал., 29 (XII—XIII вв.).* Егда сьлышимъ пѣснивые птице различними гласы поюще пѣсни красные... *Шестоднев И. Экз., 5 (1263 г.).* Видиши на пути дубие подъцѣщено, красну сѣнь имуще и мураву веселующюся, или рѣку красьну, струями и быстриною текущю. *Златостр., 66 (XII в.).* Сему ж нѣкогда дѣлающу въ манастырьстемь оградѣ, помыслъ нѣкыи приииде ему яблыко съгрысти добро сый зѣло красьно. *Ж. Саввы Осв., 19 (XIII в.),* 1015: Тѣмъ красных всѣх наслѣдоваста: в небесных житьих и славу райскую и пищю ... ... красныа радости. *Радз. лет., 78 об. (XV в.).* И обрѣте Иова в тои бѣдѣ стражуща, три же другы присѣдяща ему и бесѣдующа, и за великую страсть и за красную бесѣду сѣдя с ними. *Библ. Генн. (Иов, XLII; 1499 г. ~ XI в.).* Ту, ставъ посрѣдѣ ихъ Птоломѣи... а народ утѣши словом умиленым и красным. *Флавий. Полон. Иерус., 241 (к. XV—XVI в. ~ XII в.).* Се имамь, еже ядохъ и пихъ и с любовию красною пожих. *ВМЧ, дек. 1—5, 572 (XVI в.).* Паволока бо испестрена многими шолкы и красно лице являеть... *Сл. Дан. Зат., 16—17 (XVII в. ~ XII в.).* Красныя убо новыя повести сия достоит нам радостно послушати... *Каз. ист., 43 (XVII в. ~ XVI в.).*

▲ Свеча гасная, как бѣседа красная. *Сб. посл. Л. Майк., 97.* На людях и смерть красна. *Кург. Письм., 1, 134 (1790 г. ~ 1769 г.).* Висна, висна красна / Што ж ты нам принисла? *Шейн, Белор. сб., 126.*

|| Разукрашенный празднично, торжественно; лучший; искусно обработанный.

Приемь же блаженыи домъ святыя богородица и украси ю яко невѣсту красну... *Ж. Авр. См., 18 (XVI в. ~ XIII в.).* Жена добра... всегда благая творитъ во всемъ животѣ своемъ, обрѣтши ленъ и волну, устроитъ свиты и пестроты многи и различнии, и сама облечется в красныя одежа, в червленыя багряница. *Изм., 90 (XVI в. ~ XV в.).* Обѣдающи пустотных не глаголати, Нифонтово видѣние воспоминающе, иже видѣ человѣка с женою и дѣтми обѣдающа, и пред ними ж нѣкия в красных ризах стояща. *Там же, 175.* А стрѣльцы стояли съ ручницами отъ красного крыльца до Фроловскихъ воротъ... *Рим. имп. д., 1, 1139 (1589 г.).* Обрѣтохом съзидающи дом божий велик и храм от камении красных и великых. *Библ. Генн. (2 Ездр., VI, 8—9; 1499 г. ~ XI в.).* И ту стоятъ стлъпове от камени багряна, красни (*вар.*: ясни) велми, пропестри, аспиду подобни... *Х. Стеф. Новг., 53 (XVI в. ~ XIV в.).*

▲ Как и стал молодец упиватися / Ва хмелю удалой похвалятися: / То-та попита, братцы, поедина / В красне-хороме много хожина... *Пес. Петр., 287, № 56 (XVIII в.).*

3. Красного цвета (в этом значении только с XVI в.).

Купил юфти красные две, дал шестьдесят алтын без осми денег. *Кн. прих.-расх. Ант. м., № 1, 76 (1578 г.).*

Черленый, -ая, -ое = чрьленый = чръленый — ярко-красный

Игорь къ Дону вои ведетъ!.. лисици брешутъ на чрълены щиты... Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы... Чрьленъ стягъ, бѣла хорю-

говь, чрьлена чолка, сребрено стружіе... (*Екат. коп.* чрьвлена чолка). *9—11.* **Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии Русици преградиша чрълеными щиты (*Екат. коп.* чръвлеными).** *13.* **Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы литовскія ... а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскыми мечи.** *33.*

Василию же поманувшу ему, обуся в червленыа сапогы. Глагола же цесарь с клятвою к Василию: «Паче тебе и лучее сапоги си суть подобни...» *Хрон. Г. Амарт., 516 (XV в. ~ XI в.).* Адаам убо толкуется земля черленаа. *Сказ. об Адаме. Лож. и отр. кн.* (*10 (XV в.).* ...послалъ есмь ... сыну твоему первородному князю великому платно черленой бархатъ на золотѣ... *Рим. имп. д., 1, 54 (1490 г.).* Прозвитери и епископи их святительскиа ризы не от волнъ, но черлеными и брачиными нитми ткуще облачатся (ἀλλ' ἐκ σηρικῶν νημάτων ὑφαίνοντες περιβάλλονται). *Крмч. Балаш., 441 (перв. четв. XVI в.).* 1159: Тогда бысть знамениа въ лунѣ страшна: ...бысть аки сукно черлено, и потомъ яко кроваво... *Ник. лет., IX, 219 (XVI в.).* Въ 3 часъ нощи створися по всему небу аки кровь. И отъ того видяшеся по земли снѣгъ черленъ, аки кровавъ. *Игн. Смол., 30—31 (XVI—XVII вв. ~ 1389—1405 гг).* Лучше бы ми нога своя видети в лыченицы в дому твоемъ, нежели в черленѣ сапозѣ в боярстем дворѣ... *Сл. Дан. Зат., 60 (XVII в. ~ ~ XIII в.).* Амира царя шатеръ черленъ, а по подолу зеленъ... *Девг. Д., V, 150 (XVIII в. ~ XII—XIII вв.).*

▲ Тут московской князь Микитушка Романович / Ай садился-то Микита на черленый стул, / И он повесил свою буйную головушку / Да пониже плеч своих могучиих. *В. Миллер, Историч. песни рус. нар., 560.* По синёму-то морю бежит черлен карабль... *Печ. блн., 45.* А садился-то Владымир князь да на черленый стул / Да писал-то ведь он грамоту повинную... *Онеж. блн. Глф., II, 20.*

Ср. **Червленый:**

Да бы горы тоя вьрхъ тъи цвѣтънымь утворенъ багъръмь и чьрвленъмь и бѣлъмь и зеленъмь, ти да бы вѣтръ малы потяжа по нему, яко и вълны прѣкланялъ, да и стояи въскраи, ни ся можеть воня тоя насытит, ни накрасовати цвѣтьнааго того крашения. *Златостр., 93 (XII в.).* Чрвлены ризы (ἐρυθρὰ τα ἱμάτια) *Толк. лит. Германа, 333 (сп. XII в.).* И ведѣ мя въ пусто мѣсто духомь и видѣхъ жену сѣдящю на звѣри чьрвленѣ, исполнь именъ хулныхъ. *Апокал., 75 (XII—XIII вв.).* А третии вельми боле обою от всякого цвѣта червьлена и бѣла, от вѣтвия божия рая исплетену, не увядающю николи же. *Пролог (Ф.). (БАН 4.9.20), 12 (XIII в.).* 1370: ..по многы нощи быша знамениа на небеси, акы столпы по небу и небо червлено акы кроваво. *Рог. лет., 93 (XV в.).* Яко вервь червлена устнѣ твои и бесѣда твоя красна (ὡς σπαρτίον κόκκινον χείλη σου) *Библ. Генн. Песнь Песен, IV, 3 (1499 г. ~ XI в.).* ... и видѣ насадъ единъ гребущь по морю; и посреди насада стояща святая мученика Бориса и Глѣба въ одеждах чръвленыхъ... *Пск. II лет., 12 (к. XV —н. XVI в.).* 1389: Бѣаше же подъ полатами на правой странѣ чертоговъ 12, степени же шириною двѣ сажени, а оболчени вси червленымъ червьцемъ, на нихъ же поставлени два стола златы. *Ник. лет., XI, 102 (XVI в.).* Жена добра.... обрѣтши ленъ и волну, устроитъ свиты и пестроты многи и различнии, и сама облечется в красныя одежа, в червленыя багряница. *Изм., 90, (XVI в. ~ XV в.).* А братия мои суть в сребрянах бронех, токмо шеломы на нихъ златы, а кони ихъ покрыты паволоками червлеными. *Девг. Д., IV, 142 (XVIII в.~XII—XIII вв.)* Тако утвердивъ полки, прииде (Дмитрий Донской) паки под свое червленое знамя, и слѣзъ съ коня совлече съ себе приволоку царскую и во иную облечеся. *Син., 301 (1714 г.).*

▲ Походил Соловеи на свой червлен карабль... *Кирша Д., 12 (XVIII в.).* Пошли оне (скоморохи) / во червленнои ряд, / Да купили червленой вяз... *Там же, 19.*

Ср. **Червеный:**

И то дрѣво нескажемо есть доброто҄ж и благовонством и красно паче всеѧж твари сущея, отвъсуду златовидно и црънено образом и огнезрачно и покрывает весь пород (undique aurea et ignea imagine est...) *Кн. Енох., 1, 7 (болг. ркп.) (XV в. ~ XIII в.).* И сътвори имена Ромъ симъ нарочитымъ съставомъ, земли зелную чясть, яко же есть трава, а морю синю чясть, да яко ж есть вода, а огню чръвену чясть, яко

чръмну сущю, а въздуху бѣлую чясть, яко бѣлу сущю. *Хрон. И. Мал., VII, 21 (XV в. ~ XIII в.).* сапози же его бѣша от своея ему страны, черъвени с бисеры Пръскымъ образомъ. *Хрон. И. Мал., XVII, 18 (XV в. ~ XIII в.).*

▲ А в нашого Морозенка червоная стрічка / Де проїде Морозенко — кровавыя річка. *Максим., Укр. нар. п., 1, 15* ... Лежить вояк на купині / Накрыв очі китайкою / Китайкою червоною... *Там же, 1, 155.* Оттогди-то Хвылоне, корсунський полковныче / На доброго кони сидав / До города Крылова прибував / ... Асаулы по улыцях розсылав / Чирвонні праперкы у рукы давав. *Метл., Нар. южнорус. п., 414.* Ой як зійшов серед моря да и став потопаты, | Червоною хустыною на берег махати. / Нихто ж того чумаченька не йде рятоваты. *Там же, 461—462.* А то їхали татаре-буяре / Везли з собою три Подоляночки / ... Ой старшую везли в червонум убранні / А середнюю везли в зеленум жупані... *Ант. и Драгом., Истор. п. малорус. нар., 1, 87.* Ои, джуро Яремо! дарую тобі смерті своєї / Коня вороного / А другого білогривого / J тягеля червониї / Од піл до коміра золотом гаптовані... *Там же, 1, 252.* Накажице паненце, / Што в чирвоной сукенце: / Нехай ужо замуж идзе, / Да нехай мине не жджe... *Шейн, Белор. сб., 311.* Покинь, милы, чирвон поясок, / Штоб я не забыла, яки твой голосок. *Там же, 345.*

Ср. **В. А. Щавинский** *(Оч. по ист. техники живописи и технологии красок в древней Руси, М.—Л., 1935, с. 100):* Червлень — одно из древнейших русских обозначений для красного цвета. О происхождении этого слова народная память долго сохраняла правильное представление. Памва Берында определяет червень как «кармазиновую фарбу с червцю». О червце, издревле дававшем материал для краски, теперь же забытом, еще Паллас во время своих путешествий по России (1768—1774 гг.) собрал обстоятельные сведения: «С половины июня до половины июля месяца бабы и дети обыкновенно упражняются перед жатвой в собирании червца (Coccus polonicus). Они ищут сего насекомого по сухим и тощим местам по большей части около корня земляницы, которая у них кубанка называется, также при редко растущей траве, мохна называемой (Petentilla reptens). Сказывают, что в Малой России собирают еще около третьего растения, смолки, которого при кинеле не находится, но, по речам здешних жителей, кажется, сие ни что иное есть, как зверобой (Hypericum portoratum). Они вырезывают сию траву ножиком и собирают в сосуд находящиеся в верхней части корня синие пузырьки, коих числом до 10 и до 12 бывает на одном растении и в которых находится красильное насекомое. Сии пузырьки, смотря по погоде, приходят в совершенство то ранее, то позднее в июне месяце, а в июле начинает уже сие насекомое вылупаться, что и черкасским бабам довольно известно. Они охотнее собирают вылупившуюся комаху, нежели пузырьки, потому что из оной выходит краска чище и лучше...» ...Заняв место русского червца, мексиканский его родственник — кошениль изгладил в памяти народной также и воспоминание о свойственной ему яркой розово-красной краске, которую стали называть карминовою. Но название червлень не исчезло бесследно, оно сохранилось надолго за дешевым суррогатом червлени животного происхождения, за червленью минеральной.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

В. А. КОЛОБАНОВ

К вопросу об участии Серапиона Владимирского в соборных «деяниях» 1274 г.

Литературная деятельность Серапиона относится главным образом ко времени его пребывания во Владимире в 1274—1275 гг. В 1274 г. здесь состоялся церковный собор, на котором он был поставлен епископом. Владимирский собор следует рассматривать как итог деятельности митрополита Кирилла III. Некоторые исследователи полагают, что он был созван специально для поставления Серапиона.[1] Другие авторы усматривают цель собора в кодификации церковных правил.[2] Большинство исследователей считает соборные «деяния» памятниками законодательства.[3]

В науке неоднократно обращалось внимание на близость отрывка из вступления к «Правилу» (со слов: «кый убо прибыток наследовахом. . .») к аналогичному месту второго поучения Серапиона Владимирского. По мнению Макария, Серапион заимствовал его у митрополита Кирилла.[4] Е. В. Петухов полагал, что здесь просто совпадение в выражениях у двух иерархов церкви.[5] Новейшие исследователи считают, что «схема вопросительной формулы могла быть найдена обоими авторами независимо друг от друга».[6] Точка зрения М. Горлина сводится к следующему: «с согласия Серапиона Кирилл использовал второе поучение, чтобы „подправить" свой труд».[7] Н. К. Гудзий отмечает, что Кирилл воспроизводит содержание и стиль горестных восклицаний Серапиона.[8]

Исследователи сопоставляли только вступление к «Правилу» с отрывком из второго «слова» проповедника. Мы полагаем, что как вступление

---

[1] В. Доброхотов. Памятники древности во Владимире-Кляземском. М., 1849, стр. 117; Пл. Соколов. Русский архиерей из Византии. Киев, 1913, стр. 176; Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, вторая половина тома (ЧОИДР, 1916, кн. IV), стр. 146; Н. К. Гудзий. Где и когда протекала литературная деятельность Серапиона Владимирского? — ИОЛЯ, т. XI, 1952, в. 5, стр. 454.

[2] Православный собеседник. Казань, 1863, февр., стр. 228—230.

[3] А. С. Павлов. Первоначальный славяно-русский Номоканон. Киев, 1869, стр. 71; Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, первая половина тома. М., 1880, стр. XV; т. II, первая половина тома. М., 1900, стр. 66; Н. М. Никольский. История русской церкви. М., 1930, стр. 62; Б. Д. Греков. Монастырские детеныши. — ВИ. М., 1945, № 5—6, стр. 82.

[4] Макарий. История русской церкви, т. V, кн. 2. СПб., 1886, стр. 415.

[5] Е. В. Петухов. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888, стр. 27.

[6] История русской литературы, т. II, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 47.

[7] M. Gorlin. Serapion de Wladimir prédicateur de Kiev. — Revue des études slaves. Paris, 1948, t. 24, стр. 28.

[8] Н. К. Гудзий. Где и когда протекала литературная деятельность Серапиона Владимирского? стр. 455. Однако окончательный ответ на этот вопрос зависит от текстологического анализа «Правила» и «слов» Серапиона.

к «Правилу», так и соборные определения должны быть сопоставлены со всеми поучениями Серапиона.

Известно, что «нестроения» в русской церкви и в жизни мирян были связаны с нашествием татаро-монголов. Собор 1274 г. должен был указать на эти недостатки и церковно-законодательным путем воспрепятствовать их распространению.

Сущность соборных определений сводится к тому, чтобы осудить и тем самым воспрепятствовать распространению: 1) корыстолюбия и симонии (поставление «по мзде») епископов; 2) недостатков при совершении обряда крещения; 3) кулачных боев; 4) неправильного совершения «чина проскомидии»; 5) пьянства священников; 6) некоторых «нестроений» внутрицерковного характера (например, посягательство дьяков на богослужебно-храмовые права и др.); 7) вождения невест к воде; 8) «скверных» игр и плясок в ночь на воскресенье.[9]

По содержанию определений видно, что третье, шестое, седьмое и восьмое из них близки к четвертому и пятому поучениям Серапиона (где осуждаются некоторые языческие обряды на Руси). Другие «слова» Серапиона сближаются со вступлением к «Правилу». Как определениям, так и поучениям Серапиона свойственна стилистическая общность. «Правило» начинается вступлением, которое в форме риторических вопросов напоминает о «непреступлении отеческыя заповеди». Подобные вопросительные формулы (второго, четвертого и пятого «слов») предваряются обращением к богу с напоминанием о страшном суде или «казнях божиих от первых род». Приведем несколько примеров.[10]

«Правило»	Второе поучение
Кый убо прибыток наследовахом, оставльше божия правила? Не расея ли ны бог по лицю всея земля? Не взяти ли быша гради наши? Не падоша ли сильнии князи наши острием меча? Не поведени ли быша в плен чада наша? Не запустеша ли святыя божия церкви? Не томимы ли есмы на всяк день от безбожных и нечистых поган?	Чему не видем, что приде на ны в семь житии еще сущим? Чего не приведохом на ся? Какия казни от бога не восприяхом? Не пленена ли бысть земля наша? Не взяти ли быша гради наши? Не вскоре ли падоша отци и братья наши трупием на землю? Не ведены ли быша жены и чада наши в плен? Не порабощени оставшеся горкою си работою от иноплеменник?

Непосредственно за горестными описаниями разоренной Русской земли следует авторская оценка этого явления:

Си вся бывает нам, зане не храним правил святых наших и преподобных отец...	Кто же ны сего доведет? Наше безаконие и наши греси наше... непокояние...

Сопоставим соответствующие отрывки из четвертого и пятого поучений. После перечисления библейских «казней божиих», которое в пятом поучении дано более кратко, идет следующий текст:

---

[9] А. С. Павлов (РИБ, т. VI. СПб., 1880, стлб. 100) присоединяет к ним правило о запрещении изображать крест на земле. Мы разделяем точку зрения Е. Е. Голубинского, отрицавшего такую возможность на основании следующей аргументации: данного определения нет в древнейшей софийской кормчей, составленной при Клименте — преемнике одного из участников собора, Далмата (см.: Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, первая половина тома, стр. 77).

[10] Примеры взяты из изданий: РИБ, т. VI, стлб. 83—102 (для «Правила»); Е. В. Петухов. Серапион Владимирский..., Прилож. II, стр. 1—15 (для «слов» Серапиона).

Четвертое поучение	Пятое поучение
При нашем же языце чего не видехом? Рати, глади, морове и труси; конечное, еже преданы быхом иноплеменником не токмо на смерть и на пленение, но и на горкую работу...	...и в наша лета чего не видехом зла? Многи беды и скорби, рати, голод, от поганых насилья...

Аналогично предыдущим примерам автор здесь осмысляет современные ему события:

...Се же все от бога бываеть, и сим нам спасение сдеваеть... Ныне же за предни безумство покайтеся...	Ныне же, гнев божий видяще...

Что касается непосредственно соборных определений, то, как памятники церковно-канонические, отличные по жанру, они труднее поддаются сопоставлению с поучениями Серапиона. Однако некоторая общность может быть обнаружена и здесь. Так, для манеры Серапиона характерен прием перечислений, когда компоненты предложения вводятся определительным местоимением «еже». Этот прием находит себе параллель в ритмическом звучании перечислений первого соборного определения, вводимых подчинительным союзом «или». Например:

Первое определение	Третье «слово»
Аще ли кто... или от проскурнице и от нищих, насилье деюще, или на жатву, или на сенасьчи, или провоз делти, или иная некая «сборное» емлюще, или наместники, поставляющи на мзде, или десятиньника... (таковыя отлучаем).	Помяните... еже самого владыки нашего болшая заповедь, еже любити друг друга, еже милость любити ко всякому человеку, еже любити ближняго своего, аки себе, еже тело честно зблюсти, а не осквернено будеть блюдом...

Стилистическая близость памятников обнаруживается также в рефренах с зачином «аще»:

Третье определение	Первое «слово»	Второе «слово»	Четвертое «слово»
...Аще кто изобрящеться по сих правилех бещинье творя, да изгнани будуть от святых божиих церковь, а убиении да будуть прокляти в сии век и в будущий. Аще нашему законоположению противяться, то ни приношения от них примати рекше просфуры и кутьи, ни свечи. Аще и умреть, то над тех не ходять иереи и службы за них да не творять, ни положити их близ божиих церковь... Аще который поп дерзнеть что створити над ними, да будет чюжь своего сана.	Аще сих пременимся, добре веде, яко благая примут ны не токмо в сии век (но и) в будущий...	...Аще кто вас разбойник, — разбоя не останеть, аще кто крадеть, — татбы не лишиться; аще кто ненависть на друга имать, враждуя не почиваеть; аще кто обидит и въсхватаеть, — грабя не насытиться; аще кто резоимец, рез емля не перестанет... Аще не будем таци, гнев божий будет на нас...	Аще вы такая жизни не получите и божия света не узрите; не может бо пастух утешаться видя овци от волка расхищени, то како аз утешуся.

Далее можно отметить отдельные совпадения, близкие по форме и содержанию:

Первое определение	Четвертое «слово»
. . . не божия деля закона, но своего ради прибытка, или угодья некоего деля. . .	И по правде не судите: иный по вражде творить, иный горкаго того прибытка жадая, а иный ума не исполнен. . .

Наличие аналогий и их сопоставление дают возможность предположить какое-то участие Серапиона в составлении соборных определений.[11]

Нужно учитывать тот факт, что летописи не сохранили известий о литературной деятельности митрополита Кирилла. Кроме «Правила», от Кирилла не дошло ни одного произведения, без сомнения ему принадлежащего. Летописи скорее дают представление о нем как о духовном «пастыре», чем об «учителе» в том смысле, в каком, например, был Серапион.[12] Серапион же помимо своих «слов», известен как человек «зело учительный в божественном писании».[13]

Приведенные сопоставления расширяют наше представление о Серапионе как писателе. Кроме того, они находят некоторое объяснение и в свете летописных указаний. Как известно, приезд Серапиона во Владимир совпал с открытием собора по инициативе митрополита Кирилла III. Последний, видимо, знал об ораторской и публицистической деятельности Серапиона. И в дальнейшем, будучи епископом, Серапион деятельно проводил в жизнь постановления собора.

Следовательно, изложенные сопоставления подводят к выводу о непосредственном участии Серапиона в «деяниях» собора как одного из авторов его определений.

---

[11] Тем самым подтверждается точка зрения митр. Макария, считавшего, что определения составлены «по совещанию и с согласия целого владимирского собора» (Макарий. История русской церкви, т. V, кн. 2, стр. 415; Ср. Владимирские епархиальные ведомости, 1868, № 10, стр. 491).

[12] Они рисуют Кирилла церковно-государственным деятелем, а не писателем. Отсутствие литературного таланта, однако, не мешало ему стоять на уровне задач своего времени.

[13] Особенно подчеркивает факт образованности Серапиона Е. Е. Голубинский (История русской церкви, т. II, вторая половина тома, стр. 150).

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

И. У. БУДОВНИЦ

Повесть о разорении Торжка в 1315 г.

Публикуемая ниже под условным названием «Повесть о разорении Торжка в 1315 г.» извлечена из жития Ефрема Новоторжского, основавшего в XI в. в Новом Торгу (Торжке) Борисоглебский монастырь. Ефрем был канонизирован в 80-е годы XVI в. Поскольку для канонизации требовался «официальный документ» в виде описания жития «преподобного» и совершившихся у его гроба чудес, вероятно, около того же времени было составлено житие Ефрема,[1] которое дошло до нас в более поздних списках — XVII, XVIII и даже начала XIX в.

Повесть о разорении Торжка является историческим экскурсом, назначение которого — разъяснить, почему ко времени написания жития не сохранилось существовавшего когда-то жития более древнего, из-за отсутствия которого автору приходилось черпать свои сведения «от тоя же обители от настоятеля, и от древних старец и от искусных людей града Торжка».[2] Среди этих сведений оказались и подробности разгрома Торжка великим князем Михаилом Ярославичем Тверским в 1315 г., когда среди прочих ценностей из города было вывезено «неистощимое сокровище» — «писание о житии преподобного Ефрема», погибшее потом во время пожара в Твери.

Имеющееся в житии повествование о разгроме Торжка представляет, на наш взгляд, большой интерес. Во-первых, оно дополняет некоторыми подробностями наши знания об этом событии, о котором летописи передают в самых общих чертах. По сообщению Тверского сборника, князь Михаил Ярославич, вернувшись из Орды, «а с ним татарове силнии», направился с ними и с князьями суздальскими к Торжку. Здесь он, разбив новгородцев и нанеся им большие потери, захватил в плен князя Афана-

---

[1] В. О. Ключевский считает, что житие было составлено в XVII в., поскольку «последнее из приложенных к нему чудес, относящееся к 1647 г., автор описал... как современник», а похвала Ефрему «сопровождается еще одним чудом 1681 г., которое, как видно из его предисловия, описано позднее тем же автором» (В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 336). Вполне возможно, однако, как это случалось с другими житиями, что по мере накопления чудес они при составлении новых списков жития приписывались к старому тексту. Филарет (Гумилевский) считает, что житие написано Иоасафом в 1572 г. (Филарет. Обзор русской духовной литературы, изд. 3, кн. 1. СПб., 1884, № 144, стр. 163). В. О. Ключевский замечает по этому поводу, что он не имел возможности проверить рукопись Петербургской духовной академии, на которую ссылается Филарет, но что рассматриваемая им, Ключевским, редакция (с описанием «чудес» XVII века) «во всяком случае составлена не Иоасафом и не в XVI в.» (В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых..., стр. 335). Надо, однако, отметить, что имя священноинока Иоасафа в качестве автора жития упоминается и в привлекаемой нами для настоящего издания рукописи ГБЛ, собр. Тихонравова, № 264.

[2] ГПБ, Q.I.1356, л. 56. — В другой редакции жития автор сам себя называет архимандритом Борисоглебского монастыря (БАН, 17.5.3, л. 365 об.).

сия Даниловича (брата Юрия Даниловича Московского, которого последний, уезжая в Орду, оставил вместо себя в Новгороде), а также князя Федора Ржевского и их бояр, «а кремль их повели разнести».[3] Этой глухой фразой и ограничивается сообщение о разгроме Торжка. В Никоновской летописи вообще ничего не говорится о разорении города; здесь сообщается только, что Михаил, победив новгородцев под Торжком, потребовал выдачи ему князей Афанасия и Федора Ржевского, но новгородцы выдали только Федора, после чего с Афанасием и новгородцами Михаил заключил мир.[4] Зато в Н1Л приведены некоторые подробности, рисующие Михаила клятвопреступником, вероломно нарушившим условия только что заключенного мира. Победив под Торжком новгородцев с помощью «окаянного Таитемеря» и «всей Низовской земли», Михаил Ярославич, по сообщению Н1Л, потребовал выдачи ему Афанасия и Федора Ржевского, запершихся после боя в городе с остатками новгородской рати. Но новгородцы решительно заявили: «Не выдаем Афанасья, но измрем вси честно за святую Софью». Учитывая их настроение, Михаил удовлетворился выдачей ему одного Федора Ржевского, и новгородцы «по неволи выдаша его», уплатили 50 тысяч гривен контрибуции «и докончаша мир и крест целоваша». Уже заключив мир, Михаил вызвал к себе князя Афанасия и новгородских бояр, вероломно их арестовал и отправил заложниками в Тверь, «а останок людии в городе нача продаяти, колико кого станеть, а снасть отъима у всех».[5] Публикуемая Повесть к этому добавляет, что Михаил «вооружився яростию» и подверг Торжок страшному разгрому. Действуя с неслыханным «жестокосердием», он убивает жителей, сжигает их в огне, топит в реке, надругается над иноками, бесчестит женщин, грабит имущество, разоряет монастыри и церкви. При этом Михаил действует с холодным расчетом: сперва он мучает жителей, а потом их убивает; сперва он захватывает самые ценные вещи, а потом ненужные ему остатки имущества предает огню.

Надо полагать, что нарисованная в Повести картина вполне соответствует исторической действительности. Собственно говоря, Михаил и не мог действовать иначе. Если уж он привел карательный отряд татар под стены русского города (а этот факт, о котором согласно сообщают все летописи, и в числе их дружественно настроенная к Михаилу летопись Тверская, не подлежит сомнению), то он обязан был предоставить им за понесенные «труды» возмещение в виде пленных, тут же продаваемых в рабство, и другой военной добычи. Хорошо известно, с какой жестокостью каратели при этом действовали. Но «брать на щит» русские города хорошо умели и «христолюбивые» князья во главе с самим Михаилом. Когда спустя около 60 лет, в 1373 г., внук Михаила Ярославича князь тверской Михаил Александрович снова варварски разрушил Торжок, сравняв его с землей,[6] он хорошо справился с этим делом один, без помощи татарских темников.

---

[3] ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стлб. 408. — Так же переданы события и в Рогожском летописце (ПСРЛ, т. XV, ч. 1, изд. 2-е. Пгр., 1922, стлб. 36).

[4] ПСРЛ, т. X. СПб., 1885, стр. 175. — Так же примерно излагаются события в Львовской летописи (ПСРЛ, т. XX. СПб., 1910, стр. 174).

[5] Первая новгородская летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова (отв. редактор М. Н. Тихомиров). М.—Л., 1950, стр. 94, 95, см. также стр. 336, 337. — О коварных действиях Михаила сообщает также Н4Л (ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, стр. 48), С1Л (ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, стр. 206), Воскресенская (ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, стр. 187) и Московский свод конца XV в. (ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 160).

[6] Подробнее об этом см.: И. У. Будовниц. Отражение политической борьбы Москвы и Твери в тверском и московском летописании XIV в. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 98—100.

Публикуемая Повесть представляет интерес и в другом отношении. Как известно, Михаил Ярославич, убитый вскоре после описываемых событий в Орде, был причислен русской церковью в лику святых. В XVI—XVII вв., когда было составлено житие Ефрема Новоторжского, Михаил Ярославич представлялся русским книжникам князем «благоверным», принявшим от «безбожного царя Азбяка» «мученический венец». В Повести же этот «благоверный» князь и мученик выступает как коварный губитель христиан и разоритель святыни. Это заставляет предполагать, что тот отрывок жития, где описано разорение Торжка, заимствован из старого источника, восходящего к XIV в., ко времени острой борьбы между Новгородом и Тверью, когда Михаил Ярославич воспринимался его политическими противниками не как «блаженный и христолюбивый» князь, каким его рисует, например, Тверской сборник,[7] а как непосредственный враг, долго и упорно добивавшийся подчинения себе Новгорода и не брезговавший для этой цели татарской помощью. Таким образом, мы имеем перед собой одно из направленных против Твери полемических произведений XIV в., когда новгородцы, по выражению Воскресенской летописи, «скрежетаху зубы на тверичь за свою обиду, еже на них бывшую»[8] и, естественно, совершенно игнорировали местное почитание Михаила Ярославича (канонизованного в 1549 г.).

Для этих настроений характерна и концовка Повести, где автор ее радуется по поводу пожара в Твери, считая это бедствие «праведным божиим судом», и подкрепляет свое чувство торжества и злорадства цитатой из 93-го псалма Давида. Совершенно исключено, чтобы книжник XVI или XVII в. выражал удовлетворение по поводу того, что в Твери в XIV в. сгорел собор Спаса Преображения.

О том, что Повесть составлена в XIV в., имеется косвенное указание в публикуемой ниже второй ее редакции. Здесь говорится, что «последи же злая пагуба» выпала на долю Торжка при Михаиле Ярославиче. Из этого следует, что Повесть составлена до 1373 г., когда, как уже выше отмечалось, на город обрушилась еще горьшая «пагуба». Так устанавливается terminus ante quem. Что касается terminus post quem, то он, очевидно, определяется 1319 г., когда в Орде был убит Михаил Ярославич, великое княжение было передано Юрию Даниловичу, а Торжок снова вошел в состав территории Новгородской республики. Повесть же составлена после того, как «грады Торжек и Тверь за единем государем быша».

Показательна описанная в Повести судьба рукописи жития Ефрема, увезенной сперва как военный трофей, а потом сгоревшей во время пожара. Обычная судьба многих и многих древнерусских рукописей, роковая для тех произведений, которые имелись в одном только списке!

Любопытны и приведенные в Повести некоторые бытовые подробности, касающиеся Борисоглебского монастыря в Торжке, где среди монахов (включая и настоятеля) не оказалось ни одного «книжному писанию читателя», и они вместо выкупа драгоценной, казалось бы, для них рукописи с житием основателя монастыря предпочли употребить свободные средства на строительство.

*

Из 13 привлеченных для издания списков Повести 12 списков, кроме незначительных разночтений, ничем существенным между собой не различаются и образуют одну редакцию (в основу берется список XVII в. — ГИМ, собр. Барсова, № 855).

---

[7] ПСРЛ, т. XV, 1863, стлб. 412.
[8] ПСРЛ. т. VIII. СПб., 1859, стр. 22.

Вторая редакция представлена одним только списком БАН, 17.5.3. Это сборник житий XVII в., разных почерков, в 4°, где сказание о житии и чудесах Ефрема Новоторжского помещено в конце, на лл. 361—378. И в этой редакции князь Михаил Ярославич выступает разорителем Торжка и его святынь, но поступившее братии Борисоглебского монастыря предложение о выкупе рукописи с житием Ефрема исходит уже не от Михаила, а от тверских попов, действовавших «по пленении князя Михаила». Возможно, что автор этой редакции хоть этой деталью хотел несколько выгородить «благоверного» князя, чтобы действия его не выглядели столь соблазнительно. В конце этой редакции также сообщается о пожаре в Твери, во время которого сгорела соборная церковь Преображения, где хранилась рукопись с житием Ефрема, однако автор ограничивается одной констатацией факта пожара, не позволяя себе торжествовать и злорадствовать по этому поводу. Есть и некоторые другие различия между обеими редакциями. Только во второй редакции, например, сообщается о том, что братия Борисоглебского монастыря употребила свои свободные средства на постройку новой церкви, а также о том, что «благоискусные» мужи Торжка составили службу Ефрему.

ТЕКСТЫ

Первая редакция

Основной текст: ГИМ, собр. Барсова, № 855, 4°, полуустав XVII в., лл. 23 об.—25 об. — А

Разночтения: ГИМ, собр. Барсова, № 1069, 4°, полуустав XVII в., лл. 4 об.—7 — Б

ГИМ, собр. Уварова, № 105 (Царского 94; по описанию Леонида 1167), 1°, устав конца XVII—начала XVIII в., лл. 7—10 — В

ГБЛ, собр. Пискарева, № 115, 4°, полуустав первой половины XVIII в., лл. 122 об.—124 об. — Г

ГПБ, Q.I.1356, 4°, полуустав двух почерков 1744 г., лл. 58 об.—60 об. — Д

ГБЛ, собр. Большакова, № 419, 4°, полуустав XVIII в., лл. 32—34 — Е

ГИМ, собр. Уварова, № 162 (по описанию Леонида 1166), 8°, полуустав XVIII в., лл. 124—127 — Ж

ГИМ, Музейное собр., № 1036, 1°, полуустав XVIII в., лл. 51—53 об. — З

ГИМ, собр. Вахрамеева, № 68, 4°, полуустав 1774 г., лл. 27—29 — И

ГИМ, Музейное собр., № 608, 4°, полуустав конца XVIII в., лл. 3 об.—5 — К

ГИМ, Музейное собр., № 2395, 4°, полуустав конца XVIII в., лл. 38—40 — Л

ГБЛ, собр. Тихонравова, № 264, 4°, поморский полуустав начала XIX в., лл. 143—145 — М

[1] А в какова лета и времена преподобной прииде на место се или где иночество прият, и мне, косному смыслом,[1] писания[2] не[3] обретохом и ни от древних мужей слышати не[4] сподобихся,[5] но[6] точию слышах се:[7] божиим попущением вознегодовав[8] великий || князь Михаил[9] Тверский[10] на *л. 24* град Торжек[11] и, собрав великое войско,[12] вооружився яростию,[13] яко.

[1–1] А идеже бо иночество преподобный восприят, и за продолжителство (*ГДКЛМ* продолжателство) времени *БВГДЕЖЗКЛМ*. [2] *Доб.* о том никакоже *БВГДЕЖЗКЛМ*. [3] *Нет ВДЖМ*. [4] *Нет ВГДМ*. [5] сподобихомся *БЖЛМ*. [6] и *Ж*. [7] *Нет БВГДЖЗКЛМ*. [8] вознегодовал *Л*. [9] Михайло *Г*; Михайла *Д*. [10] Тферский *ВГДЕЗ*. [11] Торжок *К*. [12–13] *Нет К*. [13] *Нет КЛ*.

Иисус [14] Наввин [15] на Ерихон,[16] и абие прииде [17] князь Михаил [17] на град
Торжек,[18] и бысть бой велик зело. Бе бо в то время владеющу Торжком
князю Афанасию, и поби [19] князь Михаил Тверский [20] весь град Торжок [21]
и церкви божия разори, инокинь [22] же и девиц оскверни, имения [23] от ту [24]
живущих поимав, град [25] же [26] огню предав,[27] обитель [28] же [29] сию до осно-
вания разори, настоятеля же и братию погуби, утварь [30] церковную и
монастырское [31] строение [32] во Тверь [33] отпровади. Тогда же [34] и сущее
л. 24 об. писание о житии и о прихо‖ждении [35] преподобном [36] взял [37] с собою,[38] ни
единыя потребы остави.[39] Не точию [40] сию едину [40] обитель разорити по-
вели,[41] но [42] иныя [43] церкви и монастыри и села [44] и веси [44] града того.

И паки обители сей [45] в последней нищете бывше [46] по мале же времени
посылает великий князь Михаил [47] писание [48] во [49] обитель [49] преподобного
сего,[50] хотя продати неистощимое сокровище на гиблющее сребро. И [51] в пи-
сании своем [52] пишет: «Дайте [53] ми великий выкуп,[54] аз вам дам писание
[55] о житии [55] преподобнаго Ефрема».

Братиям же в то время [56] в велицей нищете живуще [57] и не бе книжному
л. 25 писанию умеющим,[58] единомысленно реша ‖ и [59] о сем не радиша и отве-
щаше [60] пославшему [61] града [62] Твери [63] и глаголюще: «Не обретохом [64]
у себя [65] [66] ни единаго брата [66] умеюще [67] божественнаго писания, ни стяжа-
ния, чим [68] [69] преподобнаго [70] жития [69] [71] на выкуп взяти».[71]

Малу же времени минувше [72] праведным [73] божиим судом [74] [75] град [76]
Тверь [77] весь [78] погореша [79] и [80] соборная церковь Преображения Спасова
такоже [81] [82] огню предашася [83] и истинное писание о преподобном [84] Ефреме
в то [85] время погибе. Воистину [86] реченное слово пророком Давыдом
збыстся: [87] «Бог отмщении, господь бог отмщении и [88] не обинулся еси,[89]
[90] воздаждь [91] воздаяние [92] гордым».[90] Не имать бо приобщение [93] сено со
огнем, ‖ такожде [94] и от чюжаго [95] имения богатство [96] [97] собирати несть
бо ползы.[97]

---

[14] Исус *ИЛ*, [15] Навин *БВЗКЛ*; Нуин *Е*; нет *И*. [16] Иерихон *БВЕЖЗКЛМ*. [17–17] *Нет БВГДЖЗКЛМ*. [18] Торжок *ГДЖМ*. [19] *Доб. великий БВГДЕЖЗКМ*. [20] Тферский *ГЕЗ*. [21] Торжек *БВЕЖ*; Торъжек *З*; нет *И*. [22] иноки *ГДМ*. [23] и имение *БВГДЖЗКЛМ*. [24] тамо *Е*. [25] а град *БВГДЕЖЗКЛ*. [26] *Нет БВГДЕЖЗКЛМ*. [27] преда *БВДЕЖЗКЛМ*. [28] и обитель *БВГДЕЖЗИКЛМ*. [29] *Нет БВГДЕЖЗИКЛМ*. [30] а утварь *В*; *доб.* же *И*.

[31] монастырьское *ВГДЕЖЗИЛ*. [32] *Доб.* все *БВГДЕЖЗКЛМ*. [33] Тферь *ЕЖЗМ*. [34] *Нет В*. [35] прехождении *ВГДЕЖЗКЛ*; прехожении *М*. [36] преподобнаго *БВГДЕЖЗКЛМ*; *доб.* отца *Д*. [37] взяша *БВГДЕЗКЛМ*; възяша *Ж*. [38] *Доб.* и *БВГДЕЖИКЛМ*. [39] оставиша *БВГДЕЖЗКЛМ*. [40–40] едину сию *ЗЛ*. [41] повеле *БВГДЕЖЗИКЛМ*. [42] *Доб.* и *БВГДЕЖЗИЛМ*. [43] *Доб.* святыя *БВГДЖЗКЛМ*. [44–44] *Нет Е*. [45] той *В*. [46] бывшей *БВКЛ*; бывши *ГДЕЖИМ*. [47] *Доб.* изо Твери *БЕЖКЛМ*; *доб.* изо Тфери *ВГДЗ*. [48] *Доб.* в Торжок *ДЖКМ*; *доб.* в Торжек. *ВГЕЗЛ*. [49–49] *Нет Л*. [50] *Нет ВЗЛ*. [51] А *БВГДЕЖЗКЛМ*.

[52] *Нет Е*. [53] дадите *И*. [54] *Доб.* и *БВГДЕЖЗКЛМ*. [55–55] *Нет Л*. [56] *Доб.* во обители преподобнаго *БВГДЕЖЗКЛМ*. [57] бывшим *Б*; живущим *ВГДЕЖЗК*. [58] умеющым *Б*; умеющих *И*; *доб.* вси *БВГДЕЖЗКЛМ*. [59–60] *Нет И*; *доб.* к *БВГДЕЖЗКЛМ*. [60] отвещавше *И*. [61] посланному *И*. [62] *Доб.* от града *И*. [63] Тфери *ВЕЗ*. [64] *Доб.* мы *БВГДЕЖКЛМ*. [65] себе *БВГДЖКМ*; нас *И*; *доб.* во обители *БВГДЕЖКЛ*; *доб.* во обители и *З*. [66–66] *Нет ВЛ*. [67] умеющаго *Л*. [68] чем *ДЕЖЗКМ*. [70] *Нет Б*. [69–69] жития преподобнаго *К*.

[71–71] искупити *БВГДЕЖЗКЛМ*. [72] минувшу *БВЖЗИКЛ*. [73–74] судом божиим *ЕИ*. [74] *Доб.* и *ЗЛ*. [75–78] град весь Тферь *В*. [77] Тферь *Е*. [76–78] весь Тверь *З*. [79] погоре *БВГДЕЖЗИКЛМ*. [80] *Доб.* в то время *БВГДЕЖЗКЛМ*. [81] такожде *БВДЕЗЛ*. [82–83] сгоре *И*. [83] предашеся *В*. [84] преподобнем *ДЗИЛ*. [85] *Доб.* же *ВГДЕЖЗКЛМ*. [86] Воистину *Ж*. [87] збыться *ВГДЗИКЛМ*. [88] *Нет ВЗКЛМ*. [89] есть *И*. [90–90] *Нет БК*. [91] воздаде *И*. [92] воздаяния *ГД*. [93] приобщения *В*. [94] также *ЕЖ*. [95] чюждаго *ЗЛ*. [96] богатства Г; богатьство *Е*; богатъство *К*. [97–97] несть добро собирати *В*.

Вторая редакция

БАН, 17.5.3, 4°, полуустав XVII в., лл. 361 об.—365 об.

О житии преподобного отца нашего Ефрема никаково змогом обрести, *л. 361 об.* понеже бо || в предидущая лета многи бои быша на град Торжек. По- *л.* следи же злая пагуба содеяся граду Торшку от князя Михайла Тверского в лета 6823 году.

Князь Михаил собра своя воя и прииде ко граду Торшку ратию. Князь же Афанасие выехав против ево с черными людми и с нооугородцы на поле. И бысть бой велик и победи || князь же Михаил. *л. 362 об.*

Таково бо жестокосердие тогда содеяся на град и на люди. Аще бо и едина вера бяше, но злобою горши показася, понеже бо людей тех во граде огню предаде, а иныя в реце потопи, инии младенца остави, но всех поби мужеский пол и женский и смерти предаст, черноризець же и девиц обнажати повеле, потом же их и уби||вати. И имение града того все пограби *л. 363* и церкви разори и святыя иконы и книги церковныя все поимал. Потом же град весь и святыя обители града того все огнем попали. И тогда град Торжек и обители быша от него в конечном запустении. Тогда и о преподобнем Ефреме сущее писание изгибе.

Та же не по многих летех || паки собравшимся людям во граде Торшку *л. 363 об.* близ тоя страны града, потом же и ото инех стран такоже и от монастырей мало собрася инок. И тогда монастырьских страстотерпець Бориса и Глеба в конечном бысть оскудении и доныне иде же есть преподобный Ефрем Новоторжский. Тогда же те грады Торжек и Тверь || за единем государем *л. 364* быша и послаша по пленении князя Михаила изо Твери града грамоту соборныя церкви священницы в Торжек во обитель святых страстотерпець Бориса и Глеба к настоятелю и к братии и тако глаголюще: «Есть у нас во граде Твери в соборе всемилостивого Спаса книга вашея обители о преподобном отце Ефреме. Вы бы ея у нас выменили на сребро». Тогда же *л. 364 об.* в монастыре том || ото многаго оскудения немного бяше братии, но и те не умеюще книжного писания, и о сем не радиша и отвеща пославшими во Тверь и глаголюще: «Не обретохом мы у себя ни единого брата книжному писанию читателя, и ни самого настоятеля, но вси единогласно славим сущого бога нашего и пречистую его богоматерь вкупе же и всех святых». И умыслиша братия на толико сребро устроити церковь || во имя препо- *л. 365* добного чюдотворца Ефрема в пределе каменныя церкви святых страстотерпец Бориса и Глеба, а о житии преподобного никако поискаша, понеже бо присланнии из града Твери вопросиша себе многа стяжания. Потом же благоискусни мужие града Торшку преподобному чюдотворцу Ефрему составиша службу, ею же преподобный славится и доныне.

Мало же времени минувшу град || Тверь весь погоре, и соборная цер- *л. 365 об.* ков Преображение Спасово згоре и книги о житии преподобного чюдотворца Ефрема у них в то время погибе и инии мнозии.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

М. Н. ТИХОМИРОВ

Малоизвестные памятники

1. ЛЕТОПИСЕЦ XV в. С НАЗВАНИЯМИ «РОССИЯ» И «РОССИЙСКАЯ ЗЕМЛЯ»

В одной своей статье[1] я поднимал вопрос о времени, когда появились, точнее — утвердились, в терминологии русских памятников названия «Россия» и «Российская земля», ссылаясь в числе других источников и на один летописец XV в. Текст этого любопытного краткого летописца помещен в конце Псалтыри с восследованием, хранящейся в ГИМ в Москве (собр. Уварова, № 806). Рукопись в четвертку, на 646 листах, написана полууставом конца XV в. На это время указывают и водяные знаки в ее бумаге. По сведениям Т. Н. Протасьевой, в бумаге рукописи имеются такие водяные знаки: 1) голова быка с шестом, увенчанным розеткой, у Лихачева № 1982 — XV в. 2) голова быка с короной под мордой, у Лихачева №№ 2700—2703 — XV в., у Брике № 14562 — 1476—1480 годы; 3) голова быка с крестом между рогами, у Брике №№ 14514 и 14521 — 1488 г.; 4) три горы с шестом, увенчанным крестом, у Лихачева №№ 2683 и 2684 — 1489, 1497 и 1501 г.

Таким образом, все водяные знаки указывают на конец XV в. как на время возникновения рукописи.

Краткий летописец помещен в конце рукописи. Он начинается от Адама и заканчивается известием о набеге на Москву царевича Мазовши, после чего приписано о поставлении каменного города в Москве при великом князе Дмитрии Ивановиче «и при митрополите Алексии Росийском». Известия летописца краткие и представляют собой своего рода хронологическую канву, причем для библейских известий счет ведется по александрийскому летосчислению в 5500 лет от сотворения мира до рождества Христова (а не в 5508 лет, как в других русских летописцах). Прототипом нашего летописца был один из летописцев патриарха Никифора с дополнительными русскими статьями, так называемый «летописец въскоре». Сходство с таким летописцем (см., например, летописец Новгородской кормчей 1280 г.)[2] продолжается до известия о крещении Руси при Владимире, после чего идут выдержки из летописца другого типа и, видимо, московского происхождения. К летописцу приложено «начало князем Росийским великым» от Рюрика до великого князя Иоанна Васильевича, т. е. до Ивана III. Характерно, что этот князь назван Иоанном, в отличие от его предков — Ивана Даниловича и Ивана Ивановича. Видимо, это отражение официальной титулатуры конца XV в.

---

[1] О происхождении названия «Россия» (ВИ. М., 1953, № 11)
[2] ПСРЛ, т. I. СПб., 1846, стр. 248—252.

Итак, перед нами летописец московского происхождения, показывающий, что названия «Россия» и «Российская земля» уже утвердились в русской терминологии XV в., а не были принесены откуда либо из-за рубежа, и притом не в XVII столетии, а гораздо раньше.

Текст издается с заменой «ѣ» на «е». «ъ» в конце слов опускается.

Текст

Адам 1 человекь божии жит лет 900 и 30. Аред жит 900 лет и 62. *л. 644 об.*
Енох жит 300 лет и 42, угоди Енох богу и не обреташеся яко престави и бог. Мафусааль жит лет 900 и 69. От Адама до потопа 2000 и 200 и 42. При Фалеце бысть разделение языком. От разделениа язык лет 530. От разделениа язык до Авраама лет 552. От Авраама до исхода лет 505. Исхода до Давыда лет 600 и 30. От Адама до Августа царя 5457. В 42-е лето царства его родися господь нашь плътию от святыя борогодици Мариа, лет 5500, месяца декабря 25, в пяток, час 7 дне. Поне же нощи убыло, а дни прибыло. Въсех же лет от сътворениа миру до Христова рожества 5000 и 500. От Христова рожества до пришествиа влъхвов лета 2. От рожества Христова до крещениа лет 30. От крещениа до усечениа главы Иоанна Крестителе лета 2 и 11 месяць. По усечении Иоаннове до распятиа месяць, а распятся месяца марта в 30 в пяток, в час 6 дне. И в 31 в гроб положень. А въскресе апрелиа 30 в неделю, в час 7 нощи. От въскресениа до възнесениа 40 дни. От възнесениа до сшествиа святаго духа днии 10. От възнесениа до побиениа Стефанова лет 7. От Стефана до Павловы веры месяць 6. Богородици рожества лета 3. В церкви лет 12. В дому Иосифове месяци 4. И ту благовещение прият, роди господа лет 15. До страсти лет 33. И по възнесении в Иерусалиме в дому
Иоанна Богослова живе || с ученикы лет 11. Въсех же лет ея 59. От Адама *л. 645*
до страсти господни лет 5000 и 500 и 33. Потом Константин 1 бысть царь христианом. В 12 лето царства его 1 съборь бысть святых отец 300 и 18 иже в Никеи. А от Адама до умертьвиа Константинова лет 5836. А всего жития его лет 60. Остави же 3 сыны: Коньсту в Риме, Константина в Цариграде, Константиа в Антиохии. Царствоваша вси лет 24. Иулиань лет 2 и 6 месяць, Феодосии велики лет 16. Посем 2 съборъ бысть в Цариграде святых отец 150 на Македона духоборца. От 1-го събора до втораго лет 60, втораго до третиаго лет 50. Съборь 3 бысть при Феодосии Малем въ Ефесе, святых отець 200 на Несториа человекослужебника. Четврътыи събор бысть в Халкидоне при Маркиане цари святых отець 630 на Еутихиа и Диоскора. От третьаго събора до 4-го лет 10. Пятый събор бысть в Цариграде святых отець 164 при Устиане на Оригена. От четврътаго до пятаго събора лет 100. Шестыи събор бысть в Цариграде святых отець 100 и 55 на Ариа и Пира и Клакариа. При Константине цари внуце Ираклиеве. От 5-го до 6-го лет 13. 7 събор бысть в Никеи 2-е, святых отець 367 на иконоборци при Константине сыне с[а] Лвове и при матери его Ирине. От 6-го до 7-го лет 24. От Адама до 7-го събора лет 6 и 305.
А от спаса нашего лет 800 и 5. А от 7-го || събора до смерти Михаила *л. 645 об.*
царя лет 64 и 9 месяць и 7 дни. При сего же царстве приидоша к Варягом Русь, Чюдь, Словене, Кривичи и рекоша им: «земля наша добра и велика и обилна, а наряду в ней нет. Поидете княжити и владети вами». Збрашася 3 браты с роды своими, старыи Рюрикь седе в Новеграде, Синеус седе на Беле езере, Трувор седе в Изборске. По 2-ю лету Трувор и Синеус умроста и приять Росийскую область Рюрик. По Михаиле царствова Ва-

[а] *Так в ркп.* [б] И месяць *повторено дважды.*

силии лет 18 и месяць[б] 11. В второе лето царства его крещена бысть Блъгарскаа земля. От Адама до Константина лет 5816. От распятиа господня до Константина лет 303. От Константина до Михаила лет 536. От Михаила до крещениа Росиискыя земля в лето 160. Лето 6196[в] в царство Константина и Василиа крестися Владимирь и всю Росиискую землю. Всех лет до крещениа Росиа в лет(о) 6000 и 400 и 96. От распятиа господня до крещениа Росия лет 963. И пакы чтется от Владимира Росиискыи летописець. В лето 6-я[г] 745 Батый царь воева Росия, на 4-е лето по Батыи прииде Невруева рать. В лето 6885 бысть бои на реце на Пиане. В лето 6886 бысть на Вожи бои с Мамаем. В лето 6088 бысть на Дону бой с Ма-
л. 646 маем. || В лето 6400 Тактамышь царь Москву взял. В лето 6906 приходиль Темирь Аксак на Росиискую земля. В лето 6917 Едигеи воеваль Росия. В лето 6900 Махметь приходил к Москве. В лето 6953 бои бысть под Суздалем с Маматяком. В лето 6957 скории татарове до Похры. В лето 6959 Мозовша царь под Москвою был и посад пожьже. В лето 6875 начяша ставити град камень на Москве при великом князи Дмитрии Ивановичи и при митрополите Алексии Росийском.

Начяло князем Росиискым великым

1. Князь Рюрик от немець пришед. 2. Сынь его Игорь. 3. Святославь Игоревичь. 4. Владимирь Святославичь крестиль Росиискую землю. 5. Ярославь Владимеровичь. 6. Всеволодь. 7. Владимирь Манамах. 8. Юрии Владимировичь. 9. Всеволод великии. 10. Ярославь Владимерьскии. 11. Александр Новоградскыи Киевьскии. 12. Сынь его Данило. 13. Князь Ивань Даниловичь Калита. В лето 6847 при том Москва заложена бысть град дубовь. 14. Князь Семионь Ивановичь. 15. Князь Ивань Иванович. 16. Князь великий Дмитрии Ивановичь. 17. Князь великии Василие Дмитриевичь. 18. Князь великии Василие Василиевичь. 19. Князь великии Иоаннь Васильевичь.

(ГИМ, собр. Уварова, № 806, лл. 644 об.—646).

2. КИЕВСКИЕ КНЯЗЬЯ XI СТОЛЕТИЯ В ПОСЛАНИИ О ПОВИННЫХ

Послание помещено к Кормчей, хранящейся в ГИМ в Москве (собр. Барсова, № 155). Барсовская Кормчая, форматом в лист, написана полууставом конца XV—начала XVI в., на 280 листах. По-видимому, она представляет собой один из списков кормчих, правленных и дополненных в конце XIV в. при митрополите Киприане.[3] Этим объясняется появление в Барсовской кормчей, как и в других ей подобных, посланий Киприана, в которых некоторые слова и адресаты скрыты под тайнописью. Такое обстоятельство могло послужить причиной, по которой в Кормчую было включено Послание о повинных, где имя епископа обозначено буквой «д» под титлом. В подлиннике такая тайнопись могла обозначать как начальную букву имени епископа, почему-то решившего скрыться под псевдонимом, так и цифру 4. Поэтому слова «аз же Д епископ» с равным успехом могут быть прочитаны как «аз же 4 епископ». В бумагах Барсова имеется его высказывание о том, что епископ, обращающийся к князю, был каневским епископом Дамианом, названным в летописи под 1154 г. Но это едва ли так. Ведь епископ обращается к кому-то из правнуков Владимира

[в] *Так в ркп.* [г] *Подразумевается тысяча.*

[3] См.: М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941, стр. 128—138.

Святославича, а не Владимира Мономаха. Прадед адресата назван Владимиром равноапостольным, как называли именно Владимира Святославича. Кто же был правнуком Владимира, к которому обращено послание? Мы с равным успехом можем говорить о трех ветвях Ярославичей: о Изяславичах, Всеволодичах и Святославичах. Из всех этих князей адресат более всего похож на Владимира Мономаха, об отце которого Всеволоде летопись упоминает как о кротком князе. Намеком на положение Владимира Мономаха может служить указание на то, что адресат послания именуется почтенным «господьскымь и царьскым саном», что особенно подходит к Владимиру Мономаху, как сыну византийской царевны. В этом случае придется искать епископа с именем, начинающимся на «Д», который жил в конце XI—начале XII в. Из таких епископов нам известен Даниил, поставленный в епископы в 1113 г.

Даниил был поставлен епископом 6 января 1113 г. В том же году, по летописи (видимо, начало года велось по мартовскому счислению), умер великий князь Святополк Изяславич, и 20 апреля вошел в Киев и стал великим князем Владимир Мономах.[4] Следствием такого переворота были преследования сторонников Святополка. Так, послания митрополита Никифора рисуют Владимира Мономаха как немилостивого князя, вопреки обычным представлениям о нем как справедливом и добром. Возможно, епископ Даниил и скрыл свое имя, как и имя князя, к которому он обращается, ввиду особого характера послания.[5]

Слово «повинный» показывает назначение послания как заступничества об обвиненных или подлежащих осуждению.

Послание о повинных помещено в Барсовской Кормчей на лл. 279—280 об. Часть текста в конце послания утеряна, так как л. 280 частично оборван. Восстанавливаемые места поставлены в квадратные скобки.

Текст

От иного посланья о повинных

Богом вседержителем нареченому ис щрева матери своея, единочадом его сыном господемь нашим[а] Исус Христомь почтеному господьскым и царьскым саном и пресвятым благым животворящим духом его сблюдаему и уселяему на предспение господьскых царьскых разум и державу, благочестивому и христоволюбивому[б] великому[в] князю благодать господа нашего Исус Христа, любы ‖ бога отца, причастие святаго духа да будет с тобою *л. 279 об.* по благочестью. Аз же Д[г] епископ, се же по судбам божиим аще не достоин, твоего же ради еже к богу потщанья велие и еже к нему веры теплыя и до нас худых простретья любви, еже хотенья молитвы, рекша спасу нашему Исус Христу: «приемля пророка во имя пророче мзду пророчю прииметь; приемля праведника во имя праведниче, мзду праведничю приемлеть, еже поне же сътвористе от менших сих братьи моей и мне сътвористе». Се же есть твоея благочестивыя и божественыя душа разум еже во всех и от всех искати ползы своему спасению же и здравию, се же есть дар божей еже есть таков разум имети в сердце своем. По истине[д] бо

[а] *В ркп.* ншим. [б] *Так в ркп.* [в] *В ркп.* вликому. [г] *В ркп.* д. *под титлом.* [д] *В ркп.* истне.

[4] Летопись по Лаврентиевскому списку. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1872, стр. 276. — В издании поставление Даниила отнесено к 1114 г. по сентябрьскому счету.

[5] О киевских событиях 1113 г. см.: М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. Изд. полит. литературы, М., 1955, стр. 130 и сл.

достойно еже о сицевых пещися по спасову слову: «ему же дасться много, въстяжется от него». Сего ради требе и многое смотрение твоему благочестью, да многих управиши богови и в своем царствии, поне же сын божей наречеся по благодати и образ божей носиши, да и подасть ти. Еже
л. 280 и прият да и зблюдеши, || во твоемь бо есть разуме, поминаяи еже честнаго прадеда Володимера равна апостолом потщание еже к богу, еже от злых на благое уклонение и како тмы тмами приведшю к богови и святым просвещеньям из самех уст адовых исхытивши. Тако же и благочестиваго приснопамятного,[е] святаго деда твоего, как славится о нем, еже о христоименитых людех попечение многое. Тако же и христолюбиваго и великаго князя отца твоего, кротостью же и милостью безлобие многое и богобоязньство и правда; яко же пророк рече[ж].... избрах мужа с... по сердцю моем... по истине[з] ра.... беше по все.... оного помин... же от злобы... рое съвращен, и потщание апл.... ская управление. Сего же еже о людех попечение много святаго жити отца еже доб[ро]детелное исправление. Да семи всеми потщався исправленьи пр[ии]меши от бога прошение твое вскоре и безметежно и долголетно поживеш[и] нынешнем... и будущ[ем в]рече... ч
л. 280 об. ||...щник с бог[м] [бу]деши иже ес...ша ума ис... человеча о сем...хся богови, аще [дос]тоини есми [тог]о и о сем тво[е дъ]ржавное царство [да] и милостив будеши согрешающим к тобе, исполняя спасово слово, еже рече: «аще оставите человеком согрешения их и отець вашь небесныи оставить вам[и] согрешения ваша, да бы еси милость свою явил на согрешившим... и тобе на имярек,[к] [рек]шю господу: 70 се[дмь]ю [краты] праща[емь] авля.... ение его, да яко же во многих, тако же и о семь явиться человеколюбие твое,[л] да будеши свершен спасу рекшю, яко же отець вашь небесный свершен есть. Бог же милостью своею и молитвами святыя богородице соблюдет тебе во царствии твоем от всякого зла, на противныя победу даруеть, в будущем вече[ж] жизнь вечную, благодатью и человеколюбием. Амин.

(*ГИМ, собр. Барсова, № 155, лл. 279—280 об.*).

[е] *В рkп.* приспамятнаго; *буква* с *под титлом.* [ж] *Начиная с этого места текст частично утрачен, благодаря тому, что край листа оборван сверху донизу.* [з] *В рkп.* истне.

[и] *В слове* вам *буква* м *утрачена.* [к] *В рkп.* имрк; *далее восстанавливается по словам Григория Назианзина XI в.: «не седмищи тьчью, но седмь краты седмищи пращаемь» (см.: Срезневский, Материалы, т. II, стлб. 1375).* [л] *В рkп.* тое. [ж] *Так в рkп.*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

Я. С. ЛУРЬЕ

Заметки к истории публицистической литературы конца XV — первой половины XVI в.

1. Геннадиевский кружок и теория «Москвы — третьего Рима»

Вопрос о происхождении теории «Москвы — третьего Рима» решается в советской науке иначе, нежели в дореволюционной и западной науке. Советские исследователи не считают сочинения псковского монаха Филофея, дающие наиболее развернутое изложение этой теории, важнейшим памятником идеологии Русского централизованного государства; они указывают, что мысль о мировом значении Москвы высказывалась раньше Филофея, в иной форме и в совсем иной общественной среде (например, среди еретиков конца XV в.); теория Филофея и в XVI в. не стала московской официальной политической теорией.[1] Но не занимая центрального места среди памятников официальной идеологии Московской Руси, сочинения Филофея представляют, однако, значительный интерес для литературоведов и историков древней русской общественной мысли. Вопрос об источниках творчества Филофея заслуживает поэтому серьезного внимания.

Интересные соображения по поводу происхождения теории Филофея высказал в 1953 г. Д. Н. Стремоухов. Этот исследователь задался вопросом, на чем именно мог основывать Филофей свое представление о «Росейском царстве» как третьем и последнем мировом царстве: «Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти». Идея «движущегося» Рима встречается в ряде византийских источников; мысль о Москве как «новом граде Константина» высказывалась, как справедливо отмечает Д. Н. Стремоухов, уже митрополитом-еретиком Зосимой в его «Извещении о пасхалии» 1492 г. Но откуда была взята идея трех сменяющих друг друга мировых царств? В послании дьяку Мунехину, высказывая эту идею, Филофей ссылался на «пророческие книги».[2] И действительно, в одной из библейских пророческих книг, в книге III Ездры, описывается видение: орел с тремя головами и семью крылами — и приводится его толкование: три головы это «три царства», которые бог «воздвигнет» в последние годы.[3] Книга Ездры прямо упоминается Филофеем в другом его послании Мунехину — о покорении разума откровению.[4] А между тем III книга Ездры, не включенная в Септуагинту, читалась только в латинской Вульгате и была переведена с латинского языка и

---

[1] См. стр. 632—633 настоящего сборника.

[2] В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901 (далее: В. Малинин), Приложения, стр. 45.

[3] D. Stremooukhoff. Moscow the Third Rome: sources of the doctrine. — Speculum, ч. XXVIII, № 1, Jan. 1953, стр. 91. — Д. Стремоухов говорит о «IV Эзре», но в славянской Библии соответствующая книга называется третьей книгой Ездры.

[4] В. Малинин, Приложения, стр. 34.

введена в русскую письменность деятелями литературного кружка, группировавшегося вокруг новгородского архиепископа Геннадия и создавшего Геннадиевскую Библию 1499 г. Д. Н. Стремоухов полагает поэтому, что, создавая теорию трех мировых царств, Филофей находился под воздействием Геннадиевского кружка и переводчика Библии доминиканца Вениамина.[5]

Это предположение Д. Н. Стремоухова получает некоторое подтверждение благодаря рукописным материалам, которые были неизвестны автору. В научной литературе не раз упоминался важнейший источник Геннадиевской Библии — сборник библейских книг, составленный сподвижником Геннадия, католиком-доминиканцем Вениамином.[6] Сборник этот, никогда еще не бывший предметом специального исследования, содержит все основные материалы, отсутствовавшие в славянских переводах с греческого и переведенные из Вульгаты.[7] Обратившись к этому сборнику, мы находим в нем подтверждение того, что пророчество Ездры о трех головах орла — трех царствах привлекало к себе внимание переводчика Библии и особо выделялось им. Легенда о трехглавом орле не только читается здесь в соответствующем месте перевода,[8] но является также сюжетом специального и единственного сохранившегося в рукописи рисунка, служащего заставкой к III книге Ездры (см. рисунок).[9] Итак, пророчество о трех царствах вызывало специальный интерес в кругах, близких к новгородскому владыке, и могло давать повод для исторических параллелей и сопоставлений.

Но как именно могло трактоваться это пророчество в Геннадиевском кружке? Д. Н. Стремоухов полагал, что католик Вениамин, вероятно, отождествлял третью голову орла Ездры с Германской Священной Римской империей, но работавший вместе с Вениамином русский переводчик Дмитрий Герасимов мог уже относить это пророчество к Москве, гербом которой стал в это время двуглавый орел.[10] В другой своей статье, опубликованной в 1957 г., Д. Н. Стремоухов развил эту мысль еще далее. Для характеристики Геннадиевского кружка автор приводит в этой статье «Повесть о белом клобуке» — памятник, во вступительной и заключительной приписках к которому содержится ссылка на архиепископа Геннадия как на заказчика повести и на «Дмитрия Толмача» или «Митю Малого» как на ее автора; в пространной редакции этого памятника говорится о «Москве — третьем Риме» в тех же точно выражениях, что и в послании Филофея. Признавая (хотя и предположительно) автентичность известия о Дмитрии Герасимове как сочинителе «Повести», Д. Н. Стремоухов тем самым открывает возможность для использования этого памятника как источника, характеризующего политическую программу Геннадиевского кружка.[11]

Привлечение «Повести о белом клоубке» для характеристики Геннадиевского кружка представляется нам едва ли возможным. Поздний ха-

---

[5] D. Stremooukhoff. Moscow the Third Rome, стр. 91, 92, 97.

[6] А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей Синодальной библиотеки, отд. I. М., 1855, стр. 127—128, примечание; ср.: И. Е. Евсеев. Геннадиевская Библия 1499 г. СПб., 1914, стр. 12.

[7] ГПБ, Погод. 84. Рукопись эта, вопреки мнению предшествующих исследователей, является, по-видимому, не автографом конца XV в., а точной копией с него (середина XVI в.), сохранившей авторскую запись Вениамина, сделанную в 1493 г. На составе этого сборника мы останавливаемся более подробно в статье «К вопросу о „латинстве" Геннадиевского литературного кружка» (Сборник по древнерусской литературе ИМЛИ).

[8] ГПБ, Погод. 84, лл. 256, 257.

[9] ГПБ, Погод. 84, л. 234.

[10] D. Stremooukhoff. Moscow the Third Rome, стр. 91, 92.

[11] D. Stremooukhoff. La tiare de Saint Sylvestre et le Klobuk blanc. — Revue des études slaves, t. 34, f. 1—4. Paris, 1957, стр. 126, 127.

Заставка к III книге Ездры в Вениаминовском сборнике. (ГПБ, Погод. 84, л. 234).

рактер вступления и заключения к «Повести» доказывается анахронизмами и фактическими ошибками, которые имеются в этих текстах (здесь спутаны «Дмитрий Грек» — Траханиот и «Митя Малый» — Герасимов); здесь содержатся также прямые заимствования из сказания о Максиме Греке — памятника XVI в.[12] Пространная редакция «Повести о белом клобуке», содержащая упоминание о «Москве — третьем Риме», создана, по нашему мнению, не ранее конца XVI в.: здесь «предсказывается» учреждение патриаршества, происшедшее в действительности в 1588 г.; легенда о Мономаховых регалиях заимствована в «Повести» из «Сказания о князьях Владимирских»; таким же заимствованием представляется нам и текст о «Москве — третьем Риме».[13]

Для характеристики политических взглядов Геннадиевского кружка наибольшую ценность имеют современные ему памятники, и в особенности «Слово кратко» Вениамина, написанное в 1497 г. и обнаруживающее резкую оппозицию по отношению к великокняжеской власти. В этом же направлении, по нашему мнению, должны были развивать в кружке Геннадия легенду о трехглавом орле из пророчества Ездры. Учтем, что в библейском тексте три головы орла характеризуют три страшных и неблагочестивых царства: «А что ты видел три головы покоющиеся, это означает, что в последние дни царства всевышний воздвигнет три царства и покорит им многие другие, — и они будут владычествовать над землею и обитателями ее с бо́льшим утеснением, нежели все прежде бывшие; поэтому они и названы головами орла, ибо они довершат беззакония его и положат конец ему».[14] Если в кружке Геннадия отождествляли «третье царство» с Москвой, то имели в виду Московское царство именно как силу, владычествующую над землей «с бо́льшим утеснением, чем все прежде бывшие», и довершающую «беззакония» прежних царств — Рима и Византии.

В понимании Филофея, псковича, признававшего московскую власть и дававшего дружеские наставления Василию III и Ивану IV, образ третьего «Росейского царства» претерпел уже некоторую эволюцию. Но и в XVI в. во Пскове были люди, которые видели в победе Москвы торжество антихриста и дополняли апокалиптические пророчества собственной оценкой: «сему бо царству рашширятися и злодейству умножатися».[15] Весьма вероятно, что обе эти оценки Русского «царства» (промосковская

---

[12] Повесть о белом клобуке. Памятники старинной русской литературы под ред. Н. И. Костомарова. СПб., 1860, стр. 287, 288. Ср.: Н. С—н [Субботин]. Как издаются у нас книжки о расколе. — Русский вестник, 1862, май (далее: Субботин) стр. 359, 366; Н. Н. Розов. Повесть о новгородском белом клобуке (Идейное содержание, время и место составления). — Ученые записки ЛГУ, 1954, № 173, серия филолог. наук, стр. 317—320.

[13] Повесть о белом клобуке, стр. 296; Ср.: Субботин, стр. 363—368; А. С. Павлов. Подложная дарственная грамота Константина Великого. — Византийский временник. СПб., 1896, т. III, стр. 49—52; A. D. Sedel'nikov. Vasilij Kalika: l'histoire de la légende. — Revue des études slaves, t. 7, f. 3—4, Paris, 1927, стр. 234—235.

[14] III Ездра, 12, 22—25; ср. древнерусский перевод этого места: ГПБ, Погод., 84, л. 256 об.

[15] Псковские летописи, в. 2. М., 1955, стр. 225—226. — Уже А. А. Шахматов (К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1899, оттиск из СОРЯС, т. XVI, № 8, стр. 112) указывал, что это место пародирует Филофея. Д. Стремоухову это предположение представляется «поразительно слабым», ибо он не видит, «как почти дословное цитирование Апокалипсиса может содержать пародию на фразу Филофея» (D. Stremooukhoff. Moscow the Third Rome, стр. 93). Однако ПЗЛ цитирует Апокалипсис отнюдь не дословно; ссылка на Русь, слова «сему бо царству рашширятися» в Апокалипсисе (17, 10) отсутствуют; именно они и представляют собой пародию на формулу Филофея. А. Н. Насонов (Из истории псковского летописания. — ИЗ, т. 18. М.—Л., 1946, стр. 267) соглашается с мнением А. А. Шахматова о пародийном характере этого места.

и антимосковская), существовавшие в XVI в., имели своим источником библейские пророчества, на которые обратили внимание участники Геннадиевского кружка. Но осмысляя действительность своего времени как осуществление древних пророчеств, признавая тем самым неизбежность совершившихся в конце XV—начале XVI в. исторических перемен, русские публицисты оценивали эти события по-разному — в соответствии со своей общей идеологической позицией.

2. Мнимые послания Нила Сорского Паисию Ярославову

Вопрос о взаимоотношениях между Нилом Сорским и Паисием Ярославовым (как и вообще вопросы ранней истории так называемого «нестяжательства») далеко не так ясен, как это обычно представляется в научной литературе. Историографическая традиция считает Паисия старейшим представителем «заволжских старцев», учителем и духовным руководителем Нила Сорского, наконец, одним из инициаторов постановки вопроса о секуляризации монастырских земель на соборе 1503 г. Основным источником для такой характеристики, несомненно, было так называемое «Письмо о нелюбках» — памятник середины XVI в., в котором говорится, что на соборе «о вдовых попех и диаконех в лето 7012» (1503/04), «был старец Паисея Ярославов, еже бысть приемник великого князя Василия от святыя купели, и ученик его старец Нил, по реклу Майков... и князь велики держал их в чести в велице»; далее рассказывается, как Нил Сорский, «а с ним пустынники белозерские», выступили за то, чтобы «у монастырей сел не было».[16] Недостоверность этого рассказа обнаруживается очень легко: современные летописные записи сообщают, что Паисий Ярославов умер 22 декабря 7010 (1501) г., и, следовательно, никак не мог присутствовать на соборе, состоявшемся в конце 1503 г.[17]

Достоверные сведения о Паисии Ярославове довольно лаконичны. Никаких прямых сведений о его близости к Нилу Сорскому нет; косвенным свидетельством какой-то связи между ними может служить то, что они дважды упоминаются вместе: в феврале 1489 г. новгородский архиепископ Геннадий, обращаясь к бывшему архиепископу Ростовскому за помощью в борьбе против еретиков, просил привлечь к этому делу Паисия и Нила: «ты бы о том с Пасеем да с Нилом накрепко поговорил, чтобы есте и ко мне отписали о том... Мощно ли у мене побывати Паисию да Нилу, о ересех тех было с ними поговорити? ..»; [18] летопись, связанная с Геннадием, упоминала, что Паисий и Нил присутствовали на соборе против еретиков в 1490 г.[19] Известно, кроме того, что во время столкновения Ивана III с митрополитом Геронтием Паисий держал сторону великого князя и Иван III прочил его самого в 1484 г. в митрополиты; известно также, что в бытность игуменом Троицкого монастыря Паисий имел столкновения с монахами, которых он не мог «превратити на путь божий, на молитву, пост и воздержание»,[20] — такое стремление Паисия к укреплению монастырской дисциплины само по себе, конечно, не может служить доказательством его нестяжательства. Против представления о нестяжа-

---

[16] Прибавления к творениям святых отцов, т. X. М., 1851, стр. 505; Послания Иосифа Волоцкого. М.—Л., 1959, стр. 366.

[17] Ср.: Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1897, стр. XL, XLI, прим. 1.

[18] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955, стр. 320.

[19] ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, стр. 158.

[20] ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, стр. 236

тельских взглядах Паисия определенно свидетельствует весьма любопытный документ: судебное дело из-за земли между Паисием, как игуменом Троицкого монастыря, и кирилловским игуменом Нифонтом.[21] Как мы видим, Паисий не только не отрицал монастырской земельной собственности, но готов был тягаться из-за этой собственности с монастырем-соперником. До нас дошло одно литературное произведение Паисия — «Сказание о Каменном монастыре»; [22] послание это также не говорит о нестяжательстве Паисия и вообще никак не характеризует его идеологию.

При такой бедности известий о Паисии Ярославове и его взаимоотношениях с Нилом Сорским особый интерес приобретает всякий новый источник по этому вопросу. А. С. Архангельский, автор специального исследования о Ниле Сорском, сделал попытку привлечь такой новый источник: по его предположению, ему удалось обнаружить два новых послания Нила, которые «не могли быть писаны им ни к кому другому, как только к Паисию Ярославову»; послания эти «указывают на самые глубокие нравственные связи писавшего с тем лицом, к которому они были писаны».[23] Послания эти содержатся в сборнике игумена Волоколамского монастыря (1575—1578 гг.) Евфимия Туркова (ГПБ, Q.XVII.50), в котором помимо указанных находится несколько бесспорных посланий Нила. Особенный интерес представляет первое из привлеченных А. С. Архангельским посланий, написанное в связи с запросом адресата, что́ надлежит делать со священником, «аще кто недостоин приидет на священство». Принадлежность этого послания Нилу Сорскому была бы особенно интересна в связи с обычным историографическим взглядом (особенно развитым самим А. С. Архангельским) об отрицательном отношении нестяжателей к преобладавшему церковно-обрядовому течению религиозной мысли. Второе послание говорит об особой близости писавшего к адресату («его же от пелен вожделех видети») и провозглашает, по мнению А. С. Архангельского, принцип «снисхождения к подчиненным, сострадания и прощения».[24]

А. С. Архангельский придавал обнаруженным им посланиям столь важное значение, что привлек их для биографии Паисия Ярославова в «Русском биографическом словаре».[25]

Оба названных послания до сих пор не издавались; мы публикуем их ниже. Ознакомление с ними не только не подтверждает атрибуции их, предложенной А. С. Архангельским, но позволяет даже выразить по поводу этой атрибуции сильнейшие недоумения. В первом послании автор дважды приглашает адресата возносить молитву «чюдоносцу Варлааму», т. е., очевидно, Варлааму Хутынскому; это заставляет подозревать близость адресата (или автора) к Хутынскому монастырю (в Новгороде), к которому ни Паисий, ни Нил никакого отношения не имели. Во втором послании автор говорит адресату, что тот послал его (на послушание) «в киновию Иосифову», т. е. в Иосифов Волоколамский монастырь; нет необходимости доказывать, что Паисий Ярославов никогда не направлял и не мог направлять Нила Сорского (бывшего уже почтенным старцем, когда Иосиф создал свой монастырь) на послушание в «киновию Иосифову».

---

[21] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, т. I. М., 1952, № 467.

[22] Православный собеседник. Казань, 1861, I, стр. 199—214.

[23] А. С. Архангельский. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, ч. I. СПб., 1882, стр. 17, 18.

[24] Там же, стр. 79—85.

[25] Русский биографический словарь, «Павел—Петр (Илейка)». СПб., 1908, стр. 124.

Отнести разбираемые послания к творчеству Нила побудило Архангельского оглавление сборника Евфимия Туркова.[26] Действительно, в этом оглавлении после слов «Духовная вкратце малая старца Иосифа» читается: «И два послания старца некоего о духовной пользе от писаний божественных»; к слову «старца» приписано киноварью, но тем же почерком: «Нила».[27] Поскольку в тексте разбираемые послания действительно следуют за «малой духовной» Иосифа Волоцкого, А. С. Архангельский и предположил, что они принадлежат Нилу Сорскому. Но опираться на оглавление Турковского сборника чрезвычайно рискованно. Вслед за процитированными словами мы читаем в этом оглавлении: «Послание старца Нила пустынника брату впросившу его о помыслех». А между тем в тексте за интересующими нас посланиями следует не послание Нила, а послание неизвестного новгородскому архиепископу Макарию,[28] а затем не одно, а три послания Нила Сорского: «о помыслех» (Вассиану Патрикееву), «о пользе души» (Гурию Тушину) и «от пустыни» (старцу Герману).[29] Хотя заголовок первого из посланий Нила (Вассиану) начинается словами: «того же старца Нила», но и это не говорит в пользу отнесения к его творчеству разбираемых нами посланий: перед посланием Нила Вассиану, как мы уже указали, в Турковском сборнике читаются не наши анонимные послания, а послание Макарию, безусловно Нилу не принадлежащее. Слова «того же», очевидно, заимствованы Турковским сборником из какого-то другого сборника, где посланию Вассиану предшествовали иные сочинения Нила.

Что касается заголовка в оглавлении, то он, очевидно, может быть объяснен двояко. Либо этот заголовок действительно относится к разбираемым посланиям, но тогда речь здесь идет не о «старце Ниле пустыннике» (Сорском), а в другом «старце Ниле некоем» (мы еще вернемся к этому предположению). Либо разбираемые послания, так же как и послание Макарию, вообще не отразились в оглавлении, а заголовок «Послания старца Нила некоего о духовной пользе...» и заголовок «Послание старца Нила пустынника брату вопросившу его о помыслех» вместе относятся к трем посланиям Нила, действительно помещенным в сборнике. Учтем, кроме того, что сборник Туркова составлялся в 70-х годах XVI в., и ошибочные атрибуции в его оглавлении — не редкость.

Кем же и кому были в действительности написаны разбираемые послания? Первое из них, адресованное «честнейшему» «владыке» и «господину», содержит, как мы уже указывали, просьбу молиться «Варламу». Если учесть, что важнейшее место в сборнике Евфимия Туркова занимают послания, относящиеся к его учителю, игумену Варлаамова Хутынского монастыря (1531—1542), впоследствии новгородскому архиепископу Феодосию (в том числе вплетенный в сборник автограф Феодосия: «последнее руки его благословение»), то, естественно, возникает предположение, что и данное послание связано с Феодосием и вероятнее всего ему адресовано. Как ответил Феодосий на важный вопрос, что делать с недостойным священником, мы, к сожалению, не знаем, так как в послании только упоминается об этом запросе, но нет на него ответа.

Второе из публикуемых посланий, написанное учеником учителю, которого он привык видеть «от пелен», считалось, очевидно, в письменности XVI в. настолько ярким памятником, что его не преминули использовать

---

[26] А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 57, прим. 29.
[27] ГПБ, Q.XVII.50, л. 2 об.
[28] ГПБ, Q.XVII.50, лл. 61 об.—63.
[29] Там же, лл. 63 об.—77.

как формулярную грамоту. В том же сборнике Евфимия Туркова мы читаем послание к новгородскому архиепископу Макарию, написанное уже известным нам хутынским игуменом Феодосием (большим любителем подобного использования чужих литературных образцов) на основе разбираемой грамоты.[30] Феодосий вставил в послание упоминание о чудотворце Варлааме, о «храме святые Софеа Премудрости божиа» и о новгородских «мятежах местных», но оставил все обращения «к великому пастырю». Особенно заслуживают внимания различия между обеими грамотами, так как они подчеркивают то, что в нашей грамоте наиболее индивидуально и не могло быть использовано в другом произведении. Так, например, только в публикуемой грамоте упоминается, что некогда адресат «заповедию обязав», послал автора «в гостинницу — киновию Иосифову» и что автор, желая «честное лицо зрети», вновь прибежал к «господеви моему и владыце» принести «исповедание и покаание», ибо только ему он может «обнажити язвы» своей души. Кто мог написать это послание? В истории Иосифова Волоколамского монастыря мы знаем один случай, когда монах, постриженный в этой «киновии», Андрей Квашнин, покинул ее и сбежал в Кириллов Белозерский монастырь к своему сородичу, старцу (в течение некоторого времени и игумену) Кириллова монастыря Гурию Тушину; Тушин «повеле его скоро возвратити назад в обитель отца Иосифа».[31] Квашнин, вероятно, знал Тушина «от пелен», и разбираемое послание вполне могло быть его посланием Тушину. Против этого, однако, говорит одно место послания: оправдываясь в своем бегстве, автор пишет, что он не мог «тръпети удаление от великого пастыря», ибо где «епископ, ту и священий множество, ту аггел собрание». Это место (если только это не оборот, который надлежит понимать в каком-то переносном смысле) говорит как будто о том, что адресат послания был епископом, а Тушин епископом не был. Другим возможным автором послания мог быть монах и литературный деятель конца XV—начала XVI в. Нил Полев, который в свое время уходил из Иосифова монастыря в скиты близ Кириллова монастыря, а затем вернулся обратно (в связи с разрывом между нестяжателями и иосифлянами).[32] Такое предположение согласовалось бы со словами в оглавлении Турковского сборника: «старца некоего Нила». Однако в этом случае оставалось бы не совсем ясным, перед кем и в чем кается Нил Полев. Адресат послания послал его в «киновию Иосифову», вряд ли это лицо имеет какое-либо отношение к заволжским скитам, куда совершил свой первый переход Нил Полев (о его «заволжском» происхождении нам ничего неизвестно); скорее это кто-то из Волоколамского монастыря (хотя и не сам Иосиф, ибо он упоминается в третьем лице), но тогда, очевидно, автор уже вернулся в Волоколамск к своему наставнику «от пелен», и ему следовало бы упомянуть об обоих своих переходах, чего в послании нет.

Некоторая загадочность обоих анонимных посланий ни в какой мере не снижает их историко-литературного значения и делает еще более нужной их публикацию. Перед нами, конечно, не послания Нила Сорского Паисию Ярославову, но два любопытных публицистических памятника приблизительно того же времени — конца XV—первой половины XVI в.

---

[30] Там же, лл. 91 об.—93. — Послание издавалось дважды: Древняя Российская Вивлиофика, ч. XIV. М., 1790, стр. 213; ДАИ, т. I. СПб., 1846, № 30.

[31] ВМЧ, сентябрь 1—15. СПб., 1868, стлб. 495—497.

[32] Ср.: Житие Иосифа, составленное неизвестным. — ЧОИДР, 1903, кн. III, стр. 20, Письмо о нелюбках. Прибавления к творениям святых отцов, т. X. М., 1851, стр. 506—507; Послания Иосифа Волоцкого, стр. 367—368.

Тексты

I

Просил еси, господине, у нас грешных видениа от божественых писаний, аще кто недостоин приидет на священьство или по священьстве впадет в плотскиа страсти, или преж священства осквернится в плотскых страстех, и что божественаа правила о сицевых уставляет запрещениа или кое отлучение. И мы, господине, сами грешни и недостойни суще, како можем учительский сан восхищати юностию сущу играа? Но убояхся суда божиа скрыти истинну своих ради грехов лености, дрьзнул того ради понеже множицею глагола ми о сем и от многа времяни требуеши от мене худаго слышати слово в душевную тебе поспевающее ползу и памяти ради моего недостоинства, яко да и по смерти моей поминаеши мое окаанство. Но не
л. 58 об яко же ты мниши, возлюбление, мы ‖ силни есмы в делех и словесех, — веси убо немощь мою и удобна тебе худость моа. Но не просиши от мене упокоевающее плоть, но к спасению душевнаго устроениа. Сего ради забых свою худость и неразумие, поминаа твою веру и усердие и еже о блазем тщание и повеленнаа тобою дрьзнух писати вкратце от божественых правил и послах твоему боголюбию. Твоа освященнаа главо благодать и благословение и дарование еже к нам недостойным радостною душею любезне простертамя рукама приах и о сих много челом бию. Възблагодатьствити же и возблагословствити и воздаровати и хотяще не можем, ибо несмы доволни, како бо что и помыслити имамы таково, иже ниже жити достойни, но рекый: «Ею же мерою мерити, возмерится вам»,
л. 59 той воздасть меру добру потрясну и преливающуюся. ‖ Боюсь, владыко мой, да не множство грех моих възбранит ми насладитися твоего видениа зде и онамо. Аще зде благоволит господь, да утвердится ми сердце твоими словесы и святыми ти молитвами оградитись имамы, негли покаания путем текий буду к вечному животу, и совозрадуютися тамо прочее неразлучне ходатайством богородицы и чюдоносца Варлаама. Вем, господи мой отче, яко сласти болезньми очищаются, но моли, молю тя, господи мой, приату быти господемь страданиюми иже от язв, а еже заповедуеши моему недостоинству молити — несть мое, несть, но твоей твоеа чистоты свойствено мольбы приносити и благое ино ненудимое естество нудити и священныа ти воистинну душа о нас болезновати есть. Обаче аще и бестудие похваляется любовию, бываемое от усердиа возбыстряемо, твоеа
л. 59 об. заповеди ‖ трепеща есмь. Но, о честнейший, от своей чади убогое не оставляя, буди молитвенник господу богу и богородици, и всем святым и Варламу о моем окаанстве всегда быти благоволи, много молю твое преподобьство, и на путь спасения наставляти мое недостоинство, владыко, не отрецися. Здравствуй, о господи честнейший отче, и егда предстоиши тайнней трапезе, и тогда наше недостоинство не забывай, владыко мой.

(ГПБ, Q.XVII.50, лл. 58—59 об.)

II

Понеже древле, о пресвятый владыко, егда впадшу ми в душетленныа разбойникы, и от них не исполу, по всему умерщвену, елма ты, яко истинен пастыр первопастырем Исус Христом послан, зде прииде взыскаа заблужших и мимоходя, узрев мое окаанство, не мимошел еси, яко иерей и левит, но яко подражатель владыкы Христа милосердовав о моем недо-
л. 60 стоинстве, елей милости и богоприа‖тных молитв, окормлениа же и заступлениа и помощи и вино же, еже от божественыа трапезы и священных предверий отгнание, на моа язвы возлиав и заповедию обязав, в го-

стинницу — киновию Иосифову послал еси, завещав прилежати ми, — но, о владыко господи мой, что сотворю окаанный аз? Малодушен сый, на мнозе тръпети удалениа от великого пастыря невозмогох. Како бо и хотех тръпети, его же от пелен вожделех видети, и в мале виде вьжелаемого лишихся абие, ихже николи же надеахся, сиа пострадах, не и самыа ли души от телесе разлучение вменях и в лепоту? Иде же бо епископ, ту и священий множество, ту аггел собрание, ту и Христос, яко же сказует богоносный Игнатей и божественый Златоуст. Полезно есть зело, еже повиноватися наставнику по апостолу вселенныа. И мне грешному ‖ *л. 60 об.* всячьскы желательно, но желателнейше ми есть, еже близ быти великаго пастыря и того честное лице зрети. Может бо, святый владыко, господи, еже токмо видети тя, злонравную ми душу увещати, во благонравие преложитися и во умиление приити. Темь же оттуду к тебе, господеви моему и владыце пакы притекох, и ныне, господи мой, желаю божественныа трапезы приобщитися, еже причаститися безсмертных таинств. Елма же, святый владыко, множество согнитиа душа ми имат, тем же со слезами молю твою христоподражательную утробу, господи мой и владыко, приими душу мою многогрешную во исповедание и покаанием к Христу спасу приведи. Тако ти Исуса прешедшаго грешникы спасти и иже кровь свою за ня пролиавшаго в душу свою их ради положшаго, не отрини мя недостойнаго, святый владыко, не отрини! Тебе бо, о владыко, ‖ тебе тяжкаа *л. 61* и лютаа целити остало есть — не могу, господи мой, комуждо, яко же прилучися, обнажити язвы душа моеа, но тебе токмо, святый владыко, обнажати могу, яко и древняа моа целившу, и ныне со Христом мощну ти сущу исцелити ми согнитиа, яко власть приимшу от духа святаго вязати и разрешати. Господа бога ради, пречистый владыко, о Христове утробе умилосердися на мя грешнаго и недостойнаго, и приими мое окаанство на исповедание, и подай разрешение прогрешением моим, и сподоби причащениа святых безсмертных таинств Христовых. Ей молю ти, не отрини мя недостойного, владыко господи. Молю же тя, господи, да не прогневается милость твоа на мя за еже дрързнух велико: не от безстудиа, господи, дрързнух, вем бо опасно свое недостоинство, но от веры, владыко господи, от веры дрързнух и палящиа любве, яже страх изгонит. Желаю бо ‖ все- *л. 61 об.* благаго господа бога милостива обрести, его же зле прогневах, и кто ми благопременительна того сотворит, аще не ты, пресвятый владыко, священным си ходатайством? Тем же много молю твою святость: покажи, владыко, милость на мне недостойнем, настави мя на путь вечнаго живота.

(ГПБ, Q.XVII.50, лл. 59 об.—61 об.).

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

Г. Н. МОИСЕЕВА

Старшая редакция «Писания» митрополита Макария Ивану IV

В 1956 г. в числе редких и ценных рукописей В. И. Малышев приобрел сборник второй половины XVI в. размером в восьмую долю листа, в дощатом переплете, обтянутом кожей.[1]

Сборник хранится в Рукописном отделении ИРЛИ под № ПС № 7. Состав сборника очень интересен: на лл. 1—166 в нем помещены выборочные статьи из Кормчей книги; лл. 167—169 об. другой бумаги с заметками 1883 г. На лл. 170—192 об. почерком конца XVI в. на бумаге, датируемой последними десятилетиями XVI в.,[2] находится «Писание Макария митрополита всея Русии к великому князю Ивану Васильевичу всея Русии».

«Писание» Макария представляет собой подборку материалов в защиту церковной и монастырской земельной собственности. Начинается оно ссылкой на слово 165 «святых отец» на пятом Вселенском соборе. Далее помещены большие выписки из трактата Иосифа Волоцкого в защиту церковной и монастырской собственности (со слов «Иже бо явится неистовствуя на святыя божия церкви» до слов «По святых же правилех да будут прокляти в сий век и в будущий»),[3] затем — ссылки на заповеди царя Мануила Комнина. После этого материала помещен «Ответ и послание Макария митрополита всея Русии... ко благочестивому и христолюбивому и боговенчанному царю и великому князю Ивану Васильивичу всея Русии самодержцу о святителском суде и о недвижимых вещех, вданных богови в наследие вечных благ». Начинается он с пересказа подложной грамоты императора Константина и заканчивается ссылкой на узаконения Владимира I. Текст не дописан, и слова «прославляем всегда и во веки веком. Аминь» приписаны другой рукой.[4]

«Ответ» Макария впервые был опубликован Н. Субботиным в 1863 г. в V томе «Летописей русской литераутры и древности» по списку XVI в. Волоколамской библиотеки № 522. В небольшой заметке, предваряющей публикацию текста, Н. Субботин высказал предположение о времени написания «Ответа» Макария, поставив его в связь с подготовкой Иваном IV Стоглавого собора 1551 г., основной задачей которого был пересмотр вопроса о землевладении церкви и монастырей.

В настоящее время известны еще два списка послания Макария Ивану IV. Один из них, датируемый также серединой XVI в. (ГПБ, Q.I.214, лл. 464—486), полностью совпадает с опубликованным. Второй

[1] Г. Н. Моисеева. Находки древнерусских рукописей. (Выставка в Институте русской литературы). — Вестник АН СССР. М., 1957, № 1, стр. 100, 101.

[2] ИРЛИ, Рукописное собр., ПС № 7, 8°. Водяной знак: кувшинчик с полумесяцем. — Н. П. Лихачев, № 2718 (второй половины XVI в.).

[3] В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, Приложение, стр. 129.

[4] ИРЛИ, Рукописное собр., ПС № 7, л. 192 об.

список, находящийся в сборнике, приобретенном на Печоре, в значительной степени отличается от опубликованного Н. Субботиным и тождественного ему списка Q.I.214. Половину его текста занимает подборка материалов, не вошедших в окончательный вид «Ответа». Между тем материалы эти очень важны как для понимания общей позиции Макария в вопросе о земельных владениях церкви и монастырей, так и отношения его к литературному наследию своих непосредственных предшественников, в частности к сочинениям игумена Иосифа Волоцкого. Бо́льшую часть первого раздела «Писания» Макария занимают выборки из трактата волоколамского игумена в защиту церковных богатств.

Следует обратить внимание еще на одну интересную особенность «Писания» митрополита Макария. Она адресована «к великому князю Ивану Васильевичу», т. е. написана до того, как Иван IV в 1547 г. венчался на царство. Следовательно, можно полагать, что Иван IV обдумывал вопрос о секуляризации церковных и монастырских земель еще задолго до Стоглавого собора, а митрополит Макарий, возглавлявший тогда русскую церковь, подготавливал материал для защиты «непоколебимости» земельных прав церкви. Позднее (не ранее 1547 г.), когда Иван IV в какой-то форме предложил митрополиту Макарию отдать в государственную казну «недвижимые вещи»,[5] Макарий написал «Ответ» с подробным изложением ряда материалов, узаконивающих, с точки зрения церковных деятелей, их права на обладание земельными имуществами. Таким образом, новый список послания Макария Ивану IV дает интересный материал для суждения об отношении Ивана IV к церковной и монастырской собственности значительно ранее того времени, когда он поставил об этом вопрос на Стоглавом соборе 1551 г. Подготовительные материалы митрополита Макария не пропали даром: они были использованы и в послании царю Ивану IV и в «Ответе о вотчинах и куплях» на Стоглавом соборе 1551 г.[6] Макарий изъял из этих подборок только одну формулировку, которая чрезвычайно ярко характеризовала его отношение к царю, посягающему на собственность церкви и монастырей. Ни в послании, ни в «Ответе» не фигурирует фраза: «Аще же и сам царь, нося багряницу и царский венец, надеяся благородству и саном гордящеся негодовати начнут нашего повеления, и святым правилом не покоряющеся святых отец, дерзнет таковая сотворити, той с прежреченными осужден будет яко гласу господню противятся».[7]

«Писание» Макария в сборнике ПС № 7 является, по-видимому, копией с подготовительных материалов митрополита «всея Русии». Несмотря на то что в нем есть два случая чисто механических ошибок, допущенных переписчиком: князь — в нас (л. 171 об.), ответ — свет (л. 180),[8] список этот гораздо лучше передает текст своих первоисточников, чем список Волоколамский № 522 и ГПБ, Q.I.214. Объясняя, почему церковнослужители носят белый клобук, список сборника ПС № 7 передает правильное чтение: «Мы же покрываху его главному о сем белым видом воскрение начертавше на священнейшую главу».[9] Сравни с Грамотой Константина:

---

[5] О том, что Иван IV предложил отдать земли, можно судить из «Ответа» Макария: «И того ради молим твое царское величьство и много со слезами челом бием, чтобы еси, царь и государь князь великий Иван Васильевичь, всея Русии самодержец,.. у пречистой богородици и у великих чудотворцев из дому тех недвижимых вещей, вданных богови в наследие благ вечных, не велел взяти» (Летописи русской литературы и древности, т. V, стр. 136).

[6] Стоглав. Казань, 1862, стр. 339, 340.

[7] ИРЛИ, Печорское собр., № 7, лл. 178 об.—179.

[8] Последняя ошибка легко объясняется. В слове «ответ» «т» было выносным: Оᵀвет. «О» могло быть не дописано с правой стороны, и писец принял его за «с».

[9] ИРЛИ, Рукописное собр., ПС № 7, лл. 183 об.—184.

«Мы венець места сего лицем белейшим светлое воскрение господне назнаменавше».[10] В Волоколамском № 522: «Мы же покрывалу его главному о сем белым видом светлое вскресенье начертавше на честную главу его».[11] Списки же Волоколамский № 522 и ГПБ, Q.I.214 являются окончательным видом «Ответа» митрополита Макария Ивану IV. В этих списках не видна та длительная подготовительная работа к упорной и сложной борьбе воинствующих церковников с великокняжеской властью, которая проводилась на протяжении почти всего XVI в. за обладание церковными и монастырскими землями.

Текст

л. 170

Писание Макария митрополита всея Русии к великому князю Ивану Васильевичу всея Русии

И сего ради благочестивый царь Иустиян со святыми отцы на пятом
соборе 165 святым духом просвещены о сих всех страшную и велелепную
заповедь возгласиша до скончания миру тому непреступну быти. Сице на-
писаша. Великаго нашего града и со пресвятыми твоими архиепископы 165
л. 170 об. || се пологание писанием предаемь обидевшая святыя церкви. Иже бо кто
явится неистовствуя на святыя божия церкви и на священныя их власти
даное господеви в наследие вечных благ и на память последняго рода, оби-
дящих властию тем и даемое беззаконно отимает: села и винограды.
Аще ли кто в сану преобидети начнет или сосуды восхищати церковныя
л. 711 и оправдания, || или привлачащая насилием епископа или попа, или диякона,
и всякого просто рещи священнаго ли монастырем даное граблением и на-
силием дея, и отимая от них все даное, даемое Христови, аще кто изобря-
щется се творя и бесчиние велие мяты и святыми церквами божиими,
четверицею да вдасть паки въспять церковное. Аще ли и саном гордя-
л. 171 об. щейся негодовати начнут нашего || повеления истинным правиломъ не по-
коряющеся святых отец, в каковом сану ни буди князь[a] или воевода,
воеводства чюж, или воин, воинства чюж. И паки аще велиим негодованием
начнут негодовати, забывше вышняго страха и оболкшеся во безстудие,
повелевает наша власть тех огнем сожещи, домы же их святым церквам
вдати, их же обидеша.
л. 172 Аще ли и са||ми тии венец носящии тоя же вины последовати начнут,
надеющеся богатств и благородств, а истоваго не радяще, не от-
дающе иже обидеша святыя церкви, или монастыря, преже реченною
виною да повинни будут. По святых же правилех да будут прокляти в сий
век и в будущий.
Заповеди благочестиваго царя Мануила Комнина греческого на обидя-
л. 172 об. щих святыя церкви. Царь же сей || Комнин тако узаконив и писания пре-
дав нерушима. Прихождаху же мнозии от строителей церковных, жалую-
щеся на наместники, како обидети хотят церковная стяжания и пошлины.
Царь узакони написа, глаголя понеже и се ко ушима нашего царства до-
стиже от жалобник церковных, иже повсюду, идеже аще суть церковная
л. 173 стяжания и пошлины, изообид||мы от наместников моих или от судии.
Абие положися нашему царству в небрежении о сем честному храму сему
и всем по вселенней сущим митрополиям и архиепископьям, и епископиям,
и монастырем, и всем божиим церквам, идеже аще суть. Или на восточных

---

[a] *Испр., в ркп.* в нас.

[10] А. С. Павлов. Подложная дарственная грамота Константина Великого папе Сильвестру в полном греческом и славянском переводе. — Византийский временник, т. III. СПб., 1896, в. 1, стр. 79.

[11] Летописи русской литературы и древности, т. V, стр. 130.

странах по всей вселенней, яже суть отдана богу в приношение жертвам даже до скончания века, да || пребывает моего царства нерушима писания *л. 173 об.* ради, аще град, аще села, аще лугове, или езера, торжища и одрины, или людие, купленыя в домы церковныя, или пошлиною под судом церковным, или винограды, или садове или что таковое от церковных вещей, яко же еже царство наше судивше узаконив положи, и наместницы царства нашего, и несть и кому || их посудити. Тако же и елика суть вдана или куп- *л. 174* лена в домы церковныя да суть под судом церковным.

Такоже не смеет никто же посужати и изыскивати кому от моих наместников или отсудити моих. И аще кто, смеяв от наместников или от судии моих царьства моего посудити, или проданая к церкви, или даная от кого, или како отдана будут. Всяк бо иже аще таковое смев || изыскивати, *л. 174 об.* или посужати смел дерзнути, немилостивно сего дом пограблен будет в дом церковный, или судиям, и той сам по вся лета живота своего бесчестен да будет, и от сана своего, и от случия моего отлучен яко противяся цареву узаконеному еже благочестне и благолюбезне церквам и монастырем отдавшаго. И сего ради мал некаков дар приносящуми богови, от него же || тмо- *л. 175* численых даровании от бога то подателныя его десница восприимшуми. Сего ради подобает ниже от наместников, ниже от судии царства моего всяческое церковное или монастырское стяжание, или даное, или купленое не изыскивати, ниже посуждати, понеже царство мое сия вся отдаде стяжания и пошлины церквам божиим ради имени божия и на славу его. И яко да сохра||нени будем под крепкою его десницею ово же прося ми- *л. 175 об.* лости и прощения о их же к богу яко человек плот нося приразихся и согреших, ово же ради помощи от них, иже воины великого царя Христа, иже от младаго возраста иноческому житию прилепившихся и во всеоружие отведяшихся святаго духа, спомпешника имети, и поборника крепка на видимыя и невидимыя враги. Тем же || аще кто убо дерзнет наместник или *л. 176* судия, или вельможа царствия моего, или ради имения, или ради насилия, или ради мзды, или которою хитростию преобидети восхощет церкви божия, еще суть писана во утверженом писании царства моего преобидит отданная богови и его великой церкви. И яже под областию ея на востоце и на западе, всем митрополитом || и архиепископом, и епископом, и всем *л. 176 об.* монастырем, идеже аще суть, якоже и преди рекохом по всей вселенней пошлины церковныя, отданыя к богу, аще гради, аще села, аще лугове, или езера, торжища и одрины, или люди купленыя в домы церковныя, или под судом церковным, или винограды, или садове, или какова суть от церковных притяжаний презрит или изобидит, || или посуждати начнет, *л. 177* перве еже святыя троица света и милости его да предстанем судищу Христову страшному, да не узрит, и да отпадет от християнская части якоже Июда от дванадесятнаго числа апостолского. К сему же и клятву, иже от века усопших первородных святых и праведных и богоносных отец. О том же от божественых правил святых отец, святаго всехвалнаго || сед- *л. 177 об.* маго собора о недвижимых вещех, вданных богови в наследие благ вечных, рекше села, нивы, винограды, сеножати, лес, борти, воды, источницы, езера и прочее, вданное богови в наследие благ вечных никто же их может от церкви божия восхитити, или отъяти их, продати, или отдати. Аще ли кто, забыв страх божии и заповеди святых || отец оболкъся во *л. 178* безстудие, дерзнет таковая сотворити, аще убо епископ есть, да извержется из епископии, аще ли игумен, из монастыря изгнан будет, яко зле расточающи, иже не собра. Аще ли кто от священническаго чина убо суща, да извергутся, мниси же или мирстии человецы во всяком сану хто ни буди, да отлучатся яки суще осужени от отца и сына и святаго духа, *л. 178 об.* да устроени будут || все тии, иде же червь не умирает, и огнь не угасает.

Аще же и сам царь, нося багряницу и царский венец, надеяся благородству и саном гордящеся негодовати начнут нашего повеления, и святым правилом не покоряющеся святых отец, дерзнет таковая сотворити, той с прежреченными осужен будет яко гласу господню противятся, глаго-
л. 179 лющему: не творите дому || отца моего, дому купленого.

Василия, царя греческаго главизны наказателны ко сыну своему, царю Льву премудрому, о чести священничестей. Глава 3.

Зело имей мудрование православным догматом и почитай излише матерь твою — церковь, яже тя о святем все воздои и со Христом о бозе мною на главу твою венец возложи. Аще бо плотския твоя родителя дол-
л. 179 об. жен еси сты||дитися и почитати множае паче еже о все до и тя родивших предпочитати временныи жив чадом веруют. Сии же верныи живот по рождении ради ходатайствуют. Почти убо церковь, да почтен будеши от нея, и священник стыдися яко отца духовна и ходатая нам к богу. Честь бо священническая на бога восходит яко же тебе ради твоя слуги почитают пра-
л. 180 ведно, яко же и яже || на их безчистие множае паче бога прогневает.

Ответ[б] и послание Макария митрополита всея Русии от божественных правил святых апостол, и святых отец седми соборов и поместных, и особ сущих святых отец от заповедей святых православных царей.

Ко благочестивому и христолюбивому и боговенчанному царю и великому князю Ивану Васильевичю всея Русии самодержцу о святителском
л. 180 об. суде и о недвижимых ве||щех, вданных богови в наследие вечных благ.

Слыши и вонми, о боголюбивый и премудрый царю, и разсуди церкви и душе полезная и вечная избери, а тленная и мимотекущая мира сего ни во что же царю полагай — зане преходна суть, но едина добродетель и правда пребывает во веки. И перваго благочестиваго и равноапостальнаго
л. 181 святаго царя Константина греческаго, и все ||благочестивыя цари греческия и до последняго благочестиваго царя Константина же греческаго, ни един от них не смел святительскаго суда судити, или дерзнути, или двинути, или взяти от святых церквей или монастырей, вданных и возложенных богови, и пречистой богородицы в наследие благ вечных церковнаго имения недвижимых вещей: завес, сосуд, и книг и непродаемых вещей,
л. 181 об. рекше, села, нивы, || земли, винограды, сеножати, лес, борти, воды, езера, источницы, пажити, и прочая, вданная богови в наследие благ вечных. Бояся от бога осужения, и от святых апостол, и святых отец седми соборов, и святых отец поместных и особсущих страшныя и грозныя, и великия ради заповеди.

Тамо бо святым духом возгласиша святии отцы: аще кий царь, или
л. 182 князь, или ин в каковом сану ни буди || восхитит или возмет от святых церквей, или от святых монастырей, возложенных богови в наследие благ вечных от недвижимых вещей, или кто епископа, или презвитера, или диякона, или инока, привлача насилством, судити, таковым бо по божественным правилом от бога аки стокрадцы осужаются от святых отец под вечною клятвою да суть. И того ради все православнии цари, бояся бога и
л. 182 об. святых отец заповеди || не смели судити или двигнути от святых церквей и от святых монастырей недвижимых вещей, вданных богови в наследие благ вечных, и не токмо не взимаша, но и сами благочестивыя цари святым церквам и монастырем села и винограды и прочая недвижимыя вещи подаваху и наследие благ вечных с писанием и с великим утвержением, и
л. 183 со златыми печатми царства своего, бояся || бога и заповеди святаго и равноапостольнаго перваго благочестиваго и христолюбиваго царя Константина. Тамо бо он святым духом просвещен и наставлен духовную

[б] *Испр., в ркп.* Свет.

заповедь церковную своею рукою подписав, и страшными и велелепными клятвами утвердив в раку святаго верховнаго апостола Петра вложив, и тамо возгласи: «Всему тому непоколебиму и недвижиму быти от всех православных царей, и от всех князей || и велмож по всей вселенней *л. 183 об.* и до скончания миру». И толико почти блаженнаго папу Силивестра и по нем всех святителей почитати повеле по всей вселенней. Понеже бо той блаженный папа на венце главнаго пострижения знамение сотвори, его же чести ради блаженнаго Петра имеет, не восхоте златым венцем носити. Мы же покрываху его главному о сем белым видом светлое воскрение начерта||вше на священнейшую главу его своима рукама положихом, бразды *л. 184* коня его своими руками держаще ради чести блаженного Петра конюшским саном дахомся ему. Повелеваем того же чина и обычая всем, иже по нем святителем всегда творити в пояздех своих по подобию царства нашего.

Тем же ради сего постриженнаго знамения верховнаго святителския главы, да не мнит кто се пострижение худо || быти и безчестно но паче зем- *л. 184 об* наго царства саном и славою и силою ея украшати подобает. То и римскаго града и всей Италии и заповедная власти и места, и суды, и земли, и грады. Сему же, иже многожды предреченному блаженному отцу нашему Силивестру, соборному папе, предающе и отступающеся ему, и всем иже по нем бываемым святителем во всей вселенней, идеже право||славная *л. 185* наша вера обдержит владаное и суд держит и ради божественнаго и нашего сего содеяннаго утвержения повелеваем устрояти правду с той сей церкви римской подлежащей пребываема подаваем бывати. Тем же пригодно судихом нашего царства причет к восточным странам приместити града византийскаго чюднаго и краснейшаго места во свое имя град создати, и тамо царство свое || водрузити. Идеже бо священническое начало и *л. 185 об* власть, и християнскаго благоверия слава от небеснаго царя уставлена бысть, неправедно есть тамо владети земному царю, или судити таковая.

Сия убо вся яже ради божественаго уставления многаго и нашим священным писанием утвержена и повелена бывша даже до скончания мира сего, аже по всей вселенней. И да || и вся суды святителем и церков- *л. 186* ныя земли иже села, винограды и езера и пошлины сочтавше дахом, и божественным повелением и нашим церковным велением уставихом на восточных и на западных, и на полунощи же и южных странах, и во Июдеи же и во Асии, и во Африкии, в Еладе, во Фракии же, и во Италии, и в различныя островы нашего им веления свобожением возвещаем. И по всей вселен||ней, идеже православныя князи и властели под нами обла- *л. 186 об.* дают нашего свобождения и волею им утвердивше дахом владати святителем. И никакову мирскому сану смеют и судити или прикоснутися церковным землям и пошлинам богом заклинаем и нашим царским повелением утвержаем непреложно, и соблюдено быти даже до скончания века сего неприкосновена и непоко||леблема пребывати повелеваем. Тем же пред *л. 187* живым богом иже повелевшу нам и всем сотником царствовати и пред ужасным его судом засвидетельствуем ради царскаго сего уставления всем нашим приимником и яже по нас царем быти хотящим, всем тысящником, и всем сотником, и всем велможам руским, и всему пространнейшему сигклита полаты нашего царства, и всем || иже по вселенней бываю- *л. 187 об.* щим князем и властелем по нас, и всем иже по вселенней людем, иже ныне сущим и потом будущим по вся лета и нашему царству подлежащим. И ни единого же от сих преложити, или претворити некотораго ради образа, яже нам царским повелением во освященнейстей римской церкви, и всем, иже под нею святителем по всей вселенней бываема подаваема, да не || смеет *л. 188* порушати или прикоснустися, или которым образом досадити.

Аще кто от сих еже не верует быти сему безтуж сый и суров, или уни-
чижитель будет окаянный о сих вечных, да держим будет осужением и
вечным мукам повинен будет. И да имеет тогда сопротивники себе святых
божиих властель апостольских Петра и Павла в сем веце и в будущем, и
л. 188 об. в преисподнем || аде мучим будет, да исчезнет со дияволом и со всеми не-
честивыми. Се же нашего повеления царскаго писания своими рукама
утвердивше честному телу властелина апостольскаго, блаженнаго Петра,
своими руками в раку положихом. Ту бо апостолу божию обещамся неру-
шима нам соблюдати. Иже по нас хотящим быти извет и по всей все-
л. 189 ленней и православным царем же и|| князем, и велможам соблюдаема быти
ради заповедей наших оставихом и до скончания миру и блаженному отцу
нашему Силивестру, соборному папе, и его ради всем наместником его из-
вет и всей вселенней святителем господа бога и спаса нашего Исуса Христа
благонравно поведавше вечный благополучно сих воздаяние предавше.
л. 189 об. Також де и ныне четырем патриаршеским престолом || честных ради апо-
стол и ученик христовых византиискому, его же во свое имя именовах
Андрея ради апостола яко много потрудившася к благоразумию тех при-
вести, и церкви водрузити православных. Тако же и александрьскому и
антиохийскому Лукину настолнику, и иеросалимскому и Яковля, брата гос-
подня, коемуждо в своем пределе подобающую честь подаем и наши по нас
л. 190 приимницы || во века такожде и всем церквам христовым, и пресвященным
митрополитом, и архиепископом, и епископом, и иже по них настолником
честь сами даем. И наши по нас приемницы и велицы и страпы яко служи-
телем божиим и приимником свявых апостол сице творите и соблюдите яко
да не предреченно и тягости подпадете, и славы божия лишени будете, но
л. 190 об. держите предание яко же приясте, || бога бойтеся и священную его цер-
ковь и настоятели ея чтите для молитвы божия в сем веце и в будущем
получите и сынове света будете. Царское подписание сице божества вас
соблюдает во многая лета святейший блаженнии отцы даде ся в Риме
в день третий каланд априливых владыки нашего Флавия Констянтина
л. 191 галиканом мужем честнейшим ипат славнейших. И того ради вси пра||во-
славныя цари, бояся бога и святых отец заповеди великаго царя Констан-
тина не смели судити или двинути от святых церквей, и от святых мона-
стырей недвижимых вещей, вданных богови в наследие благ вечных. И не
токмо не взимаша, но и сами благочестивии цари святым церквам и мона-
стырем села и винограды и прочия недвижимыя вещи подаваху и в насле-
л. 191 об. дие благ вечных с писанием и с великим утвержением || и со златыми пе-
чатми царства своего. И все тии православныя цари и до скончания гре-
ческаго царства и со святейшими папами, и со пресвятейшими патриархи,
и со преосвященными митрополиты, и со всеми святители, и со святыми
отцы на всех седми соборех сами быша и божественными правилы и цар-
скими законы утвердиша, и страшными клятвами седмию соборы запечат-
л. 192 левше || со царским подписанием и уставиша всему тому ни от кого же
недвижиму быти и до скончания веку. А на обидящих святыя церкви и
святыя монастыри, вси православныя цари и со святители крепко стояху
и побареху царски и мужски, и никому же попустивше, вданных богови и
пречистой богородицы и великих чюдотворцов от священных и вданных
л. 192 об. в наследие благ вечных прикасатися, или поколебати не || движимых вещей
и до скончания миру. Такоже и в нашем христолюбивом Росииском цар-
ствии от перваго благочестиваго и равноапостольнаго святаго прадеда твоего
великого князя Владимира Киевскаго и всея Русии [в] прославляем всегда
и во веки веком. Аминь.[г]

(ИРЛИ, Рукописное собр., ПС № 7, лл. 170—192 об.).

[в—г] *В ркп. написано другой рукой.*

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

М. В. КУКУШКИНА

Новый список Повести о Псковском взятии

Два списка Повести о Псковском взятии: один, находящийся в рукописи ГБЛ (Румянцевский музей, № 255) и изданный Н. Н. Масленниковой,[1] другой — в сборнике ЦГАДА (ф. 181, д. 365), были давно известны в исторической литературе. Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, А. И. Никитский привлекали данную Повесть при изложении событий 1510 г., тем не менее ни один из них не дал не только обстоятельного описания использованных списков, но и должной оценки памятника как исторического и идеологического источника. В 1955 г. Н. Н. Масленникова, опубликовав Повесть о Псковском взятии по списку XVI в., сделала тем самым этот ценный историко-литературный памятник доступным широкому кругу ученых.

Дальнейшее изучение самого памятника и сравнение его с Повестью, включенной в состав первой Псковской летописи, а также с записями самой летописи, позволили Н. Н. Масленниковой сделать ряд важных выводов, касающихся как истории создания и идеологической направленности самого памятника, так и исторических событий, освещенных в нем. Повесть о Псковском взятии излагает события одного из важных моментов в создании централизованного русского государства — фактического присоединения Пскова в 1510 г. к Москве. Основанная, по определению Н. Н. Масленниковой, на документальных материалах данная Повесть в отличие от Псковской повести, помещенной в летописи, представляет собой московскую редакцию памятника, автор которого, по всей вероятности участник событий, был сторонником присоединения Пскова к Москве.

Наш список Повести о Псковском взятии является третьим списком, вводимым в научный оборот. Он находится в сборной рукописи БАН из Архангельского древнехранилища, № 193, в целом датируемой, как и рукопись, по которой Повесть опубликована Н. Н. Масленниковой, XVI в.[2] Однако в рукописи Арханг. собр. Д. 193 (в 4°, 667 листов, писанных полууставом и скорописью, переплет-доски, обтянутые кожей, металлические застежки) легко различаются пять разновременных частей, имевших свою

---

[1] Н. Н. Масленникова. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л., 1955, Приложение.

[2] Данная рукопись была трижды описана в литературе (А. Е. Викторов. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890, стр. 106; Гр. Богуславский. Один из рукописных «Сборников» XVI в., хранящихся в Древнехранилище Архангельского епархиального церковно-археологического комитета. — Архангельские епархиальные ведомости, 1904, №№ 21—24, стр. 880—886, 912—919, 956—963, 991—999; Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве. СПб., 1905, стр. 145—146), тем не менее мы позволяем себе остановиться подробнее на ее содержании, так как целый ряд памятников ранних редакций, входящих в состав этой рукописи, не был привлечен в современных изданиях, посвященных сходным сюжетам.

особую историю до объединения их во второй половине XVI в. в единую сборную рукопись. Часть, где находится Повесть о Псковском взятии, представляет собой третью рукопись. Первая рукопись, датируемая третьей четвертью XVI в., по содержанию довольно разнообразна: наряду с многочисленными отрывками из памятников духовной литературы имеются отдельные главы из раннего списка Стоглава, летописные записи, 13-я глава из «Просветителя» Иосифа Волоцкого, чин венчания на царство Ивана IV и др. Вторая рукопись (середины XVI в.), а также четвертая и пятая (третьей четверти XVI в.) содержат в основном историко-юридические тексты: летописные записи, вошедшие в Никоновскую и Русскую летописи, Судебник 1550 г. с припиской писца, отсутствующей в других списках и свидетельствующей о близости данного списка к протографу,[3] выписки из канонических книг, и в частности из устава великого князя Владимира Святославича.

Наиболее интересна для нас третья рукопись — лл. 389—477 об. Эта самая старшая часть во всей сборной рукописи датируется концом 20-х— началом 30-х годов,[4] писана она полууставом одним почерком, за исключением более поздних приписок скорописью на л. 470—470 об., Филиграни на бумаге третьей рукописи весьма разнообразны и охватывают значительный отрезок времени: 1) гербовый щит с тремя лилиями, под щитом буква Р — схожа с № 1590 у Лихачева[5] (1534 г.); 2) круг, к диаметру которого перпендикулярно восстановлена черта, заканчивающаяся звездочкой из пересечения трех линий, — близка к № 3397, там же (1491 г.); 3) тиара папская — близка к № 1383, там же (1511 г.); 4) бычья голова, между рогами большой стержень, заканчивающийся гербовым щитом, вокруг стержня обвилась змея с маленькой короной на голове — близка к № 4169, там же (1530 г.); 5) перчатка с розеткой — близка к № 11165 у Брике[6] (1505 г.); 6) тиара папская — близка к № 5010, там же (1527 г.).

Помимо Повести о Псковском взятии, которая занимает лл. 437— 444 об., в третьей рукописи находятся: «Сказание о князьях владимирских», Литовская летопись и родословие литовских князей ранней редакции, Повесть о Царьграде Нестора Искандера, летописные записи, Русский летописец вкратце от призвания варяг до нашествия татар в 1528 г. и др. 1529 г. — самый поздний, до которого доводится изложение событий в разных памятниках третьей рукописи. Основные из этих произведений созданы в годы княжения Василия III и связаны едиными целями идеологического обоснования политики укрепления и централизации великокняжеской власти. Подробное изложение событий в Летописце вкратце за последние годы княжения Василия Ивановича приводит к мысли, что он составлялся современником, который, учитывая факты, изложенные в Повести о Псковском взятии, в последующем за ней Летописце, говоря о событиях 1510 г., ограничился лишь скупой фразой: «Князь великой Василий Иванович был в вотчине своей, в великом Новеграде, тогда и Псков взял».[7]

---

[3] «И о тишине всего православного крестианьства, чтоб господ бог отпустил нам согрешениа наша и избавил бы господ бог нас и все православное крестианьство от врагов и от латынства и от бесерменьства и все бы православное крестияньство в нашем государьстве пребыло в тишине и в покое строино и безмятежно во веке веков. Яз вам челом бию. Исправил боголюбивому и благочестивому царю и государю» (л. 565).

[4] Относительно датировки см. также статью Р. П. Дмитриевой в т. XVII ТОДРЛ.

[5] Лихачев, Вод. зн., ч. III.

[6] Брике, тт. 2, 3.

[7] БАН, Арханг. собр. Д. 193, л. 464 об.

Окружение в третьей рукописи Повести о Псковском взятии памятниками с хронологическими рамками 1527—1529 гг. отнюдь не означает, что данный список самой Повести был составлен не ранее этих лет. Третья рукопись распадается на несколько тетрадей, из которых одна должна была лечь в основу всей рукописи, и возможно, что именно тетрадь с Повестью о Псковском взятии была первоначальной. Однако это лишь наше предположение; значительно ценнее результаты сравнительного изучения текстов в списке Арханг. собр. Д. 193 и Рум. музея № 255, которые позволяют сделать определенный вывод о старшинстве текста Повести в нашем списке. В этом направлении первое наше наблюдение сводится к тому, что в тексте Архангельского списка имеется упоминание имени великой княгини Соломонии, отсутствующее в списке Румянцевского музея. Наличие имени Соломонии в одном списке и отсутствие его в другом объясняется временем составления текстов, дошедших в обоих списках. Список Арханг. собр. Д. 193 ближе к протографу, написанному до 1525 г., т. е. до развода в этом году Василия III с Соломонией. Текст в списке Рум. музея № 255 составлялся после 1525 г., — в годы правления Елены Глинской или ее сына Ивана Грозного, когда имя первой соправительницы Василия III предпочитали не упоминать.

Старшинство текста в Архангельском списке подтверждается и другим наблюдением. В этом списке отчетливее заметно влияние источников, которые использовались автором при создании Повести. Так, приводя речь великокняжеских представителей, автор Повести сбивается на дословное цитирование княжеской грамоты: «И ныне же, мы, Василий божиею милостию государь всея Русии и великий князь, на вас милость свою покажуем, аще вы, и наша отчина Псков, наше жалование узнаете и нашу волю государьскую всю учините».[8] В списке Румянцевского музея этот текст подвергся литературной обработке и приводится уже от имени княжеских представителей в третьем лице: «И ныне же великий государь милость вам кажет и свое жалование, аще вы волю государеву сотворите. . .».[9] В другом случае автор Повести подробно пересказывает документ, но с целью сокращения его употребляет формулу «и прочая»,[10] которая в списке Рум. музея № 255, более отдаленном от оригинала, уже исчезает. Нет в Румянцевском списке и похвалы Василию III, который, избегая кровопролития, «как есть истинный христианский государь, не памятуя к себе грубости и невежествия отчины своея Пскова, абие утоли гнев свой»[11] не послал на Псков рать, а ограничился убеждением псковичей через своего посла дьяка Долматова.

Помимо приведенных, между списками имеются и другие менее существенные разночтения, условно разделяемые нами на два вида: смысловые и языковые.

Укажем некоторые из разночтений, придающих иной смысловой оттенок тексту. Так, в списке Арханг. собр. Д. 193 уточняется, что Василий III велел вывести на владычный двор не просто посадников и «прочих псковичь», как это сказано в Румянцевском списке, а посадников и прочих всех людей лучших,[12] что брат Василия III, Андрей Иванович, был меньший.[13] Позднее этот термин вошел и в летопись. Более навязчиво, чем в Румянцевском списке, в списке Арханг. собр. Д. 193 подчеркивается мысль, что

---

[8] Там же, л. 439 об.
[9] Н. Н. Масленникова. Присоединение Пскова. . ., стр. 188.
[10] БАН, Арханг. собр. Д. 193, л. 439 об.
[11] Там же, л. 440.
[12] Там же, л. 439.
[13] Там же, лл. 437, 442.

наместник великого князя Иван Репня-Оболенский есть князь псковский, что великий князь Василий есть божией милостью царь всея Руси.

Разночтений языкового порядка между обоими списками значительно больше; не вдаваясь в их анализ, приведем некоторые примеры своеобразия литературного языка в Архангельском списке.

Архангельский список	Румянцевский список
. . . светле и радости от всего града Еще же от посадников их и от бояр быше обиды и насилия много молодым людем.	. . . светлей радостью от всех гражен. А посадники псковские и бояря молодых людей пскович учали обидити и насильства им чинити великие.
. . . колокол на вече свесили. . .	. . . колокол вечной свесили. . .
. . . о своих делех. . .	. . . своих обидах и нужах. . .
. . . как государю бог положит на сердце.	. . . как государю бог известит.

Своеобразно и употребление отдельных слов в списке Арханг. собр. Д. 193 по сравнению со списком Рум. музея № 255; например: «боронишь» в значении «обороняешь», «не во чести» вместо «нечестно», «сила великая чинится» в значении «насильство великое», «челом ударити» вместо «помолитися», «пять на десять» вместо «пятнадцать», «прятати на себя» в значении «заимать на себя», «выпрятати» вместо «выслать» и т. д.

Завершая сравнение текстов двух списков, следует отметить описку, допущенную, по-видимому, писцом в списке Арханг. собр. Д. 193; в последнем абзаце Повести пропущена дата выхода Василия III из Новгорода в Москву — «месяца марта в 17 день 5 неделю поста».[14] Отметим также ошибку, вкравшуюся в текст первого издания Повести в результате неверной расстановки знаков препинания. В опубликованном Н. Н. Масленниковой списке говорится, что великий князь «ести звал» псковских послов «1 генваря».[15] В Архангельской рукописи этот текст читается так: «. . . ести их звал. А генваря в 10 день. ..».[16]

Все приведенные разночтения не настолько значительны, чтобы можно было говорить о разных редакциях памятника, тем не менее текст Повести в нашем списке, более старый по сравнению с известными до сих пор и своеобразный по языку, интересен для исследователей.

---

[14] Н. Н. Масленникова. Присоединение Пскова. . ., стр. 194.
[15] Там же, стр. 189.
[16] БАН, Арханг. собр. Д. 193, л. 440 об.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

А. И. КОПАНЕВ

Новые списки «Повести о видении некоему мужу духовному»

«Повесть о видении некоему мужу духовному» протопопа Терентия введена в научный оборот С. Ф. Платоновым в его известной источниковедческой монографии 1888 г.[1] и издана им же как в отдельных списках, так и в составе «Иного сказания».[2] С. Ф. Платонов отрицал значение «Повести» Терентия как исторического источника. Считая «видение» реально совершившимся фактом, Платонов увидел в нем лишь свидетельство того, до «какого напряжения доходило чувство и воображение народа, ошеломленного чрезвычайными явлениями самозванщины и междоусобной смуты».[3] В советской исторической литературе «Повесть» Терентия рассматривалась как одно из произведений, отразивших политическую борьбу 1606 г. В работах П. Г. Васенко и Е. Н. Кушевой «Повесть» трактовалась как сочинение, направленное против царя Шуйского.[4] М. А. Яковлев, рассматривая «Повесть» как составную часть «Иного сказания», указал на ее агитационное значение, а именно на стремление автора «Повести» «грехами москвичей и их непокорностью к богу» объяснить неуспехи правительства В. Шуйского в борьбе с Болотниковым.[5] По-новому раскрыто историческое значение «Повести» Терентия в исследовании И. И. Смирнова о восстании Болотникова. Появление «Повести» И. И. Смирнов связывает с той агитационной кампанией, которую развило правительство Василия Шуйского в первой половине октября 1606 г. перед лицом начавшейся осады Москвы со стороны армии восставших крестьян и холопов. «„Повесть протопопа Терентия“, — по словам И. И. Смирнова, — в образах христианской символики изображала восстание Болотникова как проявление божьего гнева, как наказание, посланное богом за грехи общества».[6] Под «кровоядцами» и «немилостивыми разбойниками», которым в «Повести»

---

[1] С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888, стр. 56—61.

[2] РИБ, т. XIII. СПб., 1909, стлб. 176—186 (в отдельных списках), 101—105 (в составе «Иного сказания»). Содержание повести сводится кратко к следующему: Некий «муж духовный» чудным образом увидел в Успенском соборе беседу богородицы с Христом, в которой богородица просила Христа спасти людей от напастей. Христос внял ее просьбам и согласился на это лишь при условии, что люди отойдут от греха и покаются.

[3] С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания..., стр. 60.

[4] Пл. Васенко. Заметки к статьям о смуте в Хронографе редакции 1617 года. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пгр., 1922, стр. 248—269; Е. Н. Кушева. Из истории публицистики смутного времени XVII в. Ученые записки Саратовского гос. университета, т. V, 1926, стр. 96.

[5] М. Я. Яковлев. «Иное сказание». — Ученые записки Гос. педагогического института им. Покровского, факультет языка и литературы, в. 1. Л., 1938, стр. 183.

[6] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606—1607 гг. Госполитиздат, М., 1951, стр. 290.

грозится предать непокорных Христос, легко узнать восставших, осадивших Москву. Приведя слова Христа, якобы смягчившегося на просьбы богородицы пощадить людей, если они покаются («аще покаются»), автор выражает главный смысл «Повести». Идея всенародного покаяния, проповедуемого «Повестью», имела целью отвлечь народные массы, и прежде всего массы самой Москвы, от борьбы, дискредитировать участников восстания Болотникова в глазах московского населения и тем самым укрепить положение правительства. Таким образом, исходя из реальной исторической обстановки, И. И. Смирнов вскрыл роль и политическое значение «Повести» протопопа Терентия.

Однако для И. И. Смирнова «Повесть о видении» имеет важное значение также как исторический источник, доказывающий неоспоримо факт прихода восставших к Москве уже в первой половине октября 1606 г.[7] Дело в том, что известные до сих пор списки «Повести» Терентия, как отдельные, так и в составе «Иного сказания», позволяют предполагать, что она составлена в первой половине октября 1606 г.: по мнению Платонова, — между 12 и 14 октября, по мнению Смирнова, — до 12 октября. Оба автора в своих датировках исходят из того, что в «Повести» указывается дата «видения» — 12 октября. При этом Платонов, веря в действительность «видения», считал, что «Повесть» написана в ближайшие два дня после «видения», так как 14 октября был объявлен всеобщий недельный пост-покаяние, к которому призывала «Повесть».[8] Смирнов, наоборот, считает указание на дату 12 октября доказательством того, что к этому дню «Повесть» была уже составлена.[9] Из сказанного видно, что датировка «Повести» является результатом ряда умозаключений на основе косвенных данных, в том числе на основе даты «видения», несомненно несуществовавшего, или даты поста, не имеющей подтверждения в других источниках.

Поэтому в литературе были высказаны сомнения в правильности указанной датировки «Повести о видении». Так, А. А. Зимин, оспаривая правомерность привлечения «Повести» для установления времени прихода восставших к Москве, заявляет, что она не имеет отношения к событиям октября 1606 г. А. А. Зимин пишет: «В „Повести“ нет ни одного конкретного указания на то, что она составлялась в период осады Москвы. К тому же она была включена в „Иное сказание“ только в 1623 г., и ее связь с событиями 14—19 октября вообще весьма сомнительна».[10]

---

[7] Там же, стр. 184.

[8] С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания..., стр. 57.

[9] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606—1607 гг., стр. 185.

[10] А. А. Зимин. Вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII века. — ВИ, 1958, № 3, стр. 111. — Относить включение «Повести о видении» в «Иное сказание» к 1623 г. вряд ли правильно. Нам кажутся убедительными соображения А. А. Назаревского, считающего, что включение «Повести» в «Иное сказание» было произведено еще во время царствования Василия Шуйского. Составитель компилятивного памятника, панегирического в отношении Шуйского и известного в литературе под названием «Повести 1606 г.», включил, вероятно, в свой текст и «Повесть о видении» с целью подчеркнуть успех правительства Шуйского в борьбе с Болотниковым. А. А. Назаревский правильно усмотрел также иное смысловое значение включения «Повести о видении» в «Казанское сказание», составленное, по предположению М. Н. Тихомирова, в 1611—1612 гг. (ИА, т. VI. М., 1951, стр. 82). Автор «Казанского сказания», включая «Повесть о видении» в свой текст, хотел подчеркнуть, что дальнейшие беды в стране являются следствием продолжающегося нарушения заповедей божьих и пренебрежения к знамениям типа «видения» некоему мужу духовному (А. А. Назаревский. Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия. Киев, 1958, стр. 122—124, 127, 128). Популярность «Повести» протопопа Терентия сразу же после ее создания вполне понятна: «Повесть» была крайне злободневна и поднята в своем значении публичным чтением ее в церкви.

Сомнения А. А. Зимина, выраженные в столь решительной форме, могут быть рассеяны привлечением трех новых списков «Повести о видении», обнаруженных недавно в сборниках Рукописного отдела БАН.[11] Дело в том, что в этих новых списках в отличие от опубликованных в РИБ указывается точная дата чтения «Повести» народу в Успенском соборе — 16 октября. Заглавие «Повести» в двух списках (Арх. собр. К. 51 и 16.7.15) гласит: «В лето 7115 году, октября в 16 день, такова повесть чтена во святой и апостольской церкве Успение пресвятыя богородицы и великих чюдотворцов Петра и Алексея и Ионы и благовещения пресвятыя богородицы пред всеми государевыми князи и бояры и дворяны и гостьми и торговыми людьми и всего Московскаго государства православных християн».[12]

Приведенный текст не оставляет сомнения в том, что «Повесть о видении» к 16 октября была составлена и, следовательно, может быть использована как источник для характеристики исторических событий первой половины октября 1606 г., в том числе и для выяснения вопроса о времени прихода восставших к Москве. Можно указать еще один список «Повести о видении», содержащий полную дату чтения ее в Успенском соборе, — «Повесть о видении», включенную в «Казанское сказание», опубликованное М. Н. Тихомировым.[13] А. А. Назаревский убедительно доказал, что текст «Повести», включенной в «Казанское сказание», соответствует тексту «Повести» в отдельных списках и отличен от текста «Повести», помещенной в «Ином сказании».[14] Однако А. А. Назаревский, вслед за М. Н. Тихомировым, ошибочно считает дату «16 октября», приведенную в списке «Казанского сказания», датой самого «видения». По его словам, «в специальной спайке», которой текст «Повести» вводится в «Сказание», «сообщается, что „видение“ имело место „в лета 7115-го году октября в 16 день“».[15] Такое понимание текста «спайки» является результатом неправильной расстановки знаков препинания. В свете приведенного выше заглавия «Повести о видении» в новых списках следует знак точки «в спайке» поставить не после слова «день», а после слова «мужу». В результате получится правильное чтение: «При сем же благочестивом

---

[11] Сборник середины XVII в. — Арх. собр. К. 51, л. 76—76 об.; сборник второй половины XVII в. — 16.7.15, лл. 75—78; сборник начала XVII в. — собр. И. И. Срезневского, № 119, лл. 222 об.—226.

[12] Цитирую по сборнику 16.7.15, л. 75. Заглавие «Повести» в сборнике Арх. собр. К. 51 совершенно тождественно приведенному выше, за исключением нескольких мелких описок. Заглавие «Повести» в третьем списке (Срезн. 119) хотя и отличается от приведенного выше, но тем не менее сохраняет дату. Оно гласит: «Лета 7115 октября в 16. Повесть сия есть дивна и зело полезна нынешнему роду лукавому и непокоривому и отбегшему от божия милости, уклонившемуся от заповедей его святых и впадшему в сети дьявола многоразличныя». Как видим, в данном случае писец опустил следующий за датой текст, говорящий о чтении «Повести» народу, и взял лишь вторую часть заголовка, имеющуюся в обоих вышеназванных списках. Что касается текста «Повести», то он тождествен тексту, напечатанному РИБ. Однако в двух списках начало «Повести» совпадает полностью, а в третьем списке с пропуском, со списком сборника Погодинского собрания № 1570 (ГПБ), приведенным в вариантах С. Ф. Платоновым (РИБ, т. XIII, стр. 177—178, прим. 1). Следовательно, новые списки «Повести» имеют хорошо составленное заглавие и в них отсутствует предисловие с рассказом о том, как было записано видение, имеющееся лишь в одном списке «Повести», положенном С. Ф. Платоновым за основной при публикации. На важность точной даты «Повести» в вопросе установления времени осады Москвы восставшими указал И. И. Смирнов в статье «О классовой борьбе в Русском государстве начала XVII в.» (ВИ, 1958, № 12, стр. 127).

[13] ИА, т. VI, стр. 112—115.

[14] А. А. Назаревский. Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия, стр. 116, 126—127.

[15] Там же, стр. 126.

царе Василье за четыре годы явления окаянного сего еретика разтриги Гришки Отрепьева видеся видение некоему мужу. В лета 7115-го году октября в 16 день сия повесть чтена на Москве во святой... церкви... царю» и т. д.[16]

Имеющиеся теперь списки «Повести о видении» позволяют коснуться еще одного спорного вопроса трактовки «Повести». Выше было указано, что ряд исследователей (П. Г. Васенко, Е. Н. Кушева) считали «Повесть о видении» сочинением, направленным против Шуйского. Основанием для подобного понимания «Повести» является единственный список ее, в котором рассуждение о пороках, царящих в обществе, изложено так («несть истины во царе же и в патриарсе»), что его можно отнести непосредственно к Василию Шуйскому и Гермогену. Чтение этого места во всех других тогда известных списках «Повести» «несть истины во царех же и патриарсех», позволяющее отнести его к Борису Годунову, к Лжедимитрию и патриарху Игнатию и менее обличительное для В. Шуйского, Е. Н. Кушева считала делом рук правительственной цензуры.[17] И. И. Смирнов, не соглашаясь принять «искусственную конструкцию» Е. Н. Кушевой об экстренном превращении «антиправительственного памфлета (первоначальной редакции «Повести») в назидательное сочинение, распространяемое по царскому повелению», предлагает другое решение: он считает, что вариант чтения одного списка, неприемлемый для Шуйского и Гермогена, явился «результатом тенденциозной переделки первоначальной редакции „Повести“ кем-либо из враждебно настроенных в отношении Шуйского лиц».[18] Нам кажется и то и другое решение вопроса слишком искусственным, так как при редакционной, сознательной переработке памятника вряд ли ограничились бы изменением числовой формы только двух слов, следы переделки, несомненно, встретились бы и в других местах «Повести». Однако таких других следов тенденциозной переделки текста в указанном списке не наблюдается. Встает вопрос: была ли вообще редакционная переделка? На наш взгляд, вернее «самое простое и чисто палеографическое объяснение», которое предложено А. А. Назаревским. Он считает, что писец единственного списка с чтением «несть истины во царе же и в патриарсе» попросту ошибся, опустив выносные буквы «х» в словах «во царе^{х}» и «патриарсе^{х}», имевшиеся в его оригинале.[19] И это вполне правдоподобно: так, во всех трех новых и ранних по времени и хороших по исправности списках «Повести» указанный текст написан с выносными буквами: «несть истины во царе^{х} же и патриарсе^{х}».

---

[16] ИА, т. VI, стр. 112.

[17] Е. Н. Кушева. Из истории публицистики смутного времени XVII в., стр. 97.

[18] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, 1606—1607 гг., стр. 290.

[19] А. А. Назаревский. Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия, стр. 115.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

Н. С. САРАФАНОВА

Письмо неизвестного лица из заточения (1685 г.)

В рукописи ГПБ O.XVII.37 на лл. 35—36 находится сочинение неизвестного старообрядца («имя рек») — письмо (без начала) к «отцам и братии», очевидно монастырской. Незаурядное литературное дарование автора обращает на себя внимание. Письмо представляет интерес и как материал для изучения эпистолярного стиля конца XVII в., и как памятник старообрядческой литературы, свидетельствующий о ее тесных связях с народной разговорной речью.

Рукопись, в которой находится письмо, — сборник в 8-ку на 175 лл., писанный скорописью разных почерков. Филиграни: герб Амстердама (напоминает № 3547 в альбоме Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков», датируемый 1689 г.) и шут (полностью соответствует № 469 в альбоме Н. П. Лихачева «Бумага и древнейшие бумажные мельницы»..., датируется 1676 г.). Филиграни и характер скорописи указывают на конец XVII в. В сборнике находятся многие письма протопопа Аввакума (опубликованные А. К. Бороздиным), единственное известное письмо Епифания, выписки из сочинений Нила Сорского, несколько старообрядческих произведений, начало повести о Ерше, Путешествие купца Василия Гагары и др.

О личности автора письма, который сидит в тюрьме и готов «в вере православной скончатись за Христа», известно очень мало: он монах («А Николы-святителя... икона — мое обещание») и был захвачен воеводой, очевидно, на пути из монастыря.

Письмо совершенно не содержит риторики. Это подробный и неторопливый рассказ автора о своих бедах и невзгодах: воевода бил его, бросил в тюрьму, а товарища его Исаию Титова — «в застенок да кнутом на стряске». Отписки, посланные о них в Москву, остались без ответа, «а тамо на Москве отписку бросили под стол, — предполагает автор, — и другую отписку и потом ничево».

Центральный эпизод письма — встреча с устюжским архиепископом Александром, который в это время «плыл с Москвы». Спор между Александром Устюжским и старообрядцем развивается не в плане отвлеченной богословской полемики, столь частой в старообрядческих сочинениях, а как живой диалог. Для доказательства истинности и исконности «старой веры» автор умело использует реплику архиепископа, косвенно подтверждающую произвольность новых обрядов: «... а крест перемени по-нашему, как власти изволили ныне». Так как автор остался верен своим убеждениям, его «опять в темницу сослали», где он и сидит «доныне», «по вся дни... смерти» ожидая «себе».

Кончается письмо обычной для писем того времени формулой: «Посем простите мя, грешнаго... елико согрешил словом, и делом, и помышлением, и всеми моими чювствы».

Интересно отметить, что жестокость воеводы и собственные страдания осмыслены автором в плане сопоставления с мучениями Христа, и эта смелая параллель значительно усиливает основную мысль письма о безвинности старообрядцев и несправедливости властей.

Упоминание имени устюжского архиепископа Александра позволяет датировать письмо.

Устюжский архиепископ Александр был хиротонисан 8 февраля 1685 г. из архимандритов Иосифова Волоколамского монастыря. Умер 19 июля 1699 г.[1] До него первым архиепископом Великоустюжским и Тотемским был Геласий (1682—1685; Устюжская епархия была учреждена в 1682 г.). Известно также, что Александр Устюжский «дважды лично ездил в Москву просить... о присоединении к его области от Вятской епархии Яренска с уездом».[2] Ездил он не без успеха: «В 1685 г. из патриаршего разряда получена грамота о приписке Яренского уезда и городка к Устюжской епархии».[3]

Исходя из этих дат, можно определить время написания письма: не ранее 8 февраля 1865 г. и не позднее конца 1685 г. Поскольку в письме речь идет о том, что автора недавно приводили «на дощаник... пред владыку их Александра», который «плыл с Москвы», очевидно, что описываемые события происходили в промежуток с весны и до начала зимы 1685 г.

Обычный путь от Москвы до Великого Устюга проходил через Ярославль—Вологду, далее по реке Сухоне через Тотьму. Действие развертывается в пределах Устюжской епархии (Александр Устюжский назван «владыкой их», т. е. «владыкой» приставов и протопопа) во время плавания архиепископа по Северному речному пути, в одном из городов, расположенных по Сухоне, между Вологдой и Великим Устюгом, имеющем воеводу. Таким городом в конце XVII в. была Тотьма. К тому же фамилия Кусковых (в письме назван Яков Кусков, один из представителей воеводского управления) была очень распространена среди жителей Тотьмы.[4]

Письмо дошло до нас не в автографе, а в списке, находящемся в сборнике старообрядческих произведений. Это значит, что уже в конце XVII в. оно воспринималось не как частное письмо, а как литературное сочинение, получившее право на внимание читателей и широкое распространение. Возможно, что именно при переписке было опущено малоизвестное имя автора и заменено безличным «имя рек».

Как отличительную черту этого письма надо отметить интерес автора к собственным переживаниям. Рассказывая о тех или других фактах, он каждый раз не забывает сообщить о своем настроении: «приде на мя печаль: жаль стало иконы Николы чюдотворца да книг» или «приде на мя радость неизреченная», «рад бысть зело». О Исаии Титове автор сообщает: «тосковал в тюрме долго, мало не умер с кручины».

В этом отношении письмо напоминает рассказы Епифания в его «Житии» и служит еще одним свидетельством пристального внимания старообрядческой литературы к внутреннему миру человека.

[1] П. Строев. Списки русских иерархов. СПб., 1877, стр. 734.

[2] И. Покровский. Русские епархии в XVI—XIX вв., т. 1. Казань, 1897, стр. 368.

[3] Там же.

[4] См.: Таможенные книги по Тотьме за 1675—1677 гг. — В кн.: Таможенные книги Московского государства XVII в., т. 3. М., 1951, стр. 829, 855.

Текст

Письмо неизвестного лица из заточения (1685 г.)

...и без пояса. А сам тут же стоит, велит денег искать на мне и велит *л. 35*
донага розболокать. А я то говорю тогда: «Ведь, мов, и жиды также Христа на распятии розболокали донага». И я звалился на землю, упал из рук их, и оне вынесли вон, в болшую избу, да и бросили на лавку. Сам браню Никона, и потом приде на мя печаль: жаль стало иконы Николы-чюдотворца да книг. А Николы-святителя, чюдотворца, икона — мое обещание — стоит в приказе на полке. И посем приде на мя радость неизреченная, и уснул манием на лавке, желая по иконе: «А се кабы все мое принесли ко мне...». А, не вем кто, и говорит мне: «Не тужи, все у тебя». А Никола-чюдотворец, икона, на руках моих очюдилась, и я очьхнулся, рад бысть зело. И потом сковали да за решетку бросили, и ту седе день. И потом в тюрму бросили, и сежю даж доныне так. А Исаию Титова в застенок да кнутом на стряске.[а] А потом о нас отписку к Москве.
А тамо на Москве отписку бросили под стол. || Так и другую отписку, *л. 35 об.*
и потом ничево. Да так то и ныне. А как устюжской архиепископ плыл с Москвы, и меня с товарищем моим[б] Исаиею взяли приставы да протопоп ис темницы, на дощаник привели пред владыку[в] их Александра. И он спрашивал так же меня, что и воевода в приказе, толко помалу с кротостию обо всем, а не бил меня ничем. А я отвещал так же обо всем, что и воеводе в приказе, о кресте и о молитве, и он молвил там: «То, де, молитва хотя и по-старому, пускай так, а крест перемени по-нашему, как власти изволили ныне». А я то говорю ему: «Я так не крещуся по-вашему, но по преданию святых», а сам-таки и крещуся по-старому безпрестани, стоя. А он то да се говорит, а сам то говорю ему: «Вси так святии отцы крестилися, так и я крещусь, и молитву творю так, и книги держу старые, а по-вашему не хочю ничево творить». Так меня он и опять в темницу[г] сослал[д] с приставы. А товарищ мой Исаия Титов повинился ему и волю
их сотворил, так ево || Ияков Кусков[е] к себе и дернул. И сам то говорит: *л. 36*
«Наш, де, ты ныне, к нам и поиди». А потом за мною в тюрму сослали, даж и ныне со мною в тюрме седит, лише бедного объманули, а и не выпустили на свободу. Так он, бедной, тосковал в тюрме долго, мало не умер с кручины, а таки не хощет со мною мучитися за веру, чает себе выпуску, жить хощет еще. А я по вся дни живучи смерти ожидаю себе, дабы ми, грешному, тако в вере православной скончатись за Христа, сына божия, и за крест его, и за прочия законы его. И вы, отцы мои и братия, помолитеся господу богу и богородице-свету и всем его святым о мне, грешном, дабы мя спасл бог, име же веси. С чадами посем здравствуйте о Христе Исусе во веки веком, аминь. Посем простите мя, грешнаго, имя рек, отцы и братие, елико согрешил словом и делом и помышлением и всеми моими чювствы.

(ГПБ, O.XVII.37, лл. 35—36)

[а] *к выцвело.* [б] *В ркп.* товарищемоим. [в] *Последний слог* ку *заклеен.* [г] *Последний слог* цу *заклеен.* [д] *На полях ркп. против этого слова тем же почерком приписано* ото *(т. е. исправлено на* отослал*).* [е] *В ркп.* Кускув.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

А. И. СЕМЕНОВ

Вкладные записи XVII в. на книгах Новгородской Софийской библиотеки

Библиотека Новгородского Софийского собора в старину обладала исключительными книжными богатствами. Она находилась в северных помещениях второго этажа храма, где могло свободно разместиться до 10—15 тысяч книг. Часть книг была вывезена в Москву Иваном III, но Василий III возвратил многие из них. Большое пополнение библиотека получила при архиепископе Макарии (1526—1542). Книжное дело Макарий поднял на высокий уровень, им были заняты талантливые писцы и опытные переводчики. Среди сохранившихся книг Софийской библиотеки, находящейся теперь в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде, попадаются изысканные по внешности и великолепные по мастерству исполнения.

В XVI в. в библиотеке находились летописи, назидательные сочинения, переводы греческих и латинских авторов, жития святых, творения отцов церкви, богослужебные книги. В ней, видимо, хранились и запретные «черные книги» новгородских еретиков XIV—XV столетий. Существует предание, что Феофан Прокопович замуровал в стене библиотеки Новгородской духовной семинарии «черные книги».[1] Эти книги он мог найти скорее всего в Софийской библиотеке, так как среди софийского духовенства имелись сторонники еретических взглядов.

Патриарх Никон, приступив к исправлению богослужебных книг, указом 11 января 1653 г. вытребовал в Москву из Новгородского Софийского собора, как и из других церквей и монастырей, рукописные богослужебные книги. Неизвестно, были ли они возвращены обратно. Следов их возвращения не обнаружено. После 1655 г. в Софийский собор стали поступать изъятые из церквей старые богослужебные книги.

В архиве Новгородского музея (№ 11602) хранится рукописный «Каталог книг библиотеки Новгородского кафедрального Софийского собора, составленный библиотекарем, священником сего собора Иоанном Никольским, 1865 года». Каталог был составлен после передачи в 1859 г. в Петербургскую духовную академию более 1500 рукописных и 500 печатных книг. В него внесено 1019 инвентарных номеров, преимущественно старопечатных книг.[2] Из них половина приходится на долю XVI—первой поло-

---

[1] В. С. Передольский. Новгородские древности. Новгород, 1898, стр. 10.

[2] Эти книги, за исключением небольшого числа их, переданных в 1871 г. в Румянцевский музей и в 1906—1907 гг. в Синодальный архив, до Великой Отечественной войны хранились в архиве Новгородского музея. Из-за быстрого продвижения врага архив не был полностью эвакуирован. Часть книг оказалась в руках немецко-фашистских захватчиков. Они их вывезли из Новгорода. После войны часть вывезенных книг была обнаружена во Пскове. Книги пришли в ветхое состояние. Около ста книг воз-

вины XVII в. (до 1655 г., когда начали печатать исправленные богослужебные книги). Эти книги, как вышедшие из употребления, попадали в Софийскую библиотеку со всей округи, входившей в ведение новгородского митрополита. Книги поступали со всех новгородских пятин, с Важеского, Каргопольского, Луцкого, Новоржевского, Новоторжского, Пусторжевского, Старорусского и Холмского уездов, Заонежской и Холмогорской десятин, Бежецкого верха. В библиотеку также попали изъятые книги из 12 городов: Новгорода, Пскова, Старой Руссы, Невеля, Великих Лук, Торжка, Ладоги, Устюжны, Тихвина, Олонца, Каргополя и Холмогор.

В каталоге Никольского у инвентарных номеров в начале XX в. были сделаны карандашом копии записей, имевшихся в книгах. Во многих записях сообщалось о вкладчиках книг. Встречаются записи о вкладах царской фамилии, бояр, дворян, духовных лиц, стрелецких и посадских людей, а также крестьян. Приводим некоторые записи, бывшие в печатных книгах, вышедших до 1655 г. (частично полностью, частично в отрывках). Большинство из них принадлежит тем софийским книгам, которые были вывезены немецко-фашистскими захватчиками и до сих пор нигде не обнаружены.

Из 13 записей, касающихся царских вкладов, четыре относятся к «государыне, великой старице, инокине Марфе Ивановне» (матери царя Михаила). Служебник 1623 г. она велела «положить в дом, в Богоявленский монастырь, что на Кожеозере Каргопольского уезда за здравие царево и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси».[3] По одному служебнику инокиня Марфа пожертвовала в новгородские Сковородский, Клопский и Савво-Вишерский монастыри. В Клопском монастыре в XV в. жил юродивый Михаил родом из княжеской семьи, а Савво-Вишерский монастырь основал тверской боярин Савва Борозда. Видимо, вклады Марфы посвящались памяти этих представителей знати, которые по родовитости не уступали родным Марфы — боярам Романовым.

Восемь книг пожертвованы царем Михаилом Федоровичем. Служебник 1623 г. царь пожаловал «в Порхов, в соборную церковь Николая чудотворца лета 7144 (1636) марта в 4 день, а подписал сию книгу Приказа Большого Дворца молодой подьячий Ивашко Марков».[4] Служебник 1630 г. «пожаловал государь... в Торжок в соборную церковь Преображения Спасова и пречистой Богородице Одигитрии при протопопе Клименте лета 7140 (1632) апреля в 13 день. Сию книгу подписал Большого Дворца подьячий Асмонов».[5] Два служебника были пожертвованы царем в соборные церкви — Никольскую и Рождества Христова в Невеле, по одному — в Новгородский Софийский собор, в Старорусский Преображенский монастырь, в новгородские церкви евангелиста Марка и Николая Кочанова. Служебник 1647 г. пожаловал царь Алексей Михайлович 9 мая 1659 г. «на Невель в соборную церковь Николая чудотворца, а подписал поддьяк Исидор Скворцов».[6]

Царские дарения книг в невельские соборные церкви связаны со взятием Невеля в 1632 г. и вторичным взятием его в 1654 г. во время войны с Польшей. Новгородские церкви Николая Кочанова и евангелиста Марка долгое время находились под царским покровительством. Николо-Кочановская церковь еще в XVI в. входила в число ружных, т. е. получала

вращены в Новгородский музей. Остальные временно находятся в Псковском музее. Но бо́льшая часть книг Софийской библиотеки не разыскана.

[3] Архив Новгородского музея, № 11602, л. 200.

[4] Там же.

[5] Там же, л. 211.

[6] Там же, л. 248.

денежную помощь из государевой казны. В XVII в. ей снова шла руга. Ее получала и церковь евангелиста Марка.[7]

Следующая группа книжных вкладчиков — бояре и дворяне. Три боярских вклада даны в новгородские церкви в Каменном городе. Запись на служебнике 1602 г. гласила: «Лета 7134 (1625) сентября в 20 день сию книгу служебник дал в церковь Покрова пречистые Богородицы, что в Великом Новеграде в Каменном городе дьяк Федор Никитин сын Опраксин по своих родителех».[8] Боярские пожалования в Покровскую церковь — явление не случайное. Эта церковь со времен Новгородской республики предназначалась для местной знати, так же как и церковь Бориса и Глеба. Обе церкви находились в южной части Каменного города (кремля). Покровская церковь строилась и перестраивалась посадниками. Это особая посадничья церковь. Борисоглебская же церковь, при которой в течение четырех-пяти столетий хоронились боярские семьи, была усыпальницей для новгородской знати. В надписи на служебнике 1653 г. ясно указывалось на привилегированное положение Покровской церкви: «Сей служебник Каменного города Покрова пресвятыя Богородицы, боярского приходу, домовной».[9] Южная половина Кремля после присоединения Новгорода к Москве вместила в себя высшие учреждения Новгорода и дворы администрации (наместников, позже воевод, дьяков и др.). Покровская церковь превратилась в домовую церковь администрации, около нее образовался «боярский приход».[10]

Запись о вкладе в другую кремлевскую церковь — Спаса-Преображения на служебнике 1623 г. представляет интерес для местной истории: «Служебник боголепного Преображения из Каменного города с Новинских ворот. А дал сию книгу Иван Иванович Одоевский по себе и по своих родителех в вечное поминание лета 7136 (1628). А преставися сам князь Иван Одоевский того же 136 года месяца августа в 24 день, на память святого апостола Матфея, и погребен у Софии премудрости божией».[11] Запись подтверждает, что в первой половине XVII в. проезжие ворота Спасской башни носили название Новинских. Такое название встречается еще в смете Новгородского дворцового приказа на 1611 и 1612 г.[12] Сообщение о погребении И. И. Одоевского в Софийском соборе отсутствует в других источниках. В первой половине XVII в. князья Одоевские занимали в Новгороде высокие должности. В паперти Антониева монастыря похоронены Василий Иванович Одоевский (умер в 1612 г.) и новгородский воевода Иван Одоевский Большой (умер в 1616 г., отец И. И. Одоевского, похороненного в Софии). Брат И. И. Одоевского — Никита Одоев-

---

[7] А. М. Гневушев. Новгородский дворцовый приказ в XVII веке. М., 1911, стр. 84, 96.

[8] Архив Новгородского музея, № 11602, л. 195.

[9] Там же, л. 258.

[10] Боярский приход прекратил свое существование, очевидно с тех пор, как дворы администрации с их деревянными постройками были разобраны по указу Петра I в 1701 г. В рукописном сборнике 1749 г., хранящемся в архиве Новгородского музея (№ 10839) на обороте л. 46 имеется следующая запись: «При церкви Покрова пресвятыя Богородицы, что в Каменном городу починиваны глава каменная и опаяша кровля нижняя жестию по новому тесу и оконицы вверху большие, крашеные ярию зеленою, починены в 1748-м году в июле месяце тщанием московского купца Сергея Васильева. В приделе Иоанна Предтечи выбелено известью и печь сделана и святые образы поновлены в 1749 году в августе месяце тщанием и подаянием православных христиан». Эта запись говорит, что в середине XVIII в. за Покровскою церковью уже не было боярского досмотра. Она поновлялась на средства купцов и городского населения.

[11] Архив Новгородского музея, № 11602, л. 198.

[12] А. М. Гневушев. Новгородский дворцовый приказ в XVII веке, стр. 85.

ский пожертвовал служебник 1640 г. в вотчину Одоевских — село Юлегу в Бежецком Верху.

На третьем вкладе в кремлевские церкви — служебнике 1633 г. имелась надпись: «Лета 7148 (1639) сентября в 28 день дал сию книгу служебник в Великий Новгород в церковь Входа господня в Иерусалим с Москвы Большого Приказу дьяк Иван Дмитриев по своей душе и по жене своей Евдокии и по своих родителях, а имена родителей в той же церкви писаны на престольном евангелии».[13] Иван Дмитриев, видимо, по происхождению новгородец. Слова надписи «а имена родителей в той же церкви писаны на престольном евангелии» можно понимать так, что вкладчиками в церковь были и его родители, пожертвовавшие евангелие. Для феодального мира характерна родовая преемственность вкладов в один и тот же храм. Куда жаловали прадеды, деды и отцы, туда несли свои дары сыновья, внуки и правнуки.

Из других боярских вкладов отметим следующие. 23 августа 1648 г. окольничий Никифор Сергеевич Собакин дал февральскую минею в Псковский Троицкий собор, а служебник 1630 г. дал в 1650 г. окольничий, князь Федор Федорович Волконский в Олонецкий Троицкий собор. На служебнике 1623 г. по листам шла надпись: «Лета 7133 (1624) декабря в 1 день дали сию книгу служебник в дом к Рождеству пречистой Богородицы в Палеостровский монастырь старица Елена Языкова да старица Сундуклея Заболоцкая».[14] Один из вкладов связан с Шуйским. В служебнике 7138 г. по листам было подписано: «Лета 7146 (1638) апреля в 19 день дана сия книга служебник по боярине, по князе Иване Ивановиче Шуйском в Новгородский уезд, в Обонежскую пятину в Преображенский монастырь, в заднюю (?) Никифорову пустынь игумену Антонию с братиею в вечное поминовение боярина Шуйского, во иноцех инока, схимника Ионы».[15] Служебник 1635 г. был пожертвован думным дьяком Федором Лихачевым в Деревскую пятину, в Боровенский монастырь. На служебнике 1640 г. имелась надпись: «Лета 7151 (1643) го марта в 1 день дал сию книгу служебник в монастырь Николая чудотворца, в старую пустынь, в Беседный монастырь боярин, князь Симеон Васильевич Прозоровский».[16]

Ряд книжных дарений связан с церквами, находившимися в поместьях вкладчиков. На служебнике 1602 г. надпись гласила: «7114 (1605) года сентября в 17 день при благоверной царице и великой княгине, инокине Марфе Федоровне, и при благоверном царе Дмитрии Ивановиче всея Руси, и при святейшем патриархе Иове Московском и всея Руси, и при новгородском митрополите Исидоре в Бежецком верху, в селе Польце, в своем поместье положил к престолам к Преображению Спасову, да к пречистой Казанской, да к Борису и Глебу, да к теплому храму Николе чудотворцу Иван Григорьевич Ловчиков».[17] Служебник 1640 г. пожертвовал в церковь Георгия (Неболчский погост) в 1642 г. Андрей Иванович Путилов.

Из вкладов духовных лиц в каталоге Никольского отмечено четыре.

а) Служебник 1602 г. «Лета 7122 (1614) июля в 2-й день дал сию книгу служебник в дом Живоначальные Троицы к преподобному Александру Свирскому рождественский поп с Паши Кирилл Фотеев».

---

[13] Архив Новгородского музея, № 11602, л. 221.
[14] Там же, л. 199.
[15] Там же, л. 209. — Брат царя Василия Шуйского, Иван Иванович Шуйский, умер в 1638 г., т. е. в год вклада книги.
[16] Там же, л. 243.
[17] Там же, л. 179.

б) Другой служебник 1602 г. «Служебник Клопского монастыря, взят в Софийскую казну». Другая надпись: «161 (1653) года месяца марта в 29 день дал сию книгу служебник царствующего града Москвы Андроникова монастыря архимандрит Дионисий в Великий Новгород, в обитель Живоначальныя Троице и великого чудотворца Михаила Клопского по своей душе и по родителех своих при игумене Иринархе и при всей иже во Христе братии».

в) Служебник 1630 г.: «Лета 7141 (1633) месяца июня в 23 день дал сию богоспасительную книгу служебник в Великом Новегороде в Каменном городе в дом пречистыя владычицы нашея Богородицы, честнаго и славнаго ея Похвалы, в придел иже во святых отца нашего Никиты, епископа новгородскаго, чудотворца, с Москвы Рождества пречистые Богородицы, что у государя, царя и великого князя Михаила Феодоровича на сенях поп Иосиф Федоров по душе своей и по своих родителех».

г) Минея 1646 г.: «Лета 7160 (1652) марта 1 дня дал сию книгу минею месячную февральскую и все двенадцать миней во весь год смиренныи Мисаил, архиепископ рязанский и муромский, в монастырь, в дом Николая чудотворца на Полисть по своему обещанию, по своих родителех».[18]

Из стрелецких вкладов в каталоге Никольского числится лишь одна минея 1646 г. с надписью по низу первых листов: «Лета 7157 (1649) февраля 11 дня сию книгу, глаголемую минея февраль месяц, дали в дом к соборной церкви к Покрову пресвятыя Богородицы старорусский стрелецкий пятидесятник Степан Бубнов (?) и десятники, и все рядовые стрельцы 40 человек».[19]

Вклады низших слоев населения (крестьянские и посадских людей) тоже немногочисленны и в каталоге представлены четырьмя книгами. На октоихе, печатанном при патриархе Иосифе, по листам шла надпись: «Лета 7148 (1640) года февраля в 21 день положили сию книгу, глаголемую октой в дом ко всемилостивому Спасу в вотчине Хутыня монастыря Сосницкия волости того же Хутыня монастыря сосницкие (крестьяне)».[20] Служебник 1602 г. из Тесовского Климентовского погоста содержал запись: «Лета 7168 (1660) года марта в 25 день положил сию книгу служебник в дом священномученика Климента папы Римского в вечный поминок по себе и по своих родителех софийский крестьянин Тесовские волости, деревни Загорья, Тимофей Алексеев».[21] Эта книга старой печати, подлежавшая изъятию после исправления богослужебных книг, наоборот, вкладывается в церковь. Каталог Никольского называет еще несколько книг старой печати, положенных в церкви после исправления книг. Привязанность к дониконовским книгам была сильна в народе, и, несмотря на запрещение патриарха, ими продолжали пользоваться в церквах. В надписи на минее 1646 г. сообщалось: «Лета 7157 (1649) июня в 21 день сию книгу, глаголемую минею, июнь месяц, дал в дом соборныя церкви Покрова пресвятыя Богородицы старорушанин, посацкий человек Максим Матфеев сын Беланинов с братьями по своих родителех».[22]

В XVII в. еще сохранялся древний обычай делать вклады от всех жителей города или села. Служебник 1602 г. был положен в 1621 г.

[18] Там же, лл. 132, 174, 180, 212.
[19] Там же, л. 133.
[20] Там же, л. 121.
[21] Там же, л. 189.
[22] Там же, л. 138.

в церковь Похвалы Богородицы в Каменном городе «старостами пяти концов от всего города».[23] В Новгороде долго существовали старые республиканские формы самоуправления, как например старосты пяти концов.[24]

Надо полагать, что при патриархе Никоне и позже в Софийскую библиотеку поступили тысячи изъятых из обращения богослужебных книг. К середине XIX в. их сохранялось около 1000.[25] В настоящей статье из книжных надписей взяты одни вкладные, почти все относящиеся к первой половине XVII в. Они, конечно, не дают полного представления о книжных вкладчиках огромной территории, подчиненной новгородскому митрополиту. Но из количественного соотношения разных групп вкладчиков можно вывести заключение, что преобладали вклады царей, бояр, дворян и духовных лиц. Низшие слои населения — посадские люди и крестьяне — сравнительно редко являлись книжными вкладчиками, возможно из-за дороговизны книг. Например, служебник 1602 г. был куплен в 1647 г. за полтора рубля с полуалтыном, а в 1650 г. такой же служебник — за 60 алтын. Служебник 1633 г. был куплен за 1 рубль 25 алтын.[26] Подобная цена в то время равнялась стоимости крестьянской лошади.

Со второй половины XVII в. Софийская библиотека перестала быть особым хранилищем древних рукописных книг, каким была раньше. Водворенные в нее изъятые печатные книги XVI—первой половины XVII в. изменили ее состав, заняли в ней преобладающее место.

---

[23] Там же, л. 182.

[24] Пятиконецкие старосты сохранялись в Новгороде до Петра I. В описи Новгородской Борисоглебской церкви 1856 г. (Архив Новгородского музея, № 11914, л. 29) названа «Челобитная пятиконецких старост и посадских людей Великого Новгорода царю Федору Алексеевичу о невзимании с них пошлин за провоз иноземных товаров и за торговлю ими».

[25] В это число входит и 500 печатных книг, переданных из библиотеки в Петербургскую духовную академию в 1859 г.

[26] Архив Новгородского музея, № 11602, лл. 176, 180, 216.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

Л. А. ДМИТРИЕВ и Ю. М. ЛОТМАН

Новонайденная повесть XVIII в. «История о португальской королевне Анне и о гишпанском королевиче Александре»[1]

Несмотря на то что рукописные повести XVIII в. давно уже привлекают внимание исследователей, как своеобразный синтез фольклорной и древнерусской повествовательных традиций и живых процессов развития русского романа, изучение целого ряда проблем произведений этого жанра еще только начинается.

Необходимость рассмотрения рукописной повести с точки зрения ее литературной специфики была подчеркнута еще в 1923 г. Н. К. Пиксановым;[2] на это же в сравнительно недавнее время указал П. Н. Берков, акцентировавший мысль о том, что «нельзя изучать повесть XVIII в. в отрыве от других литературных жанров»,[3] т. е. от всего историко-литературного процесса.

Между тем роль и место рукописных повестей XVIII в. в общем потоке литературного развития еще не определены по настоящее время. Особое внимание здесь следует уделить взаимоотношениям с печатным романом. Изучение материала показывает, что при всей близости этих взаимовлиявших литературных жанров разница между ними не может быть сведена к простому техническому отличию между типографской и рукописной продукцией.

Каждая из этих групп художественной прозы воспринималась читателем XVIII в. как самостоятельная художественная сфера со своими законами, жанровыми нормами и стилистикой. В этом смысле даже факт закрепления рукописной повести в печати не был простым ее повторением, поскольку произведение переключалось в иной жанрово-стилистический ряд и начинало по-новому осмысляться читателем. Известную параллель в этом отношении представляют такие явления, как например, прозаический перевод Чулковым «Оберона» Виланда. Тот факт, что произведение было переведено прозой, переключило его в сознании читателей в иной жанрово-стилистический ряд — оно уже воспринималось в связи с традицией рыцарско-фантастических произведений типа «Пересмешника» того же Чулкова, а не шутливой поэмы в духе «Душеньки». В произведениях первого типа читатель искал сюжетной занимательности, во-вторых его привлекала проблема легкости повествования, авторской иронии. Первые были предназначены для читателя, воспринимающего произведение

---

[1] Публикация текста и описание рукописи Л. А. Дмитриева, статья Ю. М. Лотмана.

[2] См.: Н. К. Пиксанов. Введение в историю старорусской повести. — В кн.: Старорусская повесть. Госиздат, М.—Л., 1923.

[3] П. Н. Берков. О так называемых «петровских повестях». — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 428.

«всерьез» и даже склонного верить в историческую достоверность составляющих интригу событий; читатель вторых — это утонченный ценитель-скептик, расматривающий искусство как игру и интересующийся в первую очередь мастерством исполнения.

Другим смежным жанром, взаимоотношения с которым определили художественную специфику рукописной повести, являлась народная сказка, главным образом бытовая. Это промежуточное положение между повествовательными жанрами народного творчества и печатной художественной прозой, в первую очередь литературным романом, в значительной мере определило своеобразие рукописной повести XVIII в. как литературного явления.

Остановимся на этих вопросах в такой мере, в какой это необходимо для понимания публикуемого текста.

«История о португальской королевне Анне и о гишпанском королевиче Александре», видимо, является оригинальной повестью, возникшей, вероятно, в середине XVIII в. На оригинальный характер этого произведения, несмотря на то что действие происходит в Португалии, указывает сравнительно широкое распространение этого сюжета, с очень близкой к публикуемому тексту комбинацией эпизодов, в русском фольклоре и отсутствие подобного сюжета в западноевропейском народном творчестве. По крайней мере, ни указатель сказочных сюжетов Анти Аарне,[4] ни издание его, расширенное и дополненное Томпсоном,[5] подобного сюжета не знают. Подстрочное примечание Больте-Поливка,[6] на которое как на известную параллель к интересующему нас сюжету указал еще Н. П. Андреев, содержит лишь сведения об отдельных сходных мотивах, однако в довольно далеких сюжетных комбинациях. Между тем в русском фольклоре сюжет этот известен очень хорошо. Упомянутый выше указатель Н. П. Андреева называет четыре записи сказок с сюжетом, и в деталях и в общей структуре весьма близким к публикуемой повести.[7]

Среди этих сказок особое место занимает текст, вошедший под № 127 в сборник Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Вятской губернии». Публикации предшествует пояснение: «„Машинька“, полуграмотная рукопись, писанная, вероятно, солдатом; доставлена из села Ключевки, Елабужского уезда». Указание это в высшей степени ценно: перед нами,

---

[4] Antti Aarne. Verzeichnis der Märchentypen. — F. F. Communication, № 3, Helsinki, 1911.

[5] The types of the folk-tale. A classification and bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen (F. F. Communications, № 3), translated and enlarged by Stith Thompson, Ph. D. (F. F. Communication, № 74, Helsinki, 1928).

[6] Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm, neu bearbeitet von J. Bolte und G. Polivka, Bd. I. Leipzig, 1913, стр. 45—46, прим. 4; ср. Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929, стр. 60—61.

[7] Отсутствие подобного сюжета в западноевропейском фольклоре не исключает возможности обнаружения сходной фабулы в рыцарских романах. Решить окончательно вопрос о степени самостоятельности или зависимости публикуемой повести от западноевропейской традиции можно только после исчерпывающего просмотра всех текстов рыцарских романов, произвести который мы в настоящее время не имели возможности. Ряд эпизодов повести совпадает с трафаретами как западноевропейского рыцарского, так и русского переводного романа (любовь по портретам или по образу, увиденному во сне, обмен и возвращение — иногда новое изготовление — подарка и др.). В последний раз, как нам кажется, второй из названных мотивов был повторен в романтической литературе Западной Европы известным эпизодом с брильянтовыми подвесками в «Трех мушкетерах» Дюма. Это место сюжетно очень напоминает мотив подарков в «Истории о португальской королевне Анне. . .» и близких к ней русских сказках. Однако произведения с характерным для публикуемой повести сочетанием сюжетных эпизодов в репертуаре рыцарских романов Западной Европы нам пока обнаружить не удалось.

таким образом, произведение, утратившее один из важнейших признаков народной поэзии — устный характер распространения — и стоящее на полпути к рукописной повести. Связи со сказкой здесь еще не порваны, на это указывает сохранившийся в записи типично сказочный зачин: «Начинается рассказ, люди добрые, для вас. Раз случились имянины у соседки Акулины. Много было там добра, полугару два ведра... Ну, да что тут попусту болтать? Время сказку начинать».[8] Но дальнейшее изложение несет явные следы литературной обработки, что́ не дает нам права считать текст простой записью.

Содержание «Машиньки»[9] дает возможность датировать время возникновения этого текста. Детали описания военного быта таковы, что не позволяют отнести время возникновения текста к периоду, более позднему, чем царствование императора Александра I. Так, например, здесь говорится о том, что солдаты должны добавлять своих денег, чтобы «справлять» себе амуницию, и их исправность во фрунте зависит от собственной расторопности и щедрости командира роты. Такой порядок, существовавший еще во времена Александра I, позже был уничтожен. С другой стороны, то, что смотр войскам (автор записи знает солдатскую жизнь не по рассказам — в его повествовании чувствуется очевидец и участник учений и парадов) проводит царь, а не царица, еще более сужает возможные хронологические рамки записи, ограничивая их царствованиями Павла и Александра I, т. е. концом XVIII—начала XIX в.

Содержание «Машиньки» таково. Герой рассказа Слудин выслуживается из солдат в ротные; царь посылает его за границу. Здесь он, гуляя по улице, видит вывеску: типы народов. Вздумал посмотреть. Ходил смотреть на все портреты; за каждый тип лица платил по одному рублю, «а там есть еще — за один 25 рублей. Подумал Слудин: надо посмотреть».[10] По портрету герой влюбляется. Ему сообщают, что «тип» снят с Машеньки, жены старого и ревнивого генерала, который держит ее взаперти в особой горнице. За бочку золота генерал показывает Слудину свою жену. Щедрым подарком Слудин привлек симпатию слуги генерала, который разыскивает героя, нанимается к нему в слуги, снимает для него дом напротив генеральского и без ведома Слудина прокапывает подкоп. Далее идет рассказ о любви героя и Машеньки и о подарках, которые он получает от нее. Как и в «Истории о португальской королевне Анне», это сначала кольцо, но затем — сабля и мундир. Генерал узнает свои вещи и подает в суд, но герой все три раза спасается благодаря проворству слуги, то возвращающего подарки через подкоп, то изготовляющего их копии. Осужденный по суду генерал должен в виде выкупа посватать Слудину невесту и сватает ему свою собственную переодетую жену. Напоминает «Историю об испанской королевне Анне» и последняя выразительная деталь: в момент, когда генерал уходит на свадьбу, а Машенька бежит через подземный ход, слуга сажает около окна «куклу на пружинах». Общее и то, что герой и Машенька уезжают на корабле, причем «генерал проводил новобрачных до самой пристани».[11]

Записанная Н. Е. Ончуковым сказка «Белобородый старик» хотя и отличается рядом деталей (в ней нет подкопа, авантюрно-галантный эпизод любви по портрету или сонному видению заменен грубо натуралисти-

---

[8] Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Вятской губернии. Пгр., 1915 (далее: Д. К. Зеленин), стр. 395.

[9] Д. К. Зеленин в заглавии сохраняет такое написание, но в тексте дает «Машенька».

[10] Д. К. Зеленин, стр. 396.

[11] Там же, стр. 401.

ческим: старик зовет героя «посмотреть товар», «пошли в дом; завел в свои горницы, старик велел своей бабе до нагá раздетця и повел по комнаты ногу»,[12] — однако общая схема, которую можно было бы определить: муж, сватающий свою жену, — бесспорно совпадает с названной выше. Присутствуют здесь и вещи мужа (шапка, сапоги, шуба), получаемые от жены и потом возвращаемые на место, — символы того, что муж, верящий в возможность существования вещей точно таких же, как его собственные, потом поверит в возможность существования женщины, совершенно похожей на его жену. Показательно, что при этом почти повторяются выражения, которые находим в публикуемом тексте.

В «Истории о португальской королевне Анне и о гишпанском королевиче Александре»: «И королева рассмеялась и рече королю, мужу своему: „Я удивляюся, ваше королевское величество, вашему разуму, что изволите мыслить, бутъто вашь перстень у королевича!.. Не токмо то, что дело з делом сходно и человек в человека народитца!“».

В сборнике Ончукова: «Баба старика стала бранить: „Дикой ты старик! Не даром ты и деньги-то проиграл. Шапка в шапку не находитча? — Сапоги в сапоги находятця, человек в человека находитце, не то шапка в шапку находитце“».[13] Завершается сказка, как и уже известные нам тексты, отъездом молодых на корабле.

Сравнение текста «Истории о португальской королевне Анне» с бытующими в русской народной традиции сказочными вариантами сюжета «муж, сватающий свою жену» позволяет сделать некоторые выводы: уже в фольклорной традиции наметилась определенная эволюция — рудименты древнего сюжета исчезают, и сказка приобретает новеллистический характер. Завершение этого процесса мы видим в сказке «Белобородый старик». Однако это не значит, что в своих исходных стадиях сюжет был лишен волшебного элемента. Больте и Поливка указывают, что мотив «подземного хода» связан с волшебными помощниками или помощью со стороны постороннего лица, часто брата героини, заключенной в башне.

Следы подобного построения видны в «Машиньке», где хотя помощник утратил свою волшебную функцию и превратился в пронырливого слугу, однако сохранилась характерная черта: герой пассивен, и им движет если не черт, как в «Повести о Савве Грудцыне», то по крайней мере «добрый советник» и «слуга». При этом характерно, что в первой части «Машиньки», не связанной с сюжетом «муж, сватающий свою жену», Слудин дан как герой, полный внутренней инициативы. Собственными усилиями он выбивается из рядовых в офицеры и командира роты, причем автор ясно рисует трудности, препятствующие его продвижению. Однако, лишь только герой включается в собственно сюжетное развитие, он теряет внутреннюю инициативу — все действия совершаются им под влиянием внушений слуги, причем бросается в глаза психологическая немотивированность заинтересованности слуги в успехах господина. Эта пассивность героя сохранилась и в «Белобородом старике» — инициатива перешла к «бабе».

В «Истории о португальской королевне Анне» в этом смысле сам принцип построения образа изменен — герой наделен активностью; в борьбе за земное счастье он не нуждается ни в чьей помощи. Вся система образов приближена к плутовской новелле типа «Фрола Скобеева». Счастье — цель стремлений героя — это физическое наслажденье: «Лег

---

[12] Н. Е. Ончуков. Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губернии). СПб., 1909 (далее: Н. Е. Ончуков), стр. 63.
[13] Там же, стр. 64.

с королевною на кровать и совокупишася, и с радостию стали веселитися паче прежнаго».

Необходимо отметить и другую черту, отличающую «Историю о португальской королевне Анне». Фольклорная сказка чужда церковного морализма, но не чужда морали. Добро и зло резко разграничены, и положительный герой является вместе с тем и «героем морали». В «Машиньке» Слудин не только ловок (он даже, собственно говоря, и не ловок, ибо, как мы отмечали, пассивен), но и честен. Напротив, муж Машеньки, генерал, корыстолюбив, ревнив и зол. О его жадности сообщается при первом же упоминании его имени. Он из ревности тиранит жену и вместе с тем за деньги дает чужестранцу любоваться ее красотою. Таким образом, исход повествования не только привлекает интерес слушателя, но и удовлетворяет его моральное чувство.

В сказке «Белобородый старик» антипод героя — муж, сватающий свою жену, — наделен еще более отрицательной характеристикой: он мошенник и плут, которого никто обмануть не может. Простодушием он совсем не отличается и сватает свою жену за героя лишь потому, что во время всей свадьбы мертвецки пьян. Торжество героя воспринимается именно как победа честного человека н а д п л у т о м. На это прямо указывает концовка сказки: когда старик поймал молодоженов на пристани и привел их к королю, то герой — и с ним соглашается царь — доказывает, что тот, кто обманывал других, не может жаловаться на обман.

Плутовская новелла строилась иначе. Отбрасывая церковное средневековое мировоззрение, подавляющее земные потребности реальной личности во имя религиозных абстракций, автор повестей типа «Фрола Скобеева» «освобождался» в о о б щ е от отвлеченных идей, теоретических обобщений. Материальная жизнь в ее эмпирической данности воспринималась как единственная реальная ценность. Таким образом, отказ от церковной морали приводил к отказу от самой постановки этических проблем. Симпатии — не на стороне честного, а на стороне ловкого, удачливого героя. Его даже нельзя считать безнравственным, ибо нравственные проблемы для него не существуют и этические критерии к нему не применяются. Соответственно герои делятся не на добрых и злых, а на удачливых и неудачливых, активных и пассивных, умных и ловких, хищников и простофиль. В условиях России XVII в. такая позиция в первую очередь оборачивалась своей направленной против церковной морали демократической стороной. Но в ней была и другая (раскрывшаяся в дальнейшем) сторона, о которой речь будет ниже. Добрый герой отождествляется с глупым и сочувствия не вызывает (ср. Нардын-Нащекин с женою в «Фроле Скобееве»).

Характеристика героев в публикуемой повести приближается к плутовской новелле. Главный противник героя — король — отличается добротой и доверчивостью. К герою он исполнен дружеских чувств. «И Король удивился его разуму и ответам. И начаша его любити, понеже что он, королевичь, млад и весма прекрасен, и во всяких забавах искусен, и всегда с королем ездяше во всякие канпани». Он заботится о здоровье Александра, присылает ему во время притворной болезни «доктуров», отправляясь в путь, «приехал х королевичу прощатся и простился». Доверчив он и по отношению к своей жене (что не вяжется с исходной сюжетной схемой, следуя которой автор заставляет короля из ревности держать жену в «особливой палате» за караулом). Как только королева снова показывает ему подаренные любовнику вещи, он сразу начинает верить в свою ошибку и извиняется в нежных выражениях: «Возлюбленная моя королева, прости ты меня, что я помыслил!». «И король, видя

свою вину, начал ее увеселять». Показательно, что в «Машиньке» легковерным оказывается не генерал, а судья, которые находят в его доме подаренные вещи или их копии и решают дело в пользу Слудина.

Соотношение персонажей в публикуемой повести иное. За свою дружбу и доверчивость, которые воспринимаются как неспособность к жизненной борьбе, король наказуется не только потерей жены, но и всеобщим посмеянием. Он воспринимается — не имея никаких отрицательных качеств — как отрицательный герой, неудачи которого должны показаться читателю достойными смеха. Неспособность к успешному решению своих практических дел воспринимается как порок. «И король пришел в великое посмеяние и стыд от всех государств. И от великаго стыда и несносной печали при старости своей безвременно и умре. А гишпанской королевич Александр с королевною своею Анною начаша жити со всяким благополучием и бесмятежно, и дожиша до старости лет, и преставилися, и погребены по королевскому обычаю с великою церемониею в печали. И тако сия история скончаласа, а слава их не миноваласа».

Как мы видим, гибель доверчивого короля не кладет пятна на репутацию героя.

В течение всего действия повести герой и героиня совершают бесчестные поступки — королевич лжет, обманывает друга. С королем он разговаривает «с великим уничижением» — эта формула повторяется несколько раз. Но дело в том, что моральные критерии ни к нему, ни к королевне вообще не применяются [14] — оба героя обладают энергией, способностью добиваться земного благополучия, и это обеспечивает им сочувствие автора и читателя.

Однако сходство с художественной структурой плутовской новеллы не исчерпывает своеобразия публикуемой повести. Для раскрытия других ее сторон необходимо коротко остановиться на взаимоотношении ее уже не с фольклором, а с печатным романом середины XVIII в.

Плутовская новелла сыграла прогрессивную роль не только тем, что разрушила церковную мораль, — она была связана и с общим изменением отношения художника к жизненному материалу. Эмпирическая реальность окружающей жизни переставала восприниматься как греховная и тленная — она делалась высшей целью вожделений, окружалась уважением и, естественно, становилась предметом литературного изображения.

Однако было бы в высшей степени неосторожно преувеличивать «реалистичность» новеллы такого типа. Эмпиризм ее имел и другую сторону. Как мы видели, отрицая церковную мораль, он отбрасывал мораль вообще, отрицая средневековое спиритуалистическое единство мира, он отбрасывал единство вообще; отрицая иерархию абстрактных идей средневековья, он отказывался от всякой абстракции. Влечение к единичному факту, как и наивное стремление к упрощенным наслаждениям, как и отталкивание от любых теоретических обобщений, отражало то общественное сознание, которое свергло с себя бремя средневекового аскетизма, но не поднялось еще до идеи социального осмысления жизни.

---

[14] Образ волшебного помощника, например, беса в «Савве Грудцыне», кроме средневековой идеи пассивности человека, связан был и со средневековым морализмом: поскольку все действия героя вызваны наваждением, он может оставаться положительным, совершая предосудительные поступки. Ответственность падает на истинного виновника действий. Освобождаясь от помощников, герой тем самым брал на себя всю ответственность за моральную сторону своих действий. Поэтому Савва еще может, добиваясь жизненного успеха, оставаться героем, подлежащим моральному суду, Фрол Скобеев уже вообще вне этических оценок, ибо в противном случае вызывал бы у читателей не сочувствие, а осуждение.

Эмпиризм подобного мышления должен был быть преодолен во имя выработки новых абстракций, новых теоретических норм, теперь уже основанных на фактах действительности и эту действительность объясняющих. В области художественной прозы это означало два пути: переход от новеллы о плуте либо к плутовскому роману, либо к идеологическому роману эпохи классицизма.

На первом пути следует несколько задержаться, ибо это позволяет установить отличие новеллы о плуте, для русской литературы в основном рукописной, от плутовского романа и проливает некоторый свет на художественную структуру публикуемой повести.

Плутовской роман, как указал еще В. В. Сиповский, исторически сложился в результате циклизации плутовских новелл. Однако отличие не было чисто количественным. Нагнетание ряда эпизодов приводило к тому, что герой оказывался не единственным плутом в произведении: рядом с ним, стремясь захватить свое место под солнцем, движутся другие герои. Если в новелле герой-плут сталкивается с простофилями, победа над которыми ему обеспечена самими качествами его характера — умом и активностью, то теперь он борется с людьми, столь же ловкими, как он сам. Исход борьбы всегда проблематичен. Если в новелле судьба героя, например Фрола Скобеева или царевича Александра, развивалась по восходящей линии, то судьба «пригожей поварихи» Мортоны у Чулкова или Молль Флендерс у Дефо — это беспрерывная цепь взлетов и падений. Все зависит от того, с кем сталкивается герой: с плутом, более ловким, чем он сам, или с зазевавшимся противником, которого ему удается одурачить.

Наивное, эмипирическое тяготение к физическому счастью заменяется своеобразной концепцией жизни. Общество — собрание врагов, каждый из которых стремится лишь к своему благополучию; рассчитывать на жалость не приходится; проявлять жалость глупо. Сам факт активности не обеспечивает еще герою победы — все зависит от случая (веры в божественное провидение давно нет), который играет людьми. Это приводит к тому, что наивный «физиологический» оптимизм плутовской новеллы сменяется в плутовском романе пессимистическим взглядом на жизнь.

Таким образом, являясь этапом на пути к развитию плутовского романа, рукописная новелла о плуте вместе с тем рядом идейно-художественных принципов от него отличалась.

«История о португальской королевне Анне и о гишпанском королевиче Александре» обладает признаками, характерными именно для новеллы: сюжет сводится к истории одной плутни (в романе — цепь обманов), противник королевича Александра — не «плут», а «простофиля», общее настроение повести оптимистическое, оборотная сторона общества, заменившего авторитет церковной морали и принудительную власть феодального государства свободной игрой «раскованной» инициативы, автору еще не известна.

Однако не все своеобразные черты публикуемой повести укладываются в рамки эстетики плутовской новеллы. Эмпиризм плутовской новеллы имел еще одну сторону — произведение воспринималось читателем как рассказ о подлинном событии. Этому способствовала и «правдоподобная», русская обстановка действия, и ссылки на точные даты, исторические реалии и имена. Эта своеобразная реалистичность, бывшая в свое время значительным шагом вперед, в дальнейшем превратилась в тормоз. Дальнейшее развитие вперед требовало обобщений, концепции, а это в свою очередь подразумевало оправдание абстракции, вымысла. Читатель должен был научиться воспринимать произведение как акт художественной

фантазии и понять возможность интереса к рассказу о вымышленных событиях.

На первых порах эта новая потребность удовлетворялась старыми средствами, она вызвала оживление интереса к таким устарелым уже формам прозы, как волшебный и рыцарский роман. Произведения эти привлекали заведомо вымышленным характером сюжета, что в новой литературе, после разрушения средневекового «летописного» сознания, сделалось одним из условий эстетического восприятия текста.

Прежде чем был найден новый путь, путь к плутовскому роману — вымышленному повествованию о действительности, автор просто соединял две уже знакомых ему прозаических традиции: галантно-рыцарский роман и плутовскую новеллу. «История о королевне Анне» — пример именно такого решения вопроса: перенесение действия в Португалию, типичные для рыцарского романа детали — любовь во сне или любовь по портрету (ср. любовь по портрету в очень близкой по художественной структуре «Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии»).[15] Подобная попытка синтеза встречается и в печатной литературе. Так, у М. Чулкова в «Пересмешнике, или Славянских сказках» история плута-студента Неоха переносится в фантастическую обстановку древнего Новгорода и вымышленной Винетты. Вообще, весь «Пересмешник» представляет попытку синтеза плутовского и рыцарски-фантастического повествования.

В этом смысле особое удобство представляло перенесение действия в Испанию и Португалию — страны, связанные для читателя середины XVIII в. одновременно и с традицией плутовского, и с рыцарским романом.

Показательно обилие в литературе тех лет произведений с указанием — часто фиктивным — на испанское или португальское происхождение. Кроме названной выше «Повести о гишпанском дворянине Карле», можно было бы назвать, например, появившийся в 1763 г. роман «Любовный вертоград, или непреоборимое постоянство Камбера и Арисены» с пометой «перевел с португальского на Российский язык государственной Коллегии иностранных дел переводчик Федор Эмин». Указание на испанский оригинал содержит и загадочная, но весьма интересная повесть, появившаяся в Москве в 1796 г. — «Странные приключения Дмитрия Магушкина, российского дворянина, описанные им самим на испанском языке, с которого переведены на немецкий, а с сего на российский язык».[16]

Таким образом, новонайденная «История о португальской королевне Анне и о гишпанском королевиче Александре» не только пополняет список известных нам до сих пор рукописных повестей XVII—XVIII в., но и позволяет сделать некоторые наблюдения над закономерностями развития этого жанра.

Текст публикуемой «Истории» находится в сборнике из собрания И. А. Шляпкина (№ 181.318) в библиотеке Саратовского университета. Сборник размером в пол-листа, без переплета, написан на толстой синей бумаге отчетливой скорописью конца XVIII в., 43 лл. Водяной знак: герб Ярославля и буквы ЯМВСЯ. На первом листе сверху черными чер-

[15] См.: П. Н. Берков и В. И. Малышев. Новонайденное беллетристическое произведение первой половины XVIII в. («Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии»). — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 408—426.

[16] В 1753 г. в Германии появился немецкий текст этого романа. Основываясь на этом и на искажении в тексте русских фамилий, Сиповский заключил, что перед ним — перевод немецкого произведения с псевдорусским сюжетом и, как неоригинальное, исключил его из рассмотрения. Анализ текстов заставляет нас предположить, что немецкое издание — перевод русского рукописного текста, который был в дальнейшем снова переведен на русский язык.

нилами (весь сборник написан коричневыми чернилами) и иным почерком, чем писан весь сборник, сделана запись: «Сия книга Михаила Полозова 1807 года». С л. 1 по 34 об. читается повесть о Долторне, с л. 35 по 43 об. — интересующая нас повесть. На л. 34 об. после окончания повести о Долторне, тем же почерком, каким писана и вся рукопись, сделана запись: «Писана в 1799 году апреля 5 дня. Канцелярского сына Александра Соболева». Сразу же в строку за этой записью теми же чернилами, но иным почерком беглой скорописью приписано: «Собственная ево. Подлинно в чем и в засвидетельствование подписался подканцелярист Иван Орлов». Его же подпись в самом конце сборника: «Подписал подканцелярист Иван Орлов». В тексте «Истории о португальской королевне Анне» на л. 38 целый абзац написан рукой Ивана Орлова, им же написана одна строка на л. 39 об. и несколько слов на л. 43. Надо полагать, что «канцелярский сын Александр Соболев» не мог разобрать некоторые места в оригинале, с которого он делал свой список, и «подканцелярист Иван Орлов», как более опытный писец, исправил эти недостатки списка Соболева, внеся в него поправки своей рукой. О том, что интересующий нас сборник является уже списком с более раннего текста, свидетельствуют некоторые описки в тексте рассматриваемой повести. А. Соболев в ряде случаев либо пропустил, либо не разобрал некоторые выносные буквы. В результате этого у него появились такие написания: «перона» вместо «персона», «королевским» вместо «королевскими», «ти» вместо «три», «горить» вместо «говорить», «прил» вместо «приплыл», «ле» вместо «лет», «вел» вместо «велел» и т. п.

Текст «Истории о португальской королевне Анне и о гишпанском королевиче Александре» публикуется в соответствии с правилами публикации текстов, принятыми в ТОДРЛ.

Текст

История о португальской королевне Анне и о гишпанском королевиче Александре

Бысть в древния времена и лета в Португалии король именем Григорий. Имел у себя третию жену королевну Анну, дочь бурганскаго князя, велми прекрасну и младу, якобы 20 лет.[а] И живяше с королевною своею не в прямой любви, ради того, что король бысть в доволной старости: уже лет 80. И стал королеве своей не верить, а ревновать, и приказал зделать палату ей особливую, и приставил караул, и посадил ея в палату и запер, и не велел[б] пускать к ней никово. Толко временем приказал пущать двух девиц, да сам король, когда приидет и то один толко — кушать да спать с нею, и то раз[в] в[г] пол месеца или в месец. И уже тому времени как король женился прошло лет 7, и королевна живяше все в печали.

И промежь тем временем случитца королеве спать в некоторую нощь, и видяще во сне гишпанскаго королевича Александра, как бы с нею веселится. И вскоре королевна проснулас и стала размышлять о королевиче и о красате его. И весма начаша о нем сердцем болети. В ту же нощ гишпанскому королевичу Александру таким же образом видится во сне португалская королевна Анна, как бы он с нею веселится. И проснулся вскоре, и пришел в[д] великое размышление, и дивился красоте ея, и стал

[а] *В ркп.* ле. [б] *В ркп.* вел. [в] *В ркп.* разве. [г] *В ркп.* с. [д] *В ркп.* нет.

разсуждать || о любви ея, как бы ее видеть. И распалился о королевне сердцем и великим горячеством. л. 35 об.

Потом королевичь Александр пришел ко отцу своему и стал со учтивостию проситца в Португалское государство и к португалскому королю. И отец ево уволил ехать. И стали убирать флот королевичу в маршь, и убрали в поход двенацеть кораблей. И потом вскоре королевичь Александр поиде в путь свой. И когда прибыл от Португали на пристань, поставил двор полотьяной. И потом королевичь пошел во град. И в то время король португалской шел в костель к абедне, и королевичь Александр прииде в костель в великом королевском уборе. И после[е] обедни подъступил к королевскому величеству с великою учтивостию. И король вопросил королевича о ево чести и о природе. И королевичь сказал о себе и о чести со уничижением,[ж] что «Я королевичь, сын короля гишпанскаго, а имя мне Александр». И король его принял с великою честию и с любовию.

И поидоша с королем в королевской дом. И когда пришли в палаты и рече король к королевичу: «Господине Александр каралевичь, что ваш приезд до нас?». И королевичь Александр нача королевскому величеству с великою честию говорить: «Доношу вашему величеству о своем приезде, что я приехал до вашего величества в начале при старости вашему величеству должность, честь и поклон одать!». И протчие ответы, с церемониею, многие говорил с великою учтивостию. И король удивился его разуму || и ответам. И начаша его любити, понеже что он, королевичь, млад и весма прекрасен, и во всяких забавах искусен, и всегда с королем ездяше во всякие канпани. л. 3

И промежь тем, живяше королевичь Александр многое время и никаким образом королевы видать не мог. И случится в некоторое время королевичу ити мимо той полаты, в которой королева живет. И королева изготовила писмо х королевичу и написала в писме: «Благородный мой государь, королевичь Александр, как можно изволь доставать меня, чтоб нам с тобою видется и веселится», и спустиша писмо из окна. И королевичь увидал писмо, и велел своему пажу писмо подять, и паж писмо поднял и подал королевичу.

И стал мыслить, и прииде королевичь х королю, и стал говорить и просить места где дом построить. И король рече королевичу: «Где тебе угодно». И королевичь нача места просить за некоторым понтом,[з] где убогих людей и не имущих пропитания домы, а те сопротив королевских палат. И король приказал оные домы въскоре очистить и построить королевичу дом из своей казны. И скоро начаша строить дом королевичу. И тогда построили дом королевичу, и королевичь зделал банкет великой и позвал его королевское величество, и всех министров, и прочих. И стал банкетовать и веселится.

И потом королевичь Александр послал от себя изо флоту ко отцу своему, и написал писмо, и в писме написано, чтоб отправить || к нему самых лутших инженеров и несколко кондукторов со всеми струментами подъкопными: «Для того, что король португалской зачал войну и хощет штурмовать город, а меня просил с[и] собою. Чтоб из служителей которых инженеров, лутших мастеров, и ваша милость, государь батюшка, пожалуй немедленно изволь ко мне в Португалию прислать». В скорости отправил карабль ко отцу своему в Гишпанию.[к] л. 36 об.

Прибыл карабль в маршь в Гишпанию, и капитан вышел ис карабля, и поиде с писмами до королевскаго двора. И как пришел пред короля

[е] *В ркп.* подле. [ж] *В ркп.* учиниженением. [з] *В ркп.* потом. [и] *В ркп.* нет.
[к] *В ркп. доб.* а сказал.

и падал писма королевскому величеству от королевича Александра. И король писма[л] принял и приказал прочесть, что в писмах написано, чтоб отъправить въскорости самых лучших инженеров и несколко кондукторов со всеми струментами подъкопными. И скоро король гишпанский приказал отъправить двенатцет человек инженеров, с ними несколко кондукторов со всеми струментами подъкопными. Отправили в море по приказу королевскому карабль.

И приплыл[м] карабль в Португалию в свой флот. И скоро поидоша х королевичу,[н] и капитан подал от короля писма и объявил инженеров и кондукторов со струментами подъкопными. И потом королевичь призвал инженеров и кондукторов, и стал им говорить, что «Можете ли зделать из моих покоев подъкоп под полаты, где каралевна обретается?» — и показал
л. 37 ту полату, — «И ис полат || на пристан?». И оне сказали, что могут[о] зделать. И королевичь рече им: «Как скоро можете зделать?». И оне сказали: «Мы вашему величеству, всемилостивейшей государь нашь, зделаем в четыре месеца или в шесть конечно». И потом начаша делать. И зделали в три[п] месеца под полату,[р] и зделали двери в палату за печь. А делали в те поры, как королевна изволила опочивать.

А как совсем совершили, и король стал збиратца в некоторой порубежной город, а растаянием тот городок велми далеко, что в шесть месяцев до того города надобно ехать. И промежь тем временем королевское величество стал збираться в путь свой и начал королевича Александра с[с] собой звать. И королевичь Александр слег[т] притворною[у] болезнию. И сказали королю,[ф] что королевичь Александр велми болен. И король сам приехал к королевичу и стал ему говорить.[х] «Господин королевичь, что за болезнь?». И он отвеща ему: «Всемилостивейшей государь[ц] король, всежелателна хотел с вашим величеством ехать, толко вижу, что мне несчастие не допущает с вами ехать, понеже весма немощен!». И король поехал в свой дом, и прислал[ч] доктуров. И доктуры присмотрели в королевиче жар великой, и пришед сказали его величеству, что «Не можно королевичу
л. 37 об. с вашим королевским величеством || ехать». И король, намерен в которой день ехать, и приехал х королевичу прощатся, и простился, поехал в путь свой.

А королевичь Александр, после короля спустя дни с три[ш] и на четвертой день, пошел убравшись в королевское платье и убрался в кавалерским. И пришел х кровати где королевна опочивает, и пришед одернул завес, и взял королевну за руку. И королевна очнулась, и сама зглянула и увидела королевича, стояща у кровати, и встала въскоре, и друг з другом начали[щ] целоватися с великою любовию. И королевичь Александр вынял из с кармана то писмо, что которое королевна спустила из окна, и он то писмо подал и королевна приняла у королевича. Лег с королевною на кровать и совокупишася, и с радостию стали веселитися паче прежнаго. И жил с королевою до приезду королевскаго величества. И королева подарила королевича перснем, которым с королем обручалас.

И приехал король ис походу своего, и королевичь позвал короля к себе на банкет. И король узнал перстень у королевича. И скоро король поехал от королевича. И королевичь признал, что король перстен на руке узнал, и пошел скоро к королеве и одал перстень. И королева, взяв перстень, и бросила в лом с худыми персьнями и протчее сребро. И король

[л] *В ркп.* писза. [м] *В ркп.* прил. [н] *В ркп.* королевскому. [о] *В ркп.* можеть. [п] *В ркп.* ти. [р] *В ркп.* поладту. [с] *В ркп. нет.* [т] *В ркп.* слез. [у] *В ркп.* притворну. [ф] *В ркп.* король. [х] *В ркп.* горить. [ц] *В ркп.* госуда. [ч] *В ркп.* приехал. [ш] *В ркп.* ти. [щ] *В ркп. нет.*

скоро пришел к жене своей, королеве, и спросил перстня. И королева сказала королю: «Где мне ево теперь искать? Как я и вышла за ваше величество и с такой радости не знаю где и девала!». И король з гневом рече ей: «Канечно сыщи! Иначи говори,[э] что каким образом одан перстень королевичу?». И королева оной девке с[ю] серца || л. 38 проговорила смотрет в скрынах. И уже последнюю скрыну высыпала карабле (?) и взяла перстень и подала ему, и рече: «Вот вашь перстецъ!». И король посмотрил на перстень, и рече королеве: «Возлюбленная моя королева, прости ты меня, что я помыслил! Был я у королевича гишпанскаго и видел перстень на руке ево словно[я] такой как етот». И королева разсмеялася и рече королю, мужу своему: «Я удивляюся, ваше королевское величество, вашему разуму, что изволите мыслить бутъто вашь перстень у королевича! Как вашему персню у него быть? и отъкуда он возмется? и от кого? И я веть его не знаю и не видала, толко слыхом слыхала от вашего величества, что приехал такой королевичь. А ваше величество изволите удивлятца, что перстень подобен твоему? Что у него в государстве нет ли мастеров против наших? или каменья? Не токмо то, что дело з делом сходно и человек в человека народитца! А у королевича есть золота и каменья — может зделать». И король разсудил — воистинну королева правду говорит. И быв в полате, откушал с королевою, и простился и пошел в свою покоевую. Палату замкнул и запечатал. А королевичь Александр ночью приide х королеве и она ево[II, а] приняла с великою любовию, и лег с королевою на кроват и начали веселитися. И королева одала перстень королевичу, и рано поутру проводила королевича с великою любовию.

И потом королева подарила королевича кленотами королевскими.[б] Случится королю[в] || л. 38 об. быть у королевича, и приехал в дом свой. А королевичь признал, что король узнал кленоты, и поиде подкопом х королеве и одал кленоты, потом скоро возвратился в дом свой. И король пришел к палате и приказал отпереть. И вниде в палату, а королева в то время опочивала. И разбудил король королеву и королева встала. И король нача ей говорить:[г] «Королева, где кленоты?». И королева с[д] серца рече королю: «Я удивляюся вашему разуму: что изволишь где увидеть, то все кажется твое! Еще изволил увидеть у королевича что? и перстень знатно еще нет каменья». И сыскала кленоты и дала королю. И король удивился, и стал королеве говорить: «Возлюбленная моя королева, пожалуй прости меня, что мне помстило бы, якобы у королевича мои кленоты». И королева начаша смеятся и рече королю: «Я удивляюс уму вашему: что малые ребята тово не сотворят, что ты изволишь делать!». И король, видя свою вину, начал[е] ее увеселять, и сказал королеве, что «я ныне с тобою начевать буду». И королевна знает, что будет и королевичь, и не знает как быть. Но однако вымыслила.

И начала королю говорить, что «Изволишь теперь итьти и приказать кушать готовить». А в то жь время пришли министры и пришла девица, и сказаша королевскому величеству, что пришел паж, велел донести вашему величеству. И король пошел ис полаты, а королевна послала девку свою тайно подъкопом и велела королевичу сказать, что «Король будет со мною начевать и ты, мой друг, ныне не ходи». И король был || л. 39 у министров, и вечеру стали кушать с королевною, и после кушанья изволил с королевною опочивать. И по том времени каралевич стал жить с королевною и королевна кленоты коралевичу одала. И стала королевичу гово-

---

[э] *В ркп.* говорить. [ю] *В ркп. нет.* [я] *В ркп.* слово.
[II, а] *В ркп.* ева. [б] *В ркп.* королевским. [в] *В ркп.* корою. [г] *В ркп.* говорит. [д] *В ркп. нет.* [е] *В ркп. нет.*

рить: «Возлюбленный мой друг, изволь думать, чтоб нам в твое[ж] государство ехать». И нача королевичь с великою любовию целовать ее и пошел в дом свой.

И потом королевна пришла х королевичу и живописец тот час нарисовал королевнину персону девицею. И так учинил хитро и исправно, аки живу девицу. А королевичь призвал из своево флоту капитана, а дал ему персону и велел персону курсовать[з] три месеца. «И ты приди во флот и с обеих лагов ис пушек пали», а изо флоту приказал такъже честь одавать. И капитан взял персону и пошел в море, и ходил три месеца. И как три месеца прошли и капитан возвратился в свой флот и стал с обоих лагов палить. А изо флоту напротив стали честь одават. И капитан приказал якорь бросить и сам сел в шлюпку, и поехал на берег, и пошел к королевичу. И когда приидоша капитан х королевичу с персоною и королевичь приказал зделать рамы и поставил ее в рамах.

И от короля пришли х королевскому величеству, чтоб изволил быть к его величеству. И королевичь убрался в драгое платье и пошел х королевскому величеству. И шел мимо палаты королевниной и королевна ||
л. 39 об. одернула завес и отъворила нижнее у окончинь створы подала королевичу поклон от великой любви. Такъже и королевичь напротив ее величеству искусно одал честный коплемент. А в те поры шел за королевичем его паж. И как пришел королевичь х королю, и король его стал спрашивать: «Благородный мой господинь, что у вашего величества очень во флоте вашем была стрелба пушечьная?». И королевичь рече к его величеству: «О стрелбе доношу вашему величеству: изволте ведать, что родитель мой, государь батюшка король гишпанской, зговорил меня на дочере у некотораго князя своего владения, и прислал персонну моей невесты. Прошу вашего величества к себе посмотрить персону невесты».

Король начал тот час збиратся, а королевичь Александр наперед пошел в дом свой. А король пошел х королевне в полату и стал королевне сказывать, что звал его королевичь к себе персону смотрить, которую прислал отец ево, король гишпанской. И королевна рече королю: «Изволте ехать, да и нам скажи». И король поиде из полаты вон и поехал х королевичу. И как прибыл королевское величество х королевичу, и королевичь одернул от персоны завес. И увидел персону король начал удивлятся персоне, что «Персона точно королевна моя». И королевичь рече королевскому величеству: «Что ваше величество[и] етому удивляетесь? Много етова бывает, что персона[к] в персону приходить». И стали весе-
л. 40 литися и поздравлять королевича с невестою, и королевское || величество гораздо подъгулял и подвеселился. И доволно гуляли и поехал король в дом свой и пришел х королевне, и стал ей сказывать, что видел персону «Словно словно подобна тебе, как девицею была». И королевна рече королю: «Много случается етова, что персона в персону приходит». И начаша так про их здравие король и королевна. И король посидел у королевны и поиде в свою покойную полату.

И потом королевичь стал просить у королевскаго величества, чтоб ему женитца и сварбу[л] сыграть в его королевстве. И король с великою радостию рече королевичу: «Возлюбленный мой господин, королевичь Александр, изволте писать до своего родителя, чтоб изволил прислать обрученную невесту, и я вам отъправлю сварбу с[м] своей казны, и провожу

[ж] *В ркп.* в твое *повторено дважды.* [з] *В ркп.* красовать. [и] *В ркп.* величеству. [к] *В ркп.* перона. [л] *Как мне сообщил П. Н. Берков, диалектное слово* сварба *вместо* свадьба *встречается в текстах комедий XVIII в.* [м] *В ркп. нет.*

тебя честно». И королевичь с великим уничижением поклон одал. И поиде король х королевне в полату и стал сказывать, что обещал королевичу свадбу здесь играть. И королевна рече королю своему: «Когда королевичь у вашего величества просил, и ваша милость ему обещал, изволте в правде стоять, и он на вас будет надеятся во всем. А, я, хотя буду и заперта, толко буду смотреть ис полат».

И с королевичем положил[н] твердой завет король промежь собою. И королевичь того часа отъправил карабль || во отечество ко отцу своему, *л. 40 об.* королю гишпанскому. И написал в писме: «Всемилостивейшей государь мой батюшка, известно вашему величеству буди, что я зговорился у португалскаго короля на своячине и прошу вашего отеческаго благословения. Да благоволите, ваше величество, отъправить ко мне в прибавку флоту. И на флоте благоволите ко мне прислать благородных сенаторов и з женами, и несколко благородных девиц, и музыкантов, и протчие что принадлежит к сварбе». И как прибыл капитан в Гишпанию, и скоро пошел до королевскаго величества и подал писмо от королевича. И стал читать король. И как писмо прочел и начаша веселитися. И король приказал флот готовить военной 30 караблей да 5 караблей с питьями и со всякими припасами. Да шесть кавалеров с[о] женами и несколко честных девиц благородных. И скоро флот отъправил король к сыну своему в Португалию.

И как флот пришел и учинилас во флоте великая стрелба пушечная[п] — стали адмиралу честь одавать. И в те поры каралевичь скоро поехал х королевскому величеству и стал просить, чтоб посмотрить невесту и принять в свою милость отеческую. И король со всею радостию сказал: «Тът час вашему величеству буду». И пошел х королевне и начаша сказывать, || что х королевичу невесту привезли. И простился с королевною и пошел *л. 41* из[р] спалны вон, и запечатал палату, и пошел в свои покои. И приказал приготовить коней и карету и, убравшись, поехал. И в то время королевна убралась девицею и поиде х королевичу с присланным пажем на взморье.

А король, не ведая сего, послал карету прежде себя х королевичу на пристань с великим убранством: чаял, что истинная его обрученная приехала невеста. А как королевна пришла х королевичу, и королевичь с великою честию принял королевну, и тогда все благородныя жены и девицы с великою церемониею поклон одали и стали иметь за истинную государоню свою. И королевичь поехал наперед в дом свой и за ним королевна со всеми изволила ехать. И как приехали во свои покои, то в самой скорости и король прибыл х королевичу. И королевичь стретил королевское величество. И как вошел в палату, и королевна вышла, убравшись девицею, подала королю поклон с великим учтивством и церемониею. И начаша пити, и ясти, и веселитися. И при том веселии[с] положили король с королевичем день, как сварбе быть. И по многом веселии[т] король и протчия министры разъехашаса по своим домам.

И вси ожидаше[у] уреченнаго дни. И как оный назначенный день прииде, и король послал своего пажа, дабы все ехали сенаторы, и министры, и кавалеры з женами своими для такой || неизглаголанной радости и веселия. *л. 41 об.* А сам король стал убиратся в королевское свое драгоценное платье. И убравшись, пошел х королевне и рече ей: «Возлюбленная моя королевна, ныне я пойду на сварбу х королевичу, и буду банкетовать во флоте, и поеду его провожать до порубежнаго города». И королевна рече королю своему: «А я буду на вашу сварбу смотрить из полат,[ф] как изволите[х]

[н] *В ркп.* положила. [о] *В ркп. нет.* [п] *В ркп.* пошечная. [р] *В ркп.* и. [с] *В ркп.* весели. [т] *В ркп.* весели. [у] *В ркп.* озидаше. [ф] *В ркп.* полад. [х] *В ркп.* изволте.

ехать». И простился король с королевною и пошел из полаты. И приказал полату запереть,[ц] и запечатать, и караул поставить. И поехал х королевичу.

А королева поставила фигурную куклу и убралас девицею, и поиде х королевичу. А король был во отцовом месте и королевичь с королевною обвенчалса в костеле, и приехали в дом свой. И король стретил с хлебом да солью и благословил образом, и сели в карету, и поехали все на взморье,[ч] король и протчие. И как стали супротив полат королевниных, и увидял король в окне стоящую куклу убрану, и рече король: «Господин королевичь, вон жена моя смотрит на ваше величество». И королевичь с королевною, встав, поклонилис кукле.

И приехаша на пристань. А королевичь двор свой приказал заранья выбрать, то по приказу его и учинено. А как вышли ис кареты и пошли на карабль, на котором карабле был адмирал, и на карабле было девяносто пушек. И адъмирал перешел на другой карабль. И стали веселитися король и королевичь и протчия все, при оной канпани бывши, про их величество
л. 42 новобрачных. || И в то время карабли были готовы: изо всего флоту стали ис пушек палить, такъже и про королевское величество была стрелба. И уже до вечера за два часа,[ш] а королевичь приказал адмиралу и музыка стала играть. И король с королевичем стали тонцовать з благородными дамами, и бысть веселие великое. И король весма подъвеселился и стал говорить королевичу: «Господин королевичь, воистинну ваша благородная невеста подобно моей жене и всем похожа — и ростом, и лицем, и словом». И королевичь отъвещал королю: «Всемилостивейшей[щ] государь, много етова случается, что персона в персону приходит». И начаша веселитися паче прежняго. И уже близ вечера, а королевское величество весма подгулял, и подарил королевну великими[э] дарами.

И потом скоро поехал в дом свой с королевичем, поехал провожать ево. А королевна наперед ушла тайным поткопом в свою полату. И пришед, раздевшис легла с труда на свою кравать, понеже королевна во всю бытность такого веселия не видала, и уснула крепко и разгорелас сердцем. И король приехал в дом свой и пошел х королевне в полату, и отъпечатал, и взашел, и разбудил королевну. И королевна буто з сердца встала. И рече король королевне: «Возлюбленная моя королевна, был я у королевича и видел его невесту преславную, подобна всем тебе: лицем и речью, и ростом». И ко-
л. 42 об. ролевна || рече: «Что мне в естом прибыли? Мало ли вы изволите веселитися, а у меня одно веселие и одна палата, да им уже здраствовать». И король стал говорить: «Надобно отъправить королевича честно». И королевна рече, что «И совершенно вашему величеству надобно отъправить его честно, когда изволил вступится и нарещися отцем». И начаша король с королевною пити про их здравие высочества.

А как был король у королевича и положили промежду собой твердыя завет, и назначили день, что его королевскому величеству королевича проводить. И как пришел день и стал король убиратися. И уже прииде время, и королевичь пришел х королевскому величеству и стал его просить, чтобы[ю] проводил до порубежнова[я] городу. И король сказал: «Буди по вашей воле, как вам угодно, так и буду служить». И королевна в то время стала убиратися совсем, и все свои уборы и весь екипажь свой выслала. Толико адмиралу своему во флоте, чтоб сигнал дал и карабли были бы готовы в поход. И король срядился и пошел х королевичу со всеми своими сенаторы.

[ц] *Р ркп.* заперед. [ч] *В ркп.* вназморье. [ш] *В. ркп. чаша.* [щ] *В ркп.* Всемилостившей. [э] *В ркп.* великим. [ю] *В ркп.* что [я] *В ркп.* поружнова.

И пришед, простился король с королевною, и пошед запечатал палату. И королевна срядилась и пришла х королевичу.

И как все собралиса и стали парусы распускать, и подняли якори, и пошли в маршь. И прибыли под городок порубежной благополучно. И королевское величество сошел с карабля,и королевичь с королевною. И веселилис целую неделю. А в те поры || флот гишпанской вышел в болшое море. л. 43 И потом королевичь с королевною изволил ити на свой корабль. И король приехал к ним на карабль и стали еще веселитися. Промежь тем прииде время итти в путь, и стал королевичь и королевна с королем прощатся и король с ними простился, и сел в [III, а] свою шлюпку и поехал. И королевичь приказал из своего флоту королевскому величеству честь одавать. И музыка стала играть. И потъм якори подняли и распустили [б] парусы и пошли в свою землю.

И доидоша в Гишпанию со всяким благополучием и радостию. И когда королевичь прибыл в Гишпанию ко отцу своему, и король стречал королевича сына своего и с невескою со всем своим государством. И взяша их за руки и поведоша в свои королевския палаты, и как ведоша, и тогда стал невеску свою дарить всякими драгоценными дарами. И начаша пити и ясти и веселитися. И бысть великое веселие и неизглаголанная радость.

А португалской король прибыль в свое государство и поиде в свой дом королевской. И потом пошел к полате, где королевна живет. И приказал [в] отпереть. И вошедши в полату кличет королевну: «Жена моя возлюбленная!». А поставленная кукла ничего ни говорить. И король вторично кликнул, и она не ответствует.[г] И король удивился, при[шел][д] || к ней, ударил л. 43 об. и кукла упала. И король видит, что за притчина зделалас? А в той палате никого. И как король провожал королевича и во оное время в той полате никто не бывал, понеже король ходить сам не приказал. И повеле король королевну искать. И не обретоша нигде, толко нашли двери и поткоп в светлицу х королевичу, а другой подкоп от королевича на пристань. И король в то время сам узнал, что королевичь его оманул, а король жену свою сам доброю волею выдал замужь за гишпанскаго королевича Александра. И король пришел в великое посмеяние и стыд от всех государств. И от великаго стыда и несносной печали при старости своей [е] безвременно и умре.[ж]

А гишпанской королевичь Александр с королевною своею Анною начаша жити со всяким благополучием и бесмятежно, и дожиша до старости лет, и преставилися, и погребены по королевскому обычаю с великою церемониею в [з] печали.

И тако сия история скончаласа, а слава их не миноваласа, а детей после их много осталаса, которые писана в других историях.

III, а *В ркп. нет.* б *В ркп.* распуст. в *В ркп.* приказать. г *В ркп.* отъествует. д *Нижний угол листа обтрепался, и окончания слова в ркп. нет.* е *В ркп.* свой. ж *В ркп.* умжре. з *В ркп.* и.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

И. П. ЕРЕМИН

К вопросу о стихотворениях Феофана Прокоповича

Список известных в науке стихотворений Феофана Прокоповича В. Н. Перетц в конце прошлого века дополнил еще двумя, открытыми им в рукописном сборнике Киево-Михайловского монастыря № 569 (1718): стихотворением, посвященным памяти киевского митрополита Варлаама Ясинского (умер в 1707 г.), и отрывком стихотворения (конца его в рукописи недостает) под латинским заголовком «Emblemata ad Immaginem Sancti Vladimiri». Оба текста под заглавием «Неизвестные вирши Ф. Прокоповича» были В. Н. Перетцем тогда же и опубликованы.[1]

Первое стихотворение вскоре явилось предметом специального исследования А. С. Грузинского. В приложении к исследованию А. С. Грузинский опубликовал текст стихотворения — в несколько ином варианте, без подразделения на строфы, — по рукописи профессора А. А. Дмитриевского с разночтениями по списку Киево-Михайловского монастыря № 569 и по списку Киевской духовной академии 1. III. 82. 3.[2] В рукописи А. А. Дмитриевского и КДА стихотворение читается в составе латинской «Поэтики» Г. Конисского (1746) как образец эпитафии в пятом разделе главы «de poësi epigrammatica».

И В. Н. Перетц и А. С. Грузинский не сомневались в принадлежности стихотворения Феофану Прокоповичу. В списке Киево-Михайловского монастыря, оно действительно, приписывается именно ему (Emblemmata... labore... Theophanis Prokopowicz, Rectoris nostri elaborata sunt); в остальных списках автор по имени не назван.

Вопрос о принадлежности Феофану и первого и второго («ad Immaginem Sancti Vladimiri») стихотворений, однако, сложнее, чем кажется.

Уже А. С. Грузинский обратил внимание на то, что первое стихотворение (вариант Г. Конисского) дошло до нас в неполном виде; в своей «Поэтике» сам Г. Конисский писал, что цитирует только отрывок.[3] Анализируя известные ему списки стихотворения, А. С. Грузинский, далее, установил, что текст его читается в этих списках в дефектном виде и представляет собою механическую контаминацию двух или даже трех разных произведений.

К сожалению, А. С. Грузинскому (равно как и В. Н. Перетцу) остался неизвестным полный список стихотворения, наиболее исправный по качеству текста — рукопись ГПБ, собр. Толстого, O.XIV.2, 1751 г., лл. 92—

[1] В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы, т. I, ч. 2. СПб., 1900, стр. 193—196; ср. т. 1, ч. 1, СПб., 1900, стр. 243—244.
[2] А. С. Грузинский. «Epitaphius Metropolitae Barlaamo Jasinski» — стихотворение Феофана Прокоповича. — Русский филологический вестник. Варшава, 1910, № 3—4, стр. 350—352.
[3] Там же, стр. 347.

94. Список этот мог бы документально подтвердить его догадку. Здесь (см. Текст) перед нами два цикла стихотворений. Первый цикл («Emblemmata») состоит из восьми шестистиший; второй («Symbola») — из одиннадцати. Сопоставление данного списка с остальными показывает, что текст рукописи Киево-Михайловского монастыря действительно возник в результате механической контаминации двух разных произведений; тут читаются стихи 1—46, т. е. все «эмблемы» без последних двух стихов, и стихи 91—108 из цикла «символов». В варианте Г. Конисского читаются стихи 1—48, т. е. все «эмблемы», и из цикла «символов» стихи 49—54 (I) и стихи 67—72 (IV), очевидно специально им отобранные.

Список ГПБ, О. XIV. 2 приписывает оба цикла стихотворений не Феофану Прокоповичу, а Стефану Яворскому («ab. . . Stephano Jaworski elaborata»), что, видимо, и соответствует действительности. Стефану Яворскому приписываются они и в рукописном сборнике профессора М. А. Максимовича (в прошлом принадлежал В. Лащевскому).[4]

Как случилось, что одно и то же произведение приписывалось двум разным авторам, сказать трудно: надо думать, это результат уважения, которым в стенах Киевской академии пользовались не только «poëta laureatus» — С. Яворский, но и Ф. Прокопович, тоже весьма ценимый и как поэт; последнему легко могли быть приписаны стихи в списке, не имеющем имени автора.

Что касается опубликованного В. Н. Перетцем стихотворения «ad Immaginem Sancti Vladimiri», то не исключена возможность, что оно действительно принадлежит автору трагедокомедии «Владимир»: в рукописи оно читается вслед за произведением, здесь приписанным перу «Феофана Прокоповича, ректора нашего».

Текст

Emblemmata et Symbola guaedam de monumento P. M. illustrissimi et reverendissimi Patris Barlaami Jasinsky D. G. Archiepiscopi Kiiov. Halic. etc. ab illustr. et reverendissimo D. G. Metropolita Rezanensi et Muromensi Stephano Jaworski elaborata.

Emblemma I

Сѣнь и примрак обнося мертвеннаго тѣла,
не могох ясно зрѣти тройчнаго свѣтила,
Но аки во зерцалѣ далече без мѣри
видѣх творца моего зѣницею вѣры.
Но се уже сокруши смерть зерцало сие,
чаю убо видѣти бога явственнѣе.

II

Блаженство смерть ми дает вмѣсто укоризни,
егда мой разлучает соуз краткой жизни;
Не мене бо, но моя терзает пленицы,
имы же бѣх утѣснен в скорбной сей темницы.
Даде ми желание мое получити,
желах разрѣшитися и со Христом быти.

III

Храмина тѣла, юже смерть непостоянна
разрушает, от худой персти бѣ созданна.

[4] Краткое описание этого сборника см.: В. Науменко. Стефан Яворский в двойной роли хвалителя и обличителя Мазепы. — Киевская старина, 1885, № 9, стр. 173.

Но иное ест жилище на небеси наше,
то дом мой, то покой мой, — се странница бяше.
Убо и о падежи сей не печалую,
достигох в дом отческий, странниц не требую.

IV

Вѣдий, гдѣ сокровище требѣ сокривати,
всегда духом восходих в горняя полати.
Тамо бысер мой драгий, тамо злато наше,
тамо и сердце мое выну пребываше.
Всуе бо смерть подкопа ми дом[а] сей тѣлесний,
аще цѣл и безбѣден храм ми ест небесний.

V

Луну, рода моего знамение красно,
умираяй, на себѣ изобразих ясно;
Идѣже бо землею покровен бываю,
тамо, яко же луну, свѣт мой помрачаю.
Но горѣ свѣт тройчнаго солнца безконечний
выдящи, сам на себѣ прийму зрак солнечний.

VI

Слышах о Иаковѣ, на камени спящем
и простерту до небесь лѣствицу видящем.
Ревновах ему, и гроб себѣ рождшей дѣвы
избрах во возглавие,[б] сном смерти почивий.
Вижду тя, о лѣствице, сведшую нам бога!
Доведи мя, Марие, горняго чертога.

VII

Вся рѣкы изначала малые бывают,
но, текуще пут долгый, воды умножают.
Подобнѣ и Варлаам, учения ради
пройде страны многия и многие грады.
И тако, от отчества далече странствуя,
зѣло себѣ умножи премудрости струя.

VIII

Корабль во волнах морских хотя спасен быти,
не жалѣет користи и куплѣ губыти.
В мирѣ, аки на морѣ, видѣх люти волны,
Варлаам сотворися нищий произволний.
Отвержеся и купель сотворил спасенну,
припли ко пристаннищу, добру нареченну.

Symbolum I

Громогласием страшной трубѣ бяше равна
твоя, о Варлааме, проповѣдь преславна;
Имуща в себѣ силу и дух божественний,
даде в полцех божиих глас многодѣйственний,
Крѣпляше сердца вѣрних, веселяще слухы,
зловѣрным же и гордим отъемляше духы.

[а] *В ркп.* дой. [б] *Испр. по ркп. Киево-Михайловского монастыря № 569 (1718 г.); в ркп.* человѣка.

II

От вара, бѣд, и браны, и лютих гонений
изсох бяше в Киевѣ вертоград учений.
Излия в нем Варлаам учения роды
и первих множайшие произнесе плоды.
Жезль его правителский, прежде обетшавший,
яко же Ааронов прозябе цвѣт здравий.

III

Жилища новой Еввы, дѣвия святия,
рай красний воистинну ест обытель сия,
Ибо божиим сущи престолом хранима,
всегда имать при себѣ добра херувыма.
Таков бяше Варлаам, пастир богом данний,
весь ревносты божией огнем одѣянний.

IV

На престол российския церквы возведенний,
пастир сей бѣ свѣтилник вселеннѣй явленний,
Полний дѣл благих, полний здраваго совѣта.
Бяше свѣт не без огня и огнь не без свѣта,
Горяше внутр, имѣя чистий огнь святины,
свѣтяше, дая инним образ благостины.

V

Зри от рукотворенна орудия дѣло,
тому пастир сей добрий подобствова зѣло.
Той егда единою стопою круг водит,
другою от средняго мѣста не отходит.
И сей труди и дѣла обходя премнога,
обаче никогда же не отступи бога.

VI

Что звѣзда ест морская по морю пловущим,
то бог ест рабом вѣрним, во бозѣ живущим.
Ко небеси Варлаам всегда возираше,
на земли ключения злая презираше.
Аще когда на его найде навѣт лютий,
радост имѣ в болѣзнех бога помянути.

VII

Стрѣла, яже бо острий магнит сокривает,
ко звѣздѣ полунощной себе обращает.
Варлаам же бяше всѣм во сладость едину.
ко богу ум и сердце возводящщ, выну,
И ниже совратися всякиим навѣтом,
ибо любвы божией влеком бѣ завѣтом.

VIII

Молчит злато под млатом, разнствуя от мѣди,
подобнѣ и Варлаам поношаше бѣды.
Тихостию роптания, тихостно многажди
претерпѣ ненависти, клевети и вражды.

Се тихостию приял всѣх бѣд, зол и млати,
тѣло убо перстное имѣло дух златий.

IX

Свѣтлост свѣщи, проходя сквозѣ сосуд склянний,
множится и болшия осязает страны.
Варлаам свѣт смерти ума чистотою
прием и зѣло того умножи собою.
И зри: свѣтлост повсюду излия толику,
облиста всю Россию, Малу и Велику.

X

Сии цѣну являют: на них бо худия
возносятся, долу же низходят драгия.
И добродѣтель любит тоежде мѣрило;
зѣло бо честний во всем смирается зѣло.
Се же и в Варлаамѣ изряднѣ явися:
честен, добр и паче всѣх, паче всѣх смирися.

XI

Дивну приять илектор от естества силу,
тайним бо узом сламу привлачит коснилу.
Подобное бог свойство даде Варлааму:
влечаше к себѣ нищих, мнимий гной и сламу;
Дом его бяше странним странница готова,
илектор в сердцѣ его бѣ милость Христова.

(ГПБ, O.XIV.2, лл. 92—94).

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

(Печатается под наблюдением В. И. Малышева)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

В. И. МАЛЫШЕВ

Отчет об археографической командировке на Печору 1958 г.

В июне 1958 г. мне снова довелось побывать на средней Печоре в поисках старинного рукописного материала, на этот раз одному, без Ф. А. Каликина и А. М. Панченко, с которыми я ездил сюда в 1954—1956 гг. В задачу командировки входило подобрать «остатки»; их, по нашим наблюдениям в 1956 г., в Усть-Цилемском районе было еще немало.

В отчете о поездке на Печору в 1956 г. я писал о том, что при современных условиях хранения рукописей населением, когда эти рукописи в большинстве случаев валяются забытые и заброшенные вместе со старым хламом по чердакам и чуланам, розданы по знакомым, часто бывает очень трудно напасть на их след, и поэтому за одну поездку совершенно невозможно познакомиться со всеми ценными рукописными книгами.[1] Практика работы на средней Печоре показала, что и после двух-трех поездок нельзя быть уверенным в том, что собрано все наиболее интересное.

Серьезным тормозом в собирании рукописного материала в Усть-Цилемском районе является все еще живущий в среде печорских старообрядцев старшего поколения — а у них в основном и находятся рукописи — дух консерватизма и веками выработавшийся обычай недоверчивого отношения к посторонним людям. Не исчезла окончательно и религиозная нетерпимость, сильно мешающая проведению поисков старинной рукописной книги, которая на Печоре, да и в других местах, где она сохранилась, многими владельцами понимается как «божественная».

Поэтому я должен признаться, что я был неправ, когда писал в прежних отчетах о том, что печорские старообрядцы охотно показали мне все свои рукописные материалы.[2] В действительности, как я теперь убедился, это было не так: многие владельцы приносили мне не все, а другие просто скрывали от меня свои собрания. Потребовалось немало усилий, чтобы многие рукописи из находок 1958 г. были переданы Пушкинскому Дому АН СССР. Чтобы получить, например, от П. С. Чупровой интересный поморский сборник XVIII в. с сочинениями Феофана Прокоповича и другими ценными произведениями, пришлось пять раз побывать у нее и вести бесконечные беседы о Пушкинском Доме, значении собирания рукописей и т. д. Старуха стояла на своем: «Не продам, вы будете его по радио передавать и в музее показывать». На помощь я привлек всю молодую часть ее семьи и давнего своего знакомого, пижемского наставника, который в итоге и помог приобретению рукописи.

Были и другие причины для образования «остатков».

У ряда пижемских и цилемских рыбаков и охотников часть их рукописных книг находится в промысловых избушках, за 150—200 километров от

[1] ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 399, 400.

[2] ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 471; т. XI, М.—Л., 1954, стр. 429, 430, и др.

деревни, в глухом лесу. Проезд в эти места труден и длителен: путь лежит в верховья мелководных и быстрых рек, а главной движущей силой лодочника является шест, которым он и отталкивается всю дорогу, если нет попутного ветра, когда парус оказывает небольшую помощь. Кроме того, промысловщики навещают эти места ранней весной и в начале осени, в моменты наилучшего лова и охоты, а в лучшее для собирания рукописей время (июнь—начало июля) они туда не ездят.

Вот с такими владельцами ведешь переписку, напоминаешь о своем приезде, но занятый нелегким делом рыбак или охотник часто забывает об обещании, и все переносится на следующий год. А другому старику жаль сразу расстаться со всеми рукописями, и он привозит их оттуда по частям. Так, например, делает известный по прежним «Отчетам» С. Н. Антонов из дер. Скитской (Пижма). В этом году он доставил из своей промысловой избушки с реки Умбы (около озера Светлого) еще пять рукописных книг XVIII в. По словам С. Н. Антонова, на Умбе книг больше нет, но мне не верится, чтобы это было именно так. Хитроватый рыбак, наверное, недовез что-то и на этот раз. Точно так же, по-видимому, поступает его односельчанин М. П. Михеев. В 1956 г. он передал Институту две рукописи, XVII в. и XVIII в., заявив при этом, что больше «письменного» у него нет. Между тем в дер. Скитской и в других пижемских деревнях про Михеева говорят, что ему перешло по наследству в двадцатых годах собрание рукописей и печатных книг последнего наставника скитской молельни.

Кроме того, некоторые владельцы во время нашего пребывания в Усть-Цилемском районе находились в отъезде. Так, например, было с А. П. Бобрецовой из дер. Степановской (Пижма). Две весны подряд она гостила у сына в Нарьян-Маре. На мои письма старушка не отвечала. Только в 1958 г. мне наконец удалось застать ее дома и приобрести от нее десять рукописных книг XVII—XIX вв. Со своим собранием А. П. Бобрецова рассталась охотно.

Вот так образовались те «остатки» рукописного материала, которые мне предстояло собрать в командировку этого года.

Работа в 1958 г. с самого начала осложнилась из-за очень запоздалой весны. Июнь на Печоре в этом году был не похож на прежние сравнительно теплые, а иногда даже жаркие июньские дни. По словам местных стариков, они не помнят такого позднего ухода зимы. Снег чуть ли не через каждый день выпадал вплоть до 17 июня. Регулярное пассажирское сообщение по Печоре, между г. Печора и с. Усть-Цильма, из-за ледохода задержалось до 10 июня.

Приехав в г. Печору 1 июня, я с большим трудом только 4 июня добрался до Усть-Цильмы. Здесь встретилось еще одно препятствие: до 8 июня на Пижму, откуда я хотел начать свою работу, проехать было невозможно. Эти четыре дня я работал в Усть-Цильме и в соседних селах. Первые два дня пошли на обследование Усть-Цильмы, в оставшиеся два дня я побывал в деревнях Карпушовка, Коровей Ручей, Чукчино, Кониных, Конахиных и на Замшевом заводе. Всего в Усть-Цильме и в названных деревнях я приобрел 31 рукопись XVI—XIX вв. Бо́льшая часть рукописей из этого числа была куплена в эти четыре дня, а меньшая часть — в период с 27 по 30 июня, после возвращения с Цильмы. Наибольшее количество рукописей было найдено в Усть-Цильме (27), здесь же были приобретены и наиболее ценные рукописи из находок 1958 г.: сборник начала XVII в. с повестями, письмо протопопа Аввакума к царевне Ирине Михайловне (середина XVIII в.), Устав (XVI в.) и др. В Усть-Цильме большую помощь мне оказали Василий Игнатьевич Лагеев и его жена Ев-

докия Ниловна. Они, например, помогли разыскать Устав XVI в., который я потерял из виду с 1949 г., и другие рукописи.

С 8 по 17 июня поиски производились на Пижме: в селе Замежном и в деревнях Скитская, Степановская, Чуркинская, Никоновская, Абрамовская, Боровская и Загривочная. На Пижме найдено 42 рукописные книги XV—XIX вв. Больше всего их оказалось в Степановской (10), затем в селе Замежном (9) и дер. Загривочной (9) В последней обнаружена была Псалтырь конца XV в.

После Пижмы я побывал в цилемских селениях. Снова пришлось посетить село Трусово, деревни Филипповская, Ортино, Фокин Ручей и Рочево. Кроме того, я съездил в рыбацкий поселок при реке Тобуше и в самую отдаленную деревню на Цильме — Номбург. В этих селениях мы ранее не были. Теперь по Цильме необследованных деревень нет.

В рыбачьем поселке на Тобуше и в дер. Номбург рукописных книг не оказалось. Проживающая в Номбурге Е. В. Попова, местная наставница, бывшая жительница дер. Омелино, передала нам пять рукописей XVII—XIX вв., подобранных ею в Омелине по чердакам и сараям пустующей деревни незадолго до нашего приезда. По ее словам, в настоящее время в Омелине «не осталось ни одного письменного листочка». Вместе с омелинскими рукописями на Цильме приобретено всего семь рукописных книг.

Вернувшись 27 июня в Усть-Цильму, я оставшиеся до отъезда в Ленинград три дня использовал главным образом для собирания сведений о писцах и держателях рукописной старины в местном крае. Одновременно интересовался и рукописями в с. Усть-Цильме и соседних деревнях, посетил дополнительно дер. Рощинский Ручей, в которой нашел две тетрадки XIX в. с духовными стихами.

Таким образом, всего в командировку 1958 г. было приобретено для Института 82 рукописные книги XV—XX вв. Хронологически они распределяются так: XV в. — 1, XVI в. — 3, XVII в. — 8, XVIII в. — 21, XIX в. — 37, XX в. — 12. Из числа последних три тетрадки со стихами новейшего письма (1927, 1939, 1944 гг.). По содержанию привезенные рукописи можно разбить на следующие группы: сборники и сборные рукописи XVI—XX вв. — 32; сборники стихов XVIII—XX вв. — 7; тетрадки XIX—XX вв. с отдельными апокрифами — 9; тетрадки XIX—XX вв. с отдельными духовными стихами — 13; сочинения исторического, литературного и бытового содержания XVII—XIX вв.—11; рукописи XV—XVIII вв. церковно-служебного характера — 10.

Большинство рукописей было найдено у ранее известных держателей старины. Однако владельцами нескольких рукописных книг, и притом очень ценных, в Усть-Цильме и в дер. Загривочной оказались совершенно новые лица: в Усть-Цильме — Мария Васильевна Мичтова, в Загривочной — Иларион Иванович Поташов. От первой я приобрел письмо протопопа Аввакума к царевне Ирине Михайловне, сборник XVII в. с повестью о Петре и Февронии и Житием Сергея Радонежского и другие интересные рукописи XVII—XIX вв. От И. И. Поташова получил Псалтырь конца XV в., два сборника стихов XIX—XX вв. и др.

Перечислим теперь наиболее интересные произведения из находок 1958 г. Для удобства располагаем их по разделам.[3]

1. П о в е с т и: о Петре и Февронии (два списка; начала XVII в. и XIX в.); о царице и львице (два списка; XVIII в. и XIX в.), о царе Аггее

[3] В настоящее время нами закончено подробное научное описание всех рукописей исторического, литературного и бытового содержания Печорского собрания, которое предполагается издать в 1960 г. На этом основании в данном отчете мы и ограничиваемся лишь кратким перечнем более ценного.

(XIX в.), о новгородском посаднике Щиле (XIX в.), Суд Соломона (XIX в.), Притча о богатых человецех (из повести о Варлааме и Иоасафе, XVIII в.), Прение живота и смерти (XIX в.), о владимирском попе Тимофее (XIX в.), повесть типикариса Троице-Сергиева монастыря Никодима, направленная против объедения, блудодеяния, табакокурения и пьянства (XIX в.). Имеется также более трех десятков различных повестей из Великого Зерцала, Звезды пресветлой, Измарагда, Старчества и других переводных сборников.

2. Сочинения русских писателей XVI—XVIII вв.: Максим Грек — Сказание об Афонском монастыре (XIX в.); протопоп Аввакум — Книга бесед (XVIII в.), письмо царевне Ирине Михайловне (середина XVIII в.), послание Морозовой в Боровск (XVIII в.); дьякон Федор — повесть об Аввакуме, Лазаре и Епифании (XIX в.), Сказание о Петре и Евдокиме (XIX в.), Прения с Афанасием архиепископом Иконийским (XIX в.); Феофан Прокопович — «Ответ учителям сорбонским» (XVIII в.), Послание к Петру Первому (XVIII в.). Есть несколько сочинений выговских писателей XVIII в. (братьев Денисовых, Ивана Филиппова и др.) и значительное число уставных, полемических произведений и соборных постановлений, написанных в Выго-Лексинском общежительстве в XVIII в.

3. Русские жития, памяти и сказания о богородичных иконах: жития Сергея Радонежского (XVII), Макария Унженского (XVII в.), Кирилла Белозерского (XVII в.), Федора Смоленского и Ярославского (XVII в.), память Федора, Константина и Давыда Ярославских (XVII в.), повесть о начале Воронинского монастыря (XVIII в.), Житие Ивана Внифатьева (кольского старообрядца, список XIX в.). Из переводных житий отметим: Феодосии Царьградской (XVIII в.), Андрея Юродивого (XVIII в.) и несколько списков (XVIII—XIX вв.) Жития Алексея — человека божия (в разных редакциях).

4. Стихи: о Борисе и Глебе (XVIII в.), Плач Адама (XVIII в.), «Стихи учительны о разуме» (наставления молодым, список начала XIX в.), о нищей братии (два списка начала XX в.), о Лексинских (Заонежских) девицах (XIX в.), об Алексее — человеке божьем (XIX в.), Рифмы детей к умершей матери (XIX в.), о семи дочерях дьявола (старообрядческая сатира, список XIX в.), «От писания и действ сказания» (старообрядческая сатира, список XIX в.) и многие другие. Следует также отметить несколько стихов, посвященных основателям Выго-Лексинского общежительства Даниилу Викулину, братьям Денисовым и Петру Прокопьеву.

5. Апокрифы: Сказание св. Пафнутия о страстях Христовых (XVIII в.), епистолия Павла апостола (XIX в.), Беседа трех святителей (XIX в.), Молитва архангелу Михаилу (XIX в.), «Лист Исуса Христа» (начало XX в.) и многие другие. Имеется два списка XIX в. Индекса книг праведных и ложных.

6. Дидактические произведения: Еклисиаст (XVIII в.), Притчи Соломона (XVIII в.), Премудрости Исуса сына Сирахова (XVIII в.), Поучение отца к сыну о премудрости (XVIII в.), Поучение о христианском житии (XVIII в.), О двенадцати добрых друзьях человека (два списка XIX в.), Наставление отца духовного детям духовным и всем православным христианам (XIX в.), Поучение к попам (XIX в.) и т. п. Сюда же относятся «Сравнения дел бога и дьявола» (два списка XVIII в.), поучения против пьянства, матерной брани в списках XVII—XIX вв., различные «Притчи и толкования от божественного писания»,

изложенные в виде вопросов и ответов (из этих произведений, некоторые, возможно, русского, может быть даже печорского происхождения). Назовем также три сборника изречений (типа Пчелы).

7. Материалы краеведческого значения: опись книг Великопоженского скита (середина XIX в.), приходная ведомость этого скита за 1870—1872 гг., список скитских икон и других вещей, список лиц, умерших в скиту в 1825—1859 гг., опись книг наставника скитской молельни Сергея, письмо выговцев в Великопоженский скит о получении некоторых вещей домашнего обихода (XIX в.) и несколько местных синодиков (поминаний), в том числе поминание лиц, сгоревших в Великопоженском ските в 1743 г., и поминальники умерших на Пижме, по реке Тобушу и поминание рода московского купца Емельянова, вкладчика и благодетеля Великопоженского скита (XVIII в.).

8. Исторические, учебные и бытовые сочинения: описание заседания в Книжной палате 18 февраля 1627 г. по поводу исправления Катихизиса Лаврентия Зизания (XVIII в.), Зерцало богословия Кирилла Транквилиона, в поморской, выговской, переработке (XVIII в.), Альфа и Омега (поморская рукопись XVIII в.), учебник (азбука) знаменного пения (XVIII в.) и Лечебник (травник, XIX в.).

9. Церковно-служебные рукописи: Псалтырь (конец XV в), Устав (последняя четверть XVI в.) с заздравной и многолетием Ивану Грозному (оба произведения печатаются в «Приложении» к отчету) и Октоих (XVIII в.), с поморским орнаментом.

Таково в общих чертах содержание рукописного материала, доставленного из Усть-Цилемского района Коми АССР в эту командировку. Этот перечень показал, сколько интересного оставалось на Печоре. И сейчас еще на нижней Печоре могут встретиться ценные для науки рукописи. Поручиться за то, что все важное отсюда вывезено, нельзя и теперь. Думается мне, что некоторые старики и старушки слукавили и в этом году, отвечая, что «письменных и досельных книг» у них уже нет.

Кроме того, в Усть-Цильме имеется несколько владельцев, которые открыто не захотели расстаться со своими рукописями. Это Т. И. Ермолин (имеет Пролог, XVI в. и Поморские ответы, XVIII в.), Т. И. Поздеева (имеет сборник XVIII в. с повестями), М. И. Кислякова (у нее есть рукописи XVIII—XIX вв., среди них и литературного содержания), П. С. Чупрова (несколько сборников XVIII—XIX вв.), П. П. Чупрова (Измарагд XVIII в. и др.) и ряд других. Все эти рукописи взяты нами на учет.

Если же к этому списку прибавить имена названных выше держателей книг, пижемских, цилемских и усть-цилемских, у которых по нашим наблюдениям имеются еще рукописные книги, то придется сделать вывод, что рукописного материала в Усть-Цилемском районе осталось немало. Следует также учесть, что мы приобретали в основном материал, представляющий ценность для историка древнерусской культуры в самом широком смысле этого слова, и краеведческого значения. Было оставлено значительное количество поздних церковно-служебных рукописей (XVIII—XX вв.), если они своими особенностями (языком, орнаментом, приписками и т. п.) не представляли ценности для палеографа, лингвиста, историка искусства и краеведа. Церковно-служебные рукописи по XVII в. включительно приобретались без всякого ограничения.

Вот таково в настоящее время положение с рукописной книгой на нижней Печоре, центром которой является Усть-Цилемский район Коми АССР.

Каковы же возможности дальнейшей археографической работы на Печоре вообще и на нижней в частности?

На Пижме и Цильме на большие рукописные находки в настоящее время рассчитывать едва ли можно, и специальных командировок организовывать сюда не следует.

Связь с владельцами рукописных книг вполне можно поддерживать через знакомых Институту лиц, понимающих значение археографической работы (Т. М. Мяндин, Д. Ф. Бобрецов, И. Д. Рочев, Е. В. Попова и др.). В нерецких селениях, как показала поездка 1955 г., с рукописной стариной расстались давно. Можно рассчитывать лишь на случайные, единичные находки.

Следует еще раз проверить низовую Печору, и прежде всего в районе Нарьян-Мара и ниже к устью реки, а также населенные пункты, основанные в XIX в. выходцами из Усть-Цильмы и с Пижмы и Цильмы (Бугаево, Хабариха, Окунев Нос, Крестовка, Климовка, Росвино и др.). Наша поездка в эти селения в 1955 г. была явно недостаточной из-за ограниченного времени. Едущему в низовья Печоры надо обязательно задержаться на несколько дней в Усть-Цильме и поискать рукописи в этом громадном селе и в соседних деревнях. Безрезультатной эта работа, наверное, не будет.

Необходимо возможно скорее организовать археографическое обследование селений по реке Усе и особенно верховьев Печоры, от поселка Кожва до дер. Момыль и выше. В прошлом в этом краю имелось развитое старообрядчество. Верхнепечорские коми почти сплошь были старообрядцами. Русское население верховья является выходцами из Чердыни и Соликамска, долго придерживалось старой веры. По сообщениям побывавших здесь сведующих лиц, в селениях Аранец, Концебор, Бызовая, Медвежская, Красный Яг, Старица, Якша, Усть-Волосница, Светлый Родник, Усть-Бердыш, Собинская и других до сих пор у населения встречаются рукописи и книги старой печати.

Тщательное археографическое обследование всей Печоры будет иметь большое научное значение. Это позволит полнее представить умственные запросы, духовный облик населения огромного Северного края нашей страны в XVI—XIX вв. Вместе с данными языка, фольклора, этнографии, которые сейчас также изучаются на Печоре, это даст возможность показать своеобразие и богатство местной культуры.

В «Приложении» к отчету публикуются многолетие и заздравная Ивану Грозному (из Устава XVI в.), стих о нищей братии (из сборника стихов начала XX в., переписанного И. И. Поташовым) и стихотворение об иеромонахе Неофите (из сборника XVIII в.).

Многолетие Ивану IV, как видно из содержания, написано в промежутке между октябрем 1582 г. и мартом 1584 г. (дата смерти Грозного): в нем упоминается царевич Дмитрий Иванович, родившийся 19 октября 1582 г.

Стих о нищей братии печатается с исправлениями по другому списку, переписанному тем же И. И. Поташовым.

Стихотворение против иеромонаха Неофита является откликом выговцев на его приезд на Петровские Олонецкие заводы для увещания старообрядцев и написано, по-видимому, около 1722 г. Автором этого стихотворения, по нашему предположению, мог быть Андрей Денисов, которому приписывается сочинение многих выговских стихов, в том числе о юности, благонравии и т. д. (см., например: В. И. Срезневский. Описание рукописей и книг, собранных в Олонецком крае. СПб., 1913, стр. 183). По форме стихотворение напоминает известные «стихи покаянные, слезные и умильные». В рукописи оно на крюках.

Тексты издаются по правилам, принятым в ТОДРЛ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Многолетье Ивану IV

Ако подобает на часех на царских многолетствовати многолетна.

Устрой, боже, благовернаго и христолюбиваго царя и государя, великаго князя Ивана Васильевичя на многа лета. Многалетна. Устрой, боже, благоверьнаго и христолюбиваго царя и государя, великого князя Ивана Васильевичя всея Руси на многа лета. Многалетна.

Устрой, боже, благовернаго и благороднаго и христолюбиваго царя, богом избраннаго и богом почтеннаго и богом возлюбленнаго, богом венчаннаго и богом соблюдаема и богом превознесеннаго, государя нашего, великого князя Ивана Васильевича Владимеръскаго и Московъскаго, и Смоленьскаго, и Тверьскаго, и Новгороцкаго, и Пьсковьскаго, и Болгарьскаго, и Язтараканскаго [и] иныя всея Руския земли самодерьжца. Государю нашему на многа лета. Многалетна.

Устрой, боже, благовернаго царевичя Феодора Ивановичя, устрой, боже, благовернаго царевичя Дмитрея Ивановичя на многа лета.

Благовернаго великаго князя Семиона Бекбулатовичя Тверьскаго на многа лета. Многалетна.

Устрой, боже, господина нашего пресвещеннаго архиепископа Александра новгороцкаго и пьсковьскаго на многа лета. Многалетна.

Устрой, боже, православное христолюбивое царя и государя, великаго князя Ивана Василь[евича] воиньство, благоверных и христолюбивыхь князи руских и боляр, пекущихся о божиихь церквах и о всемь православном християнстве на многа лета. Многолетна.

Устрой, боже, все православное христьянство и даруй [и]мь всякого блага.

О, владыко, Христе царю, спаси и помилуй и избави нас от нашествия иноплеменных и междособныя брани, и от напрасныя смерти защити, спаси и помилуй на многа лета. Многалетна.

Устрой, боже, все православное христьянство в мире глубоце и во благовременней помощи и во умножении плодовь земных на многа лета.

Спаси, Христе боже, всих преподобных отець наших, игуменов и архимандритов, еже о Христе з братьею, и весь чин священнический, и отець наших духовных, и святым храмом сим в веки веком. Аминь. (*лл. 153 об.—154 об.*)

2. Заздравная Ивану IV

Молитва заздравия. Говорить над кануном: «Благословен бог нашь» Таже: «Никто же притекая ко тебе». Таже тропори и по трепарех: «Господу помолимся». Та же канун пети и крестить трижды, та же молитва.

Владыко многомилостиве, господе Исусе Христе боже нашь, молитвами пречистыя владычица нашея богородица и присно девы Мариа, силою честнаго и животворящаго креста, заступлением честных небесных сил безплотных, честнаго и славнаго пророка и предтеча крестителя Иоанна, святых славных и всехвальных апостол и святых добропобедных мученик, преподобных и богоносных отець наших, святых праведных богаотець Иааокима и Анны и святых трех святителей, вселеньских учителей, Василья Великаго и Григорья Богаслова, Иоанна Златоустаго, и иже в святых отца нашего Николы архиепископа Мирликийскаго, чюдотворца, иже во святых отець наших архиепископов александрейскых, чюдотворцов, Афонасиа и Кирила, иже во святых отца нашего Петра митрополита всея

Руси, чюдотворца, иже в святых отца нашего Леоньтеа, епископа Ростовьскаго, чюдотворца, и святых и великых мученик Егорьгиа, Дмитрея и Феодора, и преподобных и богоносных отець наших Антонья и Феодосиа Печерскых чюдотворцов, и преподобных и богоносных отець наших Сергеа и Варлаама и Кирила Белоозерьскых чюдотворцов, иже во святых отца нашего Кирила архиепископа Иерусалимьскаго, чюдотворца, преподобнаго и богоноснаго отца нашего Дмитреа, Вологадцкаго чюдотворца, и святых страстотерпець Бориса и Глеба, и преподобнаго отца нашего Сергеа Радонежскаго, чюдотворца, и святыя великомученицы Парасковеи, нареченныя Пятницы, и святаго его, есть день, и тех всех святых молитвами спаси, господи, и помилуй благовернаго и христолюбиваго царя и великаго князя Иоанна Васильевича всея Руси самодержца Рускыя земли. Даруй ему, господи, душевное спасение и телесное здравие, умножи, господи, лет живота его и покори, господи, под нози его вся видимая и невидимыа врагы его, исполни, господи, всю Рускую землю его всякия благодати, оградн, господи, силою крестною его, утверди, господи, мышцю его на вся супостаты, ты бо еси источник и податель всякому благу добру приношению. Отцю и сыну, святому духу, ныне и присно, во веки веком. Аминь. *(лл. 76 об.—77 об.).*

3. Стих о нищей братии

Стих воскресения Христова

Христово божие воскресение,
Христово божие вознесение.
Да вознеся Христос на небеса
Со ангелами херувими,
Со апостолами серафими,
Да со всей силой со небесной.
Да нихто на земли не осталсе,
Оставалась одна нищая братия,
Нищая братия, сирота убоги.
Нищая братия слезно плачут,
На господа бога взирают.
«Да не плачте вы, нищая братия,
Не рыдайте убоги сирота,
Да оставлю я вам гору золотую,
Да промежу собой горой поделяйтесь,
Промежу собой горой поровняйтесь».
Говорят ему нищая братия:
«Да нам горою золотою не владети,
На земли будут князья-бояре,
Да отоймут у нас гору золотую».
Тутречет Иоанн Златоустый,
Говорит владыки царю небесному:
«Да оставте им имя христово,
Да станут ходить по селам же,
По селам же ходить да по деревням.
Да станут часто Христа поминати,
На каждой день-час звеличати,
Будут сыты и довольны,
Будут обуты и одены,
Да от темной ночиньки укрыты».
Да слава тебе Христу богу,

Да слава тебе сыну божью.
Да кто етот стих послушает,
Тому господь благодать в дом давает (*лл. 1—3*).

4. Стих выговцев об иеромонахе Неофите

Си глаголют пустынножители Неофиту:
Что много грозиши нам,
Что бесишися над христианы?
Ни начальства ти отъяхом,
Ни богатьство Ваше взяхом,
Но буими словесы
Увещати ны помышляеши.
Мы тебе не брежем,
Ни твоихо безумных глагол
И скорби терпим,
Ни имения не щадим
За любовь Христа нашего,
Зане он любит ны
И царства нам дарует.
Тому бо есмы раби
И на него надеемся.
И той нас спасет
От рук враг наших
И дарует рабом своим
Царьство небесное (*л. 237—237 об.*).

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

Ю. К. БЕГУНОВ и А. М. ПАНЧЕНКО

Археографическая экспедиция в Эстонское Причудье

В конце ноября—начале декабря 1958 г. Сектор древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР направил в районы бывших старообрядческих поселений Эстонской ССР археографическую экспедицию в составе авторов настоящей заметки. Мы побывали в селениях по западному берегу Чудского озера: Муствее (Черный Посад), Рая, Тихотка, Кикита (Никитовка), Калласте (Красные Горы), Большие и Малые Кольки, София, Казепель, Варнья (Воронья). Все эти селения входят в Муствеевский и Калластевский районы Эстонской ССР.

Старообрядческие поселения в этих местах известны еще с Петровских времен.[1] В 1710 г. на речке Выбовке (мыза Ряпино) последователи Феодосия Васильева построили общежительный монастырь, который в 1722 г. был разорен солдатами. Федосеевцы переселились на север, где основали две деревни — Рая и Малые Кольки. В первой половине XVIII в. возникли старообрядческие молельни в Черном Посаде (на территории имения баронов Флеминсгоф) и в Никитовке на средства московского дворянина Морозова и купца Никитина. В конце XVIII—начале XIX в. строятся молельные дома в деревнях Воронья (1792 г.), Красные Горы, Большие Кольки и на острове Межа (Пиирисаар).

В 20—30-х годах нашего столетия старообрадчество в Эстонии, и в частности в Причудье, оформляется организационно. Действует Центральный совет, созываются особые съезды старообрядцев. Это организационное укрепление было противодействием националистической политике правительства буржуазной Эстонии. Приобретают известность местные мастера иконописания — Г. Е. Фролов, П. М. Сафронов, Н. П. Солнцев. В старообрядческих общинах Причудья (их насчитывалось двенадцать — две федосеевские и десять поморских) пополняются и расширяются библиотеки старопечатных и рукописных книг. Ведется оживленная книжная торговля, пришедшие в ветхость рукописи и книги переписываются Амелькиным, Савосткиным, Г. Е. Фроловым, Кукиным и другими переписчиками, которых и сейчас помнят местные жители.

Некоторые сведения об интересных рукописях изредка проникали на страницы журнала «Родная старина» (издавался в Риге в 1927—1933 гг.) и других прибалтийских журналов. И. Н. Заволоко, неоднократно в 20—30-х годах бывавший в Причудье, опубликовал в «Родной старине» некоторые данные о рукописно-книжных богатствах (он упомянул, в частности, приобретенный нами Хронограф XVII в.). Однако специального изучения и собирания древнерусских рукописных книг в Причудье не велось.

---

[1] К. А. Малышев. Краткая летопись Кикитовской общины в Причудском крае. — Родная старина, Рига, 1929, № 7, стр. 27.

Между тем в этом районе как у местных жителей, так и в старообрядческих молельнях при общинах, до сих пор имеются значительные рукописно-книжные библиотеки.

Поиски рукописного материала в Причудье начались 28 ноября в дер. Рае, расположенной в нескольких километрах к югу от Муствее. До 1931 г. (до кончины) здесь жил упоминавшийся выше иконописец Г. Е. Фролов. Он в течение долгих лет собирал старопечатные и рукописные книги. Библиотека его, сохранившаяся, к сожалению, далеко не полностью, находится в местной старообрядческой общине. Состоит она из 40—50 томов, среди которых преобладают служебные книги (круг старопечатных месячных Миней, Октоихи, Ирмологии, Часословы и т. п.). Рукописей в общинной библиотеке оказалось немного, и самые интересные (кроме «Маргарита» Иоанна Златоуста в списке XIX в.) нам удалось приобрести: Минеи XVI в., «Беседы» Григория, папы римского (начало XIX в.), «Меч духовный» Алексея Самойловича (конец XVIII в.), сборники старообрядческих полемических сочинений и др.

Учитель-пенсионер К. А. Малышев из дер. Кикита имеет несколько рукописей XIX—XX вв.: стиховники, списки «Сна богородицы», «Сказания о 12 пятницах», жития Феодоры, Кирика и Улиты, «слова» Иоанна Златоуста. К. А. Малышев уступил нам только одну тетрадку со стихом соловецких иноков.

В дер. Тихотка мы познакомились со 104-летней старушкой Бабушкиной. В свое время у нее была большая библиотека рукописных и старопечатных книг, но все они сгорели во время пожара. Поиски наши в Муствее были также безрезультатны.

В Калласте (Красные Горы) библиотека местной общины насчитывает несколько десятков книг и рукописей преимущественно церковно-служебного содержания. Совет общины согласился уступить нам только один сборник XIX в. с выписками из Физиолога. Другой же сборник XIX в. с повестями о Савве Грудцыне, Петре и Февронии, Тимофее Владимирском и т. п. община передала Институту во временное пользование сроком на один год. Из литературно-исторических произведений в общине остались Житие юрьевских мучеников, сборники духовных стихов и др.

У Н. Ф. Кукиной (Калласте) сохранились книги ее покойного мужа, который слыл человеком ученым и сам переписывал их. От нее мы получили: Поморские ответы (XVIII в.), Сказание о 12 снах Шахаиши, повесть «о видении именитого купца Иоанна» (XVIII в.), учебник крюкового пения, а также «тираксу», которой ее супруг пользовался при писании рукописей.

Из Калласте мы направились к югу до Варньи, а оттуда по берегу озера обратно через Казепель, Софию, Большие и Малые Кольки. Здесь было осмотрено три общинных библиотеки. Собрание их состоит из служебных рукописей и старопечатных книг. Среди рукописей большинство нотно-крюковых XVIII—XX вв. В дер. Казепель у Л. Е. Гришакова мы приобрели 10 рукописных книг XV—XVI вв., в том числе 8 служебных Миней и 2 Трефологиона. В дер. Малые Кольки у братьев Гориных был найден Хронограф XVII в. В г. Тарту ни в библиотеке С. Т. Кобылкина (наставника общины), ни у сестры иконописца П. М. Сафронова рукописей не оказалось.

Всего нами была собрана 31 рукопись XV—XX вв. По времени написания они распределяются следующим образом: XV в. — 1, XVI в. — 9, XVII в. — 3, XVIII в. — 6, XIX в. — 10, XX в. — 2 рукописи. Содержание рукописей разнообразно (см. список в конце отчета).

В течение двух недель мы, естественно, не смогли обследовать все деревни Причудья; нам, например, не удалось побывать в Ряпинском районе и на острове Межа (Пиирисаар). Следовало бы еще раз организовать археографическую экспедицию в Причудье. Кроме рукописной старины, этот край интересен и для фольклористов и этнографов. Историки искусства также могут рассчитывать на ценные находки произведений иконописания.

Выражаем благодарность за помощь в работе преподавателям Тартуского университета Г. Ф. Мурниковой, Б. Ф. Егорову, Ю. М. Лотману, учителям К. А. Малышеву и Д. М. Домнину, а также Е. Е. и О. А. Долгашовым, Л. Е. Гришакову, И. Ф. Кашову.

Ниже следует краткая охранная опись рукописных книг, собранных в Причудье.

Опись рукописных книг, собранных Ю. К. Бегуновым и А. М. Панченко в Причудье в 1958 г.

а) Рукописи исторического, литературного и бытового содержания

1. Хронограф, XVII в. (последняя четверть), в лист, 424 лл., скоропись (лл. 1—11, 13, 380—421 написаны на бумаге XIX в. полууставом), переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя медными застежками. Хронограф относится ко второй редакции (по классификации А. Попова). Приобретен от Ф. А. Горина (дер. Малые Кольки).

2. Сборная рукопись, XVII—XVIII вв., в 4-ку, 81 лл, полуустав и скоропись разных почерков, переплет картонный, покрытый кожей. На л. 1—1 об. владельческая запись наставника Красногорской общины В. С. Морозова от 1868 г., а также запись о передаче рукописи по наследству его сестре (имя не указано). Содержание: История о взятии Соловецкого монастыря Семена Денисова, круг миротворный, печать царя Соломона, выписки из Маргарита, Кормчей, Диоптры, Пчелы, Цветника священноинока Дорофея, «Мессии Правдиваго» И. Голятовского, молитва Александру Свирскому и др. Рукопись из библиотеки общины г. Калласте.

3. Письмо Федора Ладыженского к Даниле Дмитриевичу, бытового содержания, конца XVII в., 1 лист, скоропись. Найдено заложенным в июньской Минее XVI в.

4. Сборная рукопись XVIII в. (первая четверть), в 8-ку, 205 лл., мелкая скоропись разных почерков, переплет — доски, покрытые коричневым бархатом, с остатками двух латунных застежек. На л. 180 об. приписка: «Подлинная писана рукою раба Игнатия Никитина, без конца». Содержание: «Сказание о безмолвии», «Главы созерцательны» и Житие Григория Синаита, «Устав» Нила Сорского, «Стоглав» Федора Эдесского. Рукопись из библиотеки общины дер. Рая.

5. Поморские ответы, XVIII в. (вторая четверть), в 8-ку, 323 лл., скоропись разных почерков, переплет картонный, покрытый кожей. Конечных листов в рукописи недостает. Приобретена от Н. Ф. Кукиной (г. Калласте).

6. «Меч духовный» Алексея Самойловича (часть первая), XVIII в. (последняя треть), в 4-ку, 375 лл., подражание полууставу, переплет — доски, покрытые кожей, с двумя латунными застежками. На полях имеются многочисленные читательские пометки. Рукопись из библиотеки общины дер. Рая.

7. Сборная рукопись, XVIII (конец), в 8-ку, 160 лл., скоропись, переплет картонный (сохранилась только нижняя крышка), начальных и конечных листов в рукописи недостает. На л. 12 владельческая приписка

Ивана Егорова, Кукова сына. Содержание: «Слово Мамера царя о снех» (вторая редакция), Повесть о видении именитого купца Иоанна, Повесть о чудесах св. Николы, «слова» Иоанна Златоуста, Стефана Великого, Афанасия Александрийского и др., выписки из Кормчей, Египетского патерика, Великого Зерцала и др. Приобретена от Н. Ф. Кукиной (г. Калласте).

8. Сборная рукопись конца XVIII—начала XIX в., в 8-ку, 6 лл., полуустав, без переплета. На л. 1 — стихотворное вступление:

Здесь посвящение, здесь мати наук:
Что летом и зимой плод свежий всем дает,
Хоть несколько его вкус первой огорчает
И скуку тем родит; но после услаждает.
Так юность лет щадя, скорей спеши в сей сад.
Здесь сыщешь на всю жизнь ты множество отрад.

Содержание: Круг миротворный, рука Иоанна Дамаскина, индиктион. Рукопись приобретена от Н. Ф. Кукиной (г. Калласте).

9. «Беседы о жительстве различных отец» Григория, папы Римского (в четырех книгах), XIX в. (начало), в 4-ку, 202 лл., скоропись, переплет — листы, исписанные скорописью XVIII в. На полях читательские приписки типа: «Хотели бы без конца жити, да возмогут без конца грешити», «Инокиня за безвременнословие сожжена в церкви». Рукопись из библиотеки общины дер. Рая.

10. Житие Марии Египетской, XIX в. (середина), 32 лл., полуустав, переплет картонный. Имеются владельческие записи студента Новгородской духовной семинарии Г. Ильинского (от 7 марта 1853 г.), Е. Я. Аннушкина, П. Никитина, Л. П. Амелькина, Н. Муравьева, Громова. Рукопись из библиотеки общины дер. Рая.

11. Сборная рукопись, XIX в. (последняя четверть), в 4-ку, 46 лл., полуустав, переплет картонный. На л. 46 об. приписка: «Сия тетрать Алексея Жбанова, написана 1886 года, месяца июня 14 дня» (аналогичная запись на л. 1). Содержание: «Клятвенное обещание» вступающего в должность наставника, старообрядческий Синодик, выписка из Стоглава «о острижении брад», стих о чае, служба Исидору «и иже с ним пострадавшим в Юрьеве граде Ливоньском» и др. Рукопись из библиотеки общины дер. Рая.

12. Сборная рукопись, XIX в. (конец), в 4-ку, 26 лл., полуустав, без переплета. Содержание: выписка из Физиолога о фениксе, ящерице, «коркодиле», драгоценных камнях и др., отдельные статьи из Кормчей, Катехизиса, «Слово Исуса Христа о жидовине и о кокоше, и о яйце», статья о том, что «неподобает христианам матерно ругатися» и др. Рукопись из библиотеки общины в г. Калласте.

13. Стих соловецких иноков, XIX в. (конец), в 8-ку, 7 лл., полуустав, переплет бумажный. Рукопись приобретена от К. А. Малышева (дер. Кикита).

14. Сборная рукопись, XIX в. (вторая половина), в 8-ку, 39 лл., полуустав, без переплета, начальных и конечных листов недостает. Содержание: стихи о памяти смертного часа, об Иоасафе царевиче, Плач Иосифа Прекрасного и др. Рукопись приобретена от Н. Ф. Кукиной (г. Калласте).

15. Сборная рукопись, XIX в. (вторая половина), в 8-ку, 85 лл., полуустав, переплет картонный. На л. 82 об. приписка: «Спиридона Хрисанфыча благочисивого (!) старца жизни». Содержание: «Разделение церквами и о соединениах», «Ответы на вопрос о древлецерковном положении», «Мартыново увещевание». Рукопись приобретена от Н. Ф. Кукиной (г. Калласте).

16. Полемические «Самарские ответы на семь вопросов, данных... священником Дмитрием Александровым Семену Васильеву Рязанову» и вопросы последнего к Дмитрию Александрову, 1896 г., в 8-ку, 18 лл., полуустав. Гектографированное издание из библиотеки общины дер. Рая.

17. Сборная рукопись, XIX в. (конец), в лист, 136 лл., полуустав, переплет картонный. Лл. 114 об.—136 об. чистые. На л. 1 карандашная запись: «Тетрадь из Поломника собрана». На внутренней стороне нижней крышки переплета приписка: «Сея книга писана пре головщике Андрее Яковличе Баранцевым». Содержание: повести о Петре и Февронии, о Савве Грудцыне, о Тимофее Владимирском, «О чудеси иверской иконы богородицы», житие Агапия, «Послание к царю Алексею Михайловичю християнское», «Краткое обозрение существования церкви единоверческой», «О совокуплении с еретики в ядении и питии», выписки и отдельные статьи из Псалтыри толковой, Катехизиса, Патерика Скитского и т. д. Рукопись из библиотеки общины г. Калласте, получена во временное пользование сроком на один год.

18. Отдельные тетрадочные листы, XIX в. (вторая половина), в 4-ку, 10 лл., полуустав. Содержание: 25 уставных статей федосеевской общины, начало повести об антихристе. Рукопись из библиотеки общины дер. Рая.

б) Церковно-служебные рукописи

19. Минея служебная (февраль), XV в. (конец), в 4-ку, 337 лл., полуустав, переплет — доски, покрытые тисненой кожей, начальных и конечных листов недостает. Лл. 1—5 и 15 писаны полууставом на бумаге 1788 г. Рукопись из библиотеки общины дер. Казепель.

20. Минея служебная (январь), XVI в. (начало), в лист, 347 лл., полуустав, переплет поздний — доски, покрытые желтой кожей, с остатками медных застежек. Из библиотеки общины дер. Казепель.

21. Минея служебная (август), XVI в. (начало), в лист, 227 лл., полуустав, в два столбца, переплет — доски, покрытые тисненой кожей. На обороте верхней крышки переплета почерком XVIII в.: «Служебная Минея Казепеля». Из служб русским святым содержатся службы митрополиту Петру и владимирской иконе богородицы. Из библиотеки общины дер. Казепель.

22. Минея служебная (декабрь), XVI в. (начало), в лист, 236 лл., полуустав, верхняя крышка переплета картонная, нижняя — доска, покрытая картоном. Имеются службы митрополиту Петру и Стефану Сурожскому. Из библиотеки общины дер. Казепель.

23. Трефологион, XVI в. (вторая четверть), в лист, 287 лл., полуустав в два столбца, переплет — доски, покрытые тисненой кожей. Между лл. 60 и 61 — вклейка из двух тетрадочных листов, содержащая службу новгородской иконе знамения богородицы. На внутренней стороне верхней крышки переплета приписка скорописью XVI в.: «Минея новых чудотворцов 20, цена полденги»; на л. 284 об. приписка скорописью XVII в.: «Дал 50, купил у Афанасея черньца, у Вомоса». В рукописи имеются службы русским святым: князьям Федору, Давиду и Константину Ярославским, митрополитам московским Петру, Алексею и Ионе, Варлааму Хутынскому, Евфимию Новгородскому, Сергею Радонежскому, Кириллу Белозерскому, Стефану Сурожскому, Феодосию и Антонию Печерским, Дмитрию Вологодскому, Леонтию и Игнатию Ростовским, новгородской и владимирской иконам богородицы. Текст Миней заканчивается молитвой за «учительскую седмицу», в которую наряду с греческими святыми включены трое русских — митрополит Петр, Леонтий Ростовский и Стефан Сурожский. Рукопись из библиотеки общины дер. Казепель.

24. Минея служебная (июль), XVI в. (середина), в лист, 190 лл., полуустав в два столбца, переплет поздний — картонный, покрытый кожей, начальных и конечных листов в рукописи недостает. Имеются службы русским святым: княгине Ольге, князьям Владимиру, Борису и Глебу, новгородскому юродивому Микуле Кочанову. Рукопись из библиотеки общины дер. Казепель.

25. Минея служебная (июнь), XVI в. (третья четверть), в лист, 182 лл., полуустав, переплет — доски, покрытые тисненой кожей. На верхней крышке выдавлено вязью: «апостол тетр». На нижней крышке стертая приписка скорописью XVII в., внизу запись: «170 году сентября в день». Рукопись из библиотеки общины дер. Казепель.

26. Трефологион, XVI в. (последняя четверть), в лист, 329 лл., полустав, переплет поздний — картонный, покрытый кожей. Начальных и конечных листов в рукописи недостает. Встречаются службы русским святым: князьям Михаилу Черниговскому, Борису и Глебу, Владимиру, княгине Ольге, митрополитам Петру, Алексею и Ионе, Варлааму Хутынскому, Евфимию Новгородскому, Сергию Московскому, Стефану Сурожскому, Кириллу Белозерскому, Дмитрию Вологодскому, Феодосию и Антонию Печерским, Исаие, Леонтию и Игнатию Ростовским, Никите Переяславскому, владимирской и новгородской иконам богородицы. Рукопись из библиотеки общины дер. Казепель.

27. Служебник, XVI в. (конец), в лист, 214 лл., полуустав в два столбца, переплет — доски, покрытые кожей (сохранилась только нижняя крышка). Рукопись из библиотеки общины дер. Рая.

28. Минея служебная (январь—февраль), XVI в. (конец), в лист, 234 лл., полуустав в два столбца, переплет — доски, покрытые черной кожей, с двумя медными застежками. Лл. 1—46 об., 215—234 об. чистые, новейшей бумаги XIX в. Имеются службы русским святым: Стефану Пермскому, Зосиме и Савватию Соловецким, Евфимию, Нифонту и Никите Новгородским, Дмитрию Вологодскому и Прилуцкому, Всеволоду Псковскому, митрополитам Алексею и Ионе, московскому юродивому Максиму, Макарию Калязинскому и др. Рукопись из библиотеки общины дер. Рая.

29. Служебник, XVIII в. (конец), в 4-ку, 4 лл., полуустав, без переплета. Несколько листов рукописи утеряно. От Н. Ф. Кукиной (г. Калласте).

30. Каноны за умершего, XIX в. (конец), 10 лл., полуустав, в бумажной обложке. От К. А. Малышева (дер. Кикита).

31. Сборник канонов, XX в., 8 лл. (4 лл. — чистые), полуустав, в бумажной обложке. От К. А. Малышева (дер. Кикита).

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

Н. Ф. ДРОБЛЕНКОВА

Поиски рукописей на Мезени[1]

В Мезенском краю уже не раз побывали собиратели рукописных книг. В 1885 г. известный собиратель-крестьянин П. Д. Богданов во время одной из своих последних поездок по России приобрел в окрестных деревнях г. Мезени, в Койде и Ануфриевом скиту около 20 рукописей.[2] Среди его находок был пергаменный Октоих XIV в.[3]

Отчитываясь о своей третьей этнографической поездке 1901 г. по Мезенскому и Пинежскому уездам Архангельской области, А. Д. Григорьев отмечал, что он приобрел на этот раз «очень мало» рукописей (в отчете помещено всего 8 названий), и объяснял далее, что «причиной этого является вообще малое число рукописей в тех местах» (разрядка наша, — *Н. Д.*).[4]

Разноречивость сведений обоих собирателей побудила В. И. Малышева еще раз обследовать низовье р. Мезени. Его поездка (в 1950 г.) опровергла мнение А. Д. Григорьева и показала, что хотя действительно «в мезенских селах меньше сохранилось рукописей, чем на Печоре, однако и здесь их еще имеется немало, и более широкие поиски могут привести к интересным находкам».[5] Во время поездки 1950 г. в Мезенском районе было приобретено 50 рукописей XVI—XIX вв., осмотрено более 150 рукописей и около 200 старопечатных книг.[6]

В связи с положительными результатами археографической поездки 1950 г., наметившей перспективы дальнейшего собирания рукописей на Мезени, Сектор древнерусской литературы Института русской литературы

---

[1] Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность А. П. Евгеньевой за ценные указания во время экспедиции.

[2] Перечень их см. в кн.: И. А. Бычков. Каталог собрания славяно-русских рукописей П. Д. Богданова, в. 1. СПб., 1891, [см. №№ 9, 12, 29, 34—36, 62, 72, 74 (?), 76, 80, 90, 92, 94 (?), 100, 111, 125]; в. 2. СПб., 1893 (см. №№ 29, 30, 61, 68, 79, 123, 136).

[3] Рукопись приобретена в одной из деревень, расположенных около г. Мезени (см.: И. А. Бычков. Каталог собрания славяно-русских рукописей П. Д. Богданова, в. 1, стр. 5, 38; см. также: Ф. А. Мартинсон. Указатель к каталогу хранящегося в Публичной библиотеке собрания славяно-русских рукописей П. Д. Богданова. Изд. ОРЯС АН, Пгр., 1916, стр. 144, где перечисляется несколько пергаменных рукописей XIII—XIV вв., собранных П. Д. Богдановым в Архангельской и других северных областях).

[4] См.: Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности АН за 1901 г., составленный А. И. Соболевским. I Приложение (А. Д. Григорьев). — СОРЯС, т. 71. СПб., 1902, стр. 26, 28, 29.

[5] В. И. Малышев. Отчет об археографической командировке в 1950 г. — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 365.

[6] Там же, стр. 364.

(Пушкинского Дома) АН СССР счел возможным направить в этот край автора данного отчета.[7]

На этот раз в маршрут археографической командировки вошли селения не только Мезенского, но и Лешуконского районов Архангельской области, от границ Коми АССР по притоку р. Мезени — Вашке до села Лешуконского и далее вниз по течению р. Мезени до ее устья.

Выводы В. И. Малышева о наличии рукописей на Мезени подтвердились в эту поездку некоторыми находками не только в нижнем, но и в среднем течении реки и по ее притоку Вашке.

Рассказы жителей Мезенского края свидетельствуют о том, что из рукописного наследия прошлого до наших дней сохранилось немногое. Старшие поколения мезенцев еще помнят о хранившихся ранее на Мезени рукописных книгах. Житель дер. Азаполье Калистрат Михайлович Ячков рассказывал, что его отец видел в дер. Кимжи старинные рукописные «трубки» — свитки. Среди населения деревень по Вашке живо воспоминание о необычной рукописной книге, на древесных листах которой (или, по словам другого рассказчика, на зеленых кожистых листах, «какие на озерах растут») будто бы была записана история возникновения около 250—300 лет тому назад дер. Кеба (на берегу Вашки). О существовании этой книги у Артемия Васильевича Левкина (дер. Кеба) мне рассказывали Н. Ф. Матвеев, брат старообрядца И. Ф. Матвеева (дер. Олема), В. В. Шишов (дер. Чулоса), лично хорошо знавшие владельца книги и имеющие представление о рукописях, и, наконец, дочь А. В. Левкина — П. А. Малышева (село Лешуконское).[8]

История с загадочной книгой сама скорее напоминает легенду, и, возможно, подобная книга не существовала. Однако уже тот факт, что рассказчики признают книгу за источник легендарной истории Кебы, описывают так подробно внешний вид рукописи, содержание и последовательность изложения в ней событий, свидетельствует о знакомстве мезенцев

---

[7] На Мезень мне довелось поехать совместно с экспедицией, организованной Институтом русской литературы АН СССР из сотрудников Сектора народного творчества Н. П. Колпаковой, З. И. Власовой, В. В. Митрофановой, В. В. Коргузалова, начальника экспедиции Ф. В. Соколова и сотрудницей Института русского языка АН СССР А. П. Евгеньевой.

[8] П. А. Малышева помнила, что зеленоватые большие листы книги (их немного), подклеенные к корешку, были исписаны по-славянски красной краской с римскими (?) цифрами на полях; деревянные доски переплета обтянуты кожей. Видала она эту книгу за печкой в Олемской церкви. А. В. Левкин ведал церковными делами. В его личной библиотеке, судя по рассказам дочери, хранилось Житие Стефана Пермского, которое она сама читала и помнит, и другие старинные книги славянского письма исторического содержания. Как рассказывал В. В. Шишов, книгу эту передала А. В. Левкину какая-то старушка-странница. По воспоминаниям П. А. Малышевой, изложение истории дер. Кеба в книге начиналось якобы с расселения племен, с того времени, когда на противоположных берегах речки Кебы построили свои дома два первых поселенца: боярин Еким Политович, который бежал из-под Москвы от налогов (он должен был платить «7 денег»; от него будто бы и пошла местная фамилия Польковых), и «зыряк», «комик» Матвеев («комик» — местное название жителей Коми АССР, на границе с которой расположена дер. Кеба; от него якобы пошел род Матвеевых — фамилия, распространенная в дер. Кеба и соседней с ней дер. Олеме). Согласно другой версии (в передаче Н. Ф. Матвеева), Матвеев был боярином, бежавшим из-под Москвы от гнева Грозного. Боярин и «зыряк» ссорились между собой из-за лугов, и однажды «на сходке» боярин был выпорот и чуть не заколот вилами за то, что более других захватил «земельных угодий». Далее книга повествовала о возникновении г. Мезени, о том, когда, кто и куда был сослан, и т. д. Члены нашей экспедиции не раз слышали от населения, живущего по течению р. Вашки, пояснения, откуда произошли, согласно преданию, названия их родных деревень: Кебы, Олемы, Рези, Чулосы, Русомы и др. Однако рассказ о заселении Кебы и о вражде первых ее поселенцев, связанный с книгой, отличается по своему содержанию от этих устных легенд этимологического характера.

с рукописной книгой (может быть, даже пергаменной, а в данном случае скорее всего с книгой XVIII в., на синеватой бумаге), о степени их книжной культуры.

В поездку этого года удалось собрать 45 рукописей первой половины XVII—начала XX в., архив Азапольского церковного старосты и личный архив азапольских крестьян-строителей Булатовых, включающие указы, грамоты, челобитные, письма и другие документы 1802—1876 гг. (всего около 20 названий) и 4 старопечатных книги.

Среди приобретенных рукописей: жития Николая Чудотворца, Алексея — человека божия, Жития и чудеса Василия Нового с Григориевым видением (см. описание рукописей, разд. I, № 15, 16), два сборника духовных стихов (разд. I, № 29, 30), апокрифические молитвы, Сон богородицы (разд. I, № 27), Иерусалимский свиток, Сказание о 12 пятницах (разд. I, № 28), Травник (разд. I, № 20), Страсти Христовы, сборники выписок из патериков, сочинений протопопа Аввакума (разд I, № 13, 22, 24), из писем и печатных изданий старообрядцев (разд. I, № 17, 23 и др.), учебные азбуки со «Сказанием, како состави св. Кирилл Философ азбуки по языку словенску и книги преведе от греческих на словенский язык» и стихотворным «Поучением к ленивым» (разд. I, № 7, в списке конца XVIII—начала XIX в.) и др. Встретился также отрывок из Повести об Иверском Святогорском монастыре в списке конца XVIII в. (разд. I, № 5) и крюковая рукопись XVII в. (разд. II, № 4).

В дер. Защелье (около дер. Юромы Лешуконского района) среди старообрядческих поздних изданий, принадлежавших библиотечке уже умершей старообрядки,[9] встретился интересный по содержанию рукописный сборник начала XX в. В составе его — Житие Корнилия Выгорецкого в сопровождении Повести о патриархе Никоне и дьяке Иване Ладошке и сказания «о ловитве рыбы», Послание Василия, архиепископа новгородского, к тверскому епископу Феодору о рае, Повесть о царе Агее, Прение живота и смерти, Слово святых отец о матерной брани, выписки из книги нравоучений и толкований протопопа Аввакума, Великого Зерцала, Скитского патерика, Пчелы, житий и творений отцов церкви и др. Как свидетельствуют приписки к заглавиям, некоторые из этих произведений сборника являются списками «из древнеписьменной книжицы, которая куплена или вынесена из Койденских келий» (приписка к Посланию о рае см. описание рукописей, разд. I, № 22).

В дер. Печище (близ бывшего старообрядческого центра дер. Кильцы) была приобретена тетрадь, в которой среди выписок из Великого Зерцала и Пчелы помещена Повесть о Басарге. Поздний список этой повести (сборник датируется концом XIX—началом XX в.) был, видимо, сделан с довольно ранней рукописи, так как при копировании отразил нераздельное написание слов, и ряд ошибок в нем, очевидно, связан с неправильным прочтением скорописи (см. описание рукописей, разд. I, № 21).

Любопытное свидетельство о литературной истории переводного памятника на русской почве представляет Повесть об Аквитане, встретившаяся на Мезени в отдельном списке второй четверти XIX в. и читавшаяся там как занимательная «сказка». Источник повести — в латинском тексте «Gesta Romanorum». В русском переводе (из 39 глав), изданном ОЛДП [в. I—II (V), LXXIII, СПб., 1877—1878], этого сюжета нет, но известны другие, лучшие списки Повести об Аквитане, где она включена как одна из глав сборника повестей.[10]

[9] По-местному «скрытной» (из секты «скрытников»).

[10] Благодарю В. П. Адрианову-Перетц за указание другого списка и его источника. Тетрадь с повестью была найдена среди бумаг крестьян-строителей Булатовых и

О начитанности местного, видимо мезенского, автора в житийной литературе свидетельствует небольшой отрывок (один лист) о чудесах Екатерины Великомученицы (см. описание рукописей, разд. I, № 9). Случай, описанный в отрывке этого сочинения, происходит около деревень Юромы и Защелья с мастеровым-строителем Иваном и местным священником Фомой.

Отрывок этот интересен как свидетельство того, что книга на Мезени не только хранилась, мезенцы, видимо, поддерживали и сами продолжали старинную рукописную традицию (вспомним рассказы о легендарной книге-летописи дер. Кебы).[11]

Рукописные книги переходили в наследство от дедов, храня на своих страницах записи их владельцев или читателей (см. описание рукописей, разд. I, №№ 3, 4, 8, 14, 17, 24; разд. II, №№ 5, 11, 13), иногда и имена переписчиков. На 16-м (и последнем) л. сборника выписок из книги бесед протопопа Аввакума и из других памятников тем же почерком сделана приписка: «1884-го года мая 29 дня писал Петр Кожевников» (см. описание рукописей, разд. I, № 13). Книга была приобретена в дер. Азаполье и принадлежала азапольцу. На одном из листов святцев (вторая половина XIX в.; см. описание рукописей, разд. II, № 11) запись той же рукой: «Писал Петр Павлов Кожевников 1881 года, ноября 8 дня» — и пометы о ценах на корма и солому в 1884 г., когда стала и «сломалась» река (Мезень), когда начали сеять и выгнали коней и скот на пастбища (см. лл. 29, 32 об.) и пр.

В дер. Верхний Березник 80-летний старообрядец Ф. А. Ситников показывал мне список Жития Алексея — человека божия, сделанный для него на Мезени (крупным почерком — подделкой под полуустав) в 1958 г. со списка 1809 г., мною приобретенного (см. описание рукописей, разд. I, № 8).[12]

В числе книг из библиотечки олемского старообрядца И. Ф. Матвеева сохранилась прекрасно стилизованная под древнерусскую рукопись Диоптра, переписанная в 1894—1896 гг. с печатного издания 1787 г. полууставом, с лицевыми изображениями на первом листе и его обороте, в кожаном переплете с застежками (см. описание рукописи, разд. I, № 19), и «Начало» (из «Полунощницы»), на последнем листе которого надпись о том, что рукопись была переписана в 1913 г. 8 августа (см. описание рукописей, разд. II, № 13). Часть книг в библиотечку И. Ф. Матвеева поступила от его отца — «скрытника»; остальные рукописные и печатные издания приобретены либо от проезжавших через дер. Олему старообрядцев, либо куплены во время многочисленных дальних поездок за книгами самого И. Ф. Матвеева, когда-то известного в деревне собирателя руко-

---

материалов из архива церовного старосты дер. Азаполье и, судя по приписке в конце рукописи, принадлежала Прокопию Булатову (см. описание рукописей, разд. I, № 11).

[11] В традиции старинной житийной литературы, очевидно, сочинено и печатное житие местного святого — Иова Ущельского, повествующее о том, как Иов был повешен разбойниками под мостом через ручей недалеко от монастыря и как якобы монастырский ключ, брошенный им в воду, был проглочен щукой, которую затем выловили рыбаки. Известно монастырское издание этого жития. (Ущельский монастырь был расположен километрах в 7 от села Лешуконское, сейчас разрушен).

[12] Есть сведения, что другой список Жития Алексея — человека божия середины XIX в., приобретенный в дер. Большие Нисогоры В. В. Митрофановой, был переписан одним из родственников владельца, тоже мезенцем. В состав сборной рукописи XIX в. (описание рукописей, I разд., № 10), приобретенной на Мезени, входят списки о чудесах иконы богородицы и Зосимы и Савватия Соловецких, один из которых сделан в Шенкурске 6 августа 1800 г. для некоего судейского чиновника Ракова.

писных и печатных книг. Кроме названных выше рукописей, Матвееву принадлежал сборник старообрядческих сочинений (см. описание рукописей, разд. I, № 17), отрывок из Скитского покаяния (разд. I, № 25), старопечатные жития Зосимы и Савватия Соловецких и Аввы Дорофея, печатное издание 1911 г. Жития протопопа Аввакума.

На Мезени сохранился ряд подобных старообрядческих библиотечек или, вернее, оставшейся части их. В дер. Целегора, в старом нежилом доме бывшего сельского учителя среди сочинений Белинского, А. Майкова, отцов церкви встретились сборники духовых стихов начала XX в. (см. описание рукописей, разд. I, №№ 29—30), сборник выписок Бакова (?), сделанных им в Соловецком монастыре в 1883 г. (разд. I, № 18), и Страсти Христовы (разд. I, № 3), в пос. Каменка — книги, принадлежавшие семье Тыкиных (Скитское покаяние, Слово Ефрема Сирина об антихристе, сборник выписок начала XX в.; см. разд. I, №№ 12, 14, 24), в дер. Азаполье — книги семьи Юдиных (сборник богослужебных статей из Устава первой половины XVII в., крюковой сборник XVII в.; см. разд. II, №№ 1, 4), архив церковного старосты и др., такие же библиотечки — в деревнях Верхнем и Нижнем Березнике, Больших Нисогорах, Лампожне.

Однако не всегда старинные рукописные книги находили (и в особенности находят сейчас) бережных хранителей и, сваленные на чердаки и повети, гибнут катастрофически быстро, сжигаются как хлам, разрываются и выбрасываются как мусор. С чердака из груды бумаг, промокшие и рассыпающиеся от прикосновения рук в труху, были извлечены рукописи в дер. Азополье (уже упоминавшиеся ранее выписки из сочинений протопопа Аввакума и епитимийник; см. описание рукописей, разд. I, № 13; разд. II, № 5). Документы азапольских архивов и хранившийся вместе с ними отрывок Повести об Иверском Святогорском монастыре, отрывок из Юромского (или Защельского) чуда Екатерины Великомученицы, Повесть об Аквитане и другие удалось приобрести буквально за день до их гибели: часть огромных по формату старообрядческих печатных книг владелица уже успела сбросить с поветей под ноги скоту. В дер. Усть-Нерманке (около Юромы) и в ряде других деревень рукописи доводилось отыскивать в бумажных свалках на чердаках и поветях. Большое количество их уже погибло безвозвратно, остальные должны быть собраны как можно скорее.[13]

Рукописные книги обычно встречаются в тех деревнях, где ранее было развито старообрядчество. Большинство местного населения понимает задачи и цели собирательской работы и способствует ей.

Как бывшие центры старообрядчества и хранилища рукописных книг мезенцам известны дер. Кильцы и соседняя с ней дер. Печища, дер. Кимжи (обследованные в 1950 г. В. И. Малышевым), деревни Азаполье, Защелье (около Юромы), Верхний Березник (среднее течение Мезени) и далее — верховья рек Мезени и Вашки (в Коми АССР). Все эти места, так же как и селения по р. Кулою, ждут своих собирателей-археографов.[14]

---

[13] В конце маршрута я встретила А. Д. Синявского, сотрудника Сектора советской литературы Института мировой литературы АН СССР, по личной инициативе собиравшего рукописи на Мезени. Получить от него сведения о его приобретениях не удалось.

[14] Во многих из тех селений, где мне удалось побывать во время командировки (их более 20), безусловно можно ожидать новые находки рукописей, исключая, пожалуй, такие деревни, как Резя, Русома, Кельчемгора, Усть-Нерманка, Кеслома, Погорелец, Нижний Березник, Тимощелье, Заозерье и Лампожня, где рукописи могут встретиться только случайно.

Краткое описание рукописей, собранных на р. Мезени и ее притоке — Вашке в 1958 г.

I. Рукописи исторического и литературного содержания и сборники

1. Сборник (конец XVII—начало XVIII в.), в 4-ку, 76 лл., скоропись, без переплета и конца, некоторые листы оторваны от переплета. На л. 6 об. запись переписчика: «Описалъся страницой ненарочно, в забытьи ума моего. И ты чти, обратив сей лист на другой лист, первую страницу». Содержание: выписки из Скитского патерика об униатах, из сочинений Кирилла Иерусалимского.

2. Житие и чудеса Николая Чудотворца (первая четверть XVIII в.), в 4-ку, 162 лл., полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей, с одной застежкой. Конца рукописи не хватает. Лл. 141—147, 150—152, 161, 162 разорваны.

3. Страсти Христовы (середина XVIII в.), в 4-ку, 53 лл., скоропись, без переплета. Нижние концы листов, начиная примерно с середины, изъедены плесенью, обложки не сохранились. На л. 2. владельческая запись: «Сия книга принадлежит Афанасию Бакову».

4. Пролог за май—август, апрель (последняя четверть XVIII в.), в лист, 254 лл., полуустав, переходящий в скоропись, без переплета. На лл. 1—7, 253, 254 владельческие и иные записи: «Писал Иван Ситъков. Сия кънига пролок принадлежит Григорью Ружникову» (л. 1); под 1877 г.: «Сия книга принадлежит Ивану Григоревицу Ружникову, писал Артемей Яковлевиц Ружников» (л. 5, ср. л. 4), затем об этом же под 1888 г.: «1887 года ноября 2 дня. Книга Пролог принадлежит крестьянам Михаилу и Якову Ружниковым Архангельской губернии Мезеньского уезда Погорельского волостнаго правления Малоберезницкой деревни крестьянин Егор Яковлев Ружников писал» (л. 253 об.); «Сия книга пренадлежит крестьянину Архангельской губернии Мезенского уезда Погорельского волостного правления деревни Малобереζдницкой Якова Иванова Ружникова. 1903-го года февраля 22-го дня» (л. 5). Такого содержания запись за 1901 г. на л. 6 об.

5. Отрывок из повести об Иверском Святогорском монастыре (конец XVIII в.), в 8-ку, 3 лл., скоропись, без начала и конца.

6. Азбука учебная (конец XVIII в.), в 8-ку, 8 лл., полуустав, без переплета.

7. Сборник (конец XVIII—начало XIX в.), в 8-ку, 72 лл., полуустав и скоропись, переплет картонный. Содержание: «Синоксарь», «седьмочисленник», азбука учительная, десятисловие (десять заповедей), притчи, «Сказание, како состави св. Кирилл Философ азбуки по языку словенску и книги преведе от греческих на словенский язык», Правило святых отцов соборных вселенских, «Поучение к ленивым» и др.

8. Житие Алексея — человека божия (1809 г.), в 8-ку, 16 лл., скоропись, переплет из склеенной бумаги. На оборотной стороне верхней обложки владельческая запись: «Сия книжица козака — поселенца Алексея Леденевскаго» и ниже: «1809 года месяца марта 29 дня».

9. Отрывок из Юромского (или Защельского) чуда Екатерины Великомученицы (начало XIX в.), в 4-ку, 1 л., полуустав. Отрывок из какого-то местного повествования о чуде, бывшем строителю Ивану и священнику Фоме.

10. Сборная рукопись (XIX в.), в 8-ку, 109 лл., полуустав и скоропись, в картонном переплете, покрытом материей. Рукопись предваряет оглав-

ление. Содержание: местное «Краткое сказание о Енохе и Илии и Иоанне Богослове», списки о чудесах иконы богородицы и Зосимы и Савватия Соловецких (лл. 104—109; в конце последнего повествования запись: «С присланного списка сей список списан из Архангельска Шенкурскаго н. з. суда г-ну секретарю коллегскому регистратору Ракову августа 6-го дня в день Преображения господня 1800-го года»). Кроме того, многочисленные выписки из разных (житийных, библейских и др.) книг об антихристе, о милостыни и др.

11. Повесть об Аквитане (вторая четверть XIX в.), в 8-ку, 10 лл., скоропись, без переплета. На 10 л. читательская запись карандашом: «Пользовался сей сказкой Яков Ксенафонтов и Алексан (?) Федоров Филиповы 1853-го года 25 марта. Чуствительно вас благодару, Прокопей Андреевич Булатов, очино с вами были довольны и сами к нам милости просим».

12. Скитское покаяние (середина XIX в.), в 8-ку, 48 лл. (сохранилась буквенная пагинация), полуустав, в бумажном переплете.

13. Сборник выписок из книги бесед протопопа Аввакума («беседа-скаска»), в 8-ку, 16 лл., полуустав, в картонной обложке, бумага и переплет сильно истлели и в некоторых местах отвалились по краям. На последнем листе запись: «1884-го года мая 29 дня писал Петр Кожевников».

14. «Слово» Ефрема Сирина об антихристе, в 4-ку, 28 лл. (и буквенная пагинация), полуустав, в картонном переплете. На л. 1 запись: «Писана сия книга 1884 года. Сия книга Артемья Никифоровича Тыкина Мезенского уезда Погорельской волости деревни Кильцы Егор Тыкин руку приложил по прозбе неграмотнаго кресьянина. Сие по(д) писуюсь той же деревни Егор Тыкин» (и далее повторение). На л. 1 об. запись: «Писана сия книга 1884 года. Егора Тыкина Килецкой деревни Погорельской волости Козьмогороцъкого Кильцкого (или сельцкого) опьшества. Книга о антихристе. Погорельскавска (?) село (?)».

15. Житие и чудеса Василия Нового и Григориево видение (последняя треть XIX в.), в 4-ку, 161 лл., полуустав, сохранилась нижняя картонная корка переплета. На л. 2 указано: «...взятая из рукописной минеи четии святейшаго Макария, митрополита московского. Типом издана в типографии Почаевской в лето 1794-е». На обложке запись: «Предънадлежидъ сия книга Конъстенъкину Онъдрееву Воронухину. Богодуховное издание по напечатании в типографии в лето 7302 год от рождества Христова» (1794 г.).

16. Житие Василия Нового и Григориево видение (последняя четверть XIX), в 4-ку, 20 лл., скоропись, в картонном переплете. Рукопись без конца.

17. Сборник (конец XIX в.), в 4-ку, 126 лл., без конца, полуустав, в картонном переплете, обтянутом черной материей. На обороте последнего листа владельческая запись о принадлежности книги сначала Алексею Стефанову и о передаче ее Кузьме Аврамову. (Из книг И. Ф. Матвеева, дер. Олема). Содержание: Выписки из печатных книг, в том числе из изданий Герцена, из сочинений В. Кельсиева, Н. Пиршина и др., об антихристе, о молящихся за папу, о крещении и др.; Послание Ефимия к преображенским старцам, выписки из сочинений Иоанна Богослова, Измарагда, из книг «Летописец древний» и «кроник» и др.

18. Сборник выписок Бакова (?), сделанных им во время пребывания в Соловецком монастыре, в 4-ку, 315 лл., скоропись, в картонном переплете с печатным заглавием по корешку. На л. 1 запись: «Писал больше в бытность в Соловецком монастыре с сентября 82 по май 1883 года». (Из книг Бакова, дер. Целегора Мезенского района Архангельской области). Содержание сборника составляют выписки из творений Серафима

Саровского, житий святых и книг богословского и духовно-нравственного содержания и др.

19. Диоптра (1894—1896 гг.), в 8-ку, 246 лл. (есть своя буквенная пагинация), полуустав, переплет из досок, обтянутых кожей, с застежками. Л. 1—1 об. лицевой. На л. 241—241 об. запись о времени переписки книги с печатного издания 1787 г.

20. Травник (и советы, что нужно для приманки рыбы, при пастушеской работе и др., конец XIX в.), в 8-ку, 11 лл., тетрадь в бумажном переплете.

21. Сборник (конец XIX—начало XX в.), в 8-ку, 38 лл., скоропись новейшего письма, без переплета (тетрадь). Верхние углы лл. 36—38 оборваны. Содержание: Из книги Великого Зерцала (глава о видении некоему человеку), «Слово, избранное из книги Пчелы», Повесть о Басарге (II редакция) и ряд молитв.

22. Сборник (начало XX в.), в 8-ку, 338 л. (есть буквенная пагинация), полуустав, переплет из досок, покрытых кожей, с застежками. Рукопись предваряет оглавление. Содержание: «Повесть душеполезна о житии преподобнаго отца нашего Корнилия, иже бысть на Выгу-реце близ езера Онеги» с приписками о патриархе Никоне и дьяке Иване Ладошке [15] и сказание «о ловитве рыбы» (лл. 6—74 и 260—265); Послание Василия архиепископа новгородского к тверскому епископу Феодору о рае (лл. 90 об.—101 об.); «Повесть о царе Агеи, како пострада гордости ради» (лл. 300 об.—307); Прение живота и смерти (лл. 320—325); «Слово святых отец о ползе душевней ко всем християном» о матерной брани (лл. 325—326 об.), выписки из Скитского патерика, Великого Зерцала, житий и творений отцов и учителей церкви Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина и др., выписки из Пчелы и др., выписка из жития Ануфрия Пустынника (Пафнотия), «Повесть о милостивем и благочестивом мужи и о сыне его, убившем отца и матерь» (лл. 111—125); Слово о человеке, «по вся дни» милости творящем (лл. 127—143 об.), Притча о богатых, От болгарских книг (лл. 144—147), Слово святого Варлаама, «Притча о трех друзех», Шестодневец Великаго Василия (лл. 152—174), Сказание, каким святым и когда следует молиться об исцелении (лл. 176 об.—180 об.), «Видение преподобнаго Александра с братиею» (лл. 181—183), выписки из книги нравоучений и толкований протопопа Аввакума (глава 2; лл. 184—205 об.), Повесть о дружелюбии (лл. 210 об.—216 об.), «Повести душеполезны святого Василия», чудо святого великомученика Георгия и др.

23. Сборник (начало XX в.), в 8-ку, 390 лл., полуустав, переходящий в скоропись разных почерков, переплет дощатый, покрытый кожей. Содержание: «Объяснение положения статей, соблюдающих православие; Указания св. писаний к 19 статьям, изданным общим советом в лето 1860-е июня 25-го дня (выписка из книги статей), Письмо Николы Васильевича Евстифею Федоровичу и старице Елизавете Васильевне (лл. 210—219 об.), Письмо Саввы Анисимовича, казанского учителя Евстифею Федоровичу и др. (лл. 220—241), выписки из письма Романа Логинова о «еретичестве» В. А. Можаева (лл. 241 об.—243), выписка из письма Никиты Михайлова, из письма брату Владимиру, «братьям и старцам», список «со старого списка письма в Сибирь» и др., выписки из книги о власти и послушании и на безначальных обличение, выписки из вопросов к Савве Александровичу Можаеву, выписки из «статей» или «уложения» «о благочинии християнского чиносодержания...», выписки

---

[15] См.: В. Н. Перетц. Слухи и толки о патриархе Никоне в литературной обработке писателей XVII—XVIII вв. — ИОРЯС, т. V. СПб., 1900, стр. 147, 149, 150.

из книг Максима Грека, из «потребника», из книги Зонара, из Кормчей, Измарагда, из Евангелия Кирилла Транквиллиона, из книги бесед апостольских и др.

24. Сборник (начало XX в), в 4-ку, 15 лл., полуустав (начертание букв позднее), в картонном переплете. На оборотной стороне верхней обложки и л. 1 владельческая запись карандашом: «Сия книга пренад. Егору Артемьеву Ты[кину]. Тыкин». Выписки из сочинений протопопа Аввакума (о кресте и др.), из книги Кирилла Иерусалимского (о римских ересях, о пресном хлебе), Василия Великого, выписки из минеи-четии (об одежде христиан и др.), из Стоглава царя Ивана Васильевича (о хмельном питии) и других книг.

25. Скитское покаяние (начало XX в.), в 8-ку, 8 лл., полуустав, без переплета, без начала и конца.

26. «Цветник». Сборник выписок из печатных книг старообрядца Федора Антиповича Ситникова (1920-е годы), в 8-ку, 20 лл., подделка под полуустав и скоропись, без обложек. Содержание составляют выписки из Кормчей, «цветников», евангелия, житий, «слов» Иоанна Дамаскина, Ипполита, папы римского, святого Кирилла, Анастасия Синаитского, апостолов, из «Истории русской церкви» митрополита Макария и др.

27. Сон богородицы и апокрифическая молитва архангелу Михаилу (начало XX в.), в 8-ку, 7 лл., полуустав, тетрадь без переплета.

28. Сборник (начало XX в.), в 8-ку, 22 лл., полуустав, переплет картонный. Содержание: Иерусалимский свиток, Поучение о матерном слове из Златоструя, Сказание о 12 пятницах.

29. Сборник духовных стихов (начало XX в.), в 8-ку, полуустав, 23 лл., тетрадь (без переплета). Содержание: «Стих о умолении матери своего чада», «Стих узника-невольника», «Стих о страстях господнех», «Стих о втором пришествии Христове», «Стих о потопе предивнаго Ноя», «Стих-плач Иосифа прекраснаго и целомудренаго».

30. Сборник духовных стихов (начало XX в.), в 8-ку, полуустав. 30 лл., переплет картонный. Содержание: стих «Среди самых юнных лет», «Стих Иоасафа-царевича» («Что за чюдная превратность»), «Стих о втором пришествии Христове», «Стих преболезненнаго воспоминания о озлоблении кафоликов», «Стих-псалом. На реце Вавилонстей», «Стих Иоасафа царевича Индийскаго», «Ин стих Иосафа-царевича» («О прекрасная пустыня»), «Стих. Боже, зри мое смирение», «Стих о умолении матери своего чада», «Стих душеполезный (З другом я вчера сидел)», «Стих узника-невольника», «Стих. Идет старец из пустыни», «Стих. Время радости настало».

31. Апокрифическая молитва ангелу-хранителю (начало XX в.), в лист, скоропись, 1 л.

32. Архив церковного старосты дер. Азаполье Лешуконского района Архангельской области (1802—1876 гг.). Архив включает копию указа Архангельской духовной консистории о продаже церковных старопечатных книг священником Азапольского прихода Сергием старообрядцу Ставрову (1816 г.), отрывок грамоты против притеснений старообрядцев (около 1802 г.), списки царских указов в Мезень, Лампоженскую слободку, Дорогорскую, Кимженскую, Жердскую и Козьмогородскую волости о рекрутском наборе (4 октября 1802 г.), о сборе с крестьян ячменя и ржи (18 октября 1802 г.), подшивка указов выборным Азапольской волости о рекрутском наборе, сборе податей и присылке военнослужителя для побуждения сборов, о прививке оспы детям и др. (1827 г.), списки с циркулярных предписаний о торговле крестьян мезенских селений овощами (начало XIX в.) и пр., указ о содержании под надзором крестьян-

ской жены Дарьи Чигиной и девки Агафьи (10 июля 1827 г.), расписки азапольских крестьян с обязательством «самовольно постройки не чинить» (сентябрь 1827 г.), акт о решении крестьян дер. Азаполье начать сборы средств на строительство церкви (16 ноября 1876 г.) и др. Ряд документов связан с именем отставного солдата Азапольской волости Григория Саввича Прокопьева (его прошения на имя царей Александра I и Николая I 1808 и 1830 гг. и черновые челобитных на азапольского священника по земельному вопросу 1820 г.).

33. Личные архивы: 1) архив семьи крестьян Булатовых из дер. Азаполье Архангельской области (за 1831—1870-е годы). Писарская копия прошения о переписке Прокопия Булатова из дер. Целегора в дер. Азаполье по случаю женитьбы (июнь 1835 г.), письмо иерея Евграфова с претензией относительно внутренней отделки П. Булатовым церквей в Латтюге (?) и Вожгоре (1850—1880-е годы), письмо П. Булатова своей семье, написанное во время работы по отделке церквей, копия прошения М. П. Булатова относительно неправильно взысканных рекрутских денежных сборов (1863 г.)., его же жалоба на лесника о краже суслонов жита и договор о постройке дома И. Курениным и др.; 2) Письмо Прокофьева брату по поводу чтения книг из библиотеки Афонского Святогорского монастыря (9 марта 1861 г.).

II. Рукописи церковно-служебного характера

1. Сборник богослужебных статей из Устава (первая половина XVII в.), в 8-ку, 43 лл., переплет бумажный, конец не сохранился, нижние углы первых листов рукописи истлели.

2. Триодь цветная (середина XVII в.), в 4-ку, 238 лл., полуустав, переходящий в скоропись, переплет дощатый, покрытый кожей.

3. Служебник (XVII в.), в 4-ку, 231 лл., без начала и конца, скоропись, листы разрознены.

4. Сборник (обиход, ирмосы и октоих; XVII в.), на крюках, в 4-ку, 192 лл., полуустав, без переплета и конца, некоторые листы истлели, разорваны. На лл. 190—192 — «Сказание о пометах, еже пишутся над знаменем».

5. Епитимийник (конец XVIII в.), в 8-ку, 31 лл., полуустав, в картонных обложках. Рукопись сильно истлела. На л. 31 запись, что книга принадлежала Павлу Кожевникову (дер. Азаполье).

6. Святцы (конец XVIII в.), в 8-ку, 139 лл., полуустав, без переплета, некоторых листов нехватает в начале, конце и середине.

7. Святцы (первая четверть XIX в.), в 8-ку, 158 лл., полуустав, переплет из досок с застежками на деревянных шипах, на последних листах хозяйственные и другие записи 1864 г. и других лет.

8. Святцы (первая четверть XIX в.), в 16-ю долю листа, 140 лл., полуустав, переплет дощатый, обтянутый кожей.

9. Святцы (первая четверть XIX в.), в 16-ю долю листа, 116 лл., полуустав, плохой сохранности, в начале и конце листы вырваны, одной обложки нет, другая — доска в коже.

10. Чин погребения (начало XIX в.), в 8-ку, 31 лл., полуустав, в картонном переплете.

11. Святцы (вторая половина XIX в.), в 8-ку, 32 лл., подражание полууставу и скоропись, переплет картонный, на последних листах владельческие записи Алексея Васильевича и Петра Павловича Кожевниковых и вклейка с выпиской изречения Ефрема Сирина; на л. 29 записи цен на

корма, солому в 1884 г., когда стала и «сломалась» река (Мезень), начали сеять и выгнали коней и скот на пастбища.

12. Сборник (середина XIX в.), в 8-ку, 12 лл., полуустав, тетрадь без переплета. Содержит выписки из епитимийника и др.

13. «Начало» (из «Полунощницы»), в 8-ку, 4 лл., полуустав, без переплета. На обороте последнего листа запись: «От Козмы Авраамова. Поучись каждый день класть сие начало. Подарок Ивану Феодоровичу Матвееву. За благодеяние ваше благодарим вас и перед не оставте бога ради. (Писал сие начало 1913-й год августа 8 дня сего года)». (Из книг И. Ф. Матвеева, дер. Олема).

14. Ирмосы на рождество Христово (начало XX в.), в 8-ку, 4 лл., полуустав, тетрадь в бумажном переплете.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

Н. Ф. ДРОБЛЕНКОВА и Н. С. САРАФАНОВА

Поездка за рукописями в Орехово-Зуевский и Куровской районы Московской области в декабре 1958 г.

Недалеко от Москвы, на территории Орехово-Зуевского и Куровского районов, расположен старинный центр старообрядчества — Гуслицы. В конце XVII в., после подавления стрелецких восстаний, этот район начал заселяться старообрядцами, бежавшими от преследования церковных и светских властей в дремучие подмосковные леса. В течение XVIII и XIX вв. Гуслицы играли заметную роль в жизни старообрядчества. Жители их, в основном крестьяне, занимавшиеся хлебопашеством и разведением хмеля, уходили на заработки на ткацкие фабрики Морозовых и местные фарфоровые заводы (центр — Дулёво). В настоящее время — это развивающийся промышленный район; все деревни электрифицированы и радиофицированы, основные центры связаны регулярным автобусным сообщением.

С давних времен Гуслицы были известны как район хранения и переписки старинных рукописных книг. Гуслицкие рукописи славились своеобразным орнаментом, крюковые книги — особым, гуслицким знаменным распевом.

Для проверки состояния сохранности рукописей в Гуслицах Сектор древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР направил нас в разведовательную археографическую командировку.

Гуслицы делятся территориально на три района: Запонорье, Заход и собственно Гуслицы — деревни и села, расположенные вблизи реки Гуслянки. В течение недели в конце декабря 1958 г. мы побывали в ряде деревень и сел собственно Гуслицкого района, сосредоточенных вокруг Ильинского Погоста и с. Богородского: в Богородском, Степановке, Абрамовке, Устьянове, Слободищах, а также в городах Орехово-Зуево и Куровское и селениях Орехово-Зуевского района (Ионово, Кабаново, Ликино).

Во время поездки удалось собрать 16 рукописных книг (последней четверти XVIII—начала XX в)., в числе которых сборники учительного и богословского содержания, включающие Повесть о царе Агее, «Слово о милостивом Созомоне», Страсти Христовы, Житие Харлампия (четьи-минейная редакция), выписки из патериков, прологов, Стоглава, Библии, сочинений Максима Грека, Иосифа Волоцкого, отцов и учителей церкви, ряд старообрядческих сочинений: «Вопросы к Петру Матфеичу о правилах приема попов», обличение «Присяги попам, хотящим взыти на степень священства...», 15 ответов (или «резолюций») о беспоповстве, выписки из Поморских ответов и др. Нашли мы также рукописную Псалтырь (последняя четверть XVIII в.) и 11 крюковых рукописей начала

XIX—начала XX в. («октаи», «ирмосы», «праздники» и т. п.). Приобрели две книги, отпечатанные на стеклографе в подпольной старообрядческой типографии: «Деяния Пятого всероссийского съезда старообрядцев в 1904 году» и старообрядческие полемические сочинения начала XX в. (отдельные листы).

Повесть о царе Агее представлена в самой распространенной (основной) редакции, близкой к редакции, изданной А. Н. Веселовским.[1] Разночтения списка несущественны.

Среди собранных рукописей самое значительное место занимают крюковые книги, привлекающие внимание своим известным гуслицким орнаментом. Заставки и инициалы их отличаются яркостью и жизнерадостностью красок, богатством тонов. Народная основа орнамента удачно сочетается с оригинальным вымыслом художников, вводивших в рисунок изображение птиц, цветов и ягод. Среди орнаментированных крюковых рукописей заметно выделяются работы мастеров из дер. Беливо и М. А. Кашкина (дер. Устьяново).[2]

В настоящее время рукописные книги в Гуслицах хранятся у старшего поколения, которое, однако, почти не пользуется ими: книги либо лежат в домах без применения, либо отдаются на хранение в старообрядческие церкви и молельни. В самой среде местного старообрядчества рукописным книгам предпочитаются старообрядческие печатные издания, с якобы более «каноническим» текстом.

Наша поездка в Гуслицы, как уже сказано выше, имела лишь разведовательные цели, была задумана как подготовка для будущих более широких розысков рукописной старины в этом районе. Несмотря на то что мы пробыли в Гуслицком районе всего несколько дней и собрали небольшое количество рукописного материала, у нас сложилось убеждение в том, что рукописи здесь есть и поиски их надо продолжить.

В заключение хотим выразить глубокую благодарность писателю А. В. Перегудову и Е. К. и М. И. Самохваловым за помощь, оказанную нам во время собирания рукописей.

Список рукописей, собранных в Орехово-Зуевском и Куровском районах Московской области в декабре 1958 г.

I. Сборники

1. Сборник, последней четверти XVIII в., в 4-ку, полуустав, 119 лл., в картонном переплете, на лл. 1 и 99 — цветные заставки; на 1 л. — владельческая запись о принадлежности книги Семену Акимову (21 мая 1913 г.). Содержание: Страсти Христовы (без конца), Житие Харлампия (выписано из Четьих-Миней), толкования и поучения. Рукопись получена в дер. Степановке.

2. Сборник, начала XIX в., в 4-ку, 106 лл., полуустав, переплет картонный. Содержание: выписки из Кормчей, Четьих-Миней, Номоканона, Потребника, Маргарита, Библии, Большого и Малого катехизисов, Кирилловой книги, Книги о вере, Цветника, книги И. Зонары, сочинений Иосифа Волоцкого, «слов» Иоанна Златоуста, Симеона Нового Богослова и Анастасия Синайского. Рукопись из дер. Степановки.

---

[1] А. Н. Веселовский. Разыскания в области русских духовных стихов, III—V. — Записки Академии наук, т. X. СПб., 1881, прилож. № 4, стр. 147—150.

[2] В Устьянове и близлежащих деревнях еще помнят о талантливом мастере М. А. Кашкине, оформителе многочисленных рукописных книг, и хранят певчие рукописи его работы.

3. Сборная рукопись, разных десятилетий XIX—начала XX в., в 4-ку, полуустав нескольких почерков, 274 лл., переплет дощатый, покрытый орнаментированной кожей, с одной медной застежкой. На ряде листов имеются заставки, сделанные чернилами. Владельческие записи: 1) «Сия книга Цветник принадлежит Московской губернии Богородского уезда Беззубовской волости деревни Юрятина крестьянину Анисиму Максимовичу Трифонову, писана 1879 года июня 6 дня»; 2) «Сия книга принадлежит братьям Шишакиным». Содержание: «слово» Ипполита папы римского о скончании мира, «слово» Максима Грека (выписано из Малого соборника), толкование Григория папы римского притчи о блудном сыне, «слова» Иоанна Златоуста (о лжепророках, о лечащих болезни волхованием и др.), Ефрема Сирина (об антихристе, «како не подобает християном глумитися» и др.), «главы Геннадия патриарха константинопольского о вере», выписки из книг Зонары, Азбучного патерика, Пролога, Кормчей, Библии, Златоструя, Апокалипсиса, Большого и Малого катехизисов. Рукопись получена в дер. Устьяново.

4. Сборник, последней четверти XIX—начала XX в., в 4-ку, 241 лл., (начиная с 217 л. до конца и некоторые листы в середине книги не заполнены), полуустав, переплет дощатый, покрытый орнаментированной кожей, с одной застежкой. В начале книги запись о принадлежности Акимову. Содержание: Повесть о царе Агее, выписки из сочинений Кирилла Иерусалимского, Ефрема Сирина (об антихристе), Аввы Дорофея (поучения о молитве и вере), выписки из Поморских ответов, Стоглава, Кормчей, Четьих-Миней (о ересях латинских), Библии, Апокалипсиса, Книги о вере, Большого катехизиса, Потребника, Номоканона и Златоустника, выписки из Книги правил святых отцов и апостольских преданий о вере, Вопросы к Петру Матфеичу о приеме попов,[3] «Слово о милостивом Созомоне», «Присяга попам, хотящим взыти на степень священства... изложение Иоакима, патриарха Московского», 15 ответов (или «резолюций») на беспоповские вопросы, выписки из 6 бесед (о 4 мирах, о сотворении неба и земли, человека, о злом мире и его творце, о Вавилоне и Сионе) и др. Рукопись приобретена в дер. Степановке.

II. Церковно-служебные рукописи

5. Псалтырь с добавлениями, последней четверти XVIII в., в 4-ку, 191 лл., полуустав, переплет дощатый, покрытый орнаментированной кожей, с двумя медными застежками. На лл. 1 об. и 191 — миниатюры царя Давида, сделанные чернилами. На л. 56. скорописью XVIII в. указано, что рукопись находилась во владении Кирилло-Белозерского монастыря, а на л. 185 — цена псалтыри — 1 р. 80 к. Рукопись получена в дер. Слободищи.

6. Октоих, крюковой, начала XIX в., в лист, 82 лл., полуустав, без переплета. В книге 10 заставок и один большой инициал в красках. Рукопись из дер. Степановки.

7. Октоих с добавлениями, крюковой, первой четверти XIX в., в лист, 222 лл., полуустав, переплет дощатый, покрытый орнаментированной кожей, сохранилась одна медная застежка. На л. 1 об. — «лестница», написанная черными чернилами. В книге 23 заставки и 46 больших инициалов в красках с позолотой. На л. 219 об. — владельческая запись о принадлежности рукописи крестьянам дер. Слободищи Н. Л. и И. Н. Кругловым.

---

[3] См.: В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев. СПб., 1913, стр. 295, № 57.

8. Обиход с добавлениями, крюковой, конца XIX в., в 4-ку, 221 лл., полуустав, переплет дощатый, покрытый орнаментированной кожей, сохранилась одна застежка. В книге один большой инициал в красках. В начале книги — владельческая запись П. М. Иванова, крестьянина с. Богородского, от 7 июня 1888 г.

9. Октоих крюковой, конца XIX—начала XX в., в 4-ку, 143 лл., полуустав, переплет из досок, покрытых орнаментированной кожей, с одной застежкой. На 2 л. — «лестница», исполненная чернилами. В книге 10 заставок и 10 больших инициалов в красках. На лл. 1 и 142 об. — владельческие записи о принадлежности книги семье Ивановых (одна из них сделана 20 ноября 1914 г.) из с. Богородского.

10. Чин литургии, крюковой, начала XX в., в лист, полуустав, 67 лл., переплет дощатый, покрытый орнаментированной кожей, с застежками. В книге 4 заставки и 8 больших инициалов в красках с позолотой. На 1 л. — владельческая запись от 8 июля 1914 г. о принадлежности рукописи Федору Тимофеевичу Иванову, принесшему ее в дар в старообрядческую молельню с. Богородского. Письмо и орнаментирование работы М. А. Кашкина.

11. Ирмологий с добавлением, крюковой, начала XX в., в лист, 250 лл., полуустав, переплет дощатый, покрытый орнаментированной кожей, сохранилась одна застежка. В книге 8 заставок и 8 больших инициалов в красках с позолотой. Рукопись из дер. Слободищи.

12. Праздники, крюковые, начала XX в., в лист, 180 лл., полуустав, переплет дощатый, покрытый орнаментированной кожей, с застежками. В книге 13 заставок и 13 больших инициалов в красках и с позолотой. На л. 3 — владельческая запись от 20 июня 1920 г. о принадлежности рукописи Андриану Федоровичу Моисееву. Работа М. А. Кашкина (?). Рукопись из дер. Абрамовки.

13. Октоих с добавлениями, крюковой, начала XX в., в лист, полуустав, переплет из фанеры, покрытый орнаментированной кожей. На л. 1 — «лестница», написанная черными чернилами и украшенная орнаментом. В книге 9 заставок и 9 больших инициалов в красках и с золотом. Работа М. А. Кашкина (?). Рукопись из дер. Степановки.

14. Октоих, крюковой, начала XX в., в 4-ку, 137 лл., полуустав, в фанерном переплете, покрытом коричневым материалом, с одной застежкой. На л. 2 об. — «лестница», исполненная чернилами и красками. В книге 10 заставок и 11 больших инициалов в красках и золоте. На л. 1 — владельческая запись о принадлежности рукописи крестьянину Анисиму Андрееву Звонову (дер. Степановка). Рукопись работы М. А. Кашкина (?).

15. Чин литургии, крюковой, начала XX в., в 4-ку, полуустав, 63 лл. Переплет дощатый, покрытый кожей. На л. 63 об. — владельческая запись: «Сия книга принадлежит дьячку дер. Молокова Михаилу Мартияновичу Демину, писана его рукою, дарю ее в церковь дер. Слободищы».

16. Стихира «Воздвижению честнаго креста», на крюках, начала XX в., настенный лист, в цветочной рамке с инициалом в красках. Работа мастера М. А. Кашкина. Получена в дер. Устьяново.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

М. М. КОПЫЛЕНКО и М. В. РАПОПОРТ

Славяно-русские рукописи Одесской государственной научной библиотеки им. А. М. Горького *

Славяно-русские рукописи составляют часть рукописного фонда Одесской государственной научной библиотеки им. А. М. Горького, существующей с 1830 г. Основные источники этого фонда: рукописи Одесского славянского благотворительного общества (переданы в 80-х годах XIX в.); собрание Одесского коллекционера графа М. М. Толстого (передавалось разновременно — в 90-х годах XIX и в начале XX в.); собрание известного слависта, профессора Новороссийского (Одесского) университета В. И. Григоровича (передано в 1930 г. из библиотеки Одесского университета). Остальная часть фонда составилась в разные годы путем покупки и пожертвований (установленные источники приобретения указаны при описании отдельных рукописей). В прилагаемый ниже список фонда вошли славянские рукописи XI—XVII вв., наиболее интересные рукописи XVIII в., являющиеся списками произведений древнерусской письменности. Первую часть списка составляют древнейшие памятники славянского письма (XI—XIII вв.); вторая, наиболее многочисленная, часть списка состоит из русских рукописей XV—XVIII вв., сгруппированных по содержанию; в третью часть входят славянские рукописи XIV—XVII вв. нерусского происхождения, принадлежащие большей частью к собранию В. И. Григоровича и широко известные в славяноведческой науке. Рукописи расположены в хронологическом порядке, в скобках после порядкового номера обозначен номер по каталогу рукописей ОГНБ.

В конце приложена библиография литературы об описанных рукописях (сведения об источниках поступления, о публикациях, исследованиях и т. п.). При описании каждой рукописи приведены ссылки на эту библиографию: указывается фамилия автора, номер по библиографическому списку и страницы. Славяно-русские рукописи ОГНБ, известные по многим статьям и исследованиям, впервые сведены в такой единый список и

---

* Мария Владимировна Рапопорт (16 VI 1893—27 I 1959) родилась в Одессе и здесь же окончила Высшие женские курсы (по историко-филологическому факультету). С 1931 г. она работала в Одесской государственной научной (бывш. Публичной) библиотеке им. Горького старшим библиографом и заведующим Отделом редких изданий и рукописей (Музей книги). М. В. Рапопорт автор большого числа работ по вопросам библиографии и библиотечного дела (ее первая работа — «Библиография писем Ф. М. Достоевского» — была напечатана в 1921 г. в сборнике «Творчество Достоевского»), напечатанных в изданиях Одесской государственной научной библиотеки, в «Красном библиотекаре», «Советской библиографии» и др. В центре ее интересов была библиография литературы и вопросы пропаганды библиографических знаний. Исключительно отзывчивая и внимательная к людям, М. В. была воистину живым справочником по богатствам одесских книгохранилищ, и своими знаниями она делилась с необычайной щедростью. (*С. Я. Боровой*).

снабжены подробной библиографией. Нам кажется, что для славяноведов и историков древнерусской литературы предлагаемая работа будет небесполезной.

I. Славянские рукописи XI—XIII вв.

1 (533). Хиландарские листки. Отрывок поучения Кирилла Иерусалимского. 1-я пол. XI в. 2 лл. См.: В. И. Григорович, 18, с. 35, 16/а, с. 86—103; 16, с. 76—94; 16/б, с. 8—34; И. И. Срезневский, 55, с. 37—38 и 187—191; И. В. Ягич, 69, с. 64—66; С. И. Кульбакин, 28 и 29; А. М. Селищев, 54, с. 77; В. Вондрак, 11, с. 542—553; П. А. Лавров, 36, с. 10, 17, 28, 40; 32, № 3; Е. Ф. Карский, 22, с. 7; Н. М. Петровский, 47, № 10, с. 245; Е. Ф. Петрунь, 48, с. 142; В. Н. Мочульский, 4, с. 3—4, № 11 (23); О. Л. Вайнштейн, 6, с. 24.

2 (532). Охридское евангелие. Глаголица XI в. 2 лл. См.: В. И. Григорович, 16; П. И. Шафарик, 60, с. 199; И. Н. Срезневский, 56, с. 449—457; Н. К. Грунский, 19, с. 157—164; И. А. Ильинский, 21; В. Вондрак, 10, с. 9—10; И. В. Ягич, 66, с. 132—133, 235, табл. XII (13); Л. Гейтлер, 12, с. 185; В. Н. Мочульский, 41, с. 4, № 2 (24); Ф. Е. Петрунь, 48, с. 148, 162, 163; О. Л. Вайнштейн, 6, с. 24; А. М. Селищев, 54, с. 73; И. Вайс, 7, с. 132—133.

3 (49). Евангелие — Апракос. XII в. 120 лл. Палимпсест. См.: А. И. Маркевич, 38, с. 596; А. А. Кочубинский, 26, с. 12—14; П. А. Лавров, 36, с. 90—92, 172; 32, № 16; Е. Ф. Карский, 22, с. 26.

4 (17). Минея праздничная. XIII в. 92 лл. См.: В. И. Григорович, 13; И. Петровский, 47, № 11, с. 65; Ф. Е. Петрунь, 48, с. 143, 160. В. Н. Мочульский, 41; О. Л. Вайнштейн, 6, с. 24; П. А. Лавров, 36, с. 18, 94—95; 34, с. 112—113; 35, с. 1—3; Е .Ф. Карский, 22, с. 32.

5 (24). Минея праздничная. Продолжение предыдущей. XIII в. 277 лл. См.: В. И. Григорович, 13, с. 1 (сноска); Ф. Е. Петрунь, 48, с. 143—144, 162; В. Н. Мочульский, 41, с. 8—9, № 7 (33); П. А. Лавров, 32, № 25.

II. Древнерусские рукописи XV—XVIII вв.

А. Рукописи литературного содержания

6 (118). Измарагд. XV в. 265 лл. См.: О. Л. Вайнштейн, 6, с. 26.

7 (9). Сборник житий и поучений. XV—XVI вв. 169 лл. См.: В. И. Григорович, 15, с. 115; В. Н. Мочульский, 41, с. 16—18, № 11 (37); Ф. Е. Петрунь, 48, с. 158.

8 (77). Пролог с марта по август. XVI в. 331 лл. 2-я славянская редакция.

9 (134). Минея с марта по август. XVI в. 284 лл. См.: П. А. Бузук, 4, с. 59—60; 5, с. 21.

10 (572). Пролог с сентября по ноябрь. XV—XVI вв. 220 лл. 2-я славянская редакция. См.: Б. М. Ляпунов. Лекции по истории русского языка [автограф хранится в ОГНБ (300)].

11 (92). Сборник житий библейских патриархов и святых. XVII в. 370 лл. См.: П. А. Бузук, 5, с. 21, 92—94; О. Л. Вайнштейн, 6, с. 26.

12 (549). Домострой. Сер. XVII в. 140 лл. См.: И. С. Некрасов, 44, с. 96—97; В. Н. Мочульский, 41, с. 30—31, № 19 (45); В. А. Яковлев, 69, с. 7; В. С. Иконников, 20, с. 951; Ф. Е. Петрунь, 48, с. 157, 163; О. Л. Вайнштейн, 6, с. 26; М. М. Копыленко и др., 25, с. 245.

13 (5). Притчи Иисуса сына Сирахова. XVII в. 101 лл. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 65—66, № 40 (66); Ф. Е. Петрунь, 48, с. 159.

14 (1). Златоуст с русскими статьями, XVII в. 220 лл. См.: И. Н. Порфирьев, 53, с. 290—291; В. Н. Мочульский, 41, с. 33—41, № 22 (48); Ф. Е. Петрунь, 48, с. 157; М. М. Копыленко и др., 25, с. 245.

15 (358). Великое зерцало. XVII в. 171 л. 2-й тип Великих зерцал. См.: М. М. Копыленко и др., 25, с. 245.

16 (575). Отрывки из поучений. XVII—XVIII вв. 4 лл. Украинский извод.

17 (419). Александреида. Гл. 1—38. XVIII в. 83 лл. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 47—48, № 34 (61); Ф. Е. Петрунь, 48, с. 159; М. М. Копыленко и др., 25, с. 245.

18 (18). Александреида. Гл. 3—36. XVIII в. 150 лл. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 48, № 35 (60); Ф. Е. Петрунь, 48, с. 159; М. М. Копыленко и др., 25, с. 245.

19 (514). А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. Список с 1-го издания произведения А. Н. Радищева. 90-е годы XVIII в. 127 лл. См.: О. Н. Тюнеева, 58, с. 6; Отчет ОГНБ за 1898 г., 47, с. 5; М. М. Копиленко, 24, с. 161—163.

20 (314). «Старинныя святки. Опера в 3 действиях. Сочинено в сельце К.... 1798». Музыка театрального капельмейстера г-на Блима. Декорации г-на Валентини. 64 лл. Из библиотеки М. С. Воронцова.

21 (255). Разговор в царстве мертвых между Леополдом I римским цесарем и Людовиком XIV королем французским. XVIII в. 138 с. См.: О. Л. Вайнштейн, 6, с. 27.

22 (366). Катифорос Антоний. Житие Петра Великого. XVIII в. 194 с. По сравнению с печатным изданием 1772 г. прибавлено: «Родословие о князях и царях Российских отъ Рюрика» и помещено иное предисловие.

23 (553). История о великом князе Московском Андрея Курбскаго. Список с сокращениями. Нач. XVIII в. 76 лл.

24 (425). Нижегородские ответы. XVIII в. 402 лл. См.: Краткий отчет, 27, с. 17.

25 (2). Сон богородицы. XVIII в. 12 лл. Лицевой. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 67—68, № 43 (69); Ф. Е. Петрунь, 48, с. 153.

26 (99). Розыск о раскольничьей Брынской вере Дмитрия Ростовского. 1725 г. 129 лл.

27 (548). Лествица райская. Нач. XVIII в. 175 лл. Лицевая. На лл. 174—175 — «Толкование неудобно познаваемым вписаниих речем».

28 (103). Псалтырь толковая. Нач. XVIII в. 192 лл. В конце (на лл. 180—193) помещен гербовник.

29 (131). Жития Кирилла Белого и Иродиона чудотворца. XVIII в. 122 л.

30 (21). Минея с сентября до марта. XVIII в. 20 лл. Украинский извод.

31 (112). Сборник. XVIII в. 108 лл. Содержит: 1) Страсти Христовы, 2) Хождение Трифона Коробейникова, См.: М. М. Копыленко и др., 25, с. 245.

32 (448). Сборник. XVIII в. 54 лл. Содержит: 1) Голубиную книгу, 2) Повесть о царе Агее. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 45, № 30 (56); 40, с. 137—252; В. С. Иконников, 20, с. 952; Ф. Е. Петрунь, 48, с. 159; М. Шугуров, 62, с. 16—18; М. М. Копыленко и др., 25, с. 245.

33 (15). Сборник притч, басен и физиологических статей. XVIII в. 61 лл. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 66, № 41 (57); Ф. Е. Петрунь, 48, с. 157; О. Л. Вайнштейн, 6, с. 27; М. М. Копыленко и др., 25, с. 245.

34 (468). Сборник. 1745—1770 гг. 38 лл. Содержит стихи, выписки из богословских и исторических сочинений, упражнения по грамматике, поэтике и риторике, рецепты от болезней и пр. Писаны разными лицами, в том числе студентами Переяславской семинарии, на русском, украинском и других языках.

35 (67). Сборник. XVIII в. 83 лл. Содержит: 1) Житие Артемия Веркольского, 2) Историю о взятии Соловецкого монастыря и пр.

36 (74). Сборник поучений. XVIII в. 307 лл.

37 (86). Сборник поучений (по неделям на праздники и на евангельские тексты). XVIII в. 349 л.

38 (62). Сборник проповедей, поучений и стихов. XVIII в. 170 лл. В конце (лл. 158—170) помещена хронология киевских митрополитов и гетманов с двустишием под каждой фамилией.

39 (596). Цветник. Нач. XIX в. 729 лл.

40 (339). Цветник. Нач. XIX в. 338 лл. Лицевой.

41 (8). Сборник житий и поучений. Нач. XIX в. 77 л. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 45—46, № 31 (57); Ф. Е. Петрунь, 48, с. 157, 161; С. Г. Вилинский, 9, с. 265.

42 (34). Установления секты беспоповцев. Нач. XIX в. 22 лл. См.: М. Г. Попруженко, 51, с. 1, № 2.

43 (13). Слово Козьмы пресвитера о богомилах. XIX в. 65 лл. См.: М. Г. Попруженко, 50, с .VIII; 53, прилож. 1; В. Н. Мочульский, 41, № 53 (110); Ф. Е. Петрунь, 48, с. 138.

Б. Рукописи исторического и географического содержания

44 (124). Летописец русской вкратце. XVI в. 27 лл. В конце — Повесть о Николе Зарайском. См.: М. М. Копыленко и др., 25, с. 245.

45 (3). Хождение игумена Даниила. XVI в. 52 лл. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 12, № 9 (35); В. С. Иконников, 20, с. 951, № 2; Ф. Е. Петрунь, 49, с. 159; М. М. Копыленко и др., 25, с. 245.

46 (83). История Казанская, XVI—XVII вв. 322 лл. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 30, № 17 (43); В. С. Иконников, 20, с. 951, № 5; Ф. Е. Петрунь, 48, с. 156, 163; М. М. Копыленко и др., 25, с. 245; Г. З. Кунцевич, 30, с. 155—156, 163.

47 (421). Сборник. XVII в. 131 лл. Содержит: 1) Космографию, 2) Описание семи художеств, 3) «Перевод с астрологического календарного ключа, в котором изъявлены все потентатов гербы...». Передана в библиотеку Новороссийского университета в 1866 г. М. А. Порховским.

48 (154). Хронограф. XVII в. 317 лл. Передан в библиотеку Одесского университета Ф. Е. Петрунем.

49 (88). История скифская Андрея Лызлова (2-я часть). XVII в. 273 лл.

50 (12). Наказ Илье Ивановичу Чурикову, отправлявшемуся с посольством в Царьград в 1682 г. XVII в. 188 лл. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 42, № 24 (50); В. С. Иконников, 20, с. 951, № 8; Ф. Е. Петрунь, 48, с. 157; М. М. Копыленко и др., 25, с. 245; «Древняя Российская вивлиофика... издаваемая... Н. Новиковым», ч. V СПб., 1773.

51 (535). Сборник. XVII в., 94 лл. Содержит: 1) Разрядную книгу (с 1601 по 1605 г.), 2) «Описание» путешествия на Восток сибирского казака Ивана Плетнева в 1619—1620 гг. См.: В. С. Иконников, 20, с. 952; М. М. Копыленко и др., 25, с. 245.

52 (447). Отрывки Хронографа и выписки из латынских летописей. XVII—XVIII вв. 63 лл. См.: М. М. Копыленко и др., 25, с. 245.

53 (23). Сборник. XVIII в. 417 лл. Содержит: 1) Русскую летопись до 7158 (1650) г., 2) «Созерцание лет» Сильвестра Медведева, 3) Житие патриарха Никона, 4) Скифскую историю, 5) разрешительные грамоты патриарху Никону, 6) Ответы Феофана Прокоповича в Сорбону. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 43—44, № 27 (53); В. С. Иконников, 20, с. 951, № 10; Ф. Е. Петрунь, 48, с. 157, 163; А. И. Маркевич, 39, с. 35—40; Е. Шмурло, 61, с. 365—369.

54 (51 и 63). Летопись Дмитрия Ростовского. 1760 г. 427 лл. См.: М. М. Копыленко и др., 25, с. 245.

55 (98). Сборник. XVIII в. 159 лл. Содержит: 1) выписки из разных летописей, 2) о создании церкви Печерской. См.: В. С. Иконников, 20, с. 951, № 12.

56 (29). Летописный сборник. XVIII в. 291 лл. Описание событий до 1649 г. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 79, № 54 (114); Ф. Е. Петрунь, 48, с. 159—160.

57 (22). Летопись (до царствования Михаила Федоровича). XVIII в. 198 лл. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 44, № 28 (54); В. С. Иконников, 20, с. 951, № 11; Ф. Е. Петрунь, 48, с. 157.

58 (30). Кроник о словено-русском народе (описание событий до 1554 г.). XVIII в. 392 лл. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 42—43, № 26 (52); В. С. Иконников, 20, с. 951, № 9; Ф. Е. Петрунь, 48, с. 159; М. М. Копыленко и др., 25, с. 245.

59 (97). Сборник. XVIII в. 136 лл. Содержит: 1) Житие Петра Первого П. Крешкина, 2) «Журнал шествие было с Москвы».

В. Рукописи юридического содержания

60 (123). Разряды с 1489 г. до середины XVI в. XVII в. 286 лл. См.: А. И. Маркевич, 39, с. 425—433; В. Н. Мочульский, 41, с. 30, № 18 (44); В. С. Иконников, 20, с. 951, № 6; Ф. Е. Петрунь, 48, с. 156; М. М. Копыленко и др., 25, с. 245.

61 (576). Свитки документов. XVII в. Содержит: 1) Челобитную устроителя Елгемской пустыни старца Тарасия царю Михаилу Федоровичу, 1638 г., 61 см.; 2) Жалованную грамоту царя Алексея Михайловича крестьянам села Дединова, 1648 г. 251 см (этот свиток, как и другие рукописи, связанные с селом Дединовым, относятся к фонду Г. М. Толстого — см. №№ 63—65, 68, 74); 3) «Память» симбирского воеводы князя С. В. Клубкова-Масальского об отправке в Симбирск «беглой жонки» дьяка Федора Грибоедова (предка А. С. Грибоедова, одного из составителей Уложения царя Алексея Михайловича), 1658 г., 56 см; 4) «Выпис из ... записной книги... Степану Петрову на беглого крестьянина...», 1665 г., 90 см; 5) Решение по челобитной И. Г. Полозова царям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу и царевне Софье, 1687 г. 79 см. См.: О. Л. Вайнштейн, 6, с. 27; М. М. Копыленко и др., 25, с. 245.

62 (96). Выписки из писцовых книг Гдовского уезда. 1627—1631 гг. 125 лл. Передана библиотеке художником Скраянцем в 1926 г.

63 (557). Опись села Дединова Коломенского уезда. 1678 г. 58 лл.

64 (577). Жалованная грамота царя Михаила Федоровича крестьянам села Дединово. 1615 г. См.: М. М. Копыленко и др., 25, с. 245.

65 (770). Жалованная грамота царя Михаила Федоровича крестьянам села Дединово, 1623 г. Там же — Подтверждение грамоты царем Алексеем Михайловичем, 1678 г. Орнаментирована.

66 (337). Сборник указов и постановлений. Конец XVII в. 107 лл. См.: М. М. Копыленко и др., 25, с. 245.

67 (547). Сборник. XVII в. 174 лл. Содержит: 1) Судебник Ивана Грозного, 2) грамоты Царя Михаила Федоровича на имя князя Дмитрия Михайловича Пожарского, 3) статью богослужебного и богословского содержания. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 31—33, № 20 (46); В. С. Иконников, 20, с. 951; Ф. Е. Петрунь, 48, с. 157.

68 (580). Жалованная грамота Петра Первого крестьянам села Дединово, 1713 г. 5 лл. Орнаментирована (портрет Петра I, гербовник царских владений и пр.).

69 (510). Судебное дело о царевиче Алексее Петровиче, 1718 г. 35 лл. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 46, № 32 (58); Ф. Е. Петрунь, 48, с. 159.

70 (511). Указы и манифесты разного содержания, 1708—1758 гг. 80 лл. Список с украинизмами.

71 (388). Указ об изменении подушного оклада в селах О. С. Сопурина Костромского уезда, 1744 г.

72 (645). Купчая запись на покупку половицы колеса для мельницы в г. Богатом Курской губернии. 1745 г.

73 (418). Сборник. XVIII в. 36 лл. Содержит: 1) Челобитную Василия Полозова; 2) Калязинскую челобитную, 3) описание посольства Боровского наместника Василия Лихачева и дьяка Ивана Фомина во Флоренцию в 1659 г. См.: Рукопись из собрания В. И. Григоровича. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 46—47, № 33 (59); Ф. Е. Петрунь, 48, с. 159, 163; В. С. Иконников, 20, с. 951, № 14; М. Щугуров, 63, с. 19—24; М. М. Копыленко и др., 25, с. 245.

74 (59). Указ о пожаловании Екатерины Второй генералу майору Михаилу Измайлову села Дединово и другие документы, относящиеся к этому селу. XVIII в. 200 лл. Канцелярские копии.

75 (101). Литовский статут 1588 г. XVIII в. 240 лл. С выпиской из указа Елизаветы 1748 г. о подтверждении прав украинского народа и с поправками к некоторым статьям. Украинский извод.

76 (102). Литовский статут, XVIII в. 288 лл. Белорусский извод.

77 (188). Документы, относящиеся к Могилевскому наместничеству. XVIII в. 107 лл.

78 (357). Сборник документов о русско-китайских отношениях в 60—90-х годах XVIII в. XVIII в. 146 лл. Содержит императорские указы, сенатские постановления, донесения чиновников и путешественников и пр.

Г. Рукописи лингвистического содержания

79 (559). Грамматика греческого языка Лихудов. XVII в. 265 лл. Орнаментирована. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 72, № 51 (106); Ф. Е. Петрунь, 48, с. 157; О. Л. Вайнштейн, 6, с. 26,

80 (424). Грамматика Мелетия Смотрицкого. XVII в. 294 лл. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 71—72, № 50 (105); Ф. Е. Петрунь, 48, с. 153.

81 (423). Азбуковник. XVII в. 414 лл. См.: В. И. Григорович, 14, с. 287; М. П. Алексеев, 1, с. 31—41; В. Н. Мочульский, 41, с. 29—30, № 16 (42); В. С. Иконников, 20, с. 952; Ф. Е. Петрунь, 48, с. 158, 163; О. Л. Вайнштейн, 6, с. 26.

82 (382). Азбуки-прописи (3 свитка). XVII в. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 69, № 45 (75)—47 (77); Ф. Е. Петрунь, 48, с. 159.

83 (585). Азбука-прописи. XVII в. Свиток. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 69, № 45 (75)—47 (77); Ф. Е. Петрунь, 48, с. 159.

Д. Рукописи естественно-научного и технического содержания

84 (565). Травник. XVIII в. 75 лл. На украинском языке.

85 (538). «Гисторическое предуведомление о начальномь заведении и поныне продолжающемся рудном промысле». XVIII в. 106 лл.

86 (340). «Трактат природного англичанина Рогера Бакона о масле изъ купороса» (перевод с немецкого). XVIII в. 18 лл.

87 (325). «Проба 80-пушечного карабля строения корабелного мастера Виокина». XVIII в. 80 лл.

88 (272). Сборник статей о кораблестроении. XVIII в. 41 лл.

Е. Рукописи богослужебного и богословского содержания

89 (130). Четвероевангелие. XV—XVI вв. 395 лл. Орнаментирована.

90 (444). Молитвенник с канонами. XVI в. 171 лл.

91 (550). Апостол. XVI в. 224 лл.

92 (658). Акафист богородице. XVI в. 6 лл.

93 (537). Сборник. XVII в. Содержит: 1) Номоканон Петра Могилы, 2) Учение о тайне святого покаяния, 3) Наказание о памяти усопших. Орнаментировано. См.: В. С. Иконников, 20, с. 952.

94 (108). Сборник статей по церковному пению. XVII в. 45 лл. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 33, № 21 (47); Ф. Е. Петрунь, 48, с. 157.

95 (10). Требник. XVII в. 295 лл. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 69—71, № 48 (78); Ф. Е. Петрунь, 48, с. 159—160.

96 (129). Ирмологий, крюковой. XVIII в. 197 лл. Украинский извод.

97 (128). Ирмологий. XVIII в. 254 лл. Украинский извод.

III. Славянские рукописи XIV—XVII вв. нерусского происхождения

98 (536). Житие св. Симеона Сербского и типик св. Саввы Сербского. XIV в. 223 лл. Сербский извод. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 6—8, № 5 (31); Ф. Е. Петрунь, 48, с. 142; Е. Ф. Карский, 22, с. 35.

99 (27). Четвероевангелие. XVI в. 294 лл. Болгарская редакция. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 4—5, № 3 (29); Ф. Е. Петрунь, 48, с. 139; Б. М. Ляпунов, 37.

100 (534). Евангелие—апракос. XIV в. 210 лл. Сербская редакция.

101 (655). Минея. XIV в. 2 лл. Сербская редакция.

102 (50). Минея праздничная. XIV в. 131 лл. Сербская редакция.

103 (20). Жития св. Саввы сербского, Стефана Дечанского, Стефана Деспота и Иллариона Меглинского. XV в. 184 лл. Сербская редакция. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 9—11, № 8 (34); Ф. Е. Петрунь, 48, с. 163; И. В. Ягич, 64, с. 76, 102—106; 65; 67.

104 (656). Минея. XV в. 2 лл. Болгарская редакция.

105 (546). Житие Петра Коринфского, Кирилла Философа и Иллариона Медглинского. XIX в. 54 лл. Болгарская редакция. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 68—69, № 44/74; Ф. Е. Петрунь, 48, с. 151; Н. М. Петровский, 47, № 11, с. 86.

106 (653). Минея. XV в. 6 лл. Сербская редакция.

107 (6). Книга царств. XV в. 334 лл. Сербская редакция. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 5—6, № 4 (30); М. Г. Попруженко, 49; П. А. Лавров, 36, с. 256, 311; 32, с. 66; И. В. Ягич, 68; Е. Ф. Карский, 22, с. 46; Ф. Е. Петрунь, 48, с. 150.

108 (110). Пролог. XV в. 181 лл. Сербская редакция. См.: М. Г. Попруженко, 51, с. 4—5, № 10.

109 (556). Евфимий Зигабен. Книга о богомилах. XV в. 70 лл. Болгарская редакция. См.: В. С. Иконников, 20, с. 950, № 3; О. Л. Вайнштейн, 6, с. 26.

110 (126). Евангелие-апракос. XV в. 118 лл. Сербская редакция. См.: М. Г. Попруженко, 51, с. 3—4, № 10.

111 (28). Пределы и статьи о разделении восточной и западной церквей. XV в. 77 лл. Сербская редакция. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 26—29, № 15 (41); В. С. Иконников, 20, с. 951, № 4; И. В. Ягич, 64, с. 49—50; Ф. Е. Петрунь, 48, с. 151.

112 (415). Толкование статей и летописей сербских. XV в. 117 лл. Сербская редакция. См.: В. И. Григорович, 17; В. Н. Мочульский, 41, с. 21—25, № 13 (39); Ф. Е. Петрунь, 48, с. 163.

113 (11). Сборник с апокрифическими статьями. XV в. 119 лл. Сербская редакция. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 18—21, № 12 (38); 43; А. Белич, 2; Н. Тихонравов, 57, т. I, с. 308, т. II, с. 30, 130, 335, 360, 439.

114 (542). Номоканон. XVI в. 70 лл. Болгарская редакция.

115 (75). Чин вечерний. Сборник на новоболгарском языке. XVI в. 241 лл. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 50—51, № 37 (63); Е. Ф. Петрунь, 48, с. 144; П. А. Лавров, 36, с. 319; 33.

116 (120). Служебник и требник. XVI в. 198 лл. Болгарская редакция.

117 (91). Помяник. XVI в. 190 лл. Сербская редакция. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 25, № 14 (40); Ф. Е. Петрунь, 48, с. 149.

118 (107). «Дамаскина иподьякона слово...». Сборник на новоболгарском языке. XVI в. 121 лл. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 48—50, № 36 (62); Ф. Е. Петрунь, 48, с. 152; П. А. Лавров, 33; 36, с. 317—319; С. П. Бернштейн, 3, с. 12.

119 (94). Песнь песней с толкованием. XVI в. 7 лл. Сербская редакция. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 42, № 25 (51); Ф. Е. Петрунь, 48, с. 149.

120 (132). Сборник сказаний, поучений, посланий и житий. XVI—XVII вв. 561 лл. Сербская редакция. См.: А. Кухарский, 31; А. Черткова, 59, с. 58—59; И. В. Ягич, 66; 64, с. 76.

121 (84). Минея. XVI—XVII вв. 128 лл. Сербская редакция.

122 (545). Каноны святым. XVII в. 148 лл. Сербская редакция. См.: Отчет о деятельности Историко-филологического общества, 45, с. 10.

123 (19). Каноны на исход души. XVII в. 39 лл. Болгарская редакция. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 66—67, № 42 (58); Ф. Е. Петрунь, 48, с. 147.

124 (14). Сборник житий и поучений. XVII—XVIII вв. 294 лл. Болгарская редакция. См.: В. Н. Мочульский, 41, с. 62—65, № 39 (65); Ф. Е. Петрунь, 48, с. 152; П. А. Лавров, 36, с. 317—319; 33.

125 (111). Триодь цветная. XVII—XVIII вв. 254 лл. Сербская редакция. См.: Отчет о деятельности Историко-филологического общества, 46, с. 10.

ЛИТЕРАТУРА О СЛАВЯНСКИХ РУКОПИСЯХ, ХРАНЯЩИХСЯ В ОДЕССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ им. А. М. ГОРЬКОГО

1. Алексеев М. П. Западноевропейские словарные материалы в древнерусских азбуковниках XVI—XVII веков. — В кн.: Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его 60-летию. Сборник статей. АН СССР, М., 1956, с. 25—41.

2. Белич А. Заметка о славянском житии св. Пятки-Петки. — ИОРЯС, т. II, кн. 1, 1897, с. 1045—1055.

3. Бернштейн С. П. Учебник болгарского языка. М., 1948, 242 с.

4. Бузук П. А. З лінгвінстично-історичних матеріалів. — Праці Одеської центральної наукової бібліотеки. 1. Одеса, 1927, с. 59—60.

5. Бузук П. А. Нарис історії української мови. Київ, 1927, 96 с. (Українська Академія наук. Збірник історично-філологічного відділу, № 48).

6. Вайнштейн О. Л. Музей книги Одеської центральної наукової бібліотеки. — Праці Одеської Центральної наукової бібліотеки, І. Одеса, 1927, с. 17—55.

7. (Вайс И.) Vajs I. Rukovět hlaholské paleografie. Praha, 1932, с. 132—133.

8. Викторов А. Собрание рукописей В. И. Григоровича. М., 1879, 60, IV с.

9. Вилинский С. Г. Житие св. Василия Нового в русской литературе, ч. 1. Исследования. Одесса, 1913, 354 с.

10. (Вондрак В.) Vondrák W. Kirchenslavishe Chrestomatie. Göttingen, 1910, с. 9—10.

11. (Вондрак В.) Vondrák W. Paleographisches und Sprachliches anlässlich der neuen Publication der Blätter von Chilandar. — Archiv für slavichen Philologie, в. 22, 1900, с. 542—553.

12. (Гейтлер Л.) Geitler L. Die albanesischen und slavishen Schriften. Wien, 1883.

13. Григорович В. И. Древнеславянский памятник, дополняющий житие славянских апостолов, святых Кирилла и Мефодия. Издание посвящено памяти Павла-Иосифа Шафарика. Казань, 1860, 29 с.

14. Григорович В. И. Записка об археологическом исследовании Днестровского побережья. — В кн.: В. И. Григорович. Собрание сочинений (1864—1876). Одесса, 1916, с. 286—297.

15. Григорович В. И. Несколько слов... по поводу празднования тысячелетия со времени кончины св. Кирилла. — Там же, с. 105—117.

16. Григорович В. И. О древнейших памятниках церковно-славянской литературы. — В кн.: В. И. Григорович. Статьи, касающиеся древнего славянского языка. Казань, 1852, с. 76—94.

а) То же — точнее и с дополнением примечаний А. Х. Востокова и И. И. Срезневского — в статье В. И. Григоровича под названием «О древнейших памятниках церковно-славянских». — ИОРЯС, т. I, 1852, с. 86—103.

б) Перепечатано в кн.: Исследования и замечания о древних памятниках старославянской литературы, читанные в заседаниях II отделения Академии наук. СПб., 1856, с. 8—34.

17. Григорович В. И. О Сербии и ее отношениях к соседним державам, преимущественно в XIV и XV столетиях. Речь, произнесенная 10 июня 1858 года, в торжественном собрании имп. Казанского университета... Казань, 1859, 90 с.

18. Григорович В. И. Очерк путешествия по Европейской Турции. Казань, 1848, 216 с.

19. Грунский Н. К. Охридское евангелие. — ИОРЯС, т. XI, кн. 4, 1906, с. 157—164.

20. Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1892, т. I, кн. 2, с. 950—953.

21. Ильинский И. А. Охридские глаголические листки. Отрывок древнецерковно-славянского евангелия XI в. — ИОРЯС, 1915, 31 с., IV табл. (Памятники старославянского языка, т. III, в. 2).

22. Карский Е. Ф. Образцы славянского кирилловского письма с X по XVIII в. Варшава, 1901, 80 с.

23. Кирпичников А. И. Новая византийская повесть древнерусской литературы. — В кн.: Труды VII археологического съезда в Ярославле, 1887. Под ред. графини Уваровой, т. II. М., 1891, с. 1—8.

24. Копиленко М. М. Одеський список «Подорожі з Петербурга в Москву» О. М. Радищева. — Праці Одеського державного університету ім. І. І. Мечнікова. Збірник філологічного факультету, т. IV, 1954, с. 161—163.

25. Копыленко М. М., И. Л. Портной и М. В. Рапопорт. Заметки о документах и архивах. — ИА, 1955, № 4, с. 244—246.

26. Кочубинский А. А. (сообщил о рукописном евангелии XII в., переданном штабс-капитаном А. А. Кохно). — Записки имп. Новороссийского университета, т. 31, 1880, с. 12—14. (Протокол заседания Совета от 24 января 1880 г.).

27. Краткий отчет имп. Новороссийского университета за 1876—1877 академический год. — Записки имп. Новороссийского университета, т. 23, 1877, с. 17.

28. Кульбакин С. М. Лексика Хиландарских отрывков XI в. — ИОРЯС, т. VI, кн. 4, 1901, с. 132—133.

29. Кульбакин С. М. Хиландарские листки, отрывок Кирилловской письменности XI в. С четырьмя фототипическими снимками. ИОРЯС, т. V, 1898, 34 с., 2 табл.

30. Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905, XI, 681 с., 10 табл.

31. Кухарский А. (сообщил о Сборнике сказаний, поучений, посланий и житий на сербском языке XVI—XVII вв.). — Časopis vlast. Museum. Praga, 1829, p. IV.

32. Лавров П. А. Альбом снимков с югославянских рукописей болгарского и сербского письма. — В кн.: Энциклопедия славянской филологии. Приложение к в. 4. Пгр., 1916, 130 табл.

33. Лавров П. А. Дамаскин Студит и сборники его имени. Дамаскины в югославянской письменности. Одесса, 1899, 80 с. (то же — в «Летописи Историко-филологического общества при имп. Новороссийском университете», т. VII, 1899, с. 305—384).

34. Лавров П. А. Запись к Минее № 6 (32) из Одесского собрания рукописей В. И. Григоровича. — ИОРЯС, т. I, в. 1, 1896, с. 112—113.

35. Лавров П. А. Отзыв о сочинении на тему «Минеи № 6 (32) и № 7 (33) из собрания проф. Григоровича». — Записки имп. Новороссийского университета, т. 83, 1901, с. 1—3.

36. Лавров П. А. Палеографическое обозрение Кирилловского письма. — В кн.: Энциклопедия славянской филологии, в. 4, 1915, 319 с.

37. Ляпунов Б. М. Отзыв о трудах рекомендуемого для замещения второй профессуры славянской филологии прив.-доц. имп. Новороссийского университета М. Г. Попруженко. Одесса, 1908, 18 с. (то же — в «Записках имп. Новороссийского университета», т. III, Одесса, 1908, с. 1—18).

38. Маркевич А. И. Двадцатипятилетие имп. Новороссийского университета. Одесса, 1890, XV, 734, XC, IV с.

39. Маркевич А. И. О местничестве, ч. 1. Киев, 1879, 960 с.

40. Мочульский В. Н. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887, 259 с.

41. Мочульский В. Н. Описание рукописей В. И. Григоровича. Одесса, 1890, 81 с. (то же — в «Летописи Историко-филологического общества при имп. Новороссийском университете», т. I, 1890, с. 53—133).

42. Мочульский В. Н. Слова и поучения, направленные против языческих верований и обрядов в бытовой истории болгар. — Записки имп. Новороссийского университета, т. 91. Одесса, 1903, с. 323—374.

43. (Мочульский В. Н.) Motschulski W. Zur mittelalterischen Erzählungsliteratur bei den Südslaven. — Archiv für slavischen Philologie, Bd. 5, Berlin, 1893, стр. 371—380.

44. Некрасов И. С. Опыт историко-литературного исследования о происхождении древнерусского Домостроя. Изд. ОЛДП, М., 1873, 185 с.

45. Отчет о деятельности Историко-филологического общества при Новороссийском университете 1899—1890 гг. — Летопись Историко-филологического общества при имп. Новороссийском университете, т. I, 1890, с. 6—12.

46. Отчеты Одесской городской публичной библиотеки за 1887—1916 гг. Одесса, 1888—1917.
47. Петровский Н. М. Путешествие В. И. Григоровича по славянским землям. — ЖМНП, 1915, № 10, с. 203—261; № 11, с. 62—131; № 12, с. 205—235.
48. Петрунь Ф. Е. Рукописна збірка В. І. Григоровіча. Бібліографічні замітки. — Праці Одеської центральної наукової бібліотеки, І. Одеса, 1927, с. 137—163.
49. Попруженко М. Г. Из истории литературной деятельности Сербии. XV в. «Книги царств» и собрание рукописей библиотеки Новороссийского университета. Одесса, 1894, 183 с. (то же — в «Записках имп. Новороссийского университета», 62. Одесса, 1894, с. 1—180).
50. Попруженко М. Г. (сообщил). Св. Козьмы Пресвитера слово на еретики и поучение от божественных книг. СПб., 1907, XVI, 86 с., 1 табл. (ПДПИ, № 167).
51. Попруженко М. Г. (Описание рукописей старопечатных книг и сборников по народной поэзии славян). — В кн.: Каталог книг, принадлежащих Одесскому славянскому благотворительному обществу и хранящихся в Городской публичной библиотеке. Одесса, 1890, с. 1—16.
52. Попруженко М. Г. Синодик Царя Бориса. Одесса, 1899, XV, 175, 56 с.
53. Порфирьев И. Я. «Домострой» Сильвестра. — Православный собеседник, изд. при Казанской духовной Академии, 1860, ч. III, с. 279—330.
54. Селищев А. М. Старославянский язык, ч. 1. М., 1951, с. 73, 77.
55. Срезневский И. И. Древние славянские памятники юсового письма с описаниями и с замечаниями об особенностях их правописания и языка. СПб., 1868, 416, 4, 24 с.
56. Срезневский И. И. Из обозрения глаголических памятников. — Известия имп. Археологического общества, СПб., 1861, т. III, в. 1, с. 1—18; в. 3, с. 185—198, в. 6, с. 437—457.
57. Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы, тт. I—II. СПб., 1863.
58. Тюнеева О. Н. Музей книги Одеської державної публічної бібліотеки. Київ, 1927, 19 с. (Відбитка з «Бібліологічних вістей», 1927, № 2).
59. Чертков А. О переводе Манассиной летописи. М., 1842, 61 с.
60. (Шафарик П. И.) Šafařik P. I. Pohled na prvověk hlaholského písemnictví. — В кн.: P. L. Šafařik. Sebrané spisy. Praha, 1862—1865. Díl. III, с. 199—224.
61. Шмурло Е. О записках Сильвестра Медведева. — ЖМНП, 1889, № 4, с. 365—369.
62. Шугуров М. Ф. (сообщил). Повесть о царе Аггее. — Русский архив: М., 1865, с. 12—18.
63. Шугуров М. Ф. (сообщил). Список о челобитной Васильева сына Полозова. — Русский архив. М., 1865, с. 19—24.
64. (Ягич И. В.) Jagić I. V. Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung. — Archiv für slavischen Philologie, Bd. 2, 1877, стр. 1—109.
65. Ягич И. В. (издал). Биография Стефана Лазаревича, написанная Константином. — Гласник Друштва сербске словесности, т. 42. Београд, 1875.
66. Ягич И. В. Глаголическое письмо. — В кн.: Энциклопедия славянской филологии. СПб., 1911. в. 3, с. 51—262, 36 табл.
67. Ягич И. В. Константин философ и негов живот Стефана Лазаревича Деспота Српского. — Гласник Српского ученог друштва, т. 42. Београд, 1875.
68. (Ягич И. В.). Specimena linguae paleoslovenica, с. 67—66.
69. Яковлев В. А. (издал). Домострой. 2-е испр. изд. Одесса, 1887, 145 с.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

Л. А. ДМИТРИЕВ

Собрание рукописей научной библиотеки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Рукописное собрание библиотеки Саратовского университета является одним из интереснейших университетских собраний рукописей в нашей стране.[1] Оно значительно не только по количеству хранящихся в нем единиц, но представляет большой интерес и по своему составу. В основу этого собрания легло собрание рукописей профессора И. А. Шляпкина, подаренное им вместе со всей своей библиотекой, открытому в 1909 г. Саратовскому университету. Кроме этого собрания, в рукописные фонды библиотеки Саратовского университета вошли рукописи из собрания купца старообрядца П. М. Мальцева, часть рукописного собрания саратовского Братства святого креста и отдельные рукописи из старообрядческих монастырей на Иргизе. В 1934 г. академиком В. Н. Перетцем было составлено описание собрания И. А. Шляпкина. Им было описано 450 рукописей этого собрания, находившихся в то время в библиотеке Саратовского университета. До сих пор это описание не опубликовано.[2] В 1920-х годах тогдашний заведующий отделом редких книг и рукописей библиотеки Саратовского университета А. А. Гераклитов начал описывать рукописи из собрания П. М. Мальцева. Им было описано 238 рукописей листового размера. Рукописи Братства святого креста были описаны в 1910 г.

Кроме того, что описания В. Н. Перетца и А. А. Гераклитова не опубликованы, они в настоящее время не отражают действительного состава описанных в них собраний: часть рукописей из собрания И. А. Шляпкина и П. М. Мальцева по решению Главного архивного управления была передана в московские рукописные хранилища. Рукописи нелистового размера

---

[1] О рукописных собраниях Саратова и об отдельных рукописях, находившихся в Саратове, см.: А. Лебедев. 1) Рукописные собрания в Саратове. — Труды Саратовской ученой архивной комиссии, в. XXV. Саратов, 1909, отд. I, стр. 319—336; 2) Рукописи Братства Святого Креста в Саратове. Саратов, 1910; С. Щеглов. Ахматский и Увекский синодики XVII столетия и помянник Саратовской Троицкой церкви. Труды Саратовской ученой архивной комиссии, в. XXVIII. Саратов, 1911, стр. 25—41; А. П. Горчинский. Библиофильский уголок в Белоострове. — Вестник литературы. СПб., 1916, № 9—10, стлб. 162—168 (Краткая характеристика библиотеки И. А. Шляпкина, в том числе и рукописей, впоследствии поступивших в Саратовский университет); А. Гераклитов. Отделение рукописей и старопечатных книг Саратовского университета. — Студенческая мысль. Еженедельный общественно-научный, литературно-художественный иллюстрированный журнал саратовского студенчества. Саратов, 1923, № 3—4, стр. 21—22; П. Г. Любомиров. Новые материалы для истории Смутного времени. — Ученые записки Саратовского гос. университета, 1926, т. V, в. II, стр. 99—105; Ю. А. Кузнецова. Коллекции отдела рукописей, древних и редких книг научной библиотеки СТУ. — Ученые записки Саратовского гос. университета, 1947, т. XVII, Исторический, стр. 271—281.

[2] В настоящее время Археографическая комиссия АН СССР издает это описание в 3 и 4 тт. своего «Ежегодника».

из собрания П. М. Мальцева не были описаны вообще. Из собрания Братства святого креста в университетскую библиотеку попала очень небольшая часть рукописей. Таким образом, в настоящее время мы не имеем достаточно полного представления о составе рукописного собрания библиотеки Саратовского университета. Предлагаемый обзор и ставит своей целью дать общее представление об этом собрании.

Из 450 рукописей собрания И. А. Шляпкина, описанных в свое время В. Н. Перетцем,[3] сейчас в библиотеке Саратовского университета сохранилось 270, в том числе из 179 сборников — 131. По времени написания большинство сборников относится к XVII—XVIII вв. Состав их самый разнообразный. Значительная часть — сборники литературно-повествовательного характера. Перечислим наиболее интересные тексты, встречающиеся в этих сборниках: «Хождение игумена Даниила» (в сборной рукописи из списков XVI—XVIII вв., № 316. 587), «Белый клобук» и «О пленении Русской земли Батыем» (в сборнике XVIII в., № 333.373), «Повесть об Азовском взятии» (в сборнике XVIII в., № 365.457), Савва Грудцын (в сборнике 1790 г., № 371.379), «Прение живота и смерти» (в трех сборниках XVIII в., №№ 316.587, 371.379, 368.606), Акир премудрый (XVIII в., № 348.596), Бова королевич (XVIII в., отрывок сборника № 360.478), «Повесть о Долторне» (сборник XVIII в., № 363.431), О царице Динаре, О 12 снах Мамера царя, О Петре и Февронии. Некоторые сборники представляют большой интерес всем своим содержанием. Это «Великое зерцало» (список начала XVIII в., № 319.394) особой редакции, с дополнительными статьями (по определению В. Н. Перетца). Сборник середины XVIII в. на 29 лл. с текстами: «О Спасовом образе, юже царь Мануил Греческий написал», «Известие о иконе Богородицы, зовомой Иерусалимской», повесть О Марфе и Марии и повесть О Виленском кресте (№ 332.367). Сборник XVIII в. на 429 лл., в котором читаются, в частности, такие тексты: повести — О цесаре Оттоне, Об Аггее, О Петре и Февронии, О Соломоне и Китоврасе, Поучение отца к сыну, Суздальская краткая летопись, Епифаниево житие Сергия. Особо должен быть отмечен географический сборник XVIII в. (№ 329.530), в котором читается «Описание трех путей» Афанасия Холмогорского. Этот список «Описания» по сравнению с единственным ранее известным списком этого произведения (ГПБ, F.XVII.10) сообщает целый ряд дополнительных сведений, точнее датирует время создания «Описания».[4] Среди литературных текстов в сборниках из собрания И. А. Шляпкина встречается много переводных рыцарских романов в списках XVIII в.: «Гистория о Аглицком милорде Гиреоне и о Бранденбургской королевне маргрáфине Оридрине», «Роман о дон Рамиро и Изабелле», «Любовь силняе дружбы. Повесть гишпанская», «Похождение Керея и Каллирои», «Горестная любовь маркиза де Толедо». Большой интерес для историков литературы XVIII века представляет отрывок сборника на 43 лл. № 363.431. В этом сборнике читается неизвестная, по всей видимости оригинальная, русская повесть XVIII в. «История о португальской королевне Анне и о гишпанском королевиче Александре».[5] Для фольклористов большой интерес пред-

---

[3] В кратком предислоцвии к своему описанию В. Н. Перетц отмечал, что уже в то время, когда он описывал собрание, многие рукописи, ранее входившие в него, отсутствовали.

[4] «Описание трех путей» по списку Саратовского собрания публикуется мною во втором томе «Ежегодника» Археографической комиссии АН СССР.

[5] Текст этой повести и ее исследование печатаются в этом томе, на стр. 490—505.

ставляет сборник на 15 лл., писанный скорописью конца XVIII—начала XIX в. (№ 385.480). В нем, на лл. 11—13, читается «История» об Илье Муромце.[6] Значительное количество сборников из собрания И. А. Шляпкина — это сборники житий русских святых. Здесь встречаются тексты таких житий: Макария Желтоводского, Сергия Радонежского, Арсения Тверского, Михаила Ярославича Тверского, Корнилия Комельского, Кирилла Белозерского, Зосимы и Савватия Соловецких, Нила Столбенского, Антония Леохновского, Николы Кочанова, Саввы Вишерского, Варлаама Хутынского, Тучковская редакция жития Михаила Клопского.

Второй по величине и значению группой рукописей шляпкинского собрания являются отдельные рукописи литературного содержания. Из 67 рукописей этого вида, описанных В. Н. Перетцем, в настоящее время в собрании библиотеки Саратовского университета сохранилось 32. Перечислим наиболее интересные из них: повести — О Скандербеге (список XVIII в.), О цесаре Оттоне (список начала XIX в.), Савва Грудцын (два списка XVIII в.), Еруслан Лазаревич (список начала XIX в.), Брунцвик король (список XVIII в.), Бова королевич (список XVIII в.), Притчи Езопа (список XVIII в.), «Слово о Удоне, епископе Магдебургском» (список XVIII в.), «Повесть о Лабеле и звере» (список XVIII в.), «Хождение Трифона Коробейникова» (список XVIII в.), старообрядческий «Стих о страннике» (список XIX в.) и целый ряд списков литературных произведений конца XVIII—начала XIX в. («Тысяча и одна ночь», «Книга детских рассказов», «Слуга двух господ», комедия Н. Эмина «Душою прав, на деле виноват», «Вятская поэма» неизвестного автора и ряд других).

Третью группу рукописей собрания И. А. Шляпкина составляют тексты исторического содержания. Из 64 рукописей этого вида, описанных В. Н. Перетцем, в настоящее время сохранилось 31. Здесь должны быть отмечены: два хронографа (один — список конца XVII в. и один — начала XIX в.), «Летописец вскоре» патриарха Никифора (список XVIII в.), три списка «Соловецкого летописца» (два XVIII в. и один XIX в.), Углицкий летописец (список XVIII в.), «Сказание» Авраамия Палицына (список начала XVIII в.), отрывок «Космографии» (список конца XVII в.), три списка «Келейной летописи» Дмитрия Ростовского, «Судебник» Ивана Грозного (список XVII в.).

Довольно широко в собрании И. А. Шляпкина представлена отдельными списками житийная литература. Из 47 списков в настоящее время в собрании сохранилось 32 списка отдельных житий. Здесь имеются жития: Адриана Пошехонского (список XIX в.), Александра Ошевенского (список XVIII в.), Александра Свирского (список XIX в.), Антония Дымского (список XIX в.), Антония Римлянина (список XVIII в.), Артемия Веркольского (список XVII в.), Герасима Вологодского (список 1819 г.), Дмитрия Угличского (список XVIII в.), Ефрема Новоторжского (список XVIII в.), Кирилла Белозерского (два списка — XVII и XVIII в.), Макария Желтоводского (список XVIII в.), Нила Столбенского (список XVIII в.), молитвы и сказания о Корнилии Палеостровском, «Книга чюдеса Параскевии, нарицаемыя Пятницы, иже в Великом Новеграде на Ярославли дворищи близь торга» (список XVIII в.), «Предание учеником своим» Нила Сорского.

Среди книг богослужебного характера, имеющихся в настоящее время в собрании И. А. Шляпкина (12 из 27, описанных В. Н. Перетцем),

---

[6] Текст «Истории» по этому списку публикуется в издании «Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков». М.—Л., 1960, стр. 113—115 и 271—272.

большой интерес представляют два синодика: «Синодик церкви Воскресения Христова на Полонице, писан во 199 году во граде Пскове» и Синодик Новгородской Борисоглебской церкви. Новгородский синодик замечателен тем, что в нем в поминовении новгородцев, погибших на бранях, говорится об участии новгородцев в битве на Куликовом поле в 1380 г. Подробное описание этого синодика, его характеристика и публикация наиболее интересных отрывков из него были сделаны И. А. Шляпкиным еще в то время, когда эта рукопись находилась в его собрании в Белоострове.[7]

Помимо рассмотренных рукописей, в собрании И. А. Шляпкина имеются рукописи чисто богословского характера (все позднего времени), рукописи технического и медицинского содержания, поздние записи фольклорных текстов, сборники песен, романсов и стихов начала XIX в., ученый архив самого И. А. Шляпкина.

Собрание П. М. Мальцева, являющееся второй основной частью собрания рукописей библиотеки Саратовского университета, по составу входящих в него рукописей значительно отличается от собрания И. А. Шляпкина. Если собрание И. А. Шляпкина ярко отразило интересы собирателя историка древнерусской литературы, то собрание П. М. Мальцева — это прежде всего собрание книжника-старообрядца. Среди рукописей П. М. Мальцева значительное место занимают рукописи церковно-служебного характера, сочинения старообрядцев, произведения богословско-полемического содержания, творения отцов церкви. Однако было бы неправильным оценивать мальцевское собрание только с этой стороны. В этом собрании немало интересных и литературных и исторических рукописей, большинство рукописей церковно-религиозного содержания представляют значительный палеографический интерес.

Остановимся на краткой характеристике описанных А. Гераклитовым рукописей листового размера. Большинство из них — рукописи клерикального характера. Отметим те из них, которые представляют для нас большой интерес, как памятники древнерусской книжной культуры. Прежде всего здесь должны быть отмечены два пергаменных листа из Триоди постной XIII в. (№ 116). Из 10 четвероевангелий, одно — список XV в. и девять — XVI в. (№№ 3—12); среди 5 Апостолов (№№ 14—18) один — список середины XVI столетия с большим количеством заставок и один с записью писца о том, что книга переписывалась им с 1554 по 1555 г. Из трех рукописей «слов» Григория Богослова большой интерес представляет рукопись 1557 г. (№ 37) с выходной записью. Эта запись сообщает, что книга была написана Тихоном для Снетогорского монастыря. Тихон начал свой труд «повелением игумена Лаврентия» и закончил его «при игумене Ефросине». В описании этой рукописи А. Гераклитов отмечает, что у П. Строева в списке настоятелей Снетогорского монастыря игуменов Лаврентия и Ефросина нет. Среди рукописей листового размера в собрании П. М. Мальцева встречается большое число житийных текстов: Григория Омиритского, Иоанна Златоуста, Василия Нового, Варлаама и Иоасафа, Саввы Сербского, Сергия Радонежского, Варлаама Хутынского. Среди житийных сборников листового размера значительный интерес представляет рукопись сербского происхождения последней четверти

---

[7] И. А. Шляпкин. Синодик 1552—1560 г. Новгородской Борисоглебской церкви. — Сборник Новгородского общества любителей древности, в. V, Новгород, 1911, стр. 1—9.

XIV в. с заставками (№ 78). Помимо книг церковного содержания, среди рукописей листового размера встречаются и литературные тексты: два списка «Великого зерцала» (№№ 234, 235; оба XVII в.), «Казанская история» (список XVII в., № 186); ряд переводных сочинений XVIII в.: «Письма для исправления сердца и разума, писанные к одной знатной девице» (№ 153), «Гистория о дву сицылианских кавалерах Милинтесе и Поламедесе и прекрасной Арианы и Епихарисе» (№ 222), «Прекрасной Арианны государственная и любезная гистория» (№ 223). Особо большой интерес среди рукописей листового размера в собрании П. М. Мальцева представляют исторические тексты: шесть списков Хронографов (А. А. Гераклитовым было описано 8) — четыре (№№ 172—174, 177) XVII в. и два (№№ 175, 176) XVIII в.; три Степенных книги — два списка (№№ 179, 180) XVII в. и один (№ 181) XVIII в.; «История скифская» Андрея Лызлова (список 1750 г., № 183); «Ядро истории Российской» (список 60-х годов XVIII в., № 184); четыре списка жития Петра Великого (№№ 187—190); Космография (список XVII в., № 220).

Так же как и в группе рукописей листового размера, среди рукописей собрания П. М. Мальцева размером 4° и 8° большинство — списки церковно-служебной, религиозно-полемической и старообрядческой литературы. Значительный интерес этой части собрания П. М. Мальцева представляют списки произведений старообрядческой литературы. Отметим наиболее ценные из них: Поморские ответы (два списка; №№ 1307, 1347), «Виноград Российский» Семена Денисова (два списка №№ 1334, 1419), его же «История о отцах и страдальцех соловецких» (№ 923, список XVIII в. с 48 миниатюрами), «Нижегородские ответы Питириму дьякона Александра» (три списка: XVIII в. — №№ 1300 и 1307, XIX в. — № 955), «Копия или список с прошения подаванного казанцами о единоверческой церкви» (список XIX в., № 972).

В группе рукописей нелистового размера собрания П. М. Мальцева гораздо больше, чем среди листовых, списков литературных и исторических текстов. Отметим среди них: сочинения Кирилла Туровского в сборнике слов и поучений XVI в. (№ 1072), сочинения Иосифа Волоцкого (два сборника его сочинений XVII в., № 1431 и без номера), Нила Сорского (два сборника его сочинений: XVII в. — № 1111, XVIII в. — № 1252), Максима Грека (список XVII в., № 1238). Широко в этой части собрания представлены произведения житийной литературы; специалист по агиографии найдет здесь тексты житий Зосимы и Савватия Соловецких (список конца XVII—начала XVIII в., № 872), Варлаама Хутынского (два списка: в сборнике начала XVII в. — № 971 и список XX в. — № 958), Артемия Веркольского (список XVI в., № 996), Варлаама и Иоасафа (в сборнике XVII в., № 1786), Петра и Февронии (список XIX в. с миниатюрами), Кирилла Белозерского (два списка XVIII в., №№ 981, 990), «Пренесение мощей царевича Димитрия», «Житие Марии Магдалины, сказанное некиим мнихом Илиею, к сему же из ыных разных книг харатейных и достоверных свидетелей собранное», жития Иоанна и Прокопия Устюжских (все в сборнике XVII в., № 1786). Столь же богато представлены в этой части собрания П. М. Мальцева тексты оригинальных и переводных произведений древнерусской литературы: «Инока Симеона, иерея суздальца повесть, како римский папа Евгений составил осмый собор со своими единомысленники» (список XVI в. в сборнике из разных рукописей № 1101), «Слово о Удоне, епископе Магдебургском» (список XIX в., № 1202, с миниатюрами и в сборнике начала XIX в., № 1056), «История о разорении Иерусалима» и «История о пленении Царьграда» (сборник XVIII в., № 1091), «Сказание о табаке» (список XIX в.,

№ 1036), «Сказание о злых женах» (список XVIII в., № 1030), повести: О Соломонии бесноватой и Об Ульянии Муромской (в сборнике XIX в., № 1056), «Казанская история» (два списка: конца XVI—начала XVII в. — № 866, 1769 г. — № 881; второй список с выходной записью: «Списана сия историа в 1769-м году пригорода Билярска протопопом Григорием Феодоровым Гонбинским»), отрывок «Истории» об Илье Муромце (в сборнике XVIII в., № 1260).[8] Довольно многочисленными образцами в этой части собрания П. М. Мальцева представлены переводные произведения XVIII в.: «Гистория о славном и храбром рыцаре Францione и о прекрасной гишпанской королевне Ренцывене» и «Гистория о гишпанском цесаре Долторне и о похождении его» (сборник № 803), «История маркиза Мирмона, любящего уединение» (два списка №№ 739, 740), «История о принцессе Германе, бывшей сперва любовию гонимой, а потом во оной щастливой. Переведено с немецкого на российской язык» (№ 749), «История похождения славной интриганки донны Руфины, сел и лесов (*в ркп.*: лисон) жительницы. Переведено с гишпанского языку на французской, а с того на руской 1747 году маия 10 дня» (№ 733). Назовем рукописи, представляющие интерес для историков: Хронограф в списке XVI в. (№ 871), «Предисловие книги глаголемой Хронограф сиречь летописец, изложение о вере» (список XVI в., № 1273а), «Прилог, сиречь собрание от многих летописец» (список XVII в., № 1188), «История о зачатии и рождении Петра I» (три списка, №№ 738, 760, 992), Соловецкий летописец (список XVIII в., № 1089), сборник конца XVIII в., в котором читаются такие статьи: «Избрание царя Михаила Федоровича», «Второй брак царя Алексея Михайловича», «Рождение Петра Великого» (№ 879), «Судебник» Ивана Грозного (№ 918), «Космография» (список XVII в., № 994).

Особый интерес представляет рукопись, писанная скорописью начала XIX в., в которой читается текст, имеющий такое заглавие: «Краткое сказание о богомерзком житии государя царя и великого князя Ивана Васильевича. Сочинена Григорием Котошихиным. Книга редка, пожалована. Писал с подлинного свитка 1703 г. июня 16 дня».[9]

Мы не будем останавливаться на характеристике рукописей, поступивших в собрание библиотеки Саратовского университета из собрания Братства святого креста и иных собраний. Эта часть современного собрания рукописей Саратовского университета невелика по количеству входящих в нее рукописных единиц и состоит преимущественно из церковно-религиозных текстов позднего времени. Отметим лишь один сборник, писанный разными почерками конца XVII в. (значится под № 2706). В этом сборнике читаются, в частности, такие тексты: Житие Ефросина Псковского, Житие Ефросинии Суздальской, «Житие великой княгини Соломании во иноческом чину преподобныя Софии, суздальския чюдотворицы», «О родослoвии сербских деспот», «Обретение мощей княжны Улияны, иже в Печерском монастыре», «Пренесение мощей Сергия и Германа Валаамских», «Убиение Михаила Ярославича Тферского чюдотворца от безбожного царя Азбяка», «О Соломонии бесноватой», «Убиение

---

[8] Текст «Истории» по этому списку публикуется в издании «Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков». М.—Л., 1960, стр. 129—131 и 277.

[9] Публикация текста этого произведения и его исследование готовятся мною для очередного тома ТОДРЛ.

Андрея Боголюбского», «О блаженной княгине князя Андрея Константиновича нижеградского, именем Василисы, во инокинях Феодора», «О преставлении святого благоверного князя Димитрия Георгиевича Красного галичьскаго. Повесть чюдна», жития Герасима, Галактиона и Игнатия Вологодских, «Повесть о Меркурии Смоленском» и др.

В Саратовском областном музее краеведения также имеется небольшое собрание рукописей. В настоящее время это собрание насчитывает 15 единиц. Все рукописи клерикального характера. Большинство их крюковые (9 списков). Четыре рукописи — списки позднего времени (XIX в.): «История осады Соловецкого монастыря» Денисова, «Стослов», «Книга о правдивой единости правоверных христиан церкви восточной» Захария Копыстенского, старообрядческий сборник, в котором, в частности, читаются: «О низвержении Никона патриарха», отдельные отрывки из «Поморских ответов», «От послания грамоты Димитрия грека толмача новгородскому архиепископу Генадию о белом клобуке» и ряд других статей. Одна рукопись XVIII в. — «Чин исповедания» и одна рукопись начала XVI в. — церковно-служебный сборник. Последняя интересна многочисленными заставками, инициалами и вязью.

Из предложенного обзора рукописей библиотеки Саратовского университета нетрудно убедиться, какую большую научную ценность представляет это собрание. С выходом в свет описания шляпкинского собрания В. Н. Перетца исследователи древнерусской литературы и истории получат исчерпывающие сведения о части рукописного собрания Саратовского университета. Однако бо́льшая часть этого собрания, а именно: собрание П. М. Мальцева, остатки собрания Братства святого креста, поздние поступления, останется для широкого круга исследователей по существу неизвестной. Было бы необходимо, использовав имеющиеся материалы А. А. Гераклитова, составить подробное описание всех рукописей собрания Саратовского университета.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

Н. Ф. БЕЛЬЧИКОВ и Н. П. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Собрание рукописей бывшего Тамбовского губернского архивного бюро

В 1921 г., находясь в Тамбове, мы познакомились с небольшим собранием рукописей и старопечатных книг в губернском Архивном бюро и составили краткое его описание, которое и предлагаем вниманию археографов. В настоящее время это собрание находится в областном архиве. Недостаток времени не позволил нам тогда описать все рукописи с достаточной полнотой. Поэтому при обзоре некоторых встретятся пропуски указаний на размер, количество листов и т. д. Особенно относится это к ранее не описанным рукописям, которых, как видно из нашей заметки, имеется в собрании достаточное число.

Основу собрания Архивного бюро составили рукописи бывшей Тамбовской ученой архивной комиссии. Еще в 80—90-е годы прошлого столетия некоторые члены этой архивной комиссии не только собирали рукописи, но и описывали их и печатали свои описания в «Известиях» Тамбовской архивной комиссии. Такими активными деятелями были И. И. Дубасов, Г. П. Петерсон, А. Н. Норцов, Н. Г. Розанов и др., проявившие серьезный интерес к истории местного края и к историческим документам, освещающим те или иные стороны его истории.

Собиратели сберегли также ряд старопечатных книг, связанных с местным краем, местными интересами, а также сборник народных песен, собранных в Липецком уезде в начале XX в.

Собрание Архивного бюро интересно тем, что оно отражает местные культурные интересы, показывает, что́ привлекало внимание тамбовчан в XVII—XIX вв. Так, например, список комедии Грибоедова «Горе от ума», или «Описание Китая» Спафария, или большое количество сочинений исторического, нравственно-назидательного характера, значащихся среди рукописей XVIII в., свидетельствует о широко культурных запросах и начитанности собирателей и читателей этих произведений, из века в век передававших потомкам эти книжные ценности и тем самым содействовавших распространению книжной культуры в Тамбовском крае.

Наиболее богато и разнообразно в собрании представлен рукописями XVIII век. И это вполне естественно: расширение книгопечатания и распространение печатной продукции отразилось на судьбах рукописной литературы в смысле ее меньшей надобности и тем самым большей ее сохранности и целости у книжных людей.

Культурный характер деятельности Тамбовской архивной комиссии проявился в последние годы ее деятельности и в заслуживающем признания интересе к собиранию частных архивов, к сохранению в копиях документов государственного характера, в попытках довести собранные ценности до широкого круга ученых. Напечатанные комиссией каталоги музея

(составленные А. И. Самоцветовым) и описания фамильных бумаг, семейной переписки и частного архива (составленные А. Н. Норцовым) — бесспорно полезные и ценные источники для советского исследователя.

Предлагая вниманию наш давний труд по описанию Тамбовского собрания, мы надеемся на то, что местные архивные работники уточнят сообщаемые в нем сведения. Так, общими усилиями будут приведены в известность все имеющиеся в Тамбове старинные рукописные книги и документальные материалы, важные для исследователя древнерусской литературы и историка местного края.

Все ранее напечатанные описания отмечаются нами в подстрочных примечаниях к отдельным рукописям. В конце описания каждой рукописи дается шифр (номер), под которым эта рукопись тогда была записана.

Краткое описание рукописей бывшего Тамбовского губернского архивного бюро

I. Рукописи XVII в.

1. Описные книги Кирилло-Белозерского монастыря, 1667 г., на 1134 лл., в 4-ку, скоропись. (№ 788).[1]

2. Сборник, XVII в., 194 лл., в 4-ку, полуустав, переходящий в скоропись XVII в. На л. 18 об. — изображение царя Давида. Содержание: Символ — исповедание веры Афанасия Александрийского, Краткое изложение о вере Анастасия Антиохийского и Кирилла Александрийского, «Изъявление на изображение знамения креста на лице своем»; Устав о Псалтыри (на все лето); Псалтырь, канон, тропари, псалмы избранные, помянник и другие статьи, касающиеся употребления Псалтыри. (№ 1197).

3. Грамматики славенские, XVII в., в 4-ку, в кожаном переплете, на 296 лл., полуустав. (№ 787/1033).[2]

4. Описание Китая Спафария, XVII в.[3]

5. Звезда пресветлая, XVII в.[4]

6. Лечебник, XVII в.[5]

7. «Светописец вкратце».[6]

8. Апокрифическая книга космогонического содержания, XVII в., устав и скоропись, без начала. Содержание: о четырех стихиях, о 12 знаках Зодиака начиная с марта (Овен), о рыбах и птицах, о сотворении человека из 4 стихий (огня, воздуха, воды и земли), об ангелах и битве Михаила с Сатаной, описание рая, о птице Сирине, об изгнании Адама и Евы из рая, о Каине и Авеле, о Сифе, об исполинах, о халдейском царе Немвроде, фантастические сведения о народах, населяющих землю, о царице Семирамиде и пр.[7]

9. Синодик Ильинской церкви Лебедянского монастыря, XVII в.[8]

10. Лицевой синодик Свято-Лебедянского монастыря, XVII в.[9]

11. Летописец, XVII в., в 4-ку, скоропись, в кожаном переплете, на 500 лл. (без начальных листов). (№ 1199).

---

[1] См. подробное описание рукописи: Известия Тамбовской ученой архивной комиссии (далее сокращенно: ИТУАК), в. XIII. Тамбов, 1887, стр. 8—13; в. XIV, Тамбов, 1887, стр. 16—55.

[2] Там же, в. XII, 1886, стр. 7—8.

[3] Там же, в. XL, 1894, отд. I, стр. 17—18.

[4] Там же, в. XLI, 1897, стр. 22—25.

[5] Там же, в. XXIV, 1889, стр. 8—9.

[6] Там же, в. IX, 1886, стр. 8—9.

[7] Там же. в. XIX, 1888, стр. 1—6.

[8] Там же, в. XLV, 1901, стр. 74—78.

[9] Там же, в. XLVII, 1917, стр. 92—119.

12. Столбцы, касающиеся Кадома и Темникова XVII столетия.[10]

II. Рукописи XVIII в.

1. Об ученой экспедиции академика Гмелина 1768—1775 гг. (дневник).[11]

2. «Истинная философия», перевод с французского.[12]

3. А. Л. Шлецер. Трактат о причинах смертности детей, посвященный Екатерине II, автограф.[13]

4. Росписной список боярина и воеводы князя Петра Ивановича Хованского (содержит опись города Киева по случаю сдачи начальствования над ним Хованского генерал-майору Юрию Андреевичу Фамендину в 1700 г.). XVIII в., в 4-ку, 293 лл., скоропись. (№ 789/1035).[14]

5. Автобиография офицера Тамбовской инвалидной команды «Л—ва», начавшего службу в 1737 г.[15]

6. Лечебник, XVIII в., скоропись.[16]

7. «О рождении Петра Великого, отца отечествия, первого императора Всероссийского и о бывших в Москве стрелецких бунтах», XVIII в., в 4-ку, 82 лл., в простом переплете, скоропись. (787/1045).[17]

8. Гистория о храбром воине Кроне, принце 13 мурини, о Алламоде Иосафенко Королевско принце Велуландре и о протчих персонах», XVIII в., 164 лл., скоропись, в цветном переплете. (№ 1204).[18]

9. «Книга Устав воинский и Артикул воинский», XVIII в., в лист, 138 лл., в кожаном с досками переплете, скоропись (копия с издания 1719 г.). (№ 790/1036).

10. «Описание, которое содержит в себе состояние Персицкого государства и того жителей», начала XVIII в., в лист, 258 лл., в кожаном переплете, скоропись (№ 1200).

11. «С новоуказных статей точные копии», середина XVIII в., в лист, 477 лл., в кожаном переплете, скоропись. Содержит копии с указов со времени Михаила Федоровича и Алексея Михайловича до 1715 г. На обложечном листе запись: «Из книг Вешнякова, сенатского секретаря». (796/1042).

12. Иконописный подлинник, XVIII в., в 4-ку, 87 лл., скоропись. (№ 802/1048).

13. «Учение конское и пешее» (конный Артикул), XVIII в., в 8-ку, 56 лл., в кожаном переплете, скоропись. На л. 29 приписка: «У подлинного пишет тако граф Фон Минних». (794/1040).

14. Журнал калмыцким делам, XVIII в. (копия), в лист, в кожаном переплете, скоропись, 689 лл. Охватывает годы 1723 (с июня) по 1725 г. (январь—декабрь). В конце «реестр журнала сего». Приписка на лл. 1—5: «С подлинным концелярист Артемей Карастелев», а также через всю книгу по всем листам его же подпись. (№ 793).

15. «Происки и хитрости воинские, выписанные из историй греческих, латинских и французских, как древних, так и новых во образец и пользу всякого чина военным людям, переведенные с французского на российской

---

[10] Там же, в. XIV, стр. 23—24.
[11] Там же, в. XXXIV, 1892, стр. 50—58.
[12] Там же, стр. 59—62.
[13] Там же, в. XXII, 1889, стр. 69—72.
[14] Там же, стр. 3.
[15] Там же, в. XXVI, 1890, стр. 23—24.
[16] Там же, в. XXIII, 1889, стр. 73
[17] Там же, в. XXI, 1888, стр. 3.
[18] Там же, стр. 5.

язык Иваном Шишкиным в Санктпетерберхе, 1759», XVIII в., в 4-ку, на II + 61 лл., скоропись. Содержание: Заглавие (л. I), «Приношение от сердца французскому дворянству» (л. II и II об.), «Происки и хитрости воинские» (л. 1—61). (№ 1192/1191).

16. «Первых оснований металлургии или рудных дел часть вторая о рудных местах и жилах и о прииске их», XVIII в., 44 лл., в переплете, скоропись. Содержит части 2—5. (№ 1193).

17. Жизнь Кромвеля (4 книги в одном переплете), XVIII в., в 4-ку, 198 лл., скоропись. (№ 1195/1295).

18. «Сочиненное в самой краткости ради знания тем, которые не могут в долгом богословских книг чтении упражняться», XVIII в., в 4-ку, 77 лл., скоропись. Лл. 7—10 — Предисловие, лл. 11—77 — изложение доказательств. На лл. 3—5 — «приношение Елизавете Петровне» — посвящение, подписанное: «Двора вашего Имп. величества всеподданейший служитель Иван Хаменский». (№ 1209).

19. «История о случившихся пременах в правление римския республики, сочинена на французском языке господином Вертетом. Переведена Феодором Бехтеевым. Зачата марта 9-го 1750 г.», XVIII в. На стр. 164 приписка: «конец первыя книги», а внизу другая: «списано набело и просмотрено 20 сент. 1752 г.». Рукопись в лист, 168 стр., в цветной обложке, скоропись. (№ 1206).

20. Сборник, второй половины XVIII в., в лист, 78 лл., скоропись, в кожаном переплете, на лл. 1—76 статьи уложения о земле и порядке наследования земельной собственности, на лл. 77—78 об. — «Указ канцелярии конфискации Елизаветы Петровны» (издан 3 апреля 1747 года в С.-Петербурге); на л. 78 приписка: «Копеист Петр Чурашев». (№ 1205).

21. «Тетрадь дворовая, а в ней пишет бояре и дьяки да князии и детии боярские дворовые Московские землии и приказные людии. Лета 7045 (1537) году». Список XVIII в., в лист, 62 лл., в кожаном переплете, скоропись. На л. 62 об. приписка: «Сия книга его превосходительства генерала поручика и ея импер. величества действительного камергера и кавалера Романа Ларионовича Воронцова». (1201).

22. «Описание погребальной сали (залы), которая была учинена при случившейся смерти всепресветлейшего и всемощнейшего императора Петра великого самодержца всероссийского, отца отечествия» (лл. 2—10 об.), на л. 10 об. приписка: «Преложил на российский язык грыдорованного художества Степан Каровин», XVIII в., в лист, 40 лл., в простой бумажной обложке, скоропись. На лл. 11—39 — церемониальное шествие в день погребения Петра и Натальи Петровны 10 марта 1725 г., с перечнем чинов и знамен с гербами, порядок церемонии, кому где собираться, кому что делать и т. д. (№ 799/1044).

23. «Весьма нечаянное и незапное пришествие Кароля втораго надесять бывшего швецкого короля в государство умерших» (копия с франкфуртского издания 1720 г.), вторая половина XVIII в., в лист, 420 лл., в кожаном переплете, скоропись. (№ 1202).

24. Сборник, первая половина XVIII в., в лист, 173 лл., полуустав, в кожаном переплете. Содержание: «слова» Иоанна Лествичника (лл. 1—170), «Поучение к царем и князем, к епископам и попам и к всем христианам, еже не упыватися» (лл. 171—172), «„Слово“ Иоанна Златоустого о глаголющих, како несть грешным муки» (л. 173). Запись: «Аз иеромонах Феофан сию книгу Лествичник писал во обытели свято-преображенской пустынноскелской за благословением отца нашего игумена иероманаха Прокопия Бочковского. Року (года) 1725 месяца септеврия 3 числа скончил. А что в чем согрешил, прошу о прощение». (№ 791/1037).

25. Акафисты (Троице и святым угодникам), XVIII в. Запись: «Принадлежит сия книга коллежскому советнику Максиму Грекову и писана его же рукою в Добренской его деревне, сельце Липяжках, 1778 году».[19]

26. «Книга великих государей указом и боярским приговором со 154 (1646) году о поместных и вотчинных делах», XVIII в., в лист, 700 лл., в кожаном переплете, скоропись, 78 глав. (№ 1203).

27. Сборник тяжебных дел, XVIII в., 1022 лл., скоропись разных почерков, в кожаном переплете, одна крышка утеряна. На лл. 1—736 — спорные земельные дела, на лл. 739—1022 — дело Воронцова и Федьки Костомарова и др. (№ 1210).

28 «Экстракты, выбранные из законов Юстиц-коллегии» (52 главы), XVIII в., в лист, 340 лл., в кожаном переплете, скоропись. (№ 795).

29. Сборник, XVIII в., в 4-ку, скоропись, в коленкоровом переплете. Содержит церковно-богослужебные статьи (среди них есть житие Иоанна Златоуста). (№ 1208).

30. Тетрадь старинных чертежей и планов г. Москвы, XVIII в.[20]

31. Житие Петра Великого императора, перевод Стефана Писарева, СПб., 1744 г., XVIII в., в кожаном переплете. На первом ненумерованном листе запись: «Рукопись эта принесена в дар Тамбовскому музею священником села Ростошей Борисоглебского у., Василием Алексеевичем Разумовым. 1903 года Января 20 дня».

32. Акафист Димитрию Ростовскому, конец XVIII в., в 4-ку, 13 лл., в кожаном переплете, полуустав. (№ 1196).

33. «Опыт ясного изображения важнейших истин новой философии...», сочиненный Ц. Г. Кизеветтером (копия с издания: Берлин, 1788), конца XVIII в., в малый лист, 126 лл., скоропись, в переплете. (№ 804).

34. Апокалипсис седмитолковый (лицевой).[21]

35. Дневник путешествия графини П. К. Сухтелен в Ригу.[22]

III. Рукописи XIX—XX вв.

1. Описание Липецких минеральных вод (Ивана Пфелера), XIX в., 102 стр., в темно-зеленом шелковом переплете, скоропись. Датировано: «М., 1804 г.». В приложении раскрашенный рисунок: «Вид Липецких минеральных источников». (№ 805).

2. «Хозяйственная книга», первая четверть XIX в., в 4-ку, 299 лл. скоропись. Содержит сведения хозяйственного характера и рецепты приготовления солений, варений, квашений, наливок, настоек и. т. п. (№ 801/1047).

3. «Горе от ума» Грибоедова, XIX в., 136 стр., в 4-ку. (№ 803/1046).

4. Сочинения Сведенборга «о духовном мире», середина XIX в., в 4-ку, 574 стр., в кожаном переплете. 177 параграфов (№ 800).

5. «На день открытия памятника тысячелетия России 1862... усерднейше посвящает... Евгения Сеславина», XIX в., в малый письменный лист, 15 лл., в муаровом переплете, украшена виньетками, на титульном листе на фоне желто-голубого неба изображение памятника.

6. Молитвенник, XIX в., в 8-ку, 102 лл., в кожаном переплете, скоропись. (№ 1198).

7. Речь московского митрополита Платона, произнесенная в Успенском соборе после коронования Александра I в 1801 г. 15 сентября, конец XIX в. в 4-ку, 8 лл., скоропись, без переплета. (№ 806/714).

---

[19] Там же, стр. 3.
[20] Там же, в. XXII, стр. 3.
[21] Там же, в. XLIII, 1898, стр. 29—33.
[22] Там же, в. XXI, стр. 3.

8. Сборник, конец XIX в., в 4-ку, 23 лл., скоропись, без переплета. Содержание: «Сон богородицы», «Сказание о 12 пятницах», «Святое письмо», «Слово и похождение богородицы».

9. Народные песни, собранные в Липецком уезде Семеном Кудрявцевым в 1902—1906 гг., тетрадь.

10. Оглавление рукописи «Летописец вкратце», составлено в августе—декабре 1913 г. А. И. Самоцветовым «на память и на руководство потомству и для облегчения труда пользования рукописью при её чтении», в лист, 56 лл., без переплета.

11. Каталог предметам, хранящимся в Музее Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1916. Составлен А. И. Самоцветовым (о рукописях см. стр. 34—37). (№№ 780—807).

IV. Отдельные фонды и собрания

1. Собрание фамильных бумаг, семейная переписка, записные книги, копии с редких указов, крепостные акты (20 столбцов относятся к XVII, XVIII и началу XIX в.).[23]

2. Архив графов Канкриных—Ламберт—Сухтелен.[24]

3. Рукописи Тамбовского музея XVIII—XIX вв.[25]

4. Рукописи Саровского монастыря:

а) Повесть Иоанна о начале монастыря, 1692 г.;

б) Повесть об обращении раскольников в Керженце и Беловеже Иоанном, 1708 г., в 4-ку;

в) Устав Саровской пустыни, 1710, в лист;

г) Краткая записка о пустыни с биографиями семи строителей монастыря (до 1789 г.);

д) Рукописи 1710 г., в 4-ку.[26]

V. Старопечатные книги

1. Синодик, XVIII в., в лист, 80 лл. На первом листе приписка: «Церковный, села Рудовки воскресения Христова». На лл. 1—30 гравюры и заставки, раскрашенные яркими красками от руки. Под гравюрою 39 надпись: «Wasilei», что дает основание предполагать, что синодик является произведением московского гравера на меди Василия Андреева (XVII в.). (№ 861).[27]

2. Синодик, XVIII в. в лист. (№ 862).[28]

3. Синодик, или помянник, XVIII в., в лист, 43 лл. На обложечном листе приписки: 1) «Сей синодик принадлежит села Нового Гаритова Архангельской церкви», 2) «Сей синодик или помянник принадлежит села Нового Гаритова Архангельской церкви всем священноцерковным служителям». Лл. 1—42 заняты гравюрами. Л. 43 и следующие оставлены пустыми. (№ 860).

4. Лечебник (травник), 1817 г.

5. Мордовская грамматика, составленная профессором Тамбовской духовной семинарии М. Орнатовым, 1858 г.[29]

---

[23] См. подробнее: ИТУАК, в. XVII, 1887, 3 стр.

[24] Общий обзор документов см.: А. Н. Норцов. Архив графов Канкриных-Ламберт-Сухтелен. Тамбов, 1910, стр. 1—54.

[25] См. подробнее: ИТУАК, в. XVIII, 1887, стр. 67—90 (Рукописи Тамбовского губернского музея).

[26] А. Н. Норцов. Археологическая поездка по Темниковскому уезду Тамбовской губ. в августе 1901 г. (Доклад). Тамбов, 1902 (о рукописях см. стр. 32—33).

[27] См. подробнее: ИТУАК, в. XXXV, 1892, стр. 57—65.

[28] См. подробнее: там же, стр. 65.

[29] Там же, в. XXIII, 1889, стр. 5.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

И. Н. ЗАВОЛОКО

Собрание рукописей и старопечатных книг Д. Н. Першина и И. В. Дорофеева в Рижской Гребенщиковской общине

Давно известно, что в собраниях рукописей и старопечатных книг старообрядческих общин хранятся ценнейшие памятники древнерусской письменности. Кто из археографов не знает собрания Рогожской старообрядческой общины, хранящегося сейчас в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, в котором находятся уникальные произведения старорусской культуры, такие, как например Рогожский летописец и многие другие. Знаменитое собрание Е. Е. Егорова, ныне находящееся в той же библиотеке им. В. И. Ленина, своим происхождением тоже связано с одной из московских старообрядческих общин. В библиотеках действующих ныне общин Москвы, Ленинграда, Вильнюса, Полоцка, Витебска, Астрахани и многих других городов имеется немало ценных рукописей и старопечатных книг. С сожалением следует отметить, что, кроме В. И. Малышева, никто из археографов этими собраниями не интересуется.

Большое и очень ценное собрание рукописей и старопечатных книг принадлежит Гребенщиковской старообрядческой общине в г. Риге. В ее книжнице сосредоточено около двухсот рукописей XV—XIX вв. и большое количество весьма ценных старопечатных изданий XVI—XIX вв. Это среди ее рукописей оказался второй список «Слова о погибели Рускыя земли». О некоторых редких рукописях этого собрания было сообщено уже в печати,[1] но полного описания книгохранилища до сих пор еще нет.

В 1958 г. книжница общины пополнилась новыми материалами, среди которых наибольший интерес представляет собрание рукописей и старопечатных книг Дмитрия Николаевича Першина, жителя г. Коврова Владимирской области, поступившее сюда после его смерти (умер в 1957 г.), согласно завещанию владельца.

Д. Н. Першин — старообрядец, беспоповец, был большим собирателем и любителем старинных рукописей и книг. Основанием его собрания послужили книги, принадлежавшие его матери, урожденной Онуфриевой, из г. Москвы. Многие книги он приобрел сам во время поездок в Москву и Ленинград, некоторые рукописи ему доставали знакомые антиквары и владимирские и московские старообрядцы. Значительная часть его собрания за последние годы растерялась.

Всего в общину поступило 74 книги. Большинство их составляют старопечатные книги и монографии по вопросам иконописания и палеографии. Здесь есть труды А. и М. Успенских, И. И. Срезневского, В. В. Стасова, Прохорова и др. Рукописных книг оказалось всего 13. Четыре из них XVII в., остальные относятся к XIX в.

---

[1] См.: ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, стр. 185—188; т. VII, М.—Л., 1949, стр. 465—466; т. X, М.—Л., 1953, стр. 493.

Среди рукописей следует выделить сборник сочинений (поучения, завещания, устав) Нила Сорского (XVIII в.), исторический очерк старообрядцев «Спасова согласия», Алфавит духовный (XVIII в.), «Ответы» аввы Варсонуфия и Тактикон (писец Маврикий скрыл свое имя при помощи простой литореи — тайнописи) и др.

В художественном отношении интересны рукописи крюкового наречного пения: «Трезвон» и «Осмигласник». Эти рукописи богато украшены заглавными буквами, заставками цветочного орнамента, выполненного в красках и золоте. Миниатюры их исполнены в реалистической манере. Так, лес, зелень, цветы, архитектурные детали переданы вполне реалистически. Крестьяне изображены в народных одеждах и лаптях, молящиеся нарисованы в черных азямах со старообрядческими лестовками в руках. Переписчиком рукописи был житель дер. Месцево Рамено-Гуслицкого района Григорий Прокопьев, сохранивший в своем письме все особенности так называемого гуслицкого стиля.

Основную часть собрания Д. Н. Першина, как отмечено выше, составляют старопечатные издания. Их насчитывается 38 единиц. По содержанию преобладают книги богослужебные (20) и учительные (16). По времени издания они распределяются так: XVI в. — 1, XVII в. — 27, XVIII в. — 2, XIX — 8. Среди изданий есть напечатанные в подпольных старообрядческих типографиях (сборник «Вечная правда», Чин погребения, Цветник, Страсти Христовы и др.).

Среди старопечатных отметим следующее: «Книга бесед» Василия Великого (Острог, 1594), Евангелие учительное (Киев, 1619), «Беседы» Иоанна Златоуста (Киев, 1623), «Лествица» Ивана Лествичника (М., 1647), Ефрем Сирин (М., 1652), Диоптра (1654), Скрижаль (М., 1654) и др.

На Паренесисе Ефрема Сирина имеется следующая запись: «Сия книга Семена Димитриева сына Румянцева, а благословил сею книгою ево Семена благовещенский протопоп Стефан Внифатович в лето 7164 (1656) сентября в 15 день». Любопытно отметить, что протопопа Аввакума Стефан Вонифатьев благословил тоже книгой Ефрема Сирина. В автобиографии Аввакум пишет: «Духовник царев Стефан Вонифатьевич благословил меня образом Филиппа митрополита да книгою Ефрема Сирина... А я, окаянной, презрев благословение... ту книгу брату двоюродному... на лошедь променял» (см.: РИБ, т. 39. Л., 1927, стр. 215).

На этой же книге, на л. 39, есть интересная помета о комете: «181 (1673 г.) году ходила звезда, называемая комета, от нее лучи поларшина вверх». Имеются ценные приписки и на других старопечатных книгах и рукописях.

Собрание бывшего наставника Гребенщиковской общины Игнатия Владимировича Дорофеева поступило в общину после его смерти в 1951 г. Большинство его материалов, книжных и рукописных, попало в руки рижских коллекционеров. В настоящее время в его собрании насчитывается 10 рукописей и 72 печатные книги, среди которых есть издания XVII в., редкие старообрядческие сочинения (издания подпольных типографий XVII в., варшавские и львовские издания), труды по палеографии, иконописанию, крюковому пению и т. п. Ниже приводятся краткие сведения о рукописях его собрания.

1. Житие Андрея Юродивого, XIX в., в 4-ку, 199 лл., поморский полуустав, переплет.

2. Сборник, XIX в. (начало), в 4-ку, поморский полуустав, 40 лл., переплет.

3. Часовник, XIX в., в 4-ку, 242 лл., поморский полуустав, переплет.

4. Канонник, XIX в., в 4-ку, 35 лл., поморский полуустав, переплет.

5. Чин крещения, XIX в., в 4-ку, 35 лл., поморский полуустав, переплет.

6. Святцы и месяцеслов, XIX в., в 8-ку, 164 лл., поморский полуустав, переплет.

7. Стихеры погребальные, в 8-ку, 256 л., поморский полуустав, переплет.

8. Октоих, крюковой, XIX в., в 4-ку, 84 лл., поморский полуустав.

9. Трезвоны, крюковые, XIX в. (начало), в 4-ку, 162 лл., поморский полуустав, переплет.

10. Прокимны и Евангельские чтения, XIX в. (начало), в 8-ку, 116 лл., поморский полуустав.

Историк древнерусской письменности и искусства может найти для себя и другие интересные сведения в собраниях Д. Н. Першина и И. В. Дорофеева. Наша задача была обратить внимание на эти собрания.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

И. Ф. ГОЛУБЕВ

Рукописные и старопечатные книги в краеведческих музеях городов Калязина и Кашина Калининской области

В августе 1957 г., по поручению Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР, я побывал в городах Калязине и Кашине с целью ознакомления с рукописными и старопечатными книгами, хранящимися в музеях этих городов. Калязин и Кашин, районные центры Калининской области, — старинные города бывшего Тверского края, с многовековой историей. Однако интересующего меня материала в этих городах оказалось очень мало.

В Калязинском краеведческом музее нашлось всего четыре рукописи XV—XVI вв:

1 (851).[1] Слова Григория Богослова, второй половины XV в., в лист, 378 лл., полуустав. Заглавия и начальные буквы написаны киноварью. Водяные знаки: небольшая голова вола, гроздь винограда, якорь.[2] В конце рукописи имеются две записи XVIII в. (одна из них 1761 г.) о том, что книга писана «преподобным» Паисием и что это установил архимандрит Покровского монастыря Геннадий путем сличения ее с рукописным Евангелием, писанным тем же Паисием и находившимся в Покровском монастыре.[3]

2 (193). Четвероевангелие, 1533 г., в лист, писано полууставом в Калязинском монастыре, о чем свидетельствует послесловие: «В лето 7041 (1533) в обители живоначальныя Троиця. . . и. . . отца нашего Макария новаго чюдотворця при державе государя. . . великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси в богомолии его в Колязине монастыри по благословению игумена Евфимия написано бысть евангелие сие на престол, а писал се евангелие Афанасий инок-диакон белозерец Ферапонтовский постриженик». В начале рукописи имеются красивые заставки, инициалы растительного орнамента. Бумага с водяным знаком — буквой «N» и именем фабриканта «Jean Nivelle». Рукопись была реставрирована, по-видимому, в начале XIX в.; на переплете (доски, обтянутые красной камкой) — аляповатые жестяные угольники и середник. Обрез рукописи золотой с тиснением.

3 и 4 (853 и 854). Два сборника житий из Пролога, XVI в., оба в 4-ку, первый — на 245 лл., второй — на 477 лл. Писаны полууставом одним

[1] В скобках здесь и далее указывается инвентарный номер книги и памятника письменности в музее.

[2] Две последних филиграни близки к №№ 3702 (1493 г.) и 2934 (1463 г.) в альбоме Н. П. Лихачева: Палеографическое значение бумажных водяных знаков, т. 3, СПб., 1891.

[3] Очевидно, имеется в виду Паисий (в миру Павел Гавренев), постриженик Макария Калязинского монастыря и основатель Угличского Покровского монастыря. Умер в 1504 г.

писцом, на бумаге с водяными знаками — готическая буква «Р» и перчатка.[4] В первой рукописи имеется запись скорописью конца XVII в.: «Сия книга соборник Колязина монастыря церковной» — и на л. 243 помета почерком XVIII в.: «1603 году». Во второй рукописи также имеется запись XVII в. (на л. 477 об.) следующего содержания: «А сию книгу игумен Иасаф положил в святыа живоначальной Троицы Колязина монастыря по себе и по своих родителех». Обе книги в деревянных переплетах, обтянутых кожей с тиснением в косую клетку.

Из памятников документальной письменности в Музее имеется хорошо сохранившаяся жалованная тарханная грамота Алексея Михайловича (от 1655 г.) на беспошлинную покупку для монастыря разных припасов. Грамота писана на пергамене с заставкой и инициалом, выполненными золотом. Внизу грамоты вислая печать красного воска.

Кроме того, в музее хранится 9 старопечатных книг. Из них прежде всего обращает на себя внимание «Апостол недельный» конца XVI или начала XVII в. (№ 849). Листы в начале и конце книги утеряны, некоторые порванные в середине книги листы подклеены, и недостающий текст на них дописан от руки поздним почерком. Шрифт, украшения (гравированные заставки, инициалы, концовки) книги показывают, что она относится к книжной продукции Москвы конца XVI—начала XVII в. Возможно, что «Апостол» напечатан учеником Ивана Федорова — Андроником Невежей или его сыном, внешний вид книги напоминает их издания.

Далее, следует отметить «Акафистник» 1674 г. (№ 854). Он интересен своими украшениями. Помимо типичных для продукции типографии Киево-Печерского монастыря гравюр, в книге много небольших, частью раскрашенных, частью отпечатанных золотой краской рисунков на желатине (слюде) с латинскими надписями, а на одной с армянской надписью. На некоторых гравюрах есть очень мелкая подпись, которую можно прочитать как «Merlen». Все гравюры даны на отдельных листах и снабжены прокладками из красной тафты, вделанной в бумажные рамочки.

Назовем еще Евангелие 1688 г. (№ 850) с миниатюрами евангелистов, заставками, инициалами и концовками. По листам книги имеется вкладная запись: «Лета 7198 (1690) году июня в 15 день, сие святое евангелие напрестольное построил дому болярина и дворецкого и оружничего Богдана Матвеевича, зовомого Иова Хитрово, и жены его, вдовы болярыни Марины Ивановны, человек их Василей Василиев сын Зыков. Строил по своему обещанию живоначальныя Троицы в церковь преподобнаго отца Макария чудотворца в Колязин монастырь для вечнаго поминовения рода своего». Переплет — доски, обтянутые красным бархатом, — современный рукописи.

Из печатных книг XVIII в. укажем: Русская летопись по Никонову списку (две части), издание 1763 г.; «Русский временник», издание 1790 г., и два «Летописца» (оба изданы в 1781 г.).

В Кашинском краеведческом музее хранится архив (точнее часть его) местного купца И. Я. Кункина, бывшего членом Тверской ученой архивной комиссии. В двух папках с бумагами этого купца среди личных документов оказались материалы, имеющие историко-литературный интерес.

1 (2703). Тетрадка со сказкой о Бове королевиче, 1779 г., на 24 лл. Полное заглавие: «Сказание о добром и славном о короле Видоне, как он женился на прекрасной кралевне Миликтрисе и породил детища храброва Бову Королевича». На л. 24 об. помета тем же почерком: «Списал 1779 году».

---

[4] Близки к №№ 1550 (1529 г.) и 1445 (1514 г.) в альбоме Н. П. Лихачева.

2 (2812). «Ведомость из Ада» (адская газета), конца XVIII в., на 2 лл.

3 (2820). «Просьба, поданная в небесную канцелярию», конца XVIII в., на 3 лл. Содержание: жалоба экономических крестьян о поборах и насилиях от земского секретаря, приказных, сотских.

4 (2724). Тетрадь с записями народных песен, второй половины XIX в., на 4 лл.

5 (2807). Тетрадь, второй половины XIX в., на 12 лл. Содержит: отрывок из поэмы А. С. Пушкина «Братья-разбойники», пародии на Булгарина, Песоцкого, Варяга, Язвинского, Межевича, Греча и др., стихотворение Н. Мятлева «Фонарики».

6 (2809). Тетрадь, второй половины XIX в., на 17 лл., со стихотворениями Никитина, Некрасова, Ф. Глинки, кн. Вяземского, Ознобишина.

7 (2794, 2796, 2802, 2819). 4 сатирических стихотворения о русско-японской войне 1904—1905 гг.

8 (2792, 2795, 2799, 2800, 2805, 2806, 2810, 2817, 2818). 9 сатирических стихотворений периода революции 1905 г.: о царе Николае II, министре Витте, жандармах. Стихотворения эти частью писаны от руки, частью печатались на пишущей машинке на отдельных листах.

В этих же двух папках находятся также документы XVII—XVIII вв. Кашинской воеводской канцелярии, отдельных местных монастырей, некоторых кашинских помещиков. К сожалению, из-за кратковременности командировки мне не удалось более подробно ознакомиться с данными материалами.

В Кашинском краеведческом музее имеются также старопечатные книги XVII—XVIII вв. Из них интерес представляет Евангелие [М., 1685 г. (№ 1196)], напечатанное на листах большого формата крупным шрифтом, с гравюрами. По листам книги находится запись от 1699 г.: Евангелие дал вкладом в соборную церковь г. Кашина «государева книжнова двора олифляного дела мастер Левонтей Григориев сын Шокуров, родом кашинец». Есть две Библии издания 1756 и 1762 гг. (№№ 5094 и 5092) с гравюрами «подмастерья Василия Иконникова».

Следует заметить, что в Кашинском музее не ценят и не берегут старинные издания. В момент моего посещения музея ценные книги XVII—XIX вв. числом в несколько десятков лежали в сыром непроветриваемом помещении (внизу той же церкви, где помещается музей), были покрыты огромным слоем пыли и плесенью. Об этом печальном факте я тогда же сообщил в Отдел культуры Калининского облисполкома.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

А. В. ФЛОРОВСКИЙ

Собрание рукописей А. Д. Григорьева в Славянской библиотеке в Праге

В состав Отдела рукописей основанной в 1925 г. в Праге «Славянской библиотеки» входит, между иными, несколько десятков рукописей, собранных на пороге XIX и XX столетий на севере России русским профессором А. Д. Григорьевым.[1] Эти рукописи являются лишь частью найденных и приобретенных Григорьевым рукописей во время его трехкратной поездки в пределы Архангельской губернии для собирания памятников народного творчества. Значительное количество приобретенных тогда А. Д. Григорьевым рукописей было передано им в Библиотеку Академии наук, по поручению которой собиратель совершал свои поездки по русскому северу.[2]

Это обстоятельство нужно особо учитывать для того, чтобы правильно оценить и понять самый состав пражской коллекции, составляющей лишь часть большого собрания, в целом могущего характеризовать более полно и отчетливо самый круг письменных памятников, встреченных А. Д. Григорьевым в деревнях и селах Архангельского края, и состав той письменной традиции, которая сохранялась в этом районе России к началу нашего века.

При проводимом сейчас широком обследовании состава этой рукописной традиции в разных концах России деятельность А. Д. Григорьева в этом направлении может быть надлежаще учтена и оценена, если иметь в виду именно всю полноту обнаруженных им памятников старорусской письменности.

Обозревая пражское собрание рукописей А. Д. Григорьева в его целом, можно сделать несколько общих замечаний и заключений. По своему составу оно отражает позднюю севернорусскую поморскую рукописную традицию, поскольку в основном тут представлены старорусские литературные тексты по преимуществу в списках XVIII и XIX вв. Это лишний раз подтверждает, что переписка текстов разнородного содержания и ха-

---

[1] Незадолго до смерти А. Д. Григорьев передал свое собрание старорусских рукописей в Славянскую библиотеку в Праге, а личный архив, подготовленные к печати труды, подготовительные материалы к исследованиям и т. п. были переданы им в Чешскую Академию наук.

[2] См. его отчет о поездке в 1899 г.: ИОРЯС, т. VI. СПб., 1900, кн. 2, стр. 648 и сл. Отчеты о второй и третьей поездках см. в «Отчете о деятельности Отделения русского языка и словесности Академии» за 1900 и 1901 гг. (СОРЯС, т. 71. СПб., 1902, стр. 26, 28, 29 и др.).

рактера сохраняла свое значение в этих краях и в то время, когда печатная книга была уже общедоступной, хотя и далеко еще не отражала и не передавала всего литературного запаса и материала, занимавшего внимание и привлекавшего интерес провинциального и деревенского читателя.

С другой стороны, наличность в собрании А. Д. Григорьева этих поздних списков позволяет в известной мере проследить позднюю судьбу старорусских текстов. При ближайшем анализе этих пражских списков, возможно, обнаружится и кое-что существенное для литературной их истории вообще.

По своему составу собрание А. Д. Григорьева — при всей случайности и отрывочности — дает возможность наблюдать судьбу двух слагаемых старорусской книжности на русском севере. С одной стороны, тут представлена в более или менее традиционном составе религиозная и церковно-поучительная литература, восходящая к весьма старой переводной традиции и к известным и в позднейшей печати сборникам: Прологу, Измарагду, Патерикам, Ирмологию и т. д. С другой стороны, тут имеется довольно значительный подбор повествовательной литературы, как связанной с церковно-учительной и апокрифической литературой, так и уже вполне светской. Подчеркнем, что тут имеются — рядом с притчами о семи мудрецах, о царице и львице и т. п. — и такие повести, как о царице Персике, о королевиче испанском Франце и т. п. Собрание А. Д. Григорьева позволяет заглянуть в библиотеку одного из недурно, видимо, грамотных и любивших книгу, чтение и переписку родов крестьян Поморья, а именно рода Верещагиных, в кругу которого в течение нескольких поколений культивировался этот интерес к книге и рукописи. Тут собрание Григорьева помогает поставить и вопрос о той социальной и территориальной среде, которая хранила у себя старорусскую рукописную и книжную традицию.

Заслуживает, конечно, особого внимания и литературный материал местного архангельского характера, касающийся отчасти местного старообрядческого общества, далее — местного церковного культа (тексты и чтения о чтимых в крае святых местного происхождения и подвига) и т. д. И не связанные с этими основными типами текстов и с местными отношениями отдельные рукописи имеют тут свое известное значение. Полагаю, что особого внимания заслуживает список Судебника 1497 г., подробное обследование которого я имею в виду произвести особо.

При обзоре состава пражского собрания старорусских рукописей А. Д. Григорьева мы следуем данному им самим распределению рукописей по группам в зависимости от места их приобретения и отчасти содержания и общего характера. Это распределение дано А. Д. Григорьевым в списке рукописей, вместе с которым они были сданы в Славянскую библиотеку и хранятся здесь в соответствии с классификацией А. Д. Григорьева.

Полагаем, что эти указания собирателя о месте приобретения той или иной рукописи представляют существенный интерес для изучения условий сохранения памятников старорусской письменной традиции и для характеристики общей обстановки культурной жизни далекого русского деревенского севера.

В. Д. Кузьмина, побывавшая в научной командировке в Чехословакии, опубликовала в приложении к своему отчету краткие сведения о собрании А. Д. Григорьева.[3]

---

[3] В. Д. Кузьмина. Научная командировка в Чехословакию. — ИОЛЯ, т. XVIII, 1959, в. 2, стр. 188—190.

I. Рукописи с р. Пинеги, Архангельской губернии

а. Светские

1. Сборник, XVII в., полуустав, 103 лл., в 4-ку. Из с. Красного Кобалевского. Содержание: л. 1 — Поведание о Мамаевом побоище; л. 38 — «Повесть о начале Москвы»; л. 42 об. — отрывок какого-то поучения, без конца; л. 43 — «Хождение» Трифона Коробейникова; л. 91 — Послание от Леуия царя трех мужей в Вавилон; л. 94 — Повесть о царице Динаре.

2. Сборник, XVIII в., 104 лл., в 4-ку. Содержание: л. 1 — Повесть о Григории папе; л. 9 — Слово св. Исаии пророка о втором пришествии Христа и о пришествии Антихриста; л. 19 — Слово 26 июня о прении апостола Петра с Симоном Волхвом; л. 22 — Слово 11 октября св. Афанасия об иконе Господа нашего Исуса Христа; л. 23 об. — Повесть о крестном сыне; л. 31 об. — выписка из проповеди, сказанной в Москве в 1742 г. архимандритом Дмитрием Сеченовым; л. 37 — «Сказание о Монасе Иерониме, како его бес прелстил», и т. д.; л. 39 об. — «Месяца ноября в 6 день представление святого отца нашего Николая Чудотворца и како удари Ария окаянного»; л. 45 — Слово Григория папы римского; л. 49 об. — «Выписано из Библии и от премудрых философских бесед от Евангелия и апостол». Вопросы и ответы. «1. Как первое имя Господу Богу?». Ответ — Эммануил, и т. д.; л. 50 об. — Иерусалимский свиток; л. 55 — Житие и страдание св. мученика Никиты; л. 60 — Слово Иоанна Златоустого об умилении души; л. 77 об. — Оглавление книги Цветник священномученика Дорофея о мытарствах; л. 78 — Повесть о царице и львице; л. 103 об. — Оглавление правил Никейского собора.

3. Сборник, XVIII в., 94 лл., в 4-ку, в переплете. Рукопись из дер. Карпова Гора. Содержание: л. 1 — апокриф об Иуде, без начала; л. 3 — Повесть о Мамаевом побоище; л. 39 — «Летописец написан вкратце» (несколько летописных заметок); л. 41 об. — «Повесть о начале Москвы»; л. 44 об. — Чудо св. Василия о Иосифе евреине; л. 47 — Об исцелении Христом слепого; л. 47 об. — Поучение; л. 49 — Хождение Трифона Коробейникова; л. 88 об. — Сказание о Вавилоне граде; л. 91 — Повесть о царице Динаре.

4. Сборник, конца XVIII в., 111 лл., в 4-ку, бумажная папка. Куплен в дер. Карпова Гора. Содержание: л. 3 — Страсти Христовы; л. 41 — апокриф об Иуде; л. 56 об. — молитвы (богородице и др.); л. 59 — Хождение богородицы по мукам; л. 69 — выписки из книги Бытия и из Евангелия; л. 72 — Чюдо св. Николая о ковре; л. 79 — История об испанском королевиче Франце Имельделефе и о Роксане Великобританской; л. 100 — апокрифические сказания о событиях после смерти Христа, гл. 38 и сл. В конце сборника приписано: «Писал сии страсти крестьянин Ковролского уезда Карпогорской воласти Василий Верещагин 18 марта 1799 г.».

5. Сборник, XIX в., 53 лл., в 4-ку. Содержание: л. 1 — Житие Сергия Радонежского (Епифания Премудрого), без конца; л. 15 — «Сказание об Адаме и Еве и о блаженных людех, кои нарицаются нагомудрецах, сиречь рахманы»; л. 37 — рассказ о событиях Нового Завета от рождества Христова до успения богоматери; л. 41 — Сказание о Казанской иконе божией матери, без начала; л. 47 — отрывок из Хождения Трифона Коробейникова; л. 48 — Повесть и ирмос, главы 6—9; л. 50 — молитва богородице, «певаема кому будет беда или напасть»; л. 51 — молитва ангелу хранителю.

6. Хождение Трифона Коробейникова, XIX в., 15 лл., в 4-ку.

7. Сборник, XVIII в., 24 лл., в 4-ку. Содержание: л. 1 — Повесть о царице и львице; л. 24 — молитва богородице; л. 24 об. — три молитвы — Иоанну крестителю, богородице и молитва «Отче наш».

8. Повесть о царице и львице, XIX в., 20 лл., в 4-ку, в переплете.

9. Повесть о царице и львице, XIX в., 88 лл., в 4-ку.

10. Повесть об Аполлонии короле Тирском, XVIII в., 31 лл., в 4-ку. Куплена в Карпогорской округе.

11. Повесть об испанском королевиче Франце и английской королевне Роксане, XVIII в., 18 лл., в 4-ку. Куплена в Карповой Горе на р. Пинеге.

12. Свиток Иерусалимский, XIX в., 44 лл., в 4-ку. На л. 4 читается: «Еще новость — Гамбургский архиепископ фон Констанс оставил по себе в 1497 г. 12 предсказаний», между прочим о предстоящем в 1823 г. рождении у славного монарха сына, который скоро умрет, и т. п.

13. Иерусалимский свиток, 1 л., в 4-ку.

14. Житие Петра Первого Петра Крекшина, XIX в., 52 лл., в 4-ку. Переписал с печатного крестьянин Карпогорской волости Верещагин.

15. Травник, XIX в., 14 лл., в 4-ку. Рукопись принадлежала крестьянину Василию Верещагину.

16. Лечебник, XIX в., 15 лл., в 4-ку.

17. Страсти Христовы, XVIII в., 75 лл., в 4-ку.

18. Повесть о крестном древе (апокриф), XIX в., 9 лл., в 4-ку.

19. Сборник, XIX в., 10 лл., в 4-ку. Содержание: л. 12 — Беседа трех святителей; л. 7 — Сон богородицы.

20. Страсти Христовы, XVIII в., 31 лл., в 4-ку. На рукописи пометы 1778, 1780 гг., без начала, главы 2—40. Григорьев полагал, что эта рукопись, может быть, имела какую-то связь с рукописью № 17.

21. Описание приключений шкипера поморского Константина Верещагина. Вполне возможно, что это автограф составителя; писано в самом начале XIX в. Рассказ касается морской службы К. Верещагина в последние годы XVIII в. и в самом начале XIX в. вплоть до воцарения Александра I. Составлено это описание после выхода автора в отставку. «Уединение заставило сочинить», автор испытывал «душевное повеление» рассказать о своих приключениях. Служил он во флотилии на р. Пинеге. В описании много подробностей о тяжелых условиях службы, о жестоком режиме, побоях, голодовках и т. п.

22. Рукописный задачник, XIX в., 19 лл., в 4-ку. Из рукописей семьи Верещагиных.

23. Записная книга доходов и расходов семьи Верещагиных, 20 лл., в 4-ку. Записи 70-х годов XIX в. о получках или выдачах за подводы, мыло, гвозди, сиги, получении долгов и т. п. К записной книге приложено три типичных солдатских письма 1874 и других годов и три расписки о получении денег.

24. Сборник, XIX в., 22 л., в 8-ку. Помета: «Сия тетрадь Каргопольской волости крестьянина Константина Верещагина». Содержание, л. 1 — «Поема солдатской жизни»; л. 10 об. — разные рецепты и правила фокусов, всего 20; л. 21 — Аптека духовная.

6. Рукописи главным образом культового содержания

1. Триодь постная, XVI в., 234 лл., в 16-ю долю листа, без переплета. Куплено в дер. Карпова Гора.

2. Сборник чудес Зосимы и Савватия соловецких, XVIII в., 61 лл., в 4-ку, без конца.

3. Сборник молебнов, XVII в., 34 лл., без начала и конца.

4. Молитва ангелу хранителю, XIX в., 2 лл., в 4-ку.

5. Тропник Иннокентия III папы римского, XVII в., 126 лл., в 4-ку, в переплете из досок. Куплено в дер. Карпова Гора.

6. Служебная Минея, XVI в., 270 лл., в 4-ку. Куплена в городе Онеге у мещанина А. Г. Казурина.

7. Звезда пресветлая, XVIII в., 39 лл., в 4-ку. Куплено в дер. Карпова Гора. Неполный текст.

8. Сборник, начала XVIII в., 355 лл., в 4-ку, в переплете. В 1722 г. принадлежал Ивану Ивановичу Скоморохову. На л. 354 — помета, что эта книга принадлежала архангельскому мещанину Семенову и затем его сыну Ивану. В состав книги входят: статьи о VIII соборе, о Мартине Лютере и ереси его, Прения (два) св. Илариона Меглинского, Сказание о разорении Соловецкого монастыря Семена Денисова и Соловецкая челобитная.

9. Выписки из чина поставления в священники и в диаконы, XVIII—XIX вв., 15 лл., в 4-ку, в папке. На лл. 1—10 — вопросы — «Что есть бог», далее о таинствах и т. д.; на лл. 11 и сл. — вопросы и ответы о символе веры, всего 21 вопрос.

10. Синодик, XVIII в., 48 лл., в 4-ку. Куплен в дер. Карпова Гора. Содержание: л. 1 — поминальные молитвы; л. 14 и сл. до конца — имена поминаемых лиц, на первом месте патриархи, архиепископы архангельские и холмогорские, далее цари (последнее имя Анны Ивановны), члены царской семьи (последнее имя — царевна Наталья Алексеевна); л. 22 и сл. — члены рода Щенеткиных и их сродников, в конце приписки с датой 1771 г. и др.; л. 34 об. — род Алексея Верещагина; л. 35 — род священника Алексея Павлова, далее священника Иоанна Козмина (приписки XIX в.), священника Антония Иконникова, диакона Феодора и др.; л. 41 — род Едемских с Волги и т. д.

11. Сборник сказаний о Иоанне и Лонгине Яренгских, XVIII в., полуустав, 102 лл., в 4-ку, в переплете. Содержание: л. 1 — Сказание о перенесении мощей и о чудесах названных святых; л. 49 об. — Сказание иеромонаха Сергия о новоявленных на Яренге чудотворцах; л. 94 — Сказание того же иеромонаха Сергия о перенесении мощей этих святых. На л. 94 упоминается царь Михаил Федорович. Рукопись куплена в дер. Карпова Гора.

12. Сборник служб севернорусским святым (соловецким, яренгским, керецким), XVIII в., 12 лл., в 4-ку. В состав сборника входят по преимуществу службы: Иоанну Яренгскому, Лонгину Яренгскому, Савватию и Зосиме Соловецким, Варлааму Керецкому, Артемию, и др. На лл. 1 и сл. — Сказание о перенесении мощей Иоанна и Лонгина Яренгских.

13. Житие и чудеса Зосимы и Савватия соловецких, XVIII или начала XIX в., в 4-ку, 20 лл.

14. Сборник слов и поучений, XVIII или XIX в., 23 лл., в 4-ку, в переплете. На лл. 22—23 — заметки о плавании в 1810 и 1813 гг. в Швецию и иные места. Возможно, что это записи Константина Верещагина.

15. Сборник духовно-нравственного содержания, 92 лл., в 4-ку. На обложке пометы крестьянина Верещагина. Содержание: л. 1 — рассказы о мытарствах; л. 13 — О страстях и грехах лютых; л. 16 — Поучение об осми помыслах (глава 24); л. 18 — Слово душеполезно о последних днях и будущем веке; л. 20 — Поучение о гордости человека (глава 17); л. 25 — Слово святой Таисии; л. 28 — Слово Иоанна Златоуста об умыслах; л. 30 — Повесть о великом Макарии Египетском; л. 31 — Таблица семи смертных грехов; л. 35 — Семь дарований святого Духа; л. 35 — «О еже не осуждати кого»; л. 36 — О смехе, глава 19; л. 37 — «О еже всегда каятися и плакати», глава 20; л. 38 — Глава 23; л. 39 — «О еже не завидети», глава 24; л. 40 — «Не гневатися», глава 25; л. 41 — «Не скор-

бети», глава 26; л. 43 — Алфавит сей духовный; л. 46 и сл. — Оглавление книги; л. 49 — Сказание об обычаях в поучение православным христианам; л. 85 и сл. — заметки о воскрешении Лазаря, о Вознесении, Пятидесятнице и т. п.; л. 88 — Послание епископа Иоанна Хитромского к епископу Драчскому Кавасиле о разрешении от брашна; л. 90 — О старчестве, покаянии, вселенских соборах и т. д.

16. Мучение Кирика и Улиты, XIX в., 15 лл., в 4-ку, много помет на обложке. Помета: «сия тетрадь Пинеской округи крестьянина Василия Дмитриева сына».

17. Сборник, XVII в., 150 лл. На л. 34 об. дата 1644 г. Содержание: л. 1 — рассказ о борьбе Афанасия Великого с арианством и др., без конца; лл. 55—76 — «Служба на положении ризы, еже есть хитон» (печатная); л. 77 — Слово на перенесении срачицы, присланной шахом Аббасом; л. 87 — памяти св. Иоанна Устюжского; л. 101 — Житие Иоанна Устюжского; лл. 120—142 — явление чудотворного образа богоматери в Казани. На л. 53 — пометы XIX в., между прочими, что это книга принадлежала крестьянину Василию Верещагину.

18. Сборник, XVIII в., 38 лл. Содержание: Кириково вопрошание, слова Иоанна Златоустого, Антиоха, Евтерия, Евагрия, Иоанна Милостивого, Амвросия Медиоланского, Григория Нисского, Василия Великого, Петра Черноризца и др. Кроме того, несколько выписок из Пролога об антихристе, о царстве небесном и др.

19. Ирмологий, крюковой, XVII в., 112 лл., в переплете. На л. 112— владельческая запись крестьянина Верещагина от 1822 г.

20. Сборная рукопись, из трех рукописей XVIII в., 67 лл., в 4-ку, без переплета. На л. 22 помета: «сие выписано из харатейного Потребника св. отца нашего Феогноста, митрополита московского, чудотворца, лета от сотворения мира 6837 (1239)» и т. д. На л. 28 об. запись: «сия книга Кеврольского купца Капогорской волости крестьянина Матвея Верещагина, сын его Яков Верещагин руку приложил». На л. 77 об. помечено, что эту книгу писал крестьянин Леонтий Аврамов сын Завернин в 1846 г., он же писал и статью девятую в 1846—1847 гг. В 1850 г. рукопись была куплена Василием Филипповичем Верещагиным. Содержание; лл. 1—28 — «Объявление о сложении перстов десные руки» и т. п.; лл. 29—64 — выписка из «соборного деяния, бывшего в Киеве на еретика Мартина Армянина»; тут также имеется помета Матвея Верещагина; лл. 64—67 — «Повесть о преподобном отце нашем Елисеи зело полезна», без конца.

21. Слово на происхождение креста господня (1 августа), XVIII в., 6 лл., полуустав, в 4-ку. Место приобретения — Карпова Гора.

22. Сборник, XIX в., 156 лл., в 8-ку, переплет; в конце рукописи разные приписки с датами 1809, 1811, 1812 гг. Содержание: л. 1 — Поучение на 6 февраля — «Еже не упиватися»; л. 6 — Слово о женах; л. 8 — Слово о пользе душевной (1 мая); л. 10 — «Книга глаголемая Пчела»; л. 12 — О юношестве и о женитьбе и супружестве; л. 12 об. — «О неизвестной кончине»; л. 24 — сокращенные выписки из Нового Завета; л. 28 — Слово о «иерусалимском знамении»; л. 87 — Повесть о табаке; л. 114 — Сказание о премудрости царя Соломона и о преславном его рождении.

23. Сборная рукопись, из четырех рукописей XVII—XVIII вв., 127 лл., в 8-ку. Содержание: лл. 1—70 — Повесть о некоем рыцаре в Риме, драгоценном древе и галке, умеющей говорить по-человечьи; без начала и конца; лл. 71—94 — Притча о семи мудрецах; лл. 95—98 — описание пожара в Москве 29 мая 1737 г.; лл. 99—127 — «предисловие многоразличное», собрание кратких поучений и т. д., без конца.

24. Молитва о сохранении дома и живущих в нем, конца XIX в., в лист.

25. Молитва архангелу Михаилу (апокриф), настенный, лист. Приобретен в с. Долгая Щель (на р. Кулой).

II. Рукописи, приобретенные в Поморье (в Онежском и Кемском уездах Архангельской губернии)

1. Судебник Ивана III 1497 г., список XVI—XVII вв., 74 лл., в 8-ку, без начала. С лл. 53—74 идут приписные статьи к Судебнику. Приобретен в г. Онеге.

2. Камень, оторвавшийся от горы и покатившийся разрушать все сатанинское или адское враждетворение, религиозные перегородки во всем человечестве (произведение секты субботников), 15 лл., в 8-ку. Список рукой А. Д. Григорьева. Из г. Онеги.

3. Запись обрядов и песен при сговоре и свадьбе в селе Покровском Онежского уезда, конца XIX в., 40 лл., в 4-ку. Приобретена в г. Онеге.

4. Апокрифы (Сказание о 12 пятницах, молитвы и т. д.), XIX в., 29 лл., в 4-ку. Приобретена в Онежском уезде, на р. Онеге.

5. Стихирарь, крюковой, XIX в., 172 лл., в 16-ю долю листа, переплет. Куплен в дер. Наумовой (Онежский уезд).

6. Сборник молитв, XIX в., 55 лл., в 8-ку. На внутренней стороне верхней доски переплета картинка «Покров божией матери». Содержание: л. 1 — Акафист Покрову божией матери; л. 28 — молитва Алексею, человеку божию; л. 30 — молитва всем святым; л. 32 — молитва господу и апостолам; л. 34 — молитва богородице; л. 35 — молитва Иоанна Дамаскина; л. 37 — молитва Иоанну Предтече; л. 38 — молитва Иоанну Богослову; л. — 48 — Синодик; л. 55 — записи о смерти ряда лиц с датами. Куплена в дер. Наумовой.

7. Сборник, XIX в., 77 л., в 4-ку. Содержание: л. 1 — Повесть (чудо) о царевне Персике; л. 22 — Повесть о купце Димитрии Басарге; л. 34 — «Еже подобает угодников божиих почитати»; л. 38 — памяти Антония Римлянина; л. 42 — Слово Иоанна Златоуста на пасху; л. 43 — пасхальные песнопения, кондаки, ирмосы; л. 50 — канон за всех умерших; л. 55 об. — молитва за отца и матерь; л. 56 — слово из Патерика (20 ноября) «недобро есть дати чернецу» и т. д.; л. 57 об. — Слово о исходе души (25 ноября); лл. 58—64 — Алфавит духовный — «Еже нелениву быти»; л. 64 — Страдание святого Харалампия, епископа Маранасграда (без конца). Куплен в дер. Наумовой.

8. Сборник, XVIII в., 49 лл., в 8-ку, в переплете. Содержание: л. 1 — «Слово об Исаке мнисе, его же прельсти диавол»; л. 5 — Сказание о некоем брате-юноше; л. 7 — Иерусалимский свиток; л. 18 — «Того же св. Андрея Юродивого о житии его» и его слово о жене и пр.; л. 30 — «Об искушении от дьявола на святого Епифания»; л. 35 — «Зерцало мирозрительное» (часть вторая); л. 42 — слово из Патерика «о некоем старце, еже, умерев, созвал братию» и т. д.; л. 42 об. — Слово Иоанна Златоустаго о молитве; л. 45 — Поучение св. Иоанна Златоустого «о злой лаи матерной»; л. 47 об. — «Слово от Лимониса о Кассиане епископе»; л. 48 — «Слово о любви, еже ради бога грехи прощает». Куплен в дер. Нюхче (Кемский уезд).

9. Сочинение Кирика в защиту учения бегунов, XIX в., 424 лл., в 8-ку, полуустав, в переплете. На л. 424 приписка-вклейка: «не то глагола сего, что христианский род пресечеся, но убо речеся, не преидет бо то и по падении Российского царства, а крещение в тайне даже безпресечения влечеся в сих странах: первое в новгоротской губернии, а второе в тфертской,

а третие в Сибире христиане укрывалися». Рукопись приобретена в дер. Нюхче.

10. Сборник поучений и слов Петра Саксина, сделанных по образцам схоластических проповедей Иоанникия Голятовского, второй половины XVIII в., лл. 160, в 4-ку, в переплете. Автор принадлежал к числу воспитанников Архангельской духовной семинарии и затем служил в той же епархии, работая, видимо, как переводчик (на его переводы с немецкого см. указание на л. 4) и затем как проповедник. Рукопись найдена в дер. Нюхче.

11. Сборник, конца XIX в., 10 лл., писан карандашом. Содержание: л. 1 — Сон богородицы; л. 8 — молитва Исусу Христу. Приобретен в дер. Колодыме (Кемский уезд).

12. Сборник, XVIII в., 184 лл., в 4-ку, полуустав, в переплете. Содержание: л. 1 — Слово Иоанна Златоустого о девстве; л. 101 — Слово Григория Нисского о добродетельной жизни, о девстве и пр. Место приобретения неизвестно.

III. Рукописи, приобретенные в Томске

1. Стихирарь, крюковой, XVIII в., 10 лл., в лист, с заставками.

2. Послание Василия, архиепископа новгородского, епископу тверскому Феодору с братиею о рае, XVIII в., 4 лл.

3. Официальная копия 1786 г. с документа на владение поместьем в Пензенском уезде, данного Ивану Ивановичу Веденяпину и его сыну Леонтию, с подписями судьи князя Алексея Кикилеева, секретаря и канцеляриста, 5 лл.

4. Сборник, XVIII в., 76 лл. Содержание: л. 1 — посмертные чудеса св. Николая; л. 6 — выписки из учительного Евангелия Кирилла Транквилиона.

5. Постановления Рамыльского старообрядческого собора, состоявшегося в январе 1808 г. в селе Рамылье Камышловского уезда, на 8 лл., полуустав. Копия XIX в.

6. Повесть об Александре Македонском, XVIII—XIX вв., 36 лл., в 4-ку, полуустав.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

Т. А. КРЮКОВА

Хронологический список трудов Василия Леонидовича Комаровича*

1916

1. Достоевский и Гейне. — Современный мир, 1916, № 10, стр. 97—107.
2. Неизвестная статья Ф. М. Достоевского «Петербургские сновидения в стихах и прозе». — Русская мысль, 1916, кн. 1, стр. 193—126.

Публикация и статья.

Рецензии

3. Рассказы Бориса Зайцева. — Современный мир, 1916, № 11, стр. 134—135.

1917

4. Достоевский и шестидесятники. Историко-литературные материалы. — Современный мир, 1917, № 1, стр. 129—138.

Рецензии

5. Альманах «Стремнины». Книга 1. Москва. — Современный мир, 1917, № 1, стр. 311—313.

«Египетские ночи» Пушкина—Брюсова.

6. Юрий Слезкин. «Господин в цилиндре». Рассказ. Изд. бывш. М. В. Попова. Пгр. — Современный мир, 1917, № 1, стр. 313.

1918

7. Достоевский и «Египетские ночи» Пушкина. — Пушкин и его современники, в. XXIX—XXX. Пгр., 1918, стр. 36—48, и отд. отт., 13 стр.

---

* Исследователь русской литературы Василий Леонидович Комарович родился 1 января 1894 г. в с. Воскресенске Макарьевского уезда Нижегородской губернии в семье врача. В 1912 г. В. Л. Комарович окончил первую классическую нижегородскую гимназию и поступил в Петербургский университет на историко-филологический факультет. Окончил его в 1917 г. и был оставлен при кафедре русской литературы. С 1919 по 1921 г. сдавал магистерские экзамены. Педагогическую работу начал с 1920 г. В 1920—1922 гг. читал в Нижегородском университете следующие курсы: «Достоевский», «Расин и его современники», «Пушкин и его время», вел семинары по «Слову о полку Игореве» и «Достоевскому». В 1921—1922 гг. читал в Нижегородском институте народного образования курсы по Гоголю и Пушкину. С 1924 по 1928 г. преподавал в Ленинградском университете и Ленинградском институте истории искусств: вел в них курс по Достоевскому. С 1928 г. занимался исключительно научной работой. Принимал участие в составлении картотеки Древнерусского словаря Института языка и мышления АН СССР и с 1934 г. был ближайшим образом связан с работой Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. Погиб во время блокады Ленинграда 17 февраля 1942 г.

1922

8. Исповедь Ставрогина. — Былое. Пгр., 1922, кн. 18, стр. 219—226.

   Текст и статья.

9. Ненаписанная поэма Достоевского. — В кн.: Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы, в 1. Пб., 1922, стр. 177—207.
10. Рукописные варианты романа «Подросток». — Начала. Пб., кн. 2, 1922, стр. 217—230.

   Текст и комментарии.

1924

11. Идеи Французского утопического социализма в мировоззрении Белинского. — В кн.: Венок Белинскому. Под ред. Н. К. Пиксанова. Изд. «Новая Москва», 1924, стр. 243—272.
12. «Мировая гармония» Достоевского. — Атеней. Историко-литературный временник, № 1—2, 1924, стр. 112—142.
13. Роман Достоевского «Подросток» как художественное единство. — В кн.: Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы, в. 2. Л.—М., 1924, стр. 31—68.
14. Юность Достоевского. — Былое, кн. 23. Пгр., 1924, стр. 3—43.

Рецензии

15. Вл. Соловьев. Письма, т. III. Под ред. Э. Л. Радлова. — Русский современник, кн. 1, 1924, стр. 325—327.

   Подпись: Б. К.

16. Д. Н. Овсянико-Куликовский. Воспоминания. Изд. «Время», Пгр., 1923. — Русский современник, Л.—М., кн. 1, 1924, стр. 327—328.

   Подпись: Б. К.

1925

17. «Бесы» Достоевского и Бакунин. — Былое, кн. 27—28. Пгр., 1925, стр. 28—49.
18. Генезис романа «Подросток». — Литературная мысль. Альманах, в. 3. Л., 1925, стр. 366—386.
19. Достоевский. Современные проблемы историко-литературного изучения. Изд. «Образование», Л., 1925, 64 стр.

1926

20. Die Weltanschauung Dostojevskij's in der russischen Forschung des letzten Jahrzehnts (1914—1924). — Zeitschrift für slavische Philologie, Bd. III, 1926, № 1/2, стр. 217—228.
21. Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. Изд. «Academia», Л., 1926, 515 стр.

   Вводная статья, редакция и примечания.

22. Язык служебной Октябрьской Минеи 1096 г. — ИОРЯС, т. XXX, 1926, стр. 23—44.

1928

23. F. M. Dostojewski. Die Urgestalt der Brüder Karamasoff. Dostojewskis Quellen, Entwürte und Fragmente. Erläutert von W. Komarowitsch. München, 1928, 620 стр.

   Библиографическая редкость. Материал этой книги из архива А. Г. Достоевской, изученный В. Л. Комаровичем, послужил основанием для

ВАСИЛИЙ ЛЕОНИДОВИЧ КОМАРОВИЧ.

публикации «Братья Карамазовы» А. С. Долинина. См. указание последнего: Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Под ред. А. С. Долинина. Л., 1935, стр. 348.

1930

24. Петербургские фельетоны Ф. М. Достоевского. — В кн.: Фельетоны сороковых годов. М.—Л., 1930, стр. 89—124.

1933

25. Neue Probleme des Dostojevskij-Forschung (1925—1930). I Teil. — Zeitschrift für slavische Philologie, 1933, № 3/4, стр. 402—428.
26. Пометки Пушкина на полях «Опытов» Батюшкова. — А. С. Пушкин. Собрание сочинений в шести томах, т. V. ГИХЛ, 1933, 501 стр. (изд. 2-е, т. VI, 1934).

    Текст.

27. Стендаль. Воспоминания эготиста. Автобиографические заметки. Собрание сочинений, т. VI. Изд. «Время», Л., 1933, 444 стр.

    Переводы.

1934

28. Литературное наследство Достоевского за годы революции. Обзор публикаций 1917—1933 гг. — Литературное наследство, т. 15, 1934, стр. 258—281.
29. Neue Probleme der Dostojevskij-Forschung (1925—1930), 2 Teil. — Zeitschrift für slavische Philologie, 1934, № 1/2, стр. 193—236.
30. Пометки Пушкина в «Опытах» Батюшкова. — Литературное наследство, т. 16—18, 1934, стр. 885—904.
31. Сочинение Добролюбова «О древнеславянском переводе хроники Георгия Амартола». — Полное собрание сочинений Н. А. Добролюбова, т. 1. ГИХЛ, 1934, стр. 566—595.

    Подготовка текста и комментарии.

1935

32. Стендаль. История живописи в Италии. Салон 1824 г. — Собрание сочинений, т. VIII. Изд. ГИХЛ, Л., 1935, 583 стр.

    Переводы.

33. Стендаль. История живописи в Италии. — Звезда. Л., 1935, № 2, стр. 157—182.

    Перевод и комментарий.

1936

34. А. Григорьев. Ф. Достоевский и школа сентиментального натурализма. — В кн.: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования, т. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 249—256.

    Примечания (стр. 254—256).

35. Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936 (ИРЛИ), 184 стр.

    Исследование и тексты.

1937

36. К вопросу о жанре «Путешествия в Арзрум». — Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 3. М.—Л., 1937, стр. 326—338.

37. О «Медном всаднике» (к вопросу о творческом замысле). — Литературный современник. Л., 1937, № 2, стр. 205—220.

1938

Редактирование

38. Записи (Пушкина) устных рассказов о Пугачевщине. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 4—5. М.—Л., 1939, стр. 18—24.
39. Комментарий к поэме о Тазите. — В кн.: Пушкин, т. II. Изд. «Сов. писатель», 1939 (Б-ка поэта, большая серия), стр. 408—411.
40. Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, т. III. Повести. Изд. АН СССР, Л., 1938, 727 стр.

«Шинель», «Записки сумасшедшего», отрывки «Ночи на вилле», «Дождь был продолжительный», «Рудакопов», «Семен Семенович Батюшек», «Девицы Чабловы».

41. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. IX, полутом 1. История Пугачева. Изд. АН СССР, Л., 1938.

1939

42. Отрывок первоначальной редакции первой главы «Истории Пугачева». — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 4—5. М.—Л., 1939, стр. 14—17.

I. «Казанская запись»; II. «Оренбургские записи».

1940

Редактирование

43. Д. В. Веневитинов. Стихотворения. Изд. «Сов. писатель», Л., 1940.

Вступ. статья «Д. В. Веневитинов» (стр. 5—26), редактирование, примечания.

44. Поэты-петрашевцы. Стихотворения. Изд. «Сов. писатель», Л., 1940 (Б-ка поэта, малая серия, № 29).
45. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. IX, (полутом) 2, История Пугачева. Изд. АН СССР, Л., 1940.

1941

46. Автобиографическая основа «Маскарада». — Литературное наследство, 43—44. М., 1941, стр. 629—672.
47. Вторая кавказская поэма Пушкина. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 6. М.—Л., 1941, стр. 211—234.
48. Областные летописные своды XI—начала XIII века. — В кн.: История русской литературы, т. 1. Изд. АН СССР. М.—Л., 1941, гл. V.
49. «Повесть временных лет». — Там же, гл. III, §§ 2, 3, 5, 10.
50. Поучение Владимира Мономаха. — Там же, гл. IV.

1945

51. Лаврентьевская летопись. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, разд. I, гл. VI, § 1.
52. Летописание Москвы XIV в. — Там же, разд. I, гл. IV, § 1.
53. Летописание Москвы конца XIV—XV вв. — Там же, разд. II, гл. II, § 1.

54. Московское летописание конца XV—первой половины XVI в. — Там же, разд. III, гл. III, §§ 1, 2.
55. Повесть об Александре Невском. — Там же, разд. I, гл. II, § 4.
56. Рязанский летописный свод XIII в. — Там же, разд. I, гл. V, § 1.

1947

57. К литературной истории повести о Николе Зарайском. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, стр. 57—72.

1948

58. Временник дьяка Ивана Тимофеева, Словеса дней и царей Ивана Хворостинина, Повесть С. Шаховского, Житие Иринарха, Сказание о поставлении на патриаршество Филарета Никитича. — История русской литературы, т. II, ч. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, гл. II, § 4.
59. Повесть 1606 г. — Там же, гл. I, § 2.
60. Протопоп Аввакум. — Там же, гл. IX, § 1 (1).
61. Сказание Авраамия Палицына. — Там же, гл. II, § 3.
62. Хронограф редакции 1617 г. — Там же, гл. II, § 2.

1951

63. Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, т. IV, «Ревизор», Изд. АН СССР, (Л.), 1951, 552 стр.

Подготовка текста В. Л. Комаровича, комментарии В. В. Гиппиуса, В. Л. Комаровича.

64. Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, т. VII, «Мертвые души», ч. II. Изд. АН СССР, (Л.), 1951, 434 стр.

Подготовка текста и комментарии В. Л. Комаровича, В. А. Жданова и Э. Е. Зайденшнур.

1960

65. Культ Рода и Земли в княжеской среде XII—XIII вв. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 84—104.

Рукописи

66. Достоевский, картотека.

Обширная картотека по Достоевскому с подробным разделом о прототипах героев произведений Достоевского (с выписками из печатных и рукописных источников, конспективно изложенными соображениями и пр.). Местонахождение неизвестно.

67. Заметки о Рязани. Автограф, 110 лл. — ИРЛИ, ф. 1, оп. 12, № 388.

Наброски.

68. Заметки относительно источников Никоновской летописи. Автограф, 28 лл. — Там же, № 390.

Наброски.

69. Комментарии к поэме А. С. Пушкина «Тазит». — В редакции академического издания «Полного собрания сочинений А. С. Пушкина».
70. Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв. Автограф, 76 лл. — ИРЛИ, ф. Р I, оп. 12, № 389.

Наброски и заметки к исследованию.

71. Культ Рода и Земли в княжеской среде XI—XIII вв. Машинопись, 6 стр. — Там же, № 392.

Тезисы.

72. Просвещение на Руси XIII—XV вв. Автограф, 17 лл. — Там же, № 398.

Заметки, преимущественно библиографические.

73. Рабочая тетрадь. — Там же, № 395.

Конспекты разных исследований, выписки, заметки, библиографические справки. Велись в условиях блокады перед смертью — с 25 декабря 1941 г. по 2 февраля 1942 г.

74. Рабочая тетрадь, 61 лл. — Там же, № 397.

Заметки и наброски к главе «Чернигово-Новгород-Северское летописание и „Слово о полку Игореве“» исследования «Русское областное летописание».

75. Русское областное летописание XI—XV вв. и связанные с ним памятники письменности и фольклора. Автограф, 26 лл. — Там же, № 396.

Заметки и наброски к исследованию.

76. Русское областное летописание XI—XV вв. и связанные с ним памятники письменности и фольклора. Исследование и тексты. Машинопись, 338 стр. — ИРЛИ, ф. Г 1, оп. 12, № 388.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

И. С. ДУЙЧЕВ

Обзор болгарских работ 1945—1958 гг. по изучению древнерусской литературы и русско-болгарских литературных связей XI—XVII вв.*

Ввиду ограниченного числа исследователей древней славянской литературы и истории древняя русская литература никогда не была предметом полного и специального изучения со стороны болгарских ученых. Несмотря на это, в научной и научно-популярной болгарской литературе, особенно в последние годы, можно было бы указать на целый ряд опытов изучения памятников древней русской литературы. Некоторые наиболее значительные произведения, естественно, привлекали внимание болгарских ученых.

В ряде случаев изучение отдельных проблем древнеболгарской литературы неизбежно приводило к изучению древнерусских книжных памятников. Однако значительное число подобных исследований является лишь дополнением к изучению древнеславянской и древнеболгарской литератур.[1] Полного обзора истории древнерусской литературы в Болгарии не существует. Отдельные работы касаются только известных памятников или же являются попыткой выяснить некоторые моменты в развитии древнерусской литературы. Полезные результаты получены в объяснении русско-болгарских литературных связей эпохи средневековья и начального периода нового времени.

Исследования болгарскими учеными древнерусской литературы и ранних русско-болгарских литературных связей заслуживают внимания: некоторые из них действительно вносят нечто новое, другие просто отражают особый интерес к памятникам древней русской литературы.

1. В связи с 900-летием Остромирова евангелия Н. М. Дылевский опубликовал краткую научно-популярную статью,[2] в которой изложил некоторые полезные сведения из истории этого важного памятника письменности. По его словам, Остромирово евангелие принадлежит почти в одинаковой степени двум родственным славянским народам — болгарскому и русскому и является красноречивым свидетельством культурных связей между ними еще в самом начале их исторического бытия. Будучи переписано с болгарского (Преславского) оригинала, Остромирово евангелие отразило воздействие кирилло-мефодиевской письменности на древнерусскую книжность XI в.

---

* Перевод с болгарского О. Ф. Коноваловой. (*Ред.*).

[1] См.: Ив. Дуйчев. Изучение в Болгарии древнеславянской и древнеболгарской литературы за 1945—1955. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 601—614.

[2] Н. М. Дилевски. Бележит паметник на старата руска и българска писменост. — Духовна култура, XXXVII, 7, 1957, стр. 4—10.

В статье Н. М. Дылевского особенно ценны и интересны сведения об использовании Остромирова евангелия представителями болгарского Возрождения в их борьбе за разрешение вопросов болгарской орфографии. Так, об Остромировом евангелии говорили и В. Априлов в 1841 и 1847 гг., Ив. Н. Момчилов в 1847 и 1865 гг., Г. Крестевич в 1858 г., Г. С. Раковский в 1858—1859 гг. (последний имел издание Востокова 1843 г.), позднее, в 1875 г., появились заметки болгарского писателя и революционера Л. Каравелова. Этот перечень имен можно было бы увеличить. Например, в 1852 г. один из болгарских ученых С. Н. Палаузов (Век болгарского царя Симеона. СПб, 1852, стр. 72 и прим. 51) также упоминает издание Востокова и отмечает (стр. 136—137), что Остромирово евангелие следует поставить на первое место среди сохранившихся евангельских текстов.

С. Н. Палаузов, давая отрывки из Остромирова евангелия, сопоставляет их с греческим оригиналом и с болгарским переводом в списке так наз. Асеманова евангелия. К этим своим заметкам болгарский писатель добавляет (стр. 137, прим. 151) еще и характеристику месяцеслова к Остромирову евангелию: «Считаем не лишним отметить, что кроме памяти о Кирилле и Мефодии, упоминаемых в календаре этого евангелия, находится также под 27 июля, по евангелию 2 сентября „память с[ве]таго с[вети]т[е]лѣ о[т]ца нашего Климента еп[и]ск[о]па Величскаго"». Наконец, С. Н. Палаузов приводит отрывок из Остромирова евангелия и добавляет некоторые сведения об этом памятнике (стр. 154—155).

Остромирову евангелию посвящена еще одна статья Н. М. Дылевского, в которой, наряду с точными библиографическими указаниями на соответствующую научную литературу,[3] даны общие сведения о памятнике, указания на издания и исследования его, анализ текста с точки зрения языка. Н. М. Дылевский отмечает отклонения переписчика от языка древнеболгарского образца, при этом присоединяется к объяснению Н. Каринского (1903), что эти отклонения, вероятно, связаны с церковным произношением старославянских богослужебных текстов.

2. Одним из памятников древнерусской литературы, к которому всегда с особым вниманием и интересом относились болгарские исследователи, является «Слово о полку Игореве». Как в более ранней болгарской научной литературе, так и в более поздние годы этому чрезвычайно важному памятнику русской литературы посвящен целый ряд отдельных исследований, статей и заметок. Сюда относится в первую очередь перевод «Слова о полку Игореве», принадлежащий Л. Стоянову и опубликованный в 1954 г.[4] Снабженное богатыми оригинальными иллюстрациями, выполненными художником Георгием Поповым, это издание само по себе представляет важный вклад в болгарскую научную литературу.

Акад. Людмил Стоянов во вступительной статье (стр 5—14) «Бележита национална поема» подчеркнул большое значение «Слова о полку Игореве», как важного памятника древней русской литературы. Автор указывает на историзм этого произведения: в его основе лежит действительное историческое событие. Вместе с тем акад. Л. Стоянов говорит, что автор «Слова» принадлежит к наиболее образованным людям своего времени. Он пишет о «любви к русской природе», добавляя, что за этим чувствуется широкое море русского народа, его радости и горести. В стихах

---

[3] Н. М. Дилевски. Бележит паметник на старата руска литература. — Български език (далее: БЕ), VII. 3. 1957, стр. 216—227.

[4] Песен за похода на Игор. Изд. на Българската Академия на науките (далее: БАН). Институт за Българска литература (далее: ИБЛ). София, 1954. 140 (1) стр.

«Слова» звучит протест против княжеских междоусобиц, против раздробления Русского государства, а вместе с тем и призыв к объединению Русской земли. По словам Л. Стоянова «Слово» как литературное произведение поражает своей оригинальной художественной формой. Опубликование на болгарском языке этой замечательной русской национальной поэмы нужно считать, кроме того, «выполнением долга перед русским народом и русской литературой».

Л. Стоянов, один из видных представителей современной болгарской литературы, дает художественный и одновременно точный перевод «Слова». С полным правом можно сказать, что среди всех существовавших до сих пор болгарских переводов «Слова» — это поистине лучший, самый точный, самый полный перевод. К изданию перевода приложен древнерусский текст, взятый из последних критических изданий памятника.

В том же издании Н. М. Дылевский (стр. 75—99) опубликовал чрезвычайно интересную и полезную статью: «„Слово о полку Игореве“ — героична поема на старата руска литература». В статье приводятся данные об истории рукописи текста, о первых изданиях и о гибели самой рукописи. Имеются сведения о влиянии «Слова» на русскую литературу, об оценках и сомнениях некоторых иностранных ученых относительно подлинности памятника, причем автор полностью отвергает эти сомнения. На нескольких страницах Н. М. Дылевский нарисовал историческую обстановку, в которой возникло «Слово». Это произведение, подчеркивает автор статьи, — плод эпохи княжеских распрей, разгоревшихся особенно сильно во второй половине XII в., и является горячим призывом к объединению для защиты Русской земли от нападения половцев. Исходя из исторического события, неизвестный автор «Слова» разрешает свою задачу свободно и творчески. Чтобы показать это, Н. М. Дылевский проанализировал композиционное построение поэмы и сравнил содержание «Слова» с летописными сообщениями о событиях 1185 г. Интересна мысль автора о том, что в «Слове о полку Игореве» имеется не столько отражение средневековой мистики, сколько изложение исторических событий в поэтической форме. Характеризуя изобразительные средства «Слова», Н. М. Дылевский подчеркивает влияние устной народной поэзии и традиции более древней русской литературы. Особый интерес представляют в «Слове» следы языческой мифологии. По словам автора, во многих частях произведения единство между содержанием и формой доведено до совершенства. «Слово о полку Игореве» обладает своеобразным ритмическим строем, хотя трудно установить в нем единую ритмическую систему определенного типа.

В решении вопроса об авторе «Слова» Н. М. Дылевский ограничивается повторением точки зрения Д. С. Лихачева («Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей. М.—Л., 1950, стр. 51): автором «Слова» был приближенный киевского князя Святослава, черниговец или киевлянин, может быть княжеский дружинник, который, однако, в своих политических воззрениях не был ни придворным, ни защитником местных тенденций, ни дружинником. Он занимал независимую патриотическую позицию, по духу своему близкую широким слоям трудового населения Руси.

В краткой статье Б. Ст. Ангелова (стр. 101—109) рассматривается вопрос об изучении «Слова о полку Игореве» в Болгарии. Он припоминает первое сообщение о «Слове» в Цареградском вестнике (№ 13, от 27 III 1848), стихотворный перевод Райко Жинзифова 1863 г., затем тонкую критику Л. Каравелова (Българска пчела, II, №№ 3—6, от 1864 г.). Здесь же даны оценки переводов Ив. Добрева в 1886—1887 гг., Ефрема

Каранова от 1898 г. и Б. Липовского (псевдоним Николы Василиева) 1907 г. Как заявляет автор, эти переводы близки к русскому оригиналу и с помощью «стихов в прозе» сравнительно хорошо передают поэтические достоинства «Слова». В конце статьи автор называет различные стихотворные и прозаические переводы отрывков из «Слова», например Хр. Кисякова 1889 г., Детелинова 1884—1885 гг.

Особый интерес представляет последняя статья в сборнике, написанная Н. М. Дылевским (стр. 111—139), — «Бележки към Песен за похода на Игора». Эти заметки к тексту «Слова» содержат ряд новых толкований, предлагают некоторые параллели из южнославянской, и в частности болгарской, народной поэзии и, наконец, дают полезные библиографические указания. Обобщая, мы можем сказать, что автор этих комментариев действительно дал удачные объяснения некоторых «темных мест» в «Слове о полку Игореве». Однако следует заметить, что этот комментарий может быть дополнен новыми замечаниями, в частности одним общим. Не каждый читатель-болгарин поймет племенное обозначение «половцы», которое, в сущности, неизвестно широко среди болгар, не встречается часто ни в старой, ни в новой болгарской литературе. Необходимо заметить, что половцы, как правильно сообщает Н. М. Дылевский (стр. 79, прим. 1), известны под наименованием «куманы» и в византийских и в болгарских исторических сочинениях. Некоторая синхронизация событий «Слова» с событиями в болгарских землях, в которых участвовали куманские дружины, по-новому бы раскрыла их перед болгарским читателем. Достаточно упомянуть хотя бы то, что в год похода Игоря и победы половцев, куманские дружины помогают в Болгарии братьям Петру и Асеню в проведении восстаний против византийского господства,[5] что в течение следующих лет куманские дружины действовали как наемники и союзники Петра и Асеня, что куманская дружина помогала болгарскому войску в сражении против цареградских латинян при Одрине 14 апреля 1205 г., завершившемся разгромом крестоносцев и пленением императора Балдуина Фландрского. И позднее, в XIII—XIV вв., царствующие на болгарском престоле три династии тесно связаны по происхождению с куманами. Все это может в сознании болгарского читателя объяснить и дополнить множество представлений и сведений. То, что болгарин знает о положительной и отрицательной роли куманов в средневековой болгарской истории, связанной с именами Асеней, Тертериев и Шишманов, так же как и с именами отдельных воевод из болгарского прошлого, немедленно оживет в памяти читателя и произведет более сильное впечатление. Пока же слово «половцы» означает для нашего читателя название чуждого, неизвестного народа. Средневековая болгарская историография, современная болгарская историография и близкая нам византийская историческая традиция неизменно говорят о существовании этих половцев под широко известным именем куманов.

Другая связь между болгарским прошлым и русской исторической действительностью, отразившаяся в «Слове», обнаруживается в употреблении имени Боян.

Как известно, в византийских исторических источниках[6] это имя монгольского происхождения встречается в написании Βαϊανός. Так читается

---

[5] Подробности см. у Ив. Дуйчева: Въстанието в 1185 г. и неговата хронология. — Известия на Института за българска история (далее: ИИБИ), VI, 1956, стр. 327—358; Iv. Dujčev. La date de la révolte des Asênides. — Byzantinoslavica, XIII, 1952—1953, стр. 227—232.

[6] См. указания у G. Moravcsik (Byzantinoturcica. II. Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen. Berlin, 1958, стр. 83, 84).

оно и в сочинении епископа Лиутпранда Кремонского.[7] В «Слове» употребляется форма «Боян», встречающаяся и в современной болгарской ономастике. Однако необходимо, по нашему мнению, объяснить само появление этой славянской формы под воздействием известного славянского языкового закона, по которому краткое неударное «ă» переходит в словах иностранного происхождения в «о», что отразилось во множестве древнерусских, современных русских, болгарских и чешских имен и слов и т. п.[8]

Небезынтересно отметить подобную форму в самом тексте «Слова», а именно форму «Троян», которая встречается в болгарском и сербском языках и которая соответствует латинской форме Traianus или византийской Τραϊανός.

К написанию названия «куманы» в византийских и болгарских исторических источниках, о которых упомянул Н. М. Дылевский (стр. 113), не лишним было бы прибавить указание источников и предложенные толкования Моравчика.[9]

Об упоминании в «Слове» «Синий Дон» (ср.: Н. М. Дылевский, стр. 114) было бы полезно сказать, что болгары обычно называют Синим морем («Синьо море») Адриатическое море.

В связи с названием Тьмутаракань (см.: Н. М. Дылевский, стр. 119) следует указать на статью известного югославского историка В. Мошина.[10]

Несомненный интерес представляет упоминание «чрьленой чолки», которую Н. М. Дылевский (стр. 120) правильно объясняет как турецкое название для конского хвоста, прикрепленного к шесту. Необходимо также дать более подробные сведения о том виде знамен, который назван болгарами в 866 г. в знаменитом сочинении «Responsa Nicolai I papae ad consulta Bulgarorum»; такие же упоминания встречаются в древнерусских литературных памятниках (например, в Лаврентьевской летописи); наконец, изображение этого вида военного знамени имеется в болгарских миниатюрах Хроники Манассии, где войска киевского князя Святослава при нашествии на болгарские земли изображены с подобным знаменем. Исходя из сказанного, можно поставить вопрос: следует ли употребление такого рода знамен связывать с тюркскими или со славянскими народами?[11]

Объяснение аварских шлемов, данное Дылевским, нуждается в уточнении. По мнению Н. М. Дылевского, эти слова означают «шлемы, изготовленные аварами». Однако племя аваров было известно своими действиями в течение VI—VIII вв. и до начала IX в., когда последние остатки его были разгромлены Карлом Великим и болгарским ханом Крумом. Авары исчезли сравнительно рано, но оказали известное влияние на болгар и византийцев. Не полностью выяснен вопрос о существовании аварского населения вплоть до второй половины XII в. Таким образом, можно предположить, что упоминаемые в «Слове» аварские шлемы у половцев не должны быть обязательно шлемами, сделанными аварами, происходившими от древних или современных авар, живущих в Дагестане, а скорее были шлемами, сделанными по аварскому образцу.

---

[7] Liutprandus. Antapodosis: MGH, SS, III: lib. III, гл. 29, 11—14: Baianus.

[8] См. некоторые указания у Ив. Дуйчева (Осеновица-Асеновица. — Сборник в честь на акад. Ал. Теодоров-Балан, по случай деветдесет и петата му годишнина. София, 1955, стр. 251—256).

[9] G. Moravcsik. Byzantinoturcica, II, стр. 167—168.

[10] Vl. Mošin. Tmutarakanj, Krh i Smkrc. — Сборник в часть на В. Н. Златарски. София, 1925, стр. 157—162; кроме того, ср.: G. Moravcsik, Byzantinoturcica, II, стр. 297.

[11] См. подробности у Ив. Дуйчева: Славяно-болгарские древности IX-го века. — Byzantinoslavica, XI, 1950, стр. 25—27.

В вопросе о Канине (ср.: Н. М. Дылевский, стр. 122) заслуживает особого внимания мнение М. Фасмера,[12] который не знает славянского названия такого вида, но зато вспоминает местное „Κάνιανη", толкование которого, однако, найти трудно.[13] Вообще вопрос об этимологии этого имени все еще недостаточно выяснен.

В связи с именем «короля антов» Бооз, Бос или Бус (ср.: Н. М. Дылевский, стр. 127) необходимо припомнить сведения готского историка VI в. Йордана об антском первенце этого имени: «regemque eorum Boz nomine». Славист В. Розов [14] 30 лет назад предложил убедительное толкование этого имени. По его мнению, здесь имелась латинская транскрипция византийского написания славянского титула «Вожъ» или «Вождъ». Это толкование, связанное как с выражением в «Слове» «время Бусово», так и с упоминанием «готьскыя красныя дѣвы», может объяснить интересные моменты в разрешении этих вопросов.[15]

Выражение «златые шеломы и сулицы ляцкыи и щиты» (ср.: Н. М. Дылевский, стр. 132) едва ли можно толковать как намек на военную помощь, полученную от Польши, или как снабжение оружием из Польши.

На вопрос о седьмом веке, упомянутом в «Слове», правильно обратил внимание Н. М. Дылевский (стр. 133) и отметил, что его разрешение невозможно без привлечения византийских и южнославянских документов. Однако это уже самостоятельная задача.

Наконец, упоминание «хиновьскыя стрѣлкы» (стр. 131, 136) не означает ли просто стрелы, доставленные из Китая?

В нескольких своих статьях Н. М. Дылевский занимался изучением отдельных, трудных для толкования мест «Слова о полку Игореве» или же давал общие сведения о «Слове». Полезную статью он опубликовал, например, в 1951 г., по случаю 150-летнего юбилея первого печатного издания этого литературного памятника.[16]

В другой своей статье он рассматривает вопрос о том, следует ли в тексте «Слова» читать «бусым волком» или «босым волком».[17] В научной литературе имеются различные точки зрения относительно того или иного чтения этого загадочного текста. Н. М. Дылевский заключает: «...на поверку выходит, что до настоящего времени не было найдено, по крайней мере никто из комментаторов об этом не сообщает, ни единого примера, в котором слово „волк" сопровождалось бы эпитетом „бусый"». Так автор приходит к мысли, что следует предпочесть чтение «босый», приводит некоторые новые соображения в пользу этого чтения (например: бос кон, бос като куче) и отмечает, что это чтение доказывает подлинность «Слова».

В приложении к статье даны сведения о гипотезе В. А. Гордлевского (Что такое босый волк? — ИОЛЯ, т. VI. М., 1947, стр. 317—337).

---

[12] M. Vasmer. Die Slaven in Griechenland. Berlin, 1941.

[13] Там же, стр. 116, № 26.

[14] Vl. Rozov. Boz, rex Antorum. — Byzantinoslavica, I, 1929, стр. 208—209.

[15] В качестве параллели можно вспомнить арабские данные конца IX—начала X в. об имени B-Sus, которое можно представить себе как написание имени Бориса (точнее, болгарского князя Бориса I — 852—889 гг.) или как имя императора Василия I (см.: A. A. Vasiliev: Semin. Kondak, V, 1932, стр. 150 и сл.).

[16] Н. Дилевски. «Слово о полку Игореве» — бележито произведение на старата руска литература. — Език и литература (далее: ЕЛ), VI, 3, 1951, стр. 151—158.

[17] Н. Дилевски. «Бусым» или «босым» волком в «Слове о полку Игореве». — Известия на Камарата на народната култура, серия хуманитарни науки, IV. 1947, стр. 203—225.

В другой своей статье Н. М. Дылевский рассматривает выражения «ратаевѣ кикахуть» и «а злата и сребра ни мало того потрепати».[18] Автор считает, что чтение «кикахуть» необходимо понимать в смысле «кричать». Относительно второго спорного места в «Слове» Н. Дылевский заявляет, что чтение «а злата и сребра ни мало того потрепати» как «а златотканных и среботканных одежд еще менее того поносить, потрепать» не имеет под собой никаких оснований и вытекает из чисто импрессионистических догадок и предвзятых априорных соображений. Что касается смысла глагола «потрепати», то Н. М. Дылевский говорит, что этот глагол означает «коснуться», «осязать», «потрогать» и отсюда делает следующий вывод: «. . . смысловое сближение „потрепати" с „трепати" — „осязать", „трогать" (и в последнем примере „гладить", „ласкать") нам представляется несравненно более обоснованным и логичным, нежели отождествление его с „трепать" в современном смысле слова».

В последние годы Н. М. Дылевский опубликовал еще две статьи по «Слову о полку Игореве» — в 1955 г.[19] и в 1958 г.[20] В первой статье автор рассматривает выражение «на Канину зелену наполому постла». Особый интерес представляют заметки относительно названия Канина в этом месте «Слова». Н. М. Дылевский считает, что это обозначение реки, подкрепляет свое мнение некоторыми важными параллелями из балканской топонимики и заключает: «Предположение о позднем турецком происхождении названия Канина полностью исключается. По-видимому, это общеславянское слово, возникшее еще в эпоху славянской общности». Направление исследования, данное Н. М. Дылевским, кажется абсолютно правильным и очевидным, и его изыскания заслуживают продолжения вплоть до окончательного разрешения вопроса. По мнению Н. М. Дылевского, возможно, что Канина — название не только реки, но и местности: нивы, покоса или поля у реки Канина или недалеко от нее. «При таком толковании смысл всего выражения становится еще более ясным».

Вторая часть статьи Н. М. Дылевского посвящена толкованию фразы: «Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилци». Здесь особенно загадочно употребление эпитета «шестокрилци». Н. М. Дылевский полагает, что прежде всего необходимо считаться с употреблением этого эпитета в отношении серафимов и херувимов. При исследовании очень важно привлечь параллели из народной поэзии болгар и сербов, где встречается это слово. Так, он обращает внимание на то обстоятельство, что один из южнославянских феодальных князей первой половины XIV в., Хрельо, носит в народной поэзии прозвище «Рельо Шестокрили», или «Крилатина», «Крилатица». Этот эпитет, заимствованный, может быть, из церковного языка, в народной поэзии болгар и сербов несомненно имеет значение «быстрый», «подвижный». Основываясь на обильных примерах, Н. М. Дылевский пришел к выводу, что в народной поэзии южных славян эпитеты типа «шестокрилец», «шестокрили», «шестороги», «од шес крилах», «крилати» широко распространены. Исходя из приведенных примеров, добавляет он, мы склонны видеть в «шестокрилци» «Слова» эпико-героический образ, имеющий общие корни с эпитетами в южнославянской народной поэзии, но с более или менее различ-

---

[18] Н. Дилевски. «Ратаевѣ кикахуть» и «а злата и сребра ни мало того потрепати» в «Слове о полку Игореве». — Годишник на Софийския университет, ист.-филолог. факултет, XLII, 1946, 19 стр.

[19] Н. Дилевски. Бележки върху «Слово о полку Игореве». — ИИБЛ, III, 1955, стр. 97—112.

[20] Н. М. Дилевски. Бележки върху «Слово о полку Игореве». — ИИБЛ, VI, 1958, стр. 101—121.

ным семантическим содержанием. К сожалению, по собственному признанию автора, он не может дать окончательный ответ на вопрос, как возник этот поэтический образ в народных песнях южных славян. При этом автор высказывает сомнения в правильности мнения Ф. Е. Корша, что эпитет может быть связан с греческим словом ἑξαπτέρυγος или ξεφτέρι как названием сокола или ястреба.[21] Полагаем, что это предположение Ф. Е. Корша заслуживает большего внимания, чем было ему уделено Н. М. Дылевским. Несомненно, что употребление ξεφτέρι в смысле «сокол»[22] является символом «быстрого» и именно так и мог быть назван Хрельо, эпический герой южных славян.

Если, как говорит Н. М. Дылевский, под эпитетом «шестокрили» или «шестокрилец» в южнославянской эпической поэзии следует искать «легендарные качества», то несомненно, что быстрота и ловкость — качества, принадлежащие известной исторической личности средневековья. Не следует, однако, пренебрегать и влиянием библейско-христианского образа серафима и херувима, отражавшегося очень часто в церковной живописи.

В последней части своей статьи Н. М. Дылевский дал интересную параллель между текстом «Слова о полку Игореве» и средневековой анонимной болгарской хроникой первой четверти XV в. (последняя опубликована мною: Из старата българска книжнина, II. София, 1944, 265 стр.). Параллели относятся к описанию начала второй битвы, данной в «Слове».

Вторая упомянутая статья Н. Дылевского посвящена толкованию выражения «стязи глаголютъ» в «Слове о полку Игореве». Используя богатую литературу, автор формулирует некоторые интересные выводы. Прежде всего, по его мнению, слово «стяг — стязи» необходимо понимать в его прямом значении — «знамя», а не в смысле «знаменосец». Выражение же все целиком требует, кроме того, толкования в смысле «знамена говорят, развеваемые бурей», что представляется закономерным явлением, поскольку оно предопределяется остальными моментами этой насыщенной трагизмом картины. Вместе с тем Н. М. Дылевский принимает интересное мнение Д. С. Лихачева, что здесь идет речь не о русских отрядах, а отрядах нападающих половцев. Итак, заключает Н. М. Дылевский, развевающиеся от ветра многочисленные знамена наступающих половецких орд возвещают русским о своем приближении. «Но в таком случае, — пишет Н. М. Дылевский, — знамена уже не „молвят", не „говорят", так как расстояние велико и русские не могут слышать, а сообщают своим видом». Вообще, по словам Н. М. Дылевского, выражение «стязи глаголють» нужно рассматривать только как метафору, как образ, органически спаянный с предшествующим текстом, объединенный с ним по содержанию и по форме.

Как известно, одним из сыновей болгарского царя Симеона (893—927) был Боян, о котором западный писатель X в. епископ Кремонский Лиутпранд сообщает, что он занимался так называемой имитативной магией. Эти сведения итальянского автора, современника, разумеется, давно привлекли любознательность ученых. Некоторые ученые высказали в связи с этим предположение, что Бояна, в сущности, следовало бы отождествить с легендарным певцом русского «Слова о полку Игореве». Такое отождествление предложил еще в первой половине прошлого века Ю. И. Ве-

---

[21] См.: Ф. Е. Корш. «Слово о полку Игореве». Исследования по русскому языку, II, в. 6. М., 1909, стр. LXII.

[22] Интересный пример употребления слова в этом значении дан в книге: C. Giannelli. Un lexique macédonien du XVI-e siècle. Paris, 1958, стр. 25.

нелин (Критические исследования об истории болгар, М., 1849, 263 стр.). Под влиянием, очевидно, Ю. Венелина представитель болгарского Возрождения Г. С. Раковский (Неколико речи о Асеню първому, великому царю болгарскому, и сыну му Асеню второму. Белград, 1860, стр. 68 сл.) также готов был признать тождественность обеих личностей. Более того, для доказательства своего предположения Раковский опубликовал одну народную песню — без сомнения подложную, — в которой упоминается о Бояне. Позже некоторые болгарские ученые также восприняли предположение о тождественности Бояна, сына Симеона, и певца из «Слова о полку Игореве» (А. Теодоров-Балан. Сенки, III. Първи стихотворци. — Български преглед, I, 11—12, 1894, стр. 248 и сл.; В. Пундев. Боян магьосникът. София, 1923, 32 стр.). Изучению этого вопроса посвящена моя небольшая статья.[23] Сведения о занятиях магией болгарского князя Бояна, по-моему, нужно связать с тем, что мы знаем о распространении занятий магией среди византийцев, а эти сведения чрезвычайно многочисленны и знаменательны. Что касается отождествления князя Бояна с мифическим русским певцом, его нужно решительно отвергнуть. Тождественность имен ни в коем случае не доказывает тождественность обеих личностей. Против этого отождествления говорят, во-первых, хронологические несоответствия. Болгарский князь Боян жил, как известно, в первой половине X в., в то время как русский певец Боян упоминается в памятнике, относящемся к концу XII в.

С другой стороны, о болгарском князе известно только то, что он занимался магией, а то, что он был поэтом, — лишь очень смелое предположение новых исследователей. Очень трудно допустить, чтобы сведения о болгарском поэте Бояне первой половины X в. могли попасть в древнерусский памятник, тогда как в болгарских исторических документах о нем нет никакого следа. Короче говоря, необходимо считать, что это две совершенно различные личности. Певец в «Слове о полку Игореве» принадлежал всецело к русскому прошлому, как ни соблазнительна мысль приписать его качества болгарскому князю Бояну, о котором мы знаем очень мало.

Б. Ст. Ангелов в последние годы написал несколько статей по вопросам, связанным с изучением «Слова о полку Игореве». В одной своей статье он затронул вопрос о некоторых южнославянских параллелях к отдельным местам «Слова о полку Игореве».[24] Так, он приводит параллели из сербского похвального слова князю Лазарю, погибшему 15 VI 1389 в битве на Косово против турок. В одной из редакций этого слова (опубликована И. Руварцем в «Летопис Матице, српске», CXVII, 1875, стр. 112) имеются строки, которые очень сильно напоминают призывы князя Игоря к борьбе против половцев. Другую параллель Б. Ангелов находит в жизнеописании сербского деспота Стефана Лазаревича, составленном Константином Костенческим (Гласник, XLII, 1875, стр. 275), а также в некоторых сербских летописях (например, в так называемой «Студенички летопис»: Л. Стоіанович. Стари српски родослови и летописи. Ср. Карловци, 1927, стр. 93; в списках Вукмановича, Ст. Новаковича). По Б. Ангелову, эти параллели не содержат никакого прямого литературного влияния, но говорят об общих книжных формах, получивших распространение среди русских и южных славян, и, с другой

---

[23] См.: Ив. Дуйчев. Проучвания върху българското средновековие. — Сб. БАН, XLI, 1, 1945, стр. 8—19: II. Боян Магесник. Към въпроса за лъжливите науки у нас и във Византия през средновековието.

[24] Б. Ст. Ангелов. Старославянски текстове. — ИИБЛ, III, 1955, стр. 178—182.

стороны, представляют собой «важный аргумент для подтверждения старинного происхождения „Слова“».

Особый интерес представляет статья Б. Ангелова, содержащая заметки о тексте «Слова о полку Игореве».[25] В ней автор задался целью дать толкования некоторых неясных и спорных терминов в тексте древнерусского литературного памятника и привел некоторые параллели из старославянских текстов и произведений народного творчества. Он обращает внимание на цитаты, данные Н. М. Карамзиным из «Слова о полку Игореве» и из некоторых других сочинений: «Синагрип, цар Адоров», «Деяния прежних времен храбрых человек», т. е. «Девгениево деяние», затем «Сказание об Индии богатий», — которые были в погибшем сборнике. Как пишет Б. Ангелов, поставленное в естественную историко-литературную, языковую, стилистическую и поэтическую среду, «Слово о полку Игореве» совсем не звучит как литературный диссонанс — вымысел неизвестного фальсификатора конца XVIII в., а предстает перед нами как великое произведение русской литературы, крепко связанное как с древнерусскими произведениями, так и с произведениями древней южнославянской литературы. Как мы видим, болгарские исследователи «Слова о полку Игореве» сочли важным привести свидетельства подлинности этого литературного произведения.

Далее, Б. Ангелов исследует имя Канина. Он приводит примеры из топонимики и ономастики болгарских земель и некоторые языковые свидетельства болгарского языка.

Несколько страниц посвящены толкованию имени Трояна. По мнению Ангелова, ошибочно было бы считать, что это имя проникло на Русь с юга, а именно из болгарских земель. Напротив, имя Троян могло проникнуть значительно легче и удобнее из румынских земель, населенных славянами.[26] Однако очень важно указание автора об употреблении выражения «снежни трояни». Кроме того, Б. Ангелов отмечает некоторые случаи употребления имени Троян. Так, автор ставит вопрос: «Можно ли полагать, что Троян — божество, олицетворяющее природные силы: ветры, бури, холод?».

Далее, Б. Ангелов разбирает слово «Хинова». Указывая наличие слов «хина» и «хинове» в старинных болгарских текстах, он приходит к выводу, что «хинови», «Хинова», «хиновские» — старинные русские слова.

В связи со словом «полозие» («полозие ползаша только») Б. Ангелов напоминает, что русское слово «полоз» или «полозие» соответствует болгарскому «плаз», «смок, голяма змия, стрелец».

Относительно имени Шарукан Б. Ангелов говорит, что у Константина Костенческого (Животопис Стефана Лазаревича. — Гласник српског уч. др., XLII, 1875, стр. 278) встречается имя Шарух, а в поучении Владимира Мономаха — форма «Шарухан», «шаруканя». Однако к этому необходимо добавить, что византийским памятникам хорошо известно или Σαρχάνης, или Saruxān, — имя удельного турецкого властителя из династии Saruchan Ogullari (1300—1345).[27] Форма «Шарукан», очевидно,

---

[25] Б. Ст. Ангелов. Бележки върху «Слово о полку Игореве». — ИИБЛ, V, 1957, стр. 455—474.

[26] В приведенном отрывке из статьи А. И. Яуимирского «Тропа Трояна в „Слове о полку Игореве“» и попытке румынского ученого объяснить это выражение («Древности», III, 1902, стр. 121 сл.) несомненно допущена ошибка: упомянутый «Траянов път» находится не по ту сторону Дуная, а в болгарских землях и с большей уверенностью отождествляется с известным Троянским проходом на Балканском хребте.

[27] G. Moravcsik. Byzantinoturcica, II. Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen, стр. 269—270.

представляет собой свободное написание турецкого имени Saruxān. Именно византийские параллели этого имени могут служить хорошим доказательством его правильности в тексте «Слова».

К известным параллелям слова «зегзици» в «Слове» Б. Ангелов прибавил еще два примера, в которых слово употреблено в значении «кукушка».

Как известно, одним из загадочных мест в древнерусском литературном памятнике является выражение «время Бусово», которое комментаторы «Слова» (Д. С. Лихачев, а вслед за ним Н. М. Дылевский) связывают с именем антского князя Боза (последние десятилетия IV в.; см.: Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1950, стр. 430—431). Б. Ангелов поставил вопрос: правильна ли та мысль, что выражения «время Бусово» и «бусови врани» имеют одинаковое происхождение? Однако вопрос остается открытым и ждет своего разрешения.

В конце статьи Б. Ангелова даны некоторые текстуальные параллели к «Слову» из «Слова Даниила Заточника», из «Чудес св. Дмитрия Солунского», составленных Иоанном Ставракием (XIII в.), и из одной сербской народной песни.

3. В области изучения других эпох и других памятников древнерусской литературы болгарские исследователи сделали немного. Так, например, Б. Ангелов опубликовал два кратких текста из древнерусской церковной литературы.[28] На основе рукописи № 17-а, XIV в. (принадлежащей Архивному институту Болгарской Академии наук) он напечатал проложное житие киевской княгини Ольги с разночтениями по списку так называемого Станиславова пролога (Лесновского пролога) 1330 г., согласно изданию В. Ламанского (О некоторых славянских рукописях в Белграде, Загребе и Вене. СПб., 1864, стр. 113). Из сопоставления видно, что между двумя списками нет существенных различий. По Б. Ангелову, текст рукописи Болгарской Академии наук представляет собой список русского пролога, о чем свидетельствуют некоторые руссизмы в языке. На основе рукописи № 3153 (Архивный институт Болгарской Академии наук, Пролог XIII—XIV вв., среднеболгарская редакция) Б. Ангелов издал проложное житие князя Мстислава, к тексту которого прибавил разночтения по списку Хлудовского пролога № 189 (сербская редакция), изданному А. Поповым (Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, стр. 378).

Богатый материал и обильные библиографические указания о болгаро-русских литературных связях в эпоху турецкого ига в Болгарии даны в другой статье Б. Ангелова.[29] Ангелов обращает внимание на то, что и в самые тяжелые годы рабства в Болгарии распространялись различные сведения о России и о русском народе. Согласно сказанному, общие связи выражаются в нескольких формах: «проникновение сведений о России, проникновение русских оригинальных и переводных сочинений, влияния в области языка, проникновение русской печатной книги». В подкрепление своих выводов Б. Ангелов указывает на сведения о России и о русской культуре в сочинениях болгарских писателей первых веков турецкого ига: рассказ (по Иоанну Зонаре) Владислава Грамматика о крещении русских, заметка Дмитрия Кратовского о России, рассуждения Константина Костенечского о русском языке и его преимуществах, влияние русского языка в писаниях Матвея Грамматика (XVI в.), списки русских литературных памятников в болгарских рукописях и т. д.

[28] Б. Ст. Ангелов. Из славянските ръкописи на БАН. — Известия на Архивния институт, I, 1957, стр. 292—297.

[29] Б. Ангелов. Из историята на руското културно влияние в България (XV—XVIII в.). — ИИБИ, VI, 1956, стр. 291—325.

Б. Ангелов обращает особое внимание на сведения в болгарских рукописях о русских святых, затем на многочисленные известия о перенесении в Болгарию русских печатных произведений и переписке текстов из них и пр. Приведенное им (стр. 313) пожелание Русской земле «растеть и младееть и възвишаетсе и распространяется, еиже, Христе милостиви, даждь расти и младети и разширати се и до скончаниа века» очень близко напоминает место из среднеболгарского перевода Хроники Манассии.[30]

Наряду с другими ценными сведениями, собранными в содержательной статье Б. Ангелова, особого упоминания заслуживают сведения о распространении русской повести о взятии Царьграда турками в 1453 г., которую он нашел в семи южнославянских списках XVI—XVIII вв. Рассказ под заглавием «О създании Цариграда въ Византии», данный по рукописи XVII в., очевидно, не является оригинальным произведением, как это склонен думать Б. Ангелов, а имеет несомненно переводный характер. Наконец, необходимо отметить и то, что, по мнению Б. Ангелова, местами, откуда шло русское влияние в то время, были Афон, Царьград и Подунавы.

На недавно найденной при раскопках в Новгороде берестяной грамоте читаем: «д. ваци солоду» (см.: А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте. М.—Л., 1953, стр. 15). В. К. Чичагов (Вопросы языкознания, 1954, кн. 3, стр. 82—83) предложил читать слово «каци» вместо непонятного «ваци». Вопреки этой поправке первоначальное чтение повторяется еще два раза (А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М.—Л., 1955, стр. 16—20; Известия АН СССР, XVI, 1, 1956, стр. 210). В свою очередь, не зная статьи В. К. Чичагова, к такому же выводу пришел и Н. М. Дылевский.[31]

Недавно советский ученый Н. А. Мещерский обратил внимание на древнерусский перевод «Рыдания» — произведения поздневизантийского писателя Иоанна Евгеника по поводу овладения византийской столицей турками в мае 1435 г.[32] Дополнением к этой интересной статье является небольшая статья Ив. Дуйчева.[33] Подчеркивается тот факт, что кроме списка греческого оригинала «Рыдания», сохранившегося в использованной Порфирием Успенским греческой рукописи из Иверского монастыря на Афоне (а именно: cod. Athon. 4508/388, f. 777'), известны еще два других списка греческого текста. На основе одной греческой рукописи, хранящейся в Парижской Национальной библиотеке (а именно: cod. Parisin. suppl. gr. 678, ff. 115—119), текст был издан еще очень давно известным греческим византологом Спиридоном Лампросом в греческом журнале: Νέος Ἑλληνομνήμων (V, 2—3. 1908, стр. 219—226). О содержании другого греческого списка, хранившегося в монастыре Метеора в северной

---

[30] См. издание: J. Bogdan. Cronica lui Constantin Manasses. Traducere mediobulgară făcută pe la 1350. Bucureşti, 1922, стр. 99—100: «и сиа убо приключишу ся старому Риму, наш же новый Цариград доит и раститъ, крепит ся и омлаждает ся. Буди же ему и до конца расти, еи царю въсеми царствууи»; см. также: А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVII веков. М.—Л., 1945, стр. 203; Iv. Dujčev, Byzantinoslavica, XVII, 1956, стр. 317, прим. 254.

[31] См: Н. Дилевски. Д. Ваци солодоу в новгородската «берестова» грамота № 1 от гледище на български език. — БЕ, VI, 3, 1956, стр. 263—266.

[32] Н. А. Мещерский. «Рыдание» Иоанна Евгеника и его древнерусский перевод. — Византийский временник, т. VII. М., 1953, стр. 72—86.

[33] Ив. Дуйчев. О древнерусском переводе «Рыдания» Иоанна Евгеника. — Византийский временник, XII, М., 1957, стр. 198—202. — О творчестве Иоанна Евгеника см. также: Byzantinische Zeitschrift, LI, 1958, стр. 197.

Греции, сообщил греческий ученый Никос А. Веис (Византийский временник, XX, 1913, стр. 319—329), который издал отрывки из текста. Список Иверской рукописи неудовлетворителен. Сопоставление греческого оригинала и древнерусского перевода, судя по сохранившимся и уже опубликованным спискам, дает возможность, с одной стороны, проверить перевод, а с другой — дополнить греческий оригинал, который дошел до нас в плохом состоянии. Когда будет осуществлено полное издание памятника, — что было бы желательно, — необходимо обратить внимание на все существующие рукописные материалы, т. е. использовать греческие списки текста и известные древнерусские списки перевода.

В обширной статье, посвященной литературным отголоскам турецкого завоевания балканских земель и завоевания Царьграда турками в мае 1453 г.,[34] я собрал и проанализировал славянские свидетельства о событиях XIV—XV вв. Среди славянских отзвуков значительное место занимают упоминания об этих исторических фактах в русской литературе того времени.[35] В статье рассматриваются древнерусский перевод «Рыданий» Иоанна Евгеника о падении Царьграда, повесть о взятии византийской столицы, составленная Нестором-Искендером, древнерусский перевод Откровения Мефодия Патарского, упоминания в различных древнерусских хрониках, а также и другие сведения из доступных мне русских литературных памятников XIV—XV вв. Ценные свидетельства русских источников ясно показывают, какой глубокий и живой отклик получили в русском обществе XIV—XV вв. события, связанные с турецким завоеванием Балканского полуострова и падением византийской столицы. Эти свидетельства служат в то же самое время красноречивым доказательством единства сознания восточных и южных славян.

Недавно были опубликованы две работы, о которых следует сказать особо. Это прежде всего ценная статья известного исследователя древнеболгарской и древнеславянской литературы покойного Йордана Иванова (умер в 1947 г.) о киевском митрополите Киприане (1375—1406).[36] Рассматривая вопрос о болгарском происхождении митрополита Киприана, И. Иванов специально исследует его литературную деятельность и дает сведения о его известных рукописях. Особенно ценны приведенные в статье извлечения из рукописей. Эта статья содержит богатый и свежий материал; она написана с хорошим знанием древней литературы, со знанием жизни и деятельности митрополита Киприана.

Продолжая исследование и публикацию новых славянских памятников письменности, Б. Ангелов издал один интересный текст, связанный с русским прошлым.[37] На основе так называемого Поп-Пунчова сборника 1796 г., хранившегося в Государственной библиотеке «Васил Коларов» в Софии (№ 693/95, лл. 363′—372′), Б. Ангелов издал болгарский рассказ

---

[34] Iv. Dujčev. La conquête turque et la prise de Constantinople dans la littérature slave contemporaine. — Byzantinoslavica, XIV, 1953, стр. 14—54; XVI, 1955, стр. 318—329; XVII, 1956, стр. 276—340; ср.: F. D(ölger), Byzantinische Zeitschift, XLIX, 1956, стр. 497: «das erstaunlich reiche Belegmaterial... für den Widerhall den das Vordringen der Osmanen auf den europäischen Kontinent und die Einnahme Konstantinoples in der altrussischen, polnischen und čechischen Literatur hervorgerufen hat».

[35] Iv. Dujčev, Byzantinoslavica, XVII, 1954, стр. 280—319.

[36] Йорд. Иванов. Българското книжовно влияние в Русия при митрополит Киприан (1375—1406). — ИИБЛ, VI, 1958, стр. 25—79. — Статья найдена среди бумаг покойного ученого и опубликована в том виде, в котором он ее оставил. Очевидно, что необходимо было сделать некоторые добавления и указания на более новую литературу.

[37] Б. Ст. Ангелов. Стари славянски текстове. — ИИВЛ, VI, 1958, стр. 251—276.

о крещении русских. Памятник представляет интерес как исторический документ и как литературное произведение. К сожалению, некоторые подробности еще необходимо истолковать, очевидно, общими усилиями болгарских и русских ученых. Любопытны, кроме того, сведения, собранные Б. Ангеловым, о некоторых южнославянских списках русского сказания о Куликовской битве. К сожалению, эти списки до сих пор не изданы, и Б. Ангелов справедливо настаивает на их опубликовании. «Сказание о Куликовской битве — важное произведение древнерусской литературы, прославляющее мощь русского оружия, называющее Москву объединительным центром восходящей Руси, — пишет Б. Ангелов, — распространилось среди южных славян и бесспорно оказало свое благотворное воздействие в создании славы России как освободительницы».

В заключение необходимо указать, что в связи с опубликованием древнерусских юридических памятников X—XII в.[38] следует обратить внимание на известные параллели со средневековыми болгарскими историческими источниками, которые облегчают толкование отдельных мест в тексте древнерусских памятников права.[39]

Совсем недавно вышла из печати книга Б. Ст. Ангелова «Из старата българска, руска и сръбска литература» [София, 1958 (Институт за българска литература)]. В книге около тридцати текстов произведений древнеславянской литературы, часть которых ранее не публиковалась либо была издана неудовлетворительно или на основе других списков. Большинство текстов принадлежит древнеболгарской литературе, но некоторые относятся к древнерусской литературе или тесно с нею связаны. Для историка русской литературы интересен опубликованный текст рукописи Рыльского монастыря о набегах сарацин на Царьград. Далее, на основе рукописи Софийской государственной библиотеки (№ 309, или 68) с разночтениями рукописи, хранящейся в Пловдивской народной библиотеке (№ 101, или 36), автор публикует широко распространенное в русской литературе «Сказание о двадцати снах царя Шахаиши». В связи со «словом» Даниила Заточника следует отметить опубликованный Б. Ангеловым по болгарским рукописям текст под заглавием «Мысли о женах». По рукописи Хлудова сборника № 107, XVI в., Б. Ангелов издал текст жития киевского и всероссийского митрополита Петра, составленного митрополитом Киприаном. Этот памятник имеет выдающийся интерес для историков древнерусской литературы и для исследователей русско-болгарских литературных и культурных связей. Кроме того, автор помещает и несколько других текстов, связанных с древнерусской литературой: одно краткое житие митрополита Киприана (рукопись XVII в.), похвальное слово митрополиту Киприану, составленное Григорием Цамблаком, проложное житие Ольги, хвалу князю Владимиру, Борису и Глебу, житие Феодосия Печерского (по списку XIII—XIV вв.), «слово» Феодосия Печерского против латинян (рукопись 1557 г., хранящаяся в Румынской Академии наук), молитвы Кирилла Туровского (по Софийской рукописи XVI—XVII вв.) и, наконец, два «слова» митрополита Илариона (рукопись XVI в. Румынской Академии наук).

Книга Б. Ангелова является ценным вкладом в изучение не только средневековой южнославянской литературы, но и древнерусской литературы.

Что же касается отдельных вопросов истории древней русской литературы или вопросов литературных связей между болгарами и русскими

[38] А. А. Зимин. Памятники права Киевского государства X—XII вв. М., 1952 (Памятники русского права, I).

[39] См.: Iv. Dujčev. Byzantinoslavica, XV, 1954, стр. 255—258.

в эпоху средневековья (преимущественно до конца XV в.), то в некоторых статьях и книгах они затронуты более или менее широко.[40]

Перечисленные работы болгарских ученых свидетельствуют, насколько велик интерес в Болгарии к изучению древнерусской литературы. Можно надеяться, что опубликование древнерусских литературных памятников на основе болгарских и вообще южнославянских рукописей обогатит наши знания о богатой древнерусской литературе, а труды болгарских ученых приблизят решения того или другого вопроса в этой области.

---

[40] См., например: Д. Ангелов. Руси и българи в историята. София, 1945; Ив. Снегаров. 1) Духовно-културни връзки между България и Русия пред средните векове (X—XV в.). София, 1950; 2) Културни и политически връзки между България и Русия XVI—XVIII в. София, 1953; Н. Дилевски. Рылский монастырь и Россия в XVI—XVII веке. София, 1946; Б. Ст. Ангелов. Из историята на руското книжовно проникване у нас (XI—XIV в.). — ИИБЛ, III, 1955, стр. 37—65; Б. Ст. Ангелов. Материали за проникване на руската книга в България до XIV в. — Годишник на Българския библиографски институт. IV, 1956, стр. 113—126.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

А. СУПРУН

Македонский перевод «Слова о полку Игореве»

Выдающийся памятник древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» переведен на современные славянские литературные языки. Почти каждый год появляются новые славянские переводы замечательной поэмы, стремящиеся к более верному толкованию текста и к более совершенной форме.

Недавно был опубликован перевод «Слова о полку Игореве» на молодой македонский литературный язык. Еще в 1863 г. появился перевод «Слова о полку Игореве», выполненный Райко Жинзифовым и помещенный им в «Новобългарской сбирке» (М., 1863). Этот перевод считают первым, сделанным на болгарский и македонский языки.[1] Теперь перевод «Слова» на македонский язык осуществлен Тодором Димитровским.[2] Ритмический перевод «Слова» сопровождается сжатой вступительной заметкой, дающей общую характеристику памятника как «крупнейшего художественного произведения древней русской литературы» (стр. 56—57), а также краткими комментариями (стр. 79—82).

В основу перевода положен текст в прочтении Д. С. Лихачева, его же русский ритмический перевод.[3] В частности, разбивка на строки в македонском переводе почти точно соответствует разбивке Д. С. Лихачева. Можно указать, пожалуй, лишь два более или менее значительных отступления от прочтения Д. С. Лихачева. При переводе выражения «растѣкашется мыслию по древу» принята конъектура о вероятном «мыслию — мысию» и в соответствии с этим перевод звучит: «мислата ќе ја играше по дрво ко верверица». В другом месте допускается, что Ингвар и Всеволод входят в число «всех трех Мстиславичей», прозванных так по деду (ср. в переводе строки 461, 462 и примечание к ним).

Перевод выполнен достаточно точно, простым и понятным языком. Не совсем понятно, почему выражение «чрьлена чолка» передано как «туг хановски» (строка 146). Примечания, как правило, поясняют непонятные для читателя места, главным образом имена. Правда, кое-где их недостает. Так, например, следовало бы раскрыть значение взятого в кавычки выражения о сборе дани с дома «по белица» (строка 281).

---

[1] Ср.: Б. Конески. Македонската литература во 19 век. Скопје, 1950, стр. 20—21; К. Н. Державин. Райко Жинзифов и его перевод «Слова о полку Игореве». — Вестник Ленинградского гос. университета. Л., 1951, № 1, стр. 177—187; Б. Ст. Ангелов. «Слово о полку Игореве» и българската литература. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 60—70.

[2] Т. Димитровски. Слово за походот Игорев (превод и објасненија). — Млада литература, год издания VII, 1957, № 10 (декабрь), стр. 56—82. Ср. также отдельный оттиск; Скопје, 1957.

[3] «Слово о полку Игореве». Под редакцией чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 9—31, 53—75.

Примечания коротки, но соответствуют своему назначению. Требует уточнения примечание к строке 353: «Шарукан — половецкий хан, плененный русскими в 1068 году». Между тем в этой строке речь идет скорее о мести за поражение Шарукана в 1107 г., нанесенное ему русскими князьями, а не за пленение в ноябре 1068 г.

Новый македонский перевод «Слова о полку Игореве», осуществленный на достаточном научном и художественном уровне, является полезным делом большого культурного значения. В круг чтения македонского читателя вошло теперь лучшее произведение древней русской литературы.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

Л. А. ДМИТРИЕВ

Принцип трехчленности в композиционном построении «Слова о полку Игореве»

В Ученых записках Тамбовского пединститута напечатано исследование Б. Н. Двинянинова, посвященное одному из существенных вопросов изучения «Слова о полку Игореве» — анализу особенностей и закономерностей композиционной структуры этого произведения.[1] Автор ставит перед собой задачу «установить объективные внутренние законы построения „Слова о полку Игореве“, выявить основной принцип деления „Слова“ на части, определяющий ритм и композицию плана» (стр. 138). В решении вопроса о композиционной структуре «Слова» исследователь отмечает два основных направления: логическое и ритмическое. «Сторонники первого направления берут смысловой принцип и делят текст прежде всего на логически законченные периоды», сторонники второго направления, «не отвергая смысловые границы частей, на первый план выдвигают понятие ритмической единицы, которую трактуют довольно широко» (стр. 138). Б. Н. Двинянинов исходит из положения о том, что «логическое членение текста должно предшествовать „ритмическому“, а не наоборот», так как архитектоника «Слова о полку Игореве» отличается «стройной, логически продуманной композицией, пропорциональным соотношением всех частей, составляющих гармоническое строение „Слова“, и соподчинением общей логической конструкции всех внутренних изобразительных и выразительных художественных средств» (стр. 153). По мнению исследователя, «основным элементом, организующим композиционное, ритмическое и стилевое единство „Слова о полку Игореве“, является трехчленность, характерная как для устной поэзии, так и для произведений торжественной художественной ораторской прозы» (стр. 154).

Само по себе положение о трехчленности общего плана «Слова о полку Игореве» общепризнано, что отмечает и сам автор статьи, но имеются различные решения этого вопроса. Наиболее традиционным и распространенным членением «Слова» на три части является разделение его на: 1) вступление, 2) основную (повествовательную) часть и 3) заключение. По мнению Б. Н. Двинянинова, более правильной и плодотворной является гипотеза В. Ф. Ржиги, который связал трехчленность композиции «Слова о полку Игореве» с тремя основными героями произведения — Игорем, Святославом и Ярославной. Развивая эту мысль, Б. Н. Двинянинов предлагает делить «Слово» на три главы, «организующим центром кото-

---

[1] Б. Н. Двинянинов. Принцип трехчленности в плане и композиции «Слова о полку Игореве». — Ученые записки Тамбовского гос. педагогического института, в. XII. Воронеж, 1958, стр. 137—182.

рых будут герои и конфликты, связанные с ними. В центре первой главы будут стоять Игорь, дружина и его поход, в центре второй главы — Святослав, князья и его „золотое слово“, в центре третьей главы — Ярославна, жены и ее плач» (стр. 156). Однако предлагая свое деление «Слова» на три главы, Б. Н. Двинянинов напрасно отбрасывает деление его на вступление, основную часть и заключение: одно другому не противоречит. Есть все основания говорить, что в общем плане «Слова» одновременно сосуществуют два принципа трехчленности: по формальному признаку «Слово» делится на вступление, основную часть и заключение, по содержанию же оно может быть разделено на три основные главы, определяющиеся тремя центральными образами памятника, вокруг которых автор группирует события своего повествования.

Рассмотрение вопроса о трехчленности композиции «Слова», с подробным очерком истории этой проблемы в изучении памятника, представляет само по себе большой интерес. Но если бы Б. Н. Двинянинов ограничился лишь рассмотрением вопроса трехчленности в общем плане «Слова», то едва ли это могло бы послужить материалом для большого исследования, каким является рецензируемая работа. Б. Н. Двинянинов подходит к вопросу о трехчленности «Слова» гораздо глубже, чем это делалось всеми его предшественниками. По мнению исследователя, принцип трехчленности как бы пронизывает весь текст «Слова»: подразделение текста внутри основных частей произведения на более мелкие части также подчинено принципу трехчленности.

На основании анализа произведений Кирилла Туровского, митрополита Илариона и Серапиона Владимирского Б. Н. Двинянинову удалось убедительно показать, что принцип трехчленности является характерным приемом композиционного построения произведений ораторского искусства древней Руси. Автор отмечает, что на трехчленность «слов» Кирилла Туровского исследователи его творчества указывали уже неоднократно. Но Б. Н. Двинянинов сумел раскрыть внутреннее содержание этой трехчленности композиционного построения «слов» знаменитого проповедника XII в., показать, что это глубоко продуманный художественный прием. Рассматривая «Слово на третью неделю» Кирилла Туровского, исследователь приходит к заключению, что принцип трехчленности строго выдержан Кириллом Туровским как в плане всего «Слова» в целом, так и в плане его отдельных частей: все «Слово» делится на три части, каждая часть в свою очередь делится на три основных эпизода. Такой же принцип трехчленности, выдержанный в композиции всего произведения в целом и внутри, в отдельных трех частях этого целого, раскрывается Б. Н. Двиняниновым на конкретном материале «Слова на Вознесение» Кирилла Туровского и «Слова о законе и благодати» Илариона.

Столь же строго выдержанная трехчленность в целом и в частях, по мнению Б. Н. Двинянинова, характерна и для композиционного построения «Слова о полку Игореве». Как уже отмечалось выше, все «Слово» Б. Н. Двинянинов делит на три главы. Каждой главе он дает определенное название: 1) Игорь и его поход; 2) Святослав и его «золотое слово»; 3) Плач Ярославны и возвращение Игоря. Первая и вторая главы в свою очередь делятся на шесть частей и третья — на пять. Каждая часть представляет собой логически и поэтически законченный отрывок текста. Каждая часть, по схеме Б. Н. Двинянинова, делится на три основных эпизода. Так, первая часть первой главы «Слова» делится на следующие три основных эпизода: «1. Вступление автора: о своей поэтической манере, о Бояне и исторических границах повествования. 2. Характеристика Игоря, Всеволода и дружины (с лирическим отступлением о Бояне).

3. Выступление Игоря в поход, грозные предзнаменования и его безнадежность». Каждый эпизод, согласно схеме Б. Н. Двинянинова, в свою очередь делится на три еще более мелких эпизода. Б. Н. Двинянинов пишет об этом: «Принцип трехчленности, обязательный для каждой части, сохраняется порой отчетливо внутри более мелких единиц деления, т. е. каждая из трех частей в свою очередь логически делится также на три подчасти, образуя необыкновенно целостное ритмическое единство, улавливаемое на слух. Например, вступление автора включает три момента: А) зачин, где автор говорит о своей манере повествования; Б) характеристика песнотворчества Бояна; В) исторические границы повести» (стр. 158).

Однако в действительности все обстоит гораздо сложнее. Если принять схему вступления, предложенную Б. Н. Двиняниновым, то к вступлению должна быть отнесена и характеристика Игоря. Фраза об «исторических границах повести» «Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря» неразрывно связана со следующей за ней фразой, характеристикой Игоря, причинным союзом «иже»: «...до нынѣшняго Игоря, иже истягну умь крѣпостію своею...». Таким образом, из второго основного эпизода первой части должна быть изъята характеристика Игоря. Но тогда в первом эпизоде уже будет четыре подразделения, а не три, а из второго одно подразделение выпадает. Рассматривая план первой части, Б. Н. Двинянинов останавливается на вопросе о перестановке отрывка «О, Бояне, соловію стараго времени!.. ищучи себе чти, а князю славѣ». Он считает, что «план „Слова“ от этой перестановки, возможно, несколько выравнивается логически, но отнюдь не улучшается художественно. При этой перестановке замечание о Бояне из лирического отступления будет лирическим вступлением к характеристике князей» (стр. 158). Однако, если мы не оторвем характеристику Игоря от слов автора о хронологических границах своего повествования (а этого делать, как мы убедились, нельзя), то перестановка будет оправдана и логикой текста, и художественностью, и «замечание о Бояне» останется лирическим отступлением. В случае принятия перестановки первый эпизод первой части, вступление, будет разделяться на такие моменты: 1) зачин, где автор говорит о своей поэтической манере, 2) характеристика песнетворчества Бояна, 3) исторические границы повести и характеристика мужества Игоря, 4) лирическое отступление о том, как воспел бы Боян поход Игоря. При этом отступление о Бояне тесно связывается со всей темой вступления: автор «Слова» сопоставляет свою манеру изложения с поэтической манерой Бояна. Вместе с тем невозможность разъединения слов автора о том, что он поведет свой рассказ от старого Владимира до Игоря, от характеристики Игоря отменяет все деление первой части на три основных эпизода. Вся первая часть может быть разбита только на два основных эпизода: 1) развернутое вступление, состав которого охарактеризован выше, и 2) рассказ о выступлении Игоря в поход. Второй эпизод при этом подразделяется на следующие более мелкие части: характеристика Всеволодом своих воинов курян; обращение Игоря к воинам перед началом похода; выступление войск в поход, сопровождаемое зловещими предзнаменованиями. Из всего сказанного мы можем сделать вывод: если принять предложенное Б. Н. Двиняниновым деление первой части первой главы на три основных эпизода, то внутри эти эпизоды, без насилия над текстом «Слова», на более мелкие тройные пункты не делятся. Если же принять наиболее дробную степень тройных подразделений текста, то нарушается тройственность деления первой части на основные эпизоды.

Вторая и третья части первой главы соответственно озаглавлены Б. Н. Двиняниновым «Первый бой» и «Второй бой». «Первый бой» делится на три основных эпизода: «Ночлег в степи перед боем», «Победа над половцами», «Вторичный ночлег после боя». «Второй бой»: «Движение главных половецких сил навстречу Игорю», «Развертывание битвы, слитое с грозой», «Подвиги буй-тура Всеволода». Предложенное Б. Н. Двиняниновым разделение второй части на основные эпизоды в целом не вызывает возражения, так же как и внутреннее разделение двух первых эпизодов этой части на три более мелких подразделения. Однако нельзя, как это делает Б. Н. Двинянинов, выносить из второй части фразу «Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ; Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому» в третью часть, как первый основной эпизод этой части. Ведь по смыслу эта фраза тесно связана с картиной ночлега русских войск в степи: во время отдыха русских воинов, утомленных первым боем, когда их окружают половцы. Слова о Гзаке и Кончаке нельзя считать основным эпизодом второго боя: движение половецких сил происходит накануне второго боя, что и подчеркивается первым же словом, с которого начинается рассказ о второй битве: «Д р у г а г о дни...». Б. Н. Двинянинову, очевидно, необходимо перенести слова о Кончаке и Гзаке в третью часть потому, что если оставить их во второй части, то третий эпизод второй части будет состоять из двух пунктов — картины ночлега и фразы о движении половецких сил во время ночлега русских, что нарушает выдержанность принципа трехчленности во всех частях произведения. Однако Б. Н. Двинянинов не замечает, что включение этого эпизода в третью часть первой главы должно было бы заставить его разбить всю эту часть не на три, а на четыре основных эпизода. «Развертывание битвы, слитое с грозой», это не один эпизод, а два: 1) символическая картина грозы, предшествующая рассказу о битве, и 2) картина самой битвы. И здесь, как и в первом случае, мы видим, что текст «Слова» не укладывается в схему Б. Н. Двинянинова.

Мы не будем столь же подробно анализировать остальные части плана «Слова», предложенного Б. Н. Двиняниновым, приведем лишь несколько конкретных примеров, когда текст памятника явно противоречит тому членению его, которое предлагается автором исследования. Первая часть второй главы «Сон Святослава» разбивается Б. Н. Двиняниновым на три основных эпизода: 1) содержание «мутного» сна, 2) толкование сна боярами, 3) авторская оценка поражения «с международной точки зрения». Непонятно, откуда появился третий эпизод? Ведь его нет в «Слове»! После рассказа Святослава боярам своего сна «ркоша бояре князю: „Уже, княже...“» и далее идет ответ бояр, в котором они говорят о походе и поражении Игоря, о последствиях этого похода, в том числе и с «международной точки зрения» (мы не останавливаемся на неудачности столь современного определения в отношении к «Слову») и заканчивают свой ответ словами: «А мы уже, дружина, жадни веселія». Нет сомнения, что в ответе бояр князю отразилась авторская оценка, но она входит в самый ответ бояр и выделять ее в самостоятельный эпизод никак нельзя. Третья и четвертая части второй главы последовательно озаглавлены Б. Н. Двиняниновым как «Обращение к князьям Северо-Западной Руси» и «Обращение к волынским князьям». «Обращение к князьям Северо-Западной Руси» делится им на три обращения: 1) к Всеволоду Владимиро-Суздальскому, 2) Рюрику и Давиду Смоленским и 3) к Ярославу Галицкому. В данном случае Б. Н. Двинянинову приходится явно грешить против истории и географии. Ни исторически, ни географически Галицкое княжество никак не может быть объе-

динено в группу с северо-западными княжествами. Уж тогда скорее следовало бы объединить с ними Волынское княжество, которое располагалось севернее Галицкого княжества. И уж если разбивать в рассматриваемом отрывке упоминаемые княжества на определенные группы, то включать Галицкое и Волынское княжества в разные группы никак нельзя. Вернемся немного назад и напомним, что три главы «Слова» Б. Н. Двинянинов делит: первую — на шесть частей, вторую — на шесть и третью — на пять. Ведь уже в этом членении текста имеется нарушение выдвинутого самим же автором тезиса о точном соблюдении в композиции «Слова» принципа трехчленности и строгой соразмерности всех трех глав произведения.

Возможно, в дальнейшем, при более тщательном и скрупулезном анализе текста, Б. Н. Двинянинову удастся безукоризненно расчленить «Слово» по принципу трехчленности, сейчас же нельзя сказать, что ему удалось это сделать. Наиболее верное решение этого вопроса должно, как нам кажется, строиться на положении о том, что в «Слове», написанном по принципу строгого соблюдения трехчленности в композиционном построении текста, имеются неоднократные случаи нарушения этого принципа. Б. Н. Двинянинов на конкретных фактах текста убедительно показал, как строго соблюдался в целом и в частях принцип трехчленности в произведениях классиков древнерусского ораторского искусства. Автор «Слова о полку Игореве», создавая свое произведение как произведение ораторского искусства, что, по нашему мнению, убедительно доказывается И. П. Ереминым, также собирался строго соблюсти в композиции своего «Слова» принцип трехчленности, но в самом творческом процессе его произведение не укладывалось в эти жесткие рамки, и автор постоянно нарушает их.

Как бы то ни было, самая постановка вопроса о трехчленности композиции всего произведения в целом и в отдельных частях как характерном признаке построения ораторских произведений древней Руси весьма плодотворна и заслуживает всяческого внимания. В постановке этого вопроса и в иллюстрации его материалом ораторских произведений, близких по времени своего создания к эпохе «Слова», заключается большая удача автора. Б. Н. Двинянинову необходимо продолжить свои наблюдения над текстом «Слова о полку Игореве» в начатом им направлении. При этом следует более тщательно подходить к тексту «Слова» и не отвергать возможности нарушения в тексте произведения избранной автором системы.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

Н. В. ШАРЛЕМАНЬ

Сергей Парамонов о «Слове о полку Игореве»*

150-летие первого издания «Слова о полку Игореве» вызвало появление ряда брошюр и книг не только в республиках Советского Союза и в странах народной демократии, но и в некоторых буржуазных государствах. Отметили эту дату и в Париже, отпечатав четыре выпуска «исследования» Сергея Лесного «Слово о полку Игореве» общим объемом в 521 страницу.[1]

На 3-й странице обложки 1-го выпуска Лесной раскрывает свой псевдоним, он сообщает свое научное звание и адрес: Dr. S. Paramonov, проживающий в Canberra City, Australia.

Мы хорошо знаем этого в прошлом советского доктора биологических наук, узкого специалиста по систематике двукрылых. Бежав в 1943 г. с оккупантами из Киева, он очутился в Австралии в должности правительственного энтомолога.

Обложки четырех выпусков обнаруживают еще одну интересную черту из биографии нового «исследователя» «Слова». Он, оказывается, не только ученый, но и поэт и беллетрист. Если на обложке 1-го выпуска названы три произведения «того же автора», то на обложке 4-го выпуска перечислено уже 8 заглавий, среди которых 3 книжки о «Слове», две книжки стихов, два сборника рассказов, одна книжка посвящена такой «высоконаучной» теме, как «Чертовщина на Лысой горе». Список замыкает 1-й выпуск «Истории руссов в неискаженном виде». Оказывается, Лесной не только специалист по чертовщине, но и по истории руссов!

Как видим, он необычайно плодовит и разносторонен. Возникает мысль, стоит ли уделять время для чтения и место для печатания рецензии на его «исследования» по «Слову». Однако чтение 1-го выпуска хотя и вызывает чувство некоторой гадливости, все же убеждает, что эту работу совершенно необходимо разобрать и разоблачить. Ведь у «Слова» за рубежом имеются враги и отрицатели. Появление «трудов» Лесного прибавит им энергии, и снова повторятся «несуразицы, нелепицы и свистопляска» (слова из арсенала Лесного). Кроме того, забегая вперед, надо

* Предоставляя слово проф. Н. В. Шарлеманю для общей оценки четырех книг С. Лесного (С. Парамонова) о «Слове о полку Игореве» и для ответа ему по тем вопросам, в которых С. Лесной в некоторой степени может все же считаться специалистом, редакция ТОДРЛ не считает возможным вступать в спор с С. Лесным по вопросам филологическим, историческим и прочим ввиду полной его некомпетентности в гуманитарных науках. С этой стороны книги С. Лесного лишены какого бы то ни было научного значения.

[1] Сергей Лесной. «Слово о Полку Игореве» (к 150-летию со дня опубликования). Париж, 1951, в. 1; Принципы, определяющие верное понимание «Слова о полку Игореве», 1951, в. 2; Комментарии, 1951, в. 3; Персоналии. Лица и события, упоминаемые в «Слове», 1953, в. 4.

сказать, что исследования Лесного в целом — это гнусный пасквиль на работу наших центральных учреждений по изучению древнерусской литературы, на советских ученых, на умерших и ныне живущих академиков и научных работников Академии, на лиц, изучающих «Слово» по любви к этому великому памятнику, на советских писателей. Несомненно, этот пасквиль с радостью будет использован врагами нашей Родины. Быть может, наша краткая рецензия кое-кому раскроет глаза на сущность названных «исследований».

В своих писаниях Лесной развязно обсуждает вопросы русской истории, литературоведения, филологии, природоведения и пр. и пр. Только в области военного дела и тюркологии он не считает себя специалистом.

Исходя из убеждения, что «Слово» дошло до нас в крайне искаженном переписчиками виде, Лесной проделывает над текстом мусин-пушкинского издания ряд экспериментов. Он дает четыре столбца текстов: «1. Точную копию издания 1800 г. 2. Реставрированного по отношению к XII ст. текста издания 1800 г. 3. Реконструированного первоначального текста XII века и 4. Перевода на современный русский язык».

Чтение этих текстов и объяснительных глав к ним показывает, какую вредную работу проделал Лесной. Текст первого издания лишен примечаний и перевода на русский язык, а ведь они, комментарии, являются не в меньшей степени ценными, чем все издание. Над вторым текстом под видом реставрации автор провел работу строгого литературного редактора. Он исказил текст, внеся в него отсутствующий в древнем языке звук «э», унифицировал окончания слов, ввел полногласие, отметил ударения, не имея, по собственному признанию, никаких знаний фонетики языка XII столетия. В результате мы видим в реставрации такие «словеса», как «лэбэдей», «вѣщэй», «ижэ». Еще большие увечия нанесены «Слову» в третьем тексте «реконструкции». Лесной позволил себе сделать 31 перестановку абзацев и фраз, внести ряд редакторских добавлений вроде: «на щите рожени» и др. Начатая Грамматиным более 125 лет тому назад перестройка текста, в работе Лесного достигла своего апогея. Впрочем, это, по-видимому, еще не конец, так как автор обещает дать еще четыре выпуска «исследований». Перевод тоже пестрит новшествами. «Свист зверин» — это «крик» зверей, «бела» — «шкурка соболя», «пардус» — «рысь», «лука моря» — «Лука к морю», «с трудом смешано» — «с пеплом смешано», «мыть» — «мощь». По мнению Лесного, одним из достоинств его «исследования» является то, что все строчки текста первого издания им пронумерованы.

Вникнув в сущность реставрационно-реконструктивной работы Лесного, мы нашли образец, которому подражал автор. Вспомнили «Літературну реконструкцію» «Слова» д-ра Ивана Мандычевского.[2] Труд этого автора, почему-то в двух местах названного Лесным «Мандальским», положительно оценен Лесным. И. Мандычевский, считая «Слово» вполне реалистическим произведением, проделал капитальную реконструкцию текста, и он перенумеровал строчки. Разница между Лесным и Мандычевским лишь та, что австралийский автор виновниками искажения «Слова» считал пресловутых переписчиков, в то время как львовский доктор указал на «якогось московського писаку». Есть также разница и в трактовке вопроса об авторе «Слова». Лесной считает, что автором был какой-то безликий профессиональный или придворный певец, тогда как Мандычевский утверждал, что «Слово» «складене через незнаного нам ратая-му-

---

[2] Іван Мандичевський. Слово о пълку Ігореві (Літературна реконструкція). У Львові, 1918.

жика, людину дуже сьвітлу, на грунті простонароднім українськім; з деякою закраскою літературною церковною».

Мандычевский не только перекроил на свой лад текст первого издания, но и внес в него ряд новелл: «готских дев» он превратил в «гаспидських дівок».[3] Слова «в мытях бывает» он считал вставкой того же злополучного «московського писаки».

Вернемся к исследованиям Лесного. Среди хаоса назидательных рассуждений и широких обобщений у него все же была путеводная звезда — точка зрения натуралиста. В четырех выпусках есть две главы: «Слово о полку Игореве с точки зрения натуралиста» и «Природа в Слове о полку Игореве». Нет сомнения, что природа Лесному лучше известна, чем, скажем, фонетика древнерусского языка или сравнительное языкознание. Посмотрим, какие же «темные места» он расшифровал, пользуясь «методом изучения и навыками натуралиста».

В первой из этих глав Лесной снисходительно согласился, что натуралистический метод для объяснения некоторых «темных мест» впервые предложен в нашей статье: «Слово о полку Ігореве» з погляду природознавця», напечатанной, как пишет Лесной, «в мало известном журнале Украинской Академии наук в 1939 г.»[4]

Малая известность этого издания (тираж 970 экз.), по-видимому, послужила Лесному достаточным основанием для заимствований без ссылки на источник в его еще менее распространенном труде (тираж 750 экз.). Вот один из ряда примеров заимствований. Объясняя выражение «дятлове тектом путь в рѣцѣ кажуть», мы писали:[5] «Дятлы, преимущественно весной, вместо пения или иных звуков, издаваемых в брачную пору птицами, „барабанят“ крепкими клювами по сухим веткам деревьев. Этот громкий характерный звук слышно еще издали, иногда за несколько километров. В степи деревья растут только в балках — долинах речек. Издали не видно речки, запрятавшейся в ложбине, не видно и деревьев, растущих по ее берегам, однако издали слышен стук, издаваемый дятлами. Понимая значение этого признака присутствия деревьев, а следовательно и реки, Игорь во время бегства из плена легко находил путь к воде, к зарослям, в которых можно укрыться».

А вот как интерпретирует это толкование Лесной, знакомый с обеими нашими статьями: «И вот тут помогал „текот“, т. е. стук дятла. Стук дятла указывал совершенно ясно на наличие поблизости не только вообще балки, но и крупных деревьев (по кусту не постучишь!), так как деревья в балках не поднимаются в степи на плато, а растут по склонам, главным образом на дне балок, где для произрастания их есть достаточно влаги. Там, где есть крупные деревья, несомненно должна быть и вода».

Таких позаимствований комментариев к «Слову» без указания источников у Лесного есть значительное количество. Так, он нашел у автора этих строк объяснения скрипа телег и крика лебедей, значение тура, гоголя, горностая, чаек и т. д. Порою заимствование чужих мыслей приводит его к повторению ошибок, сделанных в первоисточнике. Так, например, мы объясняли выражение «сокол в мытях бывает» фразой «сокол достигает половой зрелости». Лесной перевел это место «сокол в мощи бывает», в комментариях объяснив, что это сокол, сменивший детский наряд

---

[3] Другой автор из Львова доказывал, что готские красные девы это валькирии древнегерманского эпоса (см.: Ом. Партыцкій. Темни мѣстця в «Словѣ о плъку Игоревѣ». У Львовѣ, 1883, стр. 25—35).

[4] В действительности: Вісті Академії наук УРСР. Київ, 1940, № 2, стр. 52—55.

[5] Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 115.

на взрослый. В действительности же слова «в мытях» должны переводиться буквально — в линьке, когда сокол линяет. Установлено, что «соколы линяют в то время, когда в гнездах их находятся птенцы».[6] Линька проходит медленно и безболезненно и не мешает соколам защищать своих птенцов.

Лесной называет автора только в тех случаях, когда с ним не согласен. Он не согласен с нашим толкованием слов: «по бѣлѣ», «пардуже гнездо», «полозию», «сморци». Принятое почти всеми комментаторами толкование «бели» наш критик считает ошибочным. Он предлагает «белу» заменить «соболем», так как цена беличьей шкурки якобы была слишком низка для уплаты дани. Соболи же, по мнению австралийского натуралиста, в XII в. могли водиться в Северской земле. Надо слишком поверхностно знать древнюю литературу, чтобы предположить, что автор «Слова» смешивал этих пушных зверьков. В летописях нередко они упоминаются в одной фразе. Например: «...новгородци ходиша на нѣх ратью к Устюгу, и взяша на них окупъ 50000 бѣлкѣ и 6 сороковъ соболеи».[7] Сопоставления одинакового содержания фраз из разных списков летописей также доказывают, что веверицы, векоши и бели были не серебряные монеты, а шкурки («скора»). Предположение, что соболи в древности могли встречаться в Северской земле, показывает, что Лесной слабо знает биологию млекопитающих. В древней Руси широко распространенным видом была лесная куница, или куна, и это исключало возможность присутствия соболя, так как названные зверьки являются биологическими конкурентами, и области их распространения раздельные и только слегка перекрываются местами на Урале. «Бела» «Слова» — шкурка высшего сорта, «побелевшая» к зиме белка. В древней Руси такая шкурка ценилась, по-видимому, выше рыжей веверицы, так как последняя обладает мехом невысокого качества.

Пардуса Лесной предлагает считать рысью. Это тоже грубая ошибка. Хотя в некоторых источниках и встречается такая трактовка, но она основана, надо полагать, на неверном переводе пардуса в Библии на польском языке. То место Библии, которое в славянском переводе звучит «яко пард погубит я», в польском переводе звучит «jako rys' obrazi ie».[8] Что пардуса не смешивали в древней Руси с рысью, свидетельствует фраза: «Куман пардос есть, угрин рысь есть».[9] В век Игорев, по словам Д. Дубенского, «был вкус на барсов».

Что пардус древней литературы — синоним охотничьего гепарда, доказывает стенная живопись Киевской Софии. Здесь, кроме одиночного гепарда, преследующего дикого коня, изображены три гепарда, повалившие на землю дикого коня либо онагра. Пардус, вопреки мнению Лесного, как и все крупные кошки, свирепый, вернее кровожадный или, как пишет академик И. И. Лепехин,[10] «кровожаждущий» к своей добыче зверь. Убив животное (дикого коня, онагра, сайгу, косулю, зайца), он прежде всего лижет кровь. Он несравненно сильнее рыси и даже барса или леопарда, о чем пишет А. Брем. Преследуя добычу, как и все кошки, на коротке, он является «самым быстрым из всех млекопитающих».[11] Гепард легко приручается и тогда превращается в «добродушное» в отно-

---

[6] Г. П. Дементьев. Птицы нашей страны. М., 1949, стр. 9.

[7] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 415.

[8] Д. Дубенский. «Слово о полку Игореве». М., 1844, стр. 129.

[9] В. Перетц. «Слово о полку Ігоревім». У Київі, 1926, стр. 263.

[10] См.: Словарь Академии Российской, ч. IV. СПб., 1793, стр. 714.

[11] Д. К. Соловьев. Основы охотоведения, ч. 5. М.—Л., 1929, стр. 1030.

шении человека животное. Название «пардус кротъкий» встречается в переводной литературе (см. в указанном сочинении В. Н. Перетца). Не исключена возможность распространения этого зверя в диком состоянии в степной зоне древней Руси и в половецких степях, так как для него здесь была хорошая кормовая база — обилие копытных и зайцев. Даже в середине XIX столетия он был многочисленным недалеко к востоку от Украины, вблизи Оренбургской пограничной линии,[12] а в 1858 г. три шкуры гепарда Н. А. Северцев купил в Оренбурге, Уральске и в форте Перовском.[13]

Больше всего возмутила Лесного трактовка «полозию» «Слова» как полозы-змеи. Он высказал мнение, что якобы мы впервые внесли полозов в комментарии для того, чтобы увеличить в «Слове» количество животных. Авторам, принимающим эту трактовку, он дал презрительную кличку «полозистов». Между тем, как известно, первым «полозистом» у нас был такой знаток русского языка, как Владимир Даль.[14] Такое же объяснение предложил в первом варианте и В. Миллер,[15] а за ним В. Е. Барсов.[16] Нет нужды аргументировать правильность этого толкования, если вспомнить указание известного историка Украины Н. Ф. Сумцова,[17] который писал, что полоз «живет и, по-видимому, долго еще будет жить в сказаниях народа», в этих сказаниях «открывается техника народного поэтического творчества». Это предвидение блестяще оправдалось в наше время, и полозы снова появились в уральских сказах П. П. Бажова и путевых записках Мариэтты Шагинян.[18] В древности полозы, вопреки утверждению Лесного, были многочисленными, широко распространенными змеями. Даже позже, в XVII—XVIII вв., они встречались часто не только в степи, но и в лесостепи. Об этом находим ряд литературных свидетельств (В. К. Машкевич, Боплан, Самуил Величко, Rzaczy'nski и др.). Глагол «ползать» — сказуемое при подлежащем «полозию» в «Слове» по указанию «Словаря Академии Российской» (т. IX, стр. 962), «относится к гадам и насекомым». Выходит, на полозах «споткнулся» не критикуемый Лесным автор, а сам Лесной!

Своеобразно доказывает Лесной историческую достоверность «Слова», основываясь на толковании «сморци». Сморцы он сам видал — это туманы с моря, «моряны». Ну а как же быть с толкованием Памвы Берынды? Ведь это в 1627 г. он слову «сморци» дал такое определение: «оболок, котры, зъ неба спустившися, воду зъ моря смокчетъ». Близкое определение дает слову «сморщ» «Словарь Академии Российской» (т. IV, 1793, стр. 714).

Итак, вся аргументация Лесного против трактовки белки, гепарда, полозов и многих других слов не выдерживает критики. Мы так подробно остановились на разборе его откровений, чтобы показать, что и в наиболее близкой ему области знаний — природоведении он обладает очень незначительной эрудицией.

---

12 Э. Эверсманн. Естественная история Оренбургского края, ч. 2. Казань, 1850, стр. 35.

13 Б. А. Кузнецов. Млекопитающие Казахстана. М., 1948, стр. 89.

14 Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, изд. 2-е, т. III, СПб., 1882, стр. 267.

15 В. Миллер. Взгляд на «Слово о полку Игореве». М., 1877, стр. 245, 246.

16 Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, тт. I—III. М., 1887—1889.

17 Н. Ф. Сумцов. Культурные переживания. — Киевская старина, т. XXIX, 1890, кн. 4, стр. 99.

18 Мариэтта Шагинян. Дневник писателя. М., 1953, стр 223.

С большим сочувствием относится австралийский исследователь к ряду лиц: к Мандычевскому, к некоторым белоэмигрантам и даже к немецким генералам. Он, например, авторитетно утверждает, что «немало „schön pyramidal“ слышали стены Софии из уст немецких генералов во время оккупации в годы 1941—1943». Однако он благоразумно умалчивает, что по приказу этих генералов был разграблен музей Софии в Киеве. Его ложь о советской действительности доходит до курьезов. Так, например, он утверждает, что лично был свидетелем того, что большевики разобрали до основания Десятинную церковь. Всем прошедшим элементарный курс русской истории известно, что Десятинная церковь, построенная Владимиром I Святославовичем, разрушена во время взятия Киева Батыем в 1240 г. В наше время была разобрана лишенная исторического и художественного значения казенного образца церковь, построенная в 1828—1840 гг. на месте Десятинной церкви. Позже здесь было сооружено здание Исторического музея. Раскопки на территории Десятинной церкви дали интереснейшие результаты по истории древнейшего населенного пункта Киева.[19] Ложь о разрушении древней Десятинной церкви, конечно, рассчитана на сочувствие нынешних господ Лесного и доверчивых эмигрантов.

Мы не будем более подробно разбирать работу этого самовлюбленного человека. Не стоит тратить время и полиграфические средства. В целом его «исследования» — порочное, позорное явление в истории изучения «Слова о полку Игореве», в полном смысле слова темное место в изучении великого памятника.

---

[19] М. К. Каргер. 1) Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 45—140; 2) Древний Киев. Изд. АН СССР. М.—Л., 1958, стр. 54—57.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

Д. Н. АЛЬШИЦ

Царь Иван Грозный или дьяк Иван Висковатый?

В трудах Лондонского университета «The Slavonic and East European review» (London, т. 35, № 84, 1956) опубликована статья Н. Андреева, посвященная вопросу о том, кто автор знаменитых скорописных приписок к обоим вариантам последнего тома Лицевого летописного свода, составленного при Иване Грозном.[1]

Н. Андреев справедливо подчеркивает, что приписки к Лицевым сводам являются ценнейшим историческим источником, без учета которого невозможно составить верных представлений о целом ряде политических событий царствования Ивана Грозного.[2] Не соглашаясь с моим утверждением, что автором этих приписок был Иван Грозный, и объявляя вопрос все еще не решенным,[3] Н. Андреев и предлагает теперь свой ответ на него.

Н. Андреев, полностью приводя все устанавливаемые мною признаки, свойственные автору приписок,[4] пишет: «Альшиц ошибся в своем ответе, но его признаки являются основательными; правильный ответ можно найти, обратившись к биографии Висковатого, в той мере, в какой она нам известна».[5] Вслед за этим Н. Андреев дает пересказ известных данных из биографии дьяка Ивана Михайловича Висковатого. Биография Висковатого должна, по мнению автора статьи, показать, что Висковатый долго и честно служил Ивану Грозному, что царь ему доверял, что он много знал и что, следовательно, он мог быть автором приписок.

На мой взгляд, такой ход мысли содержит ошибку в самой своей основе. Отыскивая автора через его отношение к царю, никогда не удастся доказать, что Висковатый предан Ивану Грозному больше, чем Иван Грозный самому себе, что царь доверяет себе меньше, чем своему дьяку, что Грозный имел доступ к меньшему числу документов и т. д. Таким образом, какой бы значительной не представлялась Н. Андрееву роль Висковатого при дворе Ивана Грозного, это никак не сможет дать оснований предпочесть его Грозному в качестве автора приписок. Кроме того, подобрать среди деятелей того времени фигуру, так или иначе отвечающую установленным мною признакам автора приписок, еще совершенно недостаточно. Назвав в качестве такой подходящей фигуры Ивана Грозного, я только начинаю исследование и специально подчеркиваю: «Выше-

[1] N. Andreyev. Interpolations in the 16-th century Muscovite Chronicles. — The Slavonic and East European review, v. XXXV, № 84. London, 1956 (далее: N. Andreyev), стр. 95—115.

[2] Там же, стр. 95.

[3] Там же.

[4] Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и приписки к Лицевым сводам его времени. — ИЗ, № 23, [М.], 1947, стр. 267, 268.

[5] N. Andreyev, стр. 100.

изложенное еще не доказывает, что царь Иван был автором приписок, однако оно дает основание, чтобы такое предположение сделать и заняться его проверкой».[6]

Поскольку, однако, в моих статьях, вслед за предположением об авторстве Грозного, приведены многочисленные аргументы в пользу этого,[7] Н. Андрееву, мне кажется, необходимо было заняться их рассмотрением и, если угодно, опровержением.

Ввиду того что такое рассмотрение в статье Н. Андреева фактически отсутствует, я вынужден прежде всего указать на упущенные им вопросы, без решения которых никакие выводы об авторе приписок невозможны.

*

Н. Андреев подчеркивает, что для решения вопроса о значении приписок как исторических источников необходимо определить время, когда они делались. Несмотря на это, он не уделяет выяснению столь важного обстоятельства ни одной строчки. Едва задав вопрос: «Когда же были сделаны приписки?», — Н. Андреев тут же дает на него ответ в виде предположения, которое не может быть принято: «Кажется вероятным, что они были написаны во время, прошедшее между казнью семьи Старицких и опалой Висковатого, т. е. между первым кварталом 1569 и июлем 1570.»[8] Иначе говоря, в течение примерно одного года.

Такое предположение не может быть принято уже потому, что приписки делались в два приема. Первый раз они были сделаны на готовых листах Синодального списка; затем эта рукопись вместе со всеми поправками была начисто переписана, а ее миниатюры были перерисованы. Только после этого на новом экземпляре того же текста, т. е. Царственной книги, были сделаны вторично новые приписки и поправки. Эти обстоятельства нам даны. Их нельзя не заметить. Не говоря уже о том, что названная работа была технически невыполнимой за один год, содержание приписок ясно показывает, что между первым и вторым редактированием лежит целый период времени, в течение которого успели перемениться взгляды автора приписок на описываемые события и на упоминаемых лиц. При вторичном редактировании, в другое время, автор приписок переделывает рассказы летописи, которые раньше оставил без внимания, зачеркивает свои собственные замечания или в корне меняет их содержание. Имеются многочисленные данные о том, что приписки на Синодальном списке делались до 1564 г., т. е. до бегства Курбского, до опричнины, до получения Грозным письма от Курбского, до написания Степенной книги и т. д. С другой стороны, сама Царственная книга писалась уже с учетом Степенной книги, и приписки к ней являются прямыми ответами на обвинения против Грозного, содержащиеся в письме Курбского, очевидно, что они отражают события времен опричнины.[9] Дальнейшее исследование подтвердило сделанные ранее выводы новыми данными. Приведу один, наиболее яркий факт. В тексте Синодального списка под 1545 г. сообщалось: «Того же месяца декабря 30 приходил крымской царевич Имин Гирей Калга... со многими людми крымскими безвестно на украинские места Белевские и Одоевские и по грехом за небрежение пплениша многих людей».[10] Автор приписок, редактируя Синодальный список, оставил это место без всякого внимания, и Царственная книга

---

[6] Д. Н. Альшиц. Иван Грозный..., стр. 268.
[7] N. Andreyev, стр. 96.
[8] Там же, стр. 113.
[9] Д. Н. Альшиц. Иван Грозный..., стр. 262—263.
[10] ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, СПб., 1906, стр. 445.

поэтому дословно воспроизвела это известие. При вторичном редактировании текста, т. е. уже Царственной книги, автор приписок зачеркнул конец летописного рассказа, объясняющий поражение общими словами: «по грехом за небрежение». Взамен этих слов он написал имена виновников поражения: «Тогда же быша тамо воеводы князь Петр Щенятев, да князь Константин Шкурлятев, да князь Михаи... Воротынский и разопрешася о местех и того ради не пойдоша помогать тем местом, и того ради татарове попленивше многих людей, отъидоша».[11] Выдвинутое здесь обвинение не соответствует и не может соответствовать действительности, так как названные князья в указанное время находились в разных местах и вместе не служили. С другой стороны, все они попали в опалу к моменту редактирования Царственной книги.

Не очевидно ли, что ложное обвинение в поражении 1545 г. не возникало при редактировании Синодального списка, потому что первое редактирование происходило до того, как эти князья вызвали против себя гнев Грозного? Это ложное обвинение возникло только при вторичном редактировании, которое происходило тогда, когда все названные князья оказались уже опальными.[12]

Впрочем, и без этого и других новых примеров налицо достаточное количество данных, позволяющих утверждать, что приписки делались в два приема — в первый раз до 1564 г., второй раз — после этого года, однако не позже 1568 г. В 1568 г. редактирование Царственной книги должно было быть уже закончено, так как царь берет из архива на просмотр следующую за ней часть подготовленного летописного текста.[13]

Как видим, представления Н. Андреева о времени написания приписок противоречат очевидным данным источников.

Все свои суждения Н. Андреев строит исключительно на материале одной только приписки о боярском «мятеже» 1553 г. Остальные приписки оказались вне его рассмотрения. Некоторые из них только названы в перечне событий, о которых мог знать Висковатый.[14] Между тем редактор Лицевых сводов сделал в общей сложности 98 приписок и поправок к тексту. 48 из них имеют чисто редакционный характер, остальные 50 либо исправляют, либо дополняют текст.[15]

Мне представляется, что нельзя исследовать вопрос об авторстве древнего писателя иначе, как на основании совокупного изучения всех его произведений, дошедших до нас. В данном случае такой подход особенно необходим, так как все приписки являются частями одной общей работы.

Единственную приписку, которая попала в поле зрения Н. Андреева, — приписку о «мятеже» 1553 г., — он тоже не исследует ни с точки зрения соотнесения ее с другими памятниками эпохи, ни с точки зрения судеб

---

[11] Там же.

[12] См.: Д. Н. Альшиц. Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования. — Труды ГПБ, т. I (IV). Л., 1957, стр. 141—142, прим. 1. — Пользуюсь случаем указать на опечатку, вкравшуюся сюда на стр. 141, где вместо 1553 следует читать 1563.

[13] Д. Н. Альшиц. Иван Грозный..., стр. 281, 282, прим. 100—102. — Нельзя принять и аргумент Н. Андреева в пользу написания всех приписок разом после 1568 г., состоящий в том, что до казни Владимира Андреевича о нем не стали бы неуважительно писать, поскольку он был родственником царя. Здесь Н. Андреев опять-таки игнорирует конкретные данные источников и моего исследования, в частности вопрос о судьбе формулы «государев брат» в различных списках Никоновской летописи, писавшихся бесспорно до казни Владимира Андреевича (см.: Д. Н. Альшиц. Иван Грозный..., стр. 255—256, прим. 16).

[14] N. Andreyev, стр. 114—115.

[15] Д. Н. Альшиц. Источники и характер..., стр. 143.

фигурирующих в ней исторических лиц (кроме Висковатого), ни с точки зрения проверки достоверности сообщаемых обстоятельств. Вместо этого Н. Андреев подробно пересказывает на 6 печатных страницах ее изданный текст.[16] По ходу этого пересказа Н. Андреев отмечает те места текста, которые, по его мнению, доказывают, что приписка объективно излагает имевшие место события, что ее рассказ написан очевидцем событий и что этим очевидцем и автором приписки является не царь Иван Грозный, а дьяк Иван Михайлович Висковатый.

Переписав рассказ приписки о попе Сильвестре, выступившем, согласно этому рассказу, яростным сторонником Владимира Старицкого, Н. Андреев замечает, что данная здесь характеристика «выражает чувство глубокой личной неприязни против Сильвестра и также частично против митрополита и даже против царя, который дал такую власть Сильвестру». Дальше Н. Андреев поясняет свою мысль: «Трудно представить себе, чтобы сам царь дал бы такое описание Сильвестра, ибо здесь действительно сказано, что Сильвестр обязан был своей властью лишь милости царя. Иван, в своей переписке с Курбским, дает другое толкование роли Сильвестра, называя его „вором власти"... Дословный перевод „взявший от нас великолепие нашей власти"».[17]

Отметим, что, обнаружив здесь личную неприязнь автора приписки к царю, Н. Андреев подрывает свой основной довод в пользу авторства Висковатого, исходивший из его безупречной преданности царю.

Но дело не в этом, так как в действительности никакой неприязни к царю в словах о том, что царь сам облек Сильвестра огромной властью, конечно нет. Вопреки утверждению Н. Андреева, в письме к Курбскому Иван Грозный пишет то же самое, что и приписка о начале возвышения Сильвестра именно благодаря «милости царя»: «Посем же, совета ради духовнаго и спасения ради души своея, приях попа Сильвестра... мне видевшу в божественном писании, како подобает наставником благим покорятися без всякого разсужения, и ему совета ради духовнаго, повинухся в колебании, в невидении».[18] Как видим, царь прямо говорит, что он сам возвысил Сильвестра и стал повиноваться ему, согласно требованию божественного писания, «без рассуждения», «в колебании, в невидении».

Таким образом, если утверждение приписки, что царь сам дал власть Сильвестру, выражает личную неприязнь к царю, то надо признать, что в письме к Курбскому Иван Грозный проявляет к себе еще более глубокую личную неприязнь, так как утверждает то же самое в более ярких выражениях. Значит, даже оставаясь при толковании описания Сильвестра в приписке как враждебного царю, которое дает Н. Андреев, мы все равно никуда не уйдем от поразительной идентичности того, что писал автор приписок, с тем, что писал Иван Грозный.

Мне кажется, что по поводу описания Сильвестра в приписке вернее было поставить вопрос иначе: кто, кроме самого царя, мог себе позволить писать в 60-х годах, что царь фактически был отстранен от власти, что его место фактически занял поп Сильвестр и т. п.? Ясно, что так не могли писать про царя, так мог писать только сам царь о себе. А он именно так и писал в письме к Курбскому.[19]

---

[16] N. Andreyev, стр. 106—112.

[17] Там же, стр. 108—109 и прим. 47.

[18] Послания Ивана Грозного. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 97.

[19] Там же.

Утверждение о том, что Грозный называет Сильвестра в своем письме «вором власти», является недоразумением, основанным, вероятно, на неправильном толковании Н. Андреевым выражения Грозного: «Он же (т. е. Сильвестр, — *Д. А.*) возхитихся властию, яко же Илии жрец».[20] Однако «возхитихся» вовсе не означает «похитил», «украл». «Возхитихся» означает здесь: был опьянен, одурманен, «соблазнился» властью,[21] был преисполнен восхищения, самолюбования своим величием, неблагодарно забыв, что получил власть из рук царя. Такова мысль Грозного по этому вопросу.

Надо сказать, что обнаружение Н. Андреевым этого мнимого противоречия приписки к Царственной книге и письма Грозного является единственным случаем сопоставления им приписок с письмами Грозного.

Между тем сличение всех политических приписок к летописи с письмами Грозного устанавливает прямое родство этих текстов. Рассказы первого письма Грозного и рассказы приписок к летописи по содержанию совпадают полностью. Изложение часто совпадает дословно, а там, где нет дословного сходства, ясно видна единая авторская манера — одни и те же краски, одни и те же мысли, одни и те же образы, одни и те же выводы.[22]

Если учесть несомненную хронологическую последовательность появления изучаемых памятников: приписки к Синодальному списку—письмо Грозного—приписки к Царственной книге, то с установлением родства этих памятников предположение о принадлежности их разным авторам исключается. Из такого предположения вытекало бы, что сначала Иван Грозный, отвечая Курбскому, заимствовал наиболее важные сюжеты и манеру изложения из приписок этого другого автора к Синодальному списку, а зато потом этот другой автор, редактируя Царственную книгу, взял для своих дополнений все то новое, что было в царском письме сверх приписок к Синодальному списку. Иначе говоря, если считать автором приписок Висковатого, то придется допустить, что сначала Грозный списывал у Висковатого а потом Висковатый у Грозного.

Пересказывая приписку под 1553 г., Н. Андреев несколько раз обращает внимание на то, что такое описание событий является достоверным и может быть сделано только их очевидцем. Такая система суждения вообще представляется мне неправильной. Нельзя делать два таких заключения одновременно: 1) рассказ написан очевидцем, поскольку он достоверен; 2) рассказ достоверен, поскольку он написан очевидцем. Рассказ о «мятеже» 1553 г. независимо от того, кто его писал, является недостоверным, так как противоречит всем источникам и объективно засвидетельствованным фактам 1553 и следующих годов. Все эти источники и факты, вплоть до прослеживания судеб всех политических деятелей, фигурирующих во всех приписках обеих редакций, мною собраны и изучены.[23] Поэтому я не могу считать обоснованным, когда Н. Андреев, с высоты простого пересказа всего одной из приписок, пишет по поводу моего специального исследования «Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года»: «Главная слабость концепции Альшица заключается в том, что он обращается к рассматриваемой проблеме довольно поверхностно, не обращая достаточного внимания на особенности приписок, и в частности приписки под 1553 г.».[24]

---

[20] Там же.

[21] Там же, стр. 307 (перевод Я. С. Лурье).

[22] Д. Н. Альшиц. Иван Грозный..., стр. 268—276.

[23] Д. Н. Альшиц. 1) Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года. — ИЗ, т. 25. [М.], 1948, стр. 265—292; 2) Источники и характер..., стр. 119—146.

[24] N. Andreyev, стр. 98.

Я был бы весьма благодарен, если бы Н. Андреев, проверив один за другим мои аргументы в пользу недостоверности приписки под 1553 г., конкретно указал мне на ошибочность того или иного из них. Но этого пока не сделано, и поэтому Н. Андреев вынужден оперировать такими категориями, как правдоподобие: «Этот рассказ о взаимоотношениях между персонажами драмы звучит весьма правдоподобно».[25] Мне кажется что правдоподобие никогда не является антиподом выдумки, так как выдумка, если она не хочет быть простой нелепостью, стремится к правдоподобию. И надо думать, что автор XVI в., кем бы он ни был, хорошо понимал, что́ по отношению к известным ему обстоятельствам является правдоподобным, а что́ нет. В решении вопроса о достоверности или недостоверности источника, в том числе приписки о «мятеже» 1553 г., лучше опереться не на впечатления о правдоподобности или неправдоподобности, а на объективные данные. Так, в частности, нельзя обойти то обстоятельство, что рассказ о «мятеже» во время болезни царя в 1553 г. стоит в резком противоречии с рассказом того же автора, но написанным на несколько лет ранее, о тайном заговоре во время царской болезни. Согласно этому первому рассказу, во время болезни царя, в марте 1553 г., имел место тайный заговор. Выздоровление царя сорвало планы заговорщиков, рассчитывавших на его смерть, и они решили «то дело укрыт».[26] Тут же приведен список приближенных царя, пытавших и судивших главу тайного заговора — князя Семена Лобанова-Ростовского и впервые через год после болезни царя узнавших от него о заговоре: князь Иван Федорович Мстиславский, Иван Васильевич Шереметьев (Большой), князь Дмитрий Иванович Курлятев, Михаил Иванович Морозов, князь Дмитрий Федорович Палецкий, окольничий Алексей Федорович Адашев, постельничий Игнатий Вешняков, Даниил Романович Юрьев, казначей Никита Фуников и дьяк Иван Михайлович Висковатый.[27]

Согласно рассказу, написанному тем же автором через несколько лет, при редактировании Царственной книги, все происходило совершенно иначе: во время болезни царя в 1553 г. имел место открытый «мятеж», открытое столкновение двух партий, в котором участвовали все разом — и те, кто, по первому рассказу, были тайными заговорщиками, и те, кто через год их разоблачил и судил.[28] При этом такие приближенные царя, как князь Дмитрий Иванович Курлятев, казначей Никита Фуников, князь Дмитрий Федорович Палецкий, являвшиеся, согласно первому рассказу, судьями заговорщиков 1553 г., теперь оказались сами еще более ярыми, открытыми мятежниками.

Н. Андрееву следовало, по крайней мере, решить вопрос о Висковатом, которого он считает автором приписок, — что же правда: то ли, что Висковатый в 1554 г. узнал о тайном заговоре 1553 г., или то, что он уже в 1553 г. был в гуще открытой борьбы? Исследователь может предпочесть в качестве достоверного любой из этих рассказов, соответственно обосновав свою точку зрения. Но облегчать свою задачу путем простого отбрасывания одного из противоречащих друг другу источников, мне кажется, не следовало бы, особенно после того, как на это противоречие специально указано в предшествующей литературе.[29]

---

[25] Там же, стр. 109.
[26] ПСРЛ, т. XIII, ч. 1. СПб., 1904, стр. 238.
[27] Там же.
[28] Там же, ч. 2, стр. 522—526.
[29] Д. Н. Альшиц. Происхождение и особенности..., стр. 273—283.

Рассмотрим теперь конкретные соображения Н. Андреева о том, что автором приписок является Иван Михайлович Висковатый, а не Иван Грозный.

Закончив пересказ приписки о «мятеже» 1553 г., Н. Андреев пишет: «В этой приписке дьяк Висковатый упоминается семь раз и действительно играет роль героя. Ясно, что приписка была либо составлена и основана на его рассказе, либо написана им лично».[30]

Допустим, что приписка совершенно точно передает события. Тогда, значит, дьяк Иван Михайлович Висковатый в действительности действовал именно так активно и героически. Но тогда автором рассказа вовсе не должен быть сам Висковатый, именно то же самое должен был написать о нем любой очевидец этих событий, придерживающийся истины. Так, в частности, если Висковатый выступал 7 раз, этот очевидец должен был 7 раз его и упомянуть в своем рассказе.

Отыскивая автора по принципу: о ком больше всего говорится в рассказе, тот и автор, обязательно приходится встать на путь признания необъективности этого автора в свою пользу. С другой стороны, исходя из необъективности автора в свою пользу (а следовательно, и в пользу своей позиции, своих сторонников и т. д.), нельзя тут же отыскивать его как очевидца, исходя из достоверности того, что им написано. К тому же если идти путем статистического подсчета — кто большее число раз упомянут в приписке, — то Висковатый упомянут в приписке 7 раз, а Иван Грозный упомянут в ней не менее 70 раз, и Н. Андрееву не следовало бы отказывать ему в авторстве. Статистика, если заняться ею на основании всех приписок, а не только одной о 1553 г., покажет, что Висковатый фигурирует всего в двух эпизодах. С другой стороны, можно насчитать немало различных деятелей того времени, которые упоминаются в приписках чаще, чем Висковатый, и, таким образом, число возможных авторов приписок можно значительно увеличить.

Стараясь отвести Грозного и утвердить Висковатого в качестве автора приписок, Н. Андреев пересказывает три выступления царя, с которыми Грозный, согласно приписке, обращался к боярам. Пересказав обращение царя к своим родственникам Захарьиным («А вы Захарьины чего испужалися...» и т. д.), Н. Андреев пишет: «Здесь мы снова находим наиболее интересные детали, несомненно данные очевидцем всех этих событий, ибо только очевидец мог оттенить трусость Захарьиных перед лицом боярской оппозиции. Но твердость царя испугала бояр, и они пошли в переднюю избу принимать присягу».[31]

Данное заявление об очевидце событий Н. Андреев ставит в ряд доказательств того, что приписки написаны Висковатым, являвшимся очевидцем этих событий, а не царем. Значит, Н. Андреев хочет подчеркнуть, что Висковатый был очевидцем царского выступления. Можно допустить, что если такое выступление царя имело место, то Висковатый был его очевидцем. Но из этого совсем не следует, что сам царь не был очевидцем своего собственного выступления. Между тем, следуя задаче доказать, что автор приписок не Грозный, а Висковатый, Н. Андреев, теперь уже вопреки рассказу приписки, старается создать именно такое впечатление, будто бы Грозный не был очевидцем событий. Вслед за пересказом описания очередного, уже четвертого выступления царя и происходивших вокруг него споров Н. Андреев пишет: «Ясно, что здесь работа очевидца, но не царя, который был очень болен».[32] Вот и полу-

[30] N. Andreyev, стр. 112.
[31] Там же, стр. 110, 111.
[32] Там же, стр. 111.

чается, что царь не был очевидцем происходивших при его участии событий, которые главным образом и состояли из его личных выступлений и споров перед ним бояр.

В статье Н. Андреева есть заключения, которые являются результатом явного недоразумения. Н. Андреев утверждает, что я считаю единственным аргументом в пользу авторства Висковатого тот факт, что он стоял во главе Посольского приказа и возглавлял архив.[33] Это ошибка. Я считаю, что аргументов в пользу авторства Висковатого не существует вообще, и объясняю, почему тот факт, что он стоял во главе Посольского приказа и архива, лишний раз исключает такое предположение.[34]

Н. Андреев приписывает мне утверждение, которого я не делал: «Несмотря на странное замечание Альшица в „Происхождение и особенности...“ (Исторические записки, 25, стр. 274 и сл.), болезнь царя упоминается и в оригинальном тексте Царственной книги и в собственном письме Ивана IV Курбскому».[35] Ни на указанных страницах, ни в других местах этой статьи у меня не отрицается факт болезни Грозного в 1553 г. На указанных Н. Андреевым страницах моей статьи, где я, по его словам, отрицаю факт болезни царя, этот факт не только неоднократно упоминается мною, но, более того, описание болезни полностью цитируется именно по Царственной книге.[36]

Н. Андреев считает, что царь не мог быть автором приписок, между прочим потому, что «не имел обыкновения заниматься лично такими ничтожными делами».[37] Я полагаю, что Грозный очень серьезно смотрел на значение летописной истории своего царствования. Он ее читал и исправлял в нужном ему духе. В процессе чтения он делал как большие, так и маленькие замечания, и нам не известны никакие данные, которые могли бы помешать такому заключению. То, что Иван Грозный не ошибался, придавая столь большое значение редактированию летописной истории своего царствования, подтверждено дальнейшей судьбой этой его работы и, в частности, тем, что она много веков спустя является предметом изучения и полемики ученых различных стран.[38]

*

Вышеизложенное, мне кажется, свидетельствует о том, что выводы Н. Андреева строятся без учета важнейших данных источников и без необходимой конкретной критики предшествующих исследований. В силу этого некоторые замечания Н. Андреева, которые несомненно показались бы излишне резкими даже в составе тщательного и обоснованного исследования, звучат в данном случае особенно некорректно: «Пытаясь доказать авторство царя, Альшиц сам сбился с пути своей теорией и не сумел различить наиболее вероятного автора приписок»;[39] «странное замечание Альшица»[40] (как указано выше — эти слова вызваны собственным недосмот-

---

[33] Там же, стр. 99.

[34] Д. Н. Альшиц. Иван Грозный..., стр. 287, прим. 111.

[35] N. Andreyev, стр. 107, прим. 45.

[36] Д. Н. Альшиц. Происхождение и особенности..., стр. 274, 275.

[37] Там же, стр. 113.

[38] По вопросу о том, кто был автором приписок, в моей статье «Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования», которая еще не могла быть известна Н. Андрееву, приведены дополнительные данные. Там, в частности, впервые опубликован подлинник собственноручной предсмертной грамоты Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь (текст и фотокопия), обнаруженной мною в собрании грамот ГПБ. Почерк этой грамоты сходен с почерком автора приписок (см.: Д. Н. Альшиц. Источники и характер..., стр. 119—146).

[39] N. Andreyev, стр. 98—99.

[40] Там же, стр. 106, прим. 45

ром Н. Андреева); «Альшиц... обращается к данной проблеме... довольно поверхностно»[41] и т. д.

Не стоило бы говорить об этих замечаниях, тем более что неосновательность их рассматривалась выше, если бы они касались только меня. Дело, однако, в том, что в такой же манере — резкого и, как правило, не подкрепленного аргументацией осуждения — Н. Андреев говорит обо всех советских историках, занимавшихся эпохой Ивана Грозного: «Мнение И. И. Смирнова, что хотя Алексей Адашев и присягал на верность царевичу Дмитрию, он был одним из приверженцев Владимира Андреевича, не выдерживает критики и противоречит документам той эпохи»;[42] «Примером излишнего фантазирования является попытка С. В. Бахрушина... изобразить „Избранную раду“ как административный орган Московского государства»;[43] «Мнение Лурье о том, что письма Курбского, посланные в Россию... являются частью пропагандистской кампании, которую вел Курбский... является нелепым и необоснованным и и идет более от идей 20 века, нежели XVI века».[44]

Такая склонность к категорическим, но не всегда обоснованным суждениям несомненно снижает ценность исследований Н. Андреева. Это тем более досадно, что самый факт обращения английского исследователя к вопросу о приписках к Лицевым сводам XVI в. можно было бы только приветствовать.

---

[41] Там же, стр. 98.

[42] N. Andeyev. Kurbsky's letters to Vas'yan Muromtsev. — The Slavonic and East European Review, v. XXXIII, № 81. London, стр. 420, прим. 40.

[43] Там же, стр. 422 и прим. 46.

[44] Там же, стр. 417.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

Я. С. ЛУРЬЕ

О возникновении теории «Москва — третий Рим»

(К выходу в свет второго издания книги X. Шедер)[1]

Теории «Москва — третий Рим», изложенной в послании псковского старца Филофея, необычайно посчастливилось в истории древней русской литературы. Обнаруженные и введенные в научный оборот в середине XIX в., послания Филофея неизменно привлекают к себе внимание литературоведов и историков, занимающихся древнерусской публицистикой. В учении о Москве как третьем и последнем в истории человечества «Риме» — центре христианского мира — исследователи видели как бы окончательную формулу политической теории русского самодержавия. Именно так характеризовал это учение М. Дьяконов — автор наиболее авторитетного в дореволюционной науке исследования по истории политических идей древней Руси.[2]

Исходя из бесспорного, по его мнению, положения, «что самая идея самодержавной власти позаимствована нами из Византии», М. Дьяконов считал, естественно, наиболее последовательным выражением этой идеи такую теорию, в которой Москва прямо связывалась с ее предшественником — вторым Римом, Константинополем. Промежуточными звеньями при создании теории «третьего Рима» должны были быть, по Дьяконову, произведения, в которых речь шла о падении Византии, — сочинения с Флорентийской унии (духовное падение Византии) и о взятии Константинополя в 1453 г.;[3] развитию этой теории должны были содействовать брак Ивана III с племянницей последнего византийского императора, Софией Палеолог, и деятельность носителей византийских традиций — церковников из школы Иосифа Волоцкого.[4] Так же оценивал теорию Филофея и А. Н. Пыпин.[5]

Весьма важное значение придают теории «третьего Рима» и иностранные авторы, пишущие о Московской Руси. Им эта теория представляется обычно не только основным положением московской идеологии, но и наиболее ясным доказательством крайнего своеобразия русской политической мысли. В вышедшей несколько лет тому назад книге «Москва и восточный Рим» американский исследователь У. Медлин утверждает, что представление о единственной в мире законной государственной власти, соответствующей единственной истинной церкви (по принципу «нет церкви без

---

[1] Hildegard Schaeder. Moskau das Dritte Rom. Studien zur Geschichte der politischen Theorien in der slavischen Welt. Darmstadt, 1957.

[2] М. Дьяконов. Власть московских государей. Очерки из истории политических идей древней Руси до конца XVI в. СПб., 1889, стр. 66.

[3] Там же, стр. 59—64.

[4] Там же, стр. 103.

[5] А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. II, СПб., 1898, стр. 182—184.

императора»), является специфической особенностью «восточной» (византийско-русской) идеологии, не свойственной идеологии Запада.[6] Еще дальше идут авторы обзорно-публицистических работ: произвольно толкуя теорию «третьего Рима» как программу политической гегемонии Москвы над всем христианским миром, авторы эти ищут отголоски филофеевской идеологии во все периоды истории России вплоть до нашего времени.[7]

При такой трактовке вопрос о «Москве — третьем Риме» выходит далеко за рамки истории древнерусской литературы и «чистой науки» вообще. Но какова действительная роль теории «Москва — третий Рим» в истории древнерусской публицистики и какова действительная история появления этой теории? Как это ни удивительно, действительная история публицистической мысли конца XV—начала XVI в. почти не была исследована в дореволюционной науке, несмотря на весь интерес исследователей к этому периоду. Уже М. Дьяконов подошел к посланиям Филофея не как филолог, а как историк права: он не исследовал специально сочинений Филофея и современных им памятников, а пытался a priori решить вопрос: как должны были появиться эти сочинения. Единственной специально филологической работой о Филофее была в дореволюционной науке книга В. Малинина.[8] Автор широко привлек рукописи сочинений Филофея, дал убедительную датировку этих сочинений (первая половина XVI в.), но в основной схеме оставался верен построению М. Дьяконова: он также связывал появление теории «Москвы — третьего Рима» с падением Византии, женитьбой Ивана III и деятельностью иосифлян; к числу памятников, предшествовавших посланиям Филофея, он относил еще «Повесть о Вавилоне» и «Сказание о князьях Владимирских» (датируя их концом XV в.).

Книга немецкой исследовательницы Х. Шедер «Москва — третий Рим», вышедшая недавно вторым изданием, по своему характеру стоит ближе к работе В. Малинина, нежели к исследованиям авторов, занимавшихся сочинением Филофея как материалом для теоретических построений по истории политической мысли древней Руси. Основное значение работы Х. Шедер — в ее конкретно филологическом характере. Правда, автор не ограничивается только исследованием творчества Филофея и других авторов конца XV—первой половины XVI в.; вторая часть книги — «Конец третьего Рима» — посвящена развитию идеи «третьего Рима» в XVII в. и даже захватывает XIX в. (Константин Леонтьев). Однако заключительная часть книги (мы ее разбирать не будем) очень коротка и, несомненно, имеет дополнительный характер; основная часть работы посвящена довольно детальному рассмотрению отдельных памятников древнерусской публицистики; автор ставит вопрос о датировке этих памятников, об отношении между ними и т. д. Именно это обстоятельство, очевидно, определило научный успех работы Х. Шедер: вышедшая первым изданием в 1929 г., книга Х. Шедер неизменно цитируется во всех иностранных исследованиях по этому вопросу; в 1957 г., спустя почти тридцать лет после первого издания, автор счел необходимым переиздать книгу вторично.[9]

---

[6] W. K. Medlin. Moscow and East Rome. A political study of the relations of church and state in Muscovite Russia. Genève, 1952.

[7] H. Kohn. The Permanent Mission. The Review of Politics. Notre Dame, Indiana, в 10, July, 1948, № 3; C. Toumanoff. Moscow the Third Rome. Catholic historical review. Washington, 1955, v. 40, № 4.

[8] В. Н. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, стр. 443—560.

[9] Первое издание вышло в серии «Osteuropäische Studien», (Heft I, Hamburg, 1929). В дальнейшем все ссылки на книгу Шедер (в скобках) мы делаем по изданию 1957 г.

Основная часть книги X. Шедер («Возникновение учения о Третьем Риме») состоит из трех разделов. В первом разделе идет речь о появлении теории «вечного города» в Болгарии XIV в.; во втором разделе автор исследует «зарождение национального самосознания в России» после падения Византийской империи (сочинения о Флорентийской унии 1439 г. и о взятии Константинополя турками 1453 г.); в третьем разделе описывается политическая обстановка конца XV—начала XVI в. (брак с Софией Палеолог, политические претензии московских государей), подчеркивается роль «школы Пафнутия Боровского» (Иосиф Волоцкий и др.) в создании «русского царства» и разбираются такие идеологические памятники, как Хронограф 1512 г., послания Филофея, легенды о происхождении русских государей и т. д. Уже этот план работы X. Шедер свидетельствует о теснейшей зависимости всей ее концепции от построений Дьяконова и Малинина. Можно назвать лишь несколько случаев, когда автор отступает от этой схемы. В отличие от Малинина X. Шедер не склонна датировать «Повесть о Вавилоне» и «Сказание о князьях Владимирских» (как и «Повесть о белом клобуке») 90-ми годами XV в. (90—111); она не считает эти памятники источниками теории «Москвы — третьего Рима» и говорит о них после изложения послания Филофея (так, впрочем, делал и М. Дьяконов в своей книге). Резко критически отнеслась X. Шедер и к предположению А. Шахматова (высказанному уже после написания книги Малинина) о принадлежности Филофею Хронографа 1512 г. (77—81). Однако эти отдельные уточнения к построениям ее предшественников никак не повлияли на общее построение работы X. Шедер. В самом выборе разбираемых ею памятников, в оценке исторических предпосылок их возникновения X. Шедер твердо держится установившихся в дореволюционной и иностранной науке традиций. Характерно, что и кончается книга модным в иностранной литературе вопросом: «исчез ли после 1900 года старый дух пятнадцатого столетия?» (171).

Неоригинальность основных построений X. Шедер в какой-то степени объясняется тем, что ей приходится вести свое исследование в отрыве от рукописной традиции тех памятников, которые она изучает. Однако эта вполне естественная трудность, знакомая любому автору, работающему над иностранным материалом, должна была побуждать X. Шедер к сугубо внимательному ознакомлению со специальной русской филологической литературой, особенно с литературой последних лет. Но здесь и обнаруживается главный недостаток книги X. Шедер. Советская филологическая литература совершенно не использована автором: переиздав в 1957 г. свою книгу, X. Шедер добавила к списку литературы «важнейшую литературу после 1929 г.», в том числе некоторые (далеко не все) советские работы по интересующему ее вопросу (195—197), но на основной текст книги это добавление никак не повлияло: второе издание книги, как указывает автор (VI—VII), ничем не отличается от первого (прибавлены только в приложениях переводы трех посланий Филофея).

А между тем именно за последние годы в советской научной литературе появился целый ряд работ, посвященных тем самым памятникам, изучением которых занимается X. Шедер. Работы эти, построенные в значительной степени на новом рукописном материале, позволяют внести серьезнейшие изменения в выводы предшествующих исследователей. Ознакомление с этими работами показало бы X. Шедер, что даже в тех случаях, когда выводы ее сходятся с выводами советских авторов, аргументация этих исследователей оказывается иной и значительно более основательной, чем ее аргументация. Так, например, «Сказание о князьях Владимирских», занимающее значительное место в работе X. Шедер, было

подвергнуто специальному исследованию в книге Р. П. Дмитриевой.[10] Х. Шедер во втором издании своей книги не использует работу Р. П. Дмитриевой и даже не включает ее в дополнительный список литературы. А между тем обе эти книги совпадают в одном: в критическом отношении к выводу И. Н. Жданова (принятому позднее В. Малининым), что «Сказание о князьях Владимирских» было составлено в конце XV в. и затем использовано в «Послании о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы. Х. Шедер ограничилась только утверждением, что «Послание» сохранило в общем более древние чтения, чем «Сказание»,[11] хотя наряду с ними содержит и некоторые подновления текста;[12] сделанные ею сопоставления обоих памятников носят эпизодический характер и всецело опираются на издание И. Н. Жданова (91—100).[13] Совершенно иначе построена работа Р. П. Дмитриевой. Заново издав текст «Послания» и «Сказания» по всем спискам, Р. П. Дмитриева показала, что текст этот вполне последователен в «Послании» Спиридона-Саввы, а в «Сказании» содержит явные внутренние противоречия, вызванные тем, что составитель «Сказания» исправил одно из исходных генеалогических положений Спиридона-Саввы (Афраксад — четвертый сын Ноя), но не сумел удалить дальнейшие построения, вытекающие из этой генеалогии;[14] более первоначален в «Посла-

---

[10] Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955. — Р. П. Дмитриева не знала первого издания книги Х. Шедер.

[11] Так в «Послании» читается «ряд», в «Сказании» — «дань» в «Послании» — «рядник», в «Сказании» — «посланник»; в «Послании» — «паралипомена», в «Сказании» — «поминание»; в «Послании» — «кация», в «Сказании» — «чепь». Заметим, однако, что сами по себе более архаические чтения не свидетельствуют о первичности текста, ибо возможна вторичная архаизация языка (из стилистических соображений). Наиболее показательны два последних примера из числа перечисленных: «паралипомена» — «поминание» и «кация» — «чепь» (ср.: Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских, стр. 163, 164, 177, 178). Х. Шедер не обратила внимания на то, что термины, читающиеся в «Послании», не только архаичнее терминов «Сказания», но — что гораздо важнее — не соответствует им по смыслу. «Паралипомена» (греч. παραλειπόμενα) означает «исторические предания», «записки», «летопись», а вовсе не «поминание»; «кация» это не «цепь», а «кадильница», «ручная жаровня» (ср. нашу рецензию на книгу Р. П. Дмитриевой: ИОЛЯ, т. XV, 1956, в. 2, стр. 173). Естественно предположить, что первоначальным текстом был тот, в котором читались «паралипомена» и «кация» (т. е. текст «Послания»); эти действительно трудные и не совсем понятные слова были неправильно переведены в «Сказании» по контексту (обратная замена невероятна, ибо слова «предания» и «чепь» были понятны всякому читателю XVI в.).

[12] Следом таких подновлений служит, по мнению Х. Шедер, порядок, в котором перечисляются у Спиридона греческие патриархии, следующие за константинопольской: иерусалимская, александрийская, антиохийская (в «Сказании» — александрийская, антиохийская, иерусалимская; ср.: Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских, стр. 163, 178); такое отступление от обычного порядка Х. Шедер объясняет тем, что после 1439 г., порвав с Константинополем, русская церковь поддерживала отношения с иерусалимской патриархией. Но традиционный порядок (Александрия, Антиохия, Иерусалим) сохранял свое значение и в XVI в. и позже; нарушение его не свидетельствует о позднем происхождении текста, а соблюдение правильного порядка — о раннем происхождении.

[13] Так, например, Шедер придает важное значение различию, которое якобы имеется между «Посланием» и «Сказанием» в формулировке речи Клеопатры Антонию: в «Послании» Клеопатра доказывает, что вообще «лутше есть с покоем царствовати, нежели с малоумием излияти кровь человеческу», а в «Сказании» она прибегает к аргументу ad hominem. Однако, сравнив соответствующие места по всем текстам «Послания» и «Сказания», мы не находим между ними, в сущности, никаких текстуальных различий (ср.: Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских, стр. 160, 161 и 174). Точно так же совершенно надуманными являются отличия, которые Шедер усматривает между текстами речи бояр Владимиру Мономаху в «Послании» и «Сказании» (Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских, стр. 163, 176, 189, 190).

[14] Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских, стр. 60—63.

нии» и текст родословия литовских князей, который, как доказала Р. П. Дмитриева, органически связан и с «Посланием» и с «Сказанием».[15]

Так же обстоит дело и с другим памятником, занимающим важное место среди публицистической литературы XV—XVI вв., — с «Повестью о Вавилоне». Х. Шедер, в отличие от В. Малинина, не причисляет «Повесть о Вавилоне» к источникам творчества Филофея, но она весьма неопределенно датирует эту повесть XVI столетием (без дальнейших уточнений) и, по-видимому, считает ее более ранним памятником, нежели «Послание о Мономаховом венце» и «Сказание о князьях Владимирских» (107—111).[16] Вне сферы ее внимания осталась работа известного советского филолога М. О. Скрипиля. М. О. Скрипиль, исследовав рукописную традицию сказаний о Вавилоне, доказал, что объединение их в единый цикл и включение в этот цикл рассказа о перенесении царских регалий на Русь относится к XVII в. К XV в. (и притом к первой его половине), по данным М. О. Скрипиля, может быть отнесено только отдельное «Сказание о Вавилоне-граде», никак не затрагивающее идею «византийского наследства».[17]

Не считается с новой литературой вопроса Х. Шедер и при характеристике памятников, посвященных падению Константинополя. Излагая с некоторым скепсисом известную автобиографическую приписку Нестора-Искандера (о его нахождении в рядах турецкого войска во время штурма города), Х. Шедер отказывается от попытки определить время написания древнейшей рукописи его «Повести», ссылаясь на то, что «почерк оказывается на фотографии ясным уставом (den klaren Ustav), который без существенных изменений господствовал с десятого по семнадцатое столетие» (48), — замечание тем более странное, что почерк упомянутой ею Троицкой рукописи (не являющийся, кстати, автографом памятника) представляет собой вполне ясный полуустав начала XVI в., а никак не устав.[18] Не уточняя датировки памятника, Х. Шедер тем не менее включает «Повесть о взятии Царьграда» в число сочинений, хронологически и генетически предшествующих посланиям Филофея (38—49). А между тем именно явное противоречие между сообщением приписки, что Нестор уже «измлада» был обращен в мусульманство, и фактом его знакомства с приемами русской воинской повести заставляло уже Г. П. Бельченко и М. Н. Сперанского предполагать, что к современнику-очевидцу могла восходить только фактическая часть повести, а остальные ее разделы, имею-

---

[15] Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских, стр. 59, 60, 93—94, 97—100.

[16] Единственной хронологической вехой, дающей возможность уточнить время появления «Послания» Спиридона и других памятников, связанных с легендой о шапке Мономаха, служит для Шедер упоминание этой легенды «уже в 1525 г.» в письме «монаха Паисия из Ферапонтова монастыря» (111, ср. 92). Однако вся эта ссылка является результатом недоразумения. Письмо Паисия, о котором говорит автор (текст его см.: ЧОИДР, 1847, № 8), действительно было посвящено второму браку Василия (1525 г.), но написано оно было много позже этого события; как предполагал Е. Е. Голубинский, «не ранее второй половины правления Грозного» (Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, первая половина тома. М., 1900, стр. 732, 733, прим. 1); автор письма Паисий был монахом не Ферапонтова, а Серапонского, или Серапотанского, монастыря на Афоне (М. Н. Тихомиров. К вопросу о выписи о втором браке царя Василия III. — СОРЯС, т. CI, Л., 1928, № 3), в связи с чем теряют силу рассуждения Х. Шедер о связи Паисия со Спиридоном, находившимся в Ферапонтовом монастыре.

[17] М. О. Скрипиль. Сказание о Вавилоне-граде. — ТОДРЛ, т. IX, М.—Л., 1951, стр. 119—144.

[18] Леонид. Повесть о Царьграде Нестора Искандера XV века. — ПДП, в. 62. СПб., 1886, стр. 43 (фототипия).

щие общеидеологическое значение, были составлены уже в XVI в.[19] В отличие от Г. П. Бельченко и М. Н. Сперанского, М. О. Скрипиль склонен был с полным доверием принимать известия, содержащиеся в приписке Нестора-Искандера, но и он не соглашался с теми исследователями, которые причисляли «Повесть о Царьграде» к кругу произведений, предвосхищавших теорию «Москвы — третьего Рима».[20]

Х. Шедер не использовала новую литературу и в центральном вопросе своего исследования — в вопросе о сочинениях самого Филофея. Как и ее предшественники, Х. Шедер считает идеи Филофея чрезвычайно близкими к идеям Хронографа 1512 г.; она признает даже, что Хронограф оказал прямо влияние на Филофея (77, 81); Х. Шедер отвергает только предположение об идентичности Филофея и автора Хронографа, высказанное А. А. Шахматовым и поддержанное другими исследователями.[21] Но возражения Х. Шедер против А. А. Шахматова хотя и очень язвительны по форме, довольно слабы по существу: А. А. Шахматов доказывал сходность хронологических расчетов у Филофея и в Хронографе; Х. Шедер пытается опровергнуть это сходство (78—81). Действительно, расчеты Шахматова гипотетичны (ему пришлось в одном месте исправить текст Филофея),[22] но, противопоставляя ему свои собственные расчеты, исследовательница обнаруживает весьма слабое знакомство с древнерусской хронологической системой[23] и — что самое главное — идет по пути, следуя которому нельзя ни доказать, ни опровергнуть авторство Филофея по отношению к Хронографу. Доказывая идентичность Филофея и автора Хронографа, Шахматов опирался в первую очередь не на хронологические расчеты, а на содержание. Если бы Х. Шедер обратилась к работе советской исследовательницы

---

[19] Г. П. Бельченко. Состав исторической повести о взятии Царьграда. — Сборник к сорокалетию ученой деятельности А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 512, 513; М. Н. Сперанский. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII вв. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 143, 144.

[20] М. О. Скрипиль. «История» о взятии Царьграда турками Нестора Искандера. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 177—184.

[21] А. А. Шахматов. 1) Путешествие М. Г. Мисюря Мунехина на Восток и Хронограф редакции 1512 г. — ИОРЯС, т. IV, 1899, кн. 1, стр. 208—215; 2) К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1899, стр. 109—111 (оттиск из СОРЯС, т. LXVI, № 8); ср.: П. Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. III, в. 1. СПб., 1903, стр. 42—44.

[22] В указании Филофея, что «латыне» были в «единстве» с православными 770 лет, А. А. Шахматов исправил 770 на 790, сообразуясь с датой Хронографа (А. А. Шахматов. Путешествие М. Г. Мисюря Мунехина..., стр. 201—209, прим. 1).

[23] Х. Шедер напрасно думает, что Шахматов заставляет Филофея исчислять «в полном противоречии с обычаями его времени» (80), когда считает дату 1525 от рождения Христа у Филофея за 7025 г. от сотворения мира (1517 г. по западному и современному нашему летосчислению). А. А. Шахматов здесь исчисляет единственно правильным образом. Действительная разность между двумя эрами составляет 5508 лет, и современный исследователь, переводя дату от сотворения мира на наше летосчисление, должен вычесть из нее 5508 лет. Но совсем не так поступали древнерусские публицисты, когда им случалось говорить о дате рождения Христа или отсчитывать что-либо от этой даты: они исходили не из научно хронологических, а из богословских соображений, и полагали, что Христос родился в 5500 г. (ср., например, такой расчет в сочинениях «обличительной ереси»: А. Д. Седельников. К изучению «Слова кратка». — ИОРЯС, т. XXV, 1925, стр. 212; «Просветитель» Иосифа Волоцкого. Казань, 1904, стр. 372—377). Поэтому в тех редких случаях, когда древнерусский автор считает от рождества Христа, дата эта не может отождествляться с датами нашей эры, а должна быть переведена на дату от сотворения мира путем прибавления 5500 лет. Предлагая взамен расчетов Шахматова свои расчеты для датировки послания Филофея Мунехину, Х. Шедер тоже прибегает к исправлению текста и получает в конце концов сугубо сомнительную дату — 1543 г., более позднюю, чем дата смерти Мунехина.

Н. Н. Масленниковой (эта работа упомянута в дополнительном списке литературы, но, как и другие, не использована во втором издании книги), то она нашла бы там несравненно более серьезные аргументы против сближения Хронографа и послания Филофея, чем приведенные ею. Как справедливо показала Н. Н. Масленникова, Филофей, вопреки представлениям дореволюционных и иностранных исследователей, отнюдь не был борцом за обретение «византийского наследства» в конкретном смысле этого слова: он считал, что «греческое царство разорися и не созижется»; у автора Хронографа, напротив, оставалась надежда на будущее уничтожение «измаилт» и восстановление власти «царя православныя».[24]

Перечисленные выше исследования советских филологов не только заставляют изменить характеристику и датировку почти всех литературных памятников, разобранных в исследовании Х. Шедер, но разрушают и ту общую схему развития публицистики XV—XVI вв., которая была создана еще в дореволюционной науке и которую полностью воспринимает сама Х. Шедер. Прежде всего теория «Москвы — третьего Рима» вовсе не была краеугольным камнем идеологии Русского централизованного государства: русские государи в XVI в. не ссылались на эту теорию, предпочитая ей легендарную родословную от «Августа-кесаря», изложенную в «Послании о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы.[25] Конечно, послания Филофея, утверждавшие мировое значение Русского государства (но отнюдь не призывавшие к завоеванию всех «христианских царств»), сыграли известную роль в развитии национального самосознания древней Руси. Однако послания эти, как доказал уже В. Малинин, были написаны не ранее первой четверти XVI в. (этот вывод принимает и Х. Шедер).[26] Что же представляет собой публицистическая литература, сложившаяся до Филофея, в какой среде и под влиянием каких обстоятельств эта литература возникала? Ставя под сомнение датировку ряда памятников, отнесенных к концу XV в. прежними авторами на основе предвзятых представлений о том, как должна была развиваться «идея самодержавной власти», работы советских филологов позволяют с достаточной достоверностью установить круг памятников, действительно относящихся к этому периоду. Такими памятниками оказываются (после сочинений о Флорентийской унии): «Послание на Угру» (1480) архиепископа Вассиана, декларация о «изначальном» суверенитете, провозглашенная в 1488 г. от имени Ивана III дьяком Федором Курицыным, «Извещение о пасхалии» (1492) митрополита Зосимы и некоторые другие. Памятники эти никак не подтверждают мнения М. Дьяконова и других исследователей о связи русской «идеи самодержавной власти» с византийскими традициями. Никакой роли в формировании идеологии русского самодержавия не играла София Палеолог и ее «византийское наследство»: Иван III и его преемники никогда не ссылались на наследственные права Софии; сама «царегородская царевна» не привезла на Русь никаких «преданий византийского двора» и к идеям национальной независимости Руси (освобожде-

---

[24] Н. Н. Масленникова. Идеологическая борьба в псковской литературе. — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 191, 200—202. Это отличие отметил, помимо Н. Н. Масленниковой, и Д. Стремоухов (D. Stremooukhoff. Moscow the Third Rome. — Speculum, v. XXVIII, N 1, January, 1953, стр. 97, прим. 72), работа которого тоже приводится Х. Шедер в дополнительном списке, но не используется в тексте.

[25] Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 104.

[26] Дополнительную аргументацию в пользу этой датировки см.: Н. Н. Масленникова. Идеологическая борьба в псковской литературе, стр. 190—192.

ние от татарского ига) относилась без всякого сочувствия.[27] Не принимали в XV в. никакого участия в создании памятников, выражающих идеологию Русского централизованного государства, и иосифляне. Вопреки усвоенным Х. Шедер традиционным воззрениям (58—65), «школа Пафнутия Боровского» (Иосиф Волоцкий и другие «обличители ереси») отнюдь не поддерживала до начала XVI в. сильную великокняжескую власть; об этом писал А. А. Зимин в работе, опубликованной еще в 1953 г., но также не использованной Х. Шедер;[28] в настоящее время мы можем говорить о прямых связях Иосифа Волоцкого с удельно-княжеской оппозицией при Иване III. Памятники конца XV в. вышли из среды, враждебной «обличителям». Митрополит Зосима был, по словам Иосифа Волоцкого, «начальником еретиков», такую же роль играл и Федор Курицын. Не менее характерно и то обстоятельство, что первым русским князем, увенчанным «шапкой Мономаха», был сын участницы московского еретического кружка Елены Стефановны, Дмитрий Иванович, коронованный в 1498 г. по приказу своего деда Ивана III. Это первое появление в русской истории Мономаховых регалий, несомненно, должно было обосновываться каким-либо легендарно-политическим сочинением, близким к «Посланию о Мономаховом венце» и «Сказанию о князьях Владимирских».[29]

Исследования советских ученых, посвященные отдельным памятникам русской публицистики XV—XVI в., позволяют, таким образом, поставить под сомнение не только отдельные положения исследования Х. Шедер, но и всю концепцию, положенную в основу ее книги. Представление об идеологии Московской Руси как о специфической «восточной» идеологии, сложившейся в связи с падением Византийской империи, не выдерживает проверки фактами. Русская публицистика конца XV—начала XVI в. была прежде всего порождением общественной борьбы в период образования Русского централизованного государства.[30]

---

[27] Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси, стр. 97, 98; Я. С. Лурье. Первые идеологи московского самодержавия. — Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена, т. 78, 1948, стр. 86, 96.

[28] А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого. — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 167—169.

[29] Ср.: А. А. Зимин. Рецензия на книгу Р. П. Дмитриевой. — ИА. М., 1956, № 3, стр. 236—237.

[30] Это не значит, конечно, что всякое сопоставление политических теорий Русского государства XV—XVI вв. с политическими теориями западного средневековья следует считать бесплодным. Напротив, нам представляется, что, вопреки мнению некоторых авторов (У. Медлин и др.) о специфически «восточном» характере древнерусской теории государственной власти, теория это во многом перекликалась с западными учениями о «Translatio imperii». Особого внимания заслуживает в этом отношении предшественница теории «Москвы — третьего Рима» — теория Зосимы о перенесении в 7000 г. значения древнего «града Константина» на Москву. С окончанием «седьмой тысящи» Зосима связывал не конец мира, а начало нового, «прославленного» богом царства. Эта теория обнаруживает явные черты сходства с популярным на Западе учением о «тысячелетнем царстве мира», выдвинутым Иоахимом Флорским и игравшим большую роль в гусизме и других реформационных движениях (ср.: E. Wadstein. Die eschatologische Ideengruppe. — Zeitschrift für wissentschaftliche Theologie, Jg. 38—39, 1895—1896).

ЗАМЕТКИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

Я. Ш. ГАНЕЛИН

Об умении читать разночтения

За последние годы советские литературоведы издали немало памятников древнерусской литературы. Издавались памятники, впервые обнаруженные в рукописях, издавались заново и уже печатавшиеся памятники. Подобное переиздание уже опубликованных материалов отнюдь не следует считать менее важным и второстепенным делом: старые издания, сделанные по случайным спискам, без соблюдения необходимых археографических правил, нередко могут ввести в заблуждение читателя, в особенности читателя неопытного.

К числу памятников древнерусской литературы, до сих пор не переизданных, принадлежит «Послание на Угру» архиепископа Вассиана Рыло, написанное в связи с последним татарским нашествием на Русь в 1480 г. В своем исследовании «Послания» И. М. Кудрявцев, отметив его выдающееся значение как памятника публицистики, отказался, однако, от текстологического исследования «Послания» и от его нового издания по всем доступным спискам.[1] «Послание на Угру» пока опубликовано только в составе нескольких летописных сводов.

Отсутствие научного издания текста «Послания» — явный пробел в древнерусской филологии. О пробеле этом напомнила нам дискуссия, возникшая несколько лет тому назад среди историков античной науки: как следует читать характеристику Демокрита, данную архиепископом Вассианом в этом послании: «Димокрит, философом первый» (т. е. первый из философов) или просто «Димокрит философ»? Со всей решительностью в пользу второго из этих чтений высказался В. П. Зубов. Ссылаясь на С2Л, где приведен текст «Послания на Угру», В. П. Зубов утверждает, что в этой летописи Демокрит именуется «философ», и лишь «по другому чтению: философом», а слово «первый» относится к следующей далее цитате из самого Демокрита. Читать соответствующее место «Демокрит, философом первый» можно, по мнению В. П. Зубова, только в том случае, если произвольно удалить двоеточие после слова «философ», между тем как двоеточие это «лучше вяжется со всем строем древнерусской фразы, и с контекстом, и, наконец, с другими существующими разночтениями». Вопрос этот, по мнению В. П. Зубова, затрагивает «кардинальные проблемы

---

[1] И. М. Кудрявцев. «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. — ТОДРЛ, VIII. М.—Л., 1951, стр. 165, прим. 1. — И. М. Кудрявцев указывает, что «известна только одна редакция Послания Вассиана» и что «небольшие разночтения, которые можно наблюдать в разных списках», несущественны. Он отказывается поэтому от попытки дать «сравнительно-текстологический анализ» этого памятника. Однако даже малосущественные с точки зрения содержания варианты могут оказаться важными для восстановления истории текста и распространения памятника.

древней математической науки», и поэтому «здесь требуется особая осторожность, особая внимательность и особая точность».[2]

Не будучи компетентными в вопросах математики, мы не беремся судить о значении, которое имеет для истории этой науки характеристика Демокрита, данная ростовским архиепископом. Но вопрос о тексте «Послания на Угру» несомненно заслуживает нашего внимания. Как в действительности читалось спорное место? Обратившись к С2Л, мы убедимся, что В. П. Зубов ошибается. В заблуждение его ввело то обстоятельство, что вариант «философ» помещен в основном тексте летописи, а вариант «философом» под строкой, где, как это известно автору, помещаются обычно «другие чтения». Но В. П. Зубову следовало бы обратить внимание не только на композицию соответствующей страницы, но и на ее содержание. С2Л издана в VI т. ПСРЛ по двум спискам — Воскресенскому (ныне ГИМ, Воскр., бум., № 154 б.) и Архивскому (ныне ЦГАДА, ф. 181, № 371/821); первый обозначен в примечаниях литерой *B*; второй — *A*.[3] Взглянув в соответствующее примечание, В. П. Зубов мог бы убедиться, что вариант «философом» читается в *AB*, т. е. в обоих списках летописи;[4] «философ» — это не основное чтение, а собственная конъектура издателей, каких, кстати сказать, немало в издании 1853 г. Что касается двоеточия, то произвольным является не пропуск его при цитировании, а постановка его издателями ПСРЛ (в рукописи двоеточия, естественно, не было); эта вставка не только не гармонировала «со всем строем древнерусской фразы» и контекстом, но и прямо ей противоречила (из-за чего и пришлось исправить «философом первый» на «философ: первый. . .»).

Так неправильные археографические приемы издателей середины XIX в. дезориентируют современного читателя. Новое издание «Послания на Угру» должно было бы прежде всего устранить произвольные редакторские конъектуры; оно должно было бы привлечь не только списки С2Л, но и списки других летописей, и что еще важнее, те сборники (в том числе конца XV в.), где это «Послание» содержится.[5] Сопоставление текста «Послания» по всем спискам дало бы возможность говорить об истории текста этого замечательного памятника и о времени его проникновения в летописание.

---

[2] В. П. Зубов. К вопросу о математическом атомизме Демокрита. — Вестник древней истории. М., 1951, № 4, стр. 208.

[3] ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, стр. 115—118.

[4] Там же, стр. 227, прим. «ж».

[5] В. П. Зубов, к сожалению, совершенно не обратил внимания на другие, даже печатные тексты «Послания», привлекая в качестве «других разночтений» тексты цитат из Вассиана у И. Я. Порфирьева и Н. М. Карамзина. А между тем если Львовская (ПСРЛ, т. XX, ч. 1. СПб., 1910, стр. 341) и Воскресенская (ПСРЛ, VIII. СПб., 1859, стр. 209; в тексте та же конъектура, что и в ПСРЛ, т. VI) летописи дают чтение «философом первый», то в Никоновской (ПСРЛ, т. XII. СПб., 1901, стр. 206) и Н4Л по списку Дубровского (ПСРЛ, т. IV. Л., 1925, стр. 519) можно найти чтение «философ». Однако вариант этот все-таки оказывается вторичным: в древнейшем списке «Послания», содержащемся в сборнике XV в. (ГБЛ, Муз. 3271, л. 21 об.), читается «философом первый», и правильность такого чтения подтверждается текстом, откуда несомненно заимствовал свою цитату Вассиан, — древней «Пчелой» (В. Семенов. Древнерусская пчела по пергаментному списку. СПб., 1893, стр. 103), где цитата Демокрита читается (и в русском и в греческом тексте) без слова «первый»: ясно, что у Вассиана это слово — не часть цитаты из Демокрита, а эпитет по адресу философа.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

А. А. ЗИМИН

К изучению взглядов И. С. Пересветова

В № 1 журнала «Вопросы истории» за 1957 г. в разделе «Научные заметки» изложены соображения А. Л. Саккетти и Ю. Ф. Сальникова о взглядах И. Пересветова.[1] Заметки обоих авторов вызваны в свет появлением ряда работ, посвященных творчеству Пересветова, и прежде всего новым изданием сочинений И. С. Пересветова.[2] Всестороннее обсуждение спорных вопросов истории русской общественной мысли середины XVI в. нужно всячески приветствовать. Тем большее недоумение вызывают заметки А. Л. Саккетти и Ю. Ф. Сальникова. Пытаясь опровергнуть выводы ряда последних исследователей творчества Пересветова, оба автора становятся на путь произвольных домыслов и необоснованной критики своих предшественников.

Сочинения И. С. Пересветова сохранились в нескольких десятках списков, образующих две редакции (полную и неполную), которые распадаются на ряд изводов и видов. В издании этих сочинений и были опубликованы важнейшие списки, позволяющие представить эту сложную рукописную традицию. На основании текстологического анализа было установлено, что протографы (несохранившиеся оригиналы) обеих редакций независимо одна от другой восходят к авторскому тексту сочинений Пересветова, который лучше всего представлен в Музейном списке полной редакции.[3]

Ю. Ф. Сальникову все эти текстологические выводы, очевидно, кажутся непонятными. Он прежде всего удивляется, почему издатели «положили в основу публикации в качестве „полной редакции“ сочинения с именем Пересветова», содержавшиеся в Музейном списке, ибо «по своей идейной направленности текст этой редакции отличается от текстов других редакций сочинений Пересветова» (стр. 123). Интерес Ю. Ф. Сальникова к текстологической стороне проблемы можно было бы только приветствовать, но, к сожалению, уже в самой постановке вопроса обнаруживается незнакомство автора с самыми основами текстологии. Что вызывает недовольство Ю. Ф. Сальникова: то ли, что в основу полной редакции положен Музейный список, или что в основу издания положена полная редакция? Редакция и список — это не одно и то же; полная редакция сочинений Пересветова представлена многими списками. По-видимому (поскольку о выборе списков при издании полной редакции автор в дальнейшем не говорит), Ю. Ф. Сальникова смущает, что «в основу издания» положена

---

[1] А. Л. Саккетти, Ю. Ф. Сальников. О взглядах И. Пересветова. — ВИ, 1957, № 1, стр. 17—124.

[2] См.: Сочинения И. Пересветова. Под ред. чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956.

[3] Там же, стр. 95—96, 99, 119.

полная редакция. В этом случае он явно ошибается: достаточно ознакомиться с сочинениями И. Пересветова, чтобы убедиться, что там издана не одна редакция, а целый ряд списков, представляющих все основные редакции и виды. Кстати говоря, выводы самого Ю. Ф. Сальникова о Музейном списке, или полной редакции [автор говорит то о «редакторе списка», то «о незавершенности обработки (полной, — *А. З.*) редакции»],[4] основаны не на текстологических соображениях, а исключительно на домыслах автора.

Исходя из наличия в сборнике ГБЛ Музейного собрания № 4469 некоторых посланий Курбского, Ю. Ф. Сальников предположил, что редактором полной редакции сочинений Пересветова был князь А. Курбский, проделавший «незавершенную обработку» пересветовских текстов (без Большой челобитной) перед побегом за границу (стр. 123).[5] Ю. Ф. Сальников ссылается на то, что в Повести о падении Царьграда, помещенной в начале полной редакции сочинений Пересветова, «царь выступает в окружении патриарха, бояр». Все эти рассуждения лишены научных оснований. Прежде всего Послания Курбского восходят лишь к двум из 14 списков полной редакции, и уж, конечно, их наличие в сборниках не может доказывать редакторскую работу боярского публициста над сочинениями Пересветова. Никакого стилистического и идейного родства между полной редакцией и Посланиями Курбского Сальникову установить не удалось (кроме ссылки на наличие у Пересветова и Курбского полонизмов).

Известно также, что Повесть о падении Царьграда и Сказание о книгах имеются в различных вариантах не только в полной, но и в неполной редакции (в списке Оболенского, Барсовско-Никоновском и Хронографическом изводах). Так что появление этих памятников нельзя связывать с деятельностью составителя полной редакции, а следует относить к работе самого Пересветова. Это, конечно, не означает, что идейная направленность Повести о падении Царьграда, существовавшей в виде самостоятельного произведения уже к концу XV в., всецело соответствовала взглядам Пересветова, напротив, в ряде случаев наш публицист весьма сильно корректировал своего предшественника.

Неменьшие недоумения вызывают и размышления А. Л. Саккетти относительно некоторых моментов, касающихся биографии Пересветова. Так, по его мнению, публицист поплатился «за ту внешнеполитическую программу, которой он держался», в частности за то, что, по его мнению, задачей Русского государства было «идти на юго-восток против турецкого султана и его вассала, крымского хана» (стр. 119). У Пересветова отнюдь нет призыва Ивана IV к борьбе с турецким султаном (Магмет-салтан даже один из его любимых героев). По отношению к Крыму публицист рекомедует вести не наступательную, а оборонительную политику. Южные рубежи страны должны быть защищены особыми отрядами — стрельцов-воинников «огненного боя», которые должны препятствовать всем попыткам крымских ханов вторгнуться на Русь. Какие же есть основания у А. Л. Саккетти приписывать Пересветову программу активной борьбы с Турцией и Крымом?

Или вот другой пример чистого домысла. По мнению Саккетти, Пересветов усматривал в Магмете-салтане «тайного сторонника христианства,

---

[4] О «редакторе списка» вообще говорит он, очевидно, по недоразумению, ибо все указанные им особенности характерны не для одного (Музейного) списка, а по крайней мере для всех или многих списков Полной редакции.

[5] Ю. Ф. Сальников ни одним словом не обмолвился, почему он решил исключить Большую челобитную из «обработки» Курбского, хотя и это произведение помещено в тех же сборниках, где находятся и другие сочинения Пересветова.

что якобы и дало ему перевес над маловерными греками, предававшими веру отцов» (стр. 119). Это произошло потому, что публицисту, очевидно, «была известна молва о происхождении султана Магомета II от матери христианки» (стр. 119). Кстати, у Пересветова Магмет-салтан отнюдь не «тайный сторонник христианства» а лишь «веры християнъские из мысли не выпусти»,[6] т. е. только думал о переходе в христианство. Но главное даже не в этом. Нет никакой надобности строить бездоказательные предположения о возможности знакомства Пересветова с молвой о том, что Махмед II «благоговейно чтил свою мать» (о матери турецкого султана в сочинениях публициста нет ни слова). Уже давно в литературе известны бытовавшие в XV—XVI вв. легенды о склонности завоевателя Константинополя к христианству.[7] Их-то и имел в виду Пересветов, сообщая в своих трактатах о решении Магмет-салтана перейти в христианскую веру.

Сложнее обстоит вопрос о некоторых сторонах взглядов И. С. Пересветова. Нужно прямо сказать, что вопросы о близости публициста к реформационным течениям на Руси, об отношении его к ряду социальных явлений (в частности, к холопству и к кабальной зависимости) принадлежат к числу тех, которые нуждаются еще во всестороннем освещении. Однако нельзя не протестовать против тех методов полемики, которые применяют в своих «научных заметках» А. Л. Саккетти и Ю. Ф. Сальников.[8] Оба автора пытаются доказать, что тезис В. Ф. Ржиги, Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье, Л. Н. Пушкарева и А. А. Зимина о близости Пересветова к таким вольнодумцам, как Матвей Башкин, является следствием «модернизаторского истолкования идейной борьбы XVI века» (стр. 121), основан на «произвольном» толковании исторических источников (стр. 117). Остановимся на аргументации А. Л. Саккетти. Прежде всего совершенно недопустимо, что автор обошел молчанием всю систему моих доказательств, изложенных в специальной статье о Пересветове и русских вольнодумцах XVI в.,[9] ограничившись несколькими замечаниями по введению к публикации сочинений этого публициста XVI в., хотя эта статья ему была известна (см. стр. 117). В названной статье разбираются специально данные, говорящие о близости социальных взглядов Башкина и Пересветова (резкое выступление против полного холопства и кабальной зависимости), отмечается критика публицистом монашеской жизни, отсутствие влияния сочинений «отцов церкви», представление Пересветова о «мудром монархе», «мудрых» философах и «дохтурах», высказываются соображения о связи дела Башкина с судьбою Пересветова и т. д. Обо всем этом А. Л. Саккетти умалчивает. Но вести научную полемику путем умолчания, конечно, нельзя.

Каковы же собственные представления А. Л. Саккетти? Он исходит из той мысли, что Пересветов не решился бы обратиться со своими проектами к Ивану Грозному, «если бы не был твердо уверен в согласии царя с его точкой зрения» (стр. 117). А так как, по мнению автора, для Грозного характерно «иосифлянство», то и Пересветов не мог быть вольнодумцем.[10]

---

[6] Сочинения И. Пересветова, стр. 151.

[7] J. Hammer. Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. I. Pest, 1834, стр. 574.

[8] Ряд справедливых замечаний в их адрес высказан А. И. Клибановым в его рецензии на издание «Сочинений И. Пересветова» (История СССР, 1957, № 3, стр. 206—208).

[9] См.: А. А. Зимин. И. С. Пересветов и русские вольнодумцы XVI века. — Вопросы истории религии и атеизма, III. М., 1955, стр. 311 и сл.

[10] Кстати, А. Л. Саккетти возражает против характеристики Пересветова «как вольнодумца и еретика». Между тем в названных им работах говорится, что публицист лишь в отдельных случаях «доходит до еретических утверждений» (Сочинения И. Пересветова, стр. 25), что он был близок к М. Башкину, но отнюдь не достигал

Трудно согласиться с взглядом Саккетти на выдающихся русских мыслителей XVI в. как на царедворцев, раболепствующих перед Иваном Грозным. В действительности дело обстояло совершенно иначе. В середине XVI в., когда стоял вопрос о путях государственных преобразований, когда был создан специальный Челобитенный приказ во главе с Адашевым и Сильвестром, ряд видных деятелей выступил с критикой современной им действительности и с предложением серьезных общественно-политических реформ. Не боялся излагать царю смелые проекты преобразований Ермолай-Еразм. Не боялся и сам Пересветов писать Грозному о том, что в Московском царстве «правды нет».[11]

Основное внимание А. Л. Саккетти уделяет разбору пересветовского афоризма «бог не веру любит — правду»,[12] считая, что он заимствован из Псалтыри Давида, где сказано «правден господь и правду возлюби» (стр. 117—118). Итак, ни о каком свободомыслии Пересветова, следовательно, говорить не приходится. Сравнение приведенных текстов не позволяет, однако, сделать такой вывод: никаких данных в пользу того, что публицист использовал в данном случае Псалтырь, даже Саккетти фактически не привел. Вместо этого он пытается Пересветову приписать мысль о том, что «бог любит не только „правду“, но не в меньшей степени любит он и веру» (стр. 118), тогда как публицист явно противопоставляет «правду» «вере», говоря, что бог любит не веру, а правду, ибо «правда сильнее всего».[13] Этот тезис, безусловно, носил еретический характер, ибо он приводил к отрицанию «веры» как того основания, которым следовало руководствоваться в жизни. Понятие «правды», встречающееся в литературных памятниках XV—XVI вв.,[14] созданных под воздействием реформационного движения, и у самого Пересветова нельзя сводить к церковно-каноническим представлениям. В самой общей религиозно-философской форме публицист говорит, что «истинная правда — Христос бог наш», оставивший «еуангелие правду».[15] Как известно, не только Пересветов, но и все идеологи реформации пытались опереться на книги священного писания в борьбе с официальной церковью.[16] Гораздо существеннее реальное содержание «правды» у Пересветова, которое сводится к совокупности реформ, осуществление которых должно привести к установлению справедливого (с точки зрения публициста) политического строя. Именно поэтому Магмет-салтан и ввел «великую правду во царство свое», проведя ряд преобразований в армии, финансовом и судебном аппарате.[17]

А. Л. Саккетти старается как-то преодолеть возникающие противоречия между своим стремлением рассмотреть «правду» Пересветова в клерикальном аспекте и действительным содержанием этого понятия в сочинениях публициста. В связи с этим он выдвигает совершенно антиисторический тезис о том, что вообще «иудейскому и христианскому вероучениям присущ юридический характер» (стр. 119). О каких же христианском и иудейском вероучениях вне времени и пространства, вне их классового содержания можно говорить? Что за «юридический характер» приписы-

---

той степени критики официальной церкви, которая характерна для последнего (см., например: А. А. Зимин. И. С. Пересветов и русские вольнодумцы XVI века, стр. 314).

[11] Сочинения И. Пересветова, стр. 176.

[12] Там же, стр. 181.

[13] Там же, стр. 182.

[14] См.: М. Якубец, А. Новак. История чешской литературы, ч. 1. Прага, 1926, стр. 96.

[15] Сочинения И. Пересветова, стр. 181.

[16] См.: А. И. Клибанов. История СССР, 1957, № 3, стр. 206.

[17] Сочинения И. Пересветова, стр. 154, 155.

вает этим вероучениям автор? А. Л. Саккетти находит и в учении о «правде» Пересветова также «юридическое мировоззрение» «иудейства и христиаства», видя в этой правде начало «соответствия, соразмерности, заслуг и воздаяний за заслуги» (там же). Ничего подобного в сочинениях Пересветова нет. В подкрепление своего тезиса А. Л. Саккетти не может привести ни одного высказывания публициста о «правде».

Не меньше голословных заключений делают А. Л. Саккетти и Ю. Ф. Сальников, касаясь социальных взглядов Пересветова. Если верить Ю. Ф. Сальникову, то публицист в своем протесте против «порабощения» беспокоился главным образом о верхушке холопства («лучших людей»), той категории холопов, которые «прельщаются для светлые ризы» (стр. 122). Этот вывод строится на выхваченных из разных текстов отдельных выражениях публициста. В действительности же Пересветов неоднократно говорит о «порабощении земли» вообще, о порабощении людей во всяком царстве, о сочинении полных и докладных книг и т. д.[18] Слова «лучшие люди» означают лишь то, что вельможами были порабощены «даже лучшие люди», не говоря уже о других холопах. Пересветов также предупреждает не только господ, но и тех, кто ради драгоценных одежд («светлых риз») готов перейти в холопство. Никаких особых категорий в составе холопов публицист в приведенных Ю. Ф. Сальниковым случаях не выделяет. Обращение с угрозой не только к холоповладельцам, а и к закабаляемым показывает, что Пересветов не вполне понимал те тяжелые экономические условия, которые толкали многих крестьян и выходцев из других сословий на путь холопьей зависимости. Отнюдь не стремление получить «светлые ризы», а обычно нужда заставляла их давать на себя полные или кабальные грамоты. Все это не мешало Пересветову резко осуждать рабство.

Ю. Ф. Сальников умалчивает о том, что публицист выступает не только против холопства, но и против кабальной формы зависимости. «Магмет-салтан», — говорит Пересветов, — не велел своим вельможам ни «прикабаливати, ни прихолопити, а служити им добровольно».[19]

Нельзя, кроме того, отождествлять взгляды Сильвестра и Пересветова на судьбы холопства, как это делает Ю. Ф. Сальников (стр. 121): в то время как благовещенский протопоп в практических целях перевел лишь своих холопов в разряд наемных людей, Пересветов выступил с теоретическим обоснованием необходимости повсеместной ликвидации холопства и кабальной зависимости.

Представления А. Л. Саккетти о социальных взглядах Пересветова не менее путанны, чем рассуждения Ю. Ф. Сальникова. Оказывается, публицист говорил «лишь о порабощении лиц свободного состояния», т. е. «о закабалении феодалами „служилых людей", дворян и детей боярских» и о «полоняниках» (стр. 118). Конечно, Пересветов, уделявший в своих проектах реформ значительное место «воинникам» и их положению, особое внимание уделял пагубному влиянию существования рабства на организацию военной службы. Однако этим дело не ограничивалось. Публицист прямо заявил: «Которая земля порабощена, в той земле все зло сотворяется: татба, разбой, обида, всему царству оскудение великое».[20] Ни в этом случае, ни в рассказе об уничтожении Магметом-салтаном полных и докладных книг Пересветов не ограничивается осуждением закабаления дворян: он прямо и недвусмысленно выступает против холопства и кабалы

[18] Сочинения И. Пересветова, стр. 157, 181 и др.
[19] Там же, стр. 157.
[20] Там же, стр. 181.

вообще, повторяя аналогичные высказывания Матвея Башкина. Публицист приводит апокриф о «записи», которую якобы взял дьявол с Адама. По мнению Саккетти, «образ „записи или кабалы“ присоединяет совершенно невинную прибавку» к «чисто христианскому догмату о спасении христианином рода человеческого» (стр. 119). Нет, не о «невинной прибавке» идет речь, когда Пересветов из апокрифа делает вывод: «которыя записывают в работу вовеки, прелщают и дияволу угождают»,[21] тем самым объявляя порабощение результатом злокозненных действий дьявола.

Делая окончательный вывод о том, что никакого свободомыслия у Пересветова не было, Саккетти ссылается на то, что слова публициста «не веру бог любит, а правду» не были поняты современником как свободомыслие (стр. 119). Но это утверждение не совсем точно. В «Сказании о Петре», памятнике начала XVII в., основанном на Большой челобитной Пересветова, систематически опускаются как раз все те суждения публициста, которые были сомнительными с точки зрения ортодоксального православия (в частности о том, что «не веру бог любит, а правду», «правду бог любит сильнее всего», апокриф об Адаме и т. п.).[22] То же самое можно наблюдать и в другой переделке пересветовских сочинений — в Хронографе 1617 г. По хронографу оказывается, что турецкий султан хотел сжечь греческие книги, а не руководствоваться ими в своей деятельности. Автор хронографической переделки опускает выражение о том, что «бог любит правду лутчи всего», всю критику полного и кабального холопства и т. п.

Итак, вопреки А. Л. Саккетти можно сказать, что русские публицисты начала XVII в. сумели понять лучше, чем некоторые позднейшие исследователи, отступления Пересветова от ортодоксальных точек зрения как по некоторым религиозным, так и по социальным вопросам.

*

Совсем недавно А. Л. Саккетти выступил с рецензией на мою монографию о И. С. Пересветове,[23] где дополнил свои критические соображения новыми, но, к сожалению, снова обошел молчанием важнейшие аргументы по спорным вопросам, а также те возражения, которые я ему сделал в книге.[24]

А. Л. Саккетти сожалеет, что в книге «не охарактеризованы хотя бы кратко общественно-политические порядки стран, которые были известны И. С. Пересветову, а именно: Турецкой империи, Венгрии, Молдавии, Богемии, Польши и Литвы» (стр. 203). Это не вполне соответствует действительности. Об особенностях строя Польши и Великого княжества Литовского, о взаимоотношениях Польши с Венгрией я говорю специально на стр. 278—279, 314—324 своей книги, о Молдавии — на стр. 281—282, 323, о Турции XV—XVI вв. рассказывается на стр. 273—276 и делается вывод о том, что Пересветов «был осведомлен в вопросах, касающихся строя Османской Турции и положения на Балканах». Может быть, этот

---

[21] Там же.

[22] Там же, стр. 336.

[23] А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958.

[24] А. Л. Саккетти. Из истории русского права. — Вестник Московского университета, серия экономики, философии, права, 1959, № 3, стр. 203—206. — А. Л. Саккетти продолжает критиковать «предположение А. А. Зимина относительно ереси И. С. Пересветова» (стр. 206), хотя в книге неоднократно говорится лишь о том, что публицист только «приближался к представителям реформационного движения» (А. А. Зимин, ук. соч., стр. 393, 395 и др.). Он снова говорит, что якобы «одна только фраза „не веру бог любит — правду“ служит основанием А. А. Зимину отнести И. С. Пересветова к числу еретиков» (А. Л. Саккетти. Из истории русского права. стр. 204).

материал нужно было бы расширить, но сказать, что его вовсе нет, будет несправедливым.

«Главный же упрек», который делает мне А. Л. Саккетти, состоит в том, что мною «не отмечена враждебность реформационных движений государственной централизации» (стр. 204). Но достаточно вспомнить реформацию в Англии, Дании, Швеции, в ряде немецких княжеств, чтобы убедиться, что абсолютизм широко использовал реформационные учения в своекорыстных интересах. Да и в шляхетской Польше виднейший публицист Андрей Фрич-Моджевский, творчество которого напоминает Пересветова, был и сторонником реформации и поборником централизации. Утверждение о том, что «вообще дворянству в XVI—XVII вв. свойственно было не уклоняться в ересь» (стр. 205), нуждается в большом ограничении, так как известно, что «еретики» Матвей Башкин и Борисовы были по своему социальному положению детьми боярскими.

Далее, А. Л. Саккетти считает, что я без критики опираюсь на высказывание Вернера Филиппа о якобы «чисто светском» характере понимания «правды» у Пересветова. Но на стр. 396 я не опираюсь на Филиппа, а даю лишь общую историографию вопроса, после чего перехожу к анализу самих пересветовских текстов. Основной мой тезис сформулирован на стр. 400. Здесь говорится, что «правда», по мнению И. С. Пересветова, — «совокупность общественных преобразований, направленных к созданию совершенного государственного строя, в котором дворянские требования найдут полное осуществление. Облекая это понятие в религиозную форму... публицист вкладывал в нее не церковное, а светское содержание». Это сильно отличается от того формально-юридического представления о «правде», которое находим у Вернера Филиппа. Если уж говорить о Вернере Филиппе, то скорее можно вспомнить, что именно Филипп выступал против возможности сопоставления взглядов Пересветова с Башкиным,[25] т. е. придерживался в данном случае точки зрения, сходной с мнением А. Л. Саккетти.

Досадным недоразумением является апелляция А. Л. Саккетти к судьбе пересветовского поместья. Если бы Пересветов был изобличен в ереси, то поместье его, по мнению А. Л. Саккетти, «было бы конфисковано и не перешло к его наследникам» (стр. 205). Поместье Пересветова от обид вельмож запустело еще до подачи им челобитных, а о дальнейшей судьбе этого владения у нас вовсе никаких сведений нет.

А. Л. Саккетти считает, что Пересветов выступал не вообще против полного кабального холопства, а против похолопления дворян. Хорошо, допустим, что так. Но тогда зачем же говорить о согласованности взглядов Пересветова с отпуском несвободных слуг по духовным завещаниям? Одно утверждение явно противоречит другому. Такое же несоответствие получается и дальше. А. Л. Саккетти ссылается на то, что Мехмед II и Петр Рареш «никогда не являлись сторонниками освобождения крестьян и дворовых», хотя в их уста Пересветов вкладывает слова об освобождении свободных людей от «порабощения». Но здесь же сам Александр Ливериевич считает, что Пересветов «охотно свои планы и советы излагает в виде мнений и заключений некоторых исторических личностей — султана Магомета II или волошского воеводы Петра Рареша» (стр. 206). Тогда зачем же ссылаться на то, что реальный Мехмед II и Петр Рареш не были противниками холопства?

---

[25] W. Philipp. Ivan Peresvetov und seine Schriften über die Erneuerung des Moskauen Reiches. Berlin 1935, стр. 27.

В последнее время все чаще и чаще исследователи начинают говорить об элементах гуманистического мировоззрения в сочинениях Пересветова. Сошлюсь, в частности, на доклад академика М. П. Алексеева на Славянском конгрессе, на работы Н. К. Гудзия и некоторые другие. Возражая против этого, А. Л. Саккетти считает, что заявление Пересветова о «грозе» свидетельствует скорее о суровости, нежели о «гуманности» публициста (стр. 206). Но здесь явно смещены понятия: гуманизм и гуманность.

Совсем недавно академик С. Д. Сказкин подчеркнул, что основной чертой нового гуманистического мировоззрения является индивидуализм. С. Д. Сказкин также отмечал «склонность гуманистов к сильной власти».[26] Если мы вспомним пересветовский образ мудрого монарха, который стремится ввести в своей стране «правду», опираясь на советы философов и на греческие книги, то наша попытка найти в сочинениях русского публициста середины XVI в. элементы гуманистического миропонимания не покажется столь уж неожиданной.

Конечно, еще многое в творческом наследии И. С. Пересветова, принадлежащего к числу самых выдающихся русских мыслителей XVI в., остается недостаточно изученным. Не все позитивные решения спорных вопросов, предложенные автором в настоящей краткой статье, как и в других его работах, окончательны. Важно подчеркнуть лишь то, что вести хоть сколько-нибудь серьезную дискуссию о взглядах Пересветова методами А. Л. Саккетти и Ю. Ф. Сальникова невозможно: ни произвольные домыслы, ни умолчание об аргументации, содержащейся в критикуемых работах, ни поверхностное сопоставление случайно подобранных отрывков из источника не могут содействовать решению спорных вопросов истории русской общественной мысли XVI в.

---

[26] С. Д. Сказкин. К вопросу о методологии истории Возрождения и гуманизма. — В кн.: Средние века, в. XI. М., 1958, стр. 136, 141.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

И. С. ДУЙЧЕВ

Одна цитата из Манассиевой Хроники в среднеболгарском переводе*

Недавно появилась короткая, но весьма интересная заметка М. А. Салминой «„Ентинарий" в „Повести о зачале Москвы"» (ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 362—363). Как известно, в начальной части так называемой «Повести о зачале Москвы» (см.: М. Н. Тихомиров. Сказания о начале Москвы. — ИЗ, т. 32. М., 1950, стр. 233) дается рассказ о древнейшей истории Рима и сооружении Капитолия. В рассказе этом читаем: «ея же увидев ентинарий искусный знамением смотритель...». До сих пор слово «ентинарий» оставалось неясным. М. А. Салмина указывает тот же отрывок о легендарной истории Рима в так называемом Хронографе первой редакции, гл. 108 (ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911, стр. 227). Следуя совету заслуженного русского исследователя А. Н. Попова, она указывает и первоисточник отрывка — это, несомненно, известная Манассиева Хроника, ст. 1620—1750. Еще А. А. Шахматов (К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1899, стр. 73 и сл.) высказывал мнение, что вышеупомянутый текст заимствован из славянского перевода Манассиевой Хроники в копии Новгородской Софийской библиотеки, № 1497 (хранится в ГПБ), в которой имеется то же самое слово. Заслуга М. А. Салминой состоит в том, что она указала самый греческий текст Манассиевой Хроники (Migne P. Gr., CXXVII, стр. 282—283). В стихе 1678 Манассиевой Хроники читаем: ὅπερ μαθὼν ἐν Τυρρηνοῖς δόκιμος τερασκόπος, что полностью соответствует выражению: «ея же увидев ентинарий искусный знамением смотритель...». Слово «ентинарий», следовательно, является лишь плохо переданным выражением ἐν Τυρρηνοῖς — «в Тиррении», которое было непонятным еще тогдашнему переводчику. К этому остроумному и вполне убедительному объяснению М. А. Салминой можно сделать лишь некоторые библиографические дополнения сочинений, которые, по всей вероятности, были ей недоступны. Так, М. А. Салмина заявляет, что выражение ἐν Τυρρηνοῖς, по-видимому, неправильно понято еще славянским переводчиком Хроники, добавив (стр. 363, прим. 9), что не может утверждать это с полной уверенностью, так как просмотрела только один из четырех известных А. Попову списков славянского перевода Манассиевой Хроники. Несомненно прежде всего то, что был использован не первоначальный греческий текст Хроники, а ее славянский перевод. Как установлено, стихотворная Хроника византийского писателя Константина Манассии (умер в 1187 г.) была переведена на болгарский язык в первые годы правления Ивана Александра (1331—1371), к 1331—1340 гг. [см. специально по этому вопросу: Ю. Трифонов. Бележки върху средно-

* Перевод с болгарского А. И. Хватова. (*Ред.*).

българския превод на Манасиевата хроника. — Известия на Българския археологически институт, II, 1923—1924, стр. 137—173; другие указания у меня: Преглед на българската историография. — Jugoslovenski istoriski časopis, IV, 1—2 (1938) стр. 45—46]. Этот перевод известен в списках болгарской, сербской и, как считают,[1] русской редакциях. В научной литературе обычно говорится о пяти списках (см.: П. А. Сырку. К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке, I. 1. Время и жизнь патриарха Евфимия Тырновского. СПб., 1898, стр. 421 и прим. 1), но некоторые ученые указывают всего шесть списков в трех редакциях (например, см.: Ю. Трифонов, ук. соч., стр. 138—139; Б. Филов. Миниатюрите на Манасиевата хроника във Ватиканската библиотека. София, 1927, стр. 1; Йорд. Иванов. Български старини из Македония. София, 1931, стр. 618). Очень осторожно указывал списки покойный чехословацкий ученый Милош Вайнгарт (M. Weingart. Byzantské kroniky v literatuře církevněslovanské. Přehled a razbor filologický. 1. Bratislava, 1922, стр. 166—180). Определенно он говорит о четырех списках, о других же лишь упоминает. Болгарских списков известно три, а именно так называемый Московский список, хранившийся некогда в Московской синодальной библиотеке № 20 (38), известный как «сборник попа Филиппа» от 1345 г. (см. у меня: Из старата българска книжнина, II. София, 1944, стр. 129—130, XX—XXIII), в настоящее время хранящийся в Государственном Историческом музее в Москве в отделе рукописей. Об этом списке см. библиографические указания у П. Сырку (ук. соч., стр. 418, прим. 1). Это самый старый список болгарского перевода Хроники. К 1344—1345 гг. был изготовлен богато украшенный миниатюрами (в количестве 69) так называемый Ватиканский список: cod. Vatican. sl. II (о нем см. подробно у Б. Филова: ук. соч., стр. 1—15). Сравнительно менее известен так называемый Тульчанский список XVI—XVII вв., описанный у А. И. Яцимирского (Славянския и русския рукописи румынских библиотек. СОРЯС, т. LXXIX, 1905, стр. 839—842). В сербской редакции существует так называемый Хилендарский список 1510 г. (о нем см. библиографические указания: П. Сырку, ук. соч., стр. 421, прим. 1; Йорд. Иванов, ук. соч., стр. 618—623; M. Weingart, ук. соч., стр. 179—180). Намек о большем количестве списков сербской редакции, высказанный известным историком древнесербской литературы Павле Поповичем (Преглед српске кньижевности, 2-е изд. Београд, 1913, стр. 43: «...у нас имеется в рукописях начала XVI века»), нуждается в проверке и уточнении. Кроме этих четырех в научной литературе упоминается еще один или два списка. Так, Йорд. Иванов (ук. соч., стр. 618) говорит о «двух более новых русских списках», Ю. Трифонов (ук. соч., стр. 139) — об одном списке сербской редакции и другом, не называя определенно редакции его. Названные ученые ссылаются при этом на два указания в известном труде В. С. Иконникова (Опыт русской историографии, т. II, ч. 1. Киев, 1908, стр. 94), во-первых, и, во-вторых, на указание А. Попова [Archiv f. slav. Philol., II (1877), стр. 13]. Похоже по всему, однако, что речь идет об одной и той же рукописи, а именно о рукописи № 1437 из бывшей библиотеки Новгородского Софийского собора (переданной позднее в ГПБ в Ленинград) от XVII в. сербской редакции (у М. А. Салминой рукопись № 1497; об этой рукописи см. указания и у П. Сырку: ук. соч., стр. 421, прим. 1).

[1] А. Буассен (H. Boissin. Le Manassès moyen-bulgare. Étude linguistique. Paris, 1946, стр. 2—3), ссылаясь на Мазона [A. Mazon. Les Dits de Troie. — Revue des études slaves, t. XV (1935), стр. 13, прим. 1], говорит о пяти рукописях с текстом перевода Манассиевой Хроники и указывает на существование русских списков, не изученных до сих пор.

Рукопись принадлежала Петербургской духовной академии и приходится сожалеть, что в одной своей очень полезной информационной статье Н. Н. Розов [Южнославянские рукописи Государственной Публичной библиотеки. — Труды ГПБ, т. V (8). Л., 1958, стр. 105—118], говоря о поступивших в ГПБ рукописях этой академии (стр. 110), не вспоминает о вышеназванной рукописи, ограничившись лишь библиографической справкой (стр. 110, прим. 4). Необходимо, следовательно, сделать вывод, что известных списков перевода среднеболгарского времени, по существу, пять, как отметил еще П. Сырку, а не шесть, как утверждают некоторые исследователи, и списки эти болгарской и сербской редакции.

На основе текста московской рукописи с учетом разночтений тульчанского списка и лишь иногда ватиканского (по опубликованным отрывкам, а не по самой рукописи) известный румынский славист Ион Богдан подготовил издание текста среднеболгарского перевода Манассиевой Хроники, вышедшего, к сожалению, в не совсем завершенном виде вскоре после его смерти (Cronica lui Constantin Manasses. Traducere mediobulgară făcută pe la 1350. Text şi glosar de Ioan Bogdan. Cu prefaţa de prof. I. Bianu. Bucureşti, 1922). Именно из-за отсутствия полной публикации столь хорошей рукописи, как ватиканская, высказывалось настойчивое пожелание выпустить новое полное критическое издание Хроники в среднеболгарском переводе (см.: Б. Филов, ук. соч., стр. 1). Благодаря этому изданию текста мы знаем, что в трех использованных списках (по изданию И. Богдана: ук. соч., стр. 73, 20—21) на том месте читается «еже уведев ентириние искусный знамением съмотритель». В приложении (стр. 73, прим. 11) издатель отметил и соответствующий греческий текст Хроники, повторив сопоставление перевода и оригинала в словаре, данном в конце книги (стр. 275). Совершенно очевидно, следовательно, что еще болгарский переводчик не смог понять связно написанную греческую фразу и поэтому дал просто дословную транслитерацию текста, отчего и произошло непонятное «ентириние». Отсюда слово перешло в другие тексты, претерпев некоторые изменения. В сербском списке Новгородско-Софийского собора оно было записано с небольшой метатезой, как сообщает М. А. Салмина (стр. 363), и появилась форма ентинирие, повторенная и в русском Хронографе первой редакции: «енътинирие» превратившись в конце концов в ентинарий в «Повести о зачале Москвы». Молодой советской специалистике по древнерусской литературе принадлежит заслуга освобождения древнерусского словаря от загадочного слова, воспринятого от южных славян, слова, мимо которого лексикографы и другие исследователи до сих пор боязливо или с недоверием проходили.[2]

---

[2] Не коснулся этого слова и последний исследователь староболгарского перевода Манассиевой Хроники Анри Буассен как в указанной выше книге, так и в своей статье «La traduction moyen-bulgare de la Chronique de Manassès» [Revue des études slaves, т. XXII (1946), стр. 180—188].

ХРОНИКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

IV Всесоюзное совещание по древнерусской литературе

С 27 по 30 мая 1959 г. в Ленинграде проходило IV Всесоюзное совещание по древнерусской литературе, созванное Сектором древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР с широким привлечением как литературоведов, так и фольклористов, лингвистов, историков, археографов и представителей других научных дисциплин.

В совещании приняли участие свыше 200 делегатов из 22 городов, от 50 учреждений и организаций: научно-исследовательских институтов Академии наук СССР и академий наук союзных республик, университетов, педагогических институтов, Союза писателей СССР, крупнейших архивов, научных библиотек, музеев и др.

Основное место в работе совещания заняла дискуссия по проблемам художественной специфики древнерусской литературы, ее творческого метода и реалистических тенденций в этой литературе. Было прочитано и обсуждено 13 докладов.

*

27 мая. Реалистические тенденции в древнерусской литературе[1] — чл.-корр. АН СССР В. П. Адрианова-Перетц (Ленинград).

Древнерусская литература как источник изучения истории русского фольклора — канд. филол. наук Б. Н. Путилов (Ленинград).

28 мая. Утреннее заседание. К вопросу о художественном методе древнерусской литературы[2] — докт. филол. наук И. П. Еремин (Ленинград).

Литературный этикет русского средневековья[3] — чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачев (Ленинград).

Вечернее заседание. К определению художественного метода древнерусской литературы[4] — канд. филол. наук С. Н. Азбелев (Ленинград).

Вопрос о жанре повестей Петровского времени — канд. филол. наук Г. Н. Моисеева (Ленинград).

29 мая. Проблема основных идеологических движений в русской литературе конца XV—первой половины XVI в. — канд. филол. наук Я. С. Лурье (Ленинград).

Сюжет переводной новеллы XVII в. в русской литературе нового времени и народной сказке — докт. филол. наук О. А. Державина (Москва).

30 мая. Собрание древнерусских рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР — канд. филол. наук В. И. Малышев (Ленинград).

---

[1] Напечатан в настоящем томе.
[2] Напечатан в журнале «Русская литература», 1959, № 4.
[3] Печатается в XVII томе ТОДРЛ.
[4] Напечатан в журнале «Русская литература», 1959, № 4.

Методика хранения, систематизация фондов старых библиотек и описание древлехранилища Псковского историко-художественного музея — директор Псковского музея И. Н. Ларионов.

Работа по описанию древнерусских рукописей Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника — зав. историческим отделом Новгородского музея А. И. Семенов.

О состоянии работы по описанию и выявлению древнерусских рукописей в Калининской области — И. Ф. Голубев (Калинин).

О состоянии работы по описанию и выявлению древнерусских рукописей в Ярославской области — В. В. Лукьянов (Ярославль).

В прениях выступали: чл.-корр. АН СССР В. П. Адрианова-Перетц (Ленинград), канд. филол. наук С. Н. Азбелев (Ленинград), канд. истор. наук Д. Н. Альшиц (Ленинград), докт. истор. наук А. И. Андреев (Ленинград), докт. филол. наук И. Л. Андроников (Москва), корреспондент газеты «Литература и жизнь» Д. И. Арсенишвили (Москва), докт. филол. наук А. М. Астахова (Ленинград), канд. филол. наук Д. С. Бабкин (Ленинград), мл. научн. сотр. ИРЛИ Ю. К. Бегунов (Ленинград), докт. филол. наук П. Н. Берков (Ленинград), канд. искусствоведения М. В. Бражников (Ленинград), канд. филол. наук Г. Д. Гачев (Москва), канд. истор. наук А. Х. Горфункель (Ленинград), канд. истор. наук В. Е. Гусев (Ленинград), канд. филол. наук. Г. М. Дейч (Псков), сотрудник фундаментальной библиотеки Азербайджанского гос. университета А. С. Демин (Баку), докт. филол. наук О. А. Державина (Москва), канд. филол. наук Л. А. Дмитриев (Ленинград), докт. филол. наук А. П. Евгеньева (Ленинград), канд. филол. наук Л. Ф. Ершов (Ленинград), пенсионер И. Н. Заволоко (Рига), докт. истор. наук А. А. Зимин (Москва), канд. филол. наук С. В. Калачева (Москва), канд. истор. наук А. И. Клибанов (Москва), докт. филол. наук В. Д. Кузьмина (Москва), канд. филол. наук И. М. Кудрявцев (Москва), чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачев (Ленинград), канд. истор. наук Я. С. Лурье (Ленинград), преподаватель Кировского педагогического института К. К. Лысов (Киров), мл. научн. сотр. ИРЛИ В. В. Митрофанова (Ленинград), канд. филол. наук Г. Н. Моисеева (Ленинград), писатель А. А. Морозов (Ленинград), докт. филол. наук А. В. Позднеев (Москва), канд. искусствоведения О. И. Подобедова (Москва), докт. филол. наук В. Я. Пропп (Ленинград), канд. филол. наук Б. Н. Путилов (Ленинград), канд. филол. наук А. Н. Робинсон (Москва), мл. научн. сотр. Археографической комиссии АН СССР А. И. Рогов (Москва), канд. филол. наук Н. Н. Розов (Ленинград), канд. филол. наук И. З. Серман (Ленинград), художник М. Е. Удалеев (Ленинград), канд. филол. наук Г. М. Фридлендер (Ленинград), канд. филол. наук Л. С. Шептаев (Ленинград).

Подробные отчеты о совещании напечатаны в журналах: Вестник АН СССР (1959, № 8, стр. 116—117); ВИ (1959, № 12, стр. 181—185); Вопросы языкознания (1959, № 5, стр. 149—150); ИОЛЯ (т. XVIII, 1959, в. 6, стр. 549—554); ИА (1959, № 6, стр. 190—191); Русская литература (1959, № 3, стр. 229—232); Československá rusistica (Praha, 1959, čislo 4, стр. 240—242).

Научные заседания Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР в 1958 г.

17 января. Доклад чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачева «Литературная судьба „Повести о разорении Рязани Батыем“ в первой четверти XV в.».

7 февраля. Доклад канд. истор. наук Н. А. Казаковой «Биография Вассиана Патрикеева».

21 февраля. Доклад канд. истор. наук А. И. Клибанова (Москва) «Послание Василия Калики в Тверь».

28 февраля. Доклад канд. филол. наук Г. Н. Моисеевой «Итоги текстологического изучения „Повести о российском дворянине Александре“».

7 марта. Доклад канд. филол. наук Б. Н. Путилова «Куликовская битва в русском фольклоре».

19 марта. Доклад чл.-корр. АН СССР Б. А. Рыбакова (Москва) «Боярин-летописец середины XII в.».

21 марта. Доклад канд. филол. наук О. А. Державиной (Москва) «Социальные мотивы в переводной новелле XVII в.».

11 апреля. Доклад аспирантки ЛГУ Н. С. Сарафановой «Неизданное сочинение протопопа Аввакума „Послание трем неизвестным“».

18 апреля. Доклад аспиранта ЛГУ А. И. Зайцева «„Повесть о царе Адариане“ (по материалам ленинградских хранилищ)».

9 мая. Доклад канд. филол. наук Г. Н. Моисеевой «К вопросу о датировке „Повести о российском дворянине Александре“».

16 мая. Доклад аспиранта ИРЛИ Ю. К. Бегунова «Первоначальная редакция Жития Александра Невского и „Слово о погибели Рускыя земли“».

23 мая. Доклад канд. филол. наук Н. Н. Розова «Итоги обследования списков „Слова о законе и благодати“ митрополита Илариона».

22 сентября. Доклад проф. И. Дуйчева (София) «К вопросу о византийско-славянских литературных взаимоотношениях».

24 сентября. Доклад доктора филологии Е. Прохазковой (Прага) «„Римские деяния“ в славянских литературах».

29 сентября. Доклад проф. В. А. Мошина (Загреб) «Монастыри Афона и их рукописные собрания».

6 октября. Доклад канд. филол. наук В. В. Сенкевич-Гудковой (Петрозаводск) «Саамские легенды о чуди в сопоставлении с данными русской летописи».

26 ноября. Доклад докт. филол. наук В. Д. Кузьминой (Москва) «„Деяние прежних времен“ и древнерусская повесть».

3 декабря. Отчеты канд. филол. наук В. И. Малышева и канд. филол. наук Н. Ф. Дробленковой об археографических экспедициях 1958 г.

10 декабря. Доклад канд. филол. наук Г. Н. Моисеевой о результатах научной командировки в Польшу.

17 декабря. Отчеты мл. научн. сотр. ИРЛИ Ю. К. Бегунова и аспиранта ИРЛИ А. М. Панченко об археографической командировке 1958 г.

Научные заседания группы по изучению древнерусской литературы Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР в 1958 г.

5 января. Обсуждение докторской диссертации и автореферата канд. филол. наук О. А. Державиной на тему «Историческая повесть первой трети XVII в.».

26 февраля. Доклад канд. филол. наук О. А. Державиной «Социальные мотивы в переводной новелле XVII в.».

19 марта. Доклад канд. филол. наук А. Н. Робинсона «Житие Епифания как памятник дидактической автобиографии».

2 апреля. Доклад докт. филол. наук А. В. Позднеева «Панегирические песни Петровского времени».

18 апреля. Обсуждение совместно с группой ДРС Института языкознания второй главы монографии докт. филол. наук В. Д. Кузьминой «Древнейший слой лексики „Девгениева деяния“ и его значение для датировки памятника».

23 апреля. Доклад канд. филол. наук В. И. Стеллецкого «К вопросу о ритмическом строе „Слова о полку Игореве“».

14 мая. Доклад канд. филол. наук Л. П. Сидоровой «Исторические источники трагедии Озерова „Дмитрий Донской“».

18 июня. Доклад канд. истор. наук А. И. Клибанова «Труд и любовь в произведениях русских писателей-публицистов XV—XVI в.».

25 июня. Доклад канд. искусствоведения О. И. Подобедовой «Процесс создания Лицевого летописного свода второй половины XVI в.».

Сообщение доктора филол. наук В. Д. Кузьминой о ее командировке в Прагу.

24 сентября. Доклад канд. филол. наук Л. Н. Пушкарева «„Повесть о шемякином суде“ в обработке Шамиссо».

22 октября. Доклад канд. филол. наук И. М. Кудрявцева «Повесть о нашествии Ахмата и ее литературная история».

12 ноября. Доклад И. Ф. Голубева (Калинин) «Неизданный сборник стихотворных произведений XVII в.».

19 ноября. Доклад доктора филол. наук В. Д. Кузьминой «Греческие сказания о Дигенисе и русское „Деяние прежних времен“».

10 декабря. Доклад канд. искусствоведения О. И. Подобедовой «Изображение природы в летописном своде второй половины XVI в.».

17 декабря. Доклад канд. филол. наук О. А. Державиной «Старопечатные польские издания фаций и их русские списки».

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVI

С. В. ШЕРВИНСКИЙ

Отчет постоянной комиссии по «Слову о полку Игореве» Союза писателей СССР

(за период с 1 января 1955 г. по 31 декабря 1958 г.)

10 января 1959 г. Постоянная комиссия по «Слову о полку Игореве» СП СССР понесла тяжелую утрату. Скончался, в возрасте 82 лет, поэт, прозаик и литературовед Иван Алексеевич Новиков. Покойный был инициатором создания при СП СССР Комиссии по «Слову о полку Игореве» и ее бессменным председателем. В последние десятилетия жизни Иван Алексеевич усердно работал над «Словом» как переводчик и комментатор. Он любил говорить, что «Словом» нельзя «заниматься», но надо с ним «жить». Комиссия столь многим обязана энтузиазму, энергии, доброжелательной общительности Ивана Алексеевича, что не может не переживать тяжело его отсутствие в своих рядах. 25 апреля 1959 г. комиссия посвятила свое заседание памятни Ивана Алексеевича, с докладом о котором выступил С. В. Шервинский.

За отчетный период — с 1955 по 1958 г. — Постоянная комиссия по «Слову о полку Игореве» СП СССР продолжала свои занятия в том же направлении, какое обозначилось в предшествующий период (1951—1954 гг.), отчет о котором опубликован в ТОДРЛ, т. XI, стр. 500.

Доклады и сообщения, прочитанные на заседаниях комиссии, носили разнообразный характер, однако значительная доля их была посвящена тем непосредственным задачам, которые ставит перед собою комиссия, а именно — обсуждению переводов и переложений «Слова» и его литературных отражений.

В этом плане были прочитаны их авторами и подверглись обсуждению новые переводы «Слова» в целом или его частей: 12 декабря 1955 г. Е. Ф. Куниной (Плач Ярославны, Бегство Игоря и заключительная часть) и 10 января 1958 г. А. Г. Сендык (отрывки полного перевода). 17 апреля 1956 г. С. В. Шервинский познакомил комиссию с отрывками из своего нового переложения «Слова» в стихах, принципиально отличного от его перевода, неоднократно печатавшегося. Эти прочтения вызвали оживленный и плодотворный обмен мнениями по вопросу о коренном различии между переводами, переложениями и подражаниями применительно к «Слову». Комиссия полагает, что оглашение на ее заседаниях переводов и переложений «Слова», еще не доработанных их авторами, является ее прямым делом в помощь поэтам.

В том же разрезе деятельности комиссии на ее заседаниях зачитан был ряд рецензий на переводы «Слова»: рецензия И. А. Новикова на перевод с комментариями Н. П. Анцукевича (Вильнюс) — 13 мая 1956 г.; В. И. Стеллецкого на переложение Г. Колесникова (Сальск) и Е. Н. Би-

руковой на то же переложение — 4 декабря 1956 г.; Е. Н. Бируковой на перевод К. К. Лысова (Киров) — 24 мая 1957 г. На этом же заседании были заслушаны разборы ряда статей К. К. Лысова, которые подверг тщательному рецензированию В. И. Стеллецкий. Е. Н. Бируковой был рецензирован по поручению комиссии перевод «Задонщины», выполненный А. Скриповым (Ростов-на-Дону), — 11 мая 1956 г. Е. Н. Бируковой также был дан отзыв об исторической повести А. Скрипова «В Киевской Руси» — 25 марта 1955 г. Указанные работы присылались с периферии либо непосредственно в комиссию, либо в адрес ее председателя.

К этой же первой группе докладов относится и носившее обзорный характер сообщение В. И. Стеллецкого «Художественные переводы и переложения „Слова о полку Игореве“ первой половины XIX в.» — 2 ноября 1956 г. На этом же заседании С. В. Шервинский произнес краткое слово памяти скончавшегося члена комиссии поэта и профессора Юрия Никандровича Верховского.

11 мая 1956 г. Г. М. Шипов ознакомил комиссию с пьесой покойного украинского драматурга Матвея Бергера на тему об авторе «Слова» (по концепции М. Бергера — Митусе). Пьеса была прочитана вслух в русском переводе и вызвала противоречивые суждения участников заседания. Их оценка была смягчена сочувственным отношением к молодому писателю-дилетанту, избравшему себе профессию сельского учителя и столь рано умершему.

Два заседания комиссии были посвящены юбилейным датам. 18 ноября 1955 г. комиссия собралась, чтобы почтить память Александра Блока (75 лет со дня рождения). В. И. Стеллецким был прочитан обстоятельный доклад об отражениях «Слова» в творчестве поэта. На этом же заседании Е. О. Гамбургер прочитала краткие воспоминания о Блоке покойного В. И. Стражева.

29 ноября 1957 г. А. В. Позднеев сделал в комиссии доклад «В. В. Капнист и „Слово о полку Игореве“» в связи с 200-летием со дня рождения писателя. В этом докладе, кроме обзора деятельности В. Капниста в области «Слова», А. В. Позднеев высказал ряд своих соображений о ритмике произведений древнерусской поэзии XII и последующих веков.

За истекший период Е. Ф. Корш продолжал знакомить комиссию с отдельными главами своего большого, еще не законченного труда по «Слову». Он сделал в комиссии несколько докладов, в которых дал толкование ряду темных мест «Слова»: 12 февраля 1955 г. он развил перед комиссией свое понимание термина «клюки», который отожествляет с понятием «шпоры», и термина «толковины», в которых докладчик видит «поганых», союзных русским; 25 марта 1955 г. Е. Ф. Корш посвятил свое сообщение объяснению слов «худу струю имея», а 13 мая того же года — разъяснению понятия «черниговские были»; 12 декабря того же года Е. Ф. Корш изложил свое понимание образа «девы с лебедиными крыльями», который докладчик связывает с античным культом таврской Девы, а также Астарты, указывая на живучесть этого образа в народной памяти.

Два доклада были посвящены текстологической теме. 31 декабря 1955 г. В. И. Стеллецкий сделал доклад «К вопросу о перестановке в начале текста „Слова о полку Игореве“», где полемизировал с известной точкой зрения академика Н. К. Гудзия. Отрицание необходимости указанной перестановки встретило горячую поддержку участников заседания.

10 января 1958 г. В. Ф. Соболевский предложил попытку изменения первой фразы «Слова», что не было поддержано присутствующими.

29 января 1957 г. А. М. Карасик познакомил комиссию с одной частью своей обширной неопубликованной работы по «Слову»: «Ориентализмы в „Слове о полку Игореве“», в которой приводил ряд параллелей между языковым составом «Слова» и венгерским языком.

12 сентября 1958 г. чешский славист Славомир Вольман сделал в комиссии доклад типа автореферата на тему «Проблема художественной структуры „Слова о полку Игореве“». Его точка зрения о влиянии на «Слово» структуры псалмов вызвала оживленные прения, в которых обозначилось преимущественно несогласие с основным тезисом докладчика. В прениях принял участие литературовед Вячеслав Мареш.

Исторический характер носили два заслушанных комиссией доклада: 19 марта 1957 г. профессор К. В. Кудряшев предложил вниманию комиссии свой новый, третий вариант определения Каялы (доклад «Поход Игоря Северского на половцев в 1185 г. в новейшем историко-географическом освещении»), где докладчик отожествляет Каялу с современной Каменкой. 25 декабря 1956 г. Е. Ф. Корш прочел краткий доклад на тему «Политические условия возникновения „Слова о полку Игореве“».

14 марта 1958 г. комиссией были заслушаны доклады ныне покойного В. И. Нейштадта: «О двух экземплярах первого здания „Слова“, представляющих особый интерес» и «Новые данные о бумагах Малиновского».

13 мая 1955 г. В. И. Стеллецкий сделал в комиссии информационное сообщение о только что состоявшемся в Пушкинском Доме совещании по древнерусской литературе.

Комиссия приняла длительное участие в продвижении в печать графических композиций покойной художницы, профессора М. А. Рыбниковой. Эти композиции были демонстрированы комиссии 17 апреля 1957 г., докладывала о работе над ними Л. Е. Случевская. В настоящее время композиции М. А. Рыбниковой выпущены Гослитиздатом в сопровождении перевода «Слова» И. А. Новикова.

6 декабря 1957 г. члены и актив комисссии совершили экскурсию в Музей им. Андрея Рублева, где осмотром руководили директор музея Д. И. Арсенишвили и научный сотрудник Н. А. Демина.

Сентябрь 1959 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	— Акты, собранные... Археографической экспедицией.
АИ	— Акты исторические.
АН СССР	— Академия наук СССР.
БАН	— Библиотека Академии наук СССР.
Брике	— C. M. Briquet. Les filligranes. Paris, 1907.
ВИ	— Вопросы истории.
ВЛ	— Вопросы литературы.
ВМЧ	— Великие Минеи четии, изд. Археографической комиссии.
ВОИДР	— Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.
ГБЛ	— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
ГВЛ	— Галицко-Волынская летопись.
ГИМ	— Государственный Исторический музей (Москва).
ГПБ	— Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ДАИ	— Дополнения к Актам историческим.
ЖМНО	— Журнал Министерства народного образования.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.
ИА	— Исторический архив.
ИЗ	— Исторические записки.
ИМЛИ	— Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР.
ИОЛЯ	— Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР.
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
ИпоРЯС	— Известия по русскому языку и словесности Академии наук.
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.
КСИИМК	— Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова.
ЛЗАК	— Летопись занятий Археографической комиссии.
Лихачев, Бум. мельн.	— Н. П. Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.
Лихачев, Вод. зн.	— Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
Н1Л, Н2Л, Н3Л, Н4Л, Н5Л	— Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.
ОЛДП	— Общество любителей древней письменности.
ОЛЯ	— Отделение литературы и языка Академии наук СССР.
ПВЛ	— Повесть временных лет.
ПДП	— Памятники древней письменности.
ПДПИ	— Памятники древней письменности и искусства.
П1Л, П2Л, П3Л	— Псковские первая, вторая и третья летописи.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РИБ	— Русская историческая библиотека.

СГГД — Собрание государственных грамот и договоров.
СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
С1Л, С2Л — Софийские первая и вторая летописи.
Срезневский, Материалы — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1912.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР.
Тромонин — К. Тромонин. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге... М., 1844.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
ЧОЛДП — Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Исследования

ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. XVI

Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский Дом)
Академии наук СССР

*

Технический редактор *Р. С. Певзнер*
Корректоры *Л. М. Брудно, И. С. Дементьева,*
Е. Я. Лапинь и *Н. П. Яковлева*

Сдано в набор 3/XII 1959 г. Подписано к печати 21/III 1960 г. РИСО АН СССР № 53—112В. Формат бумаги 70×108/16. Бум. л. 20 7/8. Печ. л. 41 3/4 = 57.19 усл.-печ. л. + 12 вкл. Уч.-изд. л. 55.62 + 12 вкл. (1.28 уч.-изд. л.). Изд. № 1036. Тип. зак. № 465. М-33871. Тираж 2000.
Цена 35 р. 50 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
(Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1)

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
(Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12)

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
57	Правый столбец,		
	6 снизу	стрѣлявши	стрѣляеши
58	Левый столбец,		
	5 сверху	Вступиша,	Вступита,
69	8 „	«утрѣ	«утръ
163	8 снизу	V. Grumee.	V. Grumel.
237	3 „	стр. 29.	стр. 12.
276	11 „	НИвЛ	НУвЛ
290	20 „	̓Εγκύκλοπαίδεῖα	̓Εγκυκλοπαιδεῖα
303	Схема, правая сторона	некоторый	никоторый
439	5 сверху	пѣесниввые	пѣсниввые
440	5 снизу	всеѫж	всѫж
440	21 „	κọκκινον	κόκκινον
464	13 сверху	возлюбление,	возлюбленне,
495	2 „	судья,	судьи,
628	19 „	послания	посланий
663	8 „	отвори	оттвори

[illegible]РУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XVI